

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zoschenkomihail.ru/> Приятного чтения!

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко

Творчество Михаила Зощенко – самобытное явление в русской советской литературе. Писатель по-своему увидел некоторые характерные процессы современной ему действительности, вывел под слепящий свет сатиры галерею персонажей, породивших нарицательное понятие "зощенковский герой". Находясь у истоков советской сатирико-юмористической прозы, он выступил создателем оригинальной комической новеллы, продолжившей в новых исторических условиях традиции Гоголя, Лескова, раннего Чехова. Наконец, Зощенко создал свой, совершенно неповторимый художественный стиль.

Около четырех десятилетий посвятил Зощенко отечественной литературе. Писатель прошел сложный и трудный путь исканий. В его творчестве можно выделить три основных этапа.

Первый приходится на 20-е годы – период расцвета таланта писателя, оттачивавшего перо обличителя общественных пороков в таких популярных сатирических журналах той поры, как "Бегемот", "Бузотер", "Красный ворон", "Ревизор", "Чудак", "Смехач". В это время происходит становление и кристаллизация зощенковской новеллы и повести.

В 30-е годы Зощенко работает преимущественно в области крупных прозаических и драматических жанров, ищет пути к "оптимистической сатире" ("Возвращенная молодость" – 1933, "История одной жизни" – 1934 и "Голубая книга" – 1935). Искусство Зощенко-новеллиста также претерпевает в эти годы значительные перемены (цикл детских рассказов и рассказов для детей о Ленине).

Заключительный период приходится на военные и послевоенные годы. Михаил Михайлович Зощенко родился в 1895 году. После окончания гимназии учился на юридическом факультете Петербургского университета. Не завершив учебы, ушел в 1915 году добровольцем в действующую армию, чтобы, как вспоминал он впоследствии, "с достоинством умереть за свою страну, за свою родину". После февральской революции демобилизованный по болезни командир батальона Зощенко ("я участвовал во многих боях, был ранен, отравлен газами. Испортил сердце...") служил комендантом Главного почтамта в Петрограде. В тревожные дни наступления Юденича на Петроград Зощенко адъютант полка деревенской бедноты.

Годы двух войн и революций (1914–1921) – период интенсивного духовного роста будущего писателя, становления его литературно-эстетических убеждений. Гражданское и нравственное формирование Зощенко как юмориста и сатирика, художника значительной общественной темы приходится на пооктябрьский период.

В литературном наследии, которое предстояло освоить и критически переработать советской сатире, в 20-е годы выделяются три основные линии. Во-первых, фольклорно-сказовая, идущая от раешника, анекдота, народной легенды, сатирической сказки; во-вторых, классическая (от Гоголя до Чехова); и, наконец, сатириконская. В творчестве большинства крупных писателей-сатириков той поры каждая из этих тенденций может быть прослежена довольно отчетливо. Что касается М. Зощенко, то он, разрабатывая оригинальную форму собственного рассказа, черпал из всех этих источников, хотя наиболее близкой была для него гоголевско-чеховская традиция.

На 20-е годы приходится расцвет основных жанровых разновидностей в творчестве писателя: сатирического рассказа, комической новеллы и сатирико-юмористической повести. Уже в самом начале 20-х годов писатель создает ряд произведений, получивших высокую оценку М. Горького.

Опубликованные в 1922 году "Рассказы Назара Ильича господина Синябрюхова" привлекли всеобщее внимание. На фоне новеллистики тех лет резко выделилась фигура героя-сказчика, тертого, бывалого человека Назара Ильича Синябрюхова, прошедшего фронт и немало повидавшего на свете. М. Зощенко ищет и находит своеобразную интонацию, в которой сплелись воедино лирико-ироническое начало и интимно-доверительная нотка, устраняющая всякую преграду между рассказчиком и слушателем.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
В "Рассказах Синебрюхова" многое говорит о большой культуре комического сказа, которой достиг писатель уже на ранней стадии своего творчества:

"Был у меня задушевный приятель. Ужасно образованный человек, прямо скажу – одаренный качествами. Ездил он по разным иностранным державам в чине камендинера, понимал он даже, может, по-французскому и виски иностранные пил, а был такой же, как и не я, все равно – рядовой гвардеец пехотного полка".

Порой повествование довольно искусно строится по типу известной нелепицы, начинающейся со слов "шел высокий человек низенького роста". Такого рода нескладницы создают определенный комический эффект. Правда, пока он не имеет той отчетливой сатирической направленности, какую приобретет позже. В "Рассказах Синебрюхова" возникают такие надолго оставшиеся в памяти читателя специфически зощенковские обороты комической речи, как "будто вдруг атмосферой на меня пахнуло", "оберут как липку и бросят за свои любезные, даром что свои родные родственники", "подпоручик ничего себе, но сволочь", "нарушает беспорядки" и т.п. Впоследствии сходного типа стилистическая игра, но уже с несравненно более острым социальным смыслом, проявится в речах других героев – Семена Семеновича Курочкина и Гаврилыча, от имени которых велось повествование в ряде наиболее популярных комических новелл Зощенко первой половины 20-х годов.

Произведения, созданные писателем в 20-е годы, были основаны на конкретных и весьма злободневных фактах, почерпнутых либо из непосредственных наблюдений, либо из многочисленных читательских писем. Тематика их пестра и разнообразна: беспорядки на транспорте и в общежитиях, гримасы нэпа и гримасы быта, плесень мещанства и обывательщины, спесивое помпадурство и стелющееся лакейство и многое, многое другое. Часто рассказ строится в форме непринужденной беседы с читателем, а порою, когда недостатки приобретали особенно вопиющий характер, в голосе автора звучали откровенно публицистические ноты.

В цикле сатирических новелл М. Зощенко зло высмеивал цинично-расчетливых или сентиментально-задумчивых добытчиков индивидуального счастья, интеллигентных подлецов и хамов, показывал в истинном свете пошлых и никчемных людей, готовых на пути к устройению личного благополучия растоптать все подлинно человеческое ("Матреница", "Гримаса нэпа", "Дама с цветами", "Няня", "Брак по расчету").

В сатирических рассказах Зощенко отсутствуют эффектные приемы заострения авторской мысли. Они, как правило, лишены и острокомедийной интриги. М. Зощенко выступал здесь обличителем духовной окурочки, сатириком нравов. Он избрал объектом анализа мещанина-собственника – накопителя и стяжателя, который из прямого политического противника стал противником в сфере морали, рассадником пошлости.

Круг действующих в сатирических произведениях Зощенко лиц предельно сужен, нет образа толпы, массы, зримо или незримо присутствующего в юмористических новеллах. Темп развития сюжета замедлен, персонажи лишены того динамизма, который отличает героев других произведений писателя.

Герои этих рассказов менее грубы и неотесаны, чем в юмористических новеллах. Автора интересует прежде всего духовный мир, система мышления внешне культурного, но тем более отвратительного по существу мещанина. Как ни странно, но в сатирических рассказах Зощенко почти отсутствуют шаржированные, гротескные ситуации, меньше комического и совсем нет веселого.

Однако основную стихию зощенковского творчества 20-х годов составляет все же юмористическое бытописание. Зощенко пишет о пьянстве, о жилищных делах, о неудачниках, обиженных судьбой. Словом, выбирает объект, который сам достаточно полно и точно охарактеризовал в повести "Люди": "Но, конечно, автор все-таки предпочтет совершенно мелкий фон, совершенно мелкого и ничтожного героя с его пустяковыми страстями и переживаниями". [1] Движение сюжета в таком рассказе основано на постоянно ставящихся и комически разрешаемых противоречиях между "да" и "нет". Простодушно-наивный рассказчик уверяет всем тоном своего повествования, что именно так, как он делает, и следует оценивать изображаемое, а читатель либо догадывается, либо точно знает, что подобные оценки-характеристики неверны. Это вечное борец между утверждением сказчика и читательским негативным восприятием описываемых событий сообщает особый динамизм зощенковскому рассказу, наполняет его тонкой и грустной иронией.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Есть у Зощенко небольшой рассказ "Нищий" – о здоровенном и нагловатом субъекте, который повадился регулярно ходить к герою-рассказчику, вымогая у него полтинники. Когда тому надоело все это, он посоветовал предприимчивому добытчику пореже заглядывать с непрошеными визитами. "Больше он ко мне не приходил – наверное, обиделся", – меланхолически отметил в финале рассказчик. Нелегко Косте Печенкину скрывать двоедушие, маскировать трусость и подлость выпренными словами ("Три документа"), и рассказ завершается иронически сочувственной сентенцией: "Эх, товарищи, трудно жить человеку на свете!"

Вот это грустно-ироническое "наверное, обиделся" и "трудно жить человеку на свете" и составляет нерв большинства комических произведений Зощенко 20-х годов. В таких маленьких шедеврах, как "На живца", "Аристократка", "Баня", "Нервные люди", "Научное явление" и других, автор как бы срезает различные социально-культурные пласты, добираясь до тех слоев, где гнездятся истоки равнодушия, бескультурия, пошлости.

Герой "Аристократки" увлекся одной особой в фильдекосовых чулках и шляпке. Пока он "как лицо официальное" наведывался в квартиру, а затем гулял по улице, испытывая неудобство оттого, что приходилось принимать даму под руку и "волочиться, что шука", все было относительно благополучно. Но стоило герою пригласить аристократку в театр, "она и развернула свою идеологию во всем объеме". Увидев в антракте пирожные, аристократка "подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет". Дама съела три пирожных и тянется за четвертым.

"Тут ударила мне кровь в голову.

– Ложи, – говорю, – взад!"

После этой кульминации события разворачиваются лавинообразно, вовлекая в свою орбиту все большее число действующих лиц. Как правило, в первой половине зощенковской новеллы представлены один-два, много – три персонажа. И только тогда, когда развитие сюжета проходит высшую точку, когда возникает потребность и необходимость типизировать описываемое явление, сатирически его заострить, появляется более или менее выписанная группа людей, порою толпа.

Так и в "Аристократке". Чем ближе к финалу, тем большее число лиц выводит автор на сцену. Сперва возникает фигура буфетчика, который на все уверения героя, жарко доказывающего, что съедено только три штуки, поскольку четвертое пирожное находится на блюде, "держится индифферентно".

– Нету, – отвечает, – хотя оно и в блюде находится, но надкус на ем сделан и пальцем смято".

Тут и любители-эксперты, одни из которых "говорят – надкус сделан, другие – нету". И наконец, привлеченная скандалом толпа, которая смеется при виде незадачливого театрала, судорожно выворачивающего на ее глазах карманы со всевозможным барахлом.

В финале опять остаются только два действующих лица, окончательно выясняющих свои отношения. Диалогом между оскорбленной дамой и недовольным ее поведением героем завершается рассказ.

"А у дома она мне и говорит своим буржуйским тоном:

– Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег – не ездят с дамами.

А я говорю:

– Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за выражение".

Как видим, обе стороны обижены. Причем и та, и другая сторона верит только в свою правду, будучи твердо убеждена, что не права именно противная сторона. Герой зощенковского рассказа неизменно почитает себя непогрешимым, "уважаемым гражданином", хотя на самом деле выступает чванным обывателем.

Суть эстетики Зощенко в том и состоит, что писатель совмещает два плана (этический и культурно-исторический), показывая их деформацию, искажение в сознании и поведении сатирико-юмористических персонажей. На стыке истинного и

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
ложного, реального и выдуманного и проскакивает комическая искра, возникает улыбка или раздается смех читателя.

Разрыв связи между причиной и следствием – традиционный источник комического. Важно уловить характерный для данной среды и эпохи тип конфликтов и передать их средствами сатирического искусства. У Зощенко главенствует мотив разлада, житейской нелепицы, какой-то трагикомической несогласованности героя с темпом, ритмом и духом времени.

Порой зощенковскому герою очень хочется идти в ногу с прогрессом. Поспешно усвоенное современное веяние кажется такому уважаемому гражданину верхом не просто лояльности, но образцом органичного вживания в революционную действительность. Отсюда пристрастие к модным именам и политической терминологии, отсюда же стремление утвердить свое "пролетарское" нутро посредством бравады грубостью, невежеством, хамством.

Не случайно герой-рассказчик видит мещанский уклон в том, что Васю Растопыркина – "этого чистого пролетария, беспартийного черт знает с какого года, – выкинули давеча с трамвайной площадки" нечуткие пассажиры за грязную одежду ("Мещане"). Когда конторщику Сереже Колпакову поставили наконец личный телефон, о котором он так много хлопотал, герой почувствовал себя "истинным европейцем с культурными навыками и замашками". Но вот беда – разговаривать-то этому "европейцу" не с кем. С тоски он позвонил в пожарное депо, соврал, что случился пожар. "Вечером Сережу Колпакова арестовали за хулиганство".

Писателя волнует проблема жизненной и житейской аномалии. Отыскивая причины ее, осуществляя разведку социально-нравственных истоков отрицательных явлений, Зощенко порою создает гротескно-утрированные ситуации, которые порождают атмосферу безысходности, повсеместного разлива житейской пошлости. Такое ощущение создается после знакомства с рассказами "Диктофон", "Собачий нюх", "Через сто лет".

Критики 20–30-х годов, отмечая новаторство творца "Бани" и "Аристократки", охотно писали на тему "лицо и маска" Михаила Зощенко, нередко верно постигая смысл произведений писателя, но смущаясь непривычностью взаимоотношений между автором и его комическим "двойником". Рецензентов не устраивала приверженность писателя к одной и той же раз и навсегда избранной маске. Между тем Зощенко делал это сознательно.

С. В. Образцов в книге "Актер с куклой" рассказал о том, как он искал свой путь в искусстве. Оказалось, что только кукла помогла ему обрести свою "манеру и голос" [2]. "Войти в образ" того или иного героя актер раскованнее и свободнее сумел именно "через куклу".

Новаторство Зощенко началось с открытия комического героя, который, по словам писателя, "почти что не фигурировал раньше в русской литературе" [3], а также с приемов маски, посредством которой он раскрывал такие стороны жизни, которые нередко оставались в тени, не попадали в поле зрения сатириков.

Все комические герои от древнейшего Петрушки до Швейка действовали в условиях антинародного общества, зощенковские же герои "развернули свою идеологию" в иной обстановке. Писатель показал конфликт между человеком, отягощенным предрассудками дореволюционной жизни, и моралью, нравственными принципами нового общества.

Разрабатывая нарочито обыденные сюжеты, рассказывая частные истории, приключившиеся с ничем не примечательным героем, писатель возвышал эти отдельные случаи до уровня значительного обобщения. Он проникает в святая святых мещанин, который невольно саморазоблачается в своих монологах. Эта умелая мистификация достигалась посредством мастерского владения манерой повествования от имени рассказчика, мещанина, который не только опасался открыто декларировать свои воззрения, но и старался нечаянно не дать повода для возбуждения о себе каких-либо предосудительных мнений.

Комического эффекта Зощенко часто достигал обыгрыванием слов и выражений, почерпнутых из речи малограмотного мещанина, с характерными для нее вульгаризмами, неправильными грамматическими формами и синтаксическими конструкциями ("плитуар", "окромья", "хресь", "етот", "в ем", "брунеточка",

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
"вкапалась", "для скусу", "хучь плачь", "эта пудель", "животная бессловесная",
"у плите" и т.д.).

Использовались и традиционные юмористические схемы, вошедшие в широкий обиход со времен "Сатирикона": враг взяток, произносящий речь, в которой дает рецепты, как брать взятки ("Речь, произнесенная на банкете"); противник многословия, сам на поверку оказывающийся любителем праздных и пустых разговоров ("Американцы"); доктор, зашивающий часы "кастрюльного золота" в живот больному ("Часы").

Зощенко – писатель не только комического слога, но и комических положений. Стиль его рассказов – это не просто смешные словечки, неправильные грамматические обороты и речения. В том-то и состояла печальная судьба авторов, стремившихся писать "под Зощенко", что они, по меткому выражению К. Федипа, выступали просто как плагиаторы, снимая с него то, что удобно снять, – одежду. Однако они были далеки от постижения существа зощенковского новаторства в области сказа. Зощенко сумел сделать сказ очень емким и художественно выразительным. Герой-рассказчик только говорит, и автор не усложняет структуру произведения дополнительными описаниями тембра его голоса, его манеры держаться, деталей его поведения. Однако посредством сказовой манеры отчетливо передаются и жест героя, и оттенок голоса, и его психологическое состояние, и отношение автора к рассказываемому. То, чего другие писатели добивались введением дополнительных художественных деталей, Зощенко достиг манерой сказа, краткой, предельно сжатой фразой и в то же время полным отсутствием "сухости".

Сначала Зощенко придумывал различные имена своим сказовым маскам (Синебрюхов, Курочкин, Гаврилыч), но позднее от этого отказался. Например, "Веселые рассказы", изданные от имени огородника Семена Семеновича Курочкина, впоследствии стали публиковаться вне прикрепленности к личности этого персонажа. Сказ стал сложнее, художественно многозначнее.

Форму сказа использовали Н. Гоголь, И. Горбунов, Н. Лесков, советские писатели 20-х годов. Вместо картинок жизни, в которых отсутствует интрига, а порою и всякое сюжетное действие, как было в мастерски отточенных миниатюрах-диалогах И. Горбунова, вместо подчеркнуто изощренной стилизации языка городского мещанства, которой Н. Лесков добивался посредством лексической ассимиляции различных речевых стихий и народной этимологии, Зощенко, не чураясь и этих приемов, ищет и находит средства, наиболее точно отвечающие складу и духу его героя.

Зощенко зрелой поры шел по пути, проложенному Гоголем и Чеховым, не копируя, однако, в отличие от многочисленных обличителей 20-х годов, их манеры.

К. Федин отметил умение писателя "сочетать в тонко построенном рассказе иронию с правдой чувства" [4]. Достигалось это неповторимыми зощенковскими приемами, среди которых важное место принадлежало особо интонированному юмору.

Юмор Зощенко насквозь ироничен. Писатель называл свои рассказы: "Счастье", "Любовь", "Легкая жизнь", "Приятные встречи", "Честный гражданин", "Богатая жизнь", "Счастливое детство" и т.п. А речь в них шла о прямо противоположном тому, что было заявлено в заголовке. Это же можно сказать и о цикле "Сентиментальных повестей", в которых доминирующим началом; стал трагикомизм обыденной жизни мещанина и обывателя. Одна из повестей носила романтическое заглавие "Сирень цветет". Однако поэтическая дымка названия рассеивалась уже на первых страницах. Здесь густо текла обычная для зощенковских произведений жизнь затхлого мещанского мирка с его пресной любовью, изменами, отвратительными сценами ревности, мордобоем.

Господство пустяка, рабство мелочей, комизм вздорного и нелепого вот на что обращает внимание писатель в серии сентиментальных повестей. Однако много тут и нового, даже неожиданного для читателя, который знал Зощенко-новеллиста. В этом отношении особенно показательна повесть "О чем пел соловей".

Здесь, в отличие от "козы", "Мудрости" и "Людей", где были нарисованы характеры всевозможных "бывших" людей, надломленных революцией, выбитых из привычной житейской колеи, воссоздан вполне "огнестойкий тип", которого не пошатнули никакие бури и грозы минувшего социального переворота. Василий Васильевич Былинкин широко и твердо ступает по земле. "Каблуки же Былинкин снашивал внутрь до самых задников". Если что и сокрушает этого "философски настроенного человека, прожженного жизнью и обстрелянного тяжелой артиллерией", так это

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
внезапно нахлынувшее на него чувство к Лизочке Рундуковой.

В сущности, повесть "О чем пел соловей" и представляет тонко пародийно стилизованное произведение, излагающее историю объяснений и томлений двух жарко влюбленных героев. Не изменяя канонам любовной повести, автор посылает испытание влюбленным, хотя и в виде детской болезни (свинка), которой неожиданно тяжело заболевает Былинкин. Герои стоически переносят это грозное вторжение рока, их любовь становится еще прочнее и чище. Они много гуляют, взявшись за руки, часто сидят над классическим обрывом реки, правда, с несколько несолидным названием – Козьявка.

Любовь достигает кульминации, за которой возможна только гибель любящих сердец, если стихийное влечение не будет увенчано брачным союзом. Но тут вторгается сила таких обстоятельств, которые под корень сокрушают тщательно взлелеянное чувство.

Красиво и пленительно пел Былинкин, нежные рулады выводил его прерывающийся голос. А результаты?

Вспомним, почему в прежней сатирической литературе терпели крах матримониальные домогательства столь же незадачливых женихов.

Смешно, очень смешно, что Подколесин выпрыгивает в окно, хотя тут и нет того предельного снижения героя, как у Зощенко.

Сватовство Хлестакова срывается оттого, что где-то в глубине сцены суровым возмездием нависает фигура истинного ревизора.

Свадьба Кречинского не может состояться потому, что этот ловкий мошенник метит получить миллион приданого, но в последний момент делает слишком неуклюжий шаг.

А чем объясняется печально-фарсовый итог в повести "О чем пел соловей"? У Лизочки не оказалось мамшиного комода, на который так рассчитывал герой. Вот тут-то и вылезает наружу мурло мещанина, которое до этого – правда, не очень искусно – прикрывалось жиденькими лепестками "галантерейного" обхождения.

Зощенко пишет великолепный финал, где выясняется истинная стоимость того, что вначале выглядело трепетно-великодушным чувством. Эпилогу, выдержанному в умиротворенно-элегических тонах, предшествует сцена бурного скандала.

В структуре стилизованно-сентиментальной повести Зощенко, подобно прожилкам кварца в граните, проступают едко саркастические вкрапления. Они придают произведению сатирический колорит, причем, в отличие от рассказов, где Зощенко открыто смеется, здесь писатель, пользуясь формулой Маяковского, улыбается и издевается. При этом его улыбка чаще всего грустнопечальная, а издевка – сардоническая.

Именно так строится эпилог повести "О чем пел соловей", где автор наконец-то отвечает на вопрос, поставленный в заглавии. Как бы возвращая читателя к счастливым дням Былинкина, писатель воссоздает атмосферу любовного экстаза, когда разомлевшая "от стрекота букашек или пения соловья" Лизочка простодушно допытывается у своего поклонника:

– Вася, как вы думаете, о чем поет этот соловей?

На что Вася Былинкин обычно отвечал сдержанно:

– Жрать хочет, оттого и поет".

Своеобразие "Сентиментальных повестей" не только в более скудном введении элементов собственно комического, но и в том, что от произведения к произведению нарастает ощущение чего-то недоброго, заложенного, кажется, в самом механизме жизни, мешающего оптимистическому ее восприятию.

Ущербность большинства героев "Сентиментальных повестей" в том, что они проспали целую историческую полосу в жизни России и потому, подобно Аполлону Перепенчуку ("Аполлон и Тамара"), – Ивану Ивановичу Белокопытову ("Люди") или Мишелю Синягину ("М. П. Синягин"), не имеют будущего. Они мечутся в страхе по жизни, и каждый даже самый малый случай готов сыграть роковую роль в их неприкаянной

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
судьбе. Случай приобретает форму неизбежности и закономерности, определяя многое в сокрушенном душевном настрое этих героев.

Фатальное рабство мелочей корезит и вытравливает человеческие начала у героев повестей "Коза", "О чем пел соловей", "Веселое приключение". Нет козы – и рушатся устои забежтинского мироздания, а вслед за этим гибнет и сам Забежтин. Не дают мамашиного комода невесте – и не нужна сама невеста, которой так сладко пел Былинкин. Герой "Веселого приключения" Сергей Петухов, вознамерившийся сводить в кинематограф знакомую девицу, не обнаруживает нужных семи гривен и из-за этого готов прикончить умирающую тетку.

Художник живописует мелкие, обывательские натуры, занятые бессмысленным коловращением вокруг тусклых, линиялых радостей и привычных печалей. Социальные потрясения обошли стороной этих людей, называющих свое существование "червяковым и бессмысленным". Однако и автору казалось порою, что основы жизни остались непоколебленными, что ветер революции лишь взволновал море житейской пошлости и улетел, не изменив существа человеческих отношений.

Такое мировосприятие Зощенко обусловило и характер его юмора. Рядом с веселым у писателя часто проглядывает печальное. Но, в отличие от Гоголя, с которым сравнивала иногда Зощенко современная ему критика, герои его повестей настолько измельчали и заглушили в себе все человеческое, что для них в жизни трагическое просто перестало существовать.

У Гоголя сквозь судьбу Акакия Акакиевича Башмачкина проглядывала трагедия целого слоя таких же, как этот мелкий чиновник, обездоленных людей. Духовное их убожество было обусловлено господствующими социальными отношениями. Революция ликвидировала эксплуататорский строй, открыла перед каждым человеком широкие возможности содержательной и интересной жизни. Однако оставалось еще немало людей, либо недовольных новыми порядками, либо просто скептически настроенных и равнодушных. Зощенко в то время также еще не был уверен, что мещанское болото отступит, исчезнет под воздействием социальных преобразований.

Писатель жалеет своих маленьких героев, но ведь сущность этих людей не трагическая, а фарсовая. Порою и на их улицу забредет счастье, как случилось, например, с героем рассказа "Счастье" стекольщиком Иваном Фомичом Тестовым, схватившим однажды яркого павлина удачи. Но какое это тоскливое счастье! Как надрывная пьяная песня со слезой и тяжелым угарным забытьем.

Срывая с плеч гоголевского героя новую шинель, похитители уносили вместе с ней все самое заветное, что вообще мог иметь Акакий Акакиевич. Перед героем же Зощенко открывался мир необъятных возможностей. Однако этот герой не увидел их, и они остались для него сокровищами за семью печатями.

Изредка может, конечно, и у такого героя ворохнуть тревожное чувство, как у персонажа "Страшной ночи". Но оно быстро исчезает, потому что система былых житейских представлений цепко держится в сознании мещанина. Прошла революция, всколыхнувшая Россию, а обыватель в массе своей остался почти не затронутым ее преобразованиями. Показывая силу инерции прошлого, Зощенко делал большое, полезное дело.

"Сентиментальные повести" отличались не только своеобразием объекта (по словам Зощенко, он берет в них "человека исключительно интеллигентного", в мелких же рассказах пишет "о человеке более простом"), но и были написаны в иной манере, чем рассказы.

Повествование ведется не от имени мещанина, обывателя, а от имени писателя Коленкорова, и этим как бы воскрешаются традиции русской классической литературы. На самом деле у Коленкорова вместо следования гуманистическим идеалам XIX века получается подражательство и эпигонство. Зощенко пародирует, иронически преодолевает эту внешне сентиментальную манеру.

Сатира, как вся советская художественная проза, значительно изменилась в 30-е годы. Творческая судьба автора "Аристократки" и "Сентиментальных повестей" не составляла исключения. Писатель, который разоблачал мещанство, высмеивал обывательщину, иронично и пародийно писал о ядовитой накипи прошлого, обращает свои взоры совсем в иную сторону. Зощенко захватывают и увлекают задачи социалистического преобразования. Он работает в многотиражках ленинградских

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
предприятий, посещает строительство Беломорско-Балтийского канала, вслушиваясь в ритмы грандиозного процесса социального обновления. Происходит перелом во всем его творчестве: от мировосприятия до тональности повествования и стиля.

В этот период Зощенко охвачен идеей слить воедино сатиру и героику. Теоретически тезис этот был провозглашен им еще в самом начале 30-х годов, а практически реализован в "Возвращенной молодости" (1933), "Истории одной жизни" (1934), повести "Голубая книга" (1935) и ряде рассказов второй половины: 30-х годов.

Наши недруги за рубежом нередко объясняют тяготение Зощенко к героической теме, яркому положительному характеру диктатом внешних сил. На самом деле это было органично для писателя и свидетельствовало о его внутренней эволюции, столь нередкой для русской национальной традиции еще со времен Гоголя. Достаточно вспомнить вырвавшееся из наболевшей груди признание Некрасова: "Злобою сердце питаться устало...", сжигающую Щедрина жажду высокого и героического, неутоленную тоску Чехова по человеку, у которого все прекрасно.

Уже в 1927 году Зощенко в свойственной ему тогда манере сделал в одном из рассказов такое признание:

"Хочется сегодня размахнуться на что-нибудь героическое. На какой-нибудь этакий грандиозный, обширный характер со многими передовыми взглядами и настроениями. А то все мелочь да мелкота – прямо противно.."

А скучаю я, братцы, по настоящему герою! Вот бы мне встретить такого!"

Двумя годами позже, в книге "Письма к писателю", М. Зощенко снова возвращается к волновавшей его проблеме. Он утверждает, что "пролетарская революция подняла целый и громадный пласт новых, "неописуемых" людей".

Встреча писателя с такими героями произошла в 30-е годы, и это способствовало существенному изменению всего облика его новеллы.

Зощенко 30-х годов совершенно отказывается не только от привычной социальной маски, но и от выработанной годами сказовой манеры. Автор и его герои говорят теперь вполне правильным литературным языком. При этом, естественно, несколько тускнеет речевая гамма, но стало очевидным, что прежним зощенковским стилем уже нельзя было бы воплотить новый круг идей и образов.

Еще за несколько лет до того, как в творчестве Зощенко произошла эта эволюция, писатель предугадывал возможность для него новых творческих решений, диктуемых условиями развивающейся действительности.

"Обычно думают, – писал он в 1929 году, – что я искажаю "прекрасный русский язык", что я ради смеха беру слова не в том значении, какое им отпущено жизнью, что я нарочно пишу ломаным языком для того, чтобы посмешить почтеннейшую публику.

Это неверно. Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица.

Я сделал это (в маленьких рассказах) не ради курьезов и не для того, чтобы точнее копировать нашу жизнь. Я сделал это для того, чтобы заполнить хотя бы временно тот колоссальный разрыв, который произошел между литературой и улицей.

Я говорю – временно, так как я и в самом деле пишу так временно и пародийно" [5].

В середине 30-х годов писатель заявлял: "С каждым годом я все больше снимал и снимаю утрировку с моих рассказов. И когда у нас (в общей массе) будут говорить совершенно изысканно, я, поверьте, не отстану от века" [6].

Отход от сказа не был простым формальным актом, он повлек за собой полную структурную перестройку зощенковской новеллы. Меняется не только стилистика, но и сюжетно-композиционные принципы, широко вводится психологический анализ. Даже внешне рассказ выглядит иначе, превышая по размерам прежний в два-три раза. Зощенко нередко как бы возвращается к своим ранним опытам начала 20-х годов, но уже на более зрелом этапе, по-новому используя наследие беллетризованной

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
комической новеллы.

Уже сами названия рассказов и фельетонов середины и второй половины 30-х годов ("Нетактично поступили", "Плохая жена", "Неравный брак", "Об уважении к людям", "Еще о борьбе с шумом") достаточно точно указывают на волнующие теперь сатирика вопросы. Это не курьезы быта или коммунальные неполадки, а проблемы этики, формирования новых нравственных отношений.

Фельетон "Благие порывы" (1937) написан, казалось бы, на очень частную тему: о крошечных окошках у кассиров зрелищных предприятий и в справочных киосках. "Там только руки торчат кассирши, книжка с билетами лежит и ножницы. Вот вам и вся панорама". Но чем дальше, тем больше разворачивается тема уважительного отношения к посетителю, клиенту, каждому советскому человеку. Против суконно-дремотного вицмундирного благополучия и неперемного трепета перед казенной "точкой" восстает сатирик.

"Не то чтобы мне охота видеть выражение лица того, который мне дает справку, но мне, может, охота его переспросить, посоветоваться. Но окошечко меня отгораживает и, как говорится, душу холодит. Тем более, чуть что – оно с треском захлопывается и ты, понимая свое незначительное место в этом мире, снова уходишь со стесненным сердцем".

Основу сюжета составляет простой факт: старухе нужно получить справку.

"Губы у нее шепчут, и видать, что ей охота с кем-нибудь поговорить, узнать, расспросить и выяснить.

Вот она подходит к окошечку. Окошечко раскрывается. И там показывается голова молодого вельможи.

Старуха начинает свои речи, но молодой кавалер отрывисто говорит:

– Абра са се кно...

И захлопывается окошечко.

Старуха было снова сунулась к окну, но снова, получив тот же ответ, отошла в некотором даже испуге.

Прикинув в своей голове эту фразу "Абра са се кно", я решаюсь сделать перевод с языка поэзии бюрократизма на повседневный будничныи язык прозы. И у меня получается: "Обратитесь в соседнее окно".

Переведенную фразу я сообщаю старухе, и она неуверенной походкой идет к соседнему окну.

Нет, ее там тоже долго не задержали, и она вскоре ушла вместе с приготовленными речами".

Фельетон заострен против того, как деликатно выражается Зощенко, "малосимпатичного стиля" жизни и работы учреждений, согласно которому установилась не очень внешне различимая, но вполне реальная система деления людей на две явно неравных категории. С одной стороны, "дескать, – мы, а вот, дескать, – вы". Но на самом-то деле, утверждает автор, "вы-то и есть мы, а мы отчасти – вы". Финал звучит грустно-предостерегающе: "Тут есть, мы бы сказали, какая-то несообразность".

Несообразность эта, достигшая уже гротесковой степени, с едким сарказмом изобличена в рассказе "История болезни" (1936). Здесь описаны быт и нравы некоей особенной больницы, в которой посетителей встречает на стене жизнерадостный плакат: "Выдача трупов от 3-х до 4-х", а фельдшер вразумляет больного, которому не нравится это объявление, словами: "Если, говорит, вы поправитесь, что вряд ли, тогда и критикуйте".

В 20-е годы многим казалось, что с проклятым наследием прошлого можно покончить довольно быстро. М. Зощенко ни тогда, ни десятилетием позже не разделял этих благодушных иллюзий. Сатирик видел поразительную жизненную цепкость всевозможных общественных сорняков и отнюдь не преуменьшал способностей мещанина и обывателя

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
к мимикрии и приспособленчеству.

Однако в 30-е годы для решения вечного вопроса о человеческом счастье возникают новые предпосылки, обусловленные гигантскими социалистическими преобразованиями, культурной революцией. Это оказывает существенное воздействие на характер и направление творчества писателя.

У Зощенко появляются учительные интонации, которых раньше не было вовсе. Сатирик не только и даже не столько высмеивает, бичует, сколько терпеливо учит, разъясняет, растолковывает, обращаясь к уму и совести читателя. Высокая и чистая дидактика с особым совершенством воплотилась в цикле трогательных и ласковых рассказов для детей, написанных в 1937-1938 годах.

В комической новелле и фельетоне второй половины 30-х годов грустный юмор все чаще уступает место поучительности, а ирония – лирико-философской интонации ("Вынужденная посадка", "Поминки", "Пьяный человек", "Баня и люди", "Встреча", "В трамвае" и др.). Взять, например, рассказ "В трамвае" (1937). Это даже не новелла, а просто уличная сценка, жанровая зарисовка, которая в прошлые годы легко могла бы стать ареной курьезно-веселых ситуаций, густо приправленных комической солью острот. Достаточно вспомнить "На живца", "Галоши" и т.п.

Теперь у писателя и гнев, и веселье редко вырываются наружу. Больше, чем прежде, он декларирует высокую нравственную позицию художника, отчетливо выявленную в узловых местах сюжета – там, где затрагиваются особо важные и дорогие сердцу писателя вопросы чести, достоинства, долга.

Отстаивая концепцию деятельного добра, М. Зощенко все больше внимания уделяет положительным характерам, смелее и чаще вводит в сатирико-юмористический рассказ образы положительных героев. И не просто в роли статистов, застывших в своей добродетели эталонов, а персонажей, активно действующих и борющихся ("Веселая игра", "Новые времена", "Огни большого города", "Долг чести").

Прежде развитие комической фабулы у Зощенко состояло из беспрестанных противоречий, возникавших между ироническим "да" и реальным "нет". Контраст между высоким и низким, плохим и хорошим, комическим и трагическим выявлялся самим читателем по мере его углубления в сатирический текст повествования. Автор порою затушевывал эти контрасты, недостаточно четко дифференцируя речь и функцию сказчика и свою собственную позицию.

Рассказ и фельетон 30-х годов строятся Зощенко на иных композиционных началах не потому, что исчезает такой важный компонент новеллы прежних лет, как герой-сказчик. Теперь персонажам сатирических произведений начинает противостоять не только более высокая авторская позиция, но и сама среда, в условиях которой пребывают герои. Это социальное противостояние и двигает в конечном счете внутренние пружины сюжета. Наблюдая, как попираются всевозможными чинушами, волокитчиками, бюрократами честь и достоинство человека, писатель возвышает свой голос в его защиту. Нет, гневной отповеди он, как правило, не дает, но в предпочитаемой им грустно-иронической манере повествования возникают мажорные интонации, проявляется твердая убежденность оптимиста.

Поездка Зощенко на Беломорско-Балтийский канал (1933) стала для него памятной вехой не только потому, что там он воочию увидел, как перерождаются в условиях гигантской стройки люди, гораздо более худшие, чем те, которые были основными персонажами его произведений 20-х годов. Перед писателем поновому раскрылись перспективы дальнейшего пути, ибо непосредственное изучение социалистической нови многое дало для решения таких принципиальных для сатирика вопросов, как человек и общество, историческая обреченность прошлого, неотвратимость и неизбежность торжества высокого и прекрасного. Социальное обновление родной земли обещало и нравственное возрождение личности, возвращая не только отдельному индивиду, но как бы и всей планете ее давно утраченную молодость.

В результате поездки возникает повесть "История одной жизни" (1934), рассказывающая о том, как вор, "прошедший суровую школу перевоспитания", стал человеком. Повесть эта была благожелательно встречена М. Горьким.

Новое время врывается не только в очерки, новеллы и маленькие фельетоны Зощенко, но и на страницы его большой прозы. Былое представление о живучести и неистребимости мещанства вытесняется крепнущей уверенностью в победе новых

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
человеческих отношений. Писатель шел от всеобщего скепсиса при виде кажущейся непобедимой пошлости к критике старого в новом и к поискам положительного героя. Так постепенно выстраивается цепь повестей 30-х годов от "Возвращенной молодости" (1933) через "Голубую книгу" (1935) к "Возмездию" (1936). В этих произведениях в причудливом сплаве слились отрицание и утверждение, пафос и ирония, лирика и сатира, героическое и комическое.

В "Возвращенной молодости" автора особенно интересует взаимосвязь социологических и биологических, классово-политических и общечеловеческих аспектов. Если раньше учительный тон появлялся лишь в финале маленьких фельетонов, то теперь черты дидактики и проповедничества пронизывают всю ткань произведения. Убеждение и внушение постепенно начинают теснить средства сатирического осмеяния, незаметно выходят на передний план, определяя само движение сюжета.

Композиционно "Возвращенная молодость" распадается на три неравные части. Первая часть – это ряд небольших рассказов, предпосланных основному содержанию повести и излагающих в непритязательно забавной форме взгляды автора на возможность возвращения молодости. Две последние новеллы, как отметил сам Зощенко, даже "заставляют подумать о необходимости научиться управлять собой и своим на редкость сложным телом".

Затем следует собственно беллетристическая часть, посвященная истории о том, как пожилой профессор астрономии Волосатов обрел утраченную молодость. И, наконец, заключает все предыдущее наиболее обширная часть научные комментарии к сюжетно-повествовательному разделу произведения.

Жанровое своеобразие больших прозаических полотен Зощенко бесспорно. Если "Возвращенную молодость" еще можно было с некоторой долей условности назвать повестью, то к остальным произведениям лирико-сатирической трилогии ("Голубая книга", "Перед восходом солнца", 1943) испытанные жанровые определения – "роман", "повесть", "мемуары" и т.п. – уже не подходили. Реализуя свои теоретические установки, которые сводились к синтезу документальных и художественных жанров, Зощенко создавал в 30-40-е годы крупные произведения на стыке беллетристики и публицистики.

Хотя в "Голубой книге" общие принципы совмещения сатирического и дидактического, пафоса и иронии, трогательного и смешного оставались прежними, многое по сравнению с предшествующей книгой изменилось. Так, например, прием активного авторского вмешательства в ход повествования остался, но уже не в – виде научных комментариев, а в иной форме: каждый основной раздел "Голубой книги" предваряется введением, а завершается послесловием. Переделывая свои старые новеллы для этой книги, Зощенко не только освобождает их от сказовой манеры и полублатного жаргона, но и щедро вводит элемент поучения. Ко многим рассказам дописываются вступительные или заключительные строки явно дидактического свойства.

Общая тональность "Голубой книги" тоже меняется по сравнению с "Возвращенной молодостью" в сторону дальнейшего просветления фона. Здесь автор по-прежнему выступает преимущественно сатириком и юмористом, но в книге "больше радости и надежды, чем насмешки, и меньше иронии, чем настоящей, сердечной и нежной привязанности к людям".

Сюжетной близости между этими произведениями нет. Вместе с тем "Голубая книга" не случайно названа писателем второй частью трилогии. Здесь получила дальнейшее развитие тема гуманизма, проблема подлинного и мнимого человеческого счастья. Это придает цельность разнородному историческому и современному материалу, сообщает повествованию внутреннюю грацию и единство.

В "Возвращенной молодости" впервые у Зощенко с большой силой прозвучал мотив исторической обреченности наследия старого мира, каким бы незыблемым и живучим вначале оно ни казалось. Под этим углом зрения по-новому была определена первоочередная задача сатирика: "выколачивать из людей всю дрянь, которая накопилась за тысячи лет".

Углубление социального историзма – вот завоевание автора "Голубой книги". Перед читателем проходит как бы комический парад вековых ценностей собственнического общества, показаны их нищета и убожество на фоне тех идеалов и свершений,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
которые демонстрирует миру социалистическая революция. Зощенко исторически обзирает далекое и относительно близкое прошлое человечества, нравственные нормы, порожденные моралью собственников. В соответствии с этим замыслом книга распадается на пять основных разделов: "Деньги", "Любовь", "Коварство", "Неудачи" и "Удивительные события".

В каждом из первых четырех разделов Зощенко проводит читателя по разным векам и странам. Так, например, в "Деньгах" сатирик рассказывает, как в Древнем Риме преторианцы торговали троним императора, как папы отпускали грехи за деньги, как окончательно проворовался светлейший князь Меншиков, позарившись на червонцы, которые петербургское купечество преподнесло на именины Петру I. Сатирик в комически сниженной манере пересказывает события мировой истории, связанные с неизменным торжеством золотого тельца, говорит о крови и грязи, за долгие годы прилипших к деньгам.

Зощенко использует материал исторического анекдота, чтобы сделать из него не только убийственную сатирическую зарисовку рыцарей наживы, но и притчу, то есть подвести современника к постижению генезиса тех пороков прошлого, которые сохранились в мещанине и обывателе наших дней.

Исторические экскурсы Зощенко имеют точный и выверенный адрес. Сатирик, помянув императоров и королей, князей и герцогов, метит в доморожденных рвачей и выжиг, о коих и ведет речь в комических новеллах.

История и современность завязаны здесь в тугую узел. События прошлого отражаются в комических новеллах сегодняшнего дня, как в серии кривых зеркал. Используя их эффект, сатирик проецирует ложное величие былого на экран новой эпохи, отчего и минувшее, и еще сохранившееся нелепое в жизни приобретают особо глупый и неприглядный вид.

В ряде откликов на "Голубую книгу" верно было отмечено принципиальное новшество этой работы писателя. "Зощенко увидел в прошлом, – писал А. Дымшиц, – не только прообразы современных мещан, но и разглядел в нем ростки нашей революции, о которых с большим лиризмом рассказал в лучшем во всех отношениях разделе "Голубой книги" – ее пятом разделе – "Удивительные события" [7]. Пафосно-лирический пятый раздел, венчая книгу в целом, придавал ей возвышенный характер.

Героико-романтическое и просветительное начало все смелее и решительнее утверждалось в прозе Зощенко второй половины 30-х годов. Художественные принципы "Возвращенной молодости" и "Голубой книги" писатель развивает в серии новых повестей и рассказов.

В 1936 году были завершены три повести: "Черный принц", "Талисман (Шестая повесть И. П. Белкина)", представляющая собой блестящую по форме и содержанию стилизацию пушкинской прозы, и "Возмездие". В "Возмездии" писатель перешел от попыток сжато рассказать о лучших людях революции к подробному показу их жизни и деятельности.

Завершением героической и просветительско-дидактической линии в творчестве Зощенко 30-х годов являются два цикла рассказов – рассказы для детей и рассказы о Ленине (1939). Теперь мы знаем, насколько естественно и органично было для художника появление этих произведений. Но в свое время они произвели сенсацию среди читателей и критики, увидевших популярного юмориста с неожиданной для многих стороны.

В 1940 году в Детиздате вышла книга рассказов для детей "Самое главное". Здесь речь идет не о выборе профессии, не о том, "кем быть", ибо для Зощенко главное – каким быть. Тема формирования высокой нравственности – та же, что и в произведениях для взрослых, но раскрывается она применительно к детскому уровню восприятия и мышления. Писатель учит детей быть храбрыми и сильными, умными и добрыми. С ласковой и веселой улыбкой повествует он о животных, вспоминает эпизоды из своего детства ("Елка", "Бабушкин подарок"), отовсюду умея извлечь нравственный урок и донести его до юного читателя в предельно простой и доходчивой форме.

К ленинской теме Зощенко подходил около двадцати лет. Первой и, пожалуй, единственной пробой сил был написанный еще в первой половине 20-х годов "Рассказ

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
о том, как Семен Семенович Курочкин встретил Ленина", перепечатавший затем под заглавием "Исторический рассказ". Писатель вернулся к этой теме лишь в конце 30-х годов, обогатившись опытом разработки историко-революционной проблематики, пережив существенный перелом в мировосприятии и творчестве.

Перу Зощенко принадлежат шестнадцать рассказов о Ленине (двенадцать из них были напечатаны в 1939 году). В них раскрываются черты ленинского характера. А в целом книга новелл воссоздает земной и обаятельный образ вождя, воплотившего все лучшее, что выдвинула революционная Россия.

Рассказы о Ленине Зощенко предназначал тоже для детей. Поэтому из множества слагаемых личности Ленина бережно отобрано главное, то, что доступно юному сознанию и без чего немыслимо представление о Ленине. Этому заданию подчинена и художественная форма рассказов.

Хотя основные положения этой книги были навеяны воспоминаниями Горького и поэмой Маяковского о Ленине, конкретное их воплощение было новаторским, и потому новеллы Зощенко критикой и читателем воспринимались как открытие.

В годы Великой Отечественной войны Михаил Зощенко жил в Алма-Ате. Трагедия блокированного Ленинграда, грозные удары под Москвой, великая битва на Волге, сражение на Курской дуге – все это глубоко переживалось и в незатемненном городе у склонов Ала-Тау. Стремясь внести свою лепту в общее дело разгрома врага, Зощенко много пишет на фронтовые темы. Здесь следует назвать киносценарии короткометражных фильмов, небольшие сатирические пьесы ("Кукушка и вороны" и "Трубка фрица" – 1942), ряд новелл "Из рассказов бойцов" и юморесок, печатавшихся в "Огоньке", "Крокодиле", "Красноармейце", киноповесть "Солдатское счастье".

В этот же период писатель продолжал работу над наиболее крупным своим произведением военных лет – завершающей частью трилогии, замысел которой возник еще в 30-е годы. В статье "О моей трилогии" М. Зощенко писал:

"Сейчас я думаю приняться за новую книгу, которая будет последней в моей трилогии, начатой "Возвращенной молодостью" и продолженной "Голубой книгой". Все эти три книги, хоть и не объединены единым сюжетом, связаны внутренней идеей" [8]. Раскрывая содержание нового произведения, писатель отмечал, что "последняя книга трилогии задумана значительно более сложной; в ней будет несколько иной подход ко всему материалу, чем в "Возвращенной молодости" и "Голубой книге", а те вопросы, которые я затрагивал в предыдущих двух книгах, получат завершение в специальной главе новой книги.

Эта книга будет мало похожа на обычную художественную прозу. Это будет скорее трактат, философский и публицистический, нежели беллетристика".

Повесть "Перед восходом солнца" (1943) действительно "мало похожа" на обычную художественную прозу. Элементы философско-публицистического трактата и очерково-мемуарной литературы представлены здесь с большей полнотой, нежели в предшествующих книгах трилогии. Но принципиальное отличие третьей части состоит в другом. Повесть "Перед восходом солнца" не продолжает, а во многом пересматривает принципы, выработанные писателем прежде. Разрыв между намерениями и творческим результатом привел автора к идейно-художественной неудаче.

Просчет состоял в том, что писатель сосредоточил свое внимание на мрачном, меланхолии, навязчивой идее страха и тем самым начал движение вспять от мажора и оптимизма первых частей трилогии. Место светлой лирики заняло угрюмое и порою просто скучное повествование, лишь изредка озаряемое подобием слабой улыбки. В повести "Перед восходом солнца" Зощенко допустил и другой просчет, начисто освободив свое повествование от юмора, всерьез обратившись за помощью к медицине и физиологии в осмыслении социальных проблем.

В военные и послевоенные годы М. Зощенко не создал произведений, существенно углубивших его собственные достижения предшествующей поры. Юмор его значительно поблек и ослабел. Еще же многое из написанного в грозные годы войны с благодарностью воспринималось читателем и имело положительный отклик в критических статьях и рецензиях. Ю. Герман рассказывал о трудном походе наших боевых кораблей в Северном Ледовитом океане в годы Великой Отечественной войны. Кругом вражеские мины, навис густой рыжий туман. Настроение у моряков далеко не

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
мажорное. Но вот один из офицеров стал читать только что опубликованную во фронтовой газете зощенковскую "Рогульку" (1943).

"За столом начали смеяться. Сначала улыбались, потом кто-то фыркнул, потом хохот сделался всеобщим, повальным. Люди, дотоле ежеминутно поворачивавшиеся к иллюминаторам, буквально плакали от смеха: грозная мина вдруг превратилась в смешную и глупую рогульку. Смех победил усталость... смех оказался сильнее той психической атаки, которая тянулась уже четвертые сутки" [9].

Рассказ этот был помещен на щите, где вывешивались номера походного боевого листка, потом обошел все корабли Северного флота.

В созданных М. Зощенко в 1941–1945 годах фельетонах, рассказах, драматических сценках, сценариях, с одной стороны, продолжена тематика довоенного сатирико-юмористического творчества (рассказы и фельетоны об отрицательных явлениях жизни в тылу), с другой (и таких произведений большинство) – развита тема борющегося и побеждающего народа.

Особое место в творчестве Зощенко принадлежит книге партизанских рассказов. В партизанской цикле писатель снова обратился к крестьянской, деревенской теме – почти через четверть века после того, как написал первые рассказы о мужиках. Эта встреча с прежней темой в новую историческую эпоху доставила и творческое волнение, и трудности. Не все из них автор сумел преодолеть (повествование порой приобретает несколько условнолитературный характер, из уст героев раздается книжно-правильная речь), но главное задание все же осуществил. Перед нами действительно не сборник новелл, а именно книга с целостным сюжетом.

В 50-е годы М. Зощенко создал ряд рассказов и фельетонов, цикл "Литературных анекдотов", много времени и энергии посвятил переводам. Особенно выделяется высоким мастерством перевод книги финского писателя М. Лассила "За спичками".

Умер М. М. Зощенко 22 июля 1958 года.

Когда думаешь о главном в творчестве Зощенко, на память приходят слова его соратника по литературе. Выступая на обсуждении "Голубой книги", В. Саянов отнес Зощенко к самым демократическим писателям-языкотворцам:

"Рассказы Зощенки демократичны не только по языку, но и по действующим лицам. Не случайно, что сюжет рассказов Зощенки не удалось и не удастся взять другим писателям-юмористам. Им не хватает больших внутренних идейных позиций Зощенки. Зощенко так же демократичен в прозе, как был демократичен в поэзии Маяковский" [10].

Принципиальное значение для характеристики вклада М. Зощенко в советскую сатирико-юмористическую литературу имеют горьковские оценки. М. Горький внимательно следил за развитием таланта художника, подсказывал темы некоторых произведений, неизменно поддерживал его поиски в новых жанрах и направлениях. Так, например, М. Горький увидел "скрытую значительность" [11] повести "Сирень цветет", энергично поддержал новаторскую книгу "Писем к писателю", кратко проанализировал "Голубую книгу", специально отметив:

"В этой работе своеобразный талант ваш обнаружен еще более уверенно и светло, чем в прежних.

Оригинальность книги, вероятно, не сразу будет оценена так высоко, как она заслуживает, но это не должно смущать вас" (с. 166).

Особенно высоко ценил М. Горький комическое искусство писателя: "Данные сатирика у вас – налицо, чувство иронии очень острое, и лирика сопровождает его крайне оригинально. Такого соотношения иронии и лирики я не знаю в литературе ни у кого" (с. 159).

Произведения Зощенко имели большое значение не только для развития сатирико-юмористической литературы в 20–30-е годы. Его творчество стало значительным общественным явлением, моральный авторитет сатиры и ее роль в социальном нравственном воспитании благодаря Зощенко необычайно возросли.

Михаил Зощенко сумел передать своеобразие" природы человека переходного времени,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
необычайно ярко, то в грустно-ироническом, то в лирико-юмористическом освещении, показал, как совершается историческая ломка его характера. Прокладывая свою тропу, он показывал пример многим молодым писателям, пробуя свои силы в сложном и трудном искусстве обличения смехом.

Л. Ершов

Примечания

1. Зощенко Мих. Избранные повести. Л., ГИХЛ, 1936, с. 74.
2. Образцов С. Актер с куклой. М. – Л., "Искусство", 1938.
3. Зощенко М. О себе, о критиках и о своей работе. – В кн.: Михаил Зощенко. Статьи и материалы. Л., Асайепиа, 1928, с. 8.
4. Федин К. Писатель. Искусство. Время. М. Сов. писатель, 1973, с. 240.
5. Зощенко Мих. Собр. соч., т. 6. Л. – М., ГИХЛ, 1931, с. 60.
6. Зощенко Мих. 1935–1937. Рассказы. Повести. Фельетоны. Театр. Критика. Л., ГИХЛ, 1940. с. 339.
7. Резец, 1936, № 6, с. 19.
8. Лит. Ленинград, 1935, 26 октября.
9. Герман Ю. О рассказах Михаила Зощенко. – Ленинградская правда, 1946, 6 июля.
10. Писатели о "Голубой книге". – лит. Ленинград, 1936, 14 марта.
11. М. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Лит. наследство, 1963, т. 70, с. 160. (В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.)

РАССКАЗЫ И ФЕЛЬЕТОНЫ

РАССКАЗЫ НАЗАРА ИЛЬИЧА ГОСПОДИНА СИНЕБРЮХОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие и рассказы записаны в апреле 1921 года со слов Н.И. Синебрюхова писателем М.З.

Я такой человек, что все могу... Хочешь – могу землишку обработать по слову последней техники, хочешь – каким ни на есть рукоеслом займусь, все у меня в руках кипит и вертится.

А что до отвлеченных предметов, – там, может быть, рассказ рассказать или какое-нибудь тоненькое дельце выяснить, – пожалуйста: это для меня очень даже просто и великолепно.

Я даже, запомнил, людей лечил.

Мельник такой жил-был. Болезнь у него, можете себе представить, – жаба болезнь. Мельника того я лечил. А как лечил? Я, может быть, на него только и глянул. Глянул и говорю: да, говорю, болезнь у тебя жаба, но ты не горюй и не пугайся, – болезнь эта внеопасная, и даже прямо тебе скажу – детская болезнь.

И что же? Стал мой мельник с тех пор круглеть и розоветь, да только в дальнейшей жизни вышел ему перетык и прискорбный случай...

А на меня многие очень удивлялись. Инструктор Рыло, это еще в городской милиции, тоже очень даже удивлялся. Бывало, придет ко мне, ну, как к своему задушевному приятелю:

– Ну, что, – скажет, – Назар Ильич товарищ Синебрюхов, не богат ли будешь печеным хлебцем?

Хлебца, например, я ему дам, а он сядет, запомнил, к столу, пожует-покушает,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
ручками этак вот раскинет:

– Да, – скажет, – погляжу я на тебя, господин Синебрюхов, и слов у меня нет. Дрожь прямо берет, какой ты есть человек. Ты, говорит, наверное, даже державой управлять можешь.

Хе-хе, хороший был человек инструктор Рыло, мягкий.

А то начнет, знаете ли, просить: расскажи ему чтонибудь такое из жизни. Ну, я и рассказываю.

Только, безусловно, насчет державы я никогда и не задавался: образование у меня, прямо скажу, не какое, а домашнее. Ну, а в мужицкой жизни я вполне драгоценный человек. В мужицкой жизни я очень полезный и развитой.

Крестьянские эти дела-делишки я уж как понимаю. Мне только и нужно раз взглянуть, как и что.

Да только ход развития моей жизни не такой.

Вот теперь, где бы мне пожить в полное свое удовольствие, я крохобором хожу по разным гиблым местам, будто преподобная Мария Египетская.

Да только я не очень горюю. Я вот теперь дома побывал и нет – не увлекаюсь больше мужицкой жизнью.

Что ж там? Бедность, блекота и слабое развитие техники.

Скажем вот про сапоги.

Были у меня сапоги, не отпираюсь, и штаны, очень даже великолепные были штаны. И можете себе представить, сгнули они – аминь – во веки веков в собственном своем домишке.

А сапоги эти я двенадцать лет носил, прямо скажу, в руках. Чуть какая мокрень или непогода – разуюсь и хлюпаю по грязи... Берегу.

И вот сгнули...

А мне теперь что? Мне теперь в смысле сапог – труба.

В германскую кампанию выдали мне сапоги штиблетами – блекота. Смотреть на них грустно. А теперь, скажем, жди. Ну, спасибо, война, может, произойдет – выдадут. Да только нет, годы мои вышли, и дело мое на этот счет гиблое.

А все, безусловно, бедность и слабое развитие техники.

Ну, а рассказы мои, безусловно, из жизни, и все воистинная есть правда.

ВЕЛИКОСВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ

Фамилия у меня малоинтересная – это верно: Синебрюхов, Назар Ильич.

Ну, да обо мне речь никакая, – очень я даже посторонний человек в жизни. Но только случилось со мной великосветское приключение, и пошла оттого моя жизнь в разные стороны, все равно как вода, скажем, в руке через пальцы, да и нет ее.

Принял я и тюрьму, и ужас смертный, и всякую гнусь... И все через эту великосветскую историю.

А был у меня задушевный приятель. Ужасно образованный человек, прямо скажу – одаренный качествами. Ездил он по разным иностранным державам в чине камендинера, понимал он даже, может, по-французскому и виски иностранные пил, а был такой же, как и не я, все равно – рядовой гвардеец пехотного полка.

На германском фронте в землянках, бывало, удивительные даже рассказывал происшествия и исторические всякие там вещички.

Принял я от него немало. Спасибо! Многое через него узнал и дошел до такой

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
точки, что случилась со мной гнусь всякая, а сердцем я и посейчас бодрюсь.

Знаю: Пипин Короткий... Встречу, скажем, человека и спрошу: а кто есть такой Пипин Короткий?

И тут-то и вижу всю человеческую образованность, все равно как на ладони.

Да только не в этом штука.

Было тому... сколько?.. четыре года взад. Призывает меня ротный командир, в чине – гвардейский поручик и князь ваше сиятельство. Ничего себе. Хороший человек.

Призывает. Так, мол, и так, говорит, очень я тебя, Назар, уважаю, и вполне ты прелестный человек... Сослужи, говорит, мне еще одну службишку.

Произошла, говорит, февральская революция. Отец староватенький, и очень я даже беспокоюсь по поводу недвижимого имущества. Поезжай, говорит, к старому князю в родное имение, передай вот это самое письмишко в самые, то есть, его ручки и жди, что скажет. А супруге, говорит, моей, прекрасной полячке Виктории Казимировне, низенько поклонись в ножки и ободри каким ни на есть словом. Исполни, говорит, это для ради бога, а я, говорит, осчастливлю тебя суммой и пушу в несрочный отпуск.

– Ладно, – отвечаю, – князь ваше сиятельство, спасибо за ваше обещание, что возможно – совершу.

А у самого сердце огнем играет: эх, думаю, как бы это исполнить. Охота, думаю, получить отпуск и богатство.

А был князь ваше сиятельство со мной все равно как на одной точке. Уважал меня по поводу незначительной даже истории. Конечно, я поступил геройски. Это верно.

Стою раз преспокойно на часах у княжей земляночки на германском фронте, а князь ваше сиятельство пирует с приятелями. Тут же между ними, запомнил, сестричка милосердия.

Ну, конечно: игра страстей и разнузданная вакханалия... А князь ваше сиятельство из себя пьяненький, песни играет.

Стою. Только слышу вдруг шум в передних окопчиках. Шибко так шумят, а немец, безусловно, тихий, и будто вдруг атмосферой на меня пахнуло.

Ах, ты, думаю, так твою так – газы!

А поветрие легонькое этакое в нашу, в русскую сторону.

Беру преспокойно зелинскую маску (с резиной), взбегаю в земляночку...

– Так, мол, и так, – кричу, – князь ваше сиятельство, дыши через маску – газы.

Очень тут произошел ужас в земляночке.

Сестричка милосердия – бяк, с катушек долой, – мертвая падаль.

А я сволок князеньку вашего сиятельства на волю, кострик разложил по уставу.

Зажег... Лежим, не трепыхнемся... Что будет... Дышим.

А газы... Немец – хитрая каналья, да и мы, безусловно, тонкость понимаем: газы не имеют права осесть на огонь.

Газы туды и сюды крутятся, выискивают нас-то... Сбоку да с верхов так и лезут, так и лезут клубом, вынюхивают...

А мы знай полеживаем да дышим в маску...

Только прошел газ, видим – живые.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
Князь ваше сиятельство лишь малехонько поблевал, вскочил на ножки, ручку мне жмет, восторгается.

– Теперь, – говорит, – ты, Назар, мне все равно как первый человек в свете. Иди ко мне вестовым, осчастливь. Буду о тебе пекчись.

Хорошо-с. Прожили мы с ним цельный год прямотаки замечательно.

И вот тут-то и случилось: засылает меня ваше сиятельство в родные места.

Собрал я свое барахлишко. Исполню, думаю, показанное, а там – к себе. Все-таки дома, безусловно, супруга не старая и мальчишек. Интересуюсь, думаю, их увидеть.

И вот, конечно, выезжаю.

Хорошо-с. В город Смоленск прибыл, а оттуда славным образом на пароходе на пассажирском в родные места старого князя.

Иду – люблюсь. Прелестный княжеский уголок и чудное, запомнил, заглавие-вилла "Забава".

Вспрашиваю: здесь ли, говорю, проживает старый князь ваше сиятельство? Я, говорю, очень по самонужнейшему делу с собственноручным письмом из действующей армии. Это бабенку-то я спрашиваю.

А бабенка:

– Вон, – говорит, – старый князь ходит грустный из себя по дорожкам.

Безусловно: ходит по садовым дорожкам ваше сиятельство.

Вид, смотрю, замечательный – сановник, светлейший князь и барон. Бородища баками пребелая-белая. Сам хоть и староватенький, а видно, что крепкий.

Подхожу. Рапортую по-военному. Так, мол, и так, совершилась, дескать. Февральская революция, вы, мол, староватенький, и молодой князь ваше сиятельство в совершенном расстройстве чувств по поводу недвижимого имущества. Сам же, говорю, жив и невредимый и интересуется, каково проживает молодая супруга, прекрасная полячка Виктория Казимировна.

Тут и передаю секретное письмишко.

Прочел это он письмишко.

– Пойдем, – говорит, – милый Назар, в комнаты. Я, говорит, очень сейчас волнуюсь... А пока – на, возьми, от чистого сердца рубль.

Тут вышла и представилась мне молодая супруга Виктория Казимировна с дитей.

Мальчик у ней – сосун млекопитающийся.

Поклонился я низенько, спрашиваю, каково живет ребеночек, а она будто нахмурилась.

– Очень, – говорит, – он нездоровый: ножками крутит, брюшком пухнет краше в гроб кладут.

– Ах, ты, – говорю, – и у вас, ваше сиятельство, горе такое же обыкновенное человеческое.

Поклонился я в другой раз и прошусь вон из комнаты, потому понимаю, конечно, свое звание и пост.

Собрались к вечеру княжие люди на паужин. И я с ними.

Харчим, разговор поддерживаем. А я вдруг и спрашиваю:

– А что, – говорю, – хорош ли будет старый князь ваше сиятельство?

– Ничего себе, – говорят, – хороший, только не иначе как убьют его скоро.

– Ай, – говорю, – что сделал?

– Нет, – говорят, – ничего не сделал, вполне прелестный князь, но мужички по поводу Февральской революции беспокоятся и хитрят, поскольку проявляют свое недовольство. Поскольку они в этом не видят перемены своей участи.

Тут стали меня, безусловно, про революцию спрашивать. Что к чему.

– Я, – говорю, – человек не освещенный. Но произошла, говорю, Февральская революция. Это верно. И низвержение царя с царицей. Что же в дальнейшем – опять, повторяю, не освещен. Однако произойдет отсюда людям немалая, думаю, выгода.

Только встает вдруг один, запомнил, из кучеров. Злой мужик. Так и язвит меня.

– Ладно, – говорит, – Февральская революция. Пусть. А какая такая революция? Наш уезд, если хочешь, весь не освещен. Что к чему и кого бить, не показано. Это, говорит, допустимо? И какая такая выгода? Ты мне скажи, какая такая выгода? Капитал?

– Может, – говорю, – и капитал, да только нет, зачем капитал? Не иначе как землишкой разживетесь.

– А на кой мне, – ярится, – твоя землишка, если я буду из кучеров? А?

– Не знаю, – говорю, – не освещен. И мое дело – сторона.

А он говорит:

– Недаром, – говорит, – мужички беспокоятся – что к чему... Старосту Ивана Костыля побили ни за про что, ну и князь, поскольку он помещик, безусловно его кончат.

Так вот поговорили мы славным образом до вечера, а вечером ваше сиятельство меня кличут.

Усадили меня, запомнил, в кресло, а сами произносят мне такие слова:

– Я, – говорит, – тебе, Назар, по-прямому: тени я не люблю наводить, так и так, мужички не сегодня-завтра пойдут жечь имение, так нужно хоть малехонько спасти. Ты, мол, очень верный человек, мне же, говорит, не на кого положиться... Спаси, говорит, для ради бога положение.

Берет тут меня за ручки и водит по комнатам.

– Смотри, – говорит, – тут саксонское серебро черненое, и драгоценный горный хрусталь, и всякие, говорит, золотые излишества. Вот, говорит, какое богатое добрище, а все пойдет, безусловно, прахом и к чертовой бабушке.

А сам шкаф открывает – загорается.

– Да уж, – говорю, – ваше сиятельство, положение ваше небезопасное.

А он:

– Знаю, – говорит, – что небезопасное. И поэтому сослужи, говорит, милый Назар, предпоследнюю службу: бери, говорит, лопату и изрой ты мне землю в гусином сарае. Ночью, говорит, мы схороним что можно и утопчем ножками.

– Что ж, – отвечаю, – ваше сиятельство, я хоть человек и не освещенный, это верно, а мужицкой жизнью жить не согласен. И хоть в иностранных державах я не бывал, но знаю культуру через моего задушевного приятеля, гвардейского рядового пехотного полка. Утин его фамилия. Я, говорю, безусловно, согласен на это дело, потому, говорю, если саксонское черненое серебро, то по иностранной культуре совершенно невозможно его портить. И через это я соглашаюсь на ваше культурное предложение – схоронить эти ценности.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
А сам тут хитро перевожу дело на исторические вещички.

Испытываю, что за есть такой Пипин Короткий.

Тут и высказал ваше сиятельство всю свою высокую образованность.

Хорошо-с...

К ночи, скажем, уснула напоследняя собака... Беру лопату – ив гусиный сарай.

Место ощупал. Рою.

И только берет меня будто жуть какая. Всякая то есть дрянь и невидаль в воспоминание лезет.

Копну, откину землишку – потею, и рука дрожит. А умершие покойники так и представляются, так и представляются...

Рыли, помню, на австрийском фронте окопчики и мертвое австрийское тело нашли...

И зрим: когти у покойника предлинные-длинные, больше пальца. Ох, думаем, значит, растут они в земле после смерти. И такая на нас, как сказать, жуть напала – смотреть больно. А один гвардеец дерг да дерг за ножку австрийское мертвое тело... Хороший, говорит, заграничный сапог, не иначе как австрийский... Любуется и примеряет в мыслях и опять дерг да дерг, а ножка в руке и осталась.

Да-с. Вот такая-то гнусь мертвая лезет в голову, покопаю самосильно, принуждаюсь. Только вдруг как зашуршит чтой-то в углу. Тут я и присел.

Смотрю: ваше сиятельство с фонарчиком лезет – беспокоится.

– Ай, – говорит, – ты умер, Назар, что долго? Берем, говорит, сундучки поскорейча – и делу конец.

Принесли, мы, запомнил, десять претяжеленных-тяжелых сундучков, землей закрыли и умяли ножками.

К утру выносит мне ваше сиятельство двадцать пять пелковеньких, любуется мной и за ручку жмет.

– Вот, – говорит, – тут письмишко к молодому вашему сиятельству. Рассказан тут план местонахождения вклада. Поклонись, говорит, ему – сыну и передай родительское благословение.

Оба тут мы полюбовались друг другом и разошлись.

Домой я поехал... Да тут опять речь никакая.

Только прожил дома почти что два месяца и возвращаюсь в полк. Узнаю: произошли, говорят, новые революционные события, отменили воинскую честь и всех офицеров отказали вон. Вспрашиваю: где ж такое ваше сиятельство?

– Уехал, – говорят, – а куда – неизвестно. Кажется, что к старому папаше – в его имение.

– Хорошо-с...

Штаб полка.

Являюсь по уставу внутренней службы. Так и так, – рапортую, – из несрочного отпуска.

А командир, по выбору, прапорщик Лапушкин – бяк меня по уху.

– Ах, ты, – говорит, – княжий холуй, снимай, говорит, собачье мясо, воинские погоны!

"Здорово, – думаю, – бьется прапорщик Лапушкин, сволочь такая..."

– Ты, – говорю, – по морде не бейся. Погоны снять – сниму, а драться я не согласен.

Хорошо-с.

Дали мне, безусловно, вольные документы по чистой.

– Катись, – говорят, – колбаской.

А денег у меня, запомнил, ничего не осталось, только рубль дареный, зашитый в ватном жилете.

"Пойду, – думаю, – в город Минск, разживусь, а там поищу вашего сиятельства. И осчастливит он меня обещанным капиталом".

Только иду нешибко лесом, слышу – кличет ктой-то.

Смотрю – посадские. Босые босячки. Крохоборы.

– Куда, – спрашивают, – идешь-катишься, военный мужичок?

Отвечаю смиренномудро:

– Качусь, – говорю, – в город Минск по личной своей потребности.

– Тек-с, – говорят, – а что у тебя, скажи, пожалуйста, в вещевом мешечке?

– Так, – отвечаю, – кое-какое свое барахлишко.

– Ох, – говорят, – врешь, худой мужик!

– Нету, воистинная моя правда.

– Ну, так объясни, если на то пошло, полностью свое барахлишко.

– Вот, – объясняю, – теплые портянки для зимы, вот запасная блуза гимнастеркой, штаны кой-какие...

– А есть ли, – спрашивают, – деньги?

– Нет, – говорю, – извините худого мужика, денег не припас.

Только один рыжий такой крохобор, конопатый:

– Чего, – говорит, – агитировать: становись (это мне то есть), становись, примерно, вон к той березе, тут мы в тебя и штрольпем.

Только смотрю – нет, не шутит. Очень я забеспокоился смертельно, дух у меня упал, но отвечаю негордо:

– Зачем, – отвечаю, – относишься с такими словами? Я, говорю, на это совершенно даже не согласен.

– А мы, – говорят, – твоего согласия не спросим, нам, говорят, на твое несогласие ровно даже начихать. Становись, и все тут.

– Ну хорошо, – говорю, – а есть ли вам от казни какая корысть?

– Нет, корысти, – говорят, – нету, но мы, говорят, для ради молодечества казним, дух внутренний поддержать.

Одолел тут меня ужас смертный, а жизнь прельщает наслаждением. И совершил я уголовное преступление.

– Убиться я, – говорю, – не согласен, но только послушайте меня, задушевные босячки: имею я, безусловно, при себе тайну и план местонахождения клада вашего сиятельства.

И привожу им письмо.

Только читают, безусловно: гусиный сарай... саксонское серебро... план местонахождения.

Тут я оправился; путь, думаю, не близкий, дам теку.

Хорошо-с.

А босячки:

– Веди, – говорят, – нас, если на то пошло, к плану местонахождения вклада. Это, говорят, тысячное даже дело. Спасибо, что мы тебя не казнили.

Очень мы долго шли, две губернии, может, шли, где ползком, где леском, но только пришли в княжескую виллу "Забава". А только теку нельзя было дать – на ночь вязали руки и ноги.

Пришли.

"Ну, – думаю, – быть беде – уголовное преступление против вашего сиятельства".

Только узнаем: до смерти убит старый князь ваше сиятельство, а прелестная полячка Виктория Казимировна уволена вон из имения. А молодой князь приезжал сюда на недельку и успел смыться в неизвестном направлении.

А сейчас в имении заседает, дескать, комиссия.

Хорошо-с.

Разжились инструментом и к ночи пошли на княжий двор.

Показываю босячкам:

– Вот, – говорю, – двор вашего сиятельства, вот коровий хлев, вот пристроечки всякие, а вот и...

Только смотрю – нету гусиного сарая.

Будто должен где-то тут существовать, а нету.

Фу, ты, думаю, что за новости.

Идем обратно.

– Вот, – говорю, – двор вашего сиятельства, вот хлев коровий...

Нету гусиного сарая. Прямо-таки нету гусиного сарая. Обижаться стали босячки. А я аж весь двор обьелозил на брюхе и смотрю, как бы уволиться. Да за мной босячки – пугаются, что, дескать, сбегу.

Пал я тут на колени:

– Извините, – говорю, – худого мужика, водит нас незримая сила. Не могу признать местонахождения.

Стали тут меня бить босячки инструментом по животу и по внутренностям. И поднял я крик очень ужасный.

Хорошо-с.

Сбежались крестьяне и комиссия.

Выяснилось: вклад вашего сиятельства, а где – неизвестно.

Стал я богом божиться – не знаю, мол, что к чему, приказано, дескать, передать письмишко, а я не причинен.

Пока крестьяне рассуждали что к чему, и солнце встало.

Только смотрю: светло, и, безусловно, нет гусяного сарая. Вижу: кто-то разорил на слом гусиный сарай. "Ну, – думаю, – тайна сохранилась. Теперь помалкивай, Назар Ильич господин Синябрюхов".

А очень тут разгорелась комиссия. И какой-то, запомнил, советский комиссар так и орет горлом, так и прет на меня.

– Вот, – говорит, – взгляните на барского холуя. Уже довольно давно совершилась революция, а он все еще сохраняет свои чувства и намерения и не желает показать, где есть дворянское добро. Вот как сильно его князя одурачили!

Я говорю:

– Может быть, тут нету никакого дурачества. А может быть, я с этой семьей находился прямо на одной точке. И был им как член фамилии.

Один из комиссии говорит:

– Если ты с их фамилии приходишь, то мы тебе покажем кузькину мать. Тогда становись к сараю – мы тебя сейчас пошлем путешествовать на небо.

Я говорю:

– К сараю я встать не согласен. А вы, – говорю, – неправильно понимаете мои мысли. Не то чтобы я в их семействе родился, а просто, говорю, я у них иногда бывал. А что до их вещичек, то согласно плана ищите по всем сараям.

Бросились, конечно, все по сараям, а в этот самый момент мои босячки сгрудились – сиг через забор, и теку.

Вот народ копает в сараях – свист идет, но, безусловно, ничего нету.

Вдруг один из комиссии, наиболее такой въедливый, говорит:

– Тут еще у них был гусиный сарай. Надо будет порыться на этом месте.

У меня от этих слов прямо дух занялся.

"Ну, – думаю, – нашли. Князь, думаю, мне теперича голову отвертит".

Стали они рыть на месте гусиного сарая. И вдруг мы видим, что там тоже нет ничего. Что такое!

"Неужели, – думаю, – князь ваше сиятельство, этот старый трепач, переменил местонахождение клада". Это меня прямо даже как-то оскорбило.

Тут я сам собственноручно прошелся с лопатой по всем местам. Да, вижу, ничего нету. "Наверное, впрочем, – думаю, – заезжал сюда молодой князь ваше сиятельство, и, наверное, он подбил старичка зарыть в другом месте, а может быть, и вывез все в город. Вот так номер".

Тут один из комиссии мне говорит:

– Ты нарочно тень наводишь. Хочешь сохранить барское добро.

Я говорю:

– Раньше я, может, хотел сохранить, но теперича нет, поскольку со мной допущено недоверие со стороны этой великосветской фамилии.

Но они не стали больше со мной церемониться, связали мне руки, хватили нешибко по личности и отвезли в тюрьму. А после год мурыжили на общественных работах за сокрытие дворянских ценностей.

Вот такая великосветская история произошла со мной. И через нее моя жизнь пошла

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
в разные стороны, и через нее я докатился до тюрьмы и сумы и много путешествовал.

ВИКТОРИЯ КАЗИМИРОВНА

В Америке я не бывал и о ней, прямо скажу, ничего не знаю.

А вот из иностранных держав про Польшу знаю. И даже могу ее разоблачить.

В германскую войну я три года ходил по польской земле... И, конечно, изучил эту нацию...

Нет, это уже очень чересчур гордая нация. И среди них женское население особенно задается.

Но между тем однажды я встретил одну польскую паненку и ее полюбил, и через это такая у меня к Польше симпатия пошла, лучше, думаю, этого народа и не бывает.

И нашло на меня, прямо скажу, такое чудо, такой туман: что она, прелестная красавица, ни скажет, то я и делаю.

Убить человека я, скажем, не согласен – рука дрогнет, а тут убил, и другого, престарелого мельника, убил. Хоть и не своей рукой, да только путем своей личной хитрости.

А сам, подумать грустно, ходил легкомысленно женишком прямо около нее, бороденку даже подстриг и подлюю ее ручку целовал.

Было такое польское местечко Крево. На одном конце – пригорок, немцы окопались. На другом – обратно пригорок, мы окопчики взрыли, и польское это местечко Крево осталось лежать между окопчиками в овраге.

Польские жители, конечно, уволились, а которые хозяева и, как бы сказать, добришко кому покинуть грустно – остались. И как они так существовали – подумать странно.

Пуля так и свистит, так и свистит над ними, а они – ничего, живут себе прежней жизнью.

Ходили мы к ним в гости.

Бывало, в разведку либо в секрет, а уж по дороге, безусловно, в польскую халупу.

К мельнику все больше ходили.

Мельник такой существовал престарелый. Баба его сказывала: имеет, говорит, он деньжонки капиталом, да только не говорит где. Будто обещал сказать перед смертью, а пока чего-то пугается и скрывает.

А мельник, это точно, скрывал свои деньжонки.

В задушевной беседе он мне все и высказал. Высказал, что желает перед смертью пожить в полное семейное удовольствие.

– Пусть, – говорит, – они меня такого-то малехонько побалуют, а то скажи им, где деньжонки, – оберут как липку и бросят за свои любезные, даром что свои родные родственники.

Мельника этого я понимал и ему сочувствовал. Да только какое уж там, сочувствовал, семейное удовольствие, если болезнь у него жаба и ноготь, приметил я, синий.

Хорошо-с. Баловали они старичка.

Старик кобенится и финтит, а они так во взор его и смотрят, так перед ним и трепещут, пугаются, что не скажет про деньги.

А была у мельника семья: баба его престарелая да неродная дочка, прелестная паненка Виктория Казимировна.

Я вот рассказывал великосветскую историю про клад князя вашего сиятельства – все воистинная есть правда: и босячки-крохоборы, и что били меня инструментом, да только не было в тот раз прекрасной полячки Виктории Казимировны. Была тогда другая особа, тоже, может быть, полячка супруга молодого князя вашего сиятельства. А что касается Виктории Казимировны, то быть ее тогда, конечно, не могло. Была одна в другой раз и по другому делу... Была она, Виктория Казимировна, дочка престарелого мельника.

И как это вышло? С первого даже дня завязались у нас прелестные отношения... Только, помню, пришли раз к мельнику. Сидим – хихикаем, а Виктория Казимировна все, замечаю, ко мне ластится: то, знаете ли, плечиком, то ножкой.

– Фу, ты, – восхищаюсь, – какой интересный случай.

А сам все же пока остерегаюсь, отхожу от нее да отмалчиваюсь.

Только попозже берет она меня за руку, любитесь мной.

– Я, – говорит, – господин Синебрюхов, могу даже вас полюбить (так и сказала). И уже имею что-то в груди. Только, говорит, есть у меня до вас просьбишка: спасите, говорит, меня для ради бога. Желая, говорит, уйти из дому в город минск или еще в какой-нибудь в польский город, потому что – сами видите – погибаю я здесь курам на смех. Отец мой, престарелый мельник, имеет капитал, так нужно выпытать, где хранит его. Нужно мне разжиться деньгами. Я, говорит, против отца не злоупотребляю, но не сегодня-завтра он, безусловно, помрет, болезнь у него – жаба, и пугаюсь я, что про капитал не скажет.

Начал я тут удивляться, а она прямо-таки всхлипывает, смотрит в мои очи, любитесь.

– Ах, – говорит, – Назар Ильич господин Синебрюхов, вы – самый здесь развитый и прелестный человек, и как-нибудь вы это сделаете.

Хорошо-с. Придумал я такую хитрость: скажу старичку, дескать, выселяют всех из местечка Крево... Он, безусловно, вынет свое добро... Тут мы и заставим его поделить.

Прихожу назавтра к ним, сам, знаете ли, бороденку подстриг, блюзу-гимнастерку новую надел, являюсь прямо-таки парадным женишком.

– Сейчас, – говорю, – Викторичка, все будет исполнено.

Подхожу демонстративно к мельнику.

– Так и так, – говорю, – теперь, говорю, вам, старичок, как-компания – выйдет завтра приказ: по случаю военных действий выселить всех жителей из местечка Крево.

Ох, как содрогнется тут мой мельник, как вскинется на постельке... И сам как был в нижних подштанниках – шасть за дверь и слова никому не молвил.

Вышел он во двор, и я тихонько следом.

А дело ночное было. Луна. Каждая даже травинка виднеется. И идет он весь в белом, будто шкелет какой, а я за сарайчиком прячусь.

А немец, помню, чтой-то тогда постреливал. Только прошел он, старичок, немного, да вдруг как ойкнет. Ойкнет и за грудь скорей. Смотрю – и кровь по белому каплет:

"Ну, – думаю, – произошла беда – пуля".

Повернулся он, смотрю, назад, руки опустил и к дому.

Да только, смотрю, пошел он как-то жутко. Ноги не гнет, сам весь в неподвижности, а поступь грузная.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Забегал я к нему, сам пугаюсь, хватать да хватать его за руку, а рука уж холодеет, и смотрю: в нем дыхания нет – покойник. И незримой силой взошел он в дом, веки у него закрыты, а как на пол ступит, так пол гремит земля к себе покойника требует.

Закричали тут в доме, раздались перед мертвецом, а он дошел поступью смертной до постельки, тут и скопился.

И такой в халупе страх настал, – сидим и дышать даже жутко.

Так вот помер мельник через меня, и сгнули – во веки веков – его деньжонки капиталом.

А очень тут загрустила Виктория Казимировна. Плачет она и плачет, и всю неделю плачет – не сохнут слезы.

А как приду к ней – гонит и видеть меня не может.

Так прошла, запомнил, неделя, являюсь к ней. Слез, смотрю, нету, и подступает она ко мне даже любовно.

– Что ж, – говорит, – ты сделал, Назар Ильич господин Синебрюхов? Ты, говорит, во всем виноват, ты теперь и раскаивайся. Ты, говорит, погубил моего отца. И через это я окончательно лишилась его деньжонок. И теперь достань ты мне хоть с морского дна какой-нибудь небольшой капитал, а иначе, говорит, ты первый для меня преступник, и уйду я, знаю куда, в обоз, – звал меня в любовницы прапорщик Лапушкин и обещал даже золотые часики с браслеткой.

Покачал я прегорько головой, дескать, откуда мне такому-то разжиться капиталом, а она вскинула на плечи трикотажный платочек, поклонилась мне низенько:

– Пойду, – говорит, – поджидает меня прапорщик Лапушкин. Прощайте, пожалуйста, Назар Ильич господин Синебрюхов!

– Стой, – говорю, – стой, Виктория! дай, говорю, срок, дело это обдумать надо.

– А чего, – говорит, – его думать? Пойди да укради хоть с морского дна, только исполни мою просьбу.

И осенила тут меня мысль.

На войне, думаю, все можно. Будут, может, немцы наступать – пошурю по карманам, если на то пошло.

А вскоре и вышел подходящий случай.

Была у нас в окопах пушечка... Эх, дай бог память – Гочкис заглавие. Морская пушечка Гочкис.

Дульце у ней тонехонькое, снаряд – и смотреть на него глупо, до того незначительный снаряд. А стреляет она всячески не слабо. Стрельнет и норовит взорвать что побольше.

Над ней и командир был – морской подпоручик Винча. Подпоручик ничего себе, но – сволочь. Бить не бил, но под винтовку ставил запросто.

А очень мы любили эту пушечку и завсегда ставили ее в свой окоп.

Тут, скажем, пулемет, а тут небольшое насаждение из елок и – пушечка.

Германии она очень досаждала. В польский костел она била по кумполу, потому был там германский наблюдатель.

По пулеметам тоже била.

И прямо немцам она не давала никакого спасения.

Так вот, вышел случай.

Выкрали немцы в ночное время у ней главную часть – затвор. И притом унесли пулемет. И как это случилось – удивительно подумать. Время было тихое, я, безусловно, к Виктории Казимировне пошел, часовой у пушечки вздремнул, а подчасок, дрянь такая худая, в дежурный взвод пошел. Там в картишки играли.

Ну ладно. Пошел.

Только играет он в карты, выигрывает и, сучий сын, не поинтересуется посмотреть, что случилось.

А случилось: немцы пушечкин затвор стибрили.

К утру только пошел подчасок к пушечке и зрит: лежит часовой, безусловно мертвый, и кругом – кража.

Ох, и было же что тогда!

Морской подпоручик Винча тигрой на меня наскакивает, весь дежурный взвод ставит под винтовку и каждому велит в зубах по карте держать, а подчаску – веером три карты.

А к вечеру едет – волнуется генерал ваше превосходительство.

Ничего себе, хороший генерал. Но, конечно, не очень уж. Вот он взглянул на взвод, и гнев его прошел. Тридцать человек, как один, в зубах по карте держат.

Усмехнулся генерал.

– Выходи, – говорит, – отборные орлы, налетай на немцев, разорь внешнего врага.

Вышли тут, запомнил, пять человек, и я с ними.

Генерал ваше превосходительство восхищается нами.

– Ночью, – говорит, – летите, отборные орлы. Режьте немецкую проволоку, изыскивайте хоть какой-нибудь пулемет и, если случится, – пушечкин затвор.

Хорошо-с...

К ночи мы и пошли.

Я-то играючи пошел. Мыслишку, во-первых, свою имел, а потом, имейте в виду, жизнь свою я не берег. Я, знаете ли, счастье вынул.

В одна тыща девятьсот, должно быть, что в шестнадцатом году, запомнил, ходил такой черный, люди говорили, румынский мужик. С птицей он ходил. На груди у него – клетка, а в клетке – не попка, попка – та зеленая, а тут вообще какая-то тропическая птица. Так она, сволочь такая, ученая, клювом вынимала счастье – кому что. А мне, запомнил, планета Рак и жизнь предсказана до девяноста лет.

И еще там многое что предсказано, что – я уж и позабыл, да только все исполнилось в точности.

И тут вспомнил я предсказание и пошел, прямо скажу, гуляючи.

Подошли мы к немецкой проволоке. Темь. Луны еще не было. Прорезали преспокойно лаз. Спустились вниз, в окопчики в германские. Прошли шагов с полета – пулемет, пожалуйста.

Уронили мы германского часового наземь и придушили тут же...

Очень мне это было неприятно, жутковато, и вообще, знаете ли, ночной кошмар.

Хорошо-с.

Сняли пулемет с катков, разобрали кому что: кому катки, кому ящики, а мне, запомнил, подсунули самую что ни на есть тяжесть – тело пулемета. Почти что

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
целый пулемет.

И такой, провалился он совсем, претяжеленный был; те налегке – шаг да шаг, и скрылись от меня, а я пыхчу – затрудняюсь, поскольку мне досталась такая тяжесть. Мне бы наверх ползти, да смотрю – проход сообщения... Я в проход сообщения... А из-за угла вдруг германец прездоровенный-здоровенный, и наперевес у него винтовка. Бросил я пулемет под ноги и винтовку тоже против него вскинул.

Только чую – германец стрельнуть хочет, голова на мушке.

Другой оробел бы, другой – ух, как оробел бы, а я ничего – стою, не трепыхнусь даже. А поверни я только спину либо щелкни затвором – тут, безусловно, мне и конец.

Так вот стоим друг против дружки, и всего-то до нас пять шагов. Зрим друг друга глазами и ждем, кто побежит. И вдруг как задрожит германец, как обернется назад... Тут я в него и стрельнул. И вспомнил, чего задумал. Подполз к нему, пошарил по карману – противно. Ну, да ничего – превозмог себя, вынул кабаньей кожи бумажник, вынул часишки в футляре (немцы все часишки в футляре носят), взвалил пулемет на плечо и наверх. Дошел до проволоки – нету лаза. Да и мыслимо ли в темноте его найти?

Стал я через проволоку продираться – трудно. Может быть, час или больше лез, всю прорвал себе спину и руки совсем изувечил. Да только все-таки пролез. Вдохнул я тут спокойно, залег в траву, стал себе руки перевязывать, – кровь так и льет.

И забыл совсем, чума меня возьми, что я еще в германской стороне, а уж светает. Хотел было я бежать, да тут немцы тревогу подняли, нашли, видимо, у себя происшествие, открыли по русским огонь, и, конечно, поползи я, тут бы меня приметили и убили.

А место, смотрю, вполне открытое было и подальше травы даже нет – лысое место. А до халуп шагов триста.

Ну, думаю, каюк-компания, лежи теперь, Назар Ильич господин Синебрюхов, благо трава спасает.

Хорошо. Лежу.

А немцы, может быть, очень обиделись: стибрили у них пулемет и двоих почем зря убили, – мстят – стреляют, прямо скажу, без остановки.

К полдню перестали стрелять, да только, смотрю, чуть кто проявится в нашей, в русской, стороне, так они туда и метят. Ну, значит, думаю, безусловно, они настороже, и нужно лежать до вечера.

Хорошо-с.

Лежу час. И два лежу. Интересуюсь бумажником – денег немало, только все иностранные. Часишками люблюсь. А солнце прямо так и бьет в голову, и дух у меня замирать стал. И жажда. Стал я тут думать про Викторию Казимировну, только смотрю – сверху на меня ворон спускается.

Я лежу живой, а он, может, думает, что пададь, и спускается.

Я на него тихонько шикаю:

– Шш, – говорю, – пошел, провал тебя возьми!

Машу рукой, а он, может быть, не верит и прямо на меня наседает.

И ведь такая птичья нечисть – прямо на грудь садится, а поймать я никак его не поймаю – руки изувечены, не гнутся, а он еще бьется больно клювом и крылами.

Я отмахнусь – он взлетит и опять рядом сядет, а потом обратно на меня стремится и шипит даже. Это он кровь, гадюка, на руке чует.

Ну, думаю, пропал, Назар Ильич господин Синебрюхов! Пуля не тронула, а тут

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
птичья нечисть, прости господи, губит человека зря.

Немцы, безусловно, сейчас заметят, что такое приключилось тут за проволокой. А приключилось: ворон при жизни человека жрет.

Бились так мы долго. Я все норовлю его ударить, да только перед германцем остерегаюсь, а сам прямо-таки чуть не плачу. Руки у меня и так-то изувечены – кровь текет, а тут еще он щиплет. И такая злоба к нему напала, только он на меня устремился, как я на него крикну: кыш, – кричу, паршивец!

Крикнул, и, безусловно, немцы сразу услышали. Смотрю, змеей ползут германцы к проволоке.

Вскочил я на ноги – бегу. Винтовка по ногам бьется, а пулемет наземь тянет. Закричали тут немцы, стали по мне стрелять, а я к земле не припадаю – бегу.

И как я добежал до первых халуп, прямо скажу – не знаю. Только добежал, смотрю – из плеча кровь текет – ранен. Тут по-за халупами шаг за шагом дошел до своих и скопился замертво. А очнулся, запомнил, в обозе в полковом околотке.

Только хватить-похватить за карман – часишки тут, а кабаньего бумажника как не бывало. То ли я на месте его оставил – ворон спрятать помешал, то ли выкрали санитары.

Заплакал я прегорько, махнул на все рукой и стал поправляться.

Только узнаю: живет у прапорщика Лапушкина здесь в обозе прелестная полячка Виктория Казимировна.

Хорошо-с.

Прошла, может быть, неделя, наградили меня Георгием, и являюсь я в таком виде к прапорщику Лапушкину.

Вхожу в халупу.

– Вздравствуйте, – говорю, – ваше высокоблагородие, и вздравствуйте, пожалуйста, прелестная полячка Виктория Казимировна!

Тут, смотрю, смутились они оба. А он встает, ее заслоняет.

– Чего, – говорит, – тебе надобно? Ты, говорит, давно мне примелькался, под окнами треплешься. Ступай, говорит, отсюда, к лешему.

А я грудь вперед и гордо так отвечаю:

– Вы, – говорю, – хоть и состоите в чине, а дело тут, между прочим, гражданское, и имею я право разговаривать, как и всякий. Пусть, говорю, она, прелестная полячка, сама сделает нам выбор.

Как закричал он на меня:

– Ах, ты, – закричал, – сякой-такой водохлеб! Как же ты это смеешь так выражаться... Снимай, говорит, Георгия, сейчас я тебя, наверно, ударю.

– Нет, – отвечаю, – ваше высокоблагородие, я в боях киплю и кровь проливаю, а у вас, говорю, руки короткие.

А сам тем временем к двери и жду, что она, прелестная полячка, скажет.

Да только она молчит, за Лапушкину спину прячется.

Вздыхнул я прегорько, сплюнул на пол плевком и пошел себе.

Только вышел за дверь, слышу, ктой-то топчет ножками.

Смотрю: Виктория Казимировна бежит, с плеч роняет трикотажный платочек.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Подбежала она ко мне, в руку впилась цапастенькими коготками, а сама и слова не может молвить. Только секундочка прошла, целует она меня прелестными губами в руку и сама такое:

– Низенько кланяюсь вам, Назар Ильич господин Синебрюхов... Простите меня, (такую-то, для ради бога, да только судьба у нас разная...

Хотел я было упасть тут же перед ней, хотел было сказать что-нибудь такое, да вспомнил все, перевозмог себя.

– Нету, – говорю, – тебе, полячка, прощения во веки веков.

ЧЕРТОВИНКА

Жизнь я свою не хаю. Жизнь у меня, прямо скажу, роскошная.

Да только нельзя мне, заметьте, на одном засиженном месте сидеть да бороденку почесывать.

Все со мной чтой-то такое случается... Фантазии я своей не доверяю, но какая-то, может быть, чертовинка препятствует моей хорошей жизни.

С германской войны я, например, рассчитывал домой уволиться. Дома, думаю, полное хозяйство. Так нет, навалилось тут на меня, прямо скажу, за ни про что всевсякое. Тут и тюрьма, и сума, и пришлось даже мне, такому-то, идти наниматься рабочим батраком к своему задушевному приятелю. И это, заметьте, при полном своем семейном хозяйстве.

Да-с.

При полном хозяйстве нет теперь у меня ни двора, ни даже куриного пера. Вот оно какое дело!

А случилось вот как:

Из тюрьмы меня уволили, прямо скажу, нагишом. Из тюрьмы я вышел разутый и раздетый.

Ну, думаю, куда же мне такому-то голому идти – домой являться? Нужно мне обжиться в Питере.

Поступил я в городскую милицию. Служу месяц и два служу, состою все время в горе, только глядь-поглядь – нету двух лет со дня окончания германской кампании.

Ну, думаю, пора и ехать, где бы только разжиться деньжонками.

И вот вышла мне такая встреча.

Стою раз преспокойно на Урицкой площади, смотрю, какой-то прет на меня в суконном галифе.

– Узнаешь ли, – спрашивает, – Назар Ильич господин Синебрюхов? Я, говорит, и есть твой задушевный приятель.

Смотрю: точно – личность знакомая. Вспоминаю: безусловно, задушевный приятель – Утин фамилия.

Стали мы тут вспоминать кампанию, стали радоваться, а он, вижу, чего-то гордится, берет меня за руку.

– Хочешь, – говорит, – знать мою биографию? Я комиссар и занимаю вполне прелестный пост в советском имении.

– Что ж, – отвечаю, – дорогой мой приятель Утин, всякому свое, всякий, говорю, человек дает от себя какую-нибудь пользу. Ты же человек, одаренный качествами, и я посейчас вспоминаю всякие твои исторические рассказы и переживания. И Пипина короткого, говорю, помню. Спасибо тебе немало!

А он вдруг мной восхитился.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Хочешь, – говорит, – поедом ко мне, будем жить с тобой в обнимку и по-приятельски.

– Спасибо, – говорю, – дорогой приятель Утин, рад бы, да нужно торопиться мне в родную свою деревеньку.

А он вынул откуда-то кожаный бумажник, отрыл десять косых.

– На, – говорит, – возьми, если на то пошло. Поезжай в родную свою деревню либо так истрать – мне теперь все равно.

Взял я деньжонки и адрес взял.

"Что ж, – думаю, – и я ему немало сделал, а тут вполне прекрасный случай, – поеду пока в свою деревню. А там видно будет – может, и действительно побываю по этому адресу. Вот, думаю, спасибо Утину – сделал благодарность за мое благодеяние".

А это верно: на фронте я его всегда покрывал. Там, скажем, бой или разведка, я – прямо к ротному командиру. Так и так, отвечаю, Утина никак нельзя послать. Ну, не дай бог, пуля его пристрелит, – человек он образованный, и погибнет с ним большое знание.

И через меня устроили его на длинномер, – так он всю свою жизнь, всю то есть германскую кампанию, и мерил шаги до германских окопчиков.

Так вот произошла такая с ним встреча, и вскоре после того собрался я и поехал в родные свои места.

И вот, запомнил, подхожу к своей деревеньке походным порядком, любуюсь каждой даже ветшкой, восторгаюсь, только смотрю – ползет навстречу поп, черт его побери.

Ну, думаю, будет теперь беда-бедишка. А сам, безусловно, подхожу к нему.

– Здравствуйте, – говорю, – батюшка отец Сергей! Вполне прелестный день.

Как шатнется он от меня в сторону.

– Ой-е-ей, – говорит, – взаправду ли это ты, Назар Ильич Синебрюхов, или мне это образ представляется?

– Да, – говорю, – взаправду, батюшка отец Сергей, а что, говорю, случилось, – ответьте мне для ради бога.

– Да как же, – говорит, – что случилось? Я по тебе живому панихидки служу, и все мы почитаем тебя умершим покойником, а ты вон как... А супруга, говорит, твоя, можешь себе представить, живот даже в советском браке с Егор Иванычем.

– Ой-е-ей, – отвечаю, – что же вы со мной такоеча сделали!

Очень я растрогался, сам дрожу.

Ну, думаю, вот и беда-бедишка.

Ничего я попу больше не сказал и потрусил к дому.

Взбегаю в собственный, заметьте, домишко, смотрю – уже сидят двое: баба моя Матрена Васильевна Синебрюхова да Егор Иваныч. Чай кушают. Поклонился я низенько.

– Чай, – говорю, – вам да сахар! Что же тут такоеча приключилось, Егор Иваныч Клопов, не томите меня для ради бога.

А сам не могу больше терпеть и по углам осматриваю свое добришко.

– Вот, – смотрю, – спасибо, сундучок, вот и штаны мои любезные висят, и шинелька

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– все на том же месте.

Только вдруг подходит ко мне Егор Иваныч, ручкой этак вот передо мной крутит.

– Ты, – говорит, – чужие предметы руками не тронь, а то, говорит, я сам за себя не отвечаю.

– Как же, – намекаю, – чужие предметы, Егор Иваныч, если это, безусловно, мои штаны? Вот тут даже, взгляните, химический подпись: Ен Синебрюхов.

А он:

– Нет тут твоих штанов, и быть их не может, – тут, говорит, все мое добришко пополам с Матреной Васильевной.

А сам берет Матрену Васильевну за локоток и за ручку, выводит ее, например, на середину.

– Вот, – говорит, – я, а вот – законная супруга моя, драгоценная Матрена Васильевна. И все, не сомневайтесь, по закону.

Тут поклонилась мне Матрена Васильевна.

– Да, – отвечает, – воистинная все это правда. Идите себе с богом, Назар Ильич Синебрюхов, не мешайте для ради бога постороннему счастью.

Очень я опять растрогался, вижу – все пошло прахом, и ударил я тут Егор Иваныча. И ударил, прямо скажу, не по злобе и не шибко ударил, а так, для ради собственного блезиру. А он, гадюка, упал нарочно навзничь. Ногами крутит и кровью блюет.

– Ой-е-ей, – кричит, – убийство!

Стали тут собираться мужички. И председатель тоже собрался. Фамилия Рюха. Начали тут кричать, начали с полу Егор Иваныча поднимать...

А только смотрю – многие прямо-таки мной восхищаются и за меня горой стоят, и даже подзюкивают в смысле Егор Иваныча.

– Побей, – подзюкивают, – Егор Иваныча, а мы, говорят, в общей куче еще придадим ему, и даже, может быть, нечаянно произойдет убийство. И тогда освободится твоя бывшая супруга Матрена Васильевна.

Только замечаю: председатель Рюха перешептался с Егор Иванычем и ко мне подходит.

– Ты что ж это, – говорит, – нарушаешь тут беспорядки? Что ж ты, так твою так, выступаешь супротив пас? Контр твоя революция нам теперь вполне известна, и даже, если на то пошло, есть у меня свидетели.

Вижу – человек обижается, я ему тихоньким образом внедряю:

– Я, – говорю, – беспорядков не нарушаю. Ни отнюдь. Но, говорю, как же так, если это мое добришко, так имею же я право руками трогать? И штаны, говорю, мои, взгляните – химический подпись.

А он, гадюка, вынимает какую-нибудь там бумагу и читает.

– Нет, – говорит, – ничего тут не выйдет. Лучше, говорит, ушел бы ты куда ни на есть. Сам посуди: суд да дело, да уголовное следствие, – все это – год или два, а жрать-то тебе, безусловно, нужно. И к тому же, может быть, выяснится, что ты – трудовой дезертир.

И так он обернул все это дело, что поклонился я всем низенько.

– Ладно, – отвечаю, – уйду куда ни на есть. Прощайте навсегда! Только пусть ответит мне Матрена Васильевна, где же родной мой сын, мальчишек Игнаша?

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

А она, жаба, отвечает тихими устами:

– Сын ваш, мальчишек Игнаша, летось еще помер от испанской болезни.

Заскрипел я зубами, оглянулся на четыре угла – вижу, все мое любезное висит, поклонился я в другой раз и вышел тихохонько.

Вышел я за деревню. Лес. Присел на пенек. Горюю. Только слышу: ктой-то трется у ноги.

И вижу: трется у ноги сучка небольшая, белая. Хвостиком она так и крутит, скулит, в очи мне смотрит и у ноги так и вьется.

Заплакал я прегорько, ласкаюсь к сучке.

– Куда же, – спрашиваю, – нам с тобой, сучка, приткнуться?

А она как завоет тонехонько, как заскулит, как завьется задом, так пошла даже у меня сыпь по телу от неизвестного страха.

И вот тут я глянул на нее еще раз и задрожал.

"Откуда же, – думаю, – взяться тут сучке? – Так вот подумал, вскочил быстренько и, безусловно, от нее ходу. Эге, думаю, это неспроста, это, может, и есть моя чертовинка во образе небольшой сучки".

Иду это я шибко, только смотрю – за мной катится.

Я за дерево схоронился, а она травинку нюх да нюх, понюхрила и, вижу, меня нашла, снова у ноги вьется и в очи смотрит. И такой на меня трепет напал, что закричал я голосом и побежал.

Только бегу по лесу – хрясь идет, а она за мной так скоком и скачет, так меня и достигает.

И сколько я бежал – не помню, только слышу будто внутренний голос просит:

– Упань... упа-ань...

Упал я тут наземь, зарылся головой в траву, и начался со мной кошмар. Ветер ли зашуршит поверху, либо ветوشка обломится, – мне теперь все равно, мне все чудится, что достигает меня сучка и вот-вот зубами взгрызется и, может быть, перекусит горло и будет кровь сосать.

Так вот пролежал я час или, может быть, два, голову поднять не смею, и стал забываться.

Может быть, я тут заснул – не знаю, только утром встаю: трется у ноги сучка. А во мне будто страху никакого и нет и даже какой-то смех внутренний выступает. "Да это же, – думаю, – собачка с моего двора. Может, она не пожелала с клоповым находиться и вот пристала ко мне, к своему законному хозяину".

Погладил я сучку по шерстке, сам, безусловно, еще остерегаюсь.

– Ну, – говорю, – нужно нам идти. Есть, говорю, у меня такой задушевный приятель Утин. К нему мы и пойдём. Будем с ним жить в обнимку и по-приятельски. Пойдем со своим законным хозяином.

Так вот я сказал ей, будто у нас вчера ничего и не было. Встаю и иду тихонечко. Она, безусловно, за мной.

Прихожу, например, в одну деревню, расспрашиваю:

– Это, – говорят, – очень даже далеко, и идти туда нужно, может быть, пять ден.

– Ой-е-ей, – говорю, – что же мне такоеча делать? Дайте, говорю, мне, если на то пошло, полбуханки хлеба.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Что ты, – говорят, – что ты, прохожий незнакомец, тут кругом все голодуют и сами возьмут, если дастишь.

Так вот не дали мне ничего, и в другой деревне тоже ничего не дали, и пошел я вовсе даже голодный с белой своей сучкой.

Да еще, не вспомню уж откуда, увязался за нами преогромный такой пес – кобель.

Так вот иду я сам-третий, голодую, а они, безусловно, нюх да нюх и найдут себе пропитание.

И так я голодовал в те дни, провал их возьми, что начал кушать всякую нечисть и блекоту, и съел даже, запомнил, одну лягуху.

Теперь вот озолоти меня золотом – в рот не возьму, а тогда съел.

Было это, запомнил, к концу дороги. К вечеру я, например, очень ослаб, стал собирать грибки да ягодки, смотрю – скачет.

И вспомнил: говорил мне задушевный приятель, что лягух, безусловно, кушают в иностранных державах и даже вкусом они вкусней рябчиков. И будто сам он ел и похваливал.

Поймал я тогда лягуху, лапишки ей пообрывал. Кострик, может быть, разложил и на согретый камушек положил пекчись эти ножки.

А как стали они печеные, дал одну сучке, а та ничего – съела.

Стал и я кушать.

Вкуса в ней, прямо скажу, никакого, только во рту гадливость.

Может быть, ее нужно с солью кушать – не знаю, но только в рот ее больше не возьму.

Все-таки съел я ее, любезную. Поблевал маленько. Заел еще грибками и побрел дальше.

И сколько я так шел – не помню, только дошел до нужного места.

Вспрашиваю:

– Здесь ли проживает задушевный приятель Утин?

– Да, – говорят, – безусловно, здесь проживает задушевный приятель Утин. Взойдите вот в этот домишко.

Взошел я в домишко, а сучка у меня, заметьте, в ногах так и вьется, и кобель сзади. И вот входит в зальце задушевный приятель и удивляется:

– Ты ли это, Назар Ильич товарищ Синебрюхов?

– Да, – говорю, – безусловно. А что, говорю, такоеча?

– Да нет, – говорит, – ничего. Я, говорит, тебя не гоню и супротив тебя ничего не имею, да только как же все это так? У меня, говорит, тут уже папаша живет. И мой папаша, наверно, будет что-нибудь иметь против. Он у меня очень такой несговорчивый старичок. А лично я, говорит, всецело рад и счастлив твоему прибытию.

Тогда я отвечаю ему гордо:

– Нет, отвечаю, дорогой мой приятель Утин, вижу, что ты не рад, но я, говорю, пришел не в гости гостить и не в обнимку жить. Я, говорю, пришел в рабочие батраки наняться, потому что нет у меня теперь ни кола, ни даже куриного пера.

Подумал это он.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Ну, – говорит, – ладно. Лучше меня, это знай, человека нет! Я, говорит, каждому отец родной. Я, говорит, тебя чудным образом устрою. Становись ко мне рабочим по двору. Я так своему папе и скажу.

И вдруг, замечайте, всходит из боковой дверюшки старичок. Чистенький такой старикан. Блуза на нем голубенькая, подпоясок, безусловно, шелковый, а за подпояском – платочек носовой. Чуть что – сморкается в него, либо себе личико обтирает. А ножками так и семенит по полу, так, гадюка, и шуршит новыми полсапожками.

И вот подходит он ко мне.

– Я, – говорит, – рекомендую: папаша Утин. Чего это ты, скажи, пожалуйста, приперся с собаками? Я, говорит, имейте в виду, собак не люблю и терпеть их ненавижу. Они, мол, всюду гадят и кусаются.

А сам, смотрю, сучку мою все норовит ножкой своей толкнуть.

И так он сразу мне не поправился, и сучке моей, вижу, не понравился, но отвечаю ему такое:

– Нет, говорю, старичок, ты не пугайся, они не кусачие...

Только это я так сказал, сучка моя как заурчит, как прыгнет на старичка, как куснет его за левую руку, так он тут и скопился.

Подбежали мы к старичку...

И вдруг, смотрю, убежала моя сучка. Кобель, безусловно, тут, кобель, замечайте, не исчез, а сучки нету.

Люди после говорили, будто видели ее на дворе, будто она ела косточку, да только вряд ли, не знаю, не думаю... Дело это совершенно удивительное...

Так вот подошли мы к старичку. Позвали фершала. Фершал ранку осмотрел.

– Да, – говорит, – это собачий укус небольшой сучки. Ранка небольшая. Маленькая ранка. Не спорю. Но, говорит, наука тут совершенно бессильна. Нужно везть старичка в Париж, – наверное, сучка была бешеная. А там ему сделают операцию.

Услышал это старик, задрожал, увидел меня.

– Бейте, – закричал, – его! Это он подзюкал сучку, он на мою жизнь покусился. Ой-е-ей, говорит, умираю и завещаю вам перед смертью: гоните его отсюда.

"Ну, – думаю, – вот и беда-бедишка произошла через эту белую сучку. Недаром я ее в лесу испугался".

А подходит тут ко мне задушевный приятель Утин.

– Вот, – говорит, – тут налево порог. Больше мы с тобой не приятели!

Взял я со стола ломочек хлеба, поклонился на четыре угла и побрел тихохонько.

ГИБЛОЕ МЕСТО

Много таких же, как и не я, начиная с германской кампании, ходят по русской земле и не знают, к чему бы им такое приткнуться.

И верно. К чему приткнуться человеку, если каждый предмет, заметьте, свиное корыто даже, имеет свое назначение, а человеку этого назначения не указано? И через это человеку самому приходится находить свое определение.

И через это, начиная с германской кампании, многие ходят по русской земле, не понимая, что к чему.

И таких людей видел я немало и презирать их не согласен. Такой человек – мне лучший друг и дорогой мой приятель. Поскольку такой человек ищет свое определение. И я тоже это ищу. Но только не могу найти, поскольку со мной

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
сличаются разные бедствия, истории и происшествия.

Конечно, есть такие гиблые места, где кроме таких, как я, и другие тоже ходят. Жулики. Но такого страшного жулика я сразу вижу. Взгляну и вижу, какой он есть человек.

Я их даже по походке, может быть, отличу, по самомалейшей черточке увижу.

Я вот, запомнил, встретил такого человека. Через него мне тоже одна неприятность произошла. А я в лесу его встретил.

Так вот, представьте себе – пенек, а так – он сидит. Сидит и на меня глядит.

А я иду, знаете ли, смело и его будто и не примечаю.

А он вдруг мне и говорит:

– Ты, говорит, это что?

Я ему и отвечаю:

– Вы, говорю, не пугайтесь, иду я, между прочим, в какую-нибудь там деревню, на хлебородное местечко, в рабочие батраки.

– Ну, – говорит, – и дурак (это про меня то есть). Зачем же ты идешь в рабочие батраки, коли я, может быть, желаю тебя осчастливить? Ты, говорит, сразу мне приглянулся наружной внешностью, и беру я тебя в свои компаньоны Привалило тебе немалое счастье.

Тут я к нему подсел.

– Да что ты? – отвечаю. – Мне бы, говорю, милый ты мой приятель, вполне бы неплохо сапожонками раздобыться.

– Гм, – говорит, – сапожонками.. Дивья тоже. Тут, говорит, вопрос является побольше. Тут вопрос очень даже большой.

И сам чудно как-то хихикает, глазом мне мигун мигает и все говорит довольно хитрыми выражениями.

И смотрю я на него: мужик он здоровенный и високущий, и волосы у него, заметьте, так отовсюду и лезут, прямо-таки лесной он человек. И ручка у него тоже особенная Правая ручка у него вполне обыкновенная, а на левой ручке пальцев нет.

– Это что ж, – спрашиваю, – приятель, на войне пострадал в смысле пальцев то?

– Да нет, – мигает, – зачем на войне. Это, говорит, дельце было. Уголовно-политическое дельце. Бякнули меня топором по случаю.

– А каков же, – спрашиваю, – не обидьтесь только, случай-то?

– А случай, – говорит, – вполне простой: не клади лапы на чужой стол, коли топор вострый.

Тут я на него еще раз взглянул и увидел, что он за человек.

А после немножко оробел и говорю:

– Нет, – говорю, – милый ты мой приятель. Мне с тобой не по пути курс у нас с тобой разный. Я, говорю, не согласен идти на уголовно-политическое дело, имейте в виду я человек, говорю, вполне кроткий, потребности у меня небольшие. И прошу – оставьте меня в покое продолжать мой путь.

Так вот ему рассказал это, встал и пошел.

А он мне и кричит:

– Ну, и выходит, что ты дурак и старая дырявая тряпка (это на меня то есть).

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Пошел, говорит, проваливай, покуда целый.

Я, безусловно, за березку да за сосну, и теку.

И вот, запомнил, пришел в деревню, выбрал хату наиболее богатенькую. Зашел. Наймусь, думаю, тут в батраки. Наверное, кормить будут неплохо. А то я сильно отоцал. И вот зашел.

А жил-был там мужик Егор Савич. И такой, знаете ли, прелестный говорун мужик этот Егор Савич, что удивительно даже подумать. Усадил он меня, например, к столу, хлебом попотчевал.

– Да, – отвечает, – это можно Я возьму тебя в работники. Пожалуйста что другое – не знаю, может быть, ну, а это – сделайте ваше великое удовольствие – могу. Делов тут хотя у меня не много и даже чересчур мало, и вообще работы у меня почти что нету, но зато мне будет кое с кем словечком переткнуться. А то баба моя – совсем глупая дура. Ей бы все пить да жрать, да про жизнь на картишках гадать. Можете себе представить так что я тебе прямо скажу – найму не без удовольствия Только, говорит, приятный ты мой, по совести тебе скажу, место у нас тут гиблое Народу тут множество многое до смерти испорчено Босячки всякие так и ходят под флагом бандитизма. Поп вот тоже тут потонул добровольно, а летом, например, матку моей бабы убили по случаю. Тут, приятный ты мой, места вполне гиблые. Смерть так и ходит, своей косою помахивает. Но если ты не из пугливых, то, конечно, оставайся.

Так вот поговорили мы с ним до вечера, а вечером баба его кушать подает.

Припал я тут к горяченькому, а он, Егор Савич, так и говорит, так и поет про разные там дела-делишки и все клонит разговор на самые жуткие вещи и приключения, и сам дрожит и пугается.

Рассказал он мне тогда, запомнил, случай, как бабку Василису убили. Как бабка Василиса у помойной кучи присела, а он, убийца, так в нее и лепит из шпалера, и все, знаете ли, мимо. Раз только попал, а после все мимо.

А дельце это такое было:

Пришли к ним, например, два человека и за стол без слова сели. А бабка Василиса покойница – яд была бабка.

Ладно. Бабка Василиса видит, что смело они так сели, и к ним.

– Вы, – говорит, – кто же такие будете, красные, может быть, или, наверное, белые?

Те усмехнулись и говорят:

– А ты угадай, мамаша. Ежели угадаешь, то мы тебя угостим свиным шпиком. А ежели нет, то извиняемся – на тот свет пошлем. Нынче жизнь не представляет какойнибудь определенной ценности, а это у нас будет вроде интересной игры, которая нас подбодрит на дальнейшее путешествие.

Бабка Василиса испугалась и затряслась. Сначала она так сказала, потом этак.

Те говорят:

– Нет, не угадала, мамаша. Мы – зеленая армия. И мы идем против белых и против красных под лозунгом "Догорай моя лучина".

И тут они взяли бабку за руку и застрелили ее во дворе.

И, когда это Егор Савич рассказал, я его побранил.

– Чего ж это ты, – побранил, – за бабку-то не вступился? Явление это вполне недопустимое.

А он:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Да, – говорит, – недопустимое, сознаю, но, говорит, если б она мне родная была матка, то – да, то я, я очень вспльчивый человек, я, может быть, зубами бы его загрыз, ну, а тут не родная она мне матка, – бабы моей матка. Сам посуди, зачем мне на рожон было лезть?

Спорить я с ним не стал, меня ко сну начало клонить, а он так весь и горит и все растревляет себя на страшное.

– Хочешь, – говорит, – я тебе еще про попа расскажу? Очень, говорит, это замечательное явление из жизни.

– Что ж, – отвечаю, – говори, если на то пошло. Ты, говорю, теперь хозяин.

Начал он тут про попа рассказывать, как поп потонул.

– Жил-был, – говорит, – поп Иван, и можете себе представить...

Говорит это он, а я слышу – стучит ктой-то в дверь, и голос-бас войти просит.

И вот, представьте себе, входит этот самый беспалый, с хозяином здороваются и мне все мигун мигает.

– Допустите, – говорит, – переночевать. Ночка, говорит, темная, я боюсь. А человек я богатый. Могут обокрасть.

И сам, жаба, хохочет.

А Егор Савич так в мыслях своих и порхает.

– Пусть, – говорит, – пусть. Я ему про попа тоже расскажу... Жил-был, говорит, поп, и, можете себе представить, ночью у него завывала собака...

А я взглянул в это время на беспалого, – ухмыляется, гадюка. И сам вынимает серебряный портсигарчик и папироску закуривает.

"Ну, – думаю, – вор и сибиряк. Не иначе как кого распотрошил. Ишь ты какую вещь стибрил".

А вещь – вполне роскошный барский портсигар. На нем, знаете ли, запомнил, букашка какая-нибудь, свинка, буковка.

Оробел я снова и говорю для внутренней бодрости:

– Да, говорю, это ты, Егор Савич, например, про собаку верно. Это неправда, что смерть-старуха с косою. Смерть – маленькое и мохнатенькое, катится и хихикает. Человеку она незрима, а собака, например, ее видит, и кошка видит. Собака как увидит – мордой в землю уткнется и воем, а кошка – та фырчит, и шерстка у ней дыбком становится. А я вот, говорю, такой человек, смерти хотя и не увижу, но убийцу замечу издали и вора, например, тоже.

И при этих моих словах на беспалого взглянул. Только я взглянул, а на дворе:

– У... у...

Как завоет собака, так мы тут и зажались.

Смерти я не боюсь, смерть мне даже очень хорошо известна по военным делам, ну, а Егор Савич – человек гражданский, частный человек.

Егор Савич как услышал "у... у...", так посерел весь, будто лунатик, заметался, припал к моему плечу.

– Ох, – говорит, – как вы хотите, а это, безусловно, на мой счет. Ох, говорит, моя это очередь. Не спорьте.

Смотрю – и беспалая жаба сидит в испуге.

Егора Савича я утешаю, а беспалый говорит такое:

– С чего бы, говорит, тут смерти-то ходить? Давайте, говорит, лягем спать поскорей. Завтра-то мне (замечайте) чуть свет вставать нужно.

"Ох, – думаю, – хитровой мужик, как красноречиво выказывает свое намеренье. Ты только ему засни, а он хватит тебя, может быть, топориком и – баста, чуть свет уйдет".

Нет, думаю, не буду ему спать, не такой я еще человек темный.

Ладно. Пес, безусловно, заглох, а мы разлеглись, кто куда, а я, запомнил, на полу приткнулся.

И не знаю уж, как вышло, может, что горяченького через меру покушал, – задремал.

И вот представилась мне во сне такая картина. Снится мне, будто сидим мы у стола, как и раньше, и вдруг катится, замечаем, по полу темненькое и мохнатенькое, вроде крысы. Докатилось оно до Егора Савича и – прыг ему на колени, а беспалый нахально хохочет. И вдруг слышим мы ижевхерувимское пение, и деточка будто такая маленькая в голеньком виде всходит и передо мной во фронт становится и честь мне делает ручкой.

А я будто оробел и говорю:

– Чего, говорю, тебе, невинненькая деточка, нужно? Ответьте мне для ради бога.

А она будто нахмурилась, невинненьким пальчиком указывает на беспалого.

Тут я и проснулся. Проснулся и дрожу. Сон, думаю, в руку. Так я об этом и знал.

Дошел я тихоньким образом до Егора Савича, сам шатаюсь.

– Что, – спрашиваю, – жив ли? – говорю.

– Жив, – говорит, – а что такоеча?

– Ну, – говорю, – обними меня, я твой спаситель, буди мужиков, вязать нужно беспалого сибирского преступника, поскольку он, наверное, хотел тебя топором убить.

Разбудили мы мужиков, стали вязать беспалого, а он, гадюка, представляется, что не в курсе дела.

– Что, – говорит, – вы горохом объелись, что ли? Я, говорит, и в мыслях это убийство не держал. А что касается моего серебряного портсигара, то я его не своровал, а заработал. И я, говорит, могу хозяину по секрету сказать – чем я занимаюсь.

И тут он наклоняется к Егор Савичу и что-то ему шепчет.

Видим, Егор Савич смеется и веселится и так мне отвечает:

– Я, говорит, тебя рабочим к себе не возьму. Ты, говорит, только народ смущаешь. Этот беспалый человек есть вполне прелестный человек. Он заграничный продавец. Он для нас же, дураков, носит спирт из-за границы, вино, коньяк и так далее.

"Ну, – думаю, – опять со мной происшествие случилось. На этот раз, думаю, сон подвел. Не то, думаю, во сне видел, чего надо. А все, думаю, мое воображение плюс горячая пища. Придется, думаю, снова идти в поисках более спокойного места, где пища хорошая и люди не так плохи".

Собрал я свое барахлишко и пошел.

А очень тут рыдал Егор Савич.

– Прямо, – говорит, – и не знаю, на ком теперь остановиться, чтоб чего-нибудь рассказывать.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihai1.ru

Проводил он меня верст аж за двадцать от гиблого места и все рассказывал разные разности.

1921

РАССКАЗ ПРО ПОПА

Утро ясное. Озеро. Поверхность этакая, скажем, без рябинки. Поплавок. Удочка.

Ах, ей-богу, нет ничего на свете слаще, как такое препровождение времени!

Иные, впрочем, предпочитают рыбу неводом ловить, переметами, подпусками, мережками английскими со звонками, приспособлениями... Но пустяки это, пустяки. Простая, натуральная удочка ни с чем не сравнима.

Конечно, удочка нынче разная пошла. Есть и такая: с колесиком вроде бы. Леска на колесико накручивается. Но это тоже пустяки. Механика. Ходит, скажем, такой рыбарь по берегу, замахнется, размахнется, шлепнет приманку и крутит после.

Пускай крутит. Пустяки это. Механика. Не любит этого поп Семен. Попу Семену предпочтительней простейшая удочка. Чтоб сидеть при ней часами можно, чтоб сидеть, а не размахиваться и не крутить по-пустому, потому что, если крутить начнешь, то в голове от того совершенные пустяки и коловращение. Да и ноту той ясности и того умиротворения предметов, как при простой удочке.

А простая, натуральная удочка... Ах, ей-богу! Сидишь мыслишь. Хочешь – о человеке мыслишь. Хочешь – о мироздании. О рыбе хочешь – о рыбе мыслишь. И ни в чем нет тебе никакого запрета. То есть, конечно, есть запрет. Но от себя запрет. От себя поп Семен наложил запрет этот.

Обо всем поп Семен проникновенно думал, обо всем имел особое суждение и лишь об одном не смел думатьто боге. Иной раз воспарится в мыслях черт не брат. Мироздание – это, мол, то-то и то. Зарождение первейшей жизни – органическая химия. Бог... Как до бога доходил, так и баста. Пугался поп. Не смел думать. А почему не смел, и сам не знал. В трепете перед богом воспитан был. А отрывками, впрочем, думал. Тихонечко. Мыслишку одну какую-либо допустит – и хватит. Трясутся руки. А мыслишка какой это бог? Власть ли это созидающий или иное что.

И после сам себе:

– Замри, поп Семен. Баста! Не моги про это думать...

И про иное думал. Отвлекался другими предметами.

А кругом – предметов, конечно, неисчислимое количество. И о каждом предмете свой разговор. О каждом предмете – разнохарактерное рассуждение. Да и верно: любой предмет, скажем, взять... Нарочно взять червячишку дождевого самого поганенького. И тотчас двухстороннее размышление о червячишке том.

– Прежде – откуда червяк есть? Из прели, из слизи, химия ли это есть органическая или тоже своеобразной душонкой наделен и богом сделан?

Потом о червяке самом. Физиология. Дышит ли он, стерва, или как там еще иначе... Неизвестно, впрочем, это. Существо это однообразное, тонкое – кишка вроде бы. Не то что грудкой, но и жабрами не наделен от природы. Но дошла ли до этого наука или наука про это умалчивает – неизвестно.

Ах, ей-богу – великолепные какие мысли! Не иначе как в мыслях познаются могущество и сила человека...

Дальше – поверхностное рассуждение, применимое к рыбной ловле... Какой червяк рыбе требуется? А рыбе требуется червяк густой, с окраской. Чтоб он ежесекундно бодрился, сукин сын, вился чтоб вокруг себя. На пего, на стервеца, плюнуть еще нужно. От этого он еще пуще бодрится, в раж входит.

Вот, примерно, такое могущественное, трехстороннее рассуждение о поганом червяке и также о всяком предмете, начиная с грандиозных вещей и кончая гнусной, еле живой мошкой, мошкаррой или, скажем, каракатицей.

От мыслей таких было попу Семену величайшее умиротворение и восторг даже.

Но бог... Ах, темная это сторона! Вилами все на воде писано... Есть ли бог или нету его? Власть ли это? А ежели власть, то какая же власть, что себя ни в какой мере не проявит? Но:

– Замри, поп Семен, баста!

И, может быть, так бы и помер человек, не думая про бога, но случилось незначительное происшествие. Стал после того поп сомневаться в истинном существовании бога. И не то чтобы сам поп Семен дошел до этого путем своих двухсторонних измышлений – какое там! Встреча. С бабой была встреча. С бабой был разговор. От разговора этого ни в какой мере теперь не избавиться. Сомненья, одним словом.

А пришел раз поп к озеру. Утро. Тихая такая благодать. Умиротворение... Прясел поп Семен на бережок...

"Про что же, – думает, – сегодня размышлять буду?"

Червяка наживил. Плюнул на него. Полюбовался его чрезмерной бодростью. Закинул леску.

– Ловись, – сказал, – рыбка большая, ловись и маленькая.

И от радости своего существования, от сладости бытия засмеялся тихонечко.

Вдруг слышит смех ответный. Смотрит поп: баба перед ним стоит. Не баба, впрочем, не мужичка то есть, а заметно, что из города.

"Тьфу на нее, – подумал поп. – Что ей тутотко приспичило?"

А она-то смеется, а она-то юбкой вертит.

– Пи-пи-пи... А я, – говорит, – поп, учительница. В село назначена. Значит, будем вместе жить. А пока – гуляю, видишь ли. Люблю, мол, утром.

– Ну, что ж, и гуляйте, – сказал тихонько поп.

Смеется.

– Вот, – говорит, – вы какой! Я про вас, про философа, кой-чего уже слышала.

"Ну и проходите, мол, дальше!" – подумал поп.

И такое на него остервенение напало – удивительно даже. Человек он добрый, к людям умильный, а тут – неизвестно что. Предчувствие, что ли.

– А чего, – говорит, – слышала?

– Да разное.

Она на него смотрит, а он сердится.

– Чего, – говорит, – смотрите? На мне узоров нету...

И такая началась между ними нелюбезная беседа, что непонятно, как они уж дальше говорить стали.

Только поп слово, а она десять и даже больше. И все о наивысших материях. О людях – о людях. О церкви – о церкви. О боге – о боге... И все со смешком она, с ехидством. И все с вывертами и с выкрутасами всякими.

Растерялся даже поп. Неожиданность все-таки. Больше все его слушали, а тут – не угодно ли – дискуссия!

– Церковь? И церкви вашей но верю. Выражаю недоверие. Пустяки это. Идолопоклонство. Бог? И бога нету. Все есть органическая химия.

Поп едва сказать хочет:

– Позвольте, мол, то есть как это бога нет? То есть как это идолопоклонство?

А она:

– А так, – говорит, – и нету. И вы, говорит, человек умный, а в рясе ходите... Позорно это. А что до храмов, то и храмы вздор. Недомыслие. Дикарям впору. Я, мол, захожу в храмы, а мне смешно. Захожу как к язычникам. Иконы, ризки там всякие, святые – идолы. Лампадки – смешно. Свечи – смешно. Колокола – еще смешнее. Позорно это, поп, для развитых людей.

И ничего так не задело попа, как то, что с легкостью такой невероятной заявила про бога: нету, дескать. Сами-то не верите. Или сомневаетесь.

– То есть как же, – сказал поп, – сомневаюсь?

И вдруг понял с ясностью, что он и точно сомневается. Оробел совсем поп. Копнул в душе раз – туман. Копнул два – неразборчивость. Не думал об этом. Мыслей таких не было. И точно: какой это бог? Правда, что ли? Существо?

Раскинул поп мозгами. Хотел двухсторонне размыслить по привычке, а она опять:

– Идолопоклонство... Но, – говорит, – вот что. Если есть бог, то допустит ли он меня преступление перед ним совершить, а? Допустит? Отвечай, поп.

– Не знаю, – сказал поп. – Может, и не допустит... Ведьма ты... Вот кто ты. Уйди отсюда.

Засмеялась.

– Пойдем, – говорит, – поп, в церковь, я плюнув царские врата.

Раскидал поп червяков. Удилище бросил. Ничего на это учительнице не сказал и пошел себе.

И сам не заметил, как пошел с великим сомнением. Точно: что за пустяки... Ежели бог есть – почему он волю свою не проявит? Почему не разможит на место святотатку? Что за причина не объявить себя хоть этим перед человечеством? А ведь тогда бы и сомненья не было. Каждый бы тогда поверил. А так... Может, и точно, бога нету?.. Идолопоклонение.

И заболел поп с тех пор. Заболел сомнением. Не то что покои свои потерял, а окружающих извел до невозможности. Матушку тоже извел до невозможности. Ненормальный стал.

Рыбу ли удит:

"Ежели, – думает, – ерш – бог есть. Ежели не ершнету".

Плачет матушка обильно, на попа глядячи. Был поп хоть куда, мудрил хотя, о высоких предметах любил выражаться, а тут – сидит у окна, ровно доска.

"Ежели, – думает, – сейчас мужик пройдет – есть бог, ежели баба – нету бога..."

Но всякие прохожие проходили, и мужики и бабы, – а поп все сомневался.

И задумала уж матушка прошение в уезд писать, да случилось таке: просветлел однажды поп. Пришел он раз ясный, веселый даже, моргает матушке.

– Вот, – говорит, – про бога, матушка, это у меня точно – сомнение. Не буду врать. Но ежели есть бог, то должен он мне знаменья дать, что он точно существует. Кивнуть мне должен, мигнуть; дескать, точно, существую, мол, и управляю вселенной. Ежели он знаменья не даст – нету его.

– Пустяки это, – сказала матушка. – Чего тебе до бога? Мигнуть... Ох, болен ты, поп...

– Как чего? – удивился поп. – Вопрос этот поднапирал у меня. Я поверю тогда. А иначе я и службу исполнять не в состоянии. Может, идолопоклонение это, матушка.

Промолчала матушка.

Стал с тех пор поп знаменья ждать. Опять извелся, расстроился, вовсе бросил свое рыбачество. Ходит как больной или в горячке, во всякой дряни сокровенный смысл ищет. Дверь ли продолжительно скрипнет, кастрюлька ли в кухне рухнет, кошка ли курнавчит – на все подозрение. Мало того: людей останавливать стал. У мужиков ответа просить начал. Остановит кого-либо:

– Ну, – спрашивает, – брат, есть ли, по-твоему, бог или бога нету?

Коситься стали мужички. Хитрит, что ли, поп? Может, тайную цель в этом имеет?

И дошло однажды до крайних пределов – метаться стал поп. Не в состоянии был дожидаться знаменья. Ночью раз раскидался в постели, горит весь.

"Что ж это, – думает, – нету, значит, бога? Обман? Вся жизнь, значит, ослепление? Вся жизнь, значит, дурачество было?.. Ходил, ровно чучело, в облачении, кадилом махал... Богу это нужно? Ха! Нужно богу? Бог? Какой бог? Где его знаменье?"

Затрясся поп, сполз с постели, вышел из дому тайно от матушки и к церкви пошел.

"Плону, – подумал поп, – плюну в царские ворота..."

Подумал так, утратился своих мыслей, присел даже на корячки и к церкви пополз.

Дополз поп до церкви.

"Эх, – думает, – знаменье! Знаменье прошу... Если ты есть, бог, обрушь на меня храм. Убей на месте..."

Поднял голову поп, смотрит – в церкви, в боковом окне – свет.

Потом облился поп, к земле прильнул, пополз на брюхе. Дополз. Храм открыт был. В храме были воры.

На лесенке, над иконой чудотворца, стоял парень и ломиком долбил ризу. Внизу стоял мужик – поддерживал лесенку.

– Сволочи! – сказал парень. – Риза-то, брат, никакая – кастрюльного золота. Не стоит лап пачкать... И тут бога обманывают...

Поп пролежал всю ночь в храме.

Наутро поп собрал мужичков, поклонился им в пояс, расчесал свою гриву медным гребешком и овечьими ножницами обкорнал ее до затылка.

И стал с тех пор жить по-мужицки.

1922

НА ЖИВЦА

В трамвае я всегда езжу в прицепном вагоне.

Народ там более добродушный подбирается.

В переднем вагоне скучно и хмуро, и на ногу никому не наступи. А в прицепке, не говоря уже о ногах, мне привольней и веселей.

Иногда там пассажиры разговаривают между собой на отвлеченные философские темы – о честности, например, или о заработной плате. Иногда же случаются и приключения.

На днях ехал я в четвертом номере.

Вот два гражданина против меня. Один с пилой. Другой с пивной бутылкой. Бутылка пустая. Держит человек бутылку в руках и пальцами по ней щелкает. А то к глазу поднесет и глядит на пассажиров через зеленое стекло.

Рядом со мной – гражданка в теплом платке. Сидит она вроде сильно уставшая или больная. И даже глаза по временам закрывает. А рядом с гражданкой – пакет. Этаким в газету завернут и бечевкой перевязан.

И лежит этот пакет не совсем рядом с гражданкой, а несколько поодаль. Гражданка иногда косо на него поглядывает.

– Мамаша! – говорю я гражданке. – Гляди, пакет унесут. Убери на колени.

Гражданка сердито посмотрела на меня, сделала таинственный знак рукой и, приложив палец к своим губам, снова закрыла глаза.

Потом опять с сильным неудовольствием посмотрела на меня и сказала:

– Сбил ты меня с плану, черт такой...

Я хотел было обидеться, но гражданка язвительно добавила:

– А может, я нарочно пакет этот отложила. Что тогда? Может, я и не сплю, а все как есть вижу и нарочно глаза прикрываю?..

– То есть как? – удивился я.

– Как, как... – передразнила гражданка. – Может, я вора на этот пакет хочу поймать...

Пассажиры стали прислушиваться к нашему разговору.

– А чего в пакете-то? – деловито спросил человек с бутылкой.

– Да я же и говорю, – сказала гражданка. – Может, я нарочно туда костей-тряпок напихала... Потому – вор не разбирается, чего в нем. А берет, что под руку попадет... Знаю я, не спорьте. Я, может, с неделю так езжу...

– И что же – попадают? – с любопытством спросил кто-то.

– А то как же, – воодушевилась гражданка. – Обязательно попадают... Давеча дамочка вкапалась... Молоденькая такая, хорошенькая из себя. Черненькая брунеточка... Гляжу я – вертится эта дамочка. После цоп пакет и идет... А-а-а, говорю, вкапалась, подлюга...

– С транвая их, воров-то, скидывать надоть! – сказал сердито человек с пилой.

– Это ни к чему – с трамвая, – вмешался кто-то. – В милицию надо доставлять.

– Конечно, в милицию, – сказала гражданка. – Обязательно в милицию... А то еще другой вкапался... Мужчина, славный такой, добродушный... Тоже вкапался... Взял прежде пакет и держит. Привыкает. Будто свой. А я молчу. И в сторону будто гляжу. А он после встает себе и идет тихонько... А-а, говорю, товарищ, вкапался, гадюка...

– На живца, значит, ловишь-то? – усмехнулся человек с бутылкой. – И многие попадают?

– Да я же и говорю, – сказала гражданка, – попадают.

Она заморгала глазами, глянула в окно, засуетилась и пошла к выходу.

И, уходя из вагона, она сердито посмотрела на меня и снова сказала:

– Сбил ты меня с плану, черт такой! Начал каркать на весь вагон. Теперь, ясно, никто на пакет не позарится. Вот и схожу раньше времени.

Тут кто-то с удивлением произнес, когда она ушла:

– и зачем ей это, братцы мои? Или она хочет воровство искоренить?

Другой пассажир, усмехнувшись, ответил:

– Да нет, ей просто охота, чтоб все люди вокруг воровали.

Человек с пилою сердито сказал:

– Вот какие бывают дьявольские старухи, воспитанные прежним режимом!

1923

ИСПОВЕДЬ

На страстной неделе бабка фекла сильно разорилась – купила за двугривенный свечку и поставила ее перед угодником.

Фекла долго и старательно прилаживала свечку поближе к образу. А когда приладила, отошла несколько поодаль и, любуясь на дело своих рук, принялась молиться и просить себе всяких льгот и милостей взамен истраченного двугривенного.

Фекла долго молилась, бормоча себе под нос всякие свои мелкие просьбишки, потом, стукнув лбом о грязный каменный пол, вздыхая и кряхтя, пошла к исповеди.

Исповедь происходила у алтаря за ширмой.

Бабка фекла встала в очередь за какой-то древней старушкой и снова принялась мелко креститься и бормотать. За ширмой долго не задерживали.

Исповедники входили туда и через минуту, вздыхая и тихонько откашливаясь, выходили, кланяясь угодникам.

"Торопится поп, – подумала фекла. – И чего торопится. Не на пожар ведь. Неблаголепно ведет исповедь".

Фекла вошла за ширму, низко поклонилась попу и припала к ручке.

– Как звать-то? – спросил поп, благословляя.

– Феклой зовут.

– Ну, рассказывай, фекла, – сказал поп, – какие грехи? В чем грешна? Не злословишь ли по-пустому? Не редко ли к богу прибегаешь?

– Грешна, батюшка, конечно, – сказала фекла, кланяясь.

– Бог простит, – сказал поп, покрывая феклу епитрахилью.

– В бога-то веруешь ли? Не сомневаешься ли?

– В бога-то верую, – сказала фекла. – Сын-то, конечно, приходит, например, выражается, осуждает, одним словом. А я-то верую.

– Это хорошо, матка, – сказал поп. – Не поддавайся легкому соблазну. А чего, скажи, сын-то говорит? Как осуждает?

– Осуждает, – сказала фекла. – Это, говорит, пустяки – ихняя вера. Ноту, говорит, не существует бога, хоть все небо и облака обыщи...

– Бог есть, – строго сказал поп. – Не поддавайся на это... А чего, вспомни, сын-то еще говорил?

– Да разное говорил.

– Разное! – сердито сказал, поп. – А откуда все сие окружающее? Откуда планеты, звезды и луна, если богато нет? Сын-то ничего такого не говорил – откуда, дескать, все сие окружающее? Не химия ли это? Припомни не говорил он об этом?

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Дескать, все это химия, а?

– Не говорил, – сказала Фекла, моргая глазами.

– А может, и химия, – задумчиво сказал поп. – Может, матка, конечно, и бога нету – химия все..

Бабка Фекла испуганно посмотрела на попу. Но тот положил ей на голову епитрахиль и стал бормотать слова молитвы.

– Ну иди, иди, – уныло сказал поп. – Не задерживав верующих.

Фекла еще раз испуганно оглянулась на попу и вышла, вздыхая и смиренно покашливая. Потом подошла к своему угодничку, посмотрела на свечку, поправили обгоревший фитиль и вышла из церкви.

1923

БЕДА

Егор Ивапыч, по фамилии Глотов, мужик из деревни Гнилые Прудки, два года копил деньги на лошадь. Питался худо, бросил махорку, а что до самогона, то забыл, какой и вкус в нем. То есть как ножом отрезало – не помнит Егор Иваныч, какой вкус, хоть убей.

А вспомнить, конечно, тянуло. Но крепился мужик. Очень уж ему нужна была лошадь.

"Вот куплю, – думал, – лошадь и клюкну тогда. Будьте покойны".

Два года копил мужик деньги и на третий подсчитал свои капиталы и стал собираться в путь.

А перед самым уходом явился к Егору Иванычу мужик из соседнего села и предложил купить у него лошадь. Но Егор Иваныч предложение это отклонил. И даже испугался.

– Что ты, батюшка! – сказал он. – Я два года солому жрал – ожидал покупки. А тут на-кося – купи у него лошадь. Это вроде как и не покупка будет... Нет, не пугай меня, браток. Я уж в город лучше поеду. Понастоящему чтобы.

И вот Егор Иваныч собрался. Завернул деньги в портянку, натянул сапоги, взял в руки палку и пошел.

А на базаре Егор Иваныч тотчас облюбовал себе лошадь.

Была эта лошадь обыкновенная, мужицкая, с шибко раздутым животом. Масти она была неопределенной – вроде сухой глины с навозом.

Продавец стоял рядом и делал вид, что он ничуть не заинтересован, купят ли у него лошадь.

Егор Иваныч повертел ногой в сапоге, ощупал деньги и, любовно поглядывая на лошадь, сказал:

– Это что ж, милый, лошадь-то, я говорю, это самое, продаешь ай пот?

– Лошадь-то? – небрежно спросил торговец. – Да уж продаю, ладно. Конечно, продаю.

Егор Иваныч тоже хотел сделать вид, что он не нуждается в лошади, но не утерпел и сказал, сияя:

– Лошадь-то мне, милый, вот как требуется. До зарезу нужна мне лошадь. Я, милый ты мой, три года солому жрал, прежде чем купить ее. Вот как мне нужна лошадь... А какая между тем цена будет этой твоей лошади? Только делом говори.

Торговец сказал цену, а Егор Иваныч, зная, что цена эта не настоящая и сказана, по правилам торговли, так, между прочим, не стал спорить. Он принялся осматривать лошадь. Он неожиданно дул ей в глаза и в уши, подмигивая, прищелкивая языком, вилял головой перед самой лошадиной мордой и до того запугал

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
тихую клячу, что та, невозмутимая до сего времени, начала тихонько лягаться, не стараясь, впрочем, попасть в Егор Иваныча.

Когда лошадь была осмотрена, Егор Иваныч снова ощупал деньги в сапоге и, подмигнув торговцу, сказал:

- Продается, значит... лошадь-то?
- Можно продать, – сказал торговец, несколько обижаясь.
- Так... А какая ей цена-то будет? Лошади-то?

Торговец сказал цену, и тут начался торг.

Егор Иваныч хлопал себя по голенищу, дважды снимал сапог, вытаскивая деньги, и дважды надевал снова, божился, вытирал рукой слезы, говорил, что он шесть лет лопал солому и что ему до зарезу нужна лошадь, – торговец сбавлял цену понемногу. Наконец в цене сошлись.

- Бери уж, ладно, – сказал торговец. – Хорошая лошадь. И масть крупная, и цвет, обрати внимание, какой заманчивый.
- Цвет-то... Сомневаюсь я, милый, в смысле лошадиного цвету, – сказал Егор Иваныч. – Неинтересный цвет... Сбавь немного.
- А на что тебе цвет? – сказал торговец. – Тебе что, пахать цветом-то?

Сраженный этим аргументом, мужик оторопело посмотрел на лошадь, бросил шапку наземь, задавил ее ногой и крикнул:

- Пуцай уж, ладно!

Потом сел на камень, снял сапог и вынул деньги. Он долго и с сожалением пересчитывал их и подал торговцу, слегка отвернув голову. Ему было невыносимо смотреть, как скрюченные пальцы разворачивали его деньги.

Наконец торговец спрятал деньги в шапку и сказал, обращаясь уже на вы:

- Ваша лошадь... Ведите...

И Егор Иваныч повел. Он вел торжественно, цокал языком и называл лошадь Маруськой. И только, когда прошел площадь и очутился на боковой улице, понял, какое событие произошло в его жизни. Он вдруг скинул с себя шапку и в восторге стал давить ее ногами, вспоминая, как хитро и умно он торговался. Потом пошел дальше, размахивая от восторга руками и бормоча:

- Купил!.. Лошадь-то... Мать честная... Опутал его... Торговца-то...

Когда восторг немного утих, Егор Иваныч, хитро смеясь себе в бороду, стал подмигивать прохожим, приглашая их взглянуть на покупку. Но прохожие равнодушно проходили мимо.

"Хоть бы землячка для сочувствия... Хоть бы мне землячка встретить", – подумал Егор Иваныч.

И вдруг увидел малознакомого мужика из дальней деревни.

- Кум! – закричал Егор Иваныч. – Кум, поди-кось поскорей сюда!

Черный мужик нехотя подошел и, не здороваясь, посмотрел на лошадь.

- Вот... Лошадь я, этово, купил! – сказал Егор Иваныч.

– Лошадь, – сказал мужик и, не зная, чего спросить, добавил: – Стало быть, не было у тебя лошади?

– В том-то и дело, милый, – сказал Егор Иваныч, – не было у меня лошади. Если б была, не стал бы я трепаться... Пойдем, я желаю тебя угостить.

– Вспрыснуть, значит? – спросил земляк, улыбаясь. – Можно. Что можно, то можно... В "Ягодку", что ли?

Егор Иваныч качнул головой, хлопнул себя по голенищу и повел за собой лошадь. Земляк шел впереди.

Это было в понедельник. А в среду утром Егор Иваныч возвращался в деревню. Лошади с ним не было. Черный мужик провожал Егор Иваныча до немецкой слободы.

– Ты не горюй, – говорил мужик. – Не было у тебя лошади, да и эта не лошадь. Ну, пропил – эка штука. Зато, браток, вспрыснул. Есть что вспомнить.

Егор Иваныч шел молча, сплевывая длинную желтую слюну.

И только, когда земляк, дойдя до слободы, стал прощаться, Егор Иваныч сказал тихо:

– А я, милый, два года солому лопал... зря...

Земляк сердито махнул рукой и пошел назад.

– Стой! – закричал вдруг Егор Иваныч страшным голосом. – Стой! Дядя... милый!

– Чего надо? – строго спросил мужик.

– Дядя... милый... братишка, – сказал Егор Иваныч, моргая ресницами. – Как же это? Два года ведь солому зря лопал... За какое самое... За какое самое это... вином торгуют?

Земляк махнул рукой и пошел в город.

1923

БОГАТАЯ ЖИЗНЬ

Кустарь Илья Иваныч Спиридонов выиграл по золотому займу пять тысяч рублей золотом.

Первое время Илья Иваныч ходил совсем ошалевший, разводил руками, тряс головой и приговаривал:

– Ну и ну... Ну и штука... Да что же это, братцы?..

Потом, освоившись со своим богатством, Илья Иваныч принимался высчитывать, сколько и чего он может купить на эту сумму. Но выходило так много и так здорово, что Спиридонов махал рукой и бросал свои подсчеты.

Ко мне, по старой дружбишке, Илья Иваныч заходил раза два в день и всякий раз со всеми мелочами и новыми подробностями рассказывал, как он узнал о своем выигрыше и какие удивительные переживания были у него в тот счастливый день.

– Ну, что ж теперь делать-то будешь? – спрашивал я. – Чего покупать намерен?

– Да чего-нибудь куплю, – говорил Спиридонов. – Вот дров, конечно, куплю. Кастрюли, конечно, нужны новые для хозяйства... Штаны, конечно...

Илья Иваныч получил наконец из банка целую грудку новеньких червонцев и исчез без следа. По крайней мере он не заходил ко мне более двух месяцев.

Но однажды я встретил Илью Иваныча на улице.

Новый светло-коричневый костюм висел на нем мешком. Розовый галстук лез в лицо и щекотал подбородок. Илья Иваныч ежесекундно одергивал его, сплевывая от злости. Было заметно, что и костюм, и узкий жилет, и пышный галстук мешали человеку и не давали ему спокойно жить.

Сам Илья Иваныч очень похудел и осунулся. И лицо было желтое и нездоровое, со многими мелкими морщинками под глазами.

– Ну, как? – спросил я.

– Да что ж, – уныло сказал Спиридонов. – Живем. Дровец, конечно, купил... А так-то, конечно, скучновато.

– С чего бы?

Илья Иванович махнул рукой и пригласил меня в пивную. Там, одергивая розовый галстук, Илья Иванович сказал:

– Вот все говорят: буржуи, буржуи... Буржуям, дескать, не житье, а малина. А вот я сам, скажем, буржуем побывал, капиталистом... А чего в этом хорошего?

– А что?

– Да как же, – сказал Спиридонов. – Нуте-ка, сами считайте. Родственники и свойственники, которые были мои и женины, – со всеми расплевался. Поссорился. Это, скажем, раз. В народный суд попал я или нет? Попал. Но делу гражданки Быковой. Разбор будет. Эго, скажем, два... Жена, супруга то есть, Марья Игнатъевна, насквозь все дни сидит на сундучке и плачет... Это, скажем, три... Налетчики дверь мне в квартире ломали или нет? Ломали. Хотя и не сломали, но есть мне от этого беспокойство? Есть. Я, может, теперь из квартиры не могу уйти. А если в квартире сидишь, опять плохо – дрова во дворе крадут. Куб у меня дров куплен. Следить надо.

Илья Иванович с отчаянием махнул рукой.

– Чего же ты теперь делать-то будешь? – спросил я.

– А я не знаю, – сказал Илья Иванович. – Прямо хоть в петлю... Я как в первый день получил деньги, так все и началось, все несчастья... То жил спокойно и безмятежно, то повезло со всех концов.

А я как в квартиру с деньгами вкатился, так сразу вижу, что неладно что-то. Родственники, конечно, вижу, колбасятся по квартире. То нет никого, а то сидят на всех стульях. Поздравляют. Я, конечно, дал каждому для потехи по два рубля.

А Мишка, женин братишка, наиболее колбасится.

– Довольно, – говорит, – стыдно по два рубля отваливать, когда, говорит, капиталец есть.

Ну, слово за слово, руками по столу – драка. Кто кого бьет – неизвестно. А Мишка снял с вешалки мое демисезонное пальтишко и вышел.

Ну, расплевался я с родственниками. Стал так жить.

Купил, конечно, всякого добра. Кастрюли купил, пшена на два года. Стал думать, куда еще деньги присобачить. Смотрю – жена по хозяйству трется, ни отдыха ей, ни сроку.

"Не дело, – думаю. – Хоть и баба она, а все-таки равноправная баба. Стоп, думаю. Возьму, думаю, ей в помощь небольшую девчонку. Пуцай девчонка продукты стряпает".

Ну, взял. Девчонка крупу стряпает, а жена, на досуге, сидит целые дни на сундучке и плачет. То работала и веселилась, а то сидит и плачет. Ей, видите ли, на досуге всякие несчастья стали вспоминаться, и как папа ее скончался, и как она замуж за меня вышла... Вообще полезла ей в голову полная ерунда от делать нечего.

Дал я, конечно, супруге денег.

– Сходи, – говорю, – хотя бы в клуб или в театр. Я бы, говорю, и сам с тобой пошел, да мне, видишь ли, за дровами последить надо.

Ну, поплакала баба – пошла в клуб. В лото стала играть. Днем плачет на досуге, а

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
вечером играет. А я за дровами слежу. А девчонка продукты стряпает.

А после председатель заходит и говорит:

– Ты, говорит, что ж это, сукин кот, подростков эксплуатируешь? Почему, говорит, девчонка Быкова не зарегистрирована? Я, говорит, на тебя в народный суд подам, даром что ты деньги выиграл...

Илья Иваныч снова махнул рукой, поправил галстук и замолчал.

– Плохо, – сказал я.

– Еще бы не плохо, – оживился Илья Иваныч. – Сижу, скажем, за пивом, а в груди сосет. Может, сию минуту дрова у меня сперли. Или, может, в квартиру лезут... А у меня самовар новый стоит. И сидеть неохота, и идти неохота. Что ж дома? Жена, конечно, может быть, плачет. Девчонка Быкова тоже плачет – боится под суд идти... Мишка, женин брат, наверное, вокруг квартиры колбасится – влезть хочет... Эх, лучше бы мне и денег этих не выигрывать!

Илья Иваныч расплатился за пиво и грустно пожал мне руку. Я было хотел его утешить на прощанье, но он вдруг спросил:

– А чего это самое... Розыгрыш-то новый скоро ли будет? Тысчонку бы мне, этово, неплохо выиграть для ровного счета...

Илья Иваныч одернул свой розовый галстук и, кивнув мне головой, торопливо пошел к дому.

1923

ЖЕРТВА РЕВОЛЮЦИИ

Ефим Григорьевич снял сапог и показал мне свою ногу. На первый взгляд, ничего в ней особенного не было. И только при внимательном осмотре можно было увидеть па ступне какие-то зажившие ссадины и царапины.

– Заживают, – с сокрушением сказал Ефим Григорьевич. – Ничего не поделаешь – седьмой год все-таки пошел.

– А что это? – спросил я.

– Это? – сказал Ефим Григорьевич. – Это, уважаемый товарищ, я пострадал в Октябрьскую революцию. Нынче, когда шесть лет прошло, каждый, конечно, пытается примазаться: и я, дескать, участвовал в революции, и я, мол, кровь проливал и собой жертвовал. Ну, а у меня все-таки явные признаки. Признаки не соврут... Я, уважаемый товарищ, хотя на заводах и не работал и по происхождению я бывший мещанин города Кронштадта, но в свое время был отмечен судьбой – я был жертвой революции. Я, уважаемый товарищ, был задавлен революционным мотором.

Тут Ефим Григорьевич торжественно посмотрел на меня и, заворачивая ногу в портянку, продолжал:

– Да-с, был задавлен мотором, грузовиком. И не так чтобы как прохожий или там какая-нибудь мелкая пешка, по своей невнимательности или слабости зрения, напротив – я пострадал при обстоятельствах и в самую революцию. Вы бывшего графа Орешина не знали?

– Нет.

– Ну, так вот... У этого графа я и служил. В полотерах... Хочешь не хочешь, а два раза натри им пол. А один раз, конечно, с воском. Очень графы обожали, чтобы с воском. А по мне, так наплевать – только расход лишний. Хотя, конечно, блеск получается. А графы были очень богатые и в этом смысле себя не урезывали.

Так вот такой был, знаете ли, случай: натер я им полы, скажем, в понедельник, а в субботу революция произошла. В понедельник я им натер, в субботу революция, а во вторник, за четыре дня до революции, бежит ко мне ихний швейцар и зовет:

– Иди, говорит, кличут. У графа, говорит, кража и пропажа, а на тебя подозрение.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Живо! А не то тебе голову отвернут.

Я пиджачишко накинул, похряпал на дорогу – и к ним.

Прибегаю. Вваливаюсь, натурально, в комнаты.

Гляжу – сама бывшая графиня бьется в истерике и по ковру пятками бьет.

Увидела она меня и говорит сквозь слезы:

– Ах, говорит, Ефим, комси-комса, не вы ли сперли мои дамские часики, девяносто шестой пробы, обсыпанные брильянтами?

– Что вы, – говорю, – что вы, бывшая графиня! На что, говорю, мне дамские часики, если я мужчина? Смешно, говорю. Извините за выражение.

А она рыдает:

– Нет, – говорит, – не иначе как вы сперли, комсикомса.

И вдруг входит сам бывший граф и всем присутствующим возражает:

– Я, говорит, чересчур богатый человек, и мне раз плюнуть и растереть ваши бывшие часики, но, говорит, это дело я так не оставлю. Руки, говорит, свои я не хочу пачкать о ваше хайло, но подам ко взысканию, комсикомса. Ступай, говорит, отселева.

Я, конечно, посмотрел в окно и вышел.

Пришел я домой, лег и лежу. И ужасно скучаю от огорчения. Потому что не брал я ихние часики.

И лежу я день и два – пищу перестал вкушать и все думаю, где могли быть эти обсыпанные часики.

И вдруг – на пятый день – как ударит меня что-то в голову.

"Батюшки, – думаю, – да ихние часишки я же сам в кувшинчик с пудрой пихнул. Нашел на ковре, думал, медальон, и пихнул".

Накинул я сию минуту на себя пиджачок и, не покушав даже, побежал на улицу. А жил бывший граф на Офицерской улице.

И вот бегу я по улице, и берет меня какая-то неясная тревога. Что это, думаю, народ как странно ходит боком и вроде как пугается ружейных выстрелов и артиллерии? С чего бы это, думаю.

Спрашиваю у прохожих. Отвечают:

– Вчера произошла Октябрьская революция.

Поднажал я – и на Офицерскую.

Прибегаю к дому. Толпа. И тут же мотор стоит. И сразу меня как-то осенило: не попасть бы, думаю, под мотор. А мотор стоит... Ну, ладно. Подошел я ближе, спрашиваю:

– Чего тут происходит?

– А это, – говорят, – мы которых аристократов в грузовик сажаем и арестовываем. Ликвидируем этот класс.

И вдруг вижу я – ведут. Бывшего графа ведут в мотор. Растолкал я народ, кричу:

– В кувшинчике, – кричу, – часики ваши, будь они прокляты! В кувшинчике с пудрой.

А граф, стерва, нуль на меня внимания и садится.

Бросился я ближе к мотору, а мотор, будь он проклят, как зашуршит в тую минуту, как пихнет меня колосьями в сторону.

"Ну, – думаю, – есть одна жертва".

Тут Ефим Григорьевич опять снял сапог и стал с досадой осматривать зажившие метки на ступне. Потом снова надел сапог и сказал:

– Вот-с, уважаемый товарищ, как видите, и я пострадал в свое время и являюсь, так сказать, жертвой революции. Конечно, я не то чтобы этим задаюсь, но я не позволю никому над собой издеваться. А между прочим председатель жилтоварищества обмеривает мою комнату в квадратных метрах, да еще тое место, где комод стоит, – тоже. Да еще издевается: под комодом, говорит, у вас расположено около полметра пола. А какие же это полметра, ежели это место комодом занято? А комод – хозяйский.

1923

АГИТАТОР

Сторож авиационной школы Григорий Косоносов поехал в отпуск в деревню.

– Ну что ж, товарищ Косоносов, – говорили ему приятели перед отъездом, – поедете, так уж вы, того, поагитируйте в деревне-то. Скажите мужичкам: вот, мол, авиация развивается... Может, мужички на аэроплан сложатся.

– Это будьте уверены, – говорил Косоносов, – поагитирую. Что другое, а уж про авиацию, не беспокоитесь, скажу.

В деревню приехал Косоносов осенью и в первый же день приезда отправился в Совет.

– Вот, – сказал, – желаю поагитировать. Как я есть приехавши из города, так нельзя ли собрание собрать?

– Что ж, – сказал председатель, – валяйте, завтра соберу мужичков.

На другой день председатель собрал мужичков у пожарного сарая.

Григорий Косоносов вышел к ним, поклонился и, с непривычки робея, начал говорить дрожащим голосом.

– Так вот, этого... – сказал Косоносов, – авиация, товарищи крестьяне... Как вы есть народ, конечно, темный, то, этого, про политику скажу... Тут, скажем, Германия, а тут Керзон. Тут Россия, а тут... вообще...

– Это ты про что, милый? – не поняли мужички.

– Про что? – обиделся Косоносов. – Про авиацию я. Развивается, этого, авиация... Тут Россия, а тут Китай.

Мужички слушали мрачно.

– Не задерживай! – крикнул кто-то сзади.

– Я не задерживаю, – сказал Косоносов. – Я про авиацию... Развивается, товарищи крестьяне. Ничего не скажу против. Что есть, то есть. Не спорю...

– Непонятно! – крикнул председатель. – Вы, товарищ, ближе к массам...

Косоносов подошел ближе к толпе и, свернув козью ножку, снова начал:

– Так вот, этого, товарищи крестьяне... Строят еропланы и летают после. По воздуху то есть. Ну, иной, конечно, не удержится – бабахнет вниз. Как это летчик товарищ Ермилкин. Взлететь – взлетел, а там как бабахнет, аж кишки врозь...

– Не птица ведь, – сказали мужики.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Я же и говорю, – обрадовался Косоносов поддержке, – известно – не птица. Птица – та упадет, ей хоть бы хрен – отряхнулась и дальше... А тут накось, выкуси... Другой тоже летчик, товарищ Михаил Иваныч Попков. Полетел, все честь честью, бац – в моторе порча... Как бабахнет...

– Ну? – спросили мужики.

– Ей-богу... А то один на деревья сверзился. И висит, что маленький. Испужался, блажит, умора... Разные бывают случаи... А то раз у нас корова под пропеллер сунулась. Раз-раз, чик-чик – и на кусочки. Где роги, а где вообще брюхо – разобрать невозможно... Собаки тоже, бывает, попадают.

– И лошади? – спросили мужики. – Неужто и лошади, родимый, попадают?

– И лошади, – сказал Косоносов. – Очень просто.

– Ишь черти, вред им в ухо, – сказал кто-то. – До чего додумались! Лошадей крошить... И что ж, милый, развивается это?

– Я же и говорю, – сказал Косоносов, – развивается, товарищи крестьяне... Вы, этого, соберитесь миром и жертвуйте.

– Это на что же, милый, жертвовать? – спросили мужики.

– На ероплап, – сказал Косоносов.

Мужики, мрачно посмеиваясь, стали расходиться.

1923

АРИСТОКРАТКА

Григорий Иванович шумно вздохнул, вытер подбородок рукавом и начал рассказывать:

– Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдекосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место.

А в свое время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулял с ней и в театр водил. В театре-то все и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме.

А встретился я с ней во дворе дома. На собрании. Гляжу, стоит этакая фря. Чулочки на ней, зуб золоченый.

– Откуда, – говорю, – ты, гражданка? Из какого номера?

– Я, – говорит, – из седьмого.

– Пожалуйста, – говорю, – живите.

И сразу как-то она мне ужасно понравилась. Зачастил я к ней. В седьмой номер. Бывало, приду, как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует?

– Да, – отвечает, – действует.

И сама кутается в байковый платок, и ни мур-мур больше. Только глазами стрижет. И зуб во рте блестит. Походил я к ней месяц – привыкла. Стала подробней отвечать. Дескать, действует водопровод, спасибо вам, Григорий Иванович.

Дальше – больше, стали мы с ней по улицам гулять. Выйдем на улицу, а она велит себя под руку принять. Приму ее под руку и волочусь, что щука. И чего сказать – не знаю, и перед народом совестно.

Ну, а раз она мне и говорит:

– Что вы, говорит, меня все по улицам водите? Аж голова закрутилась. Вы бы, говорит, как кавалер и у власти, сводили бы меня, например, в театр.

– Можно, – говорю.

И как раз на другой день прислала комячейка билеты в оперу. Один билет я получил, а другой мне Васька-слесарь пожертвовал.

На билеты я не посмотрел, а они разные. Который мой – внизу сидеть, а который Васькин – аж на самой галерке.

Вот мы и пошли. Сели в театр. Она села на мой билет, я – на Васькин. Сажу на верхотурье и ни хрена не вижу. А ежели нагнуться через барьер, то ее вижу. Хотя плохо. Поскучал я, поскучал, вниз сошел. Гляжу – антракт. А она в антракте ходит.

– Здравствуйте, – говорю.

– Здравствуйте.

Интересно, – говорю, – действует ли тут водопровод?

– Не знаю, – говорит.

И сама в буфет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные.

А я таким гусем, таким буржуем нерезанным вьюсь вокруг нее и предлагаю:

– Ежели, говорю, вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.

– Мерси, – говорит.

И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет.

А денег у меня – кот наплакал. Самое большое, что па три пирожных. Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег – с гулькин нос.

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крикнул. И молчу. Взяла меня этакая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах.

Я хожу вокруг нее, что петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается.

Я говорю:

– Не пора ли нам в театр сесть? Звонили, может быть.

А она говорит:

– Нет.

И берет третье.

Я говорю:

– Натощак – не много ли? Может вытошнить.

А она:

– Нот, – говорит, – мы привыкшие.

И берег четвертое.

Тут ударила мне кровь в голову.

– Ложи, – говорю, – взад!

А она испужалась. Открыла рот, а во рте зуб блестит.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru

А мне будто попала жожа под хвост. Все равно, думаю, теперь с пей не гулять.

– Ложи, – говорю, – к чертовой матери!

Положила она назад. А я говорю хозяину:

– Сколько с нас за скушанные три пирожные?

А хозяин держится индифферентно – ваньку валяет.

– С вас, – говорит, – за скушанные четыре штуки столько-то.

– Как, – говорю, – за четыре?! Когда четвертое в блюде находится.

– Нету, – отвечает, – хотя оно и в блюде находится, но надкус на ем сделан и пальцем смято.

– Как, – говорю, – надкус, помилуйте! Это ваши смешные фантазии.

А хозяин держится индифферентно – перед рожей руками крутит.

Ну, народ, конечно, собрался. Эксперты.

Одни говорят – надкус сделан, другие – нету.

А я вывернул карманы – всякое, конечно, барахло на пол вывалилось, народ хохочет. А мне не смешно. Я деньги считаю.

Сосчитал деньги – в обрез за четыре штуки. Зря, мать честная, спорил.

Заплатил. Обращаюсь к даме:

– Докушайте, говорю, гражданка. Заплачено.

А дама не двигается. И конфузится докушивать.

А тут какой-то дядя ввязался.

– Давай, – говорит, – я докушаю.

И докушал, сволочь. За мои-то деньги.

Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой.

А у дома она мне и говорит своим буржуйским тоном:

– Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег – не ездют с дамами.

А я говорю.

– Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за выражение.

Так мы с ней и разошлись.

Не нравятся мне аристократки.

1923

СТАКАН

Тут недавно маляр Иван Антонович Блохин скончался по болезни. А вдова его, средних лет дамочка, Марья Васильевна Блохина, на сороковой день небольшой пикничок устроила.

И меня пригласила.

– Приходите, – говорит, – помянуть дорогого покойника чем бог послал. Курей и жареных утей у нас, говорит, не будет, а паштетов тоже не предвидится. Но чаю хлебайте, сколько угодно, вволю и даже можете с собой домой брать.

Я говорю:

– В чае хотя интерес не большой, но прийти можно. Иван Антонович Блохин довольно, говорю, добродушно ко мне относился и даже бесплатно потолок побелил.

– Ну, – говорит, – приходите тем более.

В четверг я и пошел.

А народу приперлось множество. Родственники всякие. Деверь тоже, Петр Антонович Блохин. Ядовитый такой мужчина со стоячими кверху усиками. Против арбуза сел. И только у него, знаете, и делов, что арбуз отрезает перочинным ножом и кушает.

А я выкушал один стакашек чаю, и неохота мне больше. Душа, знаете, не принимает. Да и вообще чаишко неважный, надо сказать, – шваброй малость отзывает. И взял я стакашек и отложил к черту в сторону.

Да маленько неаккуратно отложил. Сахарница тут стояла. Об эту сахарницу я прибор и кокнул, об ручку. А стакашек, будь он проклят, возьми и трещину дай.

Я думал, не заметят. Заметили, дьяволы.

Вдова отвечает:

– Никак, батюшка, стакан тюкнули?

Я говорю:

– Пустяки, Марья Васильевна Блохина. Еще продержится.

А деверь нажрался арбуза и отвечает:

– То есть как это пустяки? Хорошие пустяки. Вдова их в гости приглашает, а они у вдовы предметы тюкают.

А Марья Васильевна осматривает стакан и все больше расстраивается.

– Это, – говорит, – чистое разорение в хозяйстве – стаканы бить. Это, говорит, один – стакан тюкнет, другой – крантик у самовара начисто оторвет, третий – салфетку в карман сунет. Это что ж и будет такое?

А деверь, паразит, отвечает:

– Об чем, говорит, речь. Таким, говорит, гостям прямо морды надо арбузом разбивать.

Ничего я на это не ответил. Только побледнел ужасно и говорю:

– Мне, говорю, товарищ деверь, довольно обидно про морду слушать. Я, говорю, товарищ деверь, родной матери не позволю морду мне арбузом разбивать. И вообще, говорю, чай у вас шваброй пахнет. Тоже, говорю, приглашение. Вам, говорю, чертям, три стакана и одну кружку разбить – и то мало.

Тут шум, конечно, поднялся, грохот.

Деверь наиболее других колбасится. Съеденный арбуз ему, что ли, в голову бросился.

И вдова тоже трясется мелко от ярости.

– У меня, – говорит, – привычки такой нету – швабры в чай дожить. Может, это вы дома лежите, а после на людей тень наводите. Маляр, говорит, Иван Антонович в гробе, наверное, повертывается от этих тяжелых слов... Я, говорит, щучий сын, не оставлю вас так после этого.

Ничего я на это не ответил, только говорю:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Тьфу на всех, и на деверя, говорю, тьфу.

И поскорее вышел.

Через две недели после этого факта повестку в суд получаю по делу Блохиной.

Являюсь и удивляюсь.

Нарсудья дело рассматривает и говорит:

– Нынче, говорит, все суды такими делами закручены, а тут еще, не угодно ли. Платите, говорит, этой гражданке двугривенный и очищайте воздух в камере.

Я говорю:

– Я платить не отказываюсь, а только пушай мне этот треснувший стакан отдадут из принципа.

Вдова говорит:

– Подавись этим стаканом. Бери его.

На другой день, знаете, ихний дворник Семен приносит стакан. И еще нарочно в трех местах треснувший.

Ничего я на это не сказал, только говорю:

– Передай, говорю, своим сволочам, что теперь я их по судам затаскаю.

Потому, действительно, когда характер мой задет, – я могу до трибунала дойти.

1923

СОБАЧИЙ НЮХ

У купца Еремея Бабкина сперли енотовую шубу.

Взвыл купец Еремей Бабкин. Жалко ему, видите ли, шубы.

– Шуба-то, – говорит, – больно хороша, граждане. Жалко. Денег не пожалею, а уж найду преступника. Плюну ему в морду.

И вот вызвал Еремей Бабкин уголовную собаку-ищейку. Является этакий человек в кепочке, в обмотках, а при нем собака. Этакая даже собачища коричневая, морда острая и несимпатичная.

Ткнул этот человек собачку свою в следы возле двери, сказал "пс" и отошел. Понюхала собака воздух, повела по толпе глазом (народ, конечно, собрался) и вдруг к бабке Фекле, с пятого номера, подходит и нюхает ей подол. Бабка за толпу. Собака за юбку. Бабка в сторону – и собака за ней. Ухватила бабку за юбку и не пукает.

Рухнула бабка на колени перед агентом.

– Да, – говорит, – попалась. Не отпираюсь. И, говорит, пять ведер закваски – это так. И аппарат – это действительно верно. Все, говори г, находится в ванной комнате. Ведите меня в милицию.

Ну, народ, конечно, ахнул.

– А шуба? – спрашивают.

– Про шубу, – говорит, – ничего не знаю и ведать не ведаю, а остальное – это так. Ведите меня, казните.

Ну, увели бабку.

Снова взял агент собачищу свою, снова ткнул ее носом в следы, сказал "пс" и отошел.

Повела собачища глазом, понюхала пустой воздух и вдруг к гражданину управдому подходит.

Побледнел управдом, упал навзничь.

– Вяжите, – говорит, – меня, люди добрые, сознательные граждане. Я, говорит, за воду деньги собрал, а те деньги на прихоти свои истратил.

Ну, конечно, жильцы навалились на управдома, стали вязать. А собачища тем временем подходит к гражданину из седьмого номера. И тербит его за штаны.

Побледнел гражданин, свалился перед народом.

– Виноват, – говорит, – виноват. Я, говорит, это верно, в трудовой книжке год подчистил. Мне бы, говорит, жеребцу, в армии служить и защищать отечество, а я живу в седьмом номере и пользуюсь электрической энергией и другими коммунальными услугами. Хватайте меня!

Растерялся народ.

"Что, – думает, – за такая поразительная собака?"

А купец Еремей Бабкин заморгал очами, глянул вокруг, вынул деньги и подает их агенту.

– Уводи, – говорит, – свою собачищу к свиньям собачьим. Пущай, говорит, пропадает енотовая шуба. Пес с ней...

А собачища уж тут. Слоит перед купцом и хвостом вертит.

Растерялся купец Еремей Бабкин, отошел в сторону, а собака за ним. Подходит к нему и его калоши нюхает.

Заблекотал купец, побледнел.

– Ну, – говорит, – бог правду видит, если так. Я, говорит, и есть сукин кот и мазурик. И шуба-то, говорит, братцы, не моя. Шубу-то, говорит, я у брата своего зажил. Плачу и рыдаю!

Бросился тут народ врассыпную. А собачище и воздух некогда нюхать, схватила она двоих или троих – кто подвернулся – и держит.

Покаялись эти. Один казенные денежки в карты пропер, другой супругу свою утюгом ткнул, третий такое сказал, что и передать неловко.

Разбежался народ. Опустел двор. Остались только собака да агент.

И вот подходит вдруг собака к агенту и хвостом виляет. Побледнел агент, упал перед собакой.

– Кусайте, – говорит, – меня, гражданка. Я, говорит, на ваш собачий харч три червонца получаю, а два себе беру...

Чего было дальше – неизвестно. Я от греха поскорее смылся.

1923

ЛЮБОВЬ

Вечеринка кончилась поздно.

Вася Чесноков, утомленный и вспотевший, с распорядительским бантом на гимнастерке, стоял перед Машенькой и говорил умоляющим тоном:

– Обождите, радость моя... Обождите первого трамвая. Куда же вы, ей-богу, в самом деле... Тут и посидеть-то можно, и обождать, и все такое, а вы идете... Обождите первого трамвая, ей-богу. А то и вы, например, вспотевши, и я вспотевши... Так ведь и захворать можно по морозу...

– Нет, – сказала Машенька, надевая калоши. – И какой вы кавалер, который даму не может по морозу проводить?

– Так я вспотевши же, – говорил Вася, чуть не плача.

– Ну, спевайтесь!

Бася Чесноков покорно надел шубу и вышел с Машенькой на улицу, крепко взяв ее под руку.

Было холодно. Светила луна. И под ногами скрипел снег.

– Ах, какая вы беспокойная дамочка, – сказал Вася Чесноков, с восхищением рассматривая Машенькин профиль. – Не будь вы, а другая – ни за что бы не пошел провожать. Вот, ей-богу, в самом деле. Только из-за любви и пошел.

Машенька засмеялась.

– Вот вы смеетесь и зубки скалите, – сказал Вася, – а я действительно, Марья Васильевна, горячо вас обожаю и люблю. Вот скажите: лягте, Вася Чесноков, на трамвайный путь, на рельсы и лежите до первого трамвая – и лягу. Ей богу...

– Да бросьте вы, – сказала Машенька, – посмотрите лучше, какая чудная красота вокруг, когда луна светит. Какой красивый город по ночам! Какая чудная красота!

– Да, замечательная красота, – сказал Вася, глядя с некоторым изумлением на облупленную штукатурку дома. – Действительно, очень красота... Вот и красота тоже, Марья Васильевна, действует, ежели действительно питаешь чувства... Вот многие ученые и партийные люди отрицают чувства любви, а я, Марья Васильевна, не отрицаю. Я могу питать к вам чувства до самой смерти и до самопожертвования. Ей-богу... Вот скажите: ударюсь, Вася Чесноков, затылком об тую стенку – ударюсь.

– Ну, поехали, – сказала Машенька не без удовольствия.

– Ей-богу, ударюсь. Желаете?

Парочка вышла на Крюков канал.

– Ей-богу, – снова сказал Вася, – хотите вот – брошусь в канал? А, Марья Васильевна? Вы мне не верите, а я могу доказать...

Вася Чесноков взялся за перила и сделал вид, что лезет.

– Ах! – закричала Машенька. – Вася! Что вы!

Какая-то мрачная фигура вынырнула вдруг из-за угла и остановилась у фонаря.

– Что разорались? – тихо сказала фигура, подробно осматривая парочку.

Машенька в ужасе вскрикнула и прижалась к решетке.

Человек подошел ближе и потянул Васю Чеснокова за рукав.

– Ну, ты, мырра, – сказал человек глухим голосом. – Скидавай пальто. Да живо. А пикнешь – стукну по балде, и нету тебя. Понял, сволочь? Скидавай!

– Па-па-па, – сказал Вася, желая этим сказать: позвольте, как же так?

– Ну! – человек потянул за борт шубы.

Вася дрожащими руками расстегнул шубу и снял.

– И сапоги тоже сьмай! – сказал человек. – Мне и сапоги требуются.

– Па-па-па, – сказал Вася, – позвольте... мороз...

– Ну!

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Даму не трогаете, а меня – сапоги снимай, – проговорил Вася обидчивым тоном, – у ей и шуба и калоши, а я сапоги снимай.

Человек спокойно посмотрел на Машеньку и сказал:

– С ее снимешь, понесешь узлом – и засыпался.

Знаю, что делаю. Снял?

Машенька в ужасе глядела на человека и не двигалась. Вася Чесноков присел на снег и стал расшнуровывать ботинки.

– У ей и шуба, – снова сказал Вася, – и калоши, а я отдувайся за всех...

Человек напялил на себя Васину шубу, сунул ботинки в карманы и сказал:

– Сиди и не двигайся и зубами не колоти. А ежели крикнешь или двинешься – пропал. Понял, сволочь?

И ты, дамочка...

Человек поспешно запахнул шубу и вдруг исчез.

Вася обмяк, скис и кулем сидел на снегу, с недоверием посматривая на свои ноги в белых носках.

– Дождались, – сказал он, со злобой взглянув на Машеньку. – Я же ее провожай, я и имущества лишайся. Да?

Когда шаги грабителя стали совершенно неслышны, Вася Чесноков заерзал вдруг ногами по снегу и закричал топким, пронзительным голосом:

– Караул! Грабят!

Потом сорвался с места и побежал по снегу, в ужасе подпрыгивая и дергая ногами. Машенька осталась у решетки.

1924

ЖЕНИХ

На днях женился Егорка Басов. Взял он бабу себе здоровую, мордастую, пудов на пять весом. Вообще повезло человеку.

Перед тем Егорка Басов три года ходил вдовцом – никто не шел за него. А сватался Егорка чуть не к каждой. Даже к хромой солдатке из местечка. Да дело расстроилось из-за пустяков.

Об этом сватовстве Егорка Басов любил поговорить. При этом врал он невероятно, всякий раз сообщая все новые и удивительные подробности.

Все мужики наизусть знали эту историю, но при всяком удобном случае упрашивали Егорку рассказать сначала, заранее давась от смеха.

– Так как же ты, Егорка, сватался-то? – спрашивали мужики, подмигивая.

– Да так уж, – говорил Егорка – обмишурился.

– Заторопился, что ли?

– Заторопился, – говорил Егорка. – Время было, конечно, горячее – тут и косить, тут и носить, и хлеб собирать. А тут, братцы мои, помирает моя баба. Сегодня она, скажем, свалилась, а завтра ей хуже. Мечется, и бредит, и с печки падает.

– Ну, – говорю я ей, – спасибо, Катерина Васильевна, без ножа вы меня режете. Не вовремя помирать решили. Потерпите, говорю, до осени, а осенью помирайте.

А она отмахивается.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Ну, позвал я, конечно, лекаря. За пуд овса. Лекарь пересыпал овес в свой мешок и говорит:

– Медицина, говорит, бессильна что-либо предпринять. Не иначе, как помирает ваша бабочка.

– От какой же, – спрашиваю, – болезни? Извините за нескромный вопрос.

– Это, – говорит, – медицине опять-таки неизвестно.

Дал все-таки лекарь порошки и уехал.

Положили мы порошки за образа – не помогает. Брендит баба, и мечется, и с печки падает. И к ночи помирает.

Взвыл я, конечно. Время, думаю, горячее – тут и носить, тут и косить, а без бабы немислимо. Чего делать – неизвестно. А ежели, например, жениться, то опять-таки на ком это жениться? Которая, может, и пошла бы, да неловко ей наспех. А мне требуется наспех.

Заложил я лошадь, надел новые штаны, ноги вымыл и поехал.

Приезжаю в местечко. Хожу по знакомым.

– Время, – говорю, – горячее, разговаривать много не приходится, нет ли, говорю, среди вас какой ни на есть захудалой бабочки, хотя бы слепенькой. Интересуюсь, говорю, женитьбой.

– Есть, – говорят, – конечно, но время горячее, браком никто не интересуется. Сходите, говорят, к Анисье, к солдатке, может, ту обломаете.

Вот я и пошел.

Прихожу. Смотрю – сидит на сундуке баба и ногу чешет.

– Здравствуйте, – говорю. – Перестаньте, говорю, чесать ногу – дело есть.

– Это, – отвечает, – одно другому не мешает.

– Ну, – говорю, – время горячее, спорить с вами много не приходится, вы да я – нас двое, третьего не требуется, округимся, говорю, и завтра выходите на работу снопы вязать.

– Можно, – говорит, – если вы мной интересуетесь.

Посмотрел я на нее. Вижу – бабочка ничего, что надо, плотная и работать может.

– Да, – говорю, – интересуюсь, конечно. Но, говорю, ответьте мне, все равно как на анкету, сколько вам лет от роду?

– А лет, – отвечает, – не так много, как кажется. Лета мои не считаны. А год рождения, сказать – не соврать, одна тыща восемьсот восемьдесят шестой.

– Ну, – говорю, – время горячее, долго считать не приходится. Ежели не врете, то ладно.

– Нет, – говорит, – не вру, за вранье бог накажет. Сбираться, что ли?

– Да, – говорю, – собирайтесь. А много ли имеете вещичек?

– Вещичек, – говорит, – не так много: дыра в кармане да вошь на аркане. Сундучок да перина.

Взяли мы сундучок и перину на телегу. Прихватил я еще горшок и два полена, и поехали.

Я гоню лошадь, тороплюсь, а бабочка моя на сундуке трясется и планы решает –

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
как жить будет да чего ей стряпать, да не мешало бы, дескать, в баньку сходить – три года не хожено.

Наконец приехали.

– Вылезайте, – говорю.

Вылезает бабочка с телеги. Да смотрю, как-то неинтересно вылезает боком и вроде бы хромает на обе ноги. Фу ты, думаю, глупость какая!

– Что вы, – говорю, – бабочка, вроде бы хромаете?

– Да нет, – говорит, – это я так, кокетничаю.

– Да как же, помилуйте, так? Дело это серьезное, ежели хромаете. Мне, – говорю, – в хозяйстве хромать не требуется.

– Да нет, – говорит, – это маленько на левую ногу. Полвершка, говорит, всего и нехватка.

– Пол, – говорю, – вершка или вершок – это, говорю, не речь. Время, говорю, горячее – мерить не приходится. Но, говорю, это немисливо. Это и воду понесете – расплескаете. Извините, говорю, обмишурился.

– Нет, – говорит, – дело заматано.

– Нет, – говорю, – не могу. Все, говорю, подходит: и мордovorот ваш мне нравится, и лета – одна тыща восемьсот восемьдесят шесть, но не могу. Извините – промигал ногу.

Стала тут бабочка кричать и чертыхаться, драться, конечно, полезла, не без того. А я тем временем выношу полегоньку имущество на двор.

Съездила она мне раз или два по морде – не считал, а после и говорит:

– Ну, говорит, стручок, твое счастье, что заметил. Вези, говорит, назад.

Сели мы в телегу и поехали.

Только не доехали, может, семи верст, как взяла меня ужасная злоба.

"Время, – думаю, – горячее, разговаривать много не приходится, а тут извольте развезить невест по домам".

Скинул я с телеги ейное имущество и гляжу, что будет. А бабочка не усидела и за имуществом прыгнула. А я повернул кобылку – и к лесу.

А на этом дело кончилось.

Как она дошла домой с сундуком и с периной, мне неизвестно. А только дошла. И через год замуж вышла. И теперь на сносях.

1924

СЧАСТЬЕ

Иной раз хочется подойти к незнакомому человеку и спросить: ну, как, братишка, живешь? Доволен ли ты своей жизнью? Было ли в твоей жизни счастье? Ну-ка, окинь взглядом все прожитое.

С тех пор, как открылся у меня катар желудка, я у многих об этом спрашиваю.

Иные шуточкой на это отделяваются – дескать, живу – хлеб жую. Иные врать начинают – дескать, живу роскошно, лучше не надо, получаю по шестому разряду, семьей доволен.

И только один человек ответил мне на этот вопрос серьезно и обстоятельно. А ответил мне дорогой мой приятель, Иван Фомич Тестов. По профессии он стекольщик. Человек сам немудреный. И с бородой.

– Счастье-то? – спросил он меня. – А как же, – обязательно счастье было.

– Ну, и что же, – спросил я, – большое счастье было?

– Да уж большое оно или оно маленькое – неизвестно, а только оно на всю жизнь запомнилось.

Иван Фомич выкурил две папиросы, собрался с мыслями, подмигнул мне для чего-то и стал рассказывать.

– А было это, дорогой товарищ, лет, может, двадцать или двадцать пять назад. И был я тогда красивый и молодой, усики носил стоячие и нравился себе. И все, знаете ли, ждал, когда мне счастье привалит. А года между тем шли своим чередом, и ничего такого не происходило. Не заметил я, как и женился, и как на свадьбе с жениными родственниками подрался, и как жена после того дите родила. И как жена в свое время скончалась. И как дите тоже скончалось. Все шло тихо и гладко. И особенного счастья в этом не было.

Ну, а раз, 27 ноября, вышел я на работу, а после работы под вечер зашел в трактир и спросил себе чаю.

Сижу и пью с блюдечка. И думаю: вот, дескать, года идут своим чередом, а счастья-то и незаметно.

И только я так подумал – слышу разные возгласы. Оборачиваюсь – хозяин машет рукой, и половой мальчишка машет рукой, а перед ними царский солдат стоит и пытается к столику присесть. А его хозяин из-за столика выбивает и не позволяет сесть.

– Нету, – кричит, – вашему брату солдату не дозволено в трактирах за столики присаживать. Мне за его штраф плати. Ступай себе, милый.

А солдат пьяный и все присаживается. А хозяин его выбивает. А солдат родителей вспоминает.

– Я, – кричит, – такой же, как и не вы! Желаю за столик присесть.

Ну, посетители помогли – выперли солдата. А солдат схватил булыжник с мостовой и как брызнет в зеркальное стекло. И теку.

А стекло зеркальное – четыре на три, и цены ему нету.

У хозяина руки и ноги подкосились. Присел он на корячки, головой мотает и пугается на окно взглянуть.

– Что ж это, – кричит, – граждане? Разорил меня солдат. Сегодня суббота, завтра воскресенье – два дня без стекла. Стекольщика враз не найти, и без стекла посетители обижаются.

А посетители, действительно, обижаются:

– Дует, – говорят, – из пробитого отверстия. Мы пришли в тепле посидеть, а тут эвон дыра какая.

Вдруг я кладу блюдечко на стол, закрываю шапкою чайник, чтоб он не простыл, и равнодушно подхожу к хозяину.

– Я, – говорю, – любезный коммерсант, стекольщик.

Ну, обрадовался он, пересчитал в кассе деньги и спрашивает:

– А сколько эта музыка стоит? Нельзя ли из кусочков сладить?

– Нету, – говорю, – любезный коммерсант, из кусочков ничего не выйдет. Требуется полное стекло четыре на три. А цена тому зеркальному стеклу будет семьдесят пять целковых и бой мне. Цена, любезный коммерсант, вне конкуренции и без запроса.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Что ты, – говорит хозяин, – объелся? Садись, говорит, обратно за столик и пей чай. За такую, говорит, сумму я лучше периной заткну отверстие.

И велит он хозяйке моментально бежать на квартиру и принести перину.

И вот приносят перину и затыкают. Но перина вываливается то наружу, то вовнутрь и вызывает смех. А некоторые посетители даже обижаются дескать, темно, и некрасиво чай пить.

А один, спасибо, встает и говорит:

– Я, говорит, на перину и дома могу глядеть, на что мне ваша перина?

Ну, хозяин снова подходит ко мне и умоляет моментально бежать за стеклом и дает деньги.

Чаю я не стал допивать, зажал деньги в руку и побежал.

Прибегаю в стекольный магазин – магазин закрывается. Умоляю и прошу впустили.

И все, как я и думал, и даже лучше: стекло четыре на три тридцать пять рублей, за переноску – пять, итого сорок.

И вот стекло вставлено.

Допиваю я чай с сахаром, спрашиваю рыбную селянку, после – рататуй. Съедаю все и, шатаюсь, выхожу из чайной. А в руке чистых тридцать рублей. Хочешь – на них пей, хочешь – на что хочешь.

Эх, и пил же я тогда. Два месяца пил. И покупки, кроме того, сделал: серебряное кольцо и теплые стельки. Еще хотел купить брюки с блюзой, но не хватило денег.

– Вот, дорогой товарищ, как видите, и в моей жизни было счастьешко. Но только раз. А вся остальная жизнь текла ровно, и большого счастья не было.

Иван Фомич замолчал и снова, неизвестно для чего, подмигнул мне.

Я с завистью посмотрел на своего дорогого приятеля. В моей жизни такого счастья не было.

Впрочем, может, я не заметил.

1924

НЕ НАДО ИМЕТЬ РОДСТВЕННИКОВ

Два дня Тимофей Васильевич разыскивал своего племянника, Серегу Власова. А на третий день, перед самым отъездом, нашел. В трамвае встретил.

Сел Тимофей Васильевич в трамвай, вынул гривенник, хотел подать кондуктору, только глядит – что такое? Личность кондуктора будто очень знакомая. Посмотрел Тимофей Васильевич – да! Так и есть – Сергей Власов собственной персоной в трамвайных кондукторах.

– Ну! – закричал Тимофей Васильевич. – Серега! Ты ли это, друг ситный?

Кондуктор сконфузился, поправил, без всякой видимой нужды, катушки с билетиками и сказал:

– Сейчас, дядя... билеты додам только.

– Ладно! Можно, – радостно сказал дядя. – Я обожду.

Тимофей Васильевич засмеялся и стал объяснять пассажирам:

– Это он мне родной родственник, Серега Власов. Брата Петра сын... Я его семь лет не видел... Сукинова сына...

Тимофей Васильевич с радостью посмотрел на племянника и закричал ому:

– А я тебя, Серега, друг ситный, два дня ищу. По городу роюсь. А ты вон где! Кондуктором. А я и по адресу ходил. На Разночинную улицу. Нету, отвечают. Мол, выбыл с адреса. Куда, отвечаю, выбыл, ответьте, говорю, мне. Я его родной родственник. Не знаем, говорят... А ты вон где – кондуктором, что ли?

– Кондуктором, – тихо ответил племянник.

Пассажиры стали с любопытством рассматривать родственника. Дядя счастливо смеялся и с любовью смотрел на племянника, а племянник явно конфузился и, чувствуя себя при исполнении служебных обязанностей, не знал, что ему говорить и как вести себя с дядей.

– Так, – снова сказал дядя, – кондуктором, значит. На трамвайной линии?

– Кондуктором...

– Скажи какой случай! А я, Серега, друг ситный, сел в трамвай, гляжу – что такое? Обличность будто у кондуктора чересчур знакомая. А это ты. Ах, твою семь-восемь!.. Ну, я же рад... Ну, я же доволен...

Кондуктор потоптался на месте и вдруг сказал:

– Платить, дядя, нужно. Билет взять... Далеко ли вам?

Дядя счастливо засмеялся и хлопнул по кондукторской сумке.

– Заплатил бы! Ей-богу! Сядь я на другой номер или, может быть, вагон пропусти – и баста – заплатил бы. Плакали бы мои денежки. Ах, твою семь-восемь!.. А я еду, Серега, друг ситный, до вокзала.

– Две станции, – уныло сказал кондуктор, глядя в сторону.

– Нет, ты это что? – удивился Тимофей Васильевич. – Ты это чего, ты правду?

– Платить, дядя, надо, – тихо сказал кондуктор. – Две станции... Потому как нельзя дарма, без билетов, ехать...

Тимофей Васильевич обиженно сжал губы и сурово посмотрел на племянника.

– Ты это что же – с родного дядю? Дядю грабишь?

Кондуктор тоскливо посмотрел в окно.

– Мародерствуешь, – сердито сказал дядя. – Я тебя, сукинова сына, семь лет не видел, а ты чего это? Деньги требуешь за проезд. С родного дядю? Ты не махай на меня руками. Хотя ты мне и родной родственник, но я твоих рук не испужался. Не махай, не делай ветру перед пассажирами.

Тимофей Васильевич повертел гривенник в руке и сунул его в карман.

– Что же это, братцы, такое? – обратился Тимофеи Васильевич к публике. – С родного дядю требует. Две, говорит, станции... А?

– Платить надо, – чуть не плача сказал племянник. – Вы, товарищ дядя, не сердитесь. Потому как не мой здесь трамвай. А государственный трамвай. Народный.

– Народный, – сказал дядя, – меня это не касается. Мог бы ты, сукин сын, родного дядю уважить. Мол, спрячьте, дядя, ваш трудовой гривенник. Езжайте на здоровье. И не развалится от того трамвай. Я в поезде давеча ехал... Не родной кондуктор, а и тот говорит: пожалуйста, говорит, Тимофей Васильевич, что за счеты... Так садитесь... И доvez... не родной... Только земляк знакомый. А ты это что – родного дядю... Не будет тебе денег.

Кондуктор вытер лоб рукавом и вдруг позвонил.

– Сойдите, товарищ дядя, – официально сказал племянник.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru

Видя, что дело принимает серьезный оборот, Тимофей Васильевич всплеснул руками, снова вынул гривенник, потом опять спрятал.

– Нет, – сказал, – не могу! Не могу тебе, сопляку, заплатить. Лучше пуцай сойду.

Тимофей Васильевич торжественно и возмущенно встал и направился к выходу. Потом обернулся.

– Дядю... родного дядю гонишь, – с яростью сказал Тимофей Васильевич. – Да я тебя, сопляка... Я тебя, сукинова сына... Я тебя расстрелять за это могу. У меня много концов...

Тимофей Васильевич уничтожающе посмотрел на племянника и сошел с трамвая.

1924

ИГРА ПРИРОДЫ

Конечно, не всем жить в столицах. Некоторые, например, людишки запросто живут на станции Рыбацкий поселок.

Удобств на этой станции, конечно, поменьше будет, чем в столице. Там, скажем, проспектов нету. А вышел со станции и при по шпалам. А не хочешь по шпалам – сиди всю жизнь на вокзале.

Один наш знакомый, коренной житель Рыбацкого поселка, не выдержал однажды и пошел прогуляться. А дело было еще весной.

Так вышел он с вокзала и идет по шпалам. Весной было дело. В апреле. Перед самой пасхой.

Идет он по шпалам. А дорога, сами знаете, какая – шпалы. А тут еще весенняя слякоть, лужи. В сторону сойти, прямо скажем, нехорошо – утонуть можно. Потому весна. Природа тает. Распускается.

Так вот, идет наш знакомый вдоль линии. Идет и о чем-то размечтался. А дело, я говорю, весной было. После пасхи. В конце апреля. Птички порхают. Чирикание такое раздается. Воздух этакий сумасшедший.

Вот идет, знаете, наш знакомый и думает: дескать, птичкам-то хорошо сверху чирикать, а пусти птичку по шпалам – небось заглохнет.

Так вот он подумал и в эту минуту оступился в сторону. А дело, надо сказать, еще весной было. На пасху. Мокро.

Оступился он в сторону и попал ногой в яму. И окунулся по колено в воду.

Вынул ногу наш знакомый. Побледнел.

"Хорошо еще, – думает, – что я без барышни иду. А нуте, пусти меня с барышней – срамота. Нога, сволочь, мокрая. Капает. Подштанники развязались. Штрипки висят. Сапоги второй год не чищены. Морда жуткая. Срамота!"

Очень рассердился наш знакомый.

"Ах, так! – думает. – Колдобины с водой? На путях государственного строительства. Пуцай, значит, шпалы гниют? И народ пуцай окунается? Так и запишем".

Пришел наш знакомый домой. Разулся. И, разувшись, стал писать.

И написал небольшую обличительную заметку. И послал ее в "Красную газету". Дескать, проходя и так далее, окунулся на путях строительства, и, может быть, гниют шпалы...

Эта заметка была напечатана в конце апреля.

Вот тут-то и развернулись главные события со всей ужасной быстротой.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Пока заметку эту читали, да пока в правлении обсуждали, да пока комиссию снаряжали – прошло четырнадцать лет.

Оно, конечно, прошло меньше. Но время сейчас бурное, переходное. Каждый день за год сосчитать можно.

Одним словом, в начале июня комиссия выехала на станцию Рыбацкий поселок обследовать пути.

Приехали. Видят – явная ложь. Никакой воды. Напротив того – пыльно. Жара. И сухо, как в Сахаре.

Горько так комиссия про себя усмехнулась – дескать, до чего складно врут люди, и отбыла.

В начале июля появилось в газете опровержение. Дескать, явная ложь и выдумка. И вообще, дескать, никакой воды на станции не оказалось. Даже в графине.

А в правлении и сейчас думают, что наш знакомый наврал.

Пущай думают. В правоте жить легче.

1924

ПАЦИЕНТКА

В сельскую больницу Анисья приехала за тридцать верст.

Выехала на рассвете и в полдень остановилась у белого одноэтажного дома.

– Хирург-то принимает? – спросила она мужика, сидевшего на крыльце.

– Хирург-то? – с интересом спросил мужик. – А ты не больна ли будешь?

– Больна, – ответила Анисья.

– Я, милая, тоже больной, – сказал мужик. – Пшеном объелся... Седьмым записан.

Анисья привязала лошадь к плетню и вошла в больницу.

Больных принимал фельдшер Иван Кузьмич. Был он маленький, старенький и ужасно знаменитый. Все вокруг знали его, хвалили и называли без причины хирургом.

Анисья вошла к нему в комнату, низко поклонилась и присела на край стула.

– Больна, что ли? – спросил Иван Кузьмич.

– Больна я, – сказала Анисья. – То есть вся насквозь больная. Каждая косточка ноет и трясется. Сердце гниет заживо.

– С чего бы это? – равнодушно спросил фельдшер. – С каких пор?

– С осени, Иван Кузьмич. С самой осени. Осенью я заболела. Как, знаете ли, супруг Димитрий Наумыч приехал из города, так я и заболела. Я стою, например, возле стола и лепешки в муке валяю. Димитрий Наумыч любил эти самые лепешки. Где-то, думаю, он теперь, Димитрий Наумыч-то? В городе он советский депутат...

– Позволь, бабонька, – сказал фельдшер, – ври, да не завирайся. Чем больна-то?

– Да я ж и говорю, – сказала Анисья, – стою возле стола, кручу лепешки... Вдруг тетка Агафья, что баран, прибегает и рукой машет. "Иди, кричит, – Анисьюшка, иди поскорей. Твой-то никак приехал из города и идет будто по улице с мешком и с палкой". Зашлось у меня сердце. Подкосились ноги. Стою дурой и лепешки мну... Бросила после лепешки, выбежала во двор. А во дворе солнце играет, играет. Воздух легкий. А налево, этак у хлева, желтый теленок стоит и хвостиком мух пугает. Взглянула я на теленка – слезы каплют. Вот, думаю, Димитрий Наумыч-то обрадуется этому самому желтому теленку...

– Позволь, – хмуро сказал фельдшер, – ты дело говори.

– Я ж и говорю, батюшка, Иван Кузьмич. Не сердись только. Дело я говорю.. Выбежала я за ворота. Гляжу этак, знаете ли, – налево церковь, коза ходит, петух ножкой ворошит, а направо, по самой серединке, гляжу Димитрий Наумыч идет. Глянула я на него. Сердце закатилось, икота подступает. Ой, думаю, мать честная, пресвятая богородица! Ой, думаю, тошенько!

А он-то идет серьезным, мелким шагом. Борода по воздуху треплется. И платье городское на нем. И в штиблетах.. Как увидела я штиблеты, будто что оторвалось у меня внутри. Ой, думаю, куда ж я такая-то, необразованная, гожусь ему в пару, если он, может, первый человек и депутат советский.. Встала я дурой у плетня и ногами не могу идти. Перебираю пальцами плетень и стою. А он-то, Димитрий Наумыч, депутат советский, доходит до меня мелким ходом и здоровается.

"Здравствуйте, – говорит, – Анисья Васильевна. Сколько, говорит, лет, сколько зим не виделись с вами..."

Мне бы, дуре, мешок у Димитрия Наумыча схватить, а я гляжу на штиблеты и не двигаюсь. Ой, думаю, отвык от меня мужик. Штиблеты носит. С городскими, может, с комсомолками разговаривает.

А Димитрий Наумыч отвечает басом:

"Ох, говорит, какая ты есть. Темная, говорит, ты у меня, Анисья Васильевна. Про что, говорит, я с тобой теперь разговаривать буду? Я, говорит, человек просвещенный и депутат советский. Я, говорит, может, четыре правила арифметики знаю. Дробь, говорит, умею.. А ты, говорит, вон какая! Небось, говорит, и фамилию не можешь подписывать на бумаге? Другой бы очень просто бросил бы тебя за темноту и необразованность".

А я стою у плетня и лепечу слова: дескать, конечно, Димитрий Наумыч, бросьте меня такую-то, что вам стоит.

А он берет меня за ручку и отвечает:

"Я шутку пошутил, Анисья Васильевна. Оставьте думать. Я, говорит, это так. Что вы..."

Снова закатилось у меня сердце, икота подступает.

"Я, – говорю, – Димитрий Наумыч, будьте спокойны, тоже, конечно, могу дробь узнать и четыре правила. Или фамилию на бумаге подписывать. Я, говорю, не осрамлю вас, образованного..."

Фельдшер Иван Кузьмич встал со стула и прошелся по комнате.

– Ну, ну, – сказал он, – хватит, завралась.. Чем болеешь-то?

– Болею-то? Да теперь ничего, Иван Кузьмич. Полегче будто стало теперь. На здоровье не могу пожаловаться.. А он-то, Димитрий Наумыч, говорит: "Пошутил, говорит, я". Вроде как, значит, шутку он выразил.

– Ну да, пошутил, – сказал фельдшер. – Конечно, пошутил.. Порошков, может, тебе дать?

– А не надо, – сказала Анисья. – Спасибо тебе, Иван Кузьмич, за советы. Мне, конечно, теперь сильно полегчало. Чувствительно спасибо. Досвиданьице.

И Анисья, оставив на столе кулек с зерном, пошла к двери. Потом вернулась.

– Дробь-то мне, Иван Кузьмич.. Где мне про эту самую дробь-то теперь узнать? К учителю, что ли, мне ехать?

– К учителю, – сказал фельдшер, вздыхая, – конечно, к учителю. Медицины это не касается.

Анисья низко поклонилась и вышла на улицу.

1924

БАНЯ

Говорят, граждане, в Америке бани отличные.

Туда, например, гражданин придет, скинет белье в особый ящик и пойдет себе мыться. Беспокоиться даже не будет – мол, кража или пропажа, номерка даже не возьмет.

Ну, может, иной беспокойный американец и скажет банщику:

– Гут бай, дескать, присмотри.

Только и всего.

Помоется этот американец, назад придет, а ему чистое белье подадут стираное и глаженое. Портянки небось белее снега. Подштанники зашиты, заплатаны. Житьишко!

А у нас бани тоже ничего. Но хуже. Хотя тоже мыться можно.

У нас только с номерками беда. Прошлую субботу я пошел в баню (не ехать же, думаю, в Америку), – дают два номерка. Один за белье, другой за пальто с шапкой.

А голому человеку куда номерки деть? Прямо сказать – некуда. Карманов нету. Кругом – живот да ноги. Грех один с номерками. К бороде не привяжешь.

Ну, привязал я к ногам по номерку, чтоб не враз потерять. Вошел в баню.

Номерки теперича по ногам хлопают. Ходить скучно. А ходить надо. Потому шайку надо. Без шайки какое же мытье? Грех один.

Ищу шайку. Гляжу, один гражданин в трех шайках моется. В одной стоит, в другой башку мылит, а третью левой рукой придерживает, чтоб не сперли.

Потянул я третью шайку, хотел, между прочим, ее себе взять, а гражданин не выпускает.

– Ты что ж это, – говорит, – чужие шайки воруюшь? Как ляпну, говорит, тебе шайкой между глаз – не зарадуешься.

Я говорю:

– Не царский, говорю, режим шайками ляпать. Эгоизм, говорю, какой. Надо же, говорю, и другим помыться. Не в театре, говорю.

А он задом повернулся и моется.

"Не стоять же, – думаю, – над его душой. Теперича, думаю, он нарочно три дня будет мыться".

Пошел дальше.

Через час гляжу, какой-то дядя зазевался, выпустил из рук шайку. За мылом нагнул или замечтался – не знаю. А только тую шайку я взял себе.

Теперича и шайка есть, а сесть негде. А стоя мыться – какое же мытье? Грех один.

Хорошо. Стою стоя, держу шайку в руке, моюсь.

А кругом-то, батюшки-светы, стирка самосильно идет. Один штаны моет, другой подштанники трет, третий еще что-то крутит. Только, скажем, вымылся – опять грязный. Брызжут, дьяволы. И шум такой стоит от стирки мыться неохота. Не слышишь, куда мыло трешь. Грех один.

"Ну их, – думаю, – в болото. Дома домоюсь".

Иду в предбанник. Выдают на номер белье. Гляжу – все мое, штаны не мои.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Граждане, – говорю. – На моих тут дырка была. А на этих эвон где.

А банщик говорит:

– Мы, говорит, за дырками не приставлены. Не в театре, говорит.

Хорошо. Надеваю эти штаны, иду за пальто. Пальто не выдают – номерок требуют. А номерок на ноге забытый. Раздеваться надо. Снял штаны, ищу номерок – нету номерка. Веревка тут, на ноге, а бумажки нет. Смелась бумажка.

Подаю банщику веревку – не хочет.

– По веревке, – говорит, – не выдаю. Это, говорит, каждый гражданин настрижет веревки – польт не напасешься. Обожди, говорит, когда публика разоидется – выдам, какое останется.

Я говорю:

– Братишечка, а вдруг да дрянь останется? Не в театре же, говорю. Выдай, говорю, по приметам. Один, говорю, карман рваный, другого нету. Что касасемо пуговиц, – то, говорю, верхняя есть, нижних же не предвидится.

Все-таки выдал. И веревки не взял.

Оделся я, вышел на улицу. Вдруг вспомнил: мыло забыл.

Вернулся снова. В пальто не впускают.

– Раздевайтесь, – говорят.

Я говорю:

– Я, граждане, не могу в третий раз раздеваться. Не в театре, говорю. Выдайте тогда хоть стоимость мыла.

Не дают.

Не дают – не надо. Пошел без мыла.

Конечно, читатель может любопытствовать: какая, дескать, это баня? Где она? Адрес?

Какая баня? Обыкновенная. Которая в гривенник.

1924

НЕРВНЫЕ ЛЮДИ

Недавно в нашей коммунальной квартире драка произошла. И не то что драка, а целый бой. На углу Глазовой и Боровой.

Дрались, конечно, от чистого сердца. Инвалиду Гаврилову последнюю башку чуть не оттяпали.

Главная причина – народ очень уж нервный. Расстраивается по мелким пустякам. Горячится. И через это дерется грубо, как в тумане.

Оно, конечно, после гражданской войны нервы, говорят, у народа завсегда расшатываются. Может, оно и так, а только у инвалида Гаврилова от этой идеологии башка поскорее не зарастет.

А приходит, например, одна жиличка, Марья Васильевна Щипцова, в девять часов вечера на кухню и разжигает примус. Она всегда, знаете, об это время разжигает примус. Чай пьет и компрессы ставит.

Так приходит она на кухню. Ставит примус перед собой и разжигает. А он, провались совсем, не разжигается.

Она думает: "С чего бы он, дьявол, не разжигается? Не закоптел ли, провались

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
совсем!"

И берет она в левую руку ежик и хочет чистить.

Хочет она чистить, берет в левую руку ежик, а другая жиличка, Дарья Петровна Кобылина, чей ежик, посмотрела, чего взято, и отвечает:

– Ежик-то, уважаемая Марья Васильевна, промежду прочим, назад положьте.

Щипцова, конечно, вспыхнула от этих слов и отвечает:

– Пожалуйста, отвечает, подавитесь, Дарья Петровна, своим ежиком. Мне, говорит, до вашего ежика дотронуться противно, не то что его в руку взять.

Тут, конечно, вспыхнула от этих слов Дарья Петровна Кобылина. Стали они между собой разговаривать. Шум у них поднялся, грохот, треск.

Муж, Иван Степаныч Кобылин, чей ежик, на шум является. Здоровый такой мужчина, пузатый даже, но, в свою очередь, нервный.

Так является это Иван Степаныч и говорит:

– Я, говорит, ну, ровно слон работаю за тридцать два рубля с копейками в кооперации, улыбаюсь, говорит, покупателям и колбасу им отвешиваю, и из этого, говорит, на трудовые гроши ежики себе покупаю, и нипочем то есть не разрешу постороннему чужому персоналу этими ежиками воспользоваться.

Тут снова шум, и дискуссия поднялась вокруг ежика. Все жильцы, конечно, поднаперли в кухню. Хлопочут. Инвалид Гаврилыч тоже является.

– Что это, – говорит, – за шум, а драки нету?

Тут сразу после этих слов и подтвердилась драка. Началось.

А кухня, знаете, узкая. Драться неспособно. Тесно. Кругом кастрюли и примуса. Повернуться негде. А тут двенадцать человек вперлось. Хочешь, например, одного по харе смазать – троих кроешь. И, конечно, дело, на все натыкаешься, падаешь. Не то что, знаете, безногому инвалиду – с тремя ногами устоять на полу нет никакой возможности.

А инвалид, чертова перечница, несмотря на это, в самую гущу вперся. Иван Степаныч, чей ежик, кричит ему:

– Уходи, Гаврилыч, от греха. Гляди, последнюю ногу оборвут.

Гаврилыч говорит:

– Пуцай, говорит, нога пропадает! А только, говорит, не могу я теперича уйти. Мне, говорит, сейчас всю амбицию в кровь разбили.

А ему, действительно, в эту минуту кто-то по морде съездил. Ну, и не уходит, накидывается. Тут в это время кто-то и ударяет инвалида кастрюлькой по кумполу. Инвалид – брык на пол и лежит. Скучает.

Тут какой-то паразит за милицией кинулся. Является мильтон. Кричит:

– Запасайтесь, дьяволы, гробами, сейчас стрелять буду!

Только после этих роковых слов народ маленько очухался. Бросился по своим комнатам.

"Вот те, – думают, – клюква, с чего ж это мы, уважаемые граждане, разодрались?"

Бросился народ по своим комнатам, один только инвалид Гаврилыч не бросился. Лежит, знаете, на полу скучный. И из башки кровь каплет.

Через две недели после этого факта суд состоялся.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
А нарсудья тоже нервный такой мужчина попался – прописал ижицу.

1924

СЛУЧАЙ В ПРОВИНЦИИ

Многое я перепробовал в своей жизни, а вот циркачом никогда не был.

И только однажды публика меня приняла за циркачатрансформатора.

Не знаю, как сейчас, а раньше ездили по России такие специалисты-трансформаторы. Они, скажем, выходили на эстраду, почтительнейше раскланивались с публикой, затем, убравшись на одно мгновение за кулисы, снова появлялись, но уже в другом костюме, с другим голосом и в другой роли.

Вот за такого трансформатора однажды меня и приняли.

Это было в революцию, в двадцатом или двадцать первом году.

Хлеб был тогда чрезвычайно дорог.

За фунт хлеба в Питере запрашивали два полотенца, три простыни или трехрядную гармонь.

А потому однажды осенью поэт-имажинист Николай Иванов, пианистка Маруся Грекова, я и лирический поэт Дмитрий Цензор выехали из Питера в поисках более легкого хлеба.

Мы решили объехать с пестрой музыкально-литературной программой ряд южных советских городов.

Мы ехали своим "чистым искусством" заработать кусок ржаного солдатского хлеба.

И в конце сентября, снабженные всякими мандатами и документами, мы выехали из Питера в теплушке, взяв направление на юго-восток.

Ехали долго.

В дороге подробно распределили свои роли и продумали программу.

Решено было так. Первым номером выступает пианистка Маруся с легкими музыкальными вещицами. Она дает, так сказать, верный художественный тон всему нашему вечеру. Вторым номером – имажинист. Он вроде как усложняет нашу программу, давая понять своими стихами, что искусство не всегда доступно народу.

Засим я – с юмористическими рассказами. И наконец лирический поэт Дмитрий Цензор. Он, так сказать, лаком покрывает всю нашу программу. Он создает впечатление легкого, тонкого вечера.

Программа была составлена замечательно.

– Товарищи! – говорил имажинист. – Мы первые в Советской России на верном пути. Мы сознательно снижаемся до масс, мы внедряемся в самую гущу. Этой программой мы докажем, что чистое искусство не пропадет. За нами стоит народ.

Пианистка Маруся молча слушала и, для практики, пальчиками на своих коленях разыгрывала какой-то сложный мотив.

Я покуривал махорку с чаем и печально сплевывал на пол зеленую едкую слюну.

А поэт Дмитрий Цензор говорил мечтательно:

– Чистое искусство народу необходимо... Нам понесут теплые душистые караваи хлеба, цветы, вареные яйца... Денег мы не возьмем. На черта нам сдались деньги, если на них ничего сейчас не купишь...

Наконец двадцать девятого числа мы приехали в небольшой провинциальный дождливый город.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

На станции нас приветливо встретил агент уголовного розыска. Он долго и внимательно читал наши мандаты, потом взял под козырек, шутливо приветствуя этим русскую литературу.

Он нам по секрету сообщил, что он и сам из интеллигентных слоев и что он в свое время окончил два класса местной женской прогимназии и что поэтому он и сам не прочь между двумя протоколами побаловаться чистым искусством.

На наш литературный вечер он обещал непременно прибыть.

Мы остановились у Марусиных знакомых.

Первые дни прошли в необыкновенных хлопотах и в беготне.

Нужно было достать разрешение, получить зал, осветить его и сговориться с устроителем.

Устроитель был тонкий и ловкий человек. Он категорически уперся на своем, говоря, что чистая поэзия вряд ли будет доступна провинциальной публике, и поэтому необходимо разжигать нашу программу более понятными номерами – музыкой, пением и цирком.

Это, конечно, очень портило нашу программу. Однако спорить мы не стали – иного выхода не было.

Вечер был назначен на завтра в бывшем купеческом клубе.

Тридцатого сентября, в восемь часов вечера, мы, взволнованные, сидели за кулисами в специально отведенной для нас уборной.

Зал был набит до последнего предела.

Человек сто красноармейцев, множество домашних хозяек, городских девиц, служащих и людей всевозможных свободных профессий ожидали с нетерпением начала программы, похлопывая в ладоши и требуя поднятия занавеса.

Первым, как помню, выступило музыкальное трио. Затем жонглер и эксцентрик. Успех у него был потрясающий. Публика ревела, гремела и вызывала его бесконечно.

Затем шли наши номера.

Маруся Грекова вышла на эстраду в глухом черном платье.

Когда Маруся появилась на сцене, в публике произошло какое-то неясное волнение. Публика приподнималась со своих мест и смотрела на пианистку. Многие хохотали.

Маруся с некоторой тревогой села за рояль и, сыграв короткую вещицу, остановилась, ожидая одобрения. Однако одобрения не последовало.

В страшном смущении, без единого хлопка, Маруся удалилась за кулисы.

За ней почти немедленно выступил имажинист.

Гром аплодисментов, крики и одобрителный гул не смолкали долго.

Польщенный таким вниманием и известностью даже в небольшом провинциальном городе, имажинист низко раскланялся, почтительно прижимая руку к сердцу.

Он прочел какие-то ядовитые, но неясные стихи и ушел в сильном душевном сомнении – аплодисментов опять-таки не было.

Буквально не было ни единого хлопка.

Третьим, сильно напуганный, выступил я.

Еще более длительные, радостные крики раздались при моем появлении.

Задняя публика вставала на скамейки, напирала на впереди сидящих и рассматривала

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
меня, как какое-то морское чудо.

– Ловко! – кричал кто-то. – Ловко, братцы, запущено!

– Ах, сволочь! – визгливо кричал кто-то с видимым восхищением.

Я, в сильном страхе, боясь за свою судьбу и еле произнося слова, начал лепетать свой рассказ.

Публика терпеливо слушала мой лепет и даже подбадривала меня отдельными выкриками:

– Ах, сволочь, едят его мухи!

– Крой! Валяй! Дави! Ходи веселей!

Пролепетав рассказ почти до конца, я удалился, с трудом передвигая ноги. Аплодисментов, как и в те разы, не было. Только какой-то высокий красноармеец встал и сказал:

– Ах, сволочь! Идет-то как! Гляди, братцы, как переступает нарочно.

Последним должен был выступить лирический поэт.

Он долго не хотел выступать. Он почти плакал в голос и ссылаясь на боли в нижней части живота. Он говорил, что он только вчера приехал из Питера, не осмотрелся еще в этом городе и не свыкся с такой аудиторией.

Поэт буквально ревел белугой и цеплялся руками за кулисы, однако дружным натиском мы выперли его на сцену.

Дикие аплодисменты, гогот, восхищенная брань – потрясли все зало.

Публика восторженно гикала и ревела.

Часть публики ринулась к сцене и с диким любопытством рассматривала лирического поэта.

Поэт обомлел, прислонился к роялю и, не сказав ни одного слова, простоял так минут пять. Затем качнулся, открыл рот и, почти неживой, вполз обратно за кулисы.

Аплодисменты долго не смолкали. Кто-то настойчиво бил пятками в пол. Кто-то неистово требовал повторения.

Мы, совершенно потрясенные, забились в своей уборной и сидели, прислушиваясь к публике.

Наш устроитель ходил вокруг нас, с испугом поглядывая на наши поникшие фигуры.

Имажинист, скорбно сжав губы, в страшной растерянности сидел на диване, потом откинул свои волосы назад и твердо сказал:

– Меня поймут через пятьдесят лет. Не раньше. Мои стихи не доходят. Это я теперь вижу.

Маруся Грекова тихо плакала, закрыв лицо руками.

Лирический поэт стоял в неподвижной позе и с испугом прислушивался к крикам и реву.

Я ничего не понимал. Вернее, я думал, что чистое искусство дошло до масс, но в какой-то странной и неизвестной для меня форме.

Однако крики не смолкали.

Вдруг послышался топот бегущих ног за кулисами и в нашу уборную ворвалось несколько человек из публики.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Просим! Просим! – радостно вопил какой-то гражданин, потрясая руками.

Мы остолбенели.

Тихим, примиряющим голосом устроитель спросил:

– Товарищи... Не беспокойтесь... Не волнуйтесь... Все будет... Сейчас все устроим... Что вы хотели?

– Да который тут выступал, – сказал гражданин. – Публика очень даже требует повторить. Мы, как делегация, просим... Который тут сейчас с переодеванием, трансформатор.

Вдруг в одно мгновение всем стало ясно. Нас четверых приняли за трансформатора Якимова, выступавшего в прошлом году в этом городе. Сегодня он должен был выступить после нас.

Совершенно ошеломленные, мы механически оделись и вышли из клуба.

И на другой день уехали из города.

Маленькая блондинка пианистка, саженного роста имажинист, я и, наконец, полный, румяный лирический поэт – мы вчетвером показали провинциальной публике поистине чудо трансформации.

Однако цветов, вареных яиц и славных почестей мы так и не получили от народа.

Придется ждать.

1924

АКТЕР

Рассказ этот – истинное происшествие. Случилось в Астрахани. Рассказал мне об этом актер-любитель.

Вот что он рассказал:

"Вот вы меня, граждане, спрашиваете, был ли я актером? Ну, был. В театре играл. Прикасался к этому искусству. А только ерунда. Ничего в этом нет выдающего.

Конечно, если подумать глубже, то в этом искусстве много хорошего.

Скажем, выйдешь на сцену, а публика смотрит. А среди публики – знакомые, родственники со стороны жены, граждане с дому. Глядишь – подмигивают с партеру – дескать, не робей, Вася, дуй до горы. А ты, значит, им знаки делаешь – дескать, оставьте беспокоиться, граждане. Знаем. Сами с усами.

Но если подумать глубже, то ничего в этой профессии нету хорошего. Крови больше испортишь.

Вот раз ставили мы пьесу "кто виноват?". Из прежней жизни. Очень это сильная пьеса. Там, значит, в одном акте грабители купца грабят на глазах у публики. Очень натурально выходит. Купец, значит, кричит, ногами отбивается. А его грабят. Жуткая пьеса.

Так вот поставили эту пьесу.

А перед самым спектаклем один любитель, который купца играл, выпил. И в жаре до того его, бродягу, растрясло, что, видим, не может роль купца вести. И, как выйдет к рампе, так нарочно электрические лампочки ногой давит.

Режиссер Иван Палыч мне говорит:

– Не придется, говорит, во втором акте его выпускать. Передавит, сукин сын, все лампочки. Может, говорит, ты вместо его сыграешь? Публика дура – не поймет.

Я говорю:

– Я, граждане, не могу, говорю, к рампе выйти. Не проекте. Я, говорю, сейчас два арбуза съел. Неважно соображаю.

А он говорит:

– Выручай, браток. Хоть на одно действие. Может, тот артист после очухается. Не срывай, говорит, просветительной работы.

Все-таки упросили. Вышел я к рампе.

И вышел по ходу пьесы, как есть, в своем пиджаке, в брюках. Только что бороденку чужую приклеил. И вышел. А публика хотя и дура, а враз узнала меня.

– А, – говорят, – Вася вышедши! Не робей, дескать, дуй до горы...

Я говорю:

– Робеть, граждане, не приходится – раз, говорю, критический момент. Артист, говорю, сильно под мухой и не может к рампе выйтить. Блует.

Начали действие.

Играю я в действии купца. Кричу, значит, ногами от грабителей отбиваюсь. И чувствую, будто кто-то из любителей действительно мне в карман лезет.

Запахнул я пиджачок. В сторону от артистов.

Отбиваюсь от них. Прямо по роже бью. Ей-богу!

– Не подходите, – говорю, – сволочи, честью прошу.

А те по ходу пьесы это наседают и наседают. Вынули у меня бумажник (восемнадцать червонцев) и к часам прутся.

Я кричу не своим голосом:

– Караул, дескать, граждане, всерьез грабят.

А от этого полный эффект получается. Публика-дура в восхищении в ладоши бьет. Кричит:

– Давай, Вася, давай. Отбивайся, милый. Крой их, дьяволов, по башкам.

Я кричу:

– Не помогает, братцы!

И сам стегаю прямо по головам.

Вижу – один любитель кровью исходит, а другие, подлецы, в раж вошли и наседают.

– Братцы, – кричу, – да что ж это? За какое самое это страдать-то приходится?

Режиссер тут с кулис высовывается.

– Молодец, – говорит, – Вася. Чудно, говорит, рольку ведешь. Давай дальше.

Вижу – крики не помогают. Потому, чего ни крикнешь – все прямо по ходу пьесы ложится.

Встал я на колени.

– Братцы, – говорю. – Режиссер, говорю, Иван Палыч. Не могу больше! Спускайте занавеску. Последнее, говорю, сбереженье всерьез прут!

Тут многие театральные спецы – видят, не по пьесе слова – из кулис выходят. Суфлер, спасибо, из будки наружу вылезает.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Кажись, – говорит, – граждане, действительно у купца бумажник свистнули. Дали занавес. Воды мне в ковшике принесли. Напоили.

– Братцы, – говорю. – Режиссер, говорю, Иван Палыч. Да что ж это, говорю. По ходу, говорю, пьесы кто-то бумажник у меня вынул.

Ну, устроили обыск у любителей. А только денег не нашли. А пустой бумажник кто-то в кулисы кинул.

Деньги так и сгнули. Как сгорели.

Вы говорите – искусство? Знаем! Играли!"

1925

КРИЗИС

Давеча, граждане, воз кирпичей по улице провезли. Ей-богу!

У меня, знаете, аж сердце затрепетало от радости. Потому строимся же, граждане. Кирпич-то ведь не зря же везут. Домишко, значит, где-нибудь строится. Началось – тьфу, тьфу, не сглазить!

Лет, может, через двадцать, а то и меньше, у каждого гражданина небось по цельной комнате будет. А ежели население шибко не увеличится и, например, всем аборты разрешат – то и по две. А то и по три на рыло. С ванной.

Вот заживем-то когда, граждане! В одной комнате, скажем, спать, в другой гостей принимать, в третьей еще чего-нибудь... Мало ли! Делов-то найдется при такой свободной жизни.

Ну, а пока что трудновато насчет квадратной площади. Скуповато получается ввиду кризиса.

Я вот, братцы, в Москве жил. Недавно только оттуда вернулся. Испытал на себе этот кризис.

Приехал я, знаете, в Москву. Хожу с вещами по улицам. И то есть ни в какую. Не то что остановиться негде – вещей положить некуда.

Две недели, знаете, проходил по улицам с вещами – оброс бороденкой и вещи порастерял. Так, знаете, налегке и хожу без вещей. Подыскиваю помещение.

Наконец в одном доме какой-то человечек по лестнице спускается.

– За тридцать рублей, – говорит, – могу вас устроить в ванной комнате. Квартирка, говорит, барская... Три уборных... Ванна... В ванной, говорит, и живите себе. Окон, говорит, хотя и нету, но зато дверь имеется. И вода под рукой. Хотите, говорит, напустите полную ванну воды и ныряйте себе хоть цельный день.

Я говорю:

– Я, дорогой товарищ, не рыба. Я, говорю, не нуждаюсь нырять. Мне бы, говорю, на суше пожить. Сбавьте, говорю, немного за мокроту.

Он говорит:

– Не могу, товарищ. Рад бы, да не могу. Не от меня целиком зависит. Квартира коммунальная. И цена у нас на ванну выработана твердая.

– Ну, что ж, – говорю, – делать? Ладно. Рвите, говорю, с меня тридцать и допустите, говорю, скорее. Три недели, говорю, по панели хожу. Боюсь, говорю, устать.

Ну, ладно. Пустили. Стал жить.

А ванна, действительно, барская. Всюду, куда ни ступишь, – мраморная ванна,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
колонка и крантики. А сесть, между прочим, негде. Разве что на бортик сядешь, и то вниз валишься, в аккурат в мраморную ванну.

Устроил тогда настил из досок, живу.

Через месяц, между прочим, женился.

Такая, знаете, молоденькая, добродушная супруга попалась. Без комнаты.

Я думал, через эту ванну она от меня откажется, и не увижу я семейного счастья и уюта, но она ничего, не отказывается. Только маленько нахмурилась и отвечает:

– Что ж, – говорит, – и в ванне живут хорошие люди. А в крайнем, говорит, случае, перегородить можно. Тут, говорит, к примеру, будуар, а тут столовая...

Я говорю:

– Перегородить, гражданка, можно. Да жильцы, говорю, дьяволы, не дозволяют. Они и то говорят: никаких переделок.

Ну, ладно. Живем как есть.

Меньше чем через год у нас с супругой небольшой ребеночек рождается.

Назвали его Володькой и живем дальше. Тут же в ванне его купаем – и живем.

И даже, знаете, довольно отлично получается. Ребенок то есть ежедневно купается и совершенно не простуживается.

Одно только неудобство – по вечерам коммунальные жильцы лезут в ванную мыться.

На это время всей семьей приходится в коридор подаваться.

Я уж и то жильцов просил:

– Граждане, говорю, купайтесь по субботам. Нельзя же, говорю, ежедневно купаться. Когда же, говорю, житьто? Войдите в положение.

А их, подлецов, тридцать два человека. И все ругаются. И, в случае чего, морду грозят набить.

Ну, что ж делать – ничего не поделаешь. Живем как есть.

Через некоторое время мамаша супруги моей из провинции прибывает в ванну. За колонкой устраивается.

– Я, – говорит, – давно мечтала внука качать. Вы, говорит, не можете мне отказать в этом развлечении.

Я говорю:

– Я и не отказываю. Валяйте, говорю, старушка, качайте. Пес с вами. Можете, говорю, воды в ванную напустить – и ныряйте с внуком.

А жене говорю:

– Может, гражданка, к вам еще родственники приедут, так уж вы говорите сразу, не томите.

Она говорит:

– Разве что братишка на рождественские каникулы...

Не дождавшись братишки, я из Москвы выбыл. Деньги семье высылаю по почте.

1925

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТОРГ

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Хочется рассказать про одного начальника. Очень уж глубоко интересная личность.

Оно, конечно, жалко – не помню, в каком городе эта личность существует. В свое время читал об этом начальнике небольшую заметку в харьковской газете. А насчет города – позабыл. Память дырявая. В общем, где-то около Харькова.

Ну, да это не суть важно. Пушай население само разбирается в своих героях. Небось узнают – фамилия Дрожкин.

Так вот, извольте видеть, было это в небольшом городе. Даже, по совести говоря, не в городе, а в местечке.

И было это в воскресенье.

Представьте себе – весна, весеннее солнышко играет. Природа, так сказать, пробуждается. Травка, возможно, что зеленеть начинает.

Население, конечно, высыпало на улицу. Панели шлифует.

И тут же среди населения гуляет собственной персоной помощник начальника местной милиции товарищ Дрожкин. С супругой. Прелестный ситцевый туалет. Шляпа. Зонтик. Калоши.

И гуляют они, ну прямо как простые смертные. Не гнушаются. Прямо так и прут под ручку по общему тротуару.

Доперли они до угла бывшей казначейской улицы. Вдруг стоп. Среди, можно сказать, общего пешеходного тротуара – свинья мотается. Такая довольно крупная свинья, пудов, может быть, на семь.

И пес ее знает, откуда она забрела. Но факт, что забрела и явно нарушает общественный беспорядок.

А тут, как на грех, товарищ Дрожкин с супругой.

Господи твоя воля! Да, может, товарищу Дрожкину неприятно на свинью глядеть? Может, ему во внеслужбное время охота на какую-нибудь благородную часть природы поглядеть? А тут свинья. Господи, твоя воля, какие неосторожные поступки со стороны свиньи! И кто такую дрянь выпустил наружу? Это же прямо невозможно!

А главное – товарищ Дрожкин вспыльчивый был. Он сразу вскипел.

– Это, – кричит, – чья свинья? Будьте любезны ее ликвидировать.

Прохожие, известно, растерялись. Молчат.

Начальник говорит:

– Это что ж делается среди бела дня! Свиньи прохожих затирают. Шагу не дают шагнуть. Вот я ее сейчас из револьвера тяпну.

Вынимает, конечно, товарищ Дрожкин револьвер. Тут среди местной публики замешательство происходит. Некоторые, более опытные прохожие, с большим, так сказать, военным стажем, в сторону сиганули в рассуждении пули.

Только хотел начальник свинку угробить – жена вмешалась. Супруга.

– Петя, – говорит, – не надо ее из револьверу бить. Сейчас, может быть, она под ворота удалится.

Муж говорит:

– Не твое гражданское дело. Замри на короткое время. Не вмешивайся в действия милиции.

В это время из-под ворот такая небольшая старушка выплывает.

Выплывает такая небольшая старушка и что-то ищет.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Ахти, – говорит, – господи! Да вот он где, мой кабан. Не надо его, товарищ начальник, из пистолета пужать. Сейчас я его уберу.

Товарищ Дрожкин обратно вспылел. Может, ему хотелось на природу любоваться, а тут, извиняюсь, неуклюжая старуха со свиньей.

– Ага, – говорит, – твоя свинья! Вот я ее сейчас из револьверу трахну. А тебя в отделение отправлю. Будешь свиней распуцать.

Тут опять жена вмешалась.

– Петя, – говорит, – пойдем, за ради бога. Опоздаем же на обед.

И, конечно, по глупости своей супруга за рукав потянула – дескать, пойдем.

Ужасно побледнел начальник милиции.

– Ах, так, – говорит, – вмешиваться в действия и в распоряжения милиции! За рукав хватать! Вот я тебя сейчас арестую.

Свистнул товарищ Дрожкин постового.

– Взять, – говорит, – эту гражданку. Отправить в отделение. Вмешивалась в действия милиции.

Взял постовой неосторожную супругу за руку и повел в отделение.

Народ безмолвствовал.

А сколько жена просидела в милиции и каковы были последствия семейной неурядицы – нам неизвестно. Об этом, к сожалению, в газете ничего не говорится.

1925

ОБЕЗЪЯНИЙ ЯЗЫК

Трудный этот русский язык, дорогие граждане! Беда, какой трудный.

Главная причина в том, что иностранных слов в нем до черта. Ну, взять французскую речь. Все хорошо и понятно. Кескесе, мерси, комси – все, обратите ваше внимание, чисто французские, натуральные, понятные слова.

А нуте-ка, сунься теперь с русской фразой – беда. Вся речь пересыпана словами с иностранным, туманным значением.

От этого затрудняется речь, нарушается дыхание и треплются нервы.

Я вот на днях слышал разговор. На собрании было. Соседи мои разговорились.

Очень умный и интеллигентный разговор был, но я, человек без высшего образования, понимал ихний разговор с трудом и хлопал ушами.

Началось дело с пустяков.

Мой сосед, не старый еще мужчина, с бородой, наклонился к своему соседу слева и вежливо спросил:

– А что, товарищ, это заседание пленарное будет али как?

– Пленарное, – небрежно ответил сосед.

– Ишь ты, – удивился первый, – то-то я и гляжу, что такое? Как будто оно и пленарное.

– Да уж будьте покойны, – строго ответил второй. – Сегодня сильно пленарное и кворум такой подобрался – только держись.

– Да ну? – спросил сосед. – Неужели и кворум подобрался?

– Ей-богу, – сказал второй.

– И что же он, кворум-то этот?

– Да ничего, – ответил сосед, несколько растерявшись. – Подобрался, и все тут.

– Скажи на милость, – с огорчением покачал головой первый сосед. – С чего бы это он, а?

Второй сосед развел руками и строго посмотрел на собеседника, потом добавил с мягкой улыбкой:

– Вот вы, товарищ, небось не одобряете эти пленарные заседания... А мне как-то они ближе. Все как-то, знаете ли, выходит в них минимально по существу дня... Хотя я, прямо скажу, последнее время отношусь довольно перманентно к этим собраниям. Так, знаете ли, индустрия из пустого в порожнее.

– Не всегда это, – возразил первый. – Если, конечно, посмотреть с точки зрения. Вступить, так сказать, на точку зрения и отседа, с точки зрения, то – да, индустрия конкретно.

– Конкретно фактически, – строго поправил второй.

– Пожалуй, – согласился собеседник. – Это я тоже допускаю. Конкретно фактически. Хотя как когда...

– Всегда, – коротко отрезал второй. – Всегда, уважаемый товарищ. Особенно, если после речей подсекция заварится минимально. Дискуссии и крику тогда не оберешься...

Па трибуну взошел человек и махнул рукой. Все смолкло. Только соседи мои, несколько разгоряченные спором, не сразу замолчали. Первый сосед никак не мог помириться с тем, что подсекция заваривается минимально. Ему казалось, что подсекция заваривается несколько иначе.

На соседей моих зашикали. Соседи пожали плечами и смолкли. Потом первый сосед снова наклонился ко второму и тихо спросил:

– Это кто ж там такой вышедши?

– Это? Да это президиум вышедши. Очень острый мужчина. И оратор первейший. Завсегда остро говорит по существу дня.

Оратор простер руку вперед и начал речь.

И когда он произносил надменные слова с иностранным, туманным значением, соседи мои сурово кивали головами. Причем второй сосед строго поглядывал на первого, желая показать, что он все же был прав в только что законченном споре.

Трудно, товарищи, говорить по-русски!

1925

ЛИМОНАД

Я, конечно, человек непьющий. Ежели другой раз и выпью, то мало так, приличия ради или славную компанию поддержать.

Больше как две бутылки мне враз нипочем не употребить. Здоровье не позволяет. Один раз, помню, в день своего бывшего ангела, я четверти выкушал.

Но это было в молодые, крепкие годы, когда сердце отчаянно в груди билось и в голове мелькали разные мысли.

А теперь старею.

Знакомый ветеринарный фельдшер, товарищ Птицын, давеча осматривал меня и даже, знаете, испугался. Задрожал.

– У вас, – говорит, – полная девальвация. Где, говорит, печень, где мочево́й пузырь, распознать, говорит, нет никакой возможности. Очень, говорит, вы сносились.

Хотел я этого фельдшера побить, но после остыл к нему.

"Дай, – думаю, – сперва к хорошему врачу схожу, удостоверюсь".

Врач никакой девальвации не нашел.

– Органы, – говорит, – у вас довольно в аккуратном виде. И пузырь, говорит, вполне порядочный и не протекает. Что касается сердца – очень еще отличное, даже, говорит, шире, чем надо. Но, говорит, пить вы перестаньте, иначе очень просто смерть может приключиться.

А помирать, конечно, мне неохота. Я жить люблю. Я человек еще молодой. Мне только-только в начале нэпа сорок три года стукнуло. Можно сказать, в полном расцвете сил и здоровья. И сердце в груди широкое. И пузырь, главное, не протекает. С таким пузырем жить да радоваться. "Надо, – думаю, – в самом деле пить бросить". Взял и бросил.

Не пью и не пью. Час не пью, два не пью. В пять часов вечера пошел, конечно, обедать в столовую.

Покушал суп. Начал вареное мясо кушать – охота выпить. "Заместо, думаю, – острых напитков попрошу чего-нибудь помягче – нарзану или же лимонаду". Зову.

– Эй, – говорю, – который тут мне порции подавал, неси мне, куриная твоя голова, лимонаду.

Приносят, конечно, мне лимонаду на интеллигентном подносе. В графине. Наливаю в стопку.

Пью я эту стопку, чувствую: кажись, водка. Налил еще. Ей-богу, водка. Что за черт! Налил остатки – самая настоящая водка.

– Неси, – кричу, – еще!

"Вот, – думаю, – поперло-то!"

Приносит еще.

Попробовал еще. Никакого сомнения не осталось – самая натуральная.

После, когда деньги заплатил, замечание все-таки сделал.

– Я, – говорю, – лимонаду просил, а ты чего носишь, куриная твоя голова?

Тот говорит:

– Так что это у нас завсегда лимонадом зовется. Вполне законное слово. Еще с прежних времен... А натурального лимонаду, извиняюсь, не держим – потребителя нету.

– Неси, – говорю, – еще последнюю.

Так и не бросил. А желание было горячее. Только вот обстоятельства помешали. Как говорится – жизнь диктует свои законы. Надо подчиняться.

1925

ПАУТИНА

Вот говорят, что деньги сильнее всего на свете. Вздор. Ерунда.

Капиталисты для самообольщения все это выдумали.

Есть на свете кое-что покрепче денег.

Двумя словами об этом не рассказать. Тут целый рассказ требуется.

Извольте рассказ.

Высокой квалификации токарь по металлу, Иван Борисович Левонидов, рассказал мне его.

– Да, дорогой товарищ, – сказал Левонидов, – такие дела на свете делаются, что только в книгу записывай.

Появился у нас, на заводе, любимчик – Егорка Драпов. Человек он арапистый. Усишки белокурые. Взгляд этакий вредный. И нос вроде перламутровой пуговицы.

А карьеру между тем делает. По службе повышается, на легкую работу назначается и жалование получает по высшему разряду.

Мастер с ним за ручку. А раз даже, проходя мимо Егорки Драпова, мастер пощекотал его пальцами и с уважением таким ему улыбнулся.

Стали рабочие думать, что и почему. И за какие личные качества повышается человек.

Думали, гадали, но не разгадали и пошли к инженеру Фирсу.

– Вот, – говорим, – любезный отец, просим покорнейше одернуть зарвавшегося мастера. Пуцай не повышает своего любимца Егорку Драпова. И пальцем пуцай не щекотит, проходя мимо.

Сначала инженер, конечно, испугался, – думал, что его хотят выводить на свежую воду, но после обрадовался.

– Будьте, – говорит, – товарищи, благонадежны. Зарвавшегося мастера одерну, а Егорку Драпова в другое отделение переведу.

Проходит между тем месяц. Погода стоит отличная. Ветры дуют южные. И наводнения не предвидятся. А любимчик – Егорка Драпов – карьеру между тем делает все более заманчивую.

И не только теперь мастер, а и сам любимый спец с ним похохатывает и ручку ему жмет.

Ахнули рабочие. И я ахнул.

"Неужели же, – думаем, – правды на земле нету? Ведь за какие же это данные повышается человек и пальцами щекотится мастером?"

Пошли мы небольшой группой к красному директору Ивану Павловичу.

– Вы, – говорим, – который этот и тому подобное. Да за что же, говорим, такая несообразность?

А красный директор, нахмурившись, отвечает:

– Я, говорит, который этот и тому подобное. Я, говорит, мастера и спеца возьму под ноготь, а Егорку Драпова распушу, как собачий хвост. Идите себе, братцы, не понижайте производительности.

И проходит месяц – Егорка Драпов цветет, как маков цвет или, скажем, хризантема в саду. Балуют его и милуют и ручку со всех сторон наперерыв ему жмут. И директор жмет, и спец жмет, и сам мастер, проходя мимо, щекотит Егорку Драпова.

Взвыли тут рабочие, пошли всей гурьбой к рабкору Настину. Плачутся:

– Рабкор ты наш, золото, драгоценная головушка. Ругали мы тебя, и матюкали, и язвой называли: мол, жалобы зачем в газету пишешь. А теперича, извините и простите... Выводите Егорку Драпова на свежую воду.

Избранное. Михаил Михайлович Зошенко zoschenkomihail.ru

– Ладно, – сказал Настин. – Это мы можем, сейчас поможем. Дайте только маленьчко сроку, погляжу, что и как и почему человек повышается. Хвост ему накручу, – будьте покойны.

И проходит месяц. Ветры дуют южные. И наводнения не предвидится. Птички по воздуху порхают и бабочки крутятся.

А Егорка Драпов цветет жасмином или даже пестрой астрой распускается.

И даже рабкор Настин, проходя однажды мимо, пощекотал Егорку и дружески ему так улыбнулся.

Собрались тут рабочие обсуждать. Говорили, говорили – языки распухли, а к результату не пришли.

И тут я, конечно, встречаю в разговор.

– Братцы, – говорю, – я, говорю, первый гадюку открыл, и я ее и закопаю. Дайте срок.

И вдруг на другой день захожу я в Егоркино отделение и незаметно становлюсь за дверь. И вижу. Мастер домой собирается, а Егорка Драпов крутится перед ним мелким бесом и вроде как тужурку подает.

– Не застудитесь, – говорит, – Иван Саввич. Погодкато, говорит, страсть неблагоприятная.

А мастер Егорку по плечу стучает и хохочет.

– А и любишь, – говорит, – ты меня, Егорка, сукин сын.

А Егорка Драпов почтительно докладывает:

– Вы, говорит, мне, Иван Саввич, вроде как отец родной. И мастер, говорит, вы отличный. И личностью, говорит, очень вы мне покойную мамашу напоминаете, только что у ей усиков не было.

А мастер пожал Егоркину ручку и пошел себе.

Только я хотел из-за двери выйти, шаг шагнул – рабкор Настин прется.

– А, – говорит, – Егорушка, друг ситный! Я, говорит, знаешь ли, такую давеча заметку написал – ай-люли.

А Егорка Драпов смеется.

– Да уж, – говорит, – ты богато пишешь. Пушкин, говорит, и Гоголь дерьмо против тебя.

– Ну, спасибо, – говорит рабкор, – век тебе не забуду. Хочешь, тую заметку прочту?

– Да чего ее читать, – говорит Егорка, – я, говорит, и так, без чтения в восхищении.

Пожали они друг другу ручки и вышли вместе. А я следом.

Навстречу красный директор прется.

– А, – говорит, – Егорка Драпов, наше вам... Ну-ка, говорит, погляди теперича, какие у меня мускулы.

И директор рукав свой засучил и показывает Егорке мускулы.

Нажал Егорка пальцем на мускулы.

– Ого, – говорит, – прибавилось.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Ну, спасибо, – говорит директор, – спасибо тебе, Егорка.

Тут оба два – директор и рабкор – попрощались с Егоркой и разошлись.

Догоняю я Егорку на улице, беру его, подлеца, за руку и отвечаю:

– Так, говорю, любезный. Вот, говорю, какие паутины вы строите.

А Егорка Драпов берет меня под руку и хохочет.

– Да брось, – говорит, – милый... Охота тебе... Лучше расскажи, как живешь и как сынишка процветает.

– Дочка, – говорю, – у меня, Егорка. Не сын. Отличная, говорю, дочка. Бегает...

– Люблю дочек, – говорит Егорка. – Завсегда, говорю, люблюсь на них и игрушки им жертвую...

И проходит месяц. Ветры дуют южные. И наводнения не предвидится. А Егорка Драпов цветет, как маков цвет или, скажем, хризантема в саду.

А вчера, проходя мимо, пощекотал я Егорку Драпова.

Черт с ним. Хоть, думаю, и подлец, а приятный человек.

Полюбил я Егорку Драпова.

1925

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

Германская война и разные там окопчики – все это теперь, граждане, на нас сказывается. Все мы через это нездоровые и больные.

У кого нервы расшатаны, у кого брюхо как-нибудь сводит, у кого сердце не так ритмично бьется, как это хотелось бы. Все это результаты.

На свое здоровье, конечно, пожаловаться я не могу.

Здоров. И жру ничего. И сон невредный. Однако каждую минуту остерегаюсь, что эти окопчики и на мне скажутся.

Тоже вот не очень давно встал я с постели. И надеваю, как сейчас помню, сапог. А супруга мне говорит:

– Что-то, говорит, ты, Ваня, сегодня с лица будто такой серый. Нездоровый, говорит, такой у тебя цвет бордо.

Поглядел я в зеркало. Действительно, – цвет лица как бордо, и морда кирпича просит.

Вот те, думаю, клюква! Сказываются окопчики. Может, у меня сердце или там еще какой-нибудь орган не так хорошо бьется. Оттого, может, я и серею.

Пощупал пульс – тихо, но работает. Однако какие-то боли изнутри пошли. И ноет что-то.

Грустный такой я оделся и, не покушав чаю, вышел на работу.

Вышел на работу. Думаю – ежели какой черт скажет мне насчет моего вида или цвета лица – схожу обязательно к доктору. Мало ли – живет, живет человек и вдруг хлоп – помирает. Сколько угодно.

Без пяти одиннадцать, как сейчас помню, подходит до меня старший мастер Житков и говорит:

– Иван Федорович, голубчик, да что с тобой? Вид, говорит, у тебя сегодня чересчур отчаянный. Нездоровый, говорит, у тебя, землистый вид.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Эти слова будто мне по сердцу полоснули.

Пошатнулось, думаю, мать честная, здоровье. Допрыгался, думаю.

И снова стало ныть у меня внутри, мутить. Еле, знаете, до дому дополз. Хотел даже скорую помощь вызвать.

Дополз до дому. Свалился на постель. Лежу. Жена ревет, горюет. Соседи приходят, охают.

– Ну, – говорят, – и видик у тебя, Иван Федорович. Ничего не скажешь. Не личность, а форменное бордо.

Эти слова еще больше меня растрavляют. Лежу плоской и спать не могу.

Утром встаю разбитый, как сукин сын. И велю поскорей врача пригласить.

Приходит коммунальный врач и говорит: симуляция.

Чуть я за эти самые слова врача не побил.

– Я, – говорю, – покажу, какая симуляция. Я, говорю, сейчас, может быть, разорюсь на трояк и к самому профессору сяду и поеду.

Стал я собираться к профессору. Надел чистое белье. Стал бриться. Провел бритвой по щеке, мыло стер – гляжу – щека белая, здоровая, и румянец на ней играет.

Стал поскорей физию тряпочкой тереть – гляжу – начисто сходит серый цвет бордо.

Жена приходит, говорит:

– Да ты небось, Ваня, неделю рожу не полоскал?

Я говорю:

– Неделю, этого быть не может, – тоже хватила, дура какая. Но, говорю, дня четыре, это, пожалуй, действительно верно.

А главное, на кухне у нас холодно и неуютно. Прямо мыться вот как неохота. А когда стали охать да ахать – тут уж и совсем, знаете ли, не до мытья. Только бы до кровати доползти.

Сию минуту помылся я, побрился, галстук прицепил и пошел свеженький, как огурчик, к своему приятелю.

И боли сразу будто ослабли. И сердце ничего себе бьется. И здоровье стало прямо выдающееся.

1925

СТОЛИЧНАЯ ШТУЧКА

В селе Усачи, Калужской губернии, на днях состоялись перевыборы председателя.

Городской товарищ Ведерников, посланный ячейкой в подшефное село, стоял на свежеструганных бревнах и говорил собранию:

– Международное положение, граждане, яснее ясного. Задерживаться на этом, к сожалению, не приходится. Перейдем поэтому к текущему моменту дня, к выбору председателя заместо Костылева, Ивана. Этот паразит не может быть облечен всей полнотой государственной власти, а потому сменяется...

Представитель сельской бедноты, мужик Бобров, Михайло Васильевич, стоял на бревнах подле городского товарища и, крайне беспокоясь, что городские слова мало доступны пониманию крестьян, тут же, по доброй своей охоте, разъяснял неясный смысл речи.

– Одним словом, – сказал Михаиле Бобров, – этот паразит, распроязви его душу – Костылев, Иван Максимыч, – не может быть облегчен и потому сменяется...

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– И вместо указанного Ивана Костылева, – продолжал городской оратор, – предлагается избрать человека, потому как нам паразитов не надобно.

– И вместо паразита, – пояснил Бобров, – и этого, язви его душу, самогонщика, хоша он мне и родственник со стороны жены, предлагается изменить и наметить.

– Предлагается, – сказал городской товарищ, – выставить кандидатуру лиц.

Михайло Бобров скинул с себя от полноты чувств тапку и сделал широки и жест, приглашая немедленно выставить кандидатуру лиц.

Общество молчало.

– Разве Быкина, что ли? Или Еремея Ивановича Секина, а? – несмело спросил кто-то.

– Так, – сказал городской товарищ, – Быкина... Запишем.

– Чичас запишем, – пояснил Бобров.

Толпа, молчавшая до сего момента, принялась страшным образом галдеть и выкрикивать имена, требуя немедленно возводить своих кандидатов в должность председателя.

– Быкина, Васю! Еремея Ивановича Секина! Николаева...

Городской товарищ Ведерников записывал эти имена па своем мандате.

– Братцы! – закричал кто-то. – Это не выбор – Секип и Миколаев... Надоть передовых товарищей выбирать... Которые настоящие в полной мере... Которые, может, в городе поднаторели – вот каких надоть... Чтоб все насквозь знали...

– Верно! – закричали в толпе. – Передовых надоть... Кругом так выбирают.

– Тенденция правильная, – сказал городской товарищ. – Намечайте имена.

В обществе произошла заминка.

– Разве Коновалова, Лешку? – несмело сказал кто-то. – Он и есть только один приехавши с города. Он это столичная штучка.

– Лешку! – закричали в толпе. – Выходи, Леша. Говори обществу.

Лешка Коновалов протиснулся через толпу, вышел к бревнам и, польщенный всеобщим вниманием, поклонился по-городскому, прижимая руку к сердцу.

– Говори, Лешка! – закричали в толпе.

– Что ж, – несколько конфузясь, сказал Лешка. – Меня выбирать можно. Секин или там Миколаев – разве это выбор? Это же деревня, гольтепа. А я, может, два года в городе терся. Меня можно выбирать...

– Говори, Лешка! Докладывай обществу! – снова закричала толпа.

– Говорить можно, – сказал Лешка. – Отчего это не говорить, когда я все знаю... Декрет знаю или какое там распоряжение и примечание. Или, например, кодекс... Все это знаю. Два года, может, терся... Бывало, сию в камере, а к тебе бегут. Разъясни, дескать, Леша, какое это примечание и декрет.

– Какая это камера-то? – спросили в толпе.

– Камера-то? – сказал Лешка. – Да четырнадцатая камера. В Крестах мы сидели...

– Ну! – удивилось общество. – За что же ты, парень, в тюрьмах-то сидел?

Лешка смутился и растерянно взглянул на толпу.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Самая малость, – неопределенно сказал Лешка.

– Политика или что слямзил?

– Политика, – сказал Лешка. – Слямзил самую малость...

Лешка махнул рукой и сконфуженно смылся в толпу.

Городской товарищ Ведерников, поговорив о новых тенденциях избирать поднаторевших в городе товарищей, предложил голосовать за Еремея Секина.

Михаиле Бобров, представитель бедняцкого элемента, разъяснил смысл этих слов и Еремей Секин был единогласно избран при одном воздержавшемся.

Воздержавшийся был Лешка Коновалов. Ему не по душе была деревенская гольтепа.

1925

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

Вчера, граждане, сию я в Таврическом саду на скамейке. Кручу папирочку. По сторонам гляжу. А кругом чудно как хорошо! Весна. Солнышко играет. Детишки-ребятишки на песочке резвятся. Тут же, на скамейке, гляжу, этаким шибздик лет десяти, что ли, сидит. И ногой болтает.

Посмотрел я на него и вокруг.

"Эх, – думаю, – до чего все-таки ребятишкам превосходней живется, чем взрослому. Что ж взрослый? Ни ногой не поболтай, ни на песочке не поваляйся. А ногой поболтаешь – эвон, скажут, балда какая ногой трясет. Но морде еще ударят. Эх, думаю, несимпатично как-то взрослому человеку... Комиссии всякие, перекомиссии. Доклада и собрания... На три минуты, может, вырвешься подышать свежей атмосферой, а жена, может, ждет уж, уполовником трясет, ругается на чем свет стоит, зачем, мол, опоздал, Эх, думаю, счастливая пора, золотое детство! И как это ты так незаметно прошло и вон вышло..."

Посмотрел я еще раз на ребятишек и на парнишечку, который ногой болтает, и такая, прямо сказать, к нему нежность наступила, такое чувство дышать нечем.

– Мальчишечка, – говорю, – сукин ты сын! Не чувствуешь, говорю, подлец, небось полного своего счастья? Сидишь, говорю, ногой крутишь, тебе и горюшка никакого. Начихать тебе на все с высокого дерева. Эх, ты, говорю, милый ты мой, подлец этакий! Как, говорю, зватьто тебя? Имя, одним словом.

Молчит. Робеет, что ли.

– Да ты, – говорю, – не робей, милашечка. Не съест тебя с хлебом старый старикашка. Иди, говорю, садись на колени, верхом.

А парнишечка обернулся ко мне и отвечает:

– Некогда, – говорит, – мне на твоих коленках трястись. Дерьма тоже твои коленки. Идиет какой.

Вот те, думаю, клюква. Отбрил парнишечка. Некогда ему.

– С чего бы, – говорю, – вам некогда? Какие, извините за сравнение, дела-то у вас?

А парнишечка, дитя природы, отвечает басом:

– Стареть начнешь, коли знать будешь много.

Вот, думаю, какая парнишечка попалась.

– Да ты, – говорю, – не сердись. Охота, говорю, паршивому старикашке узнать, какие это дела приключаются в вашем мелком возрасте.

А парнишечка вроде смягчился после этого.

– Да делов, – говорит, – до черта! Комиссии всякие, перекомиссии. Доклады и собрания. Сейчас насчет Польши докладывать буду. Бежать надо. И школа, конечно. Физкультура все-таки... На три минуты, может, вырвешься подышать свежей струей, а Манька Блохина или Катюшка Семечкина небось ругаются. Эх-ма!

Парнишечка вынул "Пушку", закурил, сплюнул через зубы что большой, кивнул головой небрежно и пошел себе.

А я про себя думаю:

"Счастливая пора, золотая моя старость! И в школу, между прочим, ходить не надо. И с физкультурой все-таки не наседают".

После закурил "Пушку" и тоже пошел себе.

1925

ХОЗРАСЧЕТ

На праздниках бухгалтер Герюшкин устроил у себя званый обед. Приглашенных было немного.

Хозяин с каким-то радостным воплем встречал гостей в прихожей, помогал снимать шубы и волочил приглашенных в гостиную.

– Вот, – говорил он, представляя гостя своей жене, – вот мой лучший друг и сослуживец.

Потом, показывая на своего сына, говорил:

– А это, обратите внимание, балбес мой... Лешка. Развитая бестия, я вам доложу.

Лешка высовывал свой язык, и гость, слегка сконфуженный, присаживался к столу.

Когда собрались все, хозяин, с несколько торжественным видом, пригласил к столу.

– Присаживайтесь, – говорил он радушно. – Присаживайтесь. Кушайте на здоровье... Очень рад... Угощайтесь...

Гости дружно застучали ложками.

– Да-с, – после некоторого молчания сказал хозяин, – все, знаете ли, дорогонько стало. За что ни возьмись – кусается. Червонец скачет, цены скачут.

– Приступу нет, – сказала жена, печально глотая суп.

– Ей-богу, – сказал хозяин, – прямо-таки нету приступу. Вот возьмите такой пустяк – суп. Дрянь. Ерунда.

Вода вроде бы. А нуте-ка, прикиньте, чего эта водица стоит?

– М-да, – неопределенно сказали гости.

– В самом деле, – сказал хозяин. – Возьмите другое – соль. Дрянь продукт, ерунда сушая, пустяковина, а нуте-ка, опять прикиньте, чего это стоит.

– Да-а, – сказал балбес Лешка, гримасничая, – другой гость, как начнет солить, тык тока держись.

Молодой человек в пенсне, перед тем посоливший суп, испуганно отодвинул солонку от своего прибора.

– Солите, солите, батюшка, – сказала хозяйка, придвигая солонку.

Гости напряженно молчали. Хозяин со вкусом ел суп, добродушно поглядывая на своих гостей.

– А вот и второе подали, – объявил он оживленно. – Вот, господа, возьмите второе

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru

– мясо. А теперь позвольте спросить, какая цепа этому мясу? Нуте-ка? Сколько тут фунтов?

– Четыре пять осьмых, – грустно сообщила жена.

– Будем считать пять для ровного счету, – сказал хозяин. – Нуте-ка, по полтиннику золотом? Это, это на человека придется... Сколько нас человек?..

– Восемь, – подсчитал Лешка.

– Восемь, – сказал хозяин. – По полфунта... По четвертаку с носа минимум.

– Да-а, – обиженно сказал Лешка, – другой гость мясо с горчицей жрет.

– В самом деле, – вскричал хозяин, добродушно засмеявшись, – я и забыл – горчица... Нуте-ка, прикиньте к общему счету горчицу, то, другое, третье. По рублю и набезит...

– Да-а, по рублю, – сказал Лешка, – а небось, когда Пал Елисеевич локтем стеклище выпер, тык небось набезало...

– Ах, да! – вскричал хозяин. – Приходят, представьте себе, к нам раз гости, а один, разумеется нечаянно, выбивает зеркальное стекло. Обошелся нам тогда обед. Мы нарочно подсчитали.

Хозяин углубился в воспоминания.

– А впрочем, – сказал он, – и этот обед вскочит в копеечку. Да это можно подсчитать.

Он взял карандаш и принялся высчитывать, подробно перечисляя все съеденное. Гости сидели тихо, не двигаясь, только молодой человек, неосторожно посоливший суп, поминутно снимал запотевшее пенсне и обтирал его салфеткой.

– Да-с, – сказал наконец хозяин, – рублей по пяти с хвостиком...

– А электричество? – возмущенно сказала хозяйка. – А отопление? А Марье за услуги?

Хозяин всплеснул руками и, хлопнув себя по лбу, засмеялся.

– В самом деле, – сказал он, – электричество, отопление, услуги... А помещение? Позвольте, господа, в самом деле, помещение! Нуте-ка – восемь человек, четыре квадратные сажени... По девяносто копеек за сажень... В день, значит, три копейки... Гм... Это нужно на бумаге...

Молодой человек в пенсне заерзал на стуле и вдруг пошел в прихожую.

– Куда же вы? – закричал хозяин. – Куда же вы, голубчик, Иван Семенович?

Гость ничего не сказал и, надев чьи-то чужие калоши, вышел не прощаясь. Вслед за ним стали расходиться и остальные.

Хозяин долго еще сидел за столом с карандашом в руках, потом объявил:

– По одной пятой копейки золотом с носа. – Объявил он это жене и Лешке – гостей не было.

1925

ЗАСЫПАЛИСЬ

Станция Тимохино. Минуты две стоит поезд на этой станции. Ерундовая вообще станция. Вроде полустанок. А глядите, какие там дела творятся. На ткацкой фабрике.

Стала пропадать там пряжа.

Месяц пропадает. И два пропадает. И год пропадает. И пять лет пропадает... Наконец

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
на шестой год рабочие взбеленились.

– Что ж это, – говорят, – пряжа пропадает, а мы глазами мигаем и собрание не собираем. Надо бы собрание собрать: выяснить – как, чего и почему.

Собрались. Начали.

Все кроют последними словами воров. И этак их, и так, и перетак.

По очереди каждый гражданин выходит к помосту и кроет.

Старший мастер Кадушкин едва не прослезился.

– Братцы! – говорит. – Пора по зубам стукнуть мошенников. До каких пор будем терпеть и страдать?!

После старшего мастера вышел ткач Егоров, Василий Иванович.

– Братцы, – говорит, – не время выносить резолюции. Иначе как экстренными мерами и высшим наказанием не проймешь разбойников. Пора сплотиться и соединиться. Потому – такая чудная пряжа пропадает – жалко же. Была бы дрянь пряжа – разве плакали бы?! А то такая пряжа, что носки я три года не снимая ношу – и ни дырочки.

Тут с места встает старший мастер Кадушкин.

– Ха! – говорит, – носки. Носок, говорит, вроде как сапогом защищен. Чего ему делается! Я вот, говорит, свитер с этой пряжи два года ношу, и все он как новенький. А ты, чудак, с носком лезешь.

Тут еще один ткач встает с места.

– Свитер, – говорит, – это тоже не разговор, товарищи. Свитер, говорит, это вроде как костюм. Чего ему делается. Я, говорит, перчатки шесть лет ношу, и хоть бы хны. И еще десять лет носить буду, если их не сопрут. А сопрут, так вор, бродяга, наносится... И дети, говорит, все у меня перчатки носят с этой пряжи. И родственники. И не нахвалятся.

Тут начали с места подтверждать: дескать, пряжа действительно выдающаяся, к чему спорить. И не лучше ли, заместо спора, перейти к делу и выискать способ переловить мошенников.

Были приняты энергичные меры: дежурства, засады и обыски. Однако воров не нашли.

И только на днях автор прочел в газете, что семь человек с этой фабрики все-таки засыпались. Среди засыпавшихся были все знакомые имена: старший мастер Кадушкин, Василий Иванович Егоров и другие.

А приговорили их... Тьфу, черт! Мне-то что – к чему их приговорили? Недоставало адрес ихний еще сообщить. Тьфу, черт, а ведь сообщил – станция Тимохино.

Ах, читатель, до чего заедает общественное настроение.

1925

ПАПАША

Недавно Володьке Гусеву припаяли на суде. Его признали отцом младенца с обязательным отчислением третьей части жалованья. Горе молодого счастливого отца не поддается описанию. Очень он грустит по этому поводу.

– Мне, – говорит, – на младенцев завсегда противно было глядеть. Ножками дрыгают, орут, чихают. Толстовку тоже, очень просто, могут запачкать. Прямо житья нет от этих младенцев.

А тут еще этакой мелкоте деньги отваливай. Третью часть жалованья ему подавай. Так вот – здорово живешь. Да от этого прямо можно захворать. Я народному судье так и сказал:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Смешно, говорю, народный судья. Прямо, говорю, смешно, какие ненормальности. Этакая, говорю, мелкая Крошка, а ему третья часть. Да на что, говорю, ему третья часть? Младенец, говорю, не пьет, не курит и в карты не играет, а ему выкладывает ежемесячно. Это, говорю, захворать можно от таких ненормальностей.

А судья говорит:

– А вы как насчет младенца? Признаете себя ай нет?

Я говорю:

– Странные ваши слова, народный судья. Прямо, говорю, до чего обидные слова. Я, говорю, захворать могу от таких слов. Естественно, говорю, это не мой младенец. А только, говорю, я знаю, чьи это интриги. Это, говорю, Маруся Коврова насчет моих денег расстраивается. А я, говорю, сам тридцать два рубли получаю. Десять семьдесят пять отдай, – что ж это будет? Я, говорю, значит, в рваных портках ходи. А тут, говорю, параллельно с этим Маруся рояли будет покупать и батистовые подвязки на мои деньги. Тьфу, говорю, провались, какие неприятности!

А судья говорит:

– Может, и ваш. Вы, говорит, припомните.

Я говорю:

– Мне припоминать нечего. Я, говорю, от этих припоминаний захворать могу... А насчет Маруся – была раз на квартиру пришедши. И на трамвае, говорю, раз ездили. Я платил. А только, говорю, не могу я за это всю жизнь ежемесячно вносить. Не просите...

Судья говорит:

– Раз вы сомневаетесь насчет младенца, то мы сейчас его осмотрим и пущай увидим, какие у него наличные признаки.

А Маруся тут же рядом стоит и младенца своего разворачивает.

Судья посмотрел на младенца и говорит:

– Носик форменно на вас похож.

Я говорю:

– Я, говорю, извиняюсь, от носика не отказываюсь. Носик действительно на меня похож. За носик, говорю, я всегда способен три рубля или три с полтиной вносить. А зато, говорю, остатний организм весь не мой. Я, говорю, жгучий брюнет, а тут, говорю, извиняюсь, как дверь белое. За такое белое – рупь или два с полтиной могу только вносить. На что, говорю, больше, раз оно в союзе даже не состоит.

Судья говорит:

– Сходство, действительно, растяжимое. Хотя, говорит, носик весь в папашу.

Я говорю:

– Носик не основание. Носик, говорю, будто бы и мой, да дырочки в носике будто бы и не мои – махонькие очень дырочки. За такие, говорю, дырочки не могу больше рубля вносить. Разрешите, говорю, народный судья, идти и не задерживаться.

А судья говорит:

– Погоди маленько. Сейчас приговор вынесем.

И выносят – третью часть с меня жалованья.

Я говорю:

– Тьфу на всех. От таких, говорю, дел захворать можно.

1926

ПАССАЖИР

И зачем только позволяют пассажирам на третьих полках в Москву ездить? Ведь это же полки багажные. И а багажных полках и пушай багажи ездят, а не публика.

А говорят – культура и просвещение! Иль, скажем, тепловоз теперь к поездам прикрепляют и ездят после. А между прочим – такая дикая серость в вагонах допущается.

Ведь это же башку отломить можно. Упасть если. Вниз упадешь, не вверх.

А может, мне в Москву и не надо было ехать. Может, это Васька Бочков, сукин сын, втравил меня в поездку.

– На, – говорит, – дармовую провизионку. Поезжай в Москву, если тебе охота.

– Братишечка, – говорю, – да на что мне в Москвуто ехать? Мне, говорю, просто неохота ехать в Москву. У меня, говорю, в Москве ни кола ни двора. Мне, говорю, братишечка, даже и остановиться негде в Москве этой.

А он говорит:

– Да ты для потехи поезжай. Даром все-таки. Раз, говорит, в жизни счастье привалило, а ты, дура-голова, отпихиваешься.

С субботы на воскресенье я и поехал.

Вхожу в вагон. Присаживаюсь сбоку. Еду. Три версты отъехал – жрать сильно захотелось, а жрать нечего.

"Эх, – думаю, – Васька Бочков, сукин сын, в какую длинную поездку втравил. Лучше бы мне, думаю, сидеть теперь на суше в пивной где-нибудь, чем взад и вперед ездить".

А народу между тем многовато поднабралось. Тут у окна, например, дяденька с бородкой. Тут же рядом и старушечку бог послал. И какая это вредная, ядовитая старушечка попалась – все локтем пихается.

– Расселся, – говорит, – дьявол. Ни охнуть ни вздохнуть.

Я говорю:

– Вы, старушечка, божий одуванчик, не пихайтесь. Я, говорю, не своей охотой еду. Меня, говорю, Васька Бочков втравил.

Не сочувствует.

А вечер между тем надвигается. Искры с тепловозу дождем сыплются. Красота кругом и природа. А только мне неохота на природу глядеть. Мне бы, думаю, лечь да прикрыться.

А лечь, гляжу, некуда. Все места насквозь заняты.

Обращаюсь к пассажирам:

– Граждане, говорю, допустите хотя в серединку сесть. Я, говорю, сбоку свалиться могу. Мне в Москву ехать.

– Тут, – отвечают, – кругом все в Москву едут. Поезд не плацкартный все-таки. Сиди, где сидел.

Сижу. Еду. Еще три версты отъехал – нога зачумела. Встал. И гляжу третья полка виднеется. А на ней корзина едет.

– Граждане, – говорю, – да что ж это? Человек, говорю, скрючившись должен

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
сидеть, и ноги у него чумеют, а тут вещи... Человек, говорю, все-таки важней, чем вещи... Уберите, говорю, корзину, чья она.

Старушечка кряхтя подымается. За корзиной лезет.

– Нет, – говорит, – от вас, дьяволов, покою ни днем ни ночью. На, говорит, идол, полезай на такую верхотуру. Даст, говорит, бог, башку-то и отломишь на ночь глядя.

Я и полез.

Полез, три версты отъехал и задремал сладко.

Вдруг как пихнет меня в сторону, как кувыркнет вниз. Гляжу – падаю. Спросонья-то, думаю, какво падать.

И как шваркнет меня в бок, об башку, об желудок, об руку... Упал.

И, спасибо, ногой при падении за вторую полку зацепился – удар все-таки мягкий вышел.

Сижу на полу и башку щупаю – тут ли. Тут.

А в вагоне шум такой происходит. Это пассажиры шумят, не сперли бы, думают, ихние вещи в переполохе.

На шум бригада с фонарем сходится.

Обер спрашивает:

– кто упал?

Я говорю:

– я упал. С багажной полки. Я, говорю, в Москву еду. Васька Бочков, говорю, сукин сын, втравил в поездочку.

Обер говорит:

– У Бологое завсегда пассажиры вниз сваливаются. Дюже резкая остановка.

Я говорю:

– Довольно обидно упавшему человеку про это слышать. Пущай бы, – говорю, – лучше бригада не допускала на верхних полках ездить. А если лезет пассажир, пущай спихивают его или урезонируют – дескать, не лезьте, гражданин, скатиться можно.

Тут и старушка крик поднимает:

– Корзину, говорит, башкой смял.

Я говорю:

– Человек важнее корзинки. Корзинку, говорю, купить можно. Башка же, говорю, бесплатно все-таки.

Покричали, поохали, перевязали мне башку тряпкой и, не останавливая поезда, поехали дальше.

Доехал до Москвы. Вылез. Посидел на вокзале.

Выпил четыре кружки воды из бака. И назад.

А башка до чего ноет, гудит. И мысли все скабрзные идут. Э-э, думаю, попался бы мне сейчас Васька Бочков – я бы ему пересчитал ребра. Втравил, думаю, подлец, в какую поездку.

Доехал до Ленинграда. Вылез. Выпил из бака кружку воды и пошел, покачиваясь.

1926

МУЖ

Да что ж это, граждане, происходит на семейном фронте? Мужьям-то ведь форменная труба выходит. Особенно тем, у которых, знаете, жена передовыми вопросами занята.

Давеча, знаете, какая скучная история. Прихожу домой. Вхожу в квартиру. Стучусь, например, в собственную свою дверь – не открывают.

– Манюся, – говорю своей супруге, – да это же я, Вася, пришедши.

Молчит. Притаилась.

Вдруг за дверью голос Мишки Бочкова раздаётся. А Мишка Бочков – сослуживец, знаете ли, супруги”.

– Ах, – говорит, – это вы, Василь Иванович. Сей минуту, говорит, мы тебе отопрем. Обожди, друг, чуточку.

Тут меня, знаете, как поленом по башке ударило.

”Да что ж это, – думаю, – граждане, происходит-то на семенном фронге, – мужей впущать перестали”.

Прошу честью:

– Открой, говорю, курицын сын. Не бойся, драться я с тобой не буду.

А я, знаете, действительно, не могу драться. Рост у меня, извините, мелкий, телосложение хлипкое. То есть не могу я драться. К тому же, знаете ли, у меня в желудке постоянно что-то там булькает при быстром движении. Фельдшер говорит: ”Это у вас пища играет”. А мне, знаете, не легче, что она играет. Игрушки какие у нее нашлись! Только, одним словом, через это не могу драться.

Стучусь в дверь.

– Открывай, – говорю, – бродяга такая.

Он говорит:

– Не трясси дверь, дьявол. Сейчас открою.

– Граждане, – говорю, – да что ж это будет такое? Он, говорю, с супругой закрывшись, а я ему и дверь не трясси и не шевели. Открывай, говорю, сию минуту, или я тебе сейчас шум устрою.

Он говорит:

– Василь Иванович, да обожди немного. Посиди, говорит, в коридоре на сундучке. Да коптилку, говорит, только не оброни. Я тебе нарочно ее для света поставил.

– Братцы, – говорю, – милые товарищи. Да как же, говорю, он может, подлая его личность, в такое время мужу про коптилку говорить спокойным голосом?! Да что ж это происходит!

А он, знаете, урезонирует через дверь:

– Эх, дескать, Василь Иванович, завсегда ты был беспартийным мещанином. Беспартийным мещанином и скончаешься.

– Пуцай, – говорю, – я беспартийный мещанин, а только сию минуту я за милицией сбегаяю.

Бегу, конечно, вниз, к постовому.

Постовой говорит:

– Предпринять, товарищ, ничего не можем. Ежели, говори г, вас убивать начнут или, например, из окна кинут при общих семейных неприятностях, то тогда предпринять можно... А так, говорит, ничего особенного у вас не происходит... Все нормально и досконально... Да вы, говорит, побегите еще раз. Может, они и пустят.

Бегу назад – действительно, через полчаса Мишка Бочков открывает дверь.

– Входите, – говорит. – Теперь можно.

Вхожу побыстрее в комнату, батюшки светы, – накурено, наляпано, набросано, разбросано. А за столом, между прочим, семь человек сидят – три бабы и два мужика. Пишут. Или заседают. Пес их разберет.

Посмотрели они на меня и хохочут.

А передовой ихний товарищ, Мишка Бочков, нагнулся над столом и тоже, знаете, заметно трясется от хохоту.

– Извиняюсь, – говорит, – пардон, что над вами подшутили. Охота нам было знать, что это мужья в таких случаях теперь делают.

А я ядовито говорю:

– Смеяться, говорю, не приходится. Раз, говорю, заседание, то так и объявлять надо. Или, говорю, записки на дверях вывешивать. И вообще, говорю, когда курят, то проветривать надо.

А они посидели-посидели – и разошлись. Я их не задерживал.

1926

РАБОЧИЙ КОСТЮМ

Вот, граждане, до чего дожили! Рабочий человек и в ресторан не пойдя – не впускают. На рабочий костюм косятся. Грязный, дескать, очень для обстановки.

Па этом самом Василий Степаныч Конопатов пострадал. Собственной персоной. Выперли, братцы, его из ресторана. Вот до чего дожили.

Главное, Василий Степаныч, как только в дверь вошел, так сразу почувствовал, будто что-то не то, будто швейцар как-то косо поглядел на его костюмчик. А костюмчик известно какой – рабочий, дрянь костюмчик, вроде прозодежды. Да не в этом сила. Уж очень Василию Степанычу до слез обидным показалось отношение.

Он говорит швейцару:

– Что, говорит, косишься? Костюмчик не по вкусу? К манишечкам небось привыкши?

А швейцар Василия Степаныча цоп за локоть и не пущает.

Василий Степаныч в сторону.

– Ах, так! – кричит. – Рабочего человека в ресторан не пущать? Костюм неинтересный?

Тут публика, конечно, собралась. Смотрит. Василий Степаныч кричит:

– Да, говорит, действительно, граждане, манишечки у меня нету, и галстуки, говорит, не болтаются... И, может быть, говорит, я шею три месяца не мыл. Но, говорит, я, может, на производстве прею и потею. И, может, некогда мне костюмчики взад и вперед переодевать.

Тут пищевики наседать стали на Василия Степаныча. Под руки выводят. Швейцар, собака, прямо коленкой поднажимает, чтобы в дверях без задержки было.

Василий Степаныч Конопатов прямо в бешенство пришел. Прямо рыдает человек.

– Товарищи, – говорит, – молочные братья! Да что ж это происходит в

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
рабоче-крестьянском строительстве? Без манишечки, говорит, человеку пожрать не позволяют.

Тут поднялась катавасия. Потому народ видит – идеология нарушена. Стали пищевиков оттеснять в сторону. Кто бутылкой машет, кто стулом..

Хозяин кричит в три горла – дескать, теперь ведь заведение закрыть могут за допущение разврата.

Тут кто-то с оркестра за милицией сбегал.

Является милиция. Берет родного голубчика, Василия Степаныча Конопатова, и сажает его на извозчика.

Василий Степаныч и тут не утих.

– Братцы, – кричит, – да что ж это? Уж, говорит, раз милиция держит руку хозяйчика и за костюм человека выпирает, то, говорит, лучше мне к буржуям в Америку плыть, чем, говорит, такое действие выносить.

И привезли Васю Конопатова в милицию, и сунули в каталажку.

Всю ночь родной голубчик, Вася Конопатов, глаз не смыкал. Под утро только всхрапнул часочек. А утром его будят и ведут к начальнику.

Начальник говорит:

– Идите, говорит, товарищ, домой и остерегайтесь подобные факты делать.

Вася говорит:

– Личность оскорбили, а теперь – идите.. Рабочий, говорит, костюмчик не по вкусу? Я, говорит, может, сейчас сяду и поеду в Малый Совнарком жаловаться на ваши действия.

Начальник милиции говорит:

– Брось, товарищ, трепаться. Пьяных, говорит, у нас правило – в ресторан не допускать. А ты, говорит, даже на лестнице наблевал.

– Как это? – спрашивает Конопатов. – Значит, меня не за костюм выперли?

Тут будто что осенило Василия Степаныча.

– А я, – говорит, – думал, что за костюмчик. А раз, говорит, по пьяной лавочке, то это я действительно понимаю. Сочувствую этому. Не спорю.

Пожал Вася Конопатов ручку начальнику, извинился за причиненное беспокойство и отбыл.

1926

ТОРМОЗ ВЕСТИНГАУЗА

Главная причина, что Володька Боков маленько окосевши был. Иначе, конечно, не пошел бы он на такое преступление. Он выпивши был.

Если хотите знать, Володька Боков перед самым поездом скляночку эриванской выпил да пивком добавил. А насчет еды – он съел охотничью сосиску. Разве ж это еда? Ну, и развезло парнишку. Потому состав сильно едкий получается. И башку от этого крутит, и в груди всякие идеи назревают, и поколбаситься перед уважаемой публикой охота.

Вот Володя сел в поезд и начал маленько проявлять себя. Дескать, он это такой человек, что все ему можно. И даже народный суд, в случае ежели чего, завсегда за него заступится. Потому у него – пущай публика знает – происхождение очень отличное. И родной дед его был коровьим пастухом, и мамаша его была наипростая баба...

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

И вот мелет Володька языком – струя на него такая нашла – погордиться захотел. А тут какой-то напротив Володьки гражданин обнаруживается. Вата у него в ухе, и одет чисто, не без комфорта. И говорит он:

– А ты, говорит, потреплюсь еще, так тебя и заметут на первом полустанке.

Володька говорит:

– Ты мое самосознание не задевай. Не могут меня замести в силу происхождения. Пущай я чего хочешь сделаю – во всем мне будет льгота.

Ну, струя на него такая напала. Пьяный же.

А публика начала выражать свое недовольство по этому поводу. А которые наиболее ядовитые, те подначивать начали. А какой-то в синем картузе, подлая его душа, говорит:

– А ты, говорит, милый, стукни вот вдребезги по окну, а мы, говорит, пущай посмотрим, – заметут тебя, или тебе ничего не будет. Или, говорит, еще того чище, – стекла ты не тронь, а останови поезд за эту ручку... Это тормоз...

Володька говорит:

– За какую за эту ручку? Ты, говорит, паразит, точнее выразишься.

Который в синем картузе отвечает:

– Да вот за эту. Это тормоз Вестингауза. Дергани его слева в эту сторону.

Публика и гражданин, у которого вата в ухе, начали, конечно, останавливать поднатчика. Дескать, довольно стыдно трезвые идеи внушать окосевшему человеку.

А Володька Боков встал и слева как дерганет ручку.

Тут все и онемели сразу. Молчание сразу среди пассажиров наступило. Только слышно, как колесья чукают. И ничего больше. Который в синем картузе, тот ахнул.

– Ах, – говорит, – холера, остановил ведь...

Тут многие с места повскакали. Который в синем картузе – на площадку пытался выйти от греха. Пассажиры не пустили.

У которого вата в ухе, тот говорит:

– Это хулиганство. Сейчас ведь поезд остановится... Транспорт от этого изнашивается. Задержка, кроме того.

Володька Боков сам испугался малость.

– Держите, – говорит, – этого, который в синем картузе. Пущай вместе сядем. Он меня подначил.

А поезд между тем враз не остановился.

Публика говорит:

– Враз и не может поезд останавливаться. Хотя и дачный поезд, а ему после тормоза разбег полагается – двадцать пять саженой. А по мокрым рельсам и того больше.

А поезд между тем идет и идет себе.

Версту проехали – незаметно остановки.

У которого вата в ухе – говорит:

– Тормоз-то, говорит, кажись, тово... неисправный.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Володька говорит:

– Я ж и говорю: ни хрена мне не будет. Выкусили?

И сел. А на остановке вышел на площадку, освежился малость и домой прибыл трезвый, что стеклышко.

1926

МЕДИК

Нынче, граждане, в народных судах все больше медиков судят. Один, видите ли, операцию поганьими руками произвел, другой – с носа очки обронил в кишки и найти не может, третий – ланцет потерял во внутренностях или же не то отрезал, чего следует, какой-нибудь неопытной дамочке.

Все это не по-европейски. Все это круглое невежество. И судить таких врачей надо.

Но вот, за что, товарищи, судить будут медика Егорыча? Конечно, высшего образования у него нету. Но и вины особой нету.

А заболел тут один мужичок. Фамилия – Рябов, профессия – ломовой извозчик. Лет от роду – тридцать семь. Беспартийный.

Мужик хороший – слов нету. Хотя и беспартийный, но в союзе состоит и ставку по третьему разряду получает.

Ну, заболел. Слег. Подумаешь, беда какая. Пухнет, видите ли, у него живот и дышать трудно. Ну, потерпи! Ну, бутылку с горячей водой приложи к брюху – так нет. Испугался очень. Задрожал. И велит бабе своей, не жалеючи никаких денег, пригласить наилучшего знаменитого врача. А баба что? Баба всплакнула насчет денег, но спорить с больным не стала. Пригласила врача.

Является этакий долговязый медик с высшим образованием. Фамилия Воробейчик. Беспартийный.

Ну, осмотрел он живот. Пощупал чего следует и говорит:

– Ерунда, говорит. Зря, говорит, знаменитых врачей понапрасну беспокоите. Маленько объелся мужик через меру. Пушай, говорит, клистир ставит и курей кушает.

Сказал и ушел. Счастливо оставаться.

А мужик загрустил.

"Эх, – думает, – так его за ногу! Какие дамские рецепты ставит. Отец, думает, мой не знал легкие средства, и я знать не желаю. А курей пушай кушает международная буржуазия".

И вот погрузил мужик до вечера. А вечером велит бабе своей, не желая никаких денег, пригласить знаменитого Егорыча с Малой Охты.

Баба, конечно, взгрустнула насчет денег, но спорить с больным не стала – поехала. Приглашает.

Тот, конечно, покобенился.

– Чего, – говорит, – я после знаменитых медиков туда и обратно ездить буду? Я человек без высшего образования, писать знаю плохо. Чего мне взад-вперед ездить?

Ну, покобенился, выговорил себе всякие льготы: сколько хлебом и сколько деньгами – и поехал.

Приехал. Здравствуйте.

Щупать руками желудок не стал.

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
– Наружный, – говорит, – желудок тут ни при чем. Все, говорит, дело во внутреннем. А внутренний щупай – болезнь от того не ослабнет. Только разбередить можно.

Расспросил он только, что первый медик прописал и какие рецепты поставил, горько про себя усмехнулся и велит больному писать записку – дескать, я здоров, и папаша покойный здоров, во имя отца и святого духа.

И эту записку велит проглотить.

Выслушал мужик, намотал на ус.

"Ох, – думает, – так его за ногу! Ученье свет – поученье тьма. Говорило государство: учись – не учился. А как бы пригодилась теперь наука".

Покачал мужик бороденкой и говорит через зубы:

– Нету, говорит, не могу писать. Не обучен. Знаю только фамилие подписывать. Может, хватит.

– Нету, – отвечает Егорыч, нахмурившись и теребя усишки. – Нету. Одно фамилие не хватит. Фамилие, говорит, подписывать от грыжи хорошо, а от внутренней полная записка нужна.

– Чего же, – спрашивает мужик, – делать? Может, вы за меня напишете, потрудитесь?

– Я бы, – говорит Егорыч, – написал, да, говорит, очки на рояли забыл. Пущай кто-нибудь из родных и знакомых пишет.

Ладно. Позвали дворника Андрона.

А дворник даром что беспартийный, а спец: писать и подписывать может.

Пришел Андрон. Выговорил себе цену, попросил карандаш, сам сбегал за бумагой и стал писать.

Час или два писал, вспотел, но написал:

"Я здоров, и папаша покойный здоров, во имя отца и святого духа.

Дворник дома N 6.

Андрон".

Написал. Подал мужику. Мужик глотал, глотал – проглотил.

А Егорыч тем временем попрощался со всеми любезно и отбыл, заявив, что за исход он не ручается – не сам больной писал.

А мужик повеселел, покушал даже, но к ночи все-таки помер.

А перед смертью рвало его сильно, и в животе резало.

Ну, помер – рой землю, покупай гроб, – так нет. Пожалела баба денег пошла в союз жаловаться: дескать, нельзя ли с Егорыча деньги вернуть.

Денег с Егорыча не вернули – не таковский, но дело всплыло.

Разрезали мужика. И бумажку нашли. Развернули, прочитали, ахнули: дескать, подпись не та, дескать, подпись Андропова – и дело в суд. И суду доложили: подпись не та, бумажка обойная и размером для желудка велика – разбирайтесь!

А Егорыч заявил на следствии: "Я, братцы, ни при чем, не я писал, не я глотал и не я бумажку доставал. А что дворник Андрон подпись свою поставил, а не больного – недосмотрел я. Судите меня за недосмотр".

А Андрон доложил: "Я, говорит, два часа писал и запарился. И, запарившись, свою

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru фамилию написал. Я, говорит, и есть убийца. Прошу снисхождения".

Теперь Егорыча с Андроном судить будут. Неужели же засудят?

1926

ПРИСКОРБНЫЙ СЛУЧАЙ

Как хотите, товарищи, а Николаю Ивановичу я очень сочувствую. Пострадал этот милый человек на все шесть гривен и ничего такого особенно выдающегося за эти деньги не видел.

Только что характер у него оказался мягкий и уступчивый. Другой бы на его месте все кино, может, разбросал и публику из залы выкурил. Потому шесть гривен ежедневно на полу не валяются. Понимать надо.

А в субботу голубчик наш, Николай Иванович, немножко, конечно, выпил. После полочки.

А был этот человек в высшей степени сознательный. Другой бы выпивший человек начал бузить и расстраиваться, а Николай Иванович чинно и благородно прошелся по проспекту. Спел что-то там такое. Вдруг глядит перед ним кино.

"Дай, – думает, – все равно – зайду в кино. Человек, думает, я культурный, полуинтеллигентный, чего мне зря по панелям в пьяном виде трепаться и прохожих задевать? Дай, думает, я ленту в пьяном виде посмотрю. Никогда ничего подобного не видел".

Купил он за свои пречистые билет. И сел в переднем ряду. Сел в переднем ряду и чинно-благородно смотрит.

Только, может, посмотрел он на одну надпись, вдруг в Ригу поехал. Потому очень тепло в зале, публика дышит, и темнота на психику благоприятно действует.

Поехал в Ригу наш Николай Иванович, все чинно-благородно – никого не трогает, экран руками не хватает, лампочек не выкручивает, а сидит себе и тихонько в Ригу едет.

Вдруг стала трезвая публика выражать недовольствие по поводу, значит, Риги.

– Могли бы, – говорят, – товарищ, для этой цели в фойе пройти, только, говорят, смотрящих драму отвлекаете на другие идеи.

Николай Иванович – человек культурный, сознательный – не стал, конечно, зря спорить и горячиться. А встал себе и пошел тихонько.

"Чего, – думает, – с трезвыми связываться? От них скандалу не оберешься".

Пошел он к выходу. Обращается в кассу.

– Только что, – говорит, – дамочка, куплен у вас билет, прошу вернуть назад деньги. Потому как не Могу картину глядеть – меня в темноте развозит.

Кассирша говорит:

– Деньги мы назад выдавать не можем, ежели вас развозит – идите тихонько спать.

Поднялся тут шум и перебранка. Другой бы на месте Николая Иваныча за волосы бы выволок кассиршу из кассы и вернул бы свои пречистые. А Николай Иванович, человек тихий и культурный, только, может, раз и пихнул кассиршу.

– Ты, – говорит, – пойми, зараза, не смотрел я еще на твою ленту. Отдай, говорят, мои пречистые.

И все так чинно-благородно, без скандалу, – просит вообще вернуть свои же деньги.

Тут заведующий прибегает.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Мы, – говорит, – деньги назад не вертаем, раз, говорит, взято, будьте любезны досмотреть ленту.

Другой бы на месте Николая Ивановича плюнул бы в зава и пошел бы досматривать за свои пречистые. А Николай Ивановичу очень грустно стало насчет денег, начал он горячо объясняться и обратно в Ригу поехал.

Тут, конечно, схватили Николая Ивановича, как собаку, поволокли в милицию. До утра продержали. А утром взяли с него трешку штрафа и выпустили.

Очень мне теперь жалко Николая Ивановича. Такой, знаете, прискорбный случай: человек, можно сказать, и ленты не глядел, только что за билет подержался – и, пожалуйста, гоните за это мелкое удовольствие три шесть гривен. И за что, спрашивается, три шесть гривен?

1926

КИНОДРАМА

Театр я не хаю. Но кино все-таки лучше. Оно выгодней театра. Раздеваться, например, не надо – гривенники от этого все время экономишь. Бриться опять же не обязательно – в потемках личности не видать.

В кино только в самую залу входить худо. Трудновато входить. Свободно могут затискать до смерти.

А так все остальное очень благородно. Легко смотрится.

В именины моей супруги поперли мы с ней кинодраму глядеть. Купили билеты. Начали ждать.

А народу многонько скопившись. И все у дверей мнутя.

Вдруг открывается дверь, и барышня говорит: "Валяйте".

В первую минуту началась небольшая давка. Потому каждому охота поинтересней место занять.

Ринулся народ к дверям. А в дверях образовавшись пробка.

Задние поднажимают, а передние никуда не могут.

А меня вдруг стиснуло, как севрюгу, и понесло вправо.

"Батюшки, – думаю, – дверь бы не расшибить".

– Граждане, – кричу, – легче, за ради бога! Дверь, говорю, человеком расколоть можно.

А тут такая струя образовавшись – прут без удержу. Л сзади еще военный на меня некультурно нажимает. Прямо, сукин сын, сверлит в спину.

Я этого черта военного ногой лягаю.

– Оставьте, – говорю, – гражданин, свои арапские штучки.

Вдруг меня чуть приподняло и об дверь мордой.

Так, думаю, двери уж начали публикой крошить.

Хотел я от этих дверей отойти. Начал башкой дорогу пробивать. Не пуцают. А тут, вижу, штанами за дверную ручку зацепился. Карманом.

– Граждане, – кричу, – да полегче же, караул! Человека за ручку зацепило.

Мне кричат:

– Отцепляйтесь, товарищ! Задние тоже хотят.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru

А как отцеплять, ежели волокет без удержу и вообще рукой не двинуть.

– Да стойте же, – кричу, – черти! Погодите штаны сымать-то. Дозвольте же прежде человеку с ручки сняться. Начисто материал рвется.

Разве слушают? Прут...

– Барышня, – говорю, – отвернитесь хоть вы-то, за ради бога. Совершенно то есть из штанов вынимают против воли.

А барышня сама стоит посиневши и хрипит уже. И вообще смотреть не интересуется.

Вдруг, спасибо, опять легче понесло.

Либо с ручки, думаю, снялся, либо из штанов вынули.

А тут сразу пошире проход обнаружился.

Вдохнул я свободнее. Огляделся. Штаны, гляжу, тут. А одна штанина ручкой на две половинки разодрана и при ходьбе полощется парусом.

Вон, думаю, как зрителей раздевают.

Пошел в таком виде супругу искать. Гляжу, забили ее в самый то есть оркестр. Сидит там и выходить пугается.

Тут, спасибо, свет погасили. Начали ленту пущать.

А какая это была лента – прямо затрудняюсь сказать. Я все время штаны зашпиливал.

Одна булавка, спасибо, у супруги моей нашлась. Да еще какая-то добродушная дама четыре булавки со своего белья сняла. Еще веревочку я на полу нашел. Полсеанса искал.

Подвязал, подшпилил, а тут, спасибо, и драма кончилась. Пошли домой.

1926

РЕЖИМ ЭКОНОМИИ

Как в других городах проходит режим экономии, я, товарищи, не знаю.

А вот в городе Борисове этот режим очень выгодно обернулся.

За одну короткую зиму в одном только нашем учреждении семь сажен еловых дров сэкономлено. Худо ли!

Десять лет такой экономии – это десять кубов всетаки. А за сто лет очень свободно три барки экономить можно. Через тысячу лет вообще дровами торговать можно будет.

И об чем только народ раньше думал? Отчего такой выгодный режим раньше в обиход не вводил? Вот обидно-то! А начался у нас этот самый режим еще с осени.

Заведующий у нас – свой парень. Про все с нами советуется и говорит как с родными. Папироски даже, сукин сын, стреляет.

Так приходит как-то этот заведующий и объявляет:

– Ну вот, ребяташки, началось... Подтянитесь! Экономьте что-нибудь там такое...

А как и чего экономить – неизвестно. Стали мы разговаривать, чего экономить. Бухгалтеру, что ли, черту седому, не заплатить, или еще как.

Заведующий говорит:

– Бухгалтеру, ребяташки, не заплатишь, так он, черт седой, живо в охрану труда смотается. Этого нельзя будет. Надо еще что-нибудь придумать.

Тут, спасибо, наша уборщица Ньюша женский вопрос на рассмотрение вносит.

– Раз, – говорит, – такое международное положение и вообще труба, то, говорит, можно, для примера, уборную не отапливать. Чего там зря поленья перегонять? Не в гостиную!

– Верно, – говорим, – нехай уборная в холоде постоит. Сажен семь сэкономим, может быть. А что прохладно будет, так это отнюдь не худо. По морозцу-то публика задерживаться не будет. От этого даже производительность может актуально повыситься.

Так и сделали. Бросили топить – стали экономию подсчитывать.

Действительно, семь сажен сэкономил. Стали восьмую экономить, да тут весна ударила.

Вот обидно-то!

Если б, думаем, не чертова весна, еще бы полкуба сэкономил.

Подкузьмила, одним словом, нас весна. Ну, да и семь сажен, спасибо, на полу не валяются.

А что труба там какая-то от мороза оказалась лопнувши, так эта труба, выяснилось, еще при царском режиме была поставлена. Такие трубы вообще с корнем выдергивать надо.

Да оно до осени свободно без трубы обойдемся. А осенью какую-нибудь дешевенькую поставим. Не в гостиную!

1926

ЧАСЫ

Главное – Василий Конопатов с барышней ехал. Поехал бы он один – все обошлось бы славным образом. А тут черт дернул Васю с барышней на трамвае выехать.

И, главное, как сложилось все дефективно! Например, Вася и привычки никогда не имел по трамваям ездить. Всегда пешком перся. То есть случая не было, чтоб парень в трамвай влез и добровольно гривенник кондуктору отдал.

А тут нате вам – манеры показал. Мол, не угодно ли вам, дорогая барышня, в трамвае покатасться? К чему, дескать, туфлями лужи черпать?

Скажи на милость, какие великосветские манеры!

Так вот, влез Вася Конопатов в трамвай и даму за собой впер. И мало того, что впер, а еще и заплатил за нее без особого скандалу.

Ну, заплатил – и заплатил. Ничего в этом нет особенного. Стой, подлая душа, на месте, не задавайся. Так нет, начал, дьявол, для фасона за кожаные штуки хвататься. За верхние держатели. Ну, и дохватался.

Были у парня небольшие часы – сперли.

И только сейчас тут были. А тут вдруг хватился, хотел перед дамой пыль пустить – часов и нету. Заголосил, конечно.

– Да что ж это, – говорит. – Раз в жизни в трамвай вопрешься, и то трогают.

Тут в трамвае началась, конечно, неразбериха. Остановили вагон. Вася, конечно, сразу на даму свою подумал, не она ли вообще увела часы. Дама в слезы.

– Я, – говорит, – привычки не имею за часы хвататься.

Тут публика стала наседать.

– Это, – говорит, – нахальство на барышню тень наводить.

Барышня отвечает сквозь слезы:

– Василий, говорит, Митрофанович, против вас я ничего не имею. Несчастье, говорит, каждого человека пригинает. Но, говорит, пойдете, прошу вас, в угрозыск. Пущай там зафиксируют, что часы – пропажа. И, может, они, слава богу, найдутся.

Василий Митрофанович отвечает:

– Угрозыск тут ни при чем. А что на вас я подумал – будьте любезны, извините. Несчастье, это действительно, человека пригинает.

Тут публика стала выражаться. Мол, как это можно? Если часы – пропажа, то обязательно люди в угрозыск ходят и заявляют.

Василий Митрофанович говорит:

– Да мне, говорит, граждане, прямо некогда и, одним словом, неохота в угрозыск идти. Особых делов, говорит, у меня там нету. Это, говорит, не обязательно идти.

Публика говорит:

– Обязательно. Как это можно, когда часы – пропажа. Идемте, мы свидетели.

Василий Митрофанович отвечает:

– Это насилие над личностью.

Однако все-таки пойти пришлось.

И что бы вы, милые мои, думали? Зашел парень в угрозыск, а оттуда не вышел. Так-таки вот и не вышел. Застрял там. Главное – пришел парень со свидетелями, объясняет. Ему говорят:

– Ладно, найдем. Заполните эту анкету. И объясните, какие часы.

Стал парень объяснять и заполнять – и запутался.

Стали его спрашивать, где он в девятнадцатом году был. Велели показать большой палец. Ну, и конченное дело. Приказали остаться и не удаляться. А барышню отпустили.

И подумать, граждане, что творится? Человек в угрозыск не моги зайти. Замечают.

1926

СИЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Говорят, против алкоголя наилучше действует искусство. Театр, например. Карусель. Или какая-нибудь студия с музыкой.

Все это, говорят, отвлекает человека от выпивки с закуской.

И, действительно, граждане, взять для примера хотя бы нашего слесаря Петра Антоновича Коленкова. Человек пропал буквально и персонально. И вообще жил, как последняя курица.

По будням после работы ел и жрал. А по праздникам и по воскресным дням напивался Петр Антонович до крайности. Беспредельно напивался.

И в пьяном виде дрался, вола вертел и вообще пьяные эксцессы устраивал. И домой лежа возвращался.

И уж, конечно, за всю неделю никакой культработы не нес этот Петр Антонович. Разве что в субботу в баньку ходит, пополощется. Вот вам и вся культработа.

Родные Петра Антоновича от такого поведения сильно расстраивались. Стращали даже.

– Петр, – говорят, – Антонович. Человек вы квалифицированный, не первой свежести, ну, мало ли в пьяном виде трюхнетесь об тумбу – разобьетесь же. Пейте несколько полегче. Сделайте такое семейное одолжение.

Не слушает. Пьет по-прежнему и веселится.

Наконец нашелся один добродушный человек с месткома. Он, знаете ли, прямо так и сказал Петру Антоновичу:

– Петр, говорит, Антонович, отвлекайтесь, я вам говорю, от алкоголя. Ну, говорит, попробуйте заместо того в театр ходить по воскресным дням. Прошу вас чеством и билет вам дарма предлагаю.

Петр Антонович говорит:

– Ежели, говорит, дарма, то попробовать можно, отчего же. От этого, говорит, не разорюсь, ежели то есть дарма.

Упросил, одним словом.

Пошел Петр Антонович в театр. Понравилось. До того поправилось – уходить не хотел. Театр уже, знаете, окончился, а он, голубчик, все сидит и сидит.

– Куда же, – говорит, – я теперича пойду, на ночь глядя? Небось, говорит, все портерные закрыты уж. Ишь, говорит, дьяволы, в какое предприятие втравили!

Однако поломался-поломался и пошел домой. И трезвый, знаете ли, пошел. То есть ни в одном глазу.

На другое воскресенье опять пошел. На третье – сам в местком за билетом сбегал.

И что вы думаете? Увлекся человек театром. То есть первым театралом в районе стал. Как завидит театральную афишу – дрожит весь. Пить бросил по воскресеньям. По субботам стал пить. А баню перенес на четверг.

А последнюю субботу, находясь под мухой, разбился Петр Антонович об тумбу и в воскресенье в театр не пошел. Это было единственный раз за весь сезон, когда Петр Антонович пропустил спектакль. К следующему воскресенью небось поправится и пойдет. Потому – захватило человека искусство. Понесло...

1926

ДАМСКОЕ ГОРЕ

Перед самыми праздниками зашел я в сливочную – купить себе четвертку масла – разговеться.

Гляжу, в магазине народищу уйма. Прямо не протолкнуться.

Стал я в очередь. Терпеливо жду. Кругом – домашние хозяйки шумят и норовят без очереди протиснуться. Все время приходится одергивать.

И вдруг входит в магазин быстрым шагом какая-то дамочка. Нестарая еще, в небольшой черной шляпке. На шляпке – креп полощется. Вообще, видно, в трауре.

И протискивается эта дамочка к прилавку. И что-то такое говорит приказчику. За шумом не слышать.

Приказчик говорит:

– Да я не знаю, гражданка. Одним словом, как другие – дозволят, так мое дело пятое.

– А чего такое? – спрашивают в очереди. – Об чем речь?

– Да вот, – говорит приказчик, – у них то есть семейный случай. Ихний супруг застрелившись... Так они просят отпустить им фунт сметаны и два десятка яиц без очереди.

– Конечно дело, отпустить. Обязательно отпустить. Чего там! – заговорили все сразу. – Пушай идет без очереди.

И все с любопытством стали рассматривать эту гражданку.

Она оправила креп на шляпке и вздохнула.

– Скажите, какое горе! – сказал приказчик, отвешивая сметану. – И с чего бы это, мадам, извиняюсь?

– Меланхолик он у меня бью, – сказала гражданка.

– И давно-с? – позвольте вас так спросить.

– Да вот на прошлой неделе сорок дней было.

– Скажите, какие несчастные случаи происходят! – снова сказал приказчик. – И позвольте узнать, с револьверу это они это самое, значит, или с чего другого?

– Из револьверу, – сказала гражданка. – Главное, все на моих глазах произошло. Я сижу в соседней комнате. Хочу, не помню, что-то такое сделать, и вообще ничегושеньки не предполагаю, вдруг ужасный звук происходит. Выстрел, одним словом. Бегу туда – дым, в ушах звон... И все на моих глазах.

– М-да, – сказал кто-то в очереди, – бывает...

– Может быть, и бывает, – ответила гражданка с некоторой обидой в голосе, – но так, чтобы на глазах, это, знаете, действительно...

– Какие ужасные ужасы! – сказал приказчик.

– Вот вы говорите – бывает, – продолжала гражданка. – Действительно, бывает, я не отрицаю. Вот у моих знакомых племянник застрелился. Но там, знаете, ушел человек из дому, пропал вообще... А тут все на глазах...

Приказчик завернул сметану и яйца в пакет и подал гражданке с особой любезностью.

Дама печально кивнула головой и пошла к выходу.

– Ну, хорошо, – сказала какая-то фигура в очереди. – Ну, ихний супруг застрелившись. А почему такая спешка и яйца без очереди? Неправильно!

Дама презрительно оглянулась на фигуру и вышла.

1926

ЧУДНЫЙ ОТДЫХ

Человеку обязательно отдохнуть надо. Человек все-таки не курица. Курица – та может, действительно, в отпусках не нуждаться. А человеку без отпуска немислимо.

А я, например, сорок лет не отдыхал. Как с двухлетнего возраста зарядил, так и пошла работа без отдыха и сроку.

А что касается воскресений или праздничных дней, то какой же это отдых? Сами понимаете: то маленько выпьешь, то гости припрутся, то ножку к дивану приклеить надо. Мало ли делов на свете у среднего человека! Жена тоже вот иной раз начнет претензии выражать. Какой тут отдых?

А в это лето очень отдыхать потянуло. Главная причина – все вокруг отдыхают. Ванюшка Егоров, например, в Крым ездил. Вернулся черный как черт. И в весе сильно прибавился... Петруха Яичкин опять же на Кавказе отдыхал. Миша Бочков в свою деревню смотался. Две недели отлично прожил. Побили его даже там за что-то такое. Вернулся назад – не узнать. Карточку во как раздуло на правую сторону.

Вообще все, вижу, отдыхают, и все поправляются, один я не отдыхаю.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1917.ru
Вот и поехал этим летом. "Не курица, – думаю. – В Крым, думаю, неохота ехать. На всякие, думаю, трусики разоришься. Поеду куда поближе".

Поехал. В дом отдыха.

Очень все оказалось отлично и симпатично. И отношение внимательное. И пища жирная.

И сразу, как приехал, на весах взвешали. По новой метрической системе. И грудь мерили. И рост.

– Поправляйтесь, – говорят.

– Да уж, – говорю, – маленько бы в весе хотелось бы прибавиться. Рост-то, говорю, пес с ним. Пущай прежний рост. А маленько потяжелеть не мешает. Не курица, говорю, гражданин фельдшер.

Фельдшер говорит:

– Вес – это можно. Нам весу не жалко. Валяйте!

Начал дышать. И сразу, знаете, обнаружилась очень необычная скука. Нечего делать – прямо беда! И пища жирная, и уход внимательный, и на весах вешают, а скука между тем сильная.

Утром, например, встал, рожу всполоснул, пошамал и лежи на боку. А лежать неохота – сиди. Сидеть неохота – ходи. А к чему, скажите, ходить без толку? Нехота ходить без толку. Привычки такой за сорок лет не выработалось.

Один день походил – хотел назад ехать. Да, спасибо, своих же отдыхающих ребят в саду встретил.

Сидят они на лужку и в картишки играют.

– В козла, что ли? – спрашиваю.

– Так точно, – говорят, – в козла. – Но, говорят, можно и в очко перейти. На интерес. Присаживайтесь, уважаемый товарищ! Мы с утра дуемся...

Присел, конечно.

Сыграли до ужина. Там маленько после ужина. Там утречком пораньше. А там и пошло у нас каждый день. Глядишь – и дней не видно. Не только, скажем, скука, а рожу помыть или кофейку выпить некогда.

Две недельки прошли, как сладкий сон. Отдохнул, можно сказать, за все сорок лет и душой и телом.

А что вес маленько убавился, то вес – дело наживное. Вес и на производстве нагулять можно. А рост, спасибо, остался прежний. Чуть маленько только убавился. Фельдшер говорит – от сидячей жизни.

1926

РОДНЫЕ ЛЮДИ

Этот разговор я записал дословно. И пусть читатель плюнет мне в глаза, если я хоть что-нибудь преувеличил. Я ничего не преувеличил. Все в аккурат так и было. Разговор произошел в тюрьме. В приемной комнате. Мать пришла на свидание к сыну.

Встреча была сердечная. Мамаша радостно плакала.

Сын тоже посапывал носом.

После первых слез и горячих поцелуев мать и сын уселись на скамейку рядышком.

– Ну так, – сказал сын. – Пришла, значит.

– Пришла, Васенька, – сказала мать.

– Так, – повторил сын.

Он с любопытством посмотрел на серую казенную стену, потом на дверь, на печку и наконец перевел взгляд на свои сандалии.

– Так, – в третий раз сказал сын и вздохнул...

Мать тоже вздохнула и, перебирая пальцами бахромки байкового своего платка, посмотрела по сторонам.

– Ну вот, – сказал сын и шумно высморкался.

Оба после этого сидели молча минуты три.

Наконец сын сказал:

– А свиданье, мамаша, нынче сильно ограничили.

Двадцать минут, говорят, дается на свиданье.

– Мало это, Васенька, – укоризненно сказала мать.

– Да уж, конечно, немного, – сказал сын.

– Я так думаю, Васенька, что нам очень даже мало – двадцать минут-то. Не поговорить с родным человеком, ничего такого...

Мать покачала головой и добавила:

– Ну уж я пойду, Васенька.

– Ну иди, мамаша.

Оба оживленно встали, вздохнули и поцеловались.

Сын сказал:

– Ну так. Ладно. Заходи, мамаша... Да чего я еще хотел сказать? Да, плита-то в кухне все еще дымит, мамаша?

– Плита-то? Дымит, Васенька. Обязательно дымит.

Давеча всю квартиру дымом заразило.

– Ну так... Иди, мамаша.

Мать и сын полюбовались друг другом и разошлись.

1926

УТОНУВШИЙ ДОМИК

Шел я раз по Васильевскому острову. Домик, гляжу, небольшой такой.

Крыша да два этажа. Да трубенка еще сверху торчит. Вот вам и весь домик.

Маленький вообще домишко. До второго этажа, если на плечи управдому встать, то и рукой дотянуться можно.

На этот домик я бы и вниманья своего не обратил, да какая-то каналья со второго этажа дрянью в меня плеснула.

Я хотел выразиться покрепче, поднял кверху голову – нет никого.

"Спрятался, подлец", – думаю.

Стал я шарить глазами по дому. Гляжу, у второго этажа досочка какая-то прибита. На досочке надпись: "Уровень воды 23 сентября 1924 г.". "Ого, – думаю, –

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
водица-то где была в наводнение. И куда же, думаю, несчастные жильцы спасались, раз вода в самом верхнем этаже ощущалась? Не иначе, думаю, на крыше спасались..."

Тут стали мне всякие ужасные картины рисоваться. Как вода первый этаж покрыла и ко второму прется. А жильцы небось в испуге вещички свои побросали и на крышу с отчаяния лезут. И к трубе, пожалуй что, канатами себя привязывают, чтобы вихорь в пучину не скинул.

И до того я стал жильцам сочувствовать в ихней прошлой беде, что и забыл про свою обиду.

Вдруг открывается окно и какая-то вредная старушенция подает свой голос:

– Чего, говорит, тебе, батюшка? Из соцстраха ты или, может, агент?

– Нету, – говорю, – мамаша, ни то и ни это, а гляжу вот и ужасаюсь уровнем. Вода-то, говорю, больно высока была. Небось, говорю, мамаша, тебя канатом к трубе подвязывали?

А старушка посмотрела на меня дико и окошко поскорей закрыла.

И вдруг выходит из ворот какой-то плотный мужчина в жилетке и с беспокойством спрашивает:

– Вам чего, гражданин, надо?

Я говорю:

– Чего вы все ко мне пристали? Уж и на дом не посмотри. Вот, говорю, гляжу на уровень. Высоко больно.

А мужчина усмехнулся и говорит:

– Да нет, говорит, это так. В нашем районе, говорит, хулиганы сильно балуют. Завсегда срывали фактический уровень. Вот мы его повыше и приспособили. Ничего, благодаря бога, теперь не трогают. И лампочку не трогают. Высоко потому... А касаясь воды – тут мельче колена было. Кура могла вброд пройти.

А мне как-то обидно вдруг стало вообще за уровни.

– Вы бы, – говорю, – на трубу еще уровень свой прибили.

А он говорит:

– Ежели этот уровень отобьют, так мы и на трубу – очень просто.

– Ну, – говорю, – и черт с вами. Тоните.

1926

ТЕЛЕФОН

Я, граждане, надо сказать, недавно телефон себе поставил. Потому по нынешним торопливым временам без телефона как без рук.

Мало ли – поговорить по телефону или, например, позвонить куда-нибудь.

Оно, конечно, звонить некуда – это действительно верно. Но, с другой стороны, рассуждая материально, сейчас не девятнадцатый год. Это понимать надо. Это в девятнадцатом году не то что без телефона обходились не жравши сидели, и то ничего.

А, скажем, теперь – за пять целковых аппараты тебе вешают. Господи твоя воля!

Хочешь – говори по нем, не хочешь – как хочешь. Никто на тебя за это не в обиде. Только плати денежки.

Оно, конечно, соседи с непривычки обижались.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Может, – говорят, – оно и ночью звонить будет, так уж это вы – ах оставьте.

Но только оно не то что ночью, а и днем, знаете, не звонит. Оно, конечно, всем окружающим я дал номера с просьбой позвонить. Но, между прочим, все оказались беспартийные товарищи и к телефону мало прикасаются.

Однако все-таки за аппарат денежки не дарма плочены. Пришлось-таки недавно позвонить по очень важному и слишком серьезному делу.

Воскресенье было.

И сижу я, знаете, у стены. Смотрю, как это оно оригинально висит. Вдруг как оно зазвонит. То но звонило, по звонило, а тут как прорвет. Я, действительно, даже испугался.

"Господи, – думаю, – звону-то сколько за те же деньги".

Снимаю осторожно трубку за свои любезные.

– Алло, – говорю, – откуда это мне звонят?

– Это, – говорят, – звонят вам по телефону.

– А что, – говорю, – такое стряслось и кто, извиняюсь, будет у аппарата?

– Это, – отвечают, – у аппарата будет одно знакомое вам лицо. Приходите, говорят, по срочному делу в пивную на угол Посадской.

"Видали, – думаю, – какие удобства! А не будь аппарата – что бы это лицо делало? Пришлось бы этому лицу на трамвае трястись".

– Алло, – говорю, – а что это за такое лицо и какое дело?

Однако в аппарате молчат и на это не отвечают.

"В пивной, – думаю, – конечно, выяснится".

Поскорее сию минуту одеваюсь. Бегу вниз.

Прибегаю в пивную.

Народу, даром что днем, много. И все незнакомые.

– Граждане, – говорю, – кто мне сейчас звонил и по какому, будьте любезны, делу?

– Однако посетители молчат и не отвечают.

"Ах, какая, – думаю, – досада. То звонили, звонили, а то нет никого".

Сажусь к столику. Прошу подать пару.

"Посижу, – думаю, – может, и придет кто-нибудь. Странные, думаю, какие шутки".

Выпиваю пару, закусываю и иду домой.

Иду домой.

А дома то есть полный кавардак. Обокраден. Нету синего костюма и двух простынь.

Подхожу к аппарату. Звоню срочно.

– Алло, – говорю, – барышня, дайте в ударном порядке уголовный розыск. Обокраден, говорю, вчистую. Барышня говорит:

– Будьте любезны – занято.

Звоню попозже. Барышня говорит:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Кнопка не работает, будьте любезны.

Одеваюсь. Бегу, конечно, вниз. И на трамвае в уголовный розыск.

Подаю заявление.

Там говорят:

– Расследуем.

Я говорю:

– Расследуйте и позвоните.

Они говорят:

– Нам, говорят, звонить как раз некогда. Мы, говорят, и без звонков расследуем, уважаемый товарищ.

Чем все это кончится – не знаю. Больше никто мне не звонил. А аппарат висит.

1926

МОНТЕР

Я, братцы мои, зря спорить не буду, кто важней в театре – актер, режиссер или, может быть, театральный плотник. Факты покажут. Факты всегда сами за себя говорят.

Дело это произошло в Саратове или Симбирске, одним словом, где-то недалеко от Туркестана. В городском театре. Играли в этом городском театре оперу. Кроме выдающейся игры артистов, был в этом театре, между прочим, монтер – Иван Кузьмич Мякишев.

На общей группе, когда весь театр в двадцать третьем году снимали на карточку, монтера этого пихнули кудато сбоку – мол, технический персонал. А в центр, на стул со спинкой, посадили тенора.

Монтер Иван Кузьмич Мякишев ничего на это не сказал, но в душе затаил некоторую грубость. Тем более что на карточку сняли его вдобавок мутно, не в фокусе.

А тут такое подошло. Сегодня, для примера, играют "Руслан и Людмила". Музыка Глинки. Дирижер – маэстро Кацман. А без четверти минут восемь являются до этого монтера две знакомые ему барышни. Или он их раньше пригласил, или они сами подошли – неизвестно. Так являются эти две знакомые барышни, отчаянно флиртуют и вообще просят их посадить в общую залу посмотреть на спектакль. Монтер говорит:

– Да ради бога, медам. Сейчас я вам пару билетов устрою. Посидите тут, у будки.

И сам, конечно, к управляющему.

Управляющий говорит:

– Сегодня выходной день. Народу пропасть. Каждый стул на учете. Не могу.

Монтер говорит:

– Ах так, говорит. Ну, так я играть отказываюсь. Отказываюсь, одним словом, освещать ваше производство. Играйте без меня. Посмотрим тогда, кто из нас важней и кого сбоку сымать, а кого в центр сажать.

И сам обратно в будку. Выключил по всему театру свет, замкнул на все ключи будку и сидит – флиртует со своими знакомыми девицами.

Тут произошла, конечно, форменная неразбериха. Управляющий бегаёт. Публика орёт. Кассир визжит, пугается, как бы у него деньги в потемках не взяли. А бродяга, главный оперный тенор, привыкший всегда сыматься в центре, заявляется до дирекции и говорит своим тенором:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Я в темноте петь тенором отказываюсь. Раз, говорит, темно – я уйду. Мне, говорит, голос себе дороже. Пуцай ваш монтер поет.

Монтер говорит:

– Пуцай не поет. Наплевать на него. Раз он в центре сымается, то и пуцай одной рукой поет, другой свет зажигает. Думает – тенор, так ему и свети все время, Теноров нынче нету!

Тут, конечно, монтер схлестнулся с тенором.

Вдруг управляющий является, говорит:

– Где эти чертовы две девицы? Через них наблюдается полная гибель. Сейчас я их куда-нибудь посажу, леший их забодай!

Монтер говорит:

– Вот они, чертовы девицы! Только не через их гибель, а гибель через меня. Сейчас, говорит, я свет дам. Мне энергии принципиально не жалко.

Дал он сию минуту свет.

– Начинайте, – говорит.

Сажает тогда его девиц на выдающиеся места и начинают спектакль.

Теперь и разбирайтесь сами, кто важнее в этом сложном театральном механизме.

Конечно, если без горячности разбираться, то тенор тоже для театра крупная ценность. Иная опера не сможет даже без него пойти. Но и без монтера нет жизни на театральных подмостках.

Так что они оба – два представляют собой одинаковую ценность. И нечего тут задаваться: дескать, я – тенор. Нечего избегать дружеских отношений. И сымать на карточку мутно, не в фокусе!

1927

ПРЕЛЕСТИ КУЛЬТУРЫ

Я всегда симпатизировал центральным убеждениям.

Даже вот когда в эпоху военного коммунизма нэп вводили, я не протестовал. Нэп так нэп Вам видней. Но, между прочим, при введении нэпа сердце у меня отчаянно сжималось Я как бы предчувствовал некоторые резкие перемены.

И действительно, при военном коммунизме куда как было свободно в отношении культуры и цивилизации Скажем, в театре можно было свободно даже не раздеваться – сиди, в чем пришел. Это было достижение.

А вопрос культуры – это собачий вопрос Хотя бы насчет того же раздевания в театре Конечно, слов нету, без пальто публика выгодней отличается – красивей и элегантней Но что хорошо в буржуазных странах, то у нас иногда выходит боком.

Товарищ Локтев и его дама Ньюша Кошелькова на днях встретили меня на улице. Я гулял или, может быть, шел горло промочить – не помню.

Встречают и уговаривают:

– Горло, говорят, Василий Митрофанович, от вас не убежит Горло завсегда при вас, завсегда его прополоскать успеете Идемте лучше сегодня в театр. Спектакль – "Грелка".

И, одним словом, уговорили меня пойти в театр – провести культурно вечер.

Пришли мы, конечно, в театр. Взяли, конечно, билеты Поднялись по лестнице. Вдруг назад кличут. Велят раздеваться.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Пальта, – говорят, – сымайте.

Локтев, конечно, с дамой моментально скинули пальта А я, конечно, стою в раздумье Пальто у меня было в тот вечер прямо на ночную рубашку надето Пиджака не было. И чувствую, братцы мои, сымать как-то неловко "Прямо, – думаю, – срамота может произойти". Главное – рубаха нельзя сказать что грязная Рубаха не особенно грязная Но, конечно, грубая, ночная. Шинельная пуговица, конечно, на вороте пришита крупная. "Срамота, думаю, – с такой крупной пуговицей в фойе идти"

Я говорю своим:

– Прямо, говорю, товарищи, не знаю, чего и делать.

Я сегодня одет неважно. Неловко как-то мне пальто сымать. Все-таки подтяжки там и сорочка опять же грубая.

Товарищ Локтев говорит:

– Ну, покажись.

Расстегнулся я Показываюсь.

– Да, – говорит, – действительно, видик...

Дама тоже, конечно, посмотрела и говорит:

– Я, говорит, лучше домой пойду. Я, говорит, не могу, чтоб кавалеры в одних рубахах рядом со мной ходили Вы бы, говорит, еще подштанники поверх штанов пристегнули. Довольно, говорит, вам неловко в таком отвлеченном виде в театры ходить.

Я говорю:

– Я не знал, что я в театры иду, – дура какая я, может, пиджаки редко надеваю. Может, я их берегу, – что тогда?

Стали мы думать, что делать. Локтев, собака, говорит:

– Вот чего. Я, говорит, Василий Митрофанович, сейчас тебе свою жилетку дам Надевай мою жилетку и ходи в ней, будто тебе все время в пиджаке жарко. Расстегнул он свой пиджак, стал щупать и шарить внутри себя.

– Ой, – говорит, – мать честная, я, говорит, сам сегодня не при жилетке. Я, говорит, тебе лучше сейчас галстук дам, все-таки приличней. Привяжи на шею и ходи, будто бы тебе все время жарко.

Дама говорит:

– Лучше, говорит, я, ей-богу, домой пойду. Мне, говорит, дома как-то спокойней. А то, говорит, один кавалер чуть не в подштанниках, а у другого галстук вместо пиджака. Пуцай, говорит, Василий Митрофанович в пальто попросит пойти.

Просим и умоляем, показываем союзные книжки – не пуцают.

– Это, – говорят, – не девятнадцатый год – в пальто сидеть.

– Ну, – говорю, – ничего не пропишешь. Кажись, братцы, надо домой ползти.

Но как подумаю, что деньги заплачены, не могу идти – ноги не идут к выходу.

Локтев, собака, говорит:

– Вот чего Ты, говорит, подтяжки отстегни, – пуцай их дама понесет вместо сумочки. А сам валяй, как есть: будто у тебя это летняя рубашка апаш и тебе, одним словом, в ней все время жарко.

Дама говорит:

– Я подтяжки не понесу, как хотите. Я, говорит, не для того в театры хожу, чтоб мужские предметы в руках носить. Пуцай Василий Митрофанович сам несет или в карман себе сунет.

Раздеваю пальто. Стою в рубашке, как сукин сын.

А холод довольно собачий. Дрожу и прямо зубами лязгаю. А кругом публика смотрит.

Дама отвечает:

– Скорей вы, подлец этакий, отстегивайте помочи. Народ же кругом ходит. Ой, ей-богу, лучше я домой сейчас пойду.

А мне скоро тоже не отстегнуть. Мне холодно. У меня, может, пальцы не слушаются – сразу отстегивать. Я упражнения руками делаю.

После приводим себя в порядок и садимся на места.

Первый акт проходит хорошо. Только что холодно. Я весь акт гимнастикой занимался.

Вдруг в антракте задние соседи скандал поднимают. Зовут администрацию. Объясняют насчет меня.

– Дамам, – говорят, – противно на ночные рубашки глядеть. Это, говорят, их шокирует. Кроме того, говорят, он все время вертится, как сукин сын.

Я говорю:

– Я верчусь от холода. Посидите-ка в одной рубахе. А я, говорю, братцы, и сам не рад. Что же сделать?

Волокут меня, конечно, в контору. Записывают все как есть.

После отпускают.

– А теперь, – говорят, – придется вам трешку по суду отдать.

Вот гадость-то! Прямо не угадаешь, откуда неприятности...

1927

ГОСТИ

Конечно, об чем говорить! Гость нынче пошел ненормальный. Все время приходится за ним следить. И чтоб пальто свое надел. И чтоб лишнюю барашковую шапку не напялил.

Еду-то, конечно, пуцай берет. Но зачем же еду в салфетки заворачивать? Это прямо лишнее. За этим не последишь, так гости могут в две вечеринки все имущество вместе с кроватями и буфетами вывезти. Вон какие гости пошли!

У моих знакомых на этой почве небольшой инцидент развернулся на этих праздниках.

Приглашено было на рождество человек пятнадцать самых разнообразных гостей. Были тут и дамы и не дамы. Пьющие и выпивающие.

Вечеринка была пышная. На одну только жратву истрачено было около семи рублей. Выпивка – на паях.

По два с полтиной с носу. Дамы бесплатно. Хотя это, прямо сказать, глупо. Другая дама налижется до того, что любому мужчине может сто очков вперед дать. Но не будем входить в эти подробности и расстраивать свои нервы. Это уж дело хозяйское. Им видней.

А хозяев было трое. Супруги Зефиры и ихний старик – женин папа Евдокимыч.

Его, может, специально пригласили на предмет посмотреть за гостями.

– Втроем-то, – говорят, – мы очень свободно за гостями доглядеть можем. Каждого гостя на учет возьмем.

Стали они глядеть.

Первым выбыл из строя Евдокимыч. Этот старикан, дай бог ему здоровья и счастливой старости, в первые же пять минут нажрался до того, что "мама" сказать не мог.

Сидит, глазами играет и дамам мычит определенные вещи.

Сам хозяин Зефилов очень от этой папиной выпивки расстроился и огорчился и сам начал ходить по квартире – следить, как и чего и чтоб ничего лишнего.

Но часам к двенадцати от полного огорчения и сам набрался до полного безобразия. И заснул на видном месте – в столовой на подоконнике.

Впоследствии обнаружилось, что ему надуло фотографическую карточку, и три недели он ходил с флюсом.

Гости, пожрав вволю, начали играть и веселиться. Начались жмурки, горелки и игра в щеточку.

Во время игры в щеточку открывается дверь, находит мадам Зефирова, бледная как смерть, и говорит:

– Это, говорит, ну, чистое безобразие! Кто-то сейчас выкрутил в уборной электрическую лампочку в двадцать пять свечей. Это, говорит, прямо гостей в уборную нельзя допускать.

Начался шум и треволение. Папаша Евдокимыч, конечно, протрезвился вмиг, начал беспокоиться и за гостей хвататься.

Дамы, безусловно, визжат, не допускают себя лапать.

– Хватайтесь, – говорят, – за мужчин, в крайнем случае, а не за нас.

Мужчины говорят:

– Пуцай тогда произведут поголовный обыск.

Приняли меры. Закрыли двери. Начали устраивать обыск.

Гости самолично поочередно выворачивали свои карманы, и расстегивали гимнастерки и шаровары, и снимали сапоги. Но ничего такого предосудительного, кроме нескольких бутербродов и полбутылки мадеры, двух небольших рюмок и одного графина, обнаружено не было.

Хозяйка, мадам Зефирова, начала горячо извиняться – дескать, погорячилась и кинула тень на такое избранное общество. И высказала предположение, что, может быть, кто и со стороны зашел в уборную и вывинтил лампу.

Однако момент был испорчен. Никто играть в щеточку не захотел больше, танцы под балалайку тоже расстроились, и гости начали тихонько расходиться.

А утром, когда хозяин продрал свои очи, все выяснилось окончательно.

Оказалось, что хозяин из боязни того, что некоторые зарвавшиеся гости могут слимонить лампочку, выкрутил ее и положил в боковой карман.

Там она и разбилась.

Хозяин, видимо, круто налег на нее, когда заснул на подоконнике.

1927

ОПЕРАЦИЯ

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Эта маленькая грустная история произошла с товарищем Петюшкой Ящиковым. Хотя, как сказать – маленькая! Человека чуть не зарезали. На операции.

Оно, конечно, до этого далеко было. Прямо очень даже далеко. Да и не такой этот Петя, чтобы мог допустить себя свободно зарезать. Прямо скажем: не такой это человек. Но история все-таки произошла с ним грустная.

Хотя, говоря по совести, ничего такого грустного не произошло. Просто не рассчитал человек. Не сообразил.

Опять же на операцию в первый раз явился. Без привычки.

А началась у Петюшки пшенная болезнь. Верхнее веко у него на правом глазу начало раздувать. И за три года раздуло прямо в чернильницу.

Смотался Петя Ящиков в клинику. Докторша ему попала молодая, интересная особа.

Докторша эта ему говорила:

– Как хотите. Хотите – можно резать. Хотите – находитесь так. Эта болезнь не смертельная. И некоторые мужчины, не считаясь с общепринятой наружностью, вполне привыкают видеть перед собой эту опухоль.

Однако, красоты ради, Петюшка решил на операцию.

Тогда велела ему докторша прийти завтра.

Назавтра Петюшка Ящиков хотел было заскочить на операцию сразу после работы. Но после думает:

"Дело это хотя глазное и наружное, и операция, так сказать, не внутренняя, но пес их знает – как бы не приказали костюм раздеть. Медицина дело темное. Не заскочить ли, в самом деле, домой – переснять нижнюю рубашку?"

Побежал Петюшка домой.

Главное, что докторша молодая. Охота была Петюшке пыль в глаза ей пустить – дескать, хотя снаружи и не особо роскошный костюм, но зато, будьте любезны, рубашечка – чистый мадаполам.

Одним словом, не хотел Петя врасплох попасть.

Заскочил домой. Надел чистую рубашку. Шею бензином вытер. Ручки под краном сполоснул. Усики кверху растопырил. И покатился.

Докторша говорит:

– Вот это операционный стол. Вот это ланцет. Вот это ваша пшенная болячка. Сейчас я вам все это сделаю.

Снимите сапоги и ложитесь на этот операционный стол.

Петюшка слегка даже растерялся.

"То есть, – думает, – прямо не предполагал, что сапоги снимать. Это же форменное происшествие. Ой-ей, думает, восочки-то у меня неинтересные, если не сказать хуже".

Начал Петюшка Ящиков все-таки свою китель сдирать, чтоб, так сказать, уравновесить другие нижние недостатки.

Докторша говорит:

– Китель оставьте трогать. Не в гостинице. Снимите только сапоги.

Начал Петюшка хвататься за сапоги, за свои джимми. После говорит:

– Прямо, говорит, товарищ докторша, не знал, что с ногами ложиться. Болезнь

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
глазная, верхняя – не предполагал. Прямо, говорит, товарищ докторша, рубашку переменил, а другое, извиняюсь, не трогал. Вы, говорит, на них не обращайтесь внимания во время операции.

Докторша, утомленная высшим образованием, говорит:

– Ну, валяй скорей. Время дорого.

А сама сквозь зубы хохочет.

Так и резала ему глаз. Режет и хохочет. На ногу посмотрит и от смеха задыхается. Аж рука дрожит.

А могла бы зарезать со своей дрожащей ручкой!

Разве можно так человеческую жизнь подвергать опасности?

Но, между прочим, операция закончилась прекрасно. И глаз у Петюшки теперь не имеет опухоли.

Да и носочки, наверно, он носит теперь более аккуратные. С чем и поздравляем его, ежели это так.

1927

ГРИМАСА НЭПА

На праздники я обыкновенно в Лугу езжу. Там, говорят, воздух очень превосходный – сосновый и еловый. Против бронхита хорошо помогает. Врачи так говорят. Я не знаю. Не думаю.

Главное, что в Лугу ездить – сущее наказание. Народу больно много. Пихаются. На колени садятся без разрешения. Корзинки и тючки на голову ставят. Не только бронхит – скарлатину получить можно.

Прошлый раз по пути из Луги на какой-то станции, несмотря на форменное переполнение, в вагон еще какой-то тип влазит. Не старый еще. С усиками. Довольно франтовато одетый. В русских сапогах. И с ним – старуха. Такая обыкновенная старуха с двумя тюками и с корзинкой.

Собственно, сначала эта старуха в вагон влезла со своим багажом. А за ней уж этот тип со своими усиками.

Старуха, значит, впереди идет – пробивается сквозь публику, а он за ней небрежной походкой. И все командует ей:

– Неси, – кричит, – ровней корзину-то. Просыпешь чего-то там такое... Становь теперича ее под лавку! Засупонивай, я говорю, ее под лавку. Ах, чертова голова! Узел-то не клади гражданам на колени. Клади временно на головы... Обожди, сейчас я подниму его на верхнюю полку. Фу ты, я говорю, дьявол какой!

Только видят пассажиры – действия гражданина не настоящие, форменное нарушение уголовного кодекса труда. Одним словом, пассажиры видят: нарушена норма в отношении старослужащего человека.

Некоторые начали вслух выражать свое неудовольствие – дескать, не пора ли одернуть, если он зарвался и кричит и командует одной прислугой. Где ж это возможно одной старухе узлы на головы ложить? Это же форменная гримаса нэпа.

Около окна просто брожение среди публики началось.

– Это, – говорят, – эксплуатация переростков! Нельзя же так кричать и командовать на глазах у публики. Это унижает ейное старушечье достоинство.

Вдруг один наиболее из всех нервный гражданин подходит до этого, который с усиками, и берет его прямо за грудки.

– Это, – говорит, – невозможно допускать такие действия. Это издевательство над несвободной личностью. Это форменная гримаса нэпа.

То есть, когда этого нового взяли за грудки" он побледнел и откинулся. И только потом начал возражать.

– Позвольте, – говорит, – может быть, никакой гримасы нету? Может быть, это я с моей мамашей в город Ленинград еду? Довольно, говорит, оскорбительно слушать подобные слова в нарушение кодекса.

Тут среди публики некоторое замешательство произошло. Некоторый конфуз: дескать, вмешались не в свои семейные дела. Прямо неловко. Оказывается, это всегонавсего мамаша.

Наиболее нервный человек не сразу, конечно, сдался.

– А пес, – говорит, – ее разберет. На ней афиша не наклеена – мамаша или папаша. Тогда объявлять надо при входе.

Но после сел у своего окна и говорит:

– Извиняюсь все-таки. Мы не знали, что это ваша преподобная мамаша Мы подумали как раз, знаете, другое Мол, это, подумали, домашняя прислуга. Тогда извиняемся.

До самого Ленинграда который с усиками оскорблялся задним числом за нанесенные ему обиды.

– Это, – говорит, – проехаться не дадут – сразу берут за грудки. Затрагивают, у которых, может быть, билеты есть Положите, мамаша, ногу на узел – унести могут. Какие такие нашлись особенные. А может быть, я сам с семнадцатого года живу в Ленинграде.

Другие пассажиры сидели молча и избегали взгляда этого оскорбленного человека.

1927

ЦАРСКИЕ САПОГИ

В этом году в Зимнем дворце разное царское барахлишко продавалось. Музейный фонд, что ли, этим торговал Я не знаю кто.

Я с Катериной Федоровной Коленкоровой ходил туда. Ей самовар нужен был на десять персон.

Самовара, между прочим, там не оказалось. Или царь пил из чайника, или ему носили из кухни в каком-нибудь граненом стакане, я не знаю, только самовары в продажу не поступили.

Зато других вещей было множество. И вещи, действительно, все очень великолепные. Разные царские портьеры, бордюры, разные рюмочки, плевательницы, сорочки и другие разные царские штучки. Ну, прямо глаза разбегаются, не знаешь, за что схватиться и какую вещь приобрести.

Тогда Катерина Федоровна на свободные деньги купила, вместо самовара, четыре сорочки из тончайшего мадаполама. Очень роскошные. Царские.

Я же вдруг увидел в описи сапоги. Русское голенище, восемнадцать целковых.

Я сразу спросил у артельщика, который торговал:

– Какие это сапоги, любезный приятель?

Он говорит:

– Обыкновенно какие – царские.

– А какая, – говорю, – мне гарантия, что это царские. Может, говорю, какой-нибудь капельдинер трепал, а вы их вместо царских выдаете. Это, говорю, нехорошо, неприлично.

Артельщик говорит:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Тут кругом все имущество царской фамилии Мы, говорит, дерьмом не торгуем.

– Покажи, – говорю, – товар.

Поглядел я сапоги Очень мне ужасно понравились и размер подходящий. И такие они не широкие, узеньким, опрятные. Тут носок, тут каблук. Ну, прямо цельные сапоги. И вообще мало ношенные. Может, только три дня царь их носил. Подметка еще не облупилась.

– Господи, – говорю, – Катерина Федоровна, да разве, говорю, раньше можно было мечтать насчет царской обуви? Или, например, в царских сапогах по улице пройтись? Господи, говорю, как история меняется, Катерина Федоровна!

Восемнадцать целковых отдал за них, не горюя. И, конечно, за царские сапоги эта цена очень и очень небольшая.

Выложил восемнадцать целковых и понес эти царские сапоги домой.

Действительно, обувать их было трудно Не говоря про портянку, на простой носок и то еле лезут. "Все-таки, – думаю, – разношу".

Три дня разношивал. На четвертый день вдруг подметка отлипла. И не то чтобы одна подметка, а так полностью вместе с каблуком весь нижний этаж отвалился.

Даже нога наружу вышла.

А случилось это поганое дело на улице, на бульваре Союзов, не доходя Дворца труда. Так и попер домой на Васильевский остров без подметки.

Главное, денег было очень жалко. Все-таки восемнадцать целковых. И жаловаться некуда. Ну, будь эти сапоги фабрики "Скороход" или какой-нибудь другой фабрики – другой вопрос Можно было бы дело возбудить или красного директора с места погнать за такую техническую слабость. А тут, извольте, царские сапоги.

Конечно, на другой день сходил в Музейный фонд. А там уже и торговать кончили – закрыто.

Хотел в Эрмитаж смотаться или еще куда-нибудь, но после рукой махнул. Главное, Катерина Федоровна меня остановила.

– Это, – говорит, – не только царский, любой королевский сапог может за столько лет прогнить. Все-таки, как хотите, со дня революции десять лет прошло. Нитки, конечно, сопреть могли за это время. Это понимать надо.

А действительно, братцы мои, десять лет протекло. Шутка ли! Товар и тот распадаться начал.

И хотя Катерина Федоровна меня успокоила, но когда, между прочим, после первой стирки у нее эти самые царские дамские сорочки полезли в разные стороны, то она очень ужасно крыла царский режим.

А вообще, конечно, десять лет прошло, – смешно обижаться.

Время-то как быстро идет, братцы мои! Все прежнее в прах распадается.

1927

КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ

У моих знакомых, у Гусевых, немец из Берлина жил. Комнату снимал. Почти два месяца прожил.

И не какой-нибудь там чухонец или другое национальное меньшинство, а настоящий германец из Берлина. По-русски – ни в зуб ногой. С хозяевами изъяснялся руками и головой.

Одевался, конечно, этот немец ослепительно. Белье чистое. Штаны ровные. Ничего лишнего. Ну, прямо гравюра.

А когда уезжал этот немец, то много чего оставил хозяевам. Цельный ворох заграничного добра. Разные пузырьки, воротнички, коробочки. Кроме того, почти две пары кальсон. И свитер почти не рваный. А мелочей разных и не счесть – и для мужского и для дамского обихода.

Все это в кучку было свалено в углу, у рукомоиника.

Хозяйка, мадам Гусева, дама честная, ничего про нее такого не скажешь, намекнула немчику перед самым отъездом – дескать, битте-дритте, не впопыхах ли изволили заграничную продукцию оставить.

Немчик головой лягнул, дескать, битте-дритте, пожалуйста, заберите, об чем разговор, жалко, что ли.

Тут хозяева налегли на оставленную продукцию. Сам Гусев даже подробный список вещам составил. И уж, конечное дело, сразу свитер на себя напялил и кальсоны взял.

После две недели ходил с кальсонами в руках. Всем показывал, невозможно как гордился и хвалил немецкое качество.

А вещи, действительно, были хотя и ношенные и, вообще говоря, чуть держались, однако, слов нет, – настоящий, заграничный товар, глядеть приятно.

Между прочим, среди оставленных вещей была такая фляга не фляга, но вообще такая довольно плоская банка с порошком. Порошок вообще розовый, мелкий. И душок довольно симпатичный – не то лориган, не то роза.

После первых дней радости и ликования начали Гусевы гадать, что за порошок. Нюхали, и зубами жевали, и на огонь сыпали, но угадать не могли.

Носили по всему дому, показывали вузовцам и разной интеллигенции, но толку не добились.

Многие говорили, будто это пудра, а некоторые заявляли, будто это мелкий немецкий тальк для подсыпки только что родившихся немецких ребят.

Гусев говорит:

– Мелкий немецкий тальк мне ни к чему. Только что родившихся ребят у меня нету. Пущай это будет пудра. Пущай я буду после каждого бритья морду себе подсыпать. Надо же культурно пожить хоть раз в жизни.

Начал он бриться и пудриться. После каждого бритья ходит розовый, цветущий и прямо благоухает.

Кругом, конечно, зависть и вопросы.

Тут Гусев, действительно, поддержал немецкое производство. Много и горячо нахваливал немецкий товар.

– Сколько, – говорит, – лет уродовал свою личность разными русскими отбросами и вот наконец дождался. И когда, говорит, эта пудра кончится, то прямо и не знаю, как быть. Придется выписать еще баночку. Очень уж чудный товар. Прямо душой отдыхаю.

Через месяц, когда пудра подходила к концу, пришел в гости к Гусеву один знакомый интеллигент. За вечерним чаем он и прочитал банку.

Оказалось, это было немецкое средство против разведения блох.

Конечно, другой, менее жизнерадостный человек был бы сильно пришиблен этим обстоятельством. И даже, может быть, у менее жизнерадостного человека рожа покрылась бы прыщами и угрями от излишней мнительности. Но не таков был Гусев.

– Вот это я понимаю, – сказал он. – Вот это качество продукции! Вот это достижение. Это, действительно, не переплюнешь товар. Хочешь морду пудри, хочешь

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
блох посыпай! На все годится. А у нас что?

Тут Гусев, похвалив еще раз немецкое производство, сказал:

– То-то я гляжу – что такое? Целый месяц пудрюсь, и хоть бы одна блоха меня укусила. Жену, мадам Гусеву, кусают. Сыновья тоже целные дни отчаянно чешутся. Собака Нинка тоже скребется. А я, знаете, хожу и хоть бы что. Даром что насекомые, но чувствуют, шельмы, настоящую продукцию. Вот это, действительно – сейчас порошок у Гусева кончился. Должно быть, снова его кусают блохи.

1927

СОЦИАЛЬНАЯ ГРУСТЬ

Давно я, братцы мои, собирался рассказать про комсомольца Гришу Степанчикова, да все как-то позабывал. А время, конечно, шло.

Может, полгода пробежало с тех пор, когда с Гришей произошла эта собачья неприятность.

Конечно, уличен был парнишка во вредных обстоятельствах – мещанские настроения и вообще подрыв социализма. Но только дозвольте всесторонне осветить эту многоуважаемую историю.

Произошло это, кажется, что в Москве. А может, и не в Москве. Но сдается нам, что в Москве. По размаху видим. Однако точно не утверждаем. "Красная газета" в подробности не вдавалась. Только мелким полупетитом отметила, – дескать, в Семеновской ячейке.

А было это так. В Семеновской, то есть, ячейке состоял этот самый многострадальный Гриша Степанчиков. И выбили как-то раз этому Грише три зуба. По какому делу выбили – опять же нам неизвестно. Может, излишки физкультуры. А может, об дерево ударился. Или, может быть, в младенческие годы сладкого употреблял много. Только знаем, что не по пьяной лавочке вынули ему зубы. Не может этого быть.

Так вот живет этот Гриша без трех зубов. Остальные все стоят на месте. А этих, как на грех, нету.

А парень молодой. Всесторонний. Неинтересно ему, знаете, бывать без трех зубов. Какая же жизнь с таким отсутствием? Свистеть нельзя. Жрать худо. И папироску держать нечем. Опять же шипит при разговоре. И чай выливается.

Парень уже так и сяк – и воском заляпывал, и ситником дырку покрывал, – никак.

Сколотил Гриша деньжонок. Пошел к врачу.

– Становьте, – говорит, – если на то пошло, три искусственных зуба.

А врач попался молодой, неосторожный. Не вошел он в психологию Семеновской ячейки. Врач этот взял и поставил Грише три золотых зуба.

Действительно, слов нет, вышло богато. Рот откроет – картинка. Загляденье. Ноктюрн.

Стали в ячейке на Гришу коситься. То есть как рот откроет человек говорит или шагает, – так все глядят. Дескать, в чем дело? Почему такое парень обростает?

Мелкие разговорчики пошли вокруг события. Откуда, дескать, такие нэпмановские замашки? Почему такое мещанское настроение? Неужели же нельзя простому комсомольцу дыркой жевать и кушать?

И на очередном собрании подняли вопрос – допустимо ли это самое подобное. И вообще постановили:

"Признать имение золотых зубов явлением, ведущим к отказу от социализма и его идей, и мы, члены ВЛКСМ Семеновской ячейки, объявляем против ихних носителей борьбу, как с явлением, разрушающим комсомольские идеи. Зубы – отдать в фонд безработных.

В противном случае вопрос будет стоять об исключении из рядов союза".

Тут председатель от себя еще подбавил пару. Мужчина, конечно, горячий, невыдержанный. Наговорил много горьких слов.

– Я, – говорит, – даром что председатель, и то, говорит, не замахиваюсь на золотые безделушки. А у меня, говорит, давно заместо задних зубов одни корешки торчат. И ничего – жую. А как жую – один бог знает. Пальцами, может, помогаю, жевать, то есть. Но не замахиваюсь.

Всплакнул, конечно, Гриша Степанчиков. Грустно ему отдавать такие зубы в фонд безработных. Начал объяснять: дескать, припаяны, выбивать трудно.

Так и не отдал.

А поперли его из союза или нет – мы не знаем. Сведений по этому делу больше не имели. Но, наверное, поперли.

1927

МЕДИЦИНСКИЙ СЛУЧАЙ

Можно сказать, всю свою жизнь я ругал знахарей и всяких таких лекарских помощников.

А сейчас горой заступлюсь.

Уж очень святое наглядное дело произошло.

Главное, все медики отказались лечить эту девчонку. Руками разводили, черт ее знает, чего тут такое. Дескать, медицина в этом теряется.

А тут простой человек, без среднего образования, может, в душе сукин сын и жулик, поглядел своими бельмами на девчонку, подумал, как и чего, и пожалуйста, – имеете заместо тяжелого недомогания здоровую личность.

А этот случай был с девчонкой.

Такая небольшая девчонка. Тринадцати лет. Ее ребятишки испугали. Она была вышедши во двор по своим личным делам. А ребятишки, конечно, хотели подшутить над ней, попугать. И бросили в нее дохлой кошкой. И у нее через это дар речи прекратился. То есть она не могла слова произносить после такого испуга. Чего-то бурчит, а полное слово произносить не берется. И кушать не просит.

А родители ее были люди, конечно, не передовые. Не в авангарде революции. Это были небогатые родители, кустари. Они шнурки к сапогам производили. И девчонка тоже чего-то им вертела. Какое-то колесо. А тут вертеть не может и речи не имеет.

Вот родители мотали, мотали ее по всем врачам, а после и повезли к одному специальному человеку. Про него нельзя сказать, что он профессор или врач тибетской медицины. Он просто лекарь-самородок.

Вот привезли они своего ребенка в Шувалове до этого специалиста. Объявили ему, как и чего.

Лекарь говорит:

– Вот чего. У вашей малютки прекратился дар речи через сильный испуг. И я, говорит, так меречаю. Нуте, я ее сейчас обратно испугаю. Может, она, сволочь такая, снова у меня заговорит. Человеческий, говорит, организм достоин всеобщего удивления. Врачи, говорит, и разная профессура сама, говорит, затрудняется узнать, как и чего и какие факты происходят в человеческом теле. И я, говорит, сам с ними то есть совершенно согласен и, говорит, затрудняюсь вам сказать, где у кого печенка лежит и где селезенка. У одного, говорит, тут, а у другого, может, не тут. У одного, говорит, кишки болят, а у другого, может, дар речи прекратился, хотя, говорит, язык болтается правильно. А только, говорит, надо на все находить свою причину и ее выбивать поленом. И в этом, говорит, есть моя

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
сила и учение. Я, говорит, дознаюсь до причины и ее искореняю.

Конечное дело, родители забоялись и не советуют девчонку поленом ударять. Медик говорит:

– Что вы, что вы! Я, говорит, ее поленом не буду ударять. А я, говорит, возьму махровое или, например, вафельное полотенце, посажу, говорит, вашу маленькую лахудру на это место, и пушай она сидит минуты три.

А после, говорит, я тихонько выбегу из-за дверей и как ахну ее полотенцем. И, может, она протрезвится. Может, она шибко испугается, и, я так мерекаю, может, она снова у нас разговорится.

Тогда вынимает он из-под шкапа вафельное полотенце, усаживает девчонку, куда надо, и выходит.

Через пару минут он тихонько подходит до нее и как ахнет ее по загривку.

Девчонка как с перепугу завизжит, как забьется.

И, знаете, заговорила.

Говорит и говорит, прямо удержу нету. И домой просится. И за свою мамку цепляется. Хотя взгляд у ней стал еще более беспокойный и такой вроде безумный. Родители говорят:

– Скажите, она не станет после этого факта дурочкой?

Лекарь говорит:

– Этого я не могу вам сказать. Мое, говорит, дело сообщить ей дар речи. И это есть налицо. И, говорит, меня не так интересует ваша трешка, а мне, говорит, забавней видеть подобные результаты.

Родители подали ему трешку и отбыли.

А девчонка действительно заговорила. Действительно, вериб, она немного в уме свихнулась, немножко она такая стала придурковатая, но говорит, как пишет.

1928

ВЕСЕЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ

Лиговский поезд никогда шибко не едет. Или там путь не позволяет, или семафоров очень много наставлено – сверх нормы, – я этого не знаю. Но только ход поезда удивительно медленный. Прямо даже оскорбительно ехать. И, конечно, через такой ход в вагоне бывает ужасно как скучно. Прямо скажем – делать нечего.

На публику глядеть, конечно, мало интереса. Обидятся еще. "Чего, скажут, – смотришь? Не узнал?"

А своим делом заняться тоже не всегда можно. Читать, например, нельзя. Лампочки особо мутные. И ужасно высоко присобачены. Прямо как угольки сверху светят, а радости никакой.

Хотя насчет лампочки это зря сказано. Эта веселенькая история произошла днем. Но оно и днем скучно ехать.

Так вот, в субботу днем в вагоне для некурящих пассажиров ехала феклуша, фекла Тимофеевна Разуваева. Она из Лигова до Ленинграда ехала за товаром. Она яблоками и семечками торгует в Лигове на вокзале.

Так вот, эта самая феклуша поехала себе на Щукин. На Щукин рынок. Ей охота была приобрести ящик браку антоновки.

И присела она с Лигова у окошка и поехала. Едет и едет.

Напротив ее едет Федоров, Никита. Рядом, конечно, Анна Ивановна Блюдечкина – совслужащая из соцстраха. Все лиговские. На работу едут.

А вскоре после Лигова еще новый пассажир входит. Военный. Или вроде того, одним словом, в высоких сапогах.

Он до этого времени на площадке ехал. И садится он наискось от Феклы Тимофеевны Разуваевой. Садится он наискось и едет.

Фекла Тимофеевна, пускай ей будет полное здоровье и благополучие, развязала косынку и, развязавши, стала свободно размышлять на торговые темы, мол, сколько в ящике может быть антоновки и так далее.

После поглядела она в окно. А после, от полной скуки, стала Фекла Тимофеевна подремывать. То ли в теплом вагоне ее, милую, развезло или скучные картины природы на нее подействовали, но только начала Фекла Тимофеевна клевать носом. И зевнула.

Первый раз зевнула – ничего. Второй раз зевнула во всю ширь – аж все зубы можно пересчитать. Третий раз зевнула еще послаще. А военный, который наискось сидел, взял и добродушно сунул – ей палец в рот. Пошутил. Ну, это часто бывает – кто-нибудь зевнет, а ему палец в рот. Но, конечно, это бывает между, скажем, настоящими друзьями, заранее знакомыми или родственниками со стороны жены. А этот совершенно незнакомый. Фекла Тимофеевна в первый раз его видит.

По этой причине Фекла Тимофеевна, конечно, испугалась. И, с перепугу, поскорей захлопнула свой чемодан. И при этом довольно сильно тянула военного за палец зубами.

Ужасно тут закричал военный. Начал кричать и выражаться. Мол, палец ему почти начисто оттяпали. Тем более что палец совершенно не оттяпали, а просто немного захватили зубами. И крови-то почти не было – не больше полстакана.

Началась легкая перебранка. Военный говорит:

– Я, говорит, ну, просто пошутил. Если бы, говорит, я вам язык оторвал или что другое, тогда кусайте меня, а так, говорит, я не согласен. Я, говорит, военныйслужащий и не могу позволить пассажирам отгрызать свои пальцы. Меня за это не похвалят.

Фекла Тимофеевна говорит:

– Ой! Если бы ты мне за язык взялся, я бы тебе полную кисть руки оттяпала. Я не люблю, когда меня за язык хватают.

Начала тут Фекла Тимофеевна на пол сплевывать – дескать, может, и палец-то черт знает какой грязный, и черт знает за что брался, – нельзя же такие вещи строить – не гигиенично.

Но тут ихняя дискуссия была нарушена – подъехали к Ленинграду. Фекла Тимофеевна еще слегка полаялась со своим военным и пошла на Щукин.

1928

НАУЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Давеча у нас в Гавани какая интересная история развернулась.

Иду по улице. Вижу – народ собирается около пустыря.

– Что такое? – спрашиваю.

– Так что, – говорят, – странное подземное явление, товарищ. Не землетрясение, нет, но какая-то подземная сила народ дергает. Нету никакой возможности гражданам вступать на этот боевой участок, около этой лужи. Толчки происходят.

А тут ребята дурака валяют – пихают прохожих до этого опасного участка. Меня тоже, черти, пихнули.

И всех, которые вступают, отчаянно дергает. Ну, прямо устоять нет никакой возможности, до того пронизывает.

Тут один какой-то говорит:

– Скорей всего это кабель где-нибудь лопнувши – ток сквозь сырую землю проходит. Ничего удивительного в этом факте нету.

Другой тоже говорит:

– Я сам бывший электротехник. Давеча я сырой рукой за выключатель схватился, так меня так дернуло – мое почтение. Это вполне научное явление, около лужи.

А народу собралось вокруг этого факта много.

Вдруг милиционер идет.

Публика говорит:

– Обожди, братцы. Сейчас мы его тоже втравим. Пушай его тоже дернет.

Подходит милиционер до этого злополучного участка.

– Что, – говорит, – такое? Какое такое подземное явление? А ну расходись...

И сам прет по незнанию в самый опасный промежуток. Вступает он ногами на этот промежуток, и вдруг видим – ничего, не дергает милиционера.

Тут, прямо, в первую минуту население обалдело. Потому всех дергает, а милицию не дергает. Что такое? Неужели наука дает такую курскую аномалию в своих законах?

Милиционер строгой походкой проходит сквозь весь участок и разгоняет публику.

Тут один какой-то кричит:

– Так он, братцы, в калошах! Резина же не имеет права пропускать энергию.

Ничего на это милиционер не сказал, только строго посмотрел на население, скинул свои калоши и подошел к луже. Тут у лужи его и дернуло!

После этого народ стал спокойно расходиться. А вскоре прибыл электротехник и начал ковырять землю.

А милиционер еще раз, когда народ разошелся, подошел без калош до этого участка, но его снова дернуло.

Тогда он покачал головой – дескать, научное явление, и пошел стоять на свой перекресток.

1928

КОШКА И ЛЮДИ

Печка у меня очень плохая. Вся моя семья завсегда угорает через нее. А чертов жакт починку производить отказывается. Экономит. Для очередной растраты.

Давеча осматривали эту мою печку. Выюшки глядели. Ныряли туда вовнутрь головой.

– Нету, – говорят. – Жить можно.

– Товарищи, – говорю, – довольно стыдно такие слова произносить: жить можно. Мы завсегда угораем через вашу печку. Давеча кошка даже угорела. Ее тошнило давеча у ведра. А вы говорите – жить можно.

Председатель жакта говорит:

– Тогда, говорит, устроим сейчас опыт и посмотрим, угорает ли ваша печка. Ежли мы сейчас после топки угорим – ваше счастье – переложим. Ежли не угорим – извиняемся за отопление.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Затопили мы печку. Расположились вокруг ее.

Сидим. Нюхаем.

Так, у вьюшки, сел председатель, так – секретарь Грибоедов, а так, на моей кровати, – казначей.

Вскоре стал, конечно, угар по комнате проноситься.

Председатель понюхал и говорит:

– Нету. Не ощущается. Идет теплый дух, и только.

Казначей, жаба, говорит:

– Вполне отличная атмосфера. И нюхать ее можно. Голова через это не ослабевает. У меня, говорит, в квартире атмосфера хуже воняет, и я, говорит, не скулю понапрасну. А тут совершенно дух ровный.

Я говорю:

– Да как же, помилуйте, – ровный. Эвон как газ струится.

Председатель говорит:

– Позовите кошку. Ежели кошка будет смирно сидеть, значит, ни хрена нету. Животное завсегда в этом бескорыстно. Это не человек. На нее можно положиться.

Приходит кошка. Садится на кровать. Сидит тихо. И, ясное дело, тихо она несколько привыкшая.

– Нету, – говорит председатель, – извиняемся.

Вдруг казначей покачнулся на кровати и говорит:

– Мне надо, знаете, спешно идти по делу.

И сам подходит до окна и в щелку дышит.

И сам стоит зеленый и прямо на ногах качается.

Председатель говорит:

– Сейчас все пойдем.

Я оттянул его от окна.

– Так, – говорю, – нельзя экспертизу строить.

Он говорит:

– Пожалуйста. Могу отойти. Мне ваш воздух вполне полезный. Натуральный воздух, годный для здоровья. Ремонта я вам не могу делать. Печка нормальная.

А через полчаса, когда этого самого председателя ложили на носилки и затем задвигали носилки в каретку скорой помощи, я опять с ним разговорился.

Я говорю:

– Ну, как?

– Да нет, – говорит, – не будет ремонта. Жить можно.

Так и не починили.

Ну что ж делать? Привыкаю. Человек не блоха – ко всему может привыкнуть.

1928

ИНОСТРАНЦЫ

Иностранца я всегда сумею отличить от наших советских граждан. У них, у буржуазных иностранцев, в морде что-то заложено другое. У них морда, как бы сказать, более неподвижно и презрительно держится, чем у нас. Как, скажем, взято у них одно выражение лица, так и смотрится этим выражением лица на все остальные предметы.

Некоторые иностранцы для полной выдержки монокль в глазах носят. Дескать, это стеклышко не уроним и не сморгнем, чего бы ни случилось.

Это, надо отдать справедливость, здорово.

А только иностранцам иначе и нельзя. У них там буржуазная жизнь довольно беспокойная. Им там буржуазная мораль не позволяет проживать естественным образом. Без такой выдержки они могут ужасно осрамиться.

Как, например, один иностранец костью подавился. Курятину, знаете, кушал и заглотал лишнее. А дело происходило на званом обеде. Мне про этот случай один знакомый человек из торгпредства рассказывал.

Так дело, я говорю, происходило на званом банкете. Кругом, может, миллионеры пришли. Форд сидит на стуле. И еще разные другие.

А тут, знаете, наряду с этим человек кость заглотал.

Конечно, с нашей свободной точки зрения в этом факте ничего такого оскорбительного нету. Ну, проглотил и проглотил. У нас на этот счет довольно быстро. Скорая помощь. Мариинская больница. Смоленское кладбище.

А там этого нельзя. Там уж очень исключительно избранное общество. Кругом миллионеры расположились. Форд на стуле сидит. Опять же фраки. Дамы. Одного электричества горит, может, больше, как на двести свечей.

А тут человек кость проглотил. Сейчас сморкаться начнет. Харкать. За горло хвататься. Ах, боже мои! Моветон и черт его знает что.

А выйти из-за стола и побежать в ударном порядке в уборную – там тоже нехорошо, неприлично. "Ага, – скажут, – побежал до ветру". А там этого абсолютно нельзя.

Так вот этот француз, который кость заглотал, в первую минуту, конечно, смертельно испугался. Начал было в горле копать. После ужасно побледнел. Замотался на своем стуле. Но сразу взял себя в руки. И через минуту заулыбался. Начал дамам посылать разные воздушные поцелуи. Начал, может, хозяйскую собачку под Столом трепать.

Хозяин до него обращается по-французски.

– Извиняюсь, – говорит, – может, вы чего-нибудь действительно заглотали несъедобное? Вы, говорит, в крайнем случае скажите.

Француз отвечает:

– Коман? В чем дело? Об чем речь? Извиняюсь, говорит, не знаю, как у вас в горле, а у меня в горле все в порядке.

И начал опять воздушные улыбки посылать. После на бланманже налег. Скушал порцию.

Одним словом, досидел до конца обеда и никому виду не показал.

Только когда встали из-за стола, он слегка покачнулся и за брюхо рукой взялся – наверное, колынуло. А потом опять ничего.

Посидел в гостинной минуты три для мелкобуржуазного приличия и пошел в переднюю.

Да и в передней не особо торопился, с хозяйкой побеседовал, за ручку подержался, за калошами под стол нырял вместе со своей костью. И отбыл.

Ну, на лестнице, конечно, поднажал.

Бросился в свой экипаж.

– Вези, – кричит, – куриная морда, в приемный покой.

Подох ли этот француз или он выжил, – я не могу вам этого сказать, не знаю. Наверное, выжил. Нация довольно живучая.

1928

ЗАКОРЮЧКА

Вчера пришлось мне в одно очень важное учреждение смотаться. По своим личным делам.

Перед этим, конечно, позавтракал поплотней для укрепления духа. И пошел.

Прихожу в это самое учреждение. Отворяю дверь. Вытираю ноги. Вхожу по лестнице. Вдруг сзади какой-то гражданин в тужурке назад кличет. Велит обратно спускаться.

Спустился обратно.

– Куда, – говорит, – идешь, козлиная твоя голова?

– Так что, – говорю, – по делам иду.

– А ежли, – говорит, – по делам, то прежде, может быть, пропуск надо взять. Потом наверх соваться. Это, говорит, тут тебе не Андреевский рынок. Пора бы на одиннадцатый год понимать. Несознательность какая.

– Я, – говорю, – может быть, не знал. Где, говорю, пропуска берутся?

– Эвон, – говорит, – направо в окне.

Подхожу до этого маленького окна. Стучу пальцем. Голос, значит, раздается:

– Чего надо?

– Так что, – говорю, – пропуск.

– Сейчас.

В другом каком-нибудь заграничном учреждении на этой почве развели бы форменную волокиту, потребовали бы документы, засняли бы морду на фотографическую карточку. А тут даже в личность не посмотрели. Просто голая рука высунулась, помахала и подает пропуск.

Господи, думаю, как у нас легко и свободно жить и дела обдывать! А говорят: волокита. Многие беспочвенные интеллигенты на этом даже упадочные теории строят. Черт их побери! Ничего подобного.

Выдали мне пропуск.

Который в тужурке, говорит:

– Вот теперича проходи. А то прет без пропуска. Этак может лишний элемент пройти. Учреждение опять же могут взорвать на воздух. Не Андреевский рынок. Проходи теперича.

Смотался я с этим пропуском наверх.

– Где бы, – говорю, – мне товарища Щукина увидеть?

Который за столом, подозрительно говорит:

– А пропуск у вас имеется?

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Пожалуйста, – говорю, – вот пропуск. Я законно вошел. Не в окно влез.

Поглядел он на пропуск и говорит более вежливо:

– Так что, товарищ Щукин сейчас на заседании. Зайдите лучше всего на той неделе. А то он всю эту неделю заседает.

– Можно, – говорю. – Дело не волк – в лес не убежит. До приятного свидания.

– Обождите, – говорит, – дайте сюда пропуск, я вам на ем закорючку поставлю для обратного прохода.

Спускаюсь обратно по лестнице. Который в тужурке, говорит:

– Куда идешь? Стой!

Я говорю:

– Братишка, я домой иду. На улицу хочу пройти из этого учреждения.

– Предъяви пропуск.

– Пожалуйста, – говорю, – вот он.

– А закорючка на ем имеется?

– Определенно, – говорю, – имеется.

– Вот, – говорит, – теперича проходи.

Вышел на улицу, съел французскую булку для подкрепления расшатанного организма и пошел в другое учреждение по своим личным делам.

1928

ТРЕЗВЫЕ МЫСЛИ

Я не говорю, что пьяных у нас много. Пьяных не так чтобы много. За весь месяц май я всего одного в лежку пьяненького встретил.

А лежал он поперек панели. И чуть я на него, на черта, в потемках не наступил.

Гляжу – лежит выпивший человек, ревет и шапкой морду утирает.

– Вставай, – говорю, – дядя! Ишь разлегся на двухспальной.

Хотел я его приподнять – не хочет. Ревет.

– Чего, – говорю, – ревешь-то, дура-голова?

– Да так, – говорит, – обидно очень...

– Чего, – говорю, – обидно?

– Да так, – говорит, – люди – какая сволота.

– Чем же сволота?

– Да так, мимо шагают... Прут без разбору... Не могут тоже человеку в личность посмотреть: какой это человек лежит – выпивший, или, может, несчастный случай...

– Да ты же, – говорю, – выпивший...

– Ну да, – говорит, – конечно, выпивший. А мог бы я и не выпивший упасть. Мало ли... Нога, скажем, у меня, у невыпившего, не аккуратно подогнулась... Или вообще дыханье у меня сперло... Или, может, меня грабители раздели... А тут, значит, так и шагай через меня, через невыпившего, так и при, так и шляйся по своим делам...

– Фу ты! – говорю. – Да ты же выпивши.

– Да, – говорит, – конечно, не трезвый. Теперича-то еще маленько протрезвел. Два часа нарочно лежу... И чтобы за два часа ни один пес не подошел – это же помереть можно от оскорбления. Так, значит, тут и околевай невыпивший под прохожими ногами? Это что же выходит? Это выходит сердца у людей теперича нету. Бывало раньше, упадешь – настановятся вокруг. Одеколон в нос суют. Растирают. Покуда, конечно, не увидят в чем суть. Ну, увидят – отвернутся. А теперича что?

Поднял я моего пьяненького, поставил на ноги. Пихнул его легонько вперед, чтобы движение ему дать. Ничего – пошел.

Только прошел шагов пять – сел на приступочек.

– Нету, – говорит, – не могу идтить. Обидно очень. Слезы, говорит, глаза застилают. Люди – какие малосердечные.

1928

ЛЕТНЯЯ ПЕРЕДЫШКА

Конечно, занять собственную отдельную квартиру – это все-таки как-никак мещанство.

Надо жить дружно, коллективной семьей, а не запираяться в своей домашней крепости.

Надо жить в коммунальной квартире. Там все на людях. Есть с кем поговорить. Посоветоваться. Подраться.

Конечно, имеются свои недочеты.

Например, электричество дает неудобство.

Не знаешь, как рассчитывать. С кого сколько брать.

Конечно, в дальнейшем, когда наша промышленность развернется, тогда можно будет каждому жильцу в каждом углу поставить хотя по два счетчика. И тогда пуцай сами счетчики определяют отпущенную энергию. И тоща, конечно, жизнь в наших квартирах засияет как солнце.

Ну, а пока, действительно, имеем сплошное неудобство.

Для примеру, у нас девять семей. Один провод. Один счетчик. В конце месяца надо к расчету строиться. И тогда, конечно, происходят сильные недоразумения и другой раз мордобой.

Ну, хорошо, вы скажете: считайте с лампочки.

Ну, хорошо, с лампочки. Один сознательный жилец лампочку-то, может, на пять минут зажигает, чтоб раздеться или блоху поймать. А другой жилец до двенадцати ночи чего-то там жует при свете. И электричество гасить не хочет. Хотя ему не узоры писать.

Третий найдется такой, без сомнения интеллигент, который в книжку глядит буквально до часу ночи и больше, не считаясь с общей обстановкой.

Да, может быть, еще лампочку перевертывает на более ясную. И алгебру читает, что днем.

Да закрывшись еще в своей берлоге, может, тот же интеллигент на электрической вилке кипятка кипятит или макароны варит. Это же понимать надо!

Один у нас такой был жилец – грузчик, так он буквально свихнулся на этой почве. Он спать перестал и все добивался, кто из жильцов по ночам алгебру читает и кто на вилках продукты греет. И не стало человека. Свихнулся.

И после того как он свихнулся, его комнату заимел его родственник. И вот тогда и началась форменная вакханалия.

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Каждый месяц у нас набегало по счетчику, ну, не более двенадцати целковых. Ну, в самый захудалый месяц, ну, тринадцать. Это, конечно, при контроле жильца, который свихнулся. У него контроль очень хорошо был поставлен. Он, я говорю, буквально ночи не спал и каждую минуту ревизию делал. То сюда зайдет, то туда. И все грозил, что топором разрубит, если найдет излишки. Еще удивительно, как другие жильцы с ума не свихнулись от такой жизни.

Так вот, имели в месяц не свыше двенадцати рублей.

И вдруг имеем шестнадцать. Пардон! В чем дело? Это какая же собака навертела такое количество? Или это вилка, или грелка, или еще что.

Поругались, поругались, но заплатили.

Через месяц имеем обратно шестнадцать.

Которые честные жильцы, те прямо говорят:

– Неинтересно жить. Мы будем, как подлецы, экономить, а другие току не жалеют. Тогда и мы не будем жалеть. Тогда и мы будем вилки зажигать и макароны стряпать.

Через месяц мы имели по счетчику девятнадцать.

Ахнули жильцы, но все-таки заплатили и начали наворачивать. Свет не тушат. Романы читают. И вилки зажигают.

Через месяц имели двадцать шесть.

И тогда началась полная вакханалия.

Одним словом, когда докрутили счетчик до тридцати восьми рублей, тогда пришлось прекратить энергию. Все отказались платить. Один интеллигент только умолял и за провод цеплялся, но с ним не посчитались. Обрезали.

Конечно, это сделали временно. Никто не против электрификации. На общем собрании так и заявили: дескать, никто не против и в дальнейшем похлопочем и включимся в сеть. А пока и так ладно. Дело тем более к весне. Светло. А там лето. Птички поют. И свет ни к чему. Не узоры писать. Ну, а зимой – там видно будет. Зимой, может, снова включим электрическую тягу. Или контроль устроим, или еще что.

А пока надо летом отдохнуть. Устали от этих квартирных делов.

1929

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Во время знаменитого крымского землетрясения жил в Ялте некто такой Снопков.

Он сапожник. Кустарь. Он держал в Ялте мастерскую. Не мастерскую, а такую каменную будку имел, такую небольшую халупку.

И он работал со своим приятелем на пару. Они оба – два приезжие были. И производили починку обуви как местному населению, так и курсовым гражданам.

И они жили определенно не худо. Зимой, безусловно, голодовали, но летом работы чересчур хватало. Другой раз даже выпить было некогда. Ну, выпить-то, наверное, времени хватало. Чего-чего другого...

Так и тут. Перед самым, значит, землетрясением, а именно, кажется, в пятницу одиннадцатого сентября, сапожник Иван Яковлевич Снопков, не дождавшись субботы, выкушал полторы бутылки русской горькой.

Тем более он кончил работу. И тем более было у него две бутылки запасено. Так что чего же особенно ждать? Он взял и выкушал. Тем более он еще не знал, что будет землетрясение.

И вот выпил человек полторы бутылки горькой, немножко, конечно, поколбасился на улице, спел чего-то там такое и назад к дому вернулся.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Он вернулся к дому назад, лег во дворе и заснул, не дождавшись землетрясения.

А он, выпивши, обязательно во дворе ложился. Он под крышей не любил в пьяном виде спать. Ему нехорошо было под потолком. Душно. Его мутило. И он всегда чистое небо себе требовал.

Так и тут. Одиннадцатого сентября, в аккурат перед самым землетрясением, Иван Яковлевич Снопков набрался горькой, сильно захмелел и заснул под самым кипарисом во дворе.

Вот он спит, видит разные интересные сны, а тут параллельно с этим происходит знаменитое крымское землетрясение. Домишки колышутся, земля гудит и трясется, а Снопков спит себе без задних ног и знать ничего не хочет.

А что до его приятеля, так его приятель с первого удара дал тигля и расположился в городском саду, боясь, чтоб его камнем не убило.

Только рано утром, часов, может, около шести, продрал свои очи наш Снопков. Проснулся наш Снопков под кипарисом и, значит, свой родной двор нипочем не узнает. Тем более ихнюю каменную будку свалило. Не целиком свалило, а стена расползлась и забор набок рухнул. Только что кипарис тот же, а все остальное признать довольно затруднительно.

Продрал свои очи наш Снопков и думает:

"Мать честная, куда ж это меня занесло? Неужели, думает, я в пьяном виде вчерась еще куда-нибудь зашел? Ишь ты, кругом какое разрозненное хозяйство! Только не понять – чье. Нет, думает, нехорошо так в дым напиваться. Алкоголь, думает, чересчур вредный напиток, ни черта в памяти не остается".

И так ему на душе неловко стало, неинтересно.

"Эва, – думает, – забрел куда. Еще спасибо, думает, во дворе прилег, а ну те на улице: мотор может меня раздавить или собака может чего-нибудь такое отгрызть. Надо, думает, полегче пить или вовсе бросить".

Стало ему нехорошо от этих мыслей, загорюнился он, вынул из кармана остальные полбутылки и тут же от полного огорчения выкушал.

Выкушал Снопков жидкость и обратно захмелел. Тем более он не жрал давно и тем более голова была ослабла с похмелья.

Вот захмелел наш Снопков, встал на свои ножки и пошел себе на улицу.

Идет он по улице и с пьяных глаз нипочем улицу не узнает. Тем более после землетрясения народ стаями ходит. И все на улице, никого дома. И все не в своем виде, полуодетые, с перинами и матрацами.

Вот Снопков ходит себе по улице, и душа у него холодеет.

"Господи, – думает, – семь-восемь, куда же это я, в какую дыру зашел? Или, думает, я в Батум на пароходе приехал? Или, может, меня в Турцию занесло? Эвон народ ходит раздевшись, все равно как в тропиках".

Идет, пьяный, и прямо чуть не рыдает.

Вышел на шоссе и пошел себе, ничего не признавая.

Шел, шел и от переутомления и от сильного алкоголя свалился у шоссе и заснул как убитый.

Только просыпается – темно, вечер. Над головой звезды сверкают. И прохладно. А почему прохладно – он лежит при дороге раздетый и разутый. Только в одних подштанниках.

Лежит он при дороге, совершенно обобранный, и думает:

"Господи, думает, семь-восемь, где же это я обратно лежу?"

Тут действительно испугался Снопков, вскочил на свои босые ножки и пошел по дороге.

Только прошел он сгоряча верст, может, десять и присел на камушек.

Он присел на камушек и загорюнился. Местности он не узнает, и мыслей он никаких подвести не может. И душа и тело у него холодеют. И жрать чрезвычайно хочется.

Только под утро Иван Яковлевич Снопков узнал, как и чего. Он у прохожего спросил.

Прохожий ему говорит:

– А ты чего тур" для примеру, в кальсонах ходишь?

Снопков говорит:

– Прямо и сам не понимаю. Скажите, будьте любезны, где я нахожусь?

Ну, разговорились. Прохожий говорит:

– Так что до Ялты верст, может, тридцать будет. Эва куда ты зашел!

Ну, рассказал ему прохожий насчет землетрясения, и чего где разрушило, и где еще разрушается.

Очень Снопков огорчился, что землетрясение идет, и заспешил в Ялту.

Так через всю Ялту и прошел он в своих кальсонах. Хотя, впрочем, никто не удивился по случаю землетрясения. Да, впрочем, и так никто бы не поразился.

После подсчитал Снопков свои убытки: уперли порядочно. Наличные деньги – шестьдесят целковых, пиджак – рублей восемь, штаны – рубля полтора и сандалии почти что новенькие. Так что набежало рублей до ста, не считая пострадавшей будки.

Теперь И. Я. Снопков собрался ехать в Харьков. Он хочет полечиться от алкоголя. А то выходит себе дороже.

Чего хочет автор сказать этим художественным произведением?

Этим произведением автор энергично выступает против пьянства. Жало этой художественной сатиры направлено в аккурат против выпивки и алкоголя.

Автор хочет сказать, что выпивающие люди не только другие более нежные вещи – землетрясение и то могут проморгать.

Или как в одном плакате сказано: "Не пей! С пьяных глаз ты можешь обнять своего классового врага!"

И очень даже просто, товарищи.

1930

БОЛЬНЫЕ

Человек – животное довольно странное. Нет, навряд ли оно произошло от обезьяны. Старик Дарвин, пожалуй что, в этом вопросе слегка заврался.

Очень уж у человека поступки – совершенно, как бы сказать, чисто человеческие. Никакого, знаете, сходства с животным миром. Вот если животные разговаривают на каком-нибудь своем наречии, то вряд ли они могли бы вести такую беседу, как я давеча слышал.

А это было в лечебнице. На амбулаторном приеме. Я раз в неделю по внутренним болезням лечусь. У доктора Опушкина. Хороший такой, понимающий медик. Я у него пятый год лечусь. И ничего, болезнь не хуже.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Так вот, прихожу в лечебницу. Записывают меня седьмым номером. Делать нечего – надо ждать.

Вот присаживаюсь в коридоре на диване и жду.

И слышу – ожидающие больные про себя беседуют. Беседа довольно тихая, вполголоса, без драки.

Один такой дядя, довольно мордастый, в коротком полупальто, говорит своему соседу:

– Это, говорит, милый ты мой, разве у тебя болезнь – грыжа. Это плюнуть и растереть – вот вся твоя болезнь. Ты не гляди, что у меня морда выпуклая. Я тем не менее очень больной. Я почками хвораю.

Сосед несколько обиженным тоном говорит:

– У меня не только грыжа. У меня легкие ослабшие. И вот еще жировик около уха.

Мордастый говорит:

– Это безразлично. Эти болезни разве могут равняться с почками!

Вдруг одна ожидающая дама в байковом платке язвительно говорит:

– Ну, что ж, хотя бы и почки. У меня родная племянница хворала почками – и ничего. Даже шить и гладить могла. А при вашей морде болезнь ваша малоопасная. Вы не можете помереть через эту вашу болезнь.

Мордастый говорит:

– Я не могу помереть! Вы слышали? Она говорит, я не могу помереть через эту болезнь. Много вы понимаете, гражданка! А еще суетесь в медицинские разговоры.

Гражданка говорит:

– Я вашу болезнь не унижаю, товарищ. Это болезнь тоже самостоятельная. Я это признаю. А я к тому говорю, что у меня, может, болезнь посерьезнее, чем ваши разные почки. У меня – рак.

Мордастый говорит:

– Ну, что ж – рак, рак. Смотря какой рак. Другой рак – совершенно безвредный рак. Он может в полгода пройти.

От такого незаслуженного оскорбления гражданка совершенно побледнела а затряслась. Потом всплеснула руками и сказала:

– Рак в полгода. Видали! Ну, не знаю, какой это рак ты видел. Ишь морду-то отрастил за свою болезнь.

Мордастый гражданин хотел достойным образом ответить на оскорбление, но махнул рукой и отвернулся.

В это время один ожидающий гражданин усмехнулся и говорит:

– А собственно, граждане, чего вы тут расхвастались?

Больные посмотрели на говорившего и молча стали откидывать приема.

1930

ТЕРПЕТЬ МОЖНО

Конечно, об чем говорить, каждая профессия имеет свой брак.

Взять хотя бы такое мелкое и глупое дело – парикмахерское. И то без брака там не обходится. Другой озверевший парикмахер в выходной день до того обработает своего пассажира, что после родная мама его не узнает.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Или, обратно, стекольщики. Газеты пишут, будто эти славные ребята имеют на круг пятнадцать процентов брака.

То есть, для примера, произвели стекольщики сто графинов. Так из этих ста стеклянных вещей – пятнадцать вовсе невозможно пустить в продажу. Остальные проценты тоже, собственно говоря, не следовало бы пускать на прилавок, но приходится. Надо же чем-нибудь торговать. Тем более покупатель – он купит. Действительно, будет плакать, отбиваться и морду отворачивать, но купит.

Или, обратно, повара и доктора. Они также имеют свой брак. Говорить об этом не приходится. Каждый кушал и после к врачам заходил.

Одним словом, какую профессию ни возьми – везде есть брак.

И только есть одна профессия. Она не имеет брака. Это, прямо скажем, – почтовое дело.

Ну, сами посудите, сами раскиньте своим воображением. Ну, какой может быть брак в этом культурном деле? Что ли, вместо марки на ладонь штемпель ставить? Или заказные письма проглатывать?

Прямо не может быть у них брака.

А это, может быть, очень обидно показалось почтовым начальникам.

То есть, говорят, каждый комиссариат имеет льготы, а мы вроде и не люди, а собаки.

Неизвестно, как в Сибири к этому отнеслись, но Средне-Волжское управление, утомленное такой несправедливостью, поправило это дело. Оно выработало свои нормы брака.

Эти святые строчки можно петь на мотив: "Две гитары за стеной":

Средне-Волжское управление связи выработало нормы брака для корреспонденции. Этими нормами разрешалось безнаказанно терять двенадцать процентов писем, шесть процентов заказных писем, четыре процента телеграмм...

Одним словом, почтовики кое-как уравнились с другими профессиями. Нормы допущены подходящие. Не зверские.

Другое бы управление, дорвавшись до такой полноты власти, махнуло бы сразу: "Теряй, робя, пятьдесят процентов на нашу голову". А это такие деликатные мальчики попались. Обдумали, чего сколько терять. И, заметьте, как глубоко продумано. Например, четыре процента телеграмм. Не три и не пять, а четыре. Тонкость какая, замечаете?

При такой тонкости надо бы, я извиняюсь, и про денежные переводы чего-нибудь намекнуть, а они ни гугу. Помалкивают в тряпочку. Ну, надо полагать, тоже не выше пятнадцати процентов.

Одним словом, терпеть можно. Пальто не снимают. Извиняюсь за обидное сравнение.

1930

МЕЩАНСТВО

О мещанстве Иван Петрович имел особое мнение. Он крайне резко и зло отзывался об этой накипи нэпа. Не любил он этой житейской плесени.

– Для меня, – говорил Иван Петрович, – нету ничего хуже, как это мещанство. Потому через это вся дрянь в человеке обнаруживается... Давеча, например, я Васькино пальто накинул. За керосином побежал в лавку. Так Васька сразу в морду лезет. Дерется. Зачем ему, видите ли, керосином пальто залил.

– Воняет, – говорит.

– Да брось, – говорю, – ты, Вася, свои мещанские штучки! Ну, залил и залил,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
завтра ты заливай. Я с этим не считаюсь. А если, говорю, воняет нос зажди. Пора бы, говорю, перестать запахи нюхать. Мещанство, говорю, какое.

Так нет, недоволен, черт сопатый. Бубнит что-то себе под нос.

Или, например, хозяйка. Квартиру держит. И чуть первое число наступает – вкатывается в комнату. Деньги ей, видите ли, за квартирную площадь требуются.

– Да что вы, – говорю, – гражданка, объелись? Да что, говорю, я сам деньги делаю? Оставьте, говорю, при себе эти мещанские штучки. Обождите, говорю, месяц.

Так нет – вынь да положь ей за квадратную площадь.

Ну, да когда старый паразит в мещанстве погрязши, это еще куда ни шло. А вот когда молоденькая в мещанство зарывается – это больно и обидно.

Например, Катюша из трепального отделения. Довольно миленькая барышня, полненькая. По виду никогда не скажешь, что мещанка. Потому поступки видны, идеология заметна, ругаться по матери может. А поближе тронешь мещанка. Не подступись к ней.

Давеча в субботу после получки говорю ей запросто, как дорогой товарищ дорогому товарищу:

– Приходите, – говорю, – Катюша, ко мне на квартиру. У печки, говорю, посидим. После фильму пойдем посмотрим. За вход заплачу.

Не хочет.

Спасибо ребята срамить начали.

– Да брось ты, – говорят, – Катюша, свое мещанство. Любовь свободная.

Ломается. Все-таки, поломавшись, через неделю зашла. Зашла и чуть не плачет, дура такая глупая.

– Не могу, – говорит, – заходить. Симпатии, говорит, к вам не ощущаю.

– Э, – говорю, – гражданка! Знаем мы эти мещанские штучки. Может, говорю, вам блондины эффектней, чем brunеты? Пора бы, говорю, отвыкнуть от мещанской разницы.

Молчит. Не находит чего сказать.

– Пущай, – говорит, – мещанство лучше, а только не могу к вам заходить. В союз пойду жалиться.

Я говорю:

– Да я сам на тебя в Петросовет доложу за твои мещанские штучки.

Так и махнул на нее рукой. Потому вижу, девчонка с головой погрязши в мещанство. И добро бы старушка или паразит погрязши, а то молоденькая, полненькая, осьмнадцати лет нет. Обидно.

1932

ПОЛЕТЕЛИ

Девятая объединенная артель кустарей два года собирала деньги на аэроплан.

И в газетах возвания печатала, и особые красочные плакаты вывешивала, и дружескую провокацию устраивала. И чего-чего только не делала! Одних специальных собраний устроено было не меньше десятка.

А какой был подъем! какие были мечты! Планы какие! Сколько фантазии и крови было истрачено на одно лишь название аэроплана!

На собрании председателя артели буквально закидывали вопросами. Кустари главным

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
образом интересовались: будет ли аэроплан принадлежать всецело Добролету, или же он будет являться собственностью артели? И может ли каждый кустарь, внесший некоторую сумму, лететь на нем по воздуху?

Председатель, счастливый и возбужденный, говорил охриплым голосом:

– Товарищи, можно! Конечно, можно! Летайте себе на здоровье. Дайте только вот собрать деньги... И тогда полетим... Эх, красота! Простор...

– Главное, что на собственном полетим, – восхищались в артели. – На чужом-то, братцы, и лететь как-то неохота. Скучно на чужом лететь...

– Да уж какое там летанье на чужом, – подтверждали кустари. – На своем, братцы, и смерть красна.

Председатель обрывал отдельные восхищенные выкрики и просил организованно выразить свои чувства.

И все кустари, восхищенные новой идеей и возможностью летать по воздуху, наперерыв просили слова, яркими красками расписывали ближайшие возможности и клеймили несмыслаемым позором малодушных, не внесших еще на аппарат. Даже секретарь артели, несколько унылый и меланхолический субъект, дважды отравленный газами в царскую войну, на вопрос председателя высказаться по существу говорил:

– Без аэроплана, товарищи, как без рук. Ну на чем лететь прикажете? На столе не полетишь. А тут захотел куда-нибудь полететь – сел и полетел. Только и делов.

Два года артель с жаром и пылом собирала деньги и на третий год стала подсчитывать собранные капиталы.

Оказалось – семнадцать рублей с небольшими копейками.

На экстренном, чрезвычайном собрании председатель сказал короткую, но сильную речь.

– В рассуждении того, – сказал председатель, – что аэроплан стоит неизмеримо дороже, куда предполагают уважаемые товарищи девать эти вышеуказанные суммы? Передать ли эти суммы Добролету или есть еще какие предложения? Прошу зафиксировать вопрос путем голосования рук.

Голоса разделились.

Одни предлагали деньги внести в Добролет, другие предлагали купить небольшой, но прочный пропеллер из карельской березы и повесить его на стене клуба, над портретами вождей. Третьи советовали закупить некоторое количество бензина и держать его всегда наготове. Четвертые указывали на необходимость произвести ремонт в помещении кухни.

И только несколько человек, из числа явно малодушных, затребовали деньги назад.

Им было возвращено семь рублей.

Остальные десять рублей с копейками решено было передать в Добролет.

Однако казначей распорядился иначе.

В один ненастный осенний вечер казначей артели Иван Бобриков проиграл в карты эти деньги.

Па экстренном, чрезвычайном собрании было доложено, что собаку-казначей арестуют, имущество конфискуют и вырученные деньги передадут Добролету с отличным письменным пожеланием.

Председатель артели говорил несколько удивленным тоном:

– А на что нам, братцы, собственный аэроплан? В сущности, на кой шут он нам сдался? И куда на нем лететь?

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Да, лететь-то, действительно, как будто и некуда, – соглашались в артели.

– Да я ж и говорю, – подтверждал председатель, – некуда лететь. Передадим деньги в такую мощную организацию, как Добролет. А собственных аппаратов нам не надо.

– Конечное дело, не надо, – говорили кустари. – Одна мука с этими аэропланами.

– Аэропланы не лошадь, – уныло заявил секретарь, – на лошадь сел и поехал, а тут поди попробуй. И бензин наливавай, и пропеллер закручивай... Да еще не в ту дыру плеснут бензин – и пропала машина, пропали народные денежки...

– А главное, лететь-то, братцы, некуда, – с удивлением бормотал председатель.

Закончив вопрос о воздушном флоте и решив деньги передать Добролету, кустари перешли к обсуждению текущих дел.

Собрание заволновалось.

1932

ВРАЧЕВАНИЕ И ПСИХИКА

Вчера я пошел лечиться в амбулаторию.

Народу чертовски много. Почти как в трамвае.

И, главное, интересно отметить, – самая большая очередь к нервному врачу, по нервным заболеваниям. Например, к хирургу всего один человек со своей развороченной мордой, с разными порезами и ушибами. К гинекологу – две женщины и один мужчина. А по нервным – человек тридцать.

Я говорю своим соседям:

– Я удивляюсь, сколько нервных заболеваний. Какая несоразмерная пропорция.

Такой толстоватый гражданин, наверное, бывший рыночный торговец или черт его знает кто, говорит:

– Ну еще бы! Ясно. Человечество торговать хочет, а тут, извольте, глядите на ихнюю торговлю. Вот и хворают. Ясно...

Другой, такой желтоватый, худощавый, в тужурке, говорит:

– Ну, вы не очень-то распушайте свои мысли. А не то я позвоню куда следует. Вам покажут человечество... Какая сволочь лечиться ходит...

Такой, с седоватыми усишками, глубокий старик, лет пятидесяти, так примиряет обе стороны:

– Что вы на них нападаете? Это просто, ну, ихнее заблуждение. Они про это говорят, забывши природу. Нервные заболевания возникают от более глубоких причин. Человечество идет не по той линии... цивилизация, город, трамвай, бани – вот в чем причина возникновения нервных заболеваний... Наши предки в каменном веке и выпивали, и пятое-десятое, и никаких нервов не понимали. Даже врачей у них, кажется, не было.

Бывший торговец говорит с усмешкой:

– А вы чего – бывали среди них или там знакомство поддерживали? Седоватый, а врать любит...

Старик говорит:

– Вы произносите глупые речи. Я выступаю против цивилизации, а вы несете бабью чушь. Пес вас знает, чем у вас мозги набиты.

Желтоватый, в тужурке, говорит:

– Ах, вам цивилизация не нравится, строительство... Очень я слышу милые слова в

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
советском учреждении. Вы, говорит, мне под науку не подводите буржуазный базис.
А не то знаете, чего за это бывает.

Старик робеет, отворачивается и уж до конца приема не раскрывает своих гнилых уст.

Советская мадам в летней шляпке говорит, вздохнувши:

– Главное, заметьте, все больше пролетарии лечатся. Очень расшатанный класс...

Желтоватый, в тужурке, отвечает:

– Знаете, я, ей-богу, сейчас по телефону позвоню. Тут я прямо не знаю, какая больная прослойка собравшись. Какой неглубокий уровень! Класс очень здоровый, а что отдельные единицы нервно хворают, так это еще не дает картины заболевания.

Я говорю:

– Я так понимаю, что отдельные единицы нервно хворают в силу бывшей жизни – война, революция, питание... Так сказать, психика не выдерживает такой загрузкой жизни.

Желтоватый начал говорить:

– Ну, знаете, у меня кончилось терпение...

Но в эту минуту врач вызывает: "Следующий".

Желтоватый, в тужурке, не заканчивает фразы и спешно идет за ширмы.

Вскоре он там начинает хихикать и говорить "ой". Это врач его слушает в трубку, а ему щекотно.

Мы слышим, как больной говорит за ширмой:

– Так-то я здоров, но страдаю бессонницей. Я сплю худо, дайте мне каких-нибудь капель или пилюль.

Врач отвечает:

– Пилюль я вам не дам – это только вред приносит. Я держусь новейшего метода лечения. Я нахожу причину и с ней борюсь. Вот я вижу – у вас нервная система расшатавши. Я вам задаю вопрос – не было ли у вас какого-нибудь потрясения? Припомните.

Больной сначала не понимает, о чем идет речь. Потом несет какую-то чушь и наконец решительно добавляет, что никакого потрясения с ним не было.

– А вы вспомните, – говорит врач, – это очень важно – вспомнить причину. Мы ее найдем, развенчаем, и вы снова, может быть, оздоровитесь.

Больной говорит:

– Нет, потрясений у меня не было.

Врач говорит:

– Ну, может быть, вы в чем-нибудь взволновались... Какое-нибудь очень сильное волнение, потрясение?

Больной говорит:

– Одно волнение было, только давно. Может быть, лет десять назад.

– Ну, ну, рассказывайте, – говорит врач, – это вас облегчит. Это значит, вы десять лет мучились, и по теории относительности вы обязаны это мученье рассказать, и тогда вам снова будет легко и будет хотеться спать.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
Больной мямлит, вспоминает и наконец начинает рассказывать.

– Возвращаюсь я тогда с фронта. Ну, естественно, – гражданская война. А я дома полгода не был. Ну, вхожу в квартиру... Да. Поднимаюсь по лестнице и чувствую – у меня сердце в груди замирает. У меня тогда сердце маленько пошаливало – я был два раза отравлен газами в царскую войну, и с тех пор оно у меня пошаливало.

Вот поднимаюсь по лестнице. Одет, конечно, весьма небрежно. Шинелька. Штанцы. Вши, извиняюсь, ползают.

И в таком виде иду к супруге, которую не видел полгода.

Безобразие.

Дохожу до площадки.

Думаю – некрасиво в таком виде показаться. Морда неинтересная. Передних зубов нету. Передние зубы мне зеленая банда выбила. Я тогда перед этим в плен попал. Ну, сначала хотели меня на костре спалить, а после дали по зубам и велели уходить.

Так вот, поднимаюсь по лестнице в таком неважном виде и чувствую ноги не идут. Корпус с мыслями стремится, а ноги идти не могут. Ну, естественно, – только что тиф перенес, еще хвораю.

Еле-еле вхожу в квартиру. И вижу: стол стоит. На столе выпивка и селедка. И сидит за столом мой племянник Мишка и своей граблей держит мою супругу за шею.

Нет, это меня не взволновало. Нет, я думаю: это молодая женщина – чего бы ее не держать за шею. Это чувство меня не потрясает.

Вот они меня увидели. Мишка берет бутылку водки и быстро ставит ее под стол. А супруга говорит:

– Ах, здравствуйте.

Меня это тоже не волнует, и я тоже хочу сказать "здравствуйте". Но отвечаю им "те-те"... Я в то время маленько заикался и не все слова произносил после контузии. Я был контужен тяжелым снарядом и, естественно, не все слова мог произносить.

Я гляжу на Мишку и вижу – на нем мой френч сидит. Нет, я никогда не имел в себе мещанства! Нет, я не жалею сукно или материю. Но меня коробит такое отношение. У меня вспыхивает горе, и меня разрывает потрясение.

Мишка говорит:

– Ваш френч я надел все равно как для маскарада. Для смеху.

Я говорю:

– Сволочь, сымай френч!

Мишка говорит:

– Как я при даме сыму френч?

Я говорю:

– Хотя бы шесть дам тут сидело, сымай, сволочь, френч.

Мишка берет бутылку и вдруг ударяет меня по башке.

Врач перебивает рассказ. Он говорит:

– Так, так, теперь нам все понятно. Причина нам ясна... И, значит, с тех пор вы страдаете бессонницей? Плохо спите?

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Нет, – говорит больной, – с тех пор я ничего себе сплю. Как раз с тех пор я спал очень хорошо.

Врач говорит:

– Ага! Но когда вспоминаете это оскорбление, тогда и не спите? Я же вижу – вас взволновало это воспоминание.

Больной отвечает:

– Ну да, это сейчас. А так-то я про это и думать позабыл. Как с супругой развелся, так и не вспоминал про это ни разу.

– Ах, вы развелись...

– Развелся. Вышел за другую. И затем за третью. После за четвертую. И завсегда спал отлично. А как сестра приехала из деревни и заселилась в моей комнате вместе со своими детьми, так я и спать перестал. В другой раз с дежурства придешь, ляжешь спать – не спится. Ребятишки бегают, веселятся, берут за нос. Чувствую – не могу заснуть.

– Позвольте, – говорит врач, – так вам мешают спать?

– И мешают, конечно, и не спится. Комната небольшая, проходная. Работаешь много. Устаешь. Питание все-таки среднее. А ляжешь – не спится...

– Ну, а если тихо? Если, предположим, в комнате тихо?

– Тоже не спится. Сестра на праздниках уехала в Гатчину с детьми. Только я начал засыпать, соседка несет тушилку с углями. Оступается и сыплет на меня угли. Я хочу спать и чувствую: но могу заснуть – одеяло тлеет. А рядом на мандолине играют. А у меня огонь горит...

– Слушайте, – говорит врач, – так какого же черта вы ко мне пришли?! Одевайтесь. Ну, хорошо, ладно, я вам дам пилюли.

За ширмой вздыхают, зевают, и вскоре больной выходит оттуда со своим желтым лицом.

– Следующий, – говорит врач.

Толстоватый субъект, который беспокоился за торговлю, спешит за ширмы.

Он на ходу машет рукой и говорит:

– Нет, неинтересный врач. Верхогляд. Чувствую – он мне тоже не поможет.

Я гляжу на его глуповатое лицо и понимаю, что он прав, – медицина ему не поможет.

1933

КАКИЕ У МЕНЯ БЫЛИ ПРОФЕССИИ

Я не знаю, сколько есть разных профессий. Один знакомый интеллигент мне сказал, будто всего на земном шаре триста девяносто профессий.

Ну, это он, конечно, перехватил, но, вероятно, все же около ста профессий имеется.

Нет, все сто профессий я не имел, но вот пятьдесят профессий я действительно испытал.

И вот перед вами человек, который испытал на себе пятьдесят профессий.

Интересно, кем я только не был.

Нет, я, конечно, не был там каким-нибудь экономистом, химиком или там пиротехником, скульптором и так далее. Нет, я не был академиком или там

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
профессором анатомии, алгебры или французского языка; Я не скрою от вас – я не занимал разные интеллигентские посты, не смотрел в подозрительные трубы, чтоб видеть разные небесные явления, планеты и кометы, не шлялся по шоссе с такой, знаете, маленькой трубочкой на треножнике для измерения высоты поверхности. Не строил мосты или там здания для посольства. И не затемнял свой рассудок математическими вычислениями количества белых шариков в крови.

Да, эти профессии, не скрою от вас, я не испытывал.

Мне не хватало для этого всей высоты образования и знания иностранных языков. Тем более что до революции я был отчасти малограмотный. Читать мог, но писать уже не всегда осмеливался.

И через это, конечно, к сожалению, не могу вам ничего рассказать про такие возвышенные профессии, которые основаны там на науке или там на технике или медицине.

Хотя должен вам сказать, что с медициной я сталкивался и даже одно время был врачом. Меня избрали на этот пост свои же полковые товарищи вскоре после февральской революции.

Я тогда служил в царской армии и был рядовым ефрейтором.

Вот после революции ребята мне и говорят:

– У нас полковой врач такая, извините, холера, что никому почти освобождения не дает, несмотря на февральскую революцию. Очень бы хотелось его сменить. Вот бы, говорят, хорошо, если бы вы согласились на эту должность. Тем более, говорят, все должности сейчас выборные, – вот бы мы тебя и выбрали.

Я говорю:

– Отчего же. Конечно, выбирайте. Я, говорю, человек, понимающий явления природы. Понимаю, что после революции ребятам хотелось бы смотаться по домам и поглядеть, как и чего. Керенский, говорю, этот артист на троне, завертел волынку до победного конца. И полковой врач ему в дудочку подыгрывает и нашего брата не отпускает. Выбирайте меня врачом – я вас почти всех отпущу.

Вот вскоре после того сменяют командира полка, сменяют подряд офицеров и нашего пресловутого медика. И на его место назначают меня приказом.

Работа оказалась, конечно, трудная и, главное, бестолковая.

Едва послушаешь больного в трубку, как он хнычет и отпрашивается домой. А если его не отпускаешь, он очень на врача насаждает и чуть не хватается его за горло.

Профессия совершенно глупая и небезопасная для жительства.

А если больному дашь порошки – он их жрать не хочет, а швыряет порошки врачу в лицо и велит писать увольнительную.

Ну, для формы спросишь – какая у тебя болезнь? Ну, больной сам, конечно, назвать болезнь не берется и тем самым ставит врача в тупик, поскольку врач не может все болезни знать наизусть и не может писать в каждой путевке только: брюшной тиф или там вздутие живота.

Другие, конечно, говорят:

– Пиши чего хочешь, только отпусти, поскольку душа болит – охота поглядеть на домашних.

Ну, напишешь ему: душевная болезнь, и с этой диетой отпускаешь.

Но вот вскоре надоедает мне эта бестолковая профессия. И вот пишу я сам себе путевку с обозначением: душевная болезнь первой категории.

Выезжаю с фронта и, значит, на этом заканчиваю эту свою профессию.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

После судьба кидает меня в разные стороны – туда и сюда, как, извините за сравнение, скорлупу в бурном море.

Я делаюсь милиционером. После слесарем, сапожником, кузнецом. Я подковываю лежащих лошадей, дою коров, дрессирую бешеных и кусачих собак. Играю на сценах. Поднимаю занавеси. И так далее, и тому подобное, и прочее.

При этом снова год нахожусь на фронте в Красной Армии и защищаю революцию от многочисленных врагов.

Снова освобождаюсь по чистой. Занимаю должность инструктора по кролиководству и куроводству. Становлюсь агентом уголовного розыска. Делаюсь шофером. И по временам пишу критические отзывы и острые дискуссионные статьи относительно театра и литературы.

И вот перед вами человек, который имел в своей жизни пятьдесят, а может, даже и больше профессий.

Некоторые профессии были у меня странные и удивительные. Была у меня до революции одна очень такая странная профессия.

А был я тогда в Крыму. И служил в одном имении. Там было четыреста коров. Масса коз, много курей и до черта баранов. Все это создавало почву для развития сельскохозяйственного дела.

И вот меня нанимают туда пробольщиком.

Одним словом, в мою обязанность входит пробовать качество масла и сыра.

Это масло и сыр отправлялись на пароходе за границу. И надо было все это пробовать, чтоб мировая буржуазия не захворала от недоброкачественного товара. Конечно, дай вам попробовать, масла или сыру – вы небось не откажетесь. Но если, предположим, пробовать эту продукцию с утра и до вечера и ежедневно и целый год, то вы волком завоюете и свет перед вами померкнет.

Нет, я не был специалистом по этому делу. И совершенно случайно попал на эту профессию.

Мне тогда было двадцать три года. Все было тьфу и трын-трава. И я тогда шлялся по крымским дорогам, надеясь где-нибудь найти работу.

И вот иду по дороге и слышу – молочным хозяйством пахнет. А тут тем более я не ел два дня. И вот взял и пошел на этот приторный запах. Думаю, подкараулю какую-нибудь корову, подою маленько и тем самым подкреплю свои ослабшие силы.

Вижу – за забором сарай. Наверное, думаю, там коровы. Перемахнул через забор. Захожу в сарай. Вижу – там не коровы, а круги сыра лежат. Только я хотел стибрить кусок сыру – вдруг управляющий идет.

– Ты, – говорит, – что, из наших рабочих?

Нет, я особенно не смутился. Думаю – успею дать тигалья. Тем более кругом народу нету и забор близко. И поэтому отвечаю с некоторым нахальством:

– Нет, не из рабочих, но имею мечту на нечто подобное.

Он говорит:

– А, к примеру, зачем же ты в руку сыр взял?

Я говорю не без нахальства:

– Хотел, знаете, этот сыр попробовать, – сдается мне, что он кисловат на вкус. Не умеете делать, а беретесь.

Вижу – управляющий даже растерялся от моих слов. Даже, видать, не понимает, что к чему.

Он говорит:

– Как это? Почему кисловат? Ты что, каналья, специалист, что ли, по молочному хозяйству?

Я думал, он шутит, чтоб себя разозлить, с тем чтобы покрепче меня ударить. И говорю:

– Вы угадали. По молочному хозяйству я есть первый специалист города Москвы. И мимо этих молочных продуктов не могу пройти, чтоб их не попробовать.

Вдруг управляющий улыбается, жмет мне руки и говорит:

– Голубчик!

Он говорит:

– Голубчик, если ты специалист, то я тебе дам преогромное жалованье, только сделай милость, становись скорей на работу. Тут на днях заграничный пароход приходит, надо груз отправлять, а рассортировать товар и его попробовать некому. И сдается мне, что иностранная буржуазия наглотается негодных продуктов, и после неприятностей не оберешься. А у меня, как назло, один специалист холерой заболел и теперь категорически не хочет ничего пробовать.

Я говорю:

– Пожалуйста. А что надо делать?

Он говорит:

– Надо попробовать шестьсот двадцать бочек масла и тысячу кругов сыру.

У меня даже желудок задрожал от голоду и удивленья, и я отвечаю:

– Пожалуйста. Об чем речь? Принесите мне буханку хлеба, и я сейчас к этому приступлю с преогромной радостью. Я, говорю, давно мечтал именно такую профессию себе найти – пробовать то и се.

И сам в душе думаю: нажрись до отвала, а там пускай из меня лепешку делают. И небось не сделают – убегу на своих сытых ногах.

– Ну, – говорю, – несите поскорей буханку, я очень тороплив в работе. Если мне что загорится – мне сразу вынь и положь. Несите хлеб, а то я прямо соскучился без этой своей профессии.

Вижу – управляющий глядит на меня с недоверием.

Он говорит:

– Тогда я сомневаюсь, что ты есть лучший в мире специалист по молочному хозяйству. Молочные продукты пробуют без хлеба и без ничего, иначе не узнаешь, какой именно сорт и какой вкус.

Тут я вижу, что засыпался, но говорю:

– Это я сам знаю. И вы есть толстобрюхий дурак, если не понимаете. Я хлеб не для еды буду употреблять, а мне надо соприкосать эти два продукта, в силу чего я увижу окисление, и тогда, попробовав, не ошибусь в расчете, какая там есть порча. Это, говорю, есть последний заграничный метод. Я, говорю, удивляюсь на вашу серость и отсталость от Европы.

Тут меня торжественно ведут туда и сюда. Записывают. Одевают в белый балахон и говорят: "Ну, пойдём к бочкам".

А у меня от страха душа в пятках и ноги еле двигаются.

Вот пошли мы к бочкам, но тут на мое счастье вызывают управляющего по спешному делу. Тут у меня на сердце отлегло. Я говорю рабочим:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Выручайте, братцы, то есть ни черта не понимаю в этом деле. Хотя укажите поскорей, чем пробовать масло – пальцем или особой щепочкой.

Вот рабочие смоятся надо мной, умирают со смеху, тем не менее рассказывают, что надо делать и, главное, что говорить.

Вот управляющий приходит – я ему прямо затемнил глаза. Говорю разные специальные фразы, правильно пробую. Вижу – человек даже расцвел от моей высокой квалификации.

И вот к вечеру, нажравшись до отвала, я решил не уходить с этого хлебного места. И вот остался.

Профессия оказалась глупая и бестолковая. Надо пробовать масло особой такой тонкой ложечкой. Надо подковырнуть масло из глубины бочки и пробовать его. И чуть маленько горечь, или не то достоинство, или там лишняя муха, или соль – надо браковать, чтоб не вызвать недовольства среди мировой буржуазии.

Ну, сразу, конечно, я не понимал разницы, – каждое масло мне чересчур нравилось, но после кое-чему научился и стал даже покрикивать на управляющего, который чересчур был доволен, что нашел меня. И даже писал своему владельцу письмо, где наплел про себя разные истории и просил себе надбавку или там какойнибудь трудовой орден за отличные дела.

Так вот, конечно, первые дни мне профессия нравилась. Бывало, отхватишь сыру да навернешь масла – лучше, думаю, работы и не бывает на земном шаре.

После вижу – что-то не того.

Через две недели я начал страдать, вздыхать и мечтать уже с этим расстаться.

Потому за день напрубуешься жиров, и глаза ни на что не глядят. Хочешь чего-нибудь скушать, а душа не принимает. И внутри как-то тошно, жирно. Никакая пища не интересна, и жизнь кажется скучной и бестолковой.

И при этом еще строго запрещалось пить. Никакого вина или там водки нельзя было в рот брать. Потому алкоголь отбивает вкус, и через это можно натворить безобразных делов и перепутать качество.

Короче говоря, через две недели я ложился после работы вверх брюхом и неподвижно лежал на солнце, рассчитывая, что горячее светило вытопит у меня лишний жир и мне снова захочется ходить, гулять, кушать борщ, котлеты и так далее...

А был там у меня в этих краях один приятель. Один прекрасный грузин. Некто Миша. Очень чудный человек и душевный товарищ И был он тоже дегустатор, пробольщик. Но только в другом деле. Он пробовал вино.

Там в Крыму были такие винные подвалы – удельного ведомства. Вот там он и пробовал.

И профессия его, чересчур бестолковая, была даже хуже моей.

Ему даже кушать не разрешалось. С утра до вечера он пробовал вино и только вечером имел право чего-нибудь покушать.

Меня мутило от жиров, и в рот ничего не хотелось взять. И выпить не разрешалось. И аппетита не было.

А у него наоборот. Его распирало от вина. Он с утра насосется разных крымских вин и еле ходит, и прямо свет ему не мил.

Вот в другой раз встретимся мы с ним вечером – я сытый, он пьяный, и видим – наша дружба ни к чему. Говорить ни о чем неохота. Он хочет кушать, я, наоборот, хочу выпить. Общих интересов мало, и вкус во рту мерзкий. И сидим мы вроде как обалделые и в степь глядим. А в степи ничего. А над головой – небо и звезды. А где-то, может быть, идет жизнь, полная веселья и радости...

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Вот я ему однажды и говорю:

– Надо, говорю, уходить. И хотя у меня контракт до осени, но я, безусловно, этого не выдержу. Я отказываюсь кушать масло. Это унижает мое человеческое достоинство. Я смотаю удочки, стираю круг сыру – и только меня толстобрюхий управляющий и видел.

Он говорит:

– До осени уходить не расчет. Работы сейчас не найти. А надо нам с тобой чего-нибудь такое оригинальное придумать. Дай срок – я подумаю, голь на выдумки хитра.

И вот однажды он мне и говорит:

– Знаешь что – давай временно поменяемся профессией. Давай я буду пробовать масло, а ты временно пробуй вино. Неделю или две поработаем так, а после опять поменяемся. А потом опять. Вот оно и получится у нас какое-то равновесие. И, главное, отдохнем, если они, черти, не дадут отпуска, а заставляют без отдыха жрать и пить.

Я очень радуюсь этим словам, но выражаю сомнение, что наши управляющие захотят этого.

Он говорит:

– Это я берусь уладить.

И вот берет он меня за руку и ведет к своему управляющему по винной части.

– Вот, – говорит, – этот низенький опытный господин смело может меня заменить на две недели. Тут ко мне тетка из Тифлиса приехала, и я интересуюсь ее повидать. А он за меня будет пробовать и соблюдать ваши интересы.

Управляющий говорит:

– Ладно. Покажите ему, какие тут вина и как чего надо делать. И через две недели возвращайтесь. А то мы натворили тут делов. Вместо столового вина взяли "Аликоте" в Москву отправили. Чистое безобразие.

Вот тогда я, в свою очередь, беру Мишу за руку и веду его к своему толстобрюхому управляющему.

– Вот, – говорю, – этот высокий опытный господин смело может заменить меня на две недели. Тут ко мне тетка из Тифлиса приехала, и я интересуюсь ее повидать и покалякать с ней о разных разностях.

Управляющий говорит:

– Ладно. Покажите ему, как и чего, и через две недели приезжайте. А то и так у нас беспорядок. Вместо сливочного масла мы отправили в Персию сметану. Персы могут обидеться и не захотят ее кушать.

Вот стали мы на свою новую работу.

Я пробую вино. А Миша пробует масло.

Но тут с нами происходит чушь и неразбериха.

В первый же день Миша наедается масла и сыру до того, что заболевает судорогами. А я с первых же двадцати глотков от непривычки пить до того захмелел, что подрался с Мишиным управляющим. И хотел его в винную бочку поковырнуть за то, что он сказал плохие слова про моего приятеля.

Тут на другой день мне дали по шапке и велели убираться.

И Мише дали расчет и тоже велели убираться.

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Вот встречаемся мы с ним и смеемся. Думаем – наплевать. Отдохнули пару дней и теперь снова можем приняться за свое ремесло.

Но тут случается так, что оба наши управляющие снюхались и узнали наш обман: и какие у нас две недели, и какая у нас тетка в Тифлисе, и какой у нас опыт.

Оба они призывают нас, кричат страшными голосами и велят убираться.

Нет, мы особенно не горевали. Я взял круг сыру, а Миша вина. И всю дорогу мы шли и пели песни. А после устроились на другую работу.

А вскоре разразилась война. Потом революция. И я потерял своего друга из виду.

И недавно узнаю, что он проживает на Кавказе и имеет хорошую, чудную командную должность.

И я мечтаю к нему поехать. Мечтаю встретить его, поговорить и сказать ему: "Молодец!"

Ох, он, наверное, обрадуется, когда увидит меня! Тоже, может быть, скажет мне: "Молодец!" И велит подать лучший шашлык.

Тут мы с ним будем кушать и вспоминать, кем мы были и кем стали.

1934-1935

ПОЕЗДКА В ГОРОД ТОПЦЫ

Недавно моей супруге понадобилось съездить на периферию.

Там, на периферии, у нее один родственник серьезно захворал. С ним какая-то, что ли, душевная болезнь приключилась. И, значит, растерявшиеся родственники вызвали мою супругу на периферию, в город Топцы.

Конечно, предстоящая поездка взволновала нашу семью. Все-таки, думаем, сложно, хлопотно, билеты доставать и так далее. Но ничего не поделаешь: надо ехать.

Ну, конечно, запаслись на всякий случай разными справками и удостоверениями. Со своей службы я ей тоже достал бумажку: мол, едет по семейно-служебным обстоятельствам. И вдобавок один знакомый хирург дал удостоверение в том, что психические болезни требуют тщательного ухода со стороны родственников. И что он просит предъявительнице сего оказывать всемерную медицинскую поддержку при поездке на периферию.

И вот с этими документами мы сходили к начальнику станции. Но тот оказался бездушный и негуманный человек, равнодушно относящийся к больным кадрам.

Он сказал:

– Прошу оставить мой кабинет. Никаких билетов я тут не выдаю. Обратитесь в кассу и там покупайте себе билеты.

Его иронию мы восприняли болезненно и решили тогда воспользоваться одним нашим довольно крупным знакомым, которого мы вообще если и хотели тревожить, то только в самых исключительных и грозных обстоятельствах.

Но этот работник оказался неуловим. Он все время где-то заседал, ездил, и мы его так и не нашли.

Тогда моя супруга смоталась еще к одному знакомому, орденоносцу, но тот отказался что-либо предпринять, говоря, что в этом отношении он пасует.

Тогда супруга решила было послать телеграмму в – Топцы с отказом, поскольку все кнопки были нажаты и все связи были использованы, но тут мне пришла старая, но светлая мысль – обратиться к носильщику.

И хоть это и нельзя, но я решил покривить душой ради родственного начала. Я решил дать кое-что носильщику, с тем чтобы он мне достал билет в город Топцы.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Я понимаю, что это – преступление перед обществом, но вместе с тем мы нашего заболевшего родственника тоже не в дровах нашли. А он был в аккурат до своей болезни весьма ценным членом общества. Он служил в одном учреждении по хозяйственной части, и – что бы там ни говорили – он приносил посильную помощь в деле построения дальнейшей жизни. И сейчас, поскольку он свихнулся, он, конечно, вправе требовать до себя внимания и ухода.

Этими мыслями я поделился с носильщиком, когда прибыл на вокзал.

Носильщик туманно говорит:

– Честно вам скажу: мне бы не хотелось этим поганить свою душу. Но поскольку налицо ненормальность вашего родственника, то я хочу к этому чутко подойти.

А за некоторый риск и услуги я попрошу с вас двадцать рублей. Приходите вечером сюда, и вы поедете.

И вот только я отошел от этого носильщика, чтоб пойти домой, как вдруг вижу: касса. Обыкновенная, представьте себе, дырка в стене, и там кто-то сидит. И вижу надпись: "Касса".

Я на всякий случай подошел туда.

Протягиваю кассиру документы.

Тот говорит:

– Не тычьте мне ваши бумаги, у меня и без того в глазах рябит от множества железнодорожных билетов.

Тогда я рассказываю кассиру о своих мытарствах и о свихнувшемся родственнике.

Кассир говорит:

– Не знаю, как ваш родственник, но ваша ненормальность заключается в том, что вы напрасно нажимали все кнопки и без устали хлопотали: вы можете свободно подойти к моей кассе и можете свободно купить билет в эти ваши Топцы.

Я говорю:

– Мне как-то странно это слышать. Может, говорю, тут какое-нибудь недоразумение? Носильщик, говорю, и тот еле взялся за двадцать целковых.

Кассир говорит:

– Красиво на жизнь смотрите, раз можете по двадцать рублей кидать жуликам. Короче говоря, сколько вам надо билетов, чтоб поехать в Топцы?

И тут он щелкает билет на своей компостерной машинке и гуманно мне подает.

Я недоверчиво беру этот билет, и тут мы с кассиром начинаем смеяться и подшучивать.

Потом я говорю:

– Наверно, через пару лет это поразительно что будет. Не только, говорю, в Топцы, а во все места будет – ну, просто не вопрос ехать.

Кассир говорит:

– Еще и не то будет. Откровенно вам скажу: по своей линии я и то кое-что придумываю. Я, говорит, уважаемый товарищ, на каждый купленный билет хочу пассажирам сюрпризики выдавать. Дамам – по живому цветку, а мужчинам – что придется: ну, там лезвие для бритвы, расческу, мыльце, брюки... Дальним – какую-нибудь статуэтку или гигиеническую брошюрку. Ну, не пройдет мой проект – не надо, а пройдет – так меня, может, даже и к какой-нибудь награде представят.

Тут мы попрощались с кассиром и отбыли домой.

Ну, супруга горячо отнеслась к поездке. Моментально, конечно, собралась и вечером укатила в Топцы.

Конечно, с дороги она прислала очень даже резкое и, прямо даже скажу, грубое письмо, зачем я ей купил билет на этот поезд. Все другие составы свободно, дескать, перегоняют этот поезд для молочниц.

Но по приезде в Топцы ее раздражительность прошла, и она прислала любезную открытку, что у свихнувшегося родственника было временное затмение и что он сейчас снова реагирует почти на все, что вокруг него происходит. И даже просил кланяться и благодарить за проявленную чуткость со стороны родственников.

Пламенный привет ему и пожелания дальнейшего выздоровления, возможного только в условиях бережного отношения!

1935

ВОДЯНАЯ ФЕЕРИЯ

Один московский работник кинематографии прибыл в Ленинград по делам службы.

И он остановился в гостинице "Европа".

Прекрасный, уютный номер. Две постели. Ванна. Ковры. Картинки. Все это, так сказать, располагало нашего приезжего видеть людей и приятно проводить время.

В общем, к нему стали заходить друзья и приятели.

И как это всегда бывает, некоторые из его приятелей, приходя, принимали ванну. Поскольку многие живут в квартирах, где нет ванн. А в баню ходить многие, конечно, не так-то любят и вообще забывают об этой бытовой процедуре. А тут такой удобный случай: зашел к приятелю, поболтал, пофилософствовал и тут же помылся. Тем более тут горячая вода. Казенная простынка и так далее.

И многие, конечно, через это любят, когда у них есть приезжие друзья.

Короче говоря, дней через пять наш приезжий москвич несколько даже утомился от подобной неуклонной линии своих друзей.

Но, конечно, крепился до самого последнего момента, когда наконец разыгралась катастрофа.

А к нему как-то вечером пришли почти что сразу шесть знакомых.

Тары да бары, и тут же среди гостей образовалась до этой ванны небольшая очередь.

Трое быстро помылись и, попив чайку, ушли.

Но четвертая была старая дама Родственница приезжего. И та мылась исключительно долго. И даже, кажется, что-то стирала из своего гардероба.

И до того она там долго возилась, что москвич и дожидавшиеся просто захандрили. Она час с четвертью не выходила из ванны.

Но поскольку она была родная тетка нашего москвича, то он и не разрешил своим друзьям никаких эксцессов по ее адресу.

Короче говоря, когда она вышла, было уже далеко за полночь.

Один из приятелей не стал больше ждать и ушел. А другой, удивительно настойчивый и нахальный, всетаки во что бы то ни стало пожелал непременно сегодня вымыться, чтоб ему для чего-то завтра быть чистым. И вот он дождался теткиного выхода. Вымыл ванну. И пустил горячую воду. И сам прилег на кушетку и стал дожидаться, когда ванна наполнится.

Но тут как то случилось, что от сильного утомления он заснул, и москвич вдобавок задремал на диване.

И вода, наполнив ванну, вышла наружу и в короткое время затопила номер и даже протекла в другой этаж. Но поскольку в нижнем этаже была гостиная и там никого не было, то катастрофу не сразу заметили.

Короче говоря, наши два приятеля проснулись от сильного тепла и пара. Причем москвичу, как он после рассказывал, снился сон, что он в Гаграх.

Но когда он проснулся, то увидел, что весь номер в воде и поверх плавают туфли, газеты и разные деревянные изделия.

Горячая вода не позволила, конечно, сразу прекратить наводнение, поскольку они не решались добежать до ванны, чтоб закрыть кран. Они, сидя на диванах, не могли рискнуть спустить свои ноги в воду, от которой шел пар.

Но потом, кое-как передвигая стулья и перепрыгивая с одного стула на другой, перетрусивший приятель москвича добрался до ванны и закрыл кран.

И только они закрыли кран и вода стала куда-то утекать, как в номер вбегают администрация с побледневшими лицами.

Осмотрев ванну и нижний этаж, администрация совместно с прибывшим инженером стала о чем-то совещаться.

А среди наших друзей завязался тяжелый спор: кто виноват и кому платить убытки.

Приятель москвича, еле дыша от страха, сказал, что рублей сорок он как-нибудь покроет, но все, что свыше, пусть оплачивает владелец номера, который легкомысленно допускал мыться посторонних.

Тут между ними завязался спор, который мог бы кончиться печально, если бы рядом не было администрации.

Москвич дрожащим голосом говорит администрации:

– А скажите, на какую сумму могут быть убытки?

Администрация говорит:

– Видите, внизу в гостиной размыло лепные украшения: одну крупную античную фигуру и трех херувимов.

Так что это сильно увеличит расходы.

Услышав о лепных украшениях и херувимах, приятель москвича буквально задрожал.

Москвич, с тоской взирая на администрацию, прошептал:

– А на какую сумму размыло этих херувимов?

Инженер говорит:

– Тысячонок, мы так полагаем, семь-восемь будет стоить эта операция...

Сумма эта совершенно подкосила силы москвича, и он прилег на диван, мало чего соображая.

А приятель его выказал себя с нехорошей стороны.

Он поступил как подлец, пытаясь, так сказать, дать тигра. Но был задержан слабой, но честной рукой приезжего.

Приезжий москвич, еле ворочая языком, говорит администрации:

– Тысячки бы за две нельзя? В крайнем случае не надо мне ставить этих херувимов. Не такое сейчас время, чтоб платить за этих самых херувимов...

Администрация говорит:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Да вы напрасно горячитесь и торгуетесь. Мы, кажется, с вас убытков не требуем. Услышав эти слова, приятель москвича закрыл глаза, думая, что это сон.

Но администрация говорит:

– На вас мы не возлагаем никакой вины. Тут наш технический недосмотр. Мы плохо рассчитали утечку воды, и это наша техническая слабость.

Инженер тут же дает научное пояснение. Он говорит, показывая на ванну:

– Видите, тут наверху ванны имеется дырка, в которую вода должна утекать по мере наполнения ванны. И при научно правильном расчете вода не имеет права выйти за пределы краев. Но тут мы выказали некоторую слабость, и дырка, как вы могли видеть, не успела поглотить текущую жидкость. Так что мы просим у вас извинения за причиненное беспокойство. В дальнейшем этого не будет. Мы исправим. Это технические неполадки, которым не место в нашей славной современности.

Услышав эти слова, приятель москвича хотел упасть на колени, чтоб возблагодарить администрацию и судьбу, но приезжий не разрешил ему это сделать.

Он сказал инженеру:

– Конечно, иначе не могло и быть. Но скажите, кто мне возместит убытки: у меня испортились ночные туфли и чемодан подмок, и, может быть, там что-нибудь тоже испортилось благодаря вашей технической слабости.

Администрация говорит:

– Подайте заявление – мы возместим убытки.

На другой день москвич получил сорок шесть рублей за подмокший чемодан.

Приятель москвича тоже хотел воспользоваться случаем, чтоб содрать небольшую сумму за счет техники, но это ему сделать не удалось, так как он не имел права ночью находиться в чужом номере.

На другой день он все же пришел в гостиницу и там принял ванну, несмотря на то, что москвич был этим крайне недоволен и даже рассердился.

1935

СПИ СКОРЕЙ

Откровенно говоря, я не люблю путешествовать. Меня останавливает вопрос, где переночевать.

Из ста случаев мне только два раза удалось в гостинице комнату зацепить.

И то в последний раз я получил номер отчасти случайно. Они меня не за того приняли. Потом-то на другой день они, конечно, спохватились и предложили очистить помещение, но я и сам уехал.

А сначала любезность их меня удивила.

Портье, нюхая розу, сказал:

– Только осмелюсь вам сказать, ваш номер будет с дефектом. Там у вас окно разбито. И если, допустим, ночью кошка в ваш номер прыгнет, так вы не пугайтесь.

Я говорю:

– А зачем же кошка будет ко мне прыгать? Вы меня удивляете.

Портье говорит:

– Видите, там у нас в аккурат на уровне окна имеется помойная яма, так что животные не разбираются, где чего есть, а прыгают, думая, что это то же самое.

Конечно, когда я вошел в номер, я всецело понял психологию кошек. Они смело могли не разобраться в действительности.

Вообще говоря, номер люкс мне не нужен, но эта грязная каморка с колченогим стулом меня немного покорила.

Главное, меня удивило, что в комнате была лужа.

Я стал звать кого-нибудь, чтоб это убрать, но никто не пришел. Тогда я разговорился с портье.

Он говорит:

– Если у вас имеется лужа, то, наверно, я так думаю, кто-нибудь там воду опрокинул. Сегодня у меня нет свободного персонала, но завтра я велю эту лужу вытереть, тем более что к утру она, наверно, и сама высохнет. Климат у нас теплый.

Я говорю:

– Потом номер уж очень жуткий. Темно, и из мебели всего один стул, кровать и какой-то ящик. Конечно, говорю, разные бывают гостиницы. Недавно, говорю, в Донбассе, а именно в Константиновке, я вместо одеяла покрывался скатертью...

– До скатертей мы не доходим, – сказал портье, – но вместо пододеяльников у нас действительно положены короткие отрезы. А что касается темноты, то, конечно, вам не узоры писать. Спите скорей, гражданин, и не тревожьте администрацию своей излишней болтовней.

Я не стал с ним спорить, чтобы не разгуляться, и, придя в номер, разделся и юркнул в кровать.

Но в первую минуту я даже не понял, что со мной. Я, как на горке, съехал вниз.

Я хотел приподняться, чтоб посмотреть, какая это кровать, что на ней так удобно съезжать. Но тут запутался ногами в простыне, в которой были дырки. Выпутавшись из них, я зажег свет и осмотрел, на чем я лежу.

Оказалось, что начиная от изголовья продавленная сетка кровати устремлялась книзу, так что спящему человеку действительно не было возможности удерживаться в горизонтальном положении.

Тогда я положил подушку в ноги, а под нее сунул свой чемодан и таким образом лег наоборот.

Но тут оказалось, что я не лежу, а сижу.

Тогда я в середину сунул пальто и портфель и лег на это сооружение с намерением, как говорится, задать храповицкого.

И вот я уже стал дремать, как вдруг меня начали кусать клопы.

Нет, два-три клопа меня бы не испугали, но тут, как говорится, был громадный военный отряд, действующий совместно с прыгающей кавалерией.

Я поддался панике, но потом повел планомерную борьбу.

Но когда борьба была в полном разгаре, вдруг неожиданно потух свет.

В полной беззащитности я начал нервно ходить по номеру, ахая и причитая, как вдруг раздался стук в дощатую стену, и грубый женский голос произнес:

– Что вы тут, черт возьми, вертитесь в комнате, как ненормальный!

В первую минуту я остолбенел, но потом у меня с соседкой началась словесная баталия, которую даже совестно передать, поскольку, сгоряча и нервно настроенные, мы наговорили друг другу кучу самых архиобидных слов.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Если я с вами, черт возьми, когда-нибудь встречу, – сказала мне под конец соседка, – то я вам непременно дам плюху, имейте это в виду.

Мне прямо до слез хотелось ей на это что-нибудь возразить, но я благоразумно смолчал и только швырнул в ее стену ящик, чтобы она подумала, что я в нее стреляю. После этого она замолчала.

А я, отодвинув от стены постель, взял графин с водой и сделал вокруг кровати водяное кольцо, чтобы ко мне не прилезли посторонние клопы. После чего я снова лег, предоставив свое, как говорится, брэнное тело на волю божию.

Под адские укусы я уже стал засыпать, как вдруг за стеной раздался ужасный женский крик.

Я закричал соседке:

– Если вы нарочно завизжали, чтоб меня разбудить, то завтра вы мне ответите за свой хулиганский поступок.

Тут у нас снова поднялся словесный бой, из которого выяснилось, что к ней в кровать прыгнула со двора кошка, и через это она испугалась.

Дурак портье, наверно, перепутал. Он мне обещал кошку, но у меня окно было целое, а у нее нет.

В общем, я опять задремал. Но, настроенный нервно, я то и дело вздрагивал. А при вздрагивании всякий раз меня будила сетка от кровати, которая издавала зловещий звон, визжание и скрежет.

Начиналось утро. Я снял тюфяк с кровати и положил его на пол. Полное блаженство охватило меня, когда я лег на это славное ложе.

"Спи скорей, твоя подушка нужна другому", – сказал я сам себе, вспомнив, что такой плакат висел в прошлом году в доме крестьянина в городе Феодосии.

В эту минуту во дворе раздался визг электрической пилы.

В общем, ослабевший и зеленый, я покидал мою злосчастную гостиницу.

Я решил, что моей ноги не будет в этом отеле и в этом городе. Но судьба решила иначе.

В поезде, отъехав сто километров, я обнаружил, что мне дали не мой паспорт. А так как, это бы дамский паспорт, то ехать дальше не представлялось возможности.

На другой день я вернулся в гостиницу.

Конечно, мне было адски неловко встретиться с моей соседкой, которая тоже, оказывается, уехала и теперь вернулась с моим паспортом.

Это оказалась славная девушка, инструкторша по плаванию. И мы с ней потом мило познакомились и позабыли о ночной драме. Так что пребывание в гостинице все же имело известные плюсы. И в этом смысле путешествия иной раз приносят забавные встречи.

1935–1937

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Откровенно говоря, я предпочитаю хворать дома.

Конечно, слов нет, в больнице, может быть, светлей и культурней. И калорийность пищи, может быть, у них более предусмотрена. Но, как говорится, дома и солома едома.

А в больницу меня привезли с брюшным тифом. Домашние думали этим облегчить мои неимоверные страдания.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Но только этим они не достигли цели, поскольку мне попала какая-то особенная больница, где мне не все понравилось.

Все-таки только больного привезли, записывают его в книгу, и вдруг он читает на стене плакат: "Выдача трупов от 3-х до 4-х".

Не знаю, как другие больные, но я прямо закачался на ногах, когда прочел это воззвание. Главное, у меня высокая температура, и вообще жизнь, может быть, еле теплится в моем организме, может быть, она на волоске висит – и вдруг приходится читать такие слова.

Я сказал мужчине, который меня записывал:

– Что вы, говорю, товарищ фельдшер, такие пошлые надписи вывешиваете? Все-таки, говорю, больным не доставляет интереса это читать.

Фельдшер, или как там его, – лекпом, – удивился, что я ему так сказал, и говорит:

– Смотрите: больной, и еле он ходит, и чуть у него пар изо рта не идет от жара, а тоже, говорит, наводит на все самокритику. Если, говорит, вы поправитесь, что вряд ли, тогда и критикуйте, а не то мы действительно от трех до четырех выдадим вас в виде того, что тут написано, вот тогда будете знать.

Хотел я с этим лекпомом схлестнуться, но поскольку у меня была высокая температура, 39 и 8, то я с ним спорить не стал. Я только ему сказал:

– Вот погоди, медицинская трубка, я поправлюсь, так ты мне ответишь за свое нахальство. Разве, говорю можно больным такие речи слушать? Это, говорю, морально подкашивает их силы.

Фельдшер удивился, что тяжелобольной так свободно с ним объясняется, и сразу занял разговор. И тут сестричка подскочила.

– Пойдемте, – говорит, – больной, на обмывочный пункт.

Но от этих слов меня тоже передернуло.

– Лучше бы, – говорю, – называли не обмывочный пункт, а ванна. Это, говорю, красивей и возвышает больного. И я, говорю, не лошадь, чтоб меня обмывать.

Медсестра говорит:

– Даром что больной, а тоже, говорит, замечает всякие тонкости. Наверно, говорит, вы не выздоровеете, что во все нос суετε.

Тут она привела меня в ванну и велела раздеваться.

И вот я стал раздеваться и вдруг вижу, что в ванне над водой уже торчит какая-то голова. И вдруг вижу, что это как будто старуха в ванне сидит, наверно, из больных.

Я говорю сестре:

– Куда же вы меня, собаки, привели – в дамскую ванну? Тут, говорю, уже кто-то купается.

Сестра говорит:

– Да это тут одна больная старуха сидит. Вы на нее не обращайтесь внимания. У нее высокая температура, и она ни на что не реагирует. Так что вы раздевайтесь без смущения. А тем временем мы старуху из ванны вынем и набуровим вам свежей воды.

Я говорю:

– Старуха не реагирует, но я, может быть, еще реагирую. И мне, говорю, определенно неприятно видеть то, что там у вас плавают в ванне.

Вдруг снова приходит лекпом.

– Я, – говорит, – первый раз вижу такого привередливого больного. И то ему, нахалу, не нравится, и это ему нехорошо. Умиравшая старуха купается, и то он претензию выражает. А у нее, может быть, около сорока температуры, и она ничего в расчет не принимает и все видит как сквозь сито. И, уж во всяком случае, ваш вид не задержит ее в этом мире лишних пять минут. Нет, говорит, я больше люблю, когда к нам больные поступают в бессознательном состоянии. По крайней мере тогда им все по вкусу, всем они довольны и не вступают с нами в научные пререкания.

Тут купающаяся старуха подает голос:

– Вынимайте, – говорит, – меня из воды, или, говорит, я сама сейчас выйду и всех тут вас распатрону.

Тут они занялись старухой и мне велели раздеваться.

И пока я раздевался, они моментально напустили горячей воды и велели мне туда сесть.

И, зная мой характер, они уже не стали спорить со мной и старались во всем поддакивать. Только после купанья они дали мне огромное, не по моему росту, белье. Л думал, что они нарочно от злобы подбросили мне такой комплект не по мерке, но потом я увидел, что у них это – нормальное явление. У них маленькие больные, как правило, были в больших рубахах, а большие – в маленьких.

И даже мой комплект оказался лучше, чем другие. На моей рубахе больничное клеймо стояло на рукаве а не портило общего вида, а на других больных клейма стояли у кого на спине, а у кого на груди, и это морально унижало человеческое достоинство.

Но поскольку у меня температура все больше повышалась, то я и не стал об этих предметах спорить.

А положили меня в небольшую палату, где лежало около тридцати разного сорта больных. И некоторые, видать, были тяжелобольные. А некоторые, наоборот, поправлялись. Некоторые свистели. Другие играли в пешки. Третьи шлялись по палатам и по складам читали, чего написано над изголовьем.

Я говорю сестрице:

– Может быть, я попал в больницу для душевнобольных, так вы так и скажите. Я, говорю, каждый год в больницах лежу, и никогда ничего подобного не видел. Всюду тишина и порядок, а у вас что базар.

Та говорит:

– Может быть, вас прикажете положить в отдельную палату и приставить к вам часового, чтобы он от вас мух: и блох отгонял?

Я поднял крик, чтоб пришел главный врач, но вместо него вдруг пришел этот самый фельдшер. А я был в ослабленном состоянии. И при виде его я окончательно потерял свое сознание.

Только очнулся я, наверно, так думаю, дня через три.

Сестричка говорит мне:

– Ну, говорит, у вас прямо двужильный организм. Вы, говорит, сквозь все испытания прошли. И даже мы вас случайно положили около открытого окна, и то вы неожиданно стали поправляться. И теперь, говорит, если вы не заразитесь от своих соседних больных, то, говорит, вас можно будет чистосердечно поздравить с выздоровлением.

Однако организм мой не поддался больше болезням, в только я единственно перед самым выходом захворал детским заболеванием – коклюшем.

Сестричка говорит:

– Наверно, вы подхватили заразу из соседнего флигеля. Там у нас детское отделение. И вы, наверно, неосторожно покушали из прибора, на котором ел коклюшный ребенок. Вот через это вы и прихворнули.

В общем, вскоре организм взял свое, и я снова стал поправляться. Но когда дело дошло до выписки, то я и тут, как говорится, настрадался и снова захворал, на этот раз нервным заболеванием. У меня на нервной почве на коже пошли мелкие прыщики вроде сыпи. И врач сказал: "Перестаньте нервничать, и это у вас со временем пройдет".

А я нервничал просто потому, что они меня не выписывали. То они забывали, то у них чего-то не было, то кто-то не пришел и нельзя было отметить. То, наконец, у них началось движение жен больных, и весь персонал с ног сбился. Фельдшер говорит:

– У нас такое переполнение, что мы прямо не успеваем больных выписывать. Вдобавок у вас только восемь дней перебор, и то вы поднимаете тарарам. А у нас тут некоторые выздоровевшие по три недели не выписываются, и то они терпят.

Но вскоре они меня выписали, и я вернулся домой.

Супруга говорит:

– Знаешь, Петя, неделю назад мы думали, что ты отправился в загробный мир, поскольку из больницы пришло извещение, в котором говорится: "По получении сего срочно явитесь за телом вашего мужа".

Оказывается, моя супруга побежала в больницу, но там извинились за ошибку, которая у них произошла в бухгалтерии. Это у них скончался кто-то другой, а они почему-то подумали на меня. Хотя я к тому времени был здоров, и только меня на нервной почве закидало прыщами. В общем, мне почему-то стало неприятно от этого происшествия, и я хотел побежать в больницу, чтоб с кем-нибудь там побраниться, но как вспомнил, что у них там бывает, так, знаете, и не пошел.

И теперь хвораю дома.

1936

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

Современная молодая женщина не любит, когда ей говорят уменьшительные слова. Она не любит, когда ей говорят: "ротик", "ручки" или "ножки".

Она на это сердится. И даже, я так думаю, через это может разрыв произойти.

Одна особа мне так и сказала:

– Какие, к черту, ножки. Я, говорит, сорок первый размер бареток ношу, а вы, говорит, все свое. Подлец вы, говорит, а не человек. Вы, говорит, мне жизнь губите своей дурацкой чувствительностью.

Откровенно вам сказать, я даже опешил от таких слов.

Она говорит:

– Это, говорит, в прежнее время избалованные дамы или там графини любили в своих будуарах такие сентиментальности. А я, говорит, плюю на таких мужчин, как вы.

– Вот тебе, – говорю, – здравствуйте. Как, говорю, понимать ваши слова?

А как понимать ее слова, когда она с тех пор мне по телефону ни разу не звонила и при встрече со мной не поздоровалась?

А это верно: современные молодые женщины любят что-нибудь смелое, героическое. Им, я заметил, не нравится что-нибудь обыкновенное. Они любят, чтобы мужчина был непременно летчик или там в крайнем случае бортмеханик. Тогда они расцветают, и их не узнать.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

А интересно их спросить: что же, все люди, что ли, должны быть летчиками и бортмеханиками?

Конечно, я ничего не говорю, профессия бортмеханика до некоторой степени удивительная, и она вызывает разные эмоции у зрителей. Но тоже, как говорится, невозможно, чтоб все без исключения летали под небеса.

Некоторым приходится занимать более скромные земные посты в канцеляриях и так далее.

А то им еще почему-то нравятся кинооператоры. Это уж прямо, как говорится, неизвестно почему. Крутит ручку и думает: "Наполеон".

Еще тоже вызывают женскую любовь приехавшие из Арктики. Ну, льды там. Снег. Северное сияние. Подумаешь!

Вообще говоря, я четыре раза женился, и все как-то такое у меня не вытанцовывалось. Ну, первые две жены увлеклись бортмеханиками. Третья сошлась с кинооператором. Ну, как говорится, это бывает. Но четвертый брак меня удивил своей неожиданностью. И я как гражданин, испытывавший это, должен предостеречь остальных мужчин от подобных бракосочетаний.

У меня было знакомство с одной особой. И мы решили с ней пожениться. Но я ее честно предупредил:

– Имейте в виду, говорю, я не порхаю под небеса и навряд ли, говорю, для вашего удовольствия когда-нибудь прыгну с крыши с парашютом. Так что если вы увлекаетесь небесной профессией, то вопросов, как говорится, к вам не имею. И тогда давайте замнем вопрос о браке.

Она говорит:

– Профессия не играет роли. И к летчикам я отношусь равнодушно. Но мне единственно важно, чтоб наш союз был до некоторой степени свободный. Я не люблю стеснений личности. Я, говорит, до вас семь лет была замужем, и муж меня даже в театр с кем-нибудь не пускал. И теперь я бы желала иметь с вами брак, основанный на товарищеских условиях. И если, например, вы кем-нибудь увлечетесь, я вам ничего не скажу. А если я когонибудь встречу, то и вы тем более мне не будете возражать. И тогда наш брак, наверно, будет более продолжительный, основанный на разумном понимании двух любящих сердец. А то, что муж будет иметь мелкую профессию, то это даже и лучше. По крайней мере он будет знать свое место и не станет с меня требовать невозможного.

Я говорю ей:

– Я четвертый раз женюсь, и у меня, говорю, ум за разум заходит от всевозможных понятий. То, говорю, одна не велит уменьшительные слова ей говорить. То, говорю, другая сходится с кинооператором. То, говорю, вы еще что-то мне преподнесите. Но, говорю, поскольку мое сердце занято вами, то пускай будет по-вашему.

И вот, конечно, мы женимся и живем на разных квартирах. И все у нас идет хорошо и дружелюбно. Но вдруг она через неделю увлекается одним своим знакомым, который прибыл из Арктики.

Она мне говорит согласно нашего договора:

– Если хотите, давайте разойдемся. Но если еще питаете ко мне некоторые чувства, то давайте придерживаться наших условий. Тем более мой знакомый снова в скором времени уезжает в экспедицию, и тогда у нас с вами опять что-нибудь хорошее получится.

И вот я, как дурак, ожидаю его отъезда месяц и два. И наконец моя соседка по комнате говорит:

– Напрасно будете ее ждать. Ваше дело битое: она к вам нипочем назад не вернется.

Но проходит еще месяц, и вдруг моя супруга возвращается со словами: я, дескать,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
его окончательно отшила, тем более что он снова уехал в свое северное путешествие.

Я говорю:

– Но теперь с моей стороны возникли препятствия: я, говорю, увлекся своей соседкой. А если у вас остались ко мне чувства, то, говорю, я согласен с ней разойтись.

И вот я стал расходиться со своей соседкой. И только я с ней разошелся, гляжу: моя супруга через месяц спокойной жизни снова увлеклась приятелем и спутником по путешествию того человека, который уехал в Арктику. А этот полярник почему-то остался. И она им увлеклась. И стала с ним жить.

Вот я, согласно условию, жду несколько месяцев и вдруг узнаю, что у нее будет от него ребенок.

Я говорю ей:

– Интересный брак у нас получается Эти, говорю, полярники, бортмеханики и кинооператоры меня буквально с ног валят.

Она говорит:

– Хотите – подождите, когда он меня разлюбит или когда ребенок немного подрастет. И тогда будем продолжать наши условия. А не хотите – так как хотите Вообще, говорит, вы мне прямо надоели своим вечным нытьем и недовольством. Я, говорит, не от себя завишу. Мое сердце мне подсказывает, каких современных мужчин мне любить и каких ненавидеть. Не только, говорит, вы не имеете значка ГТО, но хоть бы для смеха прошли курс санитарной обороны. Уж я не говорю, чтобы вы были ворошиловский стрелок или поехали бы куда-нибудь на север. Не эти, говорит, профессии вас с ног валят, а просто у вас характер неинтересный, далекий от современности Нынче богачей нету, и капиталом свое убожество прикрывать не приходится, так что надо улучшать свою личность, чтоб заслужить женскую любовь.

Я говорю:

– То одна не велит уменьшительных слов произносить, то другая детей преподносит. И вдобавок мне лекцию читает.

Вдруг она открывает дверь в соседнюю комнату и кричит уменьшительные слова.

– Ванечка, этот типус опять к нам скандалить пришел. И хотя он мой муж, но выгони его к черту. Я, говорит, чувствую, что через него истерику наживу.

И вдруг входит в комнату приятель того, который в Арктику уехал. Здоровенный такой мужчина, закаленный северным воздухом. И вдобавок парашютист, со значком.

– Об чем, – говорит, – молодой человек, вы тут загораетесь?

Я попрощался с ним и ушел с намерением все это описать, чтоб другие нелетающие мужчины остерегались попадать в такое же, как говорится, непромокаемое положение.

Я гляжу против таких свободных браков. Я стою за более крепкий брак, основанный на взаимном чувстве. А где это чувство взять, ежели я и парашюта никогда в глаза не видел? И севернее Лигова нигде не жил.

Прямо хоть становись героем, чтобы сравняться с остальным населением.

1936

ОГНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

К одному жильцу с нашей коммунальной квартиры прибыл из деревни его отец.

Конечно, он прибыл по случаю болезни своего сына. Без этого он, наверное, до конца своих дней не увидел бы Ленинграда. Но поскольку захворал его сын, вот он

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

и прибыл.

А сын его был наш жилец. И он служил в одном ресторане официантом. Он там порции подавал и был на хорошем счету.

И, может быть, стараясь еще больше, он однажды, разгорячившись своим ночным трудом, выскочил на улицу с тем, чтобы пойти домой, и, конечно, через это простудился на своем, так скачать, кулинарном посту. Он захворал сначала насморком и семь дней чихал. Но потом простуда перешла к нему на грудь, и температура вдруг поднялась до плюс сорока градусов выше нуля.

Вдобавок еще до этого, желая в свободный день культурно провести время, он поехал в Павловск осмотреть дворцы, и там он немного надорвался, помогая своей супруге войти в вагон.

Так что все это вместе взятое дало печальную картину заболевания человека в полном расцвете его сил.

И, будучи от природы мнительным, наш бедный официант был уверен, что он уже не поправится и уже, как говорится, не приступит больше к исполнению своих прямых обязанностей.

И вот через это он и пригласил своего папу приехать в Ленинград, чтобы сказать ему последнее прости.

Не то чтобы он горячо любил своего папеньку и вот теперь на закате своей жизни он во что бы то ни стало захотел его увидеть, напротив, он в течение сорока лет о нем не справлялся и совершенно как бы безучастно относился к факту его существования. Но его супруга, увидя у своего мужа такую невозможно высокую температуру, скорее из самолюбия, – мол, все, как у людей, – дала папе телеграмму: дескать, приезжайте в Ленинград, ваш сын захворал.

И когда сын уже начал поправляться, в Ленинград, всем на удивление, прибыл из весьма далеких мест его папанька в лаптях, с мешком за спиной и с палкой. Правда, потом оказалось, у старика в мешке были сапоги, но он их принципиально не носил, говоря об этом: "Богатый бережет рожу, а бедный – одежду".

Конечно, все, и в том числе сын, рассчитывали, что приедет скромный, отчасти даже религиозный старец лет семидесяти и будет тут произносить постные речи и всего пугаться. Но оказалось совершенно, как говорится, напротив.

Оказалось, что старикан был на редкость задиристый, немного скандалист, грубиян и брехун. И вдобавок он был не то чтобы контрреволюционер, но он отличался исключительной отсталостью в политическом смысле.

Он моментально во дворе дома схлестнулся с дворником и отодрал за уши одного подростка, пришедшего в гости к своему дяде, живущему тут двенадцать лет.

Потом он у нас в жакте резко беседовал с председателем, так что тот удивился, какие бывают взгляды на современность, и даже хотел об этом сообщить по месту его жительства.

В довершение всего приезжий отец напугал своего сына тем, что с места в карьер навел в конторе справку, не может ли он тут получить площадь для постоянного проживания в Ленинграде.

Конечно, сам по себе старик, наверное, был сравнительно хороший, но тут с первого дня его приезда почти все жильцы оказались не на высоте в смысле культуры. Они все начали над ним подтрунивать, шутили над ним, как над дураком, смеялись насчет его провинциальных, деревенских манер. И каждый старался сказать ему какую-нибудь чушь, вроде того, как ему при встрече всякий раз говорил дворник петушиным голосом: "С какого именно колхоза прибыли, молодой человек?"

Да и сын его, официант Гаврилов, тоже, конечно, не отставал от общего настроения и в другой раз, давась от смеха, говорил старику, нарочно глядя в газету:

– Сегодня, папаня, не ходите на улицу – ожидается облава на седых и рыжих.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Конечно, все это делалось довольно любовно и без злобы, но все-таки, как говорится, это, наверное, не было чем-нибудь приятным для приезжего старика, который прожил семьдесят два года и был, наверное, умнее их всех, вместе взятых. А они думали, что это – простофиля, дурак и серый мужик, и вот что с ним делали.

И это, конечно, имело отрицательную реакцию на его неведение.

И сколько дней он тут прожил, столько скандалов имело место. Были крики, сцены грубости и так далее.

В довершение всего на седьмой день своего пребывания он в пивной надрызгался и стал там буянить. И даже его хотели представить в милицию. Но он от всех скрылся и пошел шляться по улицам.

И вот он идет по улице и песни играет. А сам старенький, седенький и одетый по-деревенски, в высшей степени незатейливо.

И вот он идет по улицам и вдруг видит, что заблудился.

Конечно, это абсурд – тут заблудиться. Тем более он адрес знает. Но с пьяных глаз он испугался и даже протрезвел.

И спросил прохожего, куда ему идти. Но прохожий не знал и велел ему обратиться к органам милиции.

Конечно, наш старик оробел сразу подойти к стоящему на посту милиционеру и от волнения прошел еще два-три квартала.

Но потом подошел к постовому с опаской, думая, что тот засвистит и закричит на него.

Но тот, согласно внутренней инструкции, отдал честь подошедшему, приложив к козырьку свою руку в белой перчатке.

Приготовившись к скандалу и привыкши к этому, старик от неожиданности немного растерялся и залепетал разные слова, не идущие к делу.

А постовой, спросив у него, какая ему нужна улица, показал, куда идти, и, снова отдав честь, занялся своим делом.

Но этот маленький жест почтения и вежливости, рассчитанный в свое время на генералов и баронов, произвел исключительное впечатление на нашего приезжего старика.

Старик аж задрожал, когда ему постовой отдал честь вторично и, стало быть, тем самым показал, что тут ошибки не было, а было то, что ему полагалось.

И тогда старик, как потом выяснилось, снова еще раз подошел уже к другому милиционеру и снова получил приветствие, которое с еще большей силой запало в его слабую душу.

Конечно, я не знаю, может ли быть, чтоб это сразу отразилось на характере, но все заметили, что старикан вернулся домой в высшей степени сдержанный и, проходя мимо дворника, не вступил с ним в обычные пререкания, а молча отдал ему честь и последовал к себе.

Не знаю, может ли быть, что такая мелочь и такой, в сущности, пустяк могли сыграть известную роль в смысле перековки характера, но все заметили, что с папашей Гавриловым что-то произошло другое и в высшей степени оригинальное.

Кое-кто видел, как он на углу около своего дома пару раз подходил к милиционеру и с ним вежливо беседовал.

И многие, грубоватые в своем уме, увидев перемену, приписали ее страху, который старик испытал, когда его хотели волочить в милицию. Но некоторые поняли подругому.

И один интеллигент с нашей квартиры, страдающий сахарной болезнью, сказал про

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

этот случай:

– Я всегда отстаивал ту точку зрения, что уважение к личности, похвала и почтение приносят исключительные результаты. И многие характеры от этого раскрываются буквально как розы на рассвете.

Большинство с ним не согласилось, и даже у нас в квартире произошла безрезультатная дискуссия.

А дня через три папаша Гаврилов заявил своему сыну, что срочные дела требуют его отбытия в деревню.

Некоторые из нашей квартиры, желая загладить перед стариком свои неуклюжие шутки, пошли его провожать на вокзал.

И когда поезд тронулся, папа, стоя на площадке, отдал всем провожающим честь.

И все засмеялись, и папа засмеялся и уехал к себе на родину.

И там он, наверное, внесет теперь некоторую любезность в свои отношения к людям. И от этого ему в жизни станет еще более светло и приятно.

1936

ОБ УВАЖЕНИИ К ЛЮДЯМ

Вот какой случай произошел в Ленинграде.

Вернее, даже не в Ленинграде, а за городом. На полустанке Воздухоплавательный парк.

Наверно, там, судя по названию, аэропланы летают, летчики ходят, пропеллеры жужжат. Наверно, с чувством большого морального удовлетворения сходят пассажиры на этой платформе.

Но это удовлетворение вскоре, как дым, рассеивается. Поскольку там сразу как сойдешь – идти некуда. Поле и болото. Летом-то еще ничего, но весной, можете себе представить, чего там бывает.

Так что пассажиры приобрели там дурную привычку ходить по полотну. А за это их, конечно, штрафуют. Но они не сдаются и ходят.

Тогда на борьбу с этим злом кинули двух работников. Сторожа и делопроизводителя.

Делопроизводитель сидит в будке и отрывает квитанции. А сторож, как нанятый, ходит вокруг будки и, чуть что, замечает. То есть он берет тех, кто прошел по путям. И ведет в будку. А в будке берут штраф. По рублю с носу. И выдают квитанцию. Все, так сказать, превосходно, по закону, и так и надо. Если не вдаваться в тонкости насчет болота.

Но только вот беда – у делопроизводителя квитанции немного более крупнее, чем это требуется для штрафа.

Он штрафует по рублю, а квитки у него по три целковых. Вот, как хочешь, так и поступай.

Но они там со сторожем не особенно горюют. У них выход найден. Они там в будке накапливают по три пассажира. И сразу это звено целиком штрафуют. И получается у них арифметически верно. Берут с каждого по рублю и дают им общую квитанцию, объединяя, так сказать, сердца трех на почве общего несчастья.

Получается очень мило и славно. Тем более весна. Солнышко, может быть, сияет. Природа распускается. Болотце зеленеет. Любовь к людям, так сказать, загорается в сердцах. Уважение к человеческому достоинству наполняет грудь.

А квитки, конечно, ничего не поделаешь, по три целковых. Наверно, они остались от трамвайных прыжков. И их как-то надо использовать.

Конечно, такие квитки отчасти усложняют ситуацию. Например, двое подлежащих

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
штрафу собрались, а третьего нет. Конечно, он следующим поездом будет. Но все-таки ожидание.

А главное, надо, чтоб общее число взятых пассажиров было кратное трем. Тогда еще ничего. Тогда у них цифры сходятся. А если этого нету тогда простите за арифметику.

И вот однажды число взятых пассажиров не оказалось кратное трем. Оно не делилось на три.

У них там в будке с утра заколодило. Два пассажира сидят, ожидают, третьего нет. Третий подошел, а с ним четвертый прется. Четвертый сидит, ожидает. А двоих нету. Идет один. Потом опять пара. И так целый день. Даже эти работники приуныли и стали немного нервничать. Но знамя своего производства не опускали до самого вечера.

И вот сошли с поезда двое. Оба работают на "Электросиле". Один агроном Т. заводского совхоза. И служащая А.

Вот они идут по пути, ничего не подозревая о несчастьях этого дня. И, значит, напарываются на сторожа. И он их ведет в будку.

В будке им очень радуются. Поскольку там ожидают двое. И эти двое сразу выбирают себе агронома. И у них получается нужный треугольник. И делопроизводитель говорит:

– Вот теперь я вас понимаю, теперь идите.

Тогда служащая говорит:

– А как же я?

– А вы, – говорит, – немножко обождите. Как двое еще подойдут, так я вас отпущу. Иваныч, говорит, выйди поскорей на пути, похлопочи, чтоб что-нибудь было. Чтоб нам барышню не задерживать.

Но, как ни бился сторож, у него ничего на этот раз не получилось.

Потом он все-таки одного заблудившегося привел. Итого накопилось двое. А третьего нет. А уже, может быть, наступают сумерки.

Тогда сторож, в предчувствии арифметики, впал в небольшую панику. Выбежал на полотно, но опять никого не застал.

Тогда делопроизводитель, недовольный сторожем, сам вышел до ветру и заодно посмотреть, нет ли там какихнибудь идущих по пути.

Но в этот день, мы повторяем, у них как заколодило. И третьего, как они ни бились, не могли достать.

Тогда делопроизводитель Сумароков, вздохнувши, говорит: "Придется написать два протокола. Платите вы двое по рублю и предъявите свои паспорта".

Вот двое стали подписывать протоколы. А агроном, который еще не ушел, а ожидал сослуживицу, говорит ей: "Подпишите в протоколе поверх фамилии насчет факта с трехрублевой квитанцией".

Сослуживица так и сделала.

Но это почему-то обидело делопроизводителя. Затронуло какие-то его чувствительные струны. И он сказал:

– Никакой лишней пропаганды и никаких фокусов я не допущу на железной дороге.

И с этими словами он закрыл будку и стал по телефону звонить в милицию. И попросил, чтоб прислали ему милиционера.

Но так как тот долго не шел, то делопроизводитель повел этих людей под конвоем

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
сторожа на станцию. На станции эти люди запротестовали. И тогда он, составив протокол, отпустил их.

Через некоторое время агроном получает повестку из Детского Села от милиции Ему предлагают туда явиться. Но агроном, будучи сильно занятым, является с опозданием против назначенного часа и участкового инспектора не застаёт.

Тогда инспектор пишет уже более энергично: "Если, – пишет, – не явитесь такого-то числа, то доставлю приводом".

Агроном же, как на зло, явиться не мог, – его послали в Гдовские Сланцы на посевную. И теперь ему оттуда прямо грустно возвращаться на неизвестное.

И действительно, как-то оно получается у них невесело. Как то с двух сторон грубо и оскорбительно.

А главное, надо поскорей упразднить, что ли, эти трехрублевые квитанции, хотя бы из уважения к человеческому достоинству.

Это уж никуда не годится – такое слепое подчинение бумажке. Набирать людей на нужную сумму. Обычно бывает наоборот А это прямо как-то даже озадачивает.

А что касается двух работников, кинутых на борьбу с хождением по путям, то они вместо трудностей бумажного администрирования могли бы тем временем смело на болоте дорожку проложить и это отчасти удовлетворило бы душевные потребности как пассажиров, так и их самих.

И не было бы таких криков, слез, обид и огорчений.

1936

ВЕСЕЛАЯ ИГРА

Давеча я кушал в ресторане и после того заглянул в бильярдную Хотелось посмотреть, как там, как говорится, шарики катают.

Слов нет – игра интересная Она занятная и отвлекает человека от всевозможных несчастий Некоторые даже находят, что бильярдная игра развивает мужество, глазомер и натиск А врачи утверждают, что эта игра для неуравновешенных мужчин крайне полезна.

Не знаю Не думаю Другой неуравновешенный мужчина, играя на бильярде, до того нальется пивом, что после игры еле домой ползет. Так что я сомневаюсь, чтоб это для нервных и расстроенных было полезно.

А что это глазомер усиливает, то как сказать. Тут одному с нашего дома партнер, прицеливаясь, глаз кием подбил. И хотя тот не ослеп, но все-таки слегка окривел Вот вам и развитие глазомера. И если ему теперь по другому глазу пройдутся, то человек и вовсе глазомера лишится.

Так что в смысле пользы это уж, как говорится, бабушкины сказки.

Но игра, конечно, забавная Особенно когда "на интерес" играют – очень увлекательно смотреть.

Конечно, на деньги сейчас играют редко. Но зато что-нибудь придумывают оригинальное. Некоторые заставляют проигравшегося под бильярд лезть. Другие заставляют поставить пару пива. Или велят заплатить за игру.

А когда я на этот раз зашел в бильярдную, то увидел очень смехотворную картину.

Один выигравший велел своему усатому партнеру со всеми шарами под бильярдом пролезть Он закинул ему шары во все карманы, в каждую руку дал по шару и вдобавок один шар подсунул под подбородок и в таком виде проигравшийся под общий смех прополз под бильярдом.

После новой партии выигравший снова нагрузил усатого шарами и вдобавок велел ему взять в зубы кий. И тот, бедняга, снова полез под гомерический хохот собравшихся.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Для новой партии они уж и не знали, что придумать. Усатый говорит:

– Давай что-нибудь полегче, а то вы меня и без того загнали.

А у него, действительно, даже усы книзу повисли, до того он задержался.

Выигравший говорит:

– Зато, дурак, я тебя великолепно научу на бильярде играть благодаря таким штрафам. А с выигравшим был еще его приятель. Тот говорит:

– Я придумал. Если он проиграет, давайте так: путай он лезет под бильярд, нагруженный шарами, а мы ему к ноге вдобавок привяжем ящик с пивом. Пуцай он в таком виде пролезет.

Выигравший, засмеявшись, говорит.

– Bravo! Вот это будет номер!

Усатый обиженно говорит:

– Если ящик будет с пивом, то я играть не буду – с пустым ящиком мне и то трудно будет лезть.

В общем, он опять проиграл, и тут под общий смех усатого снова нагрузили шарами, в зубы дали ему кий и к ноге привязали ящик. Вдобавок друг выигравшего начал пихать усатого кием, чтобы тот быстрее проходил свой маршрут под бильярдом.

Выигравший до того хохотал, что упал на стул и хрюкал от изнеможения.

Усатый вылез из-под бильярда сам не свой. Он осоловело поглядел на всех собравшихся и даже некоторое время не двигался. Потом он выгрузил из карманов шары и стал отвязывать от ноги ящик с пивом, говоря, что он больше не играет.

У выигравшего текли слезы от смеха. Он сказал:

– Ну, голубчик Егоров, сыграем еще одну партию. Я еще забавную штуку придумал.

Тот говорит:

– Ну, что вы еще придумали?

Выигравший, давясь от смеха, говорит:

– Давай, Егоров, сыграем на твои усы. Мне твои пушистые усы давно противны. Если выиграю я, то отрежу тебе усы. Идет?

Усатый говорит:

– Нет, на усы я играть не буду, или же дайте мне сорок очков вперед.

В общем, он опять проиграл. И никто не успел опомниться, как выигравший схватил столовый нож и начал отпиливать пушистый ус у своего незадачливого партнера.

В зале помирали от смеха.

Вдруг один из присутствующих подходит к выигравшему и так ему говорит:

– Наверное, ваш партнер дурак, что он соглашается на такие штрафы. А вы пользуетесь и насмехаетесь над человеком в общественном месте.

Друг выигравшего говорит:

– А ваше какое собачье дело? Ведь он добровольно соглашается.

Выигравший говорит своему партнеру томным голосом:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Егоров, подойди сюда. Ответь общественности, что ты добровольно соглашался на все штрафы.

Партнер, придерживая рукой полуотрезанный ус, говорит:

– Известно, добровольно, Иван Борисович.

Выигравший говорит, обращаясь к публике:

– Другой там заставляет шофера ждать на морозе три часа. А я к людям гуманно подхожу. Это шофер с нашего учреждения, и я его всегда в тепло беру. Я к нему не свысока отношусь, а я с ним по-товарищески на бильярде играю. Учю его и маленько наказываю. И что теперь ко мне придираются – я прямо не пойму.

Шофер говорит:

– Может, тут из публики есть парикмахер. Просьба подровнять мне усы.

Из толпы выходит один человек и говорит, вынимая из кармана ножницы:

– Сердечно рад подровнять ваши усики. Если вы желаете, я вам сделаю их, как у Чарли Чаплина.

Пока парикмахер возился с шофером, я подошел к выигравшему и сказал ему:

– Я не знал, что это ваш шофер. Я думал, что это ваш приятель. Я не позволил бы вам устраивать такие номера.

Выигравший, немного струхнув, говорит:

– А вы что за птица?

Я говорю:

– Я про вас статью напишу.

Выигравший, оробев, говорит:

– А я вам свою фамилию не скажу.

Я говорю:

– Я только факт опишу и добавлю, что это был довольно плотный рыжеватый мужчина, с именем Иван Борисович. Конечно, этот номер вам, может быть, и пройдет, но если и пройдет, то пусть ваша гнилая душа передернется перед напечатанными строчками.

Друг выигравшего, услышав насчет статьи, моментально смотал удочки и исчез из помещения.

Выигравший долго хорохорился и пил пиво, крича, что он плюет на всех.

Шоферу пообрезали усики, и он стал несколько моложе и красивее. Так что я даже решил писать фельетон не очень свирепого характера.

И, придя домой, как видите, написал. И теперь вы его читаете и, наверно, удивляетесь, что бывают такие горячие игроки и встречаются такие малосимпатичные рыжеватые мужчины.

1938

ЛЮДОЕД

В этом году у нас в доме состоялся товарищеский суд.

Судили одного квартиранта Ф. за его хулиганский поступок.

Дело в том, что у нас огромный дом с населением свыше тысячи жильцов. И наш дом имеет свою стенную газету под названием "За жабры".

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Так вот этот квартирант Ф., прочитав там однажды стихи про себя, пришел в бешенство и с криком: "Всех перестреляю!" – сорвал эту газету.

Кроме того, он дернул за волосы двенадцатилетнего парнишку – сына редактора газеты. И вдобавок с воплем: "Я тебе голову сорву!" – погнался за поэтом, автором этих стихов.

Факт, конечно, печальный, недостойный нашей современности.

А надо сказать, что наша газета раньше не пользовалась успехом среди жильцов. На нее мало обращали внимания, поскольку, кроме редактора, никто не затруднял себя чтением этого печатного органа.

Но потом решено было повысить уровень этой газеты. И было решено привлечь к работе одного поэта-сатирика, живущего в соседнем доме.

Тот долго отказывался, но потом сказал:

– Я за деньгами не гонюсь. Но я люблю работать "на интерес". Это меня стимулирует. Положите мне за строчку хотя бы по гривеннику, и тогда я не только подыму вам газету, но прямо из нее устрою кипящий котел, в котором, не жалея себя, буду варить всех ваших жильцов, так что они, как говорится, света божьего невзвидят. И тогда я ручаюсь за успех: толпа будет стоять около вашей стенной газеты.

Сначала этот поэт-сатирик описывал убожество лестниц и недочеты помойной ямы, но когда ему повысили гонорар до тридцати копеек за строчку, он перешел на людей и в короткое время отхлестал своими стихами почти всех жильцов, включая дам и детей.

После этого он, не встречая сопротивления, пошел, как говорится, делать второй круг по тем же людям, с каждым разом заостряя свою сатиру все больше и круче.

Наконец он поместил стихи против квартиранта Ф., который, как мы говорили, пришел в бешенство, натворил черт знает что и теперь предстал перед судом.

Разорванная стенная газета была склеена. И стихи были оглашены на суде. Вот эти стихи:

К ПОДЛЕЦУ Ф.

Квартплату в срок не вносит,
Говорит, что денег нет.
А замшевую кепку носит
Сей обнаглевший наш брюнет.
И барышень в такси катает
На это у него хватает.
Дрова он колет на полу,
Топор вонзается в паркет.
Ударим мы его по лбу,
Чтоб сей зазнавшийся брюнет
Не мог вредить у нас в дому.
Вот эти стихи и вызвали припадок бешенства жильца Ф.

На суде квартирант Ф. сказал:

– В этом стихотворении имеется только одна строчка правды, в которой говорится, что я ношу замшевую кепку. Все остальное суть наглая ложь. Квартплату я вношу аккуратно и только один месяц просрочил по случаю беременности моей жены. Что касается такси, то это я вез жену на консультацию в родильный дом. Насчет же того, что я дрова колю на полу, это есть чистая выдумка. Пол действительно у меня порублен, но это в голодные годы прежний жилец колот тут дрова. А сейчас у нас есть дворник, который и может подтвердить, что все дрова он мне колет во дворе. Все это вместе взятое вызвало у меня затмение рассудка, и я совершил поступки, недостойные советского гражданина.

Председатель товарищеского суда говорит:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Как это, право, нехорошо у вас получилось. Вы бы вместо того, чтобы рвать печатный орган, взяли бы и заявили в редакцию – дескать, вот какой на вас поклеп. А вы вместо этого даете волю своим рукам: рвете газету и дерете за вихры ни в чем не повинного мальчика двенадцати лет, сына редактора газеты. Как это некультурно у вас получилось. Мне прямо совестно за вас.

Квартирант Ф. говорит:

– За этот мой последний поступок я согласен покраснеть. Но видите, в чем дело. Когда я пришел к редактору и стал просить его поместить опровержение, он мне так сказал: "Я теперь сам вижу, что про тебя стишки неверные. Но ты как-нибудь эту обиду переживи в своей душе. Я опровержение печатать не буду, поскольку это уронит авторитет моей газеты. Вот, скажут, враньем занимаются, а потом дают обратный ход. Ты есть частное лицо, а мы – общественный орган. Мы важнее, чем ты. Проглоти обиду и не подымай шуму". И тогда я ни с чем ухожу от этого редактора, а тут его мальчишка еще мне вслед кричит: "Барышень в такси катает, на это у него хватает". Тут маленько я и потрепал его за вихры. Очень извиняюсь.

Председатель говорит редактору:

– Как это, право, нехорошо с вашей стороны не поместить опровержения. Глядите, до чего вы довели этого квартиранта своей сатирой. Глядите, он до сих пор весь дрожит.

Редактор говорит:

– Теперь я сам вижу, что я недоглядел за своим сатириком-людоедом. С тех пор, как мы увеличили ему гонорар, он как с ума сошел. Он согласен своего брата в луже утопить. Я обещаю снова сбавить ему гонорар до десяти копеек за строчку, а то он тут весь дом по ветру пустит.

Председатель говорит:

– Сбавлять не надо, а вы должны с позором выгнать его из газеты, поскольку в газете должны работать только исключительно кристально честные люди. Мы теперь наглядно видим, что один мелкий арап может не только расстроить всех жильцов: он может всех перессорить и всех обозлить... Его мало выгнать, его надо под суд отдать, что я непременно и сделаю. А что касается квартиранта Ф., то его поступок в высшей степени неправильный. Он должен был обжаловать клевету, но он пустился на свою расправу, за что мы присуждаем его к общественному порицанию.

На этом заседание суда кончилось.

Через две недели вышла новая газета с опровержением и с указанием, что поэт-сатирик освобожден от работы.

1938

РОЗА-МАРИЯ

Задумал один житель села Ф., некто товарищ Лебедев, окрестить своего младенца.

Так-то он шел до сих пор против религии. Он церкви не посещал. Ничего такого церковного не делал. И даже, наоборот, имея передовые взгляды, состоял одно время в кружке безбожников.

Но у него в этом сезоне родилась девочка. И вот ее-то он и задумал окрестить.

Вернее, его жена, эта малодушная мать, подбила его это сделать. И не так даже жена, как ее недалёковидные родители дали тон всему делу. Поскольку они начали вякать: ах, дескать, некрасиво, если не крестить, дескать, вдруг она вырастет или, наоборот, умрет и будет некрещеная, что тогда.

Ну, несерьезные разговоры политически отсталых людей.

А Лебедев удивительно не хотел крестить свою девочку. Тем не менее душа у него дрогнула, когда на него насили. И он, имея внутренние противоречия, дал свое согласие. Он им так сказал:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Ладно. Крестите ее. Только мне бы не хотелось, чтобы вокруг этого вопроса шум стоял. Безусловно, я волен распоряжаться своим мировоззрением. Хочу – крещу, хочу, наоборот, – не крещу. Но все-таки разговоры начнутся, пятое-десятое; дескать, крестил все-таки, собачий нос, обратился, дескать, к услугам церкви, дескать, недаром, скажут, дядя его в мирное время у домовладельца служил старшим дворником.

На это жена ему сказала, что если он сам не надерется по случаю крещения дочери, то никакого шуму не будет стоять около этого вопроса.

И вот родители договорились со священником, чтобы тот им окрестил девочку. И тот за пятерку взялся это сделать и назначил им день и час.

А тем временем родители зарегистрировали своего младенца в загсе под именем Роза, получили там мануфактуру и в определенный день явились в церковь для совершения крещения.

А в тот день там крестили еще одного младенца. И наши, ожидая своей очереди, стояли и глядели, как это происходит.

И сам Лебедев, будучи все-таки настроен против религии и имея, так сказать, критический взгляд на все церковное, не мог, безусловно, стоять молча. Он не мог инертно стоять. И он все время задирает батюшку своими колкими замечаниями.

И чего батюшка ни сделает, Лебедев на это ехидно улыбается, а то и просто ему что-нибудь под руку говорит. "Ну, загнул", – говорит Или там. "Ну, еще чего придумал. Или, глядя на рыжеватую растительность батюшки, вдруг говорит: "Ни одного рыжего среди святых не было... А этот рыжий".

Это последнее замечание вызвало смех среди родственников. Так что батюшка даже на минуту прервал крещение и на всех сердито поглядел.

А когда он взялся за лебедевского младенца, то Лебедев отчасти потерял чувство меры и уже начал открыто долбить батюшку своими ехидными замечаниями.

И даже шутливо, правда, сказал:

– Ну, гляди, борода, чтобы ребенок мой не простыл благодаря твоему крещению. А то я тебе прямо храм спалю.

У батюшки даже руки затряслись, когда он это услышал.

Он так сказал Лебедеву:

– Слушайте, я вас не понимаю, если вы пришли сюда меня поддевать, то я на вас удивляюсь. Вы отдаете себе отчет, что получается? В тот момент, когда я держу вашу девочку в руках, заместо очистительной молитвы у меня в душе разгорается против вас злоба и сквернословие, и вот какую путевку в жизнь я даю мысленно вашей девочке. Да, может, теперь ее всю жизнь будет лихорадить, или, наоборот, она станет глухонемая.

Лебедев говорит:

– Ну, если ты мне младенца испортишь, то я тебе все кудри вырву, имей это в виду.

Батюшка говорит:

– Знаешь что. Лучше заверни своего щенка в одеяло и выкатывайся из храма. И я тебе верну твою пятерку, и мы разойдемся по-хорошему, чем я буду все время такое нахальство слышать.

Тут родственники начали одергивать Лебедева: дескать, заткни, действительно, глотку-то; дескать, обожди, вот выйдешь из храма, и тогда отводи душу; дескать, не задергивай попа, а то он нам, чего доброго, девочку на пол опрокинет. Гляди, у него руки трясутся.

И хотя Лебедева раздирали внутренние противоречия, но он сдержался и ничего

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
такого не ответил священнику. Только он ему сказал:

– Ну, ладно, ладно, не буду больше. Веди благородней крещение, длинногривый.

Вот батюшка начал произносить церковные слова. Потом, обратившись к Лебедеву, говорит:

– Какое имя мне произносить? Как вы назвали своего ребенка?

Лебедев говорит:

– Мы ее назвали – Роза.

Батюшка говорит:

– То есть сколько хлопот вы мне доставили своим посещением. Мало того, что вы меня поддевали, так теперь выясняется, что вы не то имя дали младенцу. Роза – суть еврейское имя, и под этим именем я ее крестить отказываюсь. Заверните ее в одеяло и идите себе из храма.

Лебедев, растерявшись, говорит:

– Еще того чище. То он на ребенка лихорадку нагоняет, то вообще отказывается его крестить. А это имя есть от слова "роза", то есть это есть растение, цветок. А другое дело, например, Розалия Семеновна – кассирша из кооператива. Там я не спорю: есть еврейское имя. А тут вы не можете отказываться ее так крестить.

Батюшка говорит:

– Заверните своего ребенка в одеяло. Я его вообще не буду крестить. У меня в святцах нет такого имени.

Родственники говорят священнику:

– Слушайте, мы же его в загсе под этим именем записали. Что вы, ей богу, горячку разводите.

Лебедев говорит:

– Я же вам говорил. Вот какой это поп. Он против загса идет. И сейчас всем видать, какое у него нахальное политическое мировоззрение.

Поп, видя, что родные не уходят и ребенка не уносят, стал разоблачаться. Он снял свою парчовую ризу. И тут все увидели, что он теперь ходит в штанах и высоких сапогах.

И он в таком богохульном виде подходит к образам и гасит свечи. И хочет выплеснуть воду из купели.

А в храме, между прочим, находилось одно приезжее лицо. Оно прибыло сюда по делам, для проверки кооператива. И теперь оно нарочно, просто так, от нечего делать, зашло в церковь, чтобы посмотреть, что там и как там сейчас бывает.

И теперь это лицо взяло слово и говорит:

– Я хотя стою против обрядов и даже удивляюсь на темноту местных жителей, но раз ребенка уже развернули и родители горят желанием его окрестить, то это надо исполнить, во что бы то ни стало. И чтобы выйти из создавшегося положения, я предлагаю вашего ребенка назвать двойным именем. Например: у вас оно Роза, а тут, например, оно пускай Мария. И вместе это дает РозаМария. И даже есть такая оперетка, которая нам сигнализирует, что это в Европе бывает.

Поп говорит:

– Двойных имен у меня в святцах нету. И я даже удивляюсь, что вы меня этим собираетесь сбить. Если хотите, я ее Марией назову. Но Роза – я даже мысленно произносить не буду.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Лебедев говорит:

– Ну, пес с ним. Пуцай он тогда ее Марией назовет. А после мы разберемся.

Батюшка снова надел свою ризу и быстро, в течение пяти минут, произвел всю церковную операцию.

Лебедев беседовал с приезжим лицом и благодаря этому никаких своих замечаний по поводу действий попа не вставлял. Так что все прошло вполне благополучно.

Но надежды Лебедева – чтобы не было шуму вокруг этого вопроса – не оправдались. Как видите, сия история попала даже в печать. И не напрасно. Не ходи по церквям, если твое мировоззрение не позволяет. А уж ежели пришел в храм – веди себя прилично и не задергивай батюшку глупыми замечаниями.

1938

ШУМЕЛ КАМЫШ

Тут недавно померла одна старуха. Она придерживалась религии – говела и так далее. Родственники ее отличались тем же самым. И по этой причине решено было устроить старухе соответствующее захоронение.

Приглашенный поп явился в назначенный час на квартиру, облачился в парчовую ризу и, как говорится, приступил к исполнению своих прямых обязанностей.

Только вдруг родственники замечают, что батюшка несколько не в себе: он, видать, выпивши и немного качается.

Родственники начали шептаться: дескать, ах ты боже мой, какая неувязка, поп-то, глядите, не стройно держится на ногах. Тогда один из родственников, кажется, бывший камердинер и старейший специалист по части выпивки, подходит к батюшке и так ему тихо говорит:

– Некрасиво поступаете, святой отец. Зачем же вы с утра пораньше надрались... Вот теперь вы под мухой и этим снижаете религиозное настроение у родственников. Ну те, дыхните на меня.

Прикрыв рот рукой, батюшка говорит:

– Не знаю, как вы, а я в своем натуральном виде. А только я сегодня с утра не жравши, и, может быть, через это меня немножко кренит. Нет ли, вообще говоря, у вас тут чем-нибудь заправиться?

Батюшку повели на кухню. Поджарили яичницу и дали ему рюмку коньяку, чтоб перебить настроение.

Подзаправившись, батюшка снова приступил к работе. Но качка у него продолжалась не в меньшей степени.

Но поскольку он уравнивал эту качку помахиванием кадила, то все сходило более или менее удовлетворительно. Хотя религиозное настроение у родственников было окончательно сорвано, тем более своим кадилом батюшка задевал то одного, то другого родственника и тем самым вызывал среди них ропот и полное неудовольствие.

Наконец усопшую понесли по лестнице, чтоб, как говорится, водрузить ее печальные останки на колесницу.

Батя, как ему полагалось, шел впереди.

Вдруг родственники не без ужаса слышат, что вместо "со святыми упокой" батюшка затянул что-то несообразное.

И вдруг все замечают, что он поет песню:

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Всю ночь сидела до утра

Родственники остолбенели, когда услышали эти слова.

Один из родственников, бывший камердинер, подходит к священнику и так ему говорит:

– Ну, знаете, это слишком – арии петь. Мы вас пригласили, чтобы вы нам спели что-нибудь подходящее к захоронению усопшей, а вы пустились на такое паскудство. Ну-ка, без всяких отговорок, дыхните на меня.

Дыхнув на камердинера, поп говорит:

– Когда я выпивши, я почему-то завсегда сворачиваю на эту песню. Усопшей это безразлично, а что касается родственников, то мне решительно на них наплевать.

Бывший камердинер говорит:

– Конечно, в другое время мы бы вас выслушали с интересом, поскольку песня действительно хорошая, и я даже согласен записать ее слова, но в настоящий момент с вашей стороны просто недопустимое нахальство – это петь.

Тут среди родственников начались крики. Раздались возгласы:

– Позовите милиционера!

Во дворе собралась публика. Дворник, подойдя к воротам, дал тревожный свисток.

Вот приходит милиционер. Родственники говорят ему:

– Вот поглядите, какого попа мы пригласили. Что вы нам на это скажете?

Милиционер говорит:

– Все-таки этот служитель культа еще владеет собой. Вот если б он у вас падал, то я был отвел его в отделение милиции. Но он у вас еще держится и только не то поет. А что он там у вас поет – милиции это не касается. Пушай он хоть на голове ходит и "чижика" поет – милиции это совершенно безразлично.

Родственники говорят:

– Что же нам в таком случае делать?

Батюшка говорит:

– Что вы, ей-богу, скандал устраиваете. Может быть, осталось пройти сорок шагов, и как-нибудь с божьей помощью я дойду.

Бывший камердинер говорит:

– Идите. Но если вы опять начнете не то петь, то я вам непременно чем-нибудь глотку заткну.

Вот процессия двинулась дальше. И батюшка владел собой хорошо. Но когда гроб устанавливали на колесницу, батюшка снова тихо запел:

Ах, не одна трава помята,

Помята девичья краса.

Тут камердинер, совсем озверев, хотел кинуться на богослужителя, но родственники удержали, а то получилось бы вовсе безобразно и вовсе исказило бы церковную идею захоронения усопших.

В общем, батюшка, рассердившись на всех, ушел. И колесница благополучно тронулась в путь.

Эту историю мы рассказали вам без единого слова выдумки. В чем и подписуемся.

1938

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Вот какую сравнительно небезынтересную историйку рассказал мне один работник городского транспорта.

Причем до некоторой степени эта историйка поучительна не только для транспорта. Она поучительна и для других участков нашей жизни.

По этой причине мы и решили затруднить внимание почтенных читателей сей, как говорится, побасенкой в виде небольшого фельетона.

Так вот в одном управлении служил один довольно крупный работник по фамилии Ч.

Он в течение двадцати лет занимал солидные должности в управлении. Одно время он, представьте себе, возглавлял местком. Потом подвизался в должности председателя правления. Потом еще чем-то заправлял.

Короче говоря, все двадцать лет его видели на вершине жизни. И все к этому привыкли. И никто этому не удивлялся. И многие думали: "Это так и надо".

Конечно, Ч. не был инженером или там техником. Он специального образования не имел. И даже вообще с образованием у него было, кажется, исключительно слабовато.

Ничего особенного он делать не умел, ничего такого не знал и даже не отличался хорошим почерком.

Тем не менее все с ним считались, уважали его, надеялись на него и так далее.

Он был особенно необходим, когда происходили собрания. Тут он, как говорится, парил как бог в небесах. Он загибал разные речи, произносил слова, афоризмы, лозунги. Каждое собрание он открывал вступительной речью о том, о сем. И все думали, что без него мир к черту перевернется.

Все его речи, конечно, стенографировались для потомства. И к своему двадцатилетнему юбилею он даже задумал издать свои речи отдельной брошюрой. Но поскольку в последнее время из бумаги стали усиленно производить блюдечки и стаканчики для мороженого, то на его брошюру бумаги как раз не хватило. А то бы мы с интересом читали его оригинальные речи и удивлялись бы, какие бывают люди.

Так или иначе, его двадцатилетний юбилей решили пышно отпраздновать. И даже был куплен портфель с дощечкой, на которой выгравировали слова: "Вы... этот... который... двадцать лет... и так далее... Мы вас... Вы нас... Мерси... И прочее... и все такое..."

В общем, что-то в этом духе.

Но еще не состоялся этот юбилей, как вдруг произошло событие, заметно снизившее значение предстоящего праздника.

Вот что случилось на последнем собрании.

Наш Ч. только что произнес речь. Он произнес горячую и пламенную речь – дескать, рабочие... труд... работают... бдительность... солидарность...

И, утомленный своей речью, под гром аплодисментов сел на свое место рядом с председателем и стал рассеянно водить карандашом по бумаге.

И вдруг, представьте себе, встает один работник из вагоновожатых. Исключительно чистенько одетый – в сером костюмчике, в петлице незабудка, носки, туфли...

Вот он встает и так говорит:

– Тут мы сейчас слышали убедительную речь тов. Ч. Хотелось бы его спросить: ну и что он этим хотел сказать? Двадцать лет мы слышим его тенор: ах, рабочие, ах, труд, ах, пятое-десятое... А позвольте вас спросить: что представляет из себя этот И на нашем участке работы? Что он техник, инженер, или он оперный артист, присланный к нам сюда для интереса? Или что-нибудь он умеет делать? В том то и

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
дело, что он ничего не умеет делать. Он только произносит голые речи. А мы, представьте себе, за эти двадцать лет значительно выросли. Многие из нас имеют образование в размере семилетки. А некоторые у нас окончили десять классов. И они бы сами могли кое-чему поучить уважаемого товарища Ч., поскольку вожатые сейчас не прежней формации. Это в прежнее время вожатый умел только вращать ручку мотора, а в настоящий момент вожатый – это своего рода специалист, который может и схему мотора начертить, и политическую речь произнести, и дать урок по тригонометрии нашему оратору Ч.

Тут исключительный шум поднялся. Крики. Возгласы.

Председатель слегка оробел. Не знает, как ему на это реагировать.

А возгласы продолжают: "Правильно!", "Исключительно верно!", "Долой его!"

Тогда один встает и говорит:

– Нет, выгонять нашего пресловутого оратора не надо, поскольку он двадцать лет подвизался на своем поприще. Но лучше он пушай в местком сидит и там усиленно марки наклеивает, чем он будет на наших производственных собраниях нравственные речи произносить.

И тут снова все закричали. "Правильно!"

А один, склонный к перегибу, встал и сказал:

– Наверно, этот Ч. придумал себе лозунг: чем возить, так лучше погонять. Вот он поэтому и очутился во главе нас.

Тогда председатель прервал оратора. Он сказал:

– Не надо оскорблять личности.

Тут все моментально взглянули на этого Ч. Все рассчитывали увидеть на его лице бурю негодования, расстройство и смятение чувств. Но ничего подобного не увидели.

Ч. встал, улыбнулся и, почесавши затылок, сказал:

– Собственно говоря, что вы на меня-то взъелись? Я-то тут при чем? Это вы меня выдвигали, а я этому не переставал удивляться... Я с самого начала говорил, что я ни уха ни рыла не понимаю в вашем деле. Больше того, я начал вами заправлять, будучи совершенно ма-гограмотнъш господином. Да и сейчас, откровенно вам скажу, я по шести ошибок в двух строчках делаю. Тут все засмеялись. И сам Ч. тоже засмеялся.

Он сказал:

– Прямо я сам на себя удивляюсь. Двадцать лет как в сказке жил.

Тогда встает один кондуктор и говорит:

– Это как у Пушкина... А теперь он остался у разбитого корыта.

Председатель говорит:

– Это он потому остался у разбитого корыта, что он двадцать лет поучал, а сам ничему не научился.

Тут вскоре собрание было закрыто.

И через несколько дней началась другая жизнь – на основе знания дела.

1938

ПОСЛЕДНЯЯ НЕПРИЯТНОСТЬ

На этот раз позвольте рассказать драматический эпизод из жизни умерших людей.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

А так как это факт, то мы и не позволим себе в своем изложении допускать слишком много смеха и шуток, для того чтобы не обидеть оставшихся в живых.

Но поскольку эта история до некоторой степени комична и смех, как говорится, сам по себе может прорваться, то мы заранее попросим у читателя извинения за невольную, быть может, нетактичность по отношению к живым и мертвым.

Конечно, сам факт в своем первоначальном смысле ничего комического не имел. Наоборот, умер один человек, один небольшой работник, индивидуально незаметный в блеске наших дней.

И, как это часто бывает, после смерти начались пышные разговоры: дескать, сгорел на своем посту, ах, кого мы потеряли, вот это был человек, какая жалость, друзья, что мы его лишились.

Ну, ясно, конечно, безусловно, при жизни ему ничего такого оригинального никто не говорил, и он, так сказать, отправился в дальний путь, сам того не подозревая, что он собой представляет в фантазии окружающих людей.

Конечно, если бы он не умер, то еще неизвестно, как бы обернулась эта фантазия. Скорей всего, те же окружающие, как говорится, загнули бы ему салазки.

Но поскольку он безропотно умер, то вот оно так и получилось божественно.

С одной стороны, друзья, прелестно умирать, а с другой стороны – мерси, лучше не надо. Уж как-нибудь обойдемся без вашей чувствительной благодарности.

Короче говоря, в том учреждении, где он работал, состоялась после занятий беседа, и на этой беседе вспоминали разные трогательные эпизоды из жизни умершего.

Потом сам директор взял слово. И в силу ораторского искусства он загнул свою речь до того чувствительно, что сам слегка прослезился. И, прослезившись, похвалил умершего сверх всякой меры.

Тут окончательно разыгрались страсти. И каждый наперерыв стремился доказать, что он потерял верного друга, сына, брата, отца и учителя.

Из рядов вдруг один пронзительно крикнул, что надо бы захоронение попышней устроить, чтобы другие служащие тоже стремились бы к этому. И, видя это, они, может быть, еще более поднажмут и докажут всем, что они этого заслуживают.

Все сказали: это правильно. И директор сказал: пусть союз на стенку лезет – захоронение будет отнесено на казенный счет.

Тогда встал еще один и сказал, что таких замечательных людей надо, вообще говоря, хоронить с музыкой, а не везти молча по пустынным улицам.

Тут, утирая слезы, встает со своего места родственник этого умершего, его родной племянник, некто Колесников. Он так говорит:

– Боже мой, сколько лет я жил с моим дядей в одной квартире! Не скажу, чтобы мы часто с ним ругались, но все-таки мы жили неровно, поскольку я и не думал, какой у меня дядя. А теперь, когда вы мне об этом говорите, каждое ваше слово, как расплавленный металл, капает на мое сердце. Ах, зачем я не устроил уютную жизнь моему дяде! Теперь это меня будет мучить всю мою жизнь. Нет, я не поленюсь смотаться в одно местечко, где, как мне известно, имеется лучший духовой оркестр из шести труб и одного барабана. И мы пригласим этот оркестр, чтобы он сыграл моему дяде что-нибудь особенное.

Все сказали:

– Правильно, пригласи этот оркестр – этим ты частично загладишь свое хамское поведение по отношению к своему дяде.

Короче говоря, через два дня состоялось захоронение. Было много венков и масса народу. Музыканты действительно играли недурно и привлекали внимание прохожих, которые то и дело спрашивали: "кого хоронят?"

Сам племянник этого дяди подошел на ходу к директору и так ему тихо сказал:

– Я пригласил этот оркестр, но они поставили условие – заплатить им сразу после захоронения, поскольку они вскоре уезжают на гастроли в Старую Руссу. Как нам поступить, чтобы заплатить им без особой мотни?

Директор говорит:

– А разве за оркестр не ты будешь платить?

Племянник удивился и даже испугался. Он говорит:

– Вы же сами сказали, что похороны на казенный счет. А я только бегал приглашать оркестр.

Директор говорит:

– Так-то так, но как раз оркестр у нас по смете не предусмотрен. Собственно говоря, умерло маленькое, незначительное лицо, и вдруг мы с бухты-барахты пригласили ему оркестр! Нет, я не могу на это пойти, мне союз за это холку намнет.

Которые шли с директором, те тоже сказали:

– В конце концов, учреждение не может платить за каждого скончавшегося. Еще скажи спасибо, что заплатили за грузовик и за всякую похоронную муру. А за оркестр сам плати, раз это твой дядя.

Племянник говорит:

– Что вы – опухли, откуда я двести рублей возьму?

Директор говорит:

– Тогда сложишься вместе со своими родственниками и как-нибудь вывернись из беды.

Племянник, сам не свои, подбежал на ходу к вдове и доложил ей, что происходит.

Вдова еще больше зарыдала и отказалась что-либо платить.

Колесников пробился сквозь толпу к оркестру и сказал ему, чтобы они перестали дудеть в свои трубы, поскольку дело запуталось и теперь неизвестно, кто будет платить.

В рядах оркестрантов, которые шли строем, произошло некоторое замешательство. Главный из них сказал:

– Музыку мы не прекратим, доиграем до конца и через суд потребуем деньги с того, кто сделал заказ.

И, снова взмахнув медными тарелками, прекратил дискуссию.

Тогда Колесников опять пробился к директору, но тот, предвидя неприятности, сел в машину и молча отбыл.

Беготня и суетня вызвали удивление в рядах процессии. Отъезд директора и громкое стенание вдовы еще того более поразили всех присутствующих. Начались разговоры, расспросы и шептанья, тем более что кто-то пустил слух, будто директора срочно вызвали по вопросу о снижении зарплаты.

В общем, к кладбищу подошли в полном беспорядке. Само захоронение состоялось в крайне быстром темпе. И без речей. И все разошлись не особенно довольные. И некоторые бранили умершего, вспоминая из его мелкой жизни то одно, то другое.

На другой день племянник умершего дяди до того нажал на директора, что тот обещал согласовать вопрос с союзом. Но при этом сказал, что дело вряд ли пройдет, так как задача союза – заботиться о живых, а не валандаться с мертвыми.

Так или иначе, Колесников пока что продал свое драповое пальто, чтобы отвязаться от оркестрантов, которые действительно ни перед чем не остановились бы, чтобы получить спои пречистые.

Свое пальто племянник продал за 260 рублей. Так что после расплаты с оркестром у него остался навар – 60 рублей. На эти деньги племянник своего дяди пьет третий день. И это обстоятельство сигнализирует нам, что учреждение во главе с директором оказалось не на ночной высоте.

Будучи выпивши, племянник этого дяди пришел ко мне и, утирая рукавом слезы, рассказал мне об этой своей мелкой неприятности, которая для него была, наверно, далеко не последней.

Для дяди же эта мелкая неприятность была последней. Но хорошо.

1939

С НОВЫМ ГОДОМ

Позвольте поздравить вас с Новым годом, уважаемые граждане.

Желаем вам, так сказать, всяких благ. Чувствительно благодарим вас за те пожелания, которые вы мысленно произносите по нашему адресу.

И позвольте по случаю Нового года рассказать вам одну поучительную историю.

Не без задней мысли мы приберегли эту историйку для нового года.

Желание предостеречь уважаемых граждан от подобных происшествий в наступающем году – вот что движет нас в нашем намерении рассказать под Новый год об этом факте.

Короче говоря, в одном учреждении неожиданно появился новый директор.

Прежний руководитель поехал в отпуск. Потом где-то что-то задержался по своим делам.

Конечно, в учреждении начались пересуды: дескать, где же это он, дескать, не перебросили ли его на другую, более низкую должность, или вообще что с ним.

И вот появляется в этом учреждении новый руководитель.

И тогда происходит общее собрание, на котором публика высказывает свои мысли, чувства и пожелания.

И один из служащих выходит на эстраду и тоже о чем-то говорит: высказывается и выражает надежды.

И в пылу своей речи он бросает упрек прежнему руководству, что вот, дескать, неважно работали, не сумели, запороли дело.

При этих своих словах оратор впивается глазами в лицо нового директора, желая прочесть, не зашился ли он, что так сказал, не навел ли "тень на плетень".

Но он видит, что директор утвердительно кивает ему головой, как бы говоря: правильно, молодец, сообразил, как надо сказать, не то что там другие пороли чушь.

Увидя такое благословение начальника, ретивый оратор стал еще более углублять и развивать свою мысль.

Вот он развивает эту свою мысль и видит, что директор то и дело кивает ему головой, как бы говоря: молодец, собака, правильно загибаешь.

И, увидя такие многозначительные знаки, наш оратор совершенно, как говорится, сомлел от гордости и понесся на крыльях своей фантазии в заоблачные дали, говоря, что таких людей, как прежний директор, надо не только в три шеи гнать, но надо сажать в тюрьму и так далее.

Тут выходят на эстраду еще два оратора и, глядя на директора, который грустно и утвердительно кивает головой, еще более прибавляют пару, говоря, что только новое руководство способно извлечь учреждение из того болота, в какое завел прежний начальник.

И тогда поднимается на эстраду сам директор и выражает свое возмущение по поводу речей трех предыдущих ораторов. Он говорит, что, напротив того, прежний директор был на большой высоте, что именно он вывел учреждение на столбовую дорогу и что в настоящее время он имеет еще более трудную и более высокую должность. И он с делом справляется с неменьшим успехом.

И тогда все с великим изумлением смотрят на директора. И все видят, что он то и дело кивает головой. И тут все начинают понимать, что у нового директора имеется нечто вроде нервного тика.

Причем если он спокоен, то он подергивает головой редко, а чем больше он нервничает, тем чаще кивает головой.

Находящийся в зале доктор этого учреждения тихо дает свои научные разъяснения соседям.

Соседи передают диагноз врача окружающим, и вскоре весь зал понимает, что произошло.

Три предыдущих оратора с тоской взирают на директора.

Один из них пытается произнести речь с места, крича, что его не так поняли.

Но директор закрывает собрание.

1939

СЫНОК И ПАСЫНОК

Одна немолодая особа приехала из Вятки в Ленинград.

Дело в том, что дочь этой особы проживала в Ленинграде. У этой дочери родился сын. И вот теперь наша новоиспеченная бабушка прибыла в Ленинград, чтоб увидеть своего внука и чтоб пошить ему какой-нибудь гардероб, соответствующий его возрасту. И с этой целью она привезла с собой ручную швейную машину.

Кроме машины, старуха везла еще корзинку со всякой ерундой и пакет с продуктами питания.

Родственники старухи, провожавшие ее в Вятке, поставили в вагон эти ее вещи. Так что старуха не ощущала пока что тяжести своего багажа.

Но когда поезд остановился в Ленинграде и наша престарелая женщина, нагруженная багажом, вышла на платформу, она увидела, какая это тяжелая ноша.

Она сгоряча прошла шагов двадцать и подумала, что ей капут. Дыханье у нее перехватило, сердце в груди заколотилось, в боку закололо.

Она положила свою ношу на платформу. И присела на корзинку. Сидит и еле дышит.

Вдруг идет носильщик.

Старуха подозвала его к себе и говорит:

– Сынок, моя дочь не могла меня встретить, поскольку она прикована к постели по случаю рождения ребенка. Муж моей дочери, слесарь производства, вероятно не смог в дневное время покинуть свой станок. Одним оловом, меня никто не встретил, и я теперь нахожусь в крайнем затруднении. Помогите, сынок, дотащить мои вещи до трамвая. Но только я тебе откровенно скажу – я не имею денег. Что касается оплаты за твой полезный труд, то я могу тебе предоставить на выбор – кусок пирога с капустой или вареную куриную ногу.

И с этими словами наша старуха развязывает пакет, чтобы показать носильщику его

плату.

Носильщик, который мечтал получить деньги и уже мысленно положил, может быть, трешку в свой карман, с неудовольствием выслушал речь старухи.

Он сказал:

– При чем тут, мама, пирог и куриная нога. Существует такса за пронос багажа. А которые не могут платить, то пускай сами вещи несут, если они такие сильные. Ваша куриная нога меня не устраивает. Я не могу оплачивать квартплату с помощью этой ноги. Надо что-нибудь думать, прежде чем делать людям такое несерьезное предложение. На прошлой неделе один пассажир дал мне вместо двух рублей платяную щетку. Ну скажите – на что мне платяная щетка! Я не имею привычки чистить костюм. Еще хорошо, что вы, в отличие от этого пассажира, высказались прежде, чем я отнес ваши вещи. Хорошо был бы я, если б за свой труд и потраченное время получил бы куриную ногу. Я представляю, какая неожиданность была бы для меня. Думаю, что я отвел бы вас в отделение милиции... Покажите, впрочем, эту вареную ногу. Просто интересно посмотреть, что это за нога, которую я мог бы получить.

Издали посмотрев на куриную ногу, носильщик удалился, укоризненно покачивая головой.

Старуха снова взяла свою поклажу и, тяжело дыша, направилась к выходу. Она плохо шла. Шаркала ногами. Косыночка ее сбилась с головы. И волосы разболтались. И она но предвидела конца своему путешествию.

Вдруг к старухе подходит какой-то неизвестный гражданин. Очень чисто одетый. В перчатках. Он стоял у газетного киоска и что-то покупал. Но, увидев старуху с багажом, подошел к ней и сказал:

– Нуте, гражданка, дайте я вам понесу. Я вижу – вас затрудняет эта тяжесть.

У старухи мелькнула мысль: не вор ли. Но гражданин в перчатках так деликатно принял ее вещи и так добродушно улыбнулся, что мысль эта сразу же отпала.

Растерянная и даже ошеломленная этим предложением, старуха не нашлась, что сказать. Она как тень последовала за незнакомцем. И на улице молча показала рукой, на какую трамвайную остановку идти.

Незнакомец поставил ее багаж на площадку трамвая. Помог войти в вагон. И, сняв шляпу, пожелал ей счастливо доехать. И при этом предупредил пассажиров, чтобы они помогли старухе сойти с трамвая, когда ей потребуется.

Ошеломленная старуха даже и тут не нашлась, что сказать. Она не произнесла "мерси" или "благодарю"). Она молча смотрела на незнакомца, не зная еще, какие ей мысли подвести под все это дело.

Но вот трамвай пошел. И незнакомый гражданин исчез в толпе.

И вот старуха приехала домой. Увидела внука и с дочкой своей обнялась и поцеловалась.

С первых же слов она рассказала ей историю, какая произошла с ней на вокзале.

И дочка была поражена не меньше, чем ее мама.

Эта дочка написала мне письмо. Вот что она пишет в этом письме:

"Не можете ли вы, уважаемый писатель, через посредство вашего рассказа поблагодарить этого гражданина. Моя мама растерялась и ничего ему не сказала. А теперь она только об этом и говорит и при этом плачет. Ей досадно, что она не поблагодарила хорошего человека за его душевное, сердечное отношение... А если вы напишете рассказ, то, может быть, он прочтет этот рассказ и ему станет приятно, что его вспомнили в хороших выражениях. Если вы возьметесь написать этот рассказ, то передайте, пожалуйста, ему привет от меня и от мамы. Как-нибудь вы вставьте эту фразу так, чтобы она не повредила вашему рассказу..."

Нет, такие фразы абсолютно не вредят рассказам. И я с охотой и удовольствием

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
исполняю просьбу двух женщин.

Сердечно рад быть посредником в хороших делах.

Я написал этот фельетон и теперь надеюсь, что его прочтает наш славный незнакомец и увидит, что ему шлют привет и благодарность.

Этот фельетон я написал под Новый год. На Новый год мы обычно делаем пожелания друг другу. Так я пожелаю гражданам в новом году поступать так, как поступил незнакомец.

Я поздравляю его с Новым годом. И мой первый бокал с шампанским я поднимаю за него и за тех людей, которые во всех делах поступают так же, как он.

А затем я уже буду чокаться с остальными людьми, более равнодушными к чужой беде.

1940

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Давеча иду ночью по улице. Возвращаюсь от знакомых.

Улица пустынная. Душно. Где-то гремит гром.

Иду по улице. Кепочку снял. Ночные зефиры обвевают мою голову.

Не знаю, как вы, уважаемые граждане, а я люблю ничью пошляться по улицам. Очень как-то свободно чувствуешь себя. Можно размахивать руками. Никто тебя не толкнет. Как-то можно беззаботно идти.

В общем, иду по улице и вдруг слышу какой-то стон, стон – не стон, а какой-то приглушенный крик.

Смотрю по сторонам – нет никого.

Прислушиваюсь – снова какой-то стон раздается.

И вдруг, все равно как из-под земли, слышу слова: "Родимый, родимый!.."

Что за чепуха в решетке.

Смотрю на окна. "Может, – думаю, – разыгралась какая-нибудь домашняя сценка? Мало ли! Может, выпивший муж напал на жену, или, наоборот, та его допиливает?.."

Смотрю все этажи – нет, ничего не видно.

Вдруг слышу: кто-то по стеклу пальцами тренькает.

Гляжу: магазин. И между двух дверей этого магазина сидит на венском стуле престарелый мужчина" Он, видать, сторож. Караулит магазин.

Подхожу ближе. Спрашиваю!

– что тебе, батя?

Сторож глухим голосом говорит!

– Родимый, сколько часов?

– четыре, – говорю.

– Ох, – говорит, – еще два часа сидеть... Не нацедишь ли, говорит, мне водички? Отверни крантик у подвала и нацеди в кружечку. А то испить охота. Душно!

Тут он через разбитое верхнее стекло подает мне кружку. И я исполняю его просьбу. Потом спрашиваю:

– А ты что, больной, что не можешь сам нацедить?

Сторож говорит:

– Да я бы и рад нацедить. Немножко бы прошел, промялся. Да выйти отсель не могу: я же закрыт со стороны улицы.

– Кто же тебя закрыл? – спрашиваю. – Ты же сторож. Зачем же тебя закрывать?

Сторож говорит:

– Не знаю. Меня всегда закрывают. Пугаются, что отоюду от магазина и где-нибудь прикорну, а вор тем временем магазин обчистит. А если я сию между дверей, то хоть я и засну, вор меня не минует. Он наткнется на меня, а я крик подыму. У нас такое правило: всю ночь сидеть между дверей.

Я говорю:

– Дурацкое правило. Обидно же сидеть за закрытой дверью.

Сторож говорит:

– Я обиды не стою. И мне самому вполне удобно, что меня от воров закрывают. Я их как огня боюсь. А когда я от них закрыт, у меня и боязни нету. Тогда я спокоен.

– В таком случае, – говорю, – ты, папаша, походил бы по магазину, размял бы свои ноги. А то, как чучело, сидишь на стуле всю ночь. Противно глядеть.

Он говорит:

– Что ты, родимый! Разве я могу в магазин войти? Я бы и рад туда войти, да та дверь в магазин на два замка закрыта, чтоб я туда не вошел.

– Значит, – говорю, – ты, папаша, сидишь и караулишь между двух закрытых дверей?

Сторож говорит:

– Именно так и есть... А что ты ко мне пристаешь, я не понимаю. Налил мне водички и иди себе с богом. Только мне спать мешаешь. Трещишь как сорока.

Тут сторож допил свою воду, вытер рот рукавом и закрыл глаза, желая этим показать, что аудиенция закопчена.

Я побрел дальше. И не без любопытства поглядывал теперь на двери других магазинов. Однако ночных сторожей, подобных этому, я не увидел.

Домой я пришел поздно. Долго ворочался в постели, не мог заснуть. Все время думал: нельзя ли изобрести какой-нибудь электрический прибор, чтоб он затрещал, если кто-нибудь сунется в магазин? А то пихать между двух закрытых дверей живого человека как-то досадно и огорчительно. Все-таки человек – это, так сказать, венец создания. И совать его в щель на роль капкана как-то странно.

Потом я подумал, что, вероятно, такие электрические приборы уже изобретены. Скажем, наступишь ногой на порог – и вдруг гром и треск раздастся. По, вероятно, это еще не освоено, а может, и дорого стоит, или еще что-нибудь – какие-нибудь технические сложности, раз нанимают для этого живую силу.

Потом мои мысли спутались, и я заснул. И увидел сон, будто ко мне приходит этот ночной сторож и ударяет меня кружкой по плочу. При этом говорит: "Ну, что ты к сторожам пристаешь! Живем тихо, мирно. Караулим. А ты лезешь со своей амбицией. Портишь нашу тихую стариковскую карьеру". Утром, проснувшись, я все-таки решил написать этот фельетон – без желанья кому-либо испортить карьеру.

1940

КОЧЕРГА

Забавное происшествие случилось минувшей зимой в одном учреждении.

Надо сказать, что это учреждение занимало небольшой отдельный дом. Причем дом

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
был старинной постройки. Обыкновенные вульгарные печи отапливали это здание.

Специальный человек – истопник – наблюдал за печами. Он меланхолично ходил со своей кочергой из этажа в этаж, шевелил дрова, разбивал головешки, закрывал трубы и так далее, все в этом духе.

При современной технике, при водяном и паровом отоплении картинка эта была, можно сказать, почти что неприличная картинка, древняя картинка, рисующая варварский быт наших предков.

В этом году, в феврале, истопник, спускаясь по лестнице, слегка обжег кочергой одну служащую, Надю Р. Причем служащая эта была отчасти сама виновата. Она вихрем неслась по лестнице и сама наскочила на истопника. На ходу она отстранила его рукой и, по несчастной случайности, наткнулась на кочергу, которая была довольно-таки горяча, если не сказать раскалена.

Девушка ахнула и закричала. И истопник тоже ахнул. В общем, ладонь и пальцы этой суетливой девушки были слегка обожжены.

Конечно, случай этот мелкий, пустой, недостойный попеть на страницы художественной литературы. Однако неожиданные последствия этого дела были весьма забавны. И они-то и настроили нас на этот маленький рассказ.

Директор учреждения вызвал к себе истопника и сделал ему строгое внушение. Он сказав:

– Тоже, ходишь со своей кочергой – выводишь меня из строя служащих. Надо но зевать по сторонам, а глядеть получше.

Истопник, сокрушенно вздыхая, ответил, что у него на шесть печей всего одна кочерга, с которой он и ходит то туда, то сюда. Вот если бы на каждую печку была отдельная кочерга, вот тогда б и можно придираться. А при таких обстоятельствах он не может гарантировать неприкосновенность служащих.

Эта простая мысль – иметь кочергу на каждую печку – понравилась директору. И он, не будучи чиновником и бюрократом, тотчас стал диктовать машинистке требование на склад. Шагая по комнате, директор диктовал:

"Имея шесть печей при наличии одной кочерги, немисливо предохранить служащих от несчастных случаев. А посему в срочном порядке прошу выдать подателю сего требования пять коче..."

Но тут директор осекся. Он перестал диктовать и, почесав затылок, сказал машинистке:

– Что за черт. Не помню, как пишется – пять коче... Три кочерги – ясно. Четыре кочерги – понятно. А пять? Пять – чего? Пять кочерги...

Молоденькая машинистка, пожав плечами, сказала, что она вообще впервые слышит это слово и, уж во всяком случае, в школе ей не приходилось склонять что-либо подобное.

Директор позвал своего секретаря и, смущенно улыбаясь, рассказал ему о своем затруднении.

Секретарь тотчас стал склонять это слово. Кто, что? – кочерга... Кого, чего? – кочерги... Кому, чему? – кочерге... Но, дойдя до множественного числа, секретарь запнулся и сказал, что множественное число вертится у него в голове, но он сейчас не может его вспомнить.

Тогда опросили еще двух служащих, но и те не внесли ясности в это дело.

Секретарь сказал:

– Есть отличный выход. Напишем на склад два требования – на три кочерги и на две кочерги. Итого получим пять.

Директор нашел это неудобным. Он сказал, что посылать две одинаковые бумажки –

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
это разводиться канцеляршину. Найдутся пройдохи, которые при случае уколуют его этим. Лучше уж, если на то пошло, позвонить в Академию наук и у них запросить, как пишется пять коче...

Уже секретарь хотел звонить в Академию, но директор в последний момент не позволил ему это сделать, Еще, чего доброго, попадетсЯ какой-нибудь смешливый ученый, который напишет фельетон в газету – дескать, директор малограмотный, дескать, тревожат научное учреждение такой чепухой. Нет, уж лучше обойтись своими средствами. Хорошо бы еще раз позвать истопника, чтоб услышать это слово из его уст. Все-таки человек всю жизнь вращается у печей. Уж кому-кому, а ему известно, как произнести пять коче...

Тотчас позвали истопника и стали его наводящими вопросами наталкивать на нужный ответ.

Истопник, предполагая, что его опять будут жучить, отвечал на все вопросы хмуро и односложно. Он бормотал: дескать, нужно пять штук, тогда, дескать, еще можно оберечься. А иначе пушай отдадут под суд.

Потеряв терпение, директор прямолинейно спросил истопника, что ему нужно.

– Сами знаете что, – угрюмо ответил истопник.

Но тут, под давлением секретаря и директора, истопник наконец произнес искомое слово. Однако это слово в устах истопника звучало не так, как ожидалось, что-то вроде – "пять кочерыжек".

Тогда секретарь смотался в юридический отдел и оттуда привел служащего, который отличался тем, что умел составлять любые бумаги так ловко, что обходил все подводные камни.

Служащему разъяснили его задачу – составить нужное требование таким образом, чтобы слово "кочерга" не упоминалось во множественном числе и, вместе с тем, чтобы склад выдал пять штук.

Немного покусав карандаш, служащий набросал черновик:

"До сего времени наше учреждение, имея шесть печей, обходилось всего лишь одной кочергой. В силу этого просьба выдать еще пять штук, для того чтобы на каждую печку имелась бы одна самостоятельная кочерга. Итого выдать – пять штук".

Уже эту бумажку хотели послать на склад, но тут к директору явилась машинистка и сказала, что она сейчас звонила своей мамаше, старой машинистке с тридцатилетним стажем. И та ее заверила, что нужно писать пять кочерег. Или пять кочерг.

Секретарь сказал:

– Я так и думал. Только на меня нашло затмение.

Тотчас бумажка была составлена и послана на склад.

Самое смешное из всей этой истории это то, что вскоре бумажка была возвращена назад с резолюцией заведующего складом: "Отказать за неимением на складе кочережек".

Уже наступила весна. Потом будет лето. До зимы далеко. Об отоплении думать пока что не приходится. Весной хорошо думать о грамотности, хотя бы в связи с весенними испытаниями в средней школе. Что же касается данного слова, то слово действительно каверзное, доступное Академии наук и машинистке с тридцатилетним стажем.

В общем, надо поскорей переходить на паровое отопление. А то люди стали уже забывать эти древние слова, связанные с дровяным отоплением.

1940

ИСПЫТАНИЕ

Жила в нашем доме одна семья: муж, жена и сынок, парнишка лет двенадцати. Муж

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
работал на производстве.

Жена заботилась о хозяйстве. А ребенок посещал школу.

И все шло чудесно.

Выходной день – вылазка за город с ребенком впереди. Вечером культпоход в кино или к зубному врачу. Регулярное посещение бани. И так далее.

Дружная, тихая семья, без претензии на что-нибудь особенное.

В один прекрасный день муж поднимается по лестнице, чтоб проследовать в свою квартиру после трудового дня. И вдруг видит: идет по той же лестнице молоденькая особа. Очень миленькая. Довольно нарядная. С цветком на груди.

Увидев ее, наш муж немножко даже задрожал, поскольку она уж очень ему понравилась.

А она кокетливо улыбнулась и вспорхнула этажом выше.

Вот проходит месяц. И наш муж снова встречает сию гражданку на той же самой лестнице.

Происходят взгляды, улыбки. И завязывается первый разговор, из которого выясняется, что молодая особа живет здесь со своей мамой. Ей девятнадцать лет. У нее, как говорится, своя дорога – учеба в школе кройки и шитья.

Да, конечно, она своей судьбой довольна. Но не очень, поскольку все еще впереди.

И вот проходит еще месяц, и наш муж начинает ее усердно посещать. Он заходит к ней в гости. Беседует на разные темы с ней и с ее мамой. И делается там как бы своим человеком.

Он, короче говоря, влюбился в нее. И, будучи решительным человеком, приходит к мысли о необходимости полной перемены жизни.

И вот – разговор со своей женой, слезы и стенанья.

И наконец наш муж перебирается этажом выше.

Он поступает до некоторой степени благородно: все оставляет своей семье. И только лишь берет с собой чемодан с бельем и носильными вещами.

Он обещает выплачивать им треть жалованья, но это не уменьшает страдания жены. И там происходят обмороки, рыдания и слезы. Печальная картина развала и крушения семьи.

Но жребий брошен. Мосты позади сожжены. И наш влюбленный муж, как говорится, вкушает счастье со своей особой.

Но он недолго вкушает – счастье. Он младший командир запаса. Его мобилизуют в Красную Армию и в декабре тридцать девятого года направляют на Карельский перешеек.

И он уезжает, нежно простившись со своей плачущей Ритой.

Он пишет ей с фронта короткие письма, в которых описывает суровую боевую жизнь, жестокие бои и адские морозы. Его письма полны решимости и отваги. Это не мямля и не слюнтяй пишет с фронта. Это пишет отважный младший командир запаса, для которого долг выше личного счастья.

Но вот письма приходят все реже и реже и наконец совсем прекращаются. И Рита не понимает, что это значит. Уже март, конец войны. А писем нет.

И вот однажды приходит письмецо. И Рита, прочитав его, лишается чувств.

Она падает в обморок. Ее опрыскивают водой, чтоб она пришла в себя. И, придя в себя, она зачитывает мамаше письмецо, в котором говорится: "Милая Рита, я

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
получил ранение. Я потерял ногу. Я теперь инвалид и калека. Отпиши подробно, согласна ли взять меня или мне лучше находиться на государственном обеспечении".

Целый день мама с дочкой обсуждают положение. И наконец ему пишется ответ, полный жалости и участия, но вместе с тем говорится, что не так-то просто его взять. Кто же за ним будет ходить? Не может же она, молодая женщина, едва вступившая в свет, посвятить ему свою жизнь. Надо это дело хорошенько обдумать. Тем более государство теперь обязано за ним последить.

Но вот проходит некоторое время, и его первая жена, Анна Степановна, тоже получает такое же письмо. "Да, – пишет он, – милая Аня, теперь я калека. Ответь, возьмешь ли ты меня такого".

Как бомба разрывается в квартире по получении сего письма.

Но в тот же день бывшая жена ему пишет:

"Милый друг, Иван Николаевич, горько плачу о твоём ранении. Видно, уж суждено нам жить с тобой вместе. Зачем ты спрашиваешь – возьму ли я тебя к себе? Отпиши немедленно, куда за тобой приехать? Я буду работать. А там наш Петюшка подрастет, и все будет в лучшем виде".

Но вот проходит несколько дней. И вот что это? К воротам подъезжает машина. И из нее выходит Иван Николаевич. Он цел и невредим. Ноги у него на месте. И на груди у него сверкает новенький орден.

Все жильцы, находящиеся в этот момент во дворе, раскрывают свои рты от изумления.

Управдом подбегает к нему и говорит:

– Как понять это, Иван Николаевич? Судя по письму, мы думали, что вы в другом виде.

Приехавший берет управдома под руку и говорит ему:

– Любезный друг! Конечно, я поступил, видимо, неправильно, жестоко и так далее. Но суровая жизнь заставила меня задуматься. Я подумал: ничего, если меня убьют, но если я потеряю руки или ноги, что будет со мной? Я живо представил себе эту картину и в тот момент решил сделать то, что я сделал. И в этом не раскаиваюсь, потому что теперь знаю, с кем мне надо жить, ибо брак – это не только развлечение.

Управдом говорит:

– Конечно, вы немного перегнули в своем испытании. Это, как говорится, запрещенный прием. Но раз сделано, так сделано. От души поздравляем вас с орденом Красного Знамени.

Тут наш муж поднимается в свой этаж, к первой своей жене, Анне Степановне. И что там происходит в первые пять минут, остается неизвестным.

Известно только, что сын Петюшка по собственной инициативе бежит в верхний этаж и вскоре оттуда приносит папин чемодан с бельем и носильными вещами.

В тот же день Иван Николаевич объясняется с Ритой. Он просит у нее прощения и целует ей руки, говоря, что он вернулся другим человеком и что к прошлому нет возврата.

Они расстаются скорее дружески, чем враждебно. Конечно, молодая женщина досадует на него. Но досада ее умерена, ибо за время отсутствия мужа ей понравился другой человек. И теперь она рассчитывает выйти за него замуж.

РОГУЛЬКА

Утром над нашим пароходом стали кружиться самолеты противника.

Первые шесть бомб упали в воду. Седьмая бомба попала в корму. И наш пароход загорелся.

И тогда все пассажиры стали кидаться в воду.

Не помню, на что я рассчитывал, когда бросился за борт, не умея плавать. Но я тоже бросился в воду. И сразу погрузился на дно.

Не знаю, какие там бывают у вас химические или физические законы, но только при полном неумении плавать я выплыл наружу.

Выплыл наружу и сразу же ухватился рукой за какую-то рогульку, которая торчала из-под воды.

Держусь за эту рогульку и уже не выпускаю ее из рук. Благословляю небо, что остался в живых и что в море понатыканы такие рогульки для указания мели итак далее.

Вот держусь за эту рогульку и вдруг вижу – кто-то еще подплывает ко мне. Вижу – какой то штатский вроде меня. Прилично одетый – в пиджаке песочного цвета и в длинных брюках.

Я показал ему на рогульку. И он тоже ухватился за нее.

И вот мы держимся за эту рогульку. И молчим. Потому что говорить не о чем.

Впрочем, я его спросил – где он служит, но он ничего не ответил. Он только выплюнул воду изо рта и пожал плечами. И тогда я понял всю нетактичность моего вопроса, заданного в воде.

И хотя меня интересовало знать – с учреждением ли он плыл на пароходе, как я, или один, – тем не менее я не спросил его об этом.

Но вот держимся мы за эту рогульку и молчим. Час молчим. Три часа ничего не говорим. Наконец мой собеседник произносит:

– Катер идет...

Действительно, видим: идет спасательный катер и подбирает людей, которые еще держатся на воде.

Стали мы с моим собеседником кричать, махать руками, чтоб с катера пас заметили. Но нас почему-то не замечают. Не подплывают к нам.

Тогда я скинул с себя пиджак и рубашку и стал махать этой рубашкой: дескать, вот мы тут, сюда, будьте любезны, подъезжайте.

Но катер не подъезжает.

Из последних сил я машу рубашкой: дескать, войдите в положение, погибаем, спасите наши души.

Наконец с катера кто-то высовывается и кричит нам в рупор:

– Эй вы, трамтарарам, за что, обалдели, держитесь – за мину!

Мой собеседник как услышал эти слова, так сразу шарахнулся в сторону. И, гляжу, поплыл к катеру...

Инстинктивно я тоже выпустил из рук рогульку. Но как только выпустил, так сразу же с головой погрузился в воду.

Снова ухватился за рогульку и уже не выпускаю ее из рук.

С катера в рупор кричат мне:

– Эй ты, трамтарарам, не трогай, трамтарарам, мину!

– Братцы, – кричу, – без мины я как без рук! Потону же сразу! Войдите с положение! Плывите сюда, будьте так великодушны!

В рупор кричат:

– Не можем подплыть, дура-голова, – подорвемся на mine. Плыви, трамтарарам, сюда. Или мы уйдем сию минуту.

Думаю: "Хорошенькое дело – плыть при полном неумении плавать". И сам держусь за рогульку так, что даже при желании меня не оторвать.

Кричу:

– Братцы, моряки! Уважаемые флотские товарищи! Придумайте что-нибудь для спасения ценной человеческой жизни!

Тут кто-то из команды кидает мне канат. При этом в рупор и без рупора кричат:

– Не вертись, чтоб ты сдох, взорвется мина!

Думаю: "Сами нервничают криками. Лучше бы, думаю, я не знал, что это мина, я бы вел себя ровней. А тут, конечно, дергаюсь – боюсь. И мины боюсь и без мины еще того больше боюсь".

Наконец ухватился за канат, Осторожно обвязал себя за пояс.

Кричу:

– Тяните, ну вас к черту... Орут, орут, прямо надоело...

Стали они меня тянуть. Вижу, канат не помогает. Вижу – вместе с канатом, вопреки своему желанию, опускаюсь на дно.

Уже ручками достаю морское дно. Вдруг чувствую – тянут кверху, поднимают.

Вытащили на поверхность. Ругают – сил нет. Уже без рупора кричат:

– С одного тебя такая длинная канитель, чтоб ты сдох... Хватаешься за мину во время войны... Вдобавок не можешь плыть... Лучше бы ты взорвался на этой mine – обезвредил бы ее и себя...

Конечно, молчу. Ничего им не отвечаю. Поскольку – что можно ответить людям, которые меня спасли. Тем более сам чувствую свою недоразвитость в вопросах войны, недопонимание техники, неумение отличить простую рогульку от бог знает чего.

Вытащили они меня на борт. Лежу. Обступили.

Вижу – и собеседник мой тут. И тоже меня отчитывает, бранит – зачем, дескать, я указал ему схватиться за мину. Дескать, это морское хулиганство с моей стороны. Дескать, за это надо посылать на подводные работы от трех до пяти лет. Собеседнику я тоже ничего не ответил, поскольку у меня испортилось настроение, когда я вдруг обнаружил, что нет со мной рубашки. Пиджак тут, при мне, а рубашки нету.

Хотел попросить капитана – сделать круг на ихнем катере, чтоб осмотреться, где моя рубашка, нет ли ее на воде. Но, увидев суровое лицо капитана, не решился его об этом просить.

Скорей всего рубашку я на mine оставил. Если это так, то, конечно, пропала моя рубашка.

После спасения я дал себе торжественное обещание изучить военное дело.

Отставать от других в этих вопросах не полагается.

1943

ФОКИН-МОКИН

Давеча я зашел в одну артель. К коммерческому директору. Надо было схлопотать

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
одно дельце для нашею учреждения. Один заказ.

Все наши сотрудники бесцельно ходили к этому неуловимому директору. И вот, наконец, послали меня.

Заведующий мне сказал:

– Человек вы нервный, солидный. Сходите. Может, вам посчастливится поймать его.

Вообще-то я не любитель ходить по учреждениям. Какого-то такого морального удовлетворения не испытываешь, как, например, от посещения кино. Но раз такое дело, – пришлось пойти.

Прихожу в эту артель. Спрашиваю, где этот Фокин – коммерческий директор.

Уборщица отвечает:

– Фокина нет.

Я говорю:

– Подожду вашего Фокина. Проведите меня в его кабинет.

Сначала уборщица не хотела даже указывать, где его кабинет.

А надо сказать, я человек крайне нервный. Немножко понервничаю – у меня уже голос дрожит, и руки дрожат, и сам весь дрожу.

Недавно на врачебной комиссии доктор велел мне положить ногу на ногу, и по коленке он ударил молоточком, чтоб посмотреть, какой я нервный. Так нога у меня так подскочила, что разбежался весь медицинский персонал. И врач сказал: "Нет, я больше не буду вас испытывать, а то вы мне тут весь персонал изувечите".

Так вот, увидев, что я такой нервный, уборщица провела меня в кабинет к этому Фокину. И я там сел за его стол. И решил не сходить с места, пока не появится сам директор.

И вот скрутил папиросочку и сажусь за этим столом.

Мечтаю, чтоб кто-нибудь дал мне огонька закурить.

Открывается дверь. И в кабинет заглядывает какойто посетитель. Вежливо кланяется мне и улыбается. Увидев его такую любезность, я говорю:

– Нет ли спичечки закурить?

Посетитель говорит:

– Для вас не только спичку – все не пожалею отдать.

И с этими словами он вынимает из кармана зажигалочку. Чиркает. И дает мне прикурить.

Невольно я люблюсь этой зажигалочкой.

А посетитель говорит:

– Прямо буду счастлив, если примете от меня эту зажигалочку!

Я говорю:

– Ну, что вы! Постороннему, чужому человеку вы вдруг будете дарить такую хорошенькую зажигалочку!

Я прямо не осмелюсь взять.

Тот говорит:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru

– Составьте мое счастье. Возьмите! Слов нет – я вас увидел впервые, но сразу почувствовал к вам глубокую симпатию.

Обижать мне его не хотелось. Я взял зажигалочку.

И крепко пожал руку добродушному посетителю.

Уходя из кабинета, он сказал:

– Кстати, товарищ Фокин, я завтра к вам зайду по одному дельцу.

Я говорю:

– Слушайте, никакой я не Фокин. Я сам Фокина жду.

Не скрою от вас, посетитель зашатался и с бранью стал вынимать зажигалку из моего кармана.

Нет, я бы отдал ему сразу то, что получил. Но меня задела его нетактичность.

Как это можно совать руки в чужие карманы? И вдобавок хватать за плечи!

В момент нашей борьбы открывается дверь, и в кабинет входит еще один незнакомец.

Увидев, что меня трясут за плечи, незнакомец, вместо того чтоб подать мне помощь, сам кидается ко мне и тоже начинает трясти.

– Я, – кричит, – давно до тебя добирался, ФокинМокин!

Не скрою от вас, я поднял крик.

Прибежала уборщица. Она сказала:

– Прекратите возню. Сейчас товарищ Фокин приедет.

Тут мы сели на диван. И стали ждать Фокина.

Мы три часа его ждали. Но он не приехал.

Вежливо попрощавшись, мы разошлись.

Хорошенькую зажигалку мне все же пришлось отдать симпатичному владельцу.

1943

ФОТОКАРТОЧКА

В этом году мне понадобилась фотокарточка для пропуска. Не знаю, как в других городах, а у нас на периферии заснять на карточку не является простым, обыкновенным делом.

У нас имеется одна художественная фотография. Но она помимо отдельных граждан снимает еще группы и мероприятия. И, может быть, поэтому слишком долго приходится ждать получения своих заказов.

Так что, являясь скорее отдельным лицом, чем группой или мероприятием, я побеспокоился заранее и заснял за два месяца до срока.

Когда мне подали мои фотокарточки, я удивился, как не похоже я вышел. Передо мной был престарелый субъект совершенно неинтересной наружности.

Я сказал той, которая подала мне карточки:

– Зачем же вы так людей снимаете? Глядите, какие полосы и морщины проходят сквозь все лицо.

Та говорит:

– Обыкновенно снято. Только надо учесть, что у нас ретушер на бюллетене. Некому

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
замазывать дефекты вашей нефотогеничной наружности.

Фотограф, находясь за портьерой, говорит:

– А чем он там еще, нахал, недоволен?

Я говорю:

– Неважно сняли, уважаемый. Изуродовали. Разве ж я такой?

Фотограф говорит:

– Я опереточных артистов снимаю, и то они настолько не обижаются. А тут нашелся один такой – морщин ему много... Объектив берет слишком резко, рельефно... Не знаете техники, а тоже суетесь быть критиком.

Я говорю:

– На что же мне рельеф на моем лице – войдите в положение. Мне бы, говорю, просто сняться, как я есть. Чтоб было на что глядеть.

Фотограф говорит:

– Ах, ему еще глядеть нужно. Его же сняли, и он еще на это глядеть хочет. Капризничает в такое время. Дефекты видит... Нет, я жалею, что я вас так прилично снял. В другой раз я вас так сниму, что вы со стоном на карточки взглянете.

Нет, я не стал с ним спорить. Неважно, думаю, какая карточка на пропуске. И так все видят, какой я есть.

И с этими мыслями являюсь в отделение. Сержант милиции стал лепить карточку на мой пропуск. После говорит:

– По-моему, на карточке это не вы.

– Где же, – говорю, – не я. Уверяю вас, это я. Спросите фотографа. Он подтвердит.

Сержант говорит:

– Всякий раз фотографа спрашивать, это что и будет. Нет, я хочу на карточке видеть данное лицо, без вызова фотографа. А тут я наблюдаю совсем не то. Какойто больной сыпным тифом. Даже щек нет. Пойдите переснимитесь.

– Товарищ, – говорю, – начальник, войдите в положение...

– Нет, нет, – говорит, – и слышать ничего не хочу. Переснимитесь.

Бегу в фотографию. Говорю фотографу:

– Видите, как слабо снимаете. Не наклеивают вашу продукцию.

Фотограф говорит:

– Продукция самая нормальная. Но, конечно, надо учесть, что для вас мы не засветили полную иллюминацию. Снимали при одной лампочке. И через это тени упали на ваше лицо, затемнили его. Однако не настолько они его затемнили, чтоб ничего не видеть. Эвон как уши у вас прилично вышли.

– Ну хорошо, – говорю, – уши. А щеки, говорю, где? Уж щеки-то, говорю, должны быть как принадлежность человеческого лица.

Фотограф говорит:

– Не знаю. Ваших щек мы не трогали. У нас свои есть.

– Тогда, – говорю, – где же они, мои щеки? Я, говорю, две недели провел в доме отдыха. Четыре кило веса прибавил. А вы тут одной своей съемкой черт знает что

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
со мной сделали.

Фотограф говорит:

– Да что, я себе взял ваши щеки, что ли? Кажется, вам ясно говорят затемнение упало на них. И через это они не получились.

Я говорю:

– А как же тогда без щек?

– А, – говорит, – как хотите. Переснимать не буду. Всех переснимать это я премии лишусь и плана не выполню. А мне план дороже вашей нефотогеничной наружности.

Посетители говорят мне:

– Не нервируйте фотографа. А то он еще хуже будет людей снимать.

Один из посетителей говорит мне:

– Уважаемый, бегите на рынок. Там фотограф "Пушкой" снимает.

Бегу на рынок. Нахожу фотографа. Тот говорит:

– Нет, я снимаю только со своей бумагой. Без бумаги лучше не являйтесь ко мне, все равно снимать не буду. А с бумагой сниму. И если у вас есть перина – тоже сниму. Ко мне тетя из Барнаула приехала – ей спать не на чем.

Я было хотел уйти, но тут слышу, какой-то продавец меня к себе кличет. Говорит:

– Давай подходи к моему магазину. Имею готовую продукцию.

Смотрю, у него на газете разложены всякие разные готовые фотографии. Их штук триста.

Продавец говорит:

– Выбирай себе любую и делай с ней что хочешь. Хоть на лоб себе наклеивай. Погоди, я тебе сам подберу. Тебе как – по размеру или по сходству?

– По сходству, – говорю. – Только, говорю, выбирай такую, чтоб щеки были.

Тот говорит:

– Можно и со щеками. Но только они будут дороже на пять рублей. На, прими вот эту фотокарточку. Лучше ее не найти. И щеки есть, и нельзя сказать, чтоб сходство начисто отсутствовало.

Я заплатил тридцать рублей за две фотокарточки и пошел в отделение.

Сержант милиции стал лепить мою карточку. После говорит:

– Так ведь это ж баба.

– Где же, – говорю, – баба. Мужчина в пиджаке.

Сержант говорит:

– Где же, к черту, мужчина, если у него на груди брошка. Через эту брошку я и замечаю, что это баба.

Поглядел я на фотокарточку – вижу, действительно женщина. Маркизетовая кофточка под пиджаком. Па груди брошка с пейзажем. А прическа мужская. И щеки мои.

Сержант говорит:

– Явитесь сюда с настоящими карточками. Но если вы еще раз предъявите мне женскую или детскую фотокарточку, то вряд ли отсюда выйдете, поскольку у меня

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
мелькают подозрения, что вы хотите скрыться под чужой наружностью.

Целую неделю я провел как в тумане. Хлопотал, где бы сняться. На восьмой день, беседуя с фотографом, я почувствовал себя худо. И тогда они вынесли меня в сад и положили на траву, чтоб там меня овевал свежий воздух. Придя в себя, я пошел в отделение. Положил на стол свои первые фотокарточки без щек и сказал сержанту:

– Вот все, что я имею, товарищ начальник. И больше ничего не предвидится.

Сержант поглядел на карточки, потом на меня и говорит:

– Вот теперь ничего себе получилось. Похожи.

Я хотел сказать, что я и не переснимался вовсе. После взглянул на себя в зеркало – действительно, вижу, есть теперь некоторое сходство. Получилось.

Сержант говорит:

– И хотя на карточке вы немного более облезлый, чем на самом деле, но, говорит, я так думаю, что через год вы сравняетесь.

Я говорю:

– Я раньше сравниюсь, поскольку мне нужно еще сниматься для проездного документа, для членского билета и для посылки фотокарточек моим родственникам.

Тут сержант наклеил мою фотокарточку и горячо поздравил меня с получением пропуска.

1943

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ЛЕЛЯ И МИНЬКА

1. ЕЛКА

В этом году мне исполнилось, ребята, сорок лет. Значит, выходит, что я сорок раз видел новогоднюю елку. Это много!

Ну, первые три года жизни я, наверно, не понимал, что такое елка. Наверно, мама выносила меня на ручках. И, наверно, я своими черными глазенками без интереса смотрел на разукрашенное дерево.

А когда мне, дети, ударило пять лет, то я уже отлично понимал, что такое елка.

И я с нетерпением ожидал этого веселого праздника. И даже в щелочку двери подглядывал, как моя мама украшает елку.

А моей сестренке Леле было в то время семь лет. И она была исключительно бойкая девочка.

Она мне однажды сказала:

– Минька, мама ушла на кухню. Давай пойдем в комнату, где стоит елка, и поглядим, что там делается.

Вот мы с сестренкой Лелей вошли в комнату. И видим: очень красивая елка. А под елкой лежат подарки. А на елке разноцветные бусы, флаги, фонарики, золотые орехи, пастилки и крымские яблочки.

Моя сестренка Леля говорит:

– Не будем глядеть подарки. А вместо того давай лучше съедим по одной пастилке.

И вот она подходит к елке и моментально съедает одну пастилку, висящую на ниточке.

Я говорю:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Леля, если ты съела пастилочку, то я тоже сейчас что-нибудь съем.

И я подхожу к елке и откусываю маленький кусочек яблока.

Леля ювorig:

– Минька, если ты яблоко откусил, то я сейчас другую пастилку съем и вдобавок возьму себе еще эту конфетку.

А Леля была очень такая высокая, длинновязая девочка. И она могла высоко достать.

Она встала на цыпочки и своим большим ртом стала поедать вторую пастилку.

А я был удивительно маленького роста. И мне почти что ничего нельзя было достать, кроме одного яблока, которое висело низко.

Я говорю:

– Если ты, Лелища, съела вторую пастилку, то я еще раз откушу это яблоко.

И я снова беру руками это яблочко и снова его немножко откусываю.

Леля говорит:

– Если ты второй раз откусил яблоко, то я не буду больше церемониться и сейчас съем третью пастилку и вдобавок возьму себе на память хлопушку и орех.

Тогда я чуть не заревел. Потому что она могла до всего дотянуться, а я нет.

Я ей говорю:

– А я, Лелища, как поставлю к елке стул и как достану себе тоже что-нибудь, кроме яблока.

И вот я стал своими худенькими ручонками тянуть к елке стул. Но стул упал на меня. Я хотел поднять стул. Но он снова упал. И прямо на подарки.

Леля говорит:

– Минька, ты, кажется, разбил куклу. Так и есть. Ты отбил у куклы фарфоровую ручку.

Тут раздалась мамины шаги, и мы с Лелей убежали в другую комнату.

Леля говорит:

– Вот теперь, Минька, я не ручаюсь, что мама тебя не выдерет.

Я хотел зареветь, но в этот момент пришли гости. Много детей с их родителями.

И тогда наша мама зажгла все свечи на елке, открыла дверь и сказала:

– Все входите.

И все дети вошли в комнату, где стояла елка.

Наша мама говорит:

– Теперь пусть каждый ребенок подходит ко мне, и я каждому буду давать игрушку и угощение.

И вот дети стали подходить к нашей маме. И она каждому дарила игрушку. Потом снимала с елки яблоко, пастилку и конфету и тоже дарила ребенку.

И все дети были очень рады. Потом мама взяла в руки то яблоко, которое я откусил, и сказала:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Леля и Минька, подойдите сюда. Кто из вас двоих откусил это яблоко?

Леля сказала:

– Это Минькина работа.

Я дернул Лелю за косичку и сказал:

– Это меня Лелька научила.

Мама говорит:

– Лелю я поставлю в угол носом, а тебе я хотела подарить заводной паровозик. Но теперь этот заводной паровозик я подарю тому мальчику, которому я хотела дать откусанное яблоко.

И она взяла паровозик и подарила его одному четырехлетнему мальчику. И тот моментально стал с ним играть.

И я рассердился на этого мальчика и ударил его по руке игрушкой. И он так отчаянно заревел, что его собственная мама взяла его на ручки и сказала:

– С этих пор я не буду приходить к вам в гости с моим мальчиком.

И я сказал:

– Можете уходить, и тогда паровозик мне останется.

И та мама удивилась моим словам и сказала:

– Наверное, ваш мальчик будет разбойник.

И тогда моя мама взяла меня на ручки и сказала той маме:

– Не смейте так говорить про моего мальчика. Лучше уходите со своим золотушным ребенком и никогда к нам больше не приходите.

И та мама сказала:

– Я так и сделаю. С вами водиться – что в крапиву садиться.

И тогда еще одна, третья мама, сказала:

– И я тоже уйду. Моя девочка не заслужила того, чтобы ей дарили куклу с обломанной рукой.

И моя сестренка Леля закричала:

– Можете тоже уходить со своим золотушным ребенком. И тогда кукла со сломанной ручкой мне останется.

И тогда я, сидя на маминых руках, закричал:

– Вообще можете все уходить, и тогда все игрушки нам останутся.

И тогда все гости стали уходить.

И наша мама удивилась, что мы остались одни.

Но вдруг в комнату вошел наш папа.

Он сказал:

– Такое воспитание губит моих детей. Я не хочу, чтобы они дрались, ссорились и выгоняли гостей. Им будет трудно жить на свете, и они умрут в одиночестве.

И папа подошел к елке и потушил все свечи. Потом сказал:

– Моментально ложитесь спать. А завтра все игрушки я отдам гостям.

И вот, ребята, прошло с тех пор тридцать пять лет, и я до сих пор хорошо помню эту елку.

И за все эти тридцать пять лет я, дети, ни разу больше не съел чужого яблока и ни разу не ударил того, кто слабее меня. И теперь доктора говорят, что я поэтому такой сравнительно веселый и добродушный.

2. КАЛОШИ И МОРОЖЕНОЕ

Когда я был маленький, я очень любил мороженое.

Конечно, я его и сейчас люблю. Но тогда это было что-то особенное так я любил мороженое.

И когда, например, ехал по улице мороженщик со своей тележкой, у меня прямо начиналось головокружение: до того мне хотелось покушать то, что продавал мороженщик.

И моя сестренка Леля тоже исключительно любила мороженое.

И мы с ней мечтали, что вот, когда вырастем большие, будем кушать мороженое не менее как три, а то и четыре раза в день.

Но в то время мы очень редко ели мороженое. Наша мама не позволяла нам его есть. Она боялась, что мы простудимся и захвораем. И по этой причине она не давала нам на мороженое денег.

И вот однажды летом мы с Лелей гуляли в нашем саду. И Леля нашла в кустах калошу. Обыкновенную резиновую калошу. Причем очень ношенную и рваную. Наверное, кто-нибудь бросил ее, поскольку она разорвалась.

Вот Леля нашла эту калошу и для потехи надела ее на палку. И ходит по саду, машет этой палкой над головой.

Вдруг по улице идет тряпичник. Кричит: "Покупаю бутылки, банки, тряпки!".

Увидев, что Леля держит на палке калошу, тряпичник сказал Леле:

– Эй, девочка, продаешь калошу?

Леля подумала, что это такая игра, и ответила тряпичнику:

– Да, продаю. Сто рублей стоит эта калоша.

Тряпичник засмеялся и говорит:

– Нет, сто рублей – это чересчур дорого за эту калошу. А вот если хочешь, девочка, я тебе дам за нее две копейки, и мы с тобой расстанемся друзьями.

И с этими словами тряпичник вытащил из кармана кошелек, дал Леле две копейки, сунул нашу рваную калошу в свой мешок и ушел.

Мы с Лелей поняли, что это не игра, а на самом деле. И очень удивились.

Тряпичник уже давно ушел, а мы стоим и глядим на нашу монету.

Вдруг по улице идет мороженщик и кричит:

– Земляничное мороженое!

Мы с Лелей подбежали к мороженщику, купили у него два шарика по копейке, моментально их съели и стали жалеть, что так задешево продали калошу.

На другой день Леля мне говорит:

– Минька, сегодня я решила продать тряпичнику еще одну какую-нибудь калошу.

Я обрадовался и говорю:

– Леля, разве ты опять нашла в кустах калошу?

Леля говорит:

– В кустах больше ничего нет. Но у нас в прихожей стоит, наверное, я так думаю, не меньше пятнадцати калаш. Если мы одну продадим, то нам от этого худо не будет.

И с этими словами Леля побежала на дачу и вскоре появилась в саду с одной довольно хорошей и почти новенькой калошей.

Леля сказала:

– Если тряпичник купил у нас за две копейки такую рвань, какую мы ему продали в прошлый раз, то за эту почти что новенькую калошу он, наверное, даст не менее рубля. Воображаю, сколько мороженого можно будет купить на эти деньги.

Мы целый час ждали появления тряпичника, и когда мы наконец его увидели, Леля мне сказала:

– Минька, на этот раз ты продавай калошу. Ты мужчина, и ты с тряпичником разговаривай. А то он мне опять две копейки даст. А это нам с тобой чересчур мало.

Я надел на палку калошу и стал махать палкой над головой.

Тряпичник подошел к саду и спросил:

– Что, опять продается калоша?

Я прошептал чуть слышно:

– Продается.

Тряпичник, осмотрев калошу, сказал:

– Какая жалость, дети, что вы мне все по одной калошине продаете. За эту одну калошу я вам дам пятак. А если бы вы продали мне сразу две калоши, то получили бы двадцать, а то и тридцать копеек. Поскольку две калоши сразу более нужны людям. И от этого они подсакивают в цене.

Леля мне сказала:

– Минька, побеги на дачу и принеси из прихожей еще одну калошу.

Я побежал домой и вскоре принес какую-то калошу очень больших размеров.

Тряпичник поставил на траву эти две калоши рядом и, грустно вздохнув, сказал:

– Нет, дети, вы меня окончательно расстраиваете своей торговлей. Одна калоша дамская, другая – с мужской ноги, рассудите сами: на что мне такие калоши? Я вам хотел за одну калошу дать пятак, но, сложив вместе две калоши, вижу, что этого не будет, поскольку дело ухудшилось от сложения. Получите за две калоши четыре копейки, и мы расстанемся друзьями.

Леля хотела побежать домой, чтоб принести еще что-нибудь из калаш, но в этот момент раздался мамин голос. Это мама нас звала домой, так как с нами хотели попрощаться мамыны гости. Тряпичник, видя нашу растерянность, сказал:

– Итак, друзья, за эти две калоши вы могли бы получить четыре копейки, но вместо этого получите три копейки, поскольку одну копейку я вычитаю за то, что понапрасну трачу время на пустой разговор с детьми.

Тряпичник дал Леле три монетки по копейке и, спрятав калоши в мешок, ушел.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Мы с Лелей моментально побежали домой и стали прощаться с маминными гостями: с тетей Олей и дядей Колей, которые уже одевались в прихожей.

Вдруг тетя Оля сказала:

– Что за странность! Одна моя калоша тут, под вешалкой, а второй почему-то нету.

Мы с Лелей побледнели. И стояли не двигаясь.

Тетя Оля сказала:

– Я великолепно помню, что пришла в двух калошах. А тут сейчас только одна, а где вторая, неизвестно.

Дядя Коля, который тоже искал свои калоши, сказал:

– Что за чепуха в решетке! Я тоже отлично помню, что пришел в двух калошах, тем не менее второй моей калоши тоже нету.

Услышав эти слова, Леля от волнения разжала кулак, в котором у нее находились деньги, и три монетки по копейке со звоном упали на пол.

Папа, который тоже провожал гостей, спросил:

– Леля, откуда у тебя эти деньги?

Леля начала что-то врать, но папа сказал:

– Что может быть хуже вранья!

Тогда Леля заплакала. И я тоже заплакал. И мы сказали:

– Продали тряпичнику две калоши, чтобы купить мороженое.

Папа сказал:

– Хуже вранья – это то, что вы сделали.

Услышав, что калоши проданы тряпичнику, тетя Оля побледнела и зашаталась. И дядя Коля тоже зашатался и схватился рукой за сердце. Но папа им сказал:

– Не волнуйтесь, тетя Оля и дядя Коля, я знаю, как нам надо поступить, чтобы вы не остались без калош. Я возьму все Лелины и Минькины игрушки, продам их тряпичнику, и на вырученные деньги мы приобретем вам новые калоши.

Мы с Лелей заревели, услышав этот приговор. Но папа сказал:

– Это еще не все. В течение двух лет я запрещаю Леле и Миньке кушать мороженое. А спустя два года они могут его кушать, но всякий раз, кушая мороженое, пусть они вспоминают эту печальную историю.

В тот же день папа собрал все наши игрушки, позвал тряпичника и продал ему все, что мы имели. И на полученные деньги наш отец купил калоши тете Оле и дяде Коле.

И вот, дети, с тех пор прошло много лет. Первые два года мы с Лелей действительно ни разу не ели мороженого. А потом стали его есть и всякий раз, кушая, невольно вспоминали о том, что было с нами.

И даже теперь, дети, когда я стал совсем взрослый и даже немножко старей, даже и теперь иной раз, кушая мороженое, я ощущаю в горле какое-то сжатие и какую-то неловкость. И при этом всякий раз, по детской своей привычке думаю: "Заслужил ли я это сладкое, не соврал ли и не надул ли кого-нибудь?"

Сейчас очень многие люди кушают мороженое, потому что у нас имеются целые огромные фабрики, в которых изготавливают это приятное блюдо.

Тысячи людей и даже миллионы кушают мороженое, и я бы, дети, очень хотел, чтобы все люди, кушая мороженое, думали бы о том, о чем я думаю, когда ем это сладкое.

3. БАБУШКИН ПОДАРОК

У меня была бабушка. И она меня очень горячо любила.

Она каждый месяц приезжала к нам в гости и дарила нам игрушки. И вдобавок приносила с собой целую корзинку пирожных.

Из всех пирожных она позволяла мне выбрать то, которое мне нравится.

А мою старшую сестренку Лелю бабушка не очень любила и не позволяла ей выбирать пирожные. Она сама давала ей какое придется. И от этого моя сестренка Леля всякий раз хныкала и сердилась больше на меня, чем на бабушку.

В один прекрасный летний день бабушка приехала к нам на дачу.

Она приехала на дачу и идет по саду. В одной руке у нее корзинка с пирожными, в другой – сумочка.

И мы с Лелей подбежали к бабушке и с ней поздоровались. И с грустью увидели, что на этот раз, кроме пирожных, бабушка нам ничего не принесла.

И тогда моя сестренка Леля сказала бабушке:

– Бабушка, а кроме пирожных ты разве нам сегодня ничего не принесла?

И моя бабушка рассердилась на Лелю и так ей ответила:

– Принесла. Но только не дам невоспитанной особе, которая так откровенно об этом спрашивает. Подарок получит благовоспитанный мальчик Миня, который лучше всех на свете благодаря своему тактичному молчанию.

И с этими словами бабушка велела мне протянуть руку. И на мою ладонь она положила десять новеньких монеток по десять копеек.

И вот я стою как дурачок и с восторгом смотрю на новенькие монеты, которые лежат у меня на ладони. И Леля тоже смотрит на эти монеты. И ничего не говорит. Только у нее глазенки сверкают недобрым огоньком.

Бабушка полюбовалась на меня и пошла пить чай.

И тогда Леля с силой ударила меня по руке снизу вверх, так что все мои монеты подпрыгнули на ладони и попадали в траву и в канаву.

И я так громко зарыдал, что сбежались все взрослые – папа, мама и бабушка. И все они моментально нагнулись и стали разыскивать упавшие мои монетки.

И когда были собраны все монетки, кроме одной, бабушка сказала:

– Видите, как правильно я поступила, что не дала Лельке ни одной монеты! Вот она какая завистливая особа. "Если, – думает, – не мне, – так и не ему!" Где, кстати, эта злодейка в настоящий момент?

Чтобы избежать трепки, Леля, оказывается, влезла на дерево и, сидя на дереве, дразнила меня и бабушку языком.

Соседский мальчик Павлик хотел стрелкнуть в Лелю из рогатки, чтоб снять ее с дерева. Но бабушка не позволила ему это сделать, потому что Леля могла упасть и сломать себе ногу. Бабушка не пошла на эту крайность и даже хотела отобрать у мальчика его рогатку.

И тогда мальчик рассердился на всех нас и на бабушку в том числе и издали стрелкнул в нее из рогатки.

Бабушка, ахнув, сказала:

– Как это вам нравится? Из-за этой злодейки меня из рогатки подбили Нет, я не буду к вам больше приезжать, чтоб не иметь подобных историй. Лучше вы: привозите ко мне моего славного мальчика Миню. И я всякий раз, в пику Лельке, буду дарить

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
ему подарки.

Папа сказал:

– Хорошо. Я так и сделаю. Но только вы, мамаша, напрасно хвалите Миньку! Конечно, Леля поступила нехорошо. Но и Минька тоже не из лучших мальчиков на свете. Лучший мальчик на свете тот, который отдал бы своей сестренке несколько монеток, видя, что у нее ничего нет. И этим он не довел бы свою сестренку до злобы и зависти.

Сидя на своем дереве, Лелька сказала:

– А лучшая бабушка на свете та, которая всем детям что-нибудь дарит, а не только Миньке, который по своей глупости или хитрости молчит и поэтому получает подарки и пирожные.

Бабушка не пожелала больше оставаться в саду.

И все взрослые ушли пить чай на балкон.

Тогда я сказал Леле:

– Леля, слезь с дерева! Я подарю тебе две монетки.

Леля слезла с дерева, и я подарил ей две монетки. И в хорошем настроении пошел на балкон и сказал взрослым:

– Все-таки бабушка оказалась права. Я лучший мальчик на свете – я сейчас подарил Леле две монетки.

Бабушка ахнула от восторга. И мама тоже ахнула. Но папа, нахмурившись, сказал:

– Нет, лучший мальчик на свете тот, который сделает что-нибудь хорошее и после этим не будет хвастаться.

И тогда я побежал в сад, нашел свою сестру и дал ей еще монетку. И ничего об этом не сказал взрослым.

Итого, у Лельки стало три монеты, и четвертую монетку она нашла в траве, где она меня ударила по руке.

И на все эти четыре монеты Лелька купила мороженое. И она два часа его ела, наелась, и еще у нее осталось.

А к вечеру у нее заболел живот, и Лелька целую неделю пролежала в кровати.

И вот, ребята, прошло с тех пор много лет. И до сих пор я отлично помню папины слова.

Нет, мне, может быть, не удалось стать очень хорошим. Это очень трудно. Но к этому, дети, я всегда стремился.

И то хорошо.

4. НЕ НАДО ВРАТЬ

Я учился очень давно. Тогда еще были гимназии. И учителя тогда ставили в дневнике отметки за каждый спрошенный урок. Они ставили какой-нибудь балл – от пятерки до единицы включительно.

А я был очень маленький, когда поступил в гимназию, в подготовительный класс. Мне было всего семь лет.

И я ничего еще не знал, что бывает в гимназиях. И первые три месяца ходил буквально как в тумане.

И вот однажды учитель велел нам выучить наизусть стихотворение:

Весело сияет месяц над селом,

Белый снег сверкает синим огоньком...

А я этого стихотворения не выучил. Я не слышал, что сказал учитель. Я не слышал потому, что мальчики, которые сидели позади, то шлепали меня книгой по затылку, то мазали мне ухо чернилами, то дергали меня за волосы и, когда я от неожиданности вскакивал – подкладывали под меня карандаш или вставочку. И по этой причине я сидел в классе перепуганный и даже обалдевший и все время прислушивался, что еще замыслили против меня сидевшие позади мальчики.

А на другой день учитель, как назло, вызвал меня и велел прочитать наизусть заданное стихотворение.

А я не только не знал его, но даже и не подозревал, что на свете есть такие стихотворения. Но от робости я не посмел сказать учителю, что не знаю этих стихов. И совершенно ошеломленный стоял за своей партой, не произнося ни слова.

Но тут мальчишки стали подсказывать мне эти стихи. И благодаря этому я стал лепетать то, что они мне шептали.

А в это время у меня был хронический насморк, и я плохо слышал одним ухом и поэтому с трудом разбирал то, что они мне подсказывали.

Еще первые строчки я кое-как произнес. Но когда дело дошло до фразы: "Крест под облаками как свеча горит", я сказал. "Треск под сапогами как свеча болит".

Тут раздался хохот среди учеников. И учитель тоже засмеялся. Он сказал:

– А ну-ка, дай сюда свой дневник! Я тебе туда единицу поставлю.

И я заплакал, потому что это была моя первая единица и я еще не знал, что за это бывает.

После уроков моя сестренка Леля зашла за мной, чтобы вместе идти домой.

По дороге я достал из ранца дневник, развернул его на той странице, где была поставлена единица, и сказал Леле:

– Леля, погляди, что это такое? Это мне учитель поставил за стихотворение "Весело сияет месяц над селом".

Леля поглядела и засмеялась. Она сказала:

– Минька, это плохо! Это тебе учитель вlepил единицу по русскому языку. Это до того плохо, что я сомневаюсь, что папа тебе подарит фотографический аппаратик к твоим именинам, которые будут через две недели.

Я сказал:

– А что же делать?

Леля сказала:

– Одна наша ученица взяла и заклеила две страницы в своем дневнике, там, где у нее была единица. Ее папа полюбил пальцы, но отклеить не мог и так и не увидел, что там было.

Я сказал:

– Леля, это нехорошо – обманывать родителей!

Леля засмеялась и пошла домой. А я в грустном настроении зашел в городской сад, сел там на скамейку и, развернув дневник, с ужасом глядел на единицу.

Я долго сидел в саду. Потом пошел домой. Но когда подходил к дому, вдруг вспомнил, что оставил свой дневник на скамейке в саду. Я побежал назад. Но в саду на скамейке уже не было моего дневника. Я сначала испугался, а потом обрадовался, что теперь нет со мной дневника с этой ужасной единицей.

Я пришел домой и сказал отцу, что потерял свой дневник. И Леля засмеялась и подмигнула мне, когда услышала эти мои слова.

На другой день учитель, узнав, что я потерял дневник, выдал мне новый.

Я развернул этот новый дневник с надеждой, что на этот раз там ничего плохого нету, но там против русского языка снова стояла единица, еще более жирная, чем раньше.

И тогда я почувствовал такую досаду и так рассердился, что бросил этот дневник за книжный шкаф, который стоял у нас в классе.

Через два дня учитель, узнав, что у меня нету и этого дневника, заполнил новый. И, кроме единицы по русскому языку, он там вывел мне двойку по поведению. И сказал, чтоб мой отец непременно посмотрел мой дневник.

Когда я встретился с Лелей после уроков, она мне сказала:

– Это не будет вранье, если мы временно заклеим страницу. И через неделю после твоих именин, когда ты получишь фотоаппаратик, мы отклеим ее и покажем папе, что там было.

Мне очень хотелось получить фотографический аппарат, и я с Лелей заклеил уголки злополучной страницы дневника.

Вечером папа сказал:

– Ну-ка, покажи свой дневник! Интересно знать, не нахватал ли ты единиц?

Папа стал смотреть дневник, но ничего плохого там не увидел, потому что страница была заклеена.

И когда папа рассматривал мой дневник, на лестнице вдруг кто-то позвонил.

Пришла какая-то женщина и сказала:

– На днях я гуляла в городском саду и там на скамейке нашла дневник. По фамилии я узнала адрес и вот принесла его вам, чтобы вы сказали, не потерял ли этот дневник ваш сын.

Папа посмотрел дневник и, увидев там единицу, все понял.

Он не стал на меня кричать. Он только тихо сказал:

– Люди, которые идут на вранье и обман, смешны и комичны, потому что рано или поздно их вранье всегда обнаружится. И не было на свете случая, чтоб что-нибудь из вранья осталось неизвестным.

Я, красный как рак, стоял перед папой, и мне было совестно от его тихих слов.

Я сказал:

– Вот что: еще один мой, третий, дневник с единицей я бросил в школе за книжный шкаф.

Вместо того чтоб на меня рассердиться еще больше, папа улыбнулся и просиял. Он схватил меня на руки и стал меня целовать.

Он сказал:

– То, что ты в этом сознался, меня исключительно обрадовало. Ты сознался в том, что могло долгое время остаться неизвестным. И это мне дает надежду, что ты больше не будешь врать. И вот за это я тебе подарю фотоаппаратик.

Когда Леля услышала эти слова, она подумала, что папа свихнулся в своем уме и теперь всем дарит подарки не за пятерки, а за единицы.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

И тогда Леля подошла к папе и сказала:

– Папочка, я тоже сегодня получила двойку по физике, потому что не выучила урока.

Но ожидания Лели не оправдались. Папа рассердился на нее, выгнал ее из своей комнаты и велел ей немедленно сесть за книги.

И вот вечером, когда мы ложились спать, неожиданно раздался звонок.

Это к папе пришел мой учитель. И сказал ему:

– Сегодня у нас в классе была уборка, и за книжным шкафом мы нашли дневник вашего сына. Как вам нравится этот маленький врун и обманщик, бросивший свой дневник, с тем чтобы вы его не увидели?

Папа сказал:

– Об этом дневнике я уже лично слышал от моего сына. Он сам признался мне в этом поступке. Так что нет причин думать, что мой сын неисправимый врун и обманщик.

Учитель сказал папе:

– Ах, вот как. Вы уже знаете об этом. В таком случае – это недоразумение. Извините. Покойной ночи.

И я, лежа в своей постели, услышав эти слова, горько заплакал. И дал себе слово говорить всегда правду.

И я действительно так всегда и теперь поступаю.

Ах, это иногда бывает очень трудно, но зато у меня на сердце весело и спокойно.

5. ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Мои родители очень горячо меня любили, когда я был маленький. И они дарили мне много подарков.

Но когда я чем-нибудь заболел, родители буквально тогда засыпали меня подарками.

А я почему-то очень часто хворал. Главным образом свинкой или ангиной.

А моя сестренка Леля почти никогда не хворала. И она завидовала, что я так часто болею.

Она говорила:

– Вот погоди, Минька, я тоже как-нибудь захвораю, так наши родители тоже небось начнут мне закупать всего.

Но, как назло, Леля не хворала. И только раз, поставив стул к камину, она упала и разбила себе лоб. Она охала и стонала, но вместо ожидаемых подарков она от нашей мамы получила несколько шлепков, потому что она подставила стул к камину и хотела достать мамины часики, а это было запрещено.

И вот однажды наши родители ушли в театр, и мы с Лелей остались в комнате. И мы с ней стали играть на маленьком настольном бильярде.

И во время игры Леля, охнув, сказала:

– Минька, я сейчас нечаянно проглотила бильярдный шарик. Я держала его во рту, и он у меня через горло провалился вовнутрь.

А у нас для бильярда были хотя и маленькие, но удивительно тяжелые металлические шарики. И я испугался, что Леля проглотила такой тяжелый шарик. И заплакал, потому что подумал, что у нее в животе будет взрыв.

Но Леля сказала:

– От этого взрыва не бывает. Но болезнь может продолжаться целую вечность. Это не то что твои свинка и ангина, которые проходят в три дня.

Леля легла на диван и стала охать.

Вскоре пришли наши родители, и я им рассказал, что случилось.

И мои родители испугались до того, что побледнели. Они бросились к дивану, на котором лежала Лелька, и стали ее целовать и плакать.

И сквозь слезы мама спросила Лельку, что она чувствует в животе. И Леля сказала:

– Я чувствую, что шарик катается там у меня внутри. И мне от этого щекотно и хочется какао и апельсинов.

Папа надел пальто и сказал:

– Со всей осторожностью разденьте Лелю и положите ее в постель. А я тем временем сбегаю за врачом.

Мама стала раздевать Лелю, но когда она сняла платье и передник, из кармана передника вдруг выпал бильярдный шарик и покатился под кровать.

Папа, который еще не ушел, чрезвычайно нахмурился. Он подошел к бильярдному столику и пересчитал оставшиеся шары. И их оказалось пятнадцать, а шестнадцатый шарик лежал под кроватью.

Папа сказал:

– Леля нас обманула. В ее животе нет ни одного шарика: они все здесь.

Мама сказала:

– Это ненормальная и даже сумасшедшая девочка. Иначе я не могу ничем объяснить ее поступок.

Папа никогда нас не бил, но тут он дернул Лелю за косичку и сказал:

– Объясни, что это значит?

Леля захныкала и не нашлась, что ответить.

Папа сказал:

– Она хотела над нами пошутить. Но с нами шутки плохи! Целый год она от меня ничего не получит. И целый год она будет ходить в старых башмаках и в старом синеньком платье, которое она так не любит!

И наши родители, хлопнув дверью, ушли из комнаты.

И я, глядя на Лелю, не мог удержаться от смеха. Я ей сказал:

– Леля, лучше бы ты подождала, когда захвораешь свинкой, чем идти на такое вранье для получения подарков от наших родителей.

И вот, представьте себе, прошло тридцать лет!

Тридцать лет прошло с тех пор, как произошел этот маленький несчастный случай с бильярдным шариком.

И за все эти годы я ни разу не вспомнил об этом случае.

И только недавно, когда я стал писать эти рассказы, я припомнил все, что было. И стал об этом думать. И мне показалось, что Леля обманула родителей совсем не для того, чтобы получить подарки, которые она и без того имела. Она обманула их, видимо, для чего-то другого.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

И когда мне пришла в голову эта мысль, я сел в поезд и поехал в Симферополь, где жила Леля. А Леля была уже, представьте себе, взрослая и даже уже немножко старая женщина. И у ней было трое детей и муж – санитарный доктор.

И вот я приехал в Симферополь и спросил Лелю:

– Леля, помнишь ли ты этот случай с бильярдным шариком? Зачем ты это сделала?

И Леля, у которой было трое детей, покраснела и сказала:

– Когда ты был маленький, ты был славненький, как кукла. И тебя все любили. А я уже тогда выросла и была нескладная девочка. И вот почему я тогда соврала, что проглотила бильярдный шарик, – я хотела, чтобы и меня так же, как тебя, все любили и жалели, хотя бы как больную.

И я ей сказал:

– Леля, я для этого приехал в Симферополь.

И я поцеловал ее и крепко обнял. И дал ей тысячу рублей.

И она заплакала от счастья, потому что она поняла мои чувства и оценила мою любовь.

И тогда я подарил ее детям каждому по сто рублей на игрушки. И мужу ее – санитарному врачу – отдал свой портсигар, на котором золотыми буквами было написано: "Будь счастливым".

Потом я дал на кино и конфеты еще по тридцать рублей ее детям и сказал им:

– Глупенькие маленькие сычи! Я дал вам это для того, чтобы вы лучше запомнили переживаемый момент, и для того, чтобы вы знали, как вам надо в дальнейшем поступать.

На другой день я уехал из Симферополя и дорогой думал о том, что надо любить и жалеть людей, хотя бы тех, которые хорошие. И надо дарить им иногда какиенибудь подарки. И тогда у тех, кто дарит, и у тех, кто получает, становится прекрасно на душе.

А которые ничего не дарят людям, а вместо этого преподносят им неприятные сюрпризы, – у тех бывает мрачно и противно на душе. Такие люди чахнут, сохнут и хворают нервной экземой. Память у них ослабевает, и ум затемняется. И они умирают раньше времени.

А добрые, наоборот, живут крайне долго и отличаются хорошим здоровьем.

6. НАХОДКА

Однажды мы с Лелей взяли коробку от конфет и положили туда лягушку и паука.

Потом мы завернули эту коробку в чистую бумагу, перевязали ее шикой оной голубой ленточкой и положили этот пакет на панель против нашего сада. Как будто бы кто-то шел и потерял свою покупку.

Положив этот пакет возле тумбы, мы с Лелей спрятались в кустах нашего сада и, давась от смеха, стали ждать, что будет.

И вот идет прохожий.

Увидев наш пакет, он, конечно, останавливается, радуется и даже от удовольствия потирает себе руки. Еще бы: он нашел коробку конфет – это не так-то часто бывает в этом мире.

Затаив дыхание, мы с Лелей смотрим, что будет дальше.

Прохожий нагнулся, взял пакет, быстро развязал его и, увидев красивую коробку, еще того более обрадовался.

И вот крышка открыта. И наша лягушка, соскучившись сидеть в темноте, выскакивает

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
из коробки прямо на руку прохожего.

Тот ахает от удивления и швыряет коробку подальше от себя.

Тут мы с Лелей стали так смеяться, что повалились на траву.

И мы смеялись до того громко, что прохожий обернулся в нашу сторону и, увидев нас за забором, тотчас все понял.

В одно мгновение он ринулся к забору, одним махом перепрыгнул его и бросился к нам, чтобы нас проучить.

Мы с Лелей задали стрекача.

Мы с визгом бросились через сад к дому.

Но я запнулся о грядку и растянулся на траве.

И тут прохожий довольно сильно отодрал меня за ухо.

Я громко закричал. Но прохожий, дав мне еще два шлепка, спокойно удалился из сада.

На крик и шум прибежали наши родители.

Держась за покрасневшее ухо и всхлипывая, я подошел к родителям и пожаловался им на то, что было.

Моя мама хотела позвать дворника, чтобы с дворником догнать прохожего и арестовать его.

И Леля уже было кинулась за дворником. Но папа остановил ее. И сказал ей и маме:

– Не зовите дворника. И не надо арестовывать прохожего. Конечно, это не дело, что он отодрал Миньку за уши, но на месте прохожего я, пожалуй, сделал бы то же самое.

Услышав эти слова, мама рассердилась на папу и сказала ему:

– Ты ужасный эгоист!

И мы с Лелей тоже рассердились на папу и ничего ему не сказали. Только я потерял свое ухо и заплакал. И Лелька тоже захныкала. И тогда моя мама, взяв меня на руки, сказала папе:

– Вместо того чтобы заступаться за прохожего и этим доводить детей до слез, ты бы лучше объяснил им, что есть плохого в том, что они сделали. Лично я этого не вижу и все расцениваю как невинную детскую забаву.

И папа не нашелся, что ответить. Он только сказал:

– Вот дети вырастут большими и когда-нибудь сами узнают, почему это плохо.

И вот проходили годы. Прошло пять лет. Потом десять лет прошло. И наконец прошло двенадцать лет.

Прошло двенадцать лет, и из маленького мальчика я превратился в молодого студентика лет так восемнадцати.

Конечно, я забыл и думать об этом случае. Более интересные мысли посещали тогда мою голову.

Но однажды вот что произошло.

Весной, по окончании экзаменов, я поехал на Кавказ. В то время многие студенты брали на лето какую-нибудь работу и уезжали кто куда. И я тоже взял себе должность – контролера поездов.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
я был бедный студентик и денег не имел. А тут давали бесплатный билет на Кавказ и вдобавок платили жалованье. И вот я взял эту работу. И поехал.

Приезжаю сначала в город Ростов, для того чтобы зайти в управление и получить там деньги, документы и шипчики для пробивания билетов.

А наш поезд опоздал. И вместо утра пришел в пять часов вечера.

Я сдал мой чемодан на хранение. И на трамвае поехал в канцелярию.

Прихожу туда. Швейцар мне говорит:

– К великому сожалению, опоздали, молодой человек. Канцелярия уже закрыта.

– Как так, – говорю, – закрыта. Мне же надо сегодня получить деньги и удостоверение.

Швейцар говорит:

– Все уже ушли. Приходите послезавтра.

– Как так, – говорю, – послезавтра" Тогда лучше уж завтра зайду.

Швейцар говорит:

– Завтра праздник, канцелярия не работает. А послезавтра приходите и все, что надо, получите.

Я вышел на улицу. И стою. Не знаю, что мне делать.

Впереди два дня. Денег в кармане нет – всего осталось три копейки. Город чужой – никто меня тут не знает. И где мне остановиться – неизвестно. И что кушать – непонятно.

Я побежал на вокзал, чтобы взять из моего чемодана какую-нибудь рубашку или полотенце, для того чтобы продать на рынке. Но на вокзале мне сказали:

– Прежде чем брать чемодан, заплатите за хранение, а потом уж его берите и делайте с ним что хотите.

Кроме трех копеек, у меня ничего не было, и я не мог заплатить за хранение. И вышел на улицу еще того более расстроенный.

Нет, сейчас бы я так не растерялся. А тогда я ужасно растерялся. Иду, бреду по улице неизвестно куда и горюю.

И вот иду по улице и вдруг на панели вижу: что такое? Маленький красный плюшевый кошелек. И, видать, не пустой, а туго набитый деньгами.

На одно мгновение я остановился. Мысли, одна другой радостнее, мелькнули у меня в голове. Я мысленно увидел себя в булочной за стаканом кофе. А потом в гостинице на кровати, с плиткой шоколада в руках.

Я сделал шаг к кошельку. И протянул за ним руку. Но в этот момент кошелек (или мне это показалось) немного отодвинулся от моей руки.

Я снова протянул руку и уже хотел схватить кошелек. Но он снова отодвинулся от меня, и довольно далеко.

Ничего не соображая, я снова бросился к кошельку.

И вдруг в саду, за забором, раздался детский хохот. И кошелек, привязанный за нитку, стремительно исчез с панели.

Я подошел к забору. Какие-то ребята от хохота буквально катались по земле.

Я хотел броситься за ними. И уже схватился рукой за забор, чтоб его перепрыгнуть. Но тут в одно мгновение мне припомнилась давно забытая сценка из

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
моей детской жизни.

И тогда я ужасно покраснел. отошел от забора. И медленно шагая, побрел дальше.
Ребята! Все проходит в жизни. Прошли и эти два дня.

Вечером, когда стемнело, я пошел за город и там, в поле, на траве, заснул.

Утром встал, когда взошло солнышко. Купил фунт хлеба за три копейки, съел и запил водичкой. И целый день, до вечера, без толку бродил по городу.

А вечером снова пришел в поле и снова там переночевал. Только на этот раз плохо, потому что пошел дождь и я промок как собака.

Рано утром на другой день я уже стоял у подъезда и ожидал, когда откроется канцелярия.

И вот она открыта. Я, грязный, взлохмаченный и мокрый, вошел в канцелярию.

Чиновники недоверчиво на меня посмотрели. И сначала не захотели мне выдать деньги и документы. Но потом выдали.

И вскоре я, счастливый и сияющий, поехал на Кавказ.

7. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Когда мне было шесть лет, я не знал, что земля имеет форму шара.

Но Степка, хозяйский сын, у родителей которого мы жили на даче, объяснил мне, что такое земля. Он сказал:

– Земля есть круг. И если пойти все прямо, то можно обогнуть всю землю, и все равно придешь в то самое место, откуда вышел.

И когда я не поверил, Степка ударил меня по затылку и сказал:

– Скорей я пойду в кругосветное путешествие с твоей сестренкой Лелей, чем я возьму тебя. Мне не доставляет интереса с дураками путешествовать.

Но мне хотелось путешествовать, и я подарил Степке перочинный ножик.

Степке понравился ножик, и он согласился взять меня в кругосветное путешествие.

На огороде Степка устроил общее собрание путешественников. И там он сказал мне и Леле:

– Завтра, когда ваши родители уедут в город, а моя мамаша пойдет на речку стирать, мы сделаем, что задумали. Мы пойдем все прямо и прямо, пересекая горы и пустыни. И будем идти напрямик до тех пор, пока не вернемся сюда обратно, хотя бы на это у нас ушел целый год. Леля сказала:

– А если, Степочка, мы встретим индейцев?

– Что касается индейцев, – ответил Степа, – то индейские племена мы будем брать в плен.

– А которые не захотят идти в плен? – робко спросил я.

– Которые не захотят, – ответил Степа, – тех мы и не будем брать в плен.

Леля сказала:

– Из моей копилки я возьму три рубля. Я думаю, что нам хватит этих денег.

Степка сказал:

– Три рубля нам безусловно хватит, потому что нам деньги нужны только лишь на покупку семечек и конфет. Что касается еды, то мы по дорою будем убивать мелких животных, и их нежное мясо мы будем жарить на костре.

Степка сбегал в сарай и принес оттуда большой мешок из-под муки. И в этот мешок мы стали собирать вещи, нужные для далеких путешествий. Мы положили в мешок хлеб, и сахар, и кусочек сала, потом положили разную посуду – тарелки, стаканы, вилки и ножи. Потом, подумавши, положили цветные карандаши, волшебный фонарик, глиняный рукомойник и увеличительное стеклышко для зажигания костров. И, кроме того, зачихали в мешок два одеяла и подушку от тахты.

Помимо этого, я приготовил три рогатки, удочку и сачок для ловли тропических бабочек.

И на другой день, когда наши родители уехали в город, а Степкина мать ушла на речку полоскать белье, мы покинули нашу деревню Пески.

Мы пошли по дороге через лес.

Впереди бежала Степкина собачка Тузик. За ней шел Степка с громадным мешком на голове. За Степкой шла Леля со скакалкой. И за Лелей с тремя рогатками, сачком и удочкой шел я.

Мы шли около часа.

Наконец Степа сказал:

– Мешок дьявольски тяжелый. И я один его не понесу. Пусть каждый по очереди несет этот мешок.

Тогда Леля взяла этот мешок и понесла его.

Но она недолго несла, потому что выбилась из сил.

Она бросила мешок на землю и сказала: А теперь пусть Минька понесет.

Когда на меня взвалили этот мешок, я ахнул от удивления: до того этот мешок оказался тяжелым.

Но я еще больше удивился, когда зашагал с этим мешком по дороге. Меня пригибало к земле, и я, как маятник, качался из стороны в сторону, пока наконец, пройдя шагов десять, не свалился с этим мешком в канаву.

Причем я свалился в канаву странным образом. Сначала упал в канаву мешок, а вслед за мешком, прямо на все эти вещи, нырнул я. И хотя я был легкий, тем не менее я ухитрился разбить все стаканы, почти все тарелки и глиняный рукомойник.

Леля и Степка умирали от смеха, глядя, как я барахтаюсь в канаве. И поэтому они не рассердились на меня, узнав, какие убытки я причинил своим падением.

Степка свистнул собаку и хотел ее приспособить для ношения тяжестей. Но из этого ничего не вышло, потому что Тузик не понимал, что мы от него хотим. Да и мы плохо соображали, как нам под это приспособить Тузика.

Воспользовавшись нашим раздумьем, Тузик прогрыз мешок и в одно мгновение скушал все сало.

Тогда Степка велел всем вместе нести этот мешок.

Ухватившись за углы, мы понесли мешок. Но нести было неудобно и тяжело. Тем не менее мы шли еще два часа. И наконец вышли из леса на лужайку.

Тут Степка решил сделать привал. Он сказал:

– Всякий раз, когда мы будем отдыхать или когда будем ложиться спать, я буду протягивать ноги в том направлении, в каком нам надо идти. Все великие путешественники так поступали и благодаря этому не сбивались со своего прямого пути.

И Степка сел у дороги, протянув вперед ноги.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Мы развязали мешок и начали закусывать.

Мы ели хлеб, посыпанный сахарным песком.

Вдруг над нами стали кружиться осы. И одна из них, желая, видимо, попробовать мой сахар, ужалила меня в щеку. Вскоре моя щека вздулась, как пирог. И я, по совету Степки, стал прикладывать к ней мох, сырую землю и листья.

Перед тем как пойти дальше, Степка выкинул из мешка почти все, что там было, и мы пошли налегке.

Я шел позади всех, скуля и хныча. Щека моя горела и пыла. Леля тоже была не рада путешествию. Она вздыхала и мечтала о возвращении домой, говоря, что дома тоже бывает хорошо.

Но Степка запретил нам об этом и думать. Он сказал:

– Каждого, кто захочет вернуться домой, я привяжу к дереву и оставлю на съедение муравьям.

Мы продолжали идти в плохом настроении.

И только у Тузика настроение было ничего себе.

Здрав хвост, он носился за птицами и своим лаем вносил излишний шум в наше путешествие.

Наконец стало темнеть.

Степка бросил мешок на землю. И мы решили тут заночевать.

Мы собрали хворосту для костра. И Степка извлек из мешка увеличительное стеклышко, чтобы разжечь костер.

Но, не найдя на небе солнца, Степка приуныл. И мы тоже огорчились.

И, покушав хлеба, легли в темноте.

Степка торжественно лег ногами вперед, говоря, что утром нам будет ясно, в какую сторону идти.

Степка захрапел. И Тузик тоже засопел носом. Но мы с Лелей долго не могли заснуть. Нас пугал темный лес и шум деревьев. Сухую ветку над головой Леля вдруг приняла за змею и от ужаса завизжала.

А упавшая шишка с дерева напугала меня до того, что я подскочил на земле, как мячик.

Наконец мы задремали.

Я проснулся оттого, что Леля теребила меня за плечи. Было раннее утро. И солнце еще не взошло.

Леля шепотом сказала мне:

– Минька, пока Степка спит, давай повернем его ноги в обратную сторону. А то он заведет нас куда Макар телят не гонял.

Мы посмотрели на Степку. Он спал с блаженной улыбкой.

Мы с Лелей ухватились за его ноги и в одно мгновение повернули их в обратную сторону, так что Степкина голова описала полукруг.

Но от этого Степка не проснулся.

Он только застонал во сне и замахал руками, бормоча: "Эй, сюда, ко мне..."

Наверное, ему снилось, что на него напали индейцы и он зовет нас на помощь.

Мы стали ждать, когда Степка проснется.

Он проснулся с первыми лучами солнца и, посмотрев на свои ноги, сказал:

– Хороши бы мы были, если б я лег ногами куда попало. Вот мы бы и не знали, в какую сторону нам идти. А теперь благодаря моим ногам всем нам ясно, что надо идти туда.

И Степка махнул рукой по направлению дороги, по которой мы шли вчера.

Мы покушали хлеба и двинулись в путь.

Дорога была знакома. И Степка то и дело раскрывал рот от удивления. Тем не менее он сказал:

– Кругосветное путешествие тем и отличается от других путешествий, что все повторяется, так как земля есть круг.

Позади раздался скрип колес. Это какой-то дяденька ехал на телеге.

Степка сказал:

– Для быстроты путешествия и чтоб скорей обогнуть землю, не худо бы нам сесть в эту телегу.

Мы стали проситься, чтоб нас подвезли. Добродушный дяденька остановил телегу и позволил нам в нее сесть.

Мы быстро покатали. И ехали не больше часа.

Вдруг впереди показалась наша деревня Пески.

Степка, раскрыв рот из изумленья, сказал:

– Вот деревня, в аккурат похожая на нашу деревню Пески. Это бывает во время кругосветных путешествий.

Но Степка еще больше изумился, когда мы подъехали к пристани.

Мы вылезли из телеги.

Сомненья не оставалось – это была наша пристань, К к ней только что подошел пароход.

Степка прошептал:

– Неужели же мы обогнули землю?

Леля фыркнула, и я тоже засмеялся.

Но тут мы увидели на пристани наших родителей и нашу бабушку – они только что сошли с парохода.

И рядом с ними мы увидели нашу няньку, которая с плачем что-то говорила.

Мы побежали к родителям.

И родители засмеялись от радости, что увидели нас.

Нянька сказала:

– Ах, дети, а я думала, что вы вчера потонули.

Леля сказала:

– Если бы мы вчера потонули, то мы бы не могли отправиться в кругосветное путешествие.

Мама воскликнула:

– Что я слышу! Их надо наказать.

Папа сказал:

– Все хорошо, что хорошо кончается.

Бабушка, сорвав ветку, сказала:

– Я предлагаю выпороть детей. Миньку пусть выпорот мама. А Лелю я беру на себя.

Папа сказал:

– Порка – это старый метод воспитания детей. И это не приносит пользы. Дети небось и без порки поняли, какую глупость они совершили.

Мама, вздохнув, сказала:

– У меня дурацкие дети. Идти в кругосветное путешествие, не зная таблицы умножения и географии, – ну что это такое!

Папа сказал:

– Мало знать географию и таблицу умножения. Чтоб идти в кругосветное путешествие, надо иметь высшее образование в размере пяти курсов. Надо знать все, что там преподают, включая космографию. А те, которые пускаются в дальний путь без этих знаний, приходят к печальным результатам, достойным сожаления.

С этими словами мы пришли домой. И сели обедать. И наши родители смеялись и ахали, слушая наши рассказы о вчерашнем приключении.

Что касается Степки, то его мамаша заперла в бане, и там наш великий путешественник просидел целый день.

А на другой день мамаша его выпустила. И мы с ним стали играть как ни в чем не бывало.

Остается еще сказать несколько слов о Тузике.

Тузик бежал за телегой целый час и очень переутомился.

Прибывав домой, он забрался в сарай и там спал до вечера.

А вечером, покушав, снова заснул, и что он видел во сне – остается покрытым мраком неизвестности.

Что касается меня, то во сне я увидел тигра, которого я убил выстрелом из рогатки.

8. ЗОЛОТЫЕ СЛОВА

Когда я был маленький, я очень любил ужинать со взрослыми. И моя сестренка Леля тоже любила такие ужины не меньше, чем я.

Во-первых, на стол ставилась разнообразная еда. И эта сторона дела нас с Лелей в особенности прельщала.

Во-вторых, взрослые всякий раз рассказывали интересные факты из своей жизни. И это нас с Лелей забавляло.

Конечно, первые разы мы вели себя за столом тихо. Но потом осмелели. Леля стала вмешиваться в разговоры. Тараторила без конца. И я тоже иной раз вставлял свои замечания.

Наши замечания смешили гостей. И мама с папой сначала были даже довольны, что гости видят такой наш ум и такое наше развитие.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Но потом вот что произошло на одном ужине.

Папин начальник начал рассказывать какую-то невероятную историю о том, как он спас пожарного. Этот пожарный будто бы угорел на пожаре. И папин начальник вытащил его из огня.

Возможно, что был такой факт, но только нам с Лелей этот рассказ не понравился.

И Леля сидела как на иголках. Она вдобавок вспомнила одну историю вроде этой, но только еще более интересную. И ей поскорее хотелось рассказать эту историю, чтоб ее не забыть.

Но папин начальник, как назло, рассказывал крайне медленно. И Леля не могла более терпеть.

Махнув рукой в его сторону, она сказала:

– Это что! Вот у нас во дворе одна девочка...

Леля не закончила свою мысль, потому что мама на нее шикнула. И папа на нее строго посмотрел.

Папин начальник покраснел от гнева. Ему неприятно стало, что про его рассказ Леля сказала: "Это что!"

Обратившись к нашим родителям, он сказал:

– Я не понимаю, зачем вы сажаете детей со взрослыми. Они меня перебивают. И вот я теперь потерял нить моего рассказа. На чем я остановился?

Леля, желая загладить происшествие, сказала:

– Вы остановились на том, как угоревший пожарный сказал вам "мерси". Но только странно, что он вообще что-нибудь мог сказать, раз он был угоревший и лежал без сознания... Вот у нас одна девочка во дворе...

Леля снова не закончила свои воспоминания, потому что получила от мамы шлепок.

Гости заулыбались. И папин начальник еще более покраснел от гнева.

Видя, что дело плохо, я решил поправить положение. Я сказал Леле.

– Ничего странного нету в том, что сказал папин начальник. Смотря какие угоревшие, Леля. Другие угоревшие пожарные хотя и лежат в обмороке, но все-таки они говорить могут. Они бредят. И говорят, сами не зная что. Вот он и сказал – "мерси". А сам, может, хотел сказать – "караул".

Гости засмеялись. А папин начальник, затрясшись от гнева, сказал моим родителям:

– Вы плохо воспитываете ваших детей. Они мне буквально пикнуть не дают – все время перебивают глупыми замечаниями.

Бабушка, которая сидела в конце стола у самовара, сердито сказала, поглядывая на Лелю:

– Глядите, вместо того чтобы раскаяться в своем поведении, эта особа снова принялась за еду. Глядите, она даже аппетита не потеряла – кушает за двоих...

– На сердитых воду возят.

Бабушка не расслышала этих слов. Но папин начальник, который сидел рядом с Лелей, принял эти слова на свой счет.

Он прямо ахнул от удивления, когда это услышал.

Обратившись к нашим родителям, он так сказал:

– Всякий раз, когда я собираюсь к вам в гости и вспоминаю про ваших детей, мне

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
прямо неохота к вам идти.

Папа сказал:

– Ввиду того что дети действительно вели себя крайне развязно и тем самым они не оправдали наших надежд, я запрещаю им с этого дня ужинать со взрослыми. Пусть они допьют свой чай и уходят в свою комнату.

Доев сардинки, мы с Лелей удалились под веселый смех и шутки гостей.

И с тех пор два месяца не садились вместе со взрослыми.

А спустя два месяца мы с Лелей стали упрашивать нашего отца, чтобы он нам снова разрешил ужинать со взрослыми. И наш отец, который был в тот день в прекрасном настроении, сказал:

– Хорошо, я вам это разрешу, но только я категорически запрещаю вам что-либо говорить за столом. Одно ваше слово, сказанное вслух, – и более вы за стол не сядете.

И вот, в один прекрасный день мы снова за столом, ужинаем со взрослыми.

На этот раз мы сидим тихо и молчаливо. Мы знаем папин характер. Мы знаем, что если мы скажем хоть полслова, наш отец никогда более не разрешит нам есть со взрослыми.

Но от этого запрещения говорить мы с Лелей пока не очень страдаем. Мы с Лелей едим за четверых и между собой пересмеиваемся. Мы считаем, что взрослые даже прогадали, не позволив нам говорить. Наши рты, свободные от разговоров, целиком заняты едой.

Мы с Лелей съели все, что возможно, и перешли на сладкое.

Съев сладкое и выпив чай, мы с Лелей решили пройтись по второму кругу – мы решили повторить еду с самого начала, тем более что наша мать, увидав, что на столе почти что чисто, принесла новую еду.

Я взял булку и отрезал кусок масла. А масло было совершенно замерзшее – его только вынули из-за окна.

Это замерзшее масло я хотел намазать на булку. Но мне это не удавалось сделать. Оно было как каменное.

И тогда я положил масло на кончик ножа и стал его греть над чаем.

А так как свой чай я давно выпил, то я стал греть это масло над стаканом папиного начальника, с которым я сидел рядом.

Папин начальник что-то рассказывал и не обращал на меня внимания.

Между тем нож согрелся над чаем. Масло немножко подтаяло. Я хотел его намазать на булку и уже стал отводить руку от стакана. Но тут мое масло неожиданно соскользнуло с ножа и упало прямо в чай.

Я обмер от страха.

Я вытаращенными глазами смотрел на масло, которое плюхнулось в горячий чай.

Потом я оглянулся по сторонам. Но никто из гостей не заметил происшествия.

Только одна Леля увидела, что случилось.

Она стала смеяться, поглядывая то на меня, то на стакан с чаем.

Но она еще больше засмеялась, когда папин начальник, что-то рассказывая, стал ложечкой помешивать свой чай.

Он мешал его долго, так что все масло растаяло без остатка. И теперь чай был

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
похож на куриный бульон.

Папин начальник взял стакан в руку и стал подносить его к своему рту.

И хотя Леля была чрезвычайно заинтересована, что произойдет дальше и что будет делать папин начальник, когда он глотнет эту бурду, но все-таки она немножко испугалась. И даже уже раскрыла рот, чтобы крикнуть папиному начальнику: "Не пейте!"

Но, посмотрев на папу и вспомнив, что нельзя говорить, смолчала.

И я тоже ничего не сказал. Я только взмахнул руками и, не отрываясь, стал смотреть в рот папиному начальнику.

Между тем папин начальник поднес стакан к своему рту и сделал большой глоток.

Но тут глаза его стали круглыми от удивления. Он охнул, подпрыгнул на своем стуле, открыл рот и, схватив салфетку, стал кашлять и плевать.

Наши родители спросили его:

– Что с вами произошло?

Папин начальник от испуга не мог ничего произнести.

Он показывал пальцами на свой рот, мычал и не без страха поглядывал на свой стакан.

Тут все присутствующие стали с интересом рассматривать чай, оставшийся в стакане.

Мама, попробовав этот чай, сказала:

– Не бойтесь, тут плавает обыкновенное сливочное масло, которое растопилось в горячем чае.

Папа сказал:

– Да, но интересно знать, как оно попало в чай. Нука, дети, поделитесь с нами вашими наблюдениями.

Получив разрешение говорить, Леля сказала:

– Минька грел масло над стаканом, и оно упало.

Тут Леля, не выдержав, громко засмеялась.

Некоторые из гостей тоже засмеялись. А некоторые с серьезным и озабоченным видом стали рассматривать свои стаканы.

Папин начальник сказал:

– Еще спасибо, что они мне в чай масло положили. Они могли бы дегтю влить. Интересно, как бы я себя чувствовал, если бы это был деготь... Ну, эти дети доведут меня до сумасшествия.

Один из гостей сказал:

– Меня другое интересует. Дети видели, что масло упало в чай. Тем не менее они никому не сказали об этом. И допустили выпить такой чай. И вот в чем их главное преступление.

Услышав эти слова, папин начальник воскликнул:

– Ах, в самом деле, гадкие дети, почему вы мне ничего не сказали? Я бы тогда не стал пить этот чай...

Леля, перестав смеяться, сказала:

– Нам папа не велел за столом говорить. Вот поэтому мы ничего не сказали.

Я, вытерев слезы, пробормотал:

– Ни одного слова нам папа не велел произносить. А то бы мы что-нибудь сказали.

Папа, улыбнувшись, сказал:

– Это не гадкие дети, а глупые. Конечно, с одной стороны, хорошо, что они беспрекословно исполняют приказания. Надо и впредь так же поступать – исполнять приказания и придерживаться правил, которые существуют. Но все это надо делать с умом. Если б ничего не случилось – у вас была священная обязанность молчать. Масло попало в чай или бабушка забыла закрыть кран у самовара – вам надо крикнуть. И вместо наказания вы получили бы благодарность. Все надо делать с учетом изменившейся обстановки. И эти слова вам надо золотыми буквами записать в своем сердце. Иначе получится абсурд.

Мама сказала:

– Или, например, я не велю вам выходить из квартиры. Вдруг пожар. Что же вы, дурацкие дети, так и будете торчать в квартире, пока не сгорите. Наоборот, вам надо выскочить из квартиры и поднять переполох.

Бабушка сказала:

– Или, например, я всем налила по второму стакану чаю. А Леле я не налила. Значит, я поступила правильно?

Тут все, кроме Лели, засмеялись. А папа сказал:

– Вы не совсем правильно поступили, потому что обстановка снова изменилась. Выяснилось, что дети не виноваты. А если и виноваты, то в глупости. Ну, а за глупость наказывать не полагается. Попросим вас, бабушка, налить Леле чаю.

Все гости засмеялись. А мы с Лелей зааплодировали.

Но папины слова я, пожалуй, не сразу понял. Зато впоследствии я понял и оценил эти золотые слова.

И этих слов, уважаемые дети, я всегда придерживался во всех случаях жизни. И в личных своих делах. И на войне. И даже, представьте себе, в моей работе.

В моей работе я, например, учился у старых великолепных мастеров. И у меня был большой соблазн писать по тем правилам, по которым они писали.

Но я увидел, что обстановка изменилась. Жизнь и публика уже не те, что были при них. И поэтому я не стал подражать их правилам.

И, может быть, поэтому я принес людям не так уж много огорчений. И был до некоторой степени счастливым.

Впрочем, еще в древние времена один мудрый человек (которого вели на казнь) сказал: "Никого нельзя назвать счастливым раньше его смерти".

Это были тоже золотые слова.

1939

РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ

Эти рассказы написаны мною для детей дошкольного возраста.

1. ГРАФИН

Когда Ленину было восемь лет, с ним случилась одна маленькая история, о которой впоследствии, много лет спустя, рассказала его сестра, Анна Ильинична.

Анна Ильинична говорила про своего брата, что он был большой шалун. Но вместе с тем он был очень правдивый мальчик. Он никогда не врал и всегда признавался в

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
своих шалостях.

Но однажды с ним случилось такое происшествие.

Вместе с отцом и со своими сестрами маленький Володя поехал в Казань.

Там, в Казани, проживала их родственница, тетя Аня. И вот они к ней поехали.

А у тети Ани тоже были дети – двоюродные братья и двоюродные сестры Ленина.

Встреча была интересная. Дети много шалили, бегали, играли в разные игры.

И однажды до того расшалились, что опрокинули на пол графин, который стоял на столике.

Это у них была какая-то веселая игра. Они друг от друга бегали. И Володя, бегая по комнате, наткнулся на этот столик. Столик покачнулся, и красивый хрустальный графин упал на пол и разбился вдребезги.

Дети даже не заметили, кто именно разбил графин. Все бегали и все носились по комнате.

И только когда разбился графин, дети присмирели.

Вдруг открывается дверь, и в комнату входит тетя Аня. Она услышала звон и шум и вот пришла посмотреть, что случилось.

И, увидев на полу разбитый графин, тетя Аня спросила:

– Дети, кто из вас разбил графин?

И все дети стали говорить: "Это не я". И маленький Володя тоже сказал: "Это не я". И сказал он это так тихо, что еле можно было услышать его.

Он сказал неправду, потому что он в первый момент испугался. Все-таки чужой дом, чужая квартира, малознакомая тетя Аня. И, кроме того, он из всех был самый маленький. И у него не повернулся язычок сказать: "Это я".

Тогда тетя Аня говорит:

– В таком случае выходит, что графин сам разбился. Наверное, ему скучно стало на столе стоять – вот он и упал.

Дети засмеялись и говорят:

– Наверно, он хотел с нами побегать. И вот поэтому он прыгнул со столика на пол. Но он, бедненький, забыл, что он стеклянный, и разбился.

И дети опять засмеялись. Только один маленький Володя не засмеялся. Он ушел в другую комнату и сел у окна. И долго там сидел и о чем-то думал. И только к вечеру он снова стал шалить с ребятами.

Но вот прошло два месяца.

Уже из Казани они давно уехали. И снова жили в своем городе Симбирске.

И вот как-то вечером, когда дети ложились спать, мать подошла к Володиной кровати и видит, что мальчик о чем-то горько плачет.

Мать спросила:

– О чем ты плачешь?

И мальчик, всхлипывая, сказал:

– Мама, когда мы были в Казани, я обманул тетю Аню. Я сказал, что это не я разбил графин, а это я разбил графин.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Мама стала утешать мальчика. Она сказала:

– Ну, это ничего! Не плачь! Я напишу тете Ане письмо. И она, наверно, тебя простит.

Мальчик, всхлипывая, сказал:

– Ты непременно напиши письмо тете Ане! Напиши, что это я разбил.

Мама снова стала утешать его. И тогда мальчик успокоился и заснул.

Целуя и закрывая одеялом своего маленького сына, мать подумала: "Какой он удивительный ребенок он два месяца помнил об этой истории и два месяца огорчился, что случайно сказал неправду! Но теперь, когда он признался – ему стало легко, и вот он даже с улыбкой заснул".

На другой день мама написала тете Ане письмо. И вскоре тетя Аня ответила, что она вовсе не сердится на своего милого племянника и снова ждет его к себе в гости.

2. СЕРЕНЬКИЙ КОЗЛИК

Когда Ленин был маленький, он почти ничего не боялся.

Он смело входил в темную комнату. Не плакал, когда рассказывали страшные сказки. И вообще он почти никогда не плакал.

А его младший брат Митя был очень хороший и добрый мальчик. Но только он был очень уж жалостливый.

Кто-нибудь запоет грустную песню, и Митя в три ручья плачет.

Особенно он горько плакал, когда дети пели "Козлика".

Многие дети знают эту песенку – о том, как у бабушки жил серенький козлик.

В этой песенке говорится, что бабушка очень любила этого серенького козлика. И не велела ему в лес ходить. Но козлик не послушался бабушку пошел в лес погулять. А там на него напали серые волки, растерзали его, съели. И оставили бабушке рожки да ножи.

Несомненно, песенка грустная. Но плакать, конечно, не надо было. Ведь это песня. Это нарочно, а не на самом деле.

Безусловно, козлика жалко. Но только он отчасти сам виноват: зачем без спросу пошел в лес гулять.

В общем, у Мити всегда дрожал голосок и дергались губенки, когда он вместе с детьми пел эту песню.

А когда Митя доходил до грустных слов: "Напали на козлика серые волки", – он всякий раз заливался в три ручья.

И вот однажды дети собрались у рояля и запели эту песню.

Они благополучно спели две строчки. Но когда дошли до грустного места о том, как козлик пошел в лес, Митя начал всхлипывать.

Маленький Володя, увидев это, обернулся к Мите сделал страшное лицо и нарочно ужасным и громким голосом запел:

"На-па-али на-а коз-ли-ка серые вол-ки..."

Тут Митя, конечно, не выдержал и зарыдал еще больше.

Старшая сестра сделала брату замечание, зачем он дразнит Митю.

И на это маленький Володя ответил:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru

– А зачем он боится? Я не хочу, чтоб он плакал и боялся. Дети должны быть храбрыми.

Митя сказал:

– Тогда я не буду больше бояться.

Дети снова запели эту песенку. И Митя храбро спел ее до конца. И только одна слезинка потекла у него по щеке, когда дети заканчивали песенку: "Оставили бабушке рожки да ножки".

Маленький Володя поцеловал своего младшего братишку и сказал ему:

– Вот теперь молодец.

3. РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЛЕНИН УЧИЛСЯ

Ленин учился очень хорошо, даже замечательно. Он получил золотую медаль за окончание гимназии.

И в высшем учебном заведении он тоже, наверно, очень бы хорошо учился. Но, к сожалению, начальники исключили его из университета, потому что он был революционер. А этого начальство не терпело. И царь тоже не позволял революционерам учиться.

В общем, Ленину не позволили учиться в университете.

Другой человек на месте Ленина так бы и остался без высшего образования. Но Ленин этого не захотел.

Он сказал матери:

– Я непременно кончу высшую школу.

А уже проходило время. И прошло два года после исключения.

Наконец Ленин подал заявление министру. Он попросил разрешение сдать экзамены за всю высшую школу сразу.

Министр удивился и подумал:

"Как он может сдать экзамены сразу? Ведь он в высшей школе не учился. Хорошо. Я ему разрешу, но только он вряд ли сдаст экзамены".

Получив разрешение министра, Ленин стал усиленно заниматься.

Он целые дни сидел за книгами, читал, писал, изучал языки, переводил и так далее.

Он летом устроил в саду кабинет, в густой липовой аллее. Он там вкопал в землю стол и скамейку. И каждое утро уходил туда. И там в полном одиночестве занимался до обеда.

После отдыха и купанья он снова шел к своему столу и снова работал три или четыре часа.

А вечером, после прогулки и купанья, родные опять видели его за книгами.

Родные поразились, как он так много может заниматься. И даже стали бояться за его здоровье.

Но Ленин им сказал:

– Человек может удивительно много учиться и работать, если он правильно отдыхает.

И действительно, Ленин правильно отдыхал. Он час работал. Потом делал гимнастику. Потом снова час или два писал, после этого бежал к реке купаться.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Потом, отдохнув или погуляв в лесу, возвращался к книгам и опять учился.

В своем летнем кабинете он устроил себе турник недалеко от столика. И время от времени делал на нем упражнения.

В хорошую погоду он купался два или три раза в день. Он чудно плавал. Он так плавал, что всех приводил в удивление.

Один его знакомый, вспоминая о прошлом, говорил, что в Швейцарии было очень страшное озеро, где постоянно тонули люди. Это озеро было очень глубокое. Там были холодные течения, омуты и водовороты. Но Ленин бесстрашно плавал в этом озере.

Этот знакомый ему однажды сказал, что надо быть осторожным – тут тонут люди.

– Тонут, говорите? – спросил Ленин. – Ничего, мыто не потонем.

И тут же заплыл так далеко, что еле можно было видеть его.

И вот благодаря купанью и физкультуре, благодаря правильному отдыху Ленин сумел много работать и сумел подготовиться за всю высшую школу сразу.

Он почти два года так усиленно учился. И за это время успел пройти весь курс университета, то, что другие изучали четыре года.

Он сдал все экзамены и получил диплом первой степени.

И все профессора ему сказали:

– Это поразительно. Вы же не учились в университете и не слушали наших лекций. Как же вы могли так великолепно подготовиться? Наверно, вам кто-нибудь помогал.

Ленин сказал:

– Нет, я один занимался.

И тогда профессора удивились еще больше. И министр от удивления развел руками.

Но профессора и министр не знали, что, кроме огромного ума и замечательных способностей, Ленин имел еще огромную работоспособность. А эта его работоспособность зависела от физкультуры и правильного отдыха.

И вот почему с таким прекрасным успехом Ленин закончил свою учебу.

4. О ТОМ, КАК ЛЕНИН БРОСИЛ КУРИТЬ

Когда Ленину было семнадцать лет, он начал курить.

Он был тогда уже студентом. И в этом не было ничего удивительного, что он стал курить.

Это когда курит какой-нибудь маленький парнишка лет двенадцати – вот это ужасно. А студенты многие курят. И пусть их курят – они уже взрослые.

А к Ленину то и дело приходили его товарищи, студенты. И почти все курили. Бывало, закроются в комнате, говорят, спорят, беседуют, а сами дымят, как паровозы.

Ну, и благодаря этому Ленин тоже стал привыкать к курению.

Конечно, для здоровья курить очень бесполезно. От этого люди кашляют, мало кушают, худеют и хворают. Но которые уже начали курить – тем не так-то легко это бросить.

А мать Ленина, Мария Александровна, была дочь врача. И она понимала, что курить очень вредно. И она очень огорчалась, что ее любимый сын привык к куренью.

И она не раз просила сына бросить эту привычку. Но Владимир Ильич на это только улыбался и говорил:

– Ничего! Я здоровый. Мне это не очень вредно.

Но Мария Александровна очень любила своего сына, и поэтому она решила сделать как-нибудь так, чтобы он бросил курить.

И долгое время она не знала, как ей сделать и как поступить.

И вот однажды она нарочно ему сказала:

– Мы живем на пенсию, которую я получаю после смерти твоего отца, Ильи Николаевича. Пенсия у нас маленькая. Каждая лишняя трата отражается на хозяйстве. И хотя твои папиросы недорого стоят, но все-таки было бы лучше для хозяйства, если бы ты не курил.

Она нарочно так сказала. Папиросы стоили очень дешево. И на хозяйстве это не отражалось. Но матери очень уж хотелось, чтоб ее сын не курил. И вот почему она так сказала.

Выслушав эти слова матери, Владимир Ильич ответил:

– Ах, прости, мама! Вот об этом я не подумал. Хорошо, я сегодня же брошу курить.

И с этими словами Владимир Ильич вытащил из кармана папиросы и положил их на стол. И уж больше до них не дотрагивался.

А которые курят, те знают, какую огромную волю надо иметь, чтоб сразу бросить эту привычку. Некоторые слабовольные люди обращаются даже к докторам, чтоб те помогли им бросить курить.

И доктора смазывают им рот каким-то лекарством, чтоб им противно было курить. А еще более слабовольных доктора усыпляют и внушают им разные ужасные мысли о вреде курения. И только тогда эти люди бросают курить. И то многие не бросают, а продолжают курить, имея в голове ужасные мысли о вредности куренья.

Но у Ленина была огромная воля. Он без всяких докторов решил бросить куренье. И действительно бросил. И больше никогда не курил.

Это был сильный человек, с железной волей.

И всем людям надо быть такими же, как он.

5. О ТОМ, КАК ЛЕНИН ПЕРЕХИТРИЛ ЖАНДАРМОВ
Когда Ленину было двадцать шесть лет, он уже был всем известный революционер и царское правительство боялось его как огня.

Царь велел посадить Ленина в тюрьму.

И Владимир Ильич просидел в тюрьме четырнадцать месяцев.

А после этого жандармы выслали его в Сибирь. И там, в Сибири, Ленин прожил в деревне целых три года.

А это была глухая деревушка. Она стояла в тайге. И ничего хорошего там не было. Там протекала небольшая речонка Шушь. И там, в тайге, деревья были невысокие, совсем не такие, как у нас.

Но Владимир Ильич не огорчился, что его сослали в такую глушь. Он там много работал, писал революционные книги, беседовал с крестьянами и помогал им советами.

А в свободное время Ленин ходил на охоту со своей охотничьей собакой женькой, купался, играл в шахматы.

Причем шахматы он сам вырезал из коры дерева. И вырезал очень хорошо, даже великолепно.

И вот время проходило незаметно. И протекло почти три года. И уже приближался

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
конец ссылки.

Уже Владимир Ильич начинал обдумывать, куда ему поехать, чтоб снова продолжать революционную работу.

Но незадолго до конца ссылки в избу, где жил Ленин, пришли царские жандармы.

Они сказали:

– Вот что. Сейчас мы сделаем у вас обыск. И если найдем что-нибудь, запрещенное царским правительством, то берегитесь. Тогда вместо освобождения мы оставим вас в этой глухой деревне еще по крайней мере на три года.

А у Ленина были запрещенные книжки и разные революционные документы. И все эти книги и документы лежали в книжном шкафу.

Вот один толстый усатый жандарм встает у двери, чтоб никто не пришел и не вышел. А другой жандарм, маленького роста, но тоже усатый и свирепый, ходит по комнате и во все нос сует.

Он осмотрел стол, комод, заглянул в печку и даже не поленился залезть под кровать, чтоб увидеть, что там такое.

Потом он подходит к книжному шкафу и говорит!

– А это что у вас там, в шкафу?

Ленин говорит:

– Это мои книги в шкафу.

Жандарм говорит:

– А вот я сейчас посмотрю эти ваши книги и увижу, что это такое.

И вот жандарм стоит около этого шкафа и думает, с чего ему начать осмотр: с верхней полки или с нижней?

Жена Ленина, Надежда Константиновна Крупская, смотрит на этого жандарма и думает:

"Только бы он начал обыск с верхней полки. Если он начнет с верхней полки, тогда хорошо, тогда под конец обыска он устанет и последнюю полку не будет внимательно осматривать. Но если он начнет обыск с нижней полки, тогда плохо: как раз на этой полке среди других книг имеются запрещенные".

Ленин тоже смотрит на жандарма и тоже об этом думает.

Вдруг Ленин, чуть улыбнувшись своим мыслям, берет стул и ставит этот стул к шкафу. И говорит жандарму:

– Чем при вашем маленьком росте тянуться, встаньте на этот стул и начинайте проверять мои книги.

Маленький усатый жандарм, увидев такую любезность со стороны революционера, поблагодарил и влез на стул. Но поскольку он влез на стул, то он и, ясно, начал осматривать с верхней полки. То есть то, что и надо было Ленину.

И, глядя на жандарма, Владимир Ильич улыбался.

И Крупская тоже улыбалась, видя, что Ленин заставил жандарма сделать так, как ему было надо.

Вот жандарм роется на верхних полках, читает заглавия и перетряхивает каждую книжку. А время идет. Книг много. И за три часа жандарм едва успел просмотреть четыре полки.

Пятую полку жандарм стал осматривать уже не так внимательно. Тем более толстый

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
жандарм, стоявший у двери, начал вздыхать и хандрить. И даже сказал своему приятелю:

– Ох, как долго идет обыск. Я устал и кушать хочу.

Маленький жандарм говорит:

– Скоро пойдем обедать. Вот осталась последняя полка. Ну, да, наверное, и на этой полке у них ничего нет, раз во всем шкафе ничего не обнаружено.

Толстый жандарм говорит:

– Ясно, у них ничего нет. Пойдемте кутать.

Почти не осматривая нижнюю полку, маленький жандарм сказал Ленину:

– Выходит, что ничего запрещенного мы у вас не нашли. Честь имею кланяться.

И с этими словами жандармы уходя г.

И когда закрылась за ними дверь, Владимир Ильич и Крупская начали весело смеяться над тем, как были одурачены жандармы.

6. ИНОГДА МОЖНО КУШАТЬ ЧЕРНИЛЬНИЦЫ
Целых четырнадцать месяцев просидел Левин в царской тюрьме.

Он сидел в маленькой полутемной одиночной камере. Железная койка, стол и табуретка – вот все, что там было.

Другой человек на месте Ленина целые бы дни плакал и страдал в этой камере. Но не такой человек был Ленин.

Он и в этой камере целые дни работал.

Он утром делал гимнастику и потом начинал писать книгу. Он тут писал революционную и очень нужную книгу: "Развитие капитализма в России". Вернее, он собирал тут материалы для этой книги, делал заметки, выписки и так далее. И, кроме того, писал письма с революционными поручениями и программу партии.

Все это писать в тюрьме было не таким уж простым делом.

Родные имели право присылать арестованному книги. И вот тогда Ленин стал писать на этих книгах. А надо было так писать, чтобы никто в тюрьме не догадался, что в книге что-нибудь написано. Потому что в тюрьме проверяли все книги, перед тем как отдать родственникам. И если видели, что в книге хоть одно революционное слово написано, эту книгу сжигали.

А революционеры знали, что можно писать молоком.

Если на бумаге написать молоком, то решительно ничего не видно.

А для того, чтобы прочесть написанное, надо было прогреть эту бумагу на лампе или на свечке, и тогда молоко начинает темнеть, на бумаге выступают коричневые буквы и все можно прочесть, что написано.

Вот Ленин так и писал: на полях книги и между строчками. А родные его об этом знали. И когда получали обратно книгу, грели каждый листик на лампе, читали и переписывали.

Так работал Ленин в тюрьме.

Но и для такой работы приходилось быть очень осторожным. Если надзиратель тюрьмы увидел бы, что он так писал, тогда ему было бы плохо. Тогда и молоко перестали бы ему давать, как больному. И как-нибудь жестоко наказали.

А надзиратель очень часто заходил в камеру. Или же подглядывал в дверное окошечко, что делает арестованный.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Тогда Ленин придумал такую вещь. Он из хлеба делал маленькие чернильницы, наливал туда молоко и макал туда перышко. И так писал.

Вот однажды надзиратель тихонько поглядел в дверное окошечко и видит странную картину: Ленин пишет на полях книги.

Надзиратель быстро открыл двери, вошел в камеру и говорит:

– Вы попались. По-моему, вы сейчас что-то на полях книги писали.

Надзиратель смотрит в книгу – нет, видит: книга чистая. Надзиратель хочет взять чернильницу, но в этот момент Ленин сам берет свою чернильницу и спокойно кладет ее в рот. И жует ее.

Надзиратель говорит:

– Что вы делаете? Вы чернильницу кушаете!

Ленин говорит:

– Вы, кажется, ослепли. Это не чернильница, а хлеб. И вот я его кушаю.

Надзиратель посмотрел: действительно хлеб. Думает:

"Наверно, у меня испортилось зрение. Мне показалось, что он чернильницу кушает".

И с этими мыслями надзиратель ушел. А Ленин моментально сделал из хлеба другую чернильницу, налил туда молока и опять стал писать.

И всякий раз, когда приходил надзиратель, Ленин спокойно брал свою чернильницу и тут же съедал ее. И это было даже вкусно, потому что это был хлеб с молоком.

Когда Ленин вышел из тюрьмы, он, смеясь, сказал своим родным и знакомым:

– Знаете, однажды мне не повезло, и за два часа пришлось мне съесть шесть чернильниц.

И все засмеялись. А которые не знали, в чем дело, те очень удивились: как это можно есть чернильницы?

Но вот оказывается, что иногда можно кушать чернильницы.

7. О ТОМ, КАК ЛЕНИН КУПИЛ ОДНОМУ МАЛЬЧИКУ ИГРУШКУ

Один русский революционер убежал из царской тюрьмы и скрылся от жандармов за границей.

Он стал жить в Швейцарии, в городе Цюрихе. Он там поступил на мебельную фабрику. И там работал.

А вскоре в Швейцарию приехал Ленин.

И наш рабочий очень хотел посмотреть на Ленина, потому что он много слышал о нем хорошего и читал его книги.

И вот однажды этот рабочий услышал, что Ленин будет говорить речь на собрании в "Кружке русских рабочих".

И тогда наш рабочий решил пойти на это собрание, чтобы послушать Ленина.

А жена этого рабочего тоже работала на мебельной фабрике. Но только она работала в вечернюю смену. И нашему рабочему не с кем было оставить своего маленького сына Доната.

Тогда наш рабочий сказал своему сыну:

– Давай пойдем вместе на собрание, поглядим на Ленина!

И вот он взял за лапку своего сына, и они пошли в рабочий клуб.

Приходят они в клуб. Еще рано. Никого нет. Только сидит в зале один человек и газету читает.

Вот рабочий посадил своего мальчика у окна и сам нервно ходит по залу и думает:

"Наверно, Ленин не приедет".

В этот момент человек с газетой (а это был Ленин) говорит рабочему:

– Такая хорошая погода, а вы своего маленького сына держите в душной комнате. Вы бы пустили его погулять во двор!

Рабочий говорит:

– Нет, мой мальчик Донат еще очень маленький. На дворе ему будет скучно играть, и я боюсь, что он тогда выйдет на улицу и заблудится. Лучше мы тут с ним посидим, подождем, когда приедет Ленин.

Ленин говорит мальчику:

– Ну-ка, давай свою ручонку! Мы с тобой пойдем немножко погуляем.

И берет Ленин мальчика за руку, и выходят они вместе на улицу. Подходят к игрушечному магазину. И заходят туда.

Там Ленин говорит мальчику:

– Хочешь, я тебе куплю эту лодочку?

А это была чудная маленькая лодочка. С парусом. И парус поднимался и опускался. И около паруса стоял маленький матросик. И там были устроены скамеечки, маленький руль и флаг. Это была – ну удивительно интересная игрушка!

Мальчик ужасно обрадовался. И Ленин купил ему эту лодочку.

И они быстро пошли с этой лодочкой во двор. А там, во дворе, находился маленький фонтанчик.

И вот в этом фонтанчике мальчик стал пускать свою парусную лодочку.

Ветер надувал паруса, и эта лодочка великолепно шла, управляемая рулем.

И мальчик был так доволен, что смеялся, хлопал от радости в ладоши и кричал: "Не бойся, матросик! Плыви вперед!" И тут же, у колодца, стоял Ленин и тоже смеялся.

А в это время наш рабочий ходит по залу и нервничает.

"Вот, – думает, – какая неприятность, и Ленин еще не приехал, и вдобавок какой-то неизвестный взял моего мальчика и ушел с ним".

А в зале уже собралось много публики. И все друг друга спрашивают:

– А где же Ленин? Неужели он не приехал?

В этот момент кто-то из публики посмотрел в окно и говорит:

– Смотрите, вон Ленин во дворе с каким-то маленьким мальчиком.

Тут все стали глядеть в окно. И наш рабочий тоже посмотрел и увидел у фонтана своего сына вместе с Лениным.

Очень удивился рабочий. И думает:

"Ах, это и есть Ленин. А я считал, что это кто-нибудь другой – очень уж он простой и добрый. Он даже купил моему сыну игрушку".

Тут вскоре Ленин возвращается в зал и начинает беседовать с рабочими.

8. В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

Один рабочий, некто Григорий Иванов, приехал по делам службы в Кремль.

Он приехал из Питера сдавать в кремлевский склад оружие – винтовки, шашки, штыки, револьверы и разные огнестрельные припасы.

И вот он выполнил эту свою задачу и со спокойной душой гуляет по Кремлю – мечтает где-нибудь тут увидеть товарища Ленина, на которого он давно хотел посмотреть.

Но он нигде Ленина не встретил и в плохом настроении зашел в кремлевскую парикмахерскую. Думает: "Постригусь и побреюсь, чтоб в аккуратном виде вернуться домой".

Вот он заходит в кремлевскую парикмахерскую. И занимает свою очередь.

А пароду в парикмахерской много. Два мастера стригут и бреют. А посетители ожидают.

Григорий Иванов в грустном настроении сидит в этой парикмахерской минут двадцать. И все время жалеет, что нигде не встретил Ленина.

Вдруг открывается дверь, и входит новый посетитель. И тут все видят: это пришел Владимир Ильич Ленин Председатель Совета Народных Комиссаров.

И тогда все, которые были в парикмахерской, встают и говорят:

– Здравствуйте, товарищ Ленин!

Наш рабочий Григорий Иванов тоже здоровается, и, улыбаясь от счастья, смотрит на товарища Ленина, хочет получше его запомнить, чтобы потом рассказать другим об этой встрече.

Между тем товарищ Ленин тоже со всеми здоровается и говорит:

– Ну, кто последний ожидает?

Все удивились, что Ленин так спросил. И все подумали: "Это нехорошо, если Ленин будет ждать очереди. Он глава правительства, и ему каждая минута дорога".

И тогда все, которые были в парикмахерской, перебивая друг друга, говорят Ленину:

– Владимир Ильич, это неважно, кто последний. Сейчас освобождается кресло у мастера, и мы просим вас занять это место без очереди.

Ленин говорит:

– Благодарю вас, товарищи. Но только это не годится. Надо соблюдать очередь и порядок. Мы сами создаем законы и должны выполнять их во всех мелочах жизни.

И с этими словами Ленин берет стул, садится, вынимает из кармана газету и начинает ее читать.

Тогда встает со стула наш рабочий Григорий Иванов и, сильно волнуясь, говорит товарищу Ленину:

– В аккурат сейчас подошла моя очередь. Но я скорей соглашусь остаться небритым в течение пяти лет, чем я заставлю вас ожидать. И если вы, товарищ Ленин, не согласились нарушать порядок, то я имею законное право уступить вам свою очередь, с тем чтобы занять последнюю, вашу.

И все, которые были в парикмахерской, сказали:

– Он хорошо и правильно говорит.

И парикмахерские мастера, щелкнув ножницами, тоже сказали:

– Владимир Ильич, придется сделать, как предложил рабочий.

И тогда Ленин улыбнулся. И все увидели, что он не хочет обидеть рабочего и не хочет огорчить мастеров и посетителей.

Ленин прячет газету в карман и, сказав: "Благодарю", садится в кресло.

И все смотрят, как парикмахер осторожно и вежливо его бреет.

И все смотрят на товарища Ленина и думают: "Это великий человек! Но какой он скромный".

Но вот мастер кончил работу. И Ленин вышел из помещения, всем сказав:

– До свидания, товарищи. Благодарю вас.

9. ПОКУШЕНИЕ НА ЛЕНИНА
У Ленина было много врагов.

У него было много врагов поточу, что он хотел заново переделать всю жизнь.

Он хотел, чтобы все люди, которые работают, жили бы очень хорошо. И он не любил тех, кто не работает. Он про них сказал: "Пусть они вообще ничего не кушают, если не хотят работать!".

Это многим не понравилось. И враги Ленина непременно хотели его убить.

И они подговорили одну злодейку убить великого вождя трудящихся, Владимира Ильича Ленина.

Они дали ей револьвер. Зарядили этот револьвер ядовитыми пулями. И сказали этой мерзкой злодейке: "Иди на завод! Там сегодня Ленин будет выступать с речью. И когда он закончит свою речь и выйдет из зала, ты подойди к нему и выстрели в него три или четыре раза!".

И она так и сделала. Она оделась в черное платье, взяла револьвер и пошла на тот завод, где выступал Ленин.

И когда Ленин после речи выходил во двор, какой-то человек, переодетый матросом, нарочно упал у входа. И этим он задержал всех рабочих, которые шли за Лениным.

И благодаря этому Ленин один вышел во двор и один подошел к автомобилю, чтобы в него сесть.

Но в этот момент женщина в черном платье подошла к Ленину совсем близко и четыре раза выстрелила в него.

И из четырех пуль две пули попали в Ленина. И Ленин упал, тяжело раненный. У него было пробито легкое и ранена рука.

Женщина бросилась бежать, но ее задержали и отправили в тюрьму.

Рабочие подбежали к Ленину. И многие из них плакали. Рабочие подняли Ленина и посадили его в автомобиль.

И когда автомобиль поехал, люди сняли с Ленина пальто и пиджак и веревкой перевязали руку, чтобы кровь не текла так сильно.

Машина въехала в Кремль и остановилась у подъезда ленинской квартиры.

Тяжело раненный Владимир Ильич с огромным трудом вышел из машины, и люди поддерживали его, чтобы он не упал.

Подбежали рабочие и хотели понести Ленина на руках в его квартиру.

Но Ленин не позволил им это сделать. Он сказал:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Нет, не надо меня нести на руках! Моя сестра и моя жена увидят, что меня несут на руках, и подумают, что мне очень плохо. Не надо их тревожить.

И все окружающие поразились, что Ленин в такой страшный момент думает не о себе, а о других людях.

И вот Ленин по крутой лестнице сам поднялся в третий этаж. Правда, его поддерживали с двух сторон, но все-таки он шел сам.

Тут сразу вызвали лучших врачей. Но врачи сказали, что положение очень тяжелое, пули отравлены ядом, и может быть заражение крови.

Но прекрасное здоровье Ленина помогло ему поправиться после смертельных ран.

И уже через полтора месяца Владимир Ильич Ленин снова стал работать.

10. ЛЕНИН И ЧАСОВОЙ

Один молодой рабочий, некто товарищ Лобанов, охранял Смольный. То есть он стоял у дверей и проверял документы.

Он проверял у всех, кто входил в Смольный. Потому что если не проверить, мог бы войти какой-нибудь враг. Тем более это было в самом начале революции, и нужна была особая бдительность.

И вот, стоит этот Лобанов у дверей Смольного в качестве часового и просматривает документы.

А он был красногвардеец, этот Лобанов. Вдобавок он был путиловский рабочий, исключительно преданный делу революции. И поэтому его и поставили на такой ответственный пост.

Стоит он на этом посту. Винтовка в левой руке. Револьвер сбоку. За поясом ручная граната. Настроение великолепное.

И всем, кто подходит к Смольному, он говорит:

– Минуточку, товарищ! Прежде чем войти, покажите ваш пропуск, чтобы я мог узнать, кто вы такой. А то я дежурю в первый раз и мало кого знаю в лицо.

Ну, и, конечно, каждый, кто входил в Смольный, показывал Лобанову свой пропуск.

И Лобанов, беря под козырек, говорил:

– Вот теперь проходите! С моей стороны задержки не будет.

И вот, представьте себе, идет Ленин.

Идет пешком. Скромный такой. В своем черном осеннем пальто и в кепке.

Идет быстро, но вместе с тем задумчиво. Даже по сторонам не смотрит: до того, видать, углублен в свои мысли.

Подходит к дверям Смольного и хочет туда пройти.

А часовой Лобанов не знал в лицо товарища Ленина. Портретов в это время печатали мало. И сам Владимир Ильич только недавно приехал в Петроград. Ну, и, конечно, Лобанов мог не знать Ленина по внешнему виду.

В общем, Ленин подходит к дверям. И Лобанов ему говорит:

– Минуточку, товарищ! Покажите ваш пропуск!

Ленин не стал возражать. Он, как бы очнувшись от своей задумчивости, тихо сказал:

– Ах, да, пропуск! Извините, товарищ, сейчас найду.

И стал искать свой пропуск в боковом кармане.

А в этот момент подошел к дверям Смольного один какой-то человек, должно быть из служащих. И видя, что часовой не пропускает Ленина, возмутился. И крикнул:

– Это же Ленин! Пропустите!

Лобанов тихо ответил этому человеку:

– Без пропуска я затрудняюсь пропустить. До этого раза я еще не имел счастья видеть товарища Ленина. И вдобавок, я и вас не знаю и даже не посмотрел еще вашего документа.

Служащий возмутился еще больше и крикнул:

– Извольте немедленно пропустить Ленина!

Вдруг Ленин говорит:

– Не надо ему приказывать и тем более не надо кричать. Часовой поступает совершенно правильно. Порядок для всех одинаков.

Тут Ленин достает из бокового кармана пропуск. Подает его часовому. Лобанов с трепетом разворачивает этот пропуск. И видит: это действительно пропуск Владимира Ильича Ленина.

Лобанов берет под козырек и говорит Ленину:

– Я прошу извинить, Владимир Ильич, что потребовал ваш пропуск.

Ленин отвечает:

– Вы правильно поступили, товарищ. Благодарю вас за отличную службу.

11. О ТОМ, КАК ЛЕНИНУ ПОДАРИЛИ РЫБУ

Однажды Владимир Ильич Ленин сидел в своем кремлевском кабинете и работал.

На столе стакан чаю. На блюдечке сухарь.

В те годы был ужасный голод. И население питалось чем попало. Кушали овес и картофельную шелуху.

Что касается хлеба, то хлеба выдавали людям по одному кусочку на целый день.

Конечно, для товарища Ленина можно было бы найти наилучшую еду. Но он запрещал это делать. Он не мог позволить себе сытой жизни, когда голодала вся страна. И он даже чай пил без сахара.

Так вот, сидит Владимир Ильич Ленин, работает и в перерыве завтракает: пьет чай и кушает сухарь.

Открывается дверь, и входит секретарь.

Он говорит Ленину:

– Приехал из Петрограда управляющий рыбным делом. Он непременно вас хочет видеть.

Ленин говорит:

– Хорошо. Пусть он войдет!

И вот входит управляющий.

Он простой рыбак. Революция поставила его на большую должность, с тем чтобы он улучшил рыбную промышленность. И, болея душой за свое дело, он и приехал к Ленину, чтобы ему сказать, отчего плохо ловится рыба. Нужны деньги на ремонт лодок и на покупку сетей. А то рыба, не дождавшись советских сетей, уплывает в английские воды.

Вот управляющий объясняет Ленину, отчего нет рыбы. И сам стоит у письменного стола. И не садится. Хотя Ленин дважды указывает ему на стул и просит его сесть.

Но он не может сесть. Он за спиной в руках держит огромный пакет. В пакете завернута копченая рыба. Это подарок Владимиру Ильичу.

Управляющий сам коптил эту рыбу. И специально привез ее в Москву, чтобы преподнести Ленину.

Конечно, он мечтал сразу преподнести эту рыбу, как только войдет в кабинет. И с этой целью он и заложил пакет за спину, чтобы удивить Ленина неожиданным подарком.

Он даже приготовил слова, с какими он хотел вручить подарок: "Вот, дескать, это вам, дорогой Владимир Ильич. Небольшая копченая рыбешка. Кушайте себе на здоровье и поправляйтесь".

Но когда рыбак вошел в кабинет, он немножко оробел, растерялся, все приготовленные слова выскочили у него из головы, и он решил преподнести рыбу после служебных разговоров.

И по этой причине пакет и остался у него за силой.

И вот стоит он в неудобной позе, с копченой рыбой позади, и докладывает Ленину, отчего плохо ловится рыба.

Ленин говорит:

– Деньги мы вам дадим. И все просьбы ваши исполним. А вы, уж пожалуйста, ловите побольше рыбы, чтобы уменьшить голод среди населения.

Ленин попрощался с рыбаком. А тот, собравшись с духом, положил свою рыбу прямо на стол и говорит:

– Тут для вас, Владимир Ильич... рыбешку поймали... Закоптили в лучшем виде...

И вдруг рыбак видит, что Владимир Ильич крайне недоволен. И даже нахмурился.

Рыбак смутился еще больше и сказал:

– Уж пожалуйста, Владимир Ильич... Примите подарок...

Но Владимир Ильич не взял эту рыбу. Он строго сказал:

– Благодарю вас, товарищ, но я не могу принять вашу рыбу. У нас в стране дети голодают. Напрасно вы мне ее привезли.

Рыбак окончательно смутился. Бормочет:

– Закушайте, Владимир Ильич. Исключительно вкусная рыба. Поймали прямо в воде...

И вдруг рыбак видит, что Ленин позвонил.

"Мама дорогая, – думает рыбак, – что же это получилось?"

На звонок приходит секретарь.

Ленин говорит ему:

– Вот что! Возьмите эту рыбу и пошлите ее в детский дом!

Увидев, что рыбак до крайности смущен, Ленин протянул ему руку и сказал:

– От имени детей благодарю вас, товарищ, за подарок.

Рыбак попрощался с Лениным и вышел из кабинета, бормоча:

– Мама дорогая, произошла ошибочка..

12. О ТОМ, КАК ТЕТУШКА ФЕДОСЬЯ БЕСЕДОВАЛА С ЛЕНИНЫМ

У тетушки Федосьи произошла беда. Ее муж захворал воспалением легких и по случаю этой болезни умер.

А он был кровельщик, ее муж. Великолепно чинил крыши. И зарабатывал ничего себе, довольно хорошо. Даже тетушка Федосья пила чай внакладку.

А когда он умер, ей, конечно, стало плохо. И пить чай внакладку она уже не могла.

И вот она стала хлопотать, чтоб ей выдали пенсию.

Но из этого у нее ничего не вышло.

Ей сказали:

– Пенсию не получишь. Твой муж больно мало работал при советской власти.

Но Федосья не растерялась от этих слов и стала ходить буквально в каждое учреждение, надеясь, что где-нибудь ей выдадут пенсию.

А в одном учреждении ей сказали, чтоб от нее отвязаться:

– Один человек может поднять твое дело: это Ленин. Сходи к нему, если хочешь.

Тетушка Федосья узнала, что Ленин находится в Смольном. И пошла туда.

Конечно, часовой не хотел ее пропустить. Но потом он видит: очень уж безобидная, несчастная старуха. Взял и пропустил.

Тетушка поднялась во второй этаж. И пошла по коридору.

Заглянула в одну комнату – нет никого. Заглянула в другую – видит: сидит человек за столом и что-то пишет.

Это был Ленин.

Тетушка, конечно, не знала, что это Ленин. Она подумала, что это сидит какой-нибудь служащий.

И поэтому она говорит ему без особого волнения:

– Сударь, вы по письму или по разбору? Иль, может быть, считаете?

Ленин усмехнулся и отвечает:

– А это как приведется. Иногда по письму, иногда по разбору, а в другой раз и считать приходится. А вам что угодно?

Тетушка говорит:

– Видите ли, мне угодно пенсию получить. Благодаря этому я и пришла побеседовать с самим Лениным. Войдите в мое положение и проводите меня к нему!

Ленин снова улыбнулся и говорит:

– А вы расскажите мне ваше дело! Может, мы и без Ленина обойдемся.

Старуха говорит:

– Нет, сударь, без Ленина мы не обойдемся. Дело мое исключительно трудное. И только один Ленин может его поднять.

Ленин говорит:

– А все-таки вы расскажите, что с вами.

Тетушка говорит:

– География моей жизни исключительно простая. Недавно скончался мой муж, по профессии кровельщик. И вот я пенсию себе хлопочу. А мне все говорят: не будет тебе пенсии – твой муж больно мало работал при советской власти.

Ленин говорит:

– Это они глупости говорят. Ваш муж и не мог много работать при советской власти, потому что советская власть образовалась только недавно.

Ленин снимает трубку с телефона и кому-то говорит:

– Сейчас к вам придет одна гражданка. Надо будет ей оформить пенсию.

После этого Ленин говорит тетушке Федосье:

– Пойдите по коридору в третью дверь отсюда. И там ваше дело будет устроено.

С великим недоверием идет тетушка Федосья туда, куда ей указали. Но там без лишних слов ей выдают бумагу на получение пенсионной книжки.

В тот же день тетушка получает пенсию и, безмерно счастливая, идет на базар и там покупает себе сахару, и мануфактуру.

А потом она заходит в один кооператив, чтобы приобрести там синьку для стирки белья.

И вдруг в этом кооперативе она видит портрет того, с кем она сегодня беседовала.

Она крайне удивилась, увидев этот портрет, и спросила заведующего лавкой:

– Сударь, не скажете ли, кто изображен на портрете? Я интересуюсь этим потому, что сегодня с ним беседовала.

Заведующий говорит:

– Быть того, бабка, не может. Это Ленин.

Федосья говорит:

– Стало быть, я беседовала с Лениным.

И, придя домой, она рассказала управдому о том, что с ней случилось. И спросила его:

– Как вы думаете, почему Ленин не признался мне в том, что это он и есть Ленин?

Управдом немножко задумался и так ей ответил:

– Бывают разные люди, мамаша. Одни люди кричат и похваляются: дескать, мы то, мы другое, мы вон какие, немазаные, сухие... А бывают люди, которые не кричат, не хвастаются и ничем не задаются, а просто делают свое дело с превышением. И это есть превосходные люди. И тебя, мамаша, можно сердечно поздравить, что ты беседовала с таким человеком.

Тетушка Федосья, вздохнувши, говорит:

– Ах, все-таки я чересчур жалею, что он мне не признался! Я бы ему низко поклонилась.

13. ЛЕНИН И ПЕЧНИК

Однажды Ленин гулял в лесу и вдруг увидел, что какой-то мужчина дерево пилит.

А это пилил дерево некто Николай Бендерин. Немолодой мужчина, с огромной бородой. И очень дерзкий.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Он был по профессии печник. Но, кроме того, он мог все делать. У него сломалась телега. И вот он пришел в лес, чтобы спилить дерево для починки этой телеги.

Вот он пилит дерево. И вдруг слышит: кто-то ему говорит:

– Добрый день.

Бендерин оглянулся. Смотрит: перед ним стоит Ленин. А Бендерин, конечно, не знал, что это Ленин. И ничего ему не ответил. Только кивнул головой: дескать, ладно, здравствуйте, не мешайте мне пилить.

Ленин говорит:

– Зачем вы дерево пилите? Это общественный лес. И тут нельзя пилить.

А Бендерин дерзко отвечает:

– Хочу и пилю. Мне надо чинить телегу.

Ничего на это не ответил Ленин и ушел.

Через некоторое время, может быть там через месяц, Ленин опять встретил этого печника. На этот раз Ленин гулял в поле. Немножко устал. И присел на траву отдохнуть.

Вдруг идет этот печник Бендерин и дерзко кричит Ленину:

– Зачем вы тут сидите и траву мнете? Знаете, почему сейчас сено? Будьте добры, встаньте с травы.

Ленин встал и пошел к дому.

А с Лениным была его сестра. Вот сестра и говорит печнику Бендерину:

– Зачем вы так грубо кричите? Ведь это Ленин, председатель Совета Народных Комиссаров.

Бендерин испугался и, ничего не сказав, побежал домой. И дома говорит жене:

– Ну, Катерина, пришла беда. Второй раз встречаю одного человека и с ним грубо разговариваю, а это, оказывается, Ленин, председатель Совета Народных Комиссаров. Что мне теперь будет, не могу представить.

Но вот проходит еще некоторое время, может быть там два месяца, и наступает зима.

И понадобился Ленину печник. Надо было исправить камин, а то он дымил.

А кругом по всем деревням только и был один печник, этот Бендерин.

И вот приезжают к этому Бендерину два военных и говорят:

– Вы печник Бендерин?

У Бендерина испортилось настроение, и он отвечает:

– Да, я печник Бендерин.

Военные говорят:

– В таком случае одевайтесь. Едем к Ленину в Горки.

Бендерин испугался, когда услышал эти слова. И настроение у него еще более испортилось.

Он одевается, руки дрожат. Говорит жене:

– Ну, прощайте, Катерина Максимовна. Наверно, уж с вами больше не увидимся.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Наверно, Ленин припомнил все мои грубости: и как я его в поле пугнул и как насчет дерева дерзко ответил. Наверно, он все это вспомнил и решил меня в тюрьму посадить.

И вот вместе с военными едет печник в Горки. Военные приводят Бендерина в комнаты. И навстречу ему из кресла поднимается Ленин.

Ленин говорит:

– А, старый знакомый. Помню, помню, как вы меня на покосе пугнули. И как дерево пилили.

Бендерин задрожал, когда услышал эти слова. Стоит перед Лениным, мнет шапку в своих руках и бормочет:

– Простите меня, старого дурака.

Ленин говорит:

– Ну, ладно, чего там! Я уж забыл про это. Что касается травы, то, пожалуй, вы были правы. Это не дело, что я сидел на покосе и мял траву. Ну, да не в этом дело. А не можете ли вы, дорогой товарищ Бендерин, сослужить мне одну маленькую службу? Дымит у меня камин. И надо его исправить, чтоб он не дымил. Можете ли вы это сделать?

Бендерин услышал эти приветливые слова и от радости дар речи потерял.

Только кивает головой: дескать, могу исправить. И руками показывает: дескать, пусть мне принесут кирпичи и глину.

Тут приносят Бендерину глину и кирпичи. И он начинает работать. И вскоре все выполняет в лучшем виде и с превышением.

Тут снова приходит Владимир Ильич и благодарит печника Бендерина. Он дает ему деньги и приглашает за стол выпить стакан чаю.

И вот печник Бендерин садится с Лениным за стол и пьет чай с печеньем. И Ленин дружески с ним беседует.

И, попивши чаю, печник Бендерин прощается с Лениным и сам не свой возвращается домой.

И дома говорит жене:

– Здравствуйте, Катерина Максимовна. Я думал, что мы с вами не увидимся, но выходит наоборот. Ленин – это такой справедливый человек, что я даже и не знаю, что мне теперь о нем думать.

14. ОШИБКА

Однажды Ленин работал в своем кремлевском кабинете. И ему понадобился список всех членов коллегии Наркомзема.

Он хотел просмотреть этот список, чтобы включить туда еще нескольких сотрудников.

Ленин позвонил. Пришла дежурная сотрудница секретариата.

Ленин сказал ей:

– Пожалуйста, дайте мне всю коллегию Наркомзема.

Дежурная поспешно вышла из кабинета. Она была очень удивлена.

Только вчера вся коллегия Наркомзема была на совещании у Ленина. И вот сегодня опять нужно всех собирать.

Дежурная взяла список коллегии и стала звонить каждому по телефону, приглашая немедленно явиться к Ленину.

Но членов коллегии было много. И надо было затратить по крайней мере полчаса, чтобы всех обзвонить.

Вот наша дежурная сотрудница, охая и вздыхая, звонит по телефону.

Но вдруг из кабинета Ленина раздается три звонка. Это значит, что Ленин требует к себе секретаря.

Секретарь, товарищ Фотиева, немедленно спешит в кабинет.

Ленин строго ей говорит:

– Я не понимаю, что делается у вас в секретариате. Я попросил дать список членов коллегии Наркомзема. Но вот проходит пятнадцать минут, и до сих пор я списка не имею.

Товарищ Фотиева вернулась в секретариат и там узнала, что произошло досадное недоразумение: вместо того чтобы дать список фамилий, эта дежурная, оказывается, приглашает всю коллегию к Ленину.

Узнав, что Ленину нужен список, а не сами сотрудники, дежурная расплакалась. Ей было досадно, что произошла такая ошибка. И она подумала, что ей попадет за это.

Фотиева взяла нужные бумаги и, войдя в кабинет, стала, смеясь, рассказывать о том, что случилось.

Она подумала, что и Ленин сейчас посмеется вместе с пей, узнав о такой комичной ошибке.

Но, взглянув на Ленина, она увидела, что он не смеется, что он нахмурился и, видать, недоволен.

Задумчиво и как бы про себя Ленин говорит:

– Неужели же я мог сказать такую неточную фразу?.. Да, действительно, я так и сказал: "Дайте мне всю коллегию.."

Товарищ Фотиева говорит Ленину:

– Владимир Ильич, вы, пожалуйста, извините нашу сотрудницу. Она еще неопытный человек. Недавно у нас работает.

Ленин говорит:

– Но она и не виновата. Это я ошибся. Я неточно выразил свою мысль. Это я виноват.

Наша молоденькая дежурная буквально просияла от радости, когда узнала от Фотиевой, что сказал Ленин.

Она вытерла слезы. Потом засмеялась. И вдруг сказала Фотиевой:

– Вы знаете, в прошлом году я работала машинисткой в одной канцелярии. И там начальник канцелярии продиктовал мне неверную фразу. Вы думаете, что он признался в своей ошибке? Нет, он накричал на меня, сказал, что это я перепутала и что меня нужно выгнать со службы. Я семь дней плакала: так мне это было досадно... А сегодня я огорчилась по своей глупости. Я не знала, что у Ленина такой справедливый характер.

Товарищ Фотиева сказала:

– Нет, это не только справедливость. Признаться в своей ошибке, не переложить ее на чужие головы – это самая прекрасная и, пожалуй, самая редкая черта человеческого характера. Однако вам не надо было плакать: надо быть мужественной во всех случаях жизни.

Между тем в секретариат стали приходиться вызванные члены коллегии Наркомзема. Все

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
они были не особенно довольны, когда узнали, что их напрасно вызвали.

Но один из сотрудников сказал:

– Нет, я огорчаюсь не потому, что меня потревожили. Мне единственно жалко, что я сегодня не увижу Ленина.

Другие сотрудники согласились с этим и стали расходиться по домам.

15. ПЧЕЛЫ

В очень, очень старое время жили люди в пещерах.

Городов когда не было. Магазинов никаких не было. Пирожные и конфеты нигде не продавались и никто не умел делать эти сладкие вещи. Тем более и сахару не было.

Вот тогда было плохо.

Например, какой-нибудь ребенок захочет сладкого – и взять неоткуда.

Ну, мамаша этого ребенка сорвет в лесу дикое яблоко и даст его своему младенцу. Вот вам и все угощение.

Но люди не растерялись, что не было сладкого.

Они увидели, что пчелы очень подозрительно себя ведут. Взад и вперед летают. Садятся на цветы. Что-то там пьют. И сразу обратно улетают в свой улей, в свое гнездо, которое у них обыкновенно находилось в дупле дерева. Люди думают:

"Интересно знать, что там пчелы собирают в своем гнезде?"

И хотя пчелы больно кусаются, но люди все-таки этого не испугались и посмотрели, что там в дупле.

И увидели, что там из воска сделаны какие-то особые корзиночки (соты). И в этих корзиночках лежит что-то очень приятное на вид.

Люди попробовали, что это такое, и удивились: до чего это вкусно. Это был мед.

Тогда люди стали собирать этот мед.

Они кушали мед и детям давали. И от этого все поздоровели, поправились.

И это им вполне заменило то, чего у них не было, – пирожное, конфеты и шоколад.

И до сих пор люди собирают мед. И многие специально занимаются пчеловодством. И это пчеловодство, дети, имеет огромное значение в деле развития нашего сельского хозяйства.

Из меда делаются разные вкусные вещицы: пряники, конфеты, напитки и лекарства. А из воска делаются свечи, мази и разные смазки для машин и паровозов.

Так что пчеловодство – удивительно полезное и нужное дело.

И Владимир Ильич Ленин отлично понимал, что надо поскорее развивать это дело, для того чтобы жизнь еще более улучшилась.

И когда Ленин жил под Москвой, в Горках, он очень этим делом интересовался и часто вызывал к себе одного здешнего пчеловода и с ним подолгу беседовал.

И вот однажды Ленину понадобился этот пчеловод.

Ленин хотел послать за ним одного человека, который знал, где пчеловод живет. Но этот человек, как назло, уехал в Москву. А другие люди не знали, где живет пчеловод. Они слышали, что он где-то тут близко живет. Но где именно – не знали.

Тогда Ленин никому ничего не сказал, вышел из дому и пошел в поле.

Вот он идет по полю и смотрит по сторонам.

Видит цветы – белый клевер. А над цветами масса пчел.

Ленин посмотрел, куда летят пчелы.

И увидел – они летят по направлению к какому-то саду.

Тогда Ленин, глядя на этих пчел, тоже пошел к этому саду.

Вот он входит в этот сад. Подходит к домику. Стучит. Оказывается, верно – тут живет пчеловод.

Пчеловод, увидев Ленина, до крайности удивился.

Он сказал:

– Здравствуйте, Владимир Ильич! Как же вы сумели меня найти? Я живу далеко от деревни. И мало кто знает, где я живу. Кто вас проводил сюда, на пасеку? Кто вам показал дорогу?

Ленин засмеялся и сказал:

– Дорогу мне показали ваши пчелы. Это они меня сюда привели.

Пчеловод еще более удивился.

Он сказал:

– Владимир Ильич, вы великий человек и великий гений. В каждом деле вы умеете находить что-нибудь особенное.

Ленин сказал:

– Просто надо быть наблюдательным в каждом случае жизни.

Тут Ленин и пасечник стали беседовать о пчеловодстве. И они два часа об этом беседовали.

Потом Ленин попрощался и ушел домой по той же дороге, по какой он пришел сюда.

16. НА ОХОТЕ

Ленин очень любил охотиться. Он охотился на уток, на глухарей, на зайцев и на волков.

Но и на лисиц он тоже любил охотиться.

Лисица – хитрое животное. И поэтому охотиться на нее очень интересно.

Лисицы имеют обыкновение жить в норах. Но только благодаря своей хитрости они сами не роют себе нор. А они увидят какую-нибудь готовую нору, которую, например, вырыл себе барсук, и преспокойно там поселяются.

Потом приходит барсук. И – здравствуйте! – уже кто-то живет в его норе.

Ну, барсук, конечно, неприятно поражен, удивляется, что в его квартира расположилась лиса. И думает: "Это недоразумение, наверное она сейчас уйдет".

Но лиса и не думает уходить. Лежит в норе и глазки закрыла, будто это ее не касается.

Тогда барсук тоже лезет в нору. Думает: "В крайнем случае как-нибудь проживу вместе с этой рыжей теткой с длинным хвостом".

Но, оказывается, вместе с лисицей жить ему неинтересно: она вороватая. Нишу крадет. И вдобавок занимает в норе лучшее место. Так что у бедняги барсука иной раз хвост наружу торчит. И, конечно, ему неприятно так жить. Это и зверь может укусить его за хвост. И дождь капает.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
И тогда барсук в грустном настроении уходит куданибудь в другое место и роет себе новую нору, благо у него нос длинный.

А лисица рада и довольна, что ушел барсук. И начинает жить в норе в свое удовольствие.

А охотничьи собаки выискивают эти норы и выгоняют оттуда лисиц. Собаки начинают лаять, рыть землю или снег, и тогда лисица от страха пулей выскакивает из норы. Собаки бегут за нею. Выгоняют ее на охотников. Охотники стреляют, но только не всегда попадают, потому что лисица увертливая. Сейчас она здесь, через минуту – там. Потом, глядишь, ее хвост за деревом мелькнул. И вдруг исчезла лисичка. И след простыл.

Так вот, однажды московские охотники устроили охоту на лисиц. И устроили очень организованно. Даже на опушке леса развесили флажки. Эти флажки от ветра колебались. И зверь, увидев, такие флажки, обыкновенно останавливался и от страха не бежал дальше. А это и требовалось охотникам.

Вот расставили охотников.

И Владимиру Ильичу Ленину тоже показали место, где ему стоять.

И Ленин в полушубке и в валенках стал у дерева на одной дорожке. И стоит с ружьем, ожидает.

Вдруг в лесу отчаянно залаяли собаки. Это значит, они нашли лису и сейчас ее выгонят из леса на полянку.

Охотники насторожились. И Ленин тоже насторожился. Посмотрел, правильно ли заряжено его ружье.

А кругом удивительно красиво. Полянка. Лес. Сверкающий пушистый снег на ветках. Зимнее солнце золотит верхушки деревьев.

Вдруг, откуда ни возьмись, в аккурат прямо на Ленина из леса выбежала лисица.

Это была красивая рыжая лисица с огромным пушистым хвостом. Это была ярко-рыжая лисица, и только кончик хвоста у нее был черный.

Она, спасаясь от собак, выбежала на полянку и, заметавшись по полянке, остановилась, увидев человека с ружьем.

На несколько секунд лисица замерла в неподвижной позе. Только хвост ее нервно качался. И испуганно сверкали ее круглые глазенки с вертикальными зрачками.

Лисица не могла сообразить, что ей делать и куда бежать. Сзади собаки, впереди человек с ружьем. И вот поэтому она растерялась и замерла в неподвижной позе.

Ленин вскинул ружье, чтоб в нее выстрелить.

Но вдруг опустил руку и поставил ружье в снег, к ногам.

Лисица, вильнув своим пушистым хвостом, бросилась в сторону и тотчас исчезла за деревьями.

А тут же у дерева, недалеко от Ленина, стояла его жена, Надежда Константиновна. Она с удивлением спросила:

– Почему же ты не выстрелил?

Ленин, улыбнувшись, сказал:

– Знаешь, не мог выстрелить. Очень уж красивая была лиса и мне поэтому не хотелось ее убивать. Пусть живет.

Тут подошли другие охотники и тоже стали удивляться, почему Ленин не выстрелил, когда лисица была так близко и даже не бежала.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
И, узнав, отчего Ленин не выстрелил, охотники еще больше удивились. А один охотник сказал:

– Чем красивее лиса, тем она ценнее. Я бы в нее выстрелил.

Но Ленин на это ничего не ответил.

1940

КОЗА

Без пяти четыре Забежкин сморкался до того громко, что нос у него гудел, как труба иерихонская, а бухгалтер Иван Нажмудинович от испуга вздрагивал, ронял ручку на пол и говорил:

– Ох, Забежкин, Забежкин, нынче сокращение штатов идет, как бы тебе, Забежкин, тово, – под сокращение не попасть... Ну, куда ты торопишься?

Забежкин прятал платок в карман и тряпочкой начинал обтирать стол и чернильницу.

Двенадцать лет сидел Забежкин за этим столом. Двенадцать лет! Подумать даже страшно, какой это срок не маленький. Ведь если за двенадцать лет пыль, скажем, ни разу со стола не стереть, так, наверное, и чернильницы не видно будет?

В четыре ровно Забежкин двигал нарочно стулом, громко говорил: "четыре", четыре костяшки отбрасывал на счетах и шел домой. А шел Забежкин всегда по Невскому, хоть там и крюк ему был. И не потому он шел по Невскому, что на какую-нибудь встречу рассчитывал, а так – любопытства ради: все-таки людей разнообразие, и магазины черт знает какие, да и прочесть смешно, что в каком ресторане люди кушают.

А что до встреч, то бывает, конечно, всякое... Ведь вот, скажем, дойдет Забежкин сейчас до Садовой, а на Садовой, вот там, где черная личность сапоги гуталином чистит, – дама вдруг... Черное платье, вуалька, глаза... И подбежит эта дама к Забежкину... "Ох, – скажет, – молодой человек, спасите меня, если можете... Ко мне пристают, оскорбляют меня вульгарными словами и даже гнусные предложения делают..." И возьмет Забежкин даму эту под руку, так, касаясь едва, и вместе с тем с необыкновенным рыцарством, и пройдут они мимо оскорбителей презрительно и гордо... А она, оказывается, дочь директора какого-нибудь там треста.

Или еще того проще – старичок. Старичок в высшей степени интеллигентный идет. И падает вдруг. Вообще головокружение. Забежкин к нему... "Ах, ах, где вы живете?" Извозчик... Под ручку... А старичок, комар ему в нос, – американский подданный... "Вот, – скажет, – вам, Забежкин, триллион рублей..."

Конечно, все это так, вздор, романтизм, бессмысленное мечтание. Да и какой это человек может подойти к Забежкину? Какой это человек может иметь что-либо вообще с Забежкиным? Тоже ведь и наружность многое значит. А у Забежкина и шея тонкая, и все-таки прически никакой нет, и нос загогулиной. Ну, еще нос и шея куда ни шло – природа, а вот прически, верно, никакой нету. Надо будет отрастить в срочном порядке. А то прямо никакого виду.

И будь у Забежкина общественное положение значительное, то и делу был бы оборот иной. Будь Забежкин квартальным надзирателем, что ли, или хотя бы агрономом, то и помириться можно бы с наружностью. Но общественное положение у Забежкина не ахти было какое. Впрочем, даже скверное. Да вот, если сделать смешное сравнение, при этом смеясь невинно, если бухгалтера Ивана Нажмудиновича приравнять щуке, а рассыльного Мишку – из союза молодежи – сравнить с ершом, то Забежкин, даром что коллежский регистратор бывший, а будет никак не больше уклеики или даже колюшки крошечной.

Так вот, при таких-то грустных обстоятельствах мог ли Забежкин на какой-нибудь романтизм надеяться?

Но однажды приключилось событие.

Однажды Забежкин захворал. То есть не то чтобы слишком захворал, а так, виски заломило это ужасно как.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Забежкин и линейку к вискам тискал, и слюнями лоб мазал – не помогает. Пробовал Забежкин в канцелярские дела углубиться.

Какие это штаны? Почему две пары? Не есть ли это превышение власти? Почему бухгалтеру Ивану Нажмуудиновичу сверх комплекта шинелька отпущена, и куда это он, собачий нос, позадевал шинельку эту? Не загнал ли, подлая личность, на сторону казенное имущество?

Виски заломило еще пуще.

И вот попросил Забежкин у Ивана Нажмуудиновича домой пораньше уйти.

– Иди, Забежкин, – сказал Иван Нажмуудинович, и таким печальным тоном, что и сам чуть не прослезился. – Иди, Забежкин, но помни – нынче сокращение штатов...

Взял Забежкин фуражку и вышел.

И вышел Забежкин по привычке на Невский, а на Невском, на углу Садовой, помутилось у него в глазах, покачнулся он, поскреб воздух руками и от слабости необыкновенной к дверям магазина прислонился. А из магазина в это время вышел человек (так, обыкновенного вида человек, в шляпе и в пальто коротеньком) и, задев Забежкина локтем, приподнял шляпу и сказал:

– Извиняюсь.

– Господи! – сказал Забежкин. – Да что вы? Пожалуйста...

Но прохожий был далеко.

"Что это? – подумал Забежкин. – Чудной какой прохожий. Извиняюсь, говорит... Да разве я сказал что-нибудь против? Да разве он пихнул меня? Это же моль, мошкара, мошка крылами задела... И кто ж это? Писатель, может быть, или какой-нибудь всемирный ученый... Извиняюсь, говорит. Ах ты штука какая! И ведь лица даже не рассмотрел у него..."

– Ах! – громко сказал Забежкин и вдруг быстро пошел за прохожим.

И шел Забежкин долго за ним – весь Невский и по набережной. А на Троицком мосту вдруг потерял его из виду. Две дамы – шли – шляпки с перьями – заслонили, и как в Неву сгинул необыкновенный прохожий.

А Забежкин все шел вперед, махал руками, сиял носом, просил извинения у встречных и после неизвестно кому подмигивал.

"Ого, – вдруг подумал Забежкин, – куда же это такое я зашел? Каменноостровский... Карповка... Сверну", – подумал Забежкин. И свернул по Карповке.

И вот – трава. Петух. Коза пасется. Лавчонки у ворот. Деревня, совсем деревня!

"Присяду", – подумал Забежкин и присел у ворот на лавочке.

И стал свертывать папиросу. А когда свертывал папиросу, увидел на калитке объявление:

"Сдается комната для одинокого. Женскому полу не тревожиться".

Три раза кряду читал Забежкин объявление это и хотел в четвертый раз – читать, но сердце вдруг забило слишком, и Забежкин снова сел на лавку.

"Что ж это, – подумал Забежкин, – странное какое объявление? И ведь не зря же сказано: одинокому. Ведь это что же? Ведь это, значит, намек. Это, дескать, в мужчине нуждаются... Это мужчина требуется, хозяин. Господи, твоя воля, так ведь это же хозяин требуется!"

Забежкин в волнении прошелся по улице и вдруг заглянул в калитку. И отошел.

– Коза! – сказал Забежкин. – Ей-богу, правда, коза стоит... Дай бог, чтоб коза ее была, хозяйкина... Коза! Ведь так, при таком намеке, тут и жениться можно. И

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
женюсь. Ей-богу, женюсь! Ежели скажем, есть коза – женюсь. Баста. Десять лет ждал – и вот... Судьба... Ведь ежели рассуждать строго, ежели комната внаймы сдается, – значит, квартира есть. А квартира – хозяйство значит, полная чаша." Поддержка... Фикус на окне. Занавески из тюля. Занавесочки толковые. Покоя... Ведь это же ботвинья по праздникам!.. А жена, скажем, дама – солидная, порядок обожает, порядком интересуется, и сама в сатиновом капоте павлином по комнате ходит, и все так великолепно, все так благородно, и все только и спрашивает: "Не хочешь ли, Петечка, покушать?" Ах тут штука какая! Хозяйство ведь. Корова, возможно, или коза дейная. Пускай коза лучше – жрет меньше.

Забегал – открыл калитку.

– Коза! – сказал он задыхаясь. – У забора коза. Да ведь ежели коза, так и жить нетрудно. Ежели коза, то смешно даже... Пускай Иван Нажмудинович завтра скажет: "Вот дескать, слишком мне тебя жаль, Забежкин, но уволен ты по сокращению штатов..." Хе-хе, ей-богу, смешно... Удивится, сукин сын, поразится до чего, ежели после слов таких в ножки не упаду, просить не буду... Пожалуйста. Коза есть. Коза, черт меня раздери совсем! Ах ты вредная штука! Ах ты, смех какой!.. А женскому-то полу плюха какая, женский-то пол до чего дожил – не тревожиться. Не лезь, дескать, комар тебе в нес, здесь его величество мужчина требуется...

Тут Забежкин еще раз прочел объявление и, выпятив грудь горой, с необыкновенной радостью вошел во двор.

У помойной ямы стояла коза. Была она безрогая, и вымя у ней висело до земли.

"Жаль, – с грустью подумал Забежкин, – старая коза, дай бог ей здоровья".

Во дворе мальчишки в чижика играли. А у крыльца девка какая-то столовые ножи чистила. И до того она с остервенением чистила, что Забежкин, забыв про козу, остановился в изумлении.

Девка яростно плевала на ножи, изрыгала слюну прямо-таки, втыкала ножи в землю и, втыкая, сама качалась на корточках и хрипела даже.

"Вот дура-то", – подумал Забежкин.

Девка изнемогала.

– Эй, тетушка, – сказал Забежкин громко, – где же это тут комната внаймы сдается?

Но вдруг открылось окно над Забежкиным, я чья-то бабья голова с флюсом, в платке вязаном, выглянула во двор.

– Товарищ, – спросила голова, – вам не ученого ли агронома Пампушкина нужно будет?

– Нет, – ответил Забежкин, снимая фуражку, – не имею чести... Я насчет, как бы сказать, комнаты, которая внаймы.

– А если ученого агронома Пампушкина, – продолжала голова, – так вы не ждите зря, он нынче принять никак не может, он ученый труд пишет про что-то.

Голова обернулась назад и через минуту снова выглянула.

– "Несколько слов в защиту огородных вредителей"...

– Чего-с? – спросил Забежкин.

– А это кто спрашивает? – сказал агроном, сам подходя к окну. Здравствуйте, товарищ!.. Это, видите ли, статья: "Несколько слов в защиту огородных вредителей"... Да вы поднимитесь наверх.

– Нет, – сказал Забежкин пугаясь, – я комнату, которая внаймы...

– Комнату? – спросил агроном с явной грустью. – Ну, так вы после комнаты... да вы не стесняйтесь...

Третий номер, ученый агроном Пампушкин... Каждая собака знает...

Забежкин кивнул головой и подошел к девке.

– Тетушка, – спросил Забежкин, – это чья же, например, коза будет?

– Коза-то? – спросила девка. – Коза эта из четвертого номера.

– Из четвертого? – охнул Забежкин. – Да это не там ли, извиняюсь, комната сдается?

– Там, – сказала девка. – Только сдана комната.

– Как же так? – испугался Забежкин. – Не может того быть. Да ты что, опупела, что ли? Как же так – сдана комната, ежели я и время потратил, проезд, хлопоты...

– А не знаю, – ответила девка, – может, и не сдана.

– Ну, то-то – не знаю, дура такая. Не знаешь, так лучше и не говори. Не извращай событий. Ты вот про кур лучше скажи – чьи куры ходят?

– Куры-то? Куры Домны Павловны.

– Это какая же Домна Павловна? Не комнату ли она сдает?

– Сдана комната! – с сердцем сказала девка, в подол собирая ножи.

– Врешь. Ей-богу, врешь. Объявление есть. Ежели бы объявления не было, тогда иное дело, – я бы не сопротивлялся. А тут – объявление. Колом не вышибешь... Заладила сорока Якова: "Сдана, сдана..." Дура такая. – Ты лучше скажи: индейский петух, наверное, уже не ее?

– Ее.

– Ай-я-яй! – удивился Забежкин. – Так ведь она же богатая дама?

Девка ничего не ответила, икнула в ладонь и ушла.

Забежкин подошел к козе и пальцем потрогал ей морду.

"Вот, – подумал Забежкин, – ежели сейчас лизнет в руку – счастье: моя коза".

Коза понюхала руку и шершавым тонким языком лизнула Забежкина.

– Ну, ну, дура! – сказал, задыхаясь, Забежкин. – Корку хочешь? Эх, была давеча в кармане корка, да не найду что-то... Вспомнил: съел я ее, Машка. Съел, извиняюсь... Ну, ну, после дам...

Забежкин в необыкновенном волнении нашел четверг тую квартиру и постучал в зеленую рваную клеенку.

– Вам чего? – спросил кто-то, открывая дверь.

– Комната...

– Сдана комната! – сказал кто-то басом, пытаясь закрыть дверь. Забежкин крепко ее держал руками.

– Позвольте, – сказал Забежкин, пугаясь, – как же так? Позвольте же войти, уважаемый товарищ... Как же так? Я время потратил... Проезд... Объявление ведь...

– Объявление? Иван Кириллыч! Ты что ж это объявление-то не снял?

Тут Забежкин поднял глаза и увидел, что разговаривает он с дамой и что дама – размеров огромных. И нос у ней никак не меньше забежкинского носа, а корпус такой обильный, что из него смело можно двух Забежкиных выкроить, да еще кой-что останется.

– Сударыня, уважаемая мадам, – сказал Забежкин, снимая фуражку и для чего-то приседая, – мне – бы хоть чуланчик какой-нибудь отвратительный, конурку, конуронушку...

– А вы из каких будете? – спросила изрядным басом Домна Павловна.

– Служащий...

– Ну что ж, – сказала Домна Павловна, вздыхая, – пушай тогда. Есть у меня еще одна комнатуха. Не обижайтесь только подле кухни...

Тут Домна Павловна по неизвестной причине еще раз грустно вздохнула и повела Забежкина в комнаты.

– Вот, – сказала она, – смотрите. Скажу прямо: дрянь комната. И окно дрянь. И вид никакой, а в стену. А вот с хорошей комнатой опоздали, батюшка. Сдана хорошая комната. Военному телеграфисту сдана.

– Прекрасная комната! – воскликнул Забежкин. – Мне очень нравятся такие комнаты подле кухни... Разрешите – я и перееду завтра...

– Ну что ж, – сказала Домна Павловна. – Пушай тогда. Переезжайте.

Забежкин низенько поклонился и вышел. Он подошел к воротам, еще раз с грустью прочел объявление, сложил его и спрятал в карман.

"Да-с, – подумал Забежкин, – с трудом, с трудом счастье дается... Вот иные в Америку и в Индию очень просто ездят и комнаты снимают, а тут... Да еще телеграфист... Какой это телеграфист? А ежели, скажем, этот телеграфист да помешает? С трудом, с трудом счастье дается!"

Забежкин переехал. Это было утром. Забежкин вкатил тележку во двор, и тотчас все окна в доме открылись, и бабья голова с флюсом, высунувшись из окна на этот раз по пояс, сказала: "Ага!" И ученый агроном Пампушкин, оставив ученую статью "Несколько слов в защиту вредителей", подошел к окну.

И сама Домна Павловна милостиво сошла вниз.

Забежкин развязывал свое добро.

– Подушки! – сказали зрители.

И точно: две подушки, одна розовая с рыжим пятном, другая синенькая в полоску, были отнесены наверх.

– Сапоги! – вскричали все в один голос. – Перед глазами изумленных зрителей предстали четыре пары сапог. Сапоги были новенькие, и сияли они носками, и с каждой пары бантиком свешивались шнурки. И бабья голова с флюсом сказала с уважением: "Ото!" И Домна Павловна милостиво потеряла полные свои руки. И сам ученый агроном прищурил свои ученые глаза и велел мальчишкам отойти от тележки, чтобы видней было.

– Книги... – конфузясь, сказал Забежкин, вытаскивая три запыленные книжки.

– Книги?

И ученый агроном счел необходимым спуститься вниз.

– Очень приятно познакомиться с интеллигентным человеком, – сказал агроном, с любопытством рассматривая сапоги. – Это что же, – продолжал он, – это не по ученому ли пайку вы изволили получить сапоги эти?

– Нету, – сказал Забежкин, сияя, – это в некотором роде частное приобретение и, так сказать, движимость. Иные, знаете ли, деньги предпочитают в брильянтах держать... а, извиняюсь, что такое брильянты? Только что блеск да бессмысленная игра огней...

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru

– М-м, – сказал агроном с явным сожалением, – то-то я и смотрю – что такое? – будто бы и не такие давали по ученому. Цвет, что ли, не такой?

– Цвет! – сказал Забежкин в восторге. – Это цвет, наверное, не такой. Такой цвет – раз, два и обчелся..

– Катюшечка! – крикнул агроном голове с флюсом. – Вынеси-ка, голубчик, сапоги, что давеча по ученому пайку получили.

Сожительница агронома вынесла необыкновенных размеров рыжие сапоги. Вместе с сожительницей во двор вышли все жильцы дома. Вышла даже какая-то очень древнего вида старушка, думая, что раздадут сапоги бесплатно. Вышел и телеграфист, ковыряя в зубах спичкой.

– Вот! – закричал агроном, обильно брызгая в Забежкина слюной. – Вот, милостивый государь, обратите ваше внимание!

Агроном пальцем стучал в подметку, пробовал ее зубами, подбрасывал сапоги вверх, бросал их наземь, – они падали, как поленья.

– Необыкновенные сапоги! – орал агроном на Забежкина таким голосом, точно Забежкин вел агронома расстреливать, а тот упирался. – Умоляю вас, взгляните! Нат! Бросайте их на землю, бросайте – я отвечаю!

Забежкин сказал:

– Да. Очень необыкновенные сапоги. Но ежели их на камни бросать, то они могут не выдержать...

– Не выдержат? Эти-то сапоги не выдержат? Да чувствуете ли вы, милостивый государь, какие говорите явные пустяки? Знаете ли, что вы меня даже оскорбляете этим. Не выдержат! – горько усмехнулся агроном, наседая на Забежкина.

– На камни, безусловно, выдержат, – с апломбом сказал вдруг телеграфист, вылезая вперед, – а что касается... Под тележку если, например, и тележку накатить враз – нипочем не выдержат.

– Катите! – захрюкал агроном, бросая сапоги. – Катите, на мою голову!

Забежкин налег на тележку и двинул ее Сапоги помялись и у носка лопнули.

– Лопнули! – закричал телеграфист, бросая фуражку наземь и топча ее от восторга.

– Извиняюсь, – сказал агроном Забежкину, – это нечестно и нетактично, милостивый государь! Порядочные люди прямо наезжают, а вы боком... Это подло даже, боком наезжать. Нетактично и по-хамски с вашей стороны!

– Пускай он отвечает, – сказала сожительница агронома. – Он тележку катил, он и отвечает. Это каждый человек начнет на сапоги тележку катить – сапог не напасешься.

– Да, да, – сказал агроном Забежкину, – извольте теперь отвечать полностью.

– Хорошо, – ответил печально Забежкин, интересуясь телеграфистом, возьмите мою пару.

Телеграфист, выплюнув изо рта спичку и склонившись над сапогами, хохотал тоненько с привизгиваньем, будто его щекотали под мышками.

"Красавец! – с грустью думал Забежкин. – И шея хороша, и нос нормальный, и веселиться может..."

Так переехал Забежкин.

На другой день все стало ясно: телеграфист Забежкину мешал.

Не Забежкину несла Домна Павловна козье молоко, не Забежкину пеклось и варилось на кухне, и не для Забежкина Домна Павловна надела чудный сиреневый капот.

Все это пеклось, варилось и делалось для военного телеграфиста, Ивана Кирилловича.

Телеграфист лежал на койке, тренькал на гитаре и пел нахальным басом. В песнях ничего смешного не было, но Домна Павловна смеялась.

"Смеется, – думал Забежкин, слушая, – и, наверное, сидит в ногах телеграфистовых. Смеется... Значит, ей, дуре, весело, а весело, значит, ощущает что-нибудь. Так ведь и опоздать можно".

Целый день Забежкин провел в тоске. Наутро пошел в канцелярию. Работать не мог. И какая, к черту, может быть работа, ежели, скажем, такое беспокойство. Мало того, что о телеграфисте беспокойство, так и хозяйство все-таки. Тоже вот домой нужно прийти. Там на двор.

Кур проверить. Узнать – мальчишки не гоняли ли, а если, скажем, гонял кто, – вздрючить того. Козе тоже корку отнести нужно... Хозяйство...

"А хоть и хозяйство, – мучился Забежкин, – да чужое хозяйство. И надежда малюсенькая. Малюсенькая, оттого, что телеграфист мешает".

Придя домой, Забежкин прежде всего зашел в сарай.

– Вот, Машка, – сказал Забежкин козе, – кушай, дура. Ну, что смотришь? Грустно? Грустно, Машка. Телеграфист мешает. Убрать его, Машка, требуется. Ежели не убрать – любовь корни пустит.

Коза съела хлеб и обнюхивала теперь Забежкину руку.

– А как убрать его, Машка? Он, Машка, спортсмен, крепкий человек, не поддастся на пустяки. Он, сукин сын, давеча в трусиках бегал. Закаленный. А я, Машка, человек ослабший, на меня революция подействовала... И как удрать, ежели он и сам заметно хозяйством интересуется. Чего это он, скажи, пожалуйста, заходил в сарай давеча?

Коза тупо смотрела на Забежкина.

– Ну, пойду, Машка, пойду, может, и выйдет что. Тут с телеграфиста начать надо. Телеграфист – главная запятая. Не будь его, я бы, Машка, вчера еще с Домной Павловной кофей бы пил... Ну, пойду...

И Забежкин пошел домой. Он долго ходил по своей узкой комнате, бубнил под нос невнятное, размахивая руками, потом вынул из комода сапоги и, грустно покачивая головой, завернул одну пару в бумагу. И пошел к телеграфисту.

В комнату Забежкин вошел не сразу. Он постоял у двери Ивана Кирилловича, послушал. Телеграфист кряхтел, ворочался по комнате, двигая стулом.

"Сапоги чистит", – подумал Забежкин и постучал.

Точно: телеграфист чистил сапоги. Он дышал на них, внимательно обводил суконкой и ставил на стул то одну, то другую ногу.

– Пардон, – сказал телеграфист, – я ухожу, извиняюсь, скоро.

– А ничего, – сказал Забежкин, – я на секундочку... Я, как сосед ваш по комнате и, так сказать, под одним уважаемым крылом Домны Павловны, почел долгом представиться: сосед и бывший коллежский регистратор Петр Забежкин.

– Ага, – сказал телеграфист, – ладно. Пожалуйста.

– И, как сосед, – продолжал Забежкин, – считаю своим долгом, по кавказскому обычаю, подарок преподнести – сапожки.

– Сапоги? За что же, помилуйте, сапоги? – спросил телеграфист, любуясь сапогами.
– Мне даже, напротив того, неловко, уважаемый сосед... Я не могу так, знаете ли.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Ей-богу, возьмите...

– Разве что по кавказскому обычаю, – сказал телеграфист, примеряя сапоги. – А вы что же, позвольте узнать, уважаемый сосед, извиняюсь, на Кавказ путешествовали?.. Горы, наверное? Эльбрус, черт его знает какой? Нравы... Туда, уважаемый сосед, и депеша на другой день только доходят... Чересчур отдаленная страна...

– Нет, – сказал Забежкин, – это не я. Это Иван Нажмуудинович на Кавказ ездил. Он даже в Нахичевани был...

Еще Забежкин хотел рассказать про кавказские нравы, но вдруг сказал:

– Батюшка, уважаемый сосед, молодой человек! Вот я сейчас на колени опущусь...

И Забежкин встал на колени. Телеграфист испугался и закрыл рот.

– Батюшка, уважаемый товарищ, бейте меня, уничтожайте! До боли бейте.

Телеграфист, думая, что Забежкин начнет его сейчас бить, размахнулся и ударил Забежкина.

– Ну, так! – сказал Забежкин, падая и вставая снова – Так. Спасибо! Осчастливили. Слезы у меня текут... Я решенья жду – съезжайте с квартиры, голубчик, уважаемый товарищ.

– Как же так? – спросил телеграфист, закрывая рву. – Странные ваши шутки.

– Шутки! Драгоценное слово – шутки! Батюшка сосед, Иван Кириллович, вам – с Домней Павловной баловство и шутки, а мне – настоящая жизнь. Вот весь перед вами варотился... Съезжайте с квартиры, в четверг же съезжайте... Остатний раз прошу. Плохо будет.

– Чего? – спросил телеграфист. – Плохо? Мне до самой смерти плохо не будет. А если приспичило вам... да нет, странные шутки... Не могу-с.

– Батюшка, я еще чем-нибудь попрошу...

– Не могу-с. Да и за что же мне с квартиры съезжать... Мне нравится эта старяга. Да вы, впрочем, хорошенько попросите. Расход ведь в переездах, и, вообще, вы попросите. Я люблю, когда меня просят.

Забежкин бросился в свою комнату и через минуту вернулся.

– Вот! – сказал он, задыхаясь. – Вот еще сапожки и шнурки сот запасные.

Телеграфист примерил сапоги и сказал:

– Жмут. Ну, ладно. Дайте срок – съеду. Только странные ваши шутки...

Забежкин зашел в свою комнату и тихонько сел у окна.

Забежкин на службу не пошел.

С куском хлеба он пробрался в сарай и сел перед козой на корточки.

– Готово, Машка Шабаш Убрал вчера телеграфиста Кобенился и сопротивлялся, ну, да ничего – свалил. Сапоги ему, Машка, отдал... Теперь что же, Машка? Теперь Домна Павловна осталась. Тут, главное, на чувства рассчитывать нужно. На эстетику, Машка. Розу сейчас пойду куплю. Вот, скажу, вам роза – нюхайте... Завтра куплю, а нынче запарился я, Машка... Ну, ну, нету больше. Хватит.

Забежкин прошел в свою комнату и лег на кровать. Розу он купить не успел. Домна Павловна пришла к нему раньше.

Она сказала:

– Ты что ж это сапогами-то даришься? Ты к чему это сапоги телеграфисту отдал?

– Подарил я, Домна Павловна. Хороший он очень человек. Чего ж, думаю, ему не подарить? Подарил, Домна Павловна.

– Это Иван Кириллович-то хороший человек? – спросила Домна Павловна. – Неделю, подлец, не живет и до свиданья. С квартиры съезжает... Это он-то хороший человек? Отвечай, если спрашивают?!

– А я, Домна Павловна, думал...

– Чего ты думал? Чего ты, раззява, думал?

– Я думал, Домна Павловна, он и вам нравится. Вы завсегда с ним хохочете...

– Это он-то мне нравится? – Домна Павловна всплеснула руками. – Да он цельные дни бильярды гоняет, а после с девчонками... Чего я в нем не видала? Да он и внимания-то своего на меня не обратит... Ну, и врать же ты... Да он, прохвост ты человек при наружности своей первую красавицу возьмет, а не меня. Ну, и дурак же ты.

– Домна Павловна, – сказал Забежкин, – про красавицу это до чего верно вы; сказали – слов нет. Это такой человек, Домна Павловна... Он заврался давеча: люблю, говорит, тоненьких красавиц, а на других и вниманья не обращаю. Ведь это он, Домна Павловна, про вас намекал.

– Ну? – спросила Домна Павловна.

– Ей-богу, Домна Павловна... Он тонкую возьмет, ейбогу, правда – уколоться об локоть можно у вас он и рад, гадина. А вот я, Домна Павловна, я на крупную фигуру всегда обращаю свое вниманье. Я, Домна Павловна, такими, как вы, увлекаюсь.

– Ври еще!

– Нет, Домна Павловна, мне нельзя врать. Вы для меня – это очень превосходная дама... И для многих тоже... Ко мне, помните, Домна Павловна, человек заходил – тоже заинтересовался. Это, спрашивает, кто же такая гранд-дам интереснейшая?

– Ну? – спросила Домна Павловна. – Так и сказал?

– Так и сказал, дай бог ему здоровья. Это, говорит, не актриса ли Люком?

Домна Павловна села рядом с Забежкиным.

– Да это какой же, не помню чего-то? Это не тот ли – рыжеватый будто и угри на носу?

– Тот, Домна Павловна. Тот самый, и угри на носу, дай бог ему здоровья!

– А я думала, он к Ивану Кириллычу прошел... Так ты бы его к столу пригласил. Сказал бы: вот, мол, Домна Павловна кофею просит выкушать... Ну, а что он еще такое говорил? Про глаза ничего не говорил?

– Нет, – сказал Забежкин, задыхаясь, – нет, Домна Павловна, про глаза это я говорил. Я говорил: люблю такие превосходные глаза, млею даже, как посмотрю... И мечтаю почаще их видеть...

– Ну, ну, уж и любишь? – удивилась Домна Павловна. – Поел, может, чего лишнего, – вот и любишь.

– Поел! – вскричал Забежкин. – Это я-то поел, Домна Павловна! Нет, Домна Павловна, раньше это точно я превосходно кушал, рвало даже, а ныне я, Домна Павловна, на хлебце больше.

– Глупенький, – сказала Домна Павловна, – ты бы ко мне пришел. Вот, сказал бы...

– А я вас, Домна Павловна, совершенно люблю! – вскричал Забежкин. Скажите: упади, Забежкин, из окна, – упаду, Домна Павловна! Как стелечка на камни лягу и

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
имя еще прославлять буду!

– Ну, ну, – сказала Домна Павловна конфузясь.

И ушла вдруг из комнаты. И только Забежкин хотел к козе пойти, как Домна Павловна снова вернулась.

– Побожись, – сказала она строго, – побожись, что верно сказал про чувства...

– Вот вам крест и икона святая...

– Ну, ладно. Не божись зря. Кольца купить нужно... Чтобы венчанье и певчие.

– И певчие! – закричал Забежкин. – И певчие, Домна Павловна. И все так великолепно, все так благородно... разрешите же в ручку поцеловать, Домна Павловна! Вот-с... А я-то, Домна Павловна, думал – чего это мне не до себе все? На службе невтерпеж даже, домой рвусь... А это чувство...

Домна Павловна стояла торжественно посреди комнаты.

Вокруг нее ходил Забежкин и говорил:

– Да-с, Домна Павловна, чувство... Давеча я, Домна Павловна, опоздал на службу, – размечтался на разные разности, а когда пришел, Иван Нажмуудинович ужасно так строго на меня посмотрел. Я сел и работать не могу.

Сижу и на книжке де и не рисую. А Иван Нажмуудинович галочки сосчитал (у нас, Домна Павловна, всегда, кто опоздал, галочку насупротив фамилии пишут), так Иван Нажмуудинович и говорит: "Шесть галочек насупротив фамилии Забежкин... Это не поперли бы его по сокращению штатов..."

– А пуцай! – сказала Домна Павловна. – И так хватит.

Венчанье Домна Павловна назначила через неделю.

В тот день, когда телеграфист собрал в узлы свои вещи и сказал: "Не поминайте лихом, Домна Павловна, завтра я съеду", – в тот день все погибло.

Ночью Забежкин сидел на кровати перед Домной Павловной и говорил:

– Мне, Домна Павловна, счастье с трудом дается. Иные очень просто и в Америку ездят и комнаты внаймы берут, а я, Домна Павловна... Да вот, не пойдя я тогда за прохожим, ничего бы и не было. И вас бы, Домна Павловна, не видеть мне, как ушей своих... А тут прохожий. Объявление. Девицам не тревожиться. Хе-хе, плюха-то какая девицам, Домна Павловна!

– Ну, спи, спи! – строго сказала Домна Павловна. – Поговорил и спи.

– Нет, – сказал Забежкин, поднимаясь, – не могу я спать, у меня, Домна Павловна, грудь рвет. Порыв... Вот я, Домна Павловна, мысль думаю... Вот коза, скажем, Домна Павловна, такого счастья не может чувствовать...

– А?

– Коза, я говорю, Домна Павловна, не может ощущать такого счастья. Что ж коза? Коза – дура. Коза и есть коза. Ей бы, дуре, только траву жрать. У ней и запросов никаких нету. Ну, пусть ее на Невский – срамота выйдет, недоразумение... А человек, Домна Павловна, все-таки запросы имеет. Вот, скажем, меня взять. Давеча иду по Невскому – тыква в окне. Заеду, думаю, узнаю, какая цена той тыкве. И зашел. И все-таки человеком себя – чувствуешь. А что ж коза, Домна Павловна? Вот хоть бы и Машку вашу взять – дура, дура и есть. Человек и ударить козу может и бить даже может и перед законом ответственности не несет – чист, как стеклышко.

Домна Павловна села.

– Какая коза, – сказала она, – иная коза при случае и забодать может человека.

– А человек, Домна Павловна, козу палкой, палкой по башке по козлиной.

– Ну и знай, коза – может молока не дать, как телеграфисту давеча.

– Как телеграфисту? – испугался Забежкин. – Да чего ж он ходит туда? Да как же это коза может молока не дать, ежели она дойная?

– А так и не даст!

– Ну, уж это пустяки, Домна Павловна, – сказал Забежкин, дохаживая по комнате. – Это уж. Что ж это? Это бунт будет.

Домна Павловна тоже встала.

– Что ж это? – сказал Забежкин. – Да ведь это же, Домна Павловна, вы странные вещи говорите... А вдруг да когда-нибудь, Домна Павловна, животные протест человеку объявят? Козы, например, или коровы, которые дойные. А? Ведь может же такое быть когда-нибудь? Начнешь их доить, а они бодаются, – копытами по животам бьют. И Машка наша может копытами... А ведь Машка наша, Домна Павловна, забодать, например, Ивана Нажмудиныча может.

– И очень просто, – сказала Домна Павловна.

– А ежели, Домна Павловна, не Иван Нажмудиныча забодает Машка, а комиссара, товарища Нюшкина? Товарищ Нюшкин из мотора выходит, Арсений дверку перед ним – пожалуйста, дескать, товарищ Нюшкин, а коза Машка, спрятавшись, на дверкой стоит. Товарищ Нюшкин – шаг, и она подойдет, да и тырк его в живот по глупости.

– Очень просто, – сказала Домна Павловна.

– Ну, тут народ стекается. Конторщики. А товарищ Пушкин очень даже рассердится. "Чья, – скажет, – это коза меня забодала?" А Иван Нажмудинын уж тут, задом вертит. "Это коза, – скажет, – Забежкина. У неге, скажет, кроме того, насупротив фамилии шесть галочек". – "А, Забежкина, – скажет товарищ комиссар, – ну, так уволен он по сокращению штатов". И баста.

– Да что ты все про козу-то врешь? – спросила Домна Павловна. – Откуда это твоя коза?

– Как откуда? – сказал Забежкин. – Когда, конечно, Домна Павловна, не моя, коза ваша, но ежели брак, хоть бы даже гражданский, и как муж, в некотором роде...

– Да ты про какую козу брендишь-то? – рассердилась Домна Павловна. Ты что, у телеграфиста купил ее?

– Как у телеграфиста? – испугался Забежкин. – Ваша коза, Домна Павловна.

– Нету, не моя коза... Коза телеграфиста. Да ты, прохвост этакий, идол собачий, не на козу ли нацелился?

– Как же, – бормотал Забежкин, – ваша коза. Ейбогу, ваша коза. Домна Павловна.

– Да ты что, обалдел? Да ты на козу рассчитывал? Я сию минуту тебя насквозь вижу. Все твои кишки вижу...

В необыкновенном гневе встала с кровати Домна Павловна и, покрыв одеялом обильные свои плечи, вышла из комнаты. А Забежкин прилег на кровать, да так и пролежал до утра, не двигаясь.

Утром пришел к Забежкину телеграфист.

– Вот, – сказал телеграфист, не эдороваясь, – Домна Павловна приказала, чтобы в двадцать четыре часа, иначе – судам и следствием.

– А я, – закричала из кухни Домна Павловна, – а я, так и передай ему, Иван Кириллыч, скотине этому, я и видеть его не желаю.

– А Домна Павловна, – сказал телеграфист, – и видеть вас не желает.

Домна Павловна кричала из кухни:

– Да посмотри, Иван Кириллыч, не прожег ли он матрац, сукин сын. Курил давеча. Был у меня один такой субчик – прожег. И перевернул, подлец, – не замечу, думает. Я у них, у подлецов, все кишки насквозь вижу.

– Извиняюсь, – сказал телеграфист Забежину, – пересядьте на стул.

Забежкин печально пересел с кровати на стул.

– Куда же я перееду? – сказал Забежкин. – Мне и поехать-то некуда.

– Он, Домна Павловна, говорит, что ему и переждать некуда, – сказал телеграфист, осматривая матрац.

– А пуцай, куда хочет, хоть кошке в гости! Я в его жизнь не касаюсь.

Телеграфист Иван Кириллыч осмотрел матрац, заглянул, без всякой на то нужды, под кровавь и, подмигнув Забежину глазом, ушел.

Вечером Забежкин нагрузил тележку и выехал неизвестно куда.

А когда выезжал из ворот, то встретил агронома Пампушкина.

Агроном спросил:

– Куда? Куда это вы, молодой человек?

Забежкин тихо улыбнулся и сказал:

– Так, знаете ли... прогуляться...

Ученый агроном долго смотрел ему вслед. На тележке поверх добра на синей подушке стояла одна пара сапог.

Так погиб Забежкин.

Когда против его фамилии значилось восемь галок, бухгалтер Иван Нажмуудинович сказал:

– Шабаш уволен ты, Забежкин, по сокращению штатов.

Забежкин записался на биржу безработных, но работы не искал. А как жил – неизвестно.

Однажды Домна Павловна встретила его на Дерябкинском рынке на толчке. Забежкин продавал пальто.

Был Забежкин в рваных сапогах и в бабьей кацавейке. Был он небрит, и бороденка у него росла почему-то рыжая. Узнать его было трудно!

Домна Павловна подошла к нему, потрогала пальто и спросила:

– Чего за пальто хочешь?

И вдруг узнала – это Забежкин.

Забежкин потупился и сказал:

– Возьмите так, Домна Павловна.

– Нет, – ответила Домна Павловна хмурясь, – мне не для себя нужно Мне Иван Кириллычу нужно. У Иван Кириллыча пальто зимнего нету... Так я не хочу, а вот что: денег я тебе, это верно, не дам, а вот приходи – будешь обедать по праздникам.

Пальто накинула на плечи и ушла.

В воскресенье Забежкин пришел. Обедать ему дали на кухне. Забежкин конфузился,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
подбирал грязные ноги под стул, качал головой и ел молча.

– Ну как, брат Забежкин, – спросил телеграфист.

– Ничего-с, Иван Кириллыч, терплю, – сказал Забежкин.

– Ну, терпи, терпи Человеку невозможно, чтобы не терпеть. Терпи, брат Забежкин.

Забежкин съел обед и хлеб спрятал в карман.

– А я-то думал, – сказал телеграфист, смеясь и подмигивая, – я-то, Домна Павловна, думал – чего это он, сукин сын, икру передо мной мечет? А он вот куда сей закинул – коза.

Когда Забежкин уходил, Домна Павловна спросила тихо:

– Ну, а сознайся, соврал ведь ты насчет глаз вообще?

– Соврал, Домна Павловна, соврал, – сказал Забежкин, вздыхая.

– Н-ну, иди, иди, – нахмурилась Домна Павловна, – не путайся тут!

Забежкин ушел.

И каждый праздник приходил Забежкин обедать. Телеграфист Иван Кириллович хохотал, подмигивал, хлопал Забежкина по животу и спрашивал:

– И как же это, брат Забежкин, ошибся ты?

– Ошибся, Иван Кириллыч.

Домна Павловна строго говорила:

– Оставь, Иван Кириллыч! Пущай есть. Пальто тоже денег стоит.

После обеда Забежкин шел к козе. Он давал ей корку и говорил:

– Нынче был суп с луком и турнепс на второе.

Коза тупо смотрела Забежкину в глаза и жевала хлеб. А после облизывала Забежкину руку.

Однажды, когда Забежкин съел обед и корку спрятал в карман, телеграфист сказал:

– Положь корку назад. Так! Пожрал, и до свиданья. К козе нечего шляться!

– Пущай, – сказала Домна Павловна.

– Нет, Домна Павловна, моя коза! – ответил телеграфист. – Не позволю. Может, он мне козу испортит по злобе. Чего это он там с ней колдует?

Больше Забежкин обедать не приходил.

1922

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ПОВЕСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга, эти сентиментальные повести написаны в самый разгар нэпа и революции.

И читатель, конечно, вправе потребовать от автора настоящего революционного содержания, крупных там планетарных заданий и героического пафоса – одним елемом, полной и высокой идеологии.

Не желая вводить небогатого покупателя в излишние траты, автор спешит уведомить с глубокой, душевной болью, что в этой сентиментальной книге не много будет героического.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Эта книга специально написана о маленьком человеке, об обывателе, во всей его неприглядной красе.

Пушай не ругают автора за выбор такой мелкой темы – такой уж, видимо, мелкий характер у автора Тут уж ничего не поделаешь. Кому что по силам, кому что дано.

Один писатель широкими мазками набрасывает на огромные полотна всякие эпизоды, другой описывает революцию, третий военные ригурнели, четвертый занят любовными шашнями и проблемами Автор же, в силу особых сердечных свойств и юмористических наклонностей, описывает человека – как он живет, чего делает и куда, для примеру, стремится.

Автор признает, что в наши бурные годы прямо даже совестно, прямо даже неловко выступать с такими ничтожными идеями, с такими будничными разговорами об отдельном незначительном человеке.

Но критики не должны на этот счет расстраиваться и портить свою драгоценную кровь. Автор и не лезет со своей книгой в ряд остроумных произведений эпохи.

Быть может, поэтому автор и назвал свою книгу сентиментальной.

На общем фоне громадных масштабов и идей эти повести о мелких, слабых людях и обывателях, эта книга о жалкой уходящей жизни действительно, надо полагать, зазвучит для некоторых критиков какой-то визгливой флейтой, какой-то сентиментальной оскорбительной требухой.

Однако ничего не поделаешь. Придется записать так, как с этим обстояло в первые годы революции. Тем более, мы смеем думать, что эти люди, эта вышеуказанная прослойка пока что весьма сильно распространена на свете. В силу чего мы и предлагаем вашему высокому вниманию подобную малогероическую книгу.

А что в этом сочинении бодрости, может быть, комунибудь покажется маловато, то это неверно. Бодрость тут есть. Не через край, конечно, но есть. Последние же страницы книги прямо брызжут полным весельем и сердечной радостью.

Март 1927

И. В. Коленкоров

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Ввиду многочисленных запросов, сообщаем, что вышеуказанная подпись И. В. Коленкоров – есть подпись подлинного автора сентиментальных повестей.

Вот краткая биографическая справка о нем.

И. В. Коленкоров – родной брат Ек. Вас. Коленкоровой, тепло и любовно выведенной в повести "Люди" наряду с другими героинями. Он родился в 1882 году в городе Торжке (Тверской губ.), в мелкобуржуазной семье дамского портного. Получил домашнее образование. В молодые годы был пастухом. Потом играл в театре. И наконец мечта его жизни воплотилась в действительность – он стал писать стихи и рассказы.

В настоящее время И. – В. Коленкоров, принадлежащий к правому крылу попутчиков, перестраивается и, вероятно, в скором времени займет одно из видных мест среди писателей натуральной школы.

Сентиментальные же повести написаны им под руководством писателя М. М. Зощенко, ведущего литературный кружок, в котором около пяти лет находился наш славный автор.

И в настоящее время, выпуская эту книгу, Иван Васильевич приносит т. Зощенко свою благодарность и желает ему дальнейшей удачи в многотрудной педагогической деятельности.

Май 1928

К.С.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

В силу постоянных запросов сообщаем, что роль писателя М. Зощенко в этом труде свелась главным образом к исправлению орфографических ошибок и выражению идеологии. Основная же работа принадлежит вышеуказанному автору, И. В. Коленкорову. Так что по-настоящему на обложке книги надо было бы поставить фамилию Кодлекорова. Однако И. В. Коленкоров, не желая прослыть состоятельным человеком, отказался от этой чести в пользу М. Зощенко. Гонорар же Иван Васильевич получил полностью.

Сообщая об этом, пользуемся случаем сказать, что некоторые сентиментальные нотки, нытье и кое-какие идеологическое шатание в ту и другую сторону следует отнести не к руководителю литкружка, а отчасти к автору, И. В. Коленкорову, отчасти же к тем литературным персонажам, которые выведены в этих повестях.

Тут перед вашими глазами пройдет целая галерея уходящих типов.

И новому, современному читателю необходимо их знать, чтоб увидеть уходящую жизнь во всех ее проявлениях.

Июль 1928

С. Л.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

В силу прошлых недоразумений писатель уведомляет критику, что лицо, от которого ведутся эти повести, есть, так сказать, воображаемое лицо. Это есть тот средний интеллигентский тип, которому случилось жить на переломе двух эпох.

Неврастения, идеологическое – шатание, крупные противоречия и меланхолия – вот чем пришлось наделить нам своего "выдвиженца", И. В. Коленкорова. Сам же автор – писатель М. М. Зощенко, сын и брат таких нездоровых людей, – давно перешагнул все это. И в настоящее время он противоречий не имеет. А если в другой раз и нету – настоящего сердечного спокойствия, то совершенно по другим причинам, о которых автор расскажет как-нибудь после.

В данном же случае это есть литературный прием, и автор умалывает почтеннейшую критику вспомнить об этом незамысловатом обстоятельстве, прежде чем замахнуться на беззащитного писателя.

Апрель 1829

Ленинград

Мих. Зощенко

АПОЛЛОН И ТАМАРА

Жил в одном городе на Большой Проломной улице свободный художник-тапер Аполлон Семенович, по фамилии Перепенчук.

Фамилия эта – Перепенчук – встречается в России не часто, так что читатели могут даже подумать, что речь сейчас идет о Федоре Перепенчуке, о фельдшере из городского приемного покоя, тем более что оба они жили в одно время и на одной и той же улице и по характеру не то чтобы были схожи, но в некотором скептическом отношении к жизни и в образе своих мыслей ихние характеры как-то перекликались.

Но только фельдшер Федор Перепенчук помер значительно пораньше, да и, вернее, не сам помер, не своей то есть смертью, а он удавился.

Об этом газеты своевременно трубили: покончил, дескать, с собой при исполнении служебного долга фельдшер из городского приемного покоя Федор Перепенчук, причина – разочарование в жизни...

Этакую, правда, нелепость могут досужие репортеришки написать Разочарование в жизни... Федор Перепенчук и разочарование в жизни... Ах, какие это пустяки. Какая несусветная околесица!

Это правда поверхностно размышляя, точно, жил, жил человек, задумывался о бессмысленном человеческом существовании и руки на себя наложил. Точно, на

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
первый взгляд – разочарование. Но тот, кто поближе знал Федора Перепенчука, не сказал бы таких пустяков.

Это к Аполлону Перепенчуку, таперу и музыканту, могло бы подойти это слово – разочарование. Жил потому что человек бездумно, наслаждался прелестью своего бытия, а после, от причин исключительно материальных и физических и от всяких катастроф и коллизий, – ослаб к жизни, так сказать, потерял вкус. Но не будем забегать вперед, о нем, об Аполлоне Перепенчуке, и будет наше повествование.

А вот Федор Перепенчук... Вся сила его личности была в том, что не от бедности, не от катастроф и коллизий он пришел к своим мыслям, нет, мысли его родились путем зрелого, логического размышления значительного человека. О нем не только что рассказ написать, о нем целые тома сочинений написать можно было бы. Но только не каждый писатель взялся бы исполнить труд этот. Не каждый бы мог быть биографом и, так сказать, жизнеописателем дел и мыслей этого выдающегося человека. Тут потребовался бы сочинитель величайшего ума и огромной эрудиции, а также и знание мельчайших вещей и вещичек – и о происхождении человека, и о зарождении вселенной, и всякие философские воззрения, теория относительности и другие там разные теории, и где какая звезда расположена, и даже хронология исторических событий, – все это потребовалось бы для изучения личности Федора Перепенчука.

И в этом отношении Аполлону Перепенчуку ни в какой мере с ним не сравняться.

Аполлон Перепенчук был прямо-таки перед ним пустяковый человек, дрянцо даже... Не в обиду будет сказано его родственникам. А впрочем, родственников по прямой линии у него и не осталось, разве что тетка его по отцу, Аделаида Перепенчук. Ну, да и та в изящной словесности, пожалуй что, ничего не понимает. Пушай обижается.

Прятей у него тоже не осталось. Да у таких людей, как Федор и Аполлон Перепенчуки, и не могло быть прятелей. У Федора никогда не было, а Аполлон растерял их, как впал в нищету.

И какой это мог быть прятель у Федора Перепенчука, ежели людей он не любил, презирал, вернее – образ своей жизни вел замкнутый, строгий даже, и с людьми если и разговаривал, то для того, чтобы механически высказать накопившиеся воззрения, а не затем, чтобы услышать возгласы одобрения и критику.

Да и кто, какой человек величайшего ума смог бы ответить на его гордые мысли:

"Для чего существует человек? Есть ли в жизни у него назначение, и если нет, то не является ли жизнь, вообще говоря, отчасти бессмысленной?"

Конечно, какой-нибудь приват-доцент или профессор сказал бы с неприятной легкостью, что человек существует для дальнейшей культуры и для счастья вселенной. Но все это туманно и неясно, и простому человеку даже приходят на мысль разные удивительные вещи для чего, скажем, существует жук или кукушка, которые явно никакой пользы не приносят, а тем более для дальнейшей культуры, и в какой мере жизнь человека важнее жизни кукушки, птицы, которая могла бы и не жить, и мир от этого бы не изменился.

Но тут нужно гениальное перо и огромные знания, чтобы хоть отчасти отразить величественные замыслы Федора Перепенчука.

И, может, и не следовало бы тревожить тень замечательного человека, если б в свое время отчасти не дошел бы до этих мыслей ученик до духу и дальний его родственник – Аполлон Семенович Перепенчук, тапер, музыкант и свободный художник, проживавший на Большой Проломной улице.

Он проживал на этой улице за несколько лет до войны я революции.

Слово это – тапер – ничуть для человека не унижительно. Правда, некоторые люди, и в том числе – сам Аполлон Семенович Перепенчук, до некоторой степени стеснялись произносить это слово на людях, а в особенности в дамском обществе, превратно полагая, что дамы от этого конфузятся И если Аполлон Семенович и называл себя тапером, то непременно с прибавлением артист, свободный художник или еще как-нибудь по иному. Но это несправедливо.

Тапер – это значит музыкант, пианист, но пианист, стесненный в материальных обстоятельствах и вынужденный оттого искусством своим забавлять веселящихся людей.

Профессия эта не столь ценна, как, скажем, театр или живопись, однако и это есть подлинное искусство. Конечно, существует в этой профессии множество еле пых старичков и глухонемых старушек, которые снижают искусство это до обыкновенного ремесла, бессмысленно ударяя по клавишам пальцами, наигрывая разные там польки, полечи и мажоры.

Но под этот разряд ни в какой мере нельзя было отнести Аполлона Семеновича Перепенчука. Истинное призвание, темперамент артиста, лиризм и вдохновение его – все шло вразрез с обычным пониманием ремесла тапера.

Был при этом Аполлон Семенович Перепенчук в достаточной мере красив и даже изыскан. От лица его веяло вдохновением и необыкновенным благородством.

И всегда гордо закушенная нижняя губа и надменный профиль артиста делали фигуру его похожей на изваяние.

Даже кадык, простой, обыкновенный кадык, или, как он еще иначе называется, адамово яблоко, то, что у других людей было омерзительно и вызывало насмешки, у него, у Аполлона Перепенчука, при постоянно гордо закинутой голове выглядело благородно и даже напоминало что-то греческое.

А ниспадающие волосы! А бархатная блуза! А темнозеленый, до пояса, галстук! Собственно говоря, необыкновеннейшей красотой наделен был человек.

А те моменты, когда он появлялся на балу своей стремительной походкой и статуей замирал в дверях, как бы окидывая все общество надменным взглядом... Да, неотразимейший был человек. Не одна женщина лила по нем обильные слезы. А как сердито сторонились его мужчины! Как прятали от него жен под предлогом, что неловко, дескать, жене государственного, скажем, чиновника трепаться с каким-то таперишкой.

А то незабываемое событие, когда старший делопроизводитель казенной палаты получил анонимное письмо с объяснением, что жена его состоит в нежных отношениях и в предосудительной связи с Аполлоном Перепенчуком! Та уморительная сцена, когда делопроизводитель этот два часа караулил на улице Аполлона Семеновича, чтобы помять ему бока, и по ошибке, введенный в заблуждение длинными волосами, избил секретаря городской управы...

Ах, смешные были дела! И, что всего смешнее, что все скандалы, записочки и дамские слезы не имели под собой никакой почвы. Имея счастливую внешность ловеласа, романтика и разорителя чужих семей, Аполлон Семенович Перепенчук был, напротив того, необыкновенно робкий и тихий человек.

Он даже чуждался женщин, сторонился их, считая, что настоящий, истинный артист не должен связывать ничем своей жизни...

Правда, женщины писали ему записки и письма, где назначали ему тайные свидания и называли его ласкательными и уменьшительными именами, но он был непоколебим.

Записочки и письма он бережно хранил в шкатулке, в свободное время разбирая их, нумеруя и связывая по пачкам. Но жил уединенно и даже замкнуто. И всем знакомым своим при случае любил сказать: "Искусство – это выше всего".

А в искусстве он был не последним. Конечно, существуют такие виртуозы, которые на одних лишь черных клавишах могут исполнить разные мотивы, до этого Аполлону Перепенчуку было далеко, однако он имел-таки собственную композицию – вальс "Нахлынувшие на меня мечты"...

Вальс этот он весьма успешно исполнял, при огромном стечении публики, в стенах Купеческого собрания.

Это было в тот год, о котором пойдет речь, год наибольшей его славы и известности. К этому счастливому времени относится и другое его сочинение,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
неоконченная "Фантази реаль", написанная в мажорных тонах, что не исключало в ней очаровательной лирики. Эта "Фантази реаль" посвящалась некоей Тамаре Омельченко, той самой девице, что сыграла такую решающую и роковую роль в жизни Аполлона Семеновича Перепенчука.

Но тут автор должен объясниться с читателями.

Автор уверяет дорогих читателей, что он ни в какой мере не будет извращать событий. Напротив, он будет их восстанавливать именно так, как они и происходили, сохраняя при этом самые мельчайшие подробности, как например: внешность героев, образ их мыслей или даже сентиментальные мотивы, которые так не по душе самому автору.

Автор заверяет дорогих читателей, что с необыкновенным прискорбием и даже с болезненным напряжением он вспоминает кое-какие сентиментальные сцены, о которых он должен рассказать, те сцены, когда, например, героиня плачет над портретом, или когда та же героиня зашивает порванную гимнастерку Аполлону Перепенчуку, или когда наконец тетюшка Аделаида Перепенчук объявляет о распродаже гардероба Аполлона Семеновича.

Эти описания пойдут, так сказать, вразрез со вкусом автора, но все это будет сделано ради истины. Ради истины автор сохраняет даже подлинные имена героев. Пусть читатель не думает, что автор из эстетических соображений назвал своих героев столь редкими, исключительными именами Тамара и Аполлон. Нет, именно так они и прозывались. И это, впрочем, ничуть не удивительно.

Автору доподлинно известно, что все девицы в семнадцать и в восемнадцать лет на Большой Проломной улице прозывались именно Тамарами или Иринами.

А произошло такое исключительное событие по причинам достаточно уважительным. Семнадцать лет назад стоял здесь полк каких-то гусар. И такой это был замечательный полк, такие красавцы все были эти гусары, и так они воздействовали на горожан с эстетической стороны, что все младенцы женского пола, родившиеся в то время, названы были, с легкой руки супруги начальника губернии, Тамарами или Иринами.

Так вот, в тот счастливый, полный головокружительного успеха год Аполлон Семенович Перепенчук встретил впервые и нежно полюбил девицу Тамару Омельченко.

Было ей тогда неполных восемнадцать лет. Была она не то чтобы красавица, а была она лучше красавицы – такая у ней была во всем благородная закругленность форм, такая плывущая поступь и такое очарование нежной юности. Все мужчины, проходящие мимо, будь то на улице или даже в обществе, называли ее булочкой, пончиком или пампушкой. И при этом глядели на нее с большим вниманием и удовольствием.

В тот год она тоже полюбила Аполлона Семеновича Перепенчука.

Они встретились на балу в стенах клуба Купеческого собрания. Это было в начале европейской всемирной войны. Ее поразил вид его, необыкновенно благородный, с гордо закушенной нижней губой. Он был восхищен ее нетронутой свежестью.

В тот вечер он был в особенном ударе. Он бил по роялю со всей силой своего вдохновения так, что дежурный старшина пришел попросить его играть потише, оправдываясь тем, что действительные члены – клуба обижаются.

В этот момент Аполлон Перепенчук понял, какой он, в сущности, незначительный еще и мизерный человек.

Он, в силу своей профессии, прикрепленный к музыкальному инструменту, не сможет даже подойти к любимой девушке. И, раздумывая так, он выражал звуками всю свою тоску и отчаяние несвободного человека.

Она кружилась в вальсах и мазурках со многими представительными мужчинами, но глаза ее все время останавливались на вдохновенном лице Аполлона – Перепенчука.

И в конце вечера, преодолевая девичий стыд, она сама подошла к нему, попросив сыграть что-нибудь из его любимых мотивов. Он сыграл вальс "Нахлынувшие на меня мечты".

Этот вальс решил дело. Она, охваченная трепетом первого чувства, взяла его руку и прижала к своим губам.

Злобная молва о новом марьяже Аполлона Перепенчука тотчас охватила все здание Купеческого клуба.

Никто не старался скрыть своего любопытства. Мимо них фланировали люди, подсмеиваясь и хихикая. Даже те, кто вдевался уже внизу, сбросили свои шубы и снова поднялись наверх, чтобы самим воочию убедиться в правильности пикантных слухов.

Так началась эта любовь.

Аполлон Перепенчук и Тамара стали встречаться по праздникам на углу Проломной и Кирпичного и, гуляя до вечера, говорили о своей любви и о том замечательном, незабываемом вечере, когда они встретились впервые, вспоминая при этом каждую мелочь, прикрашивая все и восторгаясь друг другом.

Это длилось до осени.

А в тот день, когда Аполлон Семенович Перепенчук, одетый в жакет, с букетом олеандров и с коробкой постного сахара пришел просить руки Тамары, она, с рассудочностью зрелой женщины, знающей себе цену, отказала ему, невзирая на просьбы своей матери и домочадцев.

– Мамаша, – сказала она, – да, я люблю Аполлона со всей страстью девичьего чувства, но замуж за него сейчас я не дойду. Когда он будет знаменитым музыкантом, когда слава будет у его ног, я сама приду к нему. И я верю, что это будет скоро. Я верю" что он будет известным, знаменитым человеком, умеющим обеспечить свою встречу.

Во время ее реплики Аполлон Перепенчук стоял тут же, впервые низко опустив свою голову.

Весь вечер он плакал у ее ног и с невыразимой страстью и тоской целовал ее колени. Но она была настойчива. Она не хотела рисковать, она боялась бедности и необеспеченной жизни, той жизни, которую влачат многие люди.

Аполлон Перепенчук бросился к себе. Он жил несколько дней в каком-то тумане, в остервенении какомто, стараясь придумать способ стать знаменитым, прославленным музыкантом. Но то, что раньше казалось ему легким и простым, теперь представлялось необыкновенной трудностью, даже невозможным.

В его уме мелькали разные планы: уехать в другой город, бросить музыку, бросить искусство и искать счастья и славы в другой профессии, на другом поприще, стать, например, отважным авиатором, делающим мертвые петли над родным городом, над кровлей любимой девушки, или, наконец, стать изобретателем, путешественником, хирургом... Но это были все только планы.

Аполлон Перепенчук тут же разрушал их, смеясь над своей фантазией.

Он послал в Петербург сочинение-вальс "Нахлынувшие на меня мечты", но неизвестно, что случилось с рукописью: затерялась ли она на почте, или какой-нибудь человек присвоил ее себе, впоследствии выдавая ее за свою композицию, – неизвестно. В свет она так и не вышла.

Нынче даже мотив ее позабыт. Разве что тетушка Аделаида Перепенчук сохранила его в своей памяти. Ах, она так любила напевать этот вальс!

К этому времени относится и другое сочинение Аполлона Перепенчука неоконченная "фантази реаль", незаконченная, не в силу творческой беспомощности. Она была не кончена, ибо новый удар сразил нашего бедного героя.

Аполлон Семенович был призван в ряды армии, как ратник второго разряда, могущий нести службу в тылу действующих войск.

То, что в фантазиях своих он думал уехать, искать счастья на стороне, теперь

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
исполнилось.

В декабре шестнадцатого года Аполлон Перепенчук пришел проститься с любимой девушкой.

Даже самые циничные люди, самые зачерствелые сердца плакали, глядя на их нежное расставание.

Прощаясь, Аполлон Перепенчук торжественно сказал, что он или совсем не вернется, или вернется прославленным, знаменитым человеком. Он сказал, что ни война, ни что другое не остановит его стремления к этому.

И девушка, благодарно смеясь, сквозь слезы сказала, что она вполне ему верит и что она непременно будет его женой, когда он вернется таким, как она это хочет, ради их взаимного счастья.

И вот прошло несколько лет. Четыре с лишком года прошло с тех пор, как Аполлон Семенович Перепенчук уехал в действующую армию.

Огромные изменения произошли за это время. Социальные идеи в значительной мере покочували и ниспровергли прежний быт. Много прекрасных людей отошло к праотцам в вечность. Так, например, скончался от сыпняка Кузьма Львович Горюшкин, бывший попечитель учебного округа, добродушнейший и культурный человек.

Помер Семен Семенович Петухов, отличнейший тоже человек и не дурак выпить. Смерть фельдшера Федора Перепенчука относится к тому же времени.

Жизнь в городе чрезвычайно изменилась. Наступившая революция стала создавать новый быт. Но жить было нелегко. И люди боролись за право свое прожить.

И никто за это время не вспомнил Аполлона Семеновича Перепенчука. Разве что Тамара Омельченко да еще тетушка его, Аделаида Перепенчук. Конечно, может быть, и еще какая-нибудь девица, подумала о нем, но подумала как о романтическом герое, а не как о тапере и музыканте. Как о тапере о нем никто не вспоминал и не пожалел. В городе таперов не было, да они были и не нужны. С условиями нового быта многие профессии стали ненужными, среди них профессия тапера была вымирающей.

На всех вечерах подвизался теперь маэстро Соломон Беленький с двумя первыми скрипками, контрабасом и виолончелью. На всех вечерах, благотворительных балах, на свадьбах и на крестинах работал с успехом, несомненно, головокружительным этот неизвестно откуда появившийся человек. Его все полюбили. И верно: никто так, как он, не смог бы вертеть скрипку в руках, переворачивая ее и в паузе ударяя по деке смычком. Мало того – он играл попури из любимейших мотивов, мог исполнять разнообразнейшие танцы и заатлантические танцы, как-то: "тремутар" или "медведь". При этом не сходящая с его лица улыбка и даже некоторое добродушное подмигиванье танцующим окончательно сделали его любимцем веселящейся публики. Он был, так сказать, артист современности. И он вытеснил из памяти горожан и в прах растоптал Аполлона Семеновича Перепенчука.

А в тот год, когда Аполлона Перепенчука стала забывать Тамара, и даже тетушка Аделаида Перепенчук, считая племянника своего без вести погибшим, вывесила на воротах записку, объявляющую гражданам о распродаже гардероба Аполлона Перепенчука, как-то: двух пар мало ношенных брюк, бархатной тужурки с темно-зеленым галстуком, пикейного жилета и еще кое-каких вещей, – в тот год он вернулся в родной город.

Он ехал в теплушке с солдатами и, подложив под голову мешок, лежал на нарах всю дорогу. Он казался больным. Он страшно переменялся. Солдатская шинель, рваная, прожженная на спине, армейские ботинки, штаны широкие, цвета защитной материи, хриплый голос – делали его неузнаваемым. Казалось, что это был другой человек.

Даже губа, его гордо закушенная губа, была вытянута в ленточку от постоянного общения с кларнетом.

Никто никогда не узнал, какая катастрофа разразилась над ним. И была ли катастрофа? Вернее всего, что ее не было, а была жизнь, простая и обыкновенная, от которой только два человека из тысячи становятся на ноги, остальные живут,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
чтобы прожить.

Никогда никому он не рассказывал, как жил эти пять лет и что делал, чтобы вернуться в славе и с почестями.

Единственная вещь – кларнет, который он привез, – дала повод людям заподозрить его в том, что славы он искал по-прежнему в искусстве. По-видимому, он был музыкантом в каком-нибудь полковом оркестре. Но ничего не известно доподлинно. Он писем никому не писал, не желая, вероятно, сообщать о незначительных фактах своей жизни.

В общем, неизвестно.

Известно только, что вернулся он не только не знаменитым – вернулся он больным, голодным, даже иным человеком – с морщинами на лбу, с удлинённым носом, с побелевшими глазами и низко опущенной головой.

Он как вор вернулся в дом своей тетушки, как вор бежал по улицам от вокзала, стараясь, чтоб никто его не увидел. Но его если и видели, то не узнавали. Ничего не оставалось в нём старого. Был это другой Аполлон Перепенчук.

Самое возвращение его было ужасно. Новый удар, едва он перешагнул порог, обрушился на его голову. Вещи, его прекрасные вещи: бархатная тужурка, штаны, жилет – погибли безвозвратно. Тетушка Аделаида Перепенчук все распродала, вплоть до безопасной бритвы.

С некоторым даже равнодушием и безразличностью выслушал Аполлон Семенович тетушкины рыдания и, не упрекнув ее, только переспросив еще раз о бархатной тужурке, бросился к Тамаре.

Он бежал к ней, задыхаясь и ни о чем не думая, по Большой Проломной. Все псы выбегали ему навстречу и лаяли, пытаясь схватить его за ободренные штаны.

Наконец еще усилие – ее дом, Тамарин дом... И Аполлон Перепенчук стучит кулаком в дверь.

Она, Тамара, встретила его испуганно, стараясь тотчас, сию минуту, понять, что с ним случилось. И, глядя на его рваную блузу, на изможденное лицо, поняла.

Он смотрел пристально, пронзительно в ее глаза, пытаясь проникнуть в ее думы, понять. Но ничего не понял.

Так они долго стояли друг перед другом, не проронив слова. Потом он стал перед ней на колени и, не зная, о чем сказать, тихо заплакал. Она тоже плакала над ним, по-детски всхлипывая и часто сморкаясь.

Наконец она села в кресло, а Аполлон, опустившись перед ней, бессмысленно лепетал какие-то пустяки. Тамара смотрела на него, но ничего не понимала и ничего не видела, она видела лишь загрязненное его лицо, свалявшиеся волосы и рваную гимнастерку. Ее сердечко, сердечко благоразумной женщины, сжималось. Она принесла нитки и ножницы и, попросив его, не сосчитав за труд, вдеть нитку в иглу, принялась зашивать ему гимнастерку, время от времени укоризненно покачивая головой.

Но тут автор должен сказать, что он не мальчик продолжать описание этой сентиментальной сцены. И, хотя осталось немного, автор переходит к психологии героя, нарочно опустив две-три сентиментальных и интимных подробности, как например: она расчесывает своим гребнем свалявшиеся его волосы, она обтирает его изможденное лицо полотенцем и прыскает на него "Персидской сиренью"... Автор заявляет, что ему нет дела до этих подробностей, его интересует психология.

Так вот, благодаря этому нежному вниманию со стороны Тамары Аполлон Перепенчук подумал, что все идет по-прежнему, что по-прежнему она его любит, и с криком восторга он бросился к ней, пытаясь заключить ее в свои объятия.

Но она сказала, нахмурившись:

– Любезный Аполлон Семенович, я, кажется, когда-то наговорила вам много лишнего...

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Надеюсь, вы не приняли мой невинный девичий лепет за чистую монету.

Он не поднимался с колен, с трудом понимая ее слова. Она встала, прошла по комнате и с сердцем промолвила:

– Может быть, я и виновата перед вами, но вашей женой я не буду.

Аполлон Перепенчук вернулся домой и дома вдруг понял, что ничто теперь не в состоянии вернуть ему прежней жизни и что прежняя жизнь смешна и наивна.

И смешно и наивно было его желание стать великим музыкантом и знаменитым, прославленным человеком.

И еще понял: всю свою жизнь он жил не так, как нужно, не то делал и не то говорил... Но как было нужно, он и теперь не знал.

И, ложась спать, он усмехнулся с горечью, как некогда усмехался фельдшер Федор Перепенчук, стараясь наконец понять, проникнуть в сущность явлений.

В короткое время Аполлон Семенович Перепенчук страшно обеднел. Больше того – это была бедность, даже нищета, человека, потерявшего всякие надежды на улучшение. Правда, он и приехал без ничего, однако первое время он не хотел и не смел признаться в своей ужасающей бедности.

Теперь он с недоброй усмешкой говорил об этом тетушке своей Аделаиде Перепенчук:

– я, тетушка, беден, как церковный нищий.

Тетушка, чувствуя свою вину перед ним, старалась его успокоить, утешить, ободрить, говоря, что еще не все окончательно потеряно, что его жизнь еще вся впереди, что вместо проданного темно-зеленого галстука она сделает ему очаровательный лиловый из корсажа вечернего своего туалета и что, наконец, бархатную тужурку за недорого взялся бы сделать знакомый ей дамский портной Рипкин.

Но Аполлон Перепенчук только усмехался.

Он не сделал ни одного шага, ни одной попытки какнибудь изменить, поставить на прежний лад свою городскую жизнь. Это, впрочем, произошло с тех пор, как он узнал, что в городе на всех вечерах подвизается теперь маэстро Соломон Беленький. До этого какие-то неясные мечты, ускользающие планы теснились в его возбужденном мозгу.

Маэстро Соломон Беленький и исчезновение бархатной куртки сделали Аполлона Перепенчука безвольным созерцателем.

Он целыми днями лежал теперь в постели, выходя на улицу для того, чтобы найти оброненный окурочок папиросы или попросить у прохожего на одну заветку щепоточку махорки. Тетушка Аделаида его кормила.

Иногда он вставал с постели, вынимал из матерчатого футляра завезенный им кларнет и играл на нем. Но в его музыке нельзя было проследить ни мотива, ни даже отдельных музыкальных нот – это был какой-то ужасающий, бесовский рев животного.

И всякий раз, когда он начинал играть, тетушка Аделаида Перепенчук менялась в лице, вынимала из шкафика различные банки и баночки со всякими препаратами и нюхательными солями и ложилась в постель, глухо стоная.

Аполлон Семенович бросал кларнет и снова искал успокоения в кровати.

Он лежал и пронизательно думал, и мысли приходили к нему те же, что некогда тревожили Федора Перепенчука. Иные мысли по силе и глубине ничуть не уступали мыслям его значительного однофамильца. Он думал о человеческом существовании, о том, что человек так же нелепо и ненужно существует, как жук или кукушка, и о том, что человечество, весь мир, должно изменить свою жизнь для того, чтоб найти покой и счастье, и для того, чтоб не подвергаться таким страданиям, как произошло с ним. Ему однажды показалось, что наконец-то он узнал и понял, как

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
надо жить человеку. Какая-то мысль коснулась его мозга и снова исчезла, неоформленная.

Это началось с малого. Аполлон Перепенчук как-то спросил тетушку Аделаиду:

– Как вы полагаете, тетушка, есть ли у человека душа?

– Есть, – сказала тетушка, – непременно есть.

– Ну, а вот обезьяна, скажем... Обезьяна человекоподобна... Она ничуть не хуже человека. Есть ли, тетушка, у обезьяны душа, как вы полагаете?

– Я думаю, – сказала тетушка, – что у обезьяны тоже есть, раз она похожа на человека.

Аполлон Перепенчук вдруг взволновался. Какая-то смелая мысль поразила его.

– Позвольте, тетушка, – сказал он. – Ежели есть душа у обезьяны, то и у собаки, несомненно, есть. Собака ничем не хуже обезьяны. А ежели у собаки есть душа, то и у кошки есть, и у крысы, и у мухи, и у червяка даже...

– Перестань, – сказала тетушка. – Не богохульствуй.

– Я не богохульствую, – сказал Аполлон Семенович. – Я, тетушка, ничуть даже не богохульствую. Я только факты констатирую... Значит, у червяка тоже есть душа... А что вы теперь скажете? Возьму-ка я, тетушка, и разрежу червяка надвое, напополам... И каждая половина, представьте себе, тетушка, живет в отдельности. Так? Это что же? Это, по-вашему, тетушка, душа раздвоилась? Это что же за такая душа?

– Отстань, – сказала тетушка и испуганно посмотрела на Аполлона Семеновича.

– Позвольте, – закричал Перепенчук – Нету, значит, никакой души и у человека нету. Человек-это кости и мясо. Он и помирает, как последняя тварь, и рождается, как тварь... Только что живет по-выдуманному.

А ему нужно по-другому жить.

Но как нужно было жить, Аполлон Семенович не мог объяснить своей тетушке – он не знал. Тем не менее мыслями своими Аполлон Семенович был потрясен. Ему казалось, что он начал понимать что-то Но потом в голове его снова все мешалось и путалось. И он признавался себе, что он не знает, как, в сущности, надо было бы жить, чтоб не испытывать того, что он сейчас чувствует.

А он чувствует, что его игра проиграна и что жизнь спокойно продолжается без него.

Он несколько дней кряду ходил по комнате в страшном волнении А в тот день, когда волнение достигло наивысшего напряжения, тетушка Аделаида принесла письмо на имя Аполлона Семеновича Перепенчука. Это письмо было от Тамары.

Она с жеманностью кокетливой женщины писала в грустном, лирическом тоне о том, что нынче она выходит замуж за некоего иностранного коммерсанта Глобу и что, делая этот шаг, она не хочет оставить о себе дурных воспоминаний в памяти Аполлона Перепенчука. Она, дескать, просит его всепокорнейше извинить за все то, что она с ним сделала, она прощенья просит, ибо знает, какой смертельный удар ему нанесла.

Тихо смеялся Аполлон Перепенчук, читая это письмо.

Однако ее непоколебимая уверенность в том, что он, Аполлон Перепенчук, погибает из-за нее, ошеломила его.

И, думая об этом, он вдруг отчетливо понял, что ему ничего не нужно, даже не нужна та, из-за которой он погибает. И еще ясно, окончательно понял, что он погибает, в сущности, не из-за нее, а погибает оттого, что он не так жил, как нужно. И тут снова все в голове его мешалось и путалось.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

И он хотел тотчас пойти к ней и сказать, что не она виновата, а он сам виноват, что он сам совершил ошибку в своей жизни.

Но не пошел, потому что он не знал, в чем заключалась его ошибка.

Аполлон Семенович Перепенчук пошел к Тамаре спустя неделю. Это произошло неожиданно. Однажды вечером он тихо оделся и, сказав тетушке Аделаиде, что у него болит голова и что он хочет поэтому пройтись по городу, вышел.

Он долго и бесцельно бродил по улицам, не думая о том, что пойдет к Тамаре. Необыкновенные думы о бессмысленном существовании не давали ему покоя. Он, сняв фуражку, бродил по улицам, останавливаясь у темных деревянных домов, заглядывая в освещенные окна, стараясь наконец понять, проникнуть, узнать, как живут люди и в чем их существование. В освещенных окнах он видел за столом мужчин в подтяжках, женщин за самоваром, детей... Иные мужчины играли в карты, иные сидели, не двигаясь, бессмысленно смотря на огонь, женщины мыли чашки или шили и почти все – ели, широко и беззвучно открывая рты. И, за двумя рядами стекол, Аполлону Перепенчуку казалось, что он слышит их чавканье.

От дома к дому переходил Аполлон Семенович и вдруг очутился у дома Тамары.

Аполлон Перепенчук прильнул к окну ее комнаты. Тамара лежала на диване и казалась спящей. Вдруг Аполлон Семенович, неожиданно для самого себя, постучал по стеклу пальцами.

Тамара вздрогнула, вскочила, прислушиваясь. Потом подошла к окну, стараясь в темноте узнать, кто стучал, но не узнала и крикнула: "Кто?"

Аполлон Семенович молчал.

Она выбежала на улицу и, узнав его, повела в комнаты. Она стала сердито говорить, что не для чего ему приходиться к ней, что все наконец кончено, что неужели ему недостаточно ее письменных извинений...

Аполлон Перепенчук смотрел на ее красивое лицо и думал, что незачем ей говорить о том, что не она виновата, а он виноват, что он не так жил, как нужно, – она не поймет и не захочет понять, оттого что в этом у ней была какая-то радость и, может быть, гордость.

И он хотел уж уходить, но вдруг что-то остановило его. Он долго стоял посреди комнаты, напряженно думая, странное успокоение пришло к нему. И он, оглядев комнату Тамары, бессмысленно улыбаясь, вышел.

Он вышел на улицу, прошел два квартала, надел фуражку. Остановился.

– Что такое?

В тот момент, когда он стоял в ее комнате, какая-то счастливая мысль мелькнула в его уме. Он забыл ее...

Какая-то мысль, исход какой-то, от которого на мгновение стало ясно и спокойно.

Аполлон Перепенчук стал вспоминать каждую мелочь, каждое слово. Не уехать ли? Нет... Не поступить ли в письмоводители? Нет... Он забыл.

Тогда он бросился опять к ее дому. Да, конечно, он должен сейчас, сию минуту, проникнуть в ее дом, в комнату ее и там, придя на старое место, вспомнить эту проклятую мысль.

Он подошел к двери. Хотел постучать. Но вдруг заметил – дверь открыта. За ним не заперли. Он тихо прошел по коридору, никем не замеченный, и остановился на пороге Тамариной комнаты.

Тамара плакала, ничком уткнувшись в подушки. В руке она держала его фотографию, его – Аполлона Перепенчука.

Пусть на этом месте читатель плачет, сколько ему угодно, – автору все равно, ему ни холодно, ни жарко. Автор бесстрастно переходит к дальнейшим событиям.

Аполлон Перепенчук посмотрел на Тамару, на карточку в ее руке, на окно, на цветок, на вазочку с пучком сухой травы и вдруг вспомнил.

– Да!

Тамара вскрикнула, увидав его. Он бросился прочь, стуча сапогами. За ним бежал кто-то из кухни.

Аполлон Семенович выбежал на улицу. Пошел быстро по Проломной. Потом побежал. Провалился в рыхлый снег. Упал. Встал. Опять побежал.

– Вспомнил!

Он бежал долго, задыхаясь. Уронил фуражку и, не стараясь ее найти, бросился дальше. В городе было тихо.

Ночь. Перепенчук бежал.

И вот уже окраина города. Слобода. Заборы. Семафор.

Будки. Канава. Полотно.

Аполлон Перепенчук упал. Пополз. И, уткнувшись в рельсы, лег.

– Вот эта мысль.

Он лежал в рыхлом снегу. Сердце его переставало биться. Ему казалось, что он умирает.

Кто-то с фонарем прошел два раза мимо него и, снова вернувшись, пихнул его ногой в бок.

– Ты чего? – сказал мужик с фонарем. – Чего лег?

Перепенчук молчал.

– Чего лег? – с испугом повторил мужик. Фонарь в его руке дрожал.

Аполлон Семенович поднял голову. Сел.

– Люди добрые... Люди добрые... – сказал он.

– Какие люди? – тихо сказал мужик. – Да ты чего надумал-то? Пойдем-кось в будку. Я здешний... Стрелочник...

Мужик взял его под руку и повел в сторожку.

– Люди добрые... Люди добрые... – бормотал Перепенчук.

Вошли в сторожку. Душно. Стол. Лампа. Самовар.

За столом сидел мужик в расстегнутой поддевке. Баба щипцами крошила сахар.

Перепенчук сел на лавку. Зубы его стучали.

– Ты чего лег-то? – спросил опять стрелочник, подмигивая мужику в поддевке. – Не смерти ли захотел?

Или рельсину, может, открутить хотел? А?

– А чего он? – спросил мужик в поддевке. – Лег, что ли, на рельсы?

– Лег, – сказал стрелочник. – Я иду с фонарем, а он лежит, как маленький, уткнувшись харей в самую то есть рельсину.

– Гм, – сказал мужик в поддевке, – сволочь какая.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Подожди, – сказала баба, – не ори на него. Видишь, трясется человек. Не из радости трясется. На-кось чайку, попей.

Аполлон Перепенчук, стуча по стакану зубами, выпил.

– Люди добрые...

– Обожди, – сказал стрелочник, снова подмигивая и для чего-то толкая под бок мужика в поддевке. – Дайкось я его спрошу по порядку.

Аполлон Семенович сидел неподвижно.

– Отвечай по порядку, как на анкете, – строго сказал стрелочник. Фамилия?

– Перепенчук, – сказал Аполлон Семенович.

– Так, – сказал мужик. – Не слышал.

– Лет от роду?

– Тридцать два.

– Зрелый возраст, – сказал мужик, чему-то радуясь. – А мне пятьдесят первый, значит... Возраст все-таки... Безработный?

– Безработный...

Стрелочник усмехнулся и снова подмигнул.

– Эта худа, – сказал он. – Ну, а ремесло какое понимаешь? Знаешь ли какое ремесло?

– Нет...

– Эта худа, – сказал стрелочник, покачав головой. – Как же это, брат, без ремесла-то жить? Это, я тебе скажу, невысказано худа. Человеку нужно непременно понимать ремесло. Скажем, я – сторож, стрелочник.

А теперь, скажем, поперли меня, сокращенье там или что иное... Я от этого, братишка, не пропаду. Я сапоги знаю работать. Буду я работать сапоги, рука сломалась – мне и горюшка никакого. Буду-ка я зубами веревки вить.

Вот она какое дело. Как же это можно без ремесла.

Нипочем не можно... Как же существуешь-то?

– Из дворян, – усмехнулся мужик в поддевке. – Кровь у них никакая... Жить не могут. В рельсы тюкаются.

Аполлон Перепенчук встал и хотел уйти из будки.

Сторож не пустил, сказал:

– Сядь. Я тебя сейчас великолепно устрою.

Он подмигнул мужику в поддевке и сказал:

– Вася, ты бы его присобачил по своему делу. Дело у тебя тихое, каждый понимать может. Что ж безработному человеку гибнуть?

– Пуцай, – сказал мужик, застегивая поддевку, – это можно: приходи-ка ты, гражданин, на Благовещенское кладбище. Спроси заведующего. Меня то есть.

– Да пуцай он с тобой пойдет, Вася, – сказала баба. – Мало ли что случится.

– А пуцай! – сказал мужик, вставая и надевая шапку. – Идем, что ли. Прощайте.

Мужик вышел из будки вместе с Аполлоном Перепенчуком.

Аполлон Семенович Перепенчук вышел в третий и последний период своей жизни – он вступил в должность нештатного могильщика. Почти год Аполлон Семенович проработал на Благовещенском кладбище. Он снова чрезвычайно переменялся.

Он ходил теперь в желтых обмотках, в полупальто, с медной бляхой на груди – №3. От спокойного, бездумного лица его веяло тихим блаженством. Все морщины, пятна, угри и веснушки исчезли с его лица. Нос принял прежнюю форму. И только глаза порою пристально и не мигая останавливались на одном предмете, на одной точке этого предмета, ничего больше не видя и не замечая.

В такие минуты Аполлон думал, вернее – вспоминал свою жизнь, свой пройденный путь, и тогда спокойное лицо его мрачнело. Но воспоминанья эти шли помимо его воли – он не хотел думать и гнал от себя все мысли. Он сознавал, что ему не понять, как надо было жить и какую ошибку он совершил в своей жизни. Да и была ли эта ошибка? Может быть, никакой ошибки и не было, а была жизнь, простая, суровая и обыкновенная, которая только немногим позволяет улыбаться и радоваться.

Однако все огорчения были теперь позади. И счастливое спокойствие не покидало больше Аполлона Семеновича. Теперь он всякое утро аккуратно приходил на работу с лопатой в руках и, копая землю, выравнивая стенки могил, проникался восторгом от тишины и прелести новой своей жизни.

В летние дни он, проработав часа два подряд, а то и больше, ложился в траву или на теплую еще, только что вырытую землю и лежал не двигаясь, смотря то на перистые облака, то на полет какой-нибудь пташки, то просто прислушивался к шуму благовещенских сосен. И, вспоминая свое прошлое, Аполлон Перепенчук думал, что никогда за всю свою жизнь он не испытывал такого умиротворения, что никогда он не лежал в траве и не знал и не думал, что только что вырытая земля – тепла, а запах ее слаще французской пудры и гостиной. Он улыбнулся тихой, полной улыбкой, радуясь, что он живет и хочет жить.

Но однажды Аполлон Семенович Перепенчук встретил Тамару под руку с каким-то довольно важного вида иностранцем. Они шли по тропинке Ксении Блаженной и о чем-то беспечно болтали.

Аполлон Перепенчук крался за ними, прячась, как зверь, за могилами и крестами. Парочка долго гуляла по кладбищу, затем, найдя полуразрушенную скамейку, они сели, сжав друг другу руки.

Аполлон Перепенчук бросился прочь. Но это было только раз. Дальше жизнь опять пошла спокойная и тихая. Дни шли за днями, и ничто не омрачало их тишины. Аполлон Семенович работал, ел, лежал в траве, спал. Иногда он ходил по кладбищу, читал трогательные и аляповатые надписи, присаживался на ту или на другую забытую могилу и сидел не двигаясь и ни о чем не думая.

Девятнадцатого сентября по новому стилю Аполлон Семенович Перепенчук помер от разрыва сердца, работая над одной из могил.

А семнадцатого сентября, то есть за два дня до его смерти, от родов скончалась Тамара Глоба, урожденная Омельченко.

Аполлон Семенович Перепенчук об этом так и не узнал.

январь 1923

СТРАШНАЯ НОЧЬ

Пишешь, пишешь, а для чего пишешь – неизвестно.

Читатель небось усмехнется тут. А деньги, скажет, деньги-то, скажет, курицын сын, получаешь. До чего, скажет, жиреют люди.

Эх, уважаемый читатель! А что такое деньги? Ну, получишь деньги, ну, дров купишь, ну, жене приобретешь какие-нибудь там боты. Только и всего. Нету в деньгах ни душевного успокоения, ни мировой идеи.

А впрочем, если и этот мелкий, корыстный расчет откинуть, то автор и совсем

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
расплевался бы со всей литературой. Бросил бы писать. И ручку с пером сломал бы к чертовой бабушке.

В самом деле.

Читатель пошел какой то отчаянный Ему, видите ли, в книге охота увидеть этакий стремительный полет фантазии, этакий сюжет, черт его знает какой. А где же все это взять?

Где взять этот стремительный полет фантазии, если автор родился в мелкобуржуазной семье и если он до сих пор еще не может подавить в себе мещанских корыстных интересов к деньгам, к цветам, к занавескам и к мягким креслам?

Иной писатель напишет – ему как с гуся вода. Он тебе и про луну напишет, и стремительность фантазии пустит, и про диких зверей наплетет, и на луну своего героя пошлет в ядре в каком-нибудь.

И ничего.

А что слава, то что ж слава? Если о славе думать, то опять-таки какая слава. Опять-таки неизвестно, как еще потомки взглянут на наши сочинения и какой фазой земля повернется в геологическом смысле.

Вот автор недавно прочел у немецкого философа, будто вся-то наша жизнь и весь расцвет нашей культуры есть не что иное, как междуледниковый период.

Автор признается: трепет прошел по его телу после прочтения.

В самом деле. Представь себе, читатель... На минуту отойди от своих повседневных забот и представь такую картину: до нас существовала какая-то жизнь и какая-то высокая культура, и после она стерлась. А теперь опять расцвет, и опять совершенно все сотрется.

Нас-то, может быть, это и не заденет, а все равно досадное чувство чего-то проходящего, невечного и случайного и постоянно меняющегося заставляет снова и снова подумать совершенно заново о собственной жизни.

Ты вот, скажем, рукопись написал, с одной орфографией вконец намучился, не говоря уж про стиль, а, скажем, через пятьсот лет мамонт какой-нибудь наступит ножицей на твою рукопись, ковырнет ее клыком, понюхает и отбросит, как несъедобную дрянь.

Вот и выходит, что ни в чем нет тебе утешенья. Ни в деньгах, ни в славе, ни в почестях. И вдобавок жизнь какая-то смешная.

Вот выйдешь, например, в поле, за город... Домишко какой-нибудь за городом. Забор. Скучный такой. Коровенка стоит этакая скучная до слез... Бок в навозе у ней... Хвостом треплет... Жует... Баба этакая в сером трикотажном платке сидит. Делает что-то руками. Петух ходит.

Ох, до чего скучно это видеть!

А если в город опять-таки пойти, где светят фонари светлым светом, где граждане в полном сознании своего человеческого величия ходят взад и вперед – опять-таки не всегда можно увидеть эту стремительность фантазии.

Ну, ходят.

А пойдешь, читатель, попробуй, потрудись, пойдешь за тем человеком ерунда может выйти.

Идет, оказывается, человек в долг признаться три рубля денег, или на любовное свидание он идет. Ну что это такое!

Придет, сядет напротив своей дамы, что-нибудь скажет ей про любовь, а может, и ничего не скажет, а просто положит руку свою на дамское колено и в глаза посмотрит.

Или придет человек посидеть у хозяина. Выкушает стаканчик чаю, посмотрится в самовар – мол, рожа какая кривая, усмехнется про себя, на скатерть варенье капнет и уйдет. Шапку напялит набок и уйдет.

А спроси его, сукинова сына, зачем он приходил, какая в этом мировая идея или польза для человечества – он и сам не знает.

Конечно, в данном случае, в этой скучной картине городской жизни автор берет людей мелких, ничтожных, себе подобных и отнюдь не государственных деятелей или, скажем, работников просвещения, которые действительно ходят по городу по важным общественным делам и обстоятельствам.

Этих людей автор никак не имел в виду, когда говорил про дамские, например, колени или просто, как рожей в самовар смотрятся. Вот эти действительно, может быть, чего-нибудь думают, страдают, заботятся. Хотят, может быть, чтоб другим поинтереснее жилось. И, может быть, мечтают, чтоб этой стремительности фантазии было побольше.

Автор, заранее забегая вперед, дает эту отповедь зарвавшимся критикам, которые явно из озорничества попытаются уличить автора в искажении провинциальной действительности и в нежелании видеть положительные стороны.

Действительность мы не искажаем, уважаемые товарищи.

А что видим то, чего бывает, то это абсолютный факт.

Автор вот знал одного такого городского человека. Жил он тихо, как и все почти живут. Пил и ел, и даме своей на колени руки клал, и в очи ей глядел, и вареньем на скатерть капал; и три рубля денег в долг без отдачи занимал.

Об этом человеке автор и напишет свою очень короткую повесть. А может быть, эта повесть будет и не о человеке, а о том глупом и ничтожном приключении, за которое человек, в порядке принудительного взыскания, пострадал на двадцать пять рублей. Это случилось весьма недавно – в августе 1923 года.

Фантазией разбавлять этот случай? Создавать занимательную марьяжную интрижку вокруг него? Нет! Пущай французы про это пишут, а мы потихоньку, а мы помаленьку, мы вровень с нашей возможностью.

А веселого читателя, который ищет бойкий и стремительный полет фантазии и который ждет пикантных подробностей и происшествий, автор с легким сердцем отсылает к иностранным авторам.

Эта короткая повесть начинается с полного и подробного описания всей жизни Бориса Ивановича Котофеева.

По профессии своей Котофеев был музыкант. Он играл в симфоническом оркестре на музыкальном треугольнике.

Может быть, и существует особое специальное название этого инструмента – автор не знает, во всяком случае читателю, наверное, приходилось видеть в самой глубине оркестра, вправо, сутулого какого-нибудь человека с несколько отвисшей челюстью перед небольшим железным треугольником. Человек этот меланхолично позвякивает в свой нехитрый инструмент в нужных местах.

Обычно дирижер подмигивает для этой цели правым глазом.

Странные и удивительные бывают профессии.

Такие бывают профессии, что ужас берет, как это человек до них доходит. Как это, скажем, человек додумался по канату ходить, или носом свистеть, или позвякивать в треугольник.

Но автор не смеется над своим героем. Нет. Борис Иванович Котофеев был отличного сердца человек, неглупый и со средним образованием.

Жил Борис Иванович не в самом городе, а жил он в предместье, так сказать на лоне

природы.

Природа была не ахти какая замечательная, однако – небольшие сады у каждого дома, трава, и канавы, и деревянные скамейки, усыпанные шелухой подсолнухов, – все это делало вид привлекательным и приятным.

Весной же было здесь совершенно очаровательно.

Борис Иванович жил на Заднем проспекте у Лукерьи Блохиной.

Представьте себе, читатель, небольшой деревянный, желтой окраски дом, низенький шаткий забор, широкие желтоватые кривые ворота. Двор. На дворе по правую руку небольшой сарай. Грабля с поломанными зубьями, стоящая здесь со времен Екатерины I. Колесо от телеги. Камень посреди двора. Крыльцо с оторванной нижней ступенькой.

А войдешь на крыльцо – дверь, обитая рогожей. Сенцы этакие, небольшие, полутемные, с зеленой бочкой в углу. На бочке досточка. На досточке ковшик.

Ватер с тонкой, в три доски, дверью. На двери деревянная вертушечка. Небольшая стекляшка заместо окна. Паутина на ней.

Ах, знакомая и сладкая сердцу картина!

Все это было как-то прелестно. Прелестно тихой, скучной, безмятежной жизнью. И оторванная даже ступенька у крыльца, несмотря на свой невыносимо скучный вид, и теперь приводит автора в тихое, созерцательное настроение.

А Борис Иванович всякий раз, вступая на крыльцо, отплевывался с омерзением в сторону и покачивал головой, глядя на обломанную корявую ступеньку.

Пятнадцать лет назад Борис Иванович Котофеев впервые ступил на это крыльцо и впервые перешагнул порог этого дома. И здесь он остался. Он женился на своей хозяйке, на Лукерье Петровне Блохиной. И стал полновластным хозяином всего этого имения.

И колесо, и сарай, и грабля, и камень – все стало его неотъемлемой собственностью.

Лукерья Петровна с беспокойной усмешкой глядела на то, как Борис Иванович становился всего этого хозяином.

И под сердитую руку она всякий раз не забывала прикрикнуть и одернуть Котофеева, говоря, что сам-то он нищий, без кола, без двора, осчастливленный ее многими милостями.

Борис Иванович хотя и огорчался, но молчал.

Он полюбил этот дом. И двор с камнем полюбил. Он полюбил жить здесь за эти пятнадцать лет.

Вот бывают такие люди, о которых можно в десять минут рассказать всю ихнюю жизнь, всю обстановку жизни, от первого бессмысленного крика до последних дней.

Автор попробует это сделать. Автор попробует очень коротко, в десять минут, но все-таки со всеми подробностями рассказать о всей жизни Бориса Ивановича Котофеева.

А впрочем, и рассказывать нечего.

Тихо и покойно текла его жизнь.

И если всю эту жизнь разбить на какие-то периоды, то вся жизнь распадется на пять или шесть небольших частей.

Вот Борис Иванович, окончив реальное училище, вступает в жизнь. Вот он музыкант. В оркестре играет.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Вот его роман с хористкой. Женитьба на своей хозяйке.

Война. Потом революция. А перед этим – пожар местечка.

Все было просто и понятно. И ничего не вызывало никакого сомнения. А главное, все это казалось не случайным. Все это казалось таким, как должно быть и как это бывает у людей, согласно, так сказать, начертанию истории.

Даже революция, сначала крайне смутившая Бориса Ивановича, после оказалась простой и ясной в своей твердой установке на определенные, отличные и вполне реальные идеи.

А все остальное – выбор профессии, дружба, женитьба, война – все это представлялось не случайной игрой судьбы, а чем-то необычайно солидным, твердым и безоговорочным.

Единственно, пожалуй, любовное приключение несколько разбивало стройную систему крепкой и не случайной жизни. Здесь дело обстояло несколько сложнее.

Тут Борис Иванович допускал, что это был случайный эпизод, который мог бы и не быть в его жизни. Дело в том, что Борис Иванович Котофеев в начале своей музыкальной карьеры сошелся с хористкой из городского театра. Это была юная опрятная блондинка с неопределенными светлыми глазами.

Сам Борис Иванович был довольно красивый еще, двадцатидвухлетний юноша. Единственно, пожалуй, несколько портила его отвисшая нижняя челюсть. Она придавала лицу скучное, растерянное выражение. Однако пышные стоячие усики в достаточной мере скрадывали досадный выступ.

Как началась эта любовь – не вполне известно. Борис Иванович сидел постоянно в глубине оркестра и в первые годы, из боязни ударить в инструмент не вовремя, положительно не спускал глаз с дирижера. И когда он успел перемигнуться с хористкой – так и осталось невыясненным.

Впрочем, в те годы Борис Иванович пользовался жизнью полностью. Он жуировал, ходил вечерами по городскому бульвару и даже посещал танцевальные вечера, на которых иногда с голубым распорядительским бантом бабочкой порхал по залу, дирижируя танцами.

Очень возможно, что знакомство как раз и началось на каком-нибудь вечере.

Во всяком случае, знакомство это Борису Ивановичу счастья не принесло. Роман начался удачно. Борис Иванович построил даже план своей дальнейшей жизни совместно с этой миленькой и симпатичной женщиной. Но через месяц неожиданно блондинка покинула его, едко посмеявшись над его неудачной челюстью.

Борис Иванович, несколько сконфуженный этим обстоятельством и таким легким уходом любимой женщины, решил после недолгого раздумья сменить свою жизнь провинциального льва и отчаянного любовника на более покойное существование. Он не любил, когда что-нибудь происходило случайное и такое, что могло измениться.

Вот тогда-то Борис Иванович и переехал за город, сняв за небольшую плату теплую комнату со столом.

И там он женился на своей квартирной хозяйке. И этот брак с домом, хозяйством и размеренной жизнью вполне утешил его встревоженное сердце.

Через год после брака произошел пожар.

Огонь уничтожил почти половину местечка.

Борис Иванович, обливаясь потом, самолично вытаскивал из дому мебель и перины и складывал все в кустах.

Однако дом не сгорел. Только полопались стекла и облупилась краска.

И уже утром Борис Иванович, веселый и сияющий, втаскивал назад свой скарб.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Это надолго оставило след. Борис Иванович несколько лет подряд делился своими переживаниями со знакомыми и соседями. Но и это сейчас стерлось.

И вот, если закрыть глаза и подумать о прошлом, то все: и пожар, и женитьба, и революция, и музыка, и голубой распорядительский бант на груди – все это стерлось, все слилось в одну сплошную, ровную линию.

Даже любовное событие стерлось и превратилось в какое-то досадное воспоминание, в скучный анекдот о том, как хористка просила подарить ей сумочку из лакированной кожи, и о том, как Борис Иванович, откладывая по рублю, собирал нужную сумму.

Так жил человек.

Так жил он до тридцати семи лет, вплоть до того момента, до того исключительного происшествия в его жизни, за которое он был по суду оштрафован на двадцать пять рублей. Вплоть до этого самого приключения, ради которого автор, собственно, и рискнул испортить несколько листов бумаги и осушить небольшой пузырек чернил.

Итак, Борис Иванович Котофеев прожил до тридцати семи лет. Очень вероятно, что он еще будет жить очень долго. Человек он очень здоровый, крепкий и с широкой костью. А что прихрамывает Борис Иванович слегка, чуть заметно, то это еще при царском режиме он стер свою ногу.

Однако нога жить не мешала, и жил Борис Иванович ровно и хорошо. Все было ему по плечу. И никогда и ни в чем сомнений не было. И вдруг в самые последние годы Борис Иванович стал задумываться. Ему вдруг показалось, что жизнь не так уж тверда в своем величии, как это рисовалось ему раньше.

Он всегда боялся случайности и старался этого избегать, но тут ему показалось, что жизнь как раз и наполнена этой случайностью. И даже многие события из его жизни показались ему случайными, возникшими от вздорных и пустых причин, которых могло и не быть.

Эти мысли взволновали и устрашили Бориса Ивановича.

Борис Иванович раз даже завел об этом речь в кругу своих близких друзей.

Это было на его собственных именинах.

– Странно все, господа, – сказал Борис Иванович. – Все как-то, знаете, случайно в нашей жизни. Все, я говорю, на случае основано... Женился я, скажем, на Луше... Я не к тому говорю, что недоволен или что-нибудь вообще. Но случайно же это. Мог бы я вовсе не здесь комнату снять. Я случайно на эту улицу зашел... Значит, что же это выходит? Случай?

Друзья криво усмехались, ожидая семейного столкновения. Однако столкновения не последовало. Лукерья Петровна, соблюдая настоящий тон, вышла только демонстративно из комнаты, выдула коврик холодной воды и снова вернулась к столу свеженькая и веселенькая. Зато ночью устроила столь грандиозный скандал, что сбегавшиеся соседи пытались вызвать пожарную часть для ликвидации семейных распрей.

Однако и после скандала Борис Иванович, лежа с открытыми глазами на диване, продолжал обдумывать свою мысль. Он думал о том, что не только его женитьба, но, может, и игра на треугольнике и вообще все его призвание – просто случай, простое стечение житейских обстоятельств.

"А если случай, – думал Борис Иванович, – значит, все на свете непрочное. Значит, нету какой-то твердости. Значит, все завтра же может измениться".

У автора нет охоты доказывать правильность вздорных мыслей Бориса Ивановича. Но на первый взгляд действительно все в нашей уважаемой жизни кажется отчасти случайным. И случайное наше рождение, и случайное существование, составленное из случайных обстоятельств, и случайная смерть. Все это заставляет и впрямь подумать о том, что на земле нет одного строгого, твердого закона, охраняющего нашу жизнь.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

А в самом деле, какой может быть строгий закон, когда все меняется на наших глазах, все колеблется, начиная от самых величайших вещей до мизернейших человеческих измышлений.

Скажем, многие поколения и даже целые замечательные народы воспитывались на том, что бог существует.

А теперь мало-мальски способный философ с необычайной легкостью, одним росчерком пера, доказывает обратное.

Или наука. Уж тут-то все казалось ужасно убедительным и верным, а оглянитесь назад – все неверно, и все по временам меняется, от вращения Земли до какой-нибудь там теории относительности и вероятности.

Автор – человек без высшего образования, в точных хронологических датах и собственных именах туговато разбирается и поэтому не берется впустую доказывать.

Тем более что об этом Борис Иванович Котофеев вряд ли, конечно, думал. Был он хотя и неглупый человек со средним образованием, но не настолько уж развит, как некоторые литераторы.

И все-таки он и то заметил какой-то хитрый подвох в жизни. И даже стал с некоторых пор побаиваться за твердость своей судьбы.

Но однажды его сомнение разгорелось в пламя.

Однажды, возвращаясь домой по Заднему проспекту, Борис Иванович Котофеев столкнулся с какой-то темной фигурой в шляпе.

Фигура остановилась перед Борисом Ивановичем и худым голосом попросила об одолжении.

Борис Иванович сунул руку в карман, вынул какуюто мелочишку и подал нищему. И вдруг посмотрел на него.

А тот сконфузился и прикрыл рукой свое горло, будто извиняясь, что на горле нет ни воротничка, ни галстука.

Потом, тем же худым голосом, нищий сказал, что он – бывший помещик и что когда-то он и сам горстями подавал нищим серебро, а теперь он принужден и сам просить об одолжении, поскольку революция отобрала его имение.

Борис Иванович принялся расспрашивать нищего, интересуясь подробностями его прошлой жизни.

– Да что ж, – сказал нищий, польщенный вниманием. – Был я ужасно какой богатый помещик, деньги куры у меня не клевали, а теперь, как видите, в нищете, в худобе, и жрать нечего. Все, гражданин хороший, меняется в жизни в свое время.

Дав нищему еще монету, Борис Иванович тихонько пошел к дому. Ему не было жаль нищего, но какое-то неясное беспокойство овладело им.

– Все в жизни меняется в свое время, – бормотал добрейший Борис Иванович, возвращаясь домой.

Дома Борис Иванович рассказал своей жене, Лукерье Петровне, об этой встрече, причем несколько сгустил краски и прибавил от себя кой-какие подробности, например, как этот помещик кидался золотом в нищих и даже разбивал им носы тяжеловесными монетами.

– Ну, и что ж, – сказала жена. – Ну, жил хорошо, теперь – плохо. В этом нет ничего ужасно удивительного. Вот недалеко ходить – сосед наш тоже чересчур бедствует.

И Лукерья Петровна стала рассказывать, как бывший учитель чистописания Иван Семеныч Кушаков остался ни при чем в своей жизни. А жил тоже хорошо и даже сигары курил.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Котофеев как-то близко принял к сердцу и этого учителя. Он стал расспрашивать жену, почему и отчего тот впал в бедность.

Борис Иванович захотел даже увидеть этого учителя. Захотел немедленно принять самое горячее участие в его плохой жизни. И он стал просить свою жену, Лукерью Петровну, чтобы та сходила поскорей за учителем, привела бы его и напоила чаем.

Для порядку побранившись и назвав мужа "вахлаком", Лукерья Петровна все же накинула косынку и побежала за учителем, снедаемая крайним любопытством.

Учитель, Иван Семенович Кушаков, пришел почти немедленно.

Это был седоватый, сухонький старичок в длинном худом сюртуке, без жилета. Грязная рубашка без воротника выпирала на груди комком. И медная, желтая, ужасно яркая запонка выдавалась как-то далеко вперед своей пупочкой.

Седоватая щетина на щеках учителя чистописания была давно небрита и росла кустиками.

Учитель вошел в комнату, потирая руки и на ходу прожевывая что-то. Он степенно, но почти весело поклонился Котофееву и зачем-то подмигнул ему глазом.

Потом присел к столу и, пододвинув тарелку с ситником с изюмом, принялся жевать, тихо усмехаясь себе под нос.

Когда учитель поел, Борис Иванович с жадным любопытством стал расспрашивать о прежней его жизни и о том, как и почему он так опустил и ходит без воротничка, в грязной рубашке и с одной голой запонкой.

Учитель, потирая руки и весело, но ехидно подмигивая, стал говорить, что он действительно неплохо жил и даже сигары курил, но с изменением потребностей в чистописании предмет этот был исключен из программы.

– А я с этим свыкся уж, – сказал учитель, – привык. И на жизнь не жалею. А что ситный скушал, то в силу привычки, а вовсе не от голоду.

Лукерья Петровна, сложив руки на переднике, хохотала, предполагая, что учитель уже начинает завираться и сейчас заврется окончательно. Она с нескрываемым любопытством глядела на учителя, ожидая от него чего-то необыкновенного.

А Борис Иванович, покачивая головой, бормотал что-то, слушая учителя.

– Что ж, – сказал учитель, снова без нужды усмехаясь, – так и все в нашей жизни меняется. Сегодня, скажем, отменили чистописание, завтра рисование, а там, глядишь, и до вас достучаются.

– Ну, уж вы того, – сказал Котофеев, слегка задохнувшись. – Как же до меня-то могут достучаться... Если я в искусстве... Если я на треугольнике играю.

– Ну и что ж, – сказал учитель презрительно, – наука и техника нынче движется вперед. Вот изобретут вам электрический этот самый инструмент и крышка...

И достучались...

Котофеев, снова слегка задохнувшись, взглянул на жену.

– И очень просто, – сказала жена, – если в особенности движется наука и техника.

Борис Иванович вдруг встал и начал нервно ходить по комнате.

– Ну и что ж, ну и пуцай, – сказал он, – ну и пуцай.

– Тебе пуцай, – сказала жена, – а еще отдувайся. Мне же, дуре, на шею сядешь, пилат-мученик.

Учитель завозился на стуле и примиряюще сказал:

– Так и все: сегодня чистописание, завтра рисование... Все меняется, милостивые

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
мои государи.

Борис Иванович подошел к учителю, попрощался с ним и, попросив его зайти хотя бы завтра к обеду, вызвался проводить гостя до дверей.

Учитель встал, поклонился и, весело потирая руки, снова сказал, выйдя в сени:

– Уж будьте покойны, молодой человек, сегодня чистописание, завтра рисование, а там и по вас хлопнут.

Борис Иванович закрыл за учителем двери и, пройдя в свою спальню, сел на кровати, охватив руками свои колени.

Лукерья Петровна, в стоптанных войлочных туфлях, вошла в комнату и стала прибирать ее к ночи.

– Сегодня чистописание, завтра рисование, – бормотал Борис Иванович, слегка покачиваясь на постели. – Так и вся наша жизнь.

Лукерья Петровна оглянулась на мужа, молча и с остервенением плюнула на пол и стала распутывать свалявшиеся за день свои волосы, стряхивая с них солому и щепки.

Борис Иванович посмотрел на свою жену и меланхолическим голосом вдруг сказал:

– А что, Луша, а вдруг да и вправду изобретут ударные электрические инструменты? Скажем, кнопочка небольшая на пюпитре... Дирижер тыкнет пальцем, и она звонит...

– И очень даже просто, – сказала Лукерья Петровна. – Очень просто... Ох, сядешь ты мне на шею!.. Чувствую, сядешь...

Борис Иванович пересел с кровати на стул и задумался.

– Горюешь небось? – сказала Лукерья Петровна, – задумался? За ум схватился... Не было бы у тебя жены да дома, ну куда бы ты, голоштанник, делся? Ну, например, попрут тебя с оркестру?

– Не в том, Луша, дело, что попрут, – сказал Борис Иванович. – А в том, что превратно все. Случай... Почему-то я, Луша, играю на треугольнике. И вообще... Если игру скинуть с жизни, как же жить тогда? Чем, кроме этого, я прикреплен?

Лукерья Петровна, лежа в постели, слушала мужа, тщетно стараясь разгадать смысл его слов. И, предполагая в них личное оскорбление и претензию на ее недвижимое имущество, снова сказала:

– Ох, сядешь мне на шею! Сядешь, пилат-мученик, сукин кот.

– Не сяду, – сказал Котофеев.

И, снова задохнувшись, он встал со стула и принялся ходить по комнате.

Страшное волнение охватило его. Рукой проведя по голове, будто стараясь скинуть какие-то неясные мысли, Борис Иванович снова присел на стул.

И сидел долго в неподвижной позе.

Затем, когда дыхание Лукерьи Петровны перешло в легкий, с небольшим свистом, храп, Борис Иванович встал со стула и вышел из комнаты.

И, найдя свою шляпу, Борис Иванович натянул ее на голову и в какой-то необыкновенной тревоге вышел на улицу. Было всего десять часов. Стоял отличный, тихий августовский вечер. Котофеев шел по проспекту, широко махая руками. Странное и неясное волнение его не покидало.

Он дошел, совершенно не заметив того, до вокзала.

Прошел в буфет, выпил бокал пива и, снова задохнувшись и чувствуя, что не хватает дыхания, опять вышел на улицу.

Он шел теперь медленно, уныло опустив голову, думая о чем-то. Но если спросить его, о чем он думал, он не ответил бы – он и сам не знал.

Он шел от вокзала все прямо и на аллее, у городского сада, присел на скамейку и снял шляпу.

Какая-то девица с широкими бедрами, в короткой юбке и в светлых чулках прошла мимо Котофеева раз, потом вернулась, потом снова прошла и наконец села рядом, взглянув на Котофеева.

Борис Иванович вздрогнул, взглянул на девушку, мотнул головой и быстро пошел прочь.

И вдруг Котофееву все показалось ужасно отвратительным и невыносимым. И вся жизнь – скучной и глупой.

– И для чего это я жил... – бормотал Борис Иванович. – Приду завтра изобретен, скажут. Уже, скажут, изобретен ударный электрический инструмент. Поздравляю, скажут. Ищите, скажут, себе новое дело.

Сильный озноб охватил все тело Бориса Ивановича.

Он почти бегом пошел вперед и, дойдя до церковной ограды, остановился. Потом, пошарив рукой калитку, открыл ее и вошел в ограду.

Прохладный воздух, несколько тихих берез, каменные плиты могил как-то сразу успокоили Котофеева. Он присел на одну из плит и задумался. Потом сказал вслух:

– Сегодня чистописание, завтра рисование. Так и вся наша жизнь.

Борис Иванович закурил папиросу и стал обдумывать, как бы он начал жить в случае чего-либо.

– Прожить-то проживу, – бормотал Борис Иванович, – а к луше не пойду. Лучше народу в ножки поклонюсь. Вот, скажу, человек, скажу, гибнет, граждане. Не оставьте в несчастье...

Борис Иванович вздрогнул и встал. Снова дрожь и озноб охватили его тело.

И вдруг Борису Ивановичу показалось, что электрический треугольник давным-давно изобретен и только держится в тайне, в страшном секрете, с тем чтобы сразу, одним ударом, свалить его.

Борис Иванович в какой-то тоске почти выбежал из ограды на улицу и пошел, быстро шаркая ногами.

На улице было тихо.

Несколько запоздалых прохожих спешили по своим домам.

Борис Иванович постоял на углу, потом, почти не отдавая отчета в том, что он делает, подошел к какому-то прохожему и, сняв шляпу, глухим голосом сказал:

– Гражданин... Милости прошу... Может, человек погибает в эту минуту...

Прохожий с испугом взглянул на Котофеева и быстро пошел прочь.

– А-а, – закричал Борис Иванович, опускаясь на деревянный тротуар. Граждане!.. Милости прошу... На мое несчастье... На мою беду... Подайте, кто сколько может!

Несколько прохожих окружило Бориса Ивановича, разглядывая его с испугом и изумлением.

Постовой милиционер подошел, тревожно похлопывая рукой по кобуре револьвера, и подергал Бориса Ивановича за плечо.

– Пьяный это, – с удовольствием сказал кто-то в толпе. – Нализался, черт, в

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
буден день. Нет на них закона!

Толпа любопытных окружила Котофеева. Кое-кто из сердобольных пытался поднять его на ноги. Борис Иванович рванулся от них и отскочил в сторону. Толпа расступилась.

Борис Иванович растерянно посмотрел по сторонам, ахнул и вдруг молча побежал в сторону.

– Крой его, робя! Хватай! – завыл кто-то истошным голосом.

Милиционер резко и пронзительно свистнул. И трель свистка всколыхнула всю улицу.

Борис Иванович, не оглядываясь, бежал ровным, быстрым ходом, низко опустив голову.

Сзади, дико улюлюкая и хлопая ногами по грязи, бежали люди.

Борис Иванович метнулся за угол и, добежав до церковной ограды, перепрыгнул ее.

– Здеся! – выл тот же голос. – Сюды, братцы! Сюды, нагоняй!.. Крой...

Борис Иванович вбежал на паперть, тихо ахнул, оглянувшись назад, и налег на дверь.

Дверь подалась и со скрипом на ржавых петлях открылась.

Борис Иванович вбежал внутрь.

Одну секунду он постоял в неподвижности, потом, охватив голову руками, по шатким каким-то сухим и скрипучим ступенькам бросился наверх.

– Здеся! – орал доброхотный следователь. – Бери его, братцы! Крой все по чем попало...

Сотня прохожих и обывателей ринулась через ограду и ворвалась в церковь. Было темно.

Тогда кто-то чиркнул спичкой и зажег восковой огарок на огромном подсвечнике.

Голые высокие стены и жалкая церковная утварь осветились вдруг желтым скудным мигающим светом.

Бориса Ивановича в церкви не было.

И когда толпа, толкаясь и гудя, ринулась в каком-то страхе назад, сверху, с колокольни, раздался вдруг гудящий звон набата.

Сначала редкие удары, потом все чаще и чаще, поплыли в тихом ночном воздухе.

Это Борис Иванович Котофеев, с трудом раскачивая тяжелый медный язык, бил по колоколу, будто нарочно стараясь этим разбудить весь город, всех людей.

Это продолжалось минуту.

Затем снова завыл знакомый голос:

– Здеся! Братцы, неужели-те человека выпускать?

Крой на колокольню! Хватай бродягу!

Несколько человек бросились наверх.

Когда Бориса Ивановича выводили из церкви, огромная толпа полуодетых людей, наряд милиции и пригородная пожарная команда стояли у церковной ограды.

Молча, через толпу, Бориса Ивановича провели под руки и поволокли в штаб милиции.

Борис Иванович был смертельно бледен и дрожал всем телом. А ноги его непослушно волочились по мостовой.

Впоследствии, много дней спустя, когда Бориса Ивановича спрашивали, зачем он это все сделал и зачем, главное, полез на колокольню и стал звонить, он пожимал плечами и сердито отмалчивался или же говорил, что он подробностей не помнит. А когда ему напоминали об этих подробностях, он конфузливо махал руками, упрасывая де говорить об этом.

А в ту ночь продержали Бориса Ивановича в милиции до утра и, составив на него неясный и туманный протокол, Отпустили домой, взяв подписку о невыезде из города.

В рваном сюртуке, без шляпы, весь поникший и желтый, Борис Иванович вернулся утром домой.

Лукерья Петровна выла в голос и колотила себя по грудям, проклиная день своего рождения и всю свою разнесчастную жизнь с таким человеческим отребьем, как Борис Иванович Котофеев.

А в тот же вечер Борис Иванович, как и всегда, в чистом, опрятном сюртуке, сидел в глубине оркестра и меланхолически позвякивал в свой треугольник.

Был Борис Иванович, как и всегда, чистый и причесанный, и ничего в нем не говорило о том, какую страшную ночь он прожил.

И только две глубокие морщины от носа к губам легли на его лице.

Этих морщин раньше не – было.

И не было еще той сутулой посадки, с какой Борис Иванович сидел в оркестре.

Но все перемелется – мука будет.

Борис Иванович Котофеев жить еще будет долго.

Он, дорогой читатель, и нас с тобой переживет. Мы так думаем.

1924

О ЧЕМ ПЕЛ СОЛОВЕЙ

А ведь посмеются над нами лет через триста! Странно, скажут, людишки жили. Какие-то, скажут, у них были деньги, паспорта. Какие-то акты гражданского состояния и квадратные метры жилищной площади...

Ну что ж! Пущай смеются.

Одно обидно: не поймут ведь, черти, половины. Да и где же им понять, если жизнь у них такая будет, что, может, нам и во сне не снилась!

Автор не знает и не хочет загадывать, какая у них будет жизнь. Зачем же трепать свои нервы и расстраивать здоровье – все равно бесцельно, все равно не увидит, вероятно, автор полностью этой будущей прекрасной жизни.

Да будет ли она прекрасна? Для собственного успокоения автору кажется, что и там много будет ерунды и дряни.

Впрочем, может, эта ерунда будет мелкого качества.

Ну, скажем, в кого-нибудь, извините за бедность мысли, плюнули с дирижабля. Или кому-нибудь пепел в крематории перепутали и выдали вместо помершего родственничка какую-нибудь чужую и недоброкачественную труху... Конечно, это не без того, – будут случаться такие ничтожные неприятности в мелком повседневном плане.

А остальная-то жизнь, наверное, будет превосходна и замечательна.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Может быть, даже денег не будет. Может быть, все будет бесплатно, даром. Скажем, даром будут навязывать какие-нибудь шубы или кашне в Гостином дворе.

– Возьмите, – скажут, – у нас, гражданин, отличную шубу.

А ты мимо пойдешь. И сердце не забьется.

– Да нет, – скажешь, – уважаемые товарищи. На черта мне сдалась ваша шуба. У меня их шесть.

Ах, черт! До чего веселой и привлекательной рисуется автору будущая жизнь!

Но тут стоит призадуматься. Ведь если выкинуть из жизни какие-то денежные счета и корыстные мотивы, то в какие же удивительные формы выльется сама жизнь! Какие же отличные качества приобретут человеческие отношения! И, например, любовь. Каким небось пышным цветом расцветет это изящнейшее чувство!

Ах ты, какая будет жизнь, какая жизнь! С какой сладкой радостью думает о ней автор, даже вчуже, даже без малейшей гарантии заставить ее. Но вот – любовь.

Об этом должна быть особая речь. Ведь многие ученые и другие люди вообще склонны понижать это чувство. Позвольте, говорят, какая любовь? Нету никакой любви. И никогда и не было. И вообще, мол, это заурядный акт того же гражданского состояния, ну, например, вроде похорон.

Вот с этим автор не может согласиться.

Автор не хочет исповедоваться перед случайным читателем и не хочет некоторым, особо неприятным автору критикам открывать своей интимной жизни, но все же, разбираясь в ней, автор вспоминает одну девицу в дни своей юности. Этакое было у ней глупое белое личико, ручки, жалкие плечики. А в какой телячий восторг впадал автор! Какие чувствительные минуты переживал автор, когда от избытка всевозможных благородных чувств падал на колени и, как дурак, целовал землю.

Теперь, когда прошло пятнадцать лет и автор слегка седеет от различных болезней, и от жизненных потрясений, и от забот, когда автор просто не хочет врать и не для чего ему врать, когда, наконец, автор желает увидеть жизнь как она есть, без всякой лжи и украшений, – он, не боясь показаться смешным человеком из прошлого столетия, все же утверждает, что в ученых и общественных кругах сильно на этот счет ошибаются.

На эти строчки о любви автор уже предвидит ряд жестоких отповедей со стороны общественных деятелей.

– Это, – скажут, – товарищ, не пример – собственная ваша фигура. Что вы, скажут, в нос тычете свои любовные шашни? Ваша, скажут, персона не созвучна эпохе и вообще случайно дожила до теперешних дней.

– Видали? Случайно! То есть" дозволейте вас спросить, как это случайно? Что ж, прикажете под трамвай ложиться?

– Да это как вам угодно, – скажут. – Под трамвай или с моста, а только существование ваше ни на чем не обосновано. Посмотрите, скажут, на простых, неискушенных людей, и вы увидите, как иначе они рассуждают.

Ха!.. Прости, читатель, за ничтожный смех. Недавно автор вычитал в "Правде" о том, как один мелкий кустарь, парикмахерский ученик, из ревности нос откусил одной гражданке.

Это что – не любовь? Это, по-вашему, жук нагадил?

Это, по-вашему, нос откушен для вкусовых ощущений?

Ну и черт с вами! Автор не желает расстраиваться и портить себе кровь. Ему надобно еще закончить повесть, съездить в Москву и сделать, кроме того, несколько неприятных автору визитов к кое-каким литературным критикам, попросив их не торопиться с написанием критических статей и рецензий на эту повесть.

Итак, любовь.

Пушай об этом изящном чувстве каждый думает как хочет. Автор же, признавая собственное ничтожество и неспособность к жизни, даже, черт с вами, пушай трамвай впереди, – автор все же остается при своем мнении.

Автор только хочет рассказать читателю об одном мелком любовном эпизоде, случившемся на фоне теперешних дней. Опять, скажут, мелкие эпизоды? Опять, скажут, мелочи в двухрублевой книге? Да что вы, скажут, очумели, молодой человек? Да кому, скажут, это нужно в космическом масштабе?

Автор честно и открыто просит:

– Не мешайте, товарищи! Дайте человеку высказаться хотя бы в порядке дискуссии!..

Фу! Трудно до чего писать в литературе!

Потом весь изойдешь, пока продерешься через непроходимые дебри.

И ради чего? Ради какой-то любовной истории гражданина Былинкина. Автору он не сват и не брат. Автор у него в долг не занимал. И идеологией с ним не связан. Да уж если говорить правду, то автору он глубоко безразличен. И расписывать его сильными красками автору нет охоты. К тому же автор не слишком-то помнит лицо этого Былинкина, Василия Васильевича.

Что касается других лиц, участвующих так или иначе в этой истории, то и другие лица тоже прошли перед взором автора малозамеченные. Разве что Лизочка Рундукова, которую автор запомнил по причинам совершенно особенным и, так сказать, субъективным.

Уже Мишка Рундуков, братишка ее, менее запомнился. Это был парнишка крайне нахальный и задира. Наружностью своей он был этакий белобрысенький и слегка мордастый.

Да о наружности его автору тоже нет охоты распространяться. Возраст у парнишки переходный. Опишешь его, а он, сукин сын, подрастет к моменту выхода книги, и там разбирайся – какой это Мишка Рундуков. И откуда у него усы взялись, когда у него и усов-то не было в момент описания событий.

Что же касается самой старухи, так сказать, мамы Рундуковой, то читатель и сам вряд ли выразит претензию, ежели мы старушку и вовсе обойдем в своем описании. Тем более что старушек вообще трудновато художественно описывать. Старушка и старушка. А пес ее разберет, какая эта старушка. Да и кому это нужно описание, скажем, ее носа? Нос и нос. И от подробного его описания читателю не легче будет жить на свете.

Конечно, автор не взялся бы писать художественные повести, если бы были у него только такие скудные и ничтожные сведения о героях. Сведений у автора хватает.

Например, автору очень живо рисуется вся ихняя жизнь. Ихний небольшой рундуковский домишко. Этакий темненький, в один этаж. На фасаде – номер двадцать два. Повыше на досочке багор нарисован. На предмет пожара. Кому что тащить. Рундуковой, значит, багор тащить. А только есть ли у них багор? Ох, небось нету!.. Ну, да не дело художественной литературы разбираться и обращать на это внимание уездной администрации.

А вся внутренность ихнего домика и, так сказать, вещественное его оформление в смысле мебели тоже достаточно рельефно вырисовываются в памяти автора... Три комнаты небольшие. Пол кривой. Рояль Беккера. Этакий жуткий рояль. Но играть на нем можно. Кой-какая мебелишка. Диван. Кошка или кот на диване. На подзеркальнике часишки под колпаком. Колпак пыльный. А само зеркало мутное – морду врет. Сундук огромный. Нафталином и дохлыми мухами от него пахнет.

Скучно небось было бы жить в этих комнатах столичным гражданам!

Скучно небось столичному гражданину и в ихнюю кухню войти, где мокрое белье на бечевке развешано.

И у плиты старуха продукты стряпает. Картошку, например, чистит. Шелуха лентой из-под ножа свивается.

Только пушай не думает читатель, что автор описывает эти мелкие мелочи с любовью и восхищением. Нету!

Нету в этих мелких воспоминаниях ни сладости, ни романтизма. Знает автор и эти домики и эти кухни. Заходил. И жил в них. И может, и сейчас живет. Ничего в этом нету хорошего, так – жалкая жалость. Ну, войдешь в эту кухню – и ведь непременно мордой в мокрое белье угодишь. Да еще спасибо, ежели в благородную часть туалета, а то в мокрый чулок какой-нибудь, прости господи!

Противно же мордой в чулок! Ну его к черту! Такая гадость.

А по причинам, не касающимся художественной литературы, автору приходилось несколько раз бывать у Рундуковых. И автор всегда удивлялся, как это в такой прели и мелкоте жила такая выдающаяся барышня, такой, можно сказать, ландыш и настурция, как Лизочка Рундукова.

Автору всегда было очень-очень жаль эту миловидную барышню. О ней будем в свое время длинно и обстоятельно говорить, пока же автор принужден рассказать кое-что о гражданине Василии Васильевиче Былинкине.

О том, какой это человек. Откуда он взялся. И благонадежен ли он политически. И какое отношение он имеет к уважаемым Рундуковым. И не родственник ли он им.

Нет, он не родственник. Он просто случайно и на время замешался в ихнюю жизнь.

Автор уже предупреждал читателя, что физиономия этого Былинкина ему не слишком запомнилась. Хотя вместе с тем автор, закрывая глаза, видит его как живого.

Этот Былинкин ходил всегда медленно, даже вдумчиво.

Руки держал позади. Ужасно часто моргал ресницами.

И фигуру имел несколько сутулую, видимо придавленную житейскими обстоятельствами. Каблуки же Былинкин снашивал внутрь до самых задников.

Что касается образования, то на вид образование было не ниже четырех классов старой гимназии.

Социальное происхождение – неизвестно.

Приехал человек из Москвы в самый разгар революции и о себе не распространялся.

А зачем приехал – тоже неясно. Сытее, что ли, в провинции показалось? Или не сиделось ему на одном месте и влекли его, так сказать, неведомые дали и приключения? Черт его разберет! Во всякую психологию не влезешь.

Но скорей всего в провинции сытней показалось. Потому – первое время ходил человек по базару и с аппетитом посматривал на свежие хлебы и на горы всевозможных продуктов.

Но, между прочим, как он кормился – для автора неясная тайна. Может, он даже и руку протягивал. А может, и пробки собирал от минеральных и фруктовых вод. И продавал после. Были и такие отчаянные спекулянты в городе.

Только, видимо, жил человек худо. Весь сносился и волосы стал терять. И ходил робко, оглядываясь по сторонам и волоча ноги. Даже глазами перестал моргать и смотрел неподвижно и скучно.

А после, по невыясненной причине, в гору пошел. И к моменту разыгравшейся нашей любовной истории имел Былинкин прочное социальное положение, государственную службу и оклад по седьмому разряду плюс за нагрузку.

И к этому моменту Былинкин уже несколько округлился в своей фигуре, влил, так сказать, в себя снова потерянные жизненные соки и снова по-прежнему часто и

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
развязно моргал глазами.

И ходил по улице тяжеловатой походкой человека, насквозь прожженного жизнью, и имеющего право жить, и знающего себе полную цену.

И действительно, к моменту развернувшихся событий был он мужчина хоть куда в свои неполные тридцать два года.

Он много и часто гулял по улицам и, размахивая палкой, сбивал по дороге цветы, или траву, или даже листья. Иногда присаживался на скамейку бульвара и бодро дышал полной грудью, счастливо улыбаясь.

О чем он думал и какие исключительные идеи осеняли его голову – никому не известно. Может, он и ни о чем не думал. Может, он просто проникался восторгом своего законного существования. Или скорей всего думал, что ему совершенно необходимо переменить квартиру.

И в самом деле: он жил у Волосатова, у дьякона живой церкви, и, в силу своего служебного положения, весьма беспокоился жить у лица, столь политически запачканного.

Он много раз спрашивал, не знает ли кто, ради бога, какой-нибудь новой квартирнки или комнаты, так как он не в силах более жить у служителя определенного культа.

И наконец кто-то по доброте душевной сосватал ему небольшую, в две квадратные сажени, комнату. Это было как раз в доме уважаемых Рундуковых. Былинкин немедленно же переехал. Сегодня он осмотрел комнату и завтра с утра въехал, наняв для этой цели водовоза Никиту.

Отцу дьякону ни с какой стороны не нужен был этот Былинкин, однако, видимо, уязвленный в неясных, но отличных своих чувствах, дьякон страшным образом ругался и даже грозил при случае набить Былинкину морду. И когда Былинкин складывал свое добро на телегу, дьякон стоял у окна и громко искусственно хохотал, желая этим показать полное свое равнодушие к отъезду.

Дьяконица же выбегала время от времени во двор и, кидая на телегу какую-нибудь вещь, кричала:

– Скатертью дорожка. Камнем в воду. Не задерживаем.

Собравшаяся публика и соседи с удовольствием хохотали, прозрачно намекая на ихние будто бы любовные отношения. Об этом автор не берется утверждать. Не знает. Да и не желает заводить излишних сплетен в изящной литературе.

Комната Былинкину, Василию Васильевичу, была сдана без всякой корысти и даже без особой на то нужды. Вернее, старуха Дарья Васильевна Рундукова побаивалась, как бы из-за жилищного кризиса ихнюю квартирку не уплотнили бы вселением какого-нибудь грубого и лишнего элемента.

Былинкин этим обстоятельством несколько даже воспользовался. И, проходя мимо беккеровского рояля, сердито покосился на него и с неудовольствием заметил, что этот инструмент, вообще говоря, лишнее и что сам он, Былинкин, человек тихий и потрясенный жизнью, побывавший на двух фронтах и обстрелянный артиллерией, не может переносить лишних мещанских звуков.

Старуха обиженно сказала, что у них сорок лет стоит этот рояльчик и для былинкинских прихотей не могут они его сломать или выдернуть из пего струны и педали, и тем более что Лизочка Рундукова обучается игре на инструменте и, может быть, это у ней основная цель к жизни.

Былинкин сердито отмахнулся от старухи, заявив, что это он говорит в форме деликатной просьбы, а отнюдь но в виде строгого приказа.

На что старуха, крайне обидевшись, расплакалась и чуть было вовсе не отказала от комнаты, если б не подумала о возможности вселения со стороны.

Былинкин переехал утром и до вечера кряхтел в своей комнате, устанавливая и

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
прибирая все по своему столичному вкусу.

Два или три дня прошли тихо и без особых перемен. Былинкин ходил на службу, возвращался поздно и долго ходил по комнате, шаркая войлочными туфлями.

Вечером жевал что-то и наконец засыпал, слегка похрапывая и вереща носом.

Лизочка Рундукова эти два дня ходила несколько притихшая и много раз расспрашивала свою мамашу, а также и Мишку Рундукова о том, какой это Былинкин на ихний взгляд, курит ли трубку и имел ли он в своей жизни какое-нибудь прикосновение к морскому комиссариату.

Наконец на третий день она и сама увидела Былинкина.

Это было рано утром. Былинкин по обыкновению собирался на службу.

Он шел по коридору в ночной рубашке с расстегнутым воротом. Помочи от штанов болтались позади, развеваясь в разные стороны. Он шел медленно, держа в одной руке полотенце и душистое мыло. Другой рукой он приглаживал встрепанные за ночь волосы.

Она стояла в кухне по своим домашним делам, раздувая самовар или нащепывая от сухого полена лучину.

Она тихо вскрикнула, увидев его, и бросилась в сторону, стыдясь своего неприбранного утреннего туалета.

А Былинкин, стоя в дверях, разглядывал барышню с некоторым изумлением и восторгом.

И верно: в то утро она была очень хороша.

Эта юная свежесть слегка заспанного лица. Этот небрежный поток белокурых волос. Слегка приподнятый кверху носик. И светлые глаза. И небольшая по высоте, но полненькая фигура. Все это было в ней необыкновенно привлекательно.

В ней была та очаровательная небрежность и, пожалуй, даже неряшливость той русской женщины, которая вскакивает поутру с постели и, немытая, в войлочных туфлях на босу ногу, возится по хозяйству.

Автору, пожалуй, даже нравятся такие женщины. Он ничего не имеет против таких женщин.

В сущности, нет ничего в них хорошего, в этих полных, с ленивым взглядом женщинах. Нет в них ни живости, ни яркости темперамента, ни, наконец, кокетливости позы. Так – мало двигается, в мягких туфлях, непричесанная... Вообще говоря, пожалуй, даже противно. Но вот подите ж!

И странная вещь, читатель!

Такая какая-нибудь кукольная дамочка, так сказать – измышление буржуазной западной культуры, совсем не по душе автору. Этакая прическа у ней, черт ее знает, какая греческая – дотронуться нельзя. А дотронешься – криков и скандалов не оберешься. Этакое платье ненастоящее – опять не дотронься. Или порвешь, или запачкаешь. Скажите: кому это нужно? В чем тут прелесть и радость существования?

Наша, например, как сядет, так вполне видишь, что сидит, а не на булавке пришпилена, как иная. А та – как на булавке. Кому это надо?

Автор многим восхищен в иноземной культуре, однако относительно женщин автор остается при своем национальном мнении.

Былинкину тоже, видимо, нравились такие женщины.

Во всяком случае, он стоял теперь перед Лизочкой Рундуковой и, слегка раскрыв рот от восторга и не прибрав даже висящие подтяжки, смотрел на нее с радостным изумлением.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Но это длилось одну минуту.

Лизочка Рундукова, тихо ахнув и заметавшись по кухне, вышла прочь, на ходу поправляя свой туалет и спутанные волосы.

К вечеру, когда Былинкин вернулся со службы, он медленно прошел в свою комнату, рассчитывая встретить в коридоре Лизочку.

Но не встретил.

Тогда попозже, к вечеру, Былинкин пять или шесть раз смотался на кухню и наконец встретил Лизочку Рундукову, которой и поклонился страшно почтительно и галантно, слегка склонив голову набок и делая руками тот неопределенный жест, который условно показывает восхищение и чрезвычайную приятность.

Несколько дней таких встреч в коридоре и на кухне значительно их сблизили.

Былинкин приходил теперь домой и, слушая, как Лизочка играет какой-нибудь трамблям на рояле, упрашивал ее изобразить еще и еще что-нибудь душщипательное.

И она играла какой-нибудь собачий вальс или шимми я или брала несколько бравурных аккордов второй или третьей, а может даже, черт их разберет, и четвертой рапсодии Листа.

И он, Былинкин, дважды побывавший на всех фронтах и обстрелянный тяжелой артиллерией, как бы впервые слушал эти дребезжащие звуки беккеровского рояля. И, сидя в своей комнате, мечтательно откидывался на спинку кресла, думая о прелестях человеческого существования.

Очень роскошная жизнь началась у Мишки Рундукова. Былинкин дважды давал ему по гривеннику и один раз пятиалтынный, прося Мишку тихонько свистеть в пальцы, когда старуха у себя на кухне и Лизочка одна в комнате.

Зачем это понадобилось Былинкину, автору крайне неясно. Старуха с совершенным восторгом смотрела на влюбленных, рассчитывая не позднее осени повенчать их и сбуть Лизочку с рук.

Мишка Рундуков также не разбирался в психологических тонкостях Былинкина и самосильно свистал раз по шесть в день, приглашая Былинкина заглянуть то в ту, то в другую комнату.

И Былинкин входил в комнату, садился подле Лизочки, перекидывался с ней сначала незначительными фразами, потом просил сыграть на инструменте какую-нибудь наиболее ее любимую вещь. И там, у рояля, когда Лизочка переставала играть, Былинкин клал свои узловатые пальцы, пальцы философски настроенного человека, прожженного жизнью и обстрелянного тяжелой артиллерией, на Лизочкины белые руки и просил барышню рассказать о ее жизни, живо интересуясь подробностями ее прежнего существования.

Иногда же спрашивал, чувствовала ли она когда-нибудь трепет настоящей, истинной любви, или это у нее в первый раз.

И барышня загадочно улыбалась и, тихо перебирая рояльные клавиши, говорила:

– Не знаю...

Они страстно и мечтательно полюбили друг друга.

Они не могли видеться без слез и трепета.

И, встречаясь, всякий раз испытывали все новый и новый прилив восторженной радости.

Былинкин, впрочем, с некоторым даже испугом вглядывался в себя и с изумлением думал, что он, дважды побывавший на всех фронтах и с необыкновенной трудностью заработавший себе право существования, с легкостью бы теперь отдал свою жизнь за один ничтожный каприз этой довольно миленькой барышни.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

И, перебирая в своей памяти тех женщин, которые прошли в его жизни, и даже последнюю, дьяконицу, с которой у него так был роман (автор совершенно в этом уверен), Былинкин с уверенностью думал, что только теперь, на тридцать втором году, он узнал истинную любовь и подлинный трепет чувства.

Распирали ли Былинкина его жизненные соки или же у человека бывает предрасположение и склонность к отвлеченным романтическим чувствам – пока остается тайной природы.

Так или иначе, Былинкин видел, что он иной теперь человек, чем был раньше, и что кровь у него изменилась в своем составе, и что вся жизнь смешна и ничтожна перед столь необычайной силой любви.

И Былинкин, этот слегка циник и прожженный жизнью человек, оглушенный снарядами и видевший не раз лицом к лицу смерть, этот жуткий Былинкин слегка ударился даже в поэзию, написав с десятков различных стихотворений и одну балладу.

Автор незнаком с его стихами, но одно стихотворение, под заглавием: "К ней и к этой", посланное Былинкиным в "Диктатуру труда" и не принятое редакцией как несозвучное социалистической эпохе, случайно и благодаря любезности технического секретаря, Ивана Абрамовича Кранца, сделалось известным автору.

У автора особое мнение насчет стихов и любительской поэзии, и поэтому автор не будет утруждать читателей и наборщиков целым и довольно длинным стихом. Автор предлагает вниманию наборщиков только пару последних, наиболее звучных строф:

Девизом сердца своего,
Любовь прогрессом называл.

И только образ твоего
Изящного лица внимал.

Ах, Лиза, это я

Сгорел, как пепел, от огня

Тому подобного знакомства.

С точки зрения формального метода, стихи эти как будто и ничего себе. Но вообще же стихи – довольно паршивые стихи и действительно несозвучны и несоритмичные эпохой.

В дальнейшем Былинкин не увлекался поэзией и не пошел по тяжкому пути поэта. Былинкин, всегда несколько склонный к американизму, забросил вскоре свои литературные достижения, без сожаления закопал талант в землю и стал жить по-прежнему, не проектируя своих безумных идей на бумагу.

Былинкин и Лизочка, встречаясь теперь по вечерам, уходили из дому и до ночи бродили по опустевшим улицам и бульварам. Иногда спускались к реке и сидели над песчаным обрывом, с глубокой и молчаливой радостью следя за быстрой водой реки Козьявки. Иногда же, взяв друг друга за руки, тихо ахали, восторгаясь необычайными красотами природы или легкой воздушной тучкой, пробегавшей по небу.

Все это было им ново, очаровательно, и, главное, казалось, что видят они все в первый раз.

Иногда влюбленные уходили за город и шли к лесу. А там, взявшись за пальцы, ходили разомлевшие и, останавливаясь перед какой-нибудь сосной или елкой, смотрели на нее с изумлением, искренне удивляясь причудливой и смелой игре природы, выкинувшей из-под земли столь нужное для человека дерево.

И тогда Василий Былинкин, потрясенный необычностью существования на земле и удивительными ее законами, падал от избытка чувств на колени перед барышней и целовал землю вокруг ее ног.

А кругом – то луна, кругом таинственность ночи, трава, светлячки чирикают, лес молчаливый, лягушки и букашки. Кругом этакая сладость и умиротворение в воздухе. Кругом та радость простого существования, от которой автор не хочет еще до конца отказаться и поэтому ни под каким видом не может признать себя лишней фигурой на фоне восходящей жизни.

Так вот, Былинкин с Лизочкой наиболее любили эти свои прогулки за город.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Но в одну из таких прелестных прогулок, видимо сырой ночью, неосторожный Былинкин простудился и слег.

У него открылась болезнь вроде свинки. Или, как врачи называют, – заушница.

Уже к вечеру Былинкин почувствовал легкий озноб и режущую боль в горле. К ночи же морду его стало раздувать.

С тихим плачем входила Лиза в его комнату и с распущенными волосами, в мягких туфлях, металась от постели к столу, не зная, что ей предпринять, и что делать, и как облегчить участь больного.

Мамаша Рундукова – и та вкатывалась в комнату по нескольку раз в день, расспрашивая, не хочет ли болящий клюквенного киселька, который будто бы незаменим при всех инфекционных заболеваниях.

Через два дня, когда морду у Былинкина раздуло до неузнаваемости, Лизочка побежала за доктором.

Осмотрев больного и прописав ему какие-то медикаменты, доктор ушел, в душе, видимо, ругаясь, что дали ему мелочью.

Лизочка Рундукова побежала за ним и, догнав его на улице, заламывая руки, стала лепетать и спрашивать: ну, как? Что? Есть ли надежда? И что пуцай врач знает, что она не перенесет гибели этого человека.

Тогда врач, в силу своей профессии привыкший к этим сценам, равнодушно сказал, что свинка – свинка и есть, и помирать от этого, к сожалению, не приходится.

Несколько раздосадованная незначительной опасностью, Лизочка грустно вернулась домой и стала самоотверженно ухаживать за больным не щадя ни своих слабых сил, ни здоровья, не боясь даже схватить эту самую свинку от заражения.

Былинкин в первые дни боялся подняться с подушки и, ощупывая раздувшееся свое горло, с ужасом спрашивал, не разлюбит ли его Лизочка Рундукова после болезни, которая позволила увидеть его в столь безобразном. Но барышня, упрашивая его не беспокоиться, говорила, что, на ее взгляд, он стал более представительный мужчина, чем был раньше.

И Былинкин тихо и благодарно смеялся, говоря, что эта болезнь как нельзя более испытала крепость ихней любви.

Это была совершенно необыкновенная любовь.

А с тех пор когда Былинкин встал с одра болезни и голова с шеей снова приняли прежние формы, ему стало казаться, что Лизочка Рундукова спасла его от неминуемой гибели.

От этого в ихние любовные отношения вошла некоторая торжественность и даже великодушие.

В один из ближайших после болезни дней Былинкин взял Лизочку за руку и тоном решившегося на что-то человека попросил ее выслушать его, не задавая пока что лишних вопросов и не вмешиваясь со своими глупыми репликами.

Былинкин сказал длинную и торжественную речь о том, что он совершенно знает, что такое жизнь, и знает, как трудно существовать на земле, и что раньше, когда он был еще неоперившимся юнцом, он с преступной легкостью относился к жизни, за что сильно пострадал в свое время, но теперь, умудренный житейским опытом, знает, как надо жить, и знает суровые и непоколебимые законы жизни. И что, все это обдумав, он предполагает внести кой-какие изменения в свою намеченную жизнь.

Одним словом, Былинкин сделал Лизочке Рундуковой официальное предложение с просьбой не тревожиться за будущее благосостояние, даже если Лизочка Рундукова и впредь останется безработной и не будет в состоянии вносить посильную лепту в общий скромный котел.

Она, слегка поломавшись и поговорив для изящности переживаемого момента о

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
свободной любви, все же с восторгом приняла предложение, говоря, что она давно ждала его и что если бы он не сделал этого, то он был бы последним мазуриком и проходимцем. А что свободные отношения, хотя и тоже очень хороши и отличны в свое время, но это уж не то, что иное прочее.

Со своей радостной новостью Лизочка Рундукова немедленно побежала к мамаше, а также и к соседям, приглашая их прийти на бракосочетание, которое состоится в весьма непродолжительном времени и будет носить скромный и семейный характер.

Соседи горячо поздравляли ее, говоря, что она достаточно уж засиделась и намучилась безысходностью своего существования.

Мамаша Рундукова всплакнула, конечно, и пошла к Былинкину, чтоб самой убедиться в подлинности факта.

И Былинкин удостоверил старуху, торжественно попросив называть ее с этого дня мамашей. Старуха, плача и сморкаясь в передник, сказала, что она пятьдесят три года живет на свете, но что этот день – самый счастливый в ее жизни. И, в свою очередь, попросила называть его Васей. На что Былинкин милостиво дал свое согласие.

Что касается Мишки Рундукова, то Мишка довольно равнодушно отнесся к жизненной перемене своей сестры и в настоящее время мотался где-то по улицам, сломя голову и высунув язык.

Теперь влюбленные не ходили уже за город. Большею частью они "просиживали дома и, болтая до ночи, обсуждали план своей дальнейшей жизни.

И в одну из таких бесед Былинкин принялся с карандашом в руках чертить на бумаге план их будущих комнат, которые будут составлять как бы отдельную, маленькую, но уютную квартирку.

Они, совершенно захлебываясь и споря друг с другом, доказывали, куда лучше поставить кровать, и куда поставить стол, и где расположить туалет.

Былинкин убеждал Лизочку не делать глупостей и не ставить туалетный столик в углу.

– Это абсолютное мещанство, – сказал Былинкин, – ставить туалетный столик в углу. Это каждая барышня ставит этак. В углу гораздо лучше и монументальнее поставить комод и покрыть его легкой кружевной скатертью, которую мамаша, надеюсь, не откажет дать.

– Комод в углу тоже мещанство, – сказала Лизочка, едва не плача. – Да к тому же комод мамашин, и даст ли она его или нет, это еще вопрос и ответ.

– Ерунда, – сказал Былинкин, – как это она не даст?

Не держать же нам белье на подоконниках! Явная чушь.

– Ты, Вася, поговори с мамашей, – строго сказала Лизочка. – Поговори просто как с родной матерью. Скажи: дескать, дайте, маменька, комод.

– Ерунда, – сказал Былинкин. – Да, впрочем, я могу и сейчас сходить к старухе, если тебе этого так хочется.

И Былинкин пошел в старухину комнату.

Было уже довольно поздно. Старуха спала.

Былинкин долго раскачивал ее, и та, брыкаясь во сне, никак не хотела вставать я понять, в чем дело.

– Проснитесь же, мамаша, – строго сказал Былинкин. – Ведь можем же мы с Лизочкой рассчитывать на какой-то небольшой комфорт? Ведь не трепаться же белью на подоконниках.

С трудом понимая, что от нее нужно, старуха принялась говорить, что комод этот

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
пятьдесят один год стоит на своем месте, и на пятьдесят втором году она не намерена перетаскивать его в разные стороны и разбрасывать его налево и направо. И что комоды она не сама делает. И что поздно ей на старости лет обучаться столярному ремеслу. Пора бы это понять и не обижать старуху.

Былинкин принялся стыдить мамашу, говоря, что он, побывавший на всех фронтах и дважды обстрелянный тяжелой артиллерией, может же наконец рассчитывать на покойную жизнь.

– Стыдно, мамаша! – сказал Былинкин. – Жалко вам комода! А в гроб вы его не возьмете. Знайте это.

– Не дам комода! – визгливо сказала старуха. – Помру, тогда и берите хоть всю мебель.

– Да, помрете! – сказал Былинкин с негодованием. – Жди!..

Видя, что дело принимает серьезный оборот, старуха принялась плакать и причитать, говоря, что в таком случае пуцай невинный ребенок Мишка Рундуков своими устами скажет последнее слово, тем более что он единственный мужской представитель в ихнем рундуковском роду, и комод, по праву, принадлежит ему, а не Лизочке.

Разбуженный Мишка Рундуков крайне не захотел отдавать комода.

– Да-а, – сказал Мишка. – Небось гривенник отвалят, а комод взять хотят. Комоды тоже денег стоят.

Тогда Былинкин, хлопнув дверь, пошел в свою комнату и, горько отчитывая Лизочку, говорил ей, что ему без комода как без рук и что он сам, закаленный борьбой, знает, что такое жизнь, и ни на шаг не отступится от своих идеалов.

Лизочка буквально металась от матери к Былинкину, умоляя их как-нибудь прийти к соглашению и предлагая по временам перетаскивать комод из одной комнаты в другую.

Тогда, попросив Лизочку не метаться, Былинкин предложил ей немедленно лечь спать и набраться сил, с тем чтобы с утра заняться этим роковым вопросом.

Утро ничего хорошего не принесло. Много было сказано со всех сторон горьких и обидных истин.

Разгневанная старуха с отчаянной решимостью сказала, что она видит его, Василия Васильевича Былинкина, вдоль и поперек, и что сегодня он комод от нее требует, а завтра студень из нее сварит и съест с хлебом. Вот это какой человек!

Былинкин кричал, что он подаст в уголовный розыск прошение об аресте старухи за распространение заведомо ложных и порочащих слухов.

Лизочка с тихим криком перебегала от одного к другому, упрашивая их наконец не орать и постараться спокойно разобраться в вопросе.

Тогда старуха сказала, что она вышла из того возраста, когда орут, и что она без оранья скажет всем и каждому, что Былинкин за это время у них обедал три раза и не потрудился даже ради любезности предложить некоторую компенсацию хотя бы за один обед.

Страшно взволнованный, Былинкин язвительно сказал, что зато он, гуляя с Лизочкой, много раз покупал ей леденцы и пастилу и два раза букеты цветов и тем не менее не предъявляет мамаше никаких счетов.

На что Лизочка, закусив губы, сказала, что пусть он не врет нахально, что никакой пастилы не было, а было лишь монпансье и небольшой букетик фиалок, которым грош цена и которые к тому же на другой день завяли.

Сказав это, Лизочка с плачем вышла из комнаты, предоставив все на волю судьбы.

Былинкин хотел побежать за ней и извиниться за неточные сведения, но, снова

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
связавшись со старухой, назвал ее чертовой мамашей и, плюнув в нее, выбежал из дома.

Былинкин ушел из дому и два дня пропадал неизвестно где. И когда явился, то официальным тоном заявил, что он не считает более возможным пребывание в этом доме.

Через два дня Былинкин переехал на другую квартиру, в дом Овчинниковых. Лизочка демонстративно просидела эти дни в своей комнате.

Автор не знает подробностей переезда и также не знает, какие горькие минуты переживала Лизочка. И переживала ли она их. И сожалел ли обо всем Былинкин или все сделал с полным сознанием и решимостью.

Автору известно только, что Былинкин, переехав, долгое еще время, правда, уже после своей женитьбы на Марусе Овчинниковой, ходил к Лизочке Рундуковой. И они вдвоем, потрясенные своим несчастьем, сидели рядом, перебрасываясь незначительными словами. Иногда, впрочем, перебирая в своей памяти тот или иной счастливый эпизод и случай из прошлого, говорили о нем с грустной и жалкой улыбкой, сдерживая слезы.

Иногда приходила в комнату мать, и тогда они втроем оплакивали судьбу.

После Былинкин перестал ходить к Рундуковым. И, встречаясь с Лизочкой на улице, корректно и сдержанно кланялся ей и проходил мимо.

Так кончилась эта любовь.

Конечно, в иное время, лет, скажем, через триста, эта любовь так бы не кончилась. Она бы расцвела, дорогой читатель, пышным и необыкновенным цветом.

Но жизнь диктует свои законы.

В заключение повести автор хочет сказать, что, развертывая эту несложную историю любви и несколько увлекшись переживаниями героев, автор совершенно упустил из виду соловья, о котором столь загадочно упоминалось в заглавии.

Автор побаивается, что честный читатель или наборщик, или даже отчаянный критик, прочтя эту повесть, невольно расстроится.

– Позвольте, – скажет, – а где же соловей? Что вы, скажет, морочите голову и заманиваете читателя на легкое заглавие?

Было бы, конечно, смешно начинать сначала повесть об этой любви. Автор и не пытается этого сделать. Автор только хочет восполнить кое-какие подробности.

Это было в самый разгар, в самый наивысший момент ихнего чувства, когда Былинкин с барышней уходили за город и до ночи бродили по лесу. И там, слушая стрекот букашек или пение соловья, подолгу стояли в неподвижных позах. И тогда Лизочка, заламывая руки, не раз спрашивала:

– Вася, как вы думаете, о чем поет этот соловей?

На что Вася Былинкин обычно отвечал сдержанно:

– Жрать хочет, оттого и поет.

И только потом, несколько освоившись с психологией барышни, Былинкин отвечал более подробно и туманно. Он предполагал, что птица поет о какой-то будущей распрекрасной жизни.

Автор тоже именно так и думает: о будущей отличной жизни лет, скажем, через триста, а может, даже и меньше. Да, читатель, скорее бы уж наступили эти отличные времена.

Ну, а если и там будет плохо, тогда автор с пустым и холодным сердцем согласится считать себя лишней фигурой на фоне восходящей жизни.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Тогда можно и под трамвай.

1925

СИРЕНЬ ЦВЕТЕТ

Вот опять будут упрекать автора за это новое художественное произведение.

Опять, скажут, грубая клевета на человека, отрыв от масс и так далее.

И, дескать, скажут, идеи взяты, безусловно, не так уж особенно крупные.

И герои не гораздо такие значительные, как, конечно, хотелось бы. Социальной значимости в них, скажут, чего-то мало заметно. И вообще ихние поступки не вызовут такой, что ли, горячей симпатии со стороны трудящихся масс, которые, дескать, не пойдут безоговорочно за такими персонажами.

Конечно, об чем говорить – персонажи действительно взяты не высокого полета. Это просто, так сказать, прочие незначительные граждане с ихними житейскими поступками и беспокойством. Что же касается клеветы на человечество, то этого здесь определено и решительно нету.

Это раньше можно было упрекать автора если и не за клевету, то за некоторый, что ли, излишек меланхолии и за желание видеть разные темные и грубые стороны в природе и людях. Это раньше действительно автор горячо заблуждался в некоторых основных вопросах и доходил до форменного мракобесия.

Еще какие-нибудь два года назад автору и то не правилось и это. Все он подвергал самой отчаянной критике и разрушительной фантазии. Теперь, конечно, неловко сознаться перед лицом читателя, но автор в своих воззрениях докатился до того, что начал обижаться на непрочность и недолговечность человеческого организма и на то, что человек, например, состоит главным образом из воды, из влаги.

– Да что это, помилуйте, гриб или ягода! – восклицал автор. – Ну, зачем же столько воды? Это, ну, прямо оскорбительно знать, из чего человек состоит. Вода, труха, глина и еще что-то такое в высшей степени посредственное. Уголь, кажется. И вдобавок в этом прахе еще чуть что микробы заводятся. Ну что это такое! – восклицал в те годы автор не без огорчения.

Даже в таком святом деле – во внешнем человеческом облике – автор и то стал видеть только грубое и нехорошее.

– Только что мы привыкли к человеку, – бывало, говорил автор своим близким родственникам, – а если чуть отвлечься или, к примеру, не видеть человека пять-шесть лет, то прямо удивиться можно, какое безобразие наблюдается в нашей наружности. Ну, рот – какая-то небрежная дыра в морде. Оттуда зубы веером выступают. Уши с боков висят. Нос – какая-то загогулина, то есть как нарочно посреди самой морды. Ну, некрасиво! Неинтересно глядеть.

Вот примерно до таких глупых и вредных для здоровья идей доходил автор, находясь в те годы в черной меланхолии. Даже такую несомненную и фундаментальную вещь, как ум, автор и то подвергал самой отчаянной критике.

– Ну, ум, – говорил автор, – предположим. Действительно, спору нет, много чего любопытного и занимательного изобрели люди благодаря уму: микроскоп, бритва "жиллет", фотография и так далее и так далее. А что это дает в конце концов!

Вот примерно такие недостойные мысли мелькали у автора.

Но эти мысли мелькали, без сомнения, по случаю болезни автора.

Его острая меланхолия и раздражение к людям доводили его форменно до ручки, заслоняли горизонты и закрывали глаза на многие прекрасные вещи и на то, что у нас сейчас кругом происходит.

И теперь автор бесконечно рад и доволен, что ему не пришлось писать повести в эти два или три прискорбные года. Иначе большой позор лег бы на его плечи. Вот это был бы действительно злостный поклеп, это была бы действительно грубая и хамская клевета на мировое устройство и человеческий распорядок.

Но теперь вся эта меланхолия прошла, и автор снова видит своими глазами все, как оно есть.

Причем, хворая, автор отнюдь не отрывался от масс. Напротив того, он живет и хворает в самой, можно сказать, человеческой гуще. И описывает события не с планеты Марс, а с пашей уважаемой Земли, с нашего восточного полушария, где как раз и находится в одном из домов коммунальная квартирка, в которой жительствоует автор и в которой он, так сказать, воочию видит людей, без всяких прикрас, нарядов и драпировок.

И по роду такой жизни автор замечает, что к чему и почему. И сейчас упрекать автора в клевете и в оскорблении людей словами просто не приходится.

И если б автора спросили:

– Чего ты хочешь? Чего бы ты хотел, например, в ударном порядке изменить в своих близких людях?

Автор затруднился бы сразу ответить.

Нет, он ничего не хочет изменять. Так, разве самую малость. В смысле, что ли, корысти. В смысле повседневной грубости материального расчета.

Ну, чтобы люди в гости стали ходить, что ли, так, для приятного душевного общения, не имея при этом никаких задних мыслей и расчетов. Конечно, все это блажь, пустая фантазия, и автор, вероятно, с жиру бесится. Но такая уж сентиментальная у него натура – ему желательно, чтоб фиалки прямо на тротуарах росли.

Конечно, все, что сейчас говорилось, может, и не имеет прямого отношения к нашему художественному произведению, но уж очень, знаете, все это наболевшие, актуальные вопросы. И такой уж каторжный характер у автора – покуда он не выскажется перед читателем – прямо, знаете ли, не до повестушки.

Хотя как раз в данном случае эти слова отчасти все же имеют некоторое отношение к нашей повести. Тем более мы беседовали тут про разные корыстные расчеты. И в повести как раз выведен такой герой, который столкнулся лицом к лицу с такими же обстоятельствами и прямо рот раскрыл, утомленный целым вихрем событий, которые разыгрались на этой почве.

В молодые, прекрасные годы, когда жизнь казалась утренней прогулкой, вроде как по бульвару, автор не видел многих теневых сторон. Он просто не замечал этого. Не на то глядели его глаза. Его глаза глядели на разные веселые вещицы, на разные красивые предметы и переживания. И на то, как цветки растут, и бутончики распускаются, и как облака по небу плывут, и как люди друг дружку взаимно горячо любят.

А как все это происходит и что чем движется и чем толкается, автор не видел по молодости лет, по глупости характера и по наивности своего зрения.

А после, конечно, стал себе автор приглядываться. И вдруг видит разные вещи.

Вот он видит – седовласый человек жмет другому ручку, и в глаза ему глядит, и слова произносит. Вот раньше поглядел бы на это автор – душевно бы порадовался. "Эвон, – подумал бы, – какие все милые, особенные, до чего любят друг друга и до чего жизнь прелестно складывается".

Ну, а сейчас не доверяет автор галлюцинации своего зрения. Автора гложут сомнения. Он беспокоится – а может, эта седовласая борода ручку жмет и в глаза глядит, чтобы поправить пошатнувшееся свое служебное положение или чтоб занять кафедру и читать с этой кафедры лекции о красоте и искусстве?

Ну, что? Может быть, это клевета? Может быть, это есть злобное измышление? Нет, это довольно часто бывает в нашей жизни. И пора об этом говорить в глаза. А то все, знаете, красота, да звучит гордо. А как до дела дойдет, так просто, ну, пустяки получаются.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Но автор не поддается унынию. Тем более иногда, раз в пять лет, он и встречается чудаков, которые резко отличаются от всех прочих граждан.

Но все это есть теоретическое размышление, а то, что автор хочет рассказать, есть подлинная история, взятая из самого источника жизни.

Но прежде чем приступить к описанию событий, автор хочет поделиться еще некоторыми сомнениями.

Дело в том, что по ходу сюжета в повести имеются две-три дамы, которые выведены не так чтоб слишком симпатично.

Автор не жалел на них никаких красок и старался придать им свеженький актуальный вид, тем не менее не получилось того, что хотелось бы. И по этой причине женские фигуры получились одна другой хуже.

И многие, в особенности читательницы, могут вполне оскорбиться за эти женские типы и постараются уличить автора в нехорошем подходе к женщинам и в нежелании, чтоб женщины сравнивались в своих законных правах с мужчинами. Тем более что некоторые знакомые женщины уже обижаются: да уж, говорят, у вас всегда дамские типы малосимпатичные.

Но автор горячо просит за это его не бранить. Автор и сам диву дается, чего это у него из-под пера такие малоинтересные дамочки определяются.

И это тем более странно, что автор, может, всю жизнь видел главным образом только довольно хороших, добродушных и не злых дам.

И вообще на этот вопрос автор так глядит, что женщины, пожалуй, даже лучше, нежели мужчины. Что ли, они как-то сердечней, мягче, отзывчивей и приятней.

И в силу таких взглядов автор никогда не позволит себе оскорблять женщину. А если в повести другой раз и получаются неясности по этому вопросу, то это просто недоразумение, и автор умоляет на это не обращать внимания и тем более не расстраиваться по пустякам.

Для автора, безусловно, все равны.

Другое дело, если взять, смеха ради, мир животных.

Там бывает разница. Там даже птицы имеют свою разницу. Там самец всегда как-то несколько дороже стоит, чем самка.

Так, для примера, чирик стоит два целковых по теперешней калькуляции, а чижиха в том же магазине – копеек пятьдесят, сорок, а то и двугривенный. А по виду птички – как две капли воды. То есть буквально не разобрать, которая что, которая ничего.

И вот сели эти птички в клетку. Они зернышки жуют, водичку пьют, на палочках прыгают и так далее. Но вот чирик перестал водичку пить. Он сел поплотней, устремил свой птичий взор в высоту и запел.

И за это такая дороговизна. За это гони монету.

За пение и за исполнение.

Но что в птичьем мире прилично, то среди людей не полагается. И дамы у нас в одной цене находятся, как и мужчины. Тем более у нас и дамы поют и мужчины поют. Так что все вопросы и все сомнения в этом отпадают.

А кроме того, в нашей повести все грубые нападки на женщину и подозрения относительно ее корысти идут со стороны нашего самого главного героя – человека определенно мнительного и больного. Бывшего прапорщика царской армии, к тому же слегка контуженного в голову и потрепанного революцией. В девятнадцатом году он в камышах сколько раз ночевал – боялся, что его арестуют, схватят и разменяют.

И эти все страхи печальным образом отразились на его характере.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
И в двадцатых годах он был нервный и раздражительный субъект. У него тряслись руки.

И даже стакана он не мог поставить на стол, не кокнув его своей дрожащей ручкой.

Тем не менее в житейской борьбе руки его не дрожали.

По этой самой причине он не погиб, а с честью выжил.

Безусловно, человеку не так-то легко погибнуть. То есть автор думает, что не так-то просто человек может с голоду умереть, находясь даже в самых крайних условиях. И если есть некоторая сознательность, если есть руки и ноги, и башка на плечах, то, безусловно, как-нибудь можно расстараться и найти себе пропитание, хотя бы в крайнем случае милостыней.

Но тут до милостыни не дошло, хотя у Володина и было довольно пиковое положение в первые годы революции.

Тем более он много лет провел на военном фронте, совершенно, так сказать, оторвался от жизни, ничего такого особенно полезного делать не умел, кроме стрельбы в цель и по людям. Так что он еще не понимал – какое найти себе применение.

И, конечно, родственников у него не было. И квартиры у него не имелось. Буквально ничего.

Была у него одна мамаша, и та в военные годы скончалась. Квартирка ее, по случаю смерти, перешла в другие быстрые руки. И остался наш бывший военный гражданин по приезду совершенно не у дел и, как бы сказать, без портфеля. Тем более революция выбила его из седла, и он остался, так сказать, в стороне, и даже как бы лишний и вредный элемент.

Однако он не допустил слишком большой паники в этот ответственный момент своей жизни. Он поглядел своими ясными очами, что к чему и почему. Видит – расположен город. Он окинул город своим орлиным взором. И видит – идет вращение жизни тем же почти манером, как и всегда. По улицам парод ходит. Граждане спешат туда и сюда. Девушки ходят с зонтиками.

"Что ж, – думает, – кидаться в озеро не приходится, а надо, без сомнения в ударном порядке, что-нибудь придумать. Можно в крайнем случае дрова грузить, или какую-нибудь хрупкую мебель перевозить, или для примера мелкой торговлишкой заниматься. Или же, наконец, можно жениться не без выгоды".

И вот от этих мыслей он даже повеселел.

"То есть особой выгоды, – думает, – в этом последнем случае сейчас, конечно, не найти, по, скажем, помещение, отопление и себе пища – это, безусловно, можно".

И, конечно, не такой он отпетый человек, чтобы дама его содержала, но подать первую помощь в минуту жизни трудную – это не порок.

Тем более он был молодой и не старь. Ему было тридцать с небольшим лет.

И хотя его центральная нервная система была довольно потрепана бурями и житейскими тревожностями, однако он был мужчина еще ничего себе. Причем у него была выгодная и приятная наружность. И хотя он был блондин, но блондин все-таки довольно мужественного вида.

К тому же он носил на щеках небольшие итальянские бачки. И от этого его лицо еще более выигрывало и давало что-то демоническое и смелое, что заставляло женщин вздрагивать всем корпусом, опускать глаза долу и быстро одергивать свои юбки на коленях.

Вот какие блага и преимущества имел он, когда начал завоевывать свою жизнь.

Он приехал после военной службы в город и временно поселился в проходной комнате у своего знакомого фотографа Патрикеева, который пустил его, хотя и по доброте сердечной, однако рассчитывал снять кое-какие пенки с этого дела. Он записал на

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
пего часть квартирной площади и, кроме того, ожидал, что Володин иной раз, из чувства живейшей благодарности, будет принимать посетителей – будет открывать им двери и записывать ихние фамилии. Однако Володин не подтвердил этих хозяйственных надежд – он мотался целые дни напролет невесть где и даже сам в ночное время иной раз трезвонил и тем самым вносил в дом полное беспокойство и дезорганизацию.

Фотограф Патрикеев очень от этих дел грустил и расстраивал свое здоровье, и даже, иной раз, вскакивая ночью в кальсонах, ужасно как ругался, называя его прохвостом, золотопогонником и бывшим беспорточным барином.

Однако Володин не более как через полгода начал всетаки приносить явную выгоду своему патрону. Правда, под конец, когда он уже съехал с его квартиры и благополучно женился.

Дело в том, что еще в мелком своем возрасте он имел некоторую склонность и любовь к художественному рисованию. И, будучи абсолютно крошкой, он любил марать карандашом и красками разные картинки и рисуночки.

И в настоящее время это художественное дарование ему неожиданно пригодилось.

Сначала шутя, а после более серьезно он стал помогать фотографу Патрикееву, ретушируя ему снимки и пластинки.

Разные приходящие барышни обязательно требовали прилично заснятого лица, без складок, морщин, угрей и прочих досадных особенностей, которые, к сожалению, имелись в натуральном человеческом виде.

Эти угри и бутоны Володин зарисовывал карандашом, ловко кладя тени и просветы на заснятые личности.

В короткое время Володин сделал в этой области изрядный успех и даже стал подрабатывать себе деньги, сердечно радуясь такому обороту дела.

И, научившись этому хитрому искусству, он понял, что занял в жизни определенную позицию и что с этой позиции его выбить довольно затруднительно и даже почти что невозможно. Ибо для этого потребуются уничтожение всех фотографий, категорическое запрещение жителям сниматься на карточку или же полное отсутствие фотографической бумаги на рынке.

Но, к сожалению, жизнь обернулась так выгодно только после того, как Володин сделал решительный шаг – он женился на одной гражданке, никак еще не предполагая, что его искусство даст полную возможность стать на ноги самостоятельно.

И, живя у фотографа и не имея пока никаких особых перспектив, он естественным образом кидал взоры на окружающих людей, и в особенности, конечно, на дам и на женщин, которые могли бы подать ему руку помощи, дружбы и участия.

И такая дама нашлась и откликнулась на призыв гибнущего человека.

Это была жилица из соседнего дома, Маргарита Васильевна Гопкис.

Она занимала целую квартиру, проживая там совместно со своей младшей сестрицей Лелей, которая, в свою очередь, была замужем за братом милосердия, товарищем Сыпуновым.

Эти две сестрицы были довольно еще молоденькие, и занимались они пошивкой рубашек, кальсон и прочих гражданских предметов.

Они этим занимались в силу необходимости. И не на такую ничтожную судьбу они рассчитывали, заканчивая до революции свое высшее образование в женской гимназии.

Получив такое приличное образование, они, естественно, мечтали зажить достойным образом, выйдя замуж за исключительных мужчин или за профессоров, которые окружили бы ихнюю жизнь роскошью, баловством и красивыми привычками.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Но жизнь между тем проходила. Бурные годы революции не позволяли подолгу осматриваться и кидать якорь в том месте, в котором желательно.

И вот младшая сестрица Леля, погоревав о превратностях судьбы, выходит поскорее замуж за Сыпунова, совершенно грубого, небритого субъекта брата милосердия, вернее санитаря из юродской больницы.

А старшая сестрица, Маргариточка, вздыхая о невозможном, прогоревала все сроки и к тридцати годам, спохватившись, начала метаться туда и назад, желая заполучить в мужья хотя бы какого-нибудь завалывшегося человечка.

И вот как раз в ее расставленные сети попадает наш приятель Володин.

Он давно мечтал о более подходящей жизни, о некотором семейном уюте, о непроходной комнате, о кипящем самоваре и о всех таких житейских вещичках, которые, безусловно, украшают жизнь и дают тихую прелесть мелкобуржуазного существования.

И вот тут имелось все это налицо плюс прочное положение и самостоятельный заработок, что было как бы приданым и, несомненно, оживляло сделку, придавая ей определенный живой интерес.

Конечно, будь это знакомство позже, Володин, имея свои заработки, не пошел бы так стремительно на этот шаг. Тем более ему совершенно не правилась Маргарита Гопкис с ее тусклым, однообразным лицом.

Володину нравились и влекли девицы другого порядка – такие с темненькими усиками на верхней губе. Очень такие веселые, бравурные, быстрые в своих движениях, умеющие танцевать, плавать, нырять и болтать всякую чепуху. А его Маргариточка была благодаря профессии малоподвижная и слишком скромная в своих движениях и действиях.

Но жребий был брошен, и пружина разворачивалась без остановки.

И, проходя теперь мимо соседнего дома, Володин всякий раз останавливался подле ее окон и подолгу разговаривал, беседуя о том и о сем. И, стоя перед ней в профиль или в три четверти и теребя свои бачки, Володин говорил разные иносказательные вещи о приличной жизни и о хорошей судьбе. И из разговоров с ней он определенно понял, что комната в ее квартире к его услугам, если, конечно, он не остановится на своих намеках.

И он, быстро обмозговав все дело и оглядев более внимательным и требовательным взором свою даму, с победным криком ринулся в бой.

Так состоялся этот знаменитый брак.

И Володин перебрался в квартиру Гопкис, внеся туда, в общий котел, свою скромную одинокую подушку и другой жидковатый скарб.

фотограф Патрикеев провожал Володина, тряс ему руку и советовал не кидать только что начатого познания в ретушерском деле.

Маргарита Гопкис с досадой махала руками, говоря, что навряд ли Володину понадобится такое кропотливое занятие.

Итак, Володин вошел в новую жизнь, считая, что произошла довольно выгодная комбинация, построенная на точном и правильном расчете.

И он бодро потирал свои руки и мысленно хлопал себя по плечу, говоря:

– Ничего, брат Володин, жизнь и тебе, кажись, начинает улыбаться.

Но это была улыбка не так чтобы слишком веселая.

Слов нет, жизнь нашего Володина переменялась к лучшему. Из проходной, неуютной комнаты он переехал в дивную спальню с разными этажерками, подушками и статуэтками.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Кроме того, питаюсь раньше плохо и скромно всякими огрызками и требухой, он и тут остался в крупном выигрыше. Он кушал теперь разные порядочные блюда – супы, мясо, фрикадельки, помидоры и так далее. Кроме того, раз в неделю, вместе со всей семьей, он пил какао, удивляясь и восторгаясь этому жирному напитку, вкус которого он позабыл за восемь-девять лет своей походной и неудобной жизни. Однако Володин не был на содержании у своей законной жены.

Не переставая работать на поприще фотографии, он сделал крупные успехи и стал получать за свою работу не только благодарность, но и, так сказать, живые деньги.

Хорошая, свежая пища позволяла Володину с особым вдохновением кидаться на работу. И, не имея особого счастья со своей молодой супругой, он уходил в силу этого в работу. И эту работу исполнял до того тонко и художественно, что все снятые физиономии выходили у него теперь совершенно ангельскими и ихние живые владельцы искренне удивлялись такой счастливой неожиданности и снимались все более и более охотно, не жалея никаких денег и засылая, кроме того, в фотографию все новых и новых клиентов.

Фотограф Патрикеев чрезвычайно дорожил теперь своим работником и делал ему надбавку всякий раз, когда клиенты особенно восторгались художественным исполнением.

Вот тут Володин и почувствовал под ногами почву и понял, что теперь его немисливо согнать с занятой позиции.

И он начал полнеть, округляться и приобретать спокойно-независимый вид. Его не стало развозить, а просто его организм начал мудро запасаться жирами и витаминами на черный день и на всякий случай.

Конечно, особого спокойствия и довольствия Володин не имел.

Покушав вволю, и побеседовав с женой на хозяйственные темы, и заказав ей обед на завтра, он оставался в печальном одиночестве, искренне горя, что у него нету особой нежной привязанности к молодой супруге, той привязанности, которая достойно украшает жизнь и делает всякую обыденную собачью ерунду событием и красивой подробностью счастливой жизни. И, имея такие мысли, Володин надевал свою шляпу и выходил на улицу, конечно, предварительно побрившись, поудрив свой элегантный нос и подровняв свои итальянские бачки.

Он шел по улицам и посматривал на проходящих женщин, живо интересуясь, какие они, как они ходят и какие у них лица и мордочки. Он останавливался, смотрел вслед и насвистывал какой-нибудь особенный мотивчик.

Так незаметно проходило время. Проходили дни, недели, месяцы. Так незаметно прошло три года. Молодая супруга Маргарита Гопкис буквально не могла налюбоваться на своего выдающегося супруга.

Она работала все равно как слон, буквально не разгибая спины, желая предоставить своему хозяину наибольшие выгоды. Она, желая скрасить ему существование, покупала всякие приличные и забавные мелочишки, красивые подтяжки, ремешки для часов и прочие вещицы семейного обихода. Но он глядел хмуро и скупно подставлял свои щеки под обильные поцелуи своей сожительницы. Иногда он просто грубо огрызался и отгонял ее, как назойливую муху.

Он начал явно и открыто грустить, задумываться и проклинать свою жизнь.

– Нет, не удалась жизнь, – бормотал наш Володин, стараясь понять, какую ошибку он сделал в своей жизни и в своих планах.

Но вот весной, если не изменяет нам память, 1925 года произошли крупные события в жизни нашего друга, Николая Петровича Володина. Ухаживая за одной довольно миленькой девушкой, он горячо влюбился, или, скажем более проще, – втюрился в нее и даже стал подумывать о коренной перемене своей жизни. Имея теперь приличный заработок, он уже мог думать о новой, более счастливой жизни.

Все ему было мило и прелестно в этой молодой девице. Она, одним словом, вполне отвечала его духовным запросам, имея именно такую внешность, о которой он мечтал

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
всю свою жизнь.

Она была худенькая поэтическая особа с темными волосами и с блестящими, как звезды, глазами. Ее небольшие, крошечные усики особенно приводили в восторг Володина и заставляли его более серьезно обдумывать создавшееся положение.

Но разные семейные подробности и предчувствия громких скандалов и, пожалуй, даже мордобоя заставляли его холодеть и отгонять решительные мысли прочь.

Он стал на всякий случай несколько даже приветливей со своей супругой и, уходя из дому, вкручивал ей что-то относительно своих знакомых друзей, к которым он спешит, и, похлопывая ее по спине, говорил разные приветливые и не оскорбительные слова.

И мадам Володина, понимая, что происходит что-то такое исключительное по своей важности, хлопала глазами и не знала, как ей вести себя – то ли ей кричать и скандалить, то ли несколько обождать, собрав предварительно обличительный материал и улики.

Володин уходил из дому и, встречаясь со своей малюткой, вел ее торжественно по улицам, полный остроумных фраз, вдохновения и бурной, кипящей жизни.

Девушка висла на его руке, щебеча про свои невинные мелкие делишки и про то, что многие женатые кавалеры вообще стремятся к разным несбыточным фантазиям, но что она, несмотря на теперешнюю некоторую распушенность, глядит все же совершенно иначе. И только серьезные обстоятельства могут склонить ее к более определенным фактам. Или, уж конечно, слишком сильная любовь сможет тоже, пожалуй, поколебать ее принципы. Чувствуя в этих словах любовное признание, Володин особенно энергично волок свою даму, бормоча разные безответственные мысли и пожелания.

Они уходили по вечерам на озеро и там, на высоком берегу, на скамейке, а то и просто на траве под сиренью сидели, нежно обнявшись, переживая каждую секунду свое счастье.

Был май месяц, и это дивное время года особенно вдохновляло их своей красотой, свежими красками и легким, упоительным воздухом.

Автор, к сожалению, не имеет крупного поэтического дарования, и он не в силах с легкостью владеть поэтическим лексиконом. Автор искренне горюет, что у него мало способностей к художественному описанию и вообще к современной художественной прозе.

Иначе величественные картины создал бы автор, описывая эти свежие чувства двух влюбленных сердец на чудном фоне весеннего пейзажа, наших природных богатств и душистой сирени.

Автор признается, что он не раз пробовал проникать в секрет художественного описания, в тот секрет, которым с такой завидной легкостью владеют наши современные гиганты литературы.

Однако бледность слов и нерешительность мыслей не позволяли автору слишком углубляться в девственные дебри русской художественной прозы.

Описывая волшебные картины свидания наших друзей, полные поэтической грусти и трепета, автор все же не может побороть в себе искушение окунуться в запретные и сладкие воды художественного мастерства.

И несколько строк описания ночной панорамы автор с любовью посвящает нашим влюбленным.

Только пуцай опытные литераторы-художники не будут слишком строги в оценке этих скромных упражнений. Это нелегкое занятие. Это тяжелый труд.

Однако автор все же попробует окунуться в высокую художественную литературу.

Море булькотело... Вдруг кругом чего-то закурчавилось, затыркало, заколюжило. Это молодой человек рассупонил свои плечи и засупонил руку в боковой карман.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

В мире была скамейка. И вдруг в мир неожиданно вошла папироска. Это закурил молодой человек, любовно взглянув на девушку.

Море булькотело... Трава немолчно шебуршала. Суглинки и супеси дивно осыпались под ногами влюбленных.

Девушка шамливо и раскосо капоркнула, крюкая сирень. Кругом опять чего-то художественно заколюжило, затыркало, закурчавилось. И спектральный анализ озарил Девушка шаловливо и весело улыбулась, нюхая сирень, вдруг своим дивным несказанным блеском холмистую местность...

А ну его к черту! Не выходит. Автор имеет мужество сознаться, что у него нету дарования к так называемой художественной литературе. Кому что дано. Одному господь бог дал простой, грубоватый язык, а у другого язык способен каждую минуту проделывать всякие тонкие художественные ритуалы.

Но автор и не задается на крупное мастерство и снова со своим суконным языком приступает к описанию событий.

Одним словом, не вдаваясь в искусство речи, скажем, что наши влюбленные сидели над озером и вели длинные и нескончаемые любовные беседы, время от времени вздыхая и молча слушая, как булькотело море и шебуршала растительность.

Автор очень всегда удивляется, когда люди говорят о предметах, не задумываясь об их сущности и причинах.

Многие наши видные литераторы и даже крепкие сатирики обычно с легкостью пишут такие, например, слова: "Влюбленные вздыхали".

А почему вздыхали? Отчего они вздыхали? По какой причине влюбленные имеют такую определенную привычку вздыхать?

Объясни, растолкуй неискушенному читателю, если ты носишь звание писателя. Так этого нет. Сказал и до свиданья – отошел к другому предмету с преступной небрежностью.

Автор попытается встрять и в это не его дело. По популярному описанию одного германского зубного врача вздох есть не что иное, как задержка. То есть, он говорит, в нашем организме происходит, говорит, такое, как бы сказать, торможение, задержка каких-то сил, которым мешают пойти по ихнему прямому пути и назначению, и вот происходит вздох.

Человек вздохнул – значит, человеку мешают выполнить его желания. И раньше, когда любовь не была слишком доступна, влюбленным приходилось пружестоко вздыхать. Но, впрочем, и теперь это иногда случается.

Так просто и славно происходит течение нашей жизни, и так ведется скромная, незаметная, героическая работа нашего организма.

Но автору все это не мешает с любовью относиться ко многим превосходным вещам и желаниям.

Итак, наша молодая парочка беседовала и вздыхала. Но уже в июне месяце, когда над озером зацвела сирень, – они вздыхали все реже и реже и наконец совершенно перестали вздыхать и сидели на скамье, склонившись друг к другу, счастливые и упоенные.

Море булькотело. Суглинки и супеси...

А ну его к черту...

В одну из таких славных сердечных встреч, когда Володин сидел с барышней и говорил ей разные поэтические сравнения и рифмы, он обмолвился довольно красивой фразой, которую, без всякого сомнения, он спер откуда-нибудь из хрестоматии, хотя и уверял в противном.

Однако навряд ли он мог бы так сформулировать такую причудливую и поэтическую фразу, достойную разве пера крупного мастера прежней формации.

Наклонившись к барышне и одновременно нюхая о ней ветку сирени, он сказал: "Сирень цветет неделю и отцветает. Так и ваша любовь".

Барышня замерла в совершенном восторге, требуя повторить еще и еще раз эти дивные, музыкальные слова.

И он повторял целый вечер, читая в промежутках стихи Пушкина – "Птичка прыгает на ветке", Блока и других ответственных поэтов.

Вернувшись после этого возвышенного вечера домой, Володин был встречен дикими криками, воплями, грубыми словами.

Вся семья Гопкис совместно с пресловутым братом милосердия Сыпуновым накинулась на Володина и честила его почем зря, называя его жуликом, прохвостом и бабником.

Брат милосердия Сыпунов ходил буквально колесом по квартире, крича, что если женщина слабая, так он заместо нее очень свободно может проломить голову, если понадобится и если такая неблагодарная тварь, как Володин, будет мотаться по ночам, задеря хвост, и будет разрушать семейную слаженную идиллию.

Сама Маргарита, чувствуя неминуемую беду, пронзительно, как свисток, визжала и сквозь свист и стенания кричала, что такую бесчувственную и безобразную скотину надо было бы попросту выгнать и что только любовь, а главное, затраченная молодость удерживает ее от такого поступка.

Володина особенно неприятно поразило, что ревела младшая сестрица Леля, которая, казалось, никакой корысти от него не имела. И своим ревом она только создавала тревожную атмосферу и увеличивала беду до большого семейного скандала.

Эта грубая и некультурная сценка убивала в Володине все возвышенные мысли. Вернувшись домой полный самых глубоких элегантных переживаний, благородных чувств и запаха сирени, он хватался теперь за голову и мысленно проклинал свой опрометчивый шаг в смысле женитьбы на этой оголтелой бабе, которая теперь губит его молодость. И, не повышая голоса, в ответ на скандалы и крики оп, послав к черту всю семью, заперся в своей комнате. И наутро, чуть свет, тихо сложив свои вещи и гардероб, приготовился к отбытию.

И когда брат милосердия ушел на службу, Володин, забрав свои узлы, покинул квартиру, несмотря на стенания и поминутные истерические и обморочные припадки своей дражайшей половины.

Он ушел к своему фотографу, который встретил его с распростертыми объятиями и с неподдельной радостью, предполагая, что Володин начнет ему теперь ретушировать если не даром, то на более экономных основаниях.

Взволнованный собственным своим поступком, Володин наобещал разных дружеских и даровых услуг, не задумываясь о своих словах. Он горел одним желанием – поскорей увидеть свою малютку, чтобы поделиться с ней новым и счастливым оборотом дела.

И в два часа дня он встретился с ней, как всегда, у озера, у часовенки.

И, схватив свою крошку за руку, он стал взволнованно рассказывать ей, украшая свой поступок героическими подробностями и мелочами. Да, он ушел из дому, порвав ненавистные цепи и набив морду брату милосердия.

Барышня была до чрезвычайности обрадована таким сообщением. Он говорила, что вот наконец-то он свободный гражданин и наконец-то он сможет назвать свою рыбку фактической женой.

И как все будет очаровательно, когда они заживут вместе, в одной квартире, под одной кровлей, он – работая, как слон, не покладая рук, она – в хлопотах по хозяйству, за шитьем, за уборкой мусора и так далее и тому подобное.

Володина неприятно вдруг поразило такое слишком нескрываемое желание заполучить его в мужья и оседлать его, сделав добытчиком до конца дней.

Он несколько хмуро поглядел на барышню и стал говорить, что все это очень мило,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
однако еще требуется всесторонне рассмотреть все вопросы, так как он не привык, чтобы любимый человек подвергался лишениям и бедности.

Собственно говоря, это он сказал просто так, желая одернуть барышню в ее материальных расчетах и перевести ее на более возвышенный лад. Ему показалось оскорбительным, что барышня может рассматривать его именно с этой практической, корыстной сюрены.

И, в одно мгновение вспомнив свой брак и свои расчетливые построения, Володин стал испытующе глядеть на девицу, желая проникнуть в ее мысли и в ее сердце, чтоб узнать, нет ли у нее таких же мыслей, какие в свое время были у него.

И Володину показалось, что в глазах девицы горели алчный расчет, выгода и желание поскорей устроить свою судьбу.

– И потом, я просто не имею денег, чтобы сейчас жениться, – сказал он. И вдруг, мгновенно обдумав план действия, он решил выдать себя за бедняка и безработного.

– Да, – повторил он уже более твердо и даже, как бы сказать, торжественно, – я не имею денег, у меня нету денег, и я, к сожалению, не могу обеспечить вас своей работой и своими достатками.

Это было, конечно, неправда, он жил хорошо, и работа у него была, но ему захотелось услышать из уст девушки прелестные и бескорыстные слова мол, ну, как-нибудь, что за счеты, и так далее, и зачем, мол, деньги, когда на сердце такое чувство.

А Оленька Сисяева, как назло, пораженная не столько уверениями, сколько его топом, зашмыгала носиком и забормотала какие-то несложные слова, которые можно было скорее всего принять за досаду и сорвавшиеся мечты.

– Как же, – молвила она наконец, – давеча вы говорили как раз совершенно другие вещи и, напротив того, рисовали разные планы, а сейчас выходит другое. Ну, как же это так?

– А очень просто, – грубо сказал он, – у меня, знаете, уважаемый товарищ, не государственное учреждение, у меня, знаете, положение слишком шаткое и одинокое. И, может, в настоящее время у меня почти что нету работы. Я почти что нуждаюсь в работе. И в дальнейшем сам не знаю, как и чем я буду сводить концы с концами. Возможно даже, что мне придется босиком ходить по дорогам и просить себе пропитание, уважаемый товарищ.

Барышня глядела на него выпуклыми стеклянными глазами, туго соображая, что происходит.

А он нес околесицу и закидывал свою даму картинками бедности, неуютности и предстоящей нужды.

После, перед прощанием, они оба старались смягчить эту небольшую грубую сценку и, гуляя минут десять, беседовали о самых посторонних и даже поэтических вещах. Однако беседа у них не клеилась. И они расстались, она – удивленная и непонимающая, а он – все более и более уверенный в ее тонких расчетах и соображениях.

И, вернувшись в свою пустую проходную комнату, Володин лег на диван и старался разобраться в чувствах и пожеланиях барышни. "Ловко сработано, – думал он, – поддела карася! Небось удивилась, когда про бедность услышала".

Нет, он еще поглядит, какая такая любовь. Может быть, просто расчет.

И, хотя у него не было точной и полной уверенности в ее расчетах, однако он думал так, желая поскорей услышать ее слова и уверения в обратном. Настоящая любовь не останавливается при виде бедности и нищеты. И если она его любит, она возьмет его за руку и скажет ему разные слова, мол, об чем речь, об чем беспокойство? Ваша бедность не пугает меня, будем работать и к чему-нибудь стремиться.

Так раздумывая, он лежал в беспокойстве и нерешимости. Как вдруг на лестнице

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru позвонили. Это звонил брат милосердия Сыпунов, который суровым тоном попросил его следовать за собой на нейтральное место, во двор, чтобы там, на свободе, побеседовать о происшедших делах и поступках.

Беспокоясь и не смея отказываться, Володин надел шляпу и спустился во двор.

Там уже стояла вся семья, оживленно беседуя и горячась.

Не теряя драгоценного времени и слов, брат милосердия Сыпунов подошел к Володину и ударил его булыжником, весом, вероятно, побольше фунта.

Володин не успел отдернуть голову, он только мотнулся в сторону и тем самым несколько ослабил удар. Булыжник, скользя по шляпе, слегка рассек ухо и кожу щеки.

Володин, закрыв руками лицо, бросился назад. И тотчас ему вдогонку полетело еще два-три камня, пущенных энергичной рукой защитника слабых женщин. Володин одним духом взмахнул по лестнице и поспешно закрыл за собой дверь.

Брат милосердия кинулся за ним и некоторое время из хулиганских побуждений бил ногами в дверь, приглашая Володина выйти и поговорить еще раз, но уже более спокойно и без мордобития.

Володин, зажав рукой раненое ухо, стоял за дверью, удерживая дыхание. Сердце его отчаянно колотилось. Испуг сковал ему ноги.

Брат милосердия, поколотив еще в дверь, сказал, что если так пойдет, то его, подлеца, схватят всей семьей и оболют серной кислотой. Если, конечно, он не одумается и не вернется к исполнению своих обязанностей.

Побитый и потрясенный, Володин лежал на диване, думая, что все рухнуло и все погибло.

Он не видел никакого утешения. Даже любовь была теперь под сомнением. Его чувство, было обмануто и оскорблено грубым расчетом и соображением.

И, подумав об этом, Володин снова стал сомневаться, так ли это.

Ну, а если это не так, то он пойдет к ней и целиком убедится.

Да, он пойдет к ней и все скажет. Он скажет, что жизнь обостряется, что он с опасностью для своей жизни идет к намеченным идеалам, но зато она должна знать, окончательно и раз навсегда, что он ничего буквально не имеет. Он нищий, без куска хлеба и без всякой работы. Хочет она – пушай на риск выходит замуж за такого. Не хочет – пожмем друг другу ручки и разойдемся, как в море корабли.

Он хотел было тотчас побежать к ней, чтоб доложить ей эти последние слова, но было уже поздно, и он, сняв окровавленный пиджак, промыл под краном свое разорванное ухо и, обвязав голову полотенцем, лег спать.

Он плохо спал, ворочался и громко мычал во сне, так что фотограф принужден был дважды окликать его, чтоб перебить ему мычание.

Брат милосердия Сыпунов – этот грубый и некультурный субъект действительно припер откуда-то бутылку с серной кислотой.

Он поставил ее на окно и прочел обеим сестрицам краткую лекцию о пользе этой жидкости.

– Маленько плеснуть никогда не мешает, – говорил он сестрам, картинно изображая в лицах момент обличия. – Особенно, конечно, глаза не надо вытравливать, по нос и другие предметы, безусловно, можно потревожить. Тем более, имея после того красную морду, пострадавший не будет слишком привлекательный господин, и девицы, без всякого сомнения, перестанут на него кидаться, и он тогда как миленький снова вернется в свое стойло. А суд, конечно, найдет разные обстоятельства и даст условное покаяние.

Маргарита Гонкие ахала, вздыхала и заламывала свои руки, говоря, что если это

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
так нужно, то она предпочла бы плеснуть в лицо этой усатой, черномазой бабенке, которая испортила ее счастье.

Однако, считая, что вернуть его обратно с неиспорченной личностью нету возможности, она, снова ахая, соглашалась, говоря, что надо бы слегка, из гуманных соображений, разбавить эту ядовитую жидкость.

Брат милосердия гремел своим голосом и стучал бутылкой о подоконник, говоря, что в крайнем случае, если на то пошло, можно, конечно, и двоих облить к чертовой матери, что оба они два весьма ему примелькались и беспокоят его характер. И что он еще бы и третьего кого-нибудь облил, хотя бы для примера ту же мать этой чернявой девчонки – зачем она настолько распускает свою дочку, позволяет трепаться с уже занятым человеком. Что же касается до разбавления жидкости, то это ни к чему не приведет, так как химия есть точная наука и она требует определенного состава. И не с ихним образованием менять научные формулы.

Всю эту семейную сцену покрывала своим рыданием младшая сестрица Леля, которая предчувствовала новые крупные потрясения.

Автор спешит успокоить уважаемых читателей, что особенно серьезного дела не вышло из этого. И все окончилось если и не совсем благополучно, то приблизительно. Но испуг был громадный. И много горя в связи с этим потрясением пришлось хлебнуть нашему другу Володину.

На другой день, побрившись и попудрив свое поврежденное ухо, Володин вышел на улицу, спеша к своей крошке.

Он шел по улице и бурно жестикулировал, беседуя вслух с самим собой.

Он придумывал всякие каверзные вопросы, которые он задаст ей и которые должны вскрыть подпольную и корыстную игру молодой девушки.

Она находится в бедности, она висит на своей мамаше, она желает устроить свою судьбу. Но она жестоко ошибается. Да, он, пусть она знает, ничего не имеет. Он весь тут. Вот один галстук и одни штаны. И к тому же он безработный, без всяких надежд на будущее. А его фотографическое дело ничего ему не дает. И, кроме непосильных расходов на карандаши и резинки, он ничего не видит. И если он этим занимается, то исключительно из любезности и дружбы к фотографу Патрикееву, уступившему ему свой диван и комнату.

Так он ей скажет и посмотрит, в чем дело.

Он шел торопливо, не замечая никого и ничего не слыша.

На углу у пустыря навстречу шла его бывшая супруга Маргариточка Гонкие.

Увидев ее, Володин смертельно побледнел и, как зачарованный, не сводя с нее глаз, медленно пошел к ней.

На расстоянии трех шагов Маргарита, тихо что-то закричав, взмахнула рукой и снизу вверх плеснула в Володина кислотой.

Было большое расстояние, и пузырек был с узким горлышком, так что только несколько капель попало Володину на костюм.

Володин побежал в сторону, пронзительно визжа и хлопая себя ладонями по лицу, желая удостовериться, цела ли его физиономия.

И, уверившись в благополучном исходе, он снова повернулся и бросился на Маргариту Гонкие, которая, как тень, стояла подле забора. Володин схватил ее за горло и начал трясти, ударяя ее головой об забор, крича какие-то неясные фразы.

Это все происходит на пустынной и глухой улице, по которой Володин имел обыкновение ходить на свидание к своей крошке.

Но, несмотря на это, народ стал подходить с других улиц, с любопытством всматриваясь, какое зрелище им предстоит увидеть.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Но зрелище подходило к концу. Беспokoясь, что его поволокут в часть, Володин перестал трясти свою мадам и быстро, не оглядываясь, пошел домой.

Он был потрясен и взволнован. Зубы его били барабанную дробь.

Почти бегом он вернулся домой и заперся в квартире.

Конечно, он не мог теперь, в таком виде, пойти к своей крошке.

Его била лихорадка. Его ноги дрожали, и зубы ляскали.

Володин полежал некоторое время на диване. Потом стал ходить по комнате, с испугом поглядывая в окно и прислушиваясь к шуму.

И он не выходил весь день, боясь, что брат милосердия прикончит его во дворе или сделает его калекой, переломав ему руки и ребра.

Он провел день в смертельной тоске без всякой пищи. Он только пил воду в неимоверном количестве, охлаждая и заливая внутренний жар.

И целую ночь, не сомкнув глаз, он обдумывал создавшееся положение, стараясь найти какой-нибудь приличный и неоскорбительный выход. И такой выход он нашел, придя к мысли, что необходимо заключить перемирие с бывшей женой и ее ангелом-хранителем, товарищем Сыпуновым. Он не подаст на них в суд за покушение на убийство, а за это пусть они его не добивают до смерти.

Успокоившись на этом, он мысленно перекинулся на другой, не менее важный фронт и стал думать в сотый раз, как и какие новые решительные слова он скажет своей малютке для того, чтобы получить настоящего человека с бескорыстным чувством, а не хитрую бабу с ее практическими штучками. И для достижения этой цели он не остановится ни перед какими трудностями и затратами. Да, он объявит себя безработным человеком и первое время будет тайком от нее работать у своего фотографа, с тем чтобы окончательно убедиться, что барышня не имеет никаких расчетов и внутренних соображений.

И Володину уже мысленно рисовались сцены, когда он, подняв воротничок своего пиджачка и тщательно занавесив окна, тайком работает, не покладая рук, день и ночь ретушируя фотографические снимки. Он работает так цельный месяц, или два месяца, или даже год и откладывает деньги, абсолютно не тратя их. И наконец, убедившись в своей крошке, он приносит к ее ногам груды денег и умоляет простить его за такой поступок и проверку.

И барышня, со слезами на глазах, отстранит, возможно что, его деньги, – мол, что вы, к чему это, зачем столько много, это, мол, портит отношения.

И тут наступит безоблачное счастье и наступит дивная, неповторимая жизнь.

Слезы радости показывались на глазах Володина, когда он думал о таком исходе дела. И он энергично вращался на своем диване, скрипя всеми пружинами и вытирая глаза рукавом рубашки.

Но потом он снова думал о своих горестях, о мордобое и о всех последних мрачных делах.

И тогда он буквально холодел и, пугаясь задним числом за свою нетронутую наружность, вскакивал со своего дивана и снова подбегал то к зеркалу, чтоб еще раз удостовериться в сохранности лица, то к костюму, разглядывая прожженную ткань.

Так беспokoйно и тяжело он провел целую ночь, слегка вздремнув только под самое утро.

А утром, с серым лицом и мутными глазами, он стал торопливо собираться по своим делам, решив в первую очередь навестить свою барышню, чтобы приступить поскорей к выполнению своего плана. После того он выкинет белый флаг и войдет в переговоры со своими родственниками.

И, выйдя на лестницу, Володин стал, по своей привычке, чистить сапоги, лакируя

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
их бархаткой до ослепительного блеска.

Он уже вычистил один сапог, как вдруг, вероятно от холода лестницы, икнул. Он икнул раз, потом еще раз, потом, через несколько секунд, еще несколько раз.

Откашлявшись и сделав тут же небольшую зарядовую гимнастику, Володин принялся энергично тереть другой сапог. Но так как икота не проходила, он пошел на кухню и, взяв там кусочек сахара, принялся сосать его, находя совершенно неловким разговаривать с любимым человеком, имея такой дефект речи.

Однако икота все еще не проходила. И он икал теперь правильно, как машина, через определенный промежуток времени в полминуты.

Слегка взволнованный новым неожиданным препятствием, мешающим увидеть дорогого человека, он принялся ходить по комнате, распевая полным голосом веселые и комические песенки, чтобы не поддаться внутренней тревоге и тоске.

Походив так около часу, он присел на край дивана и вдруг с ужасом убедился, что его икота не только не уменьшилась, но, наоборот, стала гуще и звучней, и только промежутки между двумя схватками увеличились почти до двух минут.

И в эти промежутки Володин сидел неподвижно, почти затаив дыхание, со страхом поджидая новой горловой судороги. И, икнув, он вскакивал, взмахнув руками, и убитым, потусторонним взором смотрел вперед, ничего не видя.

Промаявшись так до двух часов дня, он поделился этой бедой со своим сожителем фотографом. Фотограф Патрикеев легкомысленно засмеялся и назвал это сущим пустяком и вздором, который с ним случается почти что всякий день. Тогда Володин, собрав остатки своего мужества, отправился к своей Оленьке Сисяевой.

Он икал всю дорогу, вздрагивая всем телом и махнув рукой на всякие приличия.

И, подходя к дому девушки, он, как назло, стал икать до того часто и энергично, что прохожие оборачивались и ругали его ослом и другими словами.

И, вызвав девушку стуком в окно, Володин приготовился к решительному объяснению, пере забыв, правда, по случаю новой беды, все свои каверзные вопросы.

Извинившись за свою чисто нервную икоту, которая вызвана, видимо, простудой и малокровием, Володин элегантно поцеловал ручку Оленьке, икнув пару раз при этом несложном процессе.

Думая, что он выпил с горя, Оленька Сисяева заморгала ресницами, приготовившись дать ему суровую отповедь. Но он, думая больше о своей болезни, несвязным языком залепетал слова о том, что он безработный, у которого только и капитала, что один галстук и штаны.

И что пусть Оленька по этой причине скажет лучше сейчас, согласна ли она пойти за такого, которого ждет жалкая судьба и с которым, может, придется ходить по миру, как со слепцом, и просить на пропитание. Или она действительно его любит, несмотря ни на что.

Оленька Сисяева, слегка покраснев, сказала, что, к сожалению, довольно поздно сейчас задавать тому подобные вопросы. Тем более она, как выяснилось вчера, находится в положении, и довольно странно и глупо в ее положении слышать подобные речи. И что муж – это есть муж, и его долг как-нибудь кормить свою будущую семью.

Пораженный новым открытием и не получив решительного ответа на свои мысли и сомнения, Володин, сбитый с толку, окончательно потерял нить своего плана и изумленно глядел теперь на барышню, икая при этом время от времени.

Затем он, схватив ее за руки, сказал, что пусть она хотя бы в таком случае скажет – любит ли она его и охотно ли идет на такой шаг.

И девушка, мило улыбнувшись, сказала, что, конечно, без сомнения, она его любит, но только ему необходимо серьезно полечиться от его нервной икоты и что она не мыслит себе мужа с подобным странным дефектом.

И здесь, распрощавшись, они расстались, она – уверенная в себе, он полный нерешимости и даже отчаяния от того, что ему так и не удалось достоверно узнать про чувство барышни.

Это было очень странно и удивительно, но икота у Володина не проходила.

Вернувшись домой, он пораньше лег спать с тайной надеждой, что утром все пройдет и снова наступит простая, великолепная человеческая жизнь. Однако, проснувшись, он убедился, что беда не проходит. Правда, он икал теперь редко, примерно один раз в три минуты, но все же икал и не видел никаких признаков облегчения.

И, не вставая со своего дивана и холодея от мысли, что это недомогание останется у него на веки веков, Володин пролежал цельный день и ночь, изредка выбегая на кухню попить холодной водички.

Наутро, снова подняв голову с подушки и убедившись, что икота продолжается, Володин совершенно упал духом. Он перестал сопротивляться природе и, покорно отдавшись судьбе, лежал, как покойник, время от времени вздрагивая телом под бременем своей нервной икоты.

фотограф Патрикеев, обеспокоенный странным положением своего жильца, начал всерьез пугаться, как бы на его шее не остался инвалид, который будет круглые сутки икать и тем самым отпугивать его клиентов и посетителей.

И, ничего не сказав Володину, он побежал до этой роковой Оленьки Сисяевой, чтобы пригласить ее к кровати больного, желая тем самым поскорей снять с себя всякую моральную и материальную ответственность и заботы по уходу.

Он пришел к ней и стал умолять ее прийти, говоря, что ее дружок если и не совсем плох, то находится в крайне странном положении. И что ему необходима помощь.

Девушка, сконфуженная такой исключительной болезнью своего жениха, не могла особенно высказывать свою печаль и тревогу. Тем не менее она тотчас согласилась навестить больного.

Несколько взволнованная бедным и неуютным видом комнаты и скудностью имущества, барышня остановилась на пороге, не решаясь сразу подойти к больному.

При виде барышни больной вскочил с дивана, потом снова лег, поскорее прикрывая свой растерзанный туалет.

Барышня, придвинув к дивану табурет, присела, с тоской глядя, как ее жениха дергала болезнь.

Весть о больном, который икает трое суток, несколько взбудоражила местное население ближайших домов. Слухи о любовной драме усилили любопытство граждан. И в квартиру началось буквально паломничество, которое невозможно было остановить силами одного фотографа. Все хотели поглядеть, как невеста относится к жениху, и чего она ему говорит, и как он при своей икоте ей отвечает.

Тут же, среди других граждан, колбасился и наш брат милосердия Сыпунов, не рискуя, впрочем, входить в комнату, чтобы не напугать больного.

Как ближайший родственник и медработник, он, окруженный толпой любопытных, авторитетно говорил о состоянии больного, объясняя, что к чему и в чем дело.

Безусловно, он не предполагал такого исхода. Он попугал человека, слов нет, но им двигало чувство справедливости, а также родственные связи с Маргаритой Гопкис, которая на склоне лет остается как-никак без человека.

Однако печальные картины болезненного состояния очень его растрогали, тем более он совершенно считается с чувством любви и, безусловно, никому теперь не позволит пальцем тронуть его бывшего родственника, Николая Петровича Володина. А Маргариточка в крайнем случае пускай сама как-нибудь проведет свою жизнь. Что же касается болезни, то это скорее всего чисто нервное заболевание на простудной почве. И что у них в больнице на простудной почве черт знает какие болезни происходят – и ничего, многие остаются живы.

фотограф Патрикеев, боясь, что в толкотне и сумятице разворуют его фотографические принадлежности, поднял крик, убеждая публику разойтись, иначе он вызовет милицию и силой прекратит безобразие.

Брат милосердия, получив директивы от фотографа, стал выпирать назойливую публику, махая треножником и оттесняя посетителей на кухню и лестницу. Он чество просил расходиться и не вызывать его на более решительные действия.

Увидев такое безобразие, полную огласку дела и открытый срам, барышня Оленька Сисяева стала лепетать, что надо бы больного отвезти в больницу или же в крайнем случае хотя бы пригласить коммунального врача, который может удалить лишнюю публику.

Среди посетителей находился, между прочим, один такой бывший интеллигент, некто Абрамов, который заявил, что врач тут, безусловно, ни при чем, что врач сорвет трояк и наделает таких делов, после которых уже больного навряд ли можно поправить.

И что лучше пуцай дозвоят ему произвести опыт, который в самом корне подорвет это заболевание.

Этот некто Абрамов не носил звания врача или ученого, по он глубоко понимал многие вопросы и любил лечить граждан от всяких болезней и страданий своими домашними средствами.

Так и тут: он сказал, что картина заболевания ему слишком ясна. Что это есть неправильное движение организма. И что надо поскорее перебить это движение. Тем более организм имеет, так сказать, свою инерцию и как валадит на одно, так прямо нет спасения. От этого, дескать, происходят почти что все наши болезни и недомогания. И это, дескать, необходимо лечить энергично, давая сильную встряску организму, который, дескать, слепо работает, не разбираясь, куда его колесья крутятся и что из его работы выйдет.

Он велел посадить больного на стул, а сам, грубо насмехаясь над врачами и медициной, вышел на кухню, чтобы там начать свои научные приготовления.

Там он, с помощью брата милосердия, нацедил полное ведро холодной воды и, выбежав осторожно, на цыпочках, из-за двери, вдруг с криком опрокинул всю эту воду на голову больному, который, мало чего соображая, беспечно сидел до этого на стуле, как мешок с картофелем.

Позабыв про свою болезнь, Володин полез было драться и вообще стал после этой процедуры буйствовать, выгоняя народ из помещения и порываясь побить своего доморощенного лекаря.

Но вскоре Володин утих и, переменяв платье, задремал, положив голову на колени своей малютки.

На другое утро он встал совершенно здоровый и, побрившись и приведя себя в порядок, стал жить как обычно.

Конечно, автор не собирается утверждать, что это домашнее лечение подействовало исцеляюще. Скорей всего болезнь сама по себе прошла. Тем более что три-четыре дня – срок изрядный, хотя, конечно, медицина знает и более длительные сроки для этой болезни. Так что прохладная водица могла все же доброкачественно подействовать на замороженные мозги нашего больного и тем самым ускорила исцеление.

Через несколько дней Володин записался со своей малюткой и перебрался на жительство в ее скромные апартаменты.

Ихний медовый месяц прошел тихо и вполне безмятежно.

Брат милосердия окончательно сменил гнев на милость и даже раза два заходил к молодым с визитом, причем один раз милостиво занял трешку, не обещая, впрочем, ее вернуть. Зато он дал торжественное обещание не убивать и не трогать больше Володина ни при каких обстоятельствах.

Что касается заработка и вообще содержания, то Володину пришлось сознаться в своей клевете. Ну да, он немного приврал, желая испытать ее любовь. В этом нет ничего оскорбительного.

И говоря об этом, он умолял ее еще раз сказать, знала ли она, что он нарочно соврал, или же она не знала и пошла за него по бескорыстному чувству.

И дамочка, задумчиво смеясь, уверяла его в последнем, говоря, что она сначала, конечно, не знала о его вранье и боялась, что он действительно ничего за душой не имеет. Но потом-то она определенно догадалась о его слишком прозрачных действиях. Ну, да она не имеет на него претензий это его законное право узнать про свою будущую супругу.

И, слушая эти дамские речи, Володин мысленно сердился и называл себя ослом и бараном за то, что не смог досконально подловить и проверить барышню.

Впрочем, конечно, что же он мог сделать? Тем более его злокачественная болезнь подкузьмила – она лишила его энергии и воли и окончательно заморочила ему голову. И в силу этого он не мог решить задачу достойным образом. Тем более барышня запросто обыграла его, козырнув с туза своим положением. Но в дальнейшем какнибудь все само выяснится.

Что же касается Маргариточки Гонкие, то она продолжала сердиться и однажды, встретившись с Володиным на улице, не ответила на его сдержанный поклон, отвернув в сторону свой профиль.

Это мелкое событие тяжело тем не менее отразилось на Володине, который последнее время хотел, чтобы в жизни все было гладко и мило и чтоб голуби по воздуху порхали.

В тот день он снова несколько заволновался, вспоминая последние события своей жизни.

Ночью ему не спалось. Он ворочался в кровати и хмуро, испытующе смотрел на свою супругу.

Молодая дама спала, распустив свои губы, причмокивая и всхлипывая.

У нее был расчет, думал Володин. Она, безусловно, все знала. И, конечно, не пошла бы за него, если б он ничего не имел. И в своей тоске и беспокойстве Володин поднялся с кровати, походил по комнате, подошел к окну. И, прижав пылающий лоб к стеклу, долго глядел, как в темном саду от ветра покачивались деревья.

Потом, беспокоясь, что ночная прохлада может снова вызвать заболевание, Володин заспешил к кровати. Он долго лежал с открытыми глазами, водя пальцем по рисунку обоев.

"Да, без сомнения, она знала, что я приврал", – снова подумал Володин засыпая.

А наутро он встал веселый и спокойный и о грубых вещах старался больше не думать. А если и думал, то вздыхал и махал ручкой, предполагая, что без корысти никто никогда и ничего не делает.

1929

МИШЕЛЬ СИНЯГИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта повесть есть воспоминание об одном человеке, об одном малоизвестном, небольшом поэте, с которым автор сталкивался в течение целого ряда лет.

Судьба этого человека автора чрезвычайно поразила, и в силу этого автор решил написать такие, что ли, о нем воспоминания, такую, что ли, биографическую повесть, не в назидание потомству, а просто так.

Не все же писать биографии и мемуары о замечательных и великих людях, об их

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
поучительной жизни и об их гениальных мыслях и достижениях. Кому-нибудь надо откликнуться и на переживания других, скажем, более средних людей, так сказать, не записанных в бархатную книгу жизни.

Причем жизнь таких людей, по мнению автора, тоже в достаточной мере бывает поучительна и любопытна. Все ошибки, промахи, страдания и радости ничуть не уменьшаются в своем размере от того, что человек, ну, скажем, не нарисовал на полотне какой-нибудь прелестный шедевр – "Девушка с кувшином", или не научился быстро ударять по рояльным клавишам, или, скажем, не отыскал для блага и спокойствия человечества какую-нибудь лишнюю звезду или комету на небосводе.

Напротив, жизнь таких обыкновенных людей еще более понятна, еще более достойна удивления, чем, скажем, какие-нибудь исключительные и необыкновенные поступки и чудачества гениального художника, пианиста или настройщика. Жизнь таких простых людей еще более интересна и еще более доступна пониманию.

Автор не хочет этим сказать, что вот сейчас вы увидите что-то такое исключительно интересное, поразительное по силе переживаний и страстям. Нет, это будет скромно прожитая жизнь, описанная к тому же несколько торопливо, небрежно и со многими, наверно, погрешностями. Конечно, сколько возможно, автор старался, но для полного блеска описания не было у него такого, что ли, нужного спокойствия духа и любви к разным мелким предметам и переживаниям. Тут не будет спокойного дыхания автора, судьба которого оберегается и лелеется золотым веком.

Тут не будет красоты фраз, смелости оборотов и восхищения перед величием природы.

Тут будет просто правдиво изложенная жизнь. К тому же несколько суетливый характер автора, его беспокойство и внимание к другим мелочам заставляют его иной раз пренебречь плавным повествованием для того, чтобы разрешить тот или иной злободневный вопрос или то или иное сомнение.

Что касается заглавия книги, то автор согласен признать, что заглавие сухое и академическое, – мало чего-нибудь дает уму и сердцу. Но автор оставляет это заглавие временно. Автор хотел назвать эту книгу иначе, как-нибудь, например: "у жизни в лапах" или "жизнь начинается послезавтра". Но и для этого у него не хватило уверенности и нахальства. К тому же эти заглавия, вероятно, уже были в литературном обиходе, а для нового заглавия у автора не нашлось особого остроумия и изобретательности.

1930

МИШЕЛЬ СИНЯГИН

Через сто лет. О нашем времени. О приспособляемости. О дуэлях. О чулках. Пролог истории.

Вот в дальнейшем, лет этак, скажем, через сто или там немного меньше, когда все окончательно утрясется, установится, когда жизнь засияет несказанным блеском, какой-нибудь гражданин, какой-нибудь этаким гражданином с усиками, в этакое, что ли, замшевом песочном костюмчике или там, скажем, в вечерней шелковой пижаме, возьмет, предположим, нашу скромную книжку и приляжет с ней на кушетку. Он приляжет на сафьяновую кушетку или там, скажем, на какой-нибудь мягкий пуфик или козетку, обопрет свою душистую голову на чистые руки и, слегка задумавшись о прекрасных вещах, раскроет книгу.

– Интересно, – скажет он, кушая конфетки, – как это они там жили в свое время.

А его красивая молодая супруга – или там, скажем, подруга его жизни тут же рядом сидит в своем каком-нибудь исключительном пенъюаре.

– Андреус (или там Теодор), – скажет она, запахивая свой пенъюар, охота тебе, скажет, читать разную муру? Только, скажет, нервы себе треплешь на ночь глядя.

И сама, может, возьмет с полки какой-нибудь томик в пестром атласном переплете – стихи какого-нибудь знаменитого поэта – и начнет читать:

В моем окне качалась лилия.
Я весь в бреду.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Любовь, любовь, моя идиллия,
Я к вам приду.

Вот как представит себе автор на минутку такую акварельную картину, так и перо у него валится из рук – неохота писать, да и только.

Конечно, автор не утверждает, что именно такие сценки будут наблюдаться в будущей жизни. Нет, это как раз маловероятно. Это только минутное предположение. На это только полпроцента можно положить. А скорей всего, напротив того, будет очень такое, что ли, здоровое, сочное поколение.

Этакие будут загорелые здоровяки, одевающиеся скромно, но просто, без особой претензии на роскошь и щегольство.

К тому же, может, такие паршивые лирические стишки они и читать-то вовсе не будут или будут их читать в исключительных случаях, предпочитая им наши прозаические книжки, которые будут брать в руки с полным душевным трепетом и с полным почтением к их авторам.

Однако как подумает автор о таких настоящих читателях, так опять появляются затруднения и снова перо вываливается из рук.

Ну что автор может дать таким прекрасным читателям?

Сердечно признавая все величие нашего времени, автор тем не менее не в силах дать соответствующее произведение, полностью рисуя нашу эпоху. Может быть, автор растратил свои мозги на мелкие повседневные мещанские дела, на разные личные огорчения и заботы, но только ему не по силам такое обширное произведение, которое сколько-нибудь заинтересует будущих уважаемых читателей. Нет, уж лучше закрыть глаза на будущее и не думать о новых грядущих поколениях. Лучше уж писать для наших испытанных читателей.

Но тут опять являются сомнения, и перо валится из рук. В настоящее время, когда самая злободневная и даже необходимая тема – отсутствие тары или устройство силосов, – возможно, что просто нетактично писать так себе, вообще о переживаниях людей, которые, в сущности говоря, даже и не играют роли в сложном механизме наших дней.

Читатель может просто обругать автора свиньей.

– Эва, – скажет, – смотрите, чего еще один пишет. Описывает, холера, переживания. Смотрите, скажет, сейчас, чего доброго, начнет про цветки поэмы наворачивать.

Нет, про цветки автор писать не станет. Автор напишет повесть, по его мнению даже весьма необходимую повесть, так сказать подводящую итоги прошлой жизни, – повесть про одного незначительного поэта, который жил в наше время. Конечно, автор предвидит жестокую критику в этом смысле со стороны молодых и легкомысленных критиков, поверхностно глядящих на такие литературные факты.

Однако совесть у автора чиста. Автор не забывает и другой фронт и не гнушается писать о прогулах, о силосовании и о ликвидации неграмотности. И даже, напротив, та скромная работа как раз ему по плечу.

Но наряду с этим у автора имеется чрезвычайное стремление как можно скорей написать свои воспоминания об этом человеке, ибо в дальнейшем жизнь перешагнет его, и все забудется, и травой зарастет та тропинка, по которой прошел наш скромный герой, наш знакомый и, прямо скажем, наш родственник М. П. Синягин.

И это последнее обстоятельство позволило автору видеть всю его жизнь, все мелочи его жизни и все события, развернувшиеся в последние годы. Вся личная жизнь его прошла, как на сцене, перед глазами автора.

Вот тот, который с усиками и в замшевом костюмчике, если, не дай бог, он проскользнет в будущее столетие, наверное, слегка удивится и запылится на своей сафьяновой козетке.

– Милуша, – скажет он, приглаживая свои усишки, – интересно, скажет. У них, скажет, какая-то личная жизнь была.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Андреус, – скажет она грудным голосом, – не мешай, скажет, ради бога, я стихи читаю...

А в самом деле, читатель, какой-нибудь этакий с усиками в его спокойное время прямо нипочем правильно не представит нашей жизни. Он, наверно, будет думать, что мы все время в землянках сидели, воробьев кушали и вели какую-нибудь невысказанную дикую жизнь, полную ежедневных катастроф и ужасов.

Правда, надо прямо сказать, что многие и не имели так называемой личной жизни – они отдавали все силы и всю волю для своих идей и для стремления к цели. Ну, а которые помельче, те, безусловно, ловчились, приспособлялись и старались попасть в ногу со временем, для того чтобы прилично прожить и поплотнее покушать.

И жизнь шла своим чередом. Происходили любовь, и ревность, и деторождение, и разные великие материнские чувства, и разные тому подобные прекрасные переживания. И мы ходили с девушками в кино. И катались на лодках. И пели под гитару. И кушали вафли с кремом. И носили модные носочки в полоску. И танцевали фокстрот под домашний рояль.

Нет, так называемая личная жизнь шла понемножку, как она всегда и при всех любых обстоятельствах идет.

И любители такой жизни по мере своих сил приспособлялись и принарамливались.

Так сказать, каждая эпоха имеет свою психику. И в каждую эпоху пока что было одинаково легко или, вернее, одинаково трудно жить.

Вот, для примера, на что уж беспокойный век, ну, скажем, шестнадцатый. Нам издали поглядеть – так прямо невысказанным кажется. Чуть не каждый день в то время на дуэлях дрались. Гостей с башен сбрасывали. И ничего. Все в порядке вещей было.

Нам-то, с нашей психикой, прямо боязно представить себе подобную ихнюю жизнь. Для примера, какой-нибудь там ихний феодальный виконт или там бывший граф идет погулять.

Вот идет он погулять и, значит, шпагу сбоку прищипывает: мало ли, кто-нибудь его сейчас, боже сохрани, плечом пихнет или обругает – сразу надо драться. И ничего.

Идет на прогулку, и даже на морде никакой грусти или паники не написано. Напротив того, идет и даже может быть, улыбается и насвистывает. Ну, жену небрежно на прощанье поцелует.

– Ну, – скажет, – ма шер, я того... пошел прогуляться.

И та – хоть бы что.

– Ладно, – скажет, – не опоздай, скажет, к обеду.

Да в наше время жена бы рыдала и за ноги бы цеплялась, умоляя не выходить на улицу, или в крайнем случае просила бы обеспечить ей безбедное существование. А тут просто и безмятежно. Взял шпажонку, поточил ее, если она затупилась от прежней стычки, и пошел побродить до обеда, имея почти все шансы на дуэль или столкновение.

Надо сказать, если б автор жил в ту эпоху, его бы силой из дому не выкурили. Так бы всю жизнь и прожил бы взаперти, вплоть до нашего времени.

Да, с нашей точки зрения неинтересная была жизнь. А там этого не замечали и жили поплеывая. И даже ездили в гости к имеющим башни.

Так что в этом смысле человек очень великолепно устроен. Какая жизнь идет – в той он и прелестно живет. А которые не могут, те, безусловно, отходят в сторону и не путаются под ногами. В этом смысле жизнь имеет очень строгие законы, и не всякий может поперек пути ложиться и иметь разногласия.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Так вот, сейчас перейдем к главному описанию, из-за чего, собственно, и началась эта книга. Автор извиняется, если он чего-нибудь лишнее сболтнул, не идущее к делу. Уж очень все такие нужные вопросы, требующие немедленного разрешения.

А что до психики, так это очень верно. Это вполне историей проверено.

Так вот, сейчас со спокойной совестью мы перейдем к воспоминаниям о человеке, который жил в начале двадцатого века.

По ходу повествования автор принужден будет касаться многих тяжелых вещей, грустных переживаний, лишений и нужды.

Но автор просит не выносить об этом поспешного заключения.

Некоторые нытики способны будут все невзгоды приписать только революции, которая происходила в то время.

Очень, знаете, странно, но тут дело не в революции. Правда, революция сбила этого человека с позиции. Но тут, как бы сказать, во все времена возможна и вероятна такая жизнь. Автор подозревает, что такие именно воспоминания могли быть написаны о каком-нибудь другом человеке, жившем в другую эпоху.

Автор просит отметить это обстоятельство.

Вот у автора был сосед по комнате. Бывший учитель рисования. Он спился. И влачил жалкую и неподобающую жизнь. Так этот учитель всегда любил говорить:

– Меня, говорит, не революция подпилила. Если б и не было революции, я бы все равно спился, или бы проворовался, или бы меня на войне подстрелили, или бы мне в плену морду свернули на сторону. Я, говорит, заранее знал, на что иду и какая мне жизнь предстоит.

И это были золотые слова.

Автор не делает из этого мелодрамы. Нет, автор уверен в победном шествии жизни, вполне годной для того, чтобы прожить припеваючи. Уж очень много людей сейчас об этом думают и ломают себе головы, стараясь потрогать человека в этом смысле.

Конечно, еще, так сказать, пролог истории. Еще жизнь не утряслась. Говорят, люди двести лет назад чулки-то стали впервые носить.

Так что все в порядке. Хорошая жизнь не за горами.

Рождение героя Молодость Созерцательное настроение Любовь к красоте О нежных душах. Об Эрмитаже и о замечательной скифской вазе
Михаил Поликарпович Синягин родился в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году в имении Паньково Смоленской губернии.

Мать его была дворянка, а отец почетный гражданин.

Но поскольку автор был моложе М. П. Синягина лет на десять, то ничего такого путного автор и не может сказать об его молодых годах вплоть до 1916 года.

Но поскольку его всегда – и даже в сорок лет – называли Мишелем, было видно, что он имел нежное детство, внимание, любовь и душевную ласку. Его называли Мишелем – и верно, его нельзя было назвать иначе. Все другие, грубые наименования мало шли к его лицу, к его тонкой фигуре и к его изящным движениям, исполненным грации, достоинства и чувства ритма.

Кажется, что он окончил гимназию, и, кажется, два или три года он еще где-то такое проучился. Образование у него было, во всяком случае, самое незаурядное.

В 1916 году автор, с высоты своих восемнадцати лет, находясь с ним в одном и том же городе, невольно наблюдал его жизнь и был, так сказать, очевидцем многих важных и значительных перемен и событий.

М. П. Синягин не был на фронте по случаю ущемления грыжи. И в конце европейской войны он слонялся по городу в своем штатском макинтоше, имея цветок в петлице и

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
изящный, со слоновой ручкой, стек в руках.

Он ходил по улицам всегда несколько печальный и томный, в полном одиночестве, бормоча про себя стишки, которые он в изобилии сочинял, имея все же порядочное дарование, вкус и тонкое чутье ко всему красивому и изящному.

Его восхищали картины печальной и однообразной псковской природы, березки, речки и разные мошки, кружащиеся над цветочными клумбами.

Он уходил за город и, сняв шапку, с тонкой и понимающей улыбкой следил за игрой птичек и комариков.

Или, глядя на движущиеся тучные облака и закинув голову, тут же сочинял на них соответствующие рифмы и стихи.

В те годы было порядочное количество людей высокообразованных и интеллигентных, с тонкой душевной организацией и нежной любовью к красоте и к разным изобразительным искусствам.

Надо прямо сказать, что в нашей стране всегда была исключительная интеллигентская прослойка, к которой охотно прислушивалась вся Европа и даже весь мир.

И верно, это были очень такие тонкие ценители искусства и балета, и авторы многих замечательных произведений, и вдохновители многих отличных дел и великих учений.

Это не были спецы с точки зрения нашего понимания.

Это были просто интеллигентные, возвышенные люди.

Многие из них имели нежные дуги. А некоторые просто даже плакали при виде лишнего цветка на клумбе или прыгающего на навозной куче воробышка.

Дело прошлое, но, конечно, надо сказать, что в этом была даже некоторая какая-то такая ненормальность. И такой пышный расцвет, безусловно, был за счет чего-то такого другого.

Автор не слишком владеет искусством диалектики и не знаком с разными научными теориями и течениями, так что не берется в этом смысле отыскивать причины и следствия. Но, грубо рассуждая, можно, конечно, кое до чего докопаться.

Если, предположим, в одной семье три сына. И если, предположим, одного сына обучать, кормить бутербродами с маслом, давать какао, мыть ежедневно в ванне и бриолином голову причесывать, а другим братьям давать пустяки и урезать их во всех ихних потребностях, то первый сын очень свободно может далеко шагнуть и в своем образовании и в своих душевных качествах. Он и стишки начнет загибать, и перед воробышками умиляться, и говорить о разных возвышенных предметах.

Вот автор недавно был в Эрмитаже. Глядел скифский отдел. И там есть одна замечательная ваза. И лет ей, говорят, этой вазе, чего-то такое, если не врут, больше как две тысячи. Такая шикарная золотая ваза. Очень исключительной, тонкой скифской работы. Неизвестно, собственно, для чего ее скифы изготовили. Может, там для молока, или полевые цветы в нее ставить, чтобы скифский король нюхал. Неизвестно, ученые не выяснили. Л нашли эту вазу в кургане.

Так вот, на этой вазе я вдруг увидел рисунки – сидят скифские мужики. Один мужичонка-середняк сидит, другой ему зуб пальцами выковыривает, третий лаптишки себе поправляет.

Автор поглядел поближе – батюшки светы! Ну, прямо наши дореволюционные мужики. Ну, скажем, тысяча девятьсот тринадцатого года. Даже костюмы те же – такие широкие рубахи, подпояски. Длинные спутанные бороды.

Автору даже как-то не по себе стало. Что за черт! Смотришь в каталог – вазе две тысячи лет. На рисунки поглядишь – лет на полторы тысячи поменьше. Либо, значит, сплошное жульничество со стороны научных работников Эрмитажа, либо такие костюмчики и лапти так и сохранились вплоть до нашей революции. А если это так,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
стало быть за полторы тысячи лет не имелось возможности получше приодеться.
Поскольку заняты были – работали на других.

Всеми этими разговорами автор, конечно, нисколько не хочет унижить бывшую интеллигентскую прослойку, о которой шла речь. Нет, тут просто выяснить хочется, как и чего и на чьей совести камень лежит.

А прослойка, надо сознаться, была просто хороша, ничего против не скажешь.

Что касается М. П. Синягина, то автор, конечно, и не хочет его равнять с теми, о ком говорилось. Но все-таки это был человек тоже в достаточной степени интеллигентный и возвышенный. Он многое понимал, любил красивые безделушки и поминутно восторгался художественным словом. Он сильно любил таких прекрасных поэтов, как Фет, Блок, Надсон.

И в своем собственном творчестве, не отличаясь исключительной оригинальностью, он был под сильным влиянием этих славных поэтов. И в особенности, конечно, под влиянием гениального поэта тех лет, А. А. Блока.

Мать и тетка М. П. Синягина. Их прошлое. Покупка имения. Жизнь в Пскове. Тучи собираются. Характер и наклонности тетки М. А. Ар-вой.

Встреча с Л. Н. Толстым. Стихи поэта. Его душевное настроение. Увлечение.

Мишель Синягин жил со своей мамашей, Анной Аркадьевной Сипягиной, и ее сестрой, Марьей Аркадьевной, о которой в дальнейшем будет особая речь, особое описание и характеристика, в силу того, что эта почтенная дама и вдова генерала Ар-ва играет немаловажную роль в нашем повествовании.

Итак, в 1917 году они втроем проживали в Пскове как случайные гости, застрявшие в этом небольшом славном городишке по причинам, не от них зависящим.

Во время войны они приехали сюда для того, чтобы поселиться у своей сестры и тетки, Марьи Аркадьевны, которая по случаю приобрела неподалеку от Пскова небольшое имение.

В этом имении обе старушки и хотели скоротать свой век вблизи с природой, в полной тишине и покое, после довольно бурно и весело проведенной жизни.

Это злополучное имение и было названо соответствующим образом – Затишье.

А Мишель, этот довольно грустноватый молодой человек, склонный к неопределенной меланхолии и несколько утомленный своей поэтической работой и шумом столичной жизни, с ее ресторанами, и певицами, и мордобоем, также хотел некоторое время спокойно пожить в тиши, для того чтоб набраться сил и снова пуститься во все тяжкие.

Все, однако, сложилось иначе, чем было задумано.

Затишье было куплено перед самой революцией, что-то месяца за два, так что семейство не успело даже туда перебраться со своими вещами и сундуками. И эти сундуки, перины, диваны и кровати временно и наспех были сложены на городской квартире у псковских знакомых. И именно в этой квартире в дальнейшем и пришлось прожить несколько лет Мишелю со своей престарелой мамашей и теткой.

Отличаясь свободомыслием и имея некоторую, что ли, тенденцию и любовь к революциям, обе старушки не очень обезумели по случаю революционного переворота и изъятия имений от помещиков. Однако младшая сестрица, Марья Аркадьевна, всадившая в это дело около шестидесяти тысяч капитала, все же иной раз охала, и вздыхала, и говорила, что это черт знает что такое, поскольку нельзя въехать в имение, купленное на собственные деньги.

Анна Аркадьевна, мать Мишеля, была довольно незаметная дама. Она ничем таким особенным не проявила себя в своей жизни, исключая рождения поэта.

Это была довольно тихая, малосварливая старушка, любящая сидеть у самовара и кушать кофе со сливками.

Что касается Марьи Аркадьевны, то эта дама была уже в другом роде.

Автор не имел удовольствия видеть ее в молодые годы, однако было известно, что она была до чрезвычайности миленькая и симпатичная девица, полная жизни, огня и темперамента.

Но в те годы, о которых идет речь, это была уже бесформенная старушка, скорей безобразная, чем красивая, однако очень подвижная и энергичная.

В этом смысле на ней сказалась ее бывшая профессия. В молодые годы она была балериной и работала в кордебалете Мариинского театра.

Она была в некотором роде даже знаменитостью, поскольку ею увлекался бывший великий князь Николай Николаевич. Правда, он вскоре ее оставил, подарив ей какой-то особый кротовый палантин, бусы и еще чего-то такое. Но начатая карьера ее была сделана.

Обе эти старушки в дальнейшем будут играть довольно видную роль в жизни Мишеля Синягина, так что пусть читатель не принимает близко к сердцу и не сердится, что автор останавливается на описании таких, что ли, дряхлых и отцветших героинь.

Поэтическая атмосфера в доме благодаря Мишелю несколько отозвалась и на наших дамах. И Марья Аркадьевна любила говорить, что она вскоре приступит к своим мемуарам.

Ее бурная жизнь и встречи со многими известными людьми стоили того. Она самолично будто бы два раза видела Л. Н. Толстого, Надсона, Кони, Переверзева и других знаменитых людей, о которых она и хотела поведать миру свои соображения.

Итак, перед началом революции семья приехала в Псков и там застряла на три года.

М. П. Синягин всякий день говорил, что он ни за что не намерен торчать здесь и что при первой возможности он уедет в Москву или Петроград.

Однако последующие события и перемены жизни значительно отдалили этот отъезд. И наш Мишель Синягин продолжал свою жизнь под псковским небом, занимаясь пока что своими стихами и своим временным увлечением одной местной девушкой, которой он в изобилии посвящал свои стихи.

Конечно, эти стихи не были отмечены гениальностью, они не были даже в достаточной мере оригинальны, но свежесть чувства и бесхитростный, несложный стиль делали их заметными в общем котле стихов того времени.

Автор не помнит этих стихов. Жизнь, заботы и огорчения изгнали из памяти изящные строки и поэтические рифмы, но какие-то отрывки и отдельные строфы запомнились в силу их неподдельного чувства:

Лепестки и незабудки

Осыпались за окном...

Автор не запомнил всего этого стихотворения "Осень", но помнится, что конец его был полон гражданской грусти:

Ах, скажите же, зачем,

Отчего в природе

Так устроено? И тем

Счастья в жизни нет совсем...

Другое стихотворение Мишеля говорило о его любви к природе и ее бурным стихийным проявлениям:

Гроза прошла.

И ветки белых роз

В окно мне дышат

Дивным ароматом.

Еще трава полна

Прозрачных слез,

А гром гремит вдали

Раскатом.

Впрочем, это стихотворение настолько хорошо написано, что есть подозрение – уж

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
не списано ли оно откуда-нибудь начинающим поэтом.

Во всяком случае, Мишель Синягин выдавал его за свое, и мы не считаем себя вправе навязывать читателю наши на этот счет соображения.

Во всяком случае, это стихотворение было разучено всей семьей, и старые дамы ежедневно нараспев повторяли его автору.

А когда приходили гости, Анна Аркадьевна Синягина волокла их в комнату Мишеля и там, показывая на письменный стол карельской березы, вздыхала и с увлажненными глазами говорила:

– Вот за этим столом Мишель написал свои лучшие вещи: "Гроза", "Лепестки и незабудки" и "Дамы, дамы...".

– Мамаша, – говорил, смущаясь, Мишель, – бросьте... Ну, зачем же... Какая вы, право...

Гости покачивали головами и, не то одобряя, не то огорчаясь, трогали пальцами стол и неопределенно говорили: "Н-да, ничего себе".

Некоторые же меркантильные души тут же спрашивали, за сколько куплен этот стол, и тем самым переводили разговор на другие рельсы, менее приятные для матери и Мишеля.

Поэт отдавал внимание и женщинам.

Однако, находясь под сильным влиянием знаменитых поэтов того времени, в частности А. Блока, он не бросал свои чувства какой-нибудь отдельной женщине. Он любил нереально какую-то неизвестную женщину, блестящую в своей красоте и таинственности.

Одно прелестное стихотворение "Дамы, дамы, отчего мне на вас глядеть приятно" отлично раскрывало это отношение. Это стихотворение заканчивалось так:

Оттого-то незнакомкой я люблюсь. А когда
Эта наша незнакомка познакомится со мной,
Неохота мне глядеть на знакомое лицо,
Неохота ей давать обручальное кольцо.
Тем не менее поэт увлекся одной определенной девушкой, и в этом смысле его поэтический гений шел несколько вразрез с его житейскими потребностями.

Однако справедливость требует отметить, что Мишель тяготился своим земным увлечением, находя его несколько вульгарным и мелким. Его главным образом пугало, как бы его не окрутили и как бы его не заставили жениться и тем самым не снизили бы его до простых, повседневных поступков.

Мишель рассчитывал на другую, более исключительную судьбу. И о своей будущей жене он мечтал как о какой-то удивительной даме, вовсе не похожей на псковских девушек.

Он не представлял в точности, какая у него будет жена, но, думая об этом, он мысленно видел каких-то собачек, какие-то меха, сбруи и экипажи. Он выходит с какой-то роскошно одетой дамой из экипажа, и лакей, почтительно кланяясь, открывает дверцы. Такие картины ему рисовались, когда он думал о своей будущей супруге.

Девушка же, которой он увлекался, была более простенькая девушка. Это была Симочка М., окончившая в тот год псковскую гимназию.

Увлечение. Короткое счастье. Страстная любовь к поэту. Вдова М-ва и ее характеристика. Неожиданный визит. Некрасивая сцена. Согласие на брак.

Относясь несколько небрежно к Симочке, Мишель все же порядочно был увлечен ею, ни на минуту, впрочем, не допуская мысли, что он может жениться на ней.

Это было просто увлечение, это была несерьезная и, так сказать, черновая любовь, которой и не следовало бы забивать своего сердца. Симочка была миленькая и даже славненькая девушка, но личико ее, к сожалению, чрезмерно было осыпано

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
веснушками.

Но поскольку она не входила глубоко в жизнь Мишеля, он и не протестовал против этого явления природы и даже находил это весьма милым и нелишним.

Оба они уходили в лес или в поле и там нараспев читали стихи или бегали взапуски, как дети, резвясь и восторгаясь солнцем и ароматом.

Тем не менее в одно прекрасное время Симочка почувствовала себя матерью, о чем и сообщила другу. Она любила его первым девичьим чувством и даже могла подолгу глядеть на его лицо не отрываясь.

Она страстно и трогательно любила его, отлично понимая, что он ей, провинциальной девушке, не пара.

Известие, сообщенное Симочкой, глубоко ошеломило и даже напугало Мишеля. Он не столько боялся Симочки, сколько боялся ее матери, известной в городе гр. М., очень энергичной, живой вдовы, отягченной большой семьей. У нее было что-то около шести дочерей, которых она довольно успешно и энергично устраивала замуж, идя ради этого на всевозможные хитрости, угрозы и даже оскорбления действием.

Это была очень такая смуглая, несколько рябая дама. Несмотря на это, все девочки у нее были белокурые и даже скорей белобрысенькие, похожие, вероятно, на отца, умершего два года назад.

В то время не было еще алиментов и брачных льгот, и Мишель с ужасом думал о возможных последствиях.

Он решительно не мог жениться на ней. Он не о такой мечтал жене, и не на такую провинциальную жизнь он рассчитывал.

Ему казалось все это временным, случайным и преходящим. Ему казалось, что вскоре начнется другая жизнь, полная славных радостей, восторгов, подвигов и начинаний.

И, глядя на свою подругу, он думал, что она ни в коем случае не должна быть его женой – эта белобрысенькая девушка с веснушками. Кроме того, он знал ее старших сестер – все они, выходя замуж, быстро увядали и старели, и это тоже было не по душе поэту.

Он уже хотел было выехать в Петроград, но последующие события задержали его в Пскове.

Смуглая и рябая дама, вдова М., пришла к нему на квартиру и потребовала, чтобы он женился на ее дочери.

Она пришла в тот день и в тот час, когда в квартире никого не было, и Мишель волей-неволей должен был единолично принять на себя весь удар.

Она пришла к нему в комнату и сначала даже несколько сконфуженно и робко поведала о цели своего посещения.

Скромный, мечтательный и деликатный поэт сначала так же вежливо пытался возражать ей, но все слова его были малоубедительны и не доходили до сознания энергичной дамы.

Вскоре вежливый тон сменился на более энергичный. Последовали жесты и даже безобразные слова и крики. Оба кричали одновременно, стараясь заглушить друг друга и тем самым морально подавить волю и энергию.

Вдова М. сидела в кресле, но, разгорячившись, начала шагать по комнате, двигая для большей убедительности стулья, этажерки и даже тяжелые сундуки. Мишель, как утопающий, старался выбраться из пучины и, не сдаваясь, орал и старался даже физически оттеснить вдову в другую комнату и прихожую.

Но вдова и любящая мать неожиданно вскочила на подоконник и торжественным голосом сказала, что вот сейчас она выпрыгнет из окна на Соборную улицу и погибнет, если он не даст своего согласия на этот брак. И, раскрыв окно, она моталась на подоконнике, рискуя каждую минуту свалиться вниз.

Мишель стоял ошеломленный и, не зная, что делать, то подбегал к ней, то к столу, то бросался, схватившись за голову, в коридор, чтоб позвать на помощь.

Уже внизу, на улице, стали собираться люди, показывая пальцами и высказывая самые смелые предположения по поводу кричащей и прыгающей на окне дамы. Гнев, оскорбление, страх скандала сковывал Мишеля, и он стоял теперь, подавленный столь энергичным характером этой дамы.

Он стоял у стола и с ужасом наблюдал за своей гостьей, которая пронзительно, как торговка, визжала и требовала положительного ответа.

Ее ноги скользили по подоконнику, и каждое неосторожное движение могло вызвать ее падение со второго этажа.

Была чудесная августовская погода. Солнце блестело с синего неба. Зайчик на стене прыгал от раскрытого окна. Все было знакомо и прекрасно в своей милой повседневности, и только кричащая и визжащая дама нарушала обычный ход вещей.

Волнуясь и умоляя прекратить выкрики, Мишель дал свое согласие на брак с Симочкой.

Мадам немедленно и охотно сошла с окна и тихим голосом попросила его извинить за ее несколько, может быть, шумное поведение, говоря при этом о своих материнских чувствах и ощущениях.

Она поцеловала Мишеля в щеку и, назвав его своим сыном, всхлипнула при этом от неподдельности своих чувств.

Мишель стоял как в воду опущенный, не зная, что сказать, что сделать и как выпутаться из беды. Он проводил вдову до дверей и, подавленный ее волей, поцеловал даже неожиданно для себя ее руку и, окончательно смешавшись, попрощался до скорого свидания, лепеча какие-то отдельные слова, мало идущие к делу.

Вдова, торжественно и сияя, молча покинула дом, предварительно попудрившись и подрисовав сбитые на сторону брови.

Нервное потрясение. Литературное наследство. Свидание. Свадьба. Отъезд тетки. Кончина матери. Рождение ребенка. Отъезд Мишеля
В тот злосчастный день вечером, после ухода незваной гостьи, Мишель написал свое известное стихотворение, впоследствии переложенное на музыку: "Сосны, сосны, ответьте мне...".

Это его несколько успокоило, однако потрясение было настолько значительное и серьезное, что ночью Мишель почувствовал сильное сердцебиение, безотчетный страх, тошноту и головокружение.

Думая, что помирает, с трясущимися руками, в одних подштанниках, поэт вскочил с кровати и, хватаясь за сердце, с тоской и страхом разбудил свою мамашу и тетку, которые не были еще посвящены в эту историю. И, ничего не объясняя, он начал лепетать о смерти и о том, что он хочет отдать свои последние распоряжения по поводу рукописей.

Он, качаясь, подошел к столу и начал вытаскивать груды рукописей, перебирая их, сортируя и указывая, что, по его мнению, следовало бы издать и что следует отложить на будущее время.

Обе немолодые дамы, отвыкшие от ночных походов, в нижних юбках и с распущенными волосами, с тоской мотались по комнате и, заламывая руки, пытались уговорить и даже силой уложить Мишеля в постель, считая нужным поставить ему компресс на сердце или смазать йодом бок и тем самым оттянуть кровь, бросившуюся в голову.

Но Мишель, прося не тревожиться за свою, в сущности, ничтожную жизнь, велел лучше запомнить то, что он говорит по поводу своего литературного наследства.

Разобрав рукописи, Мишель, бегая по комнате, начал диктовать тетке Марье

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Аркадьевне новый вариант "Лепестков и незабудок", который он не успел еще переложить на бумагу.

Плача и захлебываясь слезами, тетка Марья при свете свечи марала бумагу, путая и перевирая строфы и рифмы.

Лихорадочная работа несколько отвлекла Мишеля от его заболевания.

Сердцебиение продолжалось, но было более умеренно, и головокружение сменилось полной сонливостью и апатией.

И Мишель неожиданно для всех тихо заснул, прикорнув в кресле.

Прикрыв его пледом и перекрестив, старые дамы удалились, страшась за столь нервный организм и неуравновешенную психику поэта.

На другой день Мишель встал освеженный и бодрый. Но вчерашний страх не покидал его, и он поведал о своих потрясениях своим родственникам.

Драмы и слезы были в полном разгаре, когда пришла записочка от Симочки, умоляющей его о свидании.

Он пошел на это свидание, надменный и сдержанный, не думая, впрочем, в силу некоторой своей порядочности, ловчиться и отлынивать от обещаний.

Влюбленная женщина умоляла его простить недостойное поведение ее матери, говоря, что она лично хотя и мечтала связать свою жизнь с ним, но никогда не рискнула бы пойти на такие требования.

Мишель сдержанно сказал, что он сделает то, что обещано, но что на дальнейшую совместную жизнь он не дает гарантии. Может, он проживет во Пскове год или два, но в конце концов он скорее всего уедет в Москву или Петроград, где он намерен продолжать свою карьеру, или, во всяком случае, будет там искать соответствующей жизни, удовлетворяющей его потребностям.

Не оскорбляя девушку словами, Мишель все же дал ей понять разницу в их если и не положении, которое уравнялось революцией, то, во всяком случае, назначении жизни. Он сказал ей:

– Вы маленький корабль, а я большой. И мне предстоит иное плавание.

Влюбленная молодая дама соглашалась с ним и говорила, что она ничем не хочет связывать его жизни, что он волен поступать так, как ему заблагорассудится.

Несколько успокоенный в этом смысле, Мишель сам даже стал говорить, что брак этот – решенное дело, но что когда он произойдет, он еще не может сказать.

Они расстались, как и прежде, скорее дружески, чем враждебно. И Мишель спокойным шагом побрел домой, несмотря на то, что рана в его душе не могла зажить так скоро.

Мишель женился на Симочке М. примерно через полгода, кажется, зимой, в январе 1918 года.

Предстоящий брак чрезвычайно подействовал на здоровье матери Мишеля. Она начала жаловаться на скуку жизни и пустоту. И на глазах чахла и хирела, почти не вставая из-за самовара. Понятие о браке было в то время несколько иное, чем теперь, и это был шаг, по мнению старых женщин, единственный, решительный и освященный таинством.

Тетка Марья также была потрясена. Причем она както даже оскорбилась подобным ходом дела и уже все более часто говорила, что ей здесь не место, что она в ближайшее время поедет в Петроград, где и приступит к своим мемуарам и описаниям встреч.

Мишель, несколько сконфуженный всеми делами, угрюмый ходил по комнатам, говоря, что если б не данное слово, он наплевал бы на все и уехал бы куда глаза глядят. Но, во всяком случае, пусть все знают, этот брак не связывает его: он хозяин

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
своей жизни, он не отступает от своих планов и, вероятно, через полгода или год поедет вслед за теткой.

Свадьба была сыграна скромно и просто.

Они записались в комиссариате, после чего в церкви Преображения было устроено венчание. Все родственники с обеих сторон ходили сдержанные и как бы по-разному оскорбленные в своих чувствах. И только вдова М., напудренная и подкрашенная, носилась в своей вуали по церкви и по квартире Мишеля, в которой и был устроен свадебный ужин.

Вдова одна за всех говорила за столом, провозглашала тосты и осыпала старух комплиментами, всячески поддерживая этим веселое расположение духа и приличный тон свадьбы.

Молодая краснела за свою мать – и за ее рябоватое лицо, и за ее пронзительный, не дававший никому спуску голос – и, опустив голову, сидела за своим прибором.

Мишель за весь вечер не терял своей сдержанности, однако его точила мысль о том, что его все же, чего бы там ни говорили, опутали как болвана. И что эта крайне энергичная женщина попросту взяла его на испуг.

В конце ужина, криво усмехаясь, он, после поздравлений и любезностей, спросил вдову, наклонившись к ее Уху:

– А ведь вы бы не прыгнули из окна, Елена Борисовна? Признайтесь в этом.

Вдова успокаивала его, давая торжественные клятвы в том, что она прыгнула бы, если б он не дал своего согласия. Но под конец, разозленная его кривыми улыбочками, сердито сказала, что у нее шесть дочерей, и если из-за каждой она начнет из окон прыгать, то неизвестно еще, что бы от нее осталось.

Мишель пугливо смотрел на ее злое, оскорбленное лицо, и за ее пронзительный, не дававший никому спуску.

– Все ложь, эгоизм и обман, – бормотал Мишель, с краской в лице вспоминая подробности.

Вечер все же прошел прилично и не оскорбительно для гостей, и началась повседневная жизнь с разговорами об отъезде, о лучшей жизни и о том, что в этом городе невозможно сколько-нибудь прилично устроить свою судьбу, принимая во внимание революционную грозу, которая все более и более разгоралась.

В ту весну, наконец собравшись, уехала в Петроград тетка Марья Аркадьевна и вскоре оттуда прислала отчаянное письмо, в котором извещала, что в дороге ее обокрали, унеся ее саквояж с частью драгоценностей.

Письмо было несвязное и запутанное – видимо, это потрясение сильно подействовало на немолодую даму.

К этому времени тихо и неожиданно скончалась мать Мишеля, не успев даже ни с кем проститься и отдать свои последние распоряжения.

Все это сильно подействовало на Мишеля, который стал какой-то тихий, робкий и даже пугливый. Были пролиты слезы, но это событие вскоре заслонилось другим.

У Симочки родился щупленький, но милый ребенок, и новое, неиспытанное отцовское чувство несколько захватило Мишеля.

Однако это недолго продолжалось. Он снова начал поговаривать об отъезде, уже более реально и решительно.

И осенью, получив от тетки Марьи новое письмо, Мишель стал собираться, говоря, что он обеспечивает свою жену и ребенка всем движимым имуществом, оставляя его в их полную собственность.

Молодая дама, по-прежнему, а может, даже и более влюбленная в своего супруга, с ужасом слушала его слова, но смела его удерживать, говоря, что он волен

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
поступать, как ему хочется.

Она его любит по-прежнему и несмотря ни на что, и пусть он знает, что тут, в Пскове, остается верный ему человек, готовый следовать за ним и в Петроград, и в ссылку, и на каторгу.

Пугаясь, как бы она не увязалась за ним в Петроград, Мишель переводил разговор на другие темы, но молодая дама, рыдая, продолжала говорить о своей любви и самопожертвовании.

Да, она ему не пара, она всегда это знала, но если когда-нибудь он будет старый, безногий, если когда-нибудь ослепнет или будет сослан в Сибирь, – тогда он может позвать ее, и она с радостью отзовется на его приглашение.

Да, она даже хотела бы для него беды и несчастья – это их уравнило бы в жизни.

Мучаясь от жалости и проклиная себя за малодушие и такие разговоры, Мишель стал поторапливаться с отъездом.

В эту пору объяснений и слез Мишель написал новое стихотворение "Нет, не удерживай меня, младая вдова" и стал быстро и торопливо укладывать свои чемоданы.

Он недолго вкушал семейное счастье и в одно прекрасное утро, достав разрешение на выезд, отбыл в Петроград с двумя небольшими чемоданами и корзинкой.

Новые планы. Несчастье тетки Марьи. Мишель поступает на службу. Новая комната. Новая любовь. Неожиданная катастрофа. Серьезная болезнь тетки
Мишель приехал в Петроград и поселился на Фонтанке, угол Невского.

Он временно поселился в теткиной комнате за ширмой. Однако ему твердо была обещана отдельная комната, как только кто-нибудь из жильцов помрет.

Но Мишель и не очень торопился с этим. Другие идеи и планы теснились в его голове.

Он приехал в Петроград примерно за год или за два до нэпа. Голод и разруха, так сказать, сжимали город в своих цепких объятиях. И, казалось, было странным приезжать в эту пору и искать лучшей жизни и карьеры. Но на это были свои причины.

В присланном письме тетка Марья со своей беспечностью извещала Мишеля, что, вероятно, в ближайшие месяцы город Петроград отойдет к Финляндии или к Англии и будет объявлен вольным городом. В ту пору такие слухи ходили среди населения, и Мишель, взволнованный этим извещением, поторопился приехать.

Тетка, кроме того, извещала, что она отнюдь не переменяла своих либеральных убеждений и не идет против революции, но поскольку революция продолжается так долго и вот уже третий год, как ей не отдадут именина, то это просто ни на что не похоже, и в таком случае им самим необходимо предпринять решительные шаги.

Итак, в силу этого, Мишель прибыл в Петроград и поселился на Фонтанке.

Он нашел тетку чрезвычайно изменившейся. Он просто не узнал ее. Это была весьма похудевшая старуха с отвисшей челюстью и блуждающим взором.

Тетка поведала ему, что ее за это время дважды обчистили. Первый раз в поезде и второй раз здесь, на квартире. К ней под видом обыска пришли просто какие-то мазурики и, предъявив фальшивый мандат, унесли почти все оставшиеся драгоценности.

Когда-то веселая и живая дама стала тихой, дрябловатой и нелюбопытной старухой. Она по большей части лежала теперь на своей кровати и неохотно вступала в разговор даже с Мишелем. А если и начинала говорить, то сводила разговор главным образом на свои кражи, волнуясь при этом и неся какую-то явную околесицу.

Однако тетка не была в нужде. На ее шее была прекрасная массивная цепь с золотым лорнетом. На пальцах ее были нанизаны разные кольца и караты, и имущества в

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
комнате было слишком достаточно.

Время от времени тетка Марья продавала на базаре ту или иную вещь и жила довольно прилично, помогая при этом Мишелю, который ничего не имел и не предполагал иметь.

Слухи о вольном городе оставались ни на чем не обоснованными слухами. И в силу этого приходилось подумать о более оседлой жизни и о будущей судьбе.

И Мишель, записавшись на биржу труда, вскоре получил назначение на работу.

Он получил назначение во Дворец Труда. И в силу того, что он не имел никакой специальности и, в сущности, не умел ничего делать, ему дали мелкую, бестолковую работу в справочном отделении.

Такая работа, конечно, не могла удовлетворить духовных и поэтических запросов Мишеля. Больше того – он был несколько даже сконфужен и даже обижен такой работой, более пригодной для молодой беспечной девицы. Давать справки и указания, где какая комната расположена и где какой работает товарищ, – это было просто смешно, несерьезно и даже оскорбительно для его мужского достоинства.

Однако в ту пору нельзя было быть слишком разборчивым, и Мишель нес свои обязанности, неясно надеясь на какие-то перемены и улучшения. К этому времени Мишель получил в квартире комнату, которая неожиданно очистилась благодаря отъезду за границу одного известного поэта. Это была прелестная небольшая комната, тоже с видом на фонтанку и Невский.

Это обстоятельство окрылило Мишеля, и поэт сделал даже несколько стихотворных набросков, освежив этим свое угасшее творчество.

Получая паек и небольшую помощь от тетки, он уже довольно прилично себя чувствовал и стал ходить по гостям, найдя в городе кое-каких бывших своих знакомых и товарищей.

В эту зиму было получено два письма от Симочки.

Эти письма взволновали Мишеля, но, мучаясь от жалости к ней, он все же решил не отвечать на них, находя более правильным не морочить голову молодой женщине и не давать ей неопределенных надежд.

И он продолжал свою жизнь, отыскивая в ней новые радости. В ту пору он сошелся с одной весьма красивой женщиной, несколько, правда, развязной в своих движениях и поступках.

Это была некая Изабелла Ефремовна Крюкова – очень красивая, элегантная женщина, совершенно неопределенной профессии и даже, кажется, не член профсоюза.

Эта связь доставила Мишелю много новых беспокойств и тревожений.

Не имея средств для приличной жизни, Мишель сколько возможно тянул со своей теткой, которая с каждым днем делалась все более угрюмой, нелюбезной и неохотно пускала в комнату Мишеля. И всякий раз беспокойно следила за его движениями во время визита, видимо побаиваясь, как бы он чего не стянул из ее имущества.

Она давала ему незначительные подачки, и Мишелю приходилось убеждать, кричать, даже ругать тетку, обзывая ее скупердяйкой, держимордой и сволочью.

Около года продолжалась такая беспокойная жизнь.

Красивая возлюбленная приходила к Мишелю на своих французских каблучках и требовала все новых и новых расходов. Поэтому приходилось изворачиваться и ломать себе голову в поисках доходов.

Мишель продолжал нести свою службу, к которой он относился все более небрежно и халатно. Он неохотно давал теперь справки, кричал на посетителей и даже в раздражении иной раз топал на них ногами, посылая более назойливых к чертям и дальше.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Он особенно не любил грязных и неуклюжих мужиков, которые приходили за справками, путая, перевирая и неточно излагая свои мысли.

Мишель грубо орал на них, называя их сиволапыми олухами, и морщился от запаха нищеты, некрасивых лиц и грубой одежды.

Конечно, так не могло долго продолжаться, и после целого ряда жалоб Мишель потерял службу, лишившись пайка и кое-каких доходов.

Это был, в сущности говоря, серьезный удар и даже катастрофа, но влюбленный поэт не замечал, что тучи над его головой сгущаются.

Изабелла Ефремовна приходила к нему почти что всякий день и пела грудным низким голосом разные цыганские романсы, притопывая при этом ногами и аккомпанируя себе на гитаре.

Это была прелестная молодая дама, рожденная для лучшей судьбы и беспечной жизни. Она презирала бедность и нищету и мечтала уехать за границу, подбивая на это Мишеля, с которым она мечтала перейти персидскую границу.

И в силу этого Мишель не искал работы и жил, надеясь на какие-то неожиданные обстоятельства. И эти обстоятельства вскоре последовали.

В одно ненастное утро, придя в комнату тетки для того, чтобы попросить у нее необходимых ему денег, и приготовившись к стычке, Мишель был поражен беспорядком и сдвинутыми с места вещами. Тетка Марья сидела в кресле, перебирая в руках какие-то бутылки, пузырьки и коробочки.

Она взволновалась, когда Мишель вошел в комнату, и, пряча под платок свои склянки, начала визжать и бросать в Мишеля что попадет под руку.

Мишель стоял остолбеневший около двери, не смея шагнуть дальше и не понимая, что, собственно, тут происходит. Через несколько секунд тетка, позабыв о Мишеле, начала кружиться по комнате, напевая при этом шансонетки и вскидывая ногами. Тогда Мишель понял, что тетка Марья сдвинулась в своем уме. И, пугаясь ее, взволнованный, он прикрыл дверь и в щелочку начал следить за безумной старухой.

У нее появились совершенно необычайные молодые движения. Ее обычная за последний год неподвижность сменилась каким-то бурным весельем, движением и суетой.

Тетка буквально порхала по комнате и, подбегая к зеркалу, гримасничала и кривлялась, посылая неизвестно кому воздушные поцелуи.

Мишель, пораженный, стоял за дверью, прикидывая в уме, как ему поступить и что делать и какие, собственно говоря, выгоды он может снять с этого дела.

Затем, прикрыв дверь, Мишель кинулся к уполномоченному квартирой, чтоб сообщить о несчастье.

Тетку отправляют в лечебницу желтый дом.

Веселая жизнь Свидание с теткой. Окончательная распродажа имущества Квартира, в которой проживал Мишель, была коммунальная. В ней было десять комнат с тридцатью с лишком жильцами. Мишель не имел отношения к этим людям, он даже чуждался их и не заводил знакомств.

Тут, между прочим, жил портной Ельин со своей супругой и ребенком, фабричная работница, бухгалтер Госцветмета и почтовый служащий, который и являлся уполномоченным квартиры.

Было воскресенье, и все жильцы находились дома в своих комнатах.

Стараясь не шуметь и говоря взволнованным шепотом, Мишель предупредил уполномоченного о буйном сумасшествии своей тетки.

Было решено вызвать карету скорой помощи и поскорей сплавить старуху в сумасшедший дом, поскольку это представляло значительную опасность для жильцов.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Мишель, ахая, бросился в нижнюю квартиру и по телефону вызвал карету скорой помощи, которая и прибыла незамедлительно.

Два человека в белых балахонах в сопровождении Мишеля вошли в комнату старухи.

Тетка Марья, забившись в угол, не подпускала к себе никого, бросаясь вещами и ругаясь, как мужчина.

Позади раскрытых дверей теснились жильцы, помогая советами и планами захвата старухи.

Все говорили шепотом и с нескрываемым диким любопытством следили за движениями безумной старухи.

Братья милосердия в своих халатах, как более опытные, одновременно шагнули к больной и, схватив ее за руки, сжали ее в своих объятиях. Старуха старалась укусить их за руки, но, как это и всегда бывает, бурная энергия сменилась спокойствием и даже безжизненной апатией.

Старуха позволила надеть на себя ватерпруф. Голову ей обвязали платком, и, подталкиваемая сзади Мишелем, она была благополучно под руки спущена вниз и посажена в автомобиль, в который уместился и Мишель, со страхом поглядывая на свою обезумевшую родственницу.

Всю дорогу тетка почти не проявляла признаков жизни, и только когда автомобиль приехал на Пряжку и остановился у желтого дома, тетка Марья снова проявила буйство и, сопротивляясь, долго не хотела вылезать из автомобиля, снова ругаясь безобразными словами. Однако ее благополучно вывели и под руки через сад повели в подъезд.

Сторож у ворот, привыкший к таким делам, без любопытства наблюдал за этой сценой и, привстав на своей скамейке, молча пальцем указал, куда двигаться.

Старуху провели через темный коридор и сдали в распределитель.

Мишель заполнил анкету и, получив на руки теткины драгоценности – ее золотую цепочку с лорнетом, кольца и брошь, вышел взволнованный из приемной комнаты.

Он прошел сад и, очутившись на улице, остановился в нерешительности. Потом долго ходил по улице и со страхом и даже с ужасом поглядывал на желтый дом, прислушиваясь к крикам и воплям, доносившимся из открытых окон.

Он пошел было домой, но, остановившись на деревянном мосту через Пряжку, обернулся назад.

Желтый дом с облезлой, грязной штукатуркой был теперь весь на виду. В окнах за решетками мелькали белые фигуры. Некоторые неподвижно стояли у окон и смотрели на улицу. Другие, ухватившись за решетки, старались сдвинуть их с места.

Внизу на улице, на берегу Пряжки, стояли нормальные люди и с нескрываемым любопытством глядели на сумасшедших, задрвав кверху свои головы.

Мишель быстро и не оглядываясь пошел домой, неся в своих руках теткины драгоценности.

Первые дни потрясения прошли, все улеглось, и жизнь, как обычно, пошла дальше.

Не имея службы и не ища ее, Мишель продолжал беспечно существовать и, встречаясь со своей возлюбленной, жил на теткино имущество, которое так неожиданно досталось ему.

В то время был уже нэп во всем своем разгаре. Снова были открыты магазины, театры и кино. Появились извозчики и лихачи. И Мишель со своей дамой окунулся в водоворот жизни.

Они под руку появлялись во всех ресторанах и кабачках. Танцевали фокстрот и, утомленные, почти счастливые, возвращались на лихаче домой, с тем чтобы заснуть крепким сном и утром снова начать веселое, беспечное существование. Но иной раз,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
вспоминая про свою тетку и тратя ее имущество, Мишель чувствовал угрызения совести и тогда всякий раз давал себе слово навестить больную, для того чтоб снести ей кое-каких конфет и гостинцев и тем самым сделать ее участницей в расходах.

Но дни шли за днями, и Мишель откладывал свое посещение.

В эту зиму веселья и танцев Мишель получил извещение от своего владельца дома и теперь арендатора о том, что его жена, потеряв ребенка и выйдя замуж, уехала из квартиры, задолжав ему значительную сумму. Она оставила кое-какую мебель, которую арендатор и сосчитает своей, если Мишель не пришлет ему денег в ближайший месяц.

Прочтя это письмо утром, после попойки, Мишель сердито скомкал и бросил его под кровать, с тем чтобы не вспоминать о своей прошлой бесцветной жизни.

Так проходила зима, и в один из февральских дней, после того как были проданы последние драгоценности, Мишель отправился к тетке на свидание.

Он купил разной снеди и, с тяжелым сердцем и неопределенным страхом, отправился на Пряжку.

Тетку привели в приемную комнату и оставили ее вместе с Мишелем.

Буйное сумасшествие сменилось тихой меланхолией, и теперь тетка Марья в своей белой полотняной кофте стояла перед Мишелем и, странно и хитро поглядывая на него, не узнавала своего племянника.

Он сказал несколько неопределенных слов и стал делать руками энергичные жесты, понятные сумасшедшим. Потом Мишель молча поклонился и вышел из помещения, с тем чтобы сюда никогда не возвращаться.

С легким сердцем Мишель вернулся домой и уже со спокойной совестью стал распоряжаться своим наследством.

Изабелла Ефремовна ревностно помогала ему в этом, уговаривая его поменьше церемониться и стесняться и смысле окончательной распродажи всего имущества.

Неожиданная беда. Ужасный скандал. Нервная болезнь Мишеля. Ссора с возлюбленной. Падение

В апреле 1925 года стояла исключительно хорошая и ясная погода.

Мишель в легком пальто, под руку с Изабеллой Ефремовной, выходил из своей комнаты, желая пойти погулять по набережной и посмотреть на ледоход.

И, закрывая дверь на ключ и напевая "Бананы, бананы", он поглядывал на свою даму.

Она тут же колбасилась в коридоре, делая своими стройными ножками разные на и танцуя чарльстон.

Она была чудесно хороша в своем светлом весеннем костюме, со своим прелестным профилем и завитушками из-под шляпы.

Мишель любовно глядел на нее, восхищаясь ее красотой, молодостью и беспечностью.

Да, конечно, она не была ученая девица, способная с легкостью поговорить о Канте или о теории вероятности и относительности.

Безусловно, она этого ничего не знала и не имела склонности к умозрительным наукам, предпочитая им легкую, простую жизнь. Морщины раздумья не бороздили ее лба.

Мишель любил ее со всей страстью и, мысленно сравнивая ее со своей бывшей Симочкой, приходил в ужас – как он мог так низко пасть, женившись на такой провинциальной курочке.

Итак, танцуя чарльстон и дурачась и взявшись за руки, они пошли по коридору и,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
выйдя в прихожую, остановились, чтоб пропустить вошедшую пару.

Это был рассыльный с книжкой и рядом с ним старая женщина, завернутая в зимний ватерпруф, с головой, повязанной шерстяным платком.

Это была не кто иная, как тетка Марья.

Грубым, шутливым тоном рассыльный спросил, здесь ли проживала выздоровевшая гражданка А., и если здесь, то вот не угодно ли принять кого следует.

Все помутилось в глазах Мишеля. Ноги приросли к полу, и страх отнял у него дар речи.

Кое-как поставив небольшую каракулю в рассыльной книге, Мишель перевел глаза на тетку, которая, сконфуженно улыбаясь, ручкой приветствовала своего племянника.

Мишель начал лепетать непонятные слова и, пятась к двери, старался заслонить проход, не желая тем самым пропустить тетку дальше.

Тетка Марья шагнула к нему и начала довольно попятно изъясняться, говоря, что она сильно прихворнула, но теперь почти что оправилась и в дальнейшем нуждается только в полной тишине и спокойствии.

Понимая всю серьезность дела и не желая мешать объяснению родственников. Изабелла Ефремовна, сказав, что она зайдет завтра, как птичка выпорхнула на лестницу и исчезла.

А тетка Марья в сопровождении Мишеля пошла по коридору, направляясь к своей двери.

Мишель взял тетку под руку и, стараясь не допустить ее в комнату, в которой оставалась какая-то жалкая дребедень, тянул ее к себе, говоря, что ну вот и отлично, и прекрасно, сейчас они присядут у Мишеля на диване и попьют чайку.

Однако тетка, не пожелав чаю, настойчиво шла к своей комнате, твердо сохранив в своем непрочном уме расположение комнат.

Она вошла в комнату и остановилась, пораженная и полная гнева.

Автор, щадя нервы читателей, не считает возможным продолжать свое описание скандала и драматических сцен, происшедших в первые полчаса. Оголенная комната зияла своей пустотой. В углу стоял нетронутый мраморный умывальник и несколько стульев, не проданных в силу значительной изношенности.

Тетка Марья Аркадьевна моментально поняла, что случилось. Ужасная бледность покрыла ее лицо. Потом гнев зажегся в ее глазах, и она с бешенством набросилась на Мишеля, снова по-мужски ругаясь и выкрикивая такие слова, от которых шарахались в сторону видавшие виды жильцы.

Нервный подъем сменился тихими слезами, чем воспользовался Мишель. Он проскользнул в свою комнату и, обессиленный, рухнул на кровать.

К вечеру стало известно, что тетка вновь свихнулась в своем уме и вновь делает по своей комнате какие-то прыжки и движения.

Еле волоча ноги, Мишель убедился в этом и, сделав соответствующие распоряжения, вернулся к себе.

К ночи тетку Марью вновь отвезли в психиатрическую лечебницу.

Жильцы судачили о всяких превратностях судьбы и говорили о необходимости показательного суда над Мишелем, который снова свел тетку с ума, решив воспользоваться ее последними вещами.

Однако Мишель на другой день слег в постель в нервной горячке и этим прекратил пересуды.

Три недели он пролежал, думая, что пришел ему конец и расплата, но молодость и

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
цветущее здоровье сохранили ему жизнь.

Изабелла Ефремовна изредка посещала его. Ее веселость сменилась натянутостью, и она еле разговаривала с больным, пикируясь и капризная. Болезнь значительно изменила Мишеля. Вся его беспечность ушла, и он снова был таким же, как в Пскове, – меланхоличным и созерцательным субъектом.

Вновь приходилось подумать о существовании и о куске насущного хлеба.

М. П. Синягин принялся хлопотать и несколько раз ходил на биржу труда, регистрируясь и отмечаясь.

Не умея ничего делать и не зная никакой специальности, он имел, конечно, мало шансов получить приличную работу.

Правда, ему сразу предложили ехать на торфяные разработки, говоря, что, не имея специальности, он вряд ли получит сейчас что-либо другое. Это предложение страшно поразило Мишеля и даже напугало. Как, он должен поехать куда-то там такое за шестьдесят верст и там копать лопатой разную дрянь и глину! Это никак не укладывалось в его голове, и он, сердито обругав барышню свиньей, ушел домой.

Он стал продавать свои вещи, приобретенные за время своего благополучия, и полгода жил довольно прилично, не имея сильной нужды.

Но так, конечно, не могло вечно продолжаться, и надо было подумать о чем-то существенном.

И, понимая, что он катится под гору, Мишель старался все же не думать об этом и, сколько возможно, оттягивать решительный момент.

К этому времени он поругался с Изабеллой Ефремовной, которая все еще иногда заходила к нему и сердито, капризно спрашивала, что он намерен делать. Он поссорился с ней, назвав ее гадиной и корыстной бабой. И этот разрыв несколько даже облегчил его существование.

Изабелла Ефремовна охотно пошла на ссору и, хлопнув дверью, упорхнула, предварительно, конечно, поскандалив и поругавшись на разные побочные темы.

Мишель понимал свое критическое положение, и ему временами казалось, что всюду жизнь и, может, действительно стоит ему поехать на разработки. Однако, поругавшись на бирже и порвав свой листок, Мишель уже не имел мужества пойти туда вновь.

Приятная встреча. Новая работа. Мрачные мысли. Нищета. Душевное спокойствие. Благодетельная природа. Помощь автора. Кража пальто с обезьянковым воротником. Оставив себе серый пиджачок и осеннее пальто, Мишель без жалости расстался почти со всем своим имуществом. Но оставленные вещи чрезвычайно быстро приходили в ветхость, и это обстоятельство только усиливало падение.

Понимая, что ему не выбраться из создавшегося положения, Мишель вдруг успокоился и поплыл по течению, мало заботясь о том, что будет.

Однажды, встретив одного знакомого нэпмана и владельца маленькой фабрички минеральных и фруктовых вод, Мишель шутливо попросил каким-нибудь образом помочь ему.

Тот обещал устроить его на свою фабрику, однако предупредил, что работа будет не слишком подходящая для поэта и вряд ли Мишель на нее согласится. Надо было мыть бутылки, которые во множестве с разных сторон и даже из помоек поступали на фабрику, где их и приводили в христианский вид, полоща и моя с песком и еще с какой-то дрянью.

Мишель взял эту работу и несколько месяцев ходил в Апраксин рынок на производство, пока не прогорел этот зарвавшийся нэпман.

Спокойствие и ровное душевное состояние не покидали Мишеля. Он как бы потерял старое представление о себе. И, приходя домой, ложился спать, не думая ни о чем и ни о чем не вспоминая. Когда нэпман прогорел и заработок был потерян, Мишель и

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
тут не почувствовал большой беды.

Правда, временами – очень редко – находило на него раздумье, и тогда Мишель, как волк, бегал по своей комнате, кусая и грызя свои ногти, к чему он получил привычку за последний год.

Но это, собственно, были последние волнения, после чего жизнь потекла по-прежнему ровно, легко и бездумно.

Уже все жильцы в квартире видели и знали, как обстоят дела Мишеля, и сторонились его, побаиваясь, как бы он не сел им на шею.

И незаметно для себя Мишель из владельца комнаты стал угловым жильцом, поскольку в его комнату вселился один безработный, который по временам ходил торговать семечками.

Так прошел почти год, и жизнь увлекала Мишеля все глубже и глубже.

Уже портной Егор Елкин без стука заходил в комнату Мишеля и пьяным голосом иной раз просил его присмотреть за своим младенцем, так как супруга невесть где бродит по случаю своей красоты и молодости, а ему, портному, надо отлучиться.

И Мишель заходил в комнату к портному и без интереса глядел, как полуголый ребенок скользит по полу, шая, забавляясь и поедая тараканов.

Дни шли за днями, и Мишель ничего не предпринимал.

Он стал иногда просить милостыню. И, выходя на улицу, иной раз останавливался на углу Невского и Фонтанки и стоял там, спокойно поджидая подаяния.

И, глядя на его лицо и на бывший приличный костюм, прохожие довольно охотно подавали ему гривенники и двугривенные.

При этом Мишель низко кланялся, и приветливая улыбка растягивала его лицо. И, низко кланясь, он следил глазами за монетой, стараясь поскорей угадать ее достоинство.

Он не замечал в себе перемены, его душа была попрежнему спокойна, и никакого горя он более не ощущал в себе.

Автору кажется, что это совершеннейший вздор, когда многие и даже знаменитые писатели описывают трогательные мучения и переживания отдельных граждан, попавших в беду, или, скажем, не жалея никаких красок, сильными мазками описывают душевное состояние уличной женщины, накручивая на нее черт знает какие психологические тонкости и страдания. Автор думает, что ничего этого по большей части не бывает.

Жизнь устроена гораздо, как бы сказать, проще, лучше и пригодней. И беллетристам от нее мало проку.

Нищий перестает беспокоиться, как только он становится нищим. Миллионер, привыкнув к своим миллионам, также не думает о том, что он миллионер. И крыса, по мнению автора, не слишком страдает оттого, что она крыса.

Ну, насчет миллионера автор, возможно, что и прихватил лишнее. Насчет миллионера автор не утверждает, том более что жизнь миллионера проходит для автора как в тумане.

Но это дела не меняет, и величественная картина пашей жизни остается в силе.

Вот тут-то и приходит на ум то обстоятельство, о котором автор уже имел удовольствие сообщить в своем предисловии. Человек отлично устроен и охотно живет такой жизнью, какой живется.

Конечно, автор не хочет сказать, что человек – в данном случае М. П. Синягин – стал деревянным и перестал иметь чувства, желания, любовь хорошо покушать и так далее.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Нет, это все у него было, но это было уже в другом виде и, так сказать, в другом масштабе, вровень с его возможностями. И страданий от этого он не чувствовал. И даже прежние огорчения, казалось, были больше и сильнее.

Чувства автора перед величием природы не поддаются описанию!

Автор должен еще сказать, что он сам находился в те годы в сильной нужде, и помощь с его стороны родственнику была незначительная. Однако автор много раз давал ему небольшие суммы, которые Мишель принимал надменно и без благодарности.

Но однажды, в отсутствие автора, Мишель снял с вешалки чужое пальто с обезьянковым воротником и продал его буквально за гроши. После чего он вовсе перестал ходить и даже перестал раскланиваться с автором.

Конечно, автор понимал его грустное положение и даже одним словом не заикнулся о краже, но Мишель, чувствуя свою вину, попросту отворачивался от автора и не хотел вступать с ним ни в какие разговоры.

Об этом автору приходится говорить с чрезвычайно, так сказать, стесненным чувством и даже с сознанием какой-то своей вины, в то время как никакой вины, в сущности, не было.

Жизнь начинается завтра. Выручка за день.

Ночлежный дом. Сорок лет. Неожиданные мысли. Новое рождение

Автор считает нужным предупредить читателя о том, что наше повествование окончится благополучно и в конце концов счастье вновь коснется крыльями нашего друга Мишеля Снягина.

Но пока что нам придется еще немного коснуться коекаких неприятных переживаний.

И так проходили месяцы и годы. Мишель Снягин побирался и почти всякий день отправлялся на эту свою работу либо к Гостиному двору, либо к Пассажу.

Он становился к стене и стоял, прямой и неподвижный, не протягивая руки, но кланяясь по мере того, как проходили подходящие для него люди. Он собирал около трех рублей за день, а иногда и больше, и вел сносную и даже сытую жизнь, кушая иной раз колбасу, студень, белый хлеб и так далее. Однако он задолжал за квартиру, не платя за нее почти два года, и этот долг висел теперь над ним, как дамоклов меч.

Уже к нему в комнату заходили люди и откровенно спрашивали об его отъезде.

Мишель говорил какие-то неопределенные вещи и давал какие-то неясные обещания и сроки.

Но однажды вечером, не желая новых объяснений и новых натисков, он не вернулся домой, а пошел ночевать в ночлежку, или, как еще иначе говорят, на "гопу", на Литейный проспект.

В ту пору на Литейном, недалеко от Кирочной, был ночлежный дом, где за двадцать пять копеек давали отдельную койку, кружку чая и мыло для умывания. Мишель несколько раз оставался здесь ночевать и в конце концов вовсе сюда перебрался со своим небольшим скарбом.

И тогда началась совсем размеренная и спокойная жизнь без ожидания каких-то чудес и возможностей.

Конечно, собирать деньги не было занятием слишком легким. Надо было стоять на улице и в любую погоду поминутно снимать шапку, застуживая этим свою голову. Но другого ничего пока не было, и другого выхода Мишель не искал.

Ночлежка с ее грубоватыми обитателями и резкими нравами, однако, значительно изменила скромный характер Мишеля.

Здесь тихий характер и робость не представляли никакой ценности и были даже, как бы сказать, ни к чему.

Грубые и крикливые голоса, ругань, кражи и мордобой выживали тихих людей или заставляли их соответственным образом менять свое поведение. И Мишель в короткое время изменился. Он стал говорить грубоватые фразы своим сиплым голосом и, защищаясь от ругани и насмешек, нападал, в свою очередь, сам, безобразно ругаясь и даже участвуя в драках.

Утром Мишель убирал свою койку, пил чай и, часто не мывшись, торопливо шел на работу, иногда беря с собой замызганный парусиновый портфель, который, как бы сказать, придавал ему особенно четкий интеллигентный вид и указывал на его происхождение и возможности. Дурная привычка последних лет – грызть свои ногти – стала совершенно неотвязчивой, и Мишель обкусывал свои ногти до крови, не замечая этого и не стараясь от этого отвыкнуть.

Так прошел еще год, итого почти девять лет со дня приезда в Ленинград. Мишелю было сорок два года, но опухшее лицо, длинные и седоватые волосы и рваное тряпье на плечах придавали ему еще более старый и опустившийся вид.

В мае 1929 года, сидя на скамейке Летнего сада и греясь на весеннем солнце, Мишель незаметно и неожиданно для себя, с каким-то даже страхом и торопливостью, стал думать о своей прошлой жизни: о Пскове, о жене Симочке и о тех прошлых днях, которые казались ему теперь удивительными и даже сказочными.

Он стал думать об этом в первый раз за несколько лет. И, думая об этом, почувствовал тот старый нервный озноб и волнение, которое давно оставило его и которое бывало, когда он сочинял стихи или думал о возвышенных предметах.

И та жизнь, которая ему когда-то казалась унижительной для его достоинства, теперь сияла своей какой-то необычайной чистотой. Та жизнь, от которой он ушел, казалась теперь ему наилучшей жизнью за все время его существования. Больше того – прошлая жизнь представлялась ему теперь какой-то неповторимой сказкой.

Страшно взволнованный, Мишель стал мотаться по саду, махая руками и бегая по дорожкам.

И вдруг ясная и понятная мысль заставила его задрожать всем телом.

Да, вот сейчас, сегодня же, он поедет в Псков, там встретит свою бывшую жену, свою любящую Симочку, с ее милыми веснушками. Он встретит свою жену и проведет с ней остаток своей жизни в полном согласии, любви и нежной дружбе. Как странно, почему он раньше об этом не подумал. Там, в Пскове, остался любящий его человек, который попросту будет рад, что он вернулся.

И, думая об этом, он вдруг заплакал от всевозможных чувств и восторга, охвативших его.

И, вспоминая те жалкие и счастливые слова, которые она ему говорила девять лет назад, Мишель поражался теперь, как он мог ею пренебречь и как он мог учинить такую подлость – бросить славную, любящую женщину, готовую для него отдать свою жизнь.

Он вспоминал теперь каждое слово, сказанное ею. Да, это она ему сказала, и она молила судьбу, чтоб он был больной, старый и хромой, предполагая, что тогда он вернется к ней. И вот теперь это случилось. Он больной, старый, уставший. Он нищий и бродяга, потерявший все в своей жизни. Вот теперь он к ней придет и, став на колени, попросит прощенья за все, что он сделал ей. Ведь это она, его Симочка, сказала, что она пойдет за ним и в тюрьму и на каторгу.

И, еще более взволновавшись от этих мыслей, Мишель побежал, сам не зная куда.

Быстрая ходьба несколько утихомирила его волнение, и тогда, торопясь и не желая терять ни одной минуты, Мишель отправился на вокзал и там начал расспрашивать, когда и с какой платформы отправляется поезд.

Но, вспомнив, что у него было не больше одного рубля денег, Мишель со страхом стал спрашивать о цене билета.

Проезд до Пскова стоил дороже, и Мишель, взяв билет до Луги, решил оттуда

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
как-нибудь добраться до своего сказочного города, где когда-то прервалось его счастье.

Он приехал в Лугу ночью и крепко заснул на сложенных возле полотна шпалах.

А чуть свет, дрожа всем телом от утренней прохлады и волнения, Мишель вскочил на ноги и, покушав хлеба, пошел в сторону Пскова.

Возвращение. Родные места. Свидание с женой. Обед. Новые друзья. Служба. Новые мечты. Неожиданная болезнь
Мишель пошел по тропинке вдоль полотна железной дороги, шагая сначала в какой-то нерешительности и неуверенности. Потом он прибавил шагу и несколько часов подряд шел, не останавливаясь и ни о чем не думая.

Вчерашнее его волнение и радость сменились тупым безразличием и даже апатией. И он шел теперь, двигаясь по инерции, не имея на это ни воли, ни особой охоты.

Было прелестное майское утро. Птички чирикали, с шумом вылетая из кустов, около которых проходил Мишель.

Солнце все больше пекло ему плечи. Ноги, завернутые в портянки и обутые в калоши, стерлись и устали от непривычной ходьбы.

В полдень Мишель, утомившись, присел на край канавы и, обняв свои колени, долго сидел, не двигаясь и но меняя позы.

Белые неподвижные облака на горизонте, молодые листочки деревьев, первые желтые цветы одуванчика напоминали Мишелю его лучшие дни и снова заставили его на минуту взволноваться о тех возможностях, которым он шел навстречу.

Мишель растянулся на траве и, глядя в синеву неба, снова почувствовал какую-то радость успокоения.

Но эта радость была умеренная. Это не была та радость и тот восторг, которые охватывали Мишеля в дни его молодости. Нет, он был другим человеком, с другим сердцем и с другими мыслями.

Неизвестно, правда ли это, но автору одна девушка, окончившая в прошлом году стенографические курсы, рассказала, что будто в Африке есть какие-то животные, вроде ящериц, которые при нападении более крупного существа выбрасывают часть своих внутренностей и убегают, с тем чтобы в безопасном месте свалиться и лежать на солнце, пока не нарастут новые органы. А нападающий зверек прекращает погоню, довольствуясь тем, что ему дали.

Если это так, то восхищение автора перед явлением природы наполняет его новым трепетом и жадой жить.

Мишель не был похож на такую ящерицу, он сам иной раз нападал и сам хватал своих врагов за загривок, но в схватке он, видимо, тоже растерял часть своего добра и сейчас лежал пустой и почти безразличный, не зная, собственно, зачем он пошел и хорошо ли это он сделал. Он даже досадовал теперь, что пустился в такое далекое путешествие, не узнав ничего о Симе и не списавшись с ней. Ведь, может быть, ее даже нет в живых.

Через два дня, отдыхая почти каждый час и ночуя в кустах, Мишель пришел в Псков, вид которого заставил забиться его сердце.

Мишель прошел по знакомым улицам и вдруг очутился у своего дома, с тоской заглядывая в его окна и до боли сжимая свои руки.

И тогда волнение снова охватило Мишеля.

Открыв плечом калитку ворот, он вошел в сад, в тот небольшой тенистый сад, в котором когда-то писались стихи и в котором когда-то сидели тетка Марья, мамаша и Симочка.

Все было так же, как и девять лет назад, только дорожки сада были запущены и заросли травой.

Те же две высокие ели росли у заднего крыльца, и та же собачья будка без собаки стояла возле сарайчика.

Несколько минут стоял Мишель неподвижно, как изваяние, созерцая эти старые и милые вещи. Сердце его тревожно и часто билось. Но вдруг чей-то голос вернул его к действительности. Старая, завернутая в белую косынку старуха, беспокойно глядя на него, спросила, зачем он сюда пришел и что ему нужно.

Путаясь в словах и со страхом называя фамилии, Мишель стал расспрашивать о бывших жильцах, об арендаторе и о Серафиме Павловне, его бывшей жене.

Старуха, приехавшая сюда недавно, не могла удовлетворить его любопытство, однако указала адрес, где теперь проживала Симочка.

Через полчаса Мишель, унимая сердцебиение, стоял у дома на Басманной улице.

Он постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь и шагнул на порог кухни.

Какая-то женщина в переднике стояла у плиты, держа в одной руке тарелку; другой рукой, вооруженной вилкой, она доставала вареное мясо из кипящей кастрюльки.

Женщина сердито посмотрела и, нахмурившись, приготовилась закричать на вошедшего, но вдруг слова замерли на ее губах.

Это была Серафима Павловна, это была Симочка, сильно изменившаяся и постаревшая.

Ах, она очень похудела. Когда-то полненький ее стан и круглое личико были неузнаваемые и чужие.

У нее было желтоватое, увядшее лицо и короткие, обстриженные волосы.

– Серафима Павловна, – тихо сказал Мишель и шагнул к ней.

Она страшно закричала, металлическая тарелка выпала из ее рук и со звоном и грохотом покатила по полу. И вареное мясо упало в кастрюлю, разбрызгивая кипящий суп.

– Боже мой, – сказала она, не зная, что делать и что сказать.

Она подняла тарелку и, пробормотав: "Сейчас... только скажу мужу...", скрылась за дверь. Через минуту она снова вернулась в кухню и, робко протянув руку, попросила Мишеля сесть.

Не смея к ней подойти и страшась своего вида, Мишель сел на табурет и сказал, что вот он наконец пришел и что вот у него какое печальное, ужасное положение.

Он говорил тихим голосом и, разводя руками, вздыхал и конфузился.

– Боже мой, боже мой, – бормотала молодая женщина, с тоской ломая свои руки.

Она смотрела на его одутловатое лицо и на грязное тряпье его костюма и беззвучно плакала, не соображая, что делать.

Но вдруг из комнаты вышел муж Серафимы Павловны и, видимо, уже зная, в чем дело, молча пожал Мишелю руку и, отойдя в сторону, присел на другую табуретку возле окна.

Это был гражданин Н., заведующий кооперативом, немолодой уже и скорей пожилой человек, толстоватый и бледный.

Сразу оценив бедственное положение своего неожиданного соперника, он стал говорить веским и вразумительным тоном, советуя Серафиме Павловне позаботиться о Мишеле и принять в нем участие.

Он предложил Мишелю поселиться у них в доме, в верхней летней комнатке, поскольку уже в достаточной мере тепло.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Они обедали втроем за столом и, кушая вареное мясо с хреном, изредка перекидывались словами относительно дальнейших шагов.

Муж Серафимы Павловны сказал, что службу сейчас найти крайне легко и что в этом вопросе он не видит никакого затруднения. И это обстоятельство позволит, вероятно, Мишелю даже выбрать себе службу из нескольких предложений. Во всяком случае, об этом тревожиться не надо. Временно он будет проживать у них, а там, в дальнейшем, будет видно.

Мишель, не смея поднять глаз на Симочку, благодарил и жадно пожирал мясо и хлеб, запихивая в рот большие куски.

Симочка также не смела на него смотреть и только изредка бросала взгляды, по временам бормоча: "Боже мой, боже мой".

Мишелю устроили верхнюю комнату, поставив туда парусиновую кушетку и небольшой туалетный стол.

Мишель получил кое-какое белье и старый люстриновый пиджак и, умывшись и побрив свои щеки, с какой-то радостью облачился во все свежее и с радостью долго разглядывал себя в зеркало, поминутно благодаря своего благодетеля.

Сильные волнения и ходьба страшно его утомили, и он, как камень, заснул у себя наверху.

Ночью, часов в одиннадцать, ничего не понимая и не соображая, где он находится, Мишель проснулся и вскочил со своего ложа.

Потом, подумав о случившемся, он присел у окна и стал вспоминать о всех словах, сказанных за день.

Ну что ж, кажется, все хорошо. Кажется, снова начнется покой и счастье. И думая так, он вдруг почувствовал голод.

Вспоминая сытный, питательный обед, который он жадно и без разбора проглотил, Мишель тихой и вороватой походкой спустился вниз, в кухню, с тем чтобы пошарить там и снова подкрепить свои силы.

Он осторожно по скрипучим половицам вошел в кухню и, не зажигая света, стал шарить рукой по плите, отыскивая какую-нибудь еду.

Серафима Павловна вышла на кухню, дрожа всем телом, и, думая, что Мишель пришел с пей поговорить, объяснить и сказать то, чего не было сказано, подошла к нему, взяла его за руку и начала что-то лепетать взволнованным шепотом.

Сначала страшно испугавшись, Мишель понял, в чем дело, и, держа в руке кусок хлеба, безмолвно слушал слова своей бывшей возлюбленной.

Она говорила ему, что все изменилось и все прошло, что, вспоминая о нем, она, правда, продолжала его любить, но что сейчас ей кажутся ненужными и лишними какие-либо новые шаги и перемены. Она нашла свою тихую пристань и больше ничего не ищет.

Мишель по простоте душевной, не услышав в ее словах какого-то полувопроса, какой-то тоски и тревоги, тотчас и не без радости ответил, что этих перемен он и не ожидает, но что он будет рад и счастлив, если она позволит ему временно проживать в ихнем доме.

И, жуя хлеб, Мишель благодарно пожимал ее ручки, прося не очень за него беспокоиться и не очень волноваться. Поговорив так около часу, они разошлись, он – спокойный и почти радостный, а она – взволнованная, потрясенная и даже убитая. Она неясно на что-то рассчитывала. И она ожидала услышать не те слова, которые она услышала.

И, вернувшись к себе, она долго плакала о своем прошлом, и о всей своей жизни, и о том, что все проходит, кроме смерти.

Через несколько дней, отъевшись и приведя себя в порядок, Мишель получил работу

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
в управлении кооперативов.

Угасавшая жизнь снова вернулась к Мишелю, и, сидя за обедом, он делился своими впечатлениями за день и строил разные планы о будущих возможностях, говоря, что теперь он начал новую жизнь, и что теперь он понял все свои ошибки и все свои наивные фантазии, и что он хочет работать, бороться и делать новую жизнь.

Серафима Павловна с мужем дружески беседовали с ним, сердечно радуясь его успехам и возрождению.

Так проходили дни и месяцы, и ничто не омрачало жизнь Мишеля.

Но в феврале 1930 года Мишель, неожиданно заболев гриппом, который осложнился воспалением легких, умер почти на руках у своих друзей и благодетелей.

Симочка страшно плакала и долго не находила себе места, проклиная себя за то, что она не сказала Мишелю всего, что хотела и что думала.

Мишель был похоронен на бывшем монастырском кладбище. Могила его и посейчас убирается живыми цветами.

1930

ШЕСТАЯ ПОВЕСТЬ БЕЛКИНА

ОТ АВТОРА

В дни моей литературной юности я испытывал нечто вроде зависти к тем писателям, которые имели счастье находить замечательные сюжеты для своих работ.

В классической литературе было несколько излюбленных сюжетов, на которые мне чрезвычайно хотелось бы написать. И я не переставал жалеть, что не я придумал их.

Да и сейчас имеется порядочное количество таких чужих сюжетов, к которым я неспокоен.

Мне бы, например, хотелось написать на тему Л. Толстого – "Сколько человеку земли нужно". Это удивительная тема, и она выполнена Толстым с колоссальной силой. Тем не менее мне хотелось бы еще раз заново и посвоему подойти к ней.

Мне хотелось бы написать на некоторые сюжеты Мопассана, Мериме и т.д.

Но относительно Пушкина у меня всегда был особый счет. Не только некоторые сюжеты Пушкина, но и его манера, форма, стиль, композиция были всегда для меня показательны.

Иной раз мне даже казалось, что вместе с Пушкиным погибла та настоящая народная линия в русской литературе, которая была начата с таким удивительным блеском и которая (во второй половине прошлого столетия) была заменена психологической прозой, чуждой, в сущности, духу нашего народа.

Мне казалось (и сейчас кажется), что проза Пушкина – драгоценный образчик, на котором следует учиться писателям нашего времени.

Занимательность, краткость и четкость изложения, предельная изящность формы, ирония – вот чем так привлекательна проза Пушкина.

Конечно, в наши дни не должно быть слепого подражания Пушкину. Ибо получится безжизненная копия, оторванная от нашего времени. Но иногда полезно сделать и копию, чтоб увидеть, каким секретом в своем мастерстве обладал великий поэт и какими красками он пользовался, чтоб достичь наибольшей силы.

У живописцев в отношении копии дело обстоит проще. Там достаточно "списать" картину, чтобы многое понять. Но копия в литературе значительно сложнее. Простая переписка ровным счетом ничего не покажет. Необходимо взять сколько-нибудь равноценный сюжет и, воспользовавшись формой мастера, изложить тему в его манере.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Поэтому сделать сносную копию с отличного произведения не есть ученическое дело, а есть мастерство, и весьма нелегкое.

Во всяком случае, в моей литературной юности подобную копию мне никак не удавалось сделать. Я не понимал всей сложности мастерства и не умел владеть красками, как это следовало.

И вот теперь, после семнадцати лет моей литературной работы, я не без робости приступаю к копии с пушкинской прозы. И для данного случая я принял за образец "Повести Белкина". Я надумал написать шестую повесть в той манере и в той "маске", как это сделано Пушкиным.

Сложность такой копии тем более велика, что все пять повестей Пушкина написаны как бы от разных рассказчиков. Поэтому мне не пришлось подражать общей манере (что было бы легче), а пришлось ввести по-настоящему новый рассказ, такой рассказ, который бы мог существовать в ряду повестей Белкина.

Это усложнило мою работу. А еще более усложнило то, что мне не хотелось быть слишком слепым подражателем. И я взял тему совершенно самостоятельную, не такую, которая была у Пушкина, а такую, какая могла быть по моему разумению.

Наверно, и даже конечно, я сделал в своей копии погрешности против стиля, и главным образом – против обрисовки характеров, но я не мог в своей копии кое-что оставить в вековой неподвижности.

Было бы правильнее каждую черточку прозы Пушкина передать в том виде, как она есть, но чувства писателя моего времени, вероятно, дали некоторый иной оттенок, хотя я и старался этого избежать.

Итак, я предлагаю вниманию читателя копию с прозы Пушкина – шестую повесть Белкина, названную мною "Талисман".

А. С. Пушкин был велик в своей работе и, смеясь, писал (Плетневу), что некоторые литераторы уже промышляют именем Белкин и что он этому рад, но вместе с тем хотел бы объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на свою долю чужих грехов...

Прошло сто лет, и вот я "промышляю" Белкиным с иной целью – из уважения к великому мастерству, на котором следует поучиться. И пусть теперь читатель судит, какие новые грехи возложены мной на Белкина.

В заключение мне хочется сказать, что в основу моей повести положен подлинный факт, благодаря чему взыскательный читатель может прочитать мою работу и без проекции на произведения Пушкина.

1936

ТАЛИСМАН

Не титла славу нам сплетают,

Не предков наших имена.

Херасков

В бытность мою в *** армейском полку служил у нас переведенный из гвардии гусарский поручик Б.

Офицеры весьма недоверчиво отнеслись к нему, полагая, что на совести его лежат многие но слишком славные поступки, приведшие его в наше унылое местечко.

Простреленная и изуродованная его рука нас еще более убедила в том, что жизнь этого офицера была затемнена многими облаками.

Но гусарский этот поручик прехладнокровно отнесся к нашему афронту; он дружества ни с кем не искал и держался с нами сухо и независимо; надменность была отличительной чертой его характера.

Полковой командир на все наши вопросы отзывался незнанием; он отвечал, что поручик – добрый малый, но буйан и весьма несдержан в своем злоречии; он не

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihai1.ru поладил со своим командиром и после одного несчастного случая был из гвардии переведен сюда; но каков именно был этот случай, полковник не знал и не почитал удобным узнавать стороною.

Итак, мы видели перед собою человека, закинутого случайными и несчастными обстоятельствами в наше глухое местечко и не пожелавшего в равной степени разделить с нами свою участь.

Мы сразу невзлюбили его и искали повода задеть его надменность или даже вызвать на столкновение.

Случай помог нам выполнить наше недоброе намерение.

Полагая, что простреленная и изуродованная его рука есть результат случайного происшествия или несчастный конец его поединка, один из офицеров спросил его:

– Не в рукопашной ли схватке с французами вы получили, поручик, сие ранение?

– Мне приходилось быть в походе противу французов, – сухо отвечал поручик, – но я на поле сражения в рукопашном бою не был.

Мы не унимались; его ответ показался нам смелым и забавным; один из офицеров, дерзко глядя ему в лицо, сказал:

– Где же, в таком случае, вы накололи свою руку, сударь?

Поручик, поняв наши намерения, страшно побледнел; была секунда, когда собеседники хотели схватиться за сабли; но потом, сдержавшись, поручик сказал:

– Извольте, ротмистр, выбирать более достойные слова для своих вопросов. Отдаленность от столицы, сколь вижу я, приводит вас к дикости.

И с этими словами он, повернувшись на каблуках, пошел к выходу.

Ротмистр хотел было броситься к нему, но мы его удержали.

Положение было крайне щекотливое. Нельзя сказать, что повод для дуэли был весьма обстоятельный, тем не менее ротмистр почел себя крайне обиженным и решил драться. И с каждым стаканом вина он все более приходил к мысли, что полученное оскорбление можно лишь смыть кровью.

Он упросил меня и двоих офицеров быть его секундантами. Мы согласились. И утром должны были передать поручику вызов. Однако несчастный случай прервал эти намерения.

Мы поздно разошлись из офицерского собрания, и ротмистр, вернувшись к себе домой, стал приводить в порядок свои дуэльные пистолеты. И, разряжая один из них, нечаянным образом выстрелил и убил себя наповал. Пуля ударила ему в подбородок и засела в мозгу; смерть была мгновенна и ужасна.

Смерть бедного ротмистра весьма нас смутила, но мы не могли не признать, что поручик был всего менее в этом повинен. И, погоревав о несчастном нашем ротмистре, мы стали забывать об этом глупом и жалком столкновении, закончившемся столь трагическим образом.

Прошло два месяца. Натянутые наши отношения с новым офицером постепенно перешли если не в дружество, то в добрые и короткие отношения.

Он и в самом деле оказался на редкость славным малым. И, пожалуй, он из нас сильнее всех жалел о несчастной судьбе погибшего ротмистра. Он нам сказал, что не может себе простить ту мальчишескую вспыльчивость, которая не отвратила столкновения.

Эта его сердечность послужила первой причиной нашего сближения. И, видя его истинное и трогательное огорчение, мы даже стали его однажды утешать, говоря, что нельзя в нем видеть причину несчастья, что он поступил так, как на его месте поступил бы всякий воспитанный человек; и, вероятно, такова уж печальная судьба у нашего бедного ротмистра, если даже его жизнь не была сбережена талисманом,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
носимым постоянно им на груди.

Поручик с благодарностью стал пожимать наши руки и с непонятым для нас волнением спросил: "Каков, однако, был талисман у него?"

Но мы не много знали об этом предмете. Ротмистр привез талисман из Персии и, будучи суеверным человеком, никогда с ним не расставался, считая его средством против дурного глаза и несчастного случая. Однако ж, как мы видим, жизнь судила иначе.

– В таком случае, господа, – сказал поручик, – я расскажу вам еще об одном талисмани, и ваша воля думать об этом как угодно.

И тут мы с величайшим интересом услышали следующий рассказ:

– В начале тысяча восемьсот двенадцатого года, в эпоху, как известно, столь бурную военными событиями, служил в нашем гвардейском полку сын отставного генерала и помещика К.

Прекрасно обеспеченный и избалованный с нежною возраста, молодой наш гусар, очутившись в блестящем гвардейском полку, предался кутежам и веселию. Буйства, картежная игра и шалости наполнили все дни молодого человека. Нередко он после ночного разгула являлся на ученье прямо во фраке и с цилиндром в руках, чем приводил славного полкового командира в ужасный гнев и раздражение.

Жалобы со всех сторон усиливали гнев командира, и он не раз обещал сообщить его родителю о всех невозможных проказах, кои вполне могли закончиться печально. Но молодой наш гусар, как говорится, и в ус подул и со смехом выслушивал нотации своего полкового командира.

Скорее из шалости и озорства, чем из сердечных побуждений, он вступил в связь с женой своего полкового командира, еще в достаточной степени молодой и на редкость красивой женщиной, Варенькой Л., на которой полковник два года назад женился после осемилетнего вдовства.

Эта связь нашего гусара с Варенькой Л. была скандальной в высшей степени, и она вскоре стала известной решительно всем, кроме мужа. Влюбленная дама, забыв всякую осторожность, открыто стала всюду появляться в сопровождении нашею поручика.

Громадные его проигрыши и скандальные происшествия с тужили неизменной темой во всех светских гостиных. Но это, казалось, еще более возвышало офицера в его собственных глазах.

Полковой командир наш, предвидя несчастья, снесся письмами с отцом шалопаю, но это отнюдь не послужило спасением; сей престарелый родитель, получив достойное письмо, возымел намерение почти всякий день писать полковому командиру наставительные письма, давая в них по пунктам и параграфам советы и указания, как ладить с молодыми современными людьми, вступившими в свитский путь.

На всякое письмо бедный наш командир, памятуя славное имя родителя, считал своей обязанностью исправно ответить; но ежедневная бессмысленная переписка вызвала обратное действие, и вскоре получатель сей возвышенной словесности проклинал себя за неосторожное намерение и даже стал приходить в содрогание от звуков ненавистной ему фамилии.

Нечаянное происшествие изменило все.

Поручик по весьма ничтожному поводу послал вызов молодому, семнадцатилетнему графу Р. и тяжело ранил его пулей в грудь навывлет.

Семья графа Р. подала жалобу государю, и впредь до высочайшего повеления поручик был посажен под арест.

Полученные от полка сведения были неблагоприятны для судьбы поручика; полковой командир не нашел причин сколько-нибудь порядочно аттестовать его и, полагая, что этот случай избавит его наконец от буяна, дал о нем самые убийственные сведения.

Но в ту пору начавшаяся война с Наполеоном задержала решение государя. Полчища французов быстро подходили к сердцу нашего любезного отечества.

Наше войско было двинуто противу французов, по оно не имело сил сдержать его натиска.

Гвардейские полки стали принимать боевую готовность, и нам вскоре было ведено выступить в поход.

Энтузиазм в столице был в ту пору всеобщий. Престарелый родитель поручика К., благороднейшая и возвышенная душа которого пылала ненавистью к узурпатору, прислал полковому нашему командиру наставление, что сделать с Наполеоном, буде он попадет к нам в плен.

"Наполеонишку, – писал старый воин, – заставь его самого себя съесть. Посадите в отдельное надежное помещение и, отрезав от злодея одну ногу, кормите его этим в течение одного месяца, покуда он все не съест. Заставь то же сделать с остальными членами, и тогда господь бог приберет его в том виде, какую он вполне заслужил перед лицом всего мира".

Освобожденный из-под ареста поручик отправился в поход вместе со своим полком. Но каково было всех удивление, когда в пути нас нагнал фельдъегерь с высочайшим приказом разжаловать поручика К. в нижние чины.

Мы все не ожидали подобного жестокого осуждения.

Между тем полковой командир, не скрывая своею удовольствия, запросил главнокомандующего, куда ему девать разжалованного в солдаты, но главнокомандующий не сосчитал возможным до конца боевой обстановки сделать перевод в другую часть. И разжалованный поручик К. продолжал совершать поход вместе с нами. Полковой командир был открыто этим раздосадован и не скрывал своего раздражения противу К., который и теперь не терял расположения духа и насмешливостью отвечал на все сердитые взгляды командира.

Однако ж события наступали с решительной быстротой; наш полк дважды уже имел жаркое столкновение с французским войском и выходил из этого с честью.

Отведенный для пополнения в местечко С***, наш полк собирался вскоре выступить в поход, как вдруг произошли события, по своей важности исключительные.

Без меры влюбленная жена полковника, потеряв всякую осторожность, приехала сюда для свидания с мужем, но все отлично видели в этом желание встретиться с К., которого, по ее мнению, разжаловали стараниями мужа.

Скандал был страшный и необыкновенный по своим последствиям; Варенька дважды падала в обморок, объясняясь с мужем, и несчастный наш полковой командир, устранившись дальнейшего, пообещал ей похлопотать перед государем о восстановлении разжалованного.

Свидание с К. было трогательным и печальным. Варенька, обливаясь слезами, надела на его шею металлическую цепочку с головой дракона, сказав, что не раз этот талисман сохранял жизнь ее отцу и не раз из несчастья выводил его на путь радости; и что пусть этот талисман отвратит теперь от поручика все беды.

Несчастнейший наш командир и муж этой забывшей свой долг женщины прервал это свидание, явившись сообщить офицерам, что сюда ждут приезда великого князя Константина Павловича.

Командир, не имея сил разорвать свои отношения с неверной женой, был бледен и раздражен в высшей степени; была минута, когда мы ждали, что он ударит хлыстом своего соперника. Но он имел мужество подать руку своей жене и увел ее, плачущую и дрожащую, к подъехавшей коляске.

Тотчас полк стал готовиться к приезду царственной особы; и не прошло и часу, как полку было ведено построиться в поле в пешем строю. Прибывший великий князь обратился к полку с благодарностью, лестно хваля офицеров и солдат за доблестное сражение.

– Государь, – сказал он, – по заслугам наградит господ офицеров, списки коих будут представлены; что же касается нижних чинов, то мы просим полкового командира назвать имена наиболее отличившихся на поле сражения.

Тотчас же к великому князю подошел адъютант, держа на шелковой подушке некоторое количество георгиевских крестов, недавно введенных для раздачи нижним чинам.

Тут трудно сказать что-нибудь вразумительное, но полковой наш командир в ответ на слова великого князя, быть может разгоряченный недавним семейным скандалом и полагая, должно быть, что речь зашла как раз о тех обидчиках, кои отравляли ему жизнь, назвал ненавистную фамилию своего разжалованного в солдаты соперника.

Произнеся это имя, полковой командир сделался белее своего платка, который он судорожно поднес к своему рту.

Мы все в одно мгновение замерли, полагая, что он поуправится в своей ошибке, хотя это было бы в высшей степени неприлично и чудовищно, но старый воин, воспитанный на традициях покойного государя, произнеся эту фамилию, не сосчитал возможным в присутствии царской особы признаться в совершенной ошибке и, назвав еще четыре фамилии, смолк, безумно глядя на всех нас.

Тотчас адъютант повторил эти пять фамилий, и из рядов вышли пять нижних чинов, коим великий князь лично к шинелям приколот высокие награды.

Положение было тем более неприлично и скандально, что бедный наш разжалованный офицер не был участником в сражении, находясь в ту пору в прикрытии к обозу.

Между тем великий князь, попросившись с войском, удалился под несмолкаемые крики "ура"; всем было велено разойтись, и офицеры, оживленно обсуждая событие, направились к палаткам.

Бедный разжалованный поручик с приколотым крестом смущенно стоял, не зная, что ему сделать и как поступить. Слезы выступили у него на глазах, и лицо пылало от стыда и досады. "Так вот оно, немедленное действие талисмана", – подумал поручик и хотел было сорвать с себя амулет, чтобы счастье не было к нему столь сразу благосклонным и бурным в своем проявлении.

Подошел к офицерам, он сказал, что их улыбки и смех были бы для него тягостны, но как честный и порядочный человек он признает, что невозможно оставить сей крест, так случайно и ошибочно им полученный. Между тем нету способа отказать от него, не поставив себя и командира в ужасное и комическое положение.

– Но я нашел выход в моем отчаянном положении, – сказал он, – и в самое ближайшее время я непременно постараюсь сделать какой-либо поступок, который оправдает столь высокую награду, случайно полученную мной.

Офицерам чрезвычайно понравилась его смелая мысль заслужить таким путем полученное уже награждение.

И вот в течение нескольких дней весь полк с волнением видел, как несчастный поручик искал способа заслужить то, что он уже имел; он проявлял свою храбрость решительно всюду, где это было возможно, он выезжал в разведки и бешеным аллюром скакал на лошади под градом французских пуль, однако настоящего дела у него еще не было.

Но вот наконец получен был приказ из штаба нашей армии узнать расположение врага к югу от местечка И.

Тотчас разжалованный поручик вызвался это сделать и, вскочив на лошадь, отправился на линию наших дозоров. Проехав версты три, он оставил лошадь в поле и, подойдя к одному селению, стал набрасывать на бумаге расположение французской пехоты, беря во внимание дым костров и далекое движение военных частей.

Выстрел один и другой прогремели над ним; он упал на землю и пополз, чтобы скрыться из виду заметивших его французов. Но едва он залег в лощине, как трое всадников, подскакав к нему, в одно мгновение схватили его и, как он ни сопротивлялся, обезоружили и связали ему руки. Положение было отчаянное.

Не признавшись в знании языка, пленник на все вопросы молчал, и тогда его повели в селение; но он и там перед французскими офицерами держался как человек, впервые слышавший французскую речь.

Сердце упало у поручика, и он стал мысленно прощаться с миром, когда французы, обыскав его, сняли с него талисман. Поручик протянул было свои связанные руки, чтобы взять талисман назад, но французы не разрешили ему это сделать и, сложивши вместе отобранные вещи, передали его одному из двух конвоиров, коим было поведено строжайшим образом следить за пленным, говоря, что это шпион и его следовало бы застрелить на месте, если бы штаб армии не приказал доставить сегодня нескольких русских для ознакомления с намерениями противника.

Два француза-конвоира, подталкивая прикладами, повели связанного по рукам шпиона.

Было раннее утро. На полях лежал иней, и лужи были подернуты тонким льдом. Конвоиры в легких мундирах, дрожа от утреннего холода, торопили пленника, побуждая его идти быстрее.

Пройдя не более двух верст, они остановились около угасавшего костра, кем-то оставленного. Потирая руки, они присели на корточки, чтобы немного согреться; пленник сделал то же самое. Один из конвоиров, желая положить хворосту в угасавший костер, пошел поискать у опушки леса сухих сучьев.

В одно мгновение в голове К. созрел план действия. Надо было тотчас бежать, убив оставшегося француза. Но связанные веревкой кисти рук делали его поистине беспомощным. Тогда, протянув связанные руки к костру, поручик захотел было огнем пережечь веревки. Ужасающая боль ожога заставила его оставить это намерение. Тогда, выбрав несколько пылающих углей, поручик незаметно положил на них свои руки, чтобы угли пережгли его пути. Еле сдерживаясь, чтоб не закричать от адской боли, К. бешеным усилием воли подавил неимоверную боль. Раскаленные угли постепенно пережгли веревку, опалив ему ладони и пальцы рук.

Засим, почувствовав, что веревка больше не сдерживает его рук, поручик, как тигр, одним прыжком бросился на сидевшего на корточках француза и схватил его за горло. Несчастный француз захрипел, и ружье его выпало из рук.

В одно мгновение поручик, обшарив убитого, схватил его бумаги и, найдя среди них талисман, вздохнул с облегчением. Теперь, казалось ему, победа будет за ним. Мысль, что талисман у него, придала ему необычайное мужество и уверенность.

В этот момент другой француз, заметивши недоброе, бежал, что есть силы, к костру. Поручик схватил ружье, чтобы в него выстрелить, но обожженные и изуродованные борьбой руки не слушались его. Взяв все же с собой ружье, поручик бросился бежать, но, увидев это, француз стал стрелять по нем. Еле преодолевая боль, поручик тоже выстрелил и первым же выстрелом ранил француза. Несчастный упал и пополз в сторону.

К. бросился бежать, боясь, что громкие выстрелы всполошат недалекие лагеря. И действительно, пробежав несколько сот шагов, поручик заметил, что к костру спешили французы. Надо было торопиться. Еле переводя дух, К., не останавливаясь, бежал все быстрее. Сознание, что с ним талисман и снятый план расположения врага, придало ему неслыханную силу.

Но погоня была уже близка. Уже видны были всадники в красных эполетах, ехавшие по его следам. Положение снова создалось отчаянное. Но тут поручик увидел оставленную им в поле лошадь. Она смиренно стояла на том месте, где он ее оставил. Она тихо заржала, как бы приветствуя своего хозяина.

Поручик вскочил в седло и, как баба, обняв доброго коня за шею, вихрем понесся вперед. Раздались выстрелы.

Несколько пуль весьма близко прожужжало над его головой. Одна из пуль обожгла его плечо. И поручик почувствовал, что он ранен. Но добрый конь с лихостью рванул вперед, и вскоре французы, увидя близкое расположение русских, оставили свое намерение.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Лошадь на бешеном скаку влетела в наше селение. И как вкопанная остановилась около наших палаток. Поручик, разжав руки, без чувств свалился с коня; и, упав плашмя на землю, остался недвижим.

Тотчас все его обступили. Кровь тихо струилась из его раны. И все подумали, что он умер. Побежали за врачом. Оказалось, что беглец жив, но в глубоком обмороке.

Поручик Б. замолчал. Видно было, что волнение его душило. Офицеры, его окружавшие, не прерывали этого молчания.

Наконец один из нас сказал:

– Но что же было дальше?

– Раненого отнесли в лазарет, – сказал поручик. – Офицеры обступили его койку; пришел полковой командир; поручик, увидев его, сорвал с себя крест и бросил его к ногам полковника. Он сказал: "Возьмите назад то, что я получил случайно".

Все ахнули, когда он так сделал. Это было большое преступление. Но в ту же минуту все увидели, что поручик решительно был без памяти; и действительно, нервная горячка держала его при смерти в течение двух недель.

Поручик Б. снова замолчал. Казалось, он не находил слов для дальнейшего.

Я спросил его:

– Он получил новый орден?

– Нет, – сказал поручик, – военное командование признало случай исключительным, ему вернули чин, но ранее полученный орден заменен другим не был. Однако поручик, не желая носить случайный крест, снова возобновил свои ходатайства, но вот третий год, как нету результата.

– А где ж теперь этот храбрый офицер? – спросили мы.

– Он, сказывают, служит в армейской части.

– А его руки? Полностью ли они зажили, или же он навсегда остался калекой?

Была лишь одна секунда, когда поручик взглянул на свои изуродованные руки, и они у него дрогнули; мы все в одно мгновение поняли, что славный поручик К. и есть наш рассказчик.

Мы стали пожимать его руки, и он, страшно смущаясь и краснея, как барышня, признался нам, что он и был действующим лицом во всей этой истории.

– А талисман?.. – спросил один из нас. И тут мы все в одно мгновение подумали, что наш бедный ротмистр, погибший столь нечаянным образом перед дуэлью, не есть ли жертва таинственной силы этого талисмана, который, как мы сейчас видели, многократно оберегал поручика от случайных бед. Не есть ли смерть несчастного ротмистра еще один случай одного и того же дела?

Мы стали просить, чтобы поручик нам показал этот талисман, столь ревностно оберегавший его судьбу.

Поручик, засмеявшись, сказал:

– Я потерял его, господа. В тот момент, когда я вскочил на лошадь, чтобы бежать от французов, он выпал у меня из кармана; я хотел было остановить коня, чтобы поднять его, но точно рассчитал, что потерянные при этом две минуты создадут мне более сильную опасность, нежели потерянный амулет. Соображение это было правильным, и я остался, как видите, жив. И вот уже третий год моя судьба, увы, никем не оберегается. И нету оснований признавать, что талисман, быть может, явился причиной смерти бедного нашего ротмистра.

Мы разочарованно переглянулись, увидев, что это и в самом деле так. Мы ожидали услышать иной конец, который еще более показал бы могущество талисмана. Но этого, увы, не было.

Мне хотелось узнать, куда же подевалась Варенька Л., но я не смел спросить. Поручик как бы понял мои мысли; он сказал, вздохнувши:

– Варенька Л., видя мое к ней равнодушие, разлюбила меня. Она вскоре после смерти полковника вышла замуж за Н. Сказывают, что она теперь безмерно счастлива.

Прошло полгода после этого рассказа. Поручик Б. был вызван к своему отцу, который находился при смерти. Он уехал и после этого к нам в полк не вернулся. Сказывают, что он бросил военную службу и стал заниматься хозяйством. И еще сказывают, что через год он все же получил заслуженный им георгиевский крест, с которым он никогда более не расставался, даже нося гражданское платье. И, женившись впоследствии на любимой им особе, всегда при случае называл ее кавалерственной дамой.

ГОЛУБАЯ КНИГА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Веселость нас никогда не покидала.

Вот уже пятнадцать лет мы, по мере своих сил, пишем смешные и забавные сочинения и своим смехом веселим многих граждан, желающих видеть в наших строчках именно то, что они желают видеть, а не что-нибудь серьезное, поучительное или досаждающее их жизни.

И мы, вероятно по своему малодушию, бесконечно рады и довольны этому обстоятельству.

Нынче мы замыслили написать не менее веселую и забавную книжонку о самых разнообразных поступках и чувствах людей.

Однако мы решили написать не только о поступках наших современников. Перелистав страницы истории, мы отыскивали весьма забавные факты и смешные сценки, наглядно рисующие поступки прежних людей. Каковые сценки мы также предложим вашему вниманию. Они нам весьма пригодятся для доказательства и утверждения наших дилетантских мыслей.

Нынче, когда открывается новая страница истории, той удивительной истории, которая будет происходить на новых основаниях, быть может – без бешеной погони за деньгами и без великих злодеяний в этой области, нынче особенно любопытно и всем полезно посмотреть, как жили раньше.

И в силу этого мы решили, прежде чем приступить к новеллам из нашей жизни, рассказать вам кое-что из прежнего.

И вот, перелистав страницы истории своей рукой невежды и дилетанта, мы подметили неожиданно для себя, что большинство самых невероятных событий случалось по весьма немногочисленным причинам. Мы подметили, что особую роль в истории играли деньги, любовь, коварство, неудачи и кое-какие удивительные события, о которых речь будет дальше.

И вот в силу этого мы разбили нашу книгу на пять соответствующих, отделов.

И тогда мы с необычайной легкостью, буквально как мячи в сетку, распихали наши новеллы по своим надлежащим местам.

И тогда получилась удивительно стройная система. Книга заиграла всеми огнями радуги. И осветила все, что ей надо было осветить.

Итак, в книге будет пять отделов.

В каждом отделе будет особая речь о том предмете, который явится нашей темой.

Так, например, в отделе "Любовь" мы расскажем вам, что знаем и думаем об этом возвышенном чувстве, затем припомним самые удивительные, любопытные приключения из прежней истории и уж затем, посмеявшись вместе с читателем над этими старыми, поблекшими приключениями, расскажем, что иной раз случается и бывает на атом

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
фронте в наши переходные дни.

И то же самое мы сделаем в каждом отделе.

И тогда получится картина полная и достойная современного читателя, который перевалил через вершины прошлого и уже двумя ногами становится в новой жизни.

Конечно, ученые мужи, подобострастно читающие историю через пенсне, могут ужасно рассердиться, найти наше деление произвольным, крайне условным и легкомысленным.

Итак, перед нашим взором пять отделов: "Деньги", "Любовь", "Коварство", "Неудачи" и "Удивительные события".

Отметим, что последний отдел должен быть самый замечательный.

В этом отделе будут отмечены наилучшие, наиболее благороднейшие поступки, поступки высокого мужества, великодушия, благородства, героической борьбы и стремления к лучшему.

Этот отдел, по нашей мысли, должен звучать как Героическая симфония Бетховена.

Нашу книгу мы назвали голубой.

Голубая книга!

Мы назвали ее так оттого, что все другие цвета были своевременно разобраны. Синяя книга, Белая, Коричневая, Оранжевая... Все цвета эти были использованы для названий книг, которые выпускались различными государствами для доказательства своей правоты или, напротив, – вины других.

Нам едва оставалось четыре-пять совершенно невзрачных цвета. Что-то такое: серый, розовый, зеленый и лиловый. И посудите сами, что таким каким-либо пустым и незначительным цветом было бы по меньшей мере странно и оскорбительно назвать нашу книгу.

Но еще оставался голубой цвет, на котором мы и остановили свое внимание.

Этим цветом надежды, цветом, который с давних пор означает скромность, молодость и все хорошее и возвышенное, этим цветом неба, в котором летают голуби и аэропланы, цветом неба, которое расстилается над нами, мы называем нашу смешную и отчасти трогательную книжку.

И что бы об этой книге ни говорили, в ней больше радости и надежды, чем насмешки, меньше иронии, чем настоящей, сердечной любви и нежной привязанности к людям.

Итак, поделившись с вами общими замечаниями, мы торжественно открываем наши отделы.

И по этим отделам, как по аллеям истории, мы предлагаем читателю прогуляться.

Дайте вашу мужественную руку, читатель. Идемте. Мы желаем вам показать кое-какие достопримечательности.

Итак, мы открываем первый отдел – "Деньги", который, в свою очередь, распадается на два отдела: исторические новеллы о деньгах и рассказы из наших дней на эту же тему.

А прежде этого в отвлекенной беседе обрисуем общее положение. Итак "Деньги".

ДЕНЬГИ

1. Мы живем в удивительное время, когда к деньгам изменилось отношение.

Мы живем в том государстве, где люди получают деньги за свой труд, а не за что-нибудь другое.

И потому деньги получили другой смысл и другое, более благородное назначение – на них уже не купишь честь и славу.

2. Этот могущественный предмет до сей славы поры с легкостью покупал все, что вам было угодно. Он покупал сердечную дружбу и уважение, безумную страсть и нежную преданность, неслыханный почет, независимость и славу и все, что имелось наилучшего в этом мире.

Но он не только покупал, он еще, так сказать, имел совершенно сказочные свойства превращений.

И, например, обладательница этого предмета, какая-нибудь там крикливая подслеповатая бабенка без трех передних зубов, превращалась в прелестную нимфу. И вокруг нее, как больные, находились лучшие мужчины, добываясь ее тусклого взгляда и благосклонности.

3. Полоумный дурак, тупица или полный идиот, еле ворочающий своим косноязычным языком, становился остроумным малым, поминутно говорящим афоризмы житейской мудрости. Пройдоха, сукин сын и жулик, грязная душонка которого при других обстоятельствах вызвала бы омерзение, делался почетным лицом, которому охота была пожать руку. И безногий калека с рваным ухом и развороченной мордой нередко превращался в довольно симпатичного юношу с ангельской физиономией.

Вот в кого превращались обладатели этого предмета.

И вот, увы, этому магическому предмету, слишком действовавшему на наше мягкое, как воск, воображение и имеющему столь поразительные свойства, достойные сказки, нанесены у нас тяжёлые раны. И что из этого будет и получится, лично нам пока в полной мере и до конца неизвестно.

Однако мы думаем, что ничего плохого, кроме хорошего, не произойдет. И, быть может, счастье еще озарит нашу горестную жизнь.

4. Вот, если, предположим, какое-нибудь, ну, я не знаю, какое-нибудь там разумное существо, ну, предположим, с Марса или там с Юпитера, завет, допустим, ненадолго, на нашу скромную землю, – существо это, не привыкшее к нашим земным делам, до крайности изумится течению нашей земной жизни.

Конечно, хочется думать, что это разумное существо в первую очередь и хотя бы ввиду обширности наших полей и равнин завернет или упадет именно к нам. И тогда его изумление не будет столь грандиозно.

Но, если оно, допустим, по неопытности, или там из крайнего любопытства или, чего доброго, из желания, в силу своей порочности, порезвится, завернет сначала в одну из европейских стран, рассчитывая там отвести свою душеньку, то оно, непривычное к таким видам, до крайности поразится в первое же мгновение.

5. Вот, предположим, существо это опустилось, или, придерживаясь более земных понятий, скажем – упало на своем летательном аппарате куда-нибудь, ну, там, поблизости какого-нибудь мирового города, где, так сказать, блеск, треск и иммер элеган.

Сверкают, предположим, лампы. Вырываются к нему лучи реклам. Блестит на облаках всем на удивление какая-нибудь там световая бутылка с шампанским. Пробка у ней нарочно выскакивает. Световые брызги блестят. Внизу гремит музыка. Поезд грохочет. Визжит там, я извиняюсь, какой-нибудь человечико, которому отхватили ноги. Сок течет... Автомобиль едет, до отказа заполненный шикарными дамами. Они с хохотом и прибаутками едут куда-нибудь, там, ну, я не знаю – в оперу или кабаре, повеселиться. Бравый полисмен оживленно отдает им честь... Где-то поют... Где-то раздаётся выстрел... Где-то плачут, охают и танцуют.

6. Одним словом, грохот, треск, и блеск ошеломляют наше приезжее существо, которое тем не менее бесстрашно устремляется вперед, чтоб посмотреть на невиданное дотоле зрелище.

Смешавшись с толпой, наше странное существо идет, предположим, на своих кривых ножках по главной улице.

Ротик у него открыт, глазенки вращаются туда и сюда, в сердце, если имеется таковое, неясная тревога сменяется сожалением, что сдуру оставлено насиженное

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
место, и вот – не угодно ли, может быть, черт знает что сейчас произойдет.

И вдруг существо видит: подъезжает к подъезду какой-нибудь шикарный мотор.

7. Три швейцара стремительно выбегают и с превеликим почтением открывают дверцы. И любопытные, затаив дыхание, смотрят на того, кто сейчас оттуда вылезет.

И вдруг из авто, наклонив головку, выпархивает, вообразите себе, этакая куколка, крайне миловидная, красивенькая дама, такая прелесная, как может представить себе праздничная фантазия мужчины. В одной руке у нее крошечный песик, дрожащий черненький фокстерьер, в другой ручке – кулек с фруктами – ну, там персики, ананасы и груши.

Она выпрыгивает из авто с крайне беспомощными словами: "Ах, упаду!" или "Ах, Алексис, ну где же та наконец!"

И вот вслед за ней, кряхтя, вылезает Алексис на своей хромой ноге. Этакое, представьте себе, грубое животное, этакая у нег морда – нос кривой, одной скулы нету, и из глаза гной течет. Нет, он дет модно и элегантно, но сразу видать, что это ему никак не помогает, а напротив того, усиливает его крайне безобразный вид.

8. И вот все ему тем не менее кланяются в три погибели, все на него восторженно смотрят. Шепот восторга и почтения пробегает по рядам.

– Ах, говорит швейцар, дрожа от волнения, – какое счастье, господа, что он к нам пожаловал.

А оно, этот хромоногий субъект, видать, состарившийся в злодеяниях, небрежно зевая и не закрывая даже своего еала рукой, идет на своей кривой ноге, нехотя поглядывая на прелестную даму, которая суть не кто иная, как его жена.

– Пардон. Кто это такое? – испуганно спрашивает наше разумное существо у швейцара. – Это что же будет: какой-нибудь ваш великий ученый, или политический деятель, или, может быть, крупный педагог своего времени?

– Педагог, – презрительно говорит швейцар. – Если б педагог, то никакой бы, извиняюсь, суматохи не случилось. У нас педагогов, может быть, с кашей жрут, а это приехавши миллионер.

9. С трудом понимая, что это значит, наше разумное существо узнает, что этот хромоногий субъект, которому оказано столь великое уважение, только тем и замечателен, что он весьма удачно торгует автомобильными шинами, купленными на те деньги, которые оставил ему его папа.

Не понимая, что это значит, и не желая ломать свои возвышенные мозги, наше разумное существо, рассердившись, решает тогда покинуть землю, где земных обитателей уважают за столь странные и непонятные свойства.

И вот спешит наше приезжее существо обратно к своему летательному аппарату.

И по дороге видит странные сценки. Оно видит шикарных и развязных людей в длинных шубах, подбитых мехом. И людей жалких, бедно одетых, идущих трухлявой, вороватой походкой. Оно видит ребятенка с протянутой лапкой. И роскошного нахального младенца с свисающими от жира щеками, которого за ручку ведет мама и поминутно кормит то бисквитами, то каким-то мягким шоколадом.

Оно видит картину, наверно привычную и для его потустороннего взора, – оно видит молодую красоточку, поспешно выбежавшую на тротуар и пристающую к мужчинам с надеждой заработать у них на своей миловидности.

10. И, видя все это, наше существо спешит, чтобы сесть в свой аппарат и лететь куда глаза глядят.

И вдруг оно чувствует, как чья-то рука лезет в его карман, которого, вообще-то говоря, у него и нету, а деньги, по обычаю своей планеты, оно, может быть, держит на груди.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Прижав лапчонкой это место, чтобы не уперли последнее сбережение, наше существо садится в аппарат и, нажав кнопку, поспешно взлетает к ярким небесам, бормоча на своем тарбарском наречии:

– А ну вас, знаете ли, к лешему. Тоже, представьте себе, планета.

Прощайте, прощайте... До свиданья... Прилетайте почаще. Быть может, в дальнейшем что-нибудь изменится. Привет вашим. Пишите. Заглядывайте к нам. У нас течение жизни идет по-иному.

11. Да, в самом деле, у нас иная жизнь. Нет, у нас есть деньги. У нас на них многое можно купить, но они иначе распределяются между людьми. И у нас нет уважения – к тому, кто почему-либо их больше имеет. У нас такую личность уважают главным образом за другие качества.

Значит, новая жизнь, новые отношения и новая страница истории.

И вот, стало быть, если это так – интересно и всем обязательно нужно и полезно посмотреть, что было раньше, раз этого сейчас нету, и что случилось в прошлом, раз больше не хотят, чтоб это происходило в настоящем.

И вот, посплюнув палец, мы перелистываем пожелтевшие страницы бесстрастной истории.

И тут мы сразу видим, что история знает великое множество удивительных рассказов о деньгах. Однако, прочитав их, мы решительно не можем понять, почему история должна рассказывать об этом беспристрастно. Напротив. Некоторые историйки, на наш взгляд, весьма прекомичны, и над ними надо смеяться. А есть рассказы, над которыми следует проливать слезы.

Но нет, что вы, мы не собираемся пересказать вам всю историю. Мы расскажем то, что было наиболее смешным, и то, что было наиболее характерным, как нам показалось.

12. Вот, например, извольте прослушать рассказ о силе денег, рассказ о том, как однажды с публичного торга продавался царский трон. Причем не самый, конечно, трон, не мебель, а целое царствование. И каждый желающий богатый субъект, любитель поцарствовать, мог преспокойно стать царем. И мог, так сказать, всем на удивленье, создать свою собственную какую ни на есть худародную династию. И это случилось не в какой-нибудь там захудалой стране, где, так сказать, ковыль, леса и белки, а ни больше, ни меньше, как в самом величественном Риме.

Причем это было тем более достойно всякого удивления, что в то время и трон и царская династия необыкновенно почитались и были, так сказать, нечто божественное, освященное привычками и веками. И уж во всяком случае, понятие об этом было несколько иное, чем, извиняюсь, в наши дни. Но тем не менее деньги все же над этим восторжествовали.

Бесстрастная история рассказывает, что в Риме в 193 году нашей эры преторианцы, нуждаясь в деньгах, пустили императорский трон с публичного торга.

Желающих быть императорами оказалось больше, чем следовало ожидать.

13. Мы представляем себе, как при этом горячились жены претендентов на престол. И какие были крики, стоны и вопли и, может быть, даже, извините, драки и побоища. Было, конечно, весьма соблазнительно из полного ничтожества стать вдруг императрицей. Однако два человека вскоре обскакали всех.

Один богатый человек, городской префект Сульпициан, предложил около восьми миллионов рублей за престол.

Однако другой претендент, сенатор Дидий Юлиан, придурковатый и немолодой субъект, жена которого, повидимому, нервно стояла рядом, хриплым голосом, унимая сердцебиение рукой, сказал, что он дает каждому солдату ровно по шесть тысяч двести пятьдесят динариев, что составляло в общей сложности тринадцать миллионов рублей.

Сумма эта вызвала великий энтузиазм в массах, и сенатор Дидий Юлиан, шатающийся

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
от слабости и волнений, получил заманчивый престол.

– Ты просто дурак! – вероятно, сказала супруга императору. – Брякнуть тринадцать миллионов! Они бы нам и за девять уступили...

– Ну уж, матушка, почем я знал. Ты бы меня со свету сжила, ежели бы кто другой перебил.

14. Однако со свету сжила его не супруга. А кое-как процарствовав шестьдесят дней, этот любитель императорской власти неожиданно закончил свое земное существование, – те же преторианцы его умертвили, заколов кинжалами.

– Мерзавцы, – наверно, кричал бедняга император, – что вы, ей-богу, делаете, я же вам, кажется, заплатил сполна.

Однако доблестные воины, надеясь, вероятно, вовлечь в подобную сделку еще следующего богатого дурака, безжалостно прикололи горе-императора, невинная и многострадальная душа которого поспешно взвилась к небу, горько жалуясь господа богу на величайшее свинство и вопиющую людскую непорядочность.

Свинство же действительно было преогромное – за тринадцать миллионов царствовать всего два месяца и после того отдать богу душу! А впрочем, дурак был отчасти сам виноват – зачем полез в императоры.

Но, в общем, трон – это неувидительно.

15. Вот было удивительно, когда церковь стала продавать ордера на отпущение грехов. Это у них уклончиво называлось индульгенциями.

Мы, собственно, не знаем, как возникло это деле. Вероятно, было заседание обедневших церковников, на котором, давясь от здорового смеха, кто-нибудь предложил эту смелую идею.

Какой-нибудь там святой докладчик, наверно, в печальных красках обрисовал денежное положение церкви.

Кто-нибудь там несмело предложил брать за вход с посещающих церковь.

Какой-нибудь этакий курносый поп сказал своим гнусавым голосом:

– За вход брать – это они, факт, ходить не будут. А вот, может быть, им при входе чего-нибудь этокое легонькое продавать, дешевенькое, вроде Володи... что-нибудь вкручивать им...

Кто-нибудь крикнул:

– Дешевенькое тоже денег стоит. А вот, может, нам с каждого благословения брать? Или: водой морду покропил – платите деньги.

16. Но тут вдруг наш курносый поп, фыркая в руку и качаясь от приступов смеха, сказал:

– А может, нам, братцы, грехи отпущать за деньги? У кого какой грех гони монету... И квиток получай на руки... Ай, ей-богу...

Тут, без сомнения, шум поднялся, смешки, возгласы.

Пожалуй, какая-нибудь высохшая ханжа, воздев к небу руки, сказала:

– А как же бог-то, иже еси на небеси?

Курносый говорит:

– А может, мы для него и стараемся... Я только, братцы, другого боюсь – вдруг не понесут деньги... Народ форменный прохвост пошел.

Но тут, проголосовав, решили испытать это дело. Дело, вопреки сомнениям, двинулось хорошо. И вот этой выгодной торговлишкой церковь усердно занималась в

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
течение многих веков.

Любой грех можно было выкупить за определенную плату.

17. Божественный наместник Христа, некто папа Лев XI (1514 год), сильно нуждаясь в деньгах и желая расшевелить эту заглохшую было в его время торговлишку, решил отправить за границу специального человечка, надеясь потрясти карманы состоятельным иностранцам, верующим в святость и непогрешимость церкви.

Этот человек, монах Тецель, объехал все германские владения, бойко торгуя там ордерами на отпущение грехов.

Он ездил на лошади с двумя ящиками. В одном ящике у него были папские грамоты и ярлыки на отпущение грехов – прошлых, настоящих и даже будущих. В другой ящик монах пихал деньги за вырученный товар.

История рассказывает про это арапство забавный анекдот, как один германский рыцарь встретил в лесу этого монаха. Этот рыцарь купил у монаха ордер на отпущение того греха, который он намерен исполнить. После чего, избив монаха и отняв у него ящик с деньгами, скрылся.

18. Впрочем, что касается церкви, это тоже не так уж поразительно. По части денег церковь всегда отличалась непомерной жадностью. И самые крупные суммы скапливались в церковных и монастырских недрах и подвалах.

Конечно, попы прошлого, надо сказать, несколько отличались от современных затрушенных служителей культа. Это были яростные молодцы и любители хорошо пожрать и выпить. Многие из них ходили – со шпорами, вооруженные мечами и пистолетами, многие ездили на конях, сражались и ворочали политическими делами. И, любя широкую жизнь, загребали деньги с живых и мертвых.

Так что все, что касается церкви, это не так поразительно.

А вот очень интересно читать, как из-за денег произошло падение знаменитого придворного деятеля, кавалера и светлейшего князя, господина Меншикова.

Вот это было поразительно, как такой опытный волк и царедворец, переживший четырех императоров, много раз попадавший в кражах, взятках и лихоимствах, дважды еле спасшийся от пыток и дыбы, этот, можно сказать, выдавший виды опытный злодей пропал на совершенно пустом деле.

Поводом к его падению послужила небольшая и весьма даже преглупая денежная история.

19. Надо сказать, что императору Петру II было в то время двенадцать лет. И в день его именин петербургское купечество, не отличаясь фантазией, но желая подольститься к своему царю, подарил ему несколько сот червонцев.

История не говорит, сколько именно червонцев, но то, что их несли на подносе императору, надо полагать, что это было не очень мало и не очень много, а в меру.

А когда служитель нес эти деньги на подносе, светлейший князь Меншиков имел несчастье и неосторожность встретить его.

– Ты что, дурак, несешь? – наверно, спросил Меншиков.

– Так что – деньги.

– Как деньги?! А ну-ка, давай их сюда.

И взял.

– Государь еще слишком мал, – неопределенно добавил Меншиков. – Он еще не понимает, что такое деньги.

Однако, как оказалось, мальчишка-император отлично понимал, что такое деньги.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Узнав о том, что деньги взял себе Меншиков, мальчишка, говорит история, буквально наорал на него.

– я тебе покажу, что я император! – вскричал разгневанный отрок.

20. Нам живо рисуется эта историческая сценка, достойная быть записанной.

– Да-а, – сказал мальчишка, встретив Меншикова. – Ты что же это мои деньги-то заграбастал? Хитрый какой!

– Ка-акие деньги, ваше величество? Что вы?.. Помилуйте... в глаза-с не видал...

– Да-а... какие! Сам небось взял, а теперь говорит – "какие"... Это мне принесли, а не тебе.

– Ах, эти деньги... Что купцы принесли, ваше величество?

– Да-а... Я император, а не ты... Купцы, может, мне принесли...

– Ах, да, да.., вспоминаю, ваше величество... А я их, знаете ли... велел, тово... к себе, тово... отнести. Пуцай, думаю, у меня полежат, покуда ваше величество не подрастет.

– Отдай мои деньги, – заревел мальчишка. – Я маме скажу. Я тебе покажу, что я император!

Устрашенный Меншиков побежал к себе, чтобы вернуть эти деньги. "Смотрите, – думал Меншиков, – такой маленький шкет, а уже так отлично понимает. Прямо не хуже меня. Надо будет, действительно, отдать деньги этой шельме, – пожалуй, беды не оберешься".

21. Однако в тот же день вечером, когда Меншиков явился во дворец, его не приняли. А через несколько дней он был арестован и сослан на вечное жительство в глухую деревню.

Конечно, причины этого падения были более сложны. Тут была борьба придворных партий, однако интересно, что поводом к падению послужил именно этот денежный случай.

История рассказывает, что Меншиков чрезвычайно был напуган, когда его не приняли во дворце.

Сохранилось до наших дней его письмо к императору. В этом письме он буквально унижался, и молил о пощаде, и предлагал "возвратить деньги с избытком".

Однако двор деньги эти вернул с еще большим избытком, чем предполагал господин Меншиков.

Меншикова лишили всех орденов, чинов и поместий. У него конфисковали буквально несметное богатство – несколько сот пудов золота и около четырнадцати миллионов деньгами.

Оказывается, светлейший князь не зевал и за сорок лет близости к царям лихо нагребил себе совершенно сказочное состояние.

Как говорится, поделом вору и мука.

22. Но все это – и трон, и церковь, и политические падения, – все это не более удивительно, чем то, что мы желаем рассказать.

Мы желаем рассказать о том, как сам господин закон почтительно относился к деньгам.

История не знает ничего более поразительного, чем это.

Вот как это у них было согласно истории.

Там у них за уголовные преступления наказаний почти не было. И можно было

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru убивать и так далее. И вместо наказания обвиняемый платил денежный штраф. И его после этого, пожав руку, отпускали. И даже, может, просили почаще заходить.

В общем, очень у них было мило в этом смысле. Легко дышалось. Чего угодно можно было делать. Были бы деньги.

Причем такая гуманная система существовала не только в России, но во всем мире. И это длилось целые века.

Только в России в этом смысле слегка перестарались и прямо дошли до ручки. Там это очень привилось. И там даже специальные законы написали и определили, сколько и за что надо платить.

Так что уголовный кодекс выглядел у них все равно как ресторанное меню. Там цена указана за любой проступок. И каждый, согласно указанной цене, мог выбирать себе любое дело по карману.

Однако перестанем шутить и давайте всерьез зачитаем кодекс.

23. Вот зачитайте выписки из "Русской Правды":

"Если придет на двор (то есть в суд) человек в крови или в синяках, то свидетелей ему не искать, а обидчик пусть платит продажи – три гривны".

Отметим, что гривна не равнялась нашему гривеннику, и этот мордобой не оценивался в тридцать копеек, не то все ходили бы с распухшей мордой. Гривна – это был кусок серебра около одной трети фунта.

"Если кто ударит кого батоном" либо чашей, либо рогом, либо тыльной стороной меча, то двенадцать гривен продажи, а если обиженный, не стерпев того, ударит мечом, то вины в том нет".

Штраф этот опять-таки шел в пользу князя, хотя били и не его.

Однако кое на чем мог подзаработать и пострадавший.

"Если кто поранит другому руку, и рука отпадет или отсохнет, или поранит ногу, глаз или нос, то платит виру-двадцать гривен, а потерпевшему-десять гривен".

На этом мелком деле князь имел в два раза больше, чем потерпевший, что нельзя назвать полной справедливостью.

Но были дела, на которых князь терпел явные убытки:

– "кто отрубит другому какой-либо палец – три гривны продажи, а потерпевшему – десять гривен".

Интересно, что и за палец и за целую руку потерпевший получал одинаково по десять гривен, а князь на пальцах терял почему-то больше, чем в семь раз.

24. Однако не будем разбираться в этих психологических тонкостях. Деда небось туго знали, чего делали.

Но вот поразительно: цены за убийство в общем счете почти не превышали цен за драки и моральные оскорбления.

Вот извольте, преискуронт за убийства. Извиняемся, конечно, за отступление, но уж очень у них интересно и наглядно получается.

делаем выписки из той же "Русской Правды", записанной в "Новгородской летописи":

"Если убьют купчину немца в Новгороде, то за голову десять гривен".

Столь унижительно низкая цена за голову иностранного специалиста в дальнейшем, правда, была доведена до сорока гривен, и убийство интуристов, видимо, стало не всем по карману и не всем доступно, но все же цена была немного больше, чем удар чашей или рогом по отечественной морде.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

"Если кто убьет княжого конюха, повара или подъездного – сорок гривен за голову".

"Если кто убьет княжого тиуна (приказчика, судью, дворецкого) – двенадцать гривен".

Судя по данным ценам, интеллигенция мало ценилась в те времена. Конюхи и повара стоили несколько дороже.

25. Но все эти цены, можно сказать, были до некоторой степени приличны и не слишком уж роняли человеческое звание и достоинство и стоимость человеческой жизни.

Однако же были цены просто из рук вон плохие:

"Если убьют рабочего – пять гривен.

Если убьют смерда (крестьянина) – пять гривен.

За холопа – пять гривен.

За рабу – шесть гривен".

Иной раз, правда, цены за "простых людей" повышались:

"кто убьет ремесленника или ремесленницу – двенадцать гривен".

Закон не был чужд и гуманных соображений:

"кто убьет кормильца (дядьку) – двенадцать гривен".

Кражи и ограбления также оплачивались всевозможными денежными штрафами.

Причем эти штрафы не превышали двенадцати гривен. И только конокрадство и поджог карались знаменитым наказанием "потоком и разграблением". То есть обвиняемого изгоняли из дома и "всемирно" разграбляли его имущество.

26. В общем, денежный штраф являлся, сколько можно заключить, единственным возмездием за всякое преступление.

И, конечно, такой закон, действующий в течение многих столетий, без сомнения, отличным образом обработал сознание у людей, – кто имел побольше денег, тот мог не только своим ближним разбивать морды жердью или там чем угодно, но мог и убивать их и делать все, что ему заблагорассудится, – закон стоял на страже всевозможных мелких его интересов и душевных потребностей.

И мы полагаем, что и в наше время там, где слишком почитается богатство, это высокое, гордое сознание остается неизменным.

Конечно, до революции и в нашей стране любой богатый гражданин с легкостью мог освободиться от самых тяжелых обвинений. И, например, преступления богатых и влиятельных помещиков никогда почти даже и не выявлялись наружу. Поскольку денежные взятки и связи не доводили дело до суда.

Вот, например, был такой знаменитый случай: калужский губернатор Лопухин (1819 год) за взятки прекращал все дела во вверенной ему губернии. Этот аферист и пройдоха однажды за семь тысяч взялся даже прекратить дело помещика Хитрово, который обвинялся в убийстве.

27. Можно представить, какой был при этом разговор!

– Извиняюсь, – сказал, наверно, добродушный губернатор, – только меньше как за семь тысяч я не возьмусь.

– Тысчонок бы пять, – вздохнувши, говорил помещик.

– Лизет, – спросил губернатор супругу, – не помнишь ли, душенька, сколько мы в прошлый раз взяли за этого, ну, как его... которого к медведю... бросили... Четыре?

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Вот видите, молодой человек, мы четыре тысячи взяли за то, что какой-то там медведь слегка помял дворянина. А тут у вас бог знает что – убийство! Вот не убивали бы – вот, может, я бы и ничего с вас не взял. Это уж ваша неосторожность...

– Ну ладно, – сказал помещик, – согласен, только вы уж того, поскорей. А то ваши прохвосты каждый день ходят... Беспокоят.

– А вы их в морду, – сказал губернатор, пряча деньги.

В общем, это дело всемогущий губернатор действительно прекратил. Правда, если бы речь шла об убийстве, ну, скажем, "смерда" или наемного рабочего, то дело бы окончательно заглохло, но помещик имел неосторожность угробить дворянина. И дело случайно просочилось и стало известным в Петербурге.

Александр I велел отдать Лопухина под суд. Больше года тянулось это каверзное дело, и окончилось оно ничем. Вернее, у прохвоста губернатора оказался родственник председатель Государственного совета, и сенат не захотел портить с ним отношений. Дело об этом подлеце так и заглохло. И тем более заглохло дело об убийстве"

28. Итак, если господин закон столь почтительно и робко относился к людям, имеющим деньги, и деньгами можно было оплатить всякое свое преступление, то сами посудите, что тяга и стремление к деньгам было весьма серьезным делом. И действительно, в этом смысле люди сильно преуспевали и в этом деле, можно сказать, доводили свою фантазию до крайних пределов возможного. Но тут, так сказать, мораль у них сильно раскололась. С одной стороны, нужно было хапнуть деньги для того, чтобы жить честно и быть в безопасности от превратностей жизни, а с другой стороны, добыча денег почти всегда была связана с преступлением. Тут можно было растеряться. Поэтому бедняга человек, награвив деньги и сразу забывши обо всем, лепетал высокие слова о совести и чести и писал об этом законы, а до этих пор вполне мог и был способен с легкостью зарезать родного папу, чтоб воспользоваться его имуществом.

И, скажем прямо, такое сильное стремление к деньгам было таким, что никакое другое дело не могло хотя бы сколько-нибудь с этим равняться.

То есть никаких преград не существовало для достижения денег.

29. Скажем прямо: в смысле добычи денег – это ужас, что делалось на протяжении всей истории.

В свое время знаменитый писатель Карамзин так сказал: "Если б захотеть одним словом выразить, что делается в России, то следует сказать: воруют".

Однако мы не будем, конечно, говорить о профессиональных ворах и грабителях – так сказать, специалистах по доставанию денег, – дело это повседневное и малоудивительное. Но мы хотим обратить ваше благосклонное внимание на несколько почтенных и уважаемых фигур, воровство и грабежи которых являются некоторой, что ли, неожиданностью.

Мы уже имели честь говорить о Меншикове. Этот пройдоха за одно только царствование Петра I четыре раза был под судом за кражи, взятки и лихоимство. Петр снисходительно относился к своему любимцу и всякий раз спасал его от казни. Но, например, одного штрафа по суду господин Меншиков заплатил около трехсот тысяч рублей. Если не врут историки. А сумма эта по тем временам неслыханная. Так можете себе представить, сколько упер этот тип, если был такой штраф.

Но вот взгляните на пресветлую фигуру тех времен – на господина Петра Толстого. Сей почтенный господин был сподвижник Петра I, наш уважаемый посол в Константинополе, крупнейший деятель того времени, человек умный и даже отмеченный многими талантами. И, скажем к слову, – прапрадед нашего Л. Н. Толстого, что не помешало ему быть изрядным арапом.

30. При отъезде его послом в Константинополь (в 1705 году) он получил на подкуп турецких сановников двести тысяч червонцев. И, как установлено, больше чем половину денег он присвоил себе.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Наверно, он подумал: "чем я буду каким-то неизвестным туркам платить, дай-ка я возьму себе за труды".

Однако один его подьячий, Тимофеев, сделал на него донос. Этот донос Толстой успел перехватить. И, чтоб спрятать концы в воду, отравил своего этого беднягу подьячего.

И об этом отравлении лично донес в посольский приказ, мотивируя свое убийство тем, что подьячий хотел будто бы обратиться в магометанство. История сохранила этот на редкость любопытный документ – письмо П. Толстого (от 10 июня 1706 года).

Господин Толстой писал:

"...Подьячий Тимофеев намеревался было стать бусурманом, о котором его намерении бог мне помог увидеть. Позвав его к себе, тайно запер его у себя в избе, где сплю, до ночи. А в ночь он выпил рюмок вина, скоро умер и тем сохранил нас от такой беды..."

Это хитрое письмецо написано, как видите, по правилам дипломатии, без особого нажима на совершившийся факт. А факт был таков, что Толстой, заперев подьячего в комнате, дал ему бутылку отравленного вина. Дурак подьячий, хлебнув этого вина, вскоре отдал богу свою праведную душу. И тем самым, можно сказать, сохранил Толстого от беды.

31. Но пойдём дальше. Дело об убийстве подьячего заглохло, поскольку мотивировка убийства была сделана с полным знанием дела. Переход человека в иную веру для русского правительства всегда казался каким-то пределом человеческой подлости. Это обижало правительство. И вселяло в них неуверенность: дескать, они не так хороши со своей религией и хозяйством, что от них бегут.

Однако через месяц посольский секретарь также не побоялся написать донос на Толстого. Эта крупная кража червонцев, видимо, слишком подействовала на окружающих, с которыми Толстой не изволил поделиться.

Тогда Толстой отравил и этого несчастного секретаришку. И снова сам сообщил в посольский приказ, что секретарь будто бы имел секретные отношения с турецким визирем и, желая замести следы, сделал донос на него, в сущности ни в чем не повинного человека.

Дело пошло в Петербург, однако Петр I, давно уже переставший удивляться таким делам, посмотрел на все это сквозь пальцы и велел следствие прекратить.

Вероятно, на фоне других фигур Толстой был еще довольно светлой личностью. Воображаем, какие там были остальные.

В общем, госпожа история знает такое великое множество случаев преступлений, связанных с деньгами, что нет возможности пересказать все это.

32. И мы не будем этим утруждать ваше благосклонное внимание и не будем портить вам благодушного настроения перечислением всего того, что мы знаем об этом.

Все, так сказать, и так достаточно ясно. Вопросов, как говорится, не имеем. Скажем только, что стремление к деньгам – это одна из самых сильных и могучих страстей, которые потрясали и потрясают уважаемое человечество.

И эту сильную страсть государство иной раз отлично и умело использовать для достижения своих мелких нуждишек. И если, например, нужно было поймать какуюнибудь государственного преступника, первое, что делалось, – объявлялась цена за его голову.

Чуть не на каждой странице истории имеются цены за ту или иную голову.

Например, однажды римский диктатор Сулла (83 год до нашей эры), захватив власть в свои руки, приказал истребить всех приверженцев своего врага и соперника Мария. А для того чтобы никто не избег этого истребления, Сулла, будучи большим знатоком жизни и человеческих душ, назначил необычайно высокую цену за каждую голову.

Он объявил, что за каждого убитого он заплатит по двенадцать тысяч динариев (около пяти тысяч рублей золотом).

83. Эта высокая цена столь подействовала на воображение граждан, что (история рассказывает) "убийцы ежечасно входили в дом Суллы, неся в руках отрубленные головы".

Мы приблизительно представляем себе, как это было.

– Сюда, что ли?.. С головой-то.. – говорил убийца, робко стуча в дверь.

Господин Сулла, сидя в кресле в легкой своей тунике и в сандалиях на босу ногу, напевая легкомысленные арийки, просматривал списки осужденных, делая там отметки и птички на полях.

Раб почтительно докладывал:

– Там опять явились... с головой... Принимать, что ли?

– Зови.

Входит убийца, бережно держа в руках драгоценную ношу.

– Позволь! – говорит Сулла. – Ты чего принес? Это что?

– Обыкновенная-с голова... Как велели приказать...

– Велели... Да этой головы у меня и в списках-то нет. Это чья голова? Господин секретарь, будьте любезны посмотреть, что это за голова.

– Какая-то, видать, посторонняя голова, – говорит секретарь, – не могу знать... Голова неизвестного происхождения, видать отрезанная у какого-нибудь мужчины.

34. Убийца робко извинялся:

– Извиняюсь... Не на того, наверно, напоролся, Бывают, конечно, ошибки, ежели спешка. Возьмите тогда вот эту головку. Вот эта головка, без сомнения, правильная. Она у меня взята у одного сенатора.

– Ну, вот это другое дело, – говорил Сулла, ставя в списках галочку против имени сенатора. – Дайте ему там двенадцать тысяч... Клади сюда голову. А эту забирай к черту. Ишь, зря отрезал у кого-то...

– Извиняюсь... подвернулся.

– Подвернулся... Это каждый настрижет у прохожих голов – денег не напасешься.

Убийца, получив деньги и захватив случайную голову, уходил, почтительно кланяясь своему патрону.

В общем, больше двух тысяч голов было доставлено Сулле в течение нескольких недель.

История бесстрастно добавляет, что никто не избег своей печальной участи.

35. Но однажды, полвека спустя (43 год до нашей эры), когда цена за голову случайно скакнула еще выше, произошла такая резня, что, кажется, мир не знал ничего подобного.

Римский консул Марк Антоний после убийства Юлия Цезаря предназначил к смерти триста сенаторов и две тысячи всадников. И, идя по стопам господина Суллы, объявил, что будет платить высокую плату, с тем чтобы объявленных в списках уничтожили в короткий срок.

Цена за голову действительно назначена была поразительно высокая двадцать пять тысяч динариев (около восьми тысяч рублей). Рабам же, чтоб понимали свое низкое положение при убийстве высоких господ, полагалось меньше – тысяча динариев.

Тут страшно представить, что произошло. История говорит, что сыновья убивали своих отцов. Жены отрубали головы спящим мужьям. Должники ловили и убивали на улице своих кредиторов. Рабы подкарауливали своих хозяев. И все улицы были буквально залиты кровью.

Цена действительно была слишком уж высокая. Мы имеем мнение, что в течение месяца люди перебили бы друг друга, если бы государство продолжало так платить.

Однако история знает еще более высокую цену. Так, например, за голову знаменитого Цицерона, величайшего из римских ораторов, было назначено пятьдесят тысяч динариев.

Эта отрубленная голова была торжественно поставлена на стол. И жена Марка Антония, эта бешеная и преступная бабенка, проткнула язык Цицерона булавкой, говоря: "Пусть он теперь поговорит".

36. Но самая высокая цена была назначена однажды за голову английского короля Карла I. Карла I выдали за четыреста тысяч фунтов стерлингов (около четырех миллионов). Но тут, пожалуй, меньше нельзя было взять два государства усердно торговались в течение месяца.

И Шотландия, куда бежал Карл, выдала его Англии, поступившись своими христианскими взглядами за четыре миллиона. Карлу I отрубили голову. И мы представляем, с какими предосторожностями рубили эту слишком драгоценную голову.

Однако нас, конечно, интересует не цена, а способ, которым пользовались.

Наполеон за голову знаменитого тирольца Гофера, поднявшего народное восстание за независимость страны, посулил заплатить всего что-то около двух тысяч рублей. Тем не менее Гофер, укрывавшийся в горах, уже через два дня был пойман своими же тирольцами. Он был выдан французам и ими расстрелян (1810 год).

И вот, этим милым денежным способом пользовались во все времена, на протяжении всей истории, даже новейшей.

Любопытно, что за голову русского провокатора Дегаева (1874 год) царское правительство назначило очень крупную сумму.

На улицах Петербурга были расклеены афиши с его портретом. За указание местонахождения назначалась награда в пять тысяч рублей, а за "содействие к поимке" – десять тысяч рублей золотом.

Однако этот мрачный подлец Дегаев избежал своей участи. Он бежал в Америку и там умер своей смертью? так сказать, при нотариусе и враче.

37. Итак, на этом прекращаем наши исторические новеллы. Скажем только вдобавок ко всему, что во все времена и при всех обстоятельствах деньги были подчас единственным средством для достижения самых наитруднейших задач. За деньги продавались должности и люди. За деньги можно было купить себе графский титул и всякие удивительные возможности. Например, можно было позавтракать с царем или с царицей, если, скажем, пожертвовать крупную сумму на что-нибудь такое полезное. В общем, все двери и сердца открывались перед этим. И провокаторы продавали остатки своей совести. И все вообще продавалось. И деньги были, так сказать, форменным образом вместилищем всякой человеческой пакости. И нередко самые темные дельцы, имея деньги, всплывали на поверхность государственной жизни и распоряжались судьбами целого государства.

Был, между прочим, знаменитый случай, когда бандит, спекулянт и самый беззастенчивый авантюрист шотландец Лоу (1716 год), сколотивший себе темными средствами несколько миллионов, был назначен во Франции генерал-контролером финансов.

И мы думаем, что, порывшись в заграничных делах нашего времени, мы найдем немало подобных случаев.

38. В общем, перелистав всю историю, мы не увидели ни одного случая, когда бы деньги потерпели крах или поражение.

Впрочем, об одном замечательном поражении мы вам можем рассказать такую интересную новеллу.

Это произошло со знаменитым ювелиром и скульптором Бенвенуто Челлини.

Папский двор, желая наконец освободиться от крайне беспокойного художника, решил умертвить его. А Челлини сидел в это время в тюрьме по обвинению в краже казенного золота. Челлини, конечно, считал себя безвинно пострадавшим, однако мы не дали бы поручительства за него. Разве что из уважения к его гению – покривили бы душой.

И вот попы решили воспользоваться случаем, чтоб покончить с ювелиром. Он долгие годы досаждал им своим дерзким поведением.

И вот решили умертвить его, но таким образом, чтобы смерть эта была бы сколько-нибудь похожа на естественный конец. Яд в этом деле не был пригоден. Признаки отравления ядом слишком заметны. Возникли бы толки и пересуды, коих не желал честный и богобоязненный папа. Все-таки неудобно: папа, высшие идеалы, "Христос воскрес" – и вдруг грубое убийство. Хотелось, одним словом, сделать тихо, бесшумно и, главное, с христианским смирением.

И вот тогда вместо яда решили заключенному дать в пищу толченый алмаз. Это было уже испытанное средство: человек умирал как бы от колик и расстройства желудка.

39. И вот этот алмаз папский двор дал одному ювелиру для того, чтобы тот растолок нелегко поддающийся этому камень.

Пройдоха ювелир, желая заработать на этом деле, растолок вместо полученного алмаза более мягкий и менее драгоценный камень – голубой берилл. Коротышка мастер заработал на этом пару золотых, а что касается Б. Челлини, то тот, проглотив с пищей этот растолченный мягкий камень, остался жив на пользу страждущего человечества.

Хотя Челлини и пережил, как он пишет, огромный страх близкой смерти, но потом, как опытный ювелир, он распознал в растолченном камне голубой берилл, а не алмаз, который был бы смертелен.

Вот, пожалуй, единственный случай, когда деньги не сыграли той роли, какая им была предназначена.

Но зато они сыграли ту же роль, но только для другого. Так что сияние денег от этого не померкло.

Однако мы знаем один случай, когда деньги в своем могуществе потерпели ужасный крах. И тут уже ничто на помощь не пришло. Вот как это было.

40. И это даже не новелла, а целая симфония.

Речь идет о закате и падении великого Рима.

В ту, можно сказать, грозную эпоху деньги сыграли некоторую роль.

Историки рассказывают, что в Риме вдруг скопились огромные суммы. Дело в том, что Рим перед этим одержал большие победы в Азии и в Македонии. И благодаря этому Рим разбогател. Громадные контрибуции и грабежи в завоеванных землях создали в Риме необыкновенный прилив денег. И тогда Сенат, видя, что дела идут у них весьма хорошо, освободил все население на двадцать четыре года от всех налогов и поборов. Это необычайным образом вдохновило богачей и спекулянтов.

Которые имели деньги – захотели иметь еще больше. Многие бросились в рискованные спекуляции. И стали давить с еще большей силой неимущий класс. И Рим, как сообщает история, стал задыхаться в деньгах. И тогда начался разгул и, прямо скажем, вакханалия.

Денежные аристократы, пресыщенные удовольствиями, устраивали неслыханные оргии и пиршества.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Для столов богачей стали привозить изысканные предметы роскоши.

Знаменитый римский цензор Порций Катон одной фразой определил положение государства. Он сказал: "Городу, в котором рыба стоит дороже упряжного вола, помочь уже ничем нельзя".

41. Так и случилось – Риму ничто не помогло. И Рим вскоре потерял свое мировое значение.

Вот что рассказывает история о деньгах.

Она рассказывает о великих злодеяниях, о преступлениях и убийствах. Она рассказывает о гибели народов, о возвеличении подлецов и темных проходимцев и о всех больших и малых потрясениях, которые нещадно нанесли людям деньги.

И мы, простите, не верим, что сейчас это совсем не так происходит, как это происходило раньше. Мы имеем мнение, что именно так и происходит. А что касается до нашей страны, то в основном у нас этого нету, и по этой причине нам, так сказать, с горы видней.

Но мы, конечно, не строим свою философию на морали. Мы, любезный читатель, не делим жизнь и дела на добро и зло. И не говорим ах или ох. А мы нашу пресветлую жизнь делим более грубо: на хорошую и плохую.

И вот, с добросовестным и прилежным старанием прочитав историю, мы заметили, что даже при таком делении хорошего было слишком мало, а плохого было достаточно повсюду и куда ни плюнь.

И мы имеем скромное мнение, что это плохое произошло, пожалуй, даже не из-за денег, а из-за удивительной системы, или, вернее, из-за распределения денег, которые проходили не через те руки, через которые им надлежало проходить.

42. Но, ах, мы вдруг в тумане будущего видим снисходительную и кривую усмешку человека, который утонченными пальцами перелистывает горестные страницы варварской истории, в которой деньги, можно сказать, затмили солнце, звезды, луну и вполне уважаемую человеческую личность. И даже любовь, о которой мы имеем намерение кое-что рассказать вам в следующем отделе.

Но мы не хотим заниматься бесцельными речами, рассуждениями и восклицаниями.

Скажем прямо, что деньги играют и будут еще играть преогромную роль даже и в нашей измененной жизни.

И нам (совестно признаться) не совсем ясны те торжественные дни, когда этого не будет. И нам лично, собственно, даже и неизвестно и не совсем понятно, как это произойдет и что при этом каждый будет делать. И как это вообще пойдет.

Но мы должны сказать, что у нас многие печальные дела, связанные с деньгами, вернее – с богатством, уже безвозвратно исчезли. И мы отчасти освободились от многих опасностей и превратностей жизни. И мы снимаем шапку перед этими обстоятельствами.

43: Но деньги, мы повторяем, играют у нас изрядную роль, и за них совершаются и происходят многие комичные и варварские историйки, о которых мы вам и собираемся рассказать.

Давайте же посмотрим, какие это историйки.

А перед тем отметим, что мы, почтенный критик, возьмем для этого отрицательные факты. А что касается до положительных сторон, то мы тебя, как пресветлую личность, желаящую все время читать только хорошие и достойные случаи, с легким сердцем отсылаем к пятому отделу, что имеется у нас в конце книги. И там твое усталое сердце успокоится от всего хорошего.

Итак, начинаются наши юмористические рассказы о деньгах.

Любезный читатель, побереги свои карманы.

СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕКУ НУЖНО

Конечно, плата, она как-то ограничивает человека в его фантазиях. Она борется с излишествами, с проявлением разных темных сторон характеров. Она, в этом смысле, имеет свои светлые стороны. Она лакирует жизнь.

Вот если подумать, что с завтрашнего дня трамвай будет бесплатным, то нет сомнения, что для многих граждан просто закроется доступ к этому дешевому передвижению. Конечно, оно и сейчас, мягко говоря, не так уж симпатично ехать в трамвае, а тогда и подавно будет немыслимо. Тут не только, я извиняюсь, на подножках, тут на электрической дуге будут ехать.

Другому вовсе и не надо ехать – ему всего два шага шагнуть. Ему это для прогулки очень полезно, а он непременно поедет. Он непременно захочет проявить свою угнетенную амбицию. И он вопрется в самую гущу человеческих тел и поедет, хотя его могут там задавить до смерти. Но это ему неважно. Ему бы только поехать. А там хоть трава не расти.

И он ведь, заметьте, до конца рейса доедет, хоть это ему и не надо. А если трамвай круговой, так он, я так думаю, весь круг обернет, а то и два загнет, прежде чем добровольно слезет на своей остановке. Вот какие бывают люди. Некоторые по три круга станут погибать. А некоторых вообще будет не выкурить с трамвая. Они, может, даже спать там лягут. Они до остервенения дойдут, если объявить, что это даром.

Нет, по-моему, надо менять свои характеры. По-моему, это отблеск буржуазной культуры. И с этим надо энергично бороться и переделывать свою психику.

Вот давеча я сам, не целиком переделавши свою психику, съел на одном банкете что-то такое, кажется, кружков десять мороженого. И после недели две разогнуть тела не мог.

Так что я эти слова заявляю, лично продумавши и все испытавши.

Я как-то такое видел на одной площади бесплатную карусель. Она была поставлена как раз в аккурат против церкви. Наверно" чтоб верующие могли развлечься, а безбожники могли бы, не заходя в храм, провести культурно время.

Так там очень серьезные дела происходили. Многие-то, конечно, не знали, что карусель даром. И потому стеснялись заходить. А которые знали, то на тех прямо удержу не было.

Я видел одного парнишку, которого оттягивали, и то он не шел.

Он как сел на деревянную кобылку, так прямо как прилип к ней и мотался на ней часа три. Только когда он совсем сомлел и стал белый, как глина, он позволил себя снять своим друзьям. И то брыкался и не хотел допустить, чтобы его сняли.

Ну конечно, его положили на землю, он дышал как рыба и смотрел на небо, еле чего понимая. Но потом, оправившись, обратно полез на лошадь и крутился до тех пор, пока снова не захворал. И то после этого не сразу слез. А он слез только тогда, когда "в Ригу поехал".

Тут волей-неволей ему пришлось слезть. А то публика стала обижаться, говоря, что при вращении карусели (то как-то не того получается. А то бы он не слез. Но тут его сторож стянул и даже, кажется, заехал в морду за недопустимое безобразие.

После чего парень долго лежал на брюхе, надеясь, отдохнув, еще малость покрутиться. Но потом, видимо, не совладав с пошатнувшимся здоровьем, попер домой.

Так что, вообще говоря, неизвестно, сколько человеку всего нужно. Наверное, больше того, чем сколько ему нужно, и не менее того, чем сколько он хочет.

Так что все в порядке. "Потолок" имеется. Пламенный привет молодым людям, переделывающим свои характеры.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Что касается престарелых людей, то мы про них не говорим. Они, воспитанные на прежних денежных делах, сами понимают в этом меру и чуть что хватаются всякий фаз за карман. Но зато они не понимают меру в смысле доставания денег. Вот тут они прямо способны на всякое безобразие. Вот, извольте, расскажу про одну старушеницу, которая дошла до крайних пределов выдумки и свинства в этом деле. Вот каким мерзким способом она доставала деньги.

РАССКАЗ ПРО НЯНЮ, ИЛИ ПРИБАВОЧНАЯ ЦЕННОСТЬ У ЭТОЙ ПРОФЕССИИ
Конечно, старый человек не всегда может попасть в ногу с новой жизнью.

Это особенно почему-то относится к старухам. Вот этот старческий материал вообще, надо честно сказать, как-то слабо разбирается в современных течениях. Перед ихними старческими глазами какие-то, что ли, круги плавают, или мошки, или пес их знает что, но только им как бы не до того. Они не слишком-то задумываются о грядущих судьбах человечества. И они тем более гимнастикой не могут заниматься, отчего часто подвержены меланхолии и политической немощности.

Вообще надо сказать, что старухи, воспитанные на прежних капиталистических делах, зачастую решительно отказываются перестраиваться и буквально не хотят хотя бы слегка, что ли, изменить свою закостенелую психику. Они знай себе гнут то, чего было раньше, и не понимают то, чего есть, и то, чего решительно не может быть.

Особенно если речь идет о деньгах. Если речь идет о деньгах, то это конченное дело. Тут никакие советы не помогут. Старый человек, он любит заработать, скопить, и вообще у него при виде денег руки дрожат и ноги подгибаются.

И не только, скажем, глубоко дряхлые старухи гнут эту прежнюю линию, но и более молодые, которым, может, там по сорок пять, пятьдесят пять лет. Эти тоже малодоступны перевоспитанию.

На этой почве на днях произошло одно прямо возмутительное дело у нас в Ленинграде.

Тут такие супруги Фарфоровы имели няню. Они взяли ее до своего ребенка. Они сами не могли своему ребенку обеспечить уход и ласку. Они оба-два служили на производстве.

Сам Серега Фарфоров служил. И она служила. Он рублей, может, полтора брал. И она не меньше ста огребала.

И вот при такой ситуации у них происходит рождение ребенка.

Вот родился у них ребенок как таковой, и, конечно, пришлось до него взять няню. А то бы, конечно, они не взяли.

Тем более у них даже такой привычки не было – брать себе нянек. Они не понимали такого барства.

Но тут тем более им выгодней было иметь няню, чем самой мадам Фарфоровой покинуть место службы и удалиться с производства.

И вот, конечно, определилась к ним няня.

Не очень такая старая и не очень такая молодая. Одним словом, пожилая и довольно-таки на вид страхолюдная.

Но за безобразной внешностью Фарфоровы вскоре увидели у нее доброе сердце. И никак не могли предвидеть, что за гадюку они пригрили на своей груди.

А они, конечно, нарочно взяли себе такую некрасивую, чтоб она не шлялась, и чтобы не имела личного счастья, и чтоб только смотрела на ихнего младенца.

И тем более они ее взяли по рекомендации. И там им сказали – дескать, это вполне непьющая, пожилая, некрасивая старуха. И, дескать, она любит детей и прямо с рук их не спускает. И даром что это старуха, но это такая старуха, что она вполне достойна войти в новое, бесклассовое общество.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Это им так сказали. Но они еще не имели своего мнения.

И вот они берут эту няню и видят, действительно, золото, а не няня. Тем более она сразу полюбила ребенка.

Все время с ним ходит, с рук не спускает и прямо гуляет с ним до ночи.

А Фарфоровы, являясь передовыми людьми, не перечили в этом. Они понимали, что воздух и гулянье вполне укрепляют организм ихнему младенцу. И думают: "Пожалуйста. Пуций гуляет. Тем более мы будем реже видеть ее зверскую харю".

И вот происходит такая ситуация.

Утром родители на производство, а ихняя няня берет младенца, берет пузырек с коровьим молоком и идет гулять по улицам Ленинграда. И гуляет с ним прямо до глубокой ночи.

– Только раз однажды идет по улице член правления Цаплин. Он – с домкома. Он – одна из главных фигур в правлении.

Вот он идет по улице, думает, может, там про свои интимные дела или там кого бы из вверенных ему жильцов на черную доску занести как злостного неплательщика. И вдруг – смотрит – что такое? Стоит на углу истрепанная старуха. Держит она на своих руках младенца. И под этого младенца она просит. Некоторые прохожие при виде этого зрелища отворачиваются, а некоторые, сочувствуя чужой беде, подают ей монетку или две на пропитание. А та им кланяется. И показывает младенца – дескать, не для себя прошу, а вот для этого.

Семен Михайлович Цаплин давать ей не хотел, он просто так поглядел на ее личность. И видит, личность будто знакомая. И глядит – да, действительно, это суть няня с фарфоровским ребенком. Тем более обознаться трудно – морда у нее такая, что очень глубоко в душу западает.

Член правления Цаплин ничего ей на это не сказал я вообще ни копыя не подал, но повернулся и пошел обратно домой.

Неизвестно, как он дожил до вечера, но вечером говорит самому Фарфорову:

– Я, говорит, чересчур удивляюсь, уважаемый товарищ, но, говорит, или вы своей домработнице денег не платите, или, говорит, я не пойму подобной ситуации.

А если, говорит, вы ее нарочно засылаете под ребенка просить, то вы, говорит, есть определенно чуждая прослойка в нашем пролетарском доме.

Фарфоров, конечно, говорит:

– я извиняюсь, об чем речь? Про что вы говорите – я чего-то не пойму.

Тогда член правления говорит про то, чего видел, и про то, чего почувствовал, наблюдая подобное зрелище.

Тут происходят разные сцены. Происходят крики и улыбки. И все выясняется.

Тогда зовут няню. Ей говорят:

– Как же так можно? Вы что – обалдели? Или вы ненормальная и у вас в голове не все дома.

Няня говорит:

– В этом пороку нет. Так ли я стою, или мне сердобольные прохожие в руку дают. Я, говорит, прямо не пойму, об чем разговор. Ребенок через это не страдает. И, может, ему даже забавно видеть такое вращение людей вокруг себя.

Фарфоров говорит:

– Да, но я не хочу своему ребенку присваивать такие взгляды с детских лет. Я не дозволю вам производить такие действия.

Мадам Фарфорова, прижимая своего ребенка к груди, говорит:

– Нам это в высшей степени оскорбительно. Мы вас выгоняем со своего места.

Цаплин говорит:

– А я как член правления скажу: вы всецело правы выгнать эту бешеную няньку.

Старуха говорит:

– Ах, подумаешь, до чего испугали! Нянь нынче не очень много – меня, может, с руками оторвут. А я под вашего щенка едва трешку зарабатывала, а уж упреков не оберешься. Я от вас сама уйду, поскольку вы какие-то бесчувственные подлецы, а не хозяйева.

После этих слов Фарфоров, рассердившись, накричал на нее и даже хотел из ее слабого тела вытряхнуть старческую душонку, но член правления ему не разрешил. После чего ее с позором выгнали. Так она и ушла, и рекомендации не взяла, и неизвестно, куда поступила. Но, наверное, она снова где-нибудь нянчит младенца и под него подходяще зарабатывает.

Наверное, ей до зарезу нужны деньги, иначе прямо трудно объяснить ее поведение. А на что ей деньги этого я прямо не пойму. Старуха сыта, одета, валенки имеет, жалованье получает, это прямо ее какой-нибудь каприз и, главное, наверное, прежнее мелкобуржуазное воспитание, бессмысленная тяга к деньгам и неправильное мировоззрение.

Я еще понимаю, если у нее есть какая-нибудь благородная цель. Вот если бывает цель, тогда я могу снисходительно отнестись к подобным фактам в смысле доставания денег.

И я однажды, как мы сейчас увидим из следующего рассказа, весьма снисходительно и терпимо отнесся к подобному случаю, о котором мы имеем намерение вам рассказать сейчас.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Стою я раз в кино и дожидаясь одну даму.

Тут, надо сказать, одна особа нам понравилась. Такая довольно интересная бездетная девица. Служащая.

Ну, конечно, любовь. Встречи. Разные тому подобные слова. И даже сочинения стихов на тему, никак не связанную со строительством, чего-то такое: "Птичка прыгает на ветке, на небе солнышко блестит... Примите, милая, привет мой... И что-то такое, не помню, – та-та-та-та... болит..."

Любовь в этом смысле всегда отрицательно отражается на мировоззрении отдельных граждан. Замечается иной раз нытье и разные гуманные чувства. Наблюдается какая-то жалость к людям и к рыбам и желание им помочь. И сердце делается какое-то чувствительное. Что совершенно излишне в наши дни.

Так вот, раз однажды стою в кино со своим чувствительным сердцем и дожидаясь свою даму.

А она, поскольку служащая и не слишком дорожит местом, – она любит опаздывать. На службе-то, конечно за это строго. Ну, а тут она знает за два опоздания ее ре уволят. Вот она и отыгрывается на личной почве и на гуманных чувствах.

Так вот, стою как дурак в кино и дожидаясь.

Так – очередь у кассы струится. Так – дверь раскрыта на улицу, заходите. Так – я стою. И как-то так энергично стою, весело. Охота петь, веселиться, дурака валять. Охота кого-нибудь толкнуть, подшутить или схватить за нос. На душе пеньё раздаётся, и сердце разрывается от счастья.

И вдруг вижу – стоит около входной двери бедно одетая старушка. Такой у нее рваненький ватерпруф, облезлая муфточка, дырявые старинные башмачонки.

И стоит эта старушка скромно у двери и жалостными глазами смотрит на входящих, ожидая, не подадут ли.

Другие на ее месте обыкновенно нахально стоят, нарочно поют тонкими голосами или бормочут какие-нибудь французские слова, а эта стоит скромно и даже както стыдливо.

Гуманные чувства заполняют мое сердце. Я вынимаю кошелек, недолго роюсь в нем, достаю рубль и от чистого сердца, с небольшим поклоном, подаю старухе.

И у самого от полноты чувств слезы, как брильянты, блестят в глазах.

Старушка поглядела на рубль и говорит:

– Это что?

– Вот, – говорю, – примите, мамаша, от неизвестного.

И вдруг вижу – у ней вспыхнули щеки от глубокого волнения.

– Странно, – говорит, – я, кажется, не прошу. Чего вы мне рубль пихаете?.. Может быть, я дочку жду – собираюсь с ней в кино пойти. Очень, говорит, обидно подобные факты видеть.

Я говорю:

– Извиняюсь... Как же так... Я прямо сам не понимаю... Пардон... говорю. Прямо спутался. Не поймешь, кому чего надо. И кто за чем стоит. Шутка ли, столько народу...

Но старуха поднимает голос до полного визга.

– Это что же, – говорит, – в кино не пойдешь – оскорбляют личность! Как, говорит, у вас руки не отсохнут производить такие жесты? Да я лучше подожду дочку и в другое кино с ней пойду, чем я буду с вами сидеть и дышать зараженным воздухом.

Я хватаю ее за руки, извиняюсь и прошу прощения. И поскорей отхожу в сторонку, а то, думаю, еще, чего доброго, заметут в милицию, а я даму жду.

Вскоре приходит моя дама. А я стою скучный и бледный и даже несколько обалдевший и стыжусь по сторонам глядеть, чтобы не увидеть моей оскорбленной старухи.

Вот я беру билет и мелким шагом волочусь за своей дамой.

Вдруг подходит ко мне кто-то сзади и берет меня за локоть.

Я хочу развернуться, чтоб уйти, но вдруг вижу – передо мной старуха.

– Извиняюсь, – говорит она, – это не вы ли мне давеча рубль давали?

Я что-то невнятное лепечу, а она продолжает:

– Тут не помню кто-то мне давал сейчас рубль... Кажется, вы. Если вы, тогда ладно, дайте. Тут дочка не рассчитала, а вторые места дороже, чем мы думали. А в третьих местах я ничего не увижу по причине слабости глаз. Прямо хоть уходи. Извиняюсь, говорит, что напомнила.

Я вынимаю кошелек, но моя дама впускает следующее слова:

– Совершенно, говорит, не к чему швыряться деньгами. Уж если на то пошло, я лучше нарзану в буфете выпью.

Я говорю:

– Нарзан вы получите, не скулите. Но рубль я должен дать. Мало ли какие бывают денежные заминки. Надо, говорю, по-товарищески относиться.

Нет, я все-таки дал старухе рубль, и мы в растрепанных чувствах стали глядеть

картину.

Под музыку дама меня пилила, говоря, что за две недели знакомства я ей одеколону не мог купить, а, между прочим, пыль в глаза пускаю и раздаю рубли направо и налево.

Под конец стали показывать веселую комедию, и мы, забыв обо всем, весело хохотали.

А эта старуха сидела со своей дочкой недалеко от нас и тоже иногда весело похрюкивала.

И я был очень рад, что доставил ей это культурное удовольствие. И даже если бы она у меня попросила два рубля, я бы тоже ей дал, не моргнув глазом.

Но, в общем, это мелкий факт, а что касается до крупных дел, связанных с деньгами, то мы, например, знаем такой нижеследующий случай.

Вот забавная новелла, при чтении которой любители Таинственного получают кой-какое удовольствие.

ТАИНСВЕННАЯ ИСТОРИЯ, КОНЧИВШАЯСЯ ДЛЯ ОДНИХ ПЕЧАЛЬНО, ДЛЯ ДРУГИХ
УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО

Про эту таинственную историю рассказал мне один врач по внутренним и детским болезням.

Это был врач довольно старенький и весь седой. Через этот факт он поседел или вообще поседел – неизвестно. Только действительно был он седой, и голос у него был сиплый и надломленный.

То же и насчет голоса. Неизвестно, на чем голос он пропил. На факте или вообще.

Но дело не в этом.

А сидит раз этот врач в своем кабинете и думает свои грустные мысли.

"Пациент-то, – думает, – нынче нестоящий пошел. То есть каждый норовит по страхкарточке даром лечиться. И нет того, чтобы к частному врачу зайти. Прямо хоть закрывай лавочку".

И вдруг звонок раздается.

Входит гражданин средних лет и жалуется врачу на недомогание. И сердце, дескать, у него все время останавливается, и вообще чувствует он, что помрет вскоре после этого визита.

Осмотрел врач больного – ничего такого. Совершенно как бык здоровый, розовый, и усы кверху закручены. И все на месте. И никакого умирания в организме незаметно.

Тогда прописал врач больному нашатырно-анисовых капель, принял за визит семь гривен, покачал головой и, по правилам своей профессии, велел ему зайти еще раз завтра. На этом они и расстались.

На другой день в это же время приходит к врачу старушонка в черном платке. Она поминутно сморкается, плачет и говорит:

– Давеча, говорит, приходил к вам мой любимый племянник, Василий Леденцов. Так он, видите ли, в ночь на сегодня скончался. Нельзя ли ему после этого выдать свидетельство о смерти?

Врач говорит:

– Очень, говорит, удивительно, что он скончался. От анисовых капель редко кончаются. Тем не менее, говорит, свидетельство о смерти выдать не могу – надо мне увидеть покойника.

Старушонка говорит:

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
– Очень великолепно. Идемте тогда за мной. Тут недалеко.

Взял врач с собою инструмент, надел, заметьте, калоши и вышел со старушкой.

И вот поднимаются они в пятый этаж. Входят в квартиру. Действительно, ладаном пахнет. Покойник на столе расположен. Свечки горят вокруг. И старушка гдето жалобно хрюкает.

И так врачу стало на душе скучно и противно.

"Экий я, – думает, – старый хрен, каково смертельно ошибся в пациенте. Какая канитель за семь гривен".

Присаживается он к столу и быстро пишет удостоверение. Написал, подал старушке и, не попрощавшись, поскорее вышел. Вышел. Дошел до ворот. И вдруг вспомнил – мать честная, калоши позабыл.

"Экая, – думает, – неперка за семь гривен. Придется опять наверх ползти".

Поднимается он вновь по лестнице. Входит в квартиру. Дверь, конечно, открыта. И вдруг видит: сидит покойник Василий Леденцов на столе и сапог зашнуровывает. Зашнуровывает он сапог и со старушкой о чем-то препирается. А старушка ходит вокруг стола и пальцем свечки гасит. Послюнит палец и гасит.

Очень удивился этому врач, хотел с испугу вскрикнуть, однако сдержался и, как был без калош, кинулся прочь.

Прибежал домой, упал на кушетку и со страху зубами лязгает. После выпил нашатырно-анисовых капель, успокоился и позвонил в милицию.

А на другой день милиция выяснила всю эту историю.

Оказалось: агент по сбору объявлений, Василий Митрофанович Леденцов, присвоил три тысячи казенных денег. С этими деньгами он хотел начисто смыться и начать новую великолепную жизнь.

Однако не пришлось.

Калоши врачу вернули месяца через три, после всяких длинных процедур, заявлений, просьб и хождений по всем местам.

В общем, врач отделался сравнительно благополучно и, кроме испуга и расстройства нервов по поводу долгой невыдачи калош, других неприятностей не имел.

И, рассказав мне эту историю, врач, вздохнувши, добавил:

– Имея три тысячи, этот фрукт хотел за семь гривен смыться из этого мира, но медицина не допустила. Вот до чего доводит людей жадность к деньгам.

Однако мы знаем историю о такой жадности к деньгам, какая не так-то уж часто бывает.

Вот эта история.

РАССКАЗ ПРО ОДНОГО СПЕКУЛЯНТА

Жил в Ленинграде некто такой Сисяев. Такой довольно арапистый человек. Он во время нэпа, когда частники еще работали, держал парикмахерскую. Только, кроме стрижки и брижки, он еще иностранной валютой торговал и вообще разные темные делишки обстряпывал. Ну и, конечно, засыпался.

Он засыпался в тридцатом году летом. Маленько посидел где следует. И вскоре его, голубчика, выперли из Ленинграда куда-то подальше. Ему чего-то, одним словом, дали – минус семь, или плюс семь, или восемь – черт его разберет. Я в этих делах пока что слабо понимаю.

Одним словом, его, как спекулянта, выслали в Нарымский край.

И, значит, он, хочешь не хочешь, поехал.

А надо сказать, он своего ареста ожидал. У него сердце было беспокойно. Он еще за неделю сказал своим компаньонам: дескать, как бы не угодить куда-нибудь.

И, конечно, на всякий случай он взял старую кожаную тужурку, подпорол ей бортик и зашил туда десять царских золотых монет и один золотой квадратик. Может быть, помните – государство в двадцать четвертом году выпустило такие золотые квадратики для технических надобностей.

Вот он, значит, на всякий пожарный случай и подзашил свое добро в тужурку, и прямо из этой тужурки он больше не вылезал. Да еще в брюки он тоже зашил разные бумажные деньги. И в сапоги под стельки положил более носкую валюту – доллары.

И стал поджидать.

Только он недолго ждал. Вскоре после того его взяли вместе с тужуркой. И осенью он поехал куда следует.

Только неизвестно, как он там жил. Может быть, скорей всего он не очень худо жил. Тем более бумажных денег у него было вдоволь припасено. Он знай себе подпарывал брюки и вынимал что-то из бумажника. А до золота, между прочим, не дотрагивался.

Только живет он так больше года. И вдруг хворает. Он хворает воспалением легких. Он там простудился. Его там просквозило на работе. И он там захворал.

Конечно, кашель поднялся, насморк, хрипы, температура минус сорок градусов. В боку колет. Аппетита нету. И вообще человек чувствует приближение собственной кончины.

"И тогда ночью снимает с себя кожаную куртку и вновь подпарывает ей бортик.

Он подпарывает ей бортик, кладет на язык золотые монетки и глотает их в порядке живой очереди.

"Поскольку, – думает он, – я помру, а тут кто-нибудь шарить начнет. А мне это неприятно. И пушай это золото у меня в брюхе лежит, чем кто-нибудь им воспользуется". И, значит, подумавши так, глотает,

Только, может, он проглотил пять или шесть штук, как вдруг замечает эти преступные действия один из его приятелей. Их там но семь человек вместе жило.

Заметил это приятель, поднял тарарам и не допустил глотать остальные деньги.

И хотя тот за того хватался и умолял, но этот говорит:

– Мне, говорит, не так золота жалко. Я себе золота не возьму. Но я, говорит, не могу допустить проглатывать. Тем более воспаление легких иногда проходит. А тут и денег не будет, и вообще засорение желудка.

Короче говоря, больной вскоре действительно поправился. Он выздоровел. Грудь ему освободило. Дыхание вернулось. Но является новая беда – в желудке колет, кушать неохота, и слюна идет.

И спасибо, что больной не все монеты заглотал. А то бы совсем невозможно получилось.

Конечно, можно было бы больному схлопотать в Томск поехать, на операцию лечь. Но только он сам не захотел. Он, может, пугался, что во время хлороформа он недосмотрит и хирурги разворуют его монеты, лежащие в желудке.

Он только допустил разные внутренние средства и дозволил себя массировать.

Разные сильные средства, конечно, выгнали монеты наружу, но по подсчету их оказалось меньше, чем следует.

Тут вообще дело темное. Или уперли во время тарарама несколько монет, или они в желудке остались.

Так что ежели считать, что в желудке ничего нету, то недостает трех монет и одного квадратика. Тогда, значит, действительно уперли. И тогда, значит, надо прекратить массаж и лечение.

Но зачем на людей тень наводить? Может быть, монеты лежат себе в желудке.

Тем более для здоровья это не играет роли. Золото не имеет права давать ржавчину, так что оно может лежать до бесконечности.

Конечно, жалко, что валюта лежит без движения. Но, может, она и в движении у других граждан.

Что касается до спекулянта, то он имеет мнение, что золото благополучно лежит у него в желудке, зацепившись за какой-нибудь естественный поворот внутренней системы. Но для душевного спокойствия он непременно хочет сделать себе просвечивание. И если наука найдет, что золото там внутри, то он и не будет его трогать до поры до времени.

Эту правдивую историю мы рассказали, желая показать вам, что любовь к деньгам иной раз бывает сильнее смерти.

А прочитав следующий рассказ, вы вполне убедитесь в этом и даже в большем.

Это рассказ о том, как одна жадная бабенка благодаря отсутствию денег не разрешила умереть своему мужу. Что является просто возмутительным даже хотя бы с точки зрения медицины,

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЖЕНА НЕ РАЗРЕШИЛА МУЖУ УМЕРЕТЬ
Проживал на Петроградской стороне один небогатый живописец по имени Иван Саввич Бутылкин.

Он состоял в какой-то, я не знаю, кустарной артели и там чего-то такое делал. Он, кажется, работал. Он писал там плакаты и вывески, и разные номера для домов, и всякие указатели, и так далее.

Он, между прочим, мог бы очень недурно жить, но он, к сожалению, часто хворал и, не отличаясь хорошим здоровьем, не мог работать и тем более зарабатывать. Хотя и имел весьма крупное дарование в своей профессии.

Но жил он удивительно худо, бедно и то есть никак не имел возможности наладить свою препечальную жизнь.

А в довершение всего на его плечах находилась еще его супруга, по имени Матрена Васильевна, тоже Бутылкина, на которой он имел несчастье жениться до революции, не понимая еще, что значит такое подруга жизни.

Это была чересчур невозможно крикливая баба, любительница ничего не делать.

Она ничего не работала, разве только что готовила обед и грела иногда на примусе воду. И она не была помощницей своему тщедушному супругу, который по состоянию своего здоровья не мог много зарабатывать.

В довершение всего она же его и пилила, и ругала, и своими ежедневными грубыми возгласами, криками и скандалами выворачивала наизнанку слабую и поэтическую душу нашего художника и живописца. Она требовала, чтоб он больше зарабатывал. Она хотела ходить в кино и кушать разные фрикасе и прочее.

Он, конечно, старался, но из этого мало чего выходило, Ну и она, конечно, его ругала.

Одним словом, он всецело находился у нее под башмаком.

Тем не менее она прожила с ним восемнадцать лет. Правда, они другой раз между собой ссорились и дрались, но так, чтобы слишком больших скандалов или убийств – этого у них не было.

Она на это не шла, поскольку понимала, что супруг к ней все-таки бережно

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
относится. А если его не будет или с ним разойтись, то еще неизвестно, как обернется. Другой, может, такой арап попадется, что сам ничего делать не будет, а ее, вечную страдальцу, заставит работать круглые сутки.

А она, родившись задолго до революции, понимала свою женскую долю как такое, что ли, беспечальное существование, при котором один супруг работает, а другой апельсины кушает и в театр ходит.

И вот, представьте себе, однажды Иван Саввич Бутылкин неожиданно вдруг захворал.

А перед тем как ему захворать, он ослаб вдруг до невозможности. И не то чтоб он ногой не мог двинуть, ногой он мог двинуть, а он ослаб, как бы сказать, душевно. Он затосковал, что ли, по другой жизни. Ему стали разные кораблики сниться, цветочки, дворцы какие-то. И сам стал тихий, мечтательный. И все обижался, что беспокойно у них в квартире. Зачем, дескать, соседи на балалайке стрекочут. И зачем ногами шаркают.

Он все хотел тишины. Ну, прямо-таки собрался человек помереть. И даже его на рыбное блюдо потянуло. Он все соленья стал просить – селедку.

Так вот, во вторник он заболел, а в среду Матрена на него надела.

– Ах, скажите, пожалуйста, зачем, – говорит, – ты лег? Может, ты нарочно привередничаешь. Может, ты работу не хочешь исполнять. И не хочешь зарабатывать.

Она пилит, а он молчит.

"Пушай, – думает, – языком треплет. Мне теперича решительно все равно. Чувствую, что помру скоро".

А сам горит весь, ночью по постели мечется, бредит. А днем лежит ослабший, как сукин сын, и ноги врозь, и все мечтает.

– Мне бы, – говорит, – перед смертью на лоно природы поехать, посмотреть, какое это оно. Никогда ничего подобного в своей жизни не видел.

И вот осталось, может, ему мечтать два дня, как произошло такое обстоятельство.

Подходит к его кровати Матрена Васильевна и ехидным голосом так ему говорит:

– Ах, помираешь? – говорит.

Иван Саввич говорит:

– Да уж, извиняюсь... Помираю... И вы перестаньте меня задерживать. Я теперича вышел из вашей власти.

– Ну, это посмотрим, – говорит ему Мотя, – я тебе, подлецу, не верю. Я, говорит, позову сейчас медика. Пушай медик тебя, дурака, посмотрит. Тогда, говорит, и решим – помирать тебе или как. А пока ты с моей власти не вышел. Ты у меня лучше про это не мечтай.

И вот зовет она районного медика из коммунальной лечебницы. Районный медик Иван Саввича осмотрел и говорит Моте:

– У него или тиф, или воспаление легких. И он у вас очень плох. Он не иначе как помрет в аккурат вскоре после моего ухода.

Вот такие слова говорит районный медик и уходит.

И вот подходит тогда Матрена к Ивану Саввичу.

– Значит, – говорит, – взаправду помираешь? А я, говорит, – между прочим, не дам тебе помереть. Ты, говорит, бродяга, лег и думаешь, что теперь тебе все возможно. Врешь. Не дам я тебе, подлецу, помереть.

Иван Саввич говорит:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Это странные ваши слова. Мне даже медик дал разрешение. И вы не можете мне препятствовать в этом деле. Отвяжитесь от меня...

Матрена говорит:

– Мне на медика наплевать. А я тебе, негодяю, помереть не дам. Ишь ты какой богатый сукин сын нашелся – помирать решил. Да откуда у тебя, у подлеца, деньги, чтоб помереть! Нынче, для примеру, обмыть покойника – и то денег стоит.

Тут добродушная соседка, бабка Анисья, вперед выступает.

– Я, – говорит, – его обмою. Я, говорит, Иван Саввич, тебя обмою. Ты не сомневайся. И денег я с тебя за это не возьму. Это, говорит, вполне божеское дело – обмыть покойника.

Матрена говорит:

– Ах, она обмоет! Скажите, пожалуйста. А гроб! А, например, тележка! А попу! Что я для этой цели свои гардероб буду продавать? Тьфу на всех! Не дам ему помереть. Пушай заработает немного денег и тогда пушай хоть два раза помирает.

– Как же так, Мотя? – говорит Иван Саввич. – Очень странные слова.

– А так, – говорит Матрена, – не дам и не дам. Вот увидишь. Заработай прежде. Да мне вперед на два месяца оставь – вот тогда и помирай.

– Может, попросить у кого? – говорит Иван Саввич.

Матрена отвечает:

– Я этого не касаюсь. Как хочешь. Только знай – я тебе, дураку, помереть не дам.

И вот до вечера Иван Саввич лежал словно померший, дыхание у него прерывалось, а вечером он стал одеваться. Он поднялся с койки, покряхтел и вышел на улицу.

Он вышел во двор. И там, во дворе, встречает дворника Игната.

Дворник говорит:

– Иван Саввичу с поправлением здоровья.

Иван Саввич говорит ему:

– Вот, Игнат, положеньице. Баба помереть мне не дает. Требуется, понимаешь, чтоб я ей денег оставил на два месяца. Где бы мне денег-то раздобыть?

Игнат говорит:

– Копеек двадцать я тебе могу дать, а остальные, валяй, попроси у кого-нибудь.

Иван Саввич двугривенного, конечно, не взял, а пошел на улицу и от полного утомления присел на тумбу.

Вот он присел на тумбу и вдруг видит – какой-то прохожий кидает ему монету на колени. Он как бы подает, увидев перед собой больного и чересчур ослабевшего человека.

Тут Иван Саввич слегка оживился.

"Ежели, – думает, – так обернулось, то надо посидеть. Может, набросают. Дай, думает, сниму шапку".

И вот, знаете, в короткое время действительно прохожие накидали ему порядочно.

К ночи Иван Саввич вернулся домой. Пришел он распаренный и в снегу. Пришел и лег на койку.

А в руках у него были деньги.

Хотела Мотя подсчитать – не дал.

– Не тронь, – говорит, – погаными руками. Мало еще.

На другой день Иван Саввич опять встал. Опять кряхтел, оделся и, распялив руки, вышел на улицу.

К ночи вернулся и опять с деньгами. Подсчитал выручку и лег.

На третий день тоже. А там и пошло, и пошло – встал человек на ноги. И после, конечно, бросил собирать на улице. Тем более что, поправившись, он уже не имел такого печального вида и прохожие сами перестали ему давать.

А когда перестали давать, он снова приступил к своей профессии.

Так он и не помер. Так Матрена и не дала ему помереть.

Вот что сделала Матрена с Иван Саввичем.

Конечно, какой-нибудь районный лейб-медик, прочитав этот рассказ, усмехнется. Скажет, что науке неизвестны такие факты и что Матрена ни при чем тут. Но, может, науке и точно неизвестны такие факты, однако Иван Саввич и посейчас жив. И даже на днях он закончил какую-то художественную вывеску для мясной торговли.

А впрочем, случай этот можно объяснить и медицински, научно. Может, Иван Саввич, выйдя на улицу, слишком распарился от волнения, перепрел, и с потом вышла у него болезнь наружу.

В общем, жадная бабенка, любительница денег, сохранила благодаря своей жадности драгоценную жизнь своему супругу. Что является, конечно, весьма редким случаем. А чаще всего бывает наоборот. Чаще всего бывает так, что благодаря такой жадности человек теряет даже и то, что имеет.

И вот вам об этом рассказ.

Вот интересная новелла про одну жадную молочницу, пожелавшую увеличить свои доходы.

РАССКАЗ ПРО ОДНУ КОРЫСТНУЮ МОЛОЧНИЦУ

Одна симферопольская жительница, зубной врач О., вдова по происхождению, решила выйти замуж.

Ну, а замуж в настоящее время выйти не так просто! Тем более если дама интеллигентная и ей охота видеть вокруг себя тоже интеллигентного, созвучного с ней субъекта.

В нашей, так сказать, пролетарской стране вопрос об интеллигентах вопрос довольно острый. Проблема кадров еще не разрешена окончательно, а тут, я извиняюсь, – женихи. Ясное дело, что интеллигентных женихов нынче не много. То есть, конечно, но все они какие-то такие: или уж женатые, или уже имеют дветри семьи, или вообще хворают, что, конечно, тоже не сахар в супружеской жизни.

И вот при такой ситуации живет в Симферополе вдова, которая в прошлом году потеряла мужа. Он у ней умер от туберкулеза.

Вот, значит, помер у ней муж. Она сначала, наверное, легко отнеслась к этому событию. "А-а, – думает, – ерунда!.." А потом видит – нет, далеко не ерунда!.. Женихи по свету не бегают пачками. И, конечно, загоревала.

И вот, значит, горюет она около года и рассказывает о своем горе молочнице. К ней ходила молочница, молоко приносила. Поскольку муж у ней помер от туберкулеза, так вот она начала заботиться о себе, усиленно питалась. Она пила молоко по два литра в день. И от этого питания она прямо распухла и имела здоровье очень выдающееся. И, наверно, оттого к ней стали заходить в голову разные легкие, воздушные мысли о супружестве.

И вот, значит, она пьет молоко около года, все больше поправляется и, между

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
прочим, имеет дамский обывательский разговор со своей молочницей.

Неизвестно, с чего у них началось. Наверно, она пришла на кухню и разговорилась. Вот, мол, продукты дорожают. Молоко, дескать, жидковатое, и вообще женихов нету. Молочница говорит:

– Да, мол, безусловно, чего-чего, а этого мало!

Зубной врач говорит:

– Зарабатываю подходяще. Все у меня есть – квартира, обстановка, деньжата! И сама, говорит, я не такое уж мурло. А вот подите же, вторично замуж выйти буквально не в состоянии. Прямо хоть в газете печатай!

Молочница говорит:

– Ну, говорит, газета – это не разговор. А чего-нибудь такое надо, конечно, придумать.

Зубной врач отвечает:

– В крайнем случае я бы, говорит, и денег не пожалела. Дала бы денег той, которая меня познакомит в смысле брака.

Молочница спрашивает:

– А много ли вы дадите?

– Да, – говорит врачиха, – смотря какой человек отыщется. Если, конечно, он интеллигент и женится, то, говорит, червонца три я бы дала, не моргнув глазом.

Молочница говорит:

– Три, говорит, это мало. Давайте пять червонцев, тогда я вам подыму это дело. У меня, говорит, есть на примете подходящий человек.

– Да, может, он не интеллигент, – говорит врачиха, – может, он крючник? За что я буду давать пять червонцев?

– Нет, – говорит, – зачем крючник. Он очень интеллигентный. Он – монтер.

Врачиха говорит:

– Тогда вы меня познакомьте. Вот вам пока червонец за труды.

И вот на этом они расстаются.

А надо сказать, у молочницы ничего такого не было на примете, кроме собственного ее супруга.

Но крупная сумма ее взволновала, и она начала прикидывать в своем мозгу, как и чего и как бы ей попроще выбить деньги из рук этой врачихи.

И вот приходит она домой и говорит своему супругу:

– Вот мол, Николаша, чего получается. Можно, говорит, рублей пятьдесят схватить так себе, здорово живешь, без особых хлопот и волнений.

И, значит, рассказывает ему всю суть дела. Мол, чего, если она нарочно познакомит его с этой разбогатевшей врачихой, а та сдуру возьмет да и отсыплет ей пять червонцев.

– И, – говорит, – в крайнем случае, если она будет настаивать, можно записаться. В настоящее время это не составит труда. Сегодня ты распишешься, а завтра или там послезавтра – обратный ход!

А муж этой молочницы, этакий довольно красивый мужчина, с усиками, так ей говорит:

– Очень отлично. Пожалуйста! Я, говорит, всегда определенно рад пятьдесят рублей взять за ни за что. Другие ради такой суммы месяц работают, а тут такие пустяки – записаться!

И вот, значит, через пару дней молочница знакомит своего мужа с зубным врачом.

Зубной врач сердечно радуется и без лишних слов и причитаний уплачивает молочнице деньги.

Теперь складывается такая ситуация.

Муж молочницы, этот известный трепач с усиками, срочно записывается с врачихой, переходит временно на ее апартаменты и пока что живет там.

Так он живет пять дней, потом неделю, потом десять дней.

Тогда приходит молочница.

– Так что, – говорит, – в чем же дело?

Монтер говорит:

– Да нет, я раздумал вернуться! Я, говорит, с этим врачом жить останусь. Мне тут как-то интересней получается.

Тут, правда, он схлопотал по морде за такое свое безобразное поведение, но мнения своего не изменил. Так и остался жить у врачихи. А врачиха, узнав про все, очень хохотала и сказала, что поскольку нет насилия, а есть свободный выбор, то инцидент исчерпан.

Правда, молочница еще пару раз заходила на квартиру и дико скандалила, требуя возврата своего супруга, однако ни черта хорошего не вышло. Больше того – ей отказали от места, не велели больше носить молока во избежание дальнейших скандалов и драм.

Так за пять червонцев скупая и корыстная молочница потеряла своего красивого, интеллигентного супруга.

И мы вообще очень рады и довольны, что именно так произошло.

Теперь эта дура может на досуге и в полном одиночестве подумать, какую ошибку она совершила.

Однако бывает, что люди и не совершают подобных ошибок и вообще не слишком уж загораются при виде денег, тем не менее, когда им деньги случайно попадают в лапы, они имеют душевные волнения и сильные переживания не в меньшей степени, чем эта дура-баба молочница. Вот об одном таком человеке, которому попались в руки деньги, мы и хотим вам рассказать. И вы сейчас увидите, как влияют деньги на симпатичного человека.

ТРАГИКОМИЧЕСКИЙ РАССКАЗ ПРО ЧЕЛОВЕКА, ВЫИГРАВШЕГО ДЕНЬГИ

Конечно, таких рассказов, в которых человек выиграл, скажем, сто тысяч и с ним после этого чего-то такое случилось и стряслось, таких рассказов в литературе существует, конечно, до черта.

Но то, чего мы хотим рассказать, по своей комичности положений превосходит все, до сих пор написанное в этой области.

Отметим к тому же, что все это голая правда.

Вот представьте себе утро. Туманный Ленинград. Надо сейчас идти трудящимся на работу. Вот сейчас они попьют чайку и пойдут гордой вереницей.

Но что случилось? Чей-то крик, я извиняюсь, раздается.

Это в нашей коммунальной квартире раздаются крик, топот, треск и разные возгласы.

Жильцы сбегаются на это место и видят вот что:

Рабочий Борька Фомин в розовых подштанниках шляется по своей комнате. Челюсти у него трясутся. И лицо белое, как глина. В одной руке у него газета. В другой – почтовая открытка. В третьей руке его супруга держит талон, и так она восклицает:

– Ах, уйдите все из комнаты. Еще ничего не известно. А я лично не могу поверить, что мы с Борей пять тысяч выиграли.

Борька Фомин, у которого от волнения с носа капля падает, говорит:

– Получаю открытку со сберкассы. Что такое? Пардон! Выиграл деньги...

Жена говорит:

– Вся моя жизнь проходит в сумерках. Что-нибудь удивительное случилось – этого не бывает. Если же Борька выиграл такие деньги, то я, говорит, непременно знаю, что произойдет какое-нибудь такое, благодаря чему я скорей всего не увижу этих денег.

Один жилец говорит:

– Часто бывает, они печатают, недосмотревши цифры. Или нолики у них заскакивают и не там расположены. Трудящиеся ахают, а после, конечно, не то выигрывают...

Тут приносят семь газет из разных комнат.

Все глядят и проверяют и видят – нету сомненья, Борька Фомин, этот, не представляющий из себя ничего особенного, выиграл пять тысяч, и не известно никому, чего он сейчас будет делать с этими деньгами.

Борькин племянник, живущий тут же молодой мальчишка лет семнадцати, Вовка Чучелов, сдающий экзамен на звание шофера и не привыкший еще давить людей, говорит Борису Андреевичу:

– Чем, дядя, понапрасну слова кричать – побегите в сберкассу. Если вам дадут эти деньги, значит, вы действительно выиграли.

Тут все начинают кричать на Бориса Андреевича и велят ему побежать в кассу.

Его жена по своей женской недоверчивости при этом так восклицает:

– Сейчас он у меня, подлец, под трамвай свалится или его автобус зацепит. Этого не бывает, чтобы я свободно по пять тысяч выигрывала.

Вот Борис моментально одевается, бежит и вскоре возвращается обратно – белый, как глина.

Он говорит всем присутствующим ослабевшим голосом человека, только что летавшего в стратосферу.

Он говорит:

– Да, я выиграл пять тысяч. Они мне велели послезавтра прийти за деньгами. Они говорят: "Это в нашем районе бывает раз в сто лет".

Тут все поздравляют Бориса Андреевича и велят ему полежать на кушетке, чтоб не сорвать ход организма до получения денег.

Жена говорит:

– Ах, уйдите все из комнаты. Я хочу строго подумать, чего может случиться, благодаря чему мы не получим этих денег.

Вот проходит целый день, и утром снова раздаются крик, топот и грубые восклицания.

Все жильцы спешат на место происшествия и видят вот что:

Борис Андреевич лежит в розовых подштанниках на кушетке. Челюсти у него трясутся, и капли падают с носа.

Жена говорит:

– Еще хорошо, что его, подлеца, у меня в ряды партии не приняли. Вот бы он мне конфетку подложил.

Жильцы говорят:

– А что такое?

– Да как же, – говорит, – что! Он, оказывается, у меня две недели назад, не дождавшись выигрыша, стал, как ребенок, рекомендации себе просить у разных высших лиц. Хорошо – ему не дали. Он хотел, видите ли, записаться. Вот бы пришлось, наверное, я так думаю, половину денег отдать на борьбу с тем и с этим, и в МОПР, и во все места.

Один жилец говорит:

– Отдавать не обязательно, но, конечно, другие по своей охоте оставляют себе рублей шесть на папиросы, а все остальное отдают на строительство.

Жена говорит:

– Хорошо, что дураков в партию не принимают, – вот был бы номер!

Борька кричит:

– Об чем речь, раз этого нету. В жизни все бывает к лучшему.

Жена говорит:

– Ах, уйдите все из комнаты. Я хочу подумать, чего еще может случиться.

На третий день Боря получил деньги сполна. Он со вздохом отдал двадцатку на дирижабль, а остальные принес домой. И заперся в комнате.

На четвертый день утром раздаются крики, воркотня, вопли, топот и грубая брань.

Это Борис Андреевич, поругавшись с женой, разводится с ней и теперь уходит к одной барышне. Такая жила в другом конце коридора – Феничка. Такая белобрысенькая. И, кажется, из чухонки. Но такая удивительно миленькая душечка. Тоненькая, как мечта поэтов.

И он, собрав вещи, как раз переходит к ней и так про жену восклицает:

– Ухожу от нее, поскольку я увидел всю ее мелкобуржуазную сущность. Она меня в такое героическое время подбила взять заявление, и я ей никогда этого не прощу и всякий раз, видя ее, буду непременно страдать и огорчаться. Но я не хочу ее даром бросить. Я ей дам рублей сто денег, и пускай она, дьявол, не вмешивается в мои сердечные дела.

Жена говорит:

– Вот так да! Я же вам говорила.

Тогда племянник Вовка совместно с Борисом Андреевичем моментально переносят вещи к Феничке и там весь вечер празднуют пышный бал.

На шестой день снова в квартире раздаются крики, возгласы и дамские слезы.

Что такое? Пардон. Извиняюсь, что случилось?

Ах, это, знаете, у Бориса Андреевича сперли ночью все деньги.

Рисуется чудовищная картина ужаса и потрясения.

Сам Борис Андреевич лежит на кровати с мордой бледной, как глина. Он шепчет слова удивления и разводит руками, показывает этим силу своего душевного страдания.

Тут же рядом на ковре лежит без памяти феничка. У нее украли туфельки и пальто.

Тут узнается, что Борькин племянник Чучелов, не создав еще экзаменов на шофера, исчез неизвестно куда. Рисуется картина подлой кражи со стороны этого бешеного родственника.

Тогда вдруг появляется феничкин брат или черт его знает кто. Тоже, кажется, из чухонцев. Со значком ГТО.

Он почти ничего не говорит и только ногами выпихивает лишних обитателей из комнаты.

Последним номером он выгоняет Борьку Фомина и бьет его в рыло за исковерканную дамскую жизнь плюс туфельки и пальто.

Борька с криками страдания мечется по коридору с мордой, вспухшей как пирог.

Тогда его бывшая жена берет его под свое покровительство и разрешает ему снова находиться на ее половине.

Борька ложится на пол в ее комнате и страдает так, что даже пришедший милиционер, привыкший видеть все, чего бывает, не может этого видеть.

Борька говорит жене:

– Ах, я сам не понимаю, как он от вас ушел. Только ваша любовь завсегда скрашивала мои невероятные страдания. Я, как в бреду, жил три дня с этой белобрысой чухонкой, у которой совершенно поделом сперли плюшевые туфли и пальто и у которой брат я не знаю какой подлец и убийца живых существ. Ах, у меня была морока в голове от этих всех дел. Я вам в присутствии товарища милиционера приношу свои сердечные извинения за все явления.

Милиционер говорит:

– Ах, перестаньте вы канючить. Моя душа буквально разрывается от этих слов. Я прошу вас замолчать и говорить то, что случилось, а не то, что было. Я, говорит, составляю протокол, а не пишу поэмы из жизни оборванцев.

Борька говорит:

– Тогда слушайте. Феничка ночью спала, а я, не помню зачем-то, на минутку пошел в уборную. Наверно, Вовка Чучелов все это увидел и взял из комнаты эти деньги и эти вещи.

Милиционер записывает это и уходит.

Муж с женой мирятся и живут друг с другом с необыкновенной любовью.

Борька с феничкой не раскланивается. А она щеголяет в новых туфельках, неизвестно откуда полученных.

Феничкина сестра Сима, с которой Борька разговорился, сказала, что этот белобрысый, набивший ему морду, отнюдь не брат, а любовник и этим все объясняется.

Страдания Борьки прекращаются. Он ходит на работу и там дает разные смелые обещания.

Жена говорит:

– Ну ладно, что же делать, если тебе нравится, попроси у кого-нибудь

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
рекомендацию. Ты у меня тянешься ко всему, как ребенок.

Вдруг через две недели вызывают Борьку в милицию. И там ему сообщают, что в Гаграх на Кавказе поймали у его племянника, Вовку Чучелова. Он истратил четыреста рублей, а остальные деньги Борька может моментально получить обратно

Борька, с лицом бледным, как глина, возвращается домой У него в руках деньги. И он садится на кушетку, и неохотно смотрит на всех и не совсем понимает, что случилось.

Его жена говорит:

– Ах, уйдите все из комнаты. Еще неизвестно, что будет.

Эта неизвестность продолжается три дня.

После чего Борис Андреевич вдруг моментально с бухты-барухты женится на феничкиной сестре – Симе.

От счастья он не ходит на работу три дня, и его выгоняют на полгода. Но он на это плюет и не горюет Он кладет свои деньги на книжку. И эту книжку носит теперь на груди на самом толстом шпагате.

феничка говорит, что ей все это безразлично А жена говорит: "Вот так штука", – и выходит неожиданно замуж за знакомого бывшего поляка, который переезжает на ее площадь, как не имеющий таковой.

Вот теперь интересно, что будет, когда Борис Андреевич поистратится.

Прочитавши этот рассказ, мы можем вместе с вами подивиться удивительным делам И, подивившись этим делам, давайте с надеждой подумаем о тех прекрасных днях, в которые деньги не будут иметь такое выдающееся значение.

Мир ахнет и удивится, какая, наверное, будет замечательная жизнь.

А нам, подлецам, воспитанным на дряни и безобразии, даже и не понять, как это будет.

На этом мы хотели закончить наши рассказы о деньгах, с тем чтобы перейти к рассказам о любви. Однако близость этого поэтического отдела "Любовь" позволяет нам рассказать еще одну новеллу, в которой два наших предмета – деньги и любовь – столкнулись между собой.

И вот что получилось.

Это рассказ об одной богатой и состоятельной гражданке, которая за деньги приобрела себе любовь.

Вот как это было.

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ ПОД ЛОЗУНГОМ "СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЬ"
Богатых, собственно, у нас нету. Но зажиточные у нас имеются.

У нас некоторые хорошо получают. Некоторые по займам выигрывают Некоторые вообще пес их знает откуда берут деньги.

Но что такое богатство – мы мало себе представляем. Мы почти не знаем, что это за состояние, при котором все можно купить, и рушатся все преграды, и нет ничего на свете, чего нельзя пожелать.

Конечно, у нас бывает кое-что вроде этого. Ну, там, кое-какие мелкие остатки прежних состояний. И тогда при этом случаются удивительные дела, от которых мы отвыкли, но на которые нам стоит поглядеть.

Вот, извольте, рассказ о том, как одна любовь была куплена за деньги и что из этого получилось.

А жила в Ленинграде одна вообще дамочка, дочка одного богатого инженера.

Или он не был инженер, а был подрядчик – сейчас это хорошо неизвестно. Только факт, что он строил частные дома и при этом невероятно разбогател. Ну, может быть, там хапнул или вообще украл, я не знаю.

Вот он чертовски разбогател (а было это в начале нэпа) и, разбогатевши, стал, конечно, приобретать разные ценные вещицы, разные там картины, ковры, лампы, одеяла. При этом у него имелись золотые монеты царской чеканки, брильянты и вообще чертова уйма всякого добра и костюмов.

Конечно, неизвестно, что случилось бы с ним в наши дни, но он, будучи неглупым человеком, своевременно в двадцать четвертом году умер со спокойной улыбкой на устах – дескать, эх, вы, дураки, не знаю, как вы, а я прилично нажил и дочке все передаю.

И сам, как говорится, сыграл в ящик.

А дочка у него была ну вообще малоинтересное существо, такая вообще барышня ни то ни се. Ну вообще ходит, сидит, говорит и кушает, но к поэзии не имеет склонности и на рояле играть не может.

Без своего богатства ей, конечно, ноль цена, но, поскольку у нее было богатство, за ней мужчины сильно волочились и даже три раза подряд женились на ней, но все как-то неудачно. И даже за ней один доктор ухаживал. Но, будучи политически грамотным человеком, он не придал значения ее богатству, понимая, что это есть нечто кратковременное. Он несколько поухаживал за ней и, предвидя неприятности, ушел, как говорится, в кусты.

Но тут она знакомится с одним инженером. Такой интересный красавец, тоняга, одевается. Такой вообще педант и любимец женщин. Душистый платок в кармане, какие-то запонки, еще что-то такое. И при этом имеет имя Лютик.

Вот этот молодой любимец дам посещает нашу Елену Григорьевну и видят у нее несметное количество ценного барахла и вот, распалившись на это добро, он кружит дамочке голову и однажды говорит ей, мол, не хотите ли вы быть моей женой.

А эта дура, влюбленная в него как кошка, трясется от радости и говорит: "Ах, я твоя навеки".

Вот он, не будь дурак, женится на ней поскорей, чудно живет, восторгается жизнью, закусывает по пять раз в день и думает: "Вот так устроился!"

Он переезжает в Детское Село, в собственный дом, и вдруг замечает, что дамочка-то ему малоинтересна. Никакой такой любви у него к ней не имеется, и даже ему неохота находиться с ней рядом и дышать тем же воздухом.

"Разводиться, – думает, – мне с ней в высшей степени глупо, но я, думает, зевать не буду".

И вот он заводит разные флирты и романы и разные любовные похождения. Живет там на полный ход с какойто невероятной красавицей. При этом с ней кутит и выпивает и бросает к ее ногам разные мелкие ценности.

Домой приезжает, как говорится, еле монаху, но при этом делает вид, будто он чересчур утомился строительством и делами и поэтому не может даже беседовать со своей супругой.

– Я, – говорит, – извиняюсь, не могу по-прежнему подолгу разговаривать с вами на разные темы и тем более любоваться вами, поскольку от усиленных занятий у меня изменился характер и я потерял некоторую живость своего темперамента.

И при этом он стал при ней притворяться – ходит сгорбившись, охает, харкает лишней слюной и прикрывается двумя одеялами. А у самого морда цветущая и здоровье – лучше не надо.

В довершение всего он подговорил одного знакомого врача, Орлова, чтобы тот нашептал Елене Григорьевне разные устрашающие слова. И дал ему для этого некоторую сумму денег.

Вот врач приезжает, ахает, восклицает и говорит Елене Григорьевне:

– Да! Это да! Охо-хо! Такое молодое, цветущее существо, а здоровье у него в высшей степени поганое. Вы его берегите и не волнуйте. Пушай он лучше всего спит в отдельном кабинете. И ваше дамское дело исполнять все его капризы и требования.

Вот эта дура немисливо рыдает, ходит на цыпочках и ничем не тревожит своего супруга, которого по-прежнему любит и обожает.

И так проходит год и два. И наконец три. И проходит пять лет, и дело приближается к нашим дням.

И вот наступает 1933 год.

И вот раз однажды приходит до Елены Григорьевны ихний сосед. Такой счетовод Федоров. Такой вообще счетоводишка – дурак, фанфарон и мелкая личность.

Чего-то они разговорились о том, о сем (а Лютика не было дома), а Елена Григорьевна говорит:

– Знаете что, мне нынче скучно. Поедемте в ресторан. Я буду платить, а вы не беспокойтесь. Послушаем музыку, скушаем по цыпленку и провернем интересно время.

Этот прохвост, счетоводишко Федоров, говорит!

– Очень рад. С великим удовольствием.

Вот они едут в Ленинград. Заходят в "Асторию". Ковры. Столики. Играет оркестр. Танцуют великолепные пары. А этот болван Федоров одет, наверное, в свой серый пиджачок, небритая морда, галстук, наверное, свернулся на сторону. Ай-яй!

Вот они садятся за столик, заказывают себе цыпят и так далее. И вдруг Елена Григорьевна видит – что такое – фантасмагория! Она видит: ее супруг, Лютик, танцует шимми с какой-то дамой.

Ах, она ничего не сказала и не вздрогнула. Она только встала из-за столика и пошла к выходу, будто с ней приключилось нехорошо и ей надо пойти в уборную.

А ее счетоводишко Федоров, видя, что сумочка с деньгами на столе, не стал тревожиться. Она, думает, навряд ли сбежала. А в крайнем случае я два цыпленка съем.

Вот Елена Григорьевна летит моментально домой. И по дороге ей полностью раскрывается вся чудовищная картина. Ей сразу стало все ясно, и какой обман она имела в течение семи лет.

Она летит домой. Сразу роется в его письменном столе. Вытаскивает разные письма и записочки и читает это все побледневшими губами. И видит – да, обман налицо, и он не поддается описанию.

Она находит разные дамские письма. Она читает в них поэтические слова о том, о сем: "Уважаемый Лютик...", "Ты-мой бог...", "Целую вас...", "Ах, ах...". И все такое.

Она восклицает: "Ах!", падает ненадолго в обморок, но потом берет себя в руки и говорит себе: "Я, кажется, полюбила подлеца".

Нет, она ничего не говорит ему, когда он на другой день приезжает. Она только нервно ходит по саду, нетерпеливо рвет листочки с деревьев и шепчет: "Вот так да!"

А этот подлец Лютик, не привыкши видеть ее такой, приходит от этого зрелища в содрогание и говорит себе:

"Это, кажется, я перехватил через край. Семь лет я обманываю эту дуру и даже не живу с ней. А в силу ее любви ко мне я, кажется, закрываю ей доступ к интересам жизни".

И тогда он, у которого нежные побегги совести еще не совсем завяли, приходит в сад, садится с ней рядом на скамеечку и так говорит ей:

– Сердечный привет, Елена Григорьевна. Я хочу вам нынче рассказать кое о чем. Вот, знаете, какое дело...

И начинает ей рассказывать, как это было.

– Да, – говорит, – я не жил с вами семь лет в силу обмана. Но я не желаю больше заедать вашу жизнь.

Каждое живое существо имеет право на чью-либо любовь и ласку, и вы используйте этот закон природы.

Она говорит:

– Это хорошо, что вы мне сказали. И, поверьте, мне очень дороги нежные побегги вашей совести. Но я, говорит, и без того все это знала.

Он сильно удивляется, а она продолжает:

– Что же касается ваших слов насчет любви и ласки, то я, говорит, не такая уж дура, как вы думаете. Любовь и ласка у меня бывали, и вы напрасно меня жалеете и считаете за придурковатую, думая, что я только на вас и глядела.

Тогда он в страшном гневе встает со скамейки и говорит:

– Как понимать ваше выражение? Значит, вы цацкались с другими и имели, кажется, любовников, или, говорит, я чего-то не понимаю. Ответьте мне их имена, или я сам за себя не отвечаю.

Она называет ему семь различных имен, и в числе их упоминает фамилию Федоров и фамилию Орлов.

От этих двух фамилий Лютик приходит в содрогание и падает на скамейку.

Он говорит:

– Тогда я дурак, что вам рассказал. Вы, говорит, есть проявление всей человеческой подлости. И мое презрение к вам не позволяет мне находиться с вами рядом. Я, говорит, от вас уезжаю. До свиданья.

Он думал, что она будет его умолять, но она, почувствовав силу своего богатства, говорит:

– Очень великолепно. А то я сама хотела вам это предложить.

Он плюет на цветы, на клумбу, на скамейку и, взбешенный, собрав свои чемоданы, моментально уезжает в Ленинград.

А она смеется и говорит:

– Валяй, валяй, я, говорит, за свои деньги почище тебя видела.

Вот он уезжает к своей невероятной красавице, которая, видя, что он приехал налегке и не может теперь иметь такой комфорт жизни, вскоре расстается с ним.

А он тогда женится на одной зажиточной певичке, которая выступает на концертах по пять раз в день и имеет право на хорошую жизнь.

Что касается Елены Григорьевны, то она вскоре выходит замуж за этого дурака Федорова.

А тот, по странному совпадению, прожив с ней полгода и не зная подробностей о предыдущем муже, стал тоже чего-то жаловаться на свое здоровье, но Елена Григорьевна, засмеявшись, сказала:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Ну, что ж, если так, тогда давайте расстанемся.

На что тот, почти моментально поправившись, стал повсюду бывать с ней, и жизнь их потекла по установленным правилам.

Они часто выезжают в ресторан. Она, уставшая от житейских бурь, слегка постарела и, сидя за столиком, презрительно поглядывала на мужчин. А болван Федоров, кушая цыплят и утей, в свою очередь с тоской поглядывал на молоденьких баб, которые там и сям расположены в ресторане.

Неимоверные траты денег заставили Елену Григорьевну сильно раскошелиться. Она беззастенчиво стала продавать золотые монеты царской чеканки. И вскоре на этом засыпалась.

Ей пришили дело и недавно выслали ее на жительство в город Арзамас.

А подлец Федоров от этих дел отбоярился. Он сказал:

– Я не я, и супруга не моя, и насчет денег я понятия не имел – я любил ее бескорыстно.

Тем не менее, снедаемый такой любовью, он за ней в Арзамас не поехал.

Так пожелаем же ей счастливого пути и спокойной жизни в Арзамасе, где она, наверное, будет конторщицей и где она получит те чувства, которые она заслуживает без своего крупного богатства.

Счастливый путь!

На этом мы закончим наши рассказы о деньгах.

И, прочитавши еще небольшое нижеследующее послесловие, которое, так сказать, вроде как бантиком завяжет наш отдел, мы с великими надеждами перейдем ко второму отделу, который у нас носит заманчивое и на первый взгляд игривое название "Любовь".

Итак, извольте небольшое вроде болтовни послесловьице к первому отделу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, на этом, с вашего разрешения, мы заканчиваем, уважаемые товарищи, наш отдел "Деньги".

И вот, что же мы видим, прочитавши все это с добросовестным вниманием? Что же мы видим, прочитавши интересные новеллы из истории и смешные рассказы из нашей жизни?

А мы видим, что деньги, как это ни удивительно, приносят людям большие огорчения. Но как это бывает – мы не беремся утверждать. Быть может, это происходит от злосчастного свойства денег, а быть может, и наоборот – от горестных сторон наших, в сущности, неважных характеров. Но, быть может, одно влияет на другое и какнибудь такое взаимно действует.

И если, предположим, изменить одно, то, наверно, изменится другое. А которые думают, что можно второе изменить, а первое пущай остается в прежней силе, в прежнем блеске и почете, – те, я так думаю, преждевременно ошибаются.

В общем, наше дело сказать, а вы там как хотите.

Итак, на этом, проливши несколько капель слез и погоревав о падении и гибели многих хороших людей, мы закрываем наш отдел, озаренный несчастьем, и со своей романтической душой вступаем с пылкой надеждой в новый, радостный отдел – "Любовь".

И мы уже слышим шепот и робкое дыхание, и трели на гитаре, и кой-какие стишки. И дамские крики. Выстрел. И рев младенца. И, пардон, кажется, снова звон денег.

Читатель, пригладь свои волосы и завяжи потуже галстук. Мы сейчас пойдем с тобой по той аллее, которая требует некоторой, что ли, выправки, красоты разных линий,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
очертаний и внешних форм. Туда, я извиняюсь, нельзя прийти на косолапых ногах и с небритой мордой.

Итак, пригладьте свою прическу, – мы пойдем по аллее, освещенной трепетной луной. Высокие липы, представьте себе. Скамейки под деревом. Пруд. Как сказал поэт:

Золотою лягушкой луна

Распласталась на тихой воде...

Ах, вот где, наверно, мы увидим радость и восторги, которых люди вполне заслуживают. Вот где, наверно, мы увидим счастье, которое нам искупит огорчения прежних страниц.

Читательница, ваше милое присутствие здесь крайне необходимо. Дайте вашу нежную ручку, положите ее нам на грудь, успокойте наше сердцебиение, которое происходит от предчувствия всего хорошего.

Итак, мы начинаем новый отдел – "Любовь".

ЛЮБОВЬ

1. Вот когда госпожа смерть подойдет неслышными стопами к нашему изголовью и, сказав "ага", начнет отнимать драгоценную и до сих пор милую жизнь, – мы, вероятно, наибольшее всего пожалеем об одном чувстве, которое нам при этом придется потерять.

2. Из всех дивных явлений и чувств, рассыпанных щедрой рукой природы, нам, наверно, я так думаю, наизяльче всего будет расстаться с любовью.

И, говоря языком поэтических сравнений, расставаясь с этим миром, наша вынута душа забьется и застонет, и запросится назад, и станет унижаться, говоря, что она еще не все видела из того, что можно увидеть, и что ей хотелось бы чего-нибудь еще из этого посмотреть.

Но это вздор. Она все видела. И это есть пустые отговорки, рисующие скорей величие наших чувств и стремлений, чем что-либо иное.

3. Конечно, есть и помимо того разные исключительные и достойные случаи и чувства, о которых мы тоже, наверно, горько вздохнем при расставании.

Нам, без сомнения, жалко будет не слышать музыки духовных и симфонических оркестров, не плавать, например, по морю на пароходе и не собирать в лесу душистых ландышей. Нам препечально будет бросить нашу славную работу и не лежать на берегу моря с целью отдохнуть.

Да, это все славные вещи, и обо всем этом мы тоже, конечно, пожалеем при расставании. И, может быть, даже всплакнем. Но вот о любви будут пролиты особые и горчайшие слезы. И когда мы попрощаемся с этим чувством, перед нами, наверно, весь мир померкнет в своем величии, и он покажется нам пустым, хоттодным и малоинтересным.

Как у одного поэта сказано:

Любовь украшает жизнь

Любовь – очарование природы.

Существует внутреннее убеждение,

что все, сменяющее любовь, ничтожно.

Вот видите, французский поэт Мюссе сказал, что все ничтожно в сравнении с этим чувством. Но он, конечно, отчасти ошибался. Он, конечно, слегка перехватил через край.

4. Тем более нельзя забывать, что эти строчки сказал француз. То есть человек от природы крайне чувственный и, простите, вероятно, бабник, который от чрезмерно волновавших его чувств действительно может брякнуть бог знает что из этой области.

Они, французы, там у себя, в Париже, сколько нам говорили, выйдут вечерком на

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
бульвар, и, кроме разных красоточек, которых они величают "курочками",
спервоначалу решительно ничего другого не видят. Вот какие они любители женской
красоты и грации!..

Так что у нас есть основания слегка погасить удивительную пылкость этих
поэтических строк.

5. Но вот взгляните на русского поэта. Вот и русский поэт не отстает от пылкого
галльского ума. И даже больше. Не только о любви, а даже о влюбленности вот
какие мы находим у него удивительные строчки:

О влюбленность, ты строже судьбы,
Повелительней древних законов отцов...
Слаще звуков военной трубы.

Из чего можно заключить, что наш прославленный поэт считал это чувство за нечто
высшее на земле, за нечто такое, с чем не могут даже равняться ни строчки
уголовных законов, ни приказания отца или там матери. Ничего, одним словом, он
говорит, не действовало на него в сравнении с этим чувством. Поэт даже что-то
такое намекает тут насчет призыва на военную службу – что это тоже ему было как
будто ничем. Вообще что-то тут поэт, видимо, затаил в своем уме. Аллегорически
выразился насчет военной трубы и сразу затемнил. Наверно, он в свое время
словчился-таки от военной службы. Оттого, может, и пустился на аллегорю.

В этом смысле гораздо легче иметь дело с прозой. В прозе не может быть таких
туманностей. Там все ясно. А впрочем, и поэзию, как видите, можно разъяснить.

6. У другого русского поэта мы тоже находим не менее сильные строчки.

У этого поэта, надо сказать, однажды сгорел дом, в котором он родился и где он
провел лучшие дни своего детства. И вот любопытно посмотреть, на чем этот поэт
утешился после пожара.

Он так об этом рассказывает. Он описывает это в стихотворении. Вот как он пишет:

Казалось, все радости детства
Сгорели в погибшем дому,
И мне умереть захотелось,
И я склонился к воде,
Но женщина в лодке скользнула
Вторым отраженьем луны,
И если она пожелает,
И если позволит луна,
Я дом себе новый построю
В неведомом сердце ее.
И так далее, что-то в этом роде.

7. То есть, другими словами, делая вольный перевод с гордой поэзии на
демократическую прозу, можно отчасти понять, что поэт, обезумев от горя, хотел
было кинуться в воду, но в этот самый критический момент он вдруг увидел
катающуюся в лодке хорошенькую женщину. И вот он неожиданно влюбился в нее с
первого взгляда, и эта любовь заслонила, так сказать, все его невероятные
страдания и даже временно отвлекла его от забот по приисканию себе новой
квартиры. Тем более что поэт, судя по стихотворению, по-видимому, попросту хочет
как будто бы переехать к этой даме. Или он хочет какую-то пристройку сделать в
ее доме, если она, как он туманно говорит, пожелает и если позволит луна и
домоуправление.

Ну, насчет луны – поэт приплел ее, чтоб усилить, что ли, поэтическое
впечатление. Луна-то, можно сказать, мало при чем. А что касается
домоуправления, то оно, конечно, может не позволить, даже если сама дама в лодке
и пожелает этого, поскольку эти влюбленные не зарегистрированы и вообще, может
быть, тут какая-нибудь недопустимая комбинация.

8. То есть я не знаю, может, наш грубый солдатский ум, обстрелянный тяжелой
артиллерией на двух войнах, не совсем так понимает топчайшие и нежнейшие
поэтические сплетения строчек и чувств. Но мы осмеливаемся приблизительно так
думать благодаря некоторому знанию жизни и пониманию насущных потребностей
людей, жизнь которых не все время идет по руслу цветистой поэзии.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Короче говоря, поэт и тут говорит о любви как о наивысшем чувстве, которое, при некоторой доле легкомыслия, способно заменить человеку самые насущные вещи, вплоть даже до квартирных дел. Каковое последнее утверждение всецело оставляем на совести поэта.

Но это, конечно, не есть мнение только трех пылких поэтов.

И все остальные тоже, бряцая, как говорится, даже на самых дребезжащих лирах, напевали любовные слова, еще более даже поразительные и беззастенчивые, чем эти.

9. Что-то там такое вспоминается из Апухтина:

Сердце воскреснуло, снова любя,
Трам-та-ра-рам, там-там...
Все, что в душе дорогого, святого...
Трам-та-ра-рам...

Причем это написал далеко не мальчик лет восемнадцати. А это написал солидный дядя лет сорока восьми, очень невероятно толстый и несчастный в своей личной жизни. Тем не менее он тоже, как видите, считает, что все мертво и безжизненно, пока в его сердце не возникла любовь.

Вот еще вспоминаются какие-то бешеные строчки:

Что такое любовь? О любовь! О любовь!
Это солнце в крови, это в пламени кровь...
Что-то такое, черт побери... да...
Это райская сень, обретенная вновь.
Смерть над миром царит, а над смертью – любовь.

10. Тут даже французская поэзия, пожалуй, маленько отстает – у них, можно сказать, нету такого бешеного натиска, как, например, в этих строчках. А это писала русская поэтесса. Она проживала в начале нашего столетия и была, говорят, довольно интересная. Во всяком случае, с большим поэтическим темпераментом. Вообще дамочка, видать, прямо дрожала, когда сочиняла это стихотворение. Факт, можно сказать, больше, конечно, биографический, чем пример поэзии... Бедняге мужу, наверно, сильно доставалось... Наверно, капризная. Дурака валяет. Целый день, наверно, в постели валяется с невымытой мордой. И все время свои стишки вслух читает. А муж-дурак сидит: "Ох, – восклицает, – это изумительно, пупочка, гениально!" А она говорит: "Правда?"...

Дураки! А потом взяли и оба умерли. Она, кажется, от туберкулеза, а он тоже, наверно, чем-нибудь заразился.

11. Тут, без сомнения, многие скептики, ученые и педанты, у которых сердца обледенели в одиноких скитаниях по полярным странам науки, прочтя эти стихотворные строчки, пожмут, пожалуй, плечами и скажут: дескать, это какое-то неумеренное мнение каких-то слишком пылких сердец, развязных душ и развращенного мировоззрения.

И они удивятся, что об этом чувстве существует такое мнение, и такие стихи, и такие слова, каких они вовсе не знали, и даже не допускали мысли, что об этом что-либо подобное когда-либо произносилось.

И, может, и правда, удивительно, что это так и что у нас бывает такая поэзия, но вот нам в руки недавно попала одна прозаическая книжка. Автор ее – певец. Федор Иванович Шалапин.

Так он в этой книжке с полной откровенностью признается, что все, что он делал в своей жизни, он делал главным образом для любви и для женщины. Вот какие бывают мнения о любви поэтически настроенных людей.

12. А что касается до людей трезвых и рассудительных, что касается философов и разных там мыслителей, умы которых пролили много света на самые таинственные и сложные явления жизни, что касается до этих людей, то они в общем счете мало чего говорили об этом чувстве, но иногда, конечно, считались с ним, подсмеивались и даже произносили в другой раз кой-какие афоризмы своей житейской мудрости.

Из более меланхолических изречений мы можем, если хотите, привести вам слова

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Шопенгауэра, одного из самых мрачных философов, каких только знал мир.

Этот мрачный философ, жена которого, несомненно, изменяла ему на каждом шагу, произнес такие слова о любви:

"Любовь – это слепая воля к жизни. Она заманивает человека призраками индивидуального счастья и делает его орудием для своих целей".

13. Из более дурацких старинных изречений можем привести следующее:

"Любовь есть как бы сочетание небесных звуков".

Из более поэтических:

"Никогда нельзя ударить женщину, даже цветком".

Из более трезвых, но с уклоном в идеализм:

"Любовь возникает от таких преимуществ, которые любящий ценит тем более, чем менее он сам ими владеет".

Небезызвестный философ Платон даже предложил такую теорему:

"Сущность любви заключается в полярном различии возможно больших противоположностей".

Из более правильных изречений мы можем привести слова нашего пресветлого поэта и философа Пушкина:

Пора пришла, она влюбилась.
Так в землю павшее зерно
Весны огнем оживлено.
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь,
Душа ждала кого-нибудь.

14. Но это, так сказать, философия и механика любви.

А что касается до более точных исследований в этой области, то мы мало чего знаем об этом. И, может быть, даже и не надо об этом знать. Поскольку сознание портит и помрачает почти все, до чего оно дотрагивается.

Как у Достоевского очень правильно сказано: "Слишком много сознания и даже всякое сознание – болезнь".

А у другого поэта сказано: "Горе от ума". И мы полагаем, что эта фраза сказана далеко не случайно. Вообще, как возникает любовь – от психических ли представлений или скорей всего существует какая-нибудь точная формула из неизведанной области электричества, – мы не знаем и решительно не хотим знать.

Итак, сознавая, что мы мало чего знаем о любви, но вместе с тем признавая за этим нежным чувством нечто немаловажное и даже грандиозное, мы с особым трепетом и сердечным волнением берем в свои руки тяжелые тома истории.

Мы хотим поскорей увидеть ту достойную роль, какую играло это чувство в жизни народов. Мы хотим увидеть грандиозные события, приключившиеся из-за любви, или там великолепные поступки отдельных граждан. Мы знаем, что мы хотим увидеть. И потому, чтоб понежить свою душу, мы располагаемся поудобней в кресле и, закулив душистую сигару, начинаем уверенной рукой перелистывать пожелтевшие страницы истории.

И вот что мы там видим.

15. Сначала нам под руку лезут все какие-то, черт возьми, мелкие любовные дела и чепуховые, ерундовые делишки из повседневной жизни – разные там браки, предложения и свадьбы, заключенные деловыми и рассудительными умами.

Вот, видим, какой-то герцог... Что-то такое... Женится па дочери короля, имея надежды на трон.

Вот еще какая-то гран-персона, желая прирезать к своим владениям ряд городов, тоже делает предложение какой-то припадочной принцессе...

Российские великие князья... Что-то такое... Из эпохи татарского ига... "Наперерыв стремятся (как пишет историк) пережениться на дочерях хана, с тем чтобы снискать себе его расположение..."

Вот какой-то еще, вообразите себе, Хильперих I... Франкский король... Женится на дочери короля испанского... Как буквально пишет история: "с тем, чтобы нанести удар своему врагу, принцу Зигеберту".

16. Причем об этих любовных делах на коммерческой подкладке историки пишут без всякого, можно сказать, воодушевления, таким вялым канцелярским тоном, как о самых пустых, примелькавшихся предметах. Историки даже не добавляют от себя никаких восклицаний, вроде там: "Ай-яй!", или "Вот так князь", или "Фу, как некрасиво!", или хотя бы "Глядите, еще одним подлецом больше!"

Нет, ничего подобного беспристрастные историки не восклицают. Хотя, правда, если начать восклицать, то, пожалуй, никаких восклицаний не хватит, поскольку по ходу мировой истории видим целое море подобных дел.

Но мы, пожалуй, не будем подробно перечислять эти коммерческие предприятия. Мы хотим коснуться более интересных вопросов. Хотя, конечно, и в этой области тоже были разные поразительные случаи и анекдоты, достойные внимания современного читателя.

17. Вот, например, очень забавный факт. Он нам понравился своей, так сказать, наглядностью сюжета. Он очень характерен, этот факт. Он взят из старинной русской жизни. Из эпохи Иоанна Грозного.

А приехал в то время в Россию немецкий герцог, некто Голштинский.

Неизвестно, что он там делал в этой своей Германии, во только историкам стало известно, что он прибыл в Россию, с тем чтобы жениться по политическим соображениям на дочери двоюродного брата Ивана IV.

И вот он приехал. Наверное, расфуфыренный. В какихнибудь шелковых штанах. Банты. Ленты. Шпага сбоку – сам, наверное, длинновязый. Этакая морда красная, с рыжими усищами. Пьяница, может быть, крикун и рукусуй.

Вот он приехал в Россию, и, поскольку все уже было письменно оговорено, сразу же назначили свадьбу.

18. Ну, суетня, наверное, мотня. Мамочка бегаёт. Курей режут. Невесту в баню везут. Жених с папой сидит. Водку хлещет. Врет, наверно, с три короба. Дескать, у нас, в Германии... Дескать, мы герцоги, и все такое.

И вот происходит такая довольно печальная вещь. Невеста, увы, неожиданно умирает. Она, бедняжка, возвращается из бани, простуживается чертовски и умирает в течение трех дней.

Жених, конечно, в неопишемом горе, хочет обратно уезжать в Германию. И в растрепанных чувствах уже прощается с родными, как вдруг ему говорят:

– Товарищ герцог! Погодите уезжать. У нас еще, на ваше счастье, имеется одна барышня. Ее сестренка. Она, правда, постарше той, и она менее интересна из себя, но все-таки она, может быть, вам подойдет. Тем более такой путь сделали из Германии – обидно же возвращаться с голым носом.

Герцог говорит:

– Конечно, подойдет. Что же вы раньше-то молчали? Ясно, что подойдет. Об чем речь! А ну, покажите.

В общем, несмотря на траур, свадьба была вскоре сыграна.

19. Но, может быть, черт возьми, подобные факты и поступки происходили только у

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
царей и среди герцогов?

Может, только в королевских чертогах существовала такая грубая расчетливость и брак без всякой любви, в силу там, может быть, разной, ну, я не знаю, дипломатии, хронического безденежья или там неважных условий царской жизни.

Может быть, у простых смертных как раз наоборот: любовь протекала естественным образом, и она веселила и радовала сердце окружающих?

На этот вопрос придется ответить отрицательно.

Некоторым категориям простых смертных вообще было как будто не до любви. Владетельные господа, как известно, женили своих верных рабов, как им вздумается.

Недавно мы прочитали, что русские помещики весьма часто женили своих крестьян по такому способу: они выстраивали своих крестьян по росту и записывали их с кем попало: высоких мужиков – с высокими женщинами, низеньких – с низенькими. И такую запись посылали священнику для исполнения.

Тут, можно сказать, было не до любви.

А что касается разных там, я извиняюсь, чиновников, спекулянтов, мешочников и так далее, то эти господа тоже, по-видимому, мало чего понимали в любви. Браки у них совершались вроде как коммерческие дела. И без приданого там вообще не имели привычки шагу шагнуть.

20. Ну, а если коснуться жизни более высокого полета и взять там разных графов, баронов и купцов, то эти господа, при всей своей праздной жизни, тоже мало себе представляли, какого цвета любовь.

Вот прелестная историческая новелла, рисующая нам все, как оно у них было.

Во Франции при Людовике XV (1720 год) один спекулянт нажил себе темными аферами огромное состояние. Он всего достиг. И у него все было. Но он еще захотел непременно породниться с самой наидревнейшей аристократической фамилией, – у него мелькнула такая фантазия. И он со своим богатством, не зная никаких преград, решил выдать замуж свою дочку за обедневшего маркиза со знаменитой фамилией д'Уау.

А дочке его в то время было всего три года. А маркизу было лет тридцать. Причем обедневший маркиз, несмотря на крупнейшее приданое, вовсе не имел никакого намерения ожидать двенадцать лет.

Изящно разводя руками и сверкая золотым лорнетом, он, наверное, говорил папаше-спекулянту сиплым голосом:

– Послушайте, я бы рад с вами породниться, и сумма меня вполне устраивает, но у вас невеста чересчур мала. Пушай немного подрастет, тогда будет видно, – я, может быть, женюсь.

21. Но честолюбивый папаша пожелал немедленно стать родственником маркиза. Он тем самым, так сказать, хотел прикоснуться к высшей аристократии. И вот тогда он заключил с маркизом такой договор. Он ежемесячно выплачивает маркизу огромное жалованье до совершеннолетия невесты. Через двенадцать лет маркиз обязуется жениться на ней. Обручение же должно состояться теперь.

И вот в течение девяти лет маркиз аккуратно получал свое жалованье и предавался всем радостям жизни. А на десятый год молоденькая, двенадцатилетняя невеста, заболев дифтеритом, скончалась.

Можно представить себе, какие слезы лил папаша-спекулянт! Во-первых, конечно, безумно жалко девочку, а во-вторых, подумать только, сколько денег зря ухлопано! И, конечно, нет никаких надежд получить с господина маркиза назад хоть частицу.

А тот, наверно, потирая руки, говорил огорченному папаше: дескать, насчет денег, уж конечно, сами понимаете. Раз девочка скапутилась – мое счастье.

22. Но это еще что! Были также и более удивительные дела на любовном фронте.

Вот, например, очень странно читать, как мужчины – разные красавцы, бароны, отважные рыцари, кавалеры, купцы, помещики и цари – женились, не видя своих невест. Причем это было довольно частое явление. И вот это нам, современным читателям, до некоторой степени удивительно.

Там узнавали только, какие дела, и финансы, и какое имущественное положение у невесты, кем папаша служит или где он царствует, – и все Ну, некоторые, может быть, осторожные женихи спрашивали, какая приблизительно подруга жизни, не горбатая ли, – и все.

Давали свое согласие и женились, так сказать, втемную, заглазно. И невесту только в последний момент видели.

Нет, в наше время – трудно даже представить, как бы это могло у нас быть! У нас были бы, наверно, вопли, нервные крики, отказы, заваруха, мордобой и черт знает что. А там как-то такое обходилось.

23. Конечно, случались неприятности и безобразия.

Например, из мировых скандалов известны два.

Один – знаменитый случай, который даже в театрах играют как чудовищную трагедию и драму из царской жизни.

Филипп II Испанский, старик лет шестидесяти, решил женить своего сына и наследника, знаменитого Дон Карлоса. Он его решил женить на французской принцессе Изабелле, что было выгодно и необходимо, согласно высокой политике. Сам же он эту принцессу не видел. Знал, что молоденькая и стремится выйти замуж, но какая она из себя, он не знал.

Но когда после обручения он ее увидел, то влюбился в нее и женился на ней сам, к громадному огорчению сына, который тоже был равнодушен к своей прелестной невесте. После чего, как известно, произошла драма между отцом и сыном.

24 Второй случай был в Персии. Персидский царь Камбиз (сын знаменитого Кира) сделал предложение дочери египетского фараона Амазиса II (529 год до нашей эры). Это предложение Камбиз сделал, не видя невесты. В это время разъезды и переезды были весьма сложным делом. И на поездку в Египет надо было затратить несколько месяцев.

А по слухам стало известно, что дочь египетского фараона отличается выдающейся красотой и миловидностью.

И вот могущественный персидский царь, отец которого завоевал почти весь мир, взял и послал предложение дочери египетского царя.

Фараон, чрезвычайно любивший свою единственную дочь, не захотел отпустить ее в неведомые края. Но вместе с тем он боялся оскорбить отказом владыку мира. И вот он тогда выбрал наиболее красивую девушку из рабынь и послал ее в Персию вместо своей дочери. Причем он послал ее как свою дочь, и для этой цели ей дали соответствующее указание.

История рассказывает, что Камбиз, женившись на ней, чрезвычайно полюбил ее, но, когда случайно обман раскрылся, он безжалостно умертвил ее и, оскорбленный в лучших чувствах, пошел войной на Египет.

Это была, пожалуй, одна из сильнейших любовных драм, из которой можно увидеть, как иной раз возникает любовь и как она заканчивается.

25. Ах, мы живо представляем себе этот драматический эпизод и этот трагический момент, когда раскрылся весь обман!

Вот они сидят, обнявшись, на персидской оттоманке.

На низенькой скамейке стоят, представьте себе, восточные сласти и напитки – там рахат-лукум, коврижки и так далее. Этаким толстенный перс с опахалом в руках

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
отгоняет мух от этих сладостей.

Персидский царь Камбиз, выпив стаканчик какогонибудь там шерри-бренди, с восхищением любит свою прелестную супругу и бормочет ей разные утешительные слова: дескать, "ах ты моя египтяночка!.. Ну, как там у вас в Египте?.. Папаша фараон, наверно, тебя чересчур баловал. И вообще, как же можно тебя не баловать, когда ты такая у меня душечка, и я полюбил вас, моя дорогая принцесса, с первого взгляда за вашу царственную походку и так далее".

26. Тут или она понадеялась на свои женские чары, или уже неизвестно, что случилось в ее женском сердечке, только она, засмеявшись серебристым смехом, сказала, что вот, дескать, какой нелепый случай: дочка-то фараона существует сама по себе в Египте, а он вот, персидский царь Камбиз, без ума полюбил ее, ничего общего с дочкой фараона не имеющую. Он полюбил простую девушку из рабынь. Вот что делает любовь с сердцем мужчины.

Тут без содрогания нельзя представить дальнейшую сцену.

Наверно, он заорал диким голосом. Вскочил с дивана в одних подштанниках. С одной босой ноги туфля упала. Губы побелели. Руки трясутся. Колени подгибаются.

– Как?! – закричал он по-персидски. – Повтори, что ты сказала! Господа министры! Арестуйте нахалку!

Тут министры прибежали. Ах, ах! Что такое? Успокойтесь, ваше величество!.. Глядите – туфельку с ноги обронили, теряете королевское достоинство.

Но, конечно, не так-то легко успокоиться, поскольку громадное оскорбление нанесено самолюбию.

27. И вот вечером, после того как спешно отрубили голову несчастной египтянке, Камбиз, наверно, долго совещался с министрами.

Размахивая руками и волнуясь, он нервно ходит по комнате.

– Нет, какая сволочь египетский фараон, а? – восклицает он с возмущением.

Министры, почтительно вздыхая, качают головами и разводят руками, ехидно переглядываясь между собой.

– Что же я теперь делать буду, господа, после такого оскорбления? Войной, что ли, мне пойти на этого негодяя?

– Можно войной, ваше величество.

– Только он, собака, забрался далеко... Египет... Африка... Туда чуть не год идти... На верблюдах, кажется, надо...

– Ничего, ваше величество... Войска дойдут.

– Я ее обласкал, – снова раздражаясь, говорил Камбиз. – Я ее принял, как египетскую принцессу, страстно полюбил, а это, оказывается, не то... Как же, господа? Что же я, собака, что мне его дочка недоступна? Взял и подослал какую-то шушеру... А?

28. Министр иностранных дел, сдерживаясь от приступа внутреннего смеха, говорит:

– Главное, ваше величество, мировой скандал-с...

– Вот именно!.. Я же и говорю – скандал. Ай, ну что же я буду делать?

– Главное, ваше величество, в мировую историю войдет, вот что худо... Дескать, Персия... Камбиз... Подсудобили барышню...

– Ай, ну что ты меня расстраиваешь, сукин сын!.. Собирать войска!.. Идти походом!.. Завоевать и стереть весь Египет к чертовой матери!..

В общем, Камбиз самолично двинул войска на Египет и в короткое время завоевал

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
его. Однако престарелый и горемычный фараон Амазис к тому времени умер. А его племянник Псаметих, не ожидая для себя ничего хорошего, покончил с собой.

Что же касается до злополучной дочери, то никаких следов о ее судьбе мы, к сожалению, в истории не нашли...

Один знакомый профессор истории, читающий лекции в университете, мне сказал, что Камбиз эту египтянку будто бы отдал в гарем одного из своих министров. Но, насколько это верно, мы не беремся утверждать. Но это, конечно, возможно. В общем, любовь рассеялась как дым. Из чего видно, почему стоил фунт этого чувства.

29. Значит, что же? Значит, дело обстоит как будто неважно? Где же эта знаменитая любовь, прославленная поэтами и певцами? Где же это чувство, воспетое в дивных стихах?

Неужели недоучки-поэты, рифмоплеты и любители всякой красоты и грации допустили такое возмутительное преувеличение? Что-то мы, читая историю, не находим подобных эффектных переживаний.

Нет, конечно, перелистывая историю, мы кое-что встречаем. Но это чересчур мало. Мы хотели, чтоб на каждой странице сверкала какая-нибудь бесподобная жемчужина. А то раз в столетие натываемся на какую-нибудь сомнительную любовишку.

Вот тут мы наскребли что-то такое несколько любовных рассказов. А прочитали для этого со старанием решительно всю историю от разных там, я извиняюсь, эфиопов и халдеев и от сотворения мира вплоть до нашего времени.

И вот только и наскребли то, что вы сейчас увидите. Вот, например, довольно сильная любовь, благодаря которой одна дочка переехала на колеснице своего папу.

Вот как это у них было.

30. Римский царь Сервий Тулий имел дочку. А у дочки был муж, человек довольно сомнительной репутации. Но тем не менее дочка его исключительно любила.

И вот этот господин замыслил сбросить с престола благородного отца этой дочки, Сервия Тулия. Конечно, это был старик – Сервий Тулий, и он вел какие-то неудачные войны с этими, представьте себе, с какими-то этрусками. Но все-таки сбрасывать его было жалко. И тем более убивать его не надо было. Это уже было свинство.

Но этот энергичный зять, посоветовавшись с дочкой старика, решил все-таки убить ее папу. И она из любви к этому кровопийце согласилась.

И вот на площади этот энергичный зять, подкупив наемного убийцу, безжалостно убивает кинжалом благородного старичка. И тот, не пикнув, падает. И народ кричит: "А кто же, господа, теперь у нас будет императором?"

И вот дочка этого убитого отца, вместо того чтобы от огорчения рыдать и падать на труп своего папы, вскакивает на колесницу и, желая приветствовать нового императора – ее мужа, с криком радости колесами переезжает к черту труп своего только что убитого отца.

Сцена, хотя до некоторой степени препротивная, но все же сильная. И любовь этой царской дочки выходит довольно содержательная. Все-таки надо очень любить, чтоб в такой момент старика переехать.

Стоит на колеснице. Гикает. Волосы растрепались. Морда перекосилась. "Ура!" – кричит новому императору. И едет через все, что попало.

А в толпе кричат:

– Глядите, эта бесстыдная бабенка не постеснялась даже, кажется, своего папу переехать.

Нет, все-таки это была любовь. И отчасти, наверно, желание самой царствовать. В общем, неизвестно.

31. Но вот вам еще более сильная любовь, случившаяся с одной небезызвестной исторической дамой на закате ее жизни.

Русская императрица Екатерина II на склоне своих лет, имея от роду что-то пятьдесят восемь лет, безумно влюбилась в одного молодого отважного красавца – Платона Зубова. Ему было двадцать один год, и он был действительно юноша очень интересный собой. Хотя его брат Валериан был еще более интересен. В Русском музее имеются два их портрета – так это действительно: брат был неслыханной красоты.

Но старуха увидела брата позже и поэтому, не зная, как и чего, сразу влюбилась в Платона. А когда увидела Валериана, то ахнула и сказала: "да, этот юноша мне бы тоже понравился. Но, поскольку я уже полюбила Платона, я уж так, пожалуй, и буду продолжать".

А Платон, видя, что Валериан произвел на старуху неотразимое впечатление, послал этого своего братишку на войну. И красавцу на войне оторвало ногу ядром.

Так что старуха целиком привязалась к Платону и осыпала его разными удивительными милостями.

Интересно бы знать, как у них возник роман. Красавчик, вероятно, ужасно стеснялся на первых порах и робел, когда пожилая дама на него напирала. Естественно, робеешь: все-таки священная особа, так сказать, императрица всея России и так далее, и вдруг, черт возьми, какие-то грубые дела!

32. Представим себе этот роман.

– Ну, обними же меня, дурачок! – говорила императрица.

– Прямо, ей-богу, не смею, ваше величество, – бормотал фаворит. Имею, так сказать, робость и уважение к императорскому сану.

– Да забудь ты об этом. Ну, назови меня Екатерина Васильевна (или как там ее по батюшке).

И мальчишка, неестественно смеясь, почтительно дотрагивался до стареющих плеч императрицы. Но потом привык и за свою любовь получил больше чем следует.

В общем, в свои двадцать четыре года красавец уже был генерал-аншеф, наместник Новороссийского края и главный начальник всей артиллерии.

Немолодая дама, влюбляясь с каждым годом в него все более, не знала, как бы и чем ему угодить.

Она разрешила ему просматривать все секретные депеши и донесения из-за границы. Все министры и генералы, прежде чем попасть к Екатерине, проходили через него.

Министров и придворных юноша принимал, лежа на кушетке в шелковом бухарском халате. Старые генералы, почтительно дрожа, стояли навтыжку перед молодым красавчиком.

Старая императрица, влюбленная без меры, доверила ему все самые ответственные государственные дела. Любовь ее буквально ослепила.

33. А между тем мальчишка имел весьма смутные представления о жизни и политике. Например, известен его проект новой России.

В этом удивительном проекте столицами первой степени гордо указаны: Петербург, Берлин, Астрахань, Москва и Константинополь. Среди городов второй степени указаны почему-то Краков, Таганрог и Данциг. В этом проекте имеется такая фраза:

"Государыня столь обширной империи уподобляться должна солнцу, благотворным взором своим согревающему все, что лучи его достать могут".

В общем, по одному этому проекту можно судить, насколько старой даме было решительно наплевать на все государственные дела и как вся мировая политика померкла в сравнении с ее последней любовью.

Но этот случай скорее показывает нам стареющего человека во всей его печальной красоте, чем счастливые свойства любви.

Однако вот вам история одной большой любви, которая случилась в расцвете сил.

34. История эта тоже довольно известная, обошедшая театральные площадки. Так что мы не будем особенно долго на ней останавливаться. Это, знаете, о том, как римский консул Марк Антоний полюбил египетскую царицу Клеопатру. В общем, давайте вспомним эту историю, тем более что эта трогательная история все же до крайности удивительна. Честолюбивый человек, достигший, представьте себе, огромной власти, влюбившись в женщину, бросил решительно все. Он бросил даже свои войска, с которыми он шел на завоевание. И навсегда застрял в Египте.

Он подарил Клеопатре римские земли, правда, завоеванные им, – Армению, Сирию, Киликию и Финикию. И возвел ее в сан царицы царей.

Римский сенат, видя скандальные действия военачальника, спешно отрешил Антония от должности первого консула. Но влюбленный Антоний не захотел даже вернуться на родину.

Тогда Рим объявил войну Клеопатре. И у них началась славная борьба.

Антоний совместно с Клеопатрой выступил против римского войска.

Римские войска приближались к Александрии, и римский консул Октавиан написал Клеопатре письмо о том, что она может еще спасти свою жизнь и престол, если только пожертвует Антонием.

35. Госпожа царица, видя, что ее дела неважны, решила пожертвовать своим пылким возлюбленным.

И пока Антоний вел борьбу с Октавием, Клеопатра уведомила своего любовника через слуг, что она лишила себя жизни. Она знала, что любивший ее Антоний не переживет горя. И действительно: узнав о гибели Клеопатры, Антоний пронзил себя мечом.

Однако рана оказалась не смертельной. И Антоний, узнав, что Клеопатра жива, велел принести себя на носилках к ней. И в ее объятиях он умер, простив ее за обман.

Эта удивительная история действительно говорит о довольно большой любви, которая затмила решительно все остальное.

А Клеопатра в дальнейшем тоже покончила с собой.

Дело в том, что Октавиан собирался отправить ее в Рим в качестве трофея. Клеопатра хотела было своим кокетством увлечь и этого вождя, но из этого ничего не вышло, и тогда она, не желая пережить позора, отравилась. И вместе с ней отравились тридцать ее прислужниц.

И нам почему-то жалко эту красавицу, которой Октавиан сказал: "Брось, царица, свои уловки, меня на это не поймаешь". А ей было уже сорок лет, и она поняла, что ее песенка спета.

36 Но вот еще одна большая любовь, при которой человек позабыл даже о своем революционном долге.

Речь идет о муже знаменитой мадам Талльен.

Во французскую революцию главный секретарь революционного совета Талльен был послан Робеспьером в Бордо для ареста бежавших туда аристократов.

И вот в тюрьме он познакомился с арестованной молодой женщиной – Терезой Фонтенэ. Он влюбился в нее и выпустил ее из тюрьмы.

Робеспьер, узнав, что Талльен выпустил арестованную, снова велел арестовать ее.

Тогда Талльен, соединившись со сторонниками Дантона, повел такую борьбу против

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Робеспьера, что в короткое время сумел свалить его. И одним из мотивов этой борьбы была, несомненно, любовь к Терезе Фонтенэ.

В дальнейшем Талльен женился на ней, но она вскоре его бросила и вышла замуж за какого-то князя.

Но это еще не все, что знает история.

Еще помимо этого совершались по временам небольшие и, на первый взгляд, малозаметные события, но тем не менее эти события буквально, можно сказать, как солнце пробивались сквозь дебри лесов. Это была большая любовь.

37. Вот, например, жены декабристов, блестящие светские дамы, бросили все и добровольно, хотя их никто не высылал, пошли в Сибирь за своими мужьями.

Больной Радищев должен был отправиться в ссылку. А незадолго до этого умерла его жена. Тогда сестра жены последовала за ним на поселенье...

Сын богатого помещика, блестящий кавалергард Ивашов, полюбил гувернантку Камиллу, служившую в их доме. Родители, конечно, отказали ему в этом браке. Но через год, когда Ивашов по делу декабристов был сослан на двадцать лет в Сибирь, молоденькая гувернантка добровольно последовала за ним.

У английского поэта Р. Броунинга умерла горячо любимая жена. Страшно оплакивая ее, поэт положил в гроб самое дорогое, что было для него, тетрадь своих новых сонетов.

Правда, в дальнейшем, когда поэт еще раз полюбил, он достал эту тетрадь, но это не так важно.

Наполеон в разгар сражения в 1796 году писал Жозефине:

"Вдали от тебя весь мир – пустыня, в которой я одинок и покинут. Ты единственная мысль всей моей жизни".

Лассаль писал Елене Деннигес: "У меня исполинские силы, и я их утысячю, чтобы завоевать тебя. Никто в мире не в состоянии оторвать тебя от меня. Я страдаю в тысячу раз больше, чем Прометей на скале".

38. Чернышевский, влюбленный в свою жену, писал Некрасову: "Не от мировых вопросов люди топятя, стреляются, делаются пьяницами, – я испытал это и знаю, что поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли".

Город Вейнсберг осажден неприятелем. Победители разрешили женщинам покинуть город перед разгромом. Причем разрешили каждой женщине взять то, что ей было наиболее дорого, и то, что она может унести с собой. И вот несколько женщин на руках вынесли своих доблестных мужей.

Конечно, это последнее событие похоже на легенду. История любит по временам, так сказать, для морального равновесия придумать что-нибудь такое чувствительное.

39. Из чувствительных анекдотов забавен следующий.

Какой-то рыцарь, отправляясь в поход, поручил жену своему другу. Друг влюбился в жену. Жена влюбилась в него. Но клятва верности, конечно, ненарушима.

И вот, чтобы сохранить и испытать эту верность, они спят в одной постели, положив между собой обоюдоострый меч.

Меч-то, может быть, они и положили, и спали, может быть, они тоже в одной постели, – этот исторический факт мы опровергать не будем, – но что касается всего остального, то, извините, сомневаемся.

В общем, на этой сентиментальной чепухе мы заканчиваем наши исторические новеллы.

Вот что рассказывает история о любви.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Она, в общем, весьма немного рассказывает об этом чувстве. Дескать, да, действительно, чувство это, кажется, имеется. Истории, дескать, приходилось иной раз сталкиваться с этой эмоцией. Дескать, бывали даже кой-какие исторические события и случаи на этой почве. И совершались кое-какие дела и преступления.

Но чтобы это было что-нибудь такое, слишком грандиозное, вроде того, что напевали поэты своими тенорами, – вот этого история почти не знает.

Напротив, коммерческие души вполне оседлали это чувство и оно не представляет никакой опасности для тихого хода истории.

40. Нет, это чувство не помешало людям идти по той дороге, по которой они добросовестно и терпеливо идут.

И история вправе монотонными голосами рассказывать нам о том, что было, и о том, сколько какой жених получил "карбованцев" за то или иное свое чувство.

Да, конечно, тут речь шла о прошлых столетиях. И, может быть, теперь кое-что изменилось?

Мы, к сожалению, не побывали за границей и в силу этого не можем полностью удовлетворить ваше законное любопытство.

Но мы имеем мнение, что навряд ли там произошли какие-нибудь крупные перемены.

Наверно, мы так думаем, какой-нибудь маркиз со своим звучным именем является женихом трехлетней крошки. И папаша ежемесячно выплачивает ему жалованье.

И, наверно, какая-нибудь стареющая особа, позабыв все на свете, держит при себе какого-нибудь танцора Зубова и осыпает его своими милостями.

Все, надо полагать, идет, как оно и шло.

А что касается, как у нас, то у нас произошли изрядные перемены.

41. И некоторые печальные дела, связанные с любовью, у нас все же понемножку исчезают. Например, коммерческий расчет почти прекратился. И денежные счета упростились и сильно уменьшились. И вообще оно стало как-то в этом смысле понятней, и менее хлопотливо, и не так обременительно.

Давайте же посмотрим, какие отрицательные дела бывают у нас на любовном фронте. И, так сказать, железной метлой сатиры давайте подметим то, что можно подмести.

Итак, переходим к любовным рассказам из нашей жизни.

РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ

РАССКАЗ О СТАРОМ ДУРАКЕ

Есть такая, может быть, знаете, знаменитая картина из прежней жизни, она называется – "Неравный брак".

На этой картине нарисованы, представьте себе, жених и невеста.

Жених – такой вообще престарелый господинчик, лет этак, может быть, семидесяти трех с хвостиком. Такой вообще дряхлый, обшарпанный субъект нарисован, на которого зрителю глядеть мало интереса.

А рядом с ним – невеста. Такая, представьте себе, молоденькая девочка в белом подвенечном платье. Такой, буквально, птенчик, лет, может быть, девятнадцати.

Глазенки у нее напуганные. Церковная свечка в руках трясется. Голосок дрожит, когда брюхастый поп спрашивает: ну как, довольна ли, дура такая, этим браком?

Нет, конечно, на картине этого не видать, чтоб там и рука дрожала и чтоб поп речи произносил. Даже, кажется, и попа художник не изобразил по идеологическим мотивам того времени. Но все это вполне можно представить себе при взгляде на эту картину.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

В общем, удивительные мысли навеивает это художественное полотно.

Такой, в самом деле, старый хрен мог до революции вполне жениться на такой крошке. Поскольку, может быть, он – "ваше сиятельство" или он сенатор, и одной пенсии он, может быть, берет свыше как двести рублей золотом, плюс поместья, экипаж и так далее. А она, может, из бедной семьи. И мама ее нажучила: дескать, ясно, выходи.

Конечно, теперь всего этого нету. Теперь все это благодаря революции кануло в вечность. И теперь этого не бывает.

У нас молоденькая выходит поскорей за молоденького. Более престарелая решается жить с более потрепанным экземпляром. Совершенно старые переключаются вообще на что-нибудь эфемерное – играют в шашки или гуляют себе по набережной.

Нет, конечно, бывает, что молоденькая у нас иногда выходит за пожилого. Но зато этот пожилой у нас обыкновенно какой-нибудь там крупнейший физиолог, или он ботаник, или он чего-нибудь такое изобрел всем на удивление, или, наконец, он ответственный бухгалтер и у него хорошая материальная база на двоих.

Нет, такие браки не вызывают неприятных чувств. Тем более тут можно искренне полюбить – может, это какая-нибудь одаренная личность, хороший оратор, или у него громадная эрудиция и прекрасный голос.

А таких дел, какие, например, нарисованы на вышеуказанной картине, у нас, конечно, больше не бывает. А если что-нибудь вроде этого и случается, то это вызывает всеобщий смех и удивление.

Вот, например, какая история произошла недавно в Ленинграде.

Один, представьте себе, старик, из обыкновенных служащих, неожиданно в этом году женился на молоденькой.

Ей, представьте себе, лет двадцать, и она интересная красавица, приехавшая из Пензы. А он – старик, лет, может быть, шестидесяти. Такой вообще облезлый тип. Морда какая-то у него потрепанная житейскими бурями. Глаза какие-то посредственные, красноватые. В общем, ничего из себя не представляющая личность, из таких, какие в каждом трамвае по десять штук едут.

И к тому же он плохо может видеть. Он, дурак, дальтонизмом страдает. Он не все цвета может различать. Он зеленое принимает за синее, а синее ему, дураку, мерещится белым. В довершение всего он был женат. И вдобавок ко всему жил со своей старухой в крошечной и неважной комнатенке.

И вот, тем не менее, имея такие дефекты, он неожиданно и всем на удивление женится на молодой прекрасной особе.

Окружающим он так объяснил это явление, дескать, новая эра, дескать, нынче даже старики кажутся молодыми и довольно симпатичными.

Окружающие ему говорят:

– Вы поменьше занимайтесь агитацией и пропагандой, а вместо этого поглядите, чего ей от вас нужно. Это же анекдот, что она за вас выходит замуж.

Старик говорит:

– Кроме своей наружности и душевных качеств, я ничего материального не имею. Жалованье маленькое. Гардероб – одна пара брюк и пара рваных носовых платков. А что касается комнаты, этой теперешней драгоценности, то я живу пока что со своей престарелой супругой на небольшой площади, какую я намерен делить. И в девяти метрах, с видом на помойку, я буду как дурак от счастья жить с той особой, какую мне на старости лет судьба послала.

Окружающие ему говорят:

– А ну вас к лешему! Вас не убедишь.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

И вот он разделил площадь. Устроил побелку и окраску. И в крошечной комнатке из девяти метров начал новую великолепную жизнь, рука об руку с молодой, цветущей особой.

Теперь происходит такая ситуация.

Его молодая подруга жизни берет эту крошечную комнату и меняет ее на большую. Поскольку нашелся человек, которому дорого было платить и он хотел иметь свои законные девять метров, без излишков.

И вот она со своим дураком переезжает на эту площадь, в которой четырнадцать метров.

Там живет она некоторое время, после чего проявляет бешеную энергию и снова меняет эту комнату на комнату уже в двадцать метров И в эту комнату снова переезжает со своим старым дураком.

А переехав туда, она с ним моментально ссорится и дает объявление в газету дескать, меняю чудную комнату в двадцать метров на две небольшие в разных районах.

И вот, конечно, находится пара, которая мечтает пожить совместно, и за эту комнату они с радостью отдадут две свои.

Короче говоря, через два месяца после, так сказать, совершения таинства брака наш старый дурак, мало чего понимая, очутился в полном одиночестве в крошечной комнатке за городом, а именно – в Озерках.

А молодая особа поселилась на Васильевском острове, в небольшой, но славной комнатке.

А вскоре, имея эту комнату, она вышла замуж за молодого инженера, и теперь она бесконечно счастлива и довольна.

Старый дурак хотел подать в суд на эту особу за надувательство. И даже он разговаривал по этому поводу с одним бывшим юристом. Но этот юрист, из бывших адвокатов, весело посмеявшись, заявил, что обман этот доказать крайне трудно, и к тому же молодая особа, может быть, искренне увлеклась им и, только узнав его поближе, разочаровалась.

На этих сладких мечтах наш старый дурень и успокоился. И теперь он ежедневно трясется на поезде, выезжая из этих своих Озерков на службу.

В общем, как говорится, не угадал папаша. Старого воробья провели на мякине. А он расчувствовался, фантазию построил, всякие любовные мечты, за что и пострадал сверх всякой меры.

Вообще, как видите, и в нашей жизни на любовном фронте случаются неприятности. У молодых это бывает реже. А старость, скромные средства и красные, подслеповатые глаза не создают в любви благоприятную ситуацию.

Вот вам еще крошечный рассказ о коммерческой любви. А засим мы перейдем к более достойным случаям.

ЖЕНИТЬБА – НЕ НАПАСТЬ, КАК БЫ ПОСЛЕ НЕ ПРОПАСТЬ

Говорят, будто в прежнее время без приданого браков почти не существовало.

Каждый порядочный жених приставал к родителям невесты прямо с ножом к горлу: дескать, объясните, какое будет приданое у невесты, и сколько денег, и сколько чего, или я жениться не буду.

Ну, родители с перепугу назначали сумму и рассказывали, где какое у невесты приданое.

А в настоящее время у нас даже это слово "приданое" позабыто. Даже мы слабо представляем себе, как это у них с этим было.

Конечно, и в наше время случаются типы, которые вместе с женьитьбой норовят

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
чего-нибудь такое заполучить лишнее: какую-нибудь там, может быть, мебель, комнату или в крайнем случае хотя бы носильное платье, чтобы себе перешить.

Однако это у нас тоже не так-то легко бывает. И жениху не всегда удается реализовать подобную бессмысленную фантазию.

Даже, например, такая мелочь – висит хорошенькая брошка на груди у невесты. Однако это ровным счетом ничего не означает. Женился человек, и, оказывается, никакой брошки у супруги нету. Оказывается, брошка была занята у подруги, а подруга, может быть, уже шесть раз была замужем, и брошка у нее к тому же из нетемнеющего металла.

Или, например, висит шуба на вешалке. А после оказывается, что шубу комнатный жилец повесил.

Нет, нынче, которые женятся, наперед знают, что много с невесты не возьмут.

Конечно, многие сейчас смотрят не так на имущество, как на служебное положение будущей супруги. Но это тоже не всегда является чем-то положительным.

Вот какой случай произошел однажды.

Один молодой человек познакомился с одной молодой особой. И видит, что эта молодая, прекрасная особа очень интересная и приятная собой.

Но внешность его не так удивила. А он очень удивился и призадумался, когда узнал, что эта особа – женщина-бухгалтер.

Профессия эта довольно редкая. Она требует особого напряжения ума, а потому бухгалтеров у нас мало, и они все прилично оплачиваются.

А молодой человек смотрел на жизнь и на ее проявления крайне трезво. Он любви не понимал и только одним интересовался: как бы ему получше пожить и попитаться.

И вот вдруг видит такой экстраординарный случай – женщина-бухгалтер. Так сказать, великолепная подмога в жизни. И вот он с ней получше познакомился. Сводил ее пару раз в кино, объяснился в любви. И сказал: "Не желаете ли записаться?". А она говорит: "Ах, пожалуйста! Я очень рада".

И вот он с ней записался. Чертовски полюбил ее. И она его полюбила.

Но вдруг она является однажды со службы и ему говорит:

– Вот, Петя, какое дело. Я ушла с работы. Я, скажу откровенно, давно мечтала: как выйду замуж, так и перестану мотаться по канцеляриям. В общем, я бросила работу.

Вот супруг чертовски взволновался. Ахает, кричит и просит. И думает: "Вот так штука! Я же специально изза этого женился".

Но супруга говорит:

– Нет, довольно колбасы, я служить не буду. Я не имею намерения в душной канцелярии терять высокую квалификацию своей красоты и молодости.

Супруг говорит:

– Но поймите, это буржуазное мещанство! Ты, говорит, – мне особенно нравилась своей самостоятельностью. Я, говорит, прямо потрясен печальным фактом!

Но сколько он ни говорил, она настояла на своем – и теперь не служит. А он чертовски мучается и все мечтает с ней разойтись, но это ему не удастся, поскольку они переехали в общую комнату, за которую отдали две свои, что было, конечно, легче сделать, чем наоборот.

А в довершение всего она родила ему младенца и тем самым его еще больше прикрепила. И он ее уже не бросит, поскольку ему будет жалко зря платить ей алименты.

В общем, он ошибся в своих расчетах и теперь адски страдает.

А случай этот, конечно, частного характера, – он небольшой и мелкий. И мы, не занимаясь обобщением и не обличая наших уважаемых граждан в излишнем корыстолюбии, переходим к более солидным делам из любовной практики.

Вот, извольте, интересный рассказ, из которого вы увидите, на что любовь и ревность могут толкнуть не старую еще женщину.

РАССКАЗ О ПИСЬМЕ И О НЕГРАМОТНОЙ ЖЕНЩИНЕ
Жили себе в Ленинграде муж и жена.

Муж был ответственный советский работник. Он был нестарый человек, крепкий, развитой и вообще, знаете ли, энергичный, преданный делу социализма и так далее.

И хотя он был человек простой, из деревни, и никакого такого в свое время высшего образования не получил, но за годы пребывания в городе он поднатерел во всем и много чего знал и мог в любой аудитории речи произносить. И даже вполне мог вступать в споры сучеными разных специальностей – от физиологов до электриков включительно.

А жена его, Пелагея, между тем была женщина неграмотная. И хотя она приехала из деревни вместе с ним, но ничему такому не научилась, осталась неграмотной и даже свою фамилию она не могла подписывать.

А муж Пелагеи, видя такую ситуацию, ужасно огорчился, страдал и не понимал, как ему выйти из беды. Тем более он сам был чересчур занят и не имел свободного времени на переподготовку своей супруги.

И он ей говорил:

– Ты бы, Пелагеюшка, как-нибудь научилась читать или хотя бы фамилию подписывать. Наша страна, говорит, постепенно выходит из вековой темноты и некультурности. Мы кругом ликвидируем серость и неграмотность. А тут вдруг супруга директора хлебозавода не может ни читать, ни писать, ни понимать, чего написано! И я от этого терплю невозможные страдания.

А Пелагея на это, конечно, так говорит. Она рукой махнет и так отвечает:

– Ах, отвечает, Иван Николаевич, об чем вы хлопочете! Мне этим не к чему заниматься. В свое время я за это не взялась, а теперь мои годы постепенно проходят, и моя молодость исчезает, и мои руки специально не гнутя, чтобы, например, карандаш держать. На что мне учиться и буквы выводить? Пуцай лучше молодые пионеры занимаются, а я и так до старости лет доживу.

А муж Пелагеи, конечно, вздыхает с огорчением и говорит:

– Эх, эх, Пелагея Максимовна!..

Но однажды все-таки Иван Николаевич принес домой учебник.

– Вот, – говорит, – Поля, новейший букварь-самоучитель, составленный по последним данным науки. Я, говорит, сам тебе буду показывать. И просьба – мне не противоречить.

А Пелагея усмехнулась тихо, взяла букварь в руки, повертела его и в комод спрятала: пуцай, дескать, лежит, может, потомкам пригодится.

Но вот однажды днем присела Пелагея за работу.

Пиджак Ивану Николаевичу надо было починить, рукав протерся.

И села Пелагея за стол. Взяла иголку. Сунула руку под пиджак – шуршит что-то.

"Не деньги ли?" – подумала Пелагея.

Посмотрела – письмо. Чистый такой, аккуратный конверт, тоненькие букочки на нем,
Страница 392

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
и бумага вроде как духами или одеколоном пахнет.

Екнуло у Пелагеи сердце.

"Неужели же, – думает, – Иван Николаевич меня зря обманывает? Неужели же он сердечную переписку ведет с порядочными дамами и надо мной же, неграмотной дурой, насмеяется?"

Поглядела Пелагея на конверт, вынула письмо, развернула, – не разобрать по неграмотности.

Первый раз в жизни пожалела Пелагея, что читать она не может.

"Хоть, – думает, – и чужое письмо, а должна я знать, чего в нем пишут. Может, от этого вся моя жизнь переменится, и мне лучше в деревню ехать, на мужицкие работы".

И у самой в груди закипело от обиды и досады.

И сердце перевернулось от огорчения.

"Все-таки, – думает, – я Ивана Николаевича чересчур люблю, если через это письмо я настолько страдаю, мучаюсь и ревную. Как, думает, обидно, что я этого письма прочесть не могу! Я бы сразу узнала, в чем тут дело".

И вот она заплакала. И стала вспоминать разные мелочи про Ивана Николаевича. Да, он действительно как будто переменялся в последнее время. Он стал об усиках своих заботиться – причесывает их. И руки часто моет.

И надевает новую кепку.

Сидит Пелагея, думает эти мысли, смотрит на письмо и ревет белугой. А прочесть письма, конечно, не может.

Поскольку даже не понимает буквы. А чужому человеку ей показать, конечно, совестно.

После она, поплавав, спрятала письмо в комод, дошила пиджак и стала поджидать Ивана Николаевича.

И, когда пришел он, Пелагея и виду не показала. Напротив того: она ровным и спокойным тоном разговаривала с мужем и даже намекнула ему, что она не прочь бы поучиться и что ей чересчур надоело быть темной и неграмотной бабой.

Очень этому обрадовался Иван Николаевич.

– Ну и отлично! – сказал он. – Я тебе сам буду показывать.

– Что ж, показывай! – сказала Пелагея.

И сама в упор посмотрела на ровные, подстриженные усики Ивана Николаевича. И снова у ней сердце сжалось и в груди перевернулось от досады и огорчения.

Два месяца подряд Пелагея изо дня в день училась читать. Она терпеливо по складам составляла слова, выводила буквы и заучивала фразы. И каждый вечер вынимала из комода заветное письмо и пыталась разгадать его таинственный смысл.

Однако это было очень не легко.

Только на третий месяц Пелагея одолела науку.

Утром, когда Иван Николаевич ушел на работу, Пелагея вынула из комода письмо и принялась читать его.

Она с трудом разбирала тонкий почерк. И только еле уловимый запах духов от бумаги подбадривал ее.

Письмо было адресовано Ивану Николаевичу.

Пелагея читала:

"Уважаемый товарищ Кучкин.

Посылаю вам обещанный букварь. Я думаю, что ваша жена в два-три месяца вполне может одолеть премудрость. Обещайте, голубчик, заставить ее это сделать. Внушите ей, объясните, как, в сущности, отвратительно быть неграмотной бабой.

Сейчас, к этой годовщине, мы ликвидируем неграмотность по всей республике всеми средствами, а о своих близких почему-то забываем.

Обещайте, Иван Николаевич, это сделать.

С коммунистическим приветом Мария Блохина".

Пелагея два раза прочитала это письмо и, чувствуя какую-то новую обиду, заплакала.

Но потом, подумав об Иване Николаевиче и о том, что в ее супружеской жизни все в порядке, успокоилась и спрятала в комод букварь и злополучное письмо.

Так в короткое время, подгоняемая любовью и ревностью, наша Пелагея научилась читать и писать и стала грамотной.

– И это был поразительный случай из истории ликвидации неграмотности у нас в Союзе.

Но вот прочтите рассказ о любви еще более интересный, чем этот.

РАССКАЗ ПРО ДАМУ С ЦВЕТАМИ

Следует отметить, что этот рассказ не такой уж чересчур смешной.

Другой раз бывают такие малосмешные темы, взятые из жизни. Там какая-нибудь драка, мордобой или имущество свистнули.

Или, например, как в этом рассказе. История о том, как потонула одна интеллигентная дама. Так сказать, смеха с этого факта не много можно собрать.

Хотя, надо сказать, что и в этом рассказе будут некоторые смешные положения. Сами увидите.

Конечно, я не стал бы затруднять современного читателя таким не слишком бравурным рассказом, но уж очень, знаете, ответственная современная темка. Насчет материализма и любви.

Одним словом, это рассказ насчет того, как однажды через несчастный случай окончательно выяснилось, что всякая мистика, всякая идеалистика, разная неземная любовь и так далее и тому подобное есть форменная брехня и ерундистика. И что в жизни действителен только настоящий материальный подход и ничего, к сожалению больше.

Может быть, это чересчур грустным покажется некоторым отсталым интеллигентам и академикам, может быть, они через это обратно поскулят, но, поскуливши, пущай окинут взором свою прошедшую жизнь и тогда увидят, сколько всего они накрутили на себя лишнего.

Так вот, дозвоьте старому, грубоватому материалисту, окончательно после этой истории поставившему крест на многие возвышенные вещи, рассказать эту самую историю. И дозвоьте еще раз извиниться, если будет не такой сплошной смех, как хотелось бы.

Тем более, повторяем, какой уж там смех, если одна дама потонула. Она потонула в реке. Она хотела идти купаться. И пошла по бревнам. Там, на реке, у берега, были гонки. Такие плоты. И она имела обыкновение идти по этим бревнам подалее от берега, для простору и красоты, и там купаться. И, конечно, потонула.

Но дело не в этом.

А в деревню Отрадное, по реке Неве, приехал в этом году на дачу некто такой инженер – Николай Николаевич Горбатов.

Он – инженер–технолог или путеец. Одним словом, у него на форменной фуражке какой-то производственный значок – напильник и еще чего-то такое. Но не в этом суть.

Весной в этом году приехал в Отрадное этот инженер со своей молодой супругой – Ниной Петровной.

Ничего такого особенного в ней не наблюдалось. Так, дама и дама. Черненькая такая, пестренькая. Завсегда в руках цветы. Или она их держит, или она их нюхает. И, конечно, одета очень прекрасно.

Несмотря на это, инженер Горбатов ее до того любил, что было удивительно наблюдать.

Действительно, верно, он ничего другого от жизни не имел и никуда не стремился. Он общественной нагрузки не нес. Статей не писал. И вообще, надо откровенно сказать, он избегал общественной жизни.

Он не попал в ногу современности. Ему было, конечно, лет сорок, и он весь был в своем прошлом. Ему, одним словом, нравилась прошлая буржуазная жизнь с ее разными подушечками, консоме и так далее.

А в настоящей текущей жизни он ничего, кроме грубого, не видел и свою личность от всего отворачивал.

И поскольку она – супруга и не выдаст его, он рассказывал ей свои разные реакционные мысли и взгляды.

– Я, – говорит, – человек глубоко интеллигентный, мне, говорит, доступно понимание многих мистических и отвлеченных картин моего детства. И я, говорит, не могу удовлетвориться той грубой действительностью, бедностью, сокращением, квартирной платой и так далее. Я, говорит, воспитан на многих красивых вещах и безделушках, понимаю тонкую любовь и не вижу ничего приличного в грубых объятиях, – и так далее и тому подобное. – Я, говорит, только считаюсь с духовной жизнью и с запросами сердца, а что касается ихнего марксизма, то я над этим насмехаюсь и не желаю с ним считаться.

Так вот он не раз ей говорил и, конечно, имея такие взгляды, не стремился найти что-нибудь хорошее в нашей современности.

И вот, в силу всего этого, он оторвался от масс и окончательно замкнулся в свою семейную жизнь и в свою любовь к этой милочке с цветочками.

А она, безусловно, соответствовала своему назначению.

И, поскольку она была его супругой, она в тон ему пела, со всем таким соглашалась и чересчур горевала о прежней жизни.

Одним словом, это была поэтическая особа, способная целый день нюхать цветки и настурции или сидеть на берегу и глядеть вдаль, как будто там что-нибудь имеется определенное – фрукты или ливерная колбаса.

Вот, значит, какие это были супруги со своею любовью!

Про нее нельзя сказать, чтоб она его чересчур любила и обожала, но он действительно глаз с нее не сводил. Утром он уезжает на пароходе, а она, в своем миленьком пеньюаре, спешит его провожать на своих тонких интеллигентских ножках. Он ее за локоток придерживает, чтоб, боже сохрани, она ножки себе не вывихнула. И чего-то ей щебечет, воздушные поцелуи с парохода посылает. Одним словом, противно и тяжело смотреть.

Вот он уехал, а она и сидит, что дура, мечтает про разные отвлеченные вещи. Ну, пойдти постирай, если не хочешь физкультурой заниматься. Или пойдти тому же самому Горбатову кровать прибири. Нет! Сидит и сидит. И кушать не просит. Зато потом,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
наверное, легко растерялась со своими мечтами и не могла через это насушу
выбраться.

Ну, постольку поскольку она уже утонула, не будем тревожить ее память разными
оскорбительными замечаниями.

Так вот, часов около семи Горбатов приезжал обратно с места своей службы. Он
приезжает с места службы и спешит увидеть свою голубку.

Он первый прыгает с парохода. И что-нибудь несет в своих руках. Или там
гостинцы, или там трусики ей, или какой-нибудь новенький бюстгальтер.

Он дарит ей тут же, и сам ее по спинке хлопает, дурачится, обнимает. Чего ему!
Он, главное, никакой общественной нагрузки не несет и весь замкнулся в свой
горизонт и в свои нежные переживания.

Ну, она посмотрит, что он принес, нахмурит носик и идет на своих тонких ножках.

Только, одним словом, она потонула. Очень, конечно, жалко, вполне прискорбный
факт, но вернуть ее к жизни, тем более с современной медициной, невозможно.

Конечно, занимайся она в свое время хотя бы зарядовой гимнастикой, она нашлась
бы в самый последний момент и выплыла бы. А тут со своими цветами окунулась – и
враз пошла ко дну, не сопротивляясь природе.

Тем более она шла по скользким бревнам. Она всегда по этим бревнам ходила
купаться. А тут пошла после дождя на своих французских каблучках – и свалилась.
Только что трусики остались на плоту.

А может быть, она и нарочно в воду сунулась. Может, она жила-жила с таким
отсталым элементом и взяла и утонула. Тем более, может быть, он заморочил ей
голову своей мистикой.

Но только, конечно, вряд ли. Скорей всего, если объяснить психологически, она
поскользнулась на бревнах и потонула.

Конечно, не будем чересчур расстраивать читателей художественным описанием
дальнейших событий. Скажем только, что инженер Николай Николаевич чрезвычайно
убивался и страдал от этого факта. Он валялся на берегу, рыдал и все такое, но
его подруга погибла безвозвратно, и даже ее тело не могли найти. И от этого
инженер тоже чересчур страдал и расстраивался.

– Если бы, – говорил он своей хозяйке, – она нашлась, я бы больше успокоился.
Но, говорит, такая жуткая подробность, что ее не нашли, совершенно меня
ослабляет. И я, говорит, через это ночи не сплю и все про нее думаю. Тем более,
я ее любил совершенно неземной любовью, и мне, говорит, только и делов сейчас,
что найти ее, приложиться к ее праху и захоронить ее в приличной могилке и на ту
могилку каждую субботу ходить, чтобы с ней духовно общаться и иметь с ней
потусторонние разговоры. Поскольку моя любовь выше земных отношений.

Так он сказал, настриг листочков и на этих листочках написал крупным шрифтом:
мол, нашедшему тело, и так далее, будет дано крупное вознаграждение в размере
тридцати рублей, и тому подобное.

И эти записульки он расклеил по всей деревне и по рыбацкому поселку.

Только проходит месяц – безрезультатно. Очень многие ее ищут кошками, баграми и
так далее, но почему-то найти не могут.

А он, голубчик инженер Горбатов, ходит все время сторонкой, ни с кем не
здоровается, и только у него и делов, что ожидает, не найдут ли его подруги.

Конечно, никакое горе особенно долго не может продолжаться. В этом отношении наш
организм дивно устроен. И самая кошмарная драма слишком скоро забывается, и
почти ничего от нее не остается.

Так что горе инженера немножко тоже поутихло. Хотя он и продолжал горевать,
считая, что его крупная любовь останется с ним навеки.

И, горя, он не переехал с дачи, а продолжал ежедневно ездить, не желая расставаться с дорогими местами.

И вот в начале сентября рыбаки отыскивали ее тело. Ее течением отнесло километров на пять и прибило к берегу.

Ну, приезжают к инженеру два рыбака и докладывают: мол, осмотрите, надо опознать, и, в случае чего с вас приходится.

Ах, он очень засуетился, побледнел, заторопился в своих движениях, сел в лодку и поехал с рыбаками.

Не будем особенно сгущать краски и описывать психологические подробности, скажем только, что инженер Горбатов тут же на берегу подошел к своей бывшей подруге и остановился подле нее. Кругом рыбаки, конечно, стоят молча и глядят на него, чего он скажет: признает ли он или не признает, тем более признать было, конечно, затруднительно – время и вода сделали свое черное дело. И даже грязные тряпки от костюма были мало похожи на что-нибудь такое приличное, на бывший прекрасный костюм. Не говоря уже про лик, который был тем более попорчен временем.

Тогда один из рыбаков, не желая, конечно, терять понапрасну драгоценное времечко, говорит: дескать, ну как? Она? Если не она, так давайте, граждане, разойдемся, чего стоять понапрасну.

Инженер Горбатов наклонился несколько ниже, и тут полная гримаса отвращения и брезгливости передернула его интеллигентские губы. Носком своего сапожка он перевернул лицо утопленницы и вновь посмотрел на нее.

После он наклонил голову и тихо прошептал про себя:

– Да... это она.

Снова брезгливость передернула его плечи. Он повернулся назад и быстро пошел к лодке.

Тут рыбаки начали на него кричать: мол, а деньги, деньги, мол, посулил, а сам тигалья дает, а еще бывший интеллигент и в фуражке!

Горбатов, конечно, без слова вынимает деньги и подает рыбакам и прибавляет еще пять целковых, с тем чтобы они как-нибудь сами захоронили эту даму на здешнем кладбище.

И после этого Н. Н. Горбатов уехал в Отрадное, а оттуда в Ленинград.

А недавно его видели – он шел по улице с какой-то дамочкой. Он вел ее под локоток и что-то такое интересное вкручивал.

Так вот и вся история.

Память об утонувшей и глубокою неземную любовь к ней со стороны инженера почти вставанием и перейдем к текущим делам. Тем более время не такое, чтоб подолгу задерживаться на утонувших гражданах и подводить под них всякую психологию, физиологию и тому подобное.

Тем более что из текущих дел у нас еще имеются вопросы о любви, которые мы должны проработать.

Вот пока что прочтите смешной, но пустенький случай из нашей личной жизни.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Иду я раз однажды по улице и вдруг замечаю, что на меня женщины не смотрят.

Бывало, – раньше выйдешь на улицу таким, как говорится, кандебобером, а на тебя смотрят, посылают воздушные взгляды, сочувственные улыбки, смешки и ужимки.

А тут вдруг вижу – ничего подобного!

Вот это, думаю, жалко! Все-таки, думаю" женщина играет некоторую роль в личной жизни.

Один буржуазный экономист или, кажется, химик высказал оригинальную мысль, будто не только личная жизнь, а все, что мы ни делаем, мы делаем для женщин. И, стало быть, борьба, слава, богатство, почести, обмен квартиры и покупки пальто и так далее и тому подобное, – все это делается ради женщины.

Ну, это он, конечно, перехватил, собака, заврался на потеху буржуазии, но что касается личной жизни, то я с этим всецело согласен.

Я согласен, что женщина играет некоторую роль в личной жизни.

Все-таки, бывало, в кино пойдешь, не так обидно глядеть худую картину. Ну там, ручку пожмешь, разные дурацкие слова говоришь – все это скрашивает современное искусство и бедность личной жизни.

Так вот, каково же мое самочувствие, когда раз однажды я вижу, что женщины на меня не смотрят!

Что, думаю, за черт? Почему на меня бабы не глядят? С чего бы это? Чего им надо?

Вот я прихожу домой и поскорей гляжусь в зеркало, Там, вижу, вырисовывается потрепанная морда. И тусклый взор. И краска не играет на щеках.

"Ага, теперь понятно! – говорю я сам себе. – Надо усилить питание. Надо наполнить кровью свою поблекшую оболочку".

И вот я в спешном порядке покупаю разные продукты.

Я покупаю масло и колбасу. Я покупаю какао и так далее.

Все это ем, пью и жру прямо безостановочно. И в короткое время возвращаю себе неслыханно свежий, неутомленный вид.

И в таком виде фланирую по улицам. Однако замечаю, что дамы по-прежнему на меня не смотрят.

"Ага, – говорю я сам себе, – может быть, у меня выработалась дрянная походка? Может быть, мне не хватает гимнастических упражнений, висения на кольцах прыжков? Может, мне недостает крупных мускулов, на которые имеют обыкновение любоваться дамы?"

Я покупаю тогда висячую трапецию. Покупаю кольца и гири и какую-то особенную рюху.

Я вращаюсь, как сукин сын, на всех этих кольцах и аппаратах. Я верчу по утрам рюху. Я бесплатно колю дрова соседям.

Я, наконец, записываюсь в спортивный кружок. Катаюсь на лодках и на лодчонках. Купаюсь до ноября. При этом чуть не тону однажды. Я ныряю сдуру на глубоком месте, но, не достав дна, начинаю пускать пузыри, не умея прилично плавать.

Я полгода убиваю на всю эту канитель. Я подвергаю жизнь опасности. Я дважды разбиваю себе башку при падении с трапеции.

Я мужественно сношу все это и в один прекрасный день, загорелый и окрепший, как пружина, выхожу на улицу, чтобы встретить позабытую женскую одобрительную улыбку.

Но этой улыбки опять не нахожу.

Тогда я начинаю спать при открытом окне. Свежий воздух внедряется в мои легкие. Краска начинает играть на моих щеках. Морда моя розовеет и краснеет. И принимает даже почему-то лиловый оттенок.

Со своей лиловой мордой я иду однажды в театр. И в театре, как ненормальный,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
кручусь вокруг женского состава, вызывая нарекания и грубые намеки со стороны мужчин и даже толкание и пихание в грудь.

И в результате вижу две-три жалкие улыбки, каковые меня мало устраивают.

Там же, в театре, я подхожу к большому зеркалу и люблюсь на свою окрепшую фигуру и на грудь, которая дает теперь с напряжкой семьдесят пять сантиметров.

Я сгибаю руки, и выпрямляю стан, и расставляю ноги то так, то так.

И искренне удивляюсь той привередливости, тому фигуряню со стороны женщин, которые либо с жиру бесятся, либо пес их знает, чего им надо.

Я люблюсь в это большое зеркало и вдруг замечаю, что я одет неважно. Я прямо скажу – худо и даже безобразно одет. Прекороткие штаны с пузырьками на коленях приводят меня в ужас и даже в содрогание.

Но я буквально остолбеваю, когда гляжу на свои нижние конечности, описанию которых не место в художественной литературе.

"Ах, теперь понятно! – говорю я сам себе. – Вот что сокрушает мою личную жизнь – я плохо одеваюсь".

И, подавленный, на скрюченных ногах, я возвращаюсь домой, давая себе слово переменить одежду.

И вот в спешном порядке я строю себе новый гардероб. Я шью по последней моде новый пиджак из лиловой портьеры. И покупаю себе брюки "Оксфорд", сшитые из двух галифе.

Я хожу в этом костюме, как в воздушном шаре, огорчаясь подобной моде.

Я покупаю себе пальто на рынке с такими широкими плечами, которых вообще не бывает на нашей планете.

И в выходной день однажды в таком наряде выхожу на Тверской бульвар.

Я выхожу на Тверской бульвар и выступаю, как дрессированный верблюд. Я хожу туда и сюда, вращаю плечами и делаю на ногах.

Женщины искоса поглядывают на меня со смешанным чувством удивления и страха.

Мужчины – те смотрят менее косо. Раздаются ихние замечания, грубые и некультурные замечания людей, не понимающих всей ситуации.

Там и сям слышу фразы:

– Эво, какое чучело! Поглядите, как, подлец, нарядился! Как, – говорят, – ему не стыдно? Навернул на себя три километра материи.

Меня осыпают насмешками и хохочут надо мной.

Я иду, как сквозь строй, по бульвару, неясно на что надеясь.

И вдруг у памятника Пушкину я замечаю прилично одетую даму, которая смотрит на меня с бесконечной нежностью и даже лукавством.

Я улыбаюсь в ответ и три раза, играя ногами, обхожу памятник Пушкину. После чего присаживаюсь на скамеечку, что напротив.

Прилично одетая дама с остатками поблекшей красоты пристально смотрит на меня. Ее глаза любовно скользят по моей приличной фигуре и по лицу, на котором написано все хорошее.

Я наклоняю голову, повожу плечами и мысленно люблюсь стройной философской системой буржуазного экономиста о ценности женщин.

Я подмигиваю Пушкину: дескать, вот, мол, началось, Александр Сергеевич.

Я снова обращаюсь к даме, которая теперь, вижу, буквально следит немигающими глазами за каждым моим движением.

Тогда я начинаю почему-то пугаться этих немигающих глаз. Я и сам не рад успеху у этого существа. И уже хочу уйти. И уже хочу обогнуть памятник, чтобы сесть на трамвай и ехать куда глаза глядят, куда-нибудь на окраину, где нет такой немигающей публики.

Но вдруг эта приличная дама подходит ко мне и говорит:

– Извините, уважаемый... Очень, говорит, мне странно об этом говорить, но вот именно такое пальто украли у моего мужа. Не откажите в любезности показать подкладку.

"Ну да, конечно, – думаю, – неудобно же ей начать знакомство с бухты-барахты".

Я распахиваю свое пальто и при этом делаю максимальную грудь с напряжкой.

Оглядев подкладку, дама поднимает истощный визг и крики. Ну да, конечно, это ее пальто! Краденое пальто, которое теперь этот прохвост, то есть я, носит на своих плечах.

Ее стенания режут мне уши. Я готов провалиться сквозь землю в новых брюках и в своем пальто.

Мы идем в милицию, где составляют протокол. Мне задают вопросы, и я правдиво на них отвечаю.

А когда меня, между прочим, спрашивают, сколько мне лет, я называю цифру и вдруг от этой почти трехзначной цифры прихожу в содрогание.

"Ах, вот отчего на меня не смотрят! – говорю я сам себе. – Я попросту постарел. А я было хотел свалить на гардероб недостатки своей личной жизни".

Я отдаю краденое пальто, купленное на рынке, и налегке, со смятым сердцем, выхожу на улицу.

"Ну ладно, обойдусь! – говорю я сам себе. – Моя личная жизнь будет труд. Я буду работать. Я принесу людям пользу. Не только света в окне, что женщина".

Я начинаю издеваться над словами буржуазного ученого.

"Это брехня! – говорю я себе. – Это досужие выдумки! Типичный западный вздор!"

Я хохочу. Плюю направо и налево. И отворачиваю лицо от проходящих женщин.

Но вот что интересно – этот небольшой случай произошел со мной года два назад.

И хотя за эти два года я, казалось бы, еще больше постарел, но, тем не менее, этим летом я познакомился с одной особой, и она, представьте себе, мною сильно увлеклась. И, главное, смешная подробность: я в это лето одевался, как нарочно, исключительно худо. Ходил черт знает в каких штанах и в дырявых спортивных туфлях.

И вот, тем не менее это на любовь не повлияло. И я через это счастлив и доволен, и даже мы вскоре женимся по взаимной любви.

И я надеюсь, что то, что вы прочтете в следующем рассказе, с нами не произойдет.

СВАДЕБНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Конечно, Володька Завитушкин немного поторопился. Был такой грешок.

Володька, можно сказать, толком и не разглядел своей невесты. Он, по совести говоря, без шляпки и без пальто ее никогда даже и не видел. Потому все главные события на улице развернулись.

А что перед самой свадьбой Володька Завитушкин заходил со своей невестой к ее

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
мамаше представляться, так он, не раздеваясь, представился. В прихожей. Так сказать, на ходу.

А познакомился Володя Завитушкин со своей невестой в трамвае. Дней за пять до брака.

Сидит он в трамвае и вдруг видит, перед ним этакая барышня вырисовывается. Такая ничего себе барышня, аккуратненькая. В зимнем пальто.

И стоит эта самая барышня в зимнем своем пальто перед Володькой и за ремешок держится, чтоб пассажиры ее не опрокинули. А другой рукой пакет к груди прижимает. А в трамвае, конечно, давка. Пихаются. Стоять, прямо сказать, нехорошо.

Вот Володька ее и пожалел.

– Присаживайтесь, – говорит, – ко мне на одно колено, все легче ехать.

– Да нет, – говорит, – мерси.

– Ну, так, – говорит, – давайте тогда пакет. Кладите мне на колени, не стесняйтесь. Все легче будет стоять.

Нет, видит, и пакета не отдает. Или пугается, чтоб не упер. Или еще что. Глянул на нее Володя Завитушкин еще раз и прямо обалдел. "Господи, – думает, – какие бывают милостивые барышни в трамваях".

Едут так они две остановки. Три. Четыре. Наконец видит Завитушкин барышня к выходу тискается. Тоже и Володька встал. Тут у выхода, значит, у них знакомство и состоялось.

Познакомились. Пошли вместе. И так у них все это быстро и без затрат обернулось, что через два дня Володька Завитушкин и предложение ей сделал.

Или она сразу согласилась, или нет, но только на третий день пошли они в гражданский отдел и записались. Записались они в загсе, а после записи и развернулись главные события.

После записи пошли молодые на квартиру к мамаше.

Там, конечно, полная суматоха. Стол накрывают. Гостей много. И вообще семейное торжество – молодых ждут.

И какие-то разные барышни и кавалеры по комнате суетятся, приборы ставят и пробки открывают.

А свою молодую супругу Володька Завитушкин еще в прихожей потерял из виду.

Сразу его, как на грех, обступили разные мамы и родственники, начали его поздравлять и в комнату тащить. Привели его в комнату, разговаривают, руки жмут, спрашивают, в каком, дескать, союзе находится.

Только видит Володька – и не разобрать ему, где его молодая жена. Девиц в комнате много. Все вертятся, все мотаются, ну, прямо с улицы, со свету, хоть убей, не разобрать.

"Господи, – думает Володька, – никогда ничего подобного со мной не происходило. Какая же из них моя молодая супруга?"

Стал он по комнате ходить между девиц. То к одной толкнется, то к другой. А те довольно неохотно держатся и особой радости не выказывают.

Тут Володька немного даже испугался.

"Вот, – думает, – на чем засыпался – жену уж не могу найти".

А тут еще родственники начали коситься – чего это молодой ходит как ненормальный и на всех девиц бросается. Стал Володька к двери и стоит в полном упадке.

"Ну, спасибо, – думает, – если сейчас за стол садиться будут. Тогда, может, что-нибудь определится. Которая со мной сядет, та, значит, и есть. Хотя бы, думает, вот эта белобрысенькая села. А то, ей-богу, подсунут какоенибудь дерьмо, потом живи с ним".

В это время гости начали за стол садиться.

Так что он теперь холостой и снова может жениться на желающих.

Но чего хорошего в браке и зачем к этому стремятся – это прямо трудно понять.

Обыкновенно жены изменяют, и загадочная подробность – всегда вместо мужа любят кого-нибудь другого. Так что не знаю, как вы, а я гляжу против такого брака. Хотя если говорить о браке, то я стою за крепкий и твердый брак. Тем не менее не закрываю себе глаза на это и знаю, что это такое.

В общем, вот чего однажды приключилось на любовном фронте.

ЗАБАВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Жена одного служащего, довольно молодая и очень интересная дама, выходец из мелкобуржуазной семьи, влюбилась в одного актера.

Он был артист драмы и комедии. И вот она в него влюбилась.

Или она увидела его на подмостках сцены и он покорила ее великолепной игрой, или, наоборот, она игры его не видела, а он, может, просто понравился ей своей артистической внешностью, но только в общем она в него порядочно сильно влюбилась. И даже она одно время не знала, как ей поступить: уйти ли ей от мужа и перейти к артисту или от мужа ей не уходить, а просто увлекаться актером, не перестраивая своей жизни.

Но потом, увидев, что актер драмы вроде как ничего не имеет – ни пайка, ничего такого особенного, – решила от мужа не уходить. Тем более что артист и сам не горел желанием на ней жениться, будучи уже человеком, обремененным многочисленной семьей.

Но поскольку они были влюблены друг в друга, они все же стали встречаться по временам.

И он ей звонил по телефону, и она к нему забегала на репетицию, чтоб посмотреть, как он бойко играет роль. И через это она в него еще сильнее влюбилась и мечтала с ним почаще встречаться.

Но поскольку им, собственно, негде было встречаться, то они, буквально как Ромео и Джульетта, стали встречаться на улице или в кино или забегали в кафе, чтобы перекинуться нежными словами.

Но такие короткие встречи их, конечно, мало удовлетворяли, и они постоянно горевали, что ихняя жизнь неблагоприятно складывается и им даже негде поговорить о своей безумной любви.

А к нему она, конечно, не могла заходить, поскольку артист был семейный человек.

А что касается, если к ней зайти, то она нередко его приглашала, когда ее супруг был в учреждении. Но он, зайдя пару раз, категорически от этого отказался.

Как человек нервный, одаренный, кроме того, болезненным художественным воображением, он попросту пугался находиться у нее, думая, что вот, мало ли, сейчас войдет муж и начнутся, может быть, крупные разговоры со стрельбой и так далее.

И в силу таких мыслей артист находился у нее в гостях, так сказать, в ненормальном состоянии и вообще полумертвый от страха.

И тогда она, конечно, перестала его приглашать к себе, поскольку видит, что человек ну просто душевно болеет и делается как бы не от мира сего.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

И вот однажды она ему говорит:

– Тогда – вот что. Если хотите со мной повидаться, то приходите в следующий выходной день к моей подруге.

Артист драмы говорит:

– Вот и великолепно! А то, знаете, моя профессия требует утонченных нервов, и я, говорит, не могу не робеть, находясь у вас. Я, говорит, переживаю, ну все равно как на сцене.

А у нее была ближайшая подруга Сонечка. Очень миленькая особа, не без образования. Кажется, из балетных.

И муж нашей дамы вполне одобрял это знакомство, говоря, что лучшей подруги для жены он себе и не желает.

И вот наша балетная, после горячих просьб, разрешила своей подруге повидаться у нее для переговоров с любимым человеком.

И вот утром, в выходной день, наш артист, получше принарядившись, попорол на это свидание.

А надо сказать, что в трамвае у него случился небольшой эпизод и столкновение с соседом. Ну, в общем, легкая перебранка, крики и так далее. В результате чего наш артист, как человек несдержанный, немного более чем следует погорячился. И когда сосед после перебранки сошел с трамвая, наш артист, не утерпев, плюнул в него. И был очень рад, что трамвай быстро пошел и оскорбленный сосед не мог уже догнать его, как того хотел.

Однако от этого столкновения настроение нашего артиста не испортилось. Он встретился со своей симпатией, и они совместно пошли к подруге, которая проживала в коммунальной квартире, в небольшой, но уютной комнате, ключ от которой находился в их руках.

И вот они зашли в комнату, присели на диван, чтоб поговорить о своей дальнейшей жизни, но вдруг в дверь кто-то постучал.

Молодая дама сделала артисту знак не отзываться, но артист и без того замер в безмолвии.

Вдруг за дверью раздается голос:

– Скажите, скоро она вернется?

Наша дама, услышав голос, страшно побледнела и шепотом сказала актеру, что это голос ее мужа. И что муж, должно быть, увидел их на улице, и вот он теперь их выследил.

Артист драмы, услышав о подобном камуфлете, просто даже затрясся и задрожал и, затаив дыхание, прилег на диван, с тоской глядя на свою симпатию.

А голос за дверью говорит:

– Тогда я напишу записку. Скажите, что я заходил.

И вот муж нашей дамы (а это был действительно он), написав записку, подсунул ее под дверь и сам пошел к выходу.

Наша дама, очень удивившись, моментально схватила эту записку и стала читать ее. После чего начала громко рыдать, вопить и падать на диван.

Артист драмы, немного придя в себя от звуков дамского голоса, тоже не без удивления зачитал эту записку, в которой говорилось:

"Крошка Сонечка! Я случайно освободился раньше и заскочил к тебе, но – увы! – не застал. Зайду в три. Крепко целую. Николай".

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Наша дама сквозь слезы и рыдания говорит артисту:

– Что бы это значило? Как вы думаете?

Артист говорит:

– Скорее всего ваш муж увлекается вашей подругой. И он зашел сюда не иначе как отдохнуть от своей семейной жизни. Теперь ваша совесть должна быть спокойна – позвольте вашу ручку.

И только он хотел преподнести ее ручку к своим шершавым губам, как раздается неистовый стук в дверь. И за дверью слышится тревожный голос подруги:

– Ах, откройте поскорее! Это я пришла. Не заходил ли кто-нибудь без меня?

Услышав эти слова, наша дама моментально разразилась рыданиями и, открыв дверь, с плачем подала подруге оставленную записочку.

Та, прочитав записку, немного смутившись, сказала:

– В этом нет ничего удивительного. А раз вы все знаете, то я скрываться не буду. В общем, я прошу вас моментально уйти, поскольку ко мне должны кое-кто зайти.

Наша дама говорит:

– То есть как кое-кто? Из записки видно, что к тебе сейчас мой муж зайдет. Хорошенькое дело! – уйти в такую минуту. Да я, может, желаю посмотреть, как этот подлец переступит порог этого вертепа.

Молодой человек, у которого попросту испортилось настроение от всех этих передраг, хотел было уйти от греха, но наша дама, в пылу раздражения, не велела ему уходить.

Она сказала:

– Вот сейчас явится мой муж, и тогда мы разрубим этот запутанный узел.

Услышав слова, близкие к лексикону военной жизни, артист, найдя шапку, стал уже более энергично прощаться и уходить. Но тут между подругами произошла перебранка и спор относительно его самого – надо ли ему уходить.

Сначала обе подруги хотели его оставить до прихода мужа как вещественное доказательство. Первая – чтоб показать мужу, что за птица ее подруга, допустившая их в свою комнату, вторая – чтоб показать, какова его жена.

Но после этого мысли у них переменялись. Подруга вдруг не захотела себя компрометировать, а жена не пожелала упасть в глазах мужа. И, на этом сговорившись, они велели нашему артисту моментально поскорей уйти.

И только этот последний, довольный таким оборотом, стал прощаться, как вдруг снова раздался стук в дверь, и голос мужа произнес:

– Дорогая Соня, это я! Откройте!

Тут произошла некоторая паника и замешательство в комнате.

Артист драмы моментально поник духом и, находясь в страшной тоске, хотел было прилечь на диван, чтоб притвориться больным или умирающим, но вовремя подумал, что как раз в подобном горизонтальном положении по нем и могут скорей всего открыть огонь, как по легкомысленно лежащему на диване.

И в силу этого он стал мотаться по комнате, задевая за все ногами и производя страшный шум и грохот.

Пришедший муж, находясь за дверью, крайне удивился задержке и грохоту и начал уже более энергично колотить в дверь, думая, что в комнате происходит что-нибудь особенное.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Тогда подруга говорит артисту:

– Вот эта дверь ведет в комнату моего соседа. Я вам сейчас ее открою. Пройдите туда и оттуда дуйте в коридор и на лестницу. Горячий привет!

И сама поскорей открывает крючок на двери и велит артисту побыстрее уйти, тем более что пришедший муж, услышав в комнате шум, стал срывать дверь с петель, чтоб войти в комнату. Тогда наш артист пулей вбежал в соседнюю комнату и хотел было выйти в коридор, как вдруг заметил, что дверь в коридор была заперта с той стороны, по-видимому на висячий замок.

Артист бросился назад, чтоб сказать двум дамам о том, что он в критическом положении – дверь закрыта, и ему не пройти. Однако уже было поздно.

В эту комнату был впущен муж, и там поднялся разговор, при котором появление артиста было бы крайне нежелательным.

Тогда артист, как человек неуравновешенный, моментально ослаб от множества событий и, почувствовав крайний физический упадок и головокружение, прилег на кровать, полагая, что он тут в полной безопасности.

И вот он лежит себе на кровати и думает разные отчаянные мысли – о том, о сем и, в частности, о вздорности любовных порывов. И вдруг слышит, как кто-то гремит замком в коридоре. Кто-то такое, одним словом, возится около двери и, должно быть, сейчас войдет в комнату.

И вдруг дверь действительно открывается, и на пороге показывается человек с корзинкой пирожных из Торгсина.

Увидев человека, лежащего на его кровати, пришедший раскрывает рот от удивления и, мало чего понимая, хочет захлопнуть за собой дверь.

Артист начинает извиняться и лепетать разные слова, и вдруг он с ужасом видит, что вошедший хозяин комнаты есть не кто иной, как тот человек, с которым он утром побранился и в которого он плюнул с площадки трамвая.

Не рассчитывая унести ноги, наш артист снова, как малолетний ребенок, ложится на кровать, думая, что это в крайнем случае только сон, который сейчас пройдет, и тогда наступит великолепная жизнь, без всяких особых неприятностей и передрыг.

Вошедший, у которого удивление пересилило гнев, говорит жалобным голосом:

– Да что ж это такое, господа? Ко мне сейчас знакомая придет, а тут, глядите, какое-то мурло у нас расположилось в моей комнате. Как же он в нее вошел? В запертую дверь?

Артист, видя, что ему рук не ломают и его не бьют по сопатке, говорит с душевным подъемом:

– Ах, пардон! Я сию минуту уйду. Я только на секундочку прилег отдохнуть... Я не знал, что это ваша кровать... У меня голова закружилась от множества событий...

Тут хозяин комнаты, у которого гнев снова пересилил удивление, стал кричать:

– Но это безобразие! Он, глядите, вперся с ногами на мою кровать. Да я, может быть, знакомым своим не разрешаю с ногами находиться. Это что за новости! Какой подлец!

И он подбегает к артисту, хватает его за плечи и буквально вытряхивает с кровати. И вдруг замечает, что личность артиста уже ему знакома по утреннему происшествию.

Тут наступает небольшая пауза.

Хозяин, мало чего понимая, говорит:

– Ах, вот когда ты мне попался, рыбий глаз!

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
И хочет его схватить за горло.

Но в это время раздается нежный стук в дверь.

Хозяин говорит:

– Ну, скажи спасибо, что ко мне дама сейчас пришла, которую я жду. А то бы я с тебя сейчас размазню сделал.

И, взяв артиста за воротник, тащит его к дверям, чтоб выпихнуть его в коридор, как тряпку, на что артист вполне соглашается и даже доволен.

Но вдруг открывается дверь, и на пороге комнаты появляется довольно интересная дама, которая пришла в гости к хозяину и явилась в некотором роде как бы спасительницей нашего пресловутого артиста.

Однако наш артист при виде дамы просто попятился назад от изумления и даже закачался, поскольку эта вошедшая дама была его супруга.

И в смысле совпадения это было действительно нечто поразительное.

Тут наш артист, крайне молчаливый за последние два часа, начал просто орать и буянить, требуя от жены объяснений, что значит это таинственное посещение.

Жена начала плакать и рыдать и говорить, что это ее сослуживец и что она действительно иногда к нему заходит попить чаю с пирожными.

Сконфуженный сослуживец сказал, что теперь, поскольку они квиты, они могли бы помириться и втроем выпить чаю. На что актер разразился такой неистовой бранью и криками, что жена впала в истерику. А ее сослуживец снова полез драться, почувствовав оскорбление за плевков.

И тогда все соседи прибежали поглядеть, что у них тут делается.

Среди присутствующих оказались также и наша дама с мужем и с подружкой.

Узнав все, что произошло, все шестеро, собравшись в комнате, стали совещаться, что же им делать.

Которая из балетных так говорит своей подружке:

– Очень просто! Я выхожу замуж за Николая. Артист женится на тебе, а эти двое сослуживцев тоже составят вполне счастливую пару, служащую в одном учреждении. Вот как нам надо сделать.

Сослуживец, к которому пришла жена артиста, говорит:

– Здравствуйте, пожалуйста! У ней, кажется, куча ребятишек, а я на ней буду жениться. Тоже, знаете, нашли простачка.

Артист драмы говорит:

– Я прошу не оскорблять моей жены. Тем более я не намерен выдавать ее за первого встречного.

Жена артиста говорит:

– Да я бы к нему и не переехала. Глядите, какая у него комната! Разве я могу вчетвером, с детьми, тут находиться?

Сослуживец говорит:

– Да я тебя с детьми на пушечный выстрел к этой комнате не подпущу. Имеет такого подлеца мужа, да еще вдобавок мою комнату хочет оттяпать. Вижу – уже лежит один на моей кровати.

Сонечка из балетных примиряюще говорит:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Тогда, господа, давайте так: я выйду за Николая, артист с супругой так и останутся, как были, а на жене Николая мы женим этого дурака сослуживца.

Сослуживец говорит:

– Здравствуйте! Еще не легче. Вот я сейчас с ней запишусь. Держите карман шире! Да я в первый раз вижу эту облезлую фигуру. К тому же, может, она карманная воровка?!

Артист говорит:

– Просьба не оскорблять наших дам. Я считаю, что это правильный выход.

Наша дама говорит:

– Ну, пет, знаете. Я не намерена из своей квартиры никуда выезжать. У нас три комнаты и ванна. И не собираюсь болтаться по коммуналкам.

Сонечка говорит:

– Из-за трех негодяев у нас все пары распадаются, – так было бы славно. Я за Николая, эта за этого. А эти так.

Тут между дам началась грубая перебранка и счеты о том, о сем. После чего мужчины скрепя сердце решили, что все должно идти по-прежнему. На этом они разошлись.

Однако совершенно по-прежнему не пошло. Сонечка вскоре вышла замуж за своего соседа, сослуживца жены артиста. И к ней по временам стал приходить в гости наш артист, который ей понравился благодаря своему мягкому, беззащитному характеру.

А наша дама, разочаровавшись в обывательском характере артиста, влюбилась в одного физиолога. А что касается Николая, то у него, кажется, сейчас романов нет, и он всецело погружен в работу, но с Сонечкой он, впрочем, иногда встречается, и в выходные дни он нередко ездит с ней за город.

Вот какие иногда бывают случаи на любовном фронте.

На этом мы хотим закончить наши любовные рассказы, с тем чтобы перейти к следующему отделу – "Коварство".

Однако близость этого отдела позволяет нам рассказать еще одну новеллу, в которой два этих предмета – любовь и коварство – соединились между собой.

И вот что получилось.

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ, ПОД НАЗВАНИЕМ "КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ"

Один молодой человек, некто Сергей Хренов, браковщик-приемщик с одного учреждения, начал ухаживать за одной барышней, за одной, скажем, работницей. Или она за ним начала ухаживать. Сейчас, за давностью времени, нету возможности в этом разобраться. Только известно, что стали их вместе замечать на саратовских улицах.

Начали они вместе выходить. Начали даже под ручку прохаживаться. Начали разные всякие любовные слова произносить. И так далее. И тому подобное. И прочее. А этот франтоватый браковщик однажды замечает своей даме:

– Вот, говорит, чего, гражданка Анна Лыткина. Сейчас, говорит, мы гуляем с вами и вместе ходим и, безусловно, говорит, совершенно не можем предвидеть, чего из этого будет и получится. И, говорит, будьте любезны, дайте мне на всякий случай расписку: мол, в случае чего и если произойдет на свет ребенок, то никаких претензий вы ко мне иметь не будете и не станете с меня требовать денег на содержание потомства. А я, говорит, находясь с такой распиской, буду, говорит, еще более с вами любезен, а то, говорит, сейчас, когда каждое действие предусматривает уголовный кодекс, я нахожусь как скованный. И я, говорит, скорее всего отвернусь от пашей с вами любви, чем буду впоследствии беспокоиться за свои действия и платить деньги за содержание потомства.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Или она была в него слишком влюблена, или этот франтик заморочил ей голову, но только она не стала с ним понапрасну много спорить, а взяла и подписала ему бумажку. Мол, и так далее, и в случае чего я никаких претензий к нему не имею и, ладно, с него денег требовать не буду.

Она подписала ему такую бумажку, но, конечно, сказала кое-какие горькие слова:

– Это, говорит, довольно странно с вашей стороны! Я раньше никогда таких расписок никому не давала. И даже мне, говорит, чересчур обидно делается, раз ваша любовь принимает такие причудливые формы. Но, говорит, раз вы настаиваете, то я, конечно, могу подписать вашу бумажку.

– Да уж, будьте любезны! Я, – говорит, – уже много лет присматриваюсь к нашей стране и знаю, чего боюсь.

Одним словом, она подписала бумажку. А он, не будь дурак, засвидетельствовал подпись ее прелестной ручки в домоуправлении и спрятал этот драгоценный документ поближе к сердцу.

Короче говоря, через полтора года они, как миленькие, стояли перед лицом народного суда и докладывали ему о своем прежнем погасшем чувстве.

Она стояла в белом своем трикотажном платочке и покачивала малютку.

– Да, – говорит, – действительно, я по глупости подписалась, но вот родился ребенок как таковой, и пущай отец ребенка тоже несет свою долю. Тем более я не имею работы, и так далее.

А он, то есть бывший молодой отец, стоит таким огурчиком и усмехается в свои усики.

Мол, об чем тут речь? Чего такое тут происходит, ась? Чего делается, я не пойму. Когда и так все ясно и наглядно, и при нем, будьте любезны, имеется документ.

Он торжественно распахивает свой пиджак, недолго в нем роется и достает свою заветную бумажку. Он достает заветную бумажку и, тихонько смеясь, кладет ее на судейский стол.

Народный судья поглядел на эту расписку, посмотрел на подпись и на печать, усмехнулся и так говорит:

– Безусловно, документ правильный...

Браковщик говорит:

– Да уж, совершенно, так сказать, я извиняюсь, правильный. И, вообще, не остается никакого сомнения. Все, говорит, соблюдено, и все не нарушено.

Народный судья говорит:

– Документ, безусловно, правильный, но только является такое соображение: советский закон стоит на стороне ребенка и защищает как раз его интересы. И в данном случае, по закону, ребенок не должен отвечать или страдать, если у него отец случайно попался довольно таки хитрый сукин сын. И в силу, говорит, вышеизложенного ваша расписка не имеет никакой цены, и она только дорога как память. Вот, говорит, возьмите ее обратно и спрячьте ее поскорее к себе на грудь. Эта расписка вам будет напоминать о вашей прошлой любви.

Короче говоря, вот уже полгода, как бывший отец платит деньги.

И это совершенно справедливо.

На этом, товарищи, мы закончим наши рассказы о любви.

Этих рассказов оказалось восемь, а не десять. Ну, пусть так и будет. Наша жизнь не так-то уж забита любовными делами, чтобы без конца рассуждать о чувствительных мотивах. На этом мы прекращаем наши рассуждения о любви.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
И, прочитавши еще небольшое нижеследующее послесловие, мы с превеликой тревогой перейдем к третьему отделу, который у нас имеет угрожающее название – "Коварство".

Итак, прочтите небольшое послесловьице ко второму отделу. Это послесловьице, так сказать, крепче свяжет все то, что мы вам говорили про любовь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, на этом, уважаемые товарищи, мы заканчиваем наш отдел "Любовь".

И вот, что же мы видим, прочитавши все это с добросовестным старанием? Что же мы видим, прочитавши новеллы из нашей жизни и смешные рассказы из прежней истории?

А мы видим, что любовь, как это ни удивительно, связана прежде всего с крупнейшими неприятностями. То знаете ли, обман наблюдается, то ссора и завируха, то муж вашей любовницы круглый дурак, то жена у вас попадаетеся такая, что, как говорится, унеси ты мое горе, то вообще сильная корысть наблюдается, только припасай деньги.

Главное, что можно заключить, – наши характеры уж очень препаршивые. Они, знаете, как-то мало еще приспособлены для занятий столь чудесными делами, как например, любовь, свадьбы, встречи с дорогими особами и т.д.

Да, у нас, приходится сознаться, дрянные и корыстные характеры, благодаря которым мы сами закрываем себе доступ к безоблачной жизни.

И в этом смысле мы все-таки слегка завидуем тем будущим, вполне перевоспитанным молодым людям, которые, поплеывая, будут проживать, скажем, через пятьдесят лет. Вот уж эти, черт возьми, возьмут свое. Вот они не будут разбазаривать свое время на разную чепуху – на всякие крики, скандалы...

Воображаем, с какими образцовыми, изумительными красавицами они будут, черт возьми, знакомы!

Даже какой-нибудь мелкий человечико, не представляющий из себя ничего значительного, и тот, наверное, будет наряду со всеми пользоваться великолепной сказочной жизнью, достойной человека тех времен.

Ах, нет, мы не жалуемся, мы в этом смысле отчасти тоже весьма довольны своими сердечными делами, но это, конечно, не мешает нам видеть кое-какие недостатки. То, например, наша знакомая одета небрежно, то у нее на голове, к примеру, такая шляпочка, что лошади пугаются. То вообще просит повести ее в ресторан. А то давеча вел одну под руку – у ней, представьте себе, французский каблук сломался. Главное, совестно, идти не может: одна нога короче, другая длиннее, когда идет – хромает: А снять туфли и идти в чулках – я не позволяю. Мне как-то совестно, что у меня такая дама идет. Извозчиков нету. Денег мало, чтоб нанять людей перенести даму. Здоровье плохое, чтоб нести самому. Дама плачет. Ах, какие бывают дела!

Конечно, это мелочи, пустяки в сравнении с вечностью, но все-таки хочется полного комфорта, который не за горами.

Итак, друзья, подумав возвышенным образом о скором будущем, мы переходим к новому отделу – "Коварство".

Тут у нас главным образом пойдет речь о всяких жуликах и подлецах, которые своими коварными действиями тормозят плавный ход нашей жизни.

И мы уже слышим ихние трескучие голоса и видим трясущиеся руки и нахальный блеск ихних глаз.

И хотя нам весьма противно братья за это самое, однако мы с прилежным терпением постараемся вывести всех подлецов на свежую воду.

Так вот, переходим к отделу – "Коварство".

Краска стыда и негодования заливаает наше лицо.

КОВАРСТВО

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

1. Итак, не без душевных треволнений открываем новый отдел – "Коварство".

Но, прежде чем приступить к делу, дозволейте поделиться с читателем гражданской скорбью.

2. Своей профессией, уважаемый читатель, мы не особенно довольны.

Профессия сатирика довольно, в сущности, грубая, крикливая и малосимпатичная.

Постоянно приходится говорить окружающим какие-то колкости, какие-то грубые слова – "дураки", "шантрапа", "подхалимы", "заелись" и так далее.

Действительно, подобная профессия в другой раз както даже озадачивает современников. Некоторые думают: "Да что это такое? Не может быть? Да нужно ли это, вообще-то говоря?"

3. И верно – на первый, поверхностный взгляд все другие профессии кажутся значительно милей и доступней человеческой душе.

Бухгалтер, например, специально как-то там складывает цифры между собой на пользу страждущего человечества, чтобы оно, так сказать, не слишком проворовалось в денежном смысле.

Другой там какой-нибудь тип из актерской братии энергично поет с эстрады и своим, скажем, козлетоном отвлекает людей от всевозможных житейских страданий.

Там какой-нибудь, я не знаю, профессор, питомец академических наук, решительно все знает и опять-таки всех удивляет своими невероятными знаниями.

Хирург режет разные язвы и карбункулы на наших скоропортящихся телах, способных каждую минуту загнить и зачервиветь. Водолаз откачивает воду и ныряет на дно морское. Дворник стережет дом и открывает калитку.

И только, я говорю, мы, сатирики, вроде как бы и не люди, а собаки.

4. Нет, вообще-то говоря, если подумать глубже, профессия эта тоже нужная и полезная в общественном смысле. Она одергивает дураков и предостерегает умных от их глупых поступков. Она расширяет кругозор и мобилизует внимание то одних, то других на борьбу то с тем, то с этим. Она иллюстрирует всякого рода решения и постановления, а также приносит известную пользу в смысле перевоспитания людских кадров.

Так что профессия, спору нет, в высшей степени не так уж очень особенно бесполезная.

Единственно, я говорю, профессия тем нехороша, что она не дает много беспечной радости своему владельцу.

Она утомляет ум и зрение. Она вредна и недопустима при малокровии и туберкулезе. А также при колите и язвах желудка ею не следует заниматься.

Она предрасполагает к меланхолии и нарушает обмен веществ. Нервная экзема и сахарное изнурение также иной раз суть прямые следствия этой вредной профессии. Кроме того, она портит характер, ссорит с окружающими и нередко разводит с женами.

5. И, в силу вышеизложенного, отличаясь оптимизмом и крайней любовью к жизни и к людям, решили мы больше не напирать на сатирическую сторону дела.

И, не отказываясь от сатиры, решили мы с этого момента слегка, что ли, переменить курс нашего литературного корабля.

И даже въезжая, как видите, в столь ответственную гавань, носящую грозное название "Коварство", решили мы уже и на этот раз попробовать свои силы не в качестве желчного сатирика прежней формации, из таких, которые заламывают руки, стыдят и восклицают, а решили мы попробовать себя в качестве, ну, вроде бы члена коллегии защитников.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Конечно, казалось бы, в высшей степени странно защищать подобные дефекты человеческого духа, но защита у нас будет до некоторой степени своеобразная, и далеко не всех мы намерены защищать.

6. Итак, значит, произнося на палубе нашего корабля подобные эффектные речи, пытаемся мы тем временем въехать в обширную и плохо защищенную гавань. Но бурные воды всевозможных литературных течений, вдребезги разбившие берег, не разрешают нам с легкостью это произвести.

И, желая тогда переждать некоторое время, чтоб обдумать, как бы полегче к этому подойти, – останавливаемся мы на рейде и не без растерянности поглядываем на берега, на которых уже, подмигивая, прохаживаются всякого рода проходимцы, жулики, хитрецы, арапы, комбинаторы и заплечных дел мастера.

И при виде этого сброда у нас на душе делается слегка, мы бы сказали, колоритно.

И мы так восклицаем: "Ах, кажется, мы напрасно решили заступиться за эту шуштуру!"

Впрочем, вот какое мы имеем соображение.

7. Звери, например. Предположим, животные. Ну, там, скажем, кошки, собаки, петухи, пауки и так далее. Или даже в крайнем случае взять – дикие звери. Слоны там. Отчасти жирафы. И так далее.

Так у этих зверей, согласно учению Брема, ничего подобного вроде того, что у нас, не бывает. Они, как это ни странно, коварства почти не понимают. И там у них этого нету.

И это, вообще говоря, отчасти даже курьезно, что у людей это есть, а у остальных этого нету. А люди как бы все-таки, чего бы там ни говорили, в некотором роде есть венец создания, а те наоборот. И тем не менее у тех нету, а у этих есть. Вот это даже странно. И как-то нелепо.

Это всегда отчасти коробило и волновало наиболее честных специалистов-философов, проповедующих общее развитие и душевную бодрость.

"Нельзя допускать, – сказал в свое время славный философ Платон, чтоб птицы и звери имели нравственное превосходство перед людьми".

Но с тех пор в ужасной, можно сказать, сутолоке жизни прошло что-то там, кажется, две тысячи лет, и эти так и продолжали иметь то, чего не было у зверей.

А звери, может быть, тем временем постепенно совершенствовались и совершенствовались и наконец дошли до того, чего они сейчас из себя представляют.

8. Итак, согласно доказательству Брема, звери не имеют коварства. Они живут бодро и энергично, некоторые из них поют, некоторые все-таки кричат, рычат, вопят, рывкают и так далее, но тем не менее все они отличаются бодростью и любовью к жизни. И жизнь у них протекает сравнительно гладко, без особого арапства, среди красивых картин природы, в тиши лесов и полей.

Другое дело, что им там все-таки проще обходиться. Как сказал поэт про какого-то, не помню, зверька – чтото такое:

И под каждым ей листком

Был готов и стол и дом.

Это, кажется, он сказал про какого-то отдельного представителя животного мира. Что-то такое в детстве читалось. Какая-то чепуха. И после заволочло туманом. Одним словом, речь шла там про какую-то птицу или про какую-то козу. Или, кажется, про белку. Что ей так легко живется и что ей, конечно, в голову не приходит ловчиться или там идти на всякие лесные комбинации и аферы.

Но это, конечно, другой вопрос. В общем, только факт, что животный и растительный мир почти незнаком с коварством.

А поскольку некоторые европейские ученые отчасти смешали в одну кучу людей и

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
зверей и они не делают слишком большой разницы между теми и этими, то мы осмеливаемся поэтому вывести стройное умозаключение, что ничего такого лишнего, чего не бывает у зверей, не должно бы, собственно говоря, быть и у представителей нашей славной породы.

9. А если чего-нибудь есть или имеется, значит были к тому уважительные причины.

И которые возьмут в руки историю, те сразу могут убедиться, отчего это бывает.

Прошлая жизнь, согласно описанию историков, была уж очень, как бы сказать, отвратительно ужасная. То и дело правили какие-то кровавые царьки, какие-то в высшей степени, пес их знает, свирепые тираны, владетельные господа, герцоги, потомственные дворяне, бароны и так далее. И все они, конечно, делали со всей публикой чего хотели. Отрезали языки у тех, которые болтали не то, чего надо. Сжигали на кострах, если, например, человек высказывал собственные научные или религиозные мысли. Кидали для потехи диким зверям и крокодилам. И вообще без зазрения совести поступали как хотели.

И от всех этих дел публика, наверно, нравственно ослабла. И характеры у них отчасти испортились. У них, может, озлобился ум. И они стали ко всему приравниваться, и с течением веков через это, может быть, произошли коварство, арапство, подхалимство, приспособленчество и так далее и тому подобное, и прочее.

10. А сами-то по себе, может, все эти и тому подобные явления чисто случайные, и они наносные на прекрасной и в высшей степени порядочной натуре человека.

Вот интересно. В свое время Наполеон так отозвался о Голландии. Он, видите, присоединял к Франции эту маленькую цветущую страну и в государственном акте так, в высшей степени коварно, отозвался об ней: он назвал ее – "наносная земля французских рек".

Так вот, может, и тут. Может быть, коварство и все такое есть наносная земля, возникающая благодаря бурному и свирепому течению прежней жизни.

А если это так, то мы, как защитники угнетенных, с удовольствием высказываем эту мысль. Наверное, так оно и есть.

И, значит, скорей всего, когда там изменится курс, как, например, у нас, все это, как сон, исчезнет, и наступит счастье, способное удовлетворить запросы самого капризного ума.

И, говоря о таких вещах, всегда как-то хочется приподнять завесу, которая закрывает от нас грядущее. Все-таки очень хочется увидеть, как-то там у них пойдет.

11. Но у них в этом смысле, без сомнения, отлично пойдет. Это уж отчасти заметно по некоторым данным нашей жизни. У нас, в общем счете, публика, что ни говорите, заметно исправилась к лучшему. Многие стали более положительные, честные. Работяги. Заметно меньше воруют. Многие вдруг заинтересовались наукой. Читением книг. Некоторые поют. Многие играют в шахматы. В домино. Ходят на концерты. Посещают музеи, где глядят картины, статуэтки и вообще чего есть. Дискуссиируют. Лечатся. Вставляют себе зубы. Гуляют в парках и по набережной. И так далее.

В то время как раньше эти же самые дулись бы в карты, орали бы в пьяном угаре и перед дверью ресторанов выбивали бы друг другу остатные зубы.

Нет, если говорить о чистоте нравов, то у нас перемена в наилучшую сторону. И с этим можно поздравить население. Поздравляем! Пламенный привет, друзья!

12. И при всем том прошло, заметьте себе, немного меньше, чем два десятка лет. А ну-те, пройдет, предположим, еще полсотни лет?! Ого! Это прямо удивительно, что может получиться!

Итак, все дрянное постепенно, может быть, будет отставать и отлепляться, и наконец ударит год, когда мы, сами того не понимая, предстанем друг перед другом во всей своей природной красоте.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Конечно, для полноты цели потребуется, естественно, довольно продолжительное время. Чтоб перековаться еще более основательно.

А то, конечно, некоторые, в силу своего коварства, возможно, что отчасти подыгрывают, или они делают вид, что они уже совершенно готовы, в то время как в душе у них горит небось пламя прежней жизни. И они, может, горюют, что им не дают развернуться. И только это никому не видно, благодаря опять-таки коварству, которое, я так думаю, при перековке одно из последних покинет наши бранные тела.

13. Истории вполне известны такие факты, когда малоустойчивые элементы обнаруживали свое настоящее лицо. Как, например, однажды было в Англии. Представьте себе – строгая, пуританская Англия. Кромвель. Чистота нравов. Сжигание для чего-то музыкальных инструментов. И так далее.

И вдруг в самое короткое время, то есть меньше чем в полгода, эта чопорная Англия превращается в самую разгульную страну. Крики, пьянство, базар, танцы. Бренчат на всех инструментах. Безобразия. Бешеный разгул.

Проституция. И так далее. И даже не проходит полгода, как один из друзей Кромвеля, генерал Монк, восстанавливает, представьте себе, королевскую власть. Он восстанавливает на престол Карла II. Ну, что это такое? Какой подлец! То есть ужас, что было.

То есть это было, по словам историков, то, что все низкое и подлое носило до сих пор маску коварства и благочестия, которую при первом же случае все эти молодцы моментально скинули. Вот как опасны мошенники со своим коварством. Двадцать пять лет носили маску!

14. Итак, коварство. История знает, прямо скажем, превеликое множество рассказов о коварстве.

Даже первая страница, первый, можно сказать, младенческий ход на полях истории и то у них начинается с коварства и недоверия.

Такой, в общем, благородный жест, который теперь умиляет наши сердца, такой славный жест, как, например, рукопожатие друзей, имел в своем историческом прошлом несколько иной смысл, чем он сейчас имеет. Наши славные предки всего-навсего хотели, оказывается, удостовериться, нет ли в руках подошедшего какого-нибудь камня или оружия. И благодаря этому они, конечно, трогали за руку. И этим они проверяли, не допущена ли хитрость.

А после это, может, вошло у них в привычку. А теперь убрать как то неохота. Особенно отчего бы в наше время не поздороваться за руку с какой-нибудь знакомой, которой отчасти симпатизируешь? И в руке которой явно, кроме сумочки с пудрой, ничего не бывает. Ну, а на службе – другой вопрос. Там, пожалуй, здороваться не к чему – лишняя трата времени и не так уж слишком гигиенично.

И кто бы мог думать, что такой в высшей степени благородный и отчасти сентиментальный жест – символ культуры и роста духа – имеет такое тяжелое прошлое! Как это, право, неприятно! Это как-то даже снижает наше значение.

15. Итак, первая страница истории открывается с коварства, недоверия и хитрости.

А дальше, как из рога изобилия, сыплются всякие тому подобные факты и рассказы о коварстве.

Кое-чего, извольте, расскажем. Но начинать придется, между прочим, с попов. То есть с церкви и с ихних церковно-славянских дел.

Главное, мы вовсе не имеем какой-нибудь особой тенденции запачкать или уронить в грязь эту культсекцию. Мы вовсе не хотим подрывать ее авторитет в глазах мировой буржуазии. И вообще мы бы ни в коем случае с них не начинали. Но в данном случае очень уж их дела, говоря церковным языком, вопиют к небу.

Тут надо отдать должное: они были на первом месте. Тут у них в области коварства есть дела, прямо не перекрытые за весь ход мировой истории.

Например, чего они делали. Они приговоренных к сожжению передавали светской

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
власти с таким елейным заключением: "Наказать с возможной кротостью, без пролития крови".

И это самое "без пролития крови" как раз и обозначало на ихнем церковно-славянском языке – сожжение.

16. Конечно, какой-нибудь современный поп, читая эту фразу, наверно сильно переконфузится. Может, даже он скажет: да, дескать, наши слегка, пожалуй, перехватили через край, извиняюсь.

Но нам, конечно, с этого извинения не шубу шить.

Вот они еще на что шли в своем рвении к небесной чистоте. Они там, у себя в застенках, во время инквизиции брали с арестованных такого сорта расписки:

"А если при этом (то есть при пытке) осужденный умрет или будет ранен или если за этим последует кровотечение или членовредительство, то произошло это по его вине, ибо он не хотел сознаться и сказать правду".

И вот с христианским смирением какой-нибудь толстоватый поп подкладывал для подписи своей жертве подобную хамскую записку, где в каждом слове проявление высшего коварства и подлости.

И при этом, наверно, вздыхал и поднимал к потолку свои белесые буркалы. И сам вежливенько говорил: "Сын мой, подмахни эту записульку...

И прошло, может, триста лет, а у нас в груди закипает от желания, я извиняюсь, ударить в рожу этой преподобной личности. Разные святые слова: "Христос воскрес", "святой боже", а сами сколько прекрасного народу пережгли на своих поповских кострах. Ради, так сказать, чистоты христианского учения. Вот уж, можно сказать, башмак стоптался по ноге. Крапивное семя!

17. Я извиняюсь, конечно, за некоторую неровность стиля. Волнение, знаете, ударяет. Уж очень беспримерное нахальство с ихней стороны.

Вообще в смысле коварства это была очень отчаянная публика.

Среди них один римский папа особенно чересчур отличился.

Он придумал удивительное коварство для достижения своей цели. Это был папа Сикст V. Это ему такое имя дали при восшествии на папский престол. А так-то, до этого, его звали Перетта. И он был не папа, а простой кардиналишка из монахов.

И вот он находится в положении обыкновенного кардинала, и это ему все мало. Он еще непременно хочет стать римским папой. Еще чего! То есть он хочет быть папой, но не может. И прямо он от этого желания страдает и чуть не умирает.

А там у них это было не так-то просто – папой быть. Другие, может быть, тоже к этому стремятся. А наш герой – из простых монахов и не имеет особой протекции. Только что он не дурак.

18. И вот тут, как нарочно, умирает у них прежний римский папа. Может быть, Сикст IV. Я, впрочем, не уверен в этом. И вот у них начинаются перевыборы. Может быть, пленум. Или там конференция специалистов по священному писанию. Одним словом – выборы.

Воображаю, какие понаехали! Шелковые рясы. Выступают медленно. Ручки пухлые. Морды лоснятся. И почти все кардиналы. Крапивное семя!

И наш герой, кардиналишка Перетта, тоже, конечно, поторопился сюда приехать.

Поглядел, может, на избранное общество и думает: "В таком виде, какой я есть, они, мерзавцы, навряд ли меня выберут. Их надо чем-нибудь заинтересовать. Дай, думает, я им устрою метаморфозу".

И с этими словами он является на перевыборы вроде как больной. Он охает, кашляет и ходит сгорбившись. Поминутно хватается за грудку и при этом восклицает: вот, дескать, братцы, какой номер! Ослаб в высшей степени, серьезно хвораю и думаю

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
скоро протянуть ноги. И, главное, прямо ничем не интересуюсь, до чего меня прищемило.

И сам говорит шепотом. С одышкой. И только у него, у подлеца, глаза сверкают, как у мошенника.

19. Другие кардиналы думают:

"Вот бы хорошо, в самом деле, такого слабенького папу выбрать. Он тихий, болезненный, все время хворает. Очень будет милый и застенчивый папа. И он навряд ли будет во все входить и всех подтягивать. А то, ей-богу, другого выберешь, он тебе навернет. Нет, непременно надо этого выбрать".

И с этими словами они его выбирают.

Историки говорят, что сразу после избрания, почти немедленно, произошла чудовищная перемена. Кардинал выпрямил стан и заговорил с собравшимися таким резким и суровым тоном, что привел всех в трепет.

И он пять лет был папой. И он весьма сурово вел дела. Он во все вникал и всех тянул. И даже казнил двух кардиналов. И сам был здоров как бык. Так что все вскоре убедились, что он их чертовски надул.

В общем, когда он умер, обозлившиеся церковники сбросили его статую с пьедестала и разбили ее в мелкие дребезги. И это, говорят, был в, некотором роде единственный случай, что разбили статую.

Наверно, он, собака, сильно им всем насолил. Но это был, в общем, большой психолог. Молодец!

20. А то они еще однажды одного довольно хорошего короля убили. То есть он, может быть, и не так был хорош, но они тоже уж, знаете, слишком хороши. Они его в церкви убили. Они ему яд в причастие подсыпали.

И это был один из удивительнейших церковных номеров – подсыпать яд в причастие и дать человеку, который, может быть, заскочил в церковь с самыми благими и божественными намерениями.

В общем, они его отравили таким поразительным способом. А это был, между прочим, германский император Генрих VII. Там у них было, если помните, несколько Генрихов. Собственно, семь. Генрих Птицелов. Он, вероятно, любил птиц ловить. Скорей всего надо предполагать, что это была какая-нибудь порядочная балда, что он за птицами гонялся, вместо того чтоб править.

Потом был у них такой Генрих Мореплаватель. Этому, наверное, нравилось любоваться морем. Или он, может быть, любил посылать морские экспедиции. Впрочем, он, кажется, правил в Англии или в Португалии. Где-то, одним словом, в тех краях. Для общего хода истории это абсолютно неважно, где находился этот Генрих. А что касается Германии, то там, кроме того, были еще какие-то маловыдающиеся Генрихи.

И, наконец, этот наш несчастный труженик – Генрих VII.

Он правил Германией еще значительно до фашизма. Он был у них императором в XIV веке.

21. И он ничего особенного из себя не представлял. Единственно он, говорят, пугался, как бы современники его не убили. И в этом смысле он сильно остерегался. Так что мы их, то есть церковников, вполне понимаем, что иначе, как в церкви, его и нельзя было взять. Так что по-своему они и правы. Потому что дома он давал еду попробовать повару и приближенным. И, наверно, кроме того, со специальной целью у него под столом собаки находились. И он, может, по временам бросал им огрызки, чтоб удостовериться, правильная ли еда.

Ну, а в церкви он, естественно, не мог на этот счет тревожиться. Он был абсолютно спокоен. И он, наверное, глотнул причастие без всякого сомнения. Он, наверно, его пил с большим удовольствием. Может быть, он даже подумал: "Это, мол, единственное местечко, где я, не тревожась, пью и кушаю. Не начать ли мне,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
думает, вообще в храмах закусывать. Сейчас, думает, питье допью и просвиркой
закушу. Славно!"

Но не тут-то было. Только он выпил, и только он хотел облаткой заесть, как вдруг
зашатался, побледнел и, как говорится в священном писании, упал с катушек долой.

22. И, наверное, упавши, сердито на попов взглянул. Дескать, что ж это вы,
господа, обалдели! Неужели у вас хватило нахальства подсыпать чего-нибудь мне в
причастие? Вот так номер!

И, вздохнувши раз-другой, скончался, увидев всю несостоятельность христианской
церкви. Но было уже, к сожалению, поздно.

Попы, наверное, вскрикнули от удивления. Которые, конечно, не знали, в чем дело,
и которые, может, сами хотели допить причастие и докушать просвирки. Но теперь
забоялись это делать.

А которые знали, те, конечно, потирая руки, вприпрыжку побежали докладывать об
этом кому следует.

И только потом историки откуда-то узнали, что яд в причастие велел подсыпать
папа, который не ладил с этим императором.

Вот какой это был арапский случай из церковной жизни. А наш скромный Генрих так
и помер. И даже ничего путного не сказал потомству.

Вообще что касается императоров, то они, после попов, стоят на втором месте в
смысле количества рассказов о коварстве.

И нам бы пришлось рассказывать множество исторических новелл, если бы у нас на
это была сильная охота.

23. Жизнь императоров, естественно, переплетается с высшей царской политикой,
так что она всегда бывает полна коварства и хитрости. И в этом нет ничего
особенно удивительного.

Так что мы ограничимся небольшим повествованием об императорах, с тем чтобы
поскорей перейти к более средним людям, проживающим без всяких особых намерений.

Вот, например, из императоров был большой негодяй, некто Тарквиний Гордый. Он
был римский император. Или, кажется, царь.

Человек это был в высшей степени заносчивый и, судя по названию, наверное
гордый. Он у них в Риме правил. И он там одно время, в Риме, водопроводы
проводил. И этим он в дальнейшем очень удивил последующие поколения. И,
собственно говоря, этим он отчасти и прославился. Все его за это чересчур
хваляли. То есть потомки. А для своих-то современников он был большой подлец.

Он так говорил о своем правлении:

– Поборы, налоги, каторжный труд – все это входит в систему моего правления.
Бедным и задавленным народом мне наилегче всего управлять.

Однако народ не захотел оценить эти гордые мысли императора Тарквиния, и его к
черту сбросили с трона. И последние свои годы он, несмотря на свою гордость,
провел в крайней бедности и нищете. Поделом вору и мука!

24. Исключительным коварством отличался, между прочим, прославленный император
Нерон. Вот этот вообще шел на любые поступки для достижения своих целей.

Но особенное коварство он проявил в отношении своей матери. Он непременно хотел
убрать с дороги свою царственную мамашу, которая его резко осуждала и
вмешивалась в политику. Он хотел ее убить, но это ему не удавалось. Она была в
высшей степени увертливая и живучая особа. И даже, всецело понимая каторжный
характер своего сына, она, по словам историков, всякий раз принимала перед едой
противоядие, так сказать – на всякий пожарный случай.

Особа была, во всяком случае, опытная и себя в обиду не давала. К тому же и сама

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
порядочная преступница. Так что умоляем читателей особенно ее не жалеть, когда речь дойдет до происшествия.

В общем, римский историк Светоний рассказывает, как Нерон велел сделать в ее комнате потолок, который мог бы обрушиться на старуху.

Вот как пишет Светоний. И это поразительно читать:

"Он устроил в ее спальне потолок с обшивкой, который с помощью машины можно было обрушить на нее во время сна".

25. Можно представить, каков был разговор при заказе этого потолка.

– Не извольте беспокоиться! – говорил подрядчик. – Потолок сделаем просто красота! Ай, ей-богу, интересно вы придумали, ваше величество!..

– Да гляди, труху у меня не клади, – говорил Нерон. – Гляди, клади что-нибудь потяжелше. Легкая труха ей нипочем. Знаешь, какая у меня мамаша!

– Как же не знать, ваше величество? Характерная старушка. Только какая же может быть труха? Ай, ейбогу, интересно, ваше величество: я особо большой камешек велю положить в аккурат над самой головкой вашей преподобной маменьки.

– Ну, уж вы там как хотите, – говорил Нерон, – но только чтоб – раз! – и нет маменьки.

– Не извольте тревожиться. Считайте, что ваша маменька уже как бы не существует на этом свете. Не успеют они на днях проснуться, как на них потолок – кувырк! И вообще-с, несчастный случай, вроде землетрясения. Никто не виноват, и маменька, между прочим, больше не присутствует. Ай, ей-богу, интересно вы придумали, ваше величество! Очень, как бы сказать, натуральное средство против маменьки.

– Ну, ладно, ладно! Поменьше, дурак, языком трепли!

26. Но подрядчик оказался слишком энтузиастом своего дела. Он так кругом раззвонил об этом заказе, что слухи дошли до ушей царственной мамы, которая, конечно, разгневалась и оскорбилась и тотчас покинула гостеприимный дворец.

Однако Нерон на этом не успокоился.

Он тогда срочно приказал командующему флотом заманить свою мамашу на особый разборный корабль. Причем корма этого корабля была устроена таким образом, что она могла внезапно отделяться и все, находящиеся на ней, падали в воду.

И старуха, которая хотела подальше удалиться от своего сына, с удовольствием, конечно, воспользовалась любезным приглашением и сдуру села на этот корабль.

И вдруг она вскоре очутилась в воде. Можно представить, какой поднялся визг и крик! И какая вообще была неожиданность кувыркнуться в воду! Тем не менее привыкшая благодаря сыну к походной жизни старуха и тут не потеряла голову. Она начала плавать и нырять и, хватаясь за деревянные части корабля, все-таки удержалась на морской поверхности.

А близкие друзья этой старухи вскоре подоспели и вытащили ее на берег.

И тогда она вместе с ними скрылась в одном из загородных дворцов.

Но вскоре неутомимый Нерон пронюхал, где она находится, и подослал наемного убийцу. Там ее и убили.

Вот это какой был коварный подлец! Впрочем, мамаша его была не менее подловата, а потому, повторяем, жалеть ее, так сказать, не приходится.

27. А то у них был еще такой – Лизистрат. Этот, кажется, даже не был императором. Но он в свое время все-таки как-то там правил. Он был правителем, собственно, даже у них не в Риме, а в Афинах. То есть он вообще был грек. И, будучи греком, он себе и правил помаленьку в Греции.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Однако, по словам историков, его правление что-то ему не особенно задавалось. Тем более время было слишком тревожное. Возникали, говорят, разные политические партии. Шаткое положение. И так далее.

А он, конечно, хотел завоевать симпатии народа, чтоб покрепче утвердиться. Но и это ему не удавалось, как он ни старался. А без этой симпатии его, конечно, могли каждую минуту легко скovyрнуть. Тогда, по словам историков, он взял кинжал и нанес себе неопасную рану в грудь. И в таком, можно сказать, отвлеченном виде, с кинжалом в груди, он предстал перед удивленным народом. Он приехал на площадь на колеснице. И в груди кинжал торчит. Очень, так сказать, оригинально!

28. И там, на площади, не вынимая кинжала, он произнес громовую речь о покушении злодея на его жизнь и о своей горячей любви к народу, которая выше его жизни.

Согласно утверждению историков, народ после недоверчивого молчания растрогался и стал аплодировать зарвавшемуся вождю.

После чего народ стал, говорят, относиться к нему более симпатично и не прогонял его со своего поста, считая, что он вполне сердечный человек, не дорожающий своей жизнью ради общего блага.

А он этим воспользовался и вскоре утвердил единовластие.

После чего он очень счастливо правил, покуда вскоре не умер.

Но историки, узнав откуда-то обо всех этих подробностях и, в частности, о кинжале, пригвоздили его к позорному столбу, как арапа и жулика, который с холодным расчетом пустился на подобную аферу, чтоб покрепче захватить власть в свои руки.

Вообще, о царях и правителях можно было бы рассказать бесчисленное множество разных любопытных историек, пока не надоест.

Однако нас наиболее всего интересует частная жизнь и ее теневые стороны, чем что-либо другое. Нас интересует коварство, проявленное, если так можно сказать, исключительно для личного пользования.

29. Мы имеем намерение вам рассказать об одном человеке, который проявил исключительное коварство для достижения своей цели. Причем благодаря этому коварству многие пострадали, а двоим даже отрезали языки. Это было при русской императрице Елизавете Петровне.

В общем, вот как это было.

Сначала там правила, может, вы уже слышали, такая Анна Леопольдовна. Вообще молодая особа, со своим маленьким сыном. Но вскоре ее, конечно, прогнали, и на трон вступила Елизавета Петровна. А она была, между прочим, дочь Петра Великого, и, конечно, как это всегда бывает, там сразу после переворота начались аресты и так далее. Многих сенаторов и царедворцев вообще прогнали. Кое-кто угодил в тюрьму. А такой был у них обер-гофмаршал Левенвольд, – так его вообще решили выслать в Сибирь.

А это был в высшей степени красивый мужчина и франт. И он всем женщинам исключительно нравился. И он пользовался у них успехом.

И когда стали ссылать такого мужчину, естественно, многие заволновались.

А одна, красавица Лопухина, узнав, когда и куда он едет, вызвала к себе начальника отряда, который должен был сопровождать в Сибирь франта.

30. Это был некий поручик Бергер.

Этот поручик весело и интересно жил в Петербурге. Веселился и мотал наследство, и ему, конечно, просто не хотелось в Сибирь.

А тут как раз приглашает его Лопухина и изъявляет желание с ним поговорить.

Вот он приходит к ней, и она ему говорит: вот, дескать, заботьтесь хорошенько о

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
вашем арестанте. И передайте ему, что я его искренно люблю и помню. И пусть он не особенно расстраивается и пусть надеется на лучшие перемены.

Так она ему это откровенно сказала об этом и попрощалась.

А молодой поручик, услышав подобную фразу о переменах, решил сделать себе карьеру. Он решил раздуть историю, надеясь, что его тогда не пошлют в Сибирь, а арестанта, может быть, даже тут повесят, на его счастье. В общем, только он тотчас забежал во дворец и с преувеличением рассказал камергеру Лестоку, как и чего ему было сказано.

31. Старая лиса Лесток, желая еще больше выдвинуться, решил раздуть это дело до громадных размеров. Он решил создать из этого дела что-то вроде какого-нибудь заговора. Тотчас образовали какую-то комиссию, следствие, суд.

И бедную красавицу Лопухину за неосторожную фразу о переменах подвергли пытке и казни. Мерзавцы отрезали ей язык, били ее кнутом и сослали в Сибирь.

А этого Бергера императрица вызвала к себе и поблагодарила. Она ему сказала: "Хвалю. Вот так и впредь поступай. Вот теперь, говорит, я чувствую, что вполне могу положиться на тебя в этом ответственном деле при охране государственного злодея Левенвольда. Поезжай с богом! Еще раз хвалю".

Засим Бергер был допущен к царской ручке, и дня через три он, совершенно обалдевший от всех дел, трясся в кибитке, сопровождая арестанта в Сибирь.

Так его негодяйство и не доставило ему того, чего он рассчитывал.

И в противном случае нам было бы это слишком огорчительно читать.

Вообще он оставался несколько лет в Сибири. И там он спился. И умер от водянки.

Вот к чему приводят иной раз подобные коварные замыслы.

Но эта история о поручике Бергере все-таки как-то понятна человеческой душе. Ну, хотел человек скомбинировать, чтобы не ехать в Сибирь. Но это ему не удалось.

Подобные факты подряд бывают в истории – когда подлец строит свое счастье на чужом несчастье и для этой цели хитрит, травит и подсиживает. Это, так сказать, "великое вечное", и с этим во все времена следует горячо бороться.

Но в другой раз коварство проявляется без особой на то нужды. Вот что нас крайне удивляет.

32. Вот какую историческую новеллу мы желаем вам рассказать. Только это было, конечно, очень давно. Это было в шестом веке. Так что просьба не удивляться собственным именам, которые целиком правдивы и не выдуманы.

Жену короля звали Австрахильда. А короля – Гунтрам. Он был король в Бургундии. И, согласно утверждению историка, он был сыном меровингского короля Хлотаря I. Вот какие, между прочим, были короли на заре европейской жизни!

Так вот, эта супруга бургундского короля, мадам Австрахильда, начала последнее время что-то хворать.

У нее было, по-видимому, какое-то внутреннее заболевание, поскольку лучшие врачи того времени терялись и не могли определить, что именно у нее есть.

Но тем не менее ее как-то лечили. Хотя она была отчасти недовольна этим лечением, и за полтора года она переменяла девять врачей, тем не менее ей все делалось хуже, и наконец она стала умирать.

Собрались, конечно, родственники у ее изголовья. Ее дети. Король бургундский Гунтрам тоже пришел.

Начал ее, наверно, утешать: дескать, что же сделать, потерпите. Бог дал, бог и взял. Ничего, дескать, похороним пышно. Нет ли вообще каких-нибудь у вас последних земных забот, просьб или приказаний?

Она ему говорит:

– Да, у меня кое-что есть из земных забот. Меня лечили девять врачей. Однако я теперь, как видите, умираю. Я, говорит, прошу вас, ваше величество, в тот день, когда я умру, отрубите им головы. И это есть мое последнее пожелание.

33. Историки не приводят слов, которые сказал Гунтрам в ответ на эту супружескую просьбу. Весьма вероятно, что он, пожав плечами, сказал:

– Пожалуйста. Об чем речь! Сколько там у вас их было? Ах, только девять. Да сделайте одолжение! Очень рад! Что же вы раньше-то молчали?

Австрахильда говорит:

– Да как-то так... Надеюсь, что это порядочные люди и что они меня вылечат, а они вот куда загнули – я теперь, как видите, умираю, наверно, через этих врачей.

– Не знаю, как вы, – сказал Гунтрам, – а я их на пушечный выстрел к себе не подпускаю. Это вы дали маху.

Австрахильда говорит:

– Вот я теперь и прошу вас отрубить головы у этих медицинских работников.

Гунтрам говорит:

– Просьбу вашу, конечно, исполню. Что другое – не знаю, а это сделаю с превеликим удовольствием. Даже я жалею, что вы за такое малое количество людей просите. Может, хотите пристегнуть сюда еще чего-нибудь, например, ваших сиделок и которые за вами убирают?

34. Австрахильда говорит:

– Пожалуй! Можно и их. Они тоже, конечно, дурака валяют.

В общем, король и нежный супруг исполнил это последнее желание.

Австрахильда умерла вечером, а утром, на рассвете, девяти злополучным врачам отрубили головы перед королевским жилищем.

И это был в свое время, надо полагать, довольно тяжелый удар по медицине.

И это, конечно, произошло оттого, что королева, наверно, сильно разочаровалась в медицине, что было вполне естественно в ее критическом положении.

А главная причина была, несомненно, в том, что королева была мстительная особа и ум имела в высшей степени коварный и озлобленный.

В общем, как бы там ни было, врачи снова сомкнули свои поредевшие ряды и снова мало-помалу стали лечить, уже не встречая подобных пациентов. Но кое-что вроде этой пациентки все-таки иной раз бывало.

А то был еще такой случай из области коварства.

35. Такой жил при Екатерине Второй крупный политический деятель, некто Орлов. Знаменитый граф, любитель лошадей.

Вообще-то он не был графом, но после убийства Петра III, к чему он был причастен, его произвели в графы.

А вообще это был крупный прохвост. Это был джентльмен из числа человеческого отребья, которые возвеличиваются благодаря удаче, личному нахальству и счастливой наружности.

А тут еще вдобавок брат его, Гриша Орлов, состоял одно время, как известно, любовником Екатерины. Естественно, что жизненный путь обоих этих братьев был усыпан розами.

Короче говоря, однажды Екатерина II приглашает к себе этого джентльмена и так ему говорит:

– Будь, говорит, другом: поезжай сейчас в Италию. Там, говорит, объявилась самозванка, княжна Тараканова. Она выдает себя, между прочим, за дочку Елизаветы Петровны. Или, может, это действительно ее дочка. Только она метит на престол. А я этого не хочу. Я еще сама интересуюсь царствовать. Короче говоря: тебе, Орлов, поручается как-нибудь арестовать и доставить эту государственную злодейку.

И Орлов, конечно, поехал. И, наверно, даже не без удовольствия, поскольку интересная командировка.

36. Он приехал в Рим, познакомился там с этой княжной и сделал вид, что в нее он исключительно горячо влюбился.

А ее дамское сердце сразу растаяло от такой любви, и она стала ему доверять.

И он говорит:

– Я до того в вас влюбился, что согласен помочь вам вступить на всероссийский престол.

Что у них там было, в Риме, в подробностях историкам неизвестно, только всем остальным известно, что она в дальнейшем, уже в тюрьме, родила ему младенца.

Так вот, Орлов ухаживает за этой княжной, всюду с ней бывает и устраивает ей для развлечения всякие смотры и парады.

И вот однажды приезжают они в Ливорно для этой цели. Там стоял русский флот, и княжна Тараканова, как будущая императрица, сильно заинтересовалась этим флотом. Она хотела, может быть, посмотреть, как он плавает.

А Орлов, который подбил ее на это, говорит:

– Я вам покажу морской парад – это, госпожа Тараканова, что-нибудь особенное.

И вот они приехали в Ливорно и глядят, чего происходит на море.

Орлов, собака, говорит:

– Хотите, может быть, покататься по морю? То, говорит, я с большим удовольствием вас прокачу на какомнибудь военном корабле, сиречь судне.

Та говорит:

– Пожалуй.

37. И вот они садятся на корабль и едут.

Он с ней очень любезен и поминутно ей целует ручки.

И говорит:

– Немножко покатаемся – и назад. Не волнуйся.

Только вдруг она замечает, что они уже далеко заехали и берегов не видно. Она начинает волноваться, но он ей замечает:

– Что вы! Какие могут быть сомнения! Хотите, говорит, мы даже сейчас на корабле перевенчаемся.

И вот пара матросов переодевается попами и под сдавленный смех окружающих разыгрывают венчание.

Потом молодые удаляются в каюту, а на другой день к каюте приставляется часовой, и княжне объявляют, что она арестована.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
Вообще княжну Тараканову привезли в Петербург и посадили в Петропавловскую крепость.

Сияющий Орлов предстал перед императрицей и рассказал все, что было. Но она нахмурилась и говорит:

– Ну, уж это ты слишком загнул. Это ты перехватил. Но победителя не судят – за поимку спасибо.

Вскоре княжна Тараканова родила в каземате орловского выродка. А сама она вскоре умерла от чахотки. И ребяенок тоже, кажется, умер.

А Орлов имел нахальство однажды к ней зайти на допрос. И она плюнула ему в лицо, и, кроме того, он получил от нее пощечину.

И будь он жив, мы бы тоже били бы его в морду при первой встрече.

Вот какие бывают случаи исключительного коварства.

38. На этом, собственно говоря, мы хотели закончить наши исторические новеллы. Но сделать это не так-то просто. Это не отдел "Любовь", где пять-шесть фактиков – и вам все ясно и понятно. Это "Коварство", которое в истории накопилось до самых краев. И тут пятью новеллами не отделаться.

Тут у нас накопилось слишком громадное количество разных фактов.

Тогда мы решили вот что сделать.

Исторические рассказы о коварстве больше вам рассказывать не будем. А вот сколько тут есть у нас фактов, высыпем все в одну кучу, и разбирайтесь сами. И будет это у нас вроде как отдел "Смесь".

Тут вы найдете весьма любопытные и острые сценки и случаи. Некоторые писатели, которым лень будет рыться в историческом белье, могут даже воспользоваться, если захотят, одной-другой темкой. Автор, во всяком случае, не будет на это в претензии. Тем более история, можно сказать, общее достояние и общее дело, за которое следует всем краснеть.

Итак, исторические новеллы закончены. Начинаются разные мелочи и анекдоты. Вот они:

39. Кай Юлий Цезарь отдал распоряжение по войскам украшать оружие золотом, серебром и драгоценными камнями. Он рассчитывал, что благодаря этому солдаты при отступлении не будут бросать оружие. Так и оказалось.

По древним русским законам, если обвиняемый не сознавался в своей вине, его испытывали огнем. Обвиняемый должен был взять голой рукой кусок раскаленного железа. Если рука останется невредимой, говорит закон, обвиняемого следует оправдать.

Римский император Константин, желая распространить христианство, издал постановление – освобождать от рабства всех рабов, которые пожелают креститься.

Вольтер наиболее смелые свои книги издавал под чужой фамилией. Он приписывал эти книги умершим авторам.

На одном пиршестве римский император Калигула, взглянув на возлежавших близ него двух сенаторов, разразился громким хохотом. Сенаторы учтиво спросили, почему он смеется.

– Потому, – ответил Калигула, – что одного моего кивка достаточно, чтоб вас двоих удавили. Вот почему я и рассмеялся.

40. Людовик XIV, чтобы возвеличить блеск своего царствования, стал осыпать золотом и подарками художников, писателей и поэтов, которые действительно начали прославлять его в своих произведениях, описывая благосостояние страны и высший разум правителя.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Русский поэт Надеон, переписываясь с какой-то его поклонницей – графиней Лидой, весьма откровенно ей отвечал на все ее политические вопросы. Эта графиня Лида оказалась женой жандармского полковника, действующей по поручению полиции.

Последний царский министр Протопопов, желая удержать власть и влияние при дворе, сделал распоряжение по полиции посылать императрице с разных концов России телеграммы с изъявлением верноподданнических чувств.

Первый русский драматург, знаменитый Сумароков (1775 год), задолжал богачу Демидову две тысячи рублей. Демидов описал дом Сумарокова. Чиновники, чтобы унижить писателя, дом, стоивший шестнадцать тысяч" оценили в девятьсот один рубль шестнадцать с половиной копеек, за какую сумму дом и был продан.

41. Делаем небольшую передышку. Слишком большое количество подлецов и негодяев вызвало у нас легкое сердцебиение и дрожь в руках.

Из этих вышеуказанных мелочей следует особо отметить, во-первых, последний факт. Можно представить гнусные морды чиновников, которые вошли с портфелями и расположились в креслах и, чтобы покочевряжиться и показать свою силу, нарочно так низко оценили дом. Сумароков от людской подлости, как он сам говорил, "упал духом и запил". И вскоре умер в страшной нищете и упадке.

Очень интересен также факт с Протопоповым. Об этом, между прочим, писал английский посланник Бьюкенен. И это вполне похоже на правду. Этот грязный тип вполне мог пойти на такое мелкое коварство.

Что касается Надсона, то его переписка с "графиней Лидой" была в свое время опубликована и вызвала, говорят, большой скандал.

Калигула же был, по словам римского историка Светония, выдающимся преступником и злодеем. И ничего нет удивительного, что он так подумал и потом рассмеялся. Воображаем самочувствие этих двух сенаторов. Один, наверное, сильно поперхнулся, а другой, вероятно, засмеялся дребезжащим смехом и сказал:

– Всегда вы, ваше величество, что-нибудь забавное придумаете. Очень имеете острый ум.

А что до того, что Юлий Цезарь велел украшать оружие, то это был интересный психологический трюк. Вообще это был великий полководец. Молодец!

42. Но пойдём дальше.

Любовник Екатерины I, камергер Монс, был казнен Петром. Несчастливого посадили на кол. А голову потом отрезали и положили в банку со спиртом. И эту банку Петр велел поставить в комнате Екатерины. Когда эту голову принесли, Екатерина сказала придворным:

– Вот, господа, до чего доводит разврат придворных!

В приговоре о казни Монса буквально сказано: "Государственный преступник Монс приговаривается к казни за вмешательство в дела, не принадлежащие ему".

Екатерина II, желая осмотреть завоеванные местности, отправилась на галере по Днепру. Светлейший князь Потемкин, чтобы удивить императрицу и желая показать, что завоеванные земли сказочно богаты, велел построить по берегам Днепра красивые домики, церкви и сады. Сюда были пригнаны стада коров и овец. Двигались обозы. И подставные мужики – в нарядных костюмах – сидели на берегу.

Перед приездом Екатерины (1785 год) в Москву московский губернатор издал постановление – выгнать всех нищих из города, "дабы видение толкнутого числа нищих ее не обеспокоило".

Петергоф был устроен Петром I на манер Версаля. Приезжие иноземные гости поражались сказочному великолепию дворца, и это, как пишут историки, "разрушало у них обычное представление как о дикой, варварской Московии".

Студент Сазонов, бросивший бомбу в министра Плеве, был ранен осколком этого снаряда. Он очнулся в больнице. Над ним склонилось доброе лицо врача.

– Вы тут бредили, молодой человек, – сказал врач, – называли разные имена. Но ничего, на меня вы можете вполне положиться. Я сам когда-то увлекался идеями. Можете мне довериться.

Один из служащих больницы предупредил Сазонова, что этот врач – агент полиции.

– Ну, что вы кричите? – сказал врач, когда Сазонов попросил его уйти. – Ну хорошо: я позову фельдшера, он вам сделает перевязку.

Этот фельдшер тоже оказался агентом сыскной полиции.

43. На этом заканчиваем наше историческое повествование. И прямо жалость берет. Имеем еще целую кучу материала. Но, чтоб не погрешить против красоты формы, решили мы на этом остановиться.

Только разве что вскользь отметим кое о чем. Зароним, так сказать, искру в ваше воображение. А вы уж, благодетели, сами там дорисуйте общую картину.

Отметим хотя бы провокаторов. Вот где в высшей степени процветало коварство. Например, один Азэф чего стоил! Или, скажем, зубатовщина. Это было тоже нечто неслыханное. Этот господин при помощи полиции начал вдруг организовывать рабочее движение. И даже устраивал стачки. Вот собака!

Отметим также представителей торгового мира с их славным лозунгом: "не обманешь – не продашь". Обратим ваше внимание на буржуазный быт, при котором нередко болонки жрут, а трудящиеся только на это смотрят.

Отметим наконец слишком мягкое перо господ писателей, которые иной раз писали далеко не то, чего думали. И наоборот.

Ах, мы не можем отказать себе в удовольствии привести небольшую, так сказать, писанину, в которой видать, как и что.

Неизвестный мадридский борзописец составил отчет о генеральном аутодафе в 1680 году. Вот как он пишет.

44. Только прежде необходимо сказать нижеследующее. Во время инквизиции государственные преступники и еретики нередко приговаривались к сожжению. Причем тех, которые раскаивались в своей ереси, предварительно душили, а потом сжигали. А упорствующих грешников сжигали без удушения.

Вот составитель отчета пишет о казни в таком стиле:

"Сии последние (то есть упорствующие) шли со странной бледностью в лице, с очами, помраченными и как бы извергающими пламя, с таковым видом, что казались одержимы бесом". "Обращенные же шли с великим смирением, утешением, покорностью и веселием духовным, что казалось – сквозь них сияла благодать божия. Можно было думать, что они, счастливые, уже были вознесены на небеса... Засим преступники были казнены. Сначала удушены были гарротой обращенные, засим преданы огню упорствующие, кои были сожжены заживо, с немалыми признаками нетерпения, досады и отчаяния".

Форсисто написано! И то, что, наверное, требовалось. Прямо сквозь строчки видим ехидную морду составителя, который склонился над бумагой. Улыбается. Продажная личность! Нашел духовное веселие у приговоренных людей. Но, поскольку свыше требовался подобный восторженный стиль, – вот он его и выполнил.

Впрочем, конечно. Наверное, жрать надо. Семья. Жена. Дети. Мало ли! Но все-таки сукин сын! Крапивное семя.

Итак, на этих чертовских строчках закончено наше историческое повествование.

И с сердцем, разорванным пополам, мы закрываем пожелтевшие от грязи страницы истории.

Вот что рассказывает она о коварстве.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

45. Она рассказывает, что этого добра, по ходу мировой истории, было слишком много и достаточно, куда ни плюнь.

И вообще чуть не каждая страница истории понабита этим действием.

Оно посещало пышные дворцы и великолепные чертоги. Оно заглядывало в бедные хижины и жалкие лачуги. И дух его присутствовал то там, то там.

Бедняки иной раз шли по этой скользкой дорожке, чтобы не потерять нить своей жизни. А богатые нередко проявляли свое коварство благодаря своему злобному и мещанскому характеру.

А что касается попов и царей, то эти, как мы видим, особенно отличались.

Да, конечно, тут речь шла о прошлых веках и столетиях. И вот интересно знать, как теперь обстоят дела в этом.

Матушка Европа, конечно, имеет буржуазный строй, так что коварство, несомненно, там на прежней высоте. И разницы там скорее всего никакой не случилось.

А что касается как у нас, то в жизни у нас, конечно, большие перемены. И разные хорошие факты произошли и превосходные дела, о которых мы упоминали уже в других отделах. Но коварство у нас, конечно, имеется.

46. Что касается коварства, то – увы! – оно у нас, несомненно, тоже еще есть, и не будем закрывать глаза – его порядочно.

И было бы странно, если бы его совершенно не было.

Можно сказать, столько веков создавали и лелеяли это самое. И, наверное, не может того быть, чтоб раз-два – и нет ничего.

Нет, у нас коварство, конечно, есть. И даже у нас специальные названия подобрали для обозначения этого – двурушники, комбинаторы, авантюристы, аферисты, арапы и так далее. Из чего вполне видать, что у нас этого добра еще достаточно.

Но только у нас именно то хорошо, что есть полная уверенность, что с течением времени этого у нас не будет. И с чего бы ему быть, раз на то никаких причин не останется.

Но пока, конечно, и на нашем горизонте еще имеются разные подобные дела. Давайте же посмотрим, какие это дела. И давайте метлой сатиры подметим то, что нужно и можно подмести.

Итак, начинаются рассказы из нашей жизни.

РАССКАЗЫ О КОВАРСТВЕ

ИНТЕРЕСНАЯ КРАЖА В КООПЕРАТИВЕ

Воровство у нас есть. Но его как-то значительно меньше.

Кое-кто успел перековаться и больше не ворует. А некоторых не удовлетворяет, как бы сказать, выбор ассортимента. Некоторые же, не видя собственников и миллионеров, перестроились и крадут теперь у государства.

Но, конечно, естественно, крадут не так, как они это раньше производили.

Нынче только дурак крадет, не понимая современности.

А многие современность отлично понимают и уже осваивают новейшие течения.

Например, недавно в нашей кооперации произошла кража. Так за этой кражей видна по крайней мере философская мысль.

Вот как это было.

Кооперация. Вообще кооператив. Так сказать, открытый распределитель.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Естественно, много товаров. Экспортные утки лежат па окне. Семга почему-то. Свиные, я извиняюсь, туши. Сыр. Это – из еды. И из вещей тоже много всего. Дамские чулки. Гребенки. И так далее.

Все это в изобилии набросано и, так сказать, очень выигрышно лежит на витрине.

И, конечно, естественно, это привлекло чей-то взор.

Короче говоря: кто-то такое с заднего входа влез в ночное время в магазин и сильно там похозяйничал.

И, главное, дворник у ворот спал, ничего такого не заметил.

– Какие-то сны, – говорит, – мне действительно в эту ночь показывали, но ничего такого потустороннего я не слышал.

А он очень, между прочим, перепугался, когда это воровство обнаружили. Бегал по магазину, за всех цеплялся. Умолял его не подводить. И так далее.

Заведующий говорит:

– Твое дело маленькое. Что ты спал, за это тебя, конечно, по головке не поглядят, но навряд ли тебе пришьют какое-нибудь обвинение. Так что ты не пугайся. Не путайся тут под ногами и не нервируй работников прилавка своими восклицаниями. А иди себе и досыпай дома. Но дворник не уходит. Он стоит и расстраивается. Главное, его расстраивает, что так много уперли.

– Вот этого, – говорит, – я прямо не могу понять. Я сплю завсегда чутко и ноги протягиваю вдоль ворот. Не может быть, чтобы через меня два мешка сахару перенесли. Мне это очень странно.

Заведующий говорит:

– Дюже крепко спал, сукин сын! Это ужаси подобно, сколько уперли!

Дворник говорит:

– Чтоб много уперли, этого не может быть. Я бы проснулся.

Заведующий говорит:

– А вот сейчас составим акт и увидим, какая ты есть ворона – какой невероятный убыток государству причинил.

Тут они начали составлять акт в присутствии милиции. Начали говорить цифры. Подсчитывать. Прикидывать.

И все такое.

Бедняга дворник только руками всплескивает и чуть не плачет – до того, видать, граждански страдает человек, сочувствует государству и унижает себя за сонное состояние.

Заведующий говорит:

– Пишите: "Девять пудов рафинаду. Папирос – сто шестьдесят пачек. Дамские чулки – две дюжины. Восемь кругов колбасы.."

Он диктует, а дворник прямо подпрыгивает при каждой цифре.

Вдруг кассирша говорит:

– Из кассы, – запишите, – сперли боны на сто тридцать два рубля. Три чернильных карандаша и ножницы. При этих словах дворник начал даже хрюкать и приседать – до того, видать, огорчился человек от громадных убытков.

Заведующий говорит милиции:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru

– Уберите этого дворника! Он только мешает своим хрюканьем.

Милиционер говорит:

– Слушай, дядя, уходи домой! Тебя попросят, когда надо будет.

В это время счетовод кричит из задней комнаты:

– У меня висело шелковое кашне на стене – теперь его нету. Прошу записать, я потребую возместить понесенные мне убытки.

Дворник вдруг говорит:

– Ах он подлец! Я не брал у него кашне. И восемь кругов колбасы – это прямо издевательство! Взято два круга колбасы.

Тут наступила в магазине отчаянная тишина.

Дворник говорит:

– Пес с вами! Сознаюсь. Я своровал. Но я сравнительно честный человек. Я не позволю лишнее приписывать.

Милиционер говорит:

– Как же это так? Значит, дядя, выходит, что это ты проник в магазин?

Дворник говорит:

– Я проник. Но я не трогал эти боны, и ножницы, и это сволочное кашне. Я, говорит, взял, если хотите знать, полмешка сахара, дамские чулки одну дюжину и два круга колбасы. И я, говорит, не позволю иметь такое жульничество под моим флагом. Я стою на страже государственных интересов. И меня, как советского человека, возмущает, что тут делается, – какая идет нахальная приписка под мою руку.

Заведующий говорит:

– Конечно, мы можем ошибиться. Но мы проверим. Я очень рад, если меньше украли. Сейчас мы все это прикинем на весы.

Кассирша говорит:

– Пардон, боны завалились в угол. Боны не взяты. Но ножниц нету.

Дворник говорит:

– Ах, я ей плюну сейчас в ее бесстыжие глаза! Я не брал у нее ножней. А ну, ищи лучше, куриная нога! Или я тебя сейчас из кассы выну.

Кассирша говорит:

– Ах, верно, ножницы нашлись. Они у меня за кассу завалились. И там лежат.

Счетовод говорит:

– Кашне тоже найдено. Оно у меня в боковом кармане заболталось.

Заведующий говорит:

– Вот что, перепишите акт. Сахару действительно не хватает полмешка.

Дворник говорит:

– Считай, холера, колбасу. Или я за себя не отвечаю. У меня, если на то пошло, есть свидетельница – тетя Нюша.

Вскоре подсчитали товар. Оказалось, украли все, как сказал дворник.

Его взяли под микитки и увели в отделение. И его тетю Ньюшу тоже задержали. У ней эти продукты были спрятаны.

Так что, как видите, тут сперли на копейку, а на вернули на тысячу. И в этом видна, так сказать, игра коварной фантазии и кое-какая философская мысль. А без этого, говорят, сейчас никак нельзя. Без этого только дурак ворует. И вскоре попадает. Так что в этом деле хитрость и коварство вступили в свои права. И даже в другой раз братья Кант и Ницше кажутся прямо щенками против современной мысли. И в нижеследующем рассказе это можно вполне видеть.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЧЕМОДАН УКРАЛИ

Недалеко от Жмеринки у одного гражданина свистнули, или, как говорится, "увели" чемодан. Дело было, конечно, в скором поезде.

И это прямо надо было удивляться, каким образом у него взяли этот чемоданчик.

Главное, пострадавший попался, как нарочно, в высшей степени осторожный и благоразумный гражданин.

У таких, обыкновенно, даже ничего не воруют. То есть не то чтобы он сам у других пользовался. Нет, он честный. Но только он осторожный.

Он, например, своего чемодана из рук весь день не выпускал. Он, кажется, даже с ним посещал уборную. Хотя это ему, как говорится, было не так легко. А в ночное время он, может быть, лежал на нем ухом. Он, так сказать, для чуткости слуха и чтоб не унесли во время процесса сна, ложился на него головой. И как-то там на нем спал – не знаю.

И он даже для верности не приподнимал головы с этой своей вещи. А если ему нужно было перевернуться на другой бок, то он как-то со всем этим предметом вращался.

Нет, он в высшей степени чутко и осторожно относился к этому своему багажу.

И вдруг это у него свистнули. Вот так номер! А еще, тем более, его предупредили перед сном. Ему кто-то там сказал, когда он ложился:

– Вы, говорит, будьте добры, осторожней тут ездите.

– А что? – спрашивает.

– На всех, – говорит, – дорогах воровство почти что прекратилось. Но тут, на этом перегоне, еще отчасти бывает, что шалят. И даже бывает, что сапоги с сонных людей снимают, не говоря о багаже, и так далее.

Наш гражданин говорит:

– Меня это не касается. Если речь идет о моем чемодане, то я имею привычку спать на нем довольно чутко.

И этот перегон меня не волнует.

И с этими словами он ложится на свою верхнюю полку и под голову закладывает свой чемодан с разными, наверное, ценными домашними вещами.

Значит, ложится он и спокойно засыпает.

И вдруг ночью к нему кто-то подходит в темноте и тихонько начинает сапог с ноги стаскивать.

А наш проезжающий был в русских сапогах. И сразу такой сапог, конечно, не снять благодаря его длинному голенищу. Так что неизвестный только немного сдернул этот сапог с ноги.

Наш гражданин сдержался и думает:

"Подожду, что будет дальше. Интересно. Неужели он желает с меня сапоги снять?"

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

А в это время неизвестный берет его теперь за другую ногу и снова дергает. Но на этот раз дергает со всей силы. Вот наш гражданин как вскочит с размаху, как ахнет вора по плечу! А тот как сиганет в сторону! А наш проезжающий как брыкнется с полки за ним! Хочет, главное, бежать, но не может, поскольку у него сапоги наполовину сдернуты. Ноги в голенищах болтаются, как звонки.

Пока то да се. Пока ноги взошли вовнутрь, глядит – вора уж и след простыл. Только слышать, что он, мошенник, дверкой на площадке хлопнул.

Поднялись крики. Тарарам. Все вскочили.

Наш проезжающий говорит:

– Вот интересный случай. Чуть у меня сапоги с сонного не сняли.

И сам вдруг косо поглядел на свою полку, где должен был стоять его чемодан.

Но его, увы, уже не было.

Ну, конечно, опять крики и опять тарарам.

Один из пассажиров говорит:

– Наверное, вас за ногу нарочно потянули, чтобы вы, извиняюсь, освободили чемодан от головы. А то все лежите и лежите. Поэтому вас скорее всего и потревожили.

Пострадавший сквозь слезы страдания говорит:

– Вот этого я не знаю.

И сам на первой станции бежит в транспортный отдел и делает там заявление.

Там сказали:

– Хитрость и коварство этих жуликов не поддаются описанию.

И, узнав, что у него там было в чемодане, пообещали в случае чего сообщить.

Они сказали:

– Мы поищем. Хотя, конечно, ручаться не можем.

И это они, конечно, сделали правильно, что не поручились, так как вора с чемоданом они так и не нашли. Но мы знаем один практический случай, когда поимка вора пошла безошибочно. И даже в самом начале уже можно было давать полную гарантию, что вора поймают. Ибо для этого допущено исключительное коварство. Вот как это было.

ПОИМКА ВОРА ОРИГИНАЛЬНЫМ СПОСОБОМ
(Быль)

Украдены были дрова. Во дворе нашего дома. Причем – интересная подробность: кража произошла в зимнее время, когда они как-никак представляют собою особую ценность как для тех, так и для других. Дрова, вообще говоря, даже и в другие сезоны представляют известный интерес для населения. Некоторые даже их иногда на именины дарят. Одной моей родственнице, Елизавете Игнатьевне, я, помню, однажды, в день рождения, подарил целую вязанку дров. А Петр Андреевич, ее супруг, человек горячий и вспыльчивый и отчасти мещанин, плетущийся в хвосте у событий, ударил меня, бродяга, поленом по голове. Правда, в конце вечеринки.

– Это, – говорит, – не девятнадцатый год и не та эра, чтоб дрова преподнести.

Но это, конечно, между прочим.

А дрова, во всяком случае, дело драгоценное и святое.

Как сказал поэт Блок:

И не раз и не два
Вспоминаю святые слова
Дрова.
И еще что-то такое он сказал, в высшей степени ценное, про дрова.

Так вот, значит, стали во дворе нашего дома пропадать дрова.

Ну, известно, наложены дрова во дворе. Вот они и пропадают. Их кто-то берет на предмет отопления. То у одного жильца несколько полен пропадет. То у другого, то, наконец, третий крик поднимает:

– У меня, кричит, не хватает...

И невозможно разобрать, кто их ворует, и где дрова, и кто ими пользуется. Тогда жильцы на собрании говорят друг другу:

– В доме завелся вор. Вот это интересно. И, может быть, он даже тут сидит и на нас с вами глядит. Но поскольку у нас сорок пять жильцов, то угадать не представляется возможным. Давайте в крайнем случае наймем сторожа или будем сами поочередно караулить. Некто Серега Пестриков моментально подсчитал, во что обойдется сторож. Оказалось, каждое полено удорожится на девяносто копеек. Это показалось дорого. Тогда решили, что будут караулить сами.

Серега Пестриков написал расписание и повесил его во дворе.

Стали все дежурить поочередно. Но, видят, дрова опять воруют.

Тогда образовалась во дворе одна небольшая экстренная группа в три человека.

Некто жилец Боборыкин, Власов Егор Иванович и его племянник Мишка. Тоже почему-то Власов. Этот Мишка является к своему дяде и так ему интимно говорит:

– Я, говорит, товарищ дядя, как вам известно, состою в союзе химиков. Мы там у себя имеем разные химические штучки, всякие химические газы, дымовые шашки и прочую тому подобную чертовщину. И я, говорит, последние ночи худо сплю. Я, говорит, товарищ дядя, мечтаю принести домой динамитный патрон. И мне хочется этот патрон заложить в полено. И это полено мы, я извиняюсь, дядя, бросим совместно с другими поленьями, будто оно лежит само по себе. Вор его непременно возьмет. Он его положит в печку. А там уж, товарищ дядя, предоставьте действовать технике.

Дядя, не понимая еще, как и что, говорит:

– Ну что же, принеси. Посмотрим.

Племянник говорит:

– Это такое средство, дядя, что против него никакой вор не удержится. И, то есть, непременно мы, так или иначе, вора поймем. Где взорвет, в какой квартире, – там, значит, и взято.

Дядя, обрадовавшись, говорит:

– Тогда – неси. Это действительно в высшей степени интересно. Главное, накануне у нас будет дух захватывать – у кого взорвет.

Жилец Боборыкин говорит:

– Только ни об чем говорить не будем, но сами все совершим и увидим. У кого в какой печке взорвет, тот и есть то, чего мы ищем. Это становится забавным.

Племянник Мишка говорит:

– Патрончик я принесу небольшой, чтобы было допущено небольшое разрушение, но чтобы громадной катастрофы не было.

Боборыкин говорит:

– Небольшую катастрофу допустить тоже можно. И это даже полезно для других. Она всех может немного утратить и одернуть. Это полезно. Но, конечно, дом разрушать не надо.

Вот Мишка вскоре принес патрон со службы, и этот патрон они заложили в полено.

То есть они выдолбили дырочку в полене и его туда вложили.

И небрежно кинули это поленьшко на дрова. И сами с интересом стали ждать, что будет.

На другой день вечером в доме произошел адский взрыв.

Взорвалось в аккурат под жильцом Боборыкиным, в квартире у Сергея Пестрикова. Все моментально узнали, какой это взрыв и чему его приписать. И все бросились к месту происшествия. И все глядели на Сергея Пестрикова, который суетился около своей разрушенной печки и восклицал:

– С чего бы это она, господа?

Но ему ничего не говорили. Только говорили:

– Ну и ну!

Между прочим, Мишка Власов не учел, и патрон оказался до того боевой, что совершенно разломал к черту всю печку и две стены.

Кроме того, разбило стекла в двух этажах. И что-то произошло с канализацией. Она, правда, и раньше почти не работала, но сейчас она совсем что-то заштопорила. Хотя многие это и не приписывают взрыву. Жертва была одна. Серегин жилец инвалид Гусев помер с перелугу. Его, собственно, звездануло кирпичом по затылку. И он, привыкший к многочисленным ранениям на войне, тут, в тылу, совершенно растерялся и, как говорится, сразу, без сопротивления, отдал богу душу. То есть он скончался.

Кроме того, Серегиной сестре, которая была совершенно тут ни при чем, надуло флюс благодаря разбитому окну.

Серега признался, что он для экономии брал изредка по одному полену от других и не считал, что это какоенибудь особенное ограбление или воровство. В скором времени он предстанет перед судом, и там он даст исчерпывающий ответ. Между прочим, на суд попала также вся наша боевая тройка – оба Власовы и Боборыкин. Их обвинили в незаконных поступках и в порче государственного имущества. Так что они тоже будут судиться. И, наверно, их тоже к чему-нибудь присудят, поскольку нельзя же идти на такие чрезвычайные поступки. А Мишка пока что развернул еще сильнее свою деятельность.

В другой коммунальной квартире, у его мамы, крали, между прочим, керосин. Так этот Мишка разбавил керосин водой, а после увидел, в каком примусе зашипело. Вообще этот мальчишка подает большие надежды благодаря пониманию современного коварства. Но вот, извольте, еще рассказ, основанный на самой тончайшей современной хитрости.

В этом факте мы отчасти сами участвовали, так что с большим удовольствием осветим это дело.

Вот как это произошло.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

На днях мы отправляли с вокзала вещи. Мы их отправляли багажом. Одной нашей родственнице Это ее вещи. Но они у нас временно лежали. И вот она вдруг просит – пришлите.

И мы поехали на вокзал отправлять багажом.

И вот на вокзале видим такую картину, как говорится, в духе Рафаэля.

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
Будка для приема груза. Очередь, конечно. Десятичные метрические веса. Весовщик за ними. Весовщик, такой в высшей степени благородный служащий, быстро говорит цифры, записывает, прикладывает гирьки, клеит ярлыки и дает свои разъяснения.

Только и слышен его симпатичный голос:

– Сорок Сто двадцать. Пятьдесят. Сымайте. Берите. Отойдите. Не станови сюда, балда! Станови на эту сторону.

Такая приятная картина труда и быстрых темпов. Только вдруг мы замечаем, что при всей красоте работы весовщик очень уж требовательный законник. Очень уж он соблюдает интересы граждан и государства. Ну, не каждому, но через два-три человека он обязательно отказывает груз принимать. Чуть расхлябанная тара, – он ее не берет Хотя видать, что сочувствует.

Которые с расхлябанной тарой, те, конечно, охают, ахают и страдают.

Весовщик говорит.

– Заместо страданий укрепите вашу тару. Тут где-то шляется человек с гвоздями. Пуцай он вам укрепит. Пуцай туда-сюда пару гвоздей вобьет и пуцай проволокой подтянет. И тогда подходите без очереди – я приму. Действительно верно: стоит человек за будкой. В руках у него гвозди и молоток. Он работает в поте лица и укрепляет желающим слабую тару. И которым отказали, те смотрят на него с мольбой и предлагают ему свою дружбу и деньги за это самое.

Но вот доходит очередь до одного гражданина. Он такой белокурый, в очках. Он не интеллигент, но близорукий. У него, видать, трахома на глазах. Вот он и надел очки, чтобы другим его было хуже видать. А может быть, он служит на оптическом заводе и там даром раздают очки.

Вот он ставит свои шесть ящиков на метрические десятичные веса.

Весовщик осматривает его шесть ящиков и говорит:

– Слабая тара! Не пойдет. Сымай обратно. Который в очках, услышав эти слова, совершенно упадет духом. А перед тем как упасть духом, до того набрасывается на весовщика, что дело почти доходит до зубочистки.

Который в очках кричит:

– Да что ты, собака, со мной делаешь! Я, говорит, не свои ящики отправляю. Я, говорит, отправляю государственные ящики. Куда я теперь с ящиками сунусь? Где я найду подводу? Откуда я возьму сто рублей, чтобы везти назад? Отвечай, собака, или я из тебя котлетку сделаю!

Весовщик говорит:

– А я почему знаю?

И при этом делает рукой в сторону.

Тот, по близорукости своего зрения и по причине запотевших стекол, принимает этот жест за что-то другое. Он всхлипывает, чего-то вспоминает, давно позабытое, роется в своих карманах и выгребает оттуда рублей восемь денег, все рублями, и хочет их подать весовщику.

Тогда весовщик багровеет от этого зрелища денег.

Он кричит:

– Это как понимать? Не хочешь ли ты мне, очкастая кобыла, взятку дать?"

Который в очках сразу, конечно, понимает весь позор и ужас своего положения.

Он говорит:

– Нет, я вынул деньги просто так. Я хотел, чтобы вы их подержали, пока я сыму

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
ящики с весов.

Он совершенно теряется, несет суший вздор, принимается извиняться и даже, видать, согласен, чтобы его ударили по морде, только чтоб не что-нибудь другое.

Весовщик говорит:

– Стыдно! Здесь взяток не берут. Сымайте свои шесть ящиков с весов они мне буквально холодят душу. Но, поскольку это государственные ящики, обратитесь вот до того рабочего: он вам укрепит слабую тару. А что касается денег, то благодарите судьбу, что у меня мало времени возжаться с вами.

Тем не менее он зовет еще одного служащего и говорит ему голосом человека, только что перенесшего оскорбление:

– Знаете, сейчас мне хотели взятку дать. Понимаете, какой абсурд! Я жалею, что поторопился и для виду не взял деньги, а то теперь трудно доказать.

Другой служащий отвечает:

– Да, это жалко. Надо было развернуть историю. Пушай не могут думать, что у нас по-прежнему рыльце в пуху. Который в очках, совершенно созревший, возится со своими ящиками. Их ему укрепляют, приводят в христианский вид и снова волокут на весы.

Тогда мне начинает казаться, что у меня тоже слабая тара.

И, покуда до меня не дошла очередь, я подхожу к рабочему и прошу его на всякий случай укрепить мою сомнительную тару.

Он спрашивает с меня восемь рублей.

Я говорю:

– Что вы, говорю, обалдели! Восемь рублей брать на три гвоздя?!

Он мне говорит интимным голосом:

– Это верно, я бы вам и за трояк сделал, но, говорит, войдите в мое пиковое положение: мне же надо делиться вот с этим крокодиллом.

Тут я начинаю понимать всю механику.

– Стало быть, – говорю я, – вы делитесь с весовщиком?

Тут он несколько смущается, что проговорился, несет разный вздор и небылицы, бормочет о мелком жалованьишке, о дороговизне, делает мне крупную скидку и приступает к работе.

Вот приходит моя очередь.

Я становлю свой ящик на весы и люблюсь крепкой тарой.

Весовщик говорит:

– Тара слабовата. Не пойдет.

Я говорю:

– Разве она слабовата? А мне только сейчас ее укрепляли. Вот тот, с клещами, укреплял.

Весовщик отвечает:

– Ах, пардон, пардон! Извиняюсь! Сейчас ваша тара крепкая, но она была слабая. Мне это завсегда в глаза бросается. Что пардон, то пардон.

Принимает он мой ящик и пишет накладную.

Я читаю накладную, а там сказано: "Тара слабая".

– Да что же вы, – говорю, – делаете, арапы? Мне же, говорю, с такой надписью обязательно весь ящик в пути разворуют. И надпись не позволит требовать убытки. Теперь, говорю, я вижу ваши арапские комбинации.

Весовщик говорит:

– Что пардон, то пардон! Извиняюсь!

Он вычеркивает надпись, и я ухожу домой, рассуждая по дороге о перестройке характеров, о хитрости и коварстве и о той неохоте, с какой некоторые мои уважаемые сограждане сдают свои насиженные позиции. Но они непременно рано или поздно сдадут эти свои позиции. Некоторые, впрочем, сдадут после длительных боев. И это даже наплевать, что некоторые из них отошли на другую линию и там, как видите, ведут бой по всем правилам искусства.

Мы их и оттуда выкурим. Даром что у них позиция больно хороша и она не всем заметна. А вот мы сейчас их еще с флангу слегка ударим. Сейчас наш удар придется в аккурат по всякому свинству и жульничеству.

В общем, вот еще какой боевой рассказ из серии "Коварство" мы предлагаем вашему скромному вниманию.

РАССКАЗ О ПОДЛЕЦЕ

Ввиду того что это тоже факт и тут речь пойдет об одном живом человеке, то мы бы не хотели затрагивать в печати его фамилию.

То есть, вообще говоря, он, конечно, подлец и его следует публично прохватить, но он в настоящее время и без того чересчур расстраивается и говорит, что в ближайшее время он непременно перестроится.

Поэтому, из педагогических целей, назовем его ***.

И вот, едет этот "три звездочки" в трамвае.

Вот он едет в трамвае. А по виду никак не скажешь, что это подлец едет. По виду – это едет скромный работник в валенках. Он едет в гости. Он едет к своему приятелю на именины.

Вот он едет в трамвае к нему в гости, думает, может, там про свои всякие подлости – чего он сожрет, и хорошо, думает, что подарка имениннику не купил. Другие, думает, имеют привычку подарки покупать, а что касается меня, то они не на таковского напали.

И вот он едет на именины без подарка. И на углу Седьмой линии он слезает. Он, вернее, не дождавшись остановки, спрыгивает с трамвая, чтобы поскорее пойти в гости, а то, думает, все сожрут. Им только, нахалам, опоздай.

И вот он, в силу этого, спрыгивает поскорей. И вдруг слышит свисток, и чьи-то ноги спешат. Это милиция к нему поспешает. Желает узнать, как он спрыгнул, не повредил ли внутренностей и вообще – есть ли у него лишние деньжонки в кармане.

Наш герой думает:

"Ну, налетел на трешку. Лучше бы, думает, я имениннику пару червивых яблок купил, чем мне теперь штраф платить!"

И, так подумавши, поскорей смешивается с толпой и идет как ни в чем не бывало. Будто это и не он прыгнул, а кто-нибудь там другой.

Милиционер говорит:

– Некрасиво делаете, что убегаете!

*** говорит:

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– А что такое? Это не я прыгнул. За что я буду штраф платить? Что ты – ошалел, стоявши на своем посту? Я иду спокойно. И в трамвае я по крайней мере три дня назад ехал.

Милиционер говорит:

– Ах, вот какие речи! Тогда пойдите в милицию.

*** говорит:

– Пойдемте.

И сам, видя, что вокруг никаких свидетелей нету, начинает по дороге нашего милиционера чихвостить и костить настолько, что тот аж рот раскрывает, но сдерживается. Самые ужасные слова и грубости ему говорит. А милиционер тактично молчит и не теряет своего достоинства.

Вот приходят они в милицию. Докладывают дежурному, что случилось. Милиционер говорит:

– И, кроме того, он меня незаслуженно оскорблял. Запишите.

Наш подлец говорит:

– Он нахально врет. Никаких оскорблений я не допускал. Свидетелей не было, и я отказываюсь от этих показаний.

Начальник милиции говорит:

– А мы привыкли своим милиционерам доверять. И на тебя мы сейчас составим протокол.

И вот они составляют протокол и спрашивают его, где он служит и где живет. А *** с перепугу и по своей подлости нарочно указывает не тот адрес. А то, думает, пожалуй, накладка будет.

Вот он дает не тот адрес и говорит:

– Можно мне идти? А то я опаздываю.

Дежурный говорит:

– Посиди маленько.

И сам поспешает к телефону. Он вызывает адресный стол и там берет справку.

Тогда *** говорит:

– Ой, пардон, я спутался! Я вам не тот адрес дал. И не ту фамилию. На меня затмение нашло.

Начальник милиции говорит:

– Ах, вон ты какой фрукт! Ну, нам теперь твоя характеристика видна. Говори свой правдивый адрес и выметайся.

Тогда ***, предвидя суд и неприятности, говорит адрес, но опять-таки не свой адрес, а во избежание дальнейших неприятностей, на всякий случай говорит адрес своего приятеля, именинника.

И при этом думает: "Тому все равно ни черта не будет. Тот докажет свою невинность, а тут и адрес сойдется, если справку возьмут, и мне легче вздохнется".

Вот он дает адрес именинника и называет себя его фамилией.

Вот начальник милиции звонит в адресный стол, и там вскоре отвечают:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Такой есть, живет по этому адресу, и все правильно. Отпустите.

И вот в хорошем настроении духа спешит наш *** на именины. Но приходит туда поздно. Там уж все съели, и ему подают лишь стакан чаю и какие-то пустяки.

***, расстроившись от такой подачи, думает про себя:

"Ничего! Я ему тоже хороший подарок преподнес. "Он у меня теперь, свинья, побегает!"

И снова в хорошем настроении уходит домой.

Дня через два на работу является бывший именинник, весь не в себе. Он говорит друзьям:

– Со мной такое случилось, что только в сказках происходит. На меня какие-то подлецы двадцать пять рублей штрафа наложили за оскорбление милиции и за вранье. И я, говорит, сам теперь не пойму, что к чему.

А они говорят: "Плати, или мы на твое жалованье наложим".

От этих слов *** сконфузился и так отвечает:

– Знаешь, Ваня, я тебе на именины ничего не подарил. Хочешь, я тебе десятку дам, чтобы ты внес этот штраф и не волновался.

Тогда бывший именинник вдруг начинает кое-что понимать.

– Позволь! – говорит. – Я твою скупость преотлично знаю. А то, что ты мне десятку суешь, это мне в высшей степени удивительно. Уж не ты ли, собака, мне это дело удружил? То-то я вспоминаю, что ты опоздал и пришел в расстроенных чувствах. Так вот какие ты подарки даришь своим друзьям!

И с этими словами, размахнувшись, ударяет того по физиономии.

Тот удивляется и говорит:

– Ну хорошо, я весь штраф заплачу, только не губи моей хорошей репутации. Вот тебе двадцать пять целковых, поспеши заплатить.

Бывший именинник говорит:

– Это еще что за новости? Ты такой подлец, а я буду за тебя ходить и платить.

*** говорит:

– Ну хорошо: я сейчас сам пойду и заплачу. Только громко не кричи.

И бежит в милицию.

А там, как назло, сидит то же самое начальство, которое объяснялось с именинником, но не то начальство, которое было в первый раз. А наш герой, не сообразив мелочей, подает повестку и кладет на нее деньги.

Дежурный изумляется перемене в наружности пришедшего и говорит:

– А ну вас к черту! Что-то я ничего не пойму. То один не хочет заплатить, то другой, наоборот, хочет.

Только вдруг приходит начальник отделения милиции.

Он сразу разбирается во всем деле и говорит:

– А, вот оно что. Ну, теперь мы тебе припилим обвинение.

*** просит прощения и унижается. Но на него составляют протокол. И этот протокол отсылают на место службы.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Там состоялся товарищеский суд, на котором нашего подлеца, к общему удивлению, оштрафовали на десять целковых. И, кроме того, приговорили к общественному порицанию и дали строгий выговор с предупреждением.

А бывший именинник перестал с ним здороваться и говорит:

– Вот так он мне подарок преподнес!

А сам этот тип ходит теперь тише воды, ниже травы и говорит:

– Так-то я довольно честный, но, конечно, и у меня случаются затмения. Но теперь, после этого факта, я совершенно перековался.

Однако от перековки мы требуем порядочно. И если говорить о перековке, то нам желательно, чтоб окружающие люди были умные, честные и чтобы все стихи писать умели. Ну, стихи, даже в крайнем случае, пущай не пишут. Только чтоб все были умные.

Хотя, впрочем, конечно, ум – дело темное. И часто неизвестно, откуда он берется.

Так что желательно, чтоб все были хотя бы честные и чтоб не дрались. В крайнем случае даже пусть себе немного дерутся, но только чтоб вранья не было.

Это не значит, что не соври. Нет, врать можно. Но только самую малость. Ну, например, жена спросит: где был? Ну, тебе сказать неохота, где был. Ну, скажешь, в аптеке был. Ну, она – хлесть со всего размаху.

– Как это, – скажет, – в аптеке, когда, например, от тебя пивом пахнет?!

Нет, драться тоже нехорошо.

И лучше совсем без вранья, тогда, может, и драки прекратятся.

Итак, желательно, чтоб все были довольно честные и чтоб даже в частной жизни, хотя бы опять-таки в гостях, наблюдалось поменьше вранья и свинства.

А то хозяева иногда от этого сильно переживают.

Вот, например, какой однажды, благодаря бытовому коварству, произошел случай на одной вечеринке.

ИНТЕРЕСНЫЙ СЛУЧАЙ В ГОСТЯХ

Это было порядочно давно. Кажется, лет восемь назад. Или что-то около этого. И проживал тогда в Москве некто Григорий Антонович Караваев.

Он – служащий. Бухгалтер. Он не так молодой, но он любитель молодежи. И у него под выходные дни всегда собиралась публика. Все больше, так сказать, молодые, начинающие умы.

Велись разные споры. Разные дискуссии. И так далее.

Говорилось, может быть, про философию, про поэзию. И прочее. Про искусство, наверно. И так далее. О театре, наверно, тоже спорили. О драматургии.

А однажды у них разговор перекинулся на международную политику.

Ну, наверно, один из гостей, попивши чай, что-нибудь сказал остро международное. Другой, наверно, с ним не согласился. Третий сказал: Англия. Хозяин тоже, наверно, что-нибудь дурацкое добавил. В общем у них начался адский спор, крики, волнения и так далее. В общем – дискуссия.

Что-то у них потом перекинулось на Африку, потом на Австралию и так далее. В общем, в высшей степени дурацкий, беспринципный спор.

И в разгар спора вдруг один из гостей, женщина, товарищ Анна Сидоровна, служащая с двадцать третьего года, говорит:

– Товарищи, чем нам самим об этих отдаленных материях рассуждать давайте

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
позвоним, например, какому-нибудь авторитетному товарищу и спросим, как он про этот международный вопрос думает. Только и всего.

Один из гостей говорит, вроде как шуткой:

– Может, еще прикажете запросить об этом председателя народных комиссаров?

Женщина Анна Сидоровна немного побледнела и говорит:

– Отчего же? Вызовем, например. Кремль. Попросим какого-нибудь авторитетного товарища. И поговорим.

А, Тут среди гостей наступила некоторая тишина. Все в одно мгновение посмотрели на телефон.

Вот Анна Сидоровна побледнела еще больше и говорит:

– Вызовем к аппарату товарища председателя и спросим. Только и делов.

Поднялись крики, гул. Многим это показалось интересным.

Некоторые сказали:

– В этом нет ничего особенного.

А другие сказали:

– Нет, не надо.

Но хозяин ответил:

– Конечно, этим звонком мы можем ему помешать, но все-таки поговорить интересно. Я люблю молодежь и согласен предоставить ей телефон для этой цели.

Тут один энергичный товарищ Митрохин подходит к аппарату твердой походкой и говорит:

– Я сейчас вызову.

Он снимает трубку и говорит:

– Будьте любезны... Кремль...

Гости, затаив дыхание, встали полукругом у аппарата.

Товарищ Анна Сидоровна сделалась совсем белая, как бумага, и пошла на кухню освежаться.

Жильцы, конечно, со всей квартиры собрались в комнату. Явилась и квартирная хозяйка, на имя которой записана была квартира, – Дарья Васильевна Пилатова.

Она – ответственная съемщица. И она пришла поглядеть, все ли идет правильно во вверенной ей квартире.

Она остановилась у двери, и в глазах у нее многие заметили тоску и непонимание современности.

Энергичный товарищ Митрохин говорит:

– Будьте любезны, попросите к аппарату товарища председателя. Что?

И вдруг гости видят, что товарищ Митрохин переменялся в лице, обвел блуждающим взором всех собравшихся, зажал телефонную трубку между колен, чтоб не слышать было, и говорит шепотом:

– Чего сказать?.. Спрашивают – по какому делу? Откуда говорят?.. Секретарь, должно быть... Да говорите же, черт возьми.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Тут общество несколько шарахнулось от телефона.

Кто-то сказал:

– Говори: из редакции... Из "Правды"... Да говори же, подлец этакий...

– Из "Правды"... – глухо сказал Митрохин. – Что-с? Вообще насчет статьи.

Кто-то сказал:

– Завели волюнку. Теперь расхлебывайте. Вовсе не надо было врать, что из "Правды". Так было бы вполне хорошо, а теперь наврали, и неизвестно еще, как обернется.

Квартирная хозяйка Дарья Васильевна Пилатова, на чье благородное имя записана была квартира, покачнулась на своем месте и сказала:

– Ой, тошнехонько! Зарезали меня, подлецы. Вешайте трубку. Вешайте в моей квартире трубку. Я не позволю в моей квартире с вожжами разговаривать...

Товарищ Митрохин обвел своим блуждающим взглядом общество и повесил трубку.

В комнате наступила тишина. Некоторые из гостей встали и пошли по домам.

Оставшееся общество минут пять тихо сидело, рассуждая о том, что врать не надо было. А просто вызвали бы по личному делу и поговорили. И ясно, что в этом им бы не отказали. А теперь соврали, и получилось некрасиво.

Во время этой тихой беседы вдруг раздался телефонный звонок. Сам хозяин, бухгалтер Караваев, подошел к аппарату и с мрачным видом снял трубку.

И стал слушать. Вдруг глаза у него стали круглые и лоб покрылся потом. И телефонная трубка захлопала по уху.

В трубке гремел голос:

– Кто вызывал товарища председателя? По какому делу?

– Ошибка, – сказал хозяин. – Никто не вызывал. Извиняюсь...

– Никакой нет ошибки! Звонили именно от вас.

Гости стали выходить в прихожую. И, стараясь не глядеть друг на друга, молча выходили на улицу.

И никто не догадался, что этот звонок был шуточный.

И узнали об этой шутке только на другой день. Оказывается, один из гостей сразу после первого разговора вышел из комнаты, побежал в аптеку и оттуда позвонил, с тем чтобы разыграть всю компанию.

В этом он на другой день сам и признался. И при этом страшно хохотал.

Но хозяин, бухгалтер Караваев, отнесся к этому без смеха и поссорился с этим своим знакомым. И даже хотел набить ему морду, как проходимцу, который ради собственного развлечения пускается на подобные мелкие аферы и хитрости, заставляющие других людей переживать. А главное, хозяин не захотел простить этому гостю за то, что тот для смеха произнес в телефон несколько бранных слов, которые бухгалтер воспринял как должное. За это он ему в дальнейшем не простил и больше не приглашал на вечеринки, которые в скором времени и совсем отменил.

В общем – нижеследующая история, еще более забавная своей бытовой хитростью.

ЗАБАВНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ С КАССИРШЕЙ

В одном кооперативе "Пролетарский путь" за последние полтора года сменилось двадцать три кассирши. И это мы ничуть не преувеличиваем.

Двадцать три кассирши в течение короткого времени. Это действительно нечто

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
странное и поразительное.

Заведующий в свое время так об этом явлении сказал:

– Они все не соответствовали своему назначению. И все были дуры.

И подряд их двадцать две штуки сменил.

Ну, конечно, были дамские крики, вопли и объяснения. Но дело от этого не изменилось. Каждая такая работала у него неделю или полторы, и после он ее с шумом вышибал. Он их вышибал назад, на биржу труда. И требовал еще.

– Если можно, – он говорит, – дайте кассира. Мужчину.

Но ему почему-то вечно присылали не то. То есть женщин. Кассирш. Наверное, мужчин не было. А то бы они, конечно, прислали. Вообще это довольно странное психологическое явление. Скажем, за прилавком обязательно мужчина работает, а за кассой определено женщина.

И почему это? Почему за кассой женщина? Что за странное явление природы?

Или наш брат мужик не может равнодушно глядеть на вращение денег вокруг себя? Или он запивает от постоянного морального воздействия и денежного звона? Или еще есть какие-нибудь причины? Но только очень изредка можно увидеть нашего брата за этим деликатным денежным делом. И то это будет по большей части старый субъект, вроде бабы, с осоловевшими глазами и с тонким голосом.

Короче говоря, несмотря на все просьбы заведующего, ему все время присылали барышень.

И вот он сменил их уже свыше двух десятков.

И наконец он сменяет двадцать третью.

А эта двадцать третья была очень миленькая собой. Она была интересная. И даже отчасти красавица... Во всяком случае, франтоватая. Хорошо одетая. И потому она хорошо и выглядела. В общем, она была хорошенькая.

Но, несмотря на это, наш заведующий, не поглядев на ее миловидность, тоже ее вышибает.

Она вдруг в слезы. Драмы. Истерики. Скандал.

Конечно, кассирша настоящего времени отчасти может даже удивиться этим истерикам. И не поймет причину огорчения. Но пять лет назад это было в высшей степени понятно. Тогда работа на полу не валялась. И местом кассирши многие интересовались.

В общем, когда эту нашу хорошенькую кассиршу уволили, она в слезы.

И говорит окружающим:

– Я знаю, почему меня уволил ваш заведующий. Я, говорит, к нему сурово относилась и мало, говорит, смотрела на него как женщина. И вот он меня за это и прогнал.

Ну, конечно, слухи эти дошли до инспекции труда.

Вообще советский контроль. И так далее.

Нашего заведующего вызывают.

Он говорит:

– Это наглая ложь. Я на эту барышню даже не глядел. Меня она вообще мало интересует. Пожалуйста, посмотрите мой жизненный путь: за полтора года только и делал, что их увольнял.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Ему говорят:

– Но, может быть, вы их увольняли как раз за то, на что эта жалуется.

Заведующий говорит:

– Я, говорит, не нахожу слов от возмущения. Хорошо, говорит. В таком случае я сознаюсь, почему я их уволил. И раз меня теперь на двадцать третьей обвиняют как раз в обратном смысле, то я не считаю больше возможным скрывать настоящую причину. Видите, в чем дело. Я, как бы сказать, любитель иногда выругаться.

Ну, знаете, фронтовая привычка. На работе я еще сдерживаюсь. Но в конце трудового дня или там при подсчете товара я сдерживаться затрудняюсь. И если у меня кассирша, то это меня совершенно стесняет. Она мне не дает творчески развернуться. Вот почему я уволил двадцать две кассирши. И почему уволил двадцать третью. Я щадил их наивность. И все надеялся, что мне пришлют кого-нибудь из нашего лагеря, перед которым я смогу быть самим собой. И поэтому я пустился на подобное коварство – стал подряд выкуривать всех барышень, в надежде когда-нибудь наскочить на мужчину. Но этого, увы, не случилось. И вот я теперь пострадал за свою хитрость.

И нахожусь перед вами.

Тогда инспекция вызывает эту хорошенькую кассиршу. И ей говорит:

– Что же вы дурака валяете? Ведь вот он у вас какой!

Кассирша говорит:

– А я почему знала? Я думала, что он меня уволил по другой причине. А что касается этого, то это меня отнюдь бы не тревожило. Подумаешь, Художественный театр! За что другое, а как раз за это меня не надо было увольнять. Смешно.

Заведующий говорит:

– Да, кажется, с этой кассиршей я бы смог сработаться. Я жалею, что я ее выгнал, не узнав характеристики.

В общем, эта кассирша снова работает в этом магазине.

Но заведующий, к сожалению, там уже не работает.

Ему сделали строгий выговор с предупреждением и сказали, чтоб в другой раз он не пускался бы на подобное арапство для угождения своим низменным вкусам.

И перевели его работать в склады. Там он, может быть, и отводит душу.

Но хочется думать, что это его одернуло и он уже расстался со своей привычкой, благодаря которой он испортил настроение двадцати трем женщинам, из которых одна была даже недурненькая.

Интересная хитрость была также допущена в одном общежитии.

Предлагаем вашему вниманию рассказ об этом небольшом происшествии.

ХИТРОСТЬ, ДОПУЩЕННАЯ В ОДНОМ ОБЩЕЖИТИИ

В одном общежитии жила некто Маруся Кораблева. Очень кокетливая особа. Молоденькая. Лет восемнадцати. Довольно вертлявая и вообще склонная к мещанскому уюту.

Она училась, конечно, плоховато. Но в высшей степени любила нравиться мужчинам. И для этой цели она подводила себе глазки и пудрила кожу. И, кроме того, очень отчаянно душилась. Духами или одеколоном. Ей это было все равно.

И она, несмотря на свои скромные капиталы, непременно всегда тратилась на эту жидкость.

У нее перед кроваткой стоял ночной столик, и на этом столике у нее всегда

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
красовался пузырек с духами. И лежала разная подмазка, зеркальце и так далее.

Только вдруг однажды Маруся стала замечать, что кто-то у нее берет эти духи. Кто-то ими пользуется.

Стала она тогда в столик класть пузырек. Все равно кто-то неуклонно отливает. Может быть, какая-нибудь ее подруга, не имея своей парфюмерии, пользуется чужой.

Марусенька и в столик прятала свои духи и под подушку зарывала – не помогает. Чья-то невидимая рука нет-нет, да и скрадет немного.

Стала она отметки делать на этикетке – сколько было. Тоже не помогает. Воры с этим не считались и при каждом удобном случае знай себе отливают.

Короче говоря, Маруся придумала такую штуку. Она взяла и на баночке сделала наклейку "яд" и поверх наклейки изобразила череп с двумя костями. И этот флакончик поставила на стол. И с тех пор никто уже больше не прикасался к жидкости.

За исключением, впрочем, одного раза. Одна истеричка взяла и зараз выпила всю жидкость.

Она, видите ли, поссорилась с одним знакомым. И сдуру заглотала всю жидкость, правда без особого вреда для себя.

А если б не этот случай, то это ее изобретение было бы на высоте положения. Можно было бы даже патент хлопотать, так сказать, за остроту и хитрость мысли.

Но, безусловно, изобретение несколько меркнет, ибо оно направлено на мещанские интересы – на охрану частной собственности.

В общем, после этого случая Маруся Кораблева переменяла тактику. Она теперь носит пузырек в сумочке. Отчасти это неудобно и тяжело, но зато безопасно.

Сей забавный рассказ предлагаем вниманию кокетливых особ. Без желания доставить им неприятные минуты.

А следующий рассказ, наоборот, кокетливых просит не тревожиться. А пуцай его читают отцы и деды и также матери. Детям же читать тоже не рекомендуется, чтоб философская мысль этого произведения не натолкнула бы их на нечто похожее.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ДЕВОЧКЕ САПОЖКИ ПОКУПАЛИ
Трофимыч с нашей коммунальной квартиры пошел своей дочке полсапожки покупать.

Дочка у него, Нюшка, небольшой такой дефективный переросток. Семи лет.

Так вот, пошел Трофимыч с этой своей Нюшкой сапоги приобретать. Потому как дело к осени, а сапожонок, конечно, нету.

Вот Трофимыч поскрипел зубами – мол, такой расход, – взял, например, свою Нюшку за лапку и пошел ей покупку производить.

Зашел он со своим ребенком в один коммерческий магазин. Велел показать товар. Велел примерить. Все вполне хорошо: и товар хорош, и мерка аккуратная. Одно, знаете, никак не годится – цена не годится. Цена, прямо скажем, неинтересная.

Тем более Трофимыч, конечно, хотел купить эти детские недомерки совсем за пустяки. Но цена его напугала.

Пошел тогда Трофимыч, несмотря на отчаянный Нюшкин рев, в другой магазин. В другом магазине опять та же цена. В третьем магазине – та же картина. Одним словом, куда ни придут, та же история: и нога по сапогу, и товар годится, а с ценой форменные ножницы – расхождение, и вообще Нюшкин рев.

В пятом магазине Нюшка примерила сапоги. Хороши. Спросил цену. Ему говорят:

– Напрасно ходите, цена, говорят, всюду казенная, и никакой скидки.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
Начал Трофимыч упрашивать, чтоб ему скостили несколько рублей для морального равновесия, а в это время Нюшка в новых сапожках подошла к двери и, не будь дура, вышла на улицу.

Кинулся было Трофимыч за этим своим ребенком, но его заведующий удержал.

– Прежде, – говорит, – заплатить надо, товарищ, а потом бежать по своим делам.

Начал Трофимыч упрашивать, чтоб обождали.

– Сейчас, – говорит, – ребенок, может быть, явится. Может, ребенок пошел промяться в этих новых сапожках.

Заведующий говорит:

– Это меня не касается. Я товара не вижу. Платите за товар деньги. Или с магазина не выходите.

Трофимыч отвечает:

– Я с магазина не выйду. Я обожду, когда ребенок явится.

Но только Нюшка в магазин не вернулась.

Она вышла из магазина в новеньких баретках и, не будь дура, домой пошла.

"А то, – думает, – папаня, как пить дать, обратно не купит, по причине все той же дороговизны".

Так и не вернулась.

Нечего делать – заплатил Трофимыч сколько спросили, поскрипел зубами и пошел домой.

А Нюшка была уже дома и щеголяла в своих баретках.

Хотя Трофимыч ее слегка потрепал, но, между прочим, баретки так при ней и остались.

Теперь, после этого факта, может быть, вы заметили: в государственных магазинах начали отпускать на примерку по одному левому сапогу.

А правый сапог теперь прячется куда-нибудь, или сам заведующий зажимает его в коленях и не допускает трогать.

А детишки, конечно, довольно самостоятельные пошли.

Поколение, я говорю, довольно свободное.

А что со стороны ребенка допущено такое маленькое коварство, то это скорей всего, я так думаю, по причине папиной скупости, или, может, у него деньжонок не хватило.

На этом невинном детском рассказике мы хотели закончить наш отдел "Коварство", с тем чтобы перейти к новому – "неудачи", однако близость этого отдела почты позволяет нам рассказать еще одну новеллу, в которой два этих предмета – коварство и неудачи – соединились между собой.

И вот что получилось.

ИСТОРИЯ С ПЕРЕОДЕВАНИЕМ

Конечно, всем известно, что в гостинице достать номер сейчас не так легко.

Я как приехал на юг, так сразу в этом убедился.

Слез с парохода, зашел в одну гостиницу, там портье говорит:

– Знаете, я прямо удивляюсь на современную публику. Как пароход приходит, так

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
все непременно к нам. Как будто у нас тут гостиница. Ну гостиница. Но номеров у нас нет. Переполнение.

Тогда я решаюсь пуститься на такую хитрость. Я выхожу на улицу и обдумываю план действия.

В руках у меня два места. Одно место – обыкновенная корзинка, на какую глядеть мало интереса. Зато другое место – очень великолепный фибровый или, вернее, фанерный чемодан.

Корзинку я оставляю у газетчика, выворачиваю наизнанку свое резиновое международное пальто с клетчатой подкладкой, напяливаю кепку на нос, покупаю сигару и ее закуриваю и вот в таком неестественном виде со своим экспортным чемоданом вламываюсь снова в эту гостиницу.

Швейцар говорит:

– Напрасно будете заходить – номеров нету.

Я подхожу до портье и говорю ему ломаным языком:

– Ейн шамбер-циммер, говорю, яволь?

Портье говорит:

– Батюшки-саеты, никак иностранец к нам приперся.

И сам отвечает тоже ломаным языком:

– Яволь, яволь. Она, шамбер-циммер, безусловно яволь. Битте-дритте, сию минуту. Сейчас выберу номер, какой лучше и где поменьше клопов.

Я стою в надменной позе, а у самого поджилки трясутся.

Портье, любитель поговорить на иностранном языке, спрашивает:

– Пардон, – говорит, – господин, извиняюсь. Ву зет Германия, одер, может быть, что-нибудь другое?.. "Черт побери, – думаю, – а вдруг он, холера, по-немецки кумекает? И сейчас на этом языке разговорится".

– Но, – говорю, – их бин ейне шамбер-циммер Испания. Компрене? Испания. Падеспань.

Ох, тут портье совершенно обезумел.

– Батюшки-светы, – говорит, – никак к нам испанца занесло. Сию минуту, говорит. Как же, как же, говорит, знаю, слышал – Испания, падеспань.

И у самого, видать, руки трясутся. И у меня трясутся. И у него трясутся. И так мы оба разговариваем и трясемся.

Я говорю ломаным испанским языком:

– Яволь, говорю, битте-цурбитте. Несите, говорю, поскорей чемодан в мою номерулю. А после, говорю, мы поговорим, разберемся что к чему.

– Яволь, яволь, – отвечает портье, – не беспокойтесь.

А у самого, видать, коммерческая линия перевешивает.

– Платить-то как, – говорит, – будете. Инвалют одер все-таки неужели нашими.

И сам делает из своих пальцев знаки, понятные приезжим иностранцам, нолики и единицы.

Я говорю:

– Это я как раз вас не понимает. Неси, говорю, холера, чемодан поскорее.

Мне бы, думаю, только номер занять, а там пуцай из меня лепешку делают.

Вот хватает он мой чемодан. И от старательности до того энергично хватает, что чемодан мой при плохом замке раскрывается.

Раскрывается мой чемодан, и, конечно, оттуда вываливается, прямо скажем, разная дрянь. Ну, там, бельишко залатанное, полукальсоны, мыльце "Кил" и прочая отечественная чертовщина.

Портье поглядел на это имущество, побледнел и сразу все понял.

– А нуте, – говорит, – испанский подлец, покажи документ.

Я говорю:

– Не понимает. А если, говорю, номеров нету, я уйду.

Портье говорит швейцару:

– Видали? Он пытался пройти под флагом иностранца.

Я хочу поскорей уйти, но швейцар говорит:

– Тес, товарищ, подойдите сюда. Не бойтесь. Скажите, неужели вам так нужен номер?

Я говорю:

– На пароходе закачалю – еле стою. И даже согласен дать премию, только чтоб мне дали в номере полежать.

Портье говорит.

– У нас взятки не берут. А если вам так нужен номер, то я вам могу дать просто так безвозмездно. Но он без ключа номер заперт, а ключ потерян. За это вы слесарю заплатите пятнадцать рублей. Он вам откроет и ключ подберет из старья.

Я плачу эти деньги и получаю номер.

А вечером узнаю, что никто от этого номера ключа не терял, а просто они мне загнали за пятнадцать целковых обыкновенный ключ от этого номера. Об этом мне сказал сосед, с которого они взяли за то же самое десять целковых. А с меня на пять рублей дороже, как с бывшего испанца.

В общем, я был доволен, что получил номер.

На этом рассказе мы закончим наше повествование о коварстве. Конечно, возможно и даже скорей всего мы позабыли еще что-нибудь отметить из этой области. Так что если читатели вспомнят что-нибудь острое о коварстве, пусть они это отметят в своих сердцах.

Прочтите только тут еще небольшое послесловьице к нашему отделу "Коварство". После чего мы с вами перейдем к четвертой книге – "Неудачи".

И в этой книге будем говорить о таких делах, от которых мужчины задрожат, а женщины ахнут.

Итак, извольте небольшое, вроде болтовни, послесловьице. Оно, так сказать, морским узлом завяжет все то, что вам говорили про коварство,

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, на этом, дорогие друзья, мы заканчиваем наш отдел "Коварство".

Что же мы видим, прочитавши исторические новеллы и забавные мелочишки из нашей жизни?

А мы видим, что в истории редко что случалось без коварства. И что на этот

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
скользящий путь, несомненно, многих толкало темное прошлое.

А поскольку у нас перемена курса – наше будущее нас, естественно, не волнует. А что касается интуристов, то они, наверное, тоже схватятся за ум и до чего-нибудь додумаются.

Тем более там многие сами не захотят, чтоб на вершине жизни в полном блеске и в сказочном великолепии болтались у них главным образом спекулянты и темные дельцы со своим коварством и хитростью.

То есть это прямо, знаете, исторический анекдот. Кто больше спер, тот и царь. Кто больше выиграл или наспекулировал, тому полное почтение. Ну, что это такое?

Ясно, что коварства чересчур много.

Нет, это не может быть, чтоб это так у них сохранилось на вечные времена. Ясно, что это переменится.

Во всяком случае, старый мир с его мешочниками, купцами и спекулянтами в дальнейшем, без сомнения, рассыплется в прах и в тартарары. Разве что ради курьеза где-нибудь останется что-нибудь такое, вроде МонтеКарло, куда специально будут приезжать любители вспомнить о прошлой жизни.

Да еще возможно, что госпожа великая Англия из гордости и самолюбия что-нибудь такое оригинальное придумает. И поскольку там современный строй плюс король, то от них можно ожидать и еще какого-нибудь исключительного соединения – капитализма, например, с социализмом и еще с чем-нибудь. Но, может быть, они и без этого обойдутся.

В общем, мы не сомневаемся в победном шествии жизни. Все дрянное уйдет. Арапство исчезнет. Обиды, боль, слезы и огорчения забудутся. Детишки засмеются. Взрослые заплодируют. И весь старый мир, все прошлое будет сосчитано как печальное недоразумение на заре человеческой жизни.

И все это прошлое исчезнет и, так сказать, пройдет.

Как сказал поэт:

Все пройдет, как с белых яблонь дым.

И мы в этом не сомневаемся.

Итак, друзья, подумавши возвышенным образом о дальнейшем, перейдем к нашему новому отделу: "Неудачи".

Тут, как многие уже, наверное, успели догадаться, речь пойдет о неудачах. И мы уже слышим отрывистые голоса и всхлипывания. Мы слышим недовольные речи и брюзжание. И кто-то канючит. Это брюзжат и канючат неудачники. Ах, им не хочется неудач. Они хотят кататься, как сыр в масле. Но это, конечно, не так-то легко дается. Вот они и брюзжат.

В общем, переходим к очередному отделу: "Неудачи".

НЕУДАЧИ

1. Когда мы в свое время лежали себе в люльке и крошечными губенками, мало чего, понимая, тянули через соску теплое молоко, – какое, наверное, архиблаженство испытывали мы от окружающей жизни.

2. Главная причина блаженства, я теперь так думаю, заключалась именно в том, что мы решительно ниоткуда не ожидали никаких неприятностей и не испытывали никаких неудач.

Ну, разве там, предположим, животик у нас неожиданно схватит, либо там блоха, соскочивши со взрослого, начнет кусать наше еще не окрепшее тельце.

Вот, так сказать, и все неудачи, вот вам и все трудности переходного возраста.

А все остальное текло, конечно, в чудном свете безмятежного существования.

3. А каким удивительным, каким прямо сказочным рисовался нам окружающий мир, когда мы юношей с превеликим удовольствием вступали на шаткий путь нашей жизни.

Какая прямо волшебная панорама расстилалась тогда перед нашим невинным взором.

Весь мир, нам казалось, наполнен счастьем, любезностью, удачами и чем-нибудь вроде этого. Каким-нибудь упоением.

Мужчины представлялись мыслителями. А женщины в нашем воображении рисовались вроде каких-то браваурных испанских певичек, которые то и дело поют, хохочут и выпивают. И кругом них только и происходит, что свадьбы, танцы, журфиксы и поцелуи.

Изредка там, мы думали, совершается что-нибудь неприятное – пожары там или обмороки. И снова опять журфиксы. Пляски. И так далее.

4. Но вот прошло, конечно, очарование юности. И все оказалось, как говорится, совсем напротив.

Так сказать, глазами разума мы имели неосторожность взглянуть на окружающий ландшафт. И вдруг, как в сказке, в одно мгновение исчезли все эти волшебные картинки. И поблекли пестрые краски. И пропало все, от чего мы было пришли в такой неописуемый восторг.

Как сон, все это исчезло, погасло и прекратилось.

И от этого нам стало так досадно, что мы прямо даже не можем вам и выразить.

Об этой досаде в свое время прекрасно выразился один наш славный поэт. Он так воскликнул, говоря о прошедших днях своей юности. Вот как он сказал об этой неудаче с чувством досады, с крайней растерянностью и с дрожью огорчения. Вот его слова:

Жизнь моя, – воскликнул он, – иль ты приснилась мне!
Словно, говорит, я весенней, гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

5. Да, это очень прекрасно сказано.

Буквально как на розовом коне, мало чего понимая, проскакали мы по цветущим полям нашей юности.

А когда стали кое-что понимать, то увидели, что все не так-то распрекрасно, как это нам казалось с седла пашей розовой сивки. И все эти розовые картины, которые рисовались нам, оказались совершенно иными. Кроме пожаров и обмороков, кругом были огромные неудачи. И эти огромные неудачи буквально переполнили нашу дореволюционную страну.

И даже наш прекрасный, но лирический поэт того времени, хотевший видеть главным образом цветы, луну и букеты, однажды так воскликнул:

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком!
О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?
Однако закончим наши лирические отступления и перейдем к делу.

6. И вот, по примеру прошлых отделов, открываем мы историю, чтобы, конечно, поглядеть, как там у них раньше было насчет этих самых неудач. И откуда они, собственно, возникали, эти неудачи? Не от глупости ли? А если не от глупости, то это, может, и поправимо.

И вот глядим в историю. Перелистываем ее туда и сюда. Средний мир. Древние века. Халдея там. Финикия. И мало ли там чего. Персия. Сиам.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
И видим прямо нечто удивительное.

То есть, кроме неудач, у них как будто мало чего и бывало. Нищие бродят. Прокаженные лежат. Рабов куда-то гонят. Стегают кнутом. Война гремит. Чья-то мама плачет. Кого-то царь за ребро повесил. Папу в драке убили. Богатый побил бедного. Кого-то там в тюрьму сунули. Невеста страдает. Жених без ноги является. Младенца схватили за ножки и ударили об стенку... Как много, однако, неудач. И какие это все заметные неудачи.

Вот как один ученый русский поп сказал в 1734 году. Он так сказал о знаменитой тайной канцелярии, которая учиняла жестокую расправу с царскими врагами. Он сказал на своем дурацком наречии:

"Ежели бы перстом руки изрыть частицу земли на месте оном, то ударила бы из нее фонтаном кровь человеческая".

И вот, окончательно соскочивши с розового коня, давайте коснемся этого мотива.

7. Да из всех чертовских неудач, рассыпанных на каждой странице истории, наиболее всего нас может поражать какая-то, прямо скажем, бешеная жестокость по отношению к своей же подчиненной публике.

То есть это прямо в другой раз как-то даже плохо укладывается в голове. Все-таки встречаются милые люди. И вдруг там читаем – целую семью запихали в клетку к медведям. С другого там сняли кожу. Этому отрубили руку. Отрезали нос. Прибили гвоздем шляпу к голове. Посадили на кол.

Английский посол Горсей пишет в своих записках (в 1578 году):

"...А Тулупова посадили на такой длинный кол, что тот вышел около затылка. И пятнадцать часов князь Тулупов мучился и разговаривал со своей женой".

Другого "правонарушителя", доктора Емельяна Бомельню, Иван Грозный приказал сжарить на вертеле медика привязали к деревянному шесту и медленно жарили, поворачивая шест. Потом еле живого бросили сарай на солому.

Знаменитую красавицу Лопухину и ее подругу (1743 год) били кнутом на площади в Петербурге и потом, по приказанию императрицы Елизаветы, "урезали" языки.

А когда Лопухина не давалась палачу, тот схватил ее за горло, потряс, и, вытащив рукой язык, отрезал его щипцами. Эта Лопухина уже старухой вернулась из ссылки.

И всех при дворе удивляла своим мычанием. Так пишет госпожа история.

Может быть, впрочем, прекратить эти неприятные речи?

Нет, просьба потерпеть еще немного. Но все-таки извольте прочесть еще небольшой отрывок. Иначе не поймете, чего такое – неудача.

Наиболее распространенная пытка в России была такого рода. У обвиняемого позади связывали руки в опущенном состоянии и привязывали веревку к ним. И эту веревку перекидывали через блок, укрепленный на потолке. Потом этой веревкой тянули руки вверх. Причем по мере подтягивания руки выворачивались из плеч. При этом чаще всего обвиняемого подпаливали на медленном огне или били кнутом.

Весьма часто вплоть до середины XVIII века обвиняемых закапывали в землю, оставляя над землей только голову. Это была весьма мучительная смерть, которая наступала на четвертый, а то и на пятый день. Иногда вешали за ноги или за ребро. А также вплоть до XIX века четвертовали.

Один шведский офицер, присутствовавший при казни четвертованием изменника Паткуля (при Карле XII), застрелил этого преступника. Он не мог выдержать картины этой казни. Сначала Паткулю отрубили одну руку и одну ногу, потом другую руку. Но он еще был жив и взглянул на офицера такими глазами, что тот выхватил пистолет и пристрелил его. За это Карл XII велел немедленно расстрелять офицера, что и было исполнено.

Но еще более свирепая казнь – колесование, при которой приговоренному

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
раздраблывали все кости и ноги соединяли с головой. Эта казнь возникла в Риме и продолжалась до всей Европе вплоть до XIX века.

Вот вам, я извиняюсь, и поэзия, глядите, за ребро повесят. Дуры.

12. Правда, глупость какая. Стремление к поэтическим идеалам. Вот там покажут кузькину мать.

Хотя это, с одной стороны, сама поэзия слегка туману напустила.

Розы и грезы, а насчет того, что за ноги вешают, об этом поэзия барышням ничего не подносила. В общем, извиняемся, что доставили вам сразу столько моральных затруднений. Но поскольку неудачи, так ясно,

что приходится затрагивать и то и се.

Итак, переходим к нормальным историческим новеллам о неудачах. В которых надеемся, что ничего такого вроде этого уже не будет. Но, конечно, гарантии не даем.

В общем, друзья, история знает огромное количество событий, связанных с неудачами. Но среди них одно небольшое событие прямо нас умиляет своей нетронутой простотой. И хотя это было давно, но случай этот и в наши дни приобретает некоторую, что ли, остроту. Он у нас может легко пойти под лозунгом – борьба с религиозным дурманом или что-нибудь вроде этого.

13. В общем, это было в древнейшие времена, когда процветали какие-то доряне. И они воевали тогда с афинянами. Но доряне, в общем, – тоже греки. И афиняне – греки. Уж об афинянах-то и говорить, конечно, нечего. Они тем более, конечно, греки. Это уже всем известно. Афины. И так далее Тем не менее они между собой, эти

Греки, усиленно воевали. В древние времена бывала подобная неразбериха. Только факт, что у них была продолжительная война. Спарта и эти. Вообще передрались.

Черт знает что такое.

А в Афинах был царь, носивший, наверное, чисто греческое имя Кодр.

И вот сидит однажды этот Кодр на позициях в своей военной палатке и размышляет, как бы ему там получше завоевать, что ли, этих самых дураков, дорян. И вдруг ему докладывают, что знаменитый спартанский оракул недавно сделал среди своих дорян интересное предсказание. Он сказал, что доряне непременно одержат победу.

И только они в том случае проиграют войну, если они убьют афинского царя Кодра. Тогда, дескать, ожидайте поражения.

14. Кодр, услышав эти слова, прямо задрожал в своей палатке. И, безмерно любя свою Грецию, решил пожертвовать своей особой. Во имя, так сказать, своей героической родины.

И вот ночью он переоделся в другое платье, перешел в лагерь дорян и там затеял с одним солдатом ссору, в результате чего этого нашего героя и убили.

Скорей всего с улыбкой на устах принял он эту кончину, – дескать, перехитрил вас, все-таки вы меня, доряне, убили. Теперь сдавайтесь согласно предписанию оракула.

Самое смешное в этой истории то, что доряне, убив Кодра, вдобавок еще одержали победу над его войсками и вскоре выиграли всю войну.

Так что лавры оракула сильно после того подмокли. И, главное, через него невинно пострадал наш доблестный царь Кодр, излишняя доверчивость которого и отчасти глупость завела его в такой тупик. В общем, подобная крупная неудача поистине бывает только раз в жизни.

Вот что значит доверять мошенникам и хиромантам.

Так дурак и помер. И даже, кажется, династия на нем прекратилась. Ну, что это такое! Вот психопат.

15. Интересный случай неудачи испытал на себе также знаменитый и прославленный римский папа Борджиа Александр VI (умер в 1503 году).

Не будем его здесь описывать. Всем известна его отрицательная личность. Отметим только, что подобные оригиналы и мошенники не раз бывали на папском престоле. Но этот был особенный. Он прямо как с цепи сорвался.

Главное, что всех нас в этом папе поражает, – это его любовь к убийствам. И он вообще ни перед чем не останавливался в достижении намеченных идеалов.

Это был, вообще говоря, довольно сильная личность. И он итальянскому народу очень много крови испортил своим бурным поведением.

У него вдобавок был еще сын Цезарь. Тот совсем был мошенник и вор. Так что они оба два – папа с Сыном – на пару, так сказать, лихо поработали там у себя в Риме.

Вот вообще даже не понять. Эпоха Возрождения. Рафаэль все-таки. Микеланджело. Леонардо да Винчи работал, между прочим, у этого папы. И наряду с этим – такой исключительный папа. Как-то это даже странно с нашей уши зрения. А тогда, наверно, этому не так уж удивились.

16. Да, так вот, в католической церкви происходили тогда некоторые волнения. Папа хотел объединить всю Италию под своей божественной властью. А другие стеснялись и не хотели этого. Вот Александр VI и горячился.

И он, главное, хотел устранить двух кардиналов, которые ему мешали. Он подсылал убийц, но из этого ничего пока не выходило. Тогда он пригласил их однажды к себе на именины. И тем отказать уже было неловко. Все-таки – папа.

И они, конечно, приехали.

А папа только этого момента и ждал. Он их решил отравить за ужином. И он в вино подсыпал какой-то сильный египетский яд.

И, чтобы у гостей не было сомнения, это вино в четырех одинаковых золотых бокалах принес на подносе кто-то там из лакеев. Какой-нибудь там мажордом. Торжественно, может быть, внес этот поднос в столовую.

И папа любезно сказал: "Вот, дескать, друзья, нас тут – раз, два, три, четыре – вы оба, и мы с сыном. Давайте же поздравим друг друга с именинами и выкушаем этот искрометный напиток. Ура!"

17. Или он чего-нибудь вроде этого сказал. И подмигнул лакею, – дескать, обноси, дурак, и станови перед каждым по их бокалу.

А надо сказать, что два бокала с отравой были чутьчуть побольше в высоту. А которые два поменьше – те содержали в себе чистое вино.

А лакей, дурак, запарившись, перепутал и сунул кардиналам более маленькие кубки. А более возвышенные бокалы, конечно, схватили для себя папа с сыном.

Но папа-то еще понятно. Папа только отдал распоряжение и не знал, куда они всыпали отраву. Он на своих надеялся. Но насчет сына, Цезаря, это прямо изумительно. Он сам засыпал яд и вдруг в последнюю минуту позабыл приметы. И потащил к губам отравленный напиток.

И папа, глядя на него, тоже за ним потянулся. И кардиналы с ними чокнулись.

В общем, факт, что они все четверо выкушали это вино. И вдруг у папы с сыном моментально глаза на лоб полезли. Сыну говорит: "Папа, знаешь, кажется, мы ошиблись".

18. Кардиналы им говорят: "Что, дескать, с вами, папа с сыном?" И папа, к черту,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
под стол сползает.

Драма, конечно, скандал. Крики. И сразу все разъяснилось. Кардиналы задрожали задним числом. Стали на потолок зыркать и креститься о чудесном спасении. После чего подбежали к папе, но тот уже тихо лежит кверху брюхом и дышать не может.

А его сын, этот бешеный Цезарь, даром что он тоже свое вино вылакал, все-таки благодаря, может быть, своей молодости и нахальству вскочил на ноги и пулей бросился куда-то там такое. Он моментально отыскал противоядие, принял его. Его хорошенько вырвало, прослабило, и он остался жив всем на удивление. После чего его хотели отдать под суд, но он сбежал за границу. И жил там исключительно хорошо, покуда вскоре не умер. Его там, кажется, наконец убили. Так что он достиг все-таки своей настоящей планеты.

А папа так и умер на месте. Вот это была неудача. Дурак какой.

19. Но это, конечно, скорей личная неперка, чем неудача. А то бывают неудачи крупного значения. Какие-нибудь язвы общества и так далее. Или там проявление угодливости, низкопоклонства и что-нибудь вроде этого. Конечно, это тоже неудачи. Но уже в области характеров. Это уже общественные неудачи. То есть это уже не пустяки вроде вышеуказанной ошибки бокалы перепутали.

Вот, например, представьте себе такую сцену из римской жизни.

Римский император Тиберий. Сначала он был ничего. То есть в своей молодости он был даже приятный человек. Во всяком случае, не был подлец. Но под конец он испортился. У него голова от власти закружилась. И он наделал чертовские дела по своей жестокости. Его в Риме очень не любили. Но он на это плевал. Он сказал такую историческую фразу: "Пусть ненавидят, лишь бы подчинялись".

Но тем не менее в своей молодости он был ничего себе человек. Он даже, как отмечает история, горел лучшими намерениями. Особенно когда он был еще консулом.

У него тогда были разные планы. И он любовно относился к людям. Как-то гуманно.

20. И, будучи, в хорошем, чувствительном, настроении, он однажды сказал за обедом:

– Вот, дескать, господа, мы пользуемся всем на свете и отличаемся хорошим здоровьем. А многие несчастные, может быть, тем временем хворают и умирают. Как это нехорошо. Я бы, говорит, хотел им посочувствовать. На днях, говорит, я непременно объеду все больницы и поговорю с больными кто в чем нуждается. Я, говорит, хочу прикоснуться к страданиям, чтобы хоть немножко облагородиться.

Тут окружающие, наверно, заплодировали. Дескать, какое сердце, какие поступки, – человек ездит по больницам и наблюдает разные там язвы и лишаи, будучи консулом.

Тиберий говорит:

– Ну, что вы. Отчего же. Я даже завтра могу поехать.

И вот он, распаленный в своих лучших чувствах, действительно решил завтра же объехать все больницы.

Однако окружающее начальство, желая угодить Тиберию и желая доставить ему поменьше затруднений при подобном осмотре больниц, решило упростить это дело.

И был отдан приказ – собрать всех больных в городском саду и разложить их там по роду их болезней.

Что, по словам римского историка Светония, и было на другой день исполнено.

21. Можно представить, какое волнение поднялось в больницах, когда пришло подобное распоряжение.

Многие заведующие больниц бросились, конечно, куда-нибудь там в ихнее управление. Начали доказывать.

Горячиться. Дескать, что это не представляется возможным. И где же транспорт взять и так далее. И тем более многие больные у нас довольно плохо себя чувствуют – они хворают. А кое-кто плохо даже передвигается. Которые ослабшие или с тифом. Как же так, господа, взять их и всех, что ли, свалить в сад? Или что? Объясните распоряжение. Конечно, если вы настаиваете. Мы не возражаем. Тем более если это приказ, то мы понимаем, что его надо исполнить.

В общем, медицинские работники, вздыхая, и шипя, и перекидываясь обывательскими фразами, бросились назад по своим больницам и стали там готовить больных к передвижению.

И, значит, вскоре под барабанный бой двинули их к городскому саду. Где и стали всех располагать там по группам. Или, как Светоний говорит, – по роду заболеваний.

То есть, наверно, чахоточных посадили с чахоточными, подагриков к подагрикам. А ревматиков живописной группой расположили под деревом. А хворающим воспалением легких велели лечь около бассейна, чтобы они могли освежаться и утолять жажду. И так далее.

Засим все стали ожидать. Заиграла музыка. Подагрики и роженицы подтянулись и выглядели молодцами.

И наконец раздались голоса: "несут". И Тиберий, окруженный друзьями, сияющий и молодой, предстал перед трепещущей медициной.

22. К чести его надо сказать, что эта живая картина в городском саду ему не понравилась.

То есть сначала он от изумления двух слов не мог произнести.

Один из начальников говорит:

– Собрали их всех в саду-с. Чтоб, так сказать, вам не трепаться по разным учреждениям.

Тиберий говорит:

– Да, но как же так, господа? Собрать их всех в одну кучу... Как-то странно.

– Отчего же странно? Собрали-с в одну кучу, чтоб, так сказать, вы могли бы сразу лицезреть что к чему.

Тиберий говорит:

– Да, но, может быть, они не хотят этого... Может быть, они больные. Вон как они у вас болезненно смотрят.

– Отчего же не хотят? Они очень хотят. Только они перед вами стесняются. Вот они и смотрят слегка болезненно. А так-то до вас они у меня тут диски кидали.

И хоть бы что.

23. Тиберий говорит:

– Да нет, я ничего не говорю, только почему они такие бледные? Что они, больные у вас, что ли?

– Хворают-с. Вот они и побелели. А так-то они ничего еще. Крепыши.

Тиберий говорит:

– А врачи-то что же говорят?

– А врачи прямо на седьмом небе от удовольствия. Они говорят: сколько лет ждали, чтобы это наконец было, и вот это случилось. Они выражают вам благодарность за это решение. Они говорят, что только после этого они почувствовали настоящее

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
внимание к медицине. А то находились все равно как сироты. Тосковали. И вдруг теперь могут отыграться. А в крайнем случае можно, конечно, отдать распоряжение, чтобы они обратно возвращались. Если вы уж насмотрелись на картины человеческого страдания.

Тиберий говорит:

– Пойду, что ли, извинюсь перед больными.

И, подойдя к больным, стал перед ними извиняться за излишество и за бездушный, бюрократический перегиб, допущенный со стороны начальства.

И, по словам историка Светония, "он даже извинился перед людьми самыми маленькими и неизвестными".

В общем, снова загрела музыка. Больные подтянулись. И наш Тиберий, покачивая головой и вздыхая, вышел из сада в сопровождении восхищенных друзей.

Сия история говорит о том, как иной раз возникают неудачи, с которыми во все времена следует горячо бороться путем сатиры и просвещения.

24. Но это что. Вот был еще более крупный случай неудачи. В 1740 году в Европе стало известно, что некий великий герцог тосканский Франц-Стефан продает дивный брильянт.

Дело в том, что этот герцог вел войну с Испанией. И вот он сильно поиздержался. И теперь ему до зарезу нужны были деньги.

И вот он стал продавать свой лучший брильянт.

А брильянт этот действительно был исключительный, дивной красоты. И он был очень громадный. В нем было сто тридцать четыре карата.

То есть ювелиры говорят, что это что-то особенное. Они говорят, что только три или четыре алмаза есть крупнее этого. Один какой-то фантастический алмаз в триста шестьдесят карат у султана на Борнео. Затем в двести семьдесят. Такой какой-то под названием "Великий Могол". Затем французский алмаз в сто тридцать шесть карат. И, наконец, наша стекляшка в сто тридцать четыре карата.

Так что можете себе представить, что это был за камешек.

И вот он вдруг продается.

25. Конечно, началось волнение среди царских особ. Каждому царю небезынтересно такой алмаз в свою корону поставить. А герцог торгуется. Ему дают полмиллиона, но это ему мало.

А на этот алмаз очень исключительно разгорелась наша русская императрица Анна Ивановна со своим Бироном. У ней там был брильянтик в ее короне, но небольшой, в пятьдесят три карата, а ей непременно хотелось этот вдеть. Ей казалось, что это ей пойдет. К ее внешности. А сама-то она, как говорят современники, была солидная, расплывчатая дама с рябоватым лицом и с красноватыми глазами. И мы так думаем, что это навряд ли ей могло пойти.

Но поскольку она русская императрица, то она была не ограничена в своих дурацких фантазиях. И вот она стала покупать этот камень.

Ах, да, в русской короне был еще один громадный брильянт в сто девяносто три карата. Но он был куплен уже в дальнейшем, при Екатерине II. А наша дама проживала как раз до этого факта. Так что она, естественно, расстраивалась, что не захватила эту будущую эпоху с более крупным камнем.

А герцог, видя, что она так расположена покупать, не будь дурак, спросил с нее миллион.

26. Еще полмиллиона она могла наскрести, но всей суммы у нее не было. Тогда она ему сказала следующую историческую фразу:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

"Я вам даю, герцог, полмиллиона и вдобавок еще пятьдесят тысяч русского войска, чтобы вы могли продолжать войну с Испанией".

У герцога задрожали коленки от волнения, и он уже хотел соглашаться, но тут вмешалась Австрия и дала герцогу два миллиона в долг, только чтобы он не путался с русскими.

И герцог сказал нашей даме: "Алмаз я больше не продаю. Он у меня остается в короне. С тем и съешьте".

Так она алмаза и не купила. Наверно, ревела. Корова.

Но тут, конечно, неудача не в том, что у ней покупка не состоялась. А в том, что пятьдесят тысяч русских мужиков могли бы пойти драться с Испанией. Пятьдесят тысяч здоровых русских парней могли бы лечь на полях за один дамский каприз рябой бабы.

Какая неудача, что этим делом так легко можно было распорядиться. Впрочем, такие неудачи все время случались в нашей славной истории.

Нет, какая скотина. "Пятьдесят тысяч мужиков, – говорит, – господин герцог, я вам даю". Надо, братцы, хорошенько понять эту фразу. И потом уже говорить о политике.

27. Из больших неудач можно также сосчитать в свое время неудачное отношение к поэзии.

При той же Анне Ивановне жил в России такой небезызвестный поэт Тредьяковский.

Как поэт он ничего особенного из себя не представлял. Но все-таки стишки там кое-как кропал.

Что-то такое:

Стрекочу кузнецу, в зеленом блате сушу,
Ядовиту червецу, по злаку ползущу.
Как-то у него так оригинально выходило. И для своего времени он считался ничего себе. Одним из крупнейших поэтов. Вроде, что ли, Уткина.

Но человек он тем не менее был не особенно приятный. Вернее, он был большой интриган и льстец. На что его толкала, наверно, мрачная эпоха. А человек он был довольно ученый. И не без образования. В общем, симпатии наши на его стороне.

Но это между прочим. В общем, живет себе поэт. Пишет стихи. Вдруг его вызывают к министру.

28. Министр Волынский ему говорит:

– Вот что, друг, тут у нас по распоряжению императрицы будет происходить шутовская свадьба. Мы женим нашего придворного шута Голицына с одной карлицей. Так вот, нам надо, чтоб ты написал стишки по поводу этого забавного бракосочетания. И поскольку ты поэт, то мы ожидаем от тебя расцвета творчества на этот счет.

Тредьяковский, конечно, стал отнекиваться, но министр ему сказал:

– Тогда я попросту велю тебе написать и кончен бал. Не надо с министром спорить.

Поэт говорит:

– Свое поэтическое дарование я не намерен разбазаривать на такие дела. Подыщите себе другого поэта.

Историки говорят, что министр задрожал от гнева и стал по щекам бить поэта. Как тогда говорилось: "Из собственных ручек набил морду". Потом, побивши, велел посадить его под арест, и злосчастного поэта взяли под микитки и увели в караульную. А министр ему на прощание сказал:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– До тех пор тебя, негодяя, не выпущу наружу, пока ты мне не сочинишь каких-нибудь хороших стихов.

29. На другой день поэт все-таки, сидя в караульне, сочинил стихи. И эти стихи вошли, так сказать, в железный фонд русской поэзии. Они стали историческими стихами.

Здравствуйте, женившись, дурак и дура.

Теперь то прямое время вам повеселиться.

Теперь то всячески, поезжане, должно беситься.

И так далее. Собственно говоря, по справедливости, надо было бы после написания этого стихотворения наколотить морду поэту. Но министр поторопился. И он до написания потрудился. И тем самым, так сказать, поступил отчасти педагогически.

Из чего мы можем заключить, что время для расцвета поэзии было не совсем такое, что ли, удачное.

Между прочим, этот министр, побивши поэта, также потерпел неудачу.

Он чем-то не угодил Бирону и сложил свою пылкую голову на плахе. Его пытали. Отсекли правую руку, а потом голову.

Вот какие бывали неудачи как в поэзии, так и в прозе.

Теперь, как говорится, в заключение нашего концерта из новелл – послушайте вальс Штрауса "Жизнь художника".

Ах, это очень трогательная история!

30. Эта сентиментальная новелла будет о В. П. Боткине, который проживал в России в середине XIX века.

Он был, между прочим, друг Белинского и Некрасова. И сам он занимался литературой – критиковал, писал стихи и еще что-то такое.

Человек, говорят, был тончайшей души. Он был эстет. Он восхищался перед красотой. Любил музыку. Декламировал стихи. Увлекался хорошенькими дамами. И так далее. Он писал: "Главная задача писателя – развивать в читателе эстетические вкусы".

Поэтесса Авдотья Панаева, то есть она не поэтесса, а подруга поэта Некрасова, так о нем выразилась в своих записках:

"Он был тонкий ценитель всех изящных искусств".

Вот каков был наш герой.

31. Такие эстеты, между прочим, нередко бывали среди обеспеченных русских интеллигентов и помещиков.

А наш Боткин хотя и не был помещиком, но имел в банке капитал. Он жил себе на проценты. Его папа держал чайную фирму. И оставил нашему Василию Петровичу сто пятьдесят тысяч золотом. Худо ли!

Так что у него денег было много. Но он капитала не трогал и даже процентов не проживал. Он скупился. Он тащил деньги. Сам не зная, для чего. И жил больше чем скромно.

Панаева говорит, что он был до крайности расчетлив.

Он, например, считал, сколько конфет осталось в коробке.

И если хоть одна пропадала, он устраивал крики и скандалы своим лакеям.

В Париже он, попив кофе, имел привычку прятать в карман оставшийся сахар.

А когда раз в Париже он под пьяную лавочку дал кокотке сто франков, так он неделю не мог успокоиться.

Но тем не менее он был эстет и любил красоту, – в чем бы она ни выражалась.

22. И вот ударило нашему эстету пятьдесят четыре года.

И он стал хворать.

У него открылись боли в правом боку. И, кроме того, у него ослабла нервная система от постоянного восхищения перед красотой.

Короче говоря, он ослаб и стал прихварывать.

И он в первый раз тогда подумал, что все люди смертны. А то он думал, что это все время так и будет. Красота и так далее. И вдруг – нет.

Он подумал: "Живу пятьдесят четыре года. Начинается старость и все такое. А как я жил! Я составил громадный капитал. И жил как скотина, Скупился и урезывал".

И, так подумавши, он стал лихорадочно растрачивать деньги.

Он нанял дивную квартиру в девять комнат. И стал обставлять ее с неслыханной роскошью.

Но когда он въехал в эту квартиру, он еще больше захворал. И даже не мог устраивать балов, ради чего он, собственно, и переехал в эти апартаменты.

33. Тогда он стал доставлять себе удовольствие в питании. Он стал обжорой. Он нанял лучшего повара. И заказывал какие-то потрясающие блюда. Но вдруг желудок его перестал работать. И он мог только высасывать сок из бифштекса.

Тогда он стал скупать картины лучших мастеров. Но тут ударило самое большое горе – и он вдруг ослеп. И не мог больше любоваться шедеврами, которыми он увешал свои стены.

Тогда он нанял француженку, чтобы та читала ему романы. И сидел в креслах вялый и слабый, еле слушая, чего ему читали.

И, когда однажды к нему зашел Панаев, он с отчаянием ему сказал:

– Знаешь, Иван Иванович, ведь я даже еще не прожил процентов. Вот что меня побивает.

Вскоре он умер. И никто о нем не вспомнил. И только Панаева о нем написала: "Он был скуп, мелочен и трус".

Вот вся память, которая осталась от ценителя искусства.

Какая неудача!

34. Кстати, если вы заметили, мы неожиданно перебрались с вами поближе к жизни писателей и поэтов.

Это, конечно, понятно. Мы это знаем. И нам это доступно пониманию.

Так что так и будем продолжать. В том же духе. Как через каплю воды можно сообразить кое-что о воде, так и через эту группу мы можем увидеть, как вообще бывало.

Но, конечно, новелл вам больше рассказывать не будем, а снова, по примеру прошлого отдела, устроим "Смесь". Из жизни писателей и поэтов. А вы уж, благодетели, обдумывайте сами эту смесь. Приучайтесь к самостоятельному мышлению. Вот эти мелочишки.

Гаршин, уже будучи известным писателем, принужден был взять место приказчика в Гостином дворе, в писчебумажном магазине.

Знаменитый философ Спиноза жил тем, что полировал стекла для оптических инструментов. Умер от чахотки в 1677 году.

16 апреля 1852 года Тургенев был посажен на съезжую за статью о Гоголе.

35. Надеждин писал об "Евгении Онегине" Пушкина в 1830 году: "Ветреная и легкомысленная пародия на жизнь. Мыльные пузырьки, пускаемые затейливым воображением. Талант его слабеет".

Булгарин о Пушкине: "ни одной мысли, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения. Совершилось падение".

Вольтер высмеял герцога Рогана с его высокомерием. Герцог велел своим лакеям прибить Вольтера. Что и было исполнено. Вольтер вызвал герцога на дуэль. Но тот отказал, так как Вольтер не был дворянином.

Знаменитый историк Полибий был продан в рабство и увезен из своего отечества. Погиб от нужды и лишений.

Автор "Робинзона Крузо" Дефо за сатирическую статью был (1703 год) приговорен к тюремному заключению. Сутки он провел привязанный к позорному столбу на площади. Проходящие обязаны были в него плевать. Дефо было тогда сорок два года.

Автор "Дон Кихота" Сервантес попал в плен к морским разбойникам. Был продан в невольники в Алжир. Там ему отрубили левую руку. Выкупили родственники. Последние годы жизни был сборщиком податей. Ходил по деревням. Умер в нищете в 1616 году.

36. Передохнем немного. А то сразу как-то слишком много неудач.

Нам исключительно жалко Сервантеса. И Дефо тоже бедняга. Воображаем его бешенство, когда в него плевали. Ой, я бы не знаю, что сделал!

А каково Вольтеру? Тоже можно представить, какой злобой он пылал к этому негодяю герцогу.

Булгарин – подлец. Свиная душа. Как это, правда, часто бывает, что такие ошибки совершались в оценках. Вот где тоже кроются ужасные ошибки и неудачи. Например, взгляните, что писали о Гоголе его современники.

Сенковский писал: "Я обожаю чистоту – ваши зловонные картины поселяют во мне отвращение".

Н. А. Полевой о "Мертвых душах" "Начнем с содержания – какая бедность".

"Северная пчела" о Гоголе: "От Гоголя много ждали Но он разрешился ничтожными "Мертвыми душами".

Из критических статей "Гоголь не хочет возвыситься хоть настолько, чтобы не уступить Поль де Коку".

37. Писатель Дружинин писал о себе: "Я всегда буду в первых рядах литературы".

Кукольник сказал "Кукольника оценит потомство".

Пушкина называли "поэтом легкого жанра", а Баратынского – "поэтом мысли".

Дрянного и сейчас неизвестного поэта Тимофеева критика назвала "русским Байроном, который может соперничать только с Гете".

Величайший украинский поэт Шевченко был арестован и отдан в солдаты Был выслан в Орск.

Достоевский был приговорен к смертной казни. Пять минут стоял с завязанными глазами, ожидая повешения Эта казнь была заменена каторгой.

Поэт Леонид Семенов (друг Блока) за революционную деятельность был избит до

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
полусмерти городскими в полиции.

О смерти поэта Лермонтова, сосланного на Кавказ, Николай I сказал "Собаке – собачья смерть".

Не беспокоит? Тогда пойдете дальше.

38. Знаменитый греческий философ Диоген уже в преклонном возрасте был продан в рабство на остров Крит.

Не менее знаменитый баснописец Эзоп был до того беден, что сам себя продал в рабство, чтобы расплатиться с долгами. Ему тогда было тридцать лет. Он был маленький и горбатый.

Знаменитый итальянский философ Джордано Бруно был сожжен на костре за "еретическую философию".

Несколько сот афинских матросов и торговцев разбирали дело Сократа. Они приговорили его к смерти за его неправильные философские воззрения.

Философ Платон был продан в рабство на остров Эгин. Нашелся почитатель, который выкупил Платона за тридцать мин. Платону было тогда сорок пять лет.

Испанский поэт Серран до Кресто за сатирические и вольные стихи просидел в тюрьме десять лет. Священный трибунал заставил его присутствовать при казни сына, которого удушили и сожгли на костре.

Испанский драматург Антонио Сильва был сожжен на костре 19 октября 1739 года. В тот же день в театре шла его пьеса "Гибель Фаэтона".

Знаменитый писатель Чернышевский после двух лет сиденья в тюрьме был приговорен к четырнадцати годам каторги на рудниках.

39. Русский писатель Полежаев за одно стихотворение был сослан в солдаты. За самовольную отлучку просидел год в тюрьме, закованный в кандалы. Приговорен был к прогнанию сквозь строй. Умер тридцати трех лет.

Русский писатель Радищев был приговорен к смертной казни. Казнь была заменена вечной ссылкой.

Л. Н. Толстой был предан анафеме. Раз в год во всех церквях торжественно провозглашалась анафема трем лицам – Мазепе, Гришке Отрепьеву и нашему великому писателю.

Писатель Ник. Успенский, находясь в крайней бедности, давал цирковые представления в трактирах. Зарезался бритвой.

Писатель Марлинский (Бестужев) был приговорен по делу декабристов к смертной казни. Казнь заменена ссылкой на двадцать лет. Погиб в стычке с горцами – был изрублен шашками.

Мраморная церковь в Петербурге, начатая при Екатерине II, достраивалась при Павле кирпичом. Поэт Акимов написал такие стихи:

Се памятник двух царей,
Обоим столь приличный
На мраморном низу
Воздвигнут верх кирпичный
За это четверостишие поэту отрезали уши и язык и сослали в Сибирь.

40. Руссо за книгу "Эмиль" был приговорен к тюремному заключению. Бежал в Англию.

Бомарше после представления своей пьесы "Свадьба Фигаро" был арестован и посажен в тюрьму. Людовик XVI, играя в карты, написал приказ об аресте на семерке пик.

Книга Вольтера "Философские письма" была сожжена рукой палача. Сам Вольтер бежал за границу.

Итальянский философ Кампанелла пишет: "В последний раз моя пытка продолжалась сорок часов. Туго перевязанный веревками, разбившими мне кости, подвешенный над острым колом, я потерял двадцать фунтов крови и чудом, остался жив".

В своем учении он проповедовал общность имущества.

А. Знаменитый Посошков, написавший (при Петре I) свое "Рассуждение о богатстве", был посажен в тюрьму, и там его держали до смерти.

Итальянского поэта Торквато Тассо без всякой вины герцог д'Эсте продержал семь лет в тюрьме.

41. После побед римлян" многие греческие философы были привезены в Рим, где и продавались в рабство. Римские матроны покупали их в качестве воспитателей к своим сыновьям. Чтобы продаваемые не разбежались, торговцы держали их в ямах. Откуда покупатели их и извлекали.

Замечательный писатель протопоп Аввакум писал (в 1678 году): "Меня взяли со стрельцами и на чепь посадили ночью. И на чепи кинули в темную палатку, и сидел три дня, не ел, не пил... Никто ко мне не приходил, только мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно".

Его как еретика сожгли вместе с его единомышленниками.

Знаменитый русский народный поэт Кольцов, умирающий, лежал в ужасных условиях, в проходной комнате, забытый всеми. Причем в квартире происходила чья-то свадьба. Поэт писал в 1842 году: "Все начали ходить и бегать через мою комнату. Полы моют то и дело, а сырость для меня убийственна. Трубки благовонные курят каждый день... У меня образовалось воспаление в правом боку. Потом – в левом. А в ту пору вечеринка... Прошу не курить курят больше. Прошу не благоволить – больше..."

Поэт умер, когда ему было тридцать три года.

42. Хотели помолчать, но скажем пару слов. Последний факт уж очень характерный. Умирает прекрасный поэт. И такая сволочь кругом. И такая нищета. А в это же время какой-нибудь пустой дурак, продувная бестия, содержатель ларька или чайной, понятия не знал, что такое беда. Вот что может огорчить. Вот в чем одна из главных неудач у них, у капиталистов и трактирщиков.

А философы! Только представьте себе картину. Яркое солнце. Пыль. Базар. Крики. Яма, в которой сидят философы. Некоторые вздыхают. Некоторые просят наверх. Один говорит:

– Они в прошлый раз скоро выпустили, а нынче что-то долго держат.

Другой говорит:

– Да перестаньте вы, Сократ Палыч, вздыхать. Какой же вы после этого стоик? Я на вас прямо удивляюсь.

Торговец с палкой около края ямы говорит:

– А ну, куда вылезаете, подлюга? Вот я тебе сейчас трахану по переносью. Философ... Ученая морда...

Черт возьми! Какие, однако, бешеные неудачи выпадали на долю мыслящей братии. Может, это случилось за то, чтоб поменьше думали, что ли. Наверно, так и есть. Прямо это как-то озадачивает.

43. Давайте совсем краешком глаза взглянем тогда на не писателей. Может быть, слегка отдохнем от неудач. Может, те немного интересней жили. Но вряд ли. Уже видать, так сказать, трухлявую походку жизни.

Голштинский ученый Олеарий, побывавший в Москве в 1621 году, пишет: "Тут без меры дерут и скоблят кожу с простого народа".

Светлейший князь Потемкин, приревновав капитана Щеглова к одной польской

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
княгине, без суда сослал его в кандалах в Сибирь, где тот и пробыл пятьдесят два года.

Секретарь саксонского посланника писал своему королю об Екатерине I: "Она вечно пьяна, вечно пошатывается, вечно в бессознательном состоянии".

Официально инквизиция была отменена всего сто лет назад – в 1835 году.

Николай I при посещении (в 1842 году) Первой гимназии грубо сказал директору, указывая на одного из учеников: "А это что там у вас за чухонская морда?" Директор что-то пробормотал, на что Николай I добавил: "Первая гимназия должна быть во всем первой. Чтоб таких физиономий у вас тут не было".

Когда Сиракузы пали, римские воины бросились по домам грабить. Два солдата вбежали в комнату к великому математику Архимеду. Он чертил на полу фигуры. Это почему-то рассердило воинов, и они убили его, проткнув дротиком.

Римский историк Светоний пишет о беззакониях Нерона: "Римлянин Пет Тразеа был осужден за его постоянное выражение лица недовольного педагога".

44. Великий астроном Галилей был арестован священным трибуналом. Его заставили отречься от его научной "ереси". Отречение состояло в том, что великий философ, стоя на коленях в одной рубашке, то есть в одежде кающегося грешника, прочел перед собранием народа речь, сочиненную инквизиторами от его лица.

Ивашка Култыгин (XVII век), работник Яузской мельницы, изобрел сани с парусом. За это его схватили и пытали – к чему он выдумал такие сани. Сани эти сожгли, а Култыгина побили батогами.

Знаменитая помещица Дарья Салтыкова заперола до смерти свыше ста своих крепостных.

Продажа людей в конце XVIII века происходила в Петербурге на площади против Владимирской церкви. Где сейчас Кузнечный рынок.

Объявление в "С.-Петербургских ведомостях" за 1800 год: "На Васильевском острове по Больш. Просп. под N 76 доме продаются мужской портной, забавной зеленой попугай и пара пистолетов".

Цена крепостных в 1810 году: за рабочую девку – сто пятьдесят рублей, за мужика – двести рублей, за изрядно пишущего – триста рублей.

Помещик имел право сослать крепостного в каторжные работы. Помещица Козлянова сослала крепостного Сергеева на двадцать лет.

По мнению историков, реформы Петра I уменьшили население России примерно на двадцать процентов.

45. В VII веке арабы, завоевав Египет, сожгли в Александрии замечательную, мирового значения, библиотеку. В течение нескольких месяцев этой библиотекой отапливалась городская баня. Военачальник, отдавший распоряжение сжечь эту библиотеку, сказал: "В Коране и без того все есть".

Царский министр путей сообщения Кривошей строил южную железную дорогу с таким расчетом, чтобы она прорезала его имение.

Помещик Измайлов в 1810 году имел одиннадцать тысяч душ крепостных. Домашней челяди у него было восемьсот человек. Двенадцати девушек специально ходили за его законными и внебрачными детьми.

Самоучка-инженер Торговатов подал проект устройства туннеля под Невой. Александр I положил резолюцию:

"Выдать ему двести рублей и обязать подпиской, чтоб он впредь прожектками не занимался".

Несколько крестьян подали Павлу I на своих господ челобитную с жалобой на жестокое обращение. Павел положил резолюцию: "Дать каждому из жалобщиков столько

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
ударов, сколько пожелают их господа".

После покушения Каракозова на Александра II портрет "спасителя" Комиссарова носили по улицам.

Я каждого, кто не снял шапку перед этим портретом, нещадно избивали. Газеты приторным и елейным тоном писали: "Единый от малых сих сподобился сделаться орудием бога живого".

46. По отчету Можайской канцелярии за 1807 год счетоводы получали жалованья три рубля в месяц, а некоторые чиновники – от рубля до двух.

Петербургский богач, владелец девяти домов, генерал Трофимов в конце каждого года выселял среди зимы до десяти процентов своих жильцов. Часть квартирантов изгонялась за неаккуратные платежи, часть – за политическую неустойчивость и за непочтительное отношение к домовладельцу. Трофимов говорил: "Я терплю убытки из принципа".

Московский лабазник Сорокин сверх жалованья платил своим молодцам по десяти рублей, за что и выговаривал себе позволение – бить своих служащих под горячую руку.

На каждую тысячу жителей Рима приходилось сорок тысяч рабов.

Кичащиеся своим происхождением графы Гендриковы вели свой род от ямщика и конюха Гендрикова.

Скавронские – от сапожника Скавронского, родственника "солдатской женки" Екатерины I. Светлейший князь Меншиков был из денщиков. Несколько графских родов создала Екатерина II по линии своих любовников.

По отчету тюремного ведомства за 1899 год в тюрьмах России находилось свыше ста десяти тысяч.

47. После 9 термидора в Париже были устроены "Танцевальные вечера жертв". На этих вечерах могли танцевать только те, у кого родственники погибли на гильотине. Причем дамы танцевали в черных платьях и на шее имели узкую красную ленточку.

Изменник Павзаний спрятался в храме, где по закону нельзя было никого убить. Тогда афиняне решили замуровать преступника в храме. Первый камень обязана была положить мать Павзания. Что она и сделала.

Мать декабриста Ивашева просила Николая I разрешения – поехать в Сибирь повидаться с сыном. Николай I на прошении положил следующую резолюцию: "Ехать может с тем, чтобы не возвращаться в Россию".

Сын придворного лакея Мережковский и его жена Гиппиус после революции бежали за границу, захватив с собой (по словам Ясинского) редчайшие документы по истории революции. Эти материалы предназначались для библиографического словаря, над которым Мережковский согласился работать.

Последний ассирийский царь Сарданапал, живший в крайней роскоши, отдал распоряжение назначить огромную премию тому, кто выдумает новое наслаждение.

48. Из этого отметим следующее. Ассирийский царь остался при своих наслаждениях, и премии никто не получил. По-видимому, царь до всего дошел своим умом.

Что касается до количества рабов в Риме, то пропорция эта не так уж удивительна. При буржуазном строе на каждую тысячу торговцев, банкиров и влиятельных господ приходилось много больше "обслуживающего персонала" и лиц, коими можно почти всецело распоряжаться. Что хотя бы отчасти видно из поведения домовладельца Трофимова. А таких, извините, прохвостов у нас было куда ни плюнь.

А что у помещика Измайлова двенадцать нянь ухаживали за его детьми, то из этого ничего путного не получилось. Лихое его потомство, получив столь нежное и заботливое воспитание, скорей всего погибло в гражданскую войну во славу контрреволюции и за идеалы своего отца.

Вообще, прочитавши все эти мелочи, вам непременно может прийти в голову фраза, которую в свое время игриво сказал Людовик XV: "Будь я на месте моих подданных, я стал бы бунтовать".

Ах, это было весьма неглупо сказано. И так оно, собственно, и случилось по временам.

С этой фразой, друзья, мы заканчиваем наше историческое повествование.

Вот что рассказывает история о неудачах.

49. Она рассказывает, что населению неслыханно неважно жилось. То есть до того неважно, что прямо приходится руками разводиться и извиняться перед публикой за допущенные крайности. И знаете, писатели-то как неважно жили. Мы думали, они там блаженствовали в свое время, а они – вон что. Философы, бедняги, тоже очень пострадали.

А рабы-то и всякие подчиненные. Ужас!

А насчет господ положения прямо приходится удивляться, как это у них не испортилось настроение от всех подобных картин. Другие бы давно физически и морально захворали от этих дел. Конечно, заболевания идут само собой среди мирового купечества. Многие у них ужас как ослабли и мечтают о конце культурной жизни. Им бы хотелось, как они говорят, вернуть далекие времена, когда народы шлялись в одних трусиках и охотились, может, на дикобразов. Об этих картинах они сильно вздыхают, танцую и выпивая. А некоторые, наоборот, очень здоровы, и им ни хрена не делается.

Конечно, наша речь шла о прошлых веках и столетиях, и некоторые премьер-министры с высоты своей Европы нам могут, рассердившись, возразить: дескать, то было некультурное прошлое, а, дескать, в наши дни иные песни и другие картины, – просьба это не смешивать.

50. Но, тем не менее, мы все-таки отчасти это смешиваем, поскольку перед нашим взором примерно такая славная картина, которая возникла перед нами, когда мы не без трепета раскрыли учебник истории.

Нищие бродят. Сифилитики лежат. Война гремит. Чья-то мама плачет. Кому-то голову топором оттяпали.

Богатый жрать не дает бедному, – зерно топит в море, чтоб цену не сбавлять. Невеста страдает. Жених без ноги является. Книги сожгли, непригодные какому-нибудь правительству ("в Коране все есть"). Кого-то там пытали.

Потом в тюрьму сунули. Резиновой дубинкой избили. Бедняк хнычет. Богатый чарльстон танцует и забавляется.

Нет, честно говоря, почти те же самые неудачи, господа премьер-министры.

Может быть, единственно научились шибче ездить по дорогам. И сами бреются и радио понимать умеют. И стали летать под самые небеса. И вообще – техника.

А так, в смысле отношения друг к другу, все почти без особых перемен. И сердечно бы рады признать в этом что-нибудь особенное, но не выходит, господа, не сердитесь. Конечно, оно некоторое моральное улучшение есть в смысле того, что, например, публичных казней не устраивают. Но, может быть, это идет за счет нервной слабости. Что-с?

А что некоторые там писатели виллы себе покупают на Средиземном море, то это отчасти и раньше было. И кто, например, не ссорился с римским папой, тот мог довольно прилично жить и с великими почестями имел возможность помереть.

А прекрасные слова насчет техники – что она улучшит отношения между людьми – не оправдались. И в этом приходится с горечью сознаться.

51. А что касается как у нас, то, конечно, у нас неудачи имеются. Все-таки прошло не так-то уж много лет после перестройки. И у нас, естественно, имеются самые

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
разнообразные неудачи. Но у нас тем хорошо, что некоторые неудачи у нас, например, уже исчезли. Например, хотя бы у нас лучше других живет не тот, который, например, умеет лихо продавать нитки, и не тот, который может вовремя купить картофель с тем, чтобы его потом с надбавкой перепродать, как все это бывает за границей, а тот, который умеет изумительно работать, имеет способности, играет на рояле, танцует или может петь. Или там, что ли, он хорошо декламирует, рисует и так далее. Или к науке он имеет талант, или, наконец, он хорошо летает, или беззаветно любит свою родину.

А через это со счетов жизни снята одна из самых опасных неудач. С чем всех и поздравляем.

А что касается некоторых других вопросов, то, конечно, еще случаются неудачи. И от этого у нас не отказываются. И с этим борются.

52. Мы, знаете, как-то лежали вечерком в гамаке и думали о себе какие, например, неудачи имеются ну вот хотя бы в нашей личной жизни.

Стал думать. Сначала в голову лезла всякая мелкая чушь. Так что даже подумалось: уж не впал ли я, чего доброго, в мещанство.

Вот, подумал, завтра на работу надо слишком уж рано вставать. Неохота. Радио у соседей гремит до поздней ночи – не высыпаясь. Жена все время денег требует, – надо, говорит, долги платить. А это не так-то легко достается. Управдом стал что-то высказывать недовольствие насчет антисанитарии. То есть, говорит, грязно. Придирается. Не уважает меня как человеческую единицу. Но сам любит, чтоб его уважали и хвалили. Тогда еще ничего. Интересовался бы осенью поехать в Ялту, но неизвестно, что завтра будет. Родной сестре ударило сорок пять лет, – муж ее бросил, женился на молоденькой. Она горюет. И ее настроение нам передается. Приволокнулся за одной особой, – муж хочет ее с квартирной площади погнать. Пришлось отказаться от чувства к ней.

Вот какие мысли нам являлись, когда мы, лежа в гамаке, стали подумывать о недочетах личной жизни.

Но эти недочеты, в сущности, невелики. Это сравнительно мелкие бытовые неудачи, и они с каждым могут случиться. В этом нет ничего особенного.

53. А если с кем-нибудь и бывает более крупная неудача, то, может быть, он и сам виноват. Или уж очень он глуп. А которые умные и на неудачу наскочили без вины, то, значит, попросту с ними было недоразумение и оно рассеется. А если и не то и не другое, то, значит, о чем же и толковать.

Из неудач: родственники тоже вот как-то в последнее время взбесились. Некоторые не так высказывают свои чувства, как это происходило в прежние времена. Родственники стали более прохладно относиться к факту, например, вашей кончины или заболевания. Раньше, ожидая подачки, вздыхали, окружали родственным кольцом заболевшего. А нынче, когда заболевшие вылезли из собственных экипажей и поперли пехтурой и поехали в трамвае, и у всех на морде появилась надпись: "Оставь надежду навсегда", – это любезное внимание прекратилось. Слабых и одиноких это может устроить и повергнуть в пучину меланхолии, но сильные могут воскликнуть: это к Лучшему.

Конечно, оно еще с непривычки как-то странно беседовать с такими родственниками. Но можно попривыкнуть. И даже оно гораздо лучше. По крайней мере видишь, с кем имеешь дело. И видишь, кому и как надлежит исправлять свои характеры, пошатнувшиеся от времени и объективных причин.

54. Пришло, в общем, время терять фальшивые иллюзии. Пора расстаться с этим, чтоб взглянуть в лицо настоящей жизни. А которые интуисты не захотят взглянуть, то, может быть, их устраивает такая покупная и продажная любезность их родственников. Может, это им нравится.

Вот где, черт возьми, каверзный для них вопрос. И вот каким фальшивым ключом они открывают двери, чтобы войти в рай своей буржуазной жизни. И это тоже у них одна из главных и непоправимых неудач.

В общем, вместо отвлеченной болтовни о том, о сем, давайте перейдем к делу. И

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
давайте критически взглянем на наши неудачи с тем, чтобы от них в дальнейшем отказаться, если они нас не вполне устраивают.

Но, может быть, они отчасти пережитки прошлых дней и они уже уходят? Тогда мы с ними любезно распрощаемся и поторопим их поспешить к выходным дверям.

55. А если встретим неудачу, от которой нынче не уйти, то воспылаем надеждой, что она у нас не надолго задержится. Как сказал философ: все течет, и ничто не пребывает на месте. Но пока в прошлом, как вы сейчас это видели, все больше текла дрянь и грязь российской жизни. Так что, сколько бы она ни текла и ни не пребывала бы на месте, она бы нас с этим философом никак не устроила. Поскольку теки не теки – все была бы неудача.

Но в силу того, что у нас произошла такая, как сейчас, перемена, то многие неудачи померкли в своем первоначальном значении. И они не так уж нас волнуют, как это бывало раньше, поскольку у всех теперь возникла полная уверенность, что все, что из этого осталось, – все, в свою очередь, окончательно уйдет и превратится в прах вместе с глупостью, хамством, мещанством, бездушным бюрократизмом и елейным подхалимством.

В общем, начинаются рассказы о неудачах нашего времени.

РАССКАЗЫ О НЕУДАЧАХ

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ВОЛГЕ

Для начала мы вам собираемся рассказать об одной забавной маленькой неудаче.

Эта неудача заключалась именно в том, что группа отдыхающих получила моральное потрясение по случаю одного недоразумения.

Вот как это случилось. Это был.

В первые еще годы революции, когда установилась жизнь и по Волге стали курсировать чудные пароходы с первоклассными каютами и с подачей пассажирам горячей пищи, группа отдыхающих граждан – шесть конторщиков и в том числе я – выехали отдохнуть на Волгу.

Нам все советовали прокатиться по Волге. Поскольку там чудный отдых. Природа. Берега. Вода, еда и каюта.

И, значит, группа конторщиков, уставшая, так сказать, от грохота революции, выехала освежиться.

Попался чудный первоклассный пароход под названием "Товарищ Пенкин".

Мы стали интересоваться, кто такой этот Пенкин, – нам говорят; какой-то, кажется, работник водного транспорта.

Нам было, собственно, все равно, и мы, конечно, поехали на этом неизвестном товарище.

Приехали в Самару.

Вылезли своей группой, пошли осматривать город. Осматриваем. Вдруг слышим какие-то гудки.

Нам говорят:

– Расписание сейчас неточное. Возьмет еще и уйдет наш "Пенкин". Давайте вернемся.

И вот, кое-как осмотрев город, вернулись.

Подходим к пристани, видим – уже нету нашего парохода. Ушел.

Крики поднялись, вопли.

Один из нас кричит: "Я там в штанах свои документы оставил". Некоторые кричат:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

"А мы – багаж и деньги. Что ж теперь делать?.. Ужас!"

Я говорю:

– Давайте сядем на этот встречный пароход и вернемся назад.

Глядим, действительно стоит у пристани какой-то волжский пароход под названием "Гроза".

Спрашиваем публику плачевным голосом: давно ли, дескать, "Пенкин" ушел. Может, его можно по берегу догнать.

Публика говорит:

– Зачем вам догонять? Эвон "Пенкин" стоит. Только это теперь "Гроза". Он бывший "Пенкин". Ему перекрасили название.

Тут мы обрадовались чрезвычайно. Бросились на этот свой пароход и до самого Саратова с него не сходили, боялись.

Между прочим, спросили капитана, почему такой забавный факт и такая срочность.

Капитан говорит:

– Видите, у нас это наименование дали пароходу отчасти ошибочно. Пенкин имеется в рядах водного транспорта, но только он отчасти не был на высоте своего положения. И в настоящее время он находится под судом за превышение власти. И мы получили телеграмму закрасить его название. Вот мы и назвали его "Гроза".

Тут мы сказали:

– Ах, вот что! – и безразлично засмеялись.

Приехали в Саратов. И своей группой вышли осматривать город.

Там мы тоже долго не прохлаждались. А мы дошли до ларька и купили папирос. И осмотрели пару зданий.

Возвращаемся назад – опять, видим, нету нашего парохода "Гроза". И, видим, вместо него стоит другой пароход.

Конечно, испуг у нас был не такой сильный, как в Самаре. Думаем, шансы есть. Может быть, они опять заглавие закрасили. Но все-таки некоторые из нас опять сильно испугались.

Подбежали ближе. Спрашиваем публику:

– Где "Гроза"?

Публика говорит:

– А вот это и есть "Гроза". Бывшая "Пенкин". А теперь, начиная с Саратова, он у них – "Короленко".

Мы говорим:

– Что ж они красок-то не жалеют?

Публика говорит:

– Не знаем. Спросите боцмана.

Боцман говорит:

– Жара с этими наименованиями. "Пенкин" у нас дали ошибочно. А что касается до "Грозы", то это было малоактуальное название. Оно отчасти было беспринципное. Это явление природы. И оно ничего не дает ни уму, ни сердцу. И капитану дали за это вздрючку. Вот почему и закрасили.

Тогда мы обрадовались и сказали:

– Ах, вон что! – и сели на этот пароход "Короленко". И поехали.

А боцман нам говорит:

– Смотрите, в Астрахани не пугайтесь, если обратно найдете другое название.

Но мы говорим:

– Нет, это навряд ли будет. Поскольку это "Короленко" – выдающийся писатель.

В общем, до Астрахани доехали благополучно. А оттуда мы дернули по суше.

Так что дальнейшая судьба парохода нам была неизвестна.

Но можно не сомневаться, что это наименование так при нем и осталось. На вечные времена. Тем более что Короленко умер. А Пенкин был жив, и в этом была основная его неудача, доведшая его до переименования.

Так что тут неудача заключается скорей всего даже в том, что люди бывают, что ли, живы. Нет, pardon, тут вообще даже не понять, в чем кроется сущность неудачи. С одной стороны, нам как будто бы иной раз выгодно быть неживым. А с другой стороны, так сказать, покорно вас за это благодарю. Удача сомнительная. Лучше уж не надо. А вместе с тем быть живым вроде как тоже в этом смысле относительная неудача.

Так что тут, как бы сказать, с двух сторон теснят человека неприятности.

Вот почему этот маленький, вроде недоумения, пустячок мы поместили в ряду наших рассказов о неудачах.

Однако, кроме как на Волге, большие неудачи случаются также в банях.

Предлагаем вашему вниманию рассказ о подобной неудаче.

РАССКАЗ О БАНЯХ И ИХ ПОСЕТИТЕЛЯХ

В свое время мы чего-то такое писали насчет бань. Сигнализировали опасность. Дескать, голому человеку номерки некуда деть, и так далее.

Прошло после того несколько лет.

Затронутая нами проблема вызвала горячие дискуссии в банно-прачечном тресте. В результате чего кое-где в банях отвели особые ящики, куда каждый пассажир может класть свою какую ни на есть одежду. После чего ящик замыкается на ключ. И пассажир с радостной душой поспешает мыться. И там привязывает этот ключ к шайке. Или в крайнем случае не выпускает его из рук. И как-то там моется.

Короче говоря, несмотря на это, вот какие события развернулись у нас в одной из ленинградских бань.

Один техник захотел у нас после мытья, конечно, одеться. И вдруг он с ужасом замечает, что весь его гардероб украли. И только вор, добрая душа, оставил ему жилетку, кепку и ремень.

Он прямо ахнул, этот техник. И сам без ничего стоит около ящика своего – и прямо не имеет никакой перспективы. Он стоит около ящика в чем его мама родила и руками разводит. Он ошеломлен.

А он – техник. Не без образования. И он прямо не представляет себе, как он теперь домой пойдет. Он прямо на ногах качается.

Но потом он сгоряча надевает на себя жилетку и кепку, берет в руки ремень и в таком, можно сказать, совершенно отвлеченном виде ходит по предбаннику, мало чего соображая.

Некоторые из публики говорят:

– В этой бане каждый день кражи воруют.

Наш техник, имея головокружение, начинает говорить уже на каком-то старорежимном наречии с применением слов "господа". Это он, наверно, от сильного волнения подрастерял некоторые свойства своей новой личности.

Он говорит:

– Меня, господа, главное интересует, как я теперь домой пойду.

Один из не мывшихся еще говорит:

– Позовите сюда заведующего. Надо же чего-нибудь ему придумать.

Техник говорит слабым голосом:

– Господа, позовите мне заведующего.

Тогда банщик в одних портках бросается к выходу и вскоре является с заведующим. И тут вдруг все присутствующие замечают, что этот заведующий – женщина. Техник, сняв кепку с головы, задумчиво говорит:

– Господа, да что же это такое! Еще того чище! Мы все мечтали увидеть сейчас мужчину, но вдруг, представьте себе, приходит женщина. Это, говорит, чтоб в мужской бане были такие заведующие, это прямо, говорит, какая-то курская аномалия.

И, прикрывшись кепкой, он в изнеможении садится на диван.

Другие мужчины говорят:

– Чтоб заведующий – женщина, это действительно курская аномалия.

Заведующая говорит:

– Для вас, может, я и курская аномалия. А там у меня через площадку дамское отделение. И там, говорит, я далеко никакая не курская аномалия. Попрошу воздержаться от подобных слов.

Наш техник, запахнувшись в свою жилетку, говорит:

– Мы, мадам, не хотели вас оскорбить. Что вы ерепенитесь? Лучше бы, говорит, обдумали, в чем я теперь пойду.

Заведующая говорит:

– Конечно, до меня тут были заведующие мужчины. И на этой вашей половине они были очень хороши в своем назначении, а в дамском отделении они все с ума посходили. Они туда слишком часто заскакивали. И теперь мужчинам назначения редко дают. А дают все больше женщинам. И что касается меня, то я захожу сюда по мере надобности или когда тут что-нибудь сперли. И я от этого не теряюсь. А что я постоянно нарываюсь тут у вас на оскорбления и меня каждый моющийся непременно обзывает курская аномалия, то я предупреждаю: каждого, который меня впредь оскорбит на моем посту, я велю такого отвести в отделение милиции... Что у вас тут случилось?

Техник говорит:

– Господа, что она ерепенится? Ну ее к черту. Я не предвижу, как я без штанов домой пойду, а она мне не позволяет называть ее курской аномалией. И она грозит меня в милицию отвести. Нет, лучше бы тут заведующий был мужчина. По крайней мере он бы мог мне одолжить какие-нибудь свои запасные брюки. А что тут заведующая женщина – это меня окончательно побивает. И я, господа, теперь уверен, что из этой бани я несколько дней не уйду – вот посмотрите.

Окружающие говорят заведующей:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Слушайте, мадам, может, тут у вас в бане есть муж. И, может быть, он у вас имеет лишние брюки. Тогда дайте им, в самом деле, их на время поносить. А то они страшно волнуются. И не понимают, как им теперь домой идти.

Заведующая говорит:

– В дамском отделении у меня полная тишина, а на этой половине ежедневно происходит все равно как извержение вулкана. Нет, господа, я тут отказываюсь быть заведующей. У меня муж в Вятке работает. И ни о каких, конечно, штанах не может быть и речи. Тем более что сегодня это уже второе заявление о краже. Хорошо, что в первый раз украли мелочи. А то бы ко мне опять пристали с брюками. Тогда, господа, вот что: если есть у кого-нибудь какие-нибудь запасные штаны, то дайте им, а то мне на них прямо тяжело глядеть. У меня мигрень начинает разыгрываться от всех этих волнений.

Банщик говорит:

– Хорошо, я опять дам свои запасные штаны. Но вообще надо будет сшить наконец казенные. У нас часто воруют, и в этом месяце у меня прямо сносили мои штаны. То один возьмет, то другой. А это мои собственные.

Вот банщик дает нашему технику ситцевые штаны, а один из моющихся дает куртку и шлепанцы. И вскоре наш друг, с трудом сдерживая рыдания, облачается в этот музейный наряд. И в таком нелепом виде он выходит из бани, мало чего понимая.

Вдруг после его ухода кто-то кричит:

– Глядите, вон еще чья-то лишняя жилетка валяется и один носок.

Тогда все обступают эти найденные предметы.

Один говорит:

– Вероятно, это вор обронил. Поглядите хорошенько жилетку, нет ли там в карманах чего. Многие в жилетках документы держат.

Выворачивают карманы и вдруг там находят удостоверение. Это пропуск на имя Селифанова, служащего в центральной пошивочной мастерской.

Тут всем становится ясно, что воровские следы уже найдены.

Тогда заведующая бойко звонит в милицию, и через два часа у этого Селифанова устраивается обыск.

Селифанов страшно удивляется и говорит:

– Чего вы обалдели? У меня у самого сегодня в этой бане вещи украли. И я даже делал об этом заявление. А что касается этой моей жилетки, то ее, наверно, вор обронил.

Тут перед Селифановым все извиняются и говорят ему: это недоразумение.

Но вдруг заведующий пошивочной мастерской, где служит этот Селифанов, говорит:

– Да, я уверен, что вы сами в бане пострадали. Но скажите, откуда у вас этот кусок драпа, что лежит в сундуке? Этот драп из нашей мастерской. Его у нас не хватает. И вы его, наверно, взяли. Хорошо, что я из любопытства пришел вместе с обыском.

Селифанов начинает лепетать разные слова, и вскоре он признается в краже этого драпа.

Тут его моментально арестовывают. И на этом заканчивается банная история, и начинаются уже другие дела.

Так что мы и помолчим, чтобы не смешивать две темы.

В общем, и бани и моющиеся там люди, казалось бы, могли за последнее время

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
подтянуться и выглядеть еще более эффектно. В банях могли бы чего-нибудь особенное придумать на этот счет, а люди могли бы не воровать имущество в таких ответственных местах.

Но тут, в сравнении с другими учреждениями, еще плетутся в хвосте.

И это очень жаль.

А что мы сказали насчет других учреждений, то там, конечно, тоже иногда бывают неудачи.

Вот, например, порядочная неудача, с которой мы однажды столкнулись в городском учреждении по охране бульваров и зеленых насаждений.

Вот что там со мной произошло.

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ВЕРТЕРА
Я ехал однажды на велосипеде.

У меня довольно хороший велосипед. Английская марка – БСА.

Приличный велосипед, на котором из иногда совершаю прогулки для успокоения нервов и для душевного равновесия.

Очень хорошая, славная, современная машина. Жалко только – колесья не все. То есть колесья все, но только они сборные. Одно английское – "Три ружья", а другое немецкое – "Дукс". И руль украинский. Но все-таки ехать можно. В сухую погоду.

Конечно, откровенно говоря, ехать сплошное мученье, но для душевной бодрости и когда жизнь не особенно дорога – я выезжаю.

И вот, стало быть, еду однажды на велосипеде.

Каменноостровский проспект. Бульвар. Сворачиваю на боковую аллею вдоль бульвара и еду себе.

Осенняя природа разворачивается передо мной. Пожелтевшая травка. Грядка с увядшими цветочками. Желтые листья на дороге. Ворона клюет мусор. Серенькая собачка лает у ворот.

Я гляжу на эту осеннюю картинку, и вдруг сердце у меня смягчается, и мне неохота думать о плохом. Рисуетесь замечательная жизнь. Милые, понимающие люди.

Уважение к личности. И мягкость нравов. И любовь к близким. И отсутствие брани и грубости.

И вдруг от таких мыслей мне захотелось всех обнять, захотелось сказать что-нибудь хорошее. Захотелось крикнуть: "Братцы, главные трудности позади. Скоро мы заживем, как фон-бароны".

Но вдруг раздается свисток.

"Кто-нибудь проштрафился, – говорю я сам себе, – кто-нибудь, наверное, не так улицу перешел. В дальнейшем, вероятно, этого не будет. Не будем так часто слышать этих резких свистков, напоминающих о проступках, штрафах и правонарушениях".

Снова недалеко от меня раздается тревожный свисток, и какие-то окрики, и грубая брань.

"Так грубо, вероятно, и кричать не будут. Ну, кричать-то, может быть, будут, но не будет этой тяжелой, оскорбительной брани".

Кто-то, слышу, бежит позади меня. И кричит осипшим голосом:

– Ты чего ж это, сука, удираешь, черт твою двадцать! Остановись сию минуту.

"За кем-то гонятся", – говорю я сам себе и тихо, но бодро еду.

– Лешка, – кричит кто-то, – забегай, сволочь, слева. Не выпускай его из виду!

Вижу – слева бежит парнишка. Он машет палкой и грозит кулаком. Но я еще не вижу, к кому относятся его угрозы.

Я оборачиваюсь назад. Седоватый почтенный сторож бежит по дороге и орет что есть мочи:

– Хватай его, братцы, держи! Лешка, не выпускай из виду!

Лешка прицеливается в меня, и палка его ударяет в колесо велосипеда.

Тогда я начинаю понимать, что дело касается меня. Я соскакиваю с велосипеда и стою в ожидании.

Вот подбегает сторож. Хрип раздается из его груди. Дыханье с шумом вырывается наружу.

– Держите его! – кричит он.

Человек десять доброхотов подбегают ко мне и начинают хватать меня за руки.

Я говорю:

– Братцы, да что вы, обалдели! Чего вы с ума спятили совместно с этим постаревшим болваном?

Сторож говорит:

– Как я тебе ахну по зубам – будешь оскорблять при исполнении служебных обязанностей... Держите его крепче... Не выпускайте его, суку.

Собирается толпа. Кто-то спрашивает:

– А что он сделал?

Сторож говорит:

– Мне пятьдесят три года – он, сука, прямо загнал меня. Он едет не по той дороге... Он едет по дорожке, по которой на велосипедах проезду нет... И висит, между прочим, вывеска. А он, как ненормальный, едет... Я ему свищу. А он ногами кружит. Не понимает, видите ли. Как будто он с луны свалился... Хорошо, мой помощник успел остановить его.

– Лешка протискивается сквозь толпу, впивается своей клешней в мою руку и говорит:

– Я ему, гадюке, хотел руку перебить, чтоб он не мог ехать.

– Братцы, – говорю я, – я не знал, что здесь нельзя ехать. Я не хотел удирать.

Сторож, задыхаясь, восклицает:

– Он не хотел удирать! Вы видели наглые речи. Ведите его в милицию. Держите его крепче. Такие у меня всегда убегают.

Я говорю:

– Братцы, я штраф заплачу. Я не отказываюсь. Не вертите мне руки.

Кто-то говорит:

– Пуцай предъявит документы, и возьмите с него штраф. Чего его зря волочить в милицию? Провинность у него, в сущности, не так крупная.

Сторожу и нескольким добровольцам охота волочить меня в милицию, но под давлением остальной публики сторож, страшно ругаясь, берет с меня штраф и с

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
видимым сожалением отпускает меня восвояси.

Я иду со своим велосипедом, покачиваюсь. У меня шумит в голове, и в глазах мелькают круги и точки.

Я бреду с развороченной душой.

Я по дороге сгоряча произношу нелепую фразу: "Боже мой". Я массирую себе руки и говорю в пространство:

"Фу!"

Я выхожу на набережную и снова сажусь на свою машину, говоря:

"Ну ладно, чего там. Подумаешь – нашелся фон-барон, руки ему не верти".

Я тихо еду по набережной. Я забываю грубоватую сцену. Мне рисуются прелестные сценки из недалекого будущего.

Вот я, предположим, еду на велосипеде с колесьями, похожими друг на друга как две капли воды.

Вот я сворачиваю на эту злосчастную аллею. Чей-то смех раздается. Я вижу – сторож идет в мягкой шляпе. В руках у него цветочек – незабудка или там осенний тюльпан. Он вертит цветочком и, смеясь, говорит:

– Ну, куда ты заехал, дружок? Чего это ты сдуру не туда сунулся? Экий ты, милочка, ротозей. А ну, валяй обратно, а то я тебя оштрафую не дам цветка.

Тут, тихо смеясь, он подает мне незабудку. И мы, полюбовавшись друг другом, расстаемся.

Эта тихая сценка улаживает мое страдание. Я бодро еду на велосипеде. Я верчу ногами. Я говорю себе: "Ничего. Душа не разорвется. Я молод. Я согласен сколько угодно ждать".

Снова радость и любовь к людям заполняют мое сердце. Снова им хочется сказать что-нибудь хорошее или крикнуть: "Товарищи, мы строим новую жизнь, мы победили, мы перешагнули через громадные трудности, – давайте все-таки уважать друг друга".

С переполненным сердцем я вернулся домой и записал эту сценку, которую вы сейчас читаете.

Это случилось в прошлом году, и с тех пор подобных происшествий с нами уже не было, из чего мы заключаем, что подобное боевое настроение среди служащих по охране зеленых насаждений идет на убыль. И это очень хорошо. А то это слишком неприятная неудача, с которой следует бороться со всей энергией.

Другой случай весьма досадной неудачи мы как-то раз наблюдали в деревне, среди полей и равнин. И он нас не менее огорчил, чем этот.

РАССКАЗ ОБ ИМЕНИННИЦЕ

Однажды я поехал в деревню Борки. Мне туда надо было по делу.

От станции до этой деревни было не так много. Может быть, километра три. Но пешком я идти не рискнул. Весенняя грязь буквально доходила до колена.

Возле самой станции, у кооператива, стояла крестьянская подвода. Немолодой мужик в зимней шапке возился около лошади.

– А что, дядя, – спросил я, – не подвезешь ли меня до Борок?

– Подвезти можно, – сказал мужик, – только даром мне нет расчета тебя подвозить. Рублишко надо мне с тебя взять, милый человек. Дюже дорога трудная. Воды много.

Я сел в телегу, и мы тронулись.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Дорога действительно была аховая. Казалось, дорога была в свое время специально устроена с тем тонким расчетом, чтобы вся весенняя дрянь со всех окрестных полей стекала именно сюда. Жидкая грязь покрывала почти полное колесо.

– Грязь-то какая, – сказал я.

– Воды, конечно, много, – равнодушно ответил мужик.

Он сидел на передке, свесив вниз ноги, и непрестанно цокал на лошадь языком.

Между прочим, цокал он языком абсолютно всю дорогу. И только когда переставал цокать хоть на минуту, лошадь поводила назад ушами и добродушно останавливалась.

Мы отъехали шагов сто, как вдруг позади нас, у кооператива, раздался истошный бабий крик.

И какая-то баба в сером платке, сильно размахивая руками и ругаясь на чем свет стоит, торопливо шла за телегой, с трудом передвигая ноги в жидкой грязи.

– Ты что ж это, бродяга! – кричала баба, доходя в некоторых словах до полного визгу. – Ты кого ж посадил-то, черт рваный? Обормот, горе твое луковое!

Мой мужик оглянулся назад и усмехнулся в бороденку.

– Ах, паразит-баба, – сказал он с улыбкой, – кроетто как!

– А чего она? – спросил я.

– А пес ее знает, – сказал мужик, сморкаясь. – Не иначе как тоже в телегу ладит. Неохота ей, должно стать, по грязи хлюпать.

– Так пуцай сядет, – сказал я.

– Троих не можно увезти, – ответил мужик, – дюже дорога трудная.

Баба, подобрав юбки чуть ли не до живота, нажимала все быстрее, однако по такой грязи догнать нас было трудновато.

– А ты что, с ней уговорился, что ли? – спросил я.

– Зачем уговорился? – ответил мужик. – Жена это мне. Что мне с ней зря уговариваться?

– Да что ты?! Жена? – удивился я. – Зачем же ты ее взял-то?

– Да увязалась баба. Именинница она, видишь, у меня сегодня. За покупками мы выехали. В кооператив... Эвон, гляди, как нажимает. Ай, ей-богу, смехота...

Мне, городскому человеку, ужасно как стало неловко ехать в телеге, тем более что именинница крыла теперь все громче и громче и меня, и моих родных, и своего полупочтенного супруга.

Я подал мужику рубль, прыгнул с телеги и сказал:

– Пуцай баба сядет. Я пройдуся.

Мужик взял рубль и, не снимая с головы шапки, засунул его куда-то под волосы.

Однако свою именинницу он не стал ждать. Он снова зацокал языком и двинул дальше.

Я мужественно шагал рядом, держась за телегу рукой, потом спросил:

– Ну, что ж не сажаешь-то?

Мужик тяжело вздохнул:

– Дорога дюже тяжелая. Не можно сажать сейчас". Да ничего ей, бабе-то. Она у

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
меня, дьявол, двужильная.

Я снова на ходу влез в телегу и доехал до самой деревни.

И, может быть, тут-то и лежала одна из крупнейших неудач российской жизни.

По дороге мужик сказал:

– Я, видишь ли, собственно, лошадь жалею. Тем более мы не в колхозе. А мы – единоличники. А то я бабу обязательно бы посадил. На казенную лошадь. А эту я берегу. Тем более баба у меня может ходить сколько угодно. По самым худым дорогам.

Я говорю мужику:

– Все-таки она именинница. Надо было бы ее уважить.

– Дома я ее непременно уважу, – сказал мужик. – Но тут дорога тяжелая, и ты еще влез.

Через полчаса мы приехали.

Мужик сказал:

– Дорога дюже тяжелая, вот что я скажу. За такую дорогу надо тройк брать с вас, городских. Кажется, видел, – я бабу не посадил – до чего тяжелый путь.

Я говорю:

– Против цены не спорю.

И стал с ним расплачиваться.

А когда расплатился, вдруг подошла именинница. Пот катил с нее градом. Она одернула свои юбки и, не глядя на супруга, сказала:

– Выгружать, что ли?

– Конечно, выгружать, – сказал мужик, – не до лету лежать товару.

Именинница подошла к телеге и стала выгружать покупки, унося их в дом.

Я подарил имениннице пять целковых и с расстроенной душой пошел по своим делам.

А когда возвращался обратно в город, то думал о деревенской жизни. И о таких нравах, которые даже и не записаны в литературе.

Вот, дорогие друзья, какого сорта бывают неудачи. Хорошо, что они сменяются удачами.

И как это, правда, хорошо и вполне удачно, что теперешняя перемена в деревне как раз ударила по таким мужьям, у которых такие именинницы. И ударила по такому быту, который мы развернули перед вами всего лишь на одной страничке.

И мы теперь имеем превеликую надежду, что там вскоре рассыплется в прах весь, как говорится, дурацкий строй старой деревенской жизни.

И, может быть, тут-то и лежала одна из крупнейших неудач российской жизни.

Так что вот вам пример неудачи, который нам с вами говорит о нужных переменах.

Теперь, друзья, не угодно ли махнуть с нами в город. Там с нами случилась маленькая неудача. И мы, так сказать, для смеха хотим вам о ней рассказать.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Конечно, потерять галошу в трамвае нетрудно. Особенно если сбоку поднапрут да сзади какой-нибудь архаровец на задник наступит, – вот вам и нет галоши.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Галошу потерять – прямо пустяки.

С меня галошу сняли в два счета. Можно сказать, ахнуть не успел.

В трамвай вошел – обе галоши стояли на месте, как сейчас помню. Еще рукой потрогал, когда влезал, – тут ли? А вышел из трамвая – гляжу: одна галоша здесь, как миленькая, а другой нету. Сапог – здесь. И носок, гляжу, здесь. И подштанники на месте. А одной галоши нету.

А за трамваем, конечно, не побежишь.

Снял галошу, которая осталась, завернул в газету и пошел так. "После работы, – думаю, – пуцусь на розыски. Не пропадать же товару. Где-нибудь да раскопаю".

После работы пошел искать. Первым делом – посоветовался с одним знакомым вагоновожатым.

Тот прямо вот как меня обнадежил.

– Скажи, – говорит, – спасибо, что в трамвае потерял. Это тебе очень поперло, что ты именно в трамвае потерял. В другом общественном месте не ручаюсь, а в трамвае потерять – святое дело. Такая у нас существует камера для потерянных вещей. Приходи и бери. Святое дело!

– Ну, – говорю, – спасибо. Прямо гора с плеч. Главное, галоша почти что новенькая. Всего третий сезон ношу.

На другой день поехал в камеру.

– Нельзя ли, – говорю, – братцы, галошу заполучить обратно? В трамвае сняли.

– Можно, – говорят. – Какая галоша?

– Галоша, – говорю, – обыкновенно какая. Размер – двенадцатый номер.

– У нас, – говорят, – двенадцатого номера, может, двенадцать тысяч. Расскажи приметы.

– Приметы, – говорю, – обыкновенно какие: задник, конечно, обтрепан, внутри байки нету – сносились байка.

– У нас, – говорят, – таких галош, может, больше тыщи. Нет ли специальных признаков?

– Специальные, – говорю, – признаки имеются. Носок вроде бы начисто оторван, еле держится. И каблука, говорю, почти что нету. Сносился каблук. А бока, говорю, еще ничего пока что, удержались. Галоша, говорю, конечно, не новенькая, но дорога, как память о потраченных деньгах.

– Посиди, – говорят, – тут. Сейчас посмотрим.

Вдруг выносят мою галошу.

То есть ужасно обрадовался. Прямо умилился.

"Вот, – думаю, – аппарат работает. И какие, думаю, идейные люди, сколько хлопот на себя приняли из-за одной галоши".

Я им говорю:

– Спасибо, говорю, друзья, по гроб жизни. Давайте поскорей ее сюда. Сейчас я надену. Благодарю вас.

– Нету, – говорят, – уважаемый товарищ, не можем дать. Мы, говорят, не знаем, может, это не вы потеряли.

– Да я же, – говорю, – потерял. Что вы, объелись?

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Они говорят:

– Верим и вполне сочувствуем, и очень вероятно, что это вы потеряли именно эту галошу. Но отдать не можем.

Принеси удостоверение, что ты действительно потерял галошу. Пуцай домоуправление заверит этот факт, и тогда без излишней волокиты мы тебе выдадим то, что законно потерял.

– Братцы, – говорю, – святые товарищи, да в доме не знают про этот факт. Может, они не дадут такой бумаги.

– Дадут, – говорят, – это ихнее дело дать. На что они у вас существуют?

Поглядел я еще раз на галошу и вышел.

На другой день пошел к председателю нашего дома.

– Давай, – говорю, – бумагу. Галоша гибнет.

– А верно, – говорит, – потерял? Или закручиваешь? Может, хочешь схватить лишний предмет ширпотреба?

– Ей-богу, – говорю, – потерял.

Он говорит:

– Конечно, на слова не могу положиться. Вот если б ты мне удостоверение достал из трамвайного парка, что галошу потерял, тогда бы я тебе выдал бумагу. А так не могу.

Я говорю:

– Так они же меня к вам посылают.

Он говорит:

– Тогда, говорит, напиши мне в крайнем случае заявление.

Я говорю:

– А что там написать?

Он говорит:

– Пиши: сего числа пропала галоша. И так далее. Даю, дескать, расписку о невыезде впредь до выяснения.

Написал заявление. На другой день форменное удостоверение получил.

Пошел с этим удостоверением в камеру. И там мне, представьте себе, без хлопот и без волокиты выдают мою галошу.

Только когда надел галошу на ногу, почувствовал полное умиление. "Вот, – думаю, – люди работают! Да в каком-нибудь в другом месте разве стали бы возиться с моей галошей столько времени? Да выкинули бы ее с трамвая – только и делов. А тут неделю не хлопотал, выдают обратно. Одно досадно, за эту неделю во время хлопот первую галошу потерял. Все время носил ее под мышкой в пакете – и не помню, в каком месте ее оставил. Главное, что не в трамвае. Это гиблое дело, что не в трамвае. Ну, где ее искать?"

Но зато другая галоша у меня. Я ее на комод поставил. Другой раз станет скучно, – взглянешь на галошу, и как-то легко и безобидно на душе становится. Вот, думаю, славно канцелярия работает".

Рассказали вам эту историю и теперь пугаемся, как бы трамвайщики на нас не обиделись. А чего обижаться? Наверное, они уже эти свои недочеты исправили. И, наверное, у них галоши выдаются еще более проще. Тем более это было еще в

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
тридцатом году. А с тех пор я ничего не терял. Так что не могу удовлетворить
ваше любопытство.

А в общем, тут дело даже не в трамвае, а в самой закрученной психологии. А
поскольку с этой психологией идет борьба и вообще канцелярия выравнивается, то
об чем же может быть и речь. Конечно, это борьба нелегкая. Тем более подобная
психология есть скорей всего глупость. А глупость – не головная боль, которая от
порошка проходит.

В общем, другой мелкий случай из области неудач произошел на этом фронте уже не
со мной, а с другим. Вот что с ним случилось.

ИНТЕРЕСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В КАНЦЕЛЯРИИ

Недавно один уважаемый товарищ, Кульков Федор Алексеевич, изобрел способ против
бюрократизма. Вот государственная башка-то!

А способ до того действительно, до того дешевый, что надо бы патент взять, да,
к глубокому сожалению, Федор Алексеевич Кульков в тюрьме сидит за свой опыт. Нет
пророка в отечестве своем.

А против бюрократизма Федор Кульков такой острый способ придумал.

Кульков, видите ли, в одну канцелярию ходил очень часто. По одному своему делу.
И не то он месяц туда ходил, не то два. Ежедневно. И все никаких результатов. То
есть не обращают на него внимания бюрократы, хоть плачь. Не отыскивают ему его
дела. То в разные этажи посылают. То завтраками кормят. То просто в ответ грубо
сморкаются.

С одной стороны, это было даже удивительно наблюдать к нему такое
бюрократическое отношение. Поскольку канцелярия сейчас у нас находится на
большой высоте.

А с другой стороны, было отчасти понятно. Они осенью переезжали в другое
помещение и это кульковское дело куда-то засунули. Или они его потеряли. Они во
всяком случае, не могли его сразу найти. И вдобавок, наверно, искали без особой
охоты.

И вот, естественно, тянули. Хотели, может, на сроках отыграться. Там, думают,
отыщут в дальнейшем. Либо, думают, посетитель захворает и помрет. И тогда все
само собой встанет на место. Не надо будет искать. Либо еще чего-нибудь будет.

Может" быть, они так подумали и стали тянуть с ним канитель. И вдобавок ему об
этих подробностях ничего не говорили. Стеснялись это ему в глаза скачать.

И он, как дурак, знай себе ходит в эту канцелярию.

И там, естественно, он всех возненавидел.

Он прямо не мог видеть уже этих канцелярских работников, которые сидели за
своими столами и что-то делали.

Он приходил в ужас от них. Но крепился.

И только говорил с ними немного более визгливо, чем полагается. Но все-таки
сдерживался.

Однажды он пришел туда и думает:

"Если сегодня дело не кончу, то, я так думаю, они меня еще свыше месяца
затаскают".

И с этими мыслями он спрашивает кого-то там:

– Ну, как?

Тот говорит:

– Еще, говорит, не прояснилось.

Наш Кульков в смятении чувств выбегает от этого работника, чтоб скорей выйти на улицу отдышаться.

И вдруг на пути, в одной комнате, видит такую возмутительную картину.

Сидит за столом какой-то средних лет бюрократ и абсолютно ничего не делает. Он ноготки себе полирует и посвистывает. И сам напыщенный. Развалившись сидит в кресле. И слегка ногой болтает. Салон-вагон.

То есть эта картина прямо вывела из себя нашего терпеливого Кулькова.

Он и так-то взволнованный выскочил из кабинета. А тут вдруг нарывается на подобный пейзаж.

Наверное, Кульков подумал:

"Я хожу свыше месяца в это учреждение, мне тут морочили голову и учиняют такую волокиту, а тут, наряду с этим, сидят бюрократы подобного типа. Нет, я не могу терпеть".

И, возмущившись еще больше, подходит до этого чиновника и, мало чего соображая, ударяет его наотмашь. Тут свалился этот бюрократ со своего венского кресла. Кричит.

Тут другие бюрократы сбежались со всех сторон. Схватили Кулькова и держат, чтобы он не ушел.

Битый, приподнявшись, говорит:

– Я, говорит, по делу пришедши и с утра не жравши сижу. И если, говорит, меня натошак по морде еще хлопать начнут в этом учреждении, то я, говорит, категорически от этого отказываюсь.

Кульков то есть до крайности удивился от этих слов. Он говорит:

– Неужели вы не здесь работаете, а вы посетитель?

Побитый говорит:

– Да. Я к ним второй месяц хожу за своим делом. И они все тянут. И уж меня-то, во всяком случае, не надо было трогать. В том-то и дело, что я посетитель. А если б я был из тутошних, то я, может быть, ничего бы вам и не сказал.

Кульков говорит ему:

– Пардон, товарищ, я прямо не знал. Я думал, вы среди них бюрократ и ничего не делаете, так себе сидите за столом.

Битый говорит:

– Я тут попривык у них, вот и сел за стол. А вы меня вдруг бьете.

Какие-то начальники в это время орут:

– Отыскать, туда-сюда, кульковское дело. Это он еще что за фрукт. Надо поглядеть в его бумаги.

Побитый говорит:

– Позвольте, почему же такая привилегия бьющему?

Пушай тогда и мое дело отыщут. Фамилия – Обрезкин.

Те кричат:

– Отыскать, туда-сюда, и Обрезкина дело.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Обрезкин говорит Кулькову:

– Теперь, кажется, они найдут. Без вас бы, кажется, этого не случилось.

Кульков говорит:

– Скажите спасибо. Без меня бы вы тут совсем закисли.

Туг, меньше чем в час, отыскали оба эти дела.

"Кулакову говорят:

– Вот ваши бумаги, получите на руки, но за битье в нашем учреждении ответите по закону.

Потом обращаются до Обрезкина и говорят ему:

– А что касается вас, молодой человек, то вы вообще ошиблись учреждением. Вам надо в собес, а не к нам. Так что вы схлопотали себе по морде отчасти даже зря. И это уж целиком ваша неудача.

Тут рассерженный Обрезкин уходит. А на Кулькова составляют протокол. И потом за мордобой дают ему месяц заключения.

И правильно. Нельзя так поступать и горячиться. А уж лучше пожаловаться, чем лезть в физиономию. Но неудача, собственно, тут даже не в том, что Обрезкина побили, а в том, что среди конторского труда бывает еще такая забывчивость на бумаги. Но это, конечно, мелочь, пустяки на общем фоне жизни.

Между прочим, совсем другое, более крупное дело, чем с этим Кульковым, произошло однажды с одним поэтом. С ним произошла огромная неудача.

Он приезжий поэт. Он недавно побывал у нас в ленинградском Литфонде, где ему пришлось выдать сто целковых на дорогу.

Вот что с ним случилось. Он нам подробно рассказал о своей неудаче. А то иначе он не получил бы это пособие. Так что эту свою историю он поведал нам скорей по необходимости, чем по общительности характера. Вот его поэтическая история, которая обошлась Литфонду в сто рублей.

Мы ее, кстати, рассказываем более коротко, чем поэт. Поэту крайне нужны были деньги на дорогу, и потому он старался не пропустить подробностей, чтоб не уменьшить дело в его психологическом значении.

Мы же расскажем вам это своими словами, без особых тонкостей, но со знанием сердца мужчины.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ С ОДНИМ НАЧИНАЮЩИМ ПОЭТОМ

Один молодой поэт, довольно интересной, волевой наружности, автор книги "Навстречу жизни", влюбился на курорте в одну недурненькую особу.

Она не была поэтесса, но она имела все время склонность к поэзии, и от этого наш поэт совершенно от нее растаял.

Кроме того, она вдобавок понравилась ему как тип. То есть ее наружность соответствовала его идеалам.

Она была из блондинок, в то время как там у них, на юге, он говорит, преобладали все больше черноватые, которые не вызвали у него поэтических эмоций. Тем более что он был лирик и, как он говорит, певец революционных будней. В результате чего он и влюбился в эту особу до потери сознания.

Ну, вообще – поэт. Мировоззрение. Пылкая, забывчивая натура. Стихи пишет. Любитель цветов и хорошо покушать. И ему всякая красота доступна. И он психологию понимает. Знает дам. И верит в их назначение.

Он встретил ее на южном побережье, куда он прибыл в сентябре месяце по путевке. И она тоже со своей путевкой прибыла туда же в сентябре.

И там они имели неожиданное счастье встретиться.

Они там познакомились. И у него возникло чувство к ней.

И она тоже им исключительно увлеклась.

И у них там целый месяц прошел как в угаре. С одной стороны – море, природа, беззаботная жизнь на готовом питании, с другой стороны – понимание с полслова, поэзия, переживания, красота. То есть как во сне промелькнули все дни, которые были один другого лучше. И вот ударило время разлуки. Наступило время расставанья.

Она вернулась к себе в Ленинград и приступила там к завершению курса каких-то там исключительных пауков. А он прибыл к себе в Ростов или куда-то там в эти места.

И там продолжал свою поэзию.

Но там он продолжать ее не мог, поскольку ему вспоминалась его особа. Он там тосковал по ней. И, будучи лириком, грустил.

И вот, просидев пару недель в своем южном городе, он вдруг моментально сложился и, никому ничего не сказав, дернул к своей особе в далекий Ленинград.

Он только в последний момент сказал своей супруге:

– Возникло чувство к другой. Расстаемся. Деньги буду посылать почтой.

И с этими словами махнул в Ленинград. Тем более она его туда усиленно звала. Она ему говорила:

– Приезжай скорей. Я живу там совершенно одиноко. Совсем одна. Кончаю курс науки. Ни от кого не завишу. И мы там будем продолжать наше чувство.

И теперь, перебирая в своей памяти эти нежные слова, полные глубокого значения, наш поэт лихорадочно спешил поскорей с ней встретиться.

И он даже удивлялся, как это он не сообразил сразу выехать к ней, раз имелись такие великолепные предпосылки.

Короче говоря, он прибыл к ней и вскоре держал ее в своих объятиях.

И они оба были так довольны, что и сказать нельзя.

Она его спросила: "Надолго ли?" И он ей поэтически ответил: "Навсегда!"

И они опять были очень довольны.

Но он у ней остановиться не мог, поскольку она жила не одна в общежитии.

Не без некоторого волнения он вдруг увидел в ее уютной комнате четыре постели, при виде которых сердце оборвалось в его груди. Она сказала:

– Живу с тремя подругами по образованию.

Он сказал:

– Я это вижу и недоумеваю. Вы мне сказали о своем одиночестве, через что я имел смелость приехать. Вы, кажется, мне прихвастнули.

Она сказала:

– Я это сказала – "живу одиноко" – не в смысле комнаты, а в смысле чувств и брака.

Он сказал:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Ах, вон что. В таком случае это недоразумение.

После чего они снова обнялись и долго не могли друг на друга налюбоваться.

Он сказал:

– Ну, ничего. Я пока буду жить в гостинице. А там мы посмотрим. Может быть, вы кончите образование или, может быть, я напишу какие-нибудь ценные стишки.

И она сказала:

– Вот и хорошо.

Он переехал в гостиницу "Гермес" и там стал с ней жить.

Но он порядочно уже поистратился и недоумевал, что же, собственно, будет дальше. К тому же, на его несчастье, сразу после его приезда она была два дня подряд именинница. То есть один день у нее были ее именины.

А наш поэт, зная немного жизнь, было уже совсем успокоился. Но на второй день, без перерыва, ударило вдруг ее рождение. И наш поэт совершенно обезумел от трат на это. На первый день он ей купил кондитерский крендель.

И думал – только и делов. Но, узнавши об рождении, он растерялся и купил ей бусы. Каково же было его удивление, когда она, получив бусы, вдобавок сказала:

– Сегодня, по случаю моего дня рождения, я бы хотела в этих бусах пройтись с вами в какой-нибудь коммерческий ресторан.

И при этом она сказала ему еще что-то про Блока, который в свое время тоже любил почем зря бывать в ресторанах и в кондитерских.

И хотя он ей ответил уклончиво:

– То Блок...

Но все-таки вечером он с ней побывал в ресторане, где страдания его достигли наивысшей силы по случаю порционных цен, о которых в Ростове слышали только мельком.

Нет, он не был скуп, наш поэт, но он, так сказать, совершенно вытряхнулся. И к тому же, имея мелкобуржуазную сущность, он ей не решился сказать о своем крайнем положении. Хотя намекал, что в гостиницах ему беспокойно. Но она, подумав о его нервности, сказала:

– Надо взять себя в руки.

Он пытался взять себя в руки. И в день ее рождения попробовал было оседлать свою поэтическую музу, чтоб настроичить хотя бы несколько мелких стихотворений на предмет, так сказать, продажи в какой-нибудь журнал.

Но не тут-то было. Муза ему долго не давалась, а когда далась, то поэт просто удивился оттого, что у него с ней получилось. Во всяком случае, по прочтении продукции ему стало ясно, что не может быть и речи о гонораре. Получилось нечто неслыханное, что поэт приписал отчасти своей торопливости и беспокойствию духа.

Тогда наш молодой поэт, подумав о превратностях судьбы и о том, что поэзия – дело, в сущности, темное, не способствующее ведению легкой жизни, продал на рынке свое пальто.

И налегке побывал со своей барышней там, где она того хотела.

После чего он рассчитывал пару дней прожить легко, стараясь ни о чем не думать, так сказать, в полное свое удовольствие, снимая пенки с блестящего ресторанного вечера. И только уже после этого он решил обдумать свое положение. И как-нибудь извернуться. В крайнем случае он надумал призанять некоторую сумму у своей особы.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Но на другой день после ее рождения вдруг ударил в Ленинграде ранний мороз. И наш поэт в легкой пиджачке стал на улице попрыгивать, говоря, что он совершенно закалился там у себя, на юге, и потому так ходит почти без ничего.

В общем, он простудился. И слег в своей гостинице "Гермес". Но там удивились его нахальству и сказали, что прежде следует заплатить за номер, а потом хворать.

Но все же, узнав, что он поэт, отнеслись к нему гуманно и сказали, что вплоть до выздоровления они его не тронут. После каких-то слов поэт совершенно ослаб физически и дней шесть не поднимался с постели, ужасаясь, что даже за лежачего жильца в советских условиях насчитываются за номер те же суточные деньги.

Барышня его посещала и приносила ему погреть, а то ему пришлось бы совсем невероятно. И, может быть, он даже бы не поправился.

После выздоровления поэт было подумал снова на пушку поймать свою музу. Но та вовсе отказала что-либо путное ему присочинить. И поэт до того упал духом, что дал себе обещание, в случае если он выпутается благополучно из создавшегося положения, непременно найти службу, чтоб не полагаться в дальнейшем на чистое искусство.

Правда, после того как у него в номере побывал директор гостиницы, поэт еще в третий раз пробовал приблизиться к своей поэзии, но, кроме как трех строк, ему ничего не удалось из себя выжать:

В который раз гляжу на небо
И слышу там пропеллеров жужжанье,
И кто-то вниз сигает на...
Но уже слова "на парашюте" никак не входили в размер стиха. А сказать "с парашютом" он не рисковал, не зная авиационной терминологии. После чего поэт окончательно захандрил и сложил оружие.

Мечты же занять у своей подруги оказались тоже нереальны. К его удивлению, в тот самый момент, когда он было решился ей сказать об этом, она сама ему сказала о том же, но только про себя, а не про него. Так что поэт, ослабший от болезни, не сразу даже и понял всей остроты ситуации. Она сказала, что ей до получения пособия осталась ровно неделя и что если он сможет, то пусть ей кое-что одолжит, тем более что она ему покупала еду во время болезни.

Он сказал: "Непременно".

И после ее ухода решил ликвидировать свой коверкотовый костюм.

Он продал на рынке костюм, отчасти устроился со своими делами и в одной майке и в спортивных брючках в один прекрасный день явился к нам в ленинградский Литфонд, где и рассказал нам эту свою историю.

И мы ему дали за этот рассказ сто рублей на билет, с тем чтоб он ехал к себе на родину.

И он нам сказал:

– Эта сумма мне хватит, чтобы уехать. А я бы желал прожить еще тут неделю. Мне бы этого очень хотелось.

Но мы ему сказали:

– Уезжайте теперь. И лучше всего устройтесь там, у себя, на работу. И параллельно с этим пишите иногда хорошие стихи. Вот это будет правильный для вас выход.

Он сказал:

– Да, я так, пожалуй, и сделаю. И я согласен, что молодые авторы должны, кроме своей поэзии, опираться еще на что-нибудь другое. А то вон что получается. И это правильно, что за это велась кампания.

И, поблагодарив нас, он удалился. И мы, литфондовцы, подумали словами поэта:

О, как божественно соединение,
Извечно созданное друг для друга,
Но люди, созданные друг для друга,
Соединяются, увы, так редко.
На этом заканчивается история с начинающим поэтом, и начинается другая история,
еще более исключительная.

Там совсем другое дело, чем с поэтом, случилось с одним работником. Причем то,
что с ним случилось, для него была крупнейшая неудача, а для других – мы бы
этого не сказали.

В общем, вот что с ним произошло.

РАССКАЗ О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРОГО ВЫЧИСТИЛИ ИЗ ПАРТИИ
Еще в первую чистку вычистили из партии одного человека.

Он каким-то там у них был по линии инвалидов-парикмахеров и брадобреев.

Причем вычистили его по бытовому признаку – он слишком выпивать любил. У него
была такая вообще бурлацкая натура. Он чуть что за воротник заливал. И не всегда
твердо стоял на ногах.

Так что если он из брадобреев, а не в канцелярии, то он мог бы причинить
физические увечья любому из клиентов. Не говоря уж о порче пациентам
мировоззрения и так далее.

В общем, его, наверное, я так думаю, вычистили под лозунгом: "худая трава с поля
вон".

И с этими словами его вычистили.

А больше никаких дел он за собой не замечал.

Он считал себя всецело на высоте положения. Он энергично работал, ни в чем таком
особенном замешан не был, и вообще он удивился, зачем его вычистили.

Он очень что-то расстроился.

Думает: "Сколько лет я крепился и сдерживал порывы своей природы. Сколько лет,
думает, я себе ничего такого особенного не позволял. Вел себя порядочно. И не
допускал никаких эксцессов. И вдруг – пожалуйста бриться. А что касается выпивки,
то почему бы и не так?"

Комиссии он ничего не сказал, но подумал: "Ах, вот как".

И, значит, придя домой, хорошенько выпил, нахлестался, можно сказать, побил
супругу, разбил стекла в дворницкой и исчез на пару дней.

Где он мотался – неизвестно. Только пришел с поколоченной мордой, рваный и без
пальто.

И жильцам сказал:

– Что меня вычистили, я никакого горя не имею. И даже напротив, я рад не
встречаться больше с ненужной дисциплиной. Сколько лет, говорит, я сдерживался и
портил себе кровь всякими преградами. И то нельзя, и это не так, и жену не
поколоти. Но теперь это кончилось, аминь. Профессия моя хороша при всех режимах.
Так что я плевал на вас всех, вместе взятых.

Жильцы удивились его словам. Но он сам сосчитал свои поступки правильными. И,
снова надрывшись, выбил в дворницкой то же самое окно, что только что вставили.

А в жакте он содрал со стены все лозунги и санитарные плакаты. И одним картонным
плакатом с надписью: "не пьет, не курит пионер, – берите, взрослые, пример" –
побил даже председателя.

И, в общем, за три дня он до того развязал свою природу, что все в доме

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
поразились – как это так.

И вдруг он откуда-то узнает или кто-то ему сказал, что хотя и вычистили, но опять как будто восстановили.

То есть что было, передать нет возможности.

Он мигом протрезвел и почистился. Собрал жильцов и им сказал:

– Бывают, друзья, происшествия. Умоляю вас, забудьте то, что эти дни видели. Меня, говорит, как это ни странно, кажется, восстановили.

И сам бежит куда полагается и там говорит:

– Вот так номер вы со мной учинили. Сначала так, а потом обратный ход даете. Это каждый может растеряться, как себя вести. Я, говорит, не знал и за эти промежуточные дни наделал делов. И если вам теперь пришлют на меня два протокола, то виноват не я, а обстоятельства.

Ему говорят:

– Тебя, товарищ, не восстановили, чего ты расстраиваешься. Это, действительно, один из товарищей про тебя сказал: "Он, кажется, ничего, только выпивает, так что вы, говорит, его, пожалуй, даже зря вычистили". Но теперь сомнения отпадают, поскольку такая картина.

Он говорит:

– Я не знал же.

Ему отвечают:

– Значит, ты не чистой воды пролетарий. Другой бы при всех ситуациях был как стеклышко. А ты чуть что – обнаружил свою свиную морду. Привет.

Так его и не приняли.

А он теперь сидит в своей комнате тихо и не бузит. Все думает – вот его позовут и скажут: видим, что ты на высоте положения, принят.

Но его не зовут. Поскольку теперь его хорошо знают.

Тут неудача человека в том, что он проявил себя во всем объеме. А для других как раз это была удача. И она бы возросла, если бы такое происшествие повторилось еще с кем-нибудь.

Между прочим, совсем другое дело, чем с этим тупицей, произошло недавно с одним стариком.

Старика никто ниоткуда не чистил и ниоткуда никто его не выгонял. А он сам всех запутал своим поведением. И сам всех выгнал из квартиры.

Вот какая житейская неудача произошла с этим дураком в прошлом году.

РАССКАЗ О БЕСПОКОЙНОМ СТАРИКЕ

У нас в Ленинграде один старичок заснул летаргическим сном.

Год назад он, знаете, захворал куриной слепотой. Но потом поправился. И даже выходил на кухню ругаться с жильцами по культурным вопросам.

А недавно он взял и неожиданно заснул.

Вот он ночью заснул летаргическим сном. Утром просыпается и видит, что с ним чего-то такое неладное. То есть, вернее, родственники его видят, что лежит бездыханное тело и никаких признаков жизни не дает. И пульс у него не бьется, и грудка не вздымается, и пар от дыхания не садится на зеркальце, если это последнее преподнести к ротуку.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Тут, конечно, все соображают, что старичок тихо себе скончался, и, конечно, поскорей делают разные распоряжения.

Они торопливо делают распоряжения, поскольку они всей семьей живут в одной небольшой комнате. И кругом – коммунальная квартира. И старичка даже поставить, извините, некуда, – до того тесно. Тут поневоле начнешь торопиться.

А надо сказать, что этот заснувший старикан жил со своими родственниками. Значит, муж, жена, ребенок и няня. И, вдобавок, он, так сказать, отец, или, проще сказать, папа его жены, то есть ее папа. Бывший трудящийся. Все как полагается. На пенсии.

И нянька – девчонка шестнадцати лет, принятая на службу на подмогу этой семье, поскольку оба два – муж и жена, то есть дочь его папы, или, проще сказать, отца, – служат на производстве.

Вот они служат и, значит, под утро видят такое грустное недоразумение – папа скончался.

Ну, конечно, огорчение, расстройство чувств: поскольку небольшая комнатка и тут же лишний элемент.

Вот этот лишний элемент лежит теперь в комнате, лежит этакий чистенький, миленький старичок, интересный старичок. Он лежит свеженький, как увядшая незабудка, как скушанное крымское яблочко.

Он лежит и ничего не знает, и ничего не хочет, и только требует до себя последнего внимания.

Он требует, чтобы его поскорей во что-нибудь одели, отдали бы последнее "прости" и поскорей бы где-нибудь захоронили.

Он требует, чтобы это было поскорей, поскольку все-таки одна комната и вообще стеснение. И поскольку ребенок вякает. И нянька пугается жить в одной комнате с умершими людьми. Ну, глупая девчонка, которой охота все время жить, и она думает, что жизнь бесконечна. Она пугается видеть трупы. Она дура.

Муж, этот глава семьи, бежит тогда поскорей в районное бюро похоронных процессий. И поскорее оттуда возвращается.

– Ну, – говорит, – все в порядке. Только маленько с лошадьми зацепка. Колесницу, говорит, хоть сейчас дают, а лошадей раньше, как через четыре дня, не обещают.

Жена говорит:

– Я так и знала. Ты, говорит, с моим отцом завсегда при жизни царапался и теперь не можешь ему сделать одолжение – не можешь ему лошадей достать.

Муж говорит:

– А идите к черту! Я не верховой, я лошадьми не заведу. Я, говорит, и сам не рад дожидаться столько времени. Очень, говорит, мне глубокий интерес все время твоего папу видеть.

Тут происходят разные семейные сцены. Ребенок, не привыкший видеть неживых людей, пугается и орет благим матом.

И нянька отказывается служить этой семье, в комнате которой живет покойник.

Но ее уговаривают не бросать профессию и обещают ей поскорей ликвидировать в комнате смерть.

Тогда сама мадам, уставшая от этих делов, поспешает в бюро, но вскоре возвращается оттуда бледная как полотно.

– Лошадей, – говорит, – обещают не так скоро. Если б мой муж, этот дурак, оставшийся в живых, записался, когда ходил, тогда через три дня. А коляску, говорит, действительно, хоть сейчас дают.

И сама одевает поскорей своего ребенка, берет орущую няньку и в таком виде идет в Сестрорецк – пожить у своих знакомых.

– Мне, – говорит, – ребенок дороже. Я не могу ему с детских лет показывать такие туманные картины. А ты как хочешь, так и делай.

Муж говорит:

– Я, говорит, тоже с ним не останусь. Как хотите. Это не мой старик. Я, говорит, его при жизни не особенно долюбивал, а сейчас, говорит, мне в особенности противно с ним вместе жить. Или, говорит, я его в коридор поставлю, или я к своему брату перееду. А он пуцай тут дожидается лошадей.

Вот семья уезжает в Сестрорецк, а муж, этот глава семьи, бежит к своему брату.

Но у брата в это время всей семьей происходит дифтерит, и его нипочем не хотят пускать в комнату.

Вот тогда он вернулся назад, положил заснувшего старичка на узкий ломберный столик и поставил это сооружение в коридор около ванной. И сам закрылся в своей комнате и ни на какие стуки и выкрики не отвечал в течение двух дней.

Тут происходит в коммунальной квартире сплошная ерунда, волынка и неразбериха.

Жильцы поднимают шум и вой.

Женщины и дети перестают ходить куда бы то ни было, говорят, что они не могут проходить мимо без того, чтобы не испугаться.

Тогда мужчины нарасхват берут это сооружение и переставляют его в переднюю, что, естественно, в высшей степени вызывает панику и замешательство у входящих в квартиру.

Заведующий кооперативом, живущий в угловой комнате, заявил, что к нему почему-то часто ходят знакомые женщины, и он не может рисковать ихним нервным здоровьем.

Спешно вызвали домоуправление, которое никакой рационализации не внесло в это дело.

Было сделано предложение поставить это сооружение во двор.

Но управдом заявил:

– Это, говорит, может вызвать нездоровое замешательство среди жильцов, оставшихся в живых, и, главное, невзнос квартирной платы, которая и без того задерживается.

Тогда стали раздаваться крики и угрозы по адресу владельца старичка, который закрылся в своей комнате и сжигал теперь разные стариковские ошметки и оставшееся ерундовое имущество.

Решено было силой открыть дверь и водворить это сооружение в комнату.

Стали кричать и двигать стол, после чего покойник тихонько вздохнул и начал шевелиться.

После небольшой паники и замешательства жильцы освоились с новой ситуацией.

Они с новой силой ринулись к комнате. Они начали стучать в дверь и кричать, что старик жив и просится в комнату.

Однако запершийся долгое время не отвечал. И только через час сказал:

– Бросьте свои арапские штучки. Знаю – вы меня на плешь хотите поймать.

После долгих переговоров владелец старика попросил, чтобы этот последний подал свой голос.

Старик, не отличавшийся фантазией, сказал тонким голосом:

– Хо-хо...

Этот поданный голос запершийся все равно не признал за настоящим.

Наконец он стал глядеть в замочную скважину, предварительно попросив поставить старика напротив.

Поставленного старика он долго не хотел признать за живого, говорил, что жильцы нарочно шевелят ему руки и ноги.

Старик, выведенный из себя, начал буянить и беспощадно ругаться, как бывало при жизни, после чего дверь открылась и старик был торжественно водворен в комнату.

Побранившись со своим родственником о том, о сем, оживший старик вдруг заметил, что имущество его исчезло и частично тлеет в печке. И нету раскидной кровати, на которой он только что изволил помереть.

Тогда старик, по собственному почину, со всем нахальством, присущим этому возрасту, лег на общую кровать и велел подать ему кушать. Он стал кушать и пить молоко, говоря, что он не посмотрит, что это его родственники, и подаст на них в суд за расхищение имущества. Вскоре прибыла из Сестрорецка его жена, то есть дочь этого умершего папы.

Были крики радости и испуга. Молодой ребенок, не вдававшийся в подробности биологии, довольно терпимо отнесся к воскресению. Но нянька, эта шестнадцатилетняя дура, вновь стала проявлять признаки нежелания служить этой семье, у которой то и дело то умирают, то вновь воскресают люди.

На девятый день вдруг приехала белая колесница с факелами, запряженная в одну черную лошадь с наглазниками.

Муж, этот глава семьи, нервно глядевший в окно, чтоб забыться, первый увидел это прибытие.

Он говорит:

– Вот, папаня, наконец за вами приехали лошади.

Старик начал плевать и говорить, что он больше никуда не поедет.

Он открыл форточку и начал плевать на улицу, крича слабым голосом, чтоб кучер уезжал поскорей и не мозолил бы глаза живым людям.

Кучер в белом сюртучке и в желтом цилиндре, не дождавшись выноса, поднялся наверх и начал грубо ругаться, требуя, чтоб ему наконец дали то, за чем он приехал, и не заставляли бы его дожидаться на сырой улице.

Он говорит:

– Я не понимаю низкий уровень живущих в этом доме. Всем известно, что лошади остродефицитные. Нет, говорит, я в этот дом больше не ездук.

Собравшиеся жильцы совместно с ожившим старичком выпихнули кучера на площадку и ссыпали его с лестницы вместе с сюртуком и цилиндром.

Кучер долго не хотел отъезжать от дома, требуя, чтоб ему в крайнем случае подписали какую-то путевку. Без чего он никуда не поедет.

Оживший старик плевался в форточку и кулаком грозил кучеру, с которым у них завязалась острая перебранка.

Наконец кучер, охрипнув от крика, утомленный и побитый, уехал, после чего жизнь потекла своим чередом.

На четырнадцатый день старичок, простудившись у раскрытой форточки, захворал и

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
вскоре по-настоящему помер.

Сначала никто этому не поверил, думая, что старик по-прежнему валяет дурака, но вызванный врач успокоил всех, говоря, что на этот раз все без обмана.

Тут произошла совершенная паника и замешательство среди живущих в коммунальной квартире.

Многие жильцы, замкнув свои комнаты, временно выехали кто куда.

Жена, то есть, проще сказать, дочь ее папы, пугаясь заходить в бюро, снова уехала в Сестрорецк с ребенком и ревушей нянькой.

Муж, этот глава семьи, хотел было устроиться в дом отдыха. Но на этот раз колесница неожиданно прибыла на второй день. И все кончилось вполне благополучно.

Так что тут была скорее нечеткость работы с колесницами, чем постоянное запоздание. Оно не повторялось всякий раз, а бывало, что ли, случайно. Раз на раз, как говорится, не придется. Ну, была неудача, недоразумение.

Но теперь это у них сгладилось. И они подают так, что прямо красота. Лучше не надо.

На этом мы вообще хотели закончить наши новеллы о неудачах, но близость нового отдела "Удивительные события", в котором речь главным образом пойдет об удачах, позволяет нам рассказать еще одну историйку, в которой два эти предмета – удача и неудача – соединились вместе.

И вот что от этого получилось.

РАССКАЗ О ЗАЖИТОЧНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Конечно, некоторые говорят, что все дело в зажиточности. Что бедность унижает человека, что при этом человек не может, что ли, стоять на высоте положения. А что при зажиточности он, наоборот, моментально расцветает, и приподнимается, и делает то, что всем надо.

Насчет бедности мы не возражаем. Она, конечно, унижает личность, и при ней довольно трудно удержаться в своих рамках. А что касается зажиточности, то это еще не всегда дает правильные результаты.

Был такой курьер Федор. Он работал на заводе. Он приехал из деревни. Был очень бедный. Еще тут не обжился. И даже первое время шлялся в деревянных сапогах.

И был очень грубая личность. Любитель выпить. Ругатель. Грубый скандалист и бузотер.

Он начал у них жить в общежитии. И там ему сделали крепкий нагоняи.

Ему сказали:

– Еще чего? Это не может продолжаться.

А он на это так ответил:

– Вы, профсоюзные вожди, меня срамите за мое поведение. А спросите меня – отчего это бывает.

И тогда его спросили:

– А скажите, отчего?

Он и говорит:

– Я живу абсолютно не так, как хочу. Вполне один, без семьи и жены. У меня, может, семья и жена проживают в деревне. Меня, может, сострадание берет оттого, что я их не вижу. Двое моих детишек, наверное, пасут коров и терпят дожди и вьюги. Я живу как холуй, имею один пиджак, и мне некому даже подложить подушку,

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
чтоб я прилег, усталый от работы. А вы интересуетесь, отчего я выпиваю и в своей выпивке грубо задеваю остальных и всем бью в морду. Вот отчего это бывает.

Вот тогда все сконфузились и сказали:

– Мы тебе непременно дадим комнату.

И вот вскоре ему дали комнату, и он вскоре выписал свою жену и двух пастушков из деревни.

И вот он с ними живет, но мы видим, что он по-прежнему выпивает, скандалит и орет, и всем бьет морды, и дает затрещины и шлепки своим подпаскам.

Тогда снова его вызывают в управление.

Он говорит:

– Да, конечно, я и сейчас еще подлец. Я выпиваю и все такое и под горячую руку всех колочу. Это оттого, что я нервничаю. Я имею перед собой картины бедности. Мы на примусе варим щи. Нас в одной комнате набилось шесть человек народу. Жена ругается со своей мамой, а я их всех бью и крошу, потому что мне мало интереса глядеть на эту деревенскую серость и некультурность. Меня быт съедает без остатка... И к тому же у меня окно выходит в наружный двор. А если бы оно выходило, например, на речку, – я бы, может, целый день рядом сидел и песни пел и глядел бы, как птицы на волнах кувыркаются.

И тогда все сконфузились и так ему сказали:

– У нас сейчас дом отстраивается. Мы тебе дадим квартиру. Там газ и отопление. И там все на свете. Там свет блеснет в твои глаза, и ты будешь такой, как сумеешь.

И вот ему вскоре дали квартиру. Две комнаты и ванна. И три шкафчика для внутреннего употребления. И окна в сад. И в саду ежегодно цветут деревья. И газ. И все на свете.

И ему жалованья прибавили. И вдобавок он по займу выиграл. И пошил себе пиджак. И построил брюки. И по случаю купил диван и пианолу. И наш товарищ Федор вознесся на неслыханную высоту.

Только видят – он по-прежнему выпивает и дерется. И очень ругается и срывает из окна молоденькие ветки с деревьев и стегает ими своих бывших пастухов. А жену, и ее преподобную мамашу, и всех соседей при случае колотит так, что те в страхе разбегаются.

Тогда его снова призывают к ответу.

Он говорит:

– Какое странное дело. Все у меня что-нибудь не так. У меня мебель хороша, и пианола непрерывно играет. Только, говорит, жена, эта деревенская дура, своим видом не подходит к моей обстановке. Она меня раздражает. Я хочу жениться на другой. И тогда непременно у меня пойдет другая музыка.

И вот он разделил свою квартиру. И стал жить с одной конторщицей. И вскоре у них там стали возникать драки и побоища. Он ее ревновал, и нещадно бил, и выгонял на улицу.

И тут все поняли, в чем дело. Тут все поняли, что это попросту дрянной, неудачный человек.

И тогда все поняли, что ему зажиточность нужна, но что при этом его надо нянчить и его перевоспитывать.

И тогда всем стало легче. Все вздохнули и поняли, что с ним надо делать.

И в этом понимании была большая удача. И под давлением этой удачи померкнут вышеуказанные неудачи и начнется то, чего всем хочется.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

На этом, друзья, мы заканчиваем наши рассказы о неудачах, с тем чтобы поскорей перейти к новому, более счастливому отделу.

И близость этих новых страниц приподнимает наше настроение, и, несмотря на только что рассказанные неудачи, нам делается весело и забавно жить.

И мы рады отметить, что чертовские и неслыханные неудачи не сломили наш железный характер.

Вот сейчас только помоемся и сполоснемся после всей этой пакости и перейдем к дальнейшему.

Ах, да, может быть, мы, перечисляя неудачи, что-либо забыли отметить. Просьба опять-таки отметить в своих сердцах.

Прочтите тут еще небольшое послесловьице к нашему отделу "Неудачи". Оно, так сказать, подведет итоги всему вышесказанному о неудачах.

После чего мы перейдем к новой книге – "Удивительные события".

Итак, извольте небольшое, вроде болтовни, послесловие.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, на этом, друзья, мы заканчиваем нашу четвертую книгу.

Позвольте же после столь тяжких испытаний вас чувствительно с этим поздравить.

Давайте же коротенько подведем итоги.

Что же мы с вами, друзья, увидели, прочитавши исторические новеллы и рассказы из нашей жизни?

А мы в первую голову увидели в прошлом большой урожай на неудачи.

А потом мы увидели, что этот урожай снимается по многочисленным причинам, из которых глупость и темнота не плетутся в хвосте.

И даже мы отчасти заметили, что неудачи – законное дите, рожденное от бракосочетания этих причин с торопливым желанием хорошо пожить.

Так что удивляться не приходится, отчего они бывают.

Они бывают не по милости судьбы, как это согласны думать люди со слабым и робким мировоззрением. А они случаются от более простых и грубых причин. Благодаря чему, если не сидеть сложа руки, многое можно значительно исправить.

И у нас на это смело пошли. А если и бывают вышеуказанные неудачи, то отчасти еще публика непривычна, да и вообще борьба с этим далеко еще не закончена.

И если говорить о дальнейшем, то неудачи у нас не то чтобы совсем исчезнут, но их, вероятно, станет так мало, что все будут прямо удивляться.

И даже, может быть, глупость, под давлением чего-нибудь там особенного, возьмет и померкнет в своем величии. А если это ослабнет, то все тогда смогут поздравить друг друга с неслыханной удачей.

В общем, если говорить в планетарном масштабе, – мы вдаль глядим без особых тревожений. Кругом народы окончательно скажут свое слово. Утвердят свое право. Все воспрянут духом. И всем станет смешно, что были такие неудачи на заре их юности.

А если говорить о нашей стране, то можно повторить удивительные и пророческие слова поэта, произнесенные еще в прошлом столетии:

Вынес достаточно русский народ.
Вынесет все – и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только – жить в эту пору прекрасную

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Уж не придется ни мне, ни тебе.

И вот мы теперь видим то, что видим. И это было удивительное предсказание, которое на наших глазах постепенно выполняется. Но, конечно, не следует забывать, – борьба далеко не закончена, и продолжается революция. И идет столкновение двух миров и все, что с этим. Так что слова о прекрасной тишине будут произнесены после. И тогда этот наш отдел с неудачами можно будет зачитать с небрежной улыбкой.

А что касается до стихов, то их произнес великий поэт, который умер шестьдесят лет назад. И его память следует почтить вставанием.

И это так жаль, что он не дожил до наших дней.

Кстати, о смерти.

Некоторые считают неудачей – короткую, как сон, человеческую жизнь. Но вместе с тем, как подумаешь, что тебе, например, еще двести лет надо будет думать и мозговать, так прямо наши законные восемьдесят лет ничуть не кажутся особенной неудачей.

Итак, на этом заканчиваем книгу о неудачах и переходим к новому и последнему отделу.

И мы уже слышим шум и выстрелы. И кто-то рукоплещет. И кто-то кричит ура.

Это люди, которые от неудач не потеряли присутствия духа, стремятся к новым берегам.

И те, которые хотя и не стремятся никуда, но ведут себя так, как требуется.

И мы не без волнения спешим туда, чтобы им пожать руки и сказать: "Здравствуйте".

Итак, начинается новый отдел – "Удивительные события".

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ

И вот подходит наша книга к желанному концу. Осталась у нас с вами одна последняя часть. И вот она перед вами.

Она заключает в себе то, чего бы крайне не хватало, если б наша жизнь была только такой, какой мы вам сейчас преподнесли.

И можно было бы даже потеряться от горя, если б мы на этом закончили наше сочинение.

2. Но, к общему счастью, жизнь тоже имеет свою пятую часть. И только она не перед каждым раскрывалась.

И многие видели только четыре части, и от этого они бывали чересчур несчастны. Многие из них вешались, другие любили выпивать, третьих постигали душевные заболевания, четвертые попросту дурака валяли. А некоторые впадали в меланхолию и восклицали: ах, дескать, господа.

Вот так же, как в свое время воскликнул один из прекрасных поэтов: ах, господа, – он воскликнул:

Жизнь, как посмотришь

С холодным вниманьем вокруг,
Такая пустая и глупая шутка.

Или – штука. Не помню. Одним словом, он что-то вроде этого воскликнул, переполненный глубокой меланхолией.

3. Но многие так не думали и про жизнь таких стихов не восклицали, а увидевши все – как и чего бывает, энергично выступали против этого и с этим боролись. И высказывали свои мысли. И показывали чудеса храбрости, мужества и понимания.

И вот о таких людях, и о таких поступках, и о многих замечательных делах и героях мы и желаем произнести наше слово.

И мы предоставляем для этих людей последнюю, пятую главу, чтоб они своим примером показали бы, так надо поступать малодушным людям.

Таких слабеньких читателей они своим поведением возьмут на буксир и потянут их туда, куда надо.

Однако обернем предмет со всех сторон.

4. Читатель со своей привычкой к темам "современной литературы уже, наверно, начинает соображать, что речь у нас непременно пойдет о борцах революции и о тех, которые заботились о прекрасном будущем.

И действительно, речь пойдет об этих людях.

И мы сейчас увидим такую волю, и такое мужество, и такую силу человеческого духа, что если у нас имеется хоть какая-нибудь тяжесть на сердце, нам сразу станет легко, и нам захочется жить и радоваться.

И нам всем захочется любезно и внимательно подходить к людям. И нам захочется воскликнуть: как это поразительно, что среди людей бывают такие выдающиеся герои.

И действительно, как это радостно, что среди грязи, и болота, и посредственной пошлости находятся такие сильные люди.

В общем, сейчас речь пойдет о революционных событиях и о тех людях, которые этим занимались.

Но прежде нам желательно сказать несколько вступительных слов о том, о сем. Мы хотим побеседовать с читателем.

5. Вернее, мы хотели бы побеседовать даже не с читателем, а с каким-нибудь, например, ну, что ли, представителем буржуазной философии. Только чтоб он, ради бога, не горячился и не хватал бы нас чуть что за горло. А вел бы себя порядочно и корректно.

Тогда бы мы с ним тихо побеседовали на диване.

Наверно, он бы так сказал, иронически усмехнувшись и играя моноклем:

– Ну, революция, борьба... А жизнь, господа, проходит буквально как сон. Она коротка – жизнь. Так не лучше ли, господа, продолжать так, как есть, чем думать о каком-то будущем. И тратить на это считанные дни. Давайте, синьор, ударим по рукам и – мир и тишина. В сущности, все мы дети одной больной матери.

И я, взглянув на его гладкое лицо и на прекрасный перстень на пальце, спросил:

– Простите, сэр, я вас перебыю. Я позабыл. У вас дом, кажется, – один или два?

– Один... А что?

– Просто так. Продолжайте же, пожалуйста, сэр.

– Да, так вот я и говорю, – сказал философ, – в сущности, жизнь нереальна... Так пусть себе забавляются народы – устраивают оперетку, – какие-то у них короли, солдаты, купцы. Кто-то торгует. Выигрывает. Некоторые из них нищие. Кое-кто – богачи. Все – игра. Понимаете? А вы хотите жить всерьез. Простите, как это глупо. Вы хотите пустыньскую, но, в сущности, милую жизнь отдать за какой-то другой сон. Может быть, более скучный. И даже, наверно, более скучный. Какая чушь!

6. Я говорю философу:

– А скажите, и большой доход вам приносит ваш дом? небоскреб, наверно?

– При чем тут дом... Ну, приносит... Пустяки приносит... Какое нынче приношение – ерунда. Сон.

И наш философ сердито докуривает сигару и откидывается на спинку дивана.

И мы ему говорим, философу, соблюдая международные законы вежливости и почтения:

– Вот что, сэр. Пусть даже останется ваше забавное определение жизни – оперетта. Пусть так. Но осмелимся вам заметить, что вы за оперетту, в которой один актер поет, а остальные ему занавес поднимают. А мы...

– А вы, – перебивает он, – за оперетту, в которой все актеры – статисты... и которые хотят быть тенорами.

– Вовсе нет. Мы за такой спектакль, в котором у всех актеров правильно распределены роли – по их дарованиям, способностям и голосовым данным. И безголосый певец у нас не получит роли премьеры, как это бывает у вас.

– А у вас маленький актер так маленьким и останется. У него не будет стремления быть большим. У нас...

– Простите, сэр, вы не в курсе наших событий. Вы черпаете сведения из древней истории. У нас совершенно разные оклады для актеров. Ведь у нас, к вашему сведению, нету так называемой уравниловки. А кроме того, у нас есть другие стимулы для работы.

7. Философ говорит:

– Тем не менее, говорит он, я не хотел бы участвовать в вашем спектакле. У вас – фантазия ограничена. У себя я могу все время двигаться вперед. Я могу стать миллионером. Я могу мир перевернуть. У меня есть цель. Меня, так сказать, деньги толкают вперед. У меня есть стремление. Я не боюсь слов – я наживаю. Я накапливаю... Жизнь – движение. Останавливаться нельзя. И это мне дает то устремление, которое нужно. И повторяю, – не боюсь слов, – наживаю. Не все ли равно, какая цель перед лицом смерти? А если деньги не играют никакой роли, то...

– Сэр, вы опять-таки не в курсе событий. У нас деньги играют значительнейшую роль, и вы можете их накапливать на сберкнижке, если у вас есть такое могучее устремление. Больше того – вы даже проценты на них получаете. Или, кажется, какую-то премию.

Философ оживает. Он говорит:

– Не может быть...

– Только, – я говорю, – получение денег у нас иное. У нас нужно заработать их.

– А-а... – поникшим голосом говорит философ, – заработать. Это скучно, господа. Нет, мне с вами не по пути. У вас какое-то странное отношение к жизни – как к реальности, которая вечна. Заработать! Позаботиться о будущем! Как это смешно и глупо располагаться в жизни, как в своем доме, где вам предстоит вечно жить? Где? На кладбище. Все мы, господа, гости в этой жизни – приходим и уходим. И нельзя так по-хозяйски произносить слова: заработать! Какое варварское мышление! Какие огорчения вам предстоят еще, когда вы научитесь философски оценивать краткость жизни и реальность смерти.

8. И, посмотрев на меня с сожалением, он продолжает:

– А мы смотрим на жизнь, как на нечто нереальное. Мир – это мое представление. Все сказочное... Все дым, сон, нереально. И вот наша с вами разница. И мы – правы. Какая, к черту, может быть реальность, если человеческая жизнь "проходит как один миг!

– Но ваш собственный дом, осмелюсь заметить, – это реальность.

Философ, видать, с неохотой говорит:

– Нет, дом – это отчасти тоже нереальность.

– Но если это нереальность, то отчего бы вам не напустить туда нереальных людей

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
и нереально отказаться от нереальных денег. Небось так не делаете?

Философ испуганно говорит:

– То есть что вы хотите этим сказать? Слушайте, оставьте мой дом в покое. Что вы, ей-богу, привязались. Я говорю в мировом масштабе, а вы все время сворачиваете на ерунду. Прямо как в печенку въелись – дом, дом... Прямо, ей-богу, скучно. Ну, дом. Нереально все.

– Да как же, – говорю, – помилуйте, нереально...

Философ говорит, чуть не плача:

– Прямо, ей-богу, человека нервничать заставляете. Вот я теперь, как назло, вспомнил, что трое у меня квартплату не внесли... Теперь я буду беспокоиться. Какие-то у вас, простите, грубые, солдатские мозги. Не даете пофилософствовать.

И философ в изнеможении откидывается на спинку дивана и нервно курит.

9. И мы ему говорим:

– И мы даже согласны с вами, что...

Философ оживает:

– Вот видите... согласны... А сами человеку прямо дыхнуть не даете...

Я говорю:

– Мы согласны с вами в том, что жизнь коротка. А вернее, она не так коротка, как плохая. А от этого она, может быть, и короткая. Пусть даже короткая. Но только короткая жизнь может быть хорошая, а может быть плохая. Так вот, мы за длинную, хорошую жизнь. И в этом у нас цель и стремление. А что для вас жизнь коротка, то, несмотря на ее краткость, вам, вероятно, не помешало положить в банк тысячу сто. Простите, сэр.

– Фу, как грубо, – говорит философ, поперхнувшись. – А говорите, впрочем, что хотите. Мне теперь безразлично. Вы чем-то, не знаю, меня окончательно расстроили. А кроме того, – холодно добавляет он, – я считаю, что человеческие свойства неизменны. Это природа. Все равно обувь стопчется по ноге. Привет.

И мы вежливо встаем с дивана и говорим, соблюдая мировые правила приличия:

– Сэр, я ваш покорный слуга. Примите уверения в совершенном моем к вам уважении и почтении до последнего дыхания. А что касается человеческих свойств, то они, сударь, меняются от режима и воспитания.

Философ в сердцах бросает окурок на пол, плюет и уходит, приветствуя нас рукой, бормоча:

– Да, но режим и воспитание – в руках людей, а люди есть люди...

10. Мы описали вам эту воображаемую сценку, чтобы показать, какая бывает борьба на фронте мысли.

И действительно, некоторые рассуждения могут отчасти смутить более слабую душу. Более слабая душа может поникнуть от таких слов – сон, короткая жизнь, нереальность, считанные дни... Эти слова не раз смущали даже более крепких людей. И были даже среди революционеров люди, которые били отбой и перебежали в другой лагерь. И история знает подобные факты.

И тут надо действительно иметь мужественное сердце, чтоб не смутиться от яда этих слов, в которых есть доля правды, – иначе они бы не действовали ни на кого. Тем не менее эти слова неправильны и ложны. И это диалектика. Нет, мы не хотим сказать, что все ужасно легко и борьба – прогулка. И у некоторых, которые у нас сейчас размахивают руками и горячатся (и, может быть, и у меня в том числе), не хватило бы духу начинать сначала. Но находились люди, которые смотрели поверх всего. И это были удивительные люди. И они создавали удивительные события. И

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
старались переделать все, что барахталось в грязи, в тине и в безобразии.

И вот об этих людях, побеседовав с философом, мы сейчас и будем говорить. И вы сейчас увидите такую силу духа, что просто содрогнетесь от собственного малодушия.

11. Но прежде – еще одно, совсем коротенькое отступление. Вроде справки.

Представители старого мира имеют, в сущности, понятную привычку говорить о революционерах как о людях, потерявших совесть и человеческое подобие. Не знаем, как в других странах, но у нас, у матушки России, была привычка называть таких людей злодеями и нерусскими людьми.

Так вот, для примера осмелимся привести несколько слов, написанных царским цензором Никитенко о повешенном декабристе Рылееве.

Вот что пишет Никитенко:

"Я не знаю другого человека, который обладал такой притягательной силой, как Рылеев. Он с первого взгляда вселял в вас как бы предчувствие того обаяния, которому вы неизбежно должны были подчиниться при близком знакомстве. Стоило улыбке озарить его лицо, стоило поглубже взглянуть в его удивительные глаза, чтобы всем сердцем безвозвратно отдать ему. И я на себе испытал чарующее действие его гуманности и доброты".

Вот как Никитенко описывает "злодея" Рылеева.

И мы, прочитав эти строчки, в предчувствии всего хорошего переходим к историческим новеллам об этих борцах за революцию.

12. Вот рассказ о Рылееве. Рылеев был поэт. Он был дворянин и офицер. Но это не помешало ему написать такие агитационные строчки:

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людьми, как скотами,
Долго ль будут торговать?
Он был мужественный революционер. И перед 14 декабря он выступал за немедленное восстание против царя.

И накануне, вместе со своим другом Н. Бестужевым, он обошел несколько полков и призывал солдат к выступлению.

Больше того – он останавливал солдат на улице и вел с ними беседу.

И вот наступил день восстания.

Уже прогремели" ружейные выстрелы, и два враждебных лагеря замерли в некоторой нерешительности.

Мятежники стояли в каре у сената, а царские войска теснились около строящегося Исаакиевского собора.

И был момент, когда восставшие получили моральный перевес.

И об этом моменте Николай I так пишет в своих записках:

"Уже пули просвистели мне чрез голову. Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидать в нас поленьями. Надо было решиться положить скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда войска были бы в самом трудном положении".

13. И тогда царский генерал Васильчиков сказал Николаю:

– Ваше величество, нужна карточка.

Государь сказал:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Вы хотите, чтобы я в первый день моего царствования пролил кровь моих подданных?

– Чтобы спасти империю, – сказал генерал.

И тотчас пушки были поставлены против сената.

Николай I сам скомандовал:

– Пали!

И первый выстрел загрохотал.

"Первый выстрел, – пишет Николай, – ударил высоко в здание сената, и мятежники отвечали неистовыми криками и беглым огнем".

И тогда Рылеев снял шапку, подошел к Бестужеву и обнял его. Он сказал:

– Последние минуты наши близки. Но это минуты нашей свободы. Мы дышали ею. И я теперь охотно отдаю за них мою жизнь.

Вы понимаете, что он сказал? Он сказал, что сейчас все будет кончено, но что даже за минутное ощущение свободы, которое он сегодня испытал, он без сожаления отдает свою жизнь.

Нет сомнения, что цензор Никитенко не ошибся в Рылееве, когда он о нем так прекрасно сказал. Такие слова, которые произнес Рылеев и в такую минуту, мог сказать только большой и замечательный человек. И мы так рады и так взволнованны, что он именно так сказал и что он оказался такой большой человек. Значит, двух мнений быть не может – за кем надо было идти.

14. И вот через несколько минут на Сенатской площади действительно все было кончено.

Надежды генерала Васильчикова оправдались.

Пушки сделали свое дело.

"Второй и третий выстрелы, – пишет Николай I, – ударили в самую середину толпы".

Каре восставших дрогнуло. Часть мятежных солдат бросилась к Неве, на Английскую набережную, а часть, как пишет Николай I, – "навстречу выстрелов из орудия на Семеновском полку, дабы достичь берега Крюкова шала".

В общем, все было кончено.

Рылеев в тот же день был арестован и после суда и приговорен к смерти.

"Это был настоящий, мужественный человек с большим и даже великим сердцем. И это так ужасно, что его жизнь прекратилась на виселице.

Ему было тридцать один год. И как горько знать, что так рано и так страшно закончилась его жизнь.

И он умер так мужественно, как редко кто.

15. Из героических историй, в которых бы участвовала женщина, нам известен такой рассказ.

Это факт об одной смелой и отважной революционерке.

Конечно, история революции знает множество достойных женщин, причем некоторые из них прославились на весь мир. И о них много писалось. И вы, наверно, об этом почти все знаете.

А мы расскажем вам о женщине, о которой весьма мало написано.

Вот рассказ о малоизвестной революционерке, о работнице табачной фабрики Лизе

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Торсуевой.

Она жила в Ростове в начале девяностых годов прошлого столетия.

Она работала на табачной фабрике Асмолова.

И там, в Ростове, она со своим братом организовала рабочий кружок.

Причем это был социал-демократический кружок, где изучались основы научного социализма.

А чтоб работать в таком кружке, надо было иметь немало мужества и отваги, поскольку с рабочим движением велась очень жестокая борьба.

16. Рабочее движение приводило и жандармов в ужас, в трепет и в смятение. И они это движение давили с огромной свирепостью. И почти за каждый шаг революционерам приходилось расплачиваться тюрьмой, ссылкой и даже каторгой.

Добавьте к этому: рабочий день на фабрике – четырнадцать часов, а летом – шестнадцать!

И заработок – восемь рублей в месяц.

И тогда можно понять, какой нужен был героизм, чтоб сквозь все преграды идти к намеченной цели.

И вот табачная работница Лиза Торсуева, несмотря на все препятствия, энергично повела смелую революционную работу.

А брат ее вскоре стал, к сожалению, толстовцем, и он отошел от рабочего движения.

Но Торсуеву это не смутило, и она совместно с двумя рабочими энергично принялась за дело.

17. А тогда среди рабочих табачной фабрики была большая темнота и большая жажда знаний. И, помимо политики, надо было знать многое другое.

И Торсуева и сама была почти без всякого образования. И она ночи сидела за книгами, чтобы узнать, как ей отвечать на те вопросы, что ей задают рабочие.

А ей было тогда двадцать пять лет. Она была молода и очень красива. Она всех поражала своей миловидностью, умом и удивительной смелостью.

Она была очень смела и отважна.

Например, расклеивая прокламации на 1 мая (1898 года), она не удержалась и наклеила прокламацию на дверях подъезда жандармского управления. Причем прокламация была наклеена лаком, так что жандармы могли ее снять только вместе с дверью.

Вдобавок в тот же день на строящейся церкви кружок Торсуевой повесил красное знамя со словами: "Да здравствует социал-демократическая партия! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!".

И это знамя три часа висело на церкви, так как рабочие, повесив знамя, разрушили внизу леса.

И это знамя сыграло свою агитационную роль – в городе было много разговоров и большое возбуждение.

18. И вот жандармы, увидя, что подпольная работа в кружке идет блестяще, – пришли в большое огорчение. И они решили положить этому конец.

Они арестовали несколько рабочих из комитета. И однажды утром поставили двух сыщиков у ворот торсуевского дома. И эти шпики должны были арестовать Торсуеву при выходе на улицу.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Конечно, они могли бы арестовать ее и дома, но считалось более полезным для дела арестовать при выходе, так как она могла нести какие-нибудь важные документы, или же она могла пойти в конспиративную квартиру, неизвестную жандармам. Вот они и ждали ее выхода.

Но Торсуевой сказали друзья об этом.

Тогда Торсуева, нарядив сестру в свое платье, попросила ее выйти на улицу.

И сестра так и сделала, – она взяла с собой пакет с бельем и вышла за ворота.

Сыщики же, приняв ее за Лизу Торсуеву, потащились за ней. Они надеялись, что она куда-нибудь зайдет по делам кружка. Но сестра Торсуевой нарочно два часа мотала их по улицам. И тогда они наконец, выйдя из терпения, ее арестовали. Но тут, узнав, что это не Елизавета Торсуева, а Валентина, снова бросились к своему боевому посту. Но было поздно. Лиза Торсуева уже успела сложить свой чемодан. И выехала из Ростова.

19. А жандармский полковник Артемьев, узнав, что главная виновница скрылась, пришел в исключительное бешенство. Он без разбора арестовал еще тридцать человек и сказал им, что он их не выпустит, покуда не арестует Торсуеву.

Лиза в это время скрывалась на Кавказе.

Но ей друзья сообщили о словах полковника.

Тогда она сказала своим друзьям:

– Моя личность менее ценна для дела, чем столько арестованных активных работников. Я должна вернуться в Ростов.

И с этими словами она вернулась назад и добровольно явилась в жандармское управление.

Полковник, правда, выпустил заложников, но Лизу Торсуеву продержал в одиночке около года.

Но потом ее выпустили. И она с новой энергией принялась за революционную работу.

Вот какие бывают женщины – наши жены, сестры и дочери.

И это приятно знать, что женщины так высоко держали знамя революции.

20. Из удивительных героических событий, в которых бы участвовал писатель, история знает такой случай.

Писатель Радищев при Екатерине II написал свою знаменитую книгу "Путешествие из Петербурга в Москву".

Это была книга настолько смелая и революционная по своим взглядам, что даже теперь, читая ее, приходится поражаться необычайному мужеству автора.

Просто трудно представить, на что мог рассчитывать автор, выпуская такую книгу в царской, крепостной России.

Так, например, о крепостном праве у него сказано: "Зверский обычай поработать себе подобных".

И вся книга была – открытое воззвание против царского правительства.

Это был призыв к восстанию, так что, кроме смерти или бегства, автор ни на что другое не мог рассчитывать.

Но тут мнение у потомства раскололось. Некоторые считают этот поступок необычайно мужественным. А некоторые считают это какой-то непродуманностью и слепым безрассудством. И приводят в доказательство покорные слова Радищева о его якобы "минутном заблуждении" и его поведение, которое могло быть более гордым и смелым, как у человека, написавшего такую мужественную книгу.

21. Но тут следует заступиться. Его поведение было совершенно правильным, но нервы у него были плохие, и от этого он не всегда мог сдержаться. И в этом нет ничего удивительного. И это ничего не показывает.

И что касается его мужества, то вот его описание.

Типографчики не хотели набирать эту книгу, несмотря на разрешение. Тогда Радищев завел типографию у себя в деревне. И там напечатал книгу в количестве шестисот пятидесяти экземпляров.

Больше того – он ходил с кипой книг и разбрасывал их по дорогам и на постоянных дворах. И это не было минутным заблуждением, а это было поступком революционера и агитатора.

Его приговорили к смертной казни, но казнь заменили ссылкой в Сибирь.

И это был великий гражданин, и о нем надо вспоминать с чувством радости и уважения.

И такие люди нередко бывали среди пишущей братии. И об этом так приятно знать.

22. Теперь послушайте рассказ о замечательном подвиге Федора Подтелкова.

Он происходил из бедной казачьей семьи. И был сыном трудового народа.

А в германскую войну он был солдатом гвардейского полка. А после его произвели в подпрапорщики за храбрость и прекрасное знание военной службы.

Но это свое прекрасное военное знание он с честью использовал для революции.

В апреле 1918 года он уже был командующим донской советской армией.

И вот, желая увеличить эту свою революционную армию, он организовал специальную экспедицию для мобилизации и вербовки казаков северных округов. И с этой целью во главе небольшого отряда он двинулся по казачьим станицам.

Но в одном районе части белогвардейского казачества задержали экспедицию Подтелкова. Они сочувствовали атаману Каледину, который тогда занял Ростов, и поэтому они окружили отряд и обманным образом его разоружили. И приговорили весь отряд к расстрелу. А Подтелкова и его помощника Кривошлыкова, желая унижить, приговорили к повешению.

23. И вот 11 мая 1918 года в станице Краснокутской было закончено это ужасное дело.

Семьдесят шесть человек они расстреляли. А двоих повели вешать.

А когда их вешали, они держали себя удивительно хладнокровно и с большим мужеством.

Но Подтелков всех поразил своим удивительным поведением.

Громадная толпа казаков стояла около виселицы.

И Подтелков, держа в руке петлю, обратился к ним с речью.

Сначала он сказал: "Минуточку внимания".

От этих неожиданных слов толпа буквально замерла. И тогда Подтелков, отстранив рукой растерявшегося палача, сказал:

"Трудовой народ! Я призываю вас не верить в обманные слова, которые говорят вам офицерство и дворянство во главе с атаманом Калединым. Помещики снова хотят пить кровь трудового народа. Неужели вы не видите? Это есть ваше ослепление. И я призываю вас идти на борьбу за рабоче-крестьянское трудовое дело".

24. Толпа заволновалась.

Начальник караула подъесаул Сенин, закричав: "Не надо слов", вытащил наган и бросился к Подтелкову.

Но тут палач снова приступил к своим обязанностям, и через несколько минут все было кончено.

Так погиб донской казак Усть-Хоперской станицы, Медведицкого округа, сын трудового народа Федор Подтелков.

И в этом было мужество, воля и долг революционера. Тот долг, который выше личных чувств и страха смерти.

И имя Федора Подтелкова надо всем знать не менее, чем прославленные имена других революционных героев.

Кстати, в приказе о расстреле всего отряда перечислены семьдесят шесть человек. А внизу, перед самой подписью какого-то контрреволюционера Попова, указано в "А трое не заявили о своей личности".

Жаль, что мы не знаем имена этих трех революционеров, у которых хватило мужества и презрения не заявить о своей личности.

25. Вот еще героический рассказ о французском революционере Луи Бланки (1805-1881).

Это был такой неустрашимый человек, что читать о нем просто поразительно.

Его два раза приговаривали к смертной казни. Три раза он был ранен в уличных схватках с полицией. Дважды его изгоняли из его любезного отечества. И много раз его бросали в тюрьму под надзор полиции.

Это был тот самый Бланки, у которого тридцать восемь лет жизни ушло на тюрьмы и ссылки.

Можно представить, какой был натиск на этого революционера.

Но это не меняло его настроения. И он буквально в тот же день по выходе из тюрьмы снова всякий раз с неукротимой энергией принимался за свою революционную работу.

Его программа выражалась в таких его словах: раньше народ угнетали знать и духовенство. А сейчас народ угнетают знать, духовенство и финансовая аристократия. И с этим надо покончить.

И вот в течение пятидесяти лет он был просто гроза для своего правительства.

26. Это был тот самый Бланки, о котором Тьер сказал свою историческую фразу. Дело в том, что 18 марта 1871 года в Париже была провозглашена Коммуна. И Бланки за несколько дней до восстания был арестован и брошен в тюрьму.

Тогда парижские коммунисты вошли в переговоры с Версальским правительством. Они предложили правительству обменять Бланки на одно довольно важное духовное лицо. Дело в том, что они захватили парижского архиепископа. И вот теперь они хотели поменять одного на другого.

И, значит, послали Версальскому правительству извещение, что они эту духовную особу – крайне нужного правительству архиепископа – могут отдать в обмен на Бланки.

Член Версальского правительства кровавый Тьер, несмотря на пламенные просьбы духовенства, отказался произвести эту мену. И он сказал такую историческую фразу:

"Вернуть им Бланки – это то же самое, что послать им в помощь целый армейский корпус".

И это было правильно сказано.

Так вот, после разгрома Коммуны Бланки просидел семь лет в тюрьме в Новой Каледонии.

Но за три года до смерти его выпустили.

27. И вот из тюрьмы вышел седой, почтенный семидесятитрехлетний старик – ученый и революционер.

Казалось бы, что после такой бурной и тяжелой жизни он вполне заслужил отдых и спокойствие. Но это было не для него. Теперь у него была огромная популярность и большое имя, которое он и не мог не использовать для революции. И тотчас по выходе из тюрьмы он стал разъезжать по всем промышленным центрам. И своими пламенными речами и своим присутствием он вселял уверенность в счастливый и победный конец революционной борьбы. И это, как и вся его жизнь, нам кажется не менее удивительным, чем то, что мы говорили о других. И в этом было не менее мужества и героизма. Он умер в 1881 году и до последнего момента не прекращал работы.

И память о нем будет всегда жива.

28. Конечно, этот рассказ и то, что прежде мы вам рассказали, – это капля в море подобных дел. И эти наши рассказы о героических делах и событиях – только маленький штришок в общем ходе жизни. А чтобы полностью об этом сказать, – надо написать по крайней мере двенадцать томов сочинений. Поскольку революция постоянно выдвигала таких сильных людей и настолько могучие характеры, что только поражаясь и думаешь: значит, эти правы.

И никакое другое дело, кроме этого, не знает ничего подобного. Все доблестные поступки спорта, искусства и науки, все доблестные военные подвиги – все это отчасти меркнет в сравнении с этим. Вот что значит сознание справедливости своих мыслей и высокая цель.

И тут можно было бы во множестве привести различные примеры.

И частично мы это сделаем.

Мы предлагаем вашему вниманию отдел, который по традиции нашей книги следует у нас за историческими новеллами.

Этот отдел у нас носит название "Смесь". И вот он перед вами.

Он вам добавочно и красочно расскажет о том, как с этим было в прошлом.

29. Николай I на допросе сказал декабристу Н. Бестужеву: "Я могу простить вас, если поверю, что в вас буду иметь верного слугу". Бестужев ответил: "Я бы желал, чтоб жребий ваших подданных, государь, зависел бы от закона, а не от вашей угодности".

Степан Разин необычайно мужественно вел себя во время пытки. Палач, приложив к его груди раскаленное железо и улыбаясь, спросил: "А теперь больно?" – Разин сказал: "Ничуть не больно, будто баба иглой кольнула".

Рабочий (ткач) революционер Петр Алексеев (1849–1891), приговоренный к десяти годам каторги, произнес на суде свою знаменитую речь. Тщетно председатель суда старался остановить его. Алексеев закончил свою речь такими словами: "Скоро поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и тогда ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах..."

А 15 ноября 1905 года морской офицер лейтенант Шмидт на восставшем крейсере "Очаков" поднял сигнал: "Командую черноморским флотом".

30. Ипполит Мышкин, обвинявшийся в процессе 193-х, сказал в своей речи: "Здесь сенаторы из подлости и холопства, из-за чинов и окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью".

Во время еврейского погрома в Одессе (1905 год) шесть студентов кавказского землячества (социал-демократической партии), вооруженные револьверами, обороняли

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
целый квартал и сдерживали натиск озверелой черносотенской толпы.

Думская фракция большевиков (1914 год) выступила против войны и против военных кредитов.

В тот патриотический момент "всеобщего энтузиазма" этот поступок мог рассматриваться только как государственная измена. За большевистскую работу фракция (Самойлов, Бадаев, Петровский, Шагов, Муранов) была сослана в Сибирь.

Бадаев, высланный в Туруханский край, организовал там пораженческую группу и вел энергичную агитацию против войны. За это вторично был отдан под суд.

31. Члену Первого рабочего комитета А. Сонкину (Киев, 1898 год) было поручено срочно разбросать прокламации на машиностроительном заводе. Однако весь завод был оцеплен полицией. Тогда Сонкин, достав пачку реклам мануфактурного магазина, явился к заводу и на глазах полиции стал раздавать прокламации рабочим, а рекламы-листовки – полицейским.

Учительница французского языка (в Москве), французская коммунистка Жанна Лабурб, вызвалась повести агитацию среди французских солдат и матросов, занявших Одессу в 1919 году. Была расстреляна офицерами.

Царский генерал А. П. Николаев принимал деятельное участие в организации Красной Армии. – Был захвачен в плен и после избиения приговорен белыми к повешению. На площади (в Ямбурге) у виселицы он после прочтения приговора сказал: "Вы отнимаете у меня жизнь, но вы не отнимете у меня веру в грядущее счастье людей".

Официант "Гранд-отеля", член партии большевиков А. С. Раков в гражданскую войну был военным комиссаром бригады. Находясь в штабе, он был окружен белыми и, не желая сдаться, один забаррикадировался в избе и в течение нескольких часов отстреливался из пулемета. Истратив все ленты, он застрелился.

Его голова была оценена финскими белогвардейцами в тридцать тысяч марок золотом.

32. Я. М. Свердлов за свою короткую жизнь (тридцать четыре года) был шесть раз арестован, два года сидел в крепости, был сослан в Нарымский край (откуда бежал) и наконец был выслан в Туруханский край. Он целиком отдал свою жизнь пролетарской революции.

В 1919 году в здании Московского комитета во время заседания партийных работников была брошена анархистами бомба. Присутствовавший на заседании член партии большевиков Денис Загорский, не растерявшись, схватил в руки шипящую бомбу и пытался выбросить ее в окно. Был разорван на части.

Дора Любарская за подпольную работу в Одессе была казнена белыми в начале 1920 года. Оставила такое письмо: "Славные товарищи, я умираю честно, как честно прожила свою жизнь. Через восемь дней мне будет двадцать два года, а вечером меня расстреляют. Мне не жаль, что я погибну, жаль, что мало мною сделано для революции. Целую мою старенькую маму-товарища. Прощайте, будьте счастливы".

Баварский коммунист Левина обвинялся в организации Коммуны. В своей речи прокурор назвал Левина "жалким трусом", якобы бросившим в опасный момент поднятые им массы. На это ложное обвинение Левина ответил: "Я приглашаю вас на мой расстрел, и вы посмотрите, как мужественно умеют умирать революционеры".

И как, не правда ли, удивительно читать эти маленькие заметки о больших и замечательных людях.

Они отдали свою жизнь для того, чтобы перестроить старый мир крови, слез и огорчений.

33. На любом поприще жизни история знает удивительные героические поступки, которые тоже могут вызвать радость и почтение.

И несколько новелл о таких удивительных делах мы и предложим вашему вниманию.

И вы, надеюсь, оцените эти поступки и поймете, что это тоже исключительно хорошо. И тоже достойно уважения. И тоже играет роль в создании новой жизни и

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
новых людей.

Вот, например, исторический рассказ о знаменитом греческом философе Диогене.

Их, правда, было несколько Диогенов. Но наш был самый значительный, проживавший одно время в бочке.

Он был из города Синопа. И он там им сказал: "Надо жить так, чтобы от жизни не зависеть". Он был большой оригинал.

Но только в бочке ему долго не пришлось прожить. Его кто-то, я уж не знаю, продал в рабство. Там у них в Греции это было довольно часто – подобные вещи.

В общем, он вскоре выкупился из рабства, и в тот год, о котором идет речь, он жил себе помаленьку у знакомых в Коринфе.

И вскоре до того он там прославился своим умом, что все сбегались посмотреть на него.

34. И вот об его чудном уме дошел слух до мирового властителя Александра Македонского.

А это был человек тоже в высшей степени замечательный. Это был гениальный человек, смелый, молодой, энергичный.

И он непременно захотел поговорить с этим философом.

Он хотел его обласкать. И что-нибудь сделать ему хорошее.

И с этой целью однажды со всей свитой этот славный вождь приехал в Коринф и заглянул к философу.

Можно представить себе картину.

Блестящая кавалькада подъехала к дому. Молодой адъютант, сверкая шлемом, обращается к собравшейся толпе:

– Послушайте, господа, не тут ли живет этот... как его... Диоген, что ли... Который... что ли... думает...

В толпе, ухмыляясь, говорят:

– Тут. Эвон на завалинке сидит. Загорает на солнце. Чудак действительно.

35. Александр Македонский, соскочив с лошади, подходит к философу и начинает с ним тихо беседовать. Потом он ему говорит:

– Твой ум, папаша, меня восхищает... Я хочу тебе сделать все, что ты у меня попросишь.

Диоген, усмехаясь, говорит:

– Да мне ничего не надо. Что мне тебя просить?

– Проси решительно об чем хочешь.

Адъютант Александра Македонского шепчет философу:

– Проси, дурак, загородную дачку. Скажи – у меня мамаша слепая. Или проси колесницу с лошастью. Ой, какая раззява... Скажи – дайте колесницу. Скажи – у меня мамаша пешком ходить не может. Да говори ты, олух царя небесного!

Диоген говорит Александру Македонскому:

– Да вот разве что я тебя, голубчик, попрошу – отойди немного в сторонку, а то ты мне загородил солнце.

Конечно, будь на месте Александра какой-нибудь дурак, хам или тупица, тот

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
непременно бы стал кричать, вопить, оскорбляться и, чего доброго, сунул бы нашего славного философа в тюрьму.

Но Александр Македонский был великий человек Он засмеялся и сказал: "Знаете, господа, я бы хотел быть Диогеном, если б не был Александром Македонским".

И на этом они оба весело рассмеялись и разошлись. И это дало им обоим здоровую зарядку. Вот это молодцы. Прелестные люди. Мы никогда не перестанем на них любоваться. Побольше бы таких и тогда бы жизнь выиграла во многих отношениях. Поскольку ум и великолепное поведение одинаково полезны в жизни, как героизм и мужество.

36. Из древней жизни вот еще зачитайте небольшую и всем известную побасенку о весьма мужественном поступке.

Этот случай, можно сказать, классический, так что вполне полезно его напомнить читателю.

Это уже насчет римлян. Там среди них тоже бывали хорошие характеры.

Там вот что однажды произошло. Этрусский царь Порсена обложил Рим своими, что ли, этрусскими войсками. Он его осадил. И хотел завоевать. При помощи этих самых этрусков.

По среди римлян нашелся один горячий патриот, которой вызвался убить этого и русского царя. Это был римский гражданин из плебейского рода Кай Муций.

И вот он ночью пробрался в лагерь к этим этрускам и по несчастной случайности вместо царя убил его писца, который находился в той же палатке. Наверно, это был видный мужчина – этот писец. А царь, наверно, имел какую-нибудь дурацкую невзрачную внешность. Какойнибудь этакий худосочный, с кривым носом, этрусский тип. И Муций, думая, что это писец, убил другого. Очень, конечно, жалко, но ничего не поделаешь – ошибка.

37. В общем, Муция схватили, и этот неказистый царь, похожий на писца, стал его допрашивать и грозить пытками и казнью.

Муций сказал:

– Я твоих пыток не боюсь. Вот смотри мое мужество.

И с этими словами он протянул свою руку над жертвенником и стал ее жечь.

А в древности некоторые римляне из религиозных побуждений зажигали у себя особые жертвенники. Такая чашка на трех ножках и там у них что-то горит. Запах, наверно, отчаянный. Копоть. И все время надо что-то подкладывать. Пламя, наверно, маленькое, но все-таки класть туда руки не рекомендуется.

А наш славный римлянин, несмотря на это, протянул свою правую руку и стал ее жечь. И держал ее до тех пор, пока кисть руки не обуглилась. И при этом он не пикнул и ни один мускул не дрогнул на его лице.

Царь, наверно, сначала смеялся, потом стал серьезный и сказал: "Довольно".

38. А потом совсем его отпустил в Рим. И вскоре снял осаду. Поскольку видит, что там римская публика способна проявить чудеса храбрости. И лучше с такими не связываться.

Конечно, может закрасться сомнение – верно ли, он настолько сжег свою руку. Может, он едва сунул руку в огонь и тотчас с криком ее отдернул. И запрыгал от боли. А царь, может, от этих прыжков рассмеялся и отпустил его. И, может, у него всего один пузырь вскочил. А уж история, может, взяла и раздула кадило и нарисовала красоту человеческой души. Но, оказывается, нет. Все, знаете, именно так и было.

И даже нашего героя прозвали Муций Сцевола. То есть – левша. Поскольку у него правая рука после пожара совсем не действовала. И это есть отчасти верное доказательство.

Но, конечно, могли бы ему более хорошее прозвище дать. Поступок все-таки незаурядный. Тем более там у них в Риме даже, кажется, скорой помощи не было, так что это особенно усиливает мужество этого римского бойца. В общем, и этим поступком мы вполне любимся. Он указывает на силу и присутствие духа, что в жизни тоже немаловажно.

39. Теперь мы расскажем вам удивительную историю, которая закончилась весьма радостно и приятно.

И в этой истории, наряду с большим мужеством и силой духа, вы увидите исключительную любовь товарища, и дружескую поддержку, и громадный риск, и все, что с этим. А это тоже что-нибудь да стоит.

И эта история во многих отношениях является удивительным событием. И она так интересна, что читается одним духом.

Мы собираемся вам рассказать о том, как анархист Кропоткин бежал из Петропавловской крепости. Ему помог бежать его друг – доктор Веймар. И храбрый поступок этого врача мы вполне причисляем к удивительным историям.

Кропоткин был арестован царским правительством и год сидел в ужасном каземате Петропавловской тюрьмы.

Ему грозила каторга и ссылка на вечное поселение.

И тогда его друзья во главе с этим доктором решили спасти его.

И вот однажды, вместе с передачей, Кропоткин получает карманные часы. Это его удивило. Он стал рассматривать часы, и, к его удивлению, он нашел в механизме часов записочку на тончайшей бумаге. И в этой записочке излагался план бегства.

40. План был такой. В ближайшие дни во время двадцатиминутной тюремной прогулки за стеной крепости Кропоткин услышит игру на скрипке. И это будет знак, по которому он должен добежать до ворот крепости. А у ворот будет ждать лихач, который и отвезет его в назначенное место.

Так что все делов было – добежать до ворот. Но это было крайне нелегко. До ворот было шагов триста. А на прогулке за Кропоткиным по пятам следовал солдат с ружьем. А у ворот стоял часовой.

И вот однажды в июльский день по данному сигналу Кропоткин бросился к воротам.

Причем это было так неожиданно, что конвойный солдат в первую минуту растерялся. И благодаря этому Кропоткин выиграл несколько шагов.

С криком: "Держи!" – конвойный побежал за арестантом и несколько раз пытался ударить его штыком, бросая вперед руку с ружьем, но безуспешно. Причем не стрелял, вероятно уверенный, что арестанта поймут у ворот.

41. Но у ворот специальный человек (друг Веймара) отвлек внимание часового. Он ему что-то рассказывал, и часовой слушал развесив уши.

Тогда Кропоткин, сбросив для легкости арестантский халат, побежал быстрее. Конвойный приготовился стрелять, но, к счастью, в ворота въехали крестьянские подводы с фуражом, и Кропоткин успел за ними скрыться.

И вот еще несколько усилий – и Кропоткин в воротах. И за воротами он видит лихача.

Но тут он с ужасом замечает, что в пролетке лихача сидит какой-то блестящий гвардейский офицер.

Была секунда, когда Кропоткин замер. И не знал, что ему делать.

Но офицер закричал:

– Скорей же, черт побери, прыгай!

Кропоткин одним духом прыгнул в экипаж. Офицер протянул ему складной цилиндр и плащ и сам, вскочив с сиденья и потрясая револьвером, закричал кучеру страшным голосом:

– Гони!.. Убью!..

И великолепный призовой рысак рванул что есть мочи.

42. Сзади раздались крики: "Держи!" и прогремело несколько выстрелов. Но было поздно.

Рысак уже был далеко. И гвардейский офицер (а это был переодетый друг Кропоткина – отважный доктор Веймар) спокойно откинулся на спинку сиденья. И теперь в экипаже ехали роскошные господа – офицер и барин в цилиндре и в крылатке. И проходящие жандармы отдавали честь, хотя где-то вдалеке продолжали кричать: "Держи!"

Беглецы выехали на Каменноостровский и вскоре были на квартире у своих друзей.

Однако тут находиться было небезопасно. И Кропоткин уехал за город. А через два дня был уже в Финляндии. И оттуда перебрался в Швецию.

Родных Кропоткина продержали два месяца в тюрьме, но, видя, что они ни при чем, отпустили. И это так радостно, что из семьи Кропоткина никто не пострадал.

И храбрый доктор Веймар тоже не пострадал. О нем, собственно, никто даже и не знал. И только потом все это выяснилось.

Вот какие бывают врачи и доктора. И это весьма приятно знать. И даже у таких врачей хочется лечиться.

43. В общем, поступки, подобные рассказанным в этих трех новеллах, нас тоже трогают своим величием и мужеством.

А что касается до работников науки и искусства, то многие из них в этом смысле были на должной высоте. И некоторые их поступки тоже нас поражают своим величием.

И тут мы для примера и доказательства приводим несколько заметок о доблестных и славных делах деятелей этого рода.

Итальянский ученый Лацциаро Спалланцапи (умер в 1799 году), изучая жизненные процессы человеческого организма, произвел множество опытов над самим собой. Он вводил в кровь различные микробы и для наблюдения над пищеварением проглатывал малосъедобные и вовсе несъедобные вещества. Умирая, он скачал: "У меня плохое сердце, и я прошу – тотчас после моей смерти исследуйте его получше, быть может, это даст новый факт для изучения сердечных болезней".

Микеланджело всю колоссальную мощь и страстность своей личности отдал живописи, в ущерб всей своей жизни. Работая в Ватикане над своими гениальными фресками, он нередко дни и ночи проводил на лесах, лежа в неудобной позе под самым потолком. Ночью он работал, прикрепив свечку к обручу, надетому на голову. Воск нередко залеплял ему глаза. Благодаря этому он в дальнейшем потерял зрение. И его, слепого старика, водили в музеи, где он с наслаждением ощупывал руками скульптурные работы.

Бетховен отказался от любви, предложенной одной из его поклонниц. Он сказал своим друзьям: "Если б я таким образом захотел тратить свои силы, что бы осталось для лучшего, для благородного".

Оп писал тогда свою знаменитую Шестую симфонию.

44. Однако, помимо всего перечисленного, бывает еще один сорт героизма и мужества. И это тоже нас может удивлять своей силой. Но полного восхищения это у нас не вызывает.

Мы говорим о храбрых поступках, которые, так сказать, лишены большой цели и

значения.

Ну, например, был такой знаменитый протопоп и писатель Аввакум. И он проявил исключительное мужество. Его пытали, кидали в тюрьмы и в ссылки. Подкупали Упрашивали наконец отказаться от его идеи. Но он так и не сдался. И настаивал на своем. Пока его не убили.

А вся его идея заключалась, извините, в том, что он был против того, чтобы публика крестилась тремя перстами. Он говорил, что верующих это должно смущать. Что это им может напоминать кукиш в его первоначальной форме. И настаивал на двух пальцах. И так с этой славной идеей и помер. Его сожгли. И он даже с костра кричал: "Еретики, мерзавцы!"

Согласитесь сами, что подобный храбрый поступок может удивлять, но восхищения он не вызовет, поскольку идея все-таки слабовата. Хотя как сказать – если поглядеть историю, то нередко именно через такие дела многие и заканчивали свою бурную жизнь. И много буйных голов слетело к черту за небольшое, в сущности, дело – двумя или тремя перстами креститься.

45. Или второй случай. Фельдмаршал Миних.

Его, как известно, при Елизавете Петровне в 1742 году судили. Он, собственно, засыпался по общественному делу. Он у прежней царицы состоял в фельдмаршалах. И та относилась к нему благосклонно. А эта новая прямо как с цепи сорвалась.

И только свергли с престола эту добродушную молоденькую дуру Анну Леопольдовну со своим детенышем, как Елизавета Петровна сразу вдруг велела отдать под суд нашего почтенного фельдмаршала.

И вдобавок председателем суда назначили одного из его подчиненных Трубецкого.

Трубецкой на суде говорит:

– Подсудимый Миних, признаете ли вы себя виновным?

Миних говорит:

– Я в одном только виноват, господин судья.

– В чем же именно?

– Именно в том, – сказал Миних, – что я тебя, собаку, не повесил, когда ты у меня в прошлом году попался в плутовстве, будучи кригс-комиссаром.

46. От этого смелого ответа многие в суде фыркнули. А председатель побледнел и без сожаления приговорил Миниха к смертной казни.

Но Елизавета Петровна, отличаясь слабостью нервов, не захотела казни и велела сослать на вечное поселение.

И в этом ответе Миниха было, конечно, много храбрости и мужества. Другие бы стали ныть и подхалимничать. А этот сделал такой гордый ответ. Но тут, конечно, были личные счеты – сильная ненависть и желание обидеть.

И потому подобный поступок при всей его храбрости нас только может удивлять, но к человеку мы останемся холодны и равнодушны. Нам, как бы сказать, даже наплевать на него.

Вот что значит цель и устремление.

В общем, из двух последних новелл можно вывести заключение, что в любом поступке немаловажную роль играет цель и назначение.

И там, где цель ничтожна, там даже храбрый поступок может вызвать нашу насмешку. А где цель высока, там героизм, как мы видели, достигает своего величия.

47. А правильная и великая цель совместно с героической борьбой и удивительным

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
мужеством создала, например, социальную революцию.

И на этой революции завершилось прошлое, и наступило настоящее. И о прошлом, перелистывая историю, мы вам говорили. А что касается настоящего, то оно перед вашими глазами. И все вы видите, что это такое. Это то, что жизнь из рук владельцев заводов, банков и магазинов и из рук помещиков окончательно перешла в руки тех, кто работает. И это есть одно из самых удивительных событий и перемен, известных за все время.

И наблюдатели этих перемен должны учитывать, что настоящий момент в сравнении с тем, что будет, еще не совсем показателен для наблюдений. А некоторые трудности наших дней еще ничего не говорят. А то, что сделано почти из ничего, – уже чрезвычайно много. А то, что будет вскоре, – будет в высшей степени хорошо, поскольку все будет делаться для себя, – а никто сам себе не враг. Трудящиеся сами разберутся что к чему.

Но то, что есть, не пришло само по себе. А было проявлено для этого высшее мужество и сила духа, и были испытаны большие страдания и огромные потери.

А из удивительных событий, происшедших в эти годы, помимо указанного, можно назвать такие.

48. Первое удивительное событие – это гражданская война, закончившаяся полным поражением барской России.

Как сказал наш славный советский поэт:

За это бились под Орлом,
Под Жмеринкой дрались,
За эту драку, черт возьми, кривую как коса,
Нас всех, оставшихся в живых, берут на небеса.
Но нам, ребята, не к лицу благословенный край.
И действительно, в эту войну многими было проявлено такое мужество и такой героизм, что мало что с этим может равняться! И имена этих героев у всех на устах. И некоторые из них погибли, а некоторые живы, и их можно видеть. И имена тех и других будут записаны на мраморную доску золотыми буквами.

А второе удивительное событие было такое, что частные торговцы и купцы с их привычкой ежедневно торговать потерпели окончательное поражение и сошли со страниц новейшей истории со своими актуальными лозунгами: "Не обманешь – не продашь", "кто прост, тому коровий хвост" и "деньги не пахнут".

49. Что касается до третьего удивительного события, то оно – Большие Перемены.

Еще не так давно поэт писал такие стихотворные строчки, в которых ради сомнительной рифмы допущена поэтическая вольность:

Довольно гнить и ноять
И славить взлетом гнусь,
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Однако эти строчки уже ничего не говорят. И смывшая деготь Русь из соломенной и деревянной стала железной. И нищая деревенская страна, перестроенная на новом, коллективном основании, создала новое прекрасное хозяйство и новый, еще не записанный быт. И это тоже абсолютно удивительное явление, которое само за себя говорит без всякой записи.

А четвертое удивительное событие уже видно всем.

И мы не будем затруднять читателя объяснением, как и чего, и не будем затрагивать вопросов политической экономики. Только скажем, что материальное улучшение, которое растет, все время будет возрастать.

И мы в этом уверены и на это вполне надеемся. И оно, наверно, так и будет.

И когда это целиком подтвердится, то это удивительное событие оценят все без исключения, и все запишут его в своем сердце.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

50. А что касается пятого удивительного события, то оно – Большая Работа. И она с такой силой велась и так энергично, что это всех привело в изумление. И даже некоторые сказали: это чересчур опасно для ихнего здоровья.

И это действительно была такая громадная работа, небезопасная для здоровья, что представитель дворянского класса может просто не понять, что это такое.

Как в свое время поэт Некрасов сказал, обращаясь к своему светскому читателю:

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять,
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

И мы к этому стиху добавим, что мы, в свою очередь, должны научиться уважать друг друга и быть друг к другу внимательны и любезны. А то если работу нежно любить, а людей забывать, то получится не то, что требуется. Так что уважать людей и любить их надо со всей силой своего сознательного сердца.

И это на голубом мраморе надо записать черными буквами с пятью восклицательными знаками.

51. Может быть, конечно, мы позабыли сказать еще о каких-нибудь удивительных событиях, – просьба отметить их в своей памяти.

А что касается удивительных и славных дел за границей, то это очень часто у них бывает. И там находятся такие исключительные герои и бывают такие великолепные поступки храбрости и мужества, что даже враги поражаются, и они этим напуганы, страшно сердятся, мстят и убивают.

И вы об этом по временам читаете. И имена этих героев у вас на устах. И эти прекрасные имена тоже будут высечены на мраморе золотыми буквами.

И вот на этом, друзья, мы позволим себе закончить описание удивительных исторических событий и краткий перечень удивительных событий нашего времени.

Так пожелаем же счастья и удачи новым людям и новой удивительной жизни, которая развертывается перед вашим взором.

52. Здравствуй, новая молодая жизнь!

Вот теперь все принадлежит самим трудящимся, и поэтому мы надеемся, что все будет хорошо и что все рабские чувства и мысли, созданные мрачной историей – суетливая услужливость, лакейская угодливость и чрезмерная готовность, – уйдут и исчезнут и никогда не будут больше унижать человеческое достоинство.

Это было создано страхом и свирепой борьбой за существование и всем неприглядным ходом истории.

Так здравствуй же, новая молодая жизнь, – не такая, как записана в истории.

И на этом приятном восклицании, в котором много радости и надежды, мы и заканчиваем наш отдел с пожеланием всего хорошего.

Попросим вас только зачитать небольшое послесловие к пятому отделу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, друзья, наш славный пятый отдел закончен.

Так что же мы видим, прочитавши все это – исторические новеллы и краткий конспект современных удивительных событий из наших дней.

А мы видим, что сквозь все невозможные невзгоды, сквозь мрак, холод и туман всегда пробиваются светлая мысль, бодрость, надежда и мужество.

Мы видим, как наряду с жалкими и низкими поступками происходят удивительные поступки, достойные наивысшего названия и одобрения.

Мы, наконец, видим, как меняется наша жизнь и как из одной она делается другой –

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
такой, как это будет нужно и полезно для населения.

И мы теперь рады случаю поговорить с поэтом, который в свое время так сказал, не видя пятой части жизни.

Как часто плачем – вы и я
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней.
Но мы холода и мрака грядущих дней не видим.

А мы видим и представляем себе иные и великолепные картины. И очень хорошо, что поэт ошибся.

И на этом, друзья, мы заканчиваем пятую и последнюю часть нашей Голубой книги.

Впрочем, для развития мыслей мы еще предложим вашему вниманию такое, что ли, специальное приложение. И в этом приложении вам будет рассказано кое-что забавное и смешное.

И этот наш добавочный отдел отчасти будет приложением к пятой части, а отчасти он будет завершать всю нашу книгу в ее близком конце.

И это будет, так сказать, мост, по которому вы плавно перейдете на житейский берег после долгих литературных путешествий.

В общем, мы предлагаем вам зачитать пять современных новелл по числу наших отделов и с их значением.

Так, например, первая новелла будет о деньгах в их удивительном значении. Вторая – о любви тоже в удивительном преломлении. И так далее. Вплоть до конца.

Итак, начинаются наши развлекательные новеллы, написанные для развития мыслей и для того, чтоб посмеяться и получить бодрящую зарядку.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПЯТОМУ ОТДЕЛУ

БЕДНАЯ ЛИЗА

Одна молодая особа, весьма недурненькая и развитая брюнетка, решила в этом году непременно разбогатеть.

То есть не то чтобы она хотела заполучить сказочное богатство, как это иной раз бывает в странах капитала среди миллионеров и спекулянтов.

Нет, она, конечно, этого не хотела. То есть, вообще-то говоря, она именно как раз этого и хотела. Но только она не понимала, как это теперь бывает. И потому она решила иметь то, что в пределах возможного.

Она хотела иметь какой-нибудь голубой фордик с постоянным, что ли, шофером. Стандартную дачку. Некоторый счет в Торгсине. И, конечно, какое-нибудь знатное положение мужа, чтоб ей бывать повсюду и всех видеть.

А муж у нее был обыкновенный инженер. То есть он был гидролог. Это у них там что-то насчет воды. А если это так, то он, конечно, никаких там особых колонн не проектировал, за что бы ему шли деньги и премии, как творцу новых идей и положений.

Короче говоря, он жил помаленьку на свои семьсот монет. И, будучи энтузиастом своего дела, был до некоторой степени вполне доволен.

Супругу же его не устраивала эта сумма. И, будучи женщиной праздной и пустынькой, со слабым мировоззрением, она мечтала о сказочной роскоши и так далее.

А ей кто-то сказал, что вообще как будто писатели живут довольно недурно. Что некоторые из них имеют пишущие машины, отдельные квартиры, дачи, а иной раз даже и автомобиль. И пусть она среди этой прослойки что-нибудь себе поищет.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Но Лиза не знала, где ей этого искать. И потому она не без поспешности сошлась с одним первым попавшимся автором.

Но, между нами говоря, этот инженер человеческих душ, как нарочно, оказался на редкость несостоятельным и ограниченным субъектом. И вдобавок он был любитель алкоголя. Благодаря чему через месяц он выразил желание, чтоб она непременно где-нибудь служила. Поскольку он сам на себя не надеялся, создавая слабые, маловысокохудожественные книги, не отражающие в полной мере величие эпохи.

В общем, он не оправдал ее надежд, и тогда она покинула этого своего выродка, потеряв при этом веру в литературу и в ее могущество.

В общем, она вернулась к своему супругу. Но, вернувшись, она не оставила своих пылких надежд и только ждала, чтоб что-нибудь у нее поскорей случилось.

И вот как раз тогда ее познакомили с одним иностранцем.

Ей представили его в ресторане. И сказали, что он интурист. И что он живет в отеле, но этим недоволен и мечтает найти комнату в частном доме месяца на два. Нет ли у нее такой?

И хотя у нее этого не было, но она тем не менее крайне обрадовалась и решила на два месяца переселить куда-нибудь свою преподобную мамашу, чтоб только ей не упустить избалованного иностранца, не могущего проживать в неуютных, шумных отелях среди звонков и приходящих девиц.

В общем, этому интуристу и изнеженному аристократу она устроила у себя в квартире комнату. И хотя супруг ее не допускал до этого, но она на своем настояла. И тот к ним переехал со своим ослепительным гардеробом, одеколоном, фотоаппаратом и так далее.

И вот Лиза, думая, что наступил главный момент в ее жизни, сошлась с этим иностранцем.

И тот ее исключительно полюбил. И сделал ей формальное предложение. На что она согласилась и даже сверх того – очень тому обрадовалась, прямо до того, что и описать нельзя.

И тогда она сразу бросила мужа. И стала с ним жить в мамашиней комнате.

И хотя ее иностранец по-русски почти не говорил, а она, наоборот, говорила только по-русски, тем не менее это отнюдь не послужило преградой для их взаимного международного счастья.

В общем, она была счастлива и мечтала о Париже, Лондоне, Средиземном море и так далее.

Но через месяц интурист, научившись более сносно выражать по-русски свои мысли, как-то раз особенно разговорился о том, о сем на этом языке, и из разговора она отчасти выяснила, что тот вовсе не собирается уезжать в Европу. А напротив, он даже хочет тут обосноваться. И что по случаю затруднительных дел там у них за границей закрылось какое-то предприятие, и он по этому случаю остался как бы даже без работы. Вот почему он и прибыл в Союз, надеясь тут найти что-нибудь по своей специальности.

Она, побледнев, попросила его повторить эти грубые русские фразы о том, о сем. И он снова сказал ей то же самое, добавив, что у него есть большие надежды здесь у нас устроиться, поскольку он специалист по шипучим водам и тут в Союзе это как раз, наверное, очень надо. И если он устроится, тогда через год они смело смогут съездить в Париж, если уж она так этого хочет.

Тогда она, вспыхнув, не без яду спросила, зачем же он при своем положении, будучи простым безработным, называется интуристом и при этом не оставляет своих изнеженных привычек и не живет в дешевом номере. А своим видом и поведением смущает окружающих, допуская их делать невесть какие выводы.

Тогда он заметил ей, что вот именно он как раз и переехал из отеля к ним ради, так сказать, экономии.

Тогда она заплакала, сказав, что если это так, то в ее слабой голове спутались все понятия об устройстве мира. И что об интуристах она была совершенно другого мнения. Она думала, что они все без исключения ездят ради прихоти и любопытства, а не ради того, зачем он прибыл. Не хватало, дескать, ей еще за безработных выходить. Ведь этого даже у нас нету. А тут вот она нашла такого. Так уж лучше она выйдет замуж за нашего конторщика и будет получать свои сто целковых, чем что-либо другое.

И она от обиды и унижения три дня плакала. И велела интуристу уехать в отель, поскольку мама жила на улице.

В общем, она рассталась с ним, поскольку, тем более, ее первый муж, как выяснилось, сделал какую-то крупнейшую экономию на службе и за это получил десять тысяч рублей премии, что и было объявлено в газетах.

Однако супруг, не зная еще, что она к нему вернется, отдал эти деньги на строительство. Он был большой энтузиаст и был отчасти равнодушен к деньгам. Вот он и отдал эту сумму государству.

А она, вернувшись и узнав об этом, до того расстроилась, что супруг боялся за целостность ее рассудка. И тогда она, успокоившись, снова затаила в душе решение найти что-нибудь лучшее.

А ей кто-то сказал, что тот самый злосчастный писателюшка, с которым она недавно жила и не была счастлива, неожиданно сильно пошел в гору. Он бросил писать свои слабые вещицы и неожиданно вдруг написал пьеску, которая по силе, говорят, не уступала Борису Шекспиру, или что-нибудь вроде этого. И что он теперь буквально великолепно зарабатывает.

Она, огорчившись, что не подождала этой хорошей полосы, снова хотела сойтись с этим драматургом. Но он, оказалось, уже имел две семьи и был сравнительно счастлив.

Тогда она, подойдя благодаря этому знакомству несколько ближе к театральным делам, нашла тут большие возможности. Вдобавок ее в театре познакомили с одним эстрадным комиком, который, говорят, зарабатывал очень, очень крупные деньги.

Она хотела было сразу сойтись с этим комиком, но в последний момент испугалась какого-нибудь надувательства или подвоха с его стороны, вроде как было у ней с интуристом, или что-нибудь вроде этого.

И тогда она не вышла за него замуж, а решила, если на то пошло, сама стать артисткой.

И она стала изучать характерные танцы, чтоб с ними как-нибудь выступить на эстраде и зарабатывать, как другие.

Но от хронических ее неприятностей с интуристом и с писателем у нее доктора нашли невроз сердца и нервную сыпь на теле. И поэтому она стала учиться петь.

И сейчас она поет. И уже начала порядочно зарабатывать в закрытых концертах и в домах отдыха.

А мужу она сказала, что теперь она с ним останется жить. Что раньше у нее были старые взгляды на деньги и супружеские отношения, но что сейчас, получая до тысячи рублей и больше за свое пение, она вполне перевоспиталась и даже довольна и идет не против самостоятельности женщин.

Но довольство ее продолжалось до тех пор, пока ей не рассказали об ее интуристе.

Ей сказали, что этот ее иностранец нашел здесь по своей редкой специальности очень хорошее место, получил прекрасное содержание, женился на одной девице и с ней выехал к себе на родину для устройства своих дел и чтобы привезти сюда автомобиль.

Ей сказали, что она, наверное, плохо договорилась с ним по-русски, если упустила такой экземпляр.

Вот это известие она действительно перенесла с трудом. И у нее даже пропал голос.

Но через две недели она снова оправилась и сейчас опять поет, как умеет. Но сыпь на коже у нее так и осталась.

Вот какие бывают барышни. И вот что с ними случается, когда они хотят получить деньги не так, как это у нас принято.

А что она после этого стала артисткой, то для нее это очень хорошо, а для публики это, наверно, весьма посредственно.

И, конечно, в таких случаях всегда лучше танцевать, чем петь. И молодые особы должны учитывать это горячее пожелание публики. А в общем, даже и зарабатывая деньги, надо стараться иметь иной характер и иное сердце, чем у вышеуказанной молодой особы!

В общем, этот рассказ есть до некоторой степени описание удивительного события, связанного с деньгами. И тут, главное, удивительно, как праздная женщина прежней, так сказать, конструкции потерпела неожиданное поражение.

А второй удивительный момент рассказа – это как инженер отдал премию на строительство.

И это наш первый удивительный рассказ. А второй рассказ будет касаться удивительного события в любви.

И вот он перед вами.

РАССКАЗ О СТУДЕНТЕ И ВОДОЛАЗЕ

Вот интересно. Подрались два человека. Схватились два человека, и слабый человек, то есть совершенно ослабевший, золотушный парнишка, наклепал сильному.

Прямо даже верить неохота. То есть как это слабый парень может, товарищи, нарушить все основные физические и химические законы? Чего он жулил? Или он перехитрил того?

Нет! Просто у него личность преобладала. Или я так скажу – мужество. И он через это забил своего врага.

А подрались, я говорю, два человека. Водолаз, товарищ Филиппов. Огромный такой мужчина, с буденновскими усами. И другой парнишка, вузовец, студент. Такой довольно грамотный, полуинтеллигентный студентик.

Между прочим, однофамилец нашего знаменитого советского романиста Малашкина.

Водолаз Филиппов, я говорю, был очень даже здоровый тип. В водолажном деле слабых, конечно, не употребляют, но это был ужасно здоровый дьявол.

А студент был, конечно, мелковатый, непрочный субъект. И он красотой особой не отличался. Чего-то у него завсегда было на морде. Или золотуха. Я не знаю.

Вот они и подрались.

А только надо сказать, промежду них не было классовой борьбы. И тоже не наблюдалось идеологического расхождения. Они оба были совершенно пролетарского происхождения. У них драка возникла на любовной подкладке. Они просто, скажем грубо, не поделили между собой бабу! На этом году революции они не поделили бабу! Это ж прямо анекдот.

Такая была шуручка. Так, ничего себе. Ротик, носик – это все есть. Но особенно такого сверхъестественного в ней не наблюдалось.

А водолаз, товарищ Филиппов, был в нее сильно и чересчур влюбившись.

А она с ним немножко погуляла и перекинулась на сторону полуинтеллигенции. Она на Малашкина кинулась. Может, он ей разговорчивей показался. Или у него руки

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
были чище. И у нее с ним возникла пылкая любовь.

А тот, знаете, и сам не рад своему счастью. Потому, глядит, очень ужасный у него противник. Однако виду не показывает. Ходит довольно открыто и водит свою мадам в разные места. И водит храбро, под ручку. Так через двор и ведет, в то время как водолаз на них смотрит. Но студент виду не показывает, что робеет, и знамя своей любви высоко держит.

А водолаз, конечно, его задевает. Прямо не дает ему дыхнуть.

Называет его разными хамскими именами и при случае в грудь пихает. Пихнет и говорит:

– А ну, выходи на серенаду! Сейчас я тебе, паразит, башку отвинчу.

Ну, конечное дело, студент терпит. Отходит.

А раз однажды стоят ребята во дворе дома. Тут все правление. Члены. Контрольная комиссия. Водолаз тоже сбоку стоит. И вдруг идет по двору Костя Малашкин со своей Шурочкой. И так как-то мило идут. Любовно. А водолаз нарочно громко говорит контрольной комиссии:

– На морде, говорит, проказа, а между прочим, любовь крутит и барышень до самых дверей провожает.

Тогда студент провожает свою даму и возвращается назад.

Он возвращается назад, подходит до компании и ударяет товарища водолаза по морде. Водолаз, конечно, удивляется такому нахальству и хлоп, в свою очередь, студента. Студент брык наземь. Водолаз к нему подбегает и хлоп его обратно по брюху и по разным важным местам.

Тут, конечно, контрольная комиссия оттеснила водолаза от студента. Поставили того на ноги. Натерли его слабую грудку снегом и отвели домой.

Тот ничего, отдышался и вечером вышел подышать свежей прохладой.

Он вышел подышать прохладой и на обратном ходу встречает водолаза. И тогда он снова быстрым темпом подходит до водолаза и обратно бьет его в харю.

Только на этот раз не было контрольной комиссии, и водолаз, товарищ Филиппов, порядочно отутюжил нашего студента. Так что пришлось его на шинельке домой относить.

Только проходит, может, полторы недели. Студент совершенно поправляется, встает на ножки и идет на домовое собрание.

Он идет на домовое собрание и там обратно встречает водолаза.

Водолаз хочет его не увидеть, а тот подходит до него вплотную и снова ударяет его по зубам.

Тут снова происходит безобразная сцена. Студента кидают, вращают по полу и бьют по всем местам. И снова уносят на шинельке.

Только на этот раз дело оказалось серьезней. У студента буквально, как говорится, стали отниматься передние и задние ноги.

А дело было к весне. Запевали птички, и настурции цвели. И наш голубчик студент после этой битвы ежедневно сидел у раскрытого окна – отдыхал. И водолаз всегда отворачивался и проходил мимо. А когда к водолазу подходил народ, даже хотя бы с контрольной комиссии, он ужасно сильно вздрагивал и башку назад откидывал, будто его бить собирались.

Через недели две студент еще три раза бил водолаза и два раза получил сдачи, хотя не так чувствительно.

А в третий и в последний раз водолаз сдачи не дал. Он только потер побитую морду

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

и говорит:

– Я, говорит, перед вами сдаюсь. Я, говорит, через вас, товарищ Костя Малашкин, совершенно извелся и форменно до ручки дошел.

Тут они полюбовались друг другом и разошлись.

Студент вскоре расстался со своей шурочкой. А водолаз уехал на Черное море нырять за "Черным принцем".

На этом дело и кончилось.

Так что сила – силой, а против силы имеется еще одно явление.

И этот рассказ есть удивительнейшее событие из любовной жизни.

А что касается коварства, то нам вспоминается такое забавное происшествие. И оно отчасти тоже удивительное.

ПРОИСШЕСТВИЕ

Конечно, об чем может быть речь, – дети нам крайне необходимы.

Государство без них не может так гладко существовать. Они нам – наша смена. Мы на них надеемся и расчеты на них строим.

Тем более взрослые не так легко могут расстаться со своими мещанскими привычками. А детишки, может быть, подрастут и определенно выровняют нашу некультурность.

Так что в этом отношении детей мы прямо на руках должны носить, и пыль с них сдувать, и носики им сморкать. Невзирая на то – это чаш ребенок или ребенок чужой и нам посторонний.

А только этого как раз мало наблюдается в нашей жизни со стороны обывателей.

Нам вспоминается одно довольно оригинальное событие, которое развернулось на наших глазах в поезде, не доезжая Новороссийска.

Которые были в этом вагоне, те почти все в Новороссийск ехали.

И едет, между прочим, в этом вагоне среди других такая вообще бабешка. Такая молодая женщина с ребенком.

У нее ребенок на руках. Вот она с ним и едет.

Она едет с ним в Новороссийск. У нее муж, что ли, там служит на заводе.

Вот она к нему и едет.

И вот она едет к мужу. Все как полагается: на руках у ней малютка, на лавке узелок и корзинка. И вот она едет в таком виде в Новороссийск.

Едет она к мужу в Новороссийск. А у ней малютка на руках очень такой звонкий. И орет, и орет, все равно как оглашенный. Он, видать, хворает. Его, как оказалось, в пути желудочная болезнь настигла. Или он покушал сырых продуктов, или чего-нибудь выпил, только его в пути схватило. Вот он и орет.

Одним словом – малютка. Он не понимает, что к чему и зачем у него желудочек страдает. Ему сколько лет? Ему, может быть, три года или там два. Не наблюдая детей в частной жизни, затруднительно определить, сколько этому предмету лет. Только он, видать, октябренок. У него такой красный нагрудник повязан.

И вот едет эта малютка со своей мамашей в Новороссийск. Они едут, конечно, в Новороссийск, и, как назло, в пути с ним случается болезнь.

И по случаю болезни он каждую минуту вякает, хворает и требует до себя внимания. И, конечно, не дает своей мамаше ни отдыха, ни сроку. Она с рук его два дня не спускает. И спать не может. И чаю не может попить.

И тогда перед станцией Лихны – она, конечно, обращается до пассажиров:

– Я, говорит, очень извиняюсь, – поглядите за моим крошкой. Я побегу на станцию Лихны, хотя бы супу скушаю. У меня, говорит, язык в глотке прилипает. Я, говорит, ну, прямо не предвижу конца. Я, говорит, в Новороссийск еду до своего мужа.

Пассажиры, конечно дело, стараются не глядеть, откуда это говорится, отворачиваются, дескать, еще чего: то орет и вякает, а то еще и возись с ним! Еще, думают, подкинет. Смотря какая мамаша. Другая мамаша очень свободно на это решится.

И хотя в дальнейшем этого не случилось и любящая мать осталась при своем ребенке, однако пассажиры не знали всей этой дальнейшей ситуации и в силу этого отнеслись к просьбе сдержанно – одним словом, отказали.

И, значит, не берутся.

А едет в вагоне, между прочим, один такой гражданин. Он, видать, городской житель. В кепочке и в таком международном прорезиненном макинтоше. И, конечно, в сандалиях. Он так обращается до публики:

– То есть, говорит, мне тошно на вас глядеть. То есть, говорит, что вы за люди – я прямо дивуюсь! Нельзя, говорит, граждане, иметь такой слишком равнодушный подход. Может, на наших глазах мать покушать затрудняется, ее малютка чересчур сковывает, а тут каждый от этих общественных дел морду отворачивает. Это, ну, прямо ведет к отказу от социализма.

Другие говорят:

– Вот ты и погляди за крошкой! Какой нашелся бродяга – передовые речи в спальном вагоне произносить!

Он говорит:

– И хотя я есть человек холостой, и мне чертовски спать хочется, и вообще не мое дело в крайнем случае за это самое братья, но я не имею такого бесчувствия в детском вопросе.

И берет он малютку на руки, качает его и пальцем его забавляет.

Конечно, молодая женщина очень горячо его благодарит и на станцию Лихны сходит.

Уходит она на эту станцию в буфет и долго не является. Поезд стоит десять минут. Эти десять минут проходят, и уже дается сигнал. И дежурный машет красной шапкой. А ее нету...

И уже дергается состав, и поезд бежит по рельсам, а молодой матери нету.

Тут происходят разные сцены в вагоне. Которые открыто хохочут, которые хватают за тормоза и хотят состав остановить.

А сам, который в сандалиях, сидит побледневший, как сукин сын, и спать больше не может. И речей больше не хочет произносить.

Он держит малютку на своих коленях и разные советы слушает.

Ну, один, конечно, советует телеграмму за свои деньги дать, другие, напротив того, говорят:

– Довезите до Новороссийска и сдайте на станции в охрану. А если там малютку не примут, то усыновите в крайнем случае.

А малютка, между тем, вякает, хворает и с рук нипочем не уходит.

И вот проходят отчаянные два часа, и поезд, конечно, останавливается на большой станции. Который в сандалиях берет свою малютку за ножки и хочет пойти на

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
платформу в транспортную охрану. Только вдруг молодая мамаша в вагон
вкатывается. Она входит в вагон и так защищается:

– Я, говорит, извиняюсь! Я как горячего супу покушала, так меня сразу и
разморило, и я нарочно зашла в тот соседний вагон и маленько там подзаснула. Я,
говорит, два дня не спавши. А если бы в этот вагон зашла, я навряд ли бы
выспалась.

И берет она своего крошку и снова его нянчит.

Который в сандалиях говорит:

– Довольно неаккуратно поступаете, гражданка! Но раз вы поспали, то я вхожу в
ваше положение. Дети нам – наша смена, – я не против за ними поглядеть.

Тут в вагоне происходит веселый смех, дающий здоровую зарядку.

Который в сандалиях говорит:

– Только, конечно, надо предупреждать. А то я за эти два часа много пережил. Вот
это нехорошо с вашей стороны.

Тут снова в вагоне происходит веселый взрыв смеха.

И тогда который в сандалиях тоже начинает улыбаться, и вскоре он вполне прощает
маленькое коварство, допущенное со стороны матери.

И тогда все кончается к общему благополучию.

И наш следующий рассказ есть удивительное событие в области неудач.

МЕЛКИЙ СЛУЧАЙ ИЗ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Презабавная история произошла со мной на транспорте этой осенью. Я ехал в
Москву. Из Ростова. Вот подходит почтово-пассажирский поезд в 6.45 вечера.

Сажусь в этот поезд.

Народу не так чтобы безобразно много. Даже в крайнем случае сесть можно.

Прошу потесниться. Сажусь.

А дело, я говорю, к вечеру. Не то чтобы темно, но темновато. Вообще сумерки. И
огня еще не дают. Провода экономят.

Так вот, гляжу на окружающих пассажиров и вижу – компания подобралась довольно
славная. Такие все, вижу, симпатичные, не надутые люди. Прошу их запомнить.

Один такой без шапки, длинногривый субъект, но не поп. Такой вообще интеллигент
в черной тужурке.

Рядом с ним – в русских сапогах и в форменной фуражке. Такой усатый. Только не
инженер. Может быть, он сторож из зоологического сада или агроном. Только,
видать, очень отзывчивой души человек. Он держит своими ручками перочинный ножик
и этим ножиком нарезает антоновское яблоко на кусочки и кормит своего другого
соседа – безрукого. Такой с ним рядом, вижу, безрукий гражданин едет. Такой
молодой пролетарский парень. Без обеих рук. Наверное, инвалид труда. Очень
жалостно глядеть.

Но он с таким аппетитом кушает. И поскольку у него нету рук, тот ему нарезает на
дольки и подает в рот на кончике ножа.

Такая, вижу, гуманная картинка. Сюжет, достойный Рембрандта.

А напротив них сидит немолодой, седоватый мужчина в черном картузе. И все он,
этот мужчина, усмехается.

Может, до меня у них какой-нибудь забавный разговор был. Только, видать, этот
пассажир все еще не может остыть и все хохочет по временам: "хе-е" и "хе-е".

А очень меня заинтриговал не этот седовласый, а тот, который безрукий.

И гляжу я на него с гражданской скорбью, и очень меня подмывает спросить, как это он так опростоволосился и на чем конечности потерял. Но спросить неловко.

Думаю, попривыкну к пассажирам, разговорюсь и после спрошу.

Стал посторонние вопросы задавать усатому субъекту, как более отзывчивому, но тот отвечает хмуро и с неохотой.

Только вдруг в разговор со мной ввязывается первый, интеллигентный мужчина, который с длинными волосами.

Чего-то он до меня обратился, и у нас с ним завязался разговор на разные легкие темы: куда едете, почему капуста и есть ли у вас жилищный кризис на сегодняшний день.

Он говорит:

– У нас жилищного кризиса не наблюдается. Тем более мы проживаем у себя в усадьбе, в поместье.

– И что же, – говорю, – вы там комнату имеете или собачью будку?

– Нет, – говорит, – зачем комнату. Берите выше. У меня девять комнат, не считая, безусловно, людских, сараев, уборных и так далее.

Я говорю:

– Может, врете? Что же, говорю, вас не выселили в революцию, или это есть совхоз?

– Нет, – говорит, – это есть мое родовое имение, особняк. Да, вы, говорит, приезжайте ко мне. Я иногда вечера устраиваю. Кругом у меня фонтаны брызжут. Симфонические оркестры поминутно вальсы играют.

– Что же вы, – говорю, – я извиняюсь, арендатор будете, или вы есть частное лицо?

– Да, – говорит, – я частное лицо. Я, между прочим, помещик.

– То есть, – говорю, – как вас, позвольте, понимать? Вы есть бывший помещик? То есть, говорю, пролетарская революция смела же вашу категорию. Я, говорю, извиняюсь, чего-то не разобрался в этом деле. У нас, говорю, социальная революция, социализм, какие у нас могут быть помещики?

– А вот, – говорит, – могут. Вот, говорит, я помещик. Я, говорит, сумел сохраниться через всю вашу революцию, и, говорит, я плевал на всех живу как бог. И нет мне дела до ваших, подумаешь, социальных революций.

Я гляжу на него с изумлением и прямо не понимаю, что к чему.

Он говорит:

– Да вы приезжайте – увидите. Ну, хотите – сейчас заедем ко мне. Очень, говорит, роскошную барскую жизнь встретите. Поедем. Увидите.

"Что, – думаю, – за черт. Поехать, что ли, поглядеть, как это он сохранился сквозь пролетарскую революцию? Или он брешет"

Тем более вижу – седоватый мужчина смеется. Все хохочет: "хе-е" и "хе-е".

Только я хотел сделать ему замечание за неуместный смех, а который усатый, который раньше нарезал яблоко, отложил перочинный нож на столик, дожрал остатки и говорит мне довольно громко:

– Да вы с ним перестаньте разговор поддерживать. Это психические. Не видите, что

ли?

Тут я поглядел на всю честную компанию и вижу – батюшки мои! Да ведь это действительно ненормальные едут со сторожем. И который длинноволосый – ненормальный. И который все время хохочет. И безрукий тоже. На нем просто смиренная рубашка надета – руки скручены. И сразу не разобрать, что он с руками. Одним словом, едут ненормальные. А этот усатый ихний сторож. Он их перевозит.

Гляжу я на них с беспокойством и нервничаю – еще, думаю, черт их побери, задушат, раз они психические и не отвечают за свои поступки.

Только вдруг вижу – один ненормальный, с черной бородой, мой сосед, поглядел своим хитрым глазом на перочинный ножик и вдруг осторожно берет его в руку.

Тут у меня сердце екнуло и мороз по коже прошел. В одну секунду я вскочил, навалился на бородатого и начал у него ножик отбирать.

А он отчаянное сопротивление мне оказывает. И прямо меня норовит укусить своими бешеными зубами.

Только вдруг усатый сторож меня назад оттягивает.

– Чего вы, – говорит, – на них навалились, как вам, право, не совестно. Это ихний ножик. Это не психический пассажир. Вот эти трое – да, мои психические. А этот пассажир просто едет, как и не вы. Мы у них ножик одалживали – попросили. Это ихний ножик. Как вам не совестно!

Которого я подмял, говорит:

– Я же им ножик давай, они же на меня и накидываются. Душат за горло. Благодарю – спасибо. Какие странные поступки с ихней стороны. Да, может, это тоже психический. Тогда, если вы сторож, вы за ним получше глядите. Эвон, накидывается – душит за горло.

Сторож говорит:

– А может, и он тоже психический. Пес его разберет. Только он не с моей партии. Чего я за ним буду зря глядеть. Нечего мне указывать. Я своих знаю.

Я говорю задушенному:

– Я извиняюсь, я думал – вы тоже ненормальный.

– Вы, – говорит, – думали. Думают индейские петухи... Чуть, сволочь, не задушили за горло. Разве не видите, что ли, ихний безумный взгляд и мой – натуральный.

– Нет, – говорю, – не вижу. Напротив, говорю, у вас тоже в глазах какая-то муть, а борода тычком растет, как у ненормального.

Один психический – этот самый помещик – говорит:

– А вы дерните его за бороду – вот он и перестанет ненормальности говорить.

Бородатый хотел закричать, но тут мы приехали на станцию Игрень, и наши психические со своим проводником вышли. И вышли они довольно в строгом порядке. Только что безрукого пришлось слегка подталкивать.

А после кондуктор нам сказал, что на этой станции Игрень как раз имеется дом для душевнобольных, куда иной раз возят таких психических. И как же их еще возить? Не в собачьей теплушке же. Обижаться нечего.

Да я, собственно, и не обижаюсь. А вот которого я подмял, тот действительно обиделся. Он долго глядел на меня хмуро и с испугом следил за каждым моим движением. А после, не ожидая от меня ничего хорошего, перешел с вещами в другое отделение.

Пожалуйста. Ничего не имею против.

А когда он ушел и я остался один, мне стало весело и смешно от всего того, что со мной произошло. И этот маленький случай показался мне удивительно забавным происшествием, основанным на не совсем удачной перевозке психических.

И я, посмеявшись, хорошо заснул. И утром встал в хорошем настроении. Так что иной раз и неудача оборачивается удачей.

Теперь, дорогие друзья, зачитайте последний рассказ, который содержит в себе все удивительное и все сразу – деньги, любовь, коварство, неудачу и большое событие, – причем все эти предметы взяты в своем удивительном преломлении. – И это не так-то часто бывает. Вот этот рассказ.

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ

Еще в первые годы революции произошел у нас в доме такой необыкновенный случай.

Дом громадный. Пять этажей. Но, несмотря на это, од весь шел на керосиновом освещении. Такой, можно сказать, подарок от царского режима остался революции.

Другие рядом дома шли на полной электрической нагрузке, а наш был вот какой. И это всех раздражало.

И вот тогда жильцы начали хлопотать, чтоб им чтонибудь было по части света. Чтоб наконец у них кончилось это неудачное житье в полном мраке и темноте.

И им сказали – это можно.

И при этом наиболее всех хлопотала наша квартирная хозяйка, или, как теперь говорят, ответственная съемщица, Елисавета Игнатьевна Хлопушкина. И даром что эта дама только что соскочила со старого режима и была в свое время замужем за одним убитым штабс-капитаном, тем не менее она проявила себя как общественница и любительница электрического освещения, предпочитая на нем греть воду, чем на примусе.

В общем, она зарекомендовала себя с лучшей стороны, и за это ей честь и хвала.

И вот, стало быть, благодаря ее хлопотам вскоре в доме вспыхнул свет, и все воспрянули духом.

Но вскоре наша хозяйка Хлопушкина, пожив дня три со светом, становится неестественно мрачной и неразговорчивой.

Мы ее спрашиваем, что такое.

Она говорит:

– Видите, я недовольна освещением. Свет глаза режет и вызывает слепоту. А главное, говорит, он у меня в комнате осветил такое барахло, что я прямо смущаюсь к себе заходить. Муж мой, бывший штабс-капитан, скончался на войне десять лет назад, да еще до этого факта лет пятнадцать – двадцать я ремонта у себя не делала.

И мне этого было не нужно, поскольку комнатка у меня полутемная и ничего такого не видать. А теперь взгляните, что там есть при полном свете.

Но мы туда не стали заходить, поскольку приблизительно нарисовали себе картину, что там могло быть.

Тем более один из нас меланхолично говорит:

– Бывало, действительно, выйдешь утром на работу, вечером явишься, чай попьешь – и спать. И ничего такого лишнего при керосине у себя не видал. А теперича я зайду к себе, освещу, и мне тоже, как ей, неинтересно становится.

Вот мы и зашли к нему. Зажгли свет. Видим, действительно, нечто невероятное. Тут туфля, тут штаны рваные валяются. Тут обойки оторваны и клочком торчат. Видим – клоп рысью бежит, от света спасается. На столе лежит тряпка, неизвестно какая. Пол жуткий. Тут плевков, тут оуток, тут блоха резвится.

Стоит канapé. И мы сколько раз на этом его канapé сидели, думали ничего. А теперь видим – это совершенно страшное канapé. Все торчит, все висит, все изнутри лезет.

Тогда мы, все жильцы, собрались в коридоре и сказали: "кажется, пришло время ремонт производить". И после жарких споров и дискуссий мы собрали деньги и решили подчиститься, чтоб у нас не было расхождения со светом.

И вот вскоре мы произвели ремонт. Подчистили. Подправили. И тогда квартирка стала прямо ничего себе.

Чистенько, красиво, весело, и клопов уж очень мало. Они только у двоих жильцов и остались. А что касается блох, то на них почему-то электричество не действует и они продолжают свою кипучую деятельность.

А что касается общего настроения, то все как переродились. После работы приходят, моются, убирают комнаты, чистятся и так далее. И даже больше – многие стали более вежливо себя держать. А один даже начал учиться французскому языку. И, наверно, у него что-нибудь получится. А некоторые, поскольку стало светло, пристрастились к чтению и к игре в шашки. И вообще при свете началась другая жизнь, полная интересов и внимания друг к другу. Вот что произошло после включения в общую сеть.

И даже ответственная съемщица, Елисавета Игнатьевна Хлопушкина, неожиданно, представьте себе, вышла замуж за техника Анатолия Скоробогатова, который в нее влюбился. И она его безумно полюбила. И многие приписали этот роман действию электрического света, поскольку при свете Хлопушкина оказалась еще ничего себе, несмотря на ее пятьдесят два года. А другие приписали это тому, что свет окончательно выяснил размеры ее комнаты, благодаря чему Скоробогатов рискнул жениться в ожидании чего-нибудь лучшего. И тем самым он возможно, что проявил со своей стороны возмутительное коварство.

Но, так или иначе, она сейчас замужем и очень счастлива. И просила всем кланяться и благодарить за изобретение электричества и вообще за электрификацию.

В общем, все громадные перемены в квартире и даже, пожалуй, отчасти этот брак были удивительными событиями, которые мы и записываем золотыми чернилами, только они немного расплываются, поскольку бумага не так еще хороша. Но, как говорится, терпение и труд все перетрут.

И на этом рассказе мы заканчиваем наши развлекательные новеллы. И вместе с этим заканчиваем наше приложение к пятому отделу.

Итак, друзья, Голубая книга в основном окончена. Прочтите тут еще небольшое послесловьице ко всему нашему труду.

Это послесловие, как в конторской книге, подведет итог всему, о чем мы с вами беседовали в пяти частях нашего сочинения.

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВСЕЙ КНИГЕ
Итак, Голубая книга окончена.

И вместе с тем заканчивается наша музыкальная симфония. Громко гремит медь. И бьют барабаны. И контрабас гудит веселое приветствие.

И мы очень рады и довольны, что на этот раз заканчиваем наше сочинение с чувством сердечной радости, с большой надеждой и с пожеланием всего хорошего.

И основную тему нашей радости можно определить в нескольких словах. И, чтобы критики не сбились в этом сложном деле, мы им по дружбе хотим слегка подсказать.

Нас трогает стремление к чистоте, к справедливости и к общему благу. Нас приятно удивляет, что люди, которые все равно умрут, стремятся к этому. И нас радует здравый смысл, к чему рано или поздно приходят люди, отсеяв весь сор и шелуху.

И вот пример из жизни литераторов.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

В золотом фонде мировой литературы не бывает плохих вещей. Стало быть, при всем арапстве, которое иной раз бывает то там, то тут, – есть абсолютная справедливость. И эта идея в свое время торжествует. И, значит, ничего не страшно и ничего не безнадежно.

Вот почему медные трубы нашего сочинения звучат на этот раз непривычно громко. Но нашего смеха тем не менее эти трубы почти не заглушают.

Французский писатель Вольтер своим смехом погасил в свое время костры, на которых сжигали людей. А мы по мере своих слабых и ничтожных сил берем более скромную задачу. И своим смехом хотим зажечь хотя бы небольшой, вроде лучины, фонарь, при свете которого некоторым людям стало бы заметно, что для них хорошо, что плохо, а что посредственно.

И если это так и будет, то в общем спектакле жизни мы считаем нашу скромную роль лаборанта и осветителя исполненной.

Теперь почти все сказано, и нам осталось любезно попрощаться с читателем, чтобы вполне закончить наше сочинение.

Ах да, долг вежливости требует попрощаться с буржуазным философом, с которым мы в свое время в детстве воспитывались.

И поэтому вы, надеюсь, поймете наши чувства я не посетуете на небольшую задержку в окончании.

ПРОЩАНИЕ С ФИЛОСОФОМ

Философ был принят нами вместе с двумя какими-то министрами без портфеля, захавшими просто так представиться и узнать, как и чего бывает.

Беседа протекала за чашкой чая.

И министры остались до того довольны любезной беседой, что от восхищения еле могли дойти до своих автомобилей. И в книге почетных посетителей они елейным тоном написали, что ничего подобного они не испытывали в своей жизни. И что это превзошло все их ожидания. И что они были бы рады, если б это продолжалось всю жизнь.

Беседа продолжалась два часа, из которых полтора часа ушло на обмен этих любезностей. Но в передней гости задержались.

– Последнее время, – сказал философ, – я что-то опять стал увлекаться социализмом. Вы знаете, это действительно может получиться неплохо. Не знаю, как у вас, но на другие страны я очень надеюсь. Они возьмут от нас несколько светлых идей. Плюс ваши идейки. И может получиться очень, очень мило.

– Что же от вас они возьмут? Простите.

– Ну, там пустяки. Об чем говорить. Ну, там собственность, что ли. Капитал. Ну, небольшой. А? Пожалуйста. Все равно вам без этого не обойтись... Все равно вы незаметно приплывете к нашим берегам. Так что не будем о деньгах спорить. А кроме того... Ну, домик там... Клочок собственной землишки. Дачка.

– Если вы для себя, а не для эксплуатации, то можете и дачку иметь.

– То есть что значит для себя? Нет, господа, всетаки это все, простите, вздор. Наше дело более гармонично. Богатство, капитал дает человеку по крайней мере уверенность. Он дает независимость. А тут где независимость я буду искать? Тут вы меня суετε в лапы к людям. У них искать независимость? Да, может, мне попадется какое-нибудь свирепое начальство, так ведь оно меня в бараний рог согнет, если что-нибудь не по нем. И я пикнуть не посмею. Без денег я буду более беззащитен, чем где-либо.

– Сударь, вы говорите о буржуазном строе? У нас есть общественность, прессами новый уклад жизни, которые не позволят вас сгибать, если вы правы. А потом – ваш строй весьма ведь немногим дает независимость. Единицам.

– Ну и что же... Ну хорошо, он дает немногим, богатым, удачникам. Остальные

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
стремятся к этому, надеются. Это – борьба.

– Но их надежды почти всегда разбиты. А мы хотим жизнь сделать такой, чтобы надежды оправдывались. У нас сейчас, сэр, революция, но тем не менее у нас человек, желающий работать, уверен, что он работу найдет. Вот вам надежды, которые уже оправдываются. И это дает огромную уверенность, чего нет у вас.

– Ну, предположим, – сказал философ. – Но вот, скажем, мне пятьдесят три года. А в эти годы, господа, я должен быть богат. Ну, не богат, ну, иметь что-то. Иначе я, как бы сказать, не участвую в жизни. То есть участвую, но меня уже обходят. Меня уже принимают с поправкой на мое состояние. А у меня, господа, отнюдь не меньше желаний. Господа министры, поддержите.

Министры говорят:

– Да уж ясно уж. Что ж уж об этом говорить. Чтотто, а уж желаний-то сколько угодно-с!

Я говорю:

– Видите, сэр, с возрастом человек повышает свою квалификацию, он становится умней, острее в своем деле или в искусстве, и он, конечно, должен получать больше комфорта и лучшие условия. Это не вопрос. А если он настолько стареет, что теряет квалификацию, то государство берет, его на свое иждивение. И каждый имеет разное. Сейчас это, может быть, мало и не всегда достаточно. Но мы хотим сделать жизнь такой, чтобы и старость была здоровая и веселая. И мы об этом думаем. И это разрабатываем. И мы хотим, чтоб стариков принимали с поправкой на их внутренние качества, а не с поправкой на богатство, которое может быть краденным.

В таком случае я предпочел бы стареть в Европе, – холодно сказал философ, видимо оценивая свои душевные качества. – Как вы, господа министры?

– Да уж ясно уж. Что об этом толковать. Желанийто еще ого-го..

– Вообще, – сказал философ, – я за социализм, но только не при мне. После меня хоть потоп. А я человек старой культуры, и позвольте мне уж, господа, прожить в моем старом культурном Риме.

– Пожалуйста, – говорю, – живите.

Тут мы все встали, и началось среди нас любезное прощание, протекавшее почти в дружеской атмосфере.

Философ, прощаясь, сказал:

– Потом вот еще что. Во всем мире любовь продается. А у вас нет. Это противно человеческой природе.

Министры неестественно засмеялись.

– Это меня тоже как-то расхолаживает к вашей идее, – сказал философ, – у вас надо на это тратить время и деньги. А у нас только деньги. Вы, господа, непременно провентилируйте этот вопрос. Человечество от этого может захворать. И это на браки крайне влияет. Прямо я на вас удивляюсь, какие вы недальновидные.

– Сэр, – сказал я, – у нас иной подход к любви. Мы не считаем унижительным тратить на это время. У нас теперь другой мир и другие чувства, сэр..

– Бросьте, мой друг. Вы неисправимый идеалист. Какой другой мир? Какие другие чувства? Люди есть люди. А впрочем, что нам толковать – и тут башмак стопнется по ноге. Пройдет немного лет, и вы в этом смысле вернетесь к нашим идеалам.

– Те люди, которые в этом смысле вернутся к вашим идеалам, – сказали мы смеясь, – те будут к вам ездить.

– Если с валютой, – сказал философ, – то отчего бы и нет. Очень рады. Только имейте в виду – этих людей будет слишком много. И я боюсь, что у вас никого не

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
останется. Но не будем наперед загадывать. Если, повторяю, они будут с валютой,
то это нас устраивает.

Министры многозначительно переглянулись.

И мы, попрощавшись, разошлись.

И я пошел прощаться с читателем.

ПРОЩАНИЕ С ЧИТАТЕЛЕМ

И вот осталось нам попрощаться с читателем, и на этом книга закрывается.

Дорогие наборщики, потрудитесь еще немного – поднаберите тут еще несколько
строк, чтоб мы могли любезно попрощаться с нашим дорогим читателем.

Итак, дорогие друзья, привет! Наилучшие пожелания! Кланяйтесь вашей мамаше.
Пишите.

А в ответ на ваше любезное письмо сообщаем, что живем мы ничего себе, много
работаем, здоровье стало лучше, и оно укрепляется. Тут было в прошлом году мы
прихворнули, но ничего, как говорится – бог миловал.

А что касается нашей дальнейшей литературной работы, то мы задумали написать еще
две забавные книжонки. Одна на этот раз – из области нашей личной жизни в свете
медицины и философии. Другая историческая – сатира на глупость, с эпиграфом из
Кромвеля. "Меня теперь тревожат не мошенники, а тревожат дураки".

Но, конечно, мы еще не знаем, когда возьмемся за эти наши новые сочинения.

На "Возвращенную молодость" у нас ушло три года. И эту сочиняли два года без
перерыва. Так что надо теперь отдохнуть и поразвлечься.

Вообще, если что-нибудь интересное мелькнет в нашей жизни, тогда мы сделаем
перерыв в работе, а если нет – тогда мы вскоре приступим к первому сочинению,
еще более забавному, чем это.

А эту Голубую книгу мы заканчиваем у себя на квартире, в Ленинграде, 3 июня 1935
года.

Сидим за письменным столом и пишем эти строчки. Окно открыто. Солнце. Внизу –
бульвар. Играет духовой оркестр. Напротив серый дом. И там, видим, на балкон
выходит женщина в лиловом платье. И она смеется, глядя на наше варварское
занятие, в сущности не свойственное мужчине и человеку.

И мы смущены. И бросаем это дело.

Привет, друзья.

1934–1985

ТЕАТР

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Горбушкин, заведующий кооперативом.

Жена Горбушкина.

Брат жены.

Бананов, перекупщик

Сосед.

Неизвестный.

Красноармеец.

Ломовик.

Квартира Горбушкина. Стол. Картины на стене. Висячая лампа под шелковым абажуром. Горбушкин с женой сидят за самоваром. Горбушкин просматривает газету.

Горбушкин (читая). Ого... Эва как... Фу ты, фу ты... Ишь ты, как...

Жена. Ну, чего еще?

Горбушкин (читает). Фу ты, фу ты... Ого, ого, ого... Ух ты, ух ты, ух ты.

Жена. Да говори ты толком – чего еще?

Горбушкин (читает). Ух ты... ух ты... М-да... Вот так да... Угу.

жена. Ну, мне буквально дурно делается от твоего мычанья... Ну?

Горбушкин. Вот и ну – высшая мера наказания за расхищение народного имущества.

Жена. А ты-то при чем? Ты-то чего крикаешь?

Горбушкин. А я разве сказал, что я при чем? Дура какая. Вообще говорю: за расхищение – высшая мера.

Жена. А чего ты расхищаешь-то? Подумаешь! Раз в год какое-нибудь гнилье принесет и после этого газеты читать не может – ему высшая мера снится.

Горбушкин. Я вообще говорю. Вот, мол, говорю, вышел революционный декрет.

Жена. Декрет! Другие заведующие несут, несут, несут – ставить некуда.

Горбушкин. А я не несу – я, по-вашему, розы нюхаю? Дура какая. А это что? А это чего? А на тебе чего? (Глядит в газету.) Ух ты, ух ты, ух ты...

Жена. Немного домой принес – в этом пороку нету. Другие на сторону продают и то без криков газеты читают...

Горбушкин. А сахар? Сахар-то я на сторону продал? (Опять смотрит в газету.) Ух ты, ух ты, ух ты.

В передней звонок. Разговор.

Жена. К нам кто-то пришедши.

Горбушкин. Кто ж это приперся с утра пораньше? Уж не братец ли ваш, подлец? (Прячет сыр.)

Жена. Братец попозже собирался.

Горбушкин. Ах, да, это Бананов. Он мне деньги принес... за сахар... Ух ты, ух ты, ух ты.

Жена (роняет вилку). Нет, не он. Вилка упавши. Должно быть, дама сейчас явится – я в эту приметку глубоко верю. Входит красноармеец. Жена Горбушкина ахает. Горбушкин, наливая чай, забывает закрыть кран самовара. Паника и замешательство.

Красноармеец. Извините, граждане. Не пужайтесь... Я от следователя послан... Гражданин Горбушкин... который тут? Горбушкин показывает рукой на жену. Жена показывает на мужа. Замешательство.

Жена. Вот они... Они – Горбушкин.

Красноармеец. Тогда будьте любезны, пойдете со мной. Только следователь велел спешно. Вот повестка.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Жена. Следователь?!

Горбушкин. Ух ты, ух ты, ух ты. (Дрожащими руками берет повестку, читает.) Бре... бре... кру... Не могу глядеть – буквы прыгают... Бре... бре... кру. П... п... п... по... делу... по делу...

Жена. По делу?!

Горбушкин. Вот я тебе говорил... я тебе говорил. А ты не верила... (Смотрит на газету.) Ух ты, ух ты... (Мечется по комнате.)

Красноармеец. Велели к десяти.

Горбушкин (торопливо одевается. Сует руку не в тот рукав). Ух ты, ух ты...

Жена. Возьмите хотя немного несъеденных продуктов. Кулек-то захватите.

Горбушкин (застегивает пальто – верхнюю пуговицу на нижнюю петлю). Я г... г... готов... Ведите меня, товарищ.

Идут к выходу.

Жена (одна). Что ж это, батюшки-светы!.. (Мечется по комнате, вытаскивает сверток из-за картины, опять прячет.) Куда ж это я теперича дену?

Телефонный звонок.

Где ж это опять звонят?.. Ах да... Але... я... але... Это, братец, вы стоите у телефона? Гришу-то, это самое, понимаете... Да нет, хуже... Ну да, да... Только сейчас. Не знаю. Ничего не знаю. Только скорей являйтесь. (Снова берет сверток из-за картины.) Ну куда ж это мне деть? (Убегает.)

Входит перекупщик Бананов с деньгами в руках.

Бананов. Эва, собака, как роскошно живет. А плачется, ворюга. Деньги ему – вынь и положь. Сам небось хапнул сахар, а мне за него плати. Обидно. (Кашляет.) И ждять заставляет по полчаса. (Присаживается на стул.) Продуктов-то, продуктов-то насыпано! Мать честная! Небось трескает без устали... А мне деньги носи. (Подходит к столу. Кушает, осторожно озираясь.) И таким иродам письма пишут. (Читает брошенную повестку.) "Срочно. Гражданину Горбушкину... Прошу вас явиться для дачи свидетельского показания по делу Щукина. Следователь Кемин". Скажите, пожалуйста, такого арапа еще в свидетели вызывают... А я ему зря ходи... Пущай тогда сам приходит. (Идет к выходу. Возвращается.) Продуктов-то! (Снова ест, снова идет к выходу и опять возвращается, намазывает хлеб маслом. Запихивает в рот.)

Входит жена Горбушкина со свертком в руках.

Жена (испуганно). Ах!.. Это кто? Кто это?!

Бананов (жуя бутерброд). Кхм... кхм...

Жена. Кто это? я кричать буду.

Бананов (прожевывая). Кхм... Изви-няюсь... Это самое... сейчас скажу... Комок в горле застрял...

Жена. Что вам надо?

Бананов. Извиняюсь. Комок в горле – нервная спазма схватила... Я к Григорию Иванычу – Бананов... На поскольку Григорий Иваныч...

Жена. Ах, вы знаете... Да, да... арестован Григорий Иваныч.

Бананов. А-арес-тован... Как арестован?.. Ну... Я уж пойду тогда... Я думал совсем напротив. Я думал по делу... свидетель... Ох ты черт...

Жена. И что теперича делать – ума не приложу...

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Бананов. Да, это у них бывает... Сначала, знаете, свидетель, а после и не свидетель... Это часто бывает... Ну, я пойду, пойду. Ох ты черт... (Поспешно уходит.)

Жена (ставит стул на стол. Прячет сверток на лампу), Сюда, что ли, деть...

Входит сосед.

Сосед. Кхм, кхм...

Жена. Ктой-то? Кто это?

Сосед. Да что вы, Анна Васильевна, пужаетесь. Соседа уж своего узнавать перестали?

Жена. Ах, это вы... извиняюсь.

Сосед. Куда ж это вы, я извиняюсь, на потолок полезли?

Жена. Да это я так... Поглядеть – чего там делается... Паутина...

Сосед. Да, от таких делов полезешь... Вижу – ведут вашего супруга. Дай, думаю, зайду – успокою даму. Обыска-то еще не было?

Жена (встревоженно). Обыска? Нет, не было.

Сосед. Ну, тогда будет.

Жена. Батюшки мои, неужели же будет?

Сосед. А как же, Щукина помните? Ну, который проворовался. Обыск и, говорят, полная конфискация имущества.

Жена. Полная кон-фискация?!

Сосед. Да вы оставьте беспокоиться. Я же специально пришел вас успокоить. Дама вы, так сказать, в цветущем возрасте... Можете еще нравиться. На вас, пожалуй, еще жениться могут. Мало ли чего бывает...

Входит брат жены.

Брат (торопливо). Ну чего? Ну? По какому делу? (К соседу.) А этот еще чего?

Жена. Это сосед наш.

Сосед. Решил маленько успокоить даму. Вижу – повели голубчика. Ну, думаю, дама теперь чересчур встревожена... Пойду, думаю, успокою.

Брат (к сестре). Дело-то какое, я говорю?

Жена. И сама, братец, не знаю.

Брат. Ну, бросьте свои дамские штучки. "Не знаю!" Ну, припомните, чего у него было.

Жена. И прямо, братец, сама теряюсь. Было. Конечно, было. Сахар и туалетное мыло... Наверное, конечно... мало ли...

Брат. Это плохо. Это тогда плохо. Тогда надо чегонибудь спешно сейчас придумать.

Сосед. Это, я так понимаю, полная конфискация имущества может сейчас произойти.

Брат. Чего? Конфискация? Ну да, я же и говорю. Тут надо на полных порах гнать. Сейчас же кругом все имущество продавайте. (Тянет коврик, на котором стоят сосед и сестра. Свертывает.)

Жена. Неужели же, братец, кругом все имущество продавать?

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Сосед. Тут, я так понимаю, вам надо подчистую все продавать. Рафинад, для примеру, я себе возьму.

Брат. Сахар в продажу не поступает. Я на себя сахар беру. (Подходит к телефону.) Але. Семьсот шестнадцать – тридцать два.

Сосед. Тогда, может, из текстильного товару?

Брат (сестре). Нуша, покажите им быстро пальто и костюмы. Им костюмы в аккурат будут. Только быстро у меня. Быстро!

Горбушкина показывает костюмы.

Сосед (рассматривает на свет). Костюмы – это, конечно, мало интересу. Хотелось бы чего-нибудь такое более вечное... Сколько за это сильно поношенное тряпье на круг хотите?

Брат (в телефон). Але. Федор Палыч? Да, это я... Чего? Именно так. Кругом все продается. Полная спешная распродажа. Ну да, разная обстановка. Да, и шкапы. И картины, и картины. Чего? Чьих кистей? Каких кистей? Кистей? Кистей, кажись, нет. (Смотрит на картину.) Нету, картина без кистей. Ну, обыкновенная рама, и кистей, знаете, нету. Чего? А, это. (К сестре.) Он говорит: какие-то кисти.

Жена (сердито). Какие кисти? Нет у меня кистей.

Брат. Але. Кистей у вдовы нету. Чего? Ах, это. А-а. (К сестре.) Он говорит: чьих кистей? Ну, какие мастера?

Жена. Да какие кисти? Без кистей!

Сосед. Нет, это так прежние буржуазные классы гуманно выражались: чьи кисти. Кто, одним словом, картины красил? Смех, ей-богу.

Жена. А пес их знает, кто их красил.

Брат. Фамильи. Он фамильи спрашивает. Только быстро отвечайте.

Жена. Ай, я не могу про это думать... Этот, как его, на "ой" фамилия. Или, погоди, на "ух"...

Сосед. Ахов? Чехов?

Брат (в телефон). На "ух" фамилия начинается.

Жена. Или, погоди, – на "ай".

Брат. На "ай" начинается. Айвазовский? Ну да, этот, Айвазовский. Одним словом, на одной картине чудная сухая березовая роща – метров сорок сухих березовых дров, а на другой, извиняюсь, простая вода. За рощу не меньше трехсот, а за воду – сговоримся. Значит, ждем вас, Федор Палыч.

Сосед. Ну, я забираю этот товар, Анна Васильевна. А насчет супруга вы оставьте беспокоиться. Я на это так завсегда гляжу. Меня, например, лично это никогда не пугает. Только бы, думаю, не вышую меру. Вышую меру я действительно с трудом переносу, а остальное какнибудь утрясется.

Брат. Деньги-то он, бродяга, уплатил? Чего он вам зубы заговаривает?

Сосед. Уплатил, уплатил. Не сомневайтесь. (Уходит.)

Брат. Давайте сюда деньги-то. Чего вам в руках держать-то.

Жена. Да ничего... Я бы поддержала.

Брат. Тут надо, для примеру, очень все спешно повернуть. Тут надо полная быстрота. Сейчас этот мебель возьмет. Этот – шкапы. Этот пушай костюмы. Я тоже чего-нибудь возьму. Уж не оставлю вас по мере возможности. Помогу, чем могу.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Жена. Да уж спасибо, братец. Только как же это так? Ну, это прямо имущество на глазах уплывает.

Брат. А вы, сестра, не можете много понимать. Человек засыпавшись по такому важному делу. Неисчислимы убытки, может быть, государству нанесены. Тут нам с вами одной минуты зевать нельзя. Тут надо совершенно ударно повернуть. А которые придут – у вас и нет ничего. Жена в полной нищете на койке сидит... Да вы одеты-то как! Одеты-то вы как? Накрутили на себя, ну, ровно верблюдов. А ну, оденьте темненькое платье победней. Остальное все продавайте... Куда вы сверток-то тычете, давайте его сюда.

Жена уходит. Входит, потирая руки. Незвестный (перекупщик мебели).

Брат. Федор Палыч! Очень приятно и все такое. Пожалуйста, глядите мебель. Только просьба поскорее.

Неизвестный. Так. Это можно купить... Так. Картины. (Рассматривает через кулак.) Можно... Сколько за этот хлам хотите?

Брат. Там еще чудная дамская спальня.

Неизвестный (смотрит, открыв дверь). Можно. Это тоже можно. Сколько на круг за весь этот лом? Три возьмите.

Жена (входит в тряпье). Ох-ох, три. Он дешево покупает, только домой не носит. Три!

Неизвестный. Ну, тогда четыре дам, и разговор кончен. (Снимает картины. Ставит стулья на стол.)

Брат. Соглашайтесь, сестра, соглашайтесь. Нам тут каждая минута дорога. Пишите ему расписку.

Жена. Батюшки мои! Да что ж это получается?! Да как же это так?! (Пишет расписку, берет деньги.)

Неизвестный. Тогда я лошадь сейчас пришлю. (Уходит.)

Брат. Только лошадь-то поскорей засылайте...

Брат. Тут, сестра, главное – быстрота. Вы мой характер знаете – я в панику не вхожу. Но дело делать – я понимаю. Тут надо повернуть в ударных темпах.

Жена. Да, я понимаю, конечно. Я вхожу в ваше положение. Но только мне имущества жалко. Это что же, мне теперича в своей квартире и сесть не на что будет?

Брат. Ах, да. А квартера? Квартеру-то ведь вы купили за десять тысяч. Тут надо сейчас и квартеру повернуть. (Звонит по телефону.) Але, три ноля пятнадцать. Але. Я, я. Квартера – две комнаты. У застройщика. (К сестре.) Да не хватйтесь вы за меня руками. (В телефон.) Нет, мебель, к сожалению, уже продана. И костюмы проданы. Нет, это все продано. Вдова все продала. Тогда заходите насчет квартирки.

Входит сосед в новом широченном костюме.

Сосед. Пугаюсь я, что костюмчик на мне несколько широковато сидит. А?

Брат. Обыкновенно сидит.

Жена. Очень миленько на них сидит.

Сосед. Нет, чувствую, что широко.

Брат. Откуда же широко? (Руками сзади зажимает костюм.) Оно даже как бы скорей узко на вас.

Сосед (чуть не плача). Где же, помилуйте, узко.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Брат. Известно, узко. Даже грудью дышать не можете.

Жена. Очень на них миленько сидит.

Сосед. Нет, знаете, чего-то не то. И плечо режет. Нет, узко мне. Чувствую, что узко.

Брат. Ну, знаете, вы фигуриете. Вы же только что говорили – широко.

Сосед. Разве я говорил – широко? Нет, я говорил – узко. Именно говорил – узко. Дышать трудно.

Брат. Ну, знаете, вас не поймешь. (Отпускает пиджак.) Где же узко, когда материя ложится свободными складками. Скорей уж широко.

Сосед. Или широко. Пес его знает. Ей-богу, широко.

Брат. И, прямо, никакой широты не наблюдается. Эвон как фигурку облепляет. Вы, прямо, не знаете, чего хотите.

Жена. Они сами не понимают, чего они хотят.

Сосед (чуть не плачет). Тогда я колпак еще возьму. Как бы в премию. Меня такие колпаки немножко интересуют.

Брат. Берите колпак. Только быстро, быстро. На носках, прямо, ходите.

Сосед влезает на стол и отвязывает колпак.

Жена. Да что ж это на моих глазах делается? Куда ж ты, сатана, на стол-то вперся?!

Сосед. Извиняюсь. (Уходит с колпаком, на ходу захватывая с собой пару стульев.)

Брат. Стулья-то на место положьте. Мебель вся продана.

Сосед. Извиняюсь.

Брат. Этажерка тоже продана. Не хватайтесь за предметы руками. Кругом все продано. Квартерка только осталась.

Сосед. Квартерку я бы принял, ежели бы в рассрочку. Вашей квартеркой я завсегда не перестаю любоваться.

Жена. Братцы-батюшки! Что ж это такое?! А я-то, для примера, где же буду находиться?

Брат. Ах, черт! Это верно. Где ж вдова-то находиться будет?

Сосед. Да в крайности ей угол уступить можно.

Брат. Пишите расписку. Или дайте я напишу. Вы только подпишитесь. Не цепляйтесь за меня руками.

Сосед уходит с колпаком и распиской.

Брат. Ну, теперича, кажись, все. Сейчас, этот мебель увезет, и можете дышать спокойно.

Жена. Это, ну, прямо – что ж такое произошло?.. А ежели вызовут меня? Чего я скажу?

Брат. А если вызовут вас, вы им скажите – нет ничего, вот я вся тут.

Жена. Или, может быть, им сказать: на иждивении у брата нахожуся.

Брат. Еще чего! У брата! И, прямо, меня не упоминайте. Прямо, меня забудьте. Прямо, нет меня. Ай, ейбогу... Ах ты черт! Какое, скажут, родство, да

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
пятое-десятое. Может быть, вам, сестра, замуж выйти? Слушайте, не можете ли вы быстро жениться, замуж выйти, а? Только быстро.

Жена. Как это?

Брат. Тогда бы у нас очень великолепно получилось. Вещей нет, сама, дескать, на иждивении у мужа, пятодесятое... Нет ли у вас какого-нибудь дурака на примете?

Жена. И прямо, братец, что вы говорите!

Брат. Только быстро, быстро. Ну, кто у вас есть?

Жена. Ну как же это так?

Брат. Ну, вот этот, что приходил – сосед. Он, как вы думаете, не, женится? А ну, позовите его быстро. Быстро, быстро.

Жена. Да что ж это, ей-богу? Да как же так? Да вот он, никак, и сам идет.

Сосед. Ей-богу, не возьму костюмы. Кругом все смеются.

Брат. А, да перестаньте вы канючить. Вы мне лучше скажите – чего вы к моей сестре так часто в гости заскакиваете? Только, может, ее коньпроменьтируете.

Сосед. То есть как же, помилуйте, часто. За месяц только раз и зашел – успокоить даму!

Брат. "Успокоить даму"! Мы знаем это спокойствие.

Еще врет. Он раз зашел. Да он, нахал, на моих глазах третий раз входит. Коньпроменьтирует. А если она вам нравится, то вы так и скажите.

Сосед. То есть кто это правится, помилуйте...

Брат. Да сестра-то, я говорю, нравится вам – вот возьмите и женитесь на ней.

Сосед. Да я, разве я... разве я сказал, что она нравится?

Брат. Да давеча-то говорили...

Сосед. Я? Ну, знаете... Я... я про костюмы говорил.

И совсем даже в обратном смысле. Костюмы, говорил, мне нравятся.

Брат. Нет, вы мне баки не заколачивайте. А возьмите и женитесь на ней, если нравится. Только быстро, быстро.

В ударных темпах.

Сосед (чуть не плачет). Ну как же это так, помилуйте!

За что же я буду жениться? Я, прямо, вас не понимаю.

Брат. А и понимать нечего – взял и женился.

Жена. Конечно, если они не хотят, то об чем же говорить.

Брат. Как не хотят! Хотят, да стесняются.

Сосед. Ей-богу же, не хочу... Я прямо не понимаю вас... Как же так, помилуйте! Я же ничего не говорил еще... Чего ж вы меня суете куда попало.

Брат. Ах, ему говорить надо... Вот вы и говорите – мол, хочу жениться. Я вам говорить не мешаю.

Сосед. Нет, я, прямо, чего-то не понимаю. Я не хочу... Я не хочу жениться. Чего ж это я сдуру возьму и вдруг – женюсь? Чего вы, ей-богу, ко мне пристали.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Жена. Об чем тогда говорить.

Брат. Такая интересная женщина. Я, прямо, не понимаю его. А если нету у человека вкуса, то так и скажите и не вводите людей в заблуждение.

Сосед. Я... я не ввожу в заблуждение. Я вкус имею...

Только я говорю...

Брат. Вы имеете вкус? Не смешите меня. Такая славная, интересная женщина. А корпус, корпус у ней какой!

Нет, я вижу, вы ничего в женщинах не понимаете.

Сосед. Нет, я понимаю... Я признаю, что это такая, что ли, интересная... Но только я... Я прямо не знаю, как же так...

Брат. Хорошая, стройная походка. Другая идет, как верблюд, а эта ровно кладет ноги. Ать, два, ать, два.

Сосед. Я это понимаю, признаю. Конечно, она мне нравится – у меня вкус есть... Но только как же это так, помилуйте!..

Брат. Сестра, подойдите к ним. Возьмите их за руку.

Сосед. Ну как же так, помилуйте! Я прямо теряюсь...

Брат. Тем более вы развестись всегда можете, и об чем толковать – я не понимаю.

Сосед. Ну, да разве что если развестись, тогда я, пожалуй, женюсь.

Брат. Конечно, женитесь. Только быстро, быстро.

Нюша, побегите сию минуту в загс – разведитесь... да заодно там кому-нибудь кухонную посуду загоните. Поцелуйтесь с ним.

Жена. Ну как же это так. (Целуются. Уходит.)

Брат. Ну вот, а хныкали. Какую жену оторвал!

Сосед. Да нет, я только говорил...

Брат. И говорить нечего... Взял и женился.

Сосед. Позвольте, позвольте... Ну, хорошо, я женился, а зачем же я тогда костюмы у ей купил, а?

Брат. Вот и будете в них щеголять медовый месяц...

Сосед. Но я же за них деньги заплатил, а поскольку я женюсь, так это же мне вроде как все равно даром бы перешло. Это что, я, значит, у самого себя купил, а? Нет, знаете, я так не согласен...

Брат. Так вы сначала купили, а потом женились. Чего вы тень на плетень наводите? Только вводите в заблуждение.

Сосед. Как же так, помилуйте! Нет, я так не согласен. Раз я женюсь, значит костюмы и так мои. Тогда отдайте мне деньги. Или я жениться не буду.

Брат. Натё, выкусите – отдайте ему деньги. Сестра, может быть, уже развелась, может быть, она женщина, может быть, у нее большое самолюбие. А он – жениться не будет.

Сосед. Как же так... И за квартиру я задаток дал. Как же так. Нет, ей-богу, я так не могу... Я... Я...

Брат. Об чем вы загораетесь? Ну, хорошо, я вам отдам половину.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Входит ломовик.

Ломовик. Эту, что ли, мебель везти?

Брат. Эту, эту.

Сосед. Да, а мебель? А зачем вы тогда мебель продаете? Зачем же вы мою мебель продали? Не трогайте мою мебель. Ей-богу, я не буду жениться. Смотрите, чего он делает – он роняет мою мебель.

Брат. А чего ж вы тянули канитель? Только своим поведением срамили женщину. Вот женились бы раньше, и мебель бы вам осталась.

Сосед. Как же, помилуйте, раньше – вы же мне только сию минуту сказали, чтоб я женился.

Брат. А сами вы не могли додуматься? Вот и отвечайте теперь за все.

Сосед. Ну как же так, ей-богу.

Брат. А идите вы к лешему! Вот смотрите, никак невеста идет.

Входит жена.

Сосед. Анна Васильевна, что ж это такое? Я чего-то не пойму. Пущай они не трогают мою мебель.

Брат. Мебель продана – об чем толковать. (Сестре.)

Ну что, развелась? Только быстро отвечайте.

Жена. Развелась. А кухонную посуду соседям продала.

Сосед (визгливо). Как кухонную посуду?! Зачем же вы мою кухонную посуду продаете? А мы из чего кушать будем?

Брат (сестре). Какой паскудный у вас жених попался. Мы так славно расторговались, а он все недоволен – кричит, как сова. А мне как раз нездоровится сегодня – у меня голова болит.

Жена. Чего ж нам с ним довольным-то быть?

Сосед. Вот именно. Тогда пущай нам наши деньги отдает.

Брат. Ладно, заткнися. Сказал – дам половину. (Ломовику.) И вот это. Это тоже выносите.

Сосед. Прямо у меня голова, как в тумане. Чего-то я ничего не понимаю.

Брат. Хоть к невесте-то подойдите" Стоит, как, болван.

Жена. Чего вы на них кричите – видите, совсем запутали человека. (Подходит к нему. Нежно разговаривают. Целуются.)

Брат. А ну, сестра, пригласите там каких-нибудь гостей, – охота маленько станцевать.

Сестра уходит.

Сосед. Ей-богу, я танцевать не буду. У меня сегодня настроение какое-то неподходящее – чего вы мне танцы навязываете.

Брат. А зачем женился? Не надо было жениться.

Входит Горбушкин.

Горбушкин (поет). Колокольчики-бубенчики звенят, звенят. Про ошибки моей юности твердят...

Жена. Гриша!

Горбушкин (не замечая разгрома в комнате). Очень вежливо поступили. Очень. – Извиняемся, говорят, что повестку не по почте прислали, очень, говорят, вы срочно нам понадобились свидетелем. – Ага, говорю, конечно, я с этим и шел – свидетелем. Я говорю: колокольчикибубенчики... По какому делу, говорю, я свидетелем? Они говорят, и так вежливо, красиво: Расскажите, говорят, нам, чего знаете про Щукина. Он, говорят, в короткое время проворовался. – Пожалуйста, говорю. Беру стул, присаживаюсь этак вот к сто... (Испуганно смотрит на полупустую, развороченную комнату.) Это чего? Это, я говорю, чего?

Брат жены на цыпочках осторожно смывается.

Жена. Это... это мы думали... Это мы, Григорий Иванович...

Сосед. Прямо голова как в тумане.

Горбушкин (орет). Это чего?! Это чего в моей камере происходит!

Входит ломовик.

Ломовик. Все, что ли? Трое стоят, раскрывши рты.

ПАРУСИНОВЫЙ ПОРТФЕЛЬ
Комедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Баркасов

Зоя, его жена.

Боря, их сын.

Ядов, сосед.

Бабушка.

Тятин, сослуживец.

Софочка, сотрудница.

Настя, машинистка.

Слоняев, сотрудник.

Духоявленский, делопроизводитель.

Крутецкий, муж Софочки.

Абрамоткин, жених Насти.

Домработница.

Контролер.

Доктор

Посетитель.

Действие происходит весной 1936 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ ДОМА

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Комната нового дома. Широкие окна. Современная мебель Радиола. Звучит негромкая музыка. Алексей Гаврилович Баркасов проходит через комнату с полотенцем в руках. Баркасову лет 37. Лицо у него простое, приятное, несколько утомленное.

Жена Баркасова Зоя Павловна стоит у окна Она красива, изящна. Несмотря на раннее утро, она тщательно одета и причесана Молча, с некоторой грустью она смотрит на мужа. Тот, не оборачиваясь в ее сторону, уходит.

В комнату торопливо входит мать Зои – бабушка Алиса. Юрьевна Она несет утренний завтрак Во всем облике бабушки – гордость, величие и остатки былой дворянской красоты. На самокате въезжает 12-летний сынок Боря Он звонит в звонок, наезжая то на бабушку, то на мать.

Снова появляется Баркасов В момент его появления раздается телефонный звонок. Бабушка поспешно закрывает радиолу.

Музыкальная увертюра прерывается.

Баркасов (по телефону). Да, это я – директор Баркасов... Что? Хорошо, я сейчас приеду... (Вешает трубку.)

Зоя. Алеша, пока ты не поешь – я просто не пушу тебя. Ты выглядишь плохо. Ешь стоя, на ходу... Сядь, пожалуйста!

Баркасов (присаживаясь). Ну некогда мне, Зоюшка... (Достает из кармана рукопись, углубляется в чтение.)

Бабушка (в пространство). Кто ест и читает, тот память зачитает...

Телефонный звонок.

Баркасов (торопливо подойдя к телефону). Да, я... Что? Ах, это вы опять! Послушайте, я же вам сказал, что наше учреждение не возьмет этих кроликов... Кто их запланировал?.. Нет, нет, можете не приезжать... (Раздраженно вешает трубку.)

Зоя. Алеша, эти утренние часы ты бы мог оставить для себя, для семьи...

Баркасов. Ах, Зоя, я просил тебя не касаться служебных вопросов! (Снова читает рукопись и делает пометки.) Сын Боря, кружась на самокате, звонит. Баркасов поспешно подходит к телефону. Снимает трубку.

Бабушка. Это не телефон звонил.

Баркасов (в трубку). Але!

Зоя. Алеша, это Боря звонил.

Баркасов. Уберите ребенка!

Боря. Ладно, папка, не буду больше звонить...

Телефонный звонок. Это не я... Телефон!

Баркасов (по телефону). Что? Боря Баркасов? Да, это мой сын... Что? Сейчас узнаю... (Закрыв трубку рукой.) Зоюшка, Боря в каком классе? В третьем?

Зоя (пожав плечами). В третьем.

Боря. Я в третьем "А"... А что они там еще?

Баркасов (в трубку). Он в третьем "А"... Да, значит, это он... На уроках?.. Но почему об этом вы мне говорите? Передаю трубку моей жене... (Передавая трубку.) Зоюшка, она говорит, что Борька на уроках... кукарекает...

Зоя (по телефону). Да, я... К директору школы?.. Хорошо, я зайду сегодня.

Баркасов (сыну). Ты что же это, маленький шалопай, на уроках кукарекаешь? (Смеется.)

Боря. Это я только на географии.

Зоя. Ничего нет смешного. Мальчика могут из школы выгнать. (Сыну.) Собирай книги. Уже половина девятого.

Бабушка. Собирайся, Борюшка.

Баркасов (по телефону). Товарищ Гребешков? Это Баркасов беспокоит вас. Статью написал. Через час подошлю вам... Есть, договорились... (Повесив трубку, снова углубляется в рукопись.)

Зоя. Алеша...

Баркасов. Что тебе, Зоюшка?

Зоя. Я хотела с тобой поговорить. Но если ты занят...

Баркасов. Ну, говори. Я статью проверю в машине.

Зоя. Алеша... Ведь ты совсем забыл о нас... обо мне...

Баркасов. Но ты сама понимаешь, что я сейчас...

Зоя. Нет, твоей работе я не хотела бы мешать. Я понимаю – сейчас это самое главное. Но ведь за эти дни ты двух слов со мной не сказал. Разве это правильно?

Баркасов. Ах, Зоюшка, у меня такая уйма дел!

Зоя. Ты приходишь домой поздно. Утром чуть свет уходишь. И даже эти короткие минуты, что ты с нами, у тебя постоянно заняты служебными делами, телефонными разговорами...

Баркасов. Мне не хватает времени для всего, и поэтому я...

Зоя. Не хватает времени для меня, для нас?

Баркасов. Но что я могу поделаться?! Ведь работа не ждет. И поэтому мне приходится даже дома... (Услышав за окном гудок машины, торопливо надевает пальто.)

Боря. Это шофер Василий Иванович за папкой приехал.

Зоя. Алеша, ты даже не договорил...

Бабушка (шумно вздыхая). М-да... Дела-дела...

Баркасов (жене). Что не договорил? О чем я? Ах, да... Мне, Зоюшка, не хватает времени, и поэтому приходится брать работу домой... Кстати, где моя статья?

Зоя. Ты в карман ее сунул.

Баркасов. Ах, да... вот она...

Зоя. Ты когда вернешься?

Баркасов. Не знаю. Позвоню.

Зоя. Застегнись. Простудишься. За окном снова продолжительный гудок.

Баркасов (бормочет). Иду, иду, Василий Иванович... (Уходит.)

Бабушка. Ну, знаешь ли, это какой-то бесчувственный человек.

Зоя. Мама, не надо...

Бабушка. Он видит, что жена нервически настроена, так нет – пять минут не мог ей уделить! Служба для него важней.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Зоя. Мама, ну прошу тебя, не надо... Боре в школу пора. Собери его... Боря. Рано же ж...

Бабушка. Не знаю... до революции... мой первый муж... Не твой отец, а мой первый муж... Он, наоборот, всегда манкировал службой ради семьи. Бывало, сидит, сидит, смотрит на меня. Уже двенадцать часов пополудни, а он никуда не торопится. Или мы с ним в рамс играем, или просто беседуем. В другой раз я ему говорю: "Мой друг, ну пошел бы ты, право, в учреждение..."

Зоя. Ах, мама, ну к чему ты об этом говоришь!

Бабушка. А он тогда служил в Главной канцелярии по принятию прошений на высочайшее имя... Так нет, не идет. Что, говорит, я там не видел? Мне, говорит, дороже для души с тобой в рамс играть, чем лоснить свои брюки в какой-то там канцелярии... Да и другой муж – твой отец, – он тоже... Правда, они оба любили меня.

Зоя. Ты хочешь сказать, что Алеша не любит меня?

Бабушка. В мое время, дитя мое, такое отношение не считалось любовью. Любящий муж стремился быть у семейного очага.

Зоя. Мама, ты не понимаешь Алешу. Он – это другой мир, другая эпоха.

Бабушка. Чем другой мир? Тем, что он в деревне родился?

Зоя. Ах, при чем тут деревня? Алеша закончил два вуза. И он теперь...

Бабушка. Вот об этом я и говорю, дитя мое! Он теперь человек образованный. Его чувства по своей тонкости уже, вероятно, сравнялись с нашими чувствами, с моими, наконец. И поэтому мне странно видеть, что он предпочитает свою дурацкую канцелярию, а не беседу с тобой.

Зоя. Его чувства, быть может, выше, чем наши чувства. Но у него другое понятие о работе, о служебном долге.

Бабушка. А ты уверена, дочь моя, что все эти служебные часы он проводит на работе?

Зоя (испуганно). Что ты хочешь этим сказать?

Бабушка. Нет, я не утверждаю. Но в мое время... если человек... где-то там... отсутствует... вечерами... значит, у него непременно... какая-нибудь особа...

Зоя. Мама, я запрещаю тебе так говорить об Алеше!

Бабушка. Хорошо, молчу. Но согласись сама – странное поведение у человека. Он не стремится к общению с тобой. Стало быть, у него есть иные интересы. Я помню, мой первый муж...

Зоя. Боря, собирайся в школу! И скажи учительнице, что я сегодня зайду к директору.

Бабушка. Борюшка, пойдем. Боря. Рано же ж...

Бабушка и Боря выходят из комнаты. Зоя Павловна смотрит в окно. Потом, подойдя к стене, стучит несколько раз рукой.

Зоя. Ядов! Виктор Эдуардович! (Перед зеркалом поспешно поправляет прическу).

Появляется сосед Виктор Эдуардович Ядов. Он драматург. Ему лет 45. Он взлохмачен, небрит. Одет небрежно, даже неряшливо. Но лицо у него вдохновенное, умное. Говорит он патетически, почти восклицает. Но в этом ирония, насмешка и даже отчасти шутовство.

Ядов (театральным тоном). Какой счастливый случай, графиня, заставил вас изменить своему слову? Ведь вы не хотели меня лицезреть!

Зоя. Забудем нашу ссору.

Ядов. Охотно! Но что случилось, ваше королевское величество?

Зоя. Ну, не шутите, Виктор Эдуардович. Я хотела с вами поговорить. Вы умный. Вы мне посоветуете.

Ядов. Мое ничтожное существование в ваших руках.

Зоя. Прошу вас – говорите проще.

Ядов. Извините, Зоя Павловна, я немножко брежу. Пишу историческую драму. В голове – туман истории, королевские дворцы, величественные речи...

Зоя. Я оторвала вас от работы? Простите.

Ядов. Ничего. Иной раз полезно спуститься на землю с облаков. На земле – вы и моя испепеленная любовь к вам. Ради вас я готов положить голову на плаху.

Зоя. Право, бросьте этот шутовской тон.

Ядов. Это вовсе не шутовской тон, Зоя Павловна! Это всего лишь тон, несколько приподнятый над ординарной и тусклой землей и над ее унылыми шаблонами... Однако простите. Я слушаю вас. Речь несомненно снова пойдет о вашем супруге?

Зоя. Да. Мой муж...

Ядов. Ваш муж – Алексей Гаврилович Баркасов, имеющий незаслуженное счастье находиться под одной кровлей с вами, – невнимателен к вам, небрежен, равнодушен...

Зоя. Это не совсем так. Я уверена, что он любит меня, но... Нет, вам не понять его. У вас шутовские слова: "сударыня... плаха... жертвую жизнь..." А тут подлинный факт – человек и в самом деле может отдать свою жизнь ради работы.

Ядов. Допустим, сударыня.

Зоя. Но только Алеша, по-моему, делает при этом ужасную ошибку. Его работа, мне кажется, не пострадает, если он поговорит со мной или займется с сыном – решит ему задачку, расскажет сказку. Ведь это был бы его отдых!

Ядов. Несомненно, мадам! Наполеон сказал: "Отдых – это не бездеятельность, отдых – перемена впечатлений".

Зоя. Его работа пойдет еще лучше, если он иногда отдохнет от нее в обыденной семейной жизни.

Ядов. Нет сомнения, сударыня! Кто не умеет разумно отдыхать, тот не умеет работать.

Зоя. Алеша решительно не умеет отдыхать. Он все время только в работе. Он целиком уходит в свои дела. И, кроме них, ничего не видит и ничего не замечает. Разве это правильно?

Ядов. О, это чрезвычайно неправильно, сударыня! Скажу более: это ведет к водевильным результатам.

Зоя. Сегодня уже произошло нечто комическое – он, оказывается, не знал, в каком классе учится его сын. Ну что это такое?

Ядов. Это? Мои современники, сударыня, на своем грубом диалекте довольно четко сформулировали это сумеречное состояние души: отрыв от жизни.

Зоя. Правильно! Алеша оторвался от жизни. Он витает в облаках. Вот поэтому я и хотела посоветоваться с вами... Но только прошу вас – говорите со мной проще, без этих ваших постоянных афоризмов, от которых у меня что-то путается в голове.

Ядов. Извольте, сударыня. Говорите. Вы получите мой ответ – простейший, как мычание.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Зоя. Я хотела вас спросить – как исправить эту ошибку Алексея? Что я должна сделать для того, чтобы он стал таким, как прежде?

Ядов. Зоя Павловна, сначала надо выяснить причину возникновения этой ошибки. При этом не следует закрывать глаза. Быть может, равнодушие к вам сыграло роковую роль в его метаморфозе.

Зоя. А в самом деле, может быть, он просто разлюбил меня?

Ядов. Сударыня, это только мое минутное предположение, – быть может, весьма неосторожное.

Зоя (как бы про себя). Да, да, возможно, что он разлюбил меня. И теперь ему скучно, неинтересно быть дома. Может быть, он хочет забыться в работе. Ведь прежде было иначе...

Ядов. Спокойней, сударыня...

Зоя. Неужели это так? Неужели он... (Посмотрев в зеркало.) Виктор Эдуардович, скажите – я хорошенькая? Я еще могу нравиться мужчинам?

Ядов (патетически). Вы?! Боже мой! Вы – ослепительны! Вы – маленькая языческая богиня, на которую простые смертные не могут смотреть без изумления... О, если б вы знали, сударыня, как безнадежно и пламенно я вас обожаю!

Зоя. Что за тон?

Ядов. На этот раз мой трагический тон совпадает с моими чувствами. Я несчастен из-за вас... Входит бабушка Алиса Юрьевна.

Бабушка. Это кто несчастен? Вы, Виктор Эдуардович?

Ядов. Я несчастен, Алиса Юрьевна.

Бабушка. Ну, разве?.. Помню, я была совсем молоденькая. И вот один юнкер Николаевского кавалерийского училища... наш хороший знакомый... "Поцелуйте, говорит, меня – я несчастен из-за вас!"... А это в театре... и мы были с мужем... Я говорю: "Нет, я этого не сделаю". Он говорит: "В таком случае поцелуйте меня как покойника"...

Ядов. Надеюсь, вы исполнили эту робкую просьбу?

Бабушка. Ну, был грандиозный скандал. Все сосчитали, что его поцелуй был слишком длительным. Мой муж хотел послать ему вызов. Но я сказала мужу: "Мой друг, что было, того уж не вернешь. Зачем же теперь посылать ему вызов? Ведь он военный. Он привык стрелять. Он непременно застрелит тебя, мой друг. Ну, хорошо ли это будет для меня и для тебя?"

Зоя. Боря не опоздал?

Бабушка. Минут на пять опоздал, не более... (Уходит.)

Зоя. Но почему вы несчастны, Виктор Эдуардович? Из-за меня? Это неправда. Вы же любите там кого-то.

Ядов. Я люблю? Нет! Это меня любит одна женщина. Но я люблю вас, а не ее. И разница между реальностью и моей фантазией создает искусство. Вот отчего я драматург.

Зоя. Но вы же и раньше были драматургом, до меня.

Ядов. Рок преследовал на всем пути моей жизни. И до вас я любил, а меня – нет. О, это была волшебная женщина... Отчего вы нахмурились? Вы ревнуете? Это меня радует.

Зоя. Ничуть не ревную. А потом это было в прошлом, до вашего чувства ко мне.

Ядов. Да, это было в далеком прошлом. Она, так же, как и вы, грубо отказалась от

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
меня. Но я сам был виноват в той неудаче. Я тогда расставил сети слишком высоко – она летела ниже. Ее избранником оказался пронырливый кустарь, изготавливающий модные воротнички для молодых франтов... Теперь я буду умней!

Зоя. Что вы хотите этим сказать?

Ядов. Я хочу этим сказать, что теперь мои сети расставлены должным образом. Бойтесь меня.

Зоя. Я говорю с вами о серьезных делах, о моей жизни. А вы... Хорошо, уходите. Мне не нужна ваша помощь.

Ядов. Я шутил. Болтал всякий вздор. Простите... Дайте мне вашу маленькую руку. Закройте мои глаза, чтобы я не смотрел на вас. Иначе я слепну и глупею... Вот теперь говорите.

Зоя. Мне больше не о чем говорить. Я спросила вас – как исправить ошибку Алексея? Но если вы думаете, что он разлюбил меня, то...

Ядов. Даже если это так – я верну вам прежнюю любовь вашего мужа!

Зоя. Как?

Ядов. В арсеналах жизни есть одно средство – древнее, как мир: ревность... Вы должны вызвать его ревность.

Зоя. Ерунда. Вы не знаете его. Он тогда совсем уйдет от меня.

Ядов. Сомневаюсь... В один прекрасный день он войдет в эту комнату и увидит вас в объятиях другого. Он пойдет на все, чтобы вернуть вас. Не спорьте, я знаю все извилины мужского ума – ума собственника.

Зоя. Значит, по-вашему, я должна...

Ядов. Вы должны встречаться с каким-нибудь человеком, допустим со мной. И мы с вами разыграем этот маленький фарс, цель которого – вызвать его ревность.

Зоя. Нет, я не хочу участвовать в этом фарсе.

Ядов. Жаль. Я уверен, что мы вернули бы ту любовь, которая затерялась, быть может, всего лишь в дебрях канцелярии.

Зоя. А если эта любовь не затерялась в канцелярии? Если Алеша полюбил другую?

Ядов. Другую? У вас есть какие-нибудь факты?

Зоя. Нет, но он...

Ядов. Вам кажется, что он утешается на стороне?

Зоя (в смятении). Я вам этого не сказала... Боже мой! А что, если это и в самом деле так? Ведь могла же мама подумать, что он... у него...

Ядов. О, так подумала ваша мама – столь искушенная в житейских делах?

Зоя. Нет, ей просто показалось, что Алеша...

Ядов. Минуточку! Допустим, что ваш Алексей Гаврилович прикрывает службой свои какие-нибудь личные дела. Спокойно! Это только предположение... Как же нам тогда поступить? Совершенно одинаково, как и в первом случае. Ревность! И тогда он снова вернется к вам.

Зоя. То есть, по-вашему, я должна...

Ядов. Не вы должны, а я должен. Или вернее: он должен увидеть вас в моих объятиях.

Зоя. Почему же в ваших?

Ядов. А кого же вы найдете на такую фальшивую игру? Ведь это будет только игра. Инсценировка... Ну? Вы согласны?

Зоя. Нет. Уйдите...

Ядов. Жаль. Было бы забавно разыграть этот фарс... Все-таки не отказывайтесь категорически. Не так уж трудно вам будет привыкнуть к этой игре. Ведь это же не всерьез. (Обнимает ее.)

Зоя. Нет, нет. Прошу вас... Входит бабушка Алиса Юрьевна. Увидев свою дочь в объятиях Ядова, старуха хочет ретироваться.

Бабушка (улыбаясь). Пардон...

Зоя. Мама, войди. Это была шутка...

Бабушка. Шутка?

Зоя. Нет, верно, это была только шутка.

Ядов (бабушке). Прошу, извините меня, сударыня, за эту шутку.

Бабушка. Однажды, когда моя мать – стало быть, твоя бабушка – вошла в комнату и увидела точно такую же картину, я, Зоюшка, не пыталась рассказывать ей сказки.

Зоя. Но право же, мама!

Ядов. Зоя Павловна, имею честь откланяться. Я полностью к вашим услугам... (Бабушке.) Мейн гроссмуттер... (Театрально поклонившись, уходит.)

Бабушка (вслед). Заходите почаще, Виктор Эдуардович.

Зоя. Мама, а что если ты права?

Бабушка. Я всегда права, дитя мое. И поэтому не советую тебе прикрываться сказками.

Зоя. Нет, я о другом! Я говорю: что, если Алеша и в самом деле разлюбил меня. А теперь не верен мне?

Бабушка. И поэтому ты хочешь немного развлечься? Ну что ж – правильно. Значительно легче перенести горечь утраты. Тем более что Виктор Эдуардович вполне, по-моему, соответствует выбору...

Зоя. Ах, он – совсем иное дело! Ты не поймешь.

Бабушка. Я не пойму? Я, которая... Ну, бог с тобой... А что касается твоего мужа, то я не хотела тебя заранее огорчать, но я давно была в этом уверена.

Зоя. В чем уверена? В том, что Алеша проводит время где-то там... на стороне?

Бабушка. Ну конечно же, дочь моя.

Зоя. Нет, этого не может быть! Алеша чистый и светлый человек. Он не способен на такой низкий обман. Не способен так подло врать да еще прикрываться работой. Алексей – коммунист в высоком значении этого слова...

Бабушка. Ах, доченька, в этом отношении все они одинаковы – и коммунисты, и эти, как их... ну... беспартийные. Все они одним миром мазаны.

Зоя. Мама, ты помнишь только прошлый мир, прежних людей. И ты не понимаешь Алешу. Не понимаешь, что значит для него труд, стремление принести пользу своей стране... Нет, я с ума сошла – подумать, что Алексей обманывает меня... (Уходит.)

Бабушка (вслед). Ты плохо знаешь мужчин, дочь моя... (Задумчиво.) Я никогда не проливала напрасных слез. Так пусть же и она... Но тут я, кажется, должна помочь моей глупой дочке.

КАРТИНА ВТОРАЯ НА РАБОТЕ

Учреждение. Стеклянная перегородка разделяет сцену. Направо – кабинет директора
Налево – канцелярия.

В кабинете идет совещание Клубы табачного дыма, как дым пожара, окутывают
сидящих за столом.

Рядом с директором Баркасовым – его заместитель Иван Силыч Тятин. Он в меру
толстоват. Его цветущее здоровье придает ему сияющий вид.

В канцелярии служащие усердно работают, склонив головы над бумагами. Молоденькая
и бойкая машинистка Настя Тройкина энергично бьет по машинке. Сотрудница Софочка
Крутецкая внимательно листает канцелярскую книгу. Делопроизводитель Антон
Духоявленский величественно восседает за конторкой Он – в толстовке Лицо у него
благостно. По временам он медленно щелкает костяшками на счетах.

И только сотрудник Володя Слоняев не находит себе покоя. Он вертится, шумно
вздыхает и поглядывает на машинистку Настеньку, стараясь привлечь ее взгляд.

Баркасов. В январе текущего тысяча девятьсот тридцать шестого года мы уже имели
сто два процента плана. Год назад мы были бы довольны достигнутым. Но теперь
внешняя обстановка такова, что мы не можем почитать на лаврах. И поэтому шаг за
шагом движемся вперед... В феврале мы имели сто четыре процента плана, в марте –
сто шесть и, наконец, в апреле – сто десять. Эти показатели дают нам великую
надежду на дальнейший успех.

Тятин. Правильно!

Баркасов. Кто желает высказаться по этому вопросу?

Тятин. Дозвольте мне.

Баркасов. Слово имеет мой заместитель Иван Силыч Тятин.

Тятин неторопливо встает из-за стола, откашливается, выпивает стакан воды и,
достав из кармана гребеночку, тщательно приглаживает прическу. После чего, снова
выпив стакан воды, принимает позу оратора.

Тятин (официальным тоном). Товарищи! Я взял слово для того, чтобы... (Бытовым
голосом.) Алексей Гаврилыч, тольконими, понимаешь, трубочку с телефона. Не
люблю, когда телефонные звонки мою речь перебивают. Теряю мысли... (Снова
официально.) Товарищи! Я взял, понимаете ли, слово для того, чтобы подвести
итоги нашей полугодовой работе... Товарищи! Что мы видим в данном отрезке времени?
В данном отрезке времени мы, так сказать, наглядно или, проще сказать, воочию
видим достаточно, в сущности, яркие показатели. Показатели, которые с полной
очевидностью сигнализируют нам, иными словами, дают нам знать, поясняют нам –
каковы сами по себе эти показатели как таковые. И как таковые они сами по себе
указывают нам, каковы результаты нашей полугодовой работы. И мы, учитывая данные
показатели...

Баркасов (перебивает). Иван Силыч, да говори ты нормальным человеческим языком!

Тятин. А я как же говорю?

Баркасов. А ты какую-то потустороннюю речь загибаешь. Говори проще, без
ораторского нажима.

Тятин (расстроившись). Нет, Алексей Гаврилыч, без ораторского нажима у меня не
выйдет. Ведь если говорить проще, так и говорить, понимаешь, не о чем. Сто
десять процентов плана. Что же я могу добавить к этой цифре, которая и без того
поясняет картину? (Оживившись.) Сто десять процентов, друзья мои! А?! Ведь это
же душа поет!

Баркасов. Кончил?

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Тятин. Вообще-то я хотел еще немного сказать, но если ты против речей, то я, понимаешь, вынужден на этом закончить... Хотя нет, погоди... (Официально.) Товарищи! А являются ли данные показатели как таковые показательными для данного отрезка времени? Не есть ли эти показатели малопоказательны сами по себе?..

Баркасов (укоризненно). Иван Силыч...

Тятин. Сам не пойму, что со мной делается, когда речь произношу. Не те слова идут...

Баркасов. А ты поясни речь своими словами. О чем ты нам хотел сказать?

Тятин. Да я, понимаешь, хотел сказать, что за этими цифрами – труд. Люди как черти работали.

Баркасов. Иван Силыч правильно указал, что за этими высокими показателями – большая работа. И тут, в первую очередь, следует отметить его самого, его самоотверженный труд...

Тятин. Ну, меня-то зачем? Я в норме работал, не пересиливал себя.

Баркасов. Конечно, мы здесь собрались не для того, чтобы говорить комплименты, но подчеркнуть следует – люди дают нам уверенность, что мы еще крепче возьмемся за дело.

Тятин. Правильно!

Баркасов. Прошу взглянуть на эту диаграмму... (Разворачивает рулон.) Тут мы ясней представим себе план нашего дальнейшего движения...

Тятин (помогая разворачивать рулон). Эх, помещение тесновато для такой диаграммы.

Баркасов. Пройдемте в конференц-зал... Участники совещания удаляются. В канцелярии – телефонный звонок. Делопроизводитель Духоявленский снимает трубку.

Духоявленский (по телефону.) Слушаю вас... (Небрежно.) Баркасов на совещании... Не знаю. Позвоните попозже.

Настя (Слоняеву). Ай, Володя, ну что вы на меня так смотрите. Как баран на луну.

Слоняев. Баран смотрит на луну без особого удовольствия, чего никак нельзя сказать про меня...

Настя. Отвяжитесь. Не мешайте мне работать.

Духоявленский. Попрошу без частных разговоров. (Сотруднице Софочке Крутецкой.) Товарищ Крутецкая, справка готова?

Софочка. Заканчиваю, Антон Антоныч. В канцелярию входит посетитель в макинтоше. Он толстоват, с одышкой Платком вытирает запотевшее лицо.

Посетитель (Слоняеву). Директор еще не выходил?

Слоняев. Он на совещании.

Посетитель. Пожалуй, я подожду его. А то ведь кролики у менядохнут...

Слоняев (улыбаясь). Ах,дохнут они у вас?

Посетитель. Околевают без еды. До тридцатого числа я получил на их кормежку. А с первого числа все кролики должны быть на довольствии в тех учреждениях, какие у нас запланированы.

Слоняев (посмеиваясь). Нынче уже пятое число.

Посетитель. Вот я и говорю: положение критическое с теми кроликами, которых я еще не успел распределить по учреждениям.

Духоявленский (сняв трубку с телефона, который звонит). Слушаю вас... (Медовым голосом.) Ах, это вы, товарищ Гребешков. Там, вероятно, трубочка снята... Сию минуту, товарищ Гребешков. Сейчас я лично схожу за ним... (Бережно кладет трубку на стол.)

Посетитель. Что, директор сюда придет? Не отвечая посетителю, делопроизводитель торопливо и почти рысцой выходит из помещения. Посетитель приводит в порядок свой туалет.

Слоняев (машинистке). Так и не позовете меня к себе, уважаемая Настенька? Настя. Я, кажется, сказала вам – нет.

Слоняев. А то сегодня суббота. Завтра – выходной. Пошли бы в кино. Погуляли бы. А? Настя. Нет, нет, Володя.

Слоняев. А вот я когда-нибудь возьму и нарочно войду к вам без приглашения. Не выгоните же. Настя. Ей-богу, выгону. Лучше не приходите... (Сердито.) Ай, не мешайте мне, Володя! У меня же срочная работа... (Отворачивается от собеседника.)

Слоняев (достав из кармана какую-то игрушку). Минуточку, Настенька. Хотел показать вам последнюю заграничную новинку... Настя (с любопытством). Ой, что это?

Слоняев. Танцующая свинка. И при этом она хрюкает. Настя (присаживается рядом). Ах, и хрюкает она?

Слоняев. И тихонько хрюкает, если потянуть за хвостик. А тут на спинке у нее – зеркальце и карандаш для губ. Настя. Ой, какая прелесть!

Слоняев. Сильней тяните за хвостик – тогда она хрюкнет. В канцелярию входит Баркасов. Вслед за ним Тятин и делопроизводитель. Посетитель торопливо подходит к директору.

Посетитель. Товарищ Баркасов, ну как же насчет кроликов?

Баркасов. Ай, слушайте, меня к телефону...

Посетитель. Нет, вы только мельком взгляните на эту бумагу, из которой видно, что кролики запланированы для вашего учреждения.

Баркасов. Кто их запланировал? (На ходу просматривает бумагу)

Тятин (негромко Слоняеву). Да это вы что? (Взяв со стола свинку.) В игрушки играете вместо работы?

Слоняев. Иван Силыч, отдайте мою свинку.

Тятин. Нет, прежде директору расскажу, чем вы заняты в такое напряженное время...

Слоняев (просительно). Товарищ Тятин...

Баркасов (посетителю). Потом, потом я посмотрю эту бумагу. (По телефону.) Слушаю вас, товарищ Гребешков... Да, но для выступления по радио мне надо подготовиться... Значит, мне позвонят из радицентра?... Есть, договорились, товарищ Гребешков.

Посетитель (снова порываясь к директору). Товарищ Баркасов...

Духоявленский (отстраняя посетителя). Алексей Гаврилыч, потрудитесь подписать это отношение в главк.

Баркасов (читая). Нет, не так! Эти фразы лишние. Исправьте.

Тятин (делопроизводителю). А справка готова?

Баркасов. Ах, да, где же справка?

Софочка (торопливо подкрасив губы). Справочка готова, Алексей Гаврилович. Вот она...

Посетитель. Товарищ Баркасов...

Баркасов (читая справку на ходу). Извините. Потом. У меня сейчас совещание.

Посетитель. А главное, товарищ Баркасов, все другие учреждения охотно берут кроликов. И только вы почему-то...

Баркасов, Тятин и посетитель уходят.

Духоявленский (машинистке). Товарищ Троизкина, перепечатайте это отношение в главк... (Прохаживаясь по канцелярии). Да, друзья мои, неорганизованно работает наш директор...

Софочка (горячо). Это неправда! Товарищ Баркасов у нас один за всех работает!

Духоявленский. Но это и есть крупнейший минус для руководителя учреждения.

Слоняев (засмеявшись). Он во все дела нос сует.

Духоявленский. Причина такой несостоятельности директора более чем ясна. Он не сумел подобрать себе настоящего заместителя. Тятин не оправдывает своего высокого назначения. Настя (горячо). Иван Силыч Тятин очень хороший человек!

Духоявленский. Это не качество для ответственного работника... (Расправив грудь.) Заместитель директора должен быть таким человеком, который каждую минуту может принять то или иное самостоятельное решение.

Слоняев. Был слух, Антон Антоныч, что вас хотели назначить заместителем Баркасова.

Духоявленский. Слух! Мне товарищ Гребешков лично сказал об этом. Но Баркасов и некоторые райкомовцы заартачились...

Слоняев. Телефончик звонит, Антон Антоныч.

Духоявленский (в трубку). Слушаю... Баркасова? Сейчас. (Софочке.) Товарищ Крутецкая, попросите директора. Из радиоцентра ему звонят.

Софочка (перестав шептаться с машинисткой). Иду... (Поправив прическу и подкрасив губы, уходит.)

Духоявленский (Слоняеву). Вот вы говорите...

Тятин. Да разве он на своем месте работает? У него нет масштаба, нет горизонта. Он недалевидный человек для такой высокой должности.

Слоняев (угодливо). Его при гардеробе надо держать.

Духоявленский. Вот именно. Он каждую минуту может директора чем-либо подвести. И так подведет, что их обоих к черту турнут.

Входит Баркасов и вслед за ним – посетители Софочка Крутецкая.

Посетитель. Товарищ Баркасов... Минуточку...

Баркасов. Слушайте, меня к телефону...

Посетитель (Слоняеву). Дожал, кажется, его. Дрогнул.

Баркасов (в трубку). Слушаю... Понимаю... Завтра в двадцать один час?... Есть. Договорились... (Вешает трубку.)

Посетитель. Товарищ Баркасов, вы только взгляните на эти бумаги, из которых видно, что все мои кролики...

Духоявленский (заслоня посетителя). Алексей Гаврилыч, вот отношение в главк. Мы перепечатали. Подпишите.

Посетитель. Товарищ Баркасов...

Баркасов (просматривая отношение). Я же вам сказал, что эти фразы лишние. Вы что, хотите меня подвести? Исправьте.

Духоявленский. Виноват. Недоглядел. Машинистка перепутала.

Посетитель. Товарищ Баркасов, вот эти бумаги...

Баркасов. Завтра, завтра зайдите. Я сейчас занят.

Посетитель. Нет, до завтра я никак не могу, товарищ Баркасов. До завтра они не выдержат.

Баркасов (проведя рукой по глазам). Кто? Что не задержит?

Посетитель (идя к выходу вслед за директором), До завтра, товарищ Баркасов, они все могут очокуриться.

Духоявленский. Товарищ Тройкина, еще раз перепечатайте это отношение в главк.

Баркасов и вслед за ним Тятин входит в кабинет.

Посетитель останавливается в дверях. Баркасов, схватившись рукой за сердце, беспомощно опускается в кресло.

Тятин. Что с тобой? Тебе худо?

Баркасов. Сердце что-то...

Тятин. Доктора, доктора... Ему худо...

Посетитель. Вызвать по телефону?

Баркасов. Пустяки... Сердце немного... Не надо врача...

Тятин. Ну нет, как же без врача... (Посетителю.) Попросите сюда доктора. Он там, в санитарной тройке... Вторая дверь направо... (Посетитель уходит.)

Баркасов. Да уверяю тебя, все прошло.

Посетитель (снова появляясь). Сейчас врач придет... Ну как, товарищ Баркасов, легче вам? Уже можете на мою бумагу взглянуть, из которой вам сразу станет ясно, что кролики за вами запланированы? Входит врач в белом халате. Тятин закрывает дверь кабинета, вытеснив посетителя в коридор.

Баркасов. Извините, доктор, мы зря потревожили вас...

Тятин. Нет уж, доктор, проверьте больного. Сердце у него что-то. Чуть не упал.

Доктор. Ну-те вашу руку... Сейчас... Так... Ничего... Пульс нормальный... Небольшие перебои... Ничего особенного...

Тятин. Вон бледный какой...

Доктор. Нервное переутомление. В отпуск надо идти.

Баркасов. Нет, в отпуск я сейчас...

Тятин. В отпуск он сейчас категорически не может.

Доктор. Тогда вот что я вам скажу...

Тятин. Алексей Гаврилыч, прислушайся к голосу науки. А я уж запишу, что доктор скажет.

Баркасов. Только, доктор, в пределах моих возможностей.

Доктор. Потребую самое малое – выслушать краткую лекцию о гигиене труда.

Баркасов (сухо). Ну уж это в другой раз, доктор.

Доктор. Все-таки в двух словах скажу. Ведь разумное отношение к своей работе – это, батенька мой, кардинальный вопрос нашего времени, это основа производительности труда.

Тятин (жмурясь). Мы все сейчас должны, засучив рукава...

Доктор. Не возражаю. Но и при штурмовщине следует разумно относиться к своему телу. Человек способен удивительно много работать. Отдых его может быть весьма кратким. Но этот отдых должен быть правильным, ритмичным...

Тятин. Не знаю, если я переутомился – сразу на диван и, как говорится, немного храповицкого.

Доктор. Но это не всегда достигает цели. При значительном нервном перераздражении мозг продолжает работу, и полного отдыха не получится.

Баркасов. А как же в таком случае поступить?

Доктор. В этом случае нужно резко переключить свое внимание. Ну, допустим, в театр сходить.

Тятин. Не знаю. Не думаю..

Доктор. А вот медицина за вас думает. Впрочем, я случайно назвал театр. Это может быть все – понянчили ребенка, послушали радио, почитали занимательную книгу. Все, что по-настоящему займет ваше внимание, – это и будет вашим отдыхом.

Баркасов. Это верно. Помню, я готовился к государственным экзаменам. По двадцать часов в сутки занимался. А в перерывах бежал к реке, купался либо играл в волейбол. И возвращался к книгам без тени утомления.

Доктор. Вот вы правильно поняли мои слова. И теперь я со спокойной совестью покидаю вас... Что опять за сердце беретесь? Сердце у вас здоровое. Забудьте о нем, не думайте.

Баркасов. Да оно бьется – как его забыть?

Доктор. Вот я и говорю: сходите в кино, в театр. И тогда ваше излишнее внимание к сердцу переключается на иные интересы... Желаю здравствовать... (Направляется к выходу.)

Тятин (негромко). Доктор, простите, а куда ему лучше сходить? В оперетту, чтоб было посмешней? Или в драму?

Доктор. Да и то и другое хорошо.

Тятин. И что ему – одному пойти или, например, в компании?

Доктор. Нет, одному-то, конечно, нехорошо. Допустим, неважная пьеска – вот и не отвлекся. И поговорить не с кем. Лично я про себя скажу. У нас в поликлинике. Сотрудница. Любительница театров. Берет она меня под руку и ведет. Шутим, острым с ней. И прямо скажу: душой отдыхаю... Ну, еще раз желаю здравствовать. (Уходит.)

Тятин. Доктор-то нам попался какой-то особенный.

Баркасов. Нет, он вещи говорил разумные.

Тятин. Где же разумные? Сходите, говорит, в театр с одной сотрудницей. При чем тут сотрудница, если человек, как говорится, с катушек падает.

Баркасов. Это он к примеру сказал.

Тятин. Отвлекитесь, говорит, переключитесь!.. Да ты что опять за сердце

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
берешься? Перебой?

Баркасов (просматривая бумаги). Немножко. Пустяки.

Тятин. А все-таки, Алексей Гаврилыч, ты выполни предписание науки. Сходи, понимаешь, в театр. Может, и верно на пользу пойдет. Сейчас тебе болеть – зарез для всего учреждения.

Баркасов. Да нет у меня времени для театров.

Тятин. Нет уж, сделай милость, не отказывайся. Конечно, медицина дело темное, но черт его знает, может, и в самом деле эта процедура тебе поможет. А?

Баркасов. Вряд ли пойду... Иван Сильч, попроси сюда делопроизводителя. Боюсь, что он опять бумагу в главк не так сочинит... (Углубляется в работу.)

Тятин входит в канцелярию. За ним посетитель.

Посетитель. Ну как, лучше директору? Можно к нему?

Тятин. Нет, еще нельзя. (Делопроизводителю.) Антон Антоныч, директор просит отношение на подпись.

Посетитель. Тогда я, пожалуй, схожу еще в одно учреждение, где у меня не взяли кроликов. А через часок я снова к вам. (Уходит.)

Духоявленский. Товарищ Крутецкая, отнесите эту бумагу директору. А то он меня что-то не переваривает.

Софочка (подкрасив губы). Сейчас... (Идет к выходу.)

Тятин (негромко). Софья Васильевна, дельце у меня к вам... Вот какая вредная история случилась. Доктор, понимаете, посоветовал нашему Алексею Гавриловичу в театрах бывать. Так уж вы иной раз не откажите разделить с ним это грустное путешествие...

Софочка. Да, но почему вы мне говорите об этом?

Тятин. Зная вашу симпатию к нему, я...

Софочка. Моя симпатия к нему – в высшем смысле! Но я вовсе не собираюсь устраивать какие-нибудь там...

Тятин. Зная ваш высокий моральный облик, я и обращаюсь к вам...

Софочка. Но мое или ваше желание – недостаточно! Тут надо, чтобы сам товарищ Баркасов...

Тятин. Так вы же знаете, какой он. Ежели его не подтолкнуть на эту врачебную процедуру, то он сам и не подумает об этом. Он забывает про себя.

Софочка. Право, не знаю. Хорошо. Попробую.

Тятин. Попробуйте, голубушка. А то в эти ответственные дни ему никак нельзя болеть... Сейчас я в оперетку позвоню, чтобы они два билетика на сегодня прислали... Оба выходят из канцелярии. Софочка Крутецкая входит в кабинет директора.

Софочка (подавая бумагу). Как вы себя чувствуете?

Баркасов. Спасибо. Сейчас лучше.

Софочка. Алексей Гаврилович, говорят, что вам доктор посоветовал в театрах бывать?

Баркасов. Да, представьте себе – велел ходить по театрам... (Читая отношение.) Вот теперь правильно.

Софочка. Как раз я собиралась в театр... и если вы... то я буду очень рада... с вами

пойти...

Баркасов. Благодарю вас, Софья Васильевна. Какнибудь непременно пойдём... Вот я подписал отношение в главк...

Софочка. Но я как раз сегодня собиралась...

Баркасов. Нет, сегодня я никак не могу. (Схватившись рукой за сердце.) А верно, может, нам сегодня пойти? (Еще раз приложив руку к сердцу.) Да, пожалуй, надо сегодня пойти... Благодарю вас, Софья Васильевна...

Софочка. Тогда я сейчас... Только узнаю... (Убегает.)

Духоявленский. Товарищ Слоняев, если вы исправили подсчет, то отнесите директору. Пусть он сам проверит.

Слоняев. Иду-с... (Собирает бумаги в папку.)

Софочка (войдя в канцелярию, склоняется к машинистке.) Ты знаешь, Настенька, Баркасов пригласил меня в театр. Настя. Ну? Не может быть! Как странно! Он всегда на меня смотрел. А тут вдруг...

Софочка. Тем не менее он меня пригласил в театр на сегодня... Делопроизводитель прислушивается к разговору. Сотрудницы умолкают, Слоняев входит в кабинет директора.

Баркасов. Исправили подсчет?

Слоняев. Исправил, товарищ директор.

Баркасов. Потом проверю. Ступайте... Погодите, я хотел вас спросить... Ну, как вы вообще живете?

Слоняев (сумрачно). Товарищ директор, я исправил ошибку и впредь буду внимателен. Что касается "танцующей свинки", то...

Баркасов. К-какой свинки?.. (Проведя рукой по глазам.) Да, что-то мне опять нездоровится. Какой-то туман в голове... Вот поэтому я и хотел поговорить с вами... Как вы проводите время?

Слоняев. Если вы думаете, что я... то это злостная клевета... Я почти не пью...

Баркасов. Ах, я не об этом! Я спрашиваю: как вы развлекаетесь? В чем состоит ваш отдых?

Слоняев. Культурные развлечения, товарищ директор. Книги. Разнообразное чтение.

Баркасов (смеясь). Врете ведь! Но я спрашиваю вас не как директор. Просто мне интересно узнать, как сейчас отдыхают люди...

Слоняев. Благодарю вас за доверие, товарищ Баркасов.

Баркасов. Что у вас на сегодня задумано? Расскажите.

Слоняев. Ну, приду домой. Покушаю, конечно. А вечером, может быть, зайду к одной знакомой. Чтонибудь принесу ей...

Баркасов. То есть что принесете?

Слоняев. Ну, пирожные, тортик. Или цветы...

В кабинет входит Тятин. Взяв папку с бумагами, собирается уйти. Однако, услышав последние фразы, задерживается в дверях. Тятин. Прислушайся к жизни, Алексей Гаврилыч. Я сам, понимаешь, когда ходил в женихах, непременно с коробочкой конфет являлся. Без этого меня хмуρο встречали. (Уходит.)

Слоняев (вдохновенно). Вот я и говорю вам, товарищ директор: без этого прямо хоть не являйся! Женщины, Алексей Гаврилыч, любят знаки внимания. Иная сама

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1.ru
недурно зарабатывает, а принесешь ей пару цветочков – и она приходит в полный восторг. И уж тут, как говорится...

Баркасов. Гм... Ну, спасибо. Ступайте...

Слоняев возвращается в канцелярию.

Софочка (шепотом). Настя, а что мне мужу сказать?

Настя. М-да, твой Юрий всегда жутко переживает, если у тебя что-нибудь такое...

Софочка. Юрий прямо с ума сойдет, если вдруг Баркасов за мной зайдет!

Настя. А ты не говори ему, что с Баркасовым в театр идешь. Скажи, что идешь со мной.

Софочка. А как же Баркасов?

Настя. Нет, ты не понимаешь. Ты приходи ко мне.

Баркасов зайдет за тобой тоже ко мне. И ты преотлично пойдешь с ним в театр.

Софочка. А верно, я ему твой адрес дам...

Настя. Ясно. Мой адрес напиши ему на записке.

Духоявленский прислушивается к разговору. Софочка направляется в кабинет директора.

Софочка (положив записку на стол). Вот я тут написала...

Баркасов. То есть что написали? (Смущенно.) Ах, это! Благодарю вас, Софья Васильевна.

Софочка убегает. В кабинет директора входит Тятин с большой коробкой конфет.

Тятин. Ну вот, браток, снаряжу тебя сейчас в путьдорогу... Эта коробка конфет "Жар-птица" осталась у нас, понимаешь, еще со дня восьмого марта. Правда, коробка немного почата, но не слишком заметно... Вот я ее в твой портфель положу...

Баркасов. Ах, не надо мне этого.

Тятин. То есть как это не надо? Обязательно надо...

Тятин укладывает коробку конфет в портфель Баркасова. Затем, усмехнувшись, вытаскивает из кармана "танцующую свинку", отобранную у Слоняева. И, оглянувшись на работающего Баркасова, запикивает ее в портфель.

Баркасов. Нет, Иван Силыч, неохота мне идти в театр.

Тятин. А ты перебори свое нежелание.

Баркасов. Да уж тогда лучше я в театр с женой пойду.

Тятин (всплеснув руками). Ох, черт! Я же совсем позабыл, что у тебя жена. Вот не познакомил меня с ней, а у меня из головы вон... Фу ты, что получилось! Сейчас я Софе Крутецкой скажу, чтобы она с тобой не ходила...

Баркасов. Зерно, Иван Силыч, скажи ей, что я сегодня... Да нет, неловко ее обижать... (Схватившись рукой за сердце.) А впрочем, пожалуй, схожу... Отвлекусь, рассеюсь...

Тятин. Вот и пошел бы с супругой... Ох, этот врач...

Баркасов. Ладно, не брюзжи... Вот часок поработаю и...

Тятин. Э-э, нет, иди-ка ты домой. Пусть у тебя будет сегодня полнейший отдых... Домой, домой, Алексей Гаврилыч... А я тебя маленько провожу. Освежусь на воздухе А

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
то сегодня я тоже как в тумане. Одевшись, оба уходят.

Духоявленский набирает номер телефона.

Духоявленский (в трубку). Это квартира товарища Крутецкого? А что, его самого нет?.. С кем имею честь?.. Его мамаша?.. Передайте Крутецкому, что его жена встречается с директором Баркасовым на квартире машинистки Тройкиной... Если он пожелает проверить, пусть зайдет туда в девятнадцать ноль-ноль... Это неважно – кто. Говорит человек, который заинтересован в повышении морального облика советских людей... (Вешает трубку.)

В канцелярию входит посетитель.

Посетитель. А где же товарищ Баркасов?

Духоявленский. Домой ушел. Завтра зайдите.

Посетитель. Так ведь завтра же воскресенье! А до понедельника мои кролики категорически... Ой, что же мне делать? Придется к Баркасову домой ползти. Пусть он мне в виде аванса выдаст хотя бы пятьдесят рублей. (Идет к выходу.)

Духоявленский. Стойте. Подойдите сюда ближе... Вот что я вам скажу... Но только пусть это между нами...

Посетитель. Извольте. Мое дело маленькое.

Духоявленский. Баркасова сегодня дома не будет. Он по субботам заходит, ну... к одной особе...

Посетитель (ухмыляясь). Понимаю, я сам иной раз...

Духоявленский. Вот вы и зайдите туда. Лесная четыре, квартира Тройкиной.

Посетитель. Так он же выгонит меня оттуда!

Духоявленский. Напротив. Люди в такие часы добреют, настроены благодушно...

Посетитель. Это верно. Я сам однажды нищему трешку дал – шел с одной интересной особой. Психологический момент...

Духоявленский. Вот и зайдите туда в девятнадцать ноль-ноль...

Посетитель. От души благодарю. Зайду. Попрошу сотняжку. А то мои кролики до понедельника не выдержат испытания... (Поспешно уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ СНОВА В СЕМЬЕ

Декорация первой картины

На диване жена Баркасова Зоя Павловна. В ее руках книга. Перед диваном – Виктор Эдуардович

Ядов. Он в пальто, в руках сверток бумаг и кепка.

Ядов (театрально). Повторите эти слова, что вы мне сказали. Я хочу вторично выпить яд из ваших милых рук.

Зоя (менее театрально). Извольте, синьор. Я никогда вас не люблю. И никогда вашей женой не буду.

Ядов. Прощайте. Иду в ночь...

Зоя. Погодите. Я не могу отпустить вас в таком состоянии. Вы расстроены...

Ядов. Расстроен? Это слишком незначительное слово для моего душевного состояния.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihai1.ru

Не расстроен, мадам, а – перестала играть музыка, под которую плясала моя жизнь!
Иду в небытие...

Зоя. Виктор Эдуардович...

Ядов. Я пошутил, сударыня. Я иду к моей маленькой машинистке Насте она сегодня будет переписывать первый акт моей исторической драмы. Я буду нищий, если через месяц не сдам мою работу. Театр не соглашается ждать.

Зоя. Мне решительно все равно, куда вы идете... Вы знаете, Виктор Эдуардович, после наших разговоров я всегда невольно вспоминаю моего мужа...

Ядов. Мило!

Зоя. Как с ним легко, просто. У него нет игры ни в словах, ни в чувствах... Кстати, наше дикое предположение, что он... ну, о чем мы говорили утром... это чепуха. Если он любит, так любит, а нет – так он скажет об этом.

Ядов. Радуюсь вашему семейному счастью.

Зоя. Вы запутали меня своими афоризмами. И мне бог знает что показалось. Обман не вяжется с ним. Он цельный и ясный человек. Он знает, для чего живет, для чего работает... А вы? Разве вы знаете, для чего живете? И кому принесете пользу или радость?

Ядов. Знаю, сударыня! Через тысячу лет я принесу людям эстетическую радость. На моей могиле вырастет прелестный голубой цветок. И какая-нибудь волшебная женщина будущего воскликнет: "Какое дивное растение!"

Зоя. А мой муж не так смотрит. Он хочет не таким способом принести пользу людям. Но только при атом он, несомненно, совершает ошибку. Он работает не замечая жизни – в ущерб здоровью, в ущерб семье. И даже, мне думается, в ущерб делу – потому что качество его работы при таких условиях не может быть высоко...

Ядов. В дальнейшем, сударыня, люди будут гармонически развиты. И такие происшествия будут исключены.

Зоя. Но и сейчас не следовало бы допускать такой оплошности!

Ядов. Эту оплошность вашего мужа мы исправим ревностью.

Зоя. Нет, я отказываюсь от этого способа...

Звонок.

Ядов. Это он... На всякий случай обнимите меня. Это зрелище будет ему полезно...

Зоя. Нет.

Ядов (обнимая). Зоя...

Входит бабушка.

Бабушка. Дочь моя... Опять!.. Ну, в уме ли ты?

Зоя. Мама, а где Боря?

Бабушка. Он на пионерском сборе... Дочь моя, в квартире моего мужа я никогда не могла помыслить даже о простом свидании...

Зоя. И долго его там задержат?

Бабушка. Нет, он скоро придет... И даже когда – я была с мужем в Париже... И я, казалось бы, не могла поступить иначе, тем не менее... (Задумчиво.) Ах, как все быстро проходит...

Ядов (в тон бабушке). О, сказкой ставшая воскреснувшая быль! О, крылья бабочки, с которых стерлась пыль!

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Бабушка. Так я буду накрывать на стол... Не уходите, Виктор Эдуардович. Оставайтесь пообедать. (Уходит.)

Ядов. Ухожу-с... Зоя Павловна, свидетельствую вам мое почтение. До скорого свидания.

Зоя. Прощайте... Я хотела вам сказать... такие люди, как вы... быть может, мне ближе, но... Вот мне сейчас тридцать лет...

Ядов. Вам тридцать один, Зоя Павловна. Восток разумно исчисляет возраст с момента утробной жизни.

Зоя. Ну хорошо – тридцать один. И я смутно помню то, что было до революции. Но я почему-то хорошо запомнила таких людей, как вы. Таких мужчин, у которых "настроение", "переживания", поэтические слова. А за этим – пустота и никакой цели... Я боялась таких людей.

Ядов. У меня есть цель в жизни – это вы. А что касается моего настроения, то...

Зоя. Нет, я вообще говорю...

Ядов. А вообще астрологи считают, что созвездия влияют на человеческий организм. Космический флюид пронизывает вселенную и отражается на всей материи, включая вас и, увы, меня.

Зоя (прислушиваясь). Кажется, Алеша пришел...

Ядов (театрально раскрыв объятия). Зоя... (Отступив.) Э-э, нет, это, вероятно, опять ваша почтеннейшая мамаша.

Входит Баркасов В руках у него коричневый кожаный портфель.

Баркасов (положив портфель на стул). А-а, Виктор Эдуардович! Что вы теперь так редко посещаете нас?

Ядов. Напротив. Слишком часто захожу...

Зоя (перебивая). Алеша, я...

Баркасов (целуя жену). Зоюшка.

Зоя. Я так рада, что ты сегодня рано пришел Баркасов. До, но, к сожалению, я должен вскоре уйти.

Зоя. Ах, вот как, уходишь? Входит бабушка Накрывает на стол.

Бабушка. Вот и чудесно. Прямо к обеду.

Баркасов. Я сам огорчен, Зоюшка, что не могу побыть дома, но как раз сегодня я... случайно... с одной.

Бабушка (торопливо перебивая). Пальто хоть снимите... (Помогая повесить пальто.) Ни слова ей об этом.

Баркасов. То есть вы о чем, Алиса Юрьевна?

Бабушка (тихо). Мужчина не должен посвящать жену в свои шалости.

Зоя. Алеша, ты сегодня ужасно бледный. Тебе необходимо посидеть дома.

Баркасов. Но сегодня я обязательно должен Мне не хочется идти, однако... Так было бы славно побыть с тобой, с Борей.

Зоя. Я так рада, что ты об этом говоришь.

Бабушка (Ядову). Оставайтесь. Пообедайте. Не надо вам сейчас уходить. Поверьте мне.

Ядов (бабушке). Мирные отношения налаживаются. Я лишний.

Зоя. Мама, давайте обедать.

Бабушка уходит.

Ядов. Я отбыл, Зоя Павловна, с вашего разрешения, я зайду к вам позже.

Зоя. Нет, сегодня не стоит, Виктор Эдуардович.

Баркасов. Зоинька, пусть Виктор Эдуардович к тебе зайдет. Тебе же одной скучно.

Зоя (волнуясь). А ты разве долго удержишься?

Баркасов. Я в двенадцать вернусь.

Зоя. Виктор Эдуардович, приходите тогда...

Ядов. Всенепременно.

Уходя, Ядов сталкивается в дверях с Борей. Почтительно раскланивается с ним.
УХОДИТ.

Боря. Мама, учительница жутко сердилась, что ты не пришла.

Зоя. Ах, я и позабыла об этом!

Боря. И папа не пришел, и мама не пришла. Ясно, говорит, оттого и сын на уроках кукарекает... Что же это вы? Вот поэтому я, наверно, и кукарекаю.

Баркасов. Зоюшка, ты завтра сходи в школу... (Взглянув на часы.) Да, но мне надо торопиться.

Бабушка (входит с миской). Кушать подано.

Боря. Все за стол!

Бабушка. Я включу радио.

Боря. Я... я включу...

Бабушка. Мой первый муж всегда говорил, что за едой должна играть музыка. Это благотворно влияет на пищеварение.

Баркасов. Вы, как всегда, правы, Алиса Юрьевна. Бойцы в походе меньше устают, если идут под музыку. Вообще, Зоюшка, врачи утверждают, что музыка и театр – наиболее разумный отдых. Это отвлекает...

Зоя. Алеша, ты сегодня добрый, милый...

Боря. Да, папка у нас сегодня хороший. Не особенно нервный.

Баркасов (усмехаясь). Постараюсь и впредь быть таким.

Зоя. Я так рада, Алеша... Ты что-то передумал, да? Я была уверена в тебе, но страшно боялась...

Баркасов (целуя жену). Да, чуть тебя с Борькой не проглядел. Прости...

Зоя (настороженно). Ах, вот даже как...

Бабушка. Вот о семье, Алексей Гаврилыч, надо всегда помнить. Даже в экстраординарных случаях.

Баркасов. Оказывается, нельзя все помыслы направлять только лишь на одно и больше ничего не видеть... Ах, Зоюшка, так досадно, что мне надо идти. Ну, просто неловко было отказаться. Но я о тебе буду думать.

Бабушка. Какая прекрасная музыка по радио. Как она изумительно действует на настроение! Звонок. Входит контролер Электроток. В руках у него потрепанный парусиновый портфель,

Контролер. Электроток пришел...

Зоя. Вот счетчик. Направо.

Боря. Вот, вот наш счетчик!

Баркасов. Ну, Зоинька, я пойду.

Зоя. Иди, Алеша. (Целует мужа.)

Баркасов. Ну, сынок, дай свою лапку...

Бабушка. Часы-то у нас на пять минут отстают...

Баркасов. Да, иду, иду... Где же моя шляпа?

Боря. Это я спрятал шляпу, я...

Зоя. Боря, отдай отцу шляпу!

Боря. Да вот она – на шкафу...

Баркасов (встав на стул). Ах, плутишка...

Боря. Ничего, это папке полезно. А то он по утрам физкультурой не занимается.

Контролер (выписав квитанцию). Примите квиточек.

Зоя. Смотри, Алеша, у нас опять экономия...

Баркасов. Прости, Зоюшка, я опаздываю... Поспешно одевшись, Баркасов целует жену и, схватив вместо своего портфеля парусиновый портфель контролера, стремительно уходит.

Зоя. Вам сейчас уплатить, товарищ контролер?

Контролер. Нет, платить надо в кассу. (Ищет портфель.)

Зоя. Вы что-нибудь потеряли?

Контролер. Да, портфель мой. Куда-то я его сунул...

Бабушка. Вот ваш портфель – на стуле.

Боря. Нет, это папкин портфель – коричневый.

Контролер. Мой портфель обыкновенный, парусиновый. Вот сюда я на стул положил. А теперь его нету...

Бабушка. Я тоже видела – он тут на стуле был.

Зоя. Ну, деться-то он никуда не мог.

Бабушка. Товарищ, а вы вспомните хорошенько – может быть, его у вас и не было? Или, может, быть, вы его в другой квартире оставили?

Контролер. То есть как это оставил в другой квартире? Да что вы, бабушка-старушка! Вашу карточку-то я вынул из портфеля – вот она, карточка. Записал на ней последнее показание счетчика.

Зоя. В таком случае ваш портфель несомненно где-нибудь здесь... Боря, ты не брал дядин портфель?

Боря. А какой портфель?

Контролер. Да такой он – беловатый, парусиновый.

Боря. И с такой ручкой?

Контролер. Да, и ручка у него сверху.

Боря. Нет, такого портфеля я не брал.

Бабушка. А вообще брал какой-нибудь портфель?

Боря. Когда?

Бабушка. Ну, когда-нибудь.

Боря. Когда-нибудь брал.

Контролер. Ну, ясно – это он взял. Раз он отцовскую шапку на шкаф закинул, – значит, он! Говори: куда ты его дел?

Боря. Да не брал я ваш портфель!

Зоя. Он бы сказал, если б взял.

Контролер. Вот он и говорит, что брал портфель.

Боря. Я брал, когда в школу шел.

Контролер. Это, значит, он в школу мой портфель занес? Вот тебе здравствуйте, бабушка-старушка!

Бабушка. Ай, я-то при чем?

Боря. Не брал я в школу ваш портфель. Я мой брал.

Контролер. Но тогда спрашивается, где же мой портфель?

Зоя. Надо поискать.

Бабушка. Посмотрите за диваном.

Контролер. Ну-ка, бабушка-старушка, помогите мне диван отодвинуть.

Бабушка (помогая), Борюшка, погляди под диваном.

Боря (радостно). Ага, и тут нету вашего портфеля!

Контролер. Ой, граждане, да что же это! Как же я теперь буду без портфеля? Ведь там электрическое хозяйство всего района. Да ведь мне за это...

Зоя. Успокойтесь. Найдется ваш портфель.

Бабушка. Значит, этот коричневый портфель – не ваш?

Боря. Нет, это папки. Я же знаю.

Контролер (чуть не плача), Ой, да что же я буду делать? Обыкновенный парусиновый портфель... И теперь его нет...

Бабушка. Но я отлично видела, что Алексей Гаврилыч вышел с портфелем.

Зоя. Может, по ошибке он не тот портфель взял?

Контролер. Граждане, да, может, он вместо своего портфеля мой унес? Вот это будет номер!

Зоя (взяв коричневый портфель). Странно. Это Алешин портфель. Он всегда с ним

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
ходит... (Открыв портфель, снова захлопывает его, как бы не желая видеть, что там.) Мама!

Бабушка. Ну, что ты? Что с тобой?

Зоя (снова открыв портфель). Мама... мама...

Бабушка неторопливо вынимает из портфеля коробку конфет "Жар-птица" и "танцующую свинку".

Бабушка. М-да, знаешь ли...

Боря. Ого! Конфеты... И какая-то свинка с зеркальцем...

Зоя (пронзительно). Мама!

Бабушка. Ну, Зоюшка, не волнуйся так, не волнуйся...

Зоя. Что ж это? Значит, он... Значит, все это было обман, ложь...

Бабушка. Но, может быть, он для тебя это принес...

Зоя. Нет, он хотел взять с собой этот портфель. Значит, он собрался к кому-нибудь и... забыл портфель...

Контролер. Нет, граждане, он не забыл портфель, а переменял. Вместо своего портфеля он взял мой. А свой оставил.

Бабушка. Успокойся, успокойся, доченька. Ну что в этом особенного? Конечно, он виноват, но... Ну, это всегда так у них. Обычная картина...

Зоя (стучит в стену). Виктор Эдуардович!

Бабушка. Его же нет. Он ушел... Вот, действительно, чурбан какой! Взял и ушел, когда он так нужен.

Зоя. Как это подло, низко! Значит, он всякий раз прикрывался работой, а сам шел к какой-нибудь там...

Бабушка. Лично я давно была уверена в этом.

Контролер. Граждане, я целиком сочувствую вашей семейной драме, но войдите и в мое положение. Не могу же я без портфеля уйти.

Бабушка: Теперь отыщется ваш портфель.

Контролер. Но я тут не могу до ночи ждать. Хотя бы выяснить адрес куда именно мой портфель пошел...

Бабушка-старушка, посодействуйте в этом!

Бабушка. Ай, слушайте, не до вас сейчас! Зайдите завтра в это время.

Контролер. Хорошенькое дело – "завтра в это время!" А как же я работать буду? Вы отдаете себе отчет?.. Нет, до завтра я никак не могу, бабушка-старушка... Хорошо, ладно, справляйтесь со своим горем – я тактичный человек, подожду. Но без портфеля я отсюда не уйду. Это я вам заранее заявляю.

Бабушка. Тогда не мотайтесь, а сядьте тут и ждите.

Контролер. Я мотаюсь благодаря тому, что я нервничаю. Шутка ли сказать, что случилось! Нет, бабушка, я вам откровенно признаюсь: либо я от вас уйду с портфелем, либо меня отсюда вперед ногами вынесут. Иного положения не будет. Так и знайте...

Бабушка (отмахиваясь). Да сядьте, говорят вам, в сторонку! (дочери.) Успокойся, успокойся: ну, право, в этом ничего особенного. Все они такие. Слава богу, знаю жизнь...

Зоя (страдая). Алеша... Алеша...

Бабушка. Если хочешь знать – я и не видела иных мужчин.

Зоя. Значит, он... и в прошлом году...

Бабушка. Или, например, мой первый муж... Уж, кажется, на что обожал меня... Но вот однажды стало мне известно... передали люди... дескать, певичка одна тут... в зоологическом саду на свидании... А я, Зоюшка, была тогда молоденькая, неопытная – только что выпорхнула из родительского гнездышка... Ничего! Еду в зоологический сад. Той – публично оплеуху, этому – зонтиком по физиономии. Дома съедаю фосфорные спички. И на другой день мой муж на коленях вымаливает у меня прощение. И снова разрешает бывать у нас в доме Борису Ивановичу Нелькину, который в то время очень меня любил...

Контролер (улыбаясь). Ай, ей-богу... Вот как бабушка-старушка – справилась с задачей... А певичка что? Исхлопотала и пошла?

Зоя (снова стучит в стену), Виктор Эдуардович!

Бабушка. Да говорят тебе – нет его... Вот дерево – ушел в такое время! Нет, когда у меня случилась эта история...

Контролер. Ах, с певичкой-то?

Бабушка. Да... Так Борис Иваныч Нелькин в тот же миг был у меня...

Контролер. И не допустил вас кушать фосфорные спички?

Зоя. Боре спать пора. Уложи его... Ну, смотрите – он все конфеты съел!

Боря. Завтра воскресенье – не хочу спать.

Контролер (с нетерпением). Бабушка... ну, ну... Пришел Борис Иваныч... и что?... отнял спички?

Бабушка. Пришел Борис Иваныч и буквально три часа утешал меня, как ребенка...

Зоя (с отчаянием стучит в стену), Виктор Эдуардович!

Бабушка. Вот чурбан! Уйти в такой момент!

КАРТИНА ВТОРАЯ НА КВАРТИРЕ У ТРОИКИНОЙ

Комната машинистки Насти Тройкиной. Тахта. Разноцветные подушечки на тахте. На письменном столе – пишущая машинка и фотографии в рамках.

Юная, но бойкая домработница Анята Фиолетова готовится к вечеру жактовской самодеятельности – читает отрывок из романа "Война и мир".

Анята (декламирует). "Князь Андрей подошел к ней, опустив глаза. "Я полюбил вас с той минуты, как увидел вас. Могу ли я надеяться?" Она..." Телефонный звонок.

Ало! Это кто там у телефона?... Нет, Тройкиных никого нет. Они в Лугу уехали, к сыну. А Настенька еще с работы не возвращалась... Что?... Это их домработница Анята говорит... Не сомневайтесь – передам... (Повесив трубку, снова декламирует.) "Она приблизилась к нему и остановилась. Он взял ее руку и поцеловал. "Любите ли вы меня?" – "Да, да", – как будто с досадой проговорила Наташа, громко вздохнула и зарыдала..." Без стука входит драматург Виктор Эдуардович Ядов. Он в пальто. В руках сверток бумаг.

Ядов (театрально). Дульцинея Тобосская, привет!.. Прелестно декламируете.

Анята (без смущения). Это я, Виктор Эдуардович, выступать буду. У нас сегодня в жакте вечер самодеятельности.

Ядов. Ваш эстрадный номер будет иметь фантастический успех... А где же наша милейшая хозяйка?

Анюта. Настенька еще с работы не вернулась... Виктор Эдуардович, придите на наш вечер. Я бы для вас особенно постаралась.

Ядов. Не могу-с. Сегодня мне предстоит иной – более скучный – спектакль!

Анюта. Ах, вы на спектакль идете? В театр? С Настенькой?

Ядов. Идем с ней в театр жизни, дорогая! Но отчего же ее нет до сих пор?

Анюта. Она сейчас придет. Обождите.

Ядов. Ожидать – не в моем характере. В этом есть что-то унижительное... Анюта, скажи ей, что я заходил и через час снова зайду... Постой, я напишу ей записку...

Анюта. Вот карандашик...

Ядов (пишет, паясничая). "Божественная! Мой театр ждатель больше не соглашается. Сегодня абонирую вас на весь вечер. Умоляю: гоните каждого, кто осмелится к вам зайти. В противном случае наглец будет пронзен моей шпагой и выкинут в окно... Ваш доблестный кавалер и драматург Виктор Ядов".

Анюта (улыбаясь). Ах, как у вас складно получается! Вот бы мне так научиться.

Ядов. Анюта, это в пределах возможного!.. Привет, дорогая. Через час я снова здесь... (Уходит.)

Анюта (набрав номер телефона). Ало! Кто это? Товарищ Васин?.. Это Анюта Фиолетова говорит... Товарищ Васин, не сомневайтесь – ровно к восьми я приду... Нет, нет, я не согласна срывать вашу программу. Пока... (Вешает трубку.)

В комнату торопливо входят Настя Тройкина и Софочка Крутецкая. Обе в пальто.

Настя. Анюта, никто не заходил?

Анюта. Виктор Эдуардович заходил. Написал вам записку.

Настя (взглянув на записку). Ладно. Потом...

Анюта. Здравствуйте, Софья Васильевна. Вы у нас целую вечность не были.

Софочка. Здравствуйте, Анюточка.

Настя. А где же мои родители?

Анюта. Они в Лугу уехали. (Уходит.)

Настя. Видишь, как хорошо получилось. Мои предки уехали к брату.

Софочка. Да, я тебе очень благодарна, а то мой Юрий...

Настя. Конечно. Зачем тебе его зря сердить... (Показывая фото.) Софочка, вот мой покойный муж – ты хотела взглянуть... Но это два года назад... аппендицит и... в три дня... Ну как – пойдем в парикмахерскую?

Софочка (поправляя прическу). Пойдем, а то у меня...

Настя. Но как это неожиданно, что Баркасов тебя пригласил. Он всегда на меня смотрел.

Софочка. Не знаю. По-моему, он постоянно смотрел на меня. Иначе он пригласил бы тебя.

Настя. Да, это верно... Ну что ж, твое счастье. Заедет на машине. И, уж конечно, первые места. И сам очень интересный... А вот мне все попадаются какие-то неполноценные мужчины, какие-то неотесанные, недостаточно культурные...

Софочка. Ты о своем фотографе говоришь?

Настя. Да, и он. И отчасти Володя Слоняев... Мне даже как-то неловко с ними в кино пойти... (Торопливо.) Ну, если идти в парикмахерскую, то надо скорей. И я заодно... Тут внизу, в нашем доме...

Софочка. Тогда я, пожалуй, шляпку не надену.

Настя. Накинь мой платок... Да, вот уж никогда не думала, что ты Баркасову нравишься... (Кричит.)

Анюта!

Анюта (появляясь). Уже уходите?

Настя. Мы скоро вернемся. Только в парикмахерскую. А если без нас придет один такой человек...

Софочка. Некто товарищ Баркасов. Он меня спросит.

Настя. То пусть он обязательно подождет.

Софочка. Пусть он тут посидит. Мы сейчас вернемся.

Анюта. Понимаю, Так ему и скажу... Но только вы скорей возвращайтесь, Настенька. Я ведь должна уйти. У нас к восьми сбор.

Настя. Ясно, скоро вернемся, если начало в театре в восемь.

Анюта. Ах, вы в театр идете?

Софочка. Да... Обе уходят.

Анюта (набрав номер телефона). Товарищ Васин?.. Ну, как дела идут? Уже собираются люди?.. Да, пожалуй, еще рановато для этого... Нет, нет, я к восьми приду. Я не из таких, которые обманывают... Привет... В комнату стремительно входит жених Настеньки – Павел Веселович Абрамоткин. В руках у него пухлый черный портфель.

Абрамоткин. А где же Настенька?

Анюта. Фу, как вы меня всякий раз пугаете, товарищ Абрамоткин! Слишком торопливо входите.

Абрамоткин. Извиняюсь, Анюта... А Настенька где?

Анюта. В парикмахерскую пошла... (Нравоучительно.) Надо культурно постучать, Павел Неселович. И когда получите ответ: "Войдите", то и входите себе. Да не с разбегу, а тихо, культурно входите...

Абрамоткин. Тихо зайдешь – ничего не заметишь.

Анюта. Культурные люди не позволяют себе ничего лишнего сказать. А если вы тем более жених Надтеньки, то вы всякий раз обязаны...

Абрамоткин. Ай, перестань меня учить!

Анюта. Вас всякий день надо учить. Такая у вас передовая профессия-фотограф, а сами вы... Да и вообще вы напрасно пальто снимаете Настенька нынче в театр идет.

Абрамоткин. В театр идет? Нет, она мне велела сегодня прийти. (Вынимает из портфеля закуску.)

Анюта. А зачем опять еду принесли?

Абрамоткин. Я сегодня именинник. Она позволила.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Анюта. Все равно напрасно расставляете. Настенька в театр уйдет.

Абрамоткин. Врешь. Нарочно меня изводишь.

Анюта. На этот раз, вот честное слово, не извожу. И советую вам спокойненько одеться, пока не перекисли от ревности... и идите себе. А завтра зайдете на черствые именины.

Абрамоткин. Значит, про меня она тебе ничего не сказала?

Анюта. Про вас она ну ни словечка не сказала. Как будто вас и на свете в живых нет. А вот про других она сказала.

Абрамоткин. А что же она про других сказала?

Анюта. Уж это мое дело, что она про других сказала. Я вам не обязана отчет отдавать... Про других она сказала мне: "Пусть те обождут. Пусть те непременно обождут – они мне нужны больше жизни!"

Абрамоткин. Ведь зря мелешь. Нарочно меня изводишь.

Анюта. Ничуть не зря. Это я вам факт говорю.

Абрамоткин. А с кем же она в театр идет?

Анюта. Ну, идет с одним человеком. Он куда интересней вас. И такой умный, что вы против него – тьфу! Он вас двумя словами в гроб заколотит.

Абрамоткин. Меня не заколотит.

Анюта. Свободно заколотит. И даже в ответ вы ничего не сможете ему возразить – до того он вас своим умом забьет.

Абрамоткин. Не забьет. Я тоже ему отвечу, что он у меня...

Анюта. Пока вы за ответом в карман полезете, он вас – в минуту сто слов. И от вас только дым пойдет!

Абрамоткин. Я тоже ему... сто слов... И он тоже... дым пойдет...

Анюта. А Виктор Эдуардович вас как...

Абрамоткин. Ах, это тот драматург, о котором ты мне говорила? Он что – сейчас придет?

Анюта. Вскоре придет. И в театр, сказал, пойдет с Настенькой. И Софочка в театр, и эти в театр...

Абрамоткин. А зачем же она мне велела прийти?

Анюта. Уж не знаю зачем. Наверно, чтобы над вами подшутить.

Абрамоткин. Она сама сказала: "Зайдите..."

Анюта. А не хотите уходить, так сидите, ожидайте Настеньку. А то ходите сквозь по комнате – только ветер гоняете. А я разгорячившись. Сядьте и сидите, если вы именинник. А мне пора идти одеваться. (Уходит.)

Абрамоткин нервно ходит по комнате.

Абрамоткин. Гм... В театр идет... Какие номера откальвает... (Увидев записку драматурга.) Ага, оставила мне записку... Нет, это ей кто-то пишет... Ага, драматург ей пишет. (Читает.) "Бо-жест-венная... театр ждать больше не соглашается. Сегодня абонирую вас..." (Опустив записку.) Ага, абонирует ее в театр... (Читает дальше.) "Гоните каждого, кто осмелится к вам войти... В противном случае..." Что? что такое? (Вчитываясь.) "...пронзен моей шпагой и будет выкинут в окно..." (Прочитав записку, Абрамоткин улыбается.) Конечно, понимаю, это шутивно написано. Но только спрашивается: к чему такие дикие шутки?... "Пронзен будет шпагой и выкинут в

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
окно..." Пошутил, называется... Взор Абрамоткина останавливается на окне. Положив записку на стол, Абрамоткин подходит к окну и, раскрыв его, смотрит вниз. После чего стремительно возвращается к столу и торопливо укладывает в портфель продукты.

Абрамоткин. Нет, эти писатели и композиторы... Недаром их прорабатывают...

Входит Баркасов. Он в пальто, в руке – парусиновый портфель. Рядом с Баркасовым домработница Аня. Она делает гримасу Абрамоткину, который не без страха, но с любопытством смотрит на Баркасова, принимая его за драматурга – Виктора Эдуардовича Ядова.

Аня. Они просили вас обождать. Они решили перед театром в парикмахерскую зайти... Пройдите в комнатку.

Баркасов. Благодарю вас.

Аня. Снимите ваше пальто.

Баркасов. Да нет, мы сейчас в театр идем, Пальто я снимать не буду.

Аня. В таком случае садитесь на диванчик. Ожидайте их. (Сделав гримасу Абрамоткину, уходит.)

Баркасов. Позвольте познакомиться – Баркасов...

Абрамоткин. Виктор Эдуардович?

Баркасов (не разобрав). Как вы сказали?

Абрамоткин. Нет, я говорю: решили в театр сходить? Сейчас она придет. Разберемся.

Баркасов (смущенно). Собрались в театр... с вашей супругой?

Абрамоткин. Нет, но мы вскоре запишемся.

Баркасов. Ах, вот как. Простите, я не знал...

Абрамоткин. Я сам недавно получил ее согласие.

Тяжелая пауза.

Интересно то, что она мне про вас ничего не сказала. И вот только сейчас от домработницы узнал" что она с вами в театр идет.

Баркасов. Простите, но если вам это неприятно...

Абрамоткин. Нет, отчего же – прыгаю от радости.

Баркасов (встает). В таком случае я...

Абрамоткин. Нет уж, прошу вас обождать хозяйку. Иначе она мне...

Баркасов. Извольте, я подожду ее, но... Я, право, никак не предполагал, что этим доставлю кому-нибудь огорчение... Смущенный вид Баркасова смягчает Абрамоткина. Он начинает говорить с оттенком пренебрежения.

Абрамоткин. А что там домработница про вас какие-то байки рассказывает?

Баркасов. Домработница? А что же она про меня может рассказывать?

Абрамоткин. Да говорит, будто вы одними словами людей в гроб заколачиваете.

Баркасов. Помилуйте, откуда ей знать?

Абрамоткин. Сто, говорит, слов в минуту, и из человека дым идет...

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Баркасов. Простите, я вас что-то не понимаю.

Абрамоткин. Нет, теперь-то я сам вижу, что это она сказала мне нарочно...

Пауза.

А вы что, Настеньку давно знаете?

Баркасов. Кого? Кого?

Абрамоткин. Настю, говорю, Тройкину давно знаете?

Баркасов. Ах, Тройкину? Да, я ее давно знаю. Отличная машинистка.

Абрамоткин. Отличная машинистка и, как говорится, интересная женщина?

Пауза.

Значит, все пишете и пишете?

Баркасов. Да, приходится и писать...

Абрамоткин (агрессивно). Значит, один пишет, а другая ему переписывает.

Баркасов. Я, право, не понимаю вашего тона. Извините, должен идти. Прошу передать вашей... супруге, что я не смогу сегодня в театр идти.

Абрамоткин. Об этом плакать не будем!

Баркасов. Имею честь кланяться... (Стремительно уходит, оставив парусиновый портфель на полу у тахты)

Абрамоткин. Нет, эти писатели и композиторы... Они заслуживают того...

Поспешно входит Анята Она в пальто.

Анята. Вы зачем же человека отпустили? Он выскочил из квартиры сам не свой. Чего вы тут с ним произвели?

Абрамоткин. А еще говоришь: сто слов в минуту – и из меня дым пойдет. Да только не с меня, а с него дым пошел.

Анята. Или вы думаете, что это был Виктор Эдуардович?

Абрамоткин. Ах, это не он? А ты мне сказала...

Анята. Я сказала: Виктор Эдуардович само собой придет – за Настенькой. А этот за Софочкой пришел. Ну теперь вам будет нашлапка от Настеньки!

Абрамоткин. Ай, слушай, тогда я побегу в парикмахерскую. Пусть они позвонят ему... В какую они парикмахерскую пошли? А?

Анята. А я почему знаю. Вышли и пошли... Ну, теперь получите по заслугам к своим именинам Абрамоткин. Сейчас найду их... (Торопливо уходит.)

Анята (по телефону). Товарищ Васин?... Немного задержалась, но вскоре выхожу... Ах, вы уже начали сомневаться, что я не приду? Нет уж, если сказала, значит, приду. Все кину, но приду... Нет, на свидание это не всегда так бывает. Общественное дело для меня неизмеримо важнее... Значит, не сомневайтесь – сейчас выхожу...

В дверях снова появляется Баркасов.

Баркасов. Простите, я тут мой портфель оставил...

Анята. Да вот ваш портфель у дивана.

Баркасов (взяв в руки парусиновый портфель), Нет, это не мой портфель. Мой был коричневый...

Анюта. Вот оставайтесь и поищите. А я должна идти. Но только вы непременно Софью Васильевну обождите. Иначе она будет сердиться. (Уходит.)

Баркасов (разыскивая портфель). Черт дернул меня пойти... Не подумал, в самом деле... Ведь муж у нее или этот... жених... Фу, глупость какая получилась... Ай, так и надо мне, дураку, – своими руками фарс устроил... Мало еще получил... (Найдя черный портфель Абрамоткина.) Да нет, это тоже не мой портфель.

С треском открывается дверь. Вбегает запыхавшийся человек. Это муж Софьи Васильевны – Юрий Николаевич Крутецкий.

Черный портфель Абрамоткина так и остается в руках изумленного Баркасова.

Крутецкий. Где... где моя жена?

Баркасов. Вы о ком говорите?

Крутецкий. Она там? (Вбегает в соседнюю комнату и тотчас возвращается.) Нет... Значит, просто меня обманули, разыграли! Да и она, поймите, не могла бы пойти на это...

Баркасов. Успокойтесь. Вы так взволнованы...

Крутецкий. Еще бы... (Смеется.) Но я, я какой осел! Незнакомый человек звонит мне, и я, как дурак, мчусь сюда, чтобы застать ее, уличить... Вы, конечно, скажете, что это ревность. Но вы ошибаетесь, уважаемый товарищ! Я прежде всего культурный человек. И смею сказать, что низменные пережитки в моем сознании начисто ликвидированы мной!

Баркасов. Да вы сядьте, успокойтесь.

Крутецкий. Конечно, не скрою, я немного понервничал. Но не в силу ревности. А просто я хотел уточнить мои отношения с женой.

Баркасов (подавая стакан воды). Выпейте воды. Крутецкий (пьет). Благодарю вас. Теперь я совершенно спокоен. (Ставит стакан на стол и там видит шляпу жены.) Боже мой! Да ведь это ее шляпа. Да, это ее шляпка. (Мнет шляпу в руках.) Софа... Софочка... Значит, она тут? Значит, она просто спряталась от меня... Где? где моя жена, а?!

Баркасов. Вы о ком говорите?

Крутецкий. Я вас спрашиваю: где Софья Васильевна?!

Баркасов. Крутецкая?... А вы кто же?

Крутецкий. Как кто? я ее муж, муж... Где она?

Здесь? Вот ее шляпа... (Терзает шляпу так, что от нее отлетает цветок.)

Баркасов. Ах, вы ее муж? А тот, с кем я сейчас говорил?

Крутецкий. Тот? Тот, с которым она здесь? Тот, вероятно, и есть этот самый... Баркасов!

Баркасов. Нет, Баркасов – это я.

Крутецкий. Ах, вы Баркасов?! Так это вы осмелились встречаться здесь с моей женой?!

Баркасов. Но это недоразумение, уверяю вас.

Я просто не понимаю, о каких встречах вы говорите...

Крутецкий. Ах, вы не понимаете, черт возьми! Так я вас заставлю понимать! Вы, как начальник, позволяете себе...

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Баркасов. Давайте выясним, поговорим...

Крутецкий. Мы в народном суде с вами поговорим! Я потребую показательного суда! Ваш аморальный поступок слишком очевиден! Я так не оставлю этого дела... (Жадно пьет воду.)

Баркасов. Нет, с вами, я вижу, нельзя сейчас разговаривать. (Идет к выходу, захватив с собой черный портфель Абрамоткина.)

Дверь медленно приоткрывается, и в комнату просовывается корпус Володи Слоняева. В руке у Слоняева небольшой торт. На лице умильная улыбка.

Слоняев (негромко напевает). "Где эта улица, где этот дом? Где эта барышня, что я влюблен..." (Увидев директора, роняет торт.) Товарищ Баркасов... я... я не знал, что вы здесь бываете.

Баркасов. Позвольте пройти...

Слоняев (подняв торт). Минуточку, товарищ Баркасов... Я только хотел сказать... я случайно здесь... без ее разрешения. Я сейчас же уйду, если вам неприятно...)

Баркасов, ничего не ответив, стремительно уходит.

Крутецкий. Всех под суд! (Слоняеву.) А вы кто такой? Что вы здесь?! Ах, вы тоже посетитель этого вертепа?! С тортом явились?!

Слоняев (снова роняет торт). Я... я не знал... я... Крутецкий бьет по коробке с тортом, как по футбольному мячу. Торт вылетает в открытую дверь. Слоняев выскакивает вслед.

Крутецкий. Боже мой!.. И это ты, моя Софочка, на которую я молился. Ты попала в эту жуткую аморальную компанию. Ты... ты... (Агрессивно.) Но нет, прощенья не будет! Разрыв! Показательный суд... (Снова взяв шляпу жены.) Да, но ведь это, кажется, не ее шляпа? Я точно помню: ее шляпа была гладкая и с красным цветком. А эта – без цветка и мятая, как тряпка. Нет, это не ее шляпа. Значит, я зря погорячился...

Софочка, Софочка, простишь ли ты меня... Позвольте, а зачем же в таком случае здесь был директор Баркасов?! О, как бы все это узнать, выяснить, уточнить...

В комнату несмело входит посетитель в макинтоше.

Посетитель. Мне бы на минуточку товарища Баркасова...

Крутецкий. Баркасова? А вам зачем он?

Посетитель. Я по делу... Мне сказали, что он...

Крутецкий. Что вам сказали? Все, все говорите мне!

Посетитель. Но я ничего не знаю. Мне просто сказали, что товарищ Баркасов здесь бывает по субботам.

Крутецкий (нервно засмеявшись). Ах, так! Он по субботам встречается здесь... О-о-о...

Посетитель. Но если он занят сейчас, то я попозже зайду... (Ухмыляясь.) Я сам не люблю, когда меня тревожат в лирические минуты... Крутецкий опускается в кресло и, обхватив голову руками, неподвижно сидит. Посетитель уходит, осторожно ступая на цыпочках.

Крутецкий (вяло). Напрасно я его отпустил. Надо бы выяснить, с кем Баркасов бывает здесь по субботам. Может, вовсе не с Софочкой. Тем более это не ее шляпа... (Неожиданно увидев на полу красный цветок, оторванный от шляпы.) Позвольте, но это ее цветок... (Приставив цветок к шляпе) Это ее шляпа! В таком случае где же она сама?! А не все ли равно – где она! К прошлому нет возврата! Всех под суд! Хозяев квартиры тоже под суд!

Входит Абрамоткин. Он озадачен безумным видом Крутецкого. И без малейшего

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
сомнения принимает его за Виктора Эдуардовича Ядова.

Абрамоткин (бормочет). Вот этот может сто слов в минуту...

Крутецкий (не замечая вошедшего). Не пощажу никого! Сам произнесу речь вместо прокурора! Докажу, что таких аморальных людей нельзя щадить. Их надо безжалостно выбрасывать из жизни...

Абрамоткин. Виктор Эдуардович, зачем же людей из окон выбрасывать, успокойтесь...

Крутецкий. А вы тут кто? Вы кто такой?

Абрамоткин (отступая). Но, но, тихо... Еще неизвестно, с кого из нас дым пойдет...

Крутецкий. Милицию сюда!

Абрамоткин. Зачем же, понимаете, милицию? Давайте по-хорошему договоримся. Если вы непременно желаете с Настенькой в театр идти – то идите себе. Я, Виктор Эдуардович, не намерен из-за этого скандал поднимать...

Крутецкий. Какой я к черту Виктор Эдуардович?

Абрамоткин. Может, я спутал? Мне Аня сказала...

Крутецкий. Да я вас всех тут...

Абрамоткин. Меня-то за что? Я сам зашел в гости – тихо, благородно. Вижу – безумствует человек.

Конечно, я понимаю, что писатели и композиторы не могут иначе...

Крутецкий. Вы что бред несете? Пьяны, что ли?

Абрамоткин. Не прикасался даже, Виктор Эдуардович.

Крутецкий. Вам сказано, я не Виктор Эдуардович!

Абрамоткин. Позвольте, уважаемый, кто же вы такой?

Крутецкий. А вам что до этого? Я... я ее муж...

Абрамоткин. Ах, вы ее... покойный... муж?

Крутецкий. Почему "покойный"? Я просто ее муж.

Абрамоткин. Тот, который два года назад... я извиняюсь... умер... от воспаления слепой кишки? Это она мне так сказала – не знаю зачем...

Крутецкий. Не знаю, как вы, но я еще отчасти жив... Софа, Софочка, куда ты попала...

Абрамоткин. Вы сказали "Софочка"... Значит, вы Софочкин покойный муж? То есть я говорю: Софочкин муж?

Крутецкий. Да... Но с этой минуты я больше ей не муж.

Абрамоткин. А что же вы тогда?

Смеясь, вбегают подружки – Настя и Софочка.

Настя. Софа, твой муж...

Софочка. Юрий...

Крутецкий. Дома поговорим! Идемте отсюда...

Настя. А где Баркасов?

Крутецкий. Я выгнал его отсюда.

Софочка. Как? Почему?

Настя. В чем дело?

Абрамоткин. Лично я понятия не имею.

Софочка. Юрий, но пойми – ничего же особенного...

Крутецкий. Об этом мы дома поговорим!

Настя. Но это возмутительно! Ко мне приходит директор, чтобы передать мне, может быть, срочную работу, а его в моей квартире... (Крутецкому.) Да как вы посмели это?

Крутецкий. Но я... Мне сказали, что он...

Настя. Значит, вы просто попросили его уйти?

Софочка. Ну, это уже слишком!

Крутецкий. Софочка, но мне так сказали. Позвонили по телефону...

Софочка. Ну, Юрий!

Абрамоткин. Что же это вы, Юрий? Человек пришел по делу. Вот он даже свой портфель забыл... со служебными бумагами. А вы его выгнали. Нет, Юрий, так нельзя некультурно поступать.

Софочка. Конечно, Юрий, я не хочу скрывать – мы предполагали в театр пойти, но это было... служебное дело. Меня лично замдиректора об этом просил.

Настя (тихо). Ах, вот что – тебя замдиректора пригласил, а не Баркасов?.. (Крутецкому, гневно.) У нас это было чисто служебное дело! Культпоход! И вы осмелились при этом выгнать его из моего дома?

Абрамоткин. Ну, Юрий...

Крутецкий. Софочка... Софа... Идем скорей домой. Там все обдумаем, позвоним ему, извинимся... (Подает жене растрепанную шляпку.) Скорей...

Софочка. Боже! Моя новая шляпка... Настя, погляди, что он со шляпкой сделал... Нет, Юрий, об этом мы дома поговорим...

Абрамоткин. Зачем же вы, Юрий, дамскую шляпку так отвозили? Нет, вас надо учить и учить культуре...

Крутецкий. Софочка, простишь ли ты меня?

Софочка. Настя, прощай... Юрий, за мной!

Крутецкий. Софа, я напишу твоему директору извинительное письмо...

Абрамоткин. Юрий, в письме вы припишите, что я, другой, – тот, с кем он говорил, тоже немножко извиняется...

Супруги Крутецкие уходят.

Настя (смеясь). Оказывается, не сам Баркасов ее пригласил. Это резко меняет дело.

Абрамоткин. Настенька, а где мой портфель? Хотелось бы немножко закусить, подкрепиться, а портфеля нет.

Настя (прихорашиваясь у зеркала). Баркасов обычно на меня глядел. Я не могла так грубо ошибиться...

Абрамоткин. (в поисках портфеля). Ах, он все-таки на тебя смотрел?

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Настя. Ясно, не на нее. Такие тихони ему не могут нравиться. А уж она вообразила...

Абрамоткин (двигая мебель). Ну, этот чертов сын Баркасов! Вот его парусиновый мусор тут, а моего портфеля нет...

Настя. Разве этот парусиновый портфель Баркасова?

Абрамоткин. Да, он с ним пришел... Ну, если он мой портфель взял, то я не погляжу, что он директор... Я, ему... Он у меня... Дым пойдет...

Настя. Вероятно, он ошибся, перепутал. Сейчас я позвоню Баркасову. Быть может, в его портфеле нужны деловые бумаги.

Абрамоткин. И позвоним, и лично съездим, но свое вернем. И для этого все перевернем!

Настя (набрав номер телефона). Але! Это квартира товарища Баркасова?... (Томно.) Я попрошу к телефону Алексея Гавриловича... Говорит одна знакомая...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Снова квартира Баркасова. В углу на стуле дремлет контролер Электротока. Бабушка Алиса Юрьевна раскладывает пасьянс. По комнате из угла в угол нервно ходит Зоя Павловна.

Бабушка. Нет, все будет хорошо. Пасьянс сходится.

Зоя (стучит в стену). Виктор Эдуардович!

Контролер (вскочив от стука). Что? Кто?... Ах, это вы опять. Ну как, граждане, выяснилось чтонибудь?

Бабушка. Этот пасьянс, Зоюшка, очень редко выходит. А тут он вышел. Значит, все сложится хорошо.

Зоя. Не думаю...

Бабушка. Увидишь... Алексей Гаврилыч полностью раскается. А Виктор Эдуардович решительно будет у твоих ног...

Контролер. А портфель, бабушка-старушка?

Бабушка. Про ваш портфель я не загадывала, но думаю, что и портфель где-нибудь найдется.

Контролер. Но где? когда? Не могу же я, граждане, тут до ночи...

Зоя (иронически). "Решительно у моих ног"... Но я не для этого зову Виктора Эдуардовича.

Бабушка. Дитя мое... Нет, я отказываюсь понимать современность! Нельзя же одной остаться в критический момент. Необходима моральная поддержка... Нет, нет, в мое время было значительно больше поэзии!

Зоя. У меня есть сын, мать. Это моя поддержка.

Бабушка. У меня тоже была мать. Но если б в тот момент у меня не оказалось друзей, то я... Ведь тогда... с этой... певичкой...

Контролер (оживляясь). Ах, с певичкой-то?

Бабушка (дочери). Ведь эта история имела тяжкое продолжение...

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Контролер (просительно.) Ну, ну?

Бабушка. Только что все успокоилось, муж вымолил у меня прощение... И вдруг я узнаю – он опять с пей встречается...

Контролер. И зонтик, значит, не помог?

Бабушка (дочери). Но уже встречается с ней не в зоологическом саду, а у нее на квартире.

Контролер. И вы махнули к ней, прямо на квартиру?

Бабушка. Борис Иванович Нелькин берет ландо.

И мы с ним едем...

Контролер. Прямо к певичке?

Бабушка. Я отстраняю горничную рукой и вхожу в ее будуар. Вижу, мой муж сидит в кресле, ноги на пуфике... А та стоит у зеркала. В бриллиантах. На шее – страусовое боа. Куда-то собираются... Увидев меня...

Контролер. Ау вас в руках зонтик?

Бабушка. Увидев в зеркале меня, она оборачивается вот так через плечо. И тогда я, забыв обо всем, подхожу к ней...

Контролер. И значит, опять ее, певичку-то? Ай да бабушка-старушка!

Бабушка. Подхожу к ней, а она, как разъяренная тигрица, кидается на меня. Я падаю на ковер, кричу мужу: "Анатолий!" А он ноль внимания.

Контролер. И здорово она вас отвозила, между нами говоря?

Бабушка. От всех этих нравственных переживаний я, конечно, теряю сознание и только тогда вижу, что Анатолий поднимается с кресла и подходит...

Контролер. К певичке?

Бабушка. И говорит ей: "Убедительно прошу вас, Эльвира, – довольно..."

Контролер. Ах, он говорит ей: довольно, дескать, ее тузить, хватит, мол, на первый раз? А что же Борис – Иванович? Он так и не вмешался в побоище?

Бабушка (оборачиваясь к контролеру). Борис Иванович Нелькин остался внизу, в ландо... (Дочери.)

Нет, за Нелькина я не вышла замуж, но нравственно он меня очень-очень поддержал. Он возил меня по ресторанам, на острова...

Контролер. Интересные картинки прошлого...

Бабушка. Вот я и говорю: в прошлом было больше поэзии, которая так необходима нам – женщинам... Ах, вот как раз и Виктор Эдуардович!

Входит Ядов.

Зоя. Я стучала вам несколько раз!

Ядов. Этот стук отозвался в моем сердце. Я услышал его за три квартала. И вновь пришел к вам.

Бабушка. Снимите пальто, Виктор Эдуардович.

Ядов. Не могу-с. Меня ждет машинистка, которой я оставил записку.

Бабушка. Но у нас такие события... Зоя! То звала-звала, а как пришел молчишь... Я приготовлю чай. (Уходит.)

Зоя. Виктор Эдуардович, мне не хочется возвращаться к моему горю... Но вот взгляните... Вот что оказалось у него в портфеле, который он забыл, торопясь...

Контролер. Нет, граждане, он не забыл, а перепутал. Его портфель остался здесь, а мой... где-то там... Ядов. Убийственные улики... Стало быть, предположение вашей матушки...

Зоя. Да, она была права. Но я считала его... Он был для меня самым чистым человеком из всех, кого я встретила...

Ядов. Не надо такого горя!

Зоя. У меня горе оттого, что я и теперь почему-то не разлюбила его...

Ядов. Наполеон считал, что любовь есть явление социально опасное как для целого общества, так и для личного счастья. И теперь я вижу, что это так, – и на вас, и на себе.

Телефонный звонок.

Зоя (в трубку). Да... Нет, Баркасова нет дома. Что? (Ядову) Поговорите с ней. Это та женщина, где он был. Какая гадость...

Ядов (по телефону). Что-с? Портфель? Чей портфель? Ваш?... Кто его захватил?... Да, но Баркасова нет дома. Позвоните позже! (Вешает трубку.)

Контролер. Не вешайте, не вешайте трубку. Это про мой портфель. Ай, ну зачем же вы повесили?!

Ядов. Извините, не знал. Да, она говорила про какой-то парусиновый портфель.

Контролер. Ой, ну что же это, граждане... (Сняв трубку, дует в нее.) Але... Станция... (Вешает трубку.)

Входит бабушка с чаем.

Бабушка. Выпейте чайку. (Ядову.) Да сядьте вы рядом с ней. Скажите ей что-нибудь, утешьте. То трещите без умолку, а когда надо, так...

Ядов. Уста немеют, бабушка!

Зоя. Мама, оставьте нас.

Бабушка. Когда мы ехали в ландо... после этой истории...

Контролер. Ну? Ну?

Бабушка. Так Борис Иваныч Нелькин утешал меня, находил такие слова, которые доходили буквально до сердца.

Контролер. А что он, что?

Ядов. Это, вероятно, был молодой пшют?

Бабушка. Да уж одет он был не так, как вы, Виктор Эдуардович. В мое время мужчина в таком непрезентабельном виде не котировался... А вот, если хотите знать, этот пшют, как вы сказали, оказался джентльменом чистой воды. Он тут же, в ландо, сделал мне официальное предложение, видя, что я решила расстаться с мужем...

Зоя. Мама, вы, кажется, сватать нас собираетесь?

Ядов. Что ж... я не отказываюсь...

Бабушка (возмущенна). Знаешь, Зоюшка, если б в мое время мужчина ответил бы таким расслабленным тоном, то...

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Ядов. Мой тон, сударыня, был и в самом деле расслабленный, ибо я думал о моем преклонном возрасте.

Зоя (вспыхнув). Я, кажется, не предлагала вам себя в жены.

Ядов. Нет, я просто подумал:

"Но старость, черт ее дери,

С котомкой и клюкой,

Стучится, черт ее дери,

Костлявою рукой..."

Зоя. Виктор Эдуардович! Вы – это фразы, нарядные слова... И никаких чувств.

Бабушка. А у Бориса Иваныча были и фразы и чувства.

Контролер. Ну? Бабушка, ну? Входит Баркасов. В его руках черный портфель Абрамоткина.

Контролер приходит в смятение–портфель не его. Появляется Боря. Он не без интереса поглядывает на принесенный портфель.

Баркасов (глухо). Зюечка...

Контролер. Граждане, ну что вы со мной делаете? Это не мой портфель. Мой был парусиновый. Где же он?

Баркасов. Зюечка, что с тобой?

Ядов (Зое). Спокойно. Не унижайте себя слезами.

Контролер. Гражданин, послушайте... вы сменили мой на свой... то есть свой на мой...

Баркасов. Что? (Жене.) Зююшка...

Зоя. Алексей Гаврилыч... ты забыл свой портфель – извини, пришлось его раскрыть... Вот твои вещи...

Ядов. Я отбыл, Зоя Павловна. (Идет к выходу.)

Бабушка. Виктор Эдуардович, два слова.

Оба уходят.

Баркасов. Зоя, я тебе сейчас все объясню...

Контролер. Нет, я уж попрошу сначала выяснить мое дело.

Баркасов. Слушайте, товарищ, я занят сейчас... (Жене.) Зююшка, тут вот в чем дело...

Контролер. Товарищ, я вхожу в ваше критическое положение, но две-то минуты вы мне можете уделить?

Боря (раскрыв черный портфель). Ого! (Извлекает из портфеля вино и закуску.)
Бабушка! (Убегает сообщить бабушке.)

Баркасов. Ты не должна думать, что это что-нибудь такое... Это я...

Контролер. Ладно, справляйтесь со своей драмой. Я обожду. Но потом я попрошу вплотную заняться моим вопросом.

Зоя. Кому предназначались эти подарки? Только не лги. Той женщине, о которой ты...

Баркасов. Да, эти конфеты я взял для одной... нашей служащей. А эту... свинку... я в первый раз вижу.

Входит бабушка. Услышав слова Баркасова, она торопливо подходит к дочери.

Бабушка. Зоюшка, Алексей Гаврилыч признался. Смотри как он мягко, застенчиво сказал: "Да, эти конфеты я взял для одной особы..." Зоя, повинную голову и меч не сечет!

Баркасов. Алиса Юрьевна, я прошу вас не вмешиваться в это дело.

Зоя. Мама, уйдите.

Контролер. Уж если на то пошло, бабушка, то я прежде вас имею слово. Я тут три часа, как рыба об лед...

Бабушка. Зоя, но я не могу безучастно смотреть, что происходит на моих глазах. Человек во всем признается, а ты...

Баркасов, (раздраженно). Алиса Юрьевна?

Бабушка. Зоя, это бывает у них. Уж на что Борис Иваныч Нелькин... жизнь готов был отдать за меня... и то он...

Контролер. Ну? Бабушка, ну?

Зоя. Мама, вы хотите, чтобы я ушла из дома?

Баркасов. Я попрошу вас оставить меня с женой.

Бабушка (с обидой). Пожалуйста. Я для вас же стараюсь.

Контролер. Бабушка, на минуточку... Доскажите мне про Бориса Иваныча...

Оба тихо беседуют.

Баркасов. Зоя...

Зоя. Мне не надо твоих объяснений, Алексей. Не унижай себя враньем... Сейчас, кстати, звонила твоя дама... Ты взял у нее какой-то портфель...

Контролер. Ага! Теперь все ясно. Мой портфель остался там, а ихний вы по ошибке оттуда вынесли.

Зоя. Наконец надо же его отпустить.

Баркасов (порывшись в карманах). Вот их адрес. Я прошу вас, товарищ, поехать туда. Там ваш портфель. У тахты.

Зоя (глухо). У тахты...

Контролер. А этот черный портфель им отнести?

Баркасов. Да, возьмите этот портфель – отнесите им.

Контролер (взяв портфель, из которого Боря вынул закуску и вино). Ну вот, теперь все прояснилось. Сейчас я живехонько доеду туда и произведу обмен... Сожалею, бабушка-старушка, что не дослушал вашу повесть про Бориса Иваныча. Служба для меня превыше всего. Счастливо оставаться.

Уходит с бабушкой.

Баркасов. Зоюшка, прости меня. Я просто невменяемый сегодня. Ну, врач мне так посоветовал. Я сам не знаю, как все это получилось...

Зоя. Что ты вздор мелешь? Какой врач? Зачем тебе это новое вранье? Впрочем, у тебя опыт нескольких лет...

Баркасов. Зоя, ты не должна так говорить! Я сейчас позвоню врачу, и он тебе подтвердит...

Зоя. Мне не нужны свидетели, Алексей. Но приплетать к своему вранью какого-то врача – это, это... слишком. Не надо мне твоих объяснений! Я больше не жена тебе...

Зоя Павловна уходит в соседнюю комнату. Баркасов стучит в дверь. Входит бабушка.

Баркасов. Зоя... Зоюшка... Открой... Ну, тогда я и в самом деле позову этого врача – он подтвердит тебе, что я не вру... Зоя, послушай...

Бабушка. Погодите, не троньте ее. Я по себе помню – я не любила, когда меня окликали. Она сама выйдет.

Баркасов (по телефону). Але... Але... Товарищ Тятин?... Иван Силыч, голубчик, мне надо бы узнать – где тот врач, который меня сегодня обследовал?... Да нет, сейчас другое дело. Потом тебе объясню... Ну, узнай хотя бы его фамилию... Жена думает, что я вру... Ну, тогда умоляю, приезжай сам. Ведь ты можешь ей подтвердить... От этого все зависит... Только скорей. Возьми машину... Во время телефонного разговора входит Боря. Вместе с бабушкой он рассматривает закуску и вино, вынутые из портфеля Абрамоткина. Окончив разговор. Баркасов опускается в кресло и руками закрывает лицо.

Боря. Это все папа принес.

Бабушка. Ну, ясно: он раскаялся и вот хотел загладить свою вину. И на месте твоей матери я бы его простила. (Ставит в буфет вино и закуску.)

Коря. Папа, ты что – расстроен?

Баркасов. Да, сынок. Я с мамой поссорился.

Боря. Ну, я думал – что-нибудь серьезное! Я каждый день с ней ссорюсь. (Уходит.)

Бабушка. Алексей Гаврилыч, успокойтесь. Зоя отойдет, простит. Я вам гарантирую это. Я по себе знаю...

Торопливо входит Тятин. Бабушка уходит.

Баркасов. Иван Силыч...

Тятин. Я говорил тебе... Ну, этот врач...

Баркасов. При чем тут врач? Просто ей нужно сказать, что врач действительно посоветовал мне в театры ходить. Это, может быть, мелочь, пустяк, но это очень важно сейчас. А то она думает, что я унизился до такого вранья.

Тятин. Сейчас я скажу ей...

Баркасов (постучав в дверь). Зоя... Зоюшка, открой...

Тятин. Постой, я сам... (Постучав.) Зоя Павловна...

Зоя (открыв дверь). В чем дело?

Баркасов. Зоя, вот он тебе сам подтвердит, что я не врал, говоря о театре.

Зоя (Тятину). Доктор, я никогда не думала, что медицина может предлагать такие странные средства...

Баркасов. Нет, Зоюшка, ты не поняла. Он...

Тятин (тихо, Баркасову). Ай, не тревожь ее – пусть я врач! (Зое.) Успокойтесь, гражданка. Я сам теперь вижу, что не то посоветовал.

Зоя. С каких это пор, доктор, медицина дает такие советы, которые разрушают семью...

Тятин. Всецело признаю: медицинская ошибка.

Баркасов. Видишь ли, Зоюшка, мне сегодня было плохо...

Тятин. Человек в кресло упал...

Зоя (встревоженно). Ах, вот как...

Баркасов. И вот врач мне посоветовал...

Тятин. Уж извините – ошибочный совет дал...

Вбегает взволнованная бабушка.

Бабушка. Зоя... Алексей Гаврилыч... Там Борька...

Зоя. Что, что такое?

Бабушка. Там Боря пуговицу в нос засунул. И так она глубоко... он даже хрипеть стал...

Зоя (Тятину). Доктор, скорей... посмотрите... (Бежит к выходу, но в дверях сталкивается с Борей.) Боря, что с тобой?

Боря (шмыгая носом). Пуговица туда попала...

Баркасов. Ну как же так...

Бабушка. Вертел пуговицу в руках, и я оглянуться не успела, как он взял и ее...

Боря (хныча). И теперь достать не могу...

Зоя. Доктор, взгляните, что у него там...

Тятин (теряясь). Что у него там... Ясно, пуговица, если бабушка говорит...

Баркасов. Зоя, я "неотложную" вызову.

Зоя. Нет, пусть пока доктор посмотрит...

Тятин (падая духом). Посмотреть, конечно, можно, да что толку-то? От этого она обратно не выскочит.

Баркасов. Нет, верно, я лучше "неотложную" вызову, а?

Зоя. Вот сейчас доктор посмотрит... Боря, подойди к дяде!

Тятин (бодрясь). Ты что ж это, батенька, пуговицы в нос суешь? Вот и будешь теперь всю жизнь с пуговицей ходить.

Зоя. Вам посветить, доктор?

Тятин. При свете, конечно, пуговица будет заметнее.

Зоя. Доктор, а это опасно?

Тятин. Нет, мелкая пуговица не опасна. Вот если бы он пуговицу от пальто... Вот тогда, понимаете ли, опасно...

Баркасов. Я вызываю "неотложную"...

Тятин. Да, зови врача, Гаврилыч. Это не шутка, Зоя. Ах, значит, вы... не врач?

Тятин. Да нет, я...

Баркасов. Зоя, видишь ли...

Зоя. Ах, вот что! Значит, ты попросил человека, чтобы он мне подтвердил... Какая низость!.. (Падает, теряя сознание.)

Баркасов. Скорей воды!

Тятин. Положим на диван...

Бабушка. Дочь моя... Выпей водички...

Тятин. Ух ты, черт, что у нас получить...

Баркасов (по телефону), "неотложная"?.. Попрошу врача... Улица Толстого, два. Квартира Баркасова...

Боря (чихнув). Ой, вот она, пуговица...

Тятин. Сам, что ли, вынул?

Боря: Чихнул, а она – вот она...

Тятин. Покажи...

Боря. Ну, если вы не доктор, то я не стану вам показывать. (Матери.) Мама, вот пуговица...

Зоя. Боря... сядь со мной...

Боря. Сейчас. Только соседям пуговицу покажу. (Уходит.)

Баркасов. Зоюшка, вот подушка. А то тебе неудобно.

Бабушка. Не тревожьте ее. Еще не время... Входят контролер и Абрамоткин. В руках у последнего два портфеля: парусиновый и черный.

Контролер. Граждане, ну что это делается! Захожу к ним, гляжу: мой парусиновый портфель. А эта заскорузлая личность не отдает...

Абрамоткин. Сказано: не отдам, пока не выясню, где мои продукты.

Контролер. Он говорит, что в его черном портфеле находились боеприпасы...

Абрамоткин. Да, тут у меня были шпроты, сыр в вино. Где все это? Может быть, он съел...

Контролер. Я съел?! Граждане, не велите ему...

Зоя. Это невыносимо. Мама, узнайте, что им надо.

Тятин. А ну-ка, орлы, объясните, что тут у вас?

Бабушка. Только без криков – среди нас находится больная...

Баркасов (Абрамоткину). Вы говорите, что в этом портфеле находились ваши продукты?

Абрамоткин. Вот именно! С этим моим портфелем я к Настеньке пришел. А вы этот портфель взяли оттуда. А свою парусину у меня оставили. А где теперь мои продукты – я сам не знаю. Может, он их продал.

Контролер. Я продал?! Граждане, не велите ему...

Баркасов. Но где же в таком случае продукты?

Бабушка. Ой, батюшки! Да ведь эти продукты я в буфет поставила... (Достает продукты.)

Зоя (брезгливо). Какая гадость...

Абрамоткин. Какая же, помилуйте, гадость – шпроты, сыр, вино. (Контролеру.) Погодите трогать ваш портфель. Я сначала проверю, все ли тут мои боеприпасы... Да, все. Теперь берите вашу парусину.

Бабушка. Да уйдите вы куда-нибудь! Загородили всю комнату.

Контролер. Уходим, уходим, бабушка-старушка... Ох, прямо меня шатает от переживаний...

Абрамоткин. Да вы идете не как люди. Если хотите, я вам дам глоток мадеры, подкрепиться. Если хозяйева разрешат.

Контролер. То есть прямо идти не могу. Ноги не двигаются. Полглотка мадеры, и я, бы вновь воскрес... (Бабушке.) Бабушка, нет ли у вас какой-нибудь посудинки? Человек хочет меня выручить – хочет дать полглотка мадеры.

Бабушка (дает стакан). Только сразу уходите. Тут и без вас суеты хватает... Ах, вот, кажется, и доктор! Входит врач – тот самый, который выслушивал Баркасова на работе. Контролер и Абрамоткин усаживаются в углу комнаты и начинают мирно закусывать. Появляется Боря.

Доктор. Где больной?.. А, старый знакомый.

Баркасов. Как я рад, доктор, что именно вы пришли.

Тятин. Про себя я этого не сказал бы...

Доктор. Опять сердце?

Баркасов. Нет, жена что-то...

Зоя. Сейчас мне уже лучше...

Тятин. Неосторожные рецепты, доктор, прописываете.

Доктор. Вы о чем говорите?

Баркасов. Иван Силыч, доктор мне посоветовал совершенно правильно. Я сам кругом виноват. Какое-то затмение на меня нашло...

Тятин. Человек чуть в обморок не упал, а вы его в театр суете. Супругу до сумасшествия довели.

Зоя. Нет, нет, мне теперь хорошо. (Целует сына.)

Тятин. Сказали бы ему: "Пойдите в театр с женой..."

Доктор. А я что сказал? Да, но я сказал про себя.

Тятин. А хоть бы и про себя! (Передразнивает.) "Сотрудница берет меня под руку и ведет..." Могли бы с женой ходить.

Баркасов. Иван Силыч, прекрати.

Доктор (смеется). К вашему сведению: у меня и жены нет, я вдовец.

Бабушка. Господа, если доктор вдовец, так смешно же предъявлять ему какие-то претензии.

Тятин. Ах, вы вдовец! Так бы сразу и говорили. Да, откровенно сказать, я и не надеялся, что с вашим методом лечения у вас супруга в живых осталась.

Баркасов. Товарищ Тятин, прекрати этот разговор!

Тятин. Нет уж, выскажусь до конца... Ты тоже хорош, Алексей Гаврилыч. Вместо жены сотрудницу пригласил... Ой, матушки, да ведь это я сам состряпал всю эту историю. Я же сам уговорил Крутецкую пойти с тобой!

Баркасов. Ах, вот как? Не она сама?

Тятин. Ой, чувствую – врач тут ни при чем...

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Доктор. Я говорил о разумном отдыхе, а у вас, друзья, получилось что-то не то.

Баркасов. Еще раз извините, доктор... Прошу вас посмотреть мою жену. Ей было нехорошо.

Зоя. Нет, Алеша, мне сейчас... совсем хорошо.

Баркасов (обнял ее). Зоюшка...

Доктор. Ну, я очень рад, что теперь все хорошо.

Баркасов. Доктор, я сердечно благодарю вас... Иван Силыч, голубчик, спасибо тебе...

Тятин. Ну, меня-то не за что благодарить. Пуговицу и ту не мог доглядеть.

Доктор. Желая здравствовать.

Тятин. В общем, мы – медики – пошли!

Баркасов. До свидания. Спасибо!

Тятин и доктор уходят. Зоя и Баркасов тихо беседуют. Контролер и Абрамоткин продолжают мирно закусывать.

Бабушка. Друзья мои, да вы что тут расселись?

Контролер. Беседуем, бабушка, по случаю благополучной находки портфеля.

Абрамоткин. Сейчас, сейчас снимемся с якоря...

Бабушка. Зоя, я приготовлю чай." Зоюшка, идем... "(Уходит с внуком.)

Зоя. Алеша, только ты не думай, что все это было из ревности. Мне просто было страшно разувериться, в тебе.

Баркасов (просительно). Ну хоть немножко-то, Зоюшка, была ревность, а?

Зоя (усмехнувшись). Ну-была... это в те минуты, когда я думала о моей сопернице... которая оказалась... твоей работой...

Баркасов (целуя руку жене). У тебя, Зоюшка, и в дальнейшем только одна эта соперница...

Входит Крутецкий-муж Софочки.

Абрамоткин. Глядите – Юрий пришел! Вы что, Юрий?

Крутецкий. Товарищ Баркасов, я прошу извинить, что вторгаюсь в ваш дом...

Баркасов. Ах, это вы... который меня сегодня...

Абрамоткин. Он не только вас. Он и меня в угол загнал. Да еще говорит: "я ее покойный муж..."

Крутецкий. Я пришел принести вам мое глубочайшее извинение.

Баркасов. Напротив, товарищ Крутецкий, я сам кругом виноват.

Крутецкий. Я прошу вас забыть об этом недоразумении. Какой-то низкий человек позвонил мне, оклеветал вас. И вот я понервничал...

Зоя. Вы знаете – и мне тоже кто-то звонил по этому поводу. Но я повесила трубку.

Крутецкий. Еще раз прошу извинить меня. Я очень тронут вашим сердечным отношением.

Баркасов. Прошу передать вашей жене привет и мои извинения.

Крутецкий уходит. Входит бабушка с чаем.

Зоя. Мама, Алеша устал, хочет отдохнуть. Вы отнесите чай в нашу комнату.

Оба уходят.

Бабушка. Вот и хорошо. Я тоже обыкновенно...

Контролер. Ну? Бабушка, ну?

Бабушка. Господа, вы еще не ушли? И, кажется, тут ужин раскинули? Ну как это можно!

Абрамоткин. Уходим, уходим. Немножко подзакусили.

Контролер. С этой целью он свои продукты пожертвовал. В день своих именин.

Бабушка. А торопились на работу!

Контролер. У меня труд ненормированный, бабушка-старушка. Сегодня десять квартир посетил, а завтра – сто десять.

Входит делопроизводитель Духоявленский.

Духоявленский. Мне нужно видеть супругу товарища Баркасова...

Бабушка. Сейчас я позову ее... Зоя! Зоюшка, на минуту...

Зоя (появляясь). Меня? В чем дело?

Духоявленский (негромко). Извините, мадам, что снова тревожу вас. Я вам звонил сегодня, но вы не пожелали со мной беседовать. Однако мой долг порядочного человека – предупредить вас о поведении вашего мужа...

Зоя. Я прошу вас уйти отсюда!

Духоявленский. Извольте – уйду. Однако учтите – именно сейчас, в эту минуту, ваш супруг под руку с одной дамой...

Баркасов (появляясь в дверях). Что? Что такое?

Духоявленский, подняв воротник своего пальто, делает попытку бежать. Абрамоткин и контролер задерживают его.

Абрамоткин. От нас не уйдешь.

Контролер. Не на таких напал.

Духоявленский. Руки пустите...

Баркасов. Товарищи, не вертите ему руки.

Контролер. Уйдет же, товарищ Баркасов.

Абрамоткин. Не уйдет от нас...

Зоя. Алеша, этот человек звонил мне сегодня...

Баркасов. Вы и Крутецкому звонили?

Духоявленский. Я сам был введен в заблуждение...

Баркасов. Какой вы негодяй!.. Ступайте отсюда...

Зоя. Алеша, не волнуйся так. Идем...

Абрамоткин. Неужели его так отпустить?

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Баркасов. Пусть идет. Я потом с ним поговорю. (Уходит с женой.)

Контролер. А ну, пулей отсюда!

Абрамоткин. А не то мы тебя... дым пойдет...

Контролер. Кепку-то забыл, собака. Прими ее... (Кидает кепку вслед.)

Входит Виктор Эдуардович Ядов.

Ядов. Чуть с ног не сбил меня какой-то пьяный осел!

Бабушка. Нет, он не пьяный, он... Да, Виктор Эдуардович, тут была у нас история...

Абрамоткин (со страхом, контролеру). Это он – Виктор Эдуардович, о котором я вам рассказывал...

Ядов (резко обернувшись). Что-с? Вы меня?

Абрамоткин. Нет, нет, это я просто так, Виктор Эдуардович... Идем, идем скорей, товарищ контролер.

Контролер (Абрамоткину). Да погодите вы меня так тянуть. Дайте мне хоть с бабушкой попрощаться... (Положив кепку и портфель на стул, прощаясь с бабушкой.) До свидания, бабушка-старушка. Мерси за гостеприимство.

Бабушка (любезно). Заходите к нам как-нибудь...

Контролер. С вашего разрешения, через месяц всенепременно зайду. (Показывает рукой на счетчик.)

Абрамоткин, продолжая не без страха поглядывать на Ядова, уходит, увлекая за собой контролера, который в спешке оставляет свой портфель на стуле.

Бабушка. Да, Виктор Эдуардович, все кончилось у нас далеко не так, как мы думали. Полное примирение, счастье и, что самое странное...

Ядов (в тон ей), ...и комическое...

Бабушка. Да, пожалуй, и комическое: Алексей Гаврилыч решительно ни в чем не виноват.

Ядов. А вы уверяли, что он...

Бабушка. Ошиблась, мой друг. Я была уверена, что у него адюльтер. Весь опыт моей жизни говорил об этом.

Но оказалось – всего лишь... работа. Видимо, изменился мир, изменились люди.

Ядов. Нет сомнения, сударыня, люди изменились, однако не настолько, чтоб мы с вами сочли себя лишними среди них... Разрешите позвонить одной прелестной даме?

Бабушка. Вот и чудесно. Звоните ей. И тогда успокойтесь в отношении Зоюшки.

Ядов. И без этого звонка я спокоен, как пульс покойника... (По телефону.) Настенька, вы?... Что-с? Сегодня не можете?... Тем лучше! Пойду домой работать... (Вешает трубку.)

Во время телефонного разговора в дверях, на пороге, снова появляются Абрамоткин и смущенный контролер.

Контролер (негромко). Нет, без портфеля я отсюда не уйду...

Абрамоткин. Да вот, вот ваш портфель. На стуле.

Контролер. Тес... бабушка-старушка, на минутку...

Бабушка. Ах, это вы опять прибыли, господа?

Контролер. Не могу же я, бабушка, без портфеля уйти!

Абрамоткин. Вот, вот их парусиновый портфель.

Виктор Эдуардович на нем сидит.

Ядов. Что-с? Вы меня?

Абрамоткин. Нет, это я просто так, Виктор Эдуардович.

Бабушка (отдавая портфель). Вот ваш портфель.

Контролер (прижимая портфель к груди). Вот теперь я спокоен... (Театрально раскланивается.) Мерси, бабушка-старушка...

1939

СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ Киноповесть

1. ТРОФИМ ТАРАСЫЧ ЦЕЛИТСЯ

Июнь. Поле. Окопы. Проволочное заграждение.

На колючей проволоке – черная ворона. Бесшумно взмахнув крыльями, она улетает.

Вдали видны немецкие траншеи, опоясанные рядами проволочных заграждений. Вокруг мертвая тишина.

В амбразуре окопа – винтовка. Красноармеец Трофим Тарасыч напряженно целится. Он – немолодой, пятидесятилетний, полноватый, невысокого роста боец.

В прорези мушки видна крошечная фигурка немецкого солдата.

Вокруг Трофима Тарасыча группа бойцов. Среди них молоденький лейтенант – ротный командир. Посмотрев на Трофима Тарасыча, лейтенант говорит:

– Побольше уничтожить фашистского зверья – вот наша святая задача. В этом наша доблесть и честь...

Палец Трофима почти нажимает на спуск. Но нет, Трофим Тарасыч не уверен – правильно ли взят прицел.

Некоторые из бойцов, посматривая на Трофима, улыбаются. Некоторые подталкивают друг друга под бок.

Лейтенант слегка хмурится, пожимает плечами. Говорит Трофиму:

– Ну что ж, что ж вы, товарищ боец?

Трофим Тарасыч смущенно улыбается, говорит:

– Хочется наверняка, товарищ лейтенант... Сейчас...

Один из бойцов откровенно улыбается:

– Уйдет же, Трофим Тарасыч...

Трофим бормочет:

– Не уйдет... Сейчас я его...

Кто-то из бойцов подает Трофиму бинокль.

Трофим Тарасыч смотрит. В стекла бинокля виден немецкий солдат, который роет лопатой землю. Трофим Тарасыч снова поправляет прицел на винтовке.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Но вот к группе бойцов подходит сержант. Походка у него молодцеватая, вид бравый, подтянутый. На гимнастерке медаль "За боевое отличие". Это известный снайпер Василий Степанов.

Подойдя к ротному командиру, он рапортует:

– Явился, товарищ лейтенант.

Лейтенант. Ну что, получили? !

Василий. Получил, товарищ лейтенант.

Василий отстегивает карман гимнастерки, вынимает золотые часы. На крышке часов надпись: "Мастеру прицельного огня – Василию Ивановичу Степанову. 27 июня 1942 года".

Лейтенант. Ну, поздравляю.. Теперь вы снайпер – знаменитый на всю дивизию.

Василий. Служу Советскому Союзу.

Лейтенант обращается к бойцам, говорит:

– Вот, товарищи.. Нужно это понять всем сердцем.. Допустим, каждый активный боец возьмет на себя, ну, скажем..

Обратившись к Василию, лейтенант спрашивает его:

– Какой у вас счет, Василий Иванович?

Василий. Около сорока.

Лейтенант. Так вот и я говорю.. Допустим, каждый активный боец возьмет на себя, скажем, не сорок, а хотя бы десять или даже пять гитлеровцев.. И то, вы понимаете, какой будет результат.. Ведь в таких золотых руках – победа..

Мельком взглянув на свои руки, Василий снова торжественно вынимает часы и прикладывает их к своему уху. Засим прячет их. После чего, оглянувшись кругом, останавливает свой взор на напряженной фигуре Трофима, который продолжает целиться. На губах снайпера появляется критическая усмешка. Не скрывая этой своей усмешки, Василий говорит:

– Уважаемый, дайте мне.. Я ж его моментально.. Секунды не пройдет, Трофим Тарасыч..

Трофим. Нет, Василий Иванович.. Я его увидел, я и..

Василий (пожав плечами). Пожалуйста.. Только вряд ли вы его на таком расстоянии.. нерационально.. Испортите приличную мишень..

Трофим снова целится. Но от долгого напряжения в его правом глазу слеза. Крупная, прозрачная слеза застигает фигуру немца. Трофим с досадой отводит руку от винтовки. Закрывает глаз. Бойцы улыбаются еще более откровенно.

Василий (многозначительно). М-да, Трофим Тарасыч..

1-й боец. Возьмите мой платочек, Трофим Тарасыч.. А то грязной рукой – вовсе лишитесь зрения, ценного для бойца.

2. НЕУДАЧА

Трофим машет рукой. Достает из кармана три свертка. На свертках номера – 1, 2, 3. Трофим разворачивает сверток под № 2. Там – бинты, пузырьки с йодом, с каплями, порошки и таблетки.

Бойцы, подмигивая и улыбаясь, взирают на хозяйство Трофима. Кто-то из бойцов, томимый любопытством, протягивает руку, чтобы развернуть первый сверток. Но Трофим не разрешает этого. Молча отстраняет протянутую руку.

Срезав ножницами кусок бинта, Трофим протирает глаз. И снова целится. Выстрел.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
Мы видим быстро бегущую фигурку немца. Среди бойцов взрыв хохота.

1-й боец. Ай, ей-богу... побег...

2-й боец. Держите его, Трофим Тарасыч... Держите...

– Трофим. По-моему – я попал.

1-й боец. А попали, так чего ж он побег?

Лейтенант. Ну, может, сгоряча...

Трофим. Сгоряча побег...

2-й боец (давясь от смеха). До лазарета?

Трофим. Побег до лазарета... А там... вскоре...

2-й боец. Помрет?..

1-й боец. Главное, с лопатой побежал...

2-й боец (давясь от смеха). Побежал могилу рыть...

Трофим (сердито). А я вам говорю – попал!

Василий. А попали, так запишите в свой лицевой счет.

Трофим. Поскольку сам видел – ясно, запишу... Только вот... Не имею снайперской книжечки... Ну, да я пока – на обшлаге... для памяти...

Вынув из кармана кусочек мела, Трофим Тарасыч на обшлаге своего рукава выводит цифру "1".

Василий (пренебрежительно). Пожалуйста... Если совесть позволяет...

Сконфуженно улыбаясь, Трофим подходит к лейтенанту.

Лейтенант. Да вы не смущайтесь.

Трофим. С глазом что-то... в последний момент...

Лейтенант. Ничего. Еще развернетесь... Вы ведь добровольцем?

Трофим. Так точно!

1-й боец. В ту войну – георгиевский кавалер.

2-й боец. А в эту – с аптекой ходит.

Василий (улыбаясь). Ай, ей-богу... И смех и грех...

Лейтенант. Стало быть, вторичная схватка с немцами?

Трофим. Так точно... (Вздыхнув.) Только маленько сомневаюсь... принесу ли теперь пользу...

Лейтенант. Было бы желание.

Трофим. Горю желанием, товарищ командир... Еще за ту войну имею к ним счет...

Лейтенант. Стало быть, реванш?

Трофим. Так точно!.. Реванш плюс то, что на сегодняшний день... люта я ненависть к зверью... (Вздыхнув.) Только одолевают сомнения – уже не тот...

Василий (подмигивая). Не тот – антрекот... Постарели...

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Трофим. Так точно. Укатали сивку крутые горки.

Лейтенант. Ничего. Найдем и для вас применение.

Василий. Делов тут много – и рыть, и копать, и клецки стряпать...

Лейтенант. А в самом деле, товарищ боец... Вот было бы славно, если б вы немного... по хозяйственной части...

Быстро вскинув винтовку, Василий целится.

лейтенант. Что?.. Опять фрица увидели?

Василий. Влево от крайнего дерева... Смотрите все, как я сейчас его возьму... Трофим Тарасыч, обратите ваше внимание.

Выстрел. Крошечная фигурка немца падает плашмя.

1-й боец. Bravo!.. Бис...

2-й боец. Ох, черт... На таком расстоянии...

Лейтенант. Вот это мастер прицельного огня.

3. КУКУШКА

Снайпер Василий Иванович, молодежато позируя, усмехается счастливой улыбкой.

Трофим (вздыхнув). Действительно... мастерски... Василий Иванович...

Василий. Ну, так ведь... Профессия.

Вынув из кармана книжечку, Василий Иванович зачеркивает цифру "39", пишет "40".

Василий. Закруглился, товарищ командир... Сорок!

лейтенант. Поздравляю... Ну-ка, ребята, поднесите ему сто грамм...

Василий. Да уж, так сказать... по условию... И, между прочим, салъцем закушу... Проголодался...

Достав из сумки хлеб и сало, Василий Иванович делает бутерброд. Первый боец приносит бутылку и стопочку. Наливает. Василий Иванович, встав во весь рост, поднимает стопку.

Василий. Итак, друзья, пью за наше мастерство точного прицела. За наше солдатское счастье!..

Выстрел. Пуля разбивает стопку. Василий Иванович с недоумением осматривается.

1-й боец. Ох, черт...

Василий. Ну, я им за это...

Василий всматривается вдаль. Выстрел. Пуля сбивает с Василия Ивановича головной убор.

1-й боец. Кукушка!

Василий (осматривая пробитую пилотку). Черт! Лихо бьет...

лейтенант. Ребята, осторожней! Кукушка!

лейтенант делает жест рукой – не подниматься над окопом.

Выстрел. Пуля оцарапала руку лейтенанта.

Василий (восхищенно). Ну, это снайпер!.. Красота...

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

2-й боец. Интересно – откуда бьет?

3-й боец. Бьет из леса...

Третий боец, взяв бинокль, осторожно наблюдает изза бруствера. Выстрел. Боец падает, раненный в плечо. Бойцы уводят его.

Василий. Ну, это, братцы, такой снайпер – давно не видел...

1-й боец. Но где он, Василий Иванович? Как вы полагаете?

Василий. Сейчас отыщем...

Лейтенант. По лесу пулеметный огонь!

Пулеметчики открывают огонь.

Василий. Проверим!

Василий надевает стальной шлем на штык. Поднимает над окопом. Выстрел. Пуля бьет в шлем. Со свистом отлетает в сторону.

Трофим. Шлепает...

Василий. Откуда же он бьет? Меня это прямо профессионально заедает.

Трофим Тарасыч внимательно осматривает шлем с выемкой от пули.

Трофим. Пока одно можно сказать, Василий Иванович: бьет сверху, с дерева.

Василий (пренебрежительно). Ясно, что с дерева, не с облаков. (Взяв бинокль.) Сейчас увидим...

1-й боец. Как назло – лес большой, Василий Иванович. А то бы вы, наверно, сразу увидели...

Василий. А то бы, конечно, я сразу увидел... А тут, пес его знает, где он там есть... В глазах от веток рябит...

Лейтенант. Придется прочесать шрапнелью.

Трофим внимательно смотрит в амбразуру окопа.

Трофим (бормочет). Сейчас... сейчас... Погодите, погодите... Может быть, что-нибудь такое замечу...

Василий. Сейчас он шиш заметит...

1-й боец. Да уж с ихним зрением... не приходится что-либо замечать...

Лейтенант. Василий Иванович, звоните на батарею...

Трофим. Сейчас, сейчас... Товарищ командир, погодите маленько... Сейчас определю, где ихняя кукушка...

Василий (иронически). Да ну?.. Ай, какие бывают комичные люди...

Трофим. Сейчас, сейчас... Ага... Это так... А этот, значит, так... А эти теперь так... ясно!

Лейтенант. Что ясно?

Василий. Ну-ка, Трофим Тарасыч, пустите... Хочу щелкнуть по тем деревьям.

Трофим. Товарищ командир, ихняя кукушка сидит вот на том дереве... Видите кривую сосну? За ней ветвистое дерево. Вот она там и сидит. Кукушка...

Лейтенант. (смотрит в бинокль). На том дереве?.. Чепуха... Ничего там нет...

4. ИНТЕРЕСНАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

В стекла бинокля мы видим густые ветки, вороны гнезда и летающих ворон.

лейтенант. фантазируете, товарищ боец..

Трофим. Никак нет, товарищ командир, кукушка сидит на том дереве.

лейтенант. Да вы что: ее увидели? Своими глазами?

Трофим. Никак нет... Вороны ее увидели... Видите, вороны летают...

лейтенант. Ну, летают...

Трофим. Летают, а не садятся?

1-й боец. А для примеру, зачем им садиться, Трофим Тарасыч?

Трофим. Да там их гнездо! Видите, летают невзирая на выстрелы – ведут свою личную жизнь. Значит, ясно, там их птенцы... Глядите, кружатся над деревом, – и сразу обратный ход... Боятся...

1-й боец. Выстрелов?

Трофим. Зачем выстрелов?.. Боятся того, кто сидит на дереве. Кукушку!..

лейтенант. Интересно.

Трофим. Исключительно интересно, товарищ командир... Прикажете пулеметом по тому дереву...

лейтенант. Ну-ка, ребята, по тому ветвистому дереву.

Пулеметная очередь. лейтенант смотрит в бинокль.

лейтенант. Есть! Кажется, что-то упало.

Трофим. Проверим!..

Трофим надевает шлем на штык, поднимает над окопом. Тихо.

Трофим. Видите, замолкла кукушка.

лейтенант. Черт возьми... Bravo!..

Вынув из кармана дарственные часы, Василий прикладывает их к своему уху.

Василий (небрежно). Интересная случайность... Повезло!..

лейтенант. Молодец, Трофим Тарасыч... Ну-ка, ребята, поднесите Трофиму Тарасычу сто грамм...

Трофим. Да не за что, товарищ командир...

лейтенант. Все-таки кукушку убрали... Наблюдательность выказали...

1-й боец (счищая с обшлага Трофима "1"). Разрешите счистить вашу единичку... Проставьте себе два...

Трофим. Так ведь не я же стрелял...

2-й боец. Все-таки вы ее своим умом поразили...

1-й боец (пишет мелом "2"). По справедливости... Так ведь, Василий Иванович?

Василий. Да, конечно... отчасти... Если совесть позволяет. (Иронически улыбаясь.) Может, хотите – посоревнуемся... Поскольку вы вступили на путь снайпера?

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Трофим. Ну, что вы, Василий Иванович... Где же мне...

Василий. То-то и оно...

Достав из кармана книжечку, Василий рассматривает свой лицевой счет цифру "40". Счастливая улыбка освещает его лицо.

5. НА ЖИВЦА

Мы видим снайпера Василия Ивановича на дереве. Он примостился на ветке дуба. В руке у него винтовка. Другой рукой Василий Иванович прячет свою книжечку в карман гимнастерки. Улыбаясь, смотрит вниз.

Внизу дерева с полевым биноклем в руках – Трофим Тарасыч.

Трофим. Здорово...

Василий. Они думают, что только у них такие одаренные снайперы... Ошибаются... Видали, как взял?

Трофим. Прямо исключительно, Василий Иванович.

Василий. Это им русский ответ на вчерашнее. А вы, Трофим Тарасыч, присматривайтесь... не стыдитесь учиться мастерству... И в дальнейшем, может, и вы увеличите общий счет... Приблизите победу своими руками...

Трофим. Не сомневайтесь, Василий Иванович... Приложу старание...

Василий. Главное, понимаете, дорогой, что важно – выдержка, твердость руки... И отчасти, конечно, наблюдательность, то, что вы уже имеете... Вот что нужно снайперу. Понимаете?

Трофим. Понимаю, Василий Иванович.

Василий. Все остальное – чепуха, дым... Уверенность, мужество, точность – вот что должен боец иметь... И зато налицо такие результаты... За один сегодняшний день нащелкал, представьте себе, семь штук...

Трофим. А положили себе задание?

Василий. А положил себе задание – десять гитлеровцев. Хотелось, понимаете, довести до пятидесяти. Закруглиться... Но увы – трех не хватает...

Трофим с сожалением смотрит на обшлаг своего рукава. На обшлаге мелом выведена цифра "2".

Трофим. Крупная у вас цифра, Василий Иванович... А вот у меня только два. Да и тех вы подвергаете сомнению...

Василий. Погодите с разговорами, Трофим Тарасыч... Вот опять один фриц показался.

Трофим. Где, где?

В стекла бинокля видим фигурку немца. Он осторожно вылезает из окопа, бежит к избе, угол которой мы видим за пригорком. Выстрел. Немец падает.

Трофим. Ну прямо невероятно, Василий Иванович... Сколько же теперь у вас?

Василий. Да вот считайте – было сорок семь, плюс этот... Итого сорок восемь... Все-таки не хватает... Так сказать, недобор...

Трофим. Да вы не теряйте надежды.

Василий. Нет, уж сегодня вряд ли двух возьму... Дело к темноте идет. А противник стал исключительно осторожный...

Трофим. Василий Иванович... А что если я вас попрошу...

Василий. Ну?

Трофим. Василий Иванович, можете вы, например, не убить, а только ранить?

Василий. Могу. Но я тактичный человек. Я сразу их... Путешествовать на небо... А то, думаю, поправится подлая немчура – снова начнет кренделить...

Трофим. Василий Иванович, сделайте для меня одолжение – раньте одного. Но только чтобы он упал и закричал... Можете, чтоб он – закричал?

Василий. Пожалуйста. Но только зачем это вам? Нерационально...

Трофим. Надо, Василий Иванович... Есть одна придумочка. Для пользы дела.

Василий. Погодите... Один выходит из избы...

В стекла бинокля мы видим фигурку немца. Выйдя из избы, он осторожно пробирается к кустам. Выстрел. Немец, взмахнув руками, падает, кричит. На крик выбегают из избы еще два немца, наклоняются над раненым.

Трофим. Дуйте, Василий Иванович... Щелкайте... не теряйте времени...

Два выстрела – и еще два немца падают.

Василий. Есть. Трое... Ох, это вы интересно придумали, Трофим Тарасыч...

Трофим. На живца!.. Ну, сколько же теперь у вас?

Василий. Было сорок восемь, плюс эти три – итого пятьдесят один.

Трофим. Видите – перебор... Но, по совести говоря, – один или два мои.

Василий. Да, уж придумочка ваша... Тогда возьмите себе одного... И я при своих останусь... Будет ровно пятьдесят...

Трофим стирает с обшлага цифру "2" и выводит мелом "3".

Трофим. По справедливости.

Василий. Конечно, строго говоря, это не ваш фриц, но, поскольку у меня перебор... Я вам делаю одолжение...

Слышен выстрел. Шипение мины.

Василий. Рассердились, подлецы. Сейчас начнут прочесывать... Кажется, придется вниз сойти...

Разрыв. Василий с беспокойством прикладывает часы к своему уху – не повредились ли от взрыва. Поспешно спускается вниз.

Трофим. Встаньте прямо на мою руку... Да вы не бойтесь – не опрокину.

Василий Иванович неуверенно встает на протянутую ладонь. Трофим легко ставит снайпера на землю.

6. СОПЕРНИКИ

Тихая музыка губной гармоники. Трофим Тарасыч в блиндаже – лежит на соломенном тюфяке. Искусно играет на гармонике. Вокруг Трофима весьма чистенько. На стене, обшитой досками, – картинка из журнала, градусник и географическая карта. С капающего потолка сделан отвод – протянута веревка. Капли воды, стекая по веревке, равномерно падают в поставленный на пол котелок.

Вокруг Трофима сидят бойцы. Взглянув на свои часы, снайпер Василий Иванович прячет их в карман, мимоходом приложив к своему уху.

1-й боец. Взгляните, Трофим Тарасыч... Я вроде вас – против воды отвод делаю...

Трофим. Добре...

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Василий (пренебрежительно). Нерационально. Нынче – здесь, завтра там... Ни к чему...

Трофим. Отчего же, Василий Иванович... По-моему, хоть на пять минут, да уют...

Василий (раздраженно). По-вашему!.. По-вашему, боец, имеющий некоторую наблюдательность или какуюнибудь там голую выдумку – уже есть нечто что-то особенное... А по-моему...

Трофим (добродушно). Да я так и не думаю, Василий Иванович... Наоборот, считаю, что...

Василий. Напрасно считаете... Это есть тоже качества бойца... но это, глубокоуважаемый, далеко не главное...

Трофим. Да, это я отлично понимаю, Василий Иванович...

Василий. Истребить живую силу противника – вот задача дня, уважаемый боец. (Пренебрежительно.) Кстати, чем вы до фронта занимались?

Трофим (смущенно). По водопроводной части...

Василий. Вот и продолжали бы это самое... А то имеете полета лет со дня вашего рождения, и вдруг, здравствуйте, я ваша тетя – новое светило на нашем небосводе...

Трофим Тарасыч вполголоса запекает народную песню: "Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить".

Бойцы подхватывают припев.

Василий. Песня ваша ничего себе, Трофим Тарасыч. Но только наши бойцы приучены к другим, более славным мотивам... Ну-ка, ребяташки, давайте мою любимую...

Бойцы запевают. Вынув из кармана губную гармонику, Трофим Тарасыч подыгрывает мелодию.

7. ГЛУБОКАЯ РАЗВЕДКА

Редкий лесок. Впереди зеркальная гладь залива. По кочкам, спотыкаясь, идут наши знакомые – снайпер Василий Иванович и Трофим Тарасыч.

Василий. Вообще, Трофим Тарасыч, я взял вас в глубокую разведку, чтоб, так сказать, ознакомить вас с боевой обстановкой... Но за это я требую от вас полного подчинения.

Трофим. Не сомневайтесь, Василий Иванович...

Василий. Главное, мне хочется вас немножко приблизить к современным боевым условиям... Поскольку, так сказать, ваша учеба уходит в далекое прошлое... Ну, как, не устали?

Трофим. Никак нет!

Василий. А то, если хотите, отдохнем... Я учитываю ваш возраст... Вот речонку перейдем и сделаем привал. Чайку попьем.

Трофим. Вот чайку бы не худо. Тем более мне пора пилюли принимать.

Василий. А против чего пилюли принимаете?

Трофим. Против изжоги.

Василий. Да, вы хворый человек, Трофим Тарасыч. Вам вредно на войне быть...

Трофим. Человеку везде вредно... Не угадать, где быть...

Прятели подходят к реке. Пытаются перейти вброд.

Василий. Слишком маленькая речка, но какая, взгляните, бурная... Пожалуй, тут по грудку будет.

Трофим. А мы не тут, а вот там перейдем, где бурлит.

Василий. Нет, где бурлит – не советую. Идите за мной!

Трофим. Наоборот, Василий Иванович. Значит, там мель, камни... если бурлит... Держитесь за меня.

Василий. Главное – боюсь за дарственные часы – подмокнут.

Трофим. А вы сядьте ко мне на кулички... Я вас одним махом.

Василий берет за плечи Трофима, усаживается.

Василий. А не будет тяжело?

Трофим. Ну, что вы, Василий Иванович, только походка тверже.

Трофим переносит Василия через речонку.

Василий. Физическая сила у вас не ослабла, товарищ боец...

Трофим. Нет, все-таки заметно сдал. Раньше я – ого!

Василий (прикладывает часы к уху). Вообще, Трофим Тарасыч, данные бойца у вас есть... Выдумка, наблюдательность... Плюс физическая сила... Но, конечно, вам еще многое потребуется, чтобы встать на высшую ступень...

Трофим. Ну, об этом я и не мечтаю, Василий Иванович...

Василий. Нет, отчего же... Я тоже не мечтал, а вот обстановка вынесла меня на высоту... Хотите заместо чая я угощу вас дивной ухой?

Трофим. А как же мы рыбу поймаем?

Василий. Ну, это положитесь на меня. Я знаю, как ее ловить. Я обучу вас одному способу.

Трофим. Гранатой?

Василий. Предположим, гранатой. Вот увидите... Главное – в этом заливе рыбы до черта... Правда, противник может открыть стрельбу с того берега. Но без этого нельзя – война.

Василий подходит к берегу. Вынув из сумки гранату, замахивается, чтоб бросить ее в воду.

Трофим. Стойте, стойте, Василий Иванович... Что вы... Разве можно...

Василий. А что?

Трофим. Нет уж, положите вашу гранату назад.

Василий. Отчего же, Трофим Тарасыч?... Ну, услышат немцы... мало ли выстрелов... Не обратят внимания...

Трофим. Да я не об этом. Я боеприпасы берегу...

Василий (замахиваясь гранатой). Так одну же штуку...

Трофим. Нет, это я вам категорически не разрешу.

Василий. Вы – мне? Категорически?... Я вас взял с собой в разведку... как старший товарищ, а вы мне... не разрешите... интересно...

Трофим. Да вы не сердитесь на меня, Василий Иванович... Мне гранату жалко... каждая штука на фрицев рассчитана, а мы вдруг рыбу глушить будем.

Василий. Тогда будем без ухи.

Трофим. Уж лучше без ухи, чем фрица порции лишить...

Василий (жалобно). Главное, кушать захотелось... В брюхе музыка... Слышите?

Трофим. Звучание есть... Тогда вот что... Погодите, где-то я тут видел маленький плот... Вы пока полежите, отдохните, а я тем временем устрою вам рыбное блюдо.

Василий. Вы мне устроите?.. Интересно... Без гранаты?

Трофим. Вот увидите...

8. РЫБНЫЙ МАГАЗИН

У берега залива три бревна, связанных вместе. Трофим берет шест, устанавливает его торчком на плоту.

Находит на берегу какую-то тряпку, изорванный валенок, бутылку, консервную банку. Делает на плоту нечто вроде чучела. Чучело получается чудовищного вида. Вместо головы – валенок, вместо рук – палка. А к палке подвешены бутылка и банка. Трофим отпихивает плот от берега и толкает его в сторону. Сооружение плывет, покачиваясь. Бутылка и банка сверкают на солнце и производят неслыханный эффект.

Василий. Интересно... Только сомневаюсь, что будем уху кушать.

Трофим. А вы погодите...

Увидев на воде странное сооружение, немцы начинают стрелять. Сначала слышим несколько отдаленных ружейных выстрелов. Чучело продолжает гордо стоять, поблескивая банкой. Входит в дело пулемет. Чучело, сломавшись наполовину, плывет, покачиваясь. Выстрелы.

Шипенье. Несколько мин рвутся на воде. Чучело гордо плывет среди взрывов водяных столбов.

Василий. Значит, противнику предоставили?..

Трофим. А мне ихних снарядов не жалко... Сейчас они устроят нам рыбный магазин... Налима хотите? Налимы будут. Сазаны... Ерши... Сейчас они заготовят рыбную продукцию... Видите?

На поверхности залива мы видим оглушенную рыбу. Этой рыбы все больше и больше. У самого берега огромный сом. Брюхо у него кверху... Выстрелы прекращаются. Друзья отбирают несколько рыбин.

Трофим. Чтобы сократить дорогу, предлагаю сесть на этот плот – доедем до того мыска.

Василий. Вы в своем уме, Трофим Тарасыч?.. Опять стрельба пойдет...

Трофим. Наоборот... Противник увидел, что зря стрелял... Сейчас совершенно безопасно, Василий Иванович.

Василий. Ну не знаю. Лично я пешочком пойду... И вас порицаю за такое молодечество.

Трофим садится на плот и, отталкиваясь шестом, едет. Василий идет пешком, огибая берег залива. Выстрелы. Несколько снарядов ложатся на берегу. Один из снарядов разрывается весьма близко от Василия. Тот падает на землю. Поспешно вытаскивает часы, прикладывает к уху. На лице огорчение. Встав на ноги, бежит под выстрелами. Между тем Трофим спокойно доезжает до мыска.

Василий (подбегая). Ну, вот. Дождались... часы...

Трофим. Остановились?.. Это они от воздушной волны...

Василий. Факт – стоят... Ну, знаете, Трофим Тарасыч, этого я вам никогда не прощу...

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Черт с ней, с ухой, но дарственные часы...

Трофим. Дайте, я их почию...

Василий. Нате, но только сомневаюсь... Вот положился на вас... А я вам говорил, как старший товарищ... И надо было меня слушаться... Не вызывать немцев на стрельбу... Вот и гимнастерку порвали...

Трофим берет часы в этот момент немецкий снаряд разрывается до того близко, что друзей осыпает землей. Трофим прикладывает часы к своему уху. На лице улыбка.

Трофим. Ну вот, возьмите ваши часы – пошли!.. Зря плакались...

9. МОЛОДОСТЬ ПОБЕЖДАЕТ

Трофим Тарасыч и Василий Иванович в овраге, у костра. На огне котелок с рыбой. Вполголоса друзья поют старинную солдатскую песню. Закончив петь, Трофим Тарасыч вынимает из кармана свои занумерованные свертки. Разворачивает сверток N 3. В свертке – нитки, иголки, ножницы и кусочки материи.

Вдев нитку в иголку, Трофим Тарасыч зашивает разорванную гимнастерку Василия Ивановича.

Василий Иванович протягивает руку к свертку "N 1. Однако Трофим Тарасыч прячет сверток в карман.

Василий. Что-нибудь секретное?

Трофим. Да нет, так... бытовое... личное...

Василий. С моей точки зрения, разведка была бесплодная – ни одного фрица не зацепили...

Трофим. Ну, еще целый день впереди...

Василий. Лично я считаю – потерянный, несчастливый день, если не взято ни одного фрица... А когда возьмешь – "такая радость на душе... Думаешь – ну, еще шаг к победе, еще шаг к тому, чтоб покончить с подлым врагом...

Трофим. Вот это верно, Василий Иванович...

Василий. Что верно? Вы почему знаете, – не взявши ни одного немца.

Трофим (искоса взглянув на тройку, выведенную мелом на обшлагае). Ну, все-таки... отчасти...

Василий. Отчасти вам не везет, а с другой стороны, вы сами виноваты тычете винтовку, целитесь пять минут... И через это от вас польза на войне слишком мизерна. Извините, что я вам так откровенно говорю.

Трофим. Да я сам сознаю.

Василий. А сознавать свою пользу – это, может быть, наивысшее счастье для каждого бойца, для каждого человека нашей Советской страны. Оттого я чувствую себя таким счастливым... Немножко завидуете мне?

Трофим. Конечно, завидую. Молодость завсегда перекрывает старость... Не во всем, конечно, но...

Василий. Нет, некоторая польза от вас тоже есть, но уж не в такой степени, как хотелось бы...

Трофим. Вот покушаем уху и пойдём... Но только я вас попрошу, Василий Иванович, предоставьте и мне стрелять. А то вы меня опережаете. Ясно, что (взгляд на свою тройку) топчусь на одном месте...

Василий. Но я вам дам вперед фору. Давайте условимся – первый удобный фриц – это ваш.

Избранное. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Трофим. Благодарю вас, Василий Иванович.

Василий. Вообще, конечно, правильно, что вы не пошли со мной на соревнование... Я оценил вашу скромность...

Друзья хлебают уху.

10. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ДОРОГ

По шоссе стремительно идут немецкие грузовые машины. В машинах – солдаты, снаряды, груз.

На перекрестке трех дорог – регулировщик – немецкий солдат. В одной руке у него пестрый флажок, в другой руке – какая-то тетрабочка. Своим флажком регулировщик показывает, по какой дороге идти машинам.

Колонна машин доходит до перекрестка и удивительно послушно поворачивает по направлению флажка.

В кустах, у канавы, два бойца. Один из них Трофим Тарасыч, другой Василий Иванович. Винтовка Трофима лежит на плече друга. Трофим целится в регулировщика.

Василий. Видите, какого немца я вам предоставил...

Трофим. Благодарю вас, Василий Иванович.

Василий. Легкий, удобный фриц. Лично я с закрытыми глазами взял бы его... Но раз было условие – первый удобный ваш – стреляйте... Только погодите – машины проедут.

Трофим. Ясно... Это я так...

Мы видим хвост колонны. Последняя машина минует регулировщика и скрывается за поворотом. Однако регулировщик не уходит. Достав из кармана портсигар, закуривает сигаретку.

Василий. Вот теперь – валяйте... Ну, что же вы?..

Трофим. Погодите – думаю... Видите, не уходит... Значит, еще будут машины...

Василий. А пока их нет – шейте... Ай, какой вы занудистый человек... Ну!

Трофим. Хочу предоставить вам этот выстрел.

Василий. А что, опять глаз затмило?

Трофим. Никак нет. Мне надо чистенький выстрел. Такой, чтоб китель не запятнать. Можете?

Василий. Пожалуйста. Только зачем вам это?

Трофим. Надо.

Василий Иванович, вздохнув, берет винтовку и, прицелившись, стреляет.

Регулировщик падает. Трофим подбегает к нему. Напяливает на себя его головной убор. Шутливо козыряет стрелку. Потом жестами просит его остаться в кустах. Стрелок показывает на дорогу. Вдали виднеется пыль видимо, идут еще машины. Трофим поспешно облачается в костюм немца. Оттаскивает убитого в канаву. Приняв строгий вид своего предшественника, взяв в руку его флажок и тетрабочку, становится на перекрестке.

Между тем новая колонна машин приближается. Взмах флажка – и наш регулировщик указывает новый путь – не левую дорогу, а правую, ведущую в наш тыл. Машины послушно следуют указанию. Четыре машины безропотно идут направо. Но пятая машина замедляет ход. Из кабины высовывается водитель. Что-то кричит. С недоумением показывает рукой на левую сторону. Пожимает плечами. Мы крупным планом видим эту машину. В ней немецкие солдаты. Они курят, горланят, поют песню под аккомпанемент визгливой флейточки.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
Наш регулировщик, хлопнув ладонью по тетрабочке и тряхнув флажком, неуклонно показывает правый путь.

Пятая машина послушно догоняет ушедших вперед.

Замедленное движение пятой машины сделало в колонне интервал. Поглядев в тетрабочку и снова хлопнув по ней рукой, Трофим меняет направление колонне. Его флажок направлен теперь в открытое поле, где нет дороги. Шестая машина и вслед за ней другие послушно сворачивают в поле, минуя канаву. Кто-то из грузовика вопросительно машет рукой. Что-то кричит.

Снова энергичный взмах флажка и хлопанье ладонью по тетрабочке – и теперь вся колонна (кроме первых пяти машин) послушно идет по целине, подсакивая на кочках и рытвинах. Хвост колонны скрывается вдали.

Василий (смеясь), Ай, ну что вы сделали, Трофим Тарасыч...

Трофим. А чем я виноват, что они такие послушные...

Василий. Дюже дисциплине подчиняются... Только давайте скорей уходить.

Трофим. Ясно – сидеть не будем.

Василий. А ничего, что вы к нам машины заслали? Все-таки будет неожиданность.

Трофим. Так я же не полную колонну. Всего пять машин. Ничего – наши возьмут их в оборот... Волен ли закурить?

Трофим протягивает стрелку немецкий портсигар. Оба закуривают. Где-то слышны выстрелы.

Приятель идет вдоль шоссе. Минуют убитого регулировщика.

Трофим. Ах, да. Не забудьте к вашему счету прикинуть и этого...

Василий. А был бы ваш. Сами отказались... Итого у меня шестьдесят три.

Трофим (со вздохом смотрит на обшлаг своего рукава, на котором прежняя цифра "3"). А у меня как заколодило.

Василий. Вообще вам счастье не сопутствует.

Трофим. Исключительно не везет, Василий Иванович.

Василий. Но отчасти сами виноваты – капризничаете. От такой легкой цели отказываетесь в мою пользу.

Трофим. Так ведь надо было.

Вдали выстрелы, разрывы, дым.

Василий. Встреча происходит.

Приятель смотрят вдаль.

Человек сорок немецких солдат понуро стоят у штаба полка. На дороге несколько разбитых грузовиков убитые немцы. Наши бойцы собирают в кучу немецкие винтовки.

Молоденький лейтенант-командир роты (улыбаясь, говорит командиру полка). Ручаюсь, товарищ полковник, это работа Трофима Тарасыча...

Комполка. Да, это, пожалуй, его стиль...

Лейтенант. Ручаюсь... Нарочно опросим немцев...

11. ТРОФИМ ТАРАСЫЧ ОТДЫХАЕТ

Окопы. На ступеньках блиндажа сидят бойцы. Командир роты (лейтенант) что-то рассказывает. Взрыв хохота.

лейтенант. Потихе, ребята... Трофим Тарасыч отдыхает...

Василий. Я удивляюсь, товарищ командир... Уж очень вы с Трофимом Тарасычем... как говорится... носитесь... Я извиняюсь, конечно...

Вытащив из кармана дарственные часы и взглянув на них, Василий не без обиды пожимает плечами.

лейтенант. Не ношусь, но учитываю – человек целую ночь ходил... Естественно... И возраст его...

Василий. Что касается возраста – согласен учитывать... Но вообще нерационально такое исключительное внимание. Я извиняюсь, конечно...

лейтенант. Ничего особенного. Отдаем должное.

Василий. Боец он неплохой. Наблюдательность.

Выдумка. Опыт. Не спорю... Но в смысле истребления живой силы противника хромает на обе ноги...

1-й боец. А зато храбрый какой.

Василий. Все мы храбрые.

1-й боец. Нет, он что-то особенное...

2-й боец (задумчиво). Человек он одинокий...

лейтенант. А что – у него никого нет?

1-й боец. В Брянске у него жена убита...

2-й боец. Естественно... когда человек один – у него другая душа. Более отважная...

Василий (расправив плечи). Ясно... Привязанности нет... Староват... Это играет роль...

2-й боец. Еще бы. Будь я одинокий, я бы...

лейтенант. Ну, это неизвестно.

Василий. Он правильно говорит.

2-й боец. Совершенно правильно. Со всех сторон обдумал свое поведение... Будь я один, я бы...

1-й боец (улыбаясь). Ты бы... что бы?

2-й боец. Я бы немцам... ой...

Далекий выстрел. Пуля прожужжала над головой. Второй боец пригибается. Взрыв хохота.

1-й боец. Поклонился немецкой пуле.

2-й боец. Ну, поклонился... Поскольку у меня, товарищ командир, жена – раз, бабушка – два, дочурка и сынок – три... Трусости нет, но, естественно, остерегаюсь. И даже считаю это своим достоинством...

Где-то разрыв снаряда. Второй боец лихорадочно подпрыгивает. Снова взрыв хохота.

лейтенант. Товарищи... не так громко...

Вытащив из кармана часы и приложив их к уху, Василий снова пожимает плечами.

Мы видим внутренность блиндажа. На койке сидит Трофим Тарасыч. Задумчиво улыбаясь, пишет огрызком карандаша письмо. И при этом медленно читает вслух:

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

"...Мамочку вспоминай с любовью и сожалением. И меня жди безропотно. Учись исключительно хорошо, чтоб стать дочкой своего отечества. Засим, дорогая моя дочка Зинушка, кланяюсь тебе низко. Будь здорова, птичка моя". Закончив писать, Трофим Тарасыч разворачивает лежащий на тюфяке сверток, достав оттуда карточку, смотрит на нее. Мы видим Трофима Тарасыча в штатском платье. За руку он держит девчурку лет десяти. Улыбнувшись и вздохнув, Трофим Тарасыч кладет карточку в сверток и, положив туда же карандаш и письменные принадлежности, заворачивает его. Теперь на свертке мы видим N 1. Положив в карман сверток, Трофим Тарасыч задумчиво продолжает сидеть.

12. ДРУЗЬЯ

Лес. На опушке леса небольшая изба. Видимо, лесная сторожка. Окно сторожки открыто. На подоконнике пишущая машинка. Писарь штаба полка яростно бьет по машинке, печатая какое-то отношение.

На крыльце избы видим командира полка и лейтенанта.

Перед ними Трофим Тарасыч и Василий Иванович.

Комполка. Конечно, задача не из легких – достать языка, но вы постарайтесь.

Трофим. Попробуем, товарищ командир. Но ручаться нельзя.

Василий. Главная причина, товарищ командир, – немцы теперь не ходят в одиночном порядке.

Трофим. Они ходят группой по десять-пятнадцать человек. В исполнение своего приказа.

Комполка. А вы одного оторвите от группы.

Василий. А как его оторвать? Они друг за дружкой смотрят.

Комполка. Как-нибудь заманите.

Трофим. Исключительно трудно, товарищ командир... Требуется психологическое решение вопроса... Попробуем.

Василий. Постараемся.

Трофим. Но для этого требуется нам...

Комполка. Все предоставим.

Трофим. Один круг копченой колбасы – по душистей, с чесночком... Одна скатерть. Один сапог с русским голенищем. И дамское платье или капот.

Комполка. Сейчас распоряджусь. (Лейтенанту.) Великолепное сочетание эти два друга...

Лейтенант. Вдвоем они равняются по крайней мере целой роте...

По лесной тропинке идут двое – Трофим Тарасыч и Василий Иванович. В руках у Трофима узел, – в белую скатерть завернуты какие-то вещи.

Трофим. Лесную сторожку помните?

Василий. Это такая разбитая сторожка? Помню...

Трофим. До этой сторожки мы дойдем. И там, может быть, три дня останемся... Интересно колбаска пахнет...

Василий. Запашок есть... Чувствуется...

Приятель подходит к сторожке. Это – маленький домик, разбитый и разграбленный. Окно выбито, и дверь висит на одной петле. Взглянув в окно, мы видим хаос. Стол перевернут. Мусор и бумага разбросаны по полу.

Друзья входят в сторожку.

Трофим. Вы все-таки поглядывайте на тропинку, Василий Иванович... Все-таки немцы – меньше километра... А я тем временем...

Трофим вешает свой узел на гвоздь, торчащий в стене. Повесив узел, перетряхивает его так, что из узла теперь видны некоторые вещи – голенище от сапога, колбаса я рукав от платья. Сделав это, Трофим и Василий выходят из помещения.

Трофим. Теперь, Василий Иванович, проверим... Допустим, что мы немцы... и допустим, что мы идем по этой лесной тропинке.

Прятели идут по тропинке.

Трофим. Теперь косо взгляните в оконце. Видны вещи?

Василий. Видны. Но не особенно.

Трофим. По-моему, тоже не назойливо, но видно... И запах до носу доходит... В порядке...

Прятели входят в сторожку. Поставив стол и встав на него, разбирают доски потолка и лезут на чердак. Ложатся на сено.

Трофим. Теперь по очереди можно спать.

Василий. А как условимся, Трофим Тарасыч?... Чей первый немец?

Трофим. Теперь пуцай ваш – первый немец.

Василий. Нет. Я опять хочу вам предоставить льготу. Первый удобный фриц пуцай ваш. Второй – мой. Третий – опять ваш. И так далее...

13. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

По лесной тропинке движется немецкий отряд. В отряде – двенадцать человек. Впереди ефрейтор. Отряд минует сторожку. Кое-кто из солдат заглядывает в оконце.

Ефрейтор. Не останавливаться, господа солдаты!..

1-й солдат, А может, там, господин ефрейтор... что-нибудь... (принюхиваясь). Что-то там такое... помоему...

Ефрейтор. Пусто! Двадцать раз до вас ходили.

2-й солдат (резко). Вам говорят, господа солдаты... Вперед!

Отряд, не останавливаясь, идет дальше. Скрывается в кустах. В щель соломенной крыши сторожки мы видим улыбающееся лицо Трофима.

Трофим (тихо). Теперь, Василий Иванович, ожидания наши подходят к концу... Думаю – через часик все разрешится.

Мы видим молодое лицо немецкого солдата. Солдат осторожно пробирается сквозь кусты. Подходит к сторожке. Оглядывается. Где-то шорох. Солдат ложится в траву. Ветки кустов шевелятся. Глаза солдата испуганно вытаращены. Палец на курке. Сквозь ветки кустов мы видим лицо немецкого ефрейтора. Хитрая улыбка блуждает на его губах. Поглядывая на сторожку, ефрейтор потирает радостно свои руки. Немецкий солдат не видит своего ефрейтора. Но шевеление в кустах устрашает его еще больше. Вот показалась в кустах рука. Солдат стреляет. Тело ефрейтора падает на тропинку. Солдат, увидев, что убит ефрейтор, в ужасе всплескивает руками. Молчаливая сцена ужаса продолжается несколько секунд. Затем солдат поспешно входит в сторожку, снимает узел с гвоздя. С потолка камнем падает на солдата Трофим Тарасыч. Ошеломленный солдат безропотно сдается. Василий запикивает ему в рот платок.

Василий. Красиво получилось, Трофим Тарасыч... Угадали. Оторвали одного...

Трофим. Психологическое решение задачи... Иначе – не оторвать.

Василий. Так это ваш. Как вы с ним поступите?

Трофим. Возьмем с собой.

Трофим, стрелок и пленный выходят из сторожки.

Трофим. Тихо... Шаги...

Трофим и стрелок ложатся в траву, заставляя пленного сделать то же самое. В кустах – шевеление.

Трофим (тихо). Приготовьтесь, Василий Иванович... Ваш... Давайте.

Выстрел. На тропинку падает немецкий солдат.

Василий. Второго оторвали...

Трофим. Допускаю, что еще кто-нибудь сунется...

Василий. Может, весь ихний отряд?

Трофим. Может быть, и весь отряд. Только не вместе, а по одному. Психологическое решение – неохота делиться, а всем вместе – мало... Те... еще, кажется, один...

В кустах шевеление.

Василий. Ваша очередь, Трофим Тарасыч. Подпустите ближе, чтоб не смазать.

Трофим. Есть!

Кусты раздвигаются. Перед друзьями лохматая собака. Понюхав воздух и увидев людей, собака, оскалив зубы, убегает.

Василий. Ай, ей-богу, как не везет вам... Третий номер, и вдруг – собака... Это что-то особенное, Трофим Тарасыч!

Трофим. М-да... Досадно...

Василий. Было бы у вас на обшлаге – пять с первым номером. Закруглились бы. А при таком невезении снова три.

Трофим. Зато отряд растрепали.

Василий. Это, конечно... Но все-таки...

Трофим, Василий и пленный идут по тропинке. Пленный несет узел.

14. ТЫСЯЧА МАРОК

Перед командиром полка – Трофим Тарасыч, Василий Иванович и пленный.

Комполка. Ну, молодец, Трофим Тарасыч...

Трофим. С учетом психологии...

Комполка. Ну, отдохните... А мы пойдем допросим этого фрица.

Командир полка и пленный идут в избу. Трофим и Василий ложатся на траву под дерево. Блаженно закрывают глаза.

Трофим. Василий Иванович, вы не забудьте своего последнего причислить к общей вашей цифре...

Василий. Да нет, я считаю.

Трофим. Сколько же у вас теперь?

Василий. Было девяносто два плюс эти два...

Трофим. Где же два, ведь ефрейтора сам немец ликвидировал... Видите, какой вы забывчивый.

Василий. Ну, тогда девяносто два... да плюс один... Итого девяносто три.

Трофим (со вздохом смотрит на обшлаг своего рукава). А у меня... Прямо совестно кому-нибудь сказать...

Василий. Я же говорю – вам не везет... Вы прямо неудачник.

Трофим. Выходит, что так...

Василий. Интересно отметить, что у вас все больше живые... может, вы их жалеете?

Трофим. Да где же жалею. Так оно как-то складывается...

Василий. Ну, не знаю. Я так своих. Вот взять сегодняшнего – без сожаления. – А ваш один, и то – эвон – живой в окне торчит. Я бы его тоже... без сожаления...

Мы видим в окне штаба пленного немца. Трофим подходит к красноармейцу, который сидит на лавочке с винтовкой и с баяном в руках. Трофим протягивает руку. Красноармеец подает Трофиму Тарасычу винтовку. Тот отрицательно качает головой. Берет гармонь. Усевшись на траве, начинает играть.

Командир полка в гневе ударяет по столу кулаком.

Комполка. Ну нет! Трофима Тарасыча мы вам так дешево не отдадим... Сколько? Тысяча марок?

Василий. Тысяча марок.

Комполка (в окно). Трофим Тарасыч... Где вы? Не ушли?... Пожалуйста сюда.

Трофим и Василий подходят к окну штаба.

Комполка. Понимаете, какая история... Выяснилось, что у них расклеен приказ – тысяча марок за вашу голову.

Пленный Сне без испуга смотрит на Трофима). Тысяча марок и две недели отпуска.

Комполка. Видали?

Трофим. Дешево покупают, только домой не носят.

Комполка. Выходит, что вы им здорово насолили.

Трофим. Разрешите задать вопрос пленному?

Комполка. Пожалуйста.

Трофим. Кто приказ подписал?

Пленный. Приказ подписал командир нашего полка господин полковник фон Брудер.

Трофим. Брудер?... Ладно... Приму меры.

Василий. Тысяча марок за вас, Трофим Тарасыч... Это все-таки порядочно... Интересно, сколько там они за меня назначили...

Трофим. А вы спросите командира.

Василий. Да черт с ними. Чего спрашивать... Но все-таки, я думаю, тоже не меньше тысячи...

Трофим. Ясно – не меньше.

15. НОВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Трофим и стрелок Василий Иванович в лесу. Видна лесная дорога. Слышится скрип колес. Приятели настораживаются.

Василий. Приготовьтесь, Трофим Тарасыч... Ваша очередь!

Из-за поворота мы видим крестьянскую телегу. На телеге на ящиках сидит немецкий солдат с автоматом. Лошадью правит крестьянин в большой соломенной шляпе.

Крестьянин. Но, но... пошла, родимая...

Немец. Ну, ты не особенно кричи...

Василий (тихо). Нажми курок, Трофим Тарасыч...

Трофим. Лучше вы... нужна точность...

Выстрел. Немец, опрокинувшись, падает. Крестьянин, соскочив с телеги, в панике бежит. Трофим Тарасыч догоняет его, хватая за воротник.

Крестьянин. Смилуйтесь, товарищи... Заставляют же возить.

Трофим. Погоди... Не ори... Все ясно. Объяснения не требуется... Ты лучше скажи, что везешь. И куда.

Крестьянин. Везу шоколад, товарищи. В ихний штаб дивизии... Только, товарищи, больше как по плитке не кушайте. Это у них алкогольный шоколад. Захмелеете.

Василий. Интересно попробовать, Трофим Тарасыч?

Трофим. После. (Крестьянину.) Документы есть?

Крестьянин. Документы есть. Ихние немецкие документы. И подпись Гитлера.

Трофим. Покажи... Давай сюда... Снимай свой костюм и шляпу.

Крестьянин. И разуться?

Трофим. И разулся. Все давай... А ты в мое оденься.

Крестьянин поспешно разоблачается, не без страха поглядывая на Трофима.

Трофим в костюме крестьянина изучает документ.

Трофим. Стало быть, я теперь Антон Чудов... Запомним... Извозчик из деревни Торжки... Отлично...

Василий (отломил кусочек шоколада). Ничего себе, Трофим Тарасыч. И вкус есть. И в голове – игра... Желаете?

Трофим. Не сейчас... Категорически... (Крестьянину.) А ну-ка, милый, веди свою лошадь... Сейчас выберем место поскромнее. И там вы расположитесь...

Взяв лошадь под уздцы, крестьянин ведет ее.

Василий. Вот черти, какой шоколад придумали... Трофим Тарасыч, алкогольный продукт. Только то обидно – не пьешь, а жуешь – интерес снижается... Нерационально... И насчет закуски – разве можно огурцом закусить? А? Или, скажем, луком?

Трофим. Да погодите вы со своим шоколадом... Такое интересное дело, Василий Иванович, а вы, как ребенок... Ведите лошадь сюда... Вот тут расположитесь и ждите меня до вечера...

Василий. Есть, Трофим Тарасыч!..

Трофим что-то шепчет Василию. Тот, в знак согласия, кивает головой.

Трофим. Поняли, Василий Иванович?.. И этого заставьте... И вот до этой черты, где

я стою...

Василий. Будет исполнено, Трофим Тарасыч...

Трофим. А насчет шоколада... категорически.

Василий. Ну если самую малость – подкрепиться...

Трофим. Только самую малость.

Василий. Все будет исполнено, как приказали...

16. ОПЕРАЦИЯ УГЛУБЛЯЕТСЯ

Трофим Тарасыч в костюме крестьянина идет по дороге. В одной руке у него документы, в другой – соломенная шляпа. Он машет шляпой и истошно орет.

Трофим. Ой, ой... Господа немцы, да что же это? Ой... до каких же пор это будет... Среди бела дня нападают, убивают, продукты отымают... Ой, ой, господа немцы...

К Трофиму подбегают два немецких солдата.

1-й солдат. Что орешь, собака?

Трофим (орет). Ой, господа немцы... Ограбили... Вашего убили... А я убег...

2-й солдат. Да говори толком.

Трофим. Везли шоколад... Вдруг двое набросились... Еле от них ушел.

1-й солдат. А ну, пойдем в штаб.

Трофим. Ведите в штаб... Прямо к полковнику Брудеру...

2-й солдат. А зачем тебе полковник фон Брудер?

Трофим. Да этот напал, который... Он кричал: я с вашего полковника Брудера... брудерброд сделаю... Хочу ему доложить...

1-й солдат. Кто это кричал?

Трофим. Да кричал такой толстоватый, вроде меня... красноармеец... Он кричал: я – Трофим Тарасыч! Всю вашу подлую германскую нацию по ветру пущу...

2-й солдат (вздрагнув). Трофим Тарасыч?

1-й солдат. Тогда скорей идем!

Перед немецким полковником фон Брудером – Трофим Тарасыч. Рядом с полковником его адъютант.

Адъютант. Господин полковник фон Брудер, приказание ваше исполнено.

Полковник. Отлично. (Трофиму.) Да двое ли на вас напали? Может быть, больше?

Трофим. Да нет, двое... Один молчал, а другой кричал: я с вашего полковника Брудера брудерброд сделаю...

Полковник. Ну, ладно, ладно, слышал... Чего повторяться... Черт знает! В нашем тылу... в пяти километрах от фронта...

Адъютант (Трофиму), А шоколад они не пробовали? Вы не заметили?

Трофим. Я побег, а сквозь кусты видел – кинулись на ящик, разбили его... Начали жрать...

Полковник. Тем лучше. Значит, лежат без движения...

Адъютант. Плитка равняется бутылке вина.

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Полковник. Ну, теперь этот Трофим в моих руках. Сейчас мы его...

Трофим. Только надо скорей. Уйдут же...

Полковник (адъютанту). А он не врет?

Адъютант. По вашему приказанию звонил в штаб дивизии... Все сходится... Антон Чудов... Вез шоколад в штаб дивизии... Документы его в порядке.

Полковник. Сомнений никаких?

Адъютант. Абсолютно. А кроме того, я часто вижу его шляпу на возу. Лицо знакомое.

Полковник (Трофиму). Дорогу запомнили?

Трофим. Дорогу как же не запомнить – лошадь моя стоит с разбитой ногой... (Снова орет.) Ой, господа немцы, до каких же пор в вашем тылу... такие происшествия... ну, нет, теперь я вам больше возить не буду... Напал, кричит... я с вашего Брудера брудерброд сделаю...

Полковник. А ну, замолчи... Поехали!..

Полковник, адъютант, солдат с автоматом и Трофим Тарасыч садятся в машину, едут. Машина идет по лесу.

Трофим. Тут бы пешком пройти, господа немцы. А то они услышат шум убегут. И мою лошадь-калеку угонят... (Снова громко орет.) Ой, ой, господа немцы... Да что же это происходит!.. Ой!..

Адъютант. Не ори так громко, скотина! Услышат. Уйдут.

Полковник. Ну, если шоколаду поели – не уйдут.

Четверо выходят из машины. Осторожно идут по лесу.

Трофим. Вот теперь сюда... За этим болотцем, господа немцы.

Мы видим телегу с торчащими оглоблями. Понуро стоит лошадь. Под телегой лежат два красноармейца. Видимо, спят. Рядом разбитый ящик. Плитки шоколада разбросаны по земле.

Полковник. Отлично... Просто их свяжем и... (Трофиму.) А ну, иди вперед...

Трофим. Нет, я боюсь к ним подойти, господа немцы...

Полковник. Который из них Трофим?

Трофим. Да этот, как будто. Этот кричал: я из вашего Брудера брудерброд сделаю...

Полковник. Мерзавец! Ну, я его сейчас...

Сделав несколько шагов и подойдя почти к телеге, полковник и солдат неожиданно проваливаются в волчью яму. Трофим с силой толкает и адъютанта туда же. Стрелок и крестьянин вскакивают на ноги. Из ямы раздаются выстрелы автомата.

Трофим. Пуцай стреляют... Пули кверху идут...

17. ФИНАЛ

Трофим, Василий и крестьянин идут по лесу. Впереди них шествует полковник Брудер.

Василий. Я извиняюсь, конечно, Трофим Тарасыч. Но нельзя было иначе. Не выходили из ямы. Пришлось тех двоих... А вы думали, я хотел закруглиться до ста?

Трофим. А сколько у вас?

Василий (сияя). В аккурат – сто.

Трофим. А того, который на возу? Считали?

Василий. Ах, вот того я и не считал (с досадой). Значит, сто один.

Трофим. Перебор.

Василий. Могу вам одного подкинуть, если хотите. Тем более что вы отчасти способствовали... Тогда у вас будет четыре. Маленькая, но цифра.

Трофим (вздыхнув). Да нет, не надо. Я решил дареных больше не брать.

Василий (улыбаясь). Трофим Тарасыч, а ведь без дареных у вас – минимум. Два, кажется? (Смеется.) Или один?

Трофим (вздыхнув). Один...

Василий (смеясь). Ай, ей-богу... один, и тот убег...

Трофим. Да нет, он...

Василий. Я сам видел – побег... Вот вы говорите – до лазарета побег. Допустим, что так. Но при вашем невезении он непременно поправится... (Смеется.) Ей-богу, таких неудачников, как вы, я давно не видел.

Трофим (вздыхая). Я сам удивляюсь, Василий Иванович... Что-то мне последнее время действительно не везет.

Василий (смеясь). А может быть, вам лучше вести счет живым?

Трофим. Да нет, живых у меня тоже мало... Этот полковник и тот солдат... Нет, действительно не везет.

Василий. Ай, ей-богу... Вы на меня не обижайтесь, Трофим Тарасыч, но, по-моему, зря такой шум вокруг вас стоит.

Трофим. По-моему, тоже зря.

Василий. Столько разговоров насчет вас, премия и так далее, а у вас цифра "3"... Но я вам сочувствую. Возьмите от меня одного – все-таки закруглитесь до четырех.

Трофим счищает со своего рукава тройку и выводит мелом единицу.

Василий. Что это вы, Трофим Тарасыч?

Трофим. Да не надо мне чужих. А этого не отдам...

Василий. Ну, как хотите, – я вам от чистого сердца... А то возьмите!..

Трофим. Категорически...

18. ФОРМАЛЬНО И ПО СУЩЕСТВУ

Штаб полка. Перед командиром полка – Трофим Тарасыч, Василий Иванович и пленный полковник фон Брудер.

Комполка. Ну, теперь, Трофим Тарасыч, за вашу голову немцы дадут... (Пленному.) Сколько, вы думаете, могут назначить за его голову?

Фон Брудер. Теперь, я думаю, тысяч десять...

Комполка. Ну, Трофим Тарасыч, будьте осторожны.

Трофим. А я, товарищ командир, всю жизнь веду себя осторожно, вдумчиво... И через это иногда успех имею.

Комполка. Ну, спасибо, Трофим Тарасыч. Отдыхайте. Спасибо и вам, Василий

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Иванович... Ваша работа выше всяких похвал.

Василий. Служу Советскому Союзу!

Трофим и Василий выходят из штаба. Подходит 1-й боец. Любовно улыбаясь, подает Трофиму гармонию.

1-й боец. Вы всегда любили сыграть после дела, Трофим Тарасыч.

Трофим. А я, Петя, на своей сыграю.

Вытащив из кармана губную гармонику, Трофим Тарасыч прикладывает ее к своим губам. Наигрывает гамму.

Василий Иванович достает из кармана свои дарственные часы, прикладывает к уху.

Василий. Трофим Тарасыч, а, Трофим Тарасыч... А ведь счастье на вашей стороне... Ну, да зависти у меня нету. Поскольку, думаю, общее дело уничтожить врага...

Трофим. Это вы о чем, Василий Иванович? Что-то я в толк не возьму...

Василий. Да нет, я говорю о том, что вы перекрыли меня...

Трофим. Где ж я вас перекрыл, Василий Иванович, что вы – возьмите мою скромную цифру (жест на цифру "1") и грандиозную вашу... Наоборот, это вы меня перекрыли...

Василий (улыбаясь). Ах, да... Я и забыл... Ну, значит, я вас перекрыл... Да, пожалуй, это я вас перекрыл. Одним словом, чувствую некоторое неравенство.

Трофим. Да, если говорить формально... А по существу...

Василий. Ну, уж если говорить формально, то и эта ваша единица под большим сомнением. Не так ли, Трофим Тарасыч?

Трофим. А я ее к черту сотру и начну сначала.

Трофим Тарасыч счищает с обшлага единицу.

Василий. И хотя у вас теперь ноль – в смысле истребления живой силы противника, но я почему-то глубоко вас уважаю, Трофим – Тарасыч. И ценю в вас качества бойца...

Трофим. Вот в этих чувствах, Василий Иванович, у нас с вами полное равенство. И я вас исключительно уважаю. И ценю в вас грозную силу для истребления нашего подлого и коварного врага.

Василий. Спасибо вам, Трофим Тарасыч, за вашу лестную оценку и за ваши добрые чувства. Вы умный и милый человек. И я чересчур доволен, что нахожусь в вашем обществе.

Трофим. И вы, Василий Иванович, не из глупых людей. Конечно, слов нет, вы молоденький. Молоденький умок, что весенний ледок. Но это не мешает мне любить и почитать вас, как своего друга и товарища. И общество с вами, Василий Иванович, я разделяю с исключительным и одинаковым удовольствием.

Друзья, торжественно протянув друг другу руки,жимают их.

Засим Трофим Тарасыч, приложив гармонику к губам, начинает играть.

Василий. Может, споем нашу с вами любимую.

Трофим. Добре...

Приятель запевает "Любо, братцы, любо". Закончив петь, Василий Иванович закуривает папироску. Дым табака окутывает друзей. Слышится военная труба – сигнал: "Слушайте".
1942

Избранное. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zoschenkomihail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!